

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

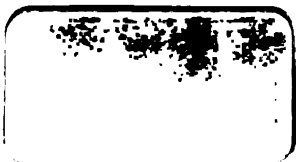
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2
1er 278975 d. 80

2674

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХЛІУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВЕЦКАГО (Басейная, № 2).

1879.

C-1271-423

ЧЕРНАЯ РАБОТА.

I.

...Нивогда въ жизни, сколько могу припомнить, не испытывалъ я такого радостнаго состоянія духа, и даже тѣла, какъ это случилось надняхъ, когда я, проплутавъ не менѣе шести часовъ подрядъ въ полѣ, въ страшный буранъ, извѣдывъ Богъ знаетъ сколько верстъ по невѣдомымъ путямъ, по горамъ и холмамъ скрипучаго снѣга, угнетаемый въ теченіи всѣхъ этихъ шести часовъ мыслию о возможной смерти и самою безпомощною невѣдностью относительно того, гдѣ я? куда ѣду? и т. д., наконецъ, добрался до теплой, чистой пассажирской залы небольшой одиноко стоящей въ степи станціи и прилегъ на мягкой и теплый диванъ. Съ какой необычайной радостію завидѣлъ я, послѣ безконечныхъ блужданій, два-три фонаря, зажженные для встрѣчи ночнаго товарнаго поѣзда, и какимъ благоговѣніемъ проникся я къ начальнику станціи, къ акціонерному обществу, которое выстроило дорогу, наконецъ, къ цивилизаціи, которая эту дорогу выдумала; работа человѣческой мысли, въ теченіи тысячелѣтій, упорно стремившаяся ко благу человѣчества, и сжумѣвшая, не щадя усилій, достигнуть того, что вотъ, наконецъ, на столбѣ въ степи горитъ фонарь, показавалась мнѣ въ эту минуту, особливо послѣ того, какъ я чуть-чуть не замерзъ, по истинѣ, великою. Сколько же тысячелѣтій, спрашивалъ я невольно самого себя, должно пройти до тѣхъ поръ, покуда мысль человѣческая, неустанно стремящаяся впередъ и впередъ, додумается до того, чтобы зажечь въ буранѣ фонарь на сальной волокольнѣ, которая въ степи видна на тридцать верстъ кругомъ? Необозримый нравъ грядущихъ временъ, представившійся мнѣ при рѣшеніи этого вопроса, вновь сосредоточилъ мое благоговѣніе на акціонерномъ обществѣ, которое сжумѣло на дѣлѣ осуществить то, что на колокольнѣ будетъ осуществлено только чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, что будетъ достигнуто, какъ учить предшествовавшая исто-

рія цивілізація, только послѣ страшныхъ бѣдствій, будетъ стоить страшныхъ жертвъ, и т. д. Всѣмъ директорамъ акціонернаго общества, которые, не дожидаясь этихъ жертвоприношеній, распорядились о томъ, чтобы по ночамъ, хотя и не для людей, а для товарныхъ поѣздовъ, зажигались огни, а отъ всего сердца желаю тройнаго оклада жалованія. Въ буранъ, въ степи, зажечь фонарь — за такое дѣло надо ставить монументы, съ тѣмъ, я думаю, согласится всякій, кто знаетъ, что такое буранъ, и вѣрить, благодаря этому, въ возможность смерти въ двухъ шагахъ отъ собственного дома, даже на собственномъ своемъ дворѣ и притомъ послѣ цѣлой ночи разъѣздовъ около того же собственного дома.

Сознаніе счастливо избѣгнутой опасности сдѣлало то, что, добравшись до станціоннаго дивана и тепла, я нѣкоторое время не испытывалъ ничего другого, кромѣ самаго искренняго удовольствія, и почти-было освободился отъ той гнетущей тоски, которая поѣдала меня уже долгіе дни и, наконецъ, привела къ рѣшенію уѣхать, если не навсегда, то на нѣкоторое время изъ деревни. Въ послѣдній день, эта жажда «не думать» о деревнѣ, освободиться хотя на время отъ этой «безплодной муки», достигла такой степени, что я, вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ одинадцать часовъ вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ всякаго дѣла въ ожиданіи поѣзда. Не скука и однообразіе деревенскаго дня прогнали меня, а тоска, тоска, доходившая до физической боли, заставила меня выѣхать отсюда «куда-нибудь», и вотъ только-что тепло станціонной комнаты стало отогрѣвать мои иззябшія ноги и безпрестанно вдрагивавшее отъ ледяныхъ мурашекъ тѣло, какъ эта «деревенская мука» стала оттаивать во мнѣ, и благоговѣніе предъ тысячелѣтними усиліями человѣческой мысли и директорами акціонерной компаніи стало вновь замѣняться какими-то тяжелыми, темными, гнетущими впечатлѣніями, понемногу воскресавшими среди ненарушимой тишины безлюдной комнаты. Поднялись эти воспоминанія деревенскихъ впечатлѣній беспорядочной массой, которая, несмотря на отрывочность и безсвязность пронесившихся передо мною образовъ, картинъ, сценъ, успѣвала, однако, въ короткій моментъ появленія, оставить на душѣ непремѣнно что-нибудь холодное и тяжелое и, въ концѣ-концовъ, сумѣла-таки возвратитъ меня въ то душевное состояніе, въ которомъ я выѣхалъ изъ деревни.

Прежде всего, особенно подробно, припомнилась мнѣ, не знаю почему, одна, новидимому, вовсе не относящаяся къ дѣлу сцена.

Сегодня утромъ, окончательно порѣшивъ уѣхать, я, въ ожи-

даніи минуты отъѣзда, безцѣльно бродилъ по деревнѣ, заходилъ къ знакомымъ, и, наконецъ, заглянулъ въ помѣщеніе мѣстнаго товарищества, въ «банку», какъ говорятъ крестьяне. Въ просторной комнатѣ товарищества, за столомъ сидѣлъ писмоводитель, что-то писалъ и щелкалъ на счетахъ; въ сторонкѣ, около небольшого простого бѣлаго стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, сидѣли два носѣтителя и вели разговоръ. Одинъ былъ знакомый мнѣ раскольникъ, промышленяющій откармливаніемъ и продажей разной живности; это былъ человѣкъ громаднаго роста, съ широчайшими плечами, съ таліей въ два обхвата, но съ совершенно дѣтскимъ выраженіемъ крошечныхъ глазъ. Крошечный лобъ, огромный сомовій ротъ и отвислыя толстыя щеки — вотъ возможно точный обликъ этой допотопной фигуры... Другой собесѣдникъ, по профессіи мелкій подрядчикъ, былъ человѣкъ совершенно другого вида: раскольникъ былъ одѣтъ по-русски, собесѣдникъ — по-нѣмецки; онъ былъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, въ пестрыхъ панталонахъ, новыхъ сапогахъ и валочкахъ, которыхъ онъ не снималъ. Волоса, обстриженные «полькой», были тщательно припомажены, тогда какъ у раскольника они частой и жесткой щетиной безпорядочно надвигались чуть не на самыя брови. Словомъ, въ этомъ второмъ собесѣдникѣ все было лоскъ, «благородство», тонкое обращеніе, хотя рыжал, какъ мѣдная проволока жесткая, подстриженная борода, волчьи бабенбарды и красныя вазаныя перчатки — значительно разрушали этотъ видъ благородства, невольно почему-то напоминала толкучку.

— Я твою манеру знаю! сицильмъ, беззвучнымъ голосомъ говорилъ раскольникъ собесѣднику. — Суета! Больше ничего. Сегодня ты кирпичъ представляешь... такъ али нѣтъ?

— Ну, предположимъ кирпичъ? мотнувъ ногой въ новой валочкѣ, вопросительно произнесъ собесѣдникъ.

— А завтрашняго числа, тебя на муку перешвырнетъ. Набросился ты на муку, хватъ, крупа пошла ходуномъ! Ты на крупу!

— Само собой! не на муку же я обращаю вниманіе... Въ этомъ случаѣ, была бы одна нелѣпость...

— Погоди!

Допотопныхъ размѣровъ человѣкъ поднялъ допотопныхъ размѣровъ палець.

— А завтрашняго числа, сказалъ онъ, грозя пальцемъ и какъ бы давая противнику время приготовиться для удара: — ты... на журицу!

Противникъ только-было хотѣлъ что-то сказать, но допотопный человѣкъ перебилъ его, заговоривъ такъ, какъ говорятъ при желаніи рядомъ неопровержимыхъ фактовъ добить врага:

— Судака тебѣ попался малосольный — ты съ судакомъ связался... Утея ли, щипленокъ, заяцъ, или такъ что: баранина, козлятина, всякая, напримеръ, падалъ — въ тебѣ и на это со-бѣ-сти нѣтъ! ты за все «объими руками»...

— Хоть бы и такъ! Польза есѣ — больше ничего. Судака ли, заяцъ ли, есѣ баранинъ — давай сюда!

— Коли ты ежели съ судака на зайца... желая перебить рѣчь, на-стательство началъ было раскольникъ, но подрядчикъ оживлен-но перебилъ его.

— Ты суди дѣло по человѣчеству, а не по судаму! Ты возьми въ расчетъ: я женился на вдовѣ, у ней сынъ мальчишкѣ, отецъ у него офицеръ былъ... Судака! Я по со-бѣ-сти долженъ его вы-вести въ люди, воспитать, научить, чтобы онъ соотвѣтствовалъ званію, а не мушкетерскому положенію... Ты рассуди это! Въ такомъ случаѣ судака ли, заяцъ ли, хоть дятель — мнѣ все одно! Я долженъ за все взятыя! По крайности, Господь дастъ, изъ мужицкой компаніи выдерется... А то судака!

Великанъ, поминутно порывавшійся возражать, но очевидно не слышавшій и не понимавшій ни единого слова, едва только подрядчикъ произнесъ послѣднее слово, немедленно заговорилъ:

— Я тебѣ говорю не про вдову, мнѣ твоя вдова Господь съ ней, у меня у самого есть ихъ, вдовъ-то, не одна въ знаком-ствѣ, а говорю я тебѣ: это не дѣло, ежели ты живешь разбро-сомъ... Вѣдь ты долженъ вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутре-ней, потому твоей товаръ неосновательный... Хорошо ты вѣдалъ на базаръ раньше другихъ, предположимъ, хоть съ курицей, съ гусемъ, да и тутъ ты изловчайся: ты привезъ пять возовъ, разсвалъ ихъ на пяти постоянныхъ дворахъ, чтобы глаза отвести и вывезишь по возу: послѣдній, молъ... Да хорошо Богъ дастъ погоду, морозъ... Ну, а ежели да тепло, куда годится твоя ку-рица, либо гусь? У тебя вѣдь ихъ ни одинъ нищій не возьметъ, потому, они на морозѣ только и форсятъ... на теплѣ они, видишь вонъ трава валяется — вотъ! Это не дѣло. А вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать, такъ это ты долженъ вникать... Я твоей вдовы не знаю, Богъ съ ней, а тебѣ говорю (раскольникъ поднялъ указательный палецъ и, медленно разсѣвая имъ воздухъ, сталъ говорить какимъ-то торжественнымъ тономъ): изъ древнихъ вре-менъ, съ самыхъ неприступныхъ вѣковъ, отъ нашихъ прароди-телей, исключи-бѣ, въ нашемъ роду идетъ одно: свинина, утяти-на, гусятина. Больше ничего! Ни зайцы, ни судака, ни всякая прочая провизія, это для насъ ничего не составляетъ! Отъ ро-дителей къ дѣтямъ, какъ было, такъ и будетъ, у насъ все одно! Заяцъ? Мнѣ его не надо! Тетеревъ? Проходи своей дорогой! Ли-

сида, или тамъ крупа, или мука что ли — Господь съ вами, оставьте меня въ покоѣ! Но коль скоро касаемое, наприѣбрь, свиинны, или гуся, или утки—давай! Чего другого, мнѣ не надо! Но коль скоро гусь — это мое дѣло. Свиинья? это ужъ позволите съ мoinъ удовольствіемъ. Утка? очень пріятно. Потому у насъ все одно, въ самыхъ безконечныхъ предѣловъ до сегодня; и какъ родители наши, древнѣйшіе патріархи, такъ и дѣды, и мы, и дѣти наши, будемъ стоять на одномъ! Это, по моему, называется дѣло дѣлать... За то ужъ вашему брату, въ морозъ ли, въ оттепель ли — за нами не угнаться, нѣтъ! Я кормлю свиинью ли, гуся ли, утку ли — я не жалѣю, я знаю. Я знаю, что въ каждой птицѣ чего стоятъ; съ издали вижу, на много ли въ ней потроховъ, пера; ты мнѣ дай взглянуть на свиинью, а тебѣ скажу, сколько въ ней вѣсу и что чего: что сала, что мяса, во сколько стануть потроха... Я только взгляну — у меня цѣна готова! Такъ моему товару, хоть бы васъ цѣлое ополченіе собралось — ни во вѣки вѣковъ препятствія нѣтъ; мой товаръ въѣзжаетъ на базаръ непрекословно. Морозъ, не морозъ, или громъ, буря, буранъ — товаръ мой идетъ; хоть бы публика до моего въѣзда у вашего брата захватала — это для меня наплевать, потому товаръ видѣнь, его не взять нельзя. Только слѣпой не возьметъ, зрачій не можетъ себя воздержать... Я вотъ про что говорю. А ты толкуешь: вдова!

Подрядчикъ помоталъ новымъ сапогомъ, въ новой калошѣ и, вздохнувъ, произнесъ:

— Очень можетъ быть.

— Вдова! У меня у самого есть вдова, да шутъ съ ней... А ты гляди, вотъ что я тебѣ разъясню, что такое утка...

Раскольникъ взялъ счеты, и какъ истинный знатокъ дѣла, началъ разъяснять подрядчику, который слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, что именно заключаетъ въ себѣ для всѣхъ, кажется, вполне ясно представляемая утка.

— Вотъ что такое утка, началъ онъ и, откинувъ на счетахъ по одной косточкѣ, произносилъ съ разстановкою: — первое — потроха; второе — головка и лапки; третье — перо; четвертое — пухъ; пятое — утка! Слѣдовательно, четыре предмета, овромѣ самой утки!.. Видишь?.. Теперь (пять костей на счетахъ были сброшены и счеты приведены въ порядокъ, очевидно, для новыхъ вычисленій), теперь обсудимъ каждый предметъ въ полномъ видѣ. Предположимъ на первый взглядъ хоть лапки...

И затѣмъ началось самое точное опредѣленіе цѣны на лапки, на потроха, и т. д. Утка была раздѣлена и оцѣнена по частямъ и вмѣстѣ. Былъ брошенъ взглядъ на всевозможныя случайности,

могущія вдругъ поднять потроха и уронить перо, или поднять цѣну на пухъ и уронить цѣну на самую утку. Словомъ, утиный вопросъ былъ обследованъ со всѣхъ сторонъ, и, надо отдать справедливость изслѣдователю, обследованъ превосходно. Тутъ же какъ бы мимоходомъ, изслѣдовавъ утку, раскольникъ, желавшій доказать подрядчику, что всякое дѣло требуетъ обстоятельнаго знанія, остановилъ его вниманіе на пшеничномъ зернѣ. Кажется, сказалъ онъ, что такое пшеничное зерно? Купилъ мѣшокъ пшеницы, свезъ на базаръ, получилъ рубль—и все. Однако, напригнѣръ, оказывается, что пшеничное зерно въ рукахъ знающаго человѣка даетъ цѣлыхъ восемь отдѣльныхъ торговыхъ «предметовъ», именно пять сортовъ муки — въ разныхъ цѣнахъ и разнаго вкуса и цвѣта, два сорта отрубей и одинъ сортъ крупы, манной. Это все изъ одного зерна.

Подрядчикъ заслушался своего лектора. Да и было что послушать, чему поучиться. Я съ величайшимъ вниманіемъ приготовился было слушать изслѣдованіе о свиньѣ, къ которому лекторъ готовился приступить, такъ какъ не было никакого сомнѣнія, что свинья разработана имъ въ совершенствѣ, но вниманіе мое было отвлечено новымъ лицомъ.

II.

По улицѣ медленно ѣхалъ на тощей, маленькой, какъ двухъ-годовалый жеребенокъ, лошади, въ маленькихъ старенькихъ почернѣвшихъ отъ времени саночкахъ, крошечный, несомнѣнно старый, престарый человѣкъ. Ѣхали они до того медленно, что казались словно спящими; старикъ точно заснулъ, да и лошадка точно во снѣ переступаетъ своими тоненькими, безсильными ногами съ маленькими попытками; словно неживое было все это, а какая-то тѣнь, такъ все и въ лошади, и въ мужикѣ, и въ экипажѣ было легко, безсильно, еле живо. Сколько времени понадобилось старичку на то, чтобы подъѣхать къ банковому крыльцу и, постоявъ здѣсь у дерева въ какомъ-то заколдованномъ снѣ, минуты двѣ, не двигаясь, не шевеля ни однимъ членомъ, наконецъ, собраться съ силами и начать выгнѣзывать изъ саншпекъ; сколько затѣмъ потребовалось времени, чтобы подняться по ступенямъ крыльца, и потомъ, долго-долго подождавши въ сѣняхъ, появиться, наконецъ, въ самомъ банкѣ—этого я опредѣлить не берусь. Только все это потребовало необычайно много времени. Раскольникъ и подрядчикъ, изслѣдовавъ свиной студень, уже завели рѣчь не то о третьемъ, не то о четвертомъ предметѣ

свиного дѣла, а старичокъ еще только добрался до второй ступени крыльца.

Наконецъ, онъ появился въ банѣ, отыскалъ «бога», помолился, разглядѣлъ поочередно всѣхъ присутствующихъ, самымъ внимательнымъ образомъ всматриваясь въ лицо каждаго и, очевидно, отыскивая человѣка, съ которымъ бы надо было поговорить. Общими усилиями старичка и всѣхъ находившихся, наконецъ-таки былъ разысканъ самъ помогавшій розыскамъ письмоводитель—и старичокъ, жалобнымъ, слабенькимъ голомъ, наконецъ, заговорилъ:

— Благородный господинъ!.. А что я хотѣлъ тебя просить, помоги ты мнѣ сиротѣ...

— Развѣ сирота, дѣдушка? спросилъ раскольникъ.

— Самая одинокая сирота! Нѣтъ у меня ни жены, ни дѣтей, ни снохи, есть ввукъ осьмой годъ, живетъ у матерней сестры; больше никѣмъ никого нѣту. Одинъ я, братцы мои, одинъ!

Тяжко сказалось это слово. Въ старикѣ было жизни, какъ говорится, на волосокъ, но для этого слова «одинъ» онъ какъ будто бы собралъ всѣ свои силы и такъ произнесъ его, что холодъ одиночества, испытываемаго старымъ человѣкомъ при концѣ жизни, былъ понятъ и прочувствованъ всѣми окружающими.

— Одинокъ я, господа вы мои пріятные, какъ персть; то есть какъ былинка въ полѣ, такъ и я... И все по Господнему поупщенію. Былъ я съ молоду и лютъ, и крутъ, и непокладистъ—одно сказать, желѣзный былъ у меня духъ, непреклонный. Много былъ сѣчоекъ на барщину за непокорство. Наказанія принялъ довольное число. Довела меня эта самая лютость до того, что вотъ не съ кѣмъ мнѣ на старости и слова молвить... Въ семьѣ былъ я человѣкъ жесткій, отецъ сердитый, твердый, жонѣ мужъ грозный... Сынъ у меня былъ одинъ, женилъ я его силой; пожилъ онъ съ женой три года, на четвертый годъ убилъ ее, самъ въ Сибирь пошелъ; мать слезами изрыдалась, умерла черезъ полгода, остался я одинъ, въ единъ часъ, я, да ввукъ трехъ годовъ!.. Разразилъ меня небесный Господь сразу, какъ молніемъ ударилъ!.. Отдалъ я ввуча сноховой родитѣ, помогаю, а самъ, господа милостивые, весь слезами истаялъ... Прошло четыре года, а во мнѣ капельки дыханія не осталось. Вѣдь подумай — о-оди-ниъ!

И опять это слово было сказано съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Едва старикъ произнесъ его, какъ у него градомъ посыпались слезы.

Да и у постороннихъ зрителей слезы навернулись на глазахъ. Когда старикъ успокоился, письмоводитель сказалъ ему:

— Ну, такъ, что же ты хочешь?

— А хочу я капиталы мои побережъ у васъ... внуку...

— Много-ли капиталовъ?

— Капиталовъ у меня сорокъ два рубли бумажками... вотъ онѣ самыя деньги при мнѣ... Такъ какъ ты мнѣ присовѣтуешь?..

Старичку было растолковано, какимъ образомъ можетъ онъ сбережъ свои капиталы. Ему сказали, что онъ можетъ помѣстить ихъ вѣладомъ и получать такой-то процентъ, или же можетъ поступить въ члены, если приметъ товарищество, и тогда навѣрное будетъ получать барышу больше.

— Росту мнѣ не надо! сердито сказалъ старикъ: — Ни-ни-ни! Этого — сохрани Богъ! Отсохни моя рука. Что положу, то и отдайте кому назначу, а этого грѣха не возьму!..

— Куда-жъ ихъ дѣвать-то?

— Не знаю я; это не мое дѣло. Не надо мнѣ.

— Какъ не знаешь! сказалъ раскольникъ шутя. — Да ты мнѣ отдай! вотъ дѣло-то мы и пошабашимъ.

— Бери, сдѣлай твою милость. Они мнѣ не надобны.

— Ну, вотъ и прекрасное дѣло!

— Чего лучше! прибавилъ съ своей стороны и подрядчикъ, немного развеселившись наввностью старичка.

— Самое любезное дѣло! продолжалъ раскольникъ. — Много-ль, говоришь, капиталу-то?

— Капиталу моего ровно сорокъ два рубли бумажками.

— Сорокъ два, ладно! Вотъ я кажинный годъ и буду за твое здоровье изъ банку потаскивать и пять, и шесть, и поболѣ... Какъ годъ прошелъ, ужъ я и знаю — набѣжало мнѣ барышу шесть рубликовъ, пойдтить старичка помануть... Такъ?

— И сдѣлай твое такое одолженіе! опять сказалъ старикъ, искриво отрекаясь отъ грѣшныхъ барышей.

— Ахъ, ты чудакъ, чудакъ! перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раскольникъ. — Жилъ ты вѣкъ, наконецъ того нажилъ, чтобы деньги бросать зря! Ну, не чудакъ ты послѣ этихъ твоихъ словъ? Ну, можно-ли, посуди ты самъ, бросать зря деньги? Много-ль твоему внуку годовъ-то?

— Седьмой годъ!

— До возрасту осталось ему десять лѣтъ, слѣдовательно, ты бросаешь зря, мало-мало пятьдесятъ цѣлковыхъ. Да что это ты дѣлаешь-то!

— Дай ты мнѣ съ чистою совѣстью умереть! съ нѣкоторой жесткостью въ голосѣ произнесъ старикъ. — Не хочу я этихъ нечистыхъ денегъ, хоть бы тамъ ихъ тысячи выросли. Не возьму!

Не знаю я откуда они идутъ, и не надо мнѣ ихъ... Мое кровное отдал; тутъ ужъ каждая копейка изъ самыхъ моихъ кровей! Пойми это...

— Стало быть, не возьмешь?

— Не возьму!

— Н-ну, твое дѣло! Ну, только помни, старичокъ, внукъ твой теперь маленькій, а вырастетъ большой, придется ему жить, о-о-охъ въ как-кое время!

— Господь батюшка не оставитъ!

— Н-ну, какъ знаешь! Помни, въ книгахъ сказано: и будутъ гонимыя времена. Вотъ ты объ этомъ подумай. А гонимыя времена это самое и будетъ...

— Господь не велитъ брать чужого—я и не возьму!

— Помни! Не тебѣ достанется, внуку! Ты обдумай... Идутъ гонимыя времена, вѣрно тебѣ говорю.

Никакіе, однако, доводы въ пользу полученія дивиденда, не убѣдили старика. Онъ пожелалъ написать завѣщаніе, которымъ капиталы свои, сорокъ два рубля бумажками, завѣщалъ внуку, по достиженіи имъ «солдатскаго своего возраста», а если внукъ умретъ раньше, то деньги должны поступить въ церковь того села, гдѣ старикъ жилъ всю жизнь, и въ концѣ прибавилъ:

— А росту мнѣ нежелательно!.. Сколько глду столько и отдайте.

— Куда же дѣвать-то его?

— А куда хотите!

Начался тотъ же самый разговоръ, и точно также, несмотря на всѣ доводы, старикъ остался при своемъ мнѣніи.

— Не надо мнѣ этого, не мое! Богъ съ ними со всѣми, дѣвайте куда знаете.

Завѣщаніе было записано въ книгу, причемъ проценты опредѣлено было отчислять въ мѣстную школу на покупку бумаги, чернилъ, грифелей и книгъ для бѣдныхъ учениковъ.

Подъ завѣщаніемъ этимъ подписались всѣ присутствующіе. Послали за казначеемъ, чтобы онъ принялъ деньги; старичокъ замолкъ совершенно, точно заснулъ, усѣвшись въ уголокъ, на деревянномъ диванѣ.

— Ну, прощай, старичекъ! сказалъ ему раскольникъ на прощанье:—дай Богъ тебѣ еще сто лѣтъ прожить, а ужъ прямо тебѣ слажу—чудакъ! Именно чудакъ!

— И, батюшка! засмѣявшись прошепталъ старичекъ:—мнѣ и то любо, что хотъ тебя-то посмѣшилъ.

— Ужъ впрямъ насмѣшилъ. Ну, прощай, расти внука-то.

— Спасибо, родной! Захочетъ Господь — выростить, а не захочетъ — его святая воля во всемъ...

— Это ужь само собой.

Раскольникъ и подрядчикъ ушли. Старичекъ молчалъ, я читала старую газету; писмоводитель щелкалъ на счетахъ. Приходили и уходили заемщики, явившіеся за отсрочкой своихъ долговъ и для взноса процентовъ. Такъ прошло съ полчаса. Казначей все не было. Старичекъ, крахтя, поднялся съ дивана и также медленно, какъ и пришелъ, поплелся на улицу посмотрѣть лошадь.

Добравшись до саней, онъ сѣлъ на край и задумался. Кисти рукъ свѣсилъ между колѣнъ, а голову опустилъ точно сонный, и сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи еще не менѣе получаса. Наконецъ, явился казначей, а вслѣдъ за нимъ пришелся и старичекъ.

Непохожъ былъ онъ на того, который приходилъ раньше, не кротость, не безсиліе видѣлись въ немъ, въ его лицѣ; напротивъ, онъ былъ оживленъ, держался крѣпче, какъ будто воскресъ изъ мертвыхъ, но нельзя было не видѣть, что сила, оживившая его — страхъ. Страхъ, близкій къ ужасу, былъ напечатлѣнъ на его лицѣ; онъ держался прямо, какъ будто крѣпче стоялъ на ногахъ, но руки и голова, и все лицо видимо вздрагивали поминутно отъ сильнаго внутренняго волненія. Торопливо, насколько возможно было для него это сдѣлать, подошелъ онъ къ банковской загородкѣ, и проговорилъ беззвучнымъ голосомъ:

— Соглашаюсь!.. Пущай мой внукъ получаетъ и съ ростомъ. Принимаю грѣхъ на себя. Потому... времена подходятъ точно... гонимыя... лютыя... Ниши отказъ!..

Завѣщаніе пришлось передѣлывать съизнова.

Не могу выразить, какъ глубоко, искренно видѣлось въ старичкѣ сознаніе тяжести принимаемаго имъ на душу грѣха, и съ какою рѣшимостью онъ бралъ этотъ грѣхъ на свою душу!

Его ужасъ предъ грядущими временами, во имя которыхъ онъ дѣлалъ грѣхъ — невольно сообщился и мнѣ, и я вновь былъ поглощенъ знакомой мнѣ, но неразгаданной загадкой: почему именно деревенскіе грядущіе годы несутъ въ себѣ необходимость примиренія съ тѣмъ, что даже сейчасъ еще считается грѣхомъ?

III.

Вотъ, именно эта сцена почти сразу возстановила во мнѣ то адское душевное состояніе, которое выгнало меня изъ деревни,

и на нѣкоторое время было заглушено счастливымъ спасеніемъ отъ явной гибели. «Адское душевное состояніе» это долженъ пережить всякій, кто только, повинуясь даже инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ею существуетъ какая-то трудно опредѣлимая, но несомнѣнно кровная связь, попробуетъ... ну, просто хоть только «*пожить въ деревнѣ*». О томъ, что долженъ испытывать человекъ, для котораго связь эта вполне выяснена, опредѣлена, человекъ, который сказалъ себѣ: поѣду въ деревню и буду дѣлать то-то и то-то— я даже и представить здѣсь не въ состояніи, лично себя, я не могу причислить ни къ первой категоріи людей, ни ко второй. Хотя я и знаю, почему мнѣ слѣдуетъ ѣхать и жить въ деревнѣ, но что я обязанъ въ ней дѣлать, этого я еще не знаю. Тѣмъ не менѣе, «адское душевное состояніе» я пережилъ, т. е., «кажется» пережилъ, и, кажется, знаю, изъ чего оно складается.

Складывается оно, во-первыхъ, изъ такого рода ежедневно представляемыхъ деревней фактовъ, въ которыхъ, по вашему мнѣнію, (мнѣнію человека, выросшаго въ другой средѣ) непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что можетъ быть неизбежно тѣхъ цифирныхъ истинъ, каковымъ учить васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатъ, что нибудь, кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ вамъ, что не только можетъ, но постоянно, аккуратно изо дня въ день даетъ не четыре, даже не стеариновую свѣчку, а Богъ знаетъ что, даетъ нѣчто такое, чего нѣтъ возможности ни понять, ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самаголѣйшей нити. Ниже, читатель, на примѣрахъ увидите эти изумительные результаты деревенской таблицы умноженія, теперь же я только прошу его представить себѣ положеніе человека, который по сту разъ въ день принимается умножать 2 на 2, по сту разъ въ день надѣется, что вотъ-вотъ получится четыре, и по сту разъ въ день видитъ во-очію, что получается то стеариновая свѣчка, то свиная морда, словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное, до нѣкоторой степени только пойметъ, что за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, «какъ должно», по его мнѣнію, смотрѣть на нее.

Второй элементъ, входящій въ составъ адскаго душевнаго состоянія заключается въ томъ, что, не имѣя рѣшительно никакой возможности отказаться отъ убѣжденія, что два, умноженное на два, должно давать въ результатъ четыре, и видя, что бываетъ, однакожь, невѣроятные случаи, когда получаются въ результатъ,

стеариновые свѣчи и сапоги въ сматку, вы начинаете ставить между правильнымъ и неправильнымъ выводомъ вашей и деревенской таблицы умноженія—себя, свою личность. И тутъ происходитъ до крайности странное явленіе: всякій разъ, когда, вмѣсто ожидаемаго вами вывода, получается въ остаткѣ сапоги въ сматку, невѣдомо почему вы чувствуете, что именно вы-то и виноваты въ этомъ поразительномъ результатѣ. Кажется, что нѣдѣ не я, а деревня производитъ, помимо всякаго моего участія и желанія, эти сапоги въ сматку, а тайный голосъ шепчетъ: «на-ко вотъ! хорошо ли тебѣ это покажется!..» Непрерывный, хотя съ начала и недовольно ясный укоръ. Начинаетъ связываться опредѣленіе съ каждымъ новымъ опытомъ вашимъ надъ деревенской таблицей умноженія. Это мучительное дѣло идетъ такимъ образомъ. Вы умножаете два на два, получаете стеариновую свѣчку—и просто недоумѣваете. Послѣ стараго подобнаго опыта, вы сердитесь, бѣситесь. Но ужъ одно то, что вы начали бѣситься, таитъ въ себѣ новый недугъ, какъ бы смутное ощущеніе вашей собственной вины. Послѣ двухъ сотъ, трехъ сотъ опытовъ вы, ощущая съ каждымъ разомъ укору совѣсти все явственнѣе и явственнѣе, ни съ того ни съ другого начинаете думать ужъ о себѣ, о своемъ прошломъ. И всякій фактъ деревенской жизни, вамъ, вашей личной жизни вашимъ личнымъ интересамъ, повидному, совершенно посторонній, вдругъ съ удивительной ясностью начинаетъ освѣщать жизнь вашу собственную. А разъ съ вами началось это странное явленіе, продолжается оно (и должно именно такъ продолжаться) такимъ образомъ: нелѣпный фактъ деревни освѣщаетъ въ васъ самихъ еще болѣе нелѣпную черту, нелѣпную мысль, нелѣпный поступокъ. И такое, прямо сказать безобразіе, начинаетъ терзать ваши нервы съ каждымъ днемъ безпоощаднѣе. Линіи, по которымъ идутъ въ вашемъ мучающемся сознаніи нелѣпныя впечатлѣнія деревни, и впечатлѣнія отъ собственной вашей личности идутъ рядомъ. Вы невольно соединяете въ себѣ эти два потока мучающихъ васъ впечатлѣній, но не знаете еще, какъ облегчить себѣ путь перехода отъ однихъ къ другимъ, какъ ихъ связать, и тутъ, наконецъ, настаетъ такая минута... такая минута!

Бѣжать «куда-нибудь» въ такія минуты—большое спасеніе. Какой-нибудь легенькій степной буранчикъ, во время котораго въ районѣ волости заблудится человекъ съ дѣвсти и человекъ съ пятою отдастъ Богу душу, или волкъ, вышедшій изъ глѣбочку и посмотрѣвшій на мужицкую лошадедку, да и на васъ самихъ съ нескрываемымъ аппетитомъ—все это возвращаетъ къ жизни, напоминаетъ, что надо по добру по здорову удирать и отъ волчьаго

аппетита, и отъ бурана. Такое временное удаленіе отъ «мѣста» вашихъ собственныхъ волненій даетъ вамъ возможность спокойнѣе обсудить ваше трудное положеніе. Именно, благодаря этимъ непродолжительнымъ отлучкамъ куда-нибудь въ «чужое» мѣсто (напр. въ городъ), является возможнымъ придти къ положительнымъ выводамъ, которые, оказывается, находились у васъ и въ деревнѣ, что называется «подъ носомъ», но въ деревнѣ вы не могли придти къ нимъ, даже не могли думать о томъ, чтобы придти къ какимъ-нибудь выводамъ, потому что были поглощены исключительно воспринятіемъ своихъ и чужихъ сапоговъ въ смятку.

Выводы эти, какъ я уже сказывалъ, оказываются совершенно азбучными. Именно: деревня дѣйствительно не знаетъ вашей таблицы умноженія и умножаетъ по своему, потому-то и потому-то, вслѣдствіе чего и получаютъ сапоги въ смятку. Ваша обязанность—по крайней-мѣрѣ такъ говорить вамъ ваша совѣсть—требуетъ, чтобы вы, такъ или иначе, сдѣлали извѣстную настоящую таблицу умноженія. Сдѣлать это необходимо; не сдѣлать—безстыдно. Разобравшись въ путаницѣ своихъ и чужихъ сапоговъ въ смятку, остается только рѣшить вопросъ, какъ это сдѣлать? Задавая себѣ этотъ вопросъ, вы чувствуете, что бесплодныя мученія и ужасы миновались, и возвращаетесь въ деревню въ состояніи человѣка, который былъ боленъ, чуть не при смерти, но поправился, очувствовался. И вслѣдъ за тѣмъ начинается второй періодъ, также неизбѣжный для человѣка, такъ или иначе притенувшагося къ интересамъ деревни, періодъ работы надъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса—какъ? Слабый, но искренній человѣкъ, на первыхъ же порахъ, не можетъ не рѣшить этого вопроса иначе, какъ въ смыслѣ собственнаго своего устраненія, сознанія своего безсилія, неумѣлости, испорченности и необходимости влечь жизнь въ той средѣ, которая сдѣлала его неспособнымъ. Тотъ же, кто почувствуетъ себя неспособнымъ уйти, тотъ, кто, хотя-бы и колебался на первыхъ порахъ, будетъ въ рѣшеніи труднаго вопроса присматриваться къ тому, какъ рѣшаетъ его дѣйствительное положеніе современной деревни, и его собственная совѣсть, будетъ крѣпнуть, закаляться, душевно расти, свѣтлѣть, такъ какъ рѣшеніе вопроса, даваемое деревней, въ высшей степени многозначительно.

IV.

Припоминавъ слышанныя мною въ банкѣ слова старика насчетъ предбудущихъ временъ и невольно соглашаясь съ нимъ,
Т. ССКЛIV.—Отд. I.

что нарождающемуся деревенскому поколѣнію, пожалуй, и дѣйствительно не придется жертвовать причитающимся дивидендомъ, а не могъ вновь, въ сотый разъ не остановиться на вопросахъ: да почему же это должно случиться? Какіе для этого есть резоны и вообще почему деревенскія дѣла принимаютъ такое теченіе, что впередѣ всякому мало-мальски всматривающемуся въ нихъ рисуется нѣчто суровое, трудное, даже жестокое? И какъ только эти вопросы пришли мнѣ въ голову, такъ и поднялись всевозможныя, отрывочныя воспоминанія и факты, которые заставили меня не то чтобы вновь пережить, а вновь пересмотрѣть тѣ явленія деревенской жизни, которыя привели къ выводамъ предыдущей главы.

Мнѣ пришлось болѣе или менѣе близко видѣть (не скажу — знать) дѣла и порядки трехъ деревень, лежащихъ почти рядомъ, въ мѣстности, которая считается житницей русской земли; эти три деревни, почти уже сливающимся другъ съ другомъ — такъ близко подходят крайніе дворы одной къ крайнимъ дворамъ сосѣдней деревни — въ земельных отношеніяхъ, въ размѣрахъ расходовъ, мірскихъ и казенныхъ, разнятся другъ отъ друга самымъ существеннымъ образомъ. Да и народъ въ одной не таковъ, какъ въ другой, а въ другой не таковъ, какъ въ третьей: въ одной народъ розниа, въ другой — первый работникъ, въ третьей и розниа, и лѣнливый, да еще и плутоватый. Такую разницу объясняютъ весьма существенныя причины: такъ, напримѣръ, село Солдатское, самое большое изъ всѣхъ трехъ деревень, образовалось изъ поселенныхъ въ этой мѣстности солдатъ какого-то изъ гвардейскихъ полковъ. При императрицѣ Елизаветинѣ II, одинъ изъ солдатъ этого какого-то гвардейскаго полка, находясь на караулѣ во дворцѣ (такъ здѣсь рассказываютъ старожилы), услыжалъ, или какимъ-то образомъ узналъ, что существуетъ заговоръ, донесъ объ этомъ, и въ награду за такой поступокъ, вся рота или полкъ были пожалованы землями и угодьями въ наилучшей мѣстности Россіи. Земли и угодій было такъ много, и они приносили жителямъ села Солдатскаго такъ много дохода, что жили они «лучше не надо», катались какъ сыръ въ маслѣ... Деревенское преданіе, касаясь этихъ блаженныхъ временъ, рисуетъ ихъ, къ сожалѣнію, только въ видѣ пьянства: «иной, рассказываютъ, ужъ совсѣмъ готовъ, лежитъ на землѣ, подняться не можетъ... ну, такимъ, братецъ ты мой, прямо въ ротъ лѣли». Рассказываютъ еще объ одной «пштерѣ», женщинѣ, которая пришла изъ Питера вмѣстѣ съ переселенными солдатами, рассказываютъ для того, чтобы показать, какой это былъ народъ холеный, бѣлоручка... По-

шла было однажды эта «питерка» въ поле отъ скуки: «Дай, говорить, пойду попробую отъ нечего дѣлать, какъ это деревенскія бабы жнутъ... взяла серпъ и пошла. Вотъ простой деревенскій мужикъ и видитъ: пришла питерка на берегъ озера, на берегу пшеница растетъ, а у берега въ водѣ — камышъ. Пришла она и стала, поглядить на пшеницу, потомъ на камышъ поглядить, думала-думала, и стала камышъ серпомъ жать... — «Ты что это, говорить ей «простой» мужикъ: — дѣлаешь тутъ? — Жну! — Что жнешь-то? — Надо быть хлѣбъ!.. Засмѣялся мужикъ, говорить: — Эхъ ты, дура петербургская, хлѣбъ-то вотъ онъ, а это камышъ!» Удивилась питерка и говорить: — «А я, говорить, думала, это хлѣбъ, больно онъ на видъ красивъ!» Такъ рассказываютъ про питерскихъ пришельцевъ «простые» деревенскіе мужики, рисуя ихъ полную неумѣлость въ хозяйствѣ и выѣстъ съ тѣмъ доказывая, что и при такой-то неумѣлости люди села Солдатскаго могли жить припѣваючи. Съ тѣхъ поръ, втеченіи ста с лишнимъ лѣтъ, село, надѣленное въ началѣ всевозможными льготами, понемногу теряло ихъ: такъ часть земли, очень значительную, они сами продали, а деньги пропили; да и казна поурѣзала ихъ, но все-таки, угодевъ осталось такое количество, что село Солдатское — рѣшительно богаче остальныхъ двухъ деревень, и можетъ продолжать пѣанство предковъ безъ посрамленія. У него три мельницы, дающія до двухъ тысячъ рублей въ годъ чистаго дохода, рыбныя ловли, дающія пятьсотъ рублей дохода, и два кабака, приносящіе міру полторы тысячи рублей чистыми деньгами.

Сосѣдняя съ нимъ деревня также значительно отличается отъ обыкновенной, перенесшей барщину и несущей на своихъ плечахъ новые порядки деревни. Какъ могло случиться, что крестьяне этой деревни, считаясь постоянно въ удѣльномъ вѣдомствѣ, попали таки лѣтъ съ шестьдесятъ-семьдесятъ тому назадъ въ крѣпостную зависимость, я не знаю — знаю только, что, находясь и въ крѣпостной зависимости, они все-таки избѣгли всѣхъ суровостей барщины. Старики — люди, которымъ лѣтъ подъ шестьдесятъ — рассказываютъ про свою послѣднюю госпожу, какъ про женщину крайне добрую: конечно, съела и она, безъ этого ужъ никакъ невозможно; но, бывало, рассказываютъ, смотреть она, матушка, какъ съеутъ, а сама плачетъ; какъ чуть мало-мало — сейчасъ дурнота со мной! перестаньте! будетъ! Да и такія жертвы барыня приносила не изъ-за того, чтобы выбить изъ человѣка какія-нибудь матеріальныя выгоды, а по справедливости, сущей правдѣ, какъ утверждаютъ старожилы, съела для собственной ихъ, старожилонъ, пользы. Почтенные историки деревни утверж-

даютъ даже, что мѣропріятія происходили почти только великимъ постомъ, на первой недѣлѣ, послѣ масляницы: на масляницѣ въ деревнѣ, въ старыя времена, катались съ горы. Катались на длинныхъ обмороженныхъ колодахъ; садилось мужчинъ и бабъ на каждую колоду человекъ по шести. На это катанье любила смотрѣть барыня. Для нея выносили кресло и ставили его на такое мѣсто, съ котораго ей было все видно. Сидитъ барыня въ креслѣ и примѣчаетъ: какой мужикъ съ какой бабой ѣдетъ; ежели мужикъ противу себя посадилъ свою жену—хорошо. Ежели же чужую жену или—чего Боже сохрани—дѣвицу, это барынѣ непріятно. Однакожъ, всю масляницу, аккуратно каждый день являлся въ креслѣ смотрѣть на катанье, она все примѣчала, да примѣчала, а въ чистый понедѣльникъ приказывала позвать мужиковъ, виновныхъ въ безнравственности. Бабъ за безнравственность также она сѣкла, но у себя на дому, и притомъ бабъ сѣкли бабы, а не мужики—«ну, а ужъ сами знаете, какое можетъ быть бабѣ сѣченіе!» Отъ этого разладинскія бабы и не знаютъ страху.

Былъ, однакожъ, въ исторіи разладинскаго крѣпостнаго періода одинъ эпизодъ, который грозилъ заврѣпостить и этихъ баловней судьбы въ самомъ дѣлѣ по настоящему. Одинъ сосѣдній помѣщикъ, прельстившись состояніемъ Разладинской помѣщицы, задумалъ на ней жениться. Помѣщица была старая дѣвица и боялась замужества, вѣривъ охрану своихъ дней надежному человеку изъ дворовыхъ. Говорятъ, это былъ верзила вершковъ пятнадцати, силачъ и скромнень, какъ красная дѣвица. Помѣщикъ, сдѣлавшій дѣвицѣ-помѣщицѣ предложеніе, получилъ отказъ. Но такъ какъ человекъ этотъ былъ истинный сынъ своего времени, то и не задумался надъ средствомъ къ достиженію цѣли инымъ путемъ, очень обыкновеннымъ по тогдашнему: онъ пригласилъ барыню покататься, по дорогѣ завернулъ вмѣстѣ съ нею въ церковь отслужить молебенъ «своему ангелу», и здѣсь, неожиданно для барышни, вмѣсто молебна началось вѣнчаніе съ помѣщикомъ: все было заранѣе подлажено, закуплено, и т. д. На крикъ барыни явился тотъ же ея охранитель дворовый, не понавшій въ церковь, и, разломавъ церковныя, уже запертыя двери, выручилъ свою госпожу. Послѣ смерти, она отказала ему Дыбки, а разладинскимъ мужикамъ даромъ отдала всю землю, такъ какъ умерла бездѣтною и безъ наследниковъ. Благодаря этому подарку, налоги, платимыя разладинскими мужиками, никогда въ общей сложности не превышали двухъ рублей; даже въ нынѣшнемъ году они платятъ всего навсе только рубль девять гривенъ.

Третья деревня, раздѣленная отъ Разладина только помѣщи-

чьей усадьбой, обыкновенная русская, бывшая крепостная деревня; у нея мало земли; она платитъ большіе налоги — больше Разладина и Солдатскаго, не имѣетъ почти никакихъ постороннихъ доходовъ, кромѣ двухъ сотъ рублей съ кабака, и работаетъ въ потѣ лица. Она знала крепостные порядки доподлинно; знала барщину, барина, дворню; претерпѣла всѣ крепостныя тяготы, и теперь несетъ на плечахъ своихъ новыя порядки. Больше о ней покуда сказать нечего. Надѣюсь, что читатель изъ вышеприведеннаго очерка видитъ, какая существенная разница въ матеріальномъ обеспеченіи отличаетъ всѣ три деревни одну отъ другой. На основаніи этой разницы, зная деревенскую, а обыкновенную таблицу умноженія, можно вывести такія заключенія: с. Солдатское, пользующееся угодьями и достаткомъ — живетъ лучше Разладина, у котораго нѣтъ угодьевъ, доходныхъ статей; но Разладино, неплательщикъ почти никакихъ податей — *должно* пользоваться большимъ достаткомъ, жить вольнѣй, вольготнѣй, чѣмъ третья деревня, которая и платитъ много, и земли имѣетъ мало, да и земля отрѣзана далеко отъ деревни. Последняя деревня несомнѣнно должна жить хуже другихъ, потому что лежитъ она на неудобномъ мѣстѣ, воды у нея мало, крошечный ручеекъ въ аршинъ ширины, и никакихъ доходныхъ статей нѣтъ. Такъ гласитъ обыкновенная таблица умноженія. Деревенская-же гласитъ вотъ какъ:

Хуже и глушѣй изъ всѣхъ трехъ деревень живетъ самая богатая, именно с. Солдатское. Несмотря на то, что доходомъ съ оброчныхъ статей, съ мельницы, съ рыбной ловли, и т. д., которые *съ буквальною смисломъ съ значительнымъ излишкомъ покрываютъ рѣшительно всѣ мірскіе, волостные, земскіе, казенные и всякіе иные платежи*, такъ что должны ежегодно оставаться лишнія на общественныя нужды деньги, и ужъ ни въ какомъ случаѣ, ни одному изъ жителей нѣтъ надобности вынимать деньги на уплату повинностей изъ своего кармана, несмотря на все это, жители с. Солдатскаго умѣютъ устроить такъ, что каждый годъ имъ недостаетъ денегъ, и въ нынѣшнемъ, на примѣръ, году, они ухитрились собрать съ души еще по три рубля, несмотря на то, что за мельницу, отданную въ аренду, имъ именно въ нынѣшнемъ году дали сразу пятьсотъ рублей лишку. Деньги, разумѣется, растрачиваются — но не объ этомъ рѣчь теперь. Я прошу читателя, знающаго обыкновенную таблицу умноженія, представить себѣ всю неопостижимость результата, который является при примѣненіи ея къ распорядкамъ, господствующимъ въ с. Солдатскомъ. Я беру осландой листъ, считаю количество душъ (конечно, платежныхъ, а не человѣчскихъ), счи-

таю количество требуемых казной, земствомъ, волостью и самимъ селомъ платежей, прибавляю даже цѣлыя дѣя сотни рублей на непредвидѣнные расходы, хорошенько не имѣя даже возможности опредѣлить ихъ, потому что, что-же когда-нибудь затѣвала какая-либо деревня сама для себя? Всѣ ея доходы идутъ только на то, что извѣстно подъ словомъ «подати». Больныхъ своихъ на общественный счетъ она въ больницу не возитъ, сиротъ, нищихъ на общественныя суммы не нитаетъ, вотъ развѣ одно: село Солдатское очень часто ссылаетъ по мирскимъ приговорамъ своихъ одножителей въ Сибирь; вотъ на такіе-то расходы, и на другіе ни мной, ни селомъ совершенно непредвидимые, я и кладу дѣя сотни. Получается у меня сумма, причемъ оказывается, что сумма эта съ значительнымъ избыткомъ покрывается суммой получаемыхъ селомъ доходовъ, которые я также прошу читателя власть на счеты по порядку, за то-то столько-то, и т. д. У меня получается остатокъ, а на дѣя недостаетъ цѣлой тысячи рублей. Впослѣдствіи я узнаю причину, но теперь, на первыхъ порахъ, я въ недоумѣніи. Какимъ образомъ выходитъ эта недостача? Отчего с. Солдатское до сихъ поръ, съ самаго основанія, не подумало завести хоть какую-нибудь школу, хотя въ виду воинской повинности, а въ Сибирь ссылатъ своихъ сыновей выучилось? Отчего народъ с. Солдатскаго нерашливъ, распущенъ, наглъ, жаденъ и глупо-форсистъ? Отчего именно въ селѣ, гдѣ есть всѣ условія для мирскаго довольства, и для извѣстной порядочности ежедневнаго обихода, такое нерашливое разгильдяйство, общественная безсвязица и безтолковщина: куча нищихъ, есть воры, куча мирскихъ грабителей, и т. д., и т. д. Годъ тому назадъ, въ с. Солдатскомъ у мужика сгорѣла изба. Мужикъ, послѣ пожара, поджегъ сосѣда; выгорѣла улица; тотъ, у кого въ этой улицѣ сгорѣлъ послѣдній домъ, на слѣдующую ночь поджегъ слѣдующаго, кого Богъ спасъ; пожаръ выѣлъ еще улицу. Оставалась нетронутою другая, нетронутая пожаромъ улица. Тутъ ужъ, какъ рассказываютъ, для поджога избирались депутаты отъ улицы выгорѣвшей. «Мы погорѣли, а они нѣтъ!» Подожгли и эту нетронутую улицу. Выгорѣло почти все село. Теперь оно выстроилось.

Не менѣе страннымъ покажется вамъ и положеніе сосѣдняго разладинскаго мужика: земля у него есть, и родить она хорошо, налога почти не платитъ, а посмотрите на разладинскаго мужика—изба гнилая, солома гнилая; самъ мужикъ вялъ, тупъ, и понятіемъ не твердъ; все поддакиваетъ, а оказывается и не понимаетъ, о чемъ рѣчь; постоянно жалуется на бабъ, бабы вишь

«ему досаждают; женъ бьютъ, а самъ трусь первой руки, «пужливъ» передъ бариниомъ, передъ подрядчиномъ, вообще передъ человѣкомъ; затѣветъ какое-нибудь дѣло, не умѣетъ себя держать совершенно. Баринъ, какъ существо высшее, подавляетъ его однимъ своимъ видомъ. Разладинецъ, разговаривая съ бариниомъ, терзается, бормочетъ ни въсть что, ухмыляется во весь ротъ, даже фигурой показываетъ, что «ми вашей милости» что угодно, а дѣла сдѣлать ни съ бариниомъ, ни съ подрядчиномъ не умѣетъ. Наймется отвезти, положимъ, ночью на станцію, самъ ходитъ, проситъ: нужда; а, глядишь, и не прѣдетъ—гдѣнъ встать отъ бабы, на печи тепло, а на дворѣ холодно; потомъ на бабу сердится. Никакой «рады» правильной съ нимъ дѣлать нельзя или очень трудно; ничему онъ не знаетъ настоящей цѣны, а по нуждѣ соглашается на всякую цѣну, «сбиваетъ цѣну дуromъ», потому что чувствуетъ, что работа его будетъ плоха, чувствуетъ, что мало-мальски изъ порядочной деревни мужикъ всегда перебьетъ у него и сдѣлаетъ лучше. А, взявшись за дѣло, только кланяться, удивляется, какъ это все трудно, и безпрестанно роищеть на цѣну. Словомъ, разладинскій мужикъ—мужикъ «брызга».

— У васъ кто теперича служить-то? спрашиваетъ мужикъ третьей деревни (будемъ называть ее Барской).

— Такой-то.

— Разладинскій?

— Разладинскій.

Барскій мужикъ подумалъ и говоритъ:

— Ничего человѣкъ-то... а только что «набрызжить» онъ вамъ... И дѣйствительно—«набрызжалъ». Ничего худаго не сдѣлалъ — а именно только набрызжалъ, больше и лучше этого нельзя о немъ ничего сказать.

Такъ разладинцы «брызгать» во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Бабы, которыхъ разладинскіе мужики бранятъ, немного лучше, потому что большею частію берутся изъ чужихъ, работающихъ деревень, но и тѣ скоро раскисаютъ съ этими брызгающими мужиками. Брызгать они безъ толку и въ мірскихъ дѣлахъ: начать сдавать кабакъ, сдать одному, а завтра другому, и съ обихъ возьмутъ мѣдный грошъ, а потомъ опомнятся и сообразятъ, что лучше взять съ одного да побольше. Былъ у нихъ подъ горой отличный и единственный родникъ, изъ котораго вся деревня изъ-поконъ вѣка пользовалась водой; родникъ былъ у рѣчки, выше уровня ея на аршинъ. Ни съ того ни съ другого міряне взяли и отдали на рѣчкѣ мѣсто подъ мельницу; отдали такъ зря, за десять цѣлковыхъ въ годъ. Мельникъ сдѣлалъ плотину, перегородилъ рѣчку и она залила грязной дрянной водой отлич-

ный родникъ, оставивъ всю деревню безъ воды. «—И какой дуракъ это выдумалъ?» сердатся они другъ на друга, старше на молодыхъ, молодые на старыхъ, и пьютъ гнилую воду...

Вообще разладинцы, стоя въ промежуткѣ между мужиками с. Солдатскаго и д. Барской, какъ будто находятся подъ влияніемъ и тѣхъ и другихъ. Не платя податей, они чувствуютъ себя какъ бы въ нѣкоторомъ родствѣ съ привилегированными обывателями с. Солдатскаго, и перенимаютъ у нихъ разныя вздоры. Солдатскіе пьянствуютъ на сходкахъ то и дѣло; то у нихъ мельницу снимаютъ, то они дуга сдаютъ, то «отвальныя, то привальныя». И эти тоже плятятся въ пьяницы, хотятъ быть пьяны отъ мірскихъ доходовъ; взяли вотъ отдали мельницу—пили два дня; кабакъ отдали двумъ, съ одного пили и съ другого, и распились бы Богъ знаетъ какъ, еслибы оба кабачника не отказали имъ въ винѣ. Ничего хорошаго, впрочемъ, и въ этомъ дѣлѣ разладинцы не изобрѣли. Недавно ихъ наострили солдатскіе на такую штуку: солдатскіе взяли у разладинскихъ какіе-то кустики, всего цѣлковыхъ на двадцать, а разладинскіе взяли у солдатскихъ кусокъ выгона. Солдатскіе, какъ люди, знающіе до тонкости литейное дѣло, выдумали пить такъ: сегодня ставятъ вино они за кустики, а завтра разладинцы за выгонъ. Пропили съ обѣихъ сторонъ навѣрное рублей по двадцати. Староста было поудержалъ ихъ, сказалъ: «міряне честные, вѣдь вонъ за новымъ кабашиникомъ еще два ведра недопи-то—берите съ него чѣмъ покупать-то!..»

Міряне отвѣчали:

— То два ведра особенныя, кабашиныя, мы съ кабака ихъ и выпьемъ; а это дѣло тоже особенное, особенно и пить будемъ.. Ты не разговаривай, а собирай, почему съ души придется...

Въ другой разъ староста тоже повезддержалъ было ихъ.

— Міряне честные! сказалъ онъ:—пейте вы кабашиное вино вмѣсто пастушьяго (пастуха нанимали).

Но міряне сказали:

— Ты зубы не заговаривай! Кабашиное вино мы съ кабака сопьемъ, а пастушье вино—пить надо особенно. Ты вотъ разочти, почему съ души приходится, примѣромъ сказать, на четыре ведра... А кабацкія два ведра мы въ сухое время допьемъ; когда ни мельничныхъ, ни пастушьихъ паёвъ не будетъ.

Ужъ нечего сказать—охотники. А пить, какъ слѣдуетъ, тоже не умѣютъ. Но объ этомъ послѣ.

Съ другой стороны, не имѣя даровыхъ доходовъ, разладинцы должны работать, нести на плечахъ трудную обузу земледѣльческаго труда. Въ этомъ отношеніи, жители д. Барской также подавляютъ ихъ. Барскіе — мастера работать, привычны къ ра-

ботѣ, у нихъ работа «горить огнемъ». Разладинцы завидуютъ имъ, но угнаться не могутъ; они норовятъ съобезьянить съ барскаго мужика; гонять своихъ женъ на работу, говоря: «—Ишь вонъ барскія бабы-то какъ работаютъ; она важная съ мужемъ по этихъ поръ въ грязи пачкается на работѣ — не то что ты, идолъ эдакой преобразенный». И точно—пачкается и онъ съ своей бабой, и дѣйствительно въ грязи пачкается, настоящей работы нѣту. И хозяйскій снарядъ, и самъ онъ — все это плоховато: сбруя рвется, запряжка кой-какая, руки неразвязны, слишкомъ мало. Лѣнь. «—Ка-кая у насъ работа! Развѣ это возможно сказать, настоящая напимѣръ работа!» въ припадкѣ самоуничженія говорить разладинецъ... Кабы мы барскіе были... ну, такъ... Тамъ работа! А то что это? У насъ бѣдутъ на работу эво когда — солнце-то эво ужъ гдѣ!.. А барскій небось темно еще — а ужъ онъ въ полѣ. И дни у насъ все зря... Да и бабы ихнія...» И тутъ разладинецъ начинаетъ бранить сначала вообще разладинскихъ бабъ, потомъ свою жену въ частности, и, наконецъ, всѣхъ своихъ сельчанъ разбираетъ каждый порознь, и каждый порознь оказывается, по его разговору, и дуракъ, и подлецъ, и воръ, человекъ котораго хуже нѣтъ. Такъ они всѣ разбираютъ другъ друга—а на видъ они всѣ люди мягкіе, лъстивые, съ масляными глазами; придешь—не знаютъ гдѣ посадить, а за глаза первые ругатели и сплетники...

Какъ ни покажется страннымъ, а лучше всѣхъ живетъ и умнѣй всѣхъ глядитъ крестьянинъ дер. Барской. Онъ есть истинный современный крестьянинъ, несущій всю массу крестьянской тяготы, безъ всякаго послабленія въ-помонъ вѣку; онъ платитъ большія подати, и бьется круглый годъ исключительно надъ земледѣльческой работой и покрываетъ подати, да мало того, живетъ несравненно аккуратнѣй, чище и разладинскихъ и солдатскихъ. Въ Барскомъ не рѣдкость встрѣтить умницу, человека, твердаго, желѣзнаго характера, человека, изучившаго до тонкости свои отношенія къ людямъ, съ которыми ему приходится дѣлать дѣло, а дѣлаетъ онъ и берется дѣлать дѣла только такіа, какія доподлинно знаетъ. Предлагали имъ возить навозъ въ селитрянные бурты и деньги давали хорошія—не поѣхали и угощеніемъ не соблазнились, отказались, «потому, дѣло это на наше!» До послѣдняго времени они не заводили кабака; находились между ними люди, которые сумѣли оберегать миръ отъ этой бѣды. Раздѣловъ семейныхъ у нихъ мало—въ этомъ бессилье, а имъ нужна сила для работы; работа у нихъ на первомъ планѣ, и дѣйствительно кипитъ въ рукахъ. Работаютъ всѣ отлично; мальчишекъ плачеть—«тятка, жалѣючи его, на работу не взялъ».

Словомъ, крестьянинъ, болѣе другихъ претерпѣвшій на своемъ вѣку, слѣдовательно, какъ вамъ думается, болѣе угнетенный (онъ пережилъ крѣпостное право), надѣленный плохой землей, обремененный налогами, вопреки всѣмъ смысламъ, вопреки всѣмъ таблицамъ умноженія всѣхъ частей свѣта, оказывается порядочнѣе; положительно умнѣе, даровитѣе, зажиточнѣе и честнѣе того крестьянина, который, имѣя доходы, покрывающіе всѣ посторонніе платежи или платя сущую бездѣлицу и, слѣдовательно, имѣя всѣ условія для того, чтобы собственная его домашняя, личная жизнь была лучше, достаточнѣй, вольнѣй, чтобы забота его о мірскомъ дѣлѣ была шире, и т. д., и т. д., оказывается, что такой крестьянинъ, ничего не выдумалъ, кромѣ кабака, живетъ бѣдно, пьяно, фальшиво, къ ближнему равнодушенъ, равнодушенъ къ міру, къ себѣ, къ семьѣ. Мало того, вы видите, что отличная обставленная въ матеріальномъ отношеніи деревня какъ бы лишена даровитыхъ людей; есть мірошды и міроопивалы, а умнаго, характернаго мужика нѣтъ, но, напротивъ, обиліе фальшивыхъ мужичонковъ, которые за рубль продадутъ отца родного, наобѣщаютъ съ три короба, а ничего не сдѣлаютъ, не дорого возмутъ соврать, надуть и т. д.

Что же означаетъ эта непонятная тайна непонятной деревенской таблицы умноженія?

V.

Послѣ долгаго и мучительнаго опыта, мысль ваша какъ будто начинаетъ докапываться до корня этой удивительной тайны; нить къ познанію, какъ мнѣ кажется, существа деревенскаго жителя-бытья, даетъ вамъ одно, повидимому, весьма незначительное обстоятельство. Разговаривая до сего времени, вы очень часто слышите въ разговорѣ слово «барщина», но не придаете этому никакого значенія, какъ дѣлу прошлому; мало-по-малу, однако, оказывается, что хотя все, что заключается въ многозначительномъ словѣ «барщина» и, дѣйствительно, дѣло прошлое, но что и теперь слѣды этого прошлаго далеко не изглажены. Въ послѣдствіи вы убѣждаетесь въ значеніи барщины для пониманія современной деревни, въ такой степени, что уже не довольствуетесь простымъ признаніемъ за ней извѣстныхъ результатовъ, но невольно должны признать, что въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые бы вполне не объяснялись барщиной, а главное *только* барщиной.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое была эта крѣпостная барщина? Въ общихъ чертахъ, это была никогда и никѣмъ и никому необъяснимая работа цѣлой деревни на одинъ: господскій домъ. Безъ разговоровъ, безъ объясненій, деревня должна была работать изо дня въ день, изъ года въ годъ. Баринъ, которому принадлежала деревня, могъ мѣняться, быть то злымъ, то добрымъ, но для деревни всѣ эти перемѣны ничего не значили: работы одинаково требовали всѣ: и консерваторы, и либералы и даже радикалы, словомъ, всевозможные сорта людей, поселявшихся въ господскомъ домѣ; кто бы тамъ ни жилъ, отъ деревни требовалось одно—«работа», заполнявшая большую часть дня года, всей жизни, работа *не на себя*. Этотъ коренной принципъ барщины укрѣплялся въ народѣ всевозможными способами, и, въ концѣ концовъ, все это, вмѣстѣ взятое, выработало совершенно опредѣленный идеалъ для существа, носящаго названіе *мужика*. Идеалъ требовалъ, во-1-хъ, безпрекословнаго исполненія чужихъ требованій, во-2-хъ, требовалъ, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убѣжденіе въ томъ, что все остальное, все его житьишко со всѣми животинками, составляютъ дѣла, несостоящаго вниманія.

Такъ какъ такой идеалъ таготѣлъ надъ всѣмъ почти русскимъ крестьянскимъ людомъ, таготѣлъ неумолимо, сотни лѣтъ, то сообразно съ нимъ и выработался типъ крестьянина—населяющаго громадное большинство русскихъ деревень. Такой оставленный намъ барщиной въ наслѣдство крестьянинъ, во-первыхъ, неустанный работникъ. Въ потѣ лица, изо дня въ день онъ бьется надъ работой; во-вторыхъ, аккуратная уплата податей—для него первая забота, передъ которой меркнуть всѣ личныя заботы; въ-третьихъ, это—человѣкъ, который отвѣлъ разсуждать объ чемъ бы то ни было; онъ только спрашиваетъ: «сколько требуется», «почемъ сойдеть съ души». Раскладка всѣхъ этихъ душевыхъ рублей и копеекъ составляетъ почти единственный предметъ общественныхъ деревенскихъ сходовъ. «Своихъ» деревенскихъ предметовъ для разговоровъ на сходахъ нѣтъ—отучены. И въ-четвертыхъ, наконецъ, онъ—неуспѣшный работникъ: работать, «биться на работѣ»—вотъ цѣль жизни, нить, связующая дни и годы въ цѣлую жизнь человѣческую. Онъ покоенъ, уставъ и измучившись на работѣ, потому, что сдѣлано то, что именно требовалось; онъ сына женить насильно, потому что «береть работницу хорошую», а остальное—ничего не стоитъ. Мало устать на работѣ, мало просто измѣяться, спастись съ тѣла, превратиться въ тѣнь: тотъ—хорошій работникъ, кто не знаетъ «устали» въ ра-

богѣ, у кого «горить огнемъ», кто «лютъ», и еще лучше «золѣ» на работу.

Вотъ во имя этого-то идеала и продолжаетъ жить крестьянинъ, какъ жилъ при барщинѣ. Тамъ, гдѣ барщина царила вполне, тамъ мужикъ, въ буквальномъ смыслѣ, остался такимъ же, какимъ былъ и при крѣпостномъ правѣ; такъ же до свѣту выѣзжаетъ въ поле, такъ же бьется изъ-за податей, такъ же молча, съ незадумывающимся равнодушіемъ, исполняетъ все, что ему прочтаетъ староста, и, исполнивъ, вновь продолжаетъ махать надъ работой, самъ перебиваясь кое-какъ или припрятывая достатокъ. Въ такихъ деревняхъ у крестьянъ есть совершенно опредѣленный взглядъ на себя и на божій свѣтъ, и, благодаря этому, они знаютъ, что дѣлаютъ, изъ-за чего бьются. Вотъ почему оказывается, что бѣдная, заваленная работой и налогами деревня, не имѣющая никакихъ постороннихъ доходовъ, надѣленная сравнительно худшей, чѣмъ у сосѣдей, землей и, притомъ, въ маломъ количествѣ, живетъ лучше, аккуратнѣе, умнѣе и благообразнѣе той деревни, гдѣ идеалъ барщины почему-нибудь ослабленъ.

А кажется, какъ бы тутъ-то, при достаткѣ, не подумать о себѣ? Развѣ мало дѣйствительно своихъ нуждъ? Сколько въ селѣ однихъ ребятъ, которые растутъ неграмотными, не умѣютъ ни сосчитать, ни прочесть или написать письма, не знаютъ, что такое солнце или мѣсяць, откуда берется деньги, словомъ, не знаютъ ровно ничего. Сколько въ деревнѣ нищихъ, убогихъ, калѣкъ, сиротъ, бездомныхъ, случайно несчастныхъ и оставленныхъ на произволъ судьбы. Обо всемъ этомъ должна бы заботиться неугнетенная чужой заботой мысль; но она не заботится, потому что не знаетъ, что объ этомъ надо заботиться... Мирскія дѣла состоятъ исключительно въ раскладѣ и питіяхъ водки по разнымъ случаямъ. Если не раскладка, то водка—ничего другого не бываетъ. Какъ справедливо и тщательно разработанъ процессъ всевозможныхъ дѣлежей и раскладокъ—объ этомъ было уже говорено. Теперь слѣдуетъ упомянуть о томъ, какъ разработанъ процессъ мирскаго питія, потому именно слѣдуетъ, что къ разработкѣ этого процесса потрачена масса крестьянскаго ума, такая масса, какой, за исключеніемъ процесса дѣлежа—не потрачено рѣшительно ни на одну изъ общественныхъ деревенскихъ нуждъ. Каждая деревня пьетъ на свой образецъ, на свой манеръ, по опредѣленному ритуалу: такъ, Барскіе пьютъ рѣдко, и къ питію приглашаются только старшии-власти, потому что нѣтъ такихъ случаевъ, которые довали бы возможность заполучить съ кого-нибудь много вина. Но и тутъ уже опредѣлено—съ кого начи-

нать первого, кому второй стаканъ, и какимъ путемъ стаканъ долженъ слѣдовать отъ одного края засѣдающихъ до другого и обратно. Впрочемъ, сравнительно, здѣсь пьютъ главныхъ образомъ на свои престольные праздники: на Ивана Постителя, на Ивана Богослова — варятъ пиво, подбиваютъ въ пиво водки и пьютъ такъ зря, сколько влѣзетъ, три дня, три ночи, безъ просыпу. Но до полного совершенства питьевой ритуалъ доведенъ въ Солдатскомъ; здѣсь выработано множество программъ мирскихъ питій на всевозможные случаи и на всевозможныя количества ведеръ водки.

Кажется, еслибы случилось, что «всему» солдатскому миру была поставлена только одна кошушка, и тутъ ее роспили бы по правиламъ, и тутъ нашлись бы для распитія ея извѣстные, выработанные опытомъ порядки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не серьезный вопросъ—какъ распить, положимъ ведро вина, поставленное цѣлому миру, человѣкамъ эдакъ тремъстамъ, и притомъ распить такъ, чтобы выпито было по совѣсти и безъ обиды? Въ виду ясной для всякаго серьезности этого дѣла, мирская мысль въ совершенствѣ разработала ритуалы распитія одного ведра, двухъ, трехъ и т. д., вплоть до такого количества ведеръ, болѣе котораго не запомнятъ столѣтніе старожилы. Одно ведро пьютъ вовсе не такъ, какъ пьютъ два; смотря по количеству ведеръ, къ питію привлекаются—то исключительно власти, считая въ томъ числѣ и стариковъ, такъ какъ «старики»—дѣйствительная власть; при извѣстномъ количествѣ привлекаютъ къ питію, кромѣ властей, нѣкоторыхъ изъ жителей, имѣющихъ всѣ права занять въ недалекомъ будущемъ мѣста стариковъ, затѣмъ есть случаи, когда право на часть мирского вина присвоается и обыкновеннымъ обывателямъ, но тоже въ извѣстномъ порядкѣ, съ извѣстнымъ выборомъ, по указанію стариковъ, или по дворамъ; а наконецъ, бывали и такіе случаи, когда вина хватаетъ на весь миръ. Это, впрочемъ, рѣдко. «По дворамъ» пьютъ тоже разно: по одному стакану получаетъ великій глава дома — если же придется по второму, то этотъ второй стаканъ глава дома можетъ, по усмотрѣнію своему, уступить брату, живущему съ нимъ или сыну, но имѣетъ полное право выпить и самъ. Необходимо, слѣдовательно, въ видахъ абсолютной справедливости, до тонкости изучить ведро и стаканъ — его объемъ и мѣру, умѣть взглянуть на стаканъ, опредѣлить количество *такихъ* стакановъ въ ведрѣ, и сообразно полученному цифровому результату—назначить тотъ или другой питьевой ритуалъ. И на дѣлѣ существуютъ знатоки, которые даже, «поболтавъ» ведро, изъ котораго уже пито, по звуку знаютъ сколько тамъ осталось «вотъ этакихъ» стакановъ, и сколько та-

нихъ, такъ что старивамъ и властямъ остается только опредѣлить: какой именно стаканъ пускать въ ходъ, чтобы дѣло было сдѣлано честно, благородно, по божески. Но знать стаканъ и ведро далеко еще не все; такое знаніе есть еще только часть полнаго знанія дѣла: необходимо еще знать воспримчивость каждаго мірскаго желудка къ питіямъ. Не думайте, что это дѣло шуточное, а главное, не думайте, что оно не играетъ никакой роли вообще въ взглядахъ деревни на справедливость людскихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, міръ очень хорошо знаетъ, что вотъ этотъ человѣкъ валится съ пятаго стакана, этого не свалишь десятью, а вотъ этотъ и со второго теряетъ ноги, руки и голову... Спрашивается, если, положимъ, на душу, входящую, на основаніи количества ведеръ, въ число допущенныхъ къ питію, приходится по шести стакановъ, и если одинъ изъ допущенныхъ валится съ третьяго, а другой со второго, то не слѣдуетъ ли позаботиться объ оставшихся имъ стаканахъ, и подумать о томъ, чтобы они получили правильное, справедливое назначеніе, а не были бы выпиты такъ «зря» какой-нибудь первой попавшейся глоткой? При пьянствѣ ста, полутора ста человѣкъ, имѣющихъ право на участіе въ питіи, постоянно случаются, во-первыхъ, совершенно нещюціе, во-вторыхъ, валящіеся подъ лавку со второго стакана, съ третьяго, съ пятаго и т. д., вслѣдствіе чего получается известное количество питій, требующихъ новаго порядка, новаго церемоніала, которое нельзя игнорировать. Вотъ почему, всякое, главнымъ образомъ, большое питіе, начавшись по одному плану, можетъ перейти множество разныхъ степеней и закончиться питіемъ по плану, совершенно другому, чѣмъ началось. Вотъ почему, при питіяхъ, людей, глазбющихъ на питье, гораздо болѣе, чѣмъ пьющихъ; и глазбютъ они не даромъ: порядокъ питья легко можетъ измѣниться почему-нибудь и тѣ, кому въ данную минуту приходится только глазбть, чрезъ какое-нибудь мгновеніе, могутъ быть призваны къ участію. Почему знать, что кто-нибудь не свалится со второго стакана, хотя до сихъ поръ валится только съ третьяго?

Само собою разумѣется, что если до такой совершеннѣйшей степени разработанъ вопросъ о томъ, какъ пить вино, то немнѣе совершенно разработаны и изслѣдованы вопросы, касающіеся поводовъ, по которымъ и слѣдуетъ и можно пить. И точно, мірское вниманіе не упустило изъ виду самыхъ ничтожнѣйшихъ, самыхъ крошечныхъ поводовъ для того, чтобы міръ могъ имѣть даровое вино, или для того, чтобы ставить вино на свой счетъ. Я не говорю ужъ о такихъ вещахъ, какъ сдача мірскаго

нужности въ аренду — тутъ пьютъ долго и много, и берутъ вино со многихъ; не говорю также о такихъ поводахъ, которые не требуютъ никакой выдумки и узаконены повсюду: наемъ пастуха, выборъ старосты, разборъ мелкихъ сельскихъ ссоръ, обидъ и т. д. Всякому извѣстно, что безъ вина въ подобныхъ случаяхъ никакимъ образомъ обойтись нельзя. Нѣтъ, я говорю о такихъ выдумкахъ, которыя не могутъ придти въ голову никому, кромѣ людей, не одинъ годъ изучавшихъ и изучавшихъ вполне специально данный предметъ.

Человѣкъ, который, въ крайнюю минуту (когда вино выпито, миръ желаетъ еще по стаканчику, но не можетъ выдумать — за что пить?) съумѣетъ указать на подлежащей опиванію предметъ, если не уважается миромъ, то цѣнится имъ какъ человѣкъ умный и знающій. Такъ называемые въ здѣшнихъ мѣстахъ «каштайнъ», или иначе миробды, про которыхъ сами миряне говорятъ, что «онъ на десять рублей пользы миру сдѣлаетъ, а на тридцать убытку», тѣмъ не менѣе не только терпятся миромъ, но частію даже и уважаются, во-первыхъ, потому, что никто лучше каштана не знаетъ мирскихъ дѣлъ, а во-вторыхъ, потому, что все это знаніе почти только тѣмъ и хорошо, почти потому только и нужно мирянамъ, что оно выручаетъ ихъ въ трудныя минуты недостатка вина, давая возможность отыскивать къ продолженію прерваннаго пьянства предлоги. Спрашивается, кто изъ сотни человѣкъ мирянъ, недоумѣвающихъ надъ вопросомъ о томъ, кого и по какому случаю опивать, вспомнить, что вотъ такой-то Иванъ Мионовъ по веснѣ бралъ изъ мирского лѣсу, не въ чередъ, сорокъ колевь для плетня, и что, слѣдовательно, долженъ поклониться за это миру? А миробды знаютъ, ибо онъ, какъ паразитъ, только и живетъ тѣмъ, что цѣпляется за другихъ. И вотъ, къ Ивану Мионову посылаютъ депутацію «взять хомуты», или «снять» телегу съ передковъ и передки доставить на сходку. Иванъ Мионовъ, большаю частію и неприглашаемый лично на сходку, долженъ явиться сюда за хомутами и за передками, и «долженъ» поставить миру вина, такъ какъ ни безъ хомута, ни безъ передка ему невозможно существовать.

Чтобы не утомлять читателя перечисленіемъ всевозможныхъ мелочныхъ утировокъ, которыя миръ пускаетъ въ ходъ, когда дѣло касается такого вполне самостоятельнаго, вполне принадлежащаго мирскому благоусмотрѣнію дѣла, какъ мирское питье водки, я расскажу только слѣдующій случай. Выше я говорилъ, что разладившіеся мужики за десять рублей уступили какому-то крестьянину право на устройство мельницы. Крестья-

нинь сдѣлалъ мельницу и плотину. Мельница самая первобытная, бѣдная, деревенская, плотина узенькая, съ небольшимъ въ аршинъ ширины и не болѣе, какъ сажени въ три длины. Но дѣло въ томъ, что одинъ берегъ рѣчки принадлежитъ разладинцамъ, а другой обывателямъ села Солдатскаго, т. е. плотина «примыкаетъ» къ разнымъ берегамъ. Вотъ эту-то «примычку» и явились пропивать сначала Солдатскіе мужики, а потомъ, по обезьяньему своему нраву, и разладинцы. «—Станови четыре ведра!» категорически объявили мельнику солдатскіе депутаты. «—За что это?» «—Какъ за что? за примычку!.. Видишь, чай, примыкаетъ»... «—Да что вы, глѣшіе эдакіе, съума вы спятили?..» «—Ну, такъ загородъ постановимъ, пропускать народу не будемъ съ нашего берега!..» Что тутъ дѣлать? Разумѣется, поставилъ. Только что было отдѣлался отъ однихъ, ползуть другіе, разладинцы... «Ви чего, дьяволы безголовые!» «—Примыкаешь, бормочуть, четыре ведра... а то загородъ постановимъ»...

Мельникъ не могъ не поставить вина разладинцамъ, нужда научить кирпичи есть, но за то все время, когда міръ пьянствовалъ, мельникъ, блѣдный отъ гнѣва, дрожащій всѣмъ тѣломъ отъ волненія, на чемъ свѣтъ пушилъ стариковъ... Ничего, пили!

Разладинцы пьютъ глуно, безъ толку, вообще это не настоящіе крестьяне. При всякомъ питьѣ, у нихъ старики отдѣляютъ себѣ извѣстную часть, и остальное отдають міру. «Старичишки», какъ ихъ здѣсь величаютъ, обыкновенно по жадности своей, всегда захватятъ столько, что, при всемъ стараніи, не успѣвають выпить въ одинъ сходъ, и допиваютъ на другой день. Миряне пьютъ тоже безъ всякаго разсудка, одинъ еле живъ плетется домой, а другому капли не досталось. Но, несмотря на эту, во всемъ разладинскомъ ощущающуюся распущенность и безтолочь, и здѣсь былъ на моихъ глазахъ случай, доказавшій мнѣ, что еслибы да разладинцамъ хорошая мірская школа, въ родѣ той, какую выработали солдатскіе мужики, то и они не плошали-бы въ мірскихъ дѣлахъ: одинъ «подносчикъ» (такой чинъ на питейныхъ сходахъ, конечно, чинъ выборный) отлилъ по дорогѣ изъ кабака, куда ходилъ за мірскимъ виномъ, бутылку мірскаго вина. Ведро онъ отправилъ на сходъ съ первымъ встрѣченнымъ односельцемъ, а самъ съ бутылкой пошелъ домой, гдѣ его ждалъ пріятель. Они не успѣли выпить съ нимъ по одному стакану, какъ обиженный міръ нагрянулъ на преступника. На міру, даже такомъ разгильдяиномъ, нашлись уже на столько оинтные люди, что, «по хлюпанью» ведки въ ведрѣ, догадались о кражѣ, о томъ, что подносчикъ отлилъ... Міръ оцѣпилъ домъ подносчика со всѣхъ сторонъ. Подносчикъ, его пріятель и вся семья подносчика, стали

защищаться. Конечно, прежде всего были заперты ворота, благодаря чему произошла в буквальномъ смыслѣ осада: въ дѣлѣ были и колья, и камни, и возжи...

Крестыанскій умъ, талантъ, мысль, вообще вся сила его природной даровитости, какъ видите, дѣйствуетъ и тутъ: отрицать ея нѣтъ никакой возможности; но все это, какъ на зло, загнано и дѣйствуетъ въ такомъ замкнутомъ кругу, практикуется надъ такими явленіями деревенской жизни, которыя не имѣютъ для насущныхъ дѣйствительнѣйшихъ интересовъ деревни либо совершенно никакого значенія, либо имѣютъ значеніе весьма отдаленное. Въ обоихъ случаяхъ крестыанскій умъ, работаетъ и работаетъ сильно, много наблюдаетъ всевозможныя мелочи, знаетъ и видитъ человѣка какъ козъ, не жалеетъ своей спины, рукъ, силъ, стремится не обидѣть, не обчестъ человѣка, но, какъ только дѣло коснется дѣйствительно общественнаго дѣла, такого дѣла, которое бы принесло міру существеннѣйшую пользу, облегчило бы положеніе его, которое бы помогло поступать мірскому человѣку дѣйствительно по-божески, въ такихъ-то, именно, дѣлахъ, какъ на грѣхъ, въ мірскомъ деревенскомъ жителѣ исчезаетъ все: внимательность, наблюдательность, даже исчезаетъ самая тѣнь справедливости. Для такихъ дѣлъ не выработано ни ритуаловъ, ни порядковъ, ни обычаевъ, нѣтъ ничего; въ дѣлахъ, не имѣющихъ для деревни никакого значенія, кромѣ вреда (какъ напримѣръ пьянство) или въ дѣлахъ, которыя имѣютъ значеніе только для постороннихъ деревнѣ вѣдомствъ, все выяснено, опредѣлено, лучше не надо. Нельзя не заплатить въ срокъ оброка, аренды, но смотрѣть, какъ мрутъ «горлушекъ» дѣти, можно; нельзя Ивану Миронову простить сорока кольевъ, нельзя оставить не пропетою веремичку, и можно за вино на волостномъ судѣ сдѣлать всякую несправедливость, можно растратить крестыанскую казну въ сотни, тысячи рублей...

Чѣмъ инымъ, какъ не тѣмъ, что современный крестыанскій еще и не пробовалъ жить въ своихъ собственныхъ интересахъ, что онъ даже отвыкъ примѣчать ихъ въ обиходахъ собственного своего житьяшка—объясните вы себѣ, напримѣръ, такую сцену.

Мельница. У мельницы и, на плотинахъ нѣсколько телегъ съ зерномъ, ожидающихъ своей очереди; на телегахъ, и около телегъ и на землѣ крестыане, и старые, и молодые. На горѣ стоятъ новенькій домикъ арендатора мельницы, купца. Купецъ сидитъ у отвореннаго окна, въ ситцевой рубахѣ, пьетъ чай и отираетъ потную шею и красное лицо полотенцемъ...

— Глянь! говоритъ одинъ изъ ожидающихъ.—Ишь красномор-
днй чортъ, чай пьеть!..

— И то пьеть!..

— Я, братцы, считалъ, считалъ, которуя это онъ зудить, такъ
и бросилъ; все ему хозяйка подасть, да подасть...

— Какъ не лоннеть!

— Ну, нѣтъ, братъ! Его не разопрены! Ужь онъ на этомъ дѣлѣ,
чай, валадилса...

— Да, ему только и дѣла, что чай пить!

— А то что-же? сиди—да пей. Больше ничего!

— Только и дѣловъ!..

— Сиди, да попивай чаекъ-то!..

— Нанъ братъ, дуракъ, бьется, бьется иной разъ изъ за ко-
пейки до носу, а тутъ вонъ ничего не дѣлаетъ, бѣлыхъ рунъ не
мараетъ, а дензгу гребеть, да чаекъ распиваетъ... Ишь вонъ,
какъ клещъ налилса!..

Многіе изъ лежащихъ на телегахъ и на землѣ около телегъ
мужиковъ, вздыхаютъ...

— А, какая хитрость-то! Выстроилъ вонъ анбаръ, больше ни-
чего, а онъ, анбаръ-то, тысячи двѣ аккуратно каменный годъ ему
въ карманъ владеть... А нанъ братъ, крихти изъ за каждой
малости.

На эту тѣму отовсюда слышатся комментаріи и дополненія; да
и трудно, говоря о крестьянскомъ житѣ бытѣ, чувствовать недо-
статокъ въ матеріалѣ.

Но подойдемъ къ разговаривающимъ и спросимъ:

— Чья это мельница?

— Наша!

— Вы какіе сами-то?

— Солдатскіе.

— Общественная мельница?

— Общественная; вонъ, антому—вонъ (указаніе на гору) чай-
то пьеть... ему отдаемъ.

И затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ бы желающій доказать
бесовѣстность вонъ этого человѣка, который сидитъ и чай
пьеть. Судите сами, что онъ сдѣлалъ. Изъ покомъ вѣку близъ
мельницы стоялъ небольшой сарай, который нанимали у крестьянъ
скупщики хлѣба. Скупая его по деревнямъ, въ разныхъ мѣстахъ
мелкими партиями, они и свозили его въ одно мѣсто, къ мель-
ницѣ, потому что весной вода въ рѣкѣ, на которой стоитъ мель-
ница поднимается на двѣ сажени; на сажень идетъ выше пло-
тины. Изъ Волги проходятъ сюда баржи (въ послѣднее время

даже парокорь сталъ проходить каждую весну), забирать хлѣбный грузъ и вивезать его въ Волгу; «вонъ этотъ, что чай-то пьетъ», злодѣй этотъ, арендовавъ у крестьянъ мельницу, вмѣстѣ съ мельницей арендовалъ и анбаръ, но вмѣсто дражного, выстроилъ большой хорошій сарай, и каждую зиму, за пять мѣсяцевъ, никакъ не больше, получалъ съ этого анбара, не шевели пальцемъ въ бумажномъ смыслѣ, не менѣе двухъ тысячъ рублей. Тотъ, которымъ рассказываютъ про это злодѣйство, какой-то погребальный; обиды слышится въ немъ явная — и дѣйствительно обидно смотрѣть, какъ это человѣкъ сидитъ, пьетъ чай и получаетъ деньги... Но объ томъ, чтобы кому-нибудь изъ мірянъ пришла мысль самимъ вѣсть да выстроить анбаръ, самимъ назначить человѣка мірскаго, который бы смотрѣлъ за мельницей, представляя міру отчетъ, объ этомъ никто не заикнется; нѣтъ «на такіа» дѣйствительно общественныя дѣла ни выработанныхъ порядковъ, ни ритуаловъ. И повѣрьте, это тоже барщинный результатъ. Крестьянинъ можетъ только копошиться въ своей нуждинѣ или проявлять свои дарованія у кабака, востоящія же доходныя дѣла дѣлаетъ другой; мужику хорошо если достанется при этомъ «положенный», по питейному регламенту, стаканчикъ вина, а ужъ подлинный доходъ — это дѣло не мужицкое. Это какъ бы снѣже предвзначено для лицъ совершенно деревнѣ постороннихъ...

Другимъ рѣшкимъ примѣромъ, до какой степени крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, отыкъ отъ дѣйствительно нужныхъ мірскихъ дѣлъ, можетъ служить то, что казенныя и удѣльныя земли, отдающіяся въ аренду по весьма незначительной цѣнѣ и въ большомъ количествѣ повсюду, попадаютъ въ руки крестьянъ *оседа* только изъ вторыхъ рукъ, т. е. сначала они попадаютъ въ руки купца, человѣка, арендующаго цѣлый участокъ, а потомъ разберутся по ключамъ и за тройную цѣну крестьянамъ. Объявленія о продажѣ и отдачѣ въ арендное содержаніе земельныхъ и лѣсныхъ угодій постоянно рассылаются по волостнымъ краевеніямъ, даже и сельскимъ старостамъ, но на моихъ глазахъ не было случая, чтобы само общество рѣшилось бы не дать себѣ въ обиду: напротивъ, знаютъ, но какъ-будто ждуть, когда и кто возьметъ землю. — «Кто взялъ дуга-то?» — «Городской какой-то!» — «Гдѣ его приказчикъ-то?» — Тамъ-то. — И идутъ къ приказчику, который, отдавъ вчера по одному рублю за десятину, беретъ сегодня по три, по четыре и по шести. Беретъ деньги и пьетъ чай, а народъ глядитъ на него (надале, неблизко), и негодуетъ:

— Инъ красномордый! знай брюхо парить, да денежки собирать!...

*

Надѣюсь, что читатель пойметъ, почему въ предшествовавшемъ очеркѣ направленій и размѣровъ деревенской общественной мысли я не воснулъ той «крѣпкой думы», которая гнететъ каждую крестьянскую голову «дома», у его домашняго очага. не на сходкѣ, не у кабака, а подъ соломенной крышей своего дома. Братся за эту тему въ бѣглому очеркѣ, ииѣющею къ тому-же дѣлу остановить вниманіе читателя на извѣстныхъ опредѣленныхъ явленіяхъ, во-первыхъ, мнѣ не подъ силу: такъ эта «крѣпкая дума» многостороння и мучительна, и, во-вторыхъ, потому, что дѣло это трудное и требуетъ разработки обстоятельной. Ииѣя возможность только поверхностно остановиться на этой сторонѣ многочисленныхъ крестьянскихъ заботъ, мы можемъ указать лишь на то, что крестьянская дума одинока. Въ этомъ-то именно и заключается горе деревни: общественная мысль хлопочетъ о падатяхъ, о расходахъ на земство, на волость, на множество разнообразнейшихъ всевозможныхъ сборовъ, или разрабатываетъ кабацкій ритуаль, и драма деревенской избы, татота крѣпкой думы, подъ соломенной крышей, не выбралась изъ подъ крыши на сходку. Какъ встарь здѣсь мужъ училъ жену «за косу» и ни кто не касался, такъ и теперь «подъ сердитую руку», та же коса отвѣчаетъ за невзлечимую семейную неправду; какъ встарь слезами выплакивали горе по «Ванюшкѣ», который былъ бы отцу работничкомъ, и всей семьѣ заступничкомъ, да вдругъ померъ, такъ и теперь; какъ встарь, всѣ религиозныя вѣрованія, всѣ мысли о Богѣ и мірѣ, о солнцѣ красномъ и бѣломъ свѣтѣ, все это и теперь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, пытливая крестьянская голова, сколько бы она ни билась, ни мучилась, не рѣшить иначе какъ рѣшалось прежде, т. е. окончить при знаиѣемъ извѣстной картины страшнаго суда со змиѣю за начало и конецъ всего этого дѣла. Словомъ, какъ въ сѣдую старину, такъ и теперь всѣ возможныя религиозныя, семейныя, психологическія и глубокія общественныя задачи, волнующія каждый крестьянскій домъ, рѣшаются или по старинному, т. е. вымучиваются и оканчиваются этимъ безплоднымъ измучиваніемъ собственной головы, или вовсе никакъ не рѣшаются... А въ нихъ-то все и дѣло: только бы они-то выбрались изъ подъ низенькой соломенной крыши, только бы они сдѣлались достойными хотя такого вниманія, какимъ, напримѣръ, пользуется «еще непронятая» примычка, и въ деревнѣ въ самомъ дѣлѣ станетъ тѣсно, въ самомъ дѣлѣ станетъ душно въ крестьянской избѣ. Какъ только это случится, конецъ кабаку, конецъ деревенскому навозу, деревенской пьяной дракѣ, деревенской безпомощной

болѣзни, безслѣдной смерти... Деревня немедленно «укунить» столько земли, сколько хватить глазъ, и не будетъ ждать ни горнаго передѣла, ни «генеральной межи». Деньги найдутся немедленно. Амбаръ будетъ выстроенъ гораздо лучше, чѣмъ выстроилъ его красномордый, мельница будетъ въ исправности, да, пожалуй, и паровую задумають, учитель будетъ не такой, который самъ ничего не знаетъ, или не такой, который бѣется изъ-за куска хлѣба и котораго гнететъ презрѣнiемъ всякая деревенская шваль изъ породы Титъ Титычей, а настоящiй, знающiй дѣло человѣкъ.

Словомъ, какъ только зародится забота о своемъ, такъ тотчасъ-же русская деревня вновь начнетъ жить, мыслить и залечивать нравственныя язвы, унаслѣдованныя отъ барщины; иначе, все останется попрежнему: кабакъ, грязь, оторванная коса, нужда неисконная и вслѣшная тѣснота. Останется нѣчто трудное, скучное, даже невозможное. Подумайте въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли жаловаться на тѣсноту, наприимѣръ? Это у насъ-то, въ Россiи, тѣсно, нѣтъ мѣста, это у насъ «народъ бѣится изъ-за земли»!

Какъ-же вывести на дневный свѣтъ «крѣпкую» деревенскую думу?

Всякiй разъ, когда задаешь себѣ этотъ вопросъ, утомленная обыденными порядками мысль непремѣнно, невѣдомо почему, просто, кажется, ни съ того, ни съ другого, вдругъ выдвигаетъ такой вопросъ: «—А откуда «возьмутъ» жалованье имъ?..» Это ужъ такъ, какъ-то само собой является: до такой степени [повсюду много всевозможныхъ жалованiй, и до такой степени не дѣлается кругомъ даже ничтожнѣйшихъ вещей, безъ того, чтобы дѣлающiй не соприкасался съ какими-нибудь сундукомъ. Какое обилiе людей, примыкающихъ къ сундукамъ и какъ длиненъ самый рядъ сундуковъ—судить не намъ; пусть читатель представитъ себѣ это дѣло самъ, и ему будетъ понятно, почему, при рѣшенiи такого труднаго вопроса, каковъ деревенскiй, какъ будто ни съ того ни съ сего возникаетъ мысль о какомъ-то жалованьѣ. Не зная еще всей трудности деревенскаго дѣла, я въ одномъ изъ предшествовавшихъ отрывковъ, попробовалъ было опѣнить по деревенски оплачиваемые теперь знанiя и труды, и, между прочимъ, предложилъ врачу курицу въ вознагражденiе за медицинскую помощь крестьянину. За эту курицу одинъ врачъ не то что обругалъ меня, а съ непостижимой и постыдною злобою «осрамилъ» въ собственной газетѣ. Теперь я понимаю эту злобу, и говорю себѣ: «по дѣломъ, не

прикасайся съ такими требованіями къ человѣку, помазанному уже по губамъ земскимъ окладамъ рублей тысячи въ три, правда, за «санитарный надзоръ» надъ территоріей не менѣе Германской Имперіи. Нѣтъ, такихъ помазанныхъ окладами не оторвешь отъ земскаго или иного сундука — какая тутъ въ самомъ дѣлѣ ерунда! Ошибка моя была велика, и я понесъ за нее достойное наказаніе, тѣмъ болѣе достойное, что ни о какихъ жалованьяхъ и окладахъ въ настоящемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи.

VI.

... Вспомнился мнѣ разговоръ съ однимъ крестьяниномъ. Крестьянинъ — человѣкъ молодой. Очень часто онъ заходитъ ко мнѣ, сидитъ, молчитъ и смотритъ, что я дѣлаю. Сидитъ молча часа два, три, потомъ уйдетъ. Иной разъ разговорится. Впрочемъ, о современной крестьянской молодежи мы имѣемъ намѣреніе говорить особо, по возможности подробно, поэтому и полная характеристика молодого парня будетъ подробно изложена въ слѣдствіи. Теперь же скажу, что парень кой о чемъ крѣпче думаетъ, хотѣлъ бы кое-что знать, видѣть, но куда ни до чего опредѣленнаго не додумался: думаетъ часа четыре подрядъ, вздохнетъ, а не то плюнетъ и вздохнетъ, и уйдетъ.

Разговоръ зашелъ о новомъ волостномъ писарѣ, опредѣленномъ на мѣсто того, который, какъ извѣстно читателю, видѣвшему мои деревенскія замѣтки, уволенъ по случаю расхищеній волостныхъ суммъ вмѣстѣ со старшиною.

- Ну, что-жъ хоронѣ новый-то писарь?
- Ничего, пушай...
- Не мотаетъ мірскихъ денегъ?
- Нѣту, откуда что не слышно...
- Аккуратенъ?
- Знаю, что... А хуже прежняго-то!
- Какъ хуже? Вѣдь дѣло свое онъ справляетъ?
- Какъ не справлять, справляеть — ничего...
- Деньги не воруетъ, не тратитъ?
- Это что говорить.
- А вѣдь тотъ дѣла запустилъ и деньги мірскія бракъ.
- Да объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Размотали деньги до послѣдней полушки. Что худо, того ужъ хвалить нельзя, а ужъ что хорошо, тоже объяснить слѣдуетъ.

— Что-жъ въ немъ было хорошаго?

— А вотъ что: разговорчивъ былъ. Только вотъ это самое. Больше ничего въ немъ и не было стоящаго. Ну, а разговорчивъ, такъ ужъ насчетъ этого цѣны нѣту! Въ немъ, бывало, зайдешь по своему дѣлу — дѣла не сдѣлаешь, а не оторвешься, сидѣть бы, да слушать. А этоть что! Отъ этого слова путнаго не дождешься. Такая необходимая дубина!

— Да вѣдь дѣло-то дѣлается!

— Да, онъ дѣлаетъ; пѣсь съ нимъ и съ дѣломъ, дѣлай его. Про те говорю: старый писарь и дѣла не дѣлаетъ, да былъ обоедѣнный человекъ; разговоремъ былъ хороши. Обо всякихъ, на-примѣръ, дѣлахъ, обо всѣхъ предметахъ, или тамъ война, на-примѣръ, или же тамъ про разные статьи, какъ печатають — до всего доходилъ, все зналъ, говорить — не вслушавшись. Вотъ тамъ былъ хороши, а насчетъ дѣловъ, такъ это для нашего брата все одно; хороши ли онъ, худъ ли, нашему брату не велика прибыль.

И тамъ хвалить того самаго писаря, который на мирскія деньги, какъ извѣстно изъ учета, выписывалъ газеты. Поищите, что даже простой разговоръ, не о томъ, о чемъ «калѣкають» миряне, и тотъ въ деревенской жизни новость, и притомъ очень большая.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ деревнѣ не видать «разговорчиваго человѣка», хотя ему и было бы о чемъ поговорить здѣсь, и говорилъ бы онъ всегда отъ сердца, хотя и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, потому что всегда его рѣчи возбуждаются фактами окружающей дѣйствительности, а частица его рѣчей — нѣтъ, нѣтъ, да и перейдетъ прямо въ жизнь, на главахъ «разговорчиваго человѣка». А вѣдь «разговорчивыхъ людей у насъ немало, да разговоривать-то они все въ пустыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ вовсе въ нихъ и не нуждаются. Нетолько «разговоривать», а даже прямо пойдяютъ сами себи, истощаясь, жившая въ чисто-теоретическихъ разглагольствіяхъ.

Нѣкоторое время зналъ я здѣсь одного молодого человѣка. Андрей Василить Соковецкій былъ смѣль притчетнива, человѣка, обремененнаго семьей, нуждой во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ такомъ удивительномъ совершенствѣ разработанныхъ на русской землѣ; неволя заставляла жениться, неволя заставляла гнуть шею передъ батюшкой, передъ всѣмъ приходомъ, передъ каждымъ миродѣломъ, и притомъ передъ каждымъ отдѣльно, на свой образецъ, гнуть изъ-за того, что семья, которую человѣкъ не желалъ имѣть, но которую нельзя бросать. Можете представить весь ке-

лодь такого существованія, весь гнетъ униженія, вся громадность размѣровъ поруганія надъ человѣческимъ достоинствомъ. Андрей Васильичъ съ дѣтства не слыхалъ ничего, кромѣ горькаго, слезнаго ропота отца, матери, дѣтей на свое существованіе, на безвыходность изъ ужасовъ этого существованія.

Всякому извѣстно, что причетникъ, съ семьей человѣкъ въ шесть, всегда бѣднѣй бѣднаго мужика, что для него, для его дѣтей крестьянскій дворъ, гдѣ все свое, гдѣ никто его не согнѣтъ съ насиженнаго мѣста—предметъ зависти; Андрей Васильичъ до четырнадцати лѣтъ оставался неграмотнымъ, всё эти годы работалъ около дома, какъ работаетъ простой мужикъ; онъ зналъ, какъ ходить за скотиной, какъ ее убирать, вѣсти, зналъ, какъ пахать, боронить; радовался при урожаѣ, горевалъ—и горько—въ засуху; словомъ, вся крестьянская забота была ему такъ же близка, какъ и всякому крестьянину. Но, кромѣ этой заботы, онъ, какъ человѣкъ, поставленный въ худшія условія, чѣмъ любой крестьянскій мальчикъ, завидуя, изучилъ, примѣтилъ все хорошее въ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, примѣтилъ, потому, что въ его жизни этого не было; мало того, какъ членъ семьи, которая то смещается на судьбу, то, измучанная, поворно возлагаетъ надежды на Бога, онъ не разъ въ жизни, вмѣстѣ съ семьей, имѣлъ случай быть действительно спасаемымъ—и именно крестьяниномъ. Въ глухую зимнюю ночь, во время отсутствія отца, который ушелъ въ городъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто и не возвращался, и не шелъ домой цѣлый годъ, когда семья съѣла все, что было въ дошѣ, когда ребята буквально «кричали» отъ голода, мать сказала маленькому Андрею: «пойдемъ!» И пошли они за господскіе амбары воровать... Андрей Васильичъ до сей поры не забылъ этой ночи, этого ужаса, который охватилъ его душу отъ воя вѣтра, отъ страха быть пойманнымъ и отъ жгучаго стыда...

И вдругъ—Господь спасъ ихъ: «откуда ни возьмись»—крестьянинъ. Кажется, онъ темною ночью пробирался изъ лѣсу съ мірскими дровами... Онъ самъ зналъ нужду, и сразу понялъ, зачѣмъ пономариха съ сыномъ толкуются за амбарами...

— Власевна! сказалъ онъ тихо.—Что ты это!.. Паринку заморозилы!.. Сажай его—довезу до дому.

Довезь, дажь и дровъ, и хлѣба. Буквально спасъ.

Черезъ годъ, отъ отца пришло письмо: оказалось, что онъ получилъ мѣсто уже въ другой губерніи, куда дошелъ пѣшкомъ, а не писалъ потому, что писать было нечего—не поможешь; цѣлый годъ онъ по грошамъ собиралъ деньги на переѣздъ семьи

и теперь вот посылаетъ десять рублей. Онъ знаетъ, что за эти деньги нельзя доѣхать—такъ далеко онъ забрался—но писать, что больше нѣтъ, достать негдѣ, какъ знаете, «больше моихъ силъ нѣтъ!» На переѣздъ за однихъ только лошадей требовалась сумма, по крайней мѣрѣ, разъ въ семь болѣе присланной, и что же, опять Богъ спасъ и опять въ лицѣ крестьянина: нашелся человекъ, «пришелъ самъ», который взялся отвезти и за десять рублей—ради Христа потрудиться... Отвезъ, да еще всю дорогу, около мѣсяца, кормилъ семь человекъ...

Немного, правда, было такихъ случаевъ въ жизни Андрея Васильича, но то, что было, оставляло слѣдъ неизгладимый, вѣковѣчный; навѣки посѣвало въ сердцѣ впечатлѣніе красоты души этого заскорузлаго, грубаго, безжалостнаго крестьянина... Такимъ образомъ, Андрей Васильичъ зналъ крестьянина, какъ человекъ подневольный, *болше*, чѣмъ крестьянинъ знаетъ самъ себя; онъ зналъ его и грубость, и беспечальность, и желаніе гнуть въ дугу, но зналъ и силу крестьянскаго великодушія, и доброту, и пониманіе чужой нужды, бѣды...

На четырнадцатомъ году, отецъ хотѣлъ отдать его въ мужику въ кузю, въ ученики. Мать заступилась и, послѣ цѣлаго мѣсяца жестокихъ ссоръ съ отцомъ, настояла на томъ, чтобы вести неграмотнаго, уже четырнадцатилѣтняго мальчика въ духовное училище. Въ городѣ, въ семинаріи у Андрея Васильича былъ братъ, тоже съ дѣтства измученный нуждой и уже знавшій, что вся будущая жизнь его—та же нужда, такъ какъ сердце говорило ему, что отецъ не долго наживетъ, что вся семья только и надѣется на него. И вотъ ему предстоитъ уже помочь семьѣ: помѣстить въ училище неграмотнаго парня... Какія все задачи достаются на долю этихъ труженниковъ! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, помѣстить неграмотнаго въ училище, гдѣ требуется экзаменъ? Но находятся добрые люди, совѣтуютъ, «выбираютъ время», и Андрей Васильичъ попадаетъ въ училище... Выбранъ былъ какой-то особенный моментъ, когда могло совершиться такое дѣло; жена смотрителя, женщина горячая, суетится, спѣшитъ; задумаетъ что—все вдругъ; въ субботу смотритель и смотрительша ѣздили во всеобщую въ седьмомъ часу; тутъ, обыкновенно, въ домъ идетъ содомъ—смотрительша, въ суетахъ, шумитъ, торопится... Смотритель, *обыкновенно*, самъ не свой, тоже какъ оглашенный... Все это было изслѣдовано и устроено такъ, что неграмотнаго малаго всунули къ смотрителю въ самый разгаръ сборовъ во всеобщую... Какъ и слѣдовало ожидать, смотритель, «обыкновенно въ это время какъ оглашенный», бормоталъ въ попыткахъ — «не время», «не

время», его просили проэкзаменовать, потому что мальчику негдѣ жить и надо либо поступить сейчасъ на казенный счетъ, либо ѣхать назадъ. Смотритель, задавая какой-нибудь вопросъ, конечно, въ попыткахъ, спрашивалъ: «Кто сотворилъ міръ?» Но жена не давала покою, и экзаменъ прерывался... Въ попыткахъ, наконецъ, смотритель, какъ бы выбившись изъ силъ, сказалъ: «Ну, пусть остается...» И оба съ женой, еле перевода духъ отъ усталости, уѣхали во всеношнюю, а неграматный былъ принятъ.

Семинарскаго жителя-бытья Андрея Васильча я описывать не буду. Труженикъ-братъ на своихъ плечахъ вынесъ его изъ бѣды, которая ежеминутно могла разразиться, ежели бы открылся обманъ. Работая до упаду днемъ надъ своими уроками, онъ по ночамъ работалъ съ братомъ: одновременно онъ учился читать и писать и навзустъ, со словъ брата, выучивалъ всѣ заданные уроки. Черезъ годъ такой муки, Андрей Васильчъ, наконецъ, справился, сталъ настоящимъ неподдѣльнымъ ученикомъ, пошелъ по обыкновенной семинарскаго дорогѣ и пошелъ хорошо.

Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ проживалъ у дальняго родственника изъ духовныхъ, верстахъ въ десяти отъ той деревни, гдѣ пришлось жить и мнѣ. Кто-то изъ заѣзжихъ крестьянъ, услышавъ, что въ контору требуется грамотный человѣкъ, для переноски прошлогоднихъ счетовъ и отчетовъ, указалъ на Андрея Васильча, приговоривъ, что парень этотъ больно добѣръ, только бы ему маленько съ дѣлами справиться...

Написали Андрею Васильчу записку съ предложеніемъ работы, предложили рубль серебромъ въ сутки и сказали, что работы хватить на мѣсяць, а то и на два. Приѣхалъ немедленно въ восторженномъ состояніи, съ множествомъ плановъ: главное, ѣхать учиться. По приѣздѣ, Андрей Васильчъ сейчасъ же сѣлъ за работу и недѣли двѣ подрядъ корпѣлъ надъ всевозможными счетами; казалось, онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ, какъ только объ этихъ счетахъ, о томъ, чтобы рублей не записать въ кошелекъ, а если придется сходить куда-нибудь, такъ только по дѣламъ, все насчетъ тѣхъ же цифръ, рублей и копеекъ, а между тѣмъ его деревенское происхождение, его знаніе деревенской жизни, деревенскихъ рѣчей, манеръ, лицъ, все-таки сдѣлали то, что онъ въ эти двѣ недѣли нисколько не забылъ деревню, но уже вошелъ и въ ея интересы. Припомните, какое значеніе въ жизни его имѣла деревня, и вы, надѣясь, поймете, что не войти въ деревенскіе интересы для Андрея Васильча не было возможности. Прошло два мѣсяца, счета были окончены, а Андрей Васильчъ не могъ ѣхать, все

дѣла, то то, то другое. Онъ продолжалъ *проживать*, т. е. спать и объѣдать кой гдѣ, гдѣ застигнуть обстоятельства.

Свалился съ крыши человекъ, плотникъ, лежить и не дышетъ. Разумѣется, никто не знаетъ, какъ и чѣмъ помочь.

— Повеяло Андрей-то Васильича!.. говорить народъ.

Андрей Васильевичъ приходитъ. Оказывается необходимому *спиртъ*.

Сторожъ-солдатъ, находящійся среди зрителей, объявляетъ, что у него есть, наприкѣръ, одна штука, и бѣжить за ней. Скоро онъ возвращается съ бутылкой, въ которой какая-то жидкость.

— На-ко, погляди, что такое. Она стоитъ въ чуланѣ уже второй годъ, не то лекарство, не то что; пѣсь ее знаетъ, что такое. Пробку объѣдаетъ и дымъ валить... А штука крупная—одно слово!

— Чего лучше! говорить, въ толгѣ, обдай ему спину-то, оно жаромъ его очуствуетъ.

Бутылка дымится и точно объѣла пробку, но что такое въ ней, никому неизвѣстно.

— Ишь пѣсь какой, лютаѣ, шельма!.. толкуютъ въ толгѣ.

А Андрей Васильичъ спораетъ со стыда, онъ также не знаетъ, что за пѣсь въ бутылкѣ, и хотъ настоялъ на томъ, чтобы не поливали эту жидкостью спины плотника, но горько пожалѣлъ о своемъ неизвѣстнѣ. Плотникъ очнулся, а Андрей Васильичъ, разглядевъ какой-то старый лечебникъ, всецѣло отдался изученію его... Стыдъ незнанія, такъ ослзательно доказанный ему живнѣю, мучить его. Буда ни пойдеть—лечебникъ у него въ рукавѣ.

— Что, Андрей Васильичъ, жена мол помираетъ быдто, говоритъ мужикъ.

— Чѣмъ она больна? давай я по лечебнику...

— Да пуцай ее помираетъ... Право...

— Какъ такъ, зачѣмъ?

— Не по душѣ мнѣ она... Пуцай, не трогъ ее помираетъ... а то ей хуже будетъ... Изъ всѣхъ сердцовъ она мнѣ выводитъ... потому китрал, злобная женщина. Меня на ней насильно женили.

Идетъ рассказъ о насильственной женитьбѣ, о зломъ характерѣ жены, которая виновата тѣмъ, что не спросила у жениха до свадьбы, хотеть ли онъ вѣсть ее, а вышла съ первого слова... Андрей Васильичу есть что сказать, хотъ все, что онъ и говорить все вещи старыя, всѣмъ извѣстныя. Но тутъ въ деревнѣ онѣ нужны.

— А лечить все-таки лечи. Это нельзя... Поѣзжай къ фельдшерницѣ, привези...

— Куда я въ ентакую погоду... Это и самъ замерзнешь.

— Поѣзжай, непременно...

— Да у меня лошадь споролась; играя, да на волю грудью наткнулась, на лѣвую переднюю не ступить.

— Да что же ты за чортъ послѣ этого! Безсовѣстный ты человекъ! Мало колотилъ ты ее, теперь бросилъ умирать какъ собаку! Найми у мужика, ежели своей лошади нѣтъ.

— На что я найму? У меня и гроша за душой нѣту.

— Ну, такъ я тебѣ найму. Поѣдемъ со мной.

— Да по мнѣ—нанимай.

Андрей Васильчъ занимаетъ рубль серебромъ у мужика, члена банка. Мужикъ даетъ ему деньги и говоритъ:

— Ты вотъ что, Андрей Васильчъ, *ты хонь и три возьми, да распутай ты меня съ банкой съ эстой!.. Вѣдь ночей не сплю. Народъ говорить—нажился... Черти эдакіе. А я тебѣ по чистой воть, по совѣсти, какая бываетъ у человекѣа совѣсть, напримѣръ, чистая...

— Ладно, ладно...

И еще разъ, жизнь вткнула Андрея Васильча въ маленькое, но серьезное дѣло—въ семейную драму... Поправившись, больная идетъ къ нему благодарить, и рассказываетъ, что во время болѣзни родные, мать родная и сестры, выбрали у нея изъ сундука все до нитки: «думали, умру!» «Мужъ въ ту пору, томѣ моей смерти дождался, а теперь вотъ, когда Богъ помогъ встать, заступаться сталъ». Мужъ точно сталъ совсѣмъ другой, горой стоитъ за жену или за имущество—неизвѣстно... И опять Андрей Васильчу, какъ человекѣу деревенскихъ интересовъ, нельзя не вступится въ дѣло.

Покуда онъ участвуетъ во всѣхъ семейныхъ ссодкахъ, покуда онъ съ величайшими усиліями добивается «уступокъ», т. е. покуда, благодаря ему, родители возвращаютъ взятые вещи; возвращаютъ медленно, съ промежутками, по полотенну, по парѣ чулокъ, народный говоръ тянетъ его въ банкъ—«разбери!» Но прежде, нежелая вѣзаться за дѣло и разобрать какъ слѣдуетъ, надо отдать рубль серебромъ члену, котораго обвиняютъ въ разтратѣ. Андрей Васильчъ рѣшается наняться на эту работу у товарищества. Происходитъ самый обыкновенный наемъ.

— Много-ль тебѣ надо-то?

— Да вы дайте мнѣ, чтобъ хватило на ѣду и на табакъ.

— Много-ль?

- Да рублей восемь.
- Это въ годъ, что ли?
- Какъ въ годъ, въ мѣсяцъ!
- У-у-у, ты Боже мой! Куды такую прорву... Это и совсѣмъ банку пристановить надо... Табаку на столько рублей.
- Дураки вы этакіе! кричать кто-нибудь изъ тѣхъ, кто слышалъ въ чемъ дѣло. — И на пищу и на табакъ.
- Больно жирно восемь-то рублей... Этакъ по восьми-то рублей будемъ проѣдать, такъ намъ и съ банкой надо по міру жить.
- Да вы сосчитайте, много ли я прошу-то.
- Клади на щетахъ!.. Давай щеты! Это лучше всего!
- Онъ тебѣ на сорокъ нащитаешь! Щеты-то велики!
- Клади, клади!.. Будеть галдѣть, дьяволы!
- Раздается стукъ щетъ.
- Клади, говоритъ Андрей Васильчъ: — на харчи хоть по пятнадцати копеекъ въ сутки...
- Куди—столько! Это разворъ...
- Да ты скажи, горячася вопіеть Андрей Васильчъ: — почемъ говядина? Ну, почемъ фунтъ мяса?.. Ну?
- Тенерь поди постъ!
- Я говорю—ты скажи цѣну? Какая цѣна?
- Ну, три копейки...
- Ну, три фунта девять...
- Да это лопнешь съ трехъ-то фунтовъ...
- Лопну или не лопну—это дѣло мое! А меньше трехъ фунтовъ мнѣ въ день нельзя. Попадется кость — въ ней тоже фунтъ цѣлый пропадетъ вѣсу-то.
- Вѣрно! раздается голосъ.
- За три заплаты, а ужъ трехъ фунтовъ никогда не при-весешь.
- Вѣр-р-риа-а! утверждаютъ нѣсколько голосовъ.
- Такъ какъ же ты хочешь, чтобы на обѣдъ и на ужинъ хватило меньше трехъ фунтовъ!.. съ горькимъ упрекомъ говоритъ Андрей Васильчъ.
- Чтò ты его слушаешь, раздаются сочувственные голоса.
- Онъ самъ не знаетъ что у него языкъ болтаетъ... Ладно! Верн на три фунта — чего тамъ, авось не проѣшь.
- Едва улаживается дѣло съ мясомъ, какъ вопросъ о курительномъ табакѣ вновь поднимаетъ цѣлую бурю, и только послѣ весьма продолжительныхъ преній, оранья, брани, перекоровъ — дѣло рѣшается въ пользу Андрея Васильча.

— Ладно! Пуцай! говорятъ одни.

— Шутъ съ ними! заманивають дѣло другіе.

И Андрей Васильичъ принимается за работу. Оказывается необходимѣе разобрать не только книги послѣдняго года, но всѣ банковыя дѣла съ основаніи, причемъ въ теченіи послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ оказывается такая путаница, которую, кажется, нѣтъ никакой возможности разобрать, если основывать все дѣло на писанныхъ документахъ и записяхъ. Записи, въ родѣ наприкладъ: «дано въ кабацкѣ 10 р.; или Миридоновы за 22 фун. по 13 коп. за вичину брата опсвятцахъ повернуть въ оборотныя» и т. д., безъ означенія года, мѣсяца и числа, записи, однако, свидѣтельствующія о томъ, что въ кабацкѣ дѣйствительно дано, а Миридонова вѣщина тоже дѣйствительно зачислена въ оборотныя—все это требовало другихъ, не писанныхъ документовъ и разъясненій; необходимы были словесныя объясненія, распросы, и е вѣщинѣ, и е Миридонѣ, и о кабацкѣ. Необходимо было поэтому перезнакомиться не съ одной, а съ двадцатью деревнями, необходимо было развѣзжать по этимъ деревнямъ, почевать въ кабацкѣ, распрашивать и Миридона, и миридоновыхъ односельчанъ. При этомъ обнаруживается такая масса приятныхъ и отталкивающихъ вещей, что знаніе народной среды, приобретенное въ дѣтствѣ и отрочествѣ, дѣлается у Андрея Васильича еще шире. «Нѣтъ, рѣшаетъ онъ: — сюда надо являться во всеоружіи знанія и опыта, а дѣла здѣсь — нѣтъ числа!» И мысль о знаніи мучитъ его; доработывая банковое дѣло, онъ только и думаетъ о томъ, хватитъ ли у него денегъ на пароходъ?..

Наконецъ, дѣло окончено: выяснены всѣ темныя мѣста, всѣ пропуски; все записано вполнѣ, на основаніи всевозможныхъ справокъ; съ громадными усиліями достигнуто то, что нѣтъ вармана лицъ, завѣдывавшихъ банкомъ, были возвращены и 10 р., данные въ кабацкѣ, и деньги за миридонову вѣщину, словомъ выяснена вся сумма недочета, и по возможности, съ ругательствами, бранью, проклятіями, возвращена въ банковую кассу... Дѣло сдѣлано старательно, справедливо, ничего неутасно. Лучшее всѣмъ объ этомъ знаютъ виновные, и по окончаніи Андрей Васильичемъ работы, чувствуя, что худое дѣло какъ никакъ, а снято съ ихъ плечъ, виновные въ банковыхъ беспорядкахъ начинаютъ относиться къ нему съ искреннѣйшей благодарностію. Они знаютъ, что могло быть и хуже, что, несмотря на то, что Андрей Васильичъ, кажется, ужь до всего доходилъ, а въ самомъ дѣлѣ-то до корня не добрался, а безъ него—кто станетъ

добираться? Такого другого человека не найдти. Стало быть, самый корень-то такъ и останется въ забвѣннѣ.

— Спасибо тебѣ, вотъ какое спасибо! искреннѣйшимъ образомъ говорить одиъ изъ виновныхъ. — Оправиль ты меня!.. Я ужь думалъ — Сибирь мнѣ — пойдемъ чай пить!..

— Нѣтъ, не хочу!

— Съ медомъ!.. Ну, сдѣлай милость, пойдемъ!..

Другой, тоже изъ числа оправленныхъ, зоветъ къ себѣ.

— А отсюда ко мнѣ, бражкой угощу! ужь какъ ми тобой довольны, вотъ тебѣ передъ Богомъ!..

Нехорошо на душѣ у Андрея Васильича. Знаеть онъ, что люди эти неразъ, во время банковской работы, оставили у него на душѣ тяжелое, обидное впечатлѣннѣ!..

— Обругать бы тебя надо, Игнатій Петровичъ! говорить онъ одному изъ «оправленныхъ»: — а не чай пить!..

— Ну, будетъ! Знаю я! Оставь это, сдѣлай милость, пойдемъ!..

— Да и тебя, Капитонъ Васильичъ! И у тебя рыльце въ пушку! Ужь извини!..

— Мы что знаемъ?.. наввинчаетъ Капитонъ Васильичъ: — мы нешто грамотные?.. Тамъ писаря напишутъ Богъ вѣсть что, а мы отвѣчай!.. Нашего брата и такъ ужь пилили-пилили!.. Я съ этой банки — ночей не спалъ!.. Богъ съ ней и съ банкой! А доволенъ я, что, по крайности, ты меня выправилъ!.. Кабы по-мене ты съ меня начоту взялъ, я-бъ тебя, вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю, не то чтобы бражкой!.. а самымъ что ни есть!.. да ужь больно ты меня деньгами-то навазаль!..

— Мало! мало, Капитонъ Васильичъ!

— Да ббб-у-дѣть вамъ, Христа ради!.. умоляетъ первый изъ виноватыхъ. — Пойдемъ чай-то пить, шутъ съ ней и съ банкой!..

— Нѣтъ, погоди!.. Вотъ онъ жалуется, что съ него много взято.

— Да пушай его жалуется! Перестанеть!..

— Да я и не жалуюсь. Благодаримъ-молю покорно!.. Оправил!.. Ну, маленько многовато бытто!..

— Нѣтъ, маловато, Капитонъ Васильичъ! Давай я тебѣ на счетахъ докажу.

— Нешто ми что знаемъ? На счетахъ все можно!..

— Н-ну, нѣтъ, братъ!.. сердясь уже произносить Андрей Васильичъ!

— То-то мы не понимаемъ эффаго!.. А представляется нашему уму, глуному — бытто лишки. Да это что ужь! Богъ съ ними, не про это!.. А что благодаримъ, больше ничего!..

Андрей Васильчъ не можетъ не волноваться. Капитонъ, хотя и говоритъ свои рѣчи улыбаясь, но очевидно имѣетъ противъ него зубъ, неудовольствіе и будетъ цѣлать его непрестанно, сколько ему ни разъясняй, ни разтолковывай... Это одинъ изъ упорныхъ деревенскихъ земцевъ, смиренный, подхалимоватый, но злопамятный человѣкъ... У Андрея Васильча, знающаго все это и не разъ выводимаго изъ всякаго терпѣнія людьми этого сорта, закипаетъ желаніе во что бы то ни стало убѣдить этого земца, сломить это упорное отстаиваніе явной неправды, неправды, про которую знаетъ самъ Капитонъ, да не хочетъ созваться.

— Нѣтъ, говоритъ Андрей Васильчъ: — ты меня, Капитонъ Васильчъ, ужъ, пожалуйста, не благодари, сдѣлай милость... А вотъ что я тебѣ скажу. Я было собрался уважать, думать, что дѣло это кончено; ну, а теперь останусь... Давай опять всѣмъ міромъ провѣрять книги...

— Что ты! Что ты! вотъ еще затѣваешь!.. вопіуть оба оправленные въ одинъ голосъ.—Ну ее къ Богу.

— Нѣтъ!.. задѣтый за живое, говоритъ Андрей Васильчъ:— давай съзнаюва. Говори, на чемъ тебя общитали.

— Да будетъ тебѣ! Брось ты его лысаго дурака!

— Ну—въ чемъ?.. пристаешь Андрей Васильчъ.

— Али захотѣлъ, чтобъ хуже было? А какъ накатаютъ на твою лысину еще съ полсотни—лучше будетъ?

— Да, Господи, помилуй! Нешто я жалуясь!.. ужъ вполне виноватымъ тономъ произноситъ Капитонъ.—Что вы это!.. Я только такъ, молъ... Что вы насъ, дураковъ, слушаете?.. Я нешто—что?.. Опять считать! Нѣтъ, ужъ увольте, и такъ она вонъ гдѣ, банна-то...

— А надо бы тебя, Капитонъ Васильчъ, поприжать!.. Погоди!.. Ей Богу, я—опять засяду. Я сорокъ рублей записалъ на жалованье письмоводителю, то есть будто бы себѣ, а вѣдь эти деньги прямо надо съ тебя взять...

— Помилуй, что ты! Господи Боже мой! Чай, и этого будетъ!.. Еще сорокъ! Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, ты это оставь...

Капитонъ начинаетъ ужъ умолять. Андрей Васильчъ доказываетъ ему, что онъ не будетъ вновь поднимать этого дѣла потому только, что ему надо ѣхать; а то бы слѣдовало пробрать Капитона Васильча и не такъ... Дѣло кое-какъ улаживается; Андрей Васильчъ чувствуетъ, что онъ дѣлалъ дѣло правильно, какъ могъ, никому не помирволилъ, и что протестъ Капитона онъ, по совѣсти, имѣетъ право оставить безъ вниманія, хотя

знать, что Капитонъ, испуганный перспективою переучота, только притворился вполне удовлетвореннымъ и что ушелъ онъ домой все-таки со злобой въ сердцѣ.

Надо, надо ѣхать!.. На будущее же лѣто Андрей Васильичъ воротится сюда же — здѣсь много у него образовалось связей, знакомства — куда-жъ ему возвращаться, какъ не сюда? И гдѣ онъ такъ много работалъ, гдѣ въ немъ такъ нуждались, какъ здѣсь?

Онъ совсѣмъ собрался; только денегъ не хватаетъ... Вопросъ о деньгахъ только-что было началъ возникать въ ряду его размышленій, какъ вновь случилось новое, совершенно деревенское, обыкновеннѣйшее обстоятельство, которое, однако, заставило сразу забыть и поѣздки, и вопросъ о деньгахъ.

— Скоро-ль ѣдешь-то? спрашиваютъ его, дня черезъ два послѣ окончанія банковскихъ дѣлъ, одни изъ мужиковъ-пріятелей.

— Да вотъ, не знаю... Скоро, я думаю...

— А тамъ про тебя!..

Мужикъ пріятель махаетъ рукою.

— Что такое?

— Гадать, не приведи Богъ что!..

— Что же именно гадать-то?..

— Сказываютъ такъ, бытто подѣлили вы съ (имя рекъ) барыши... Онъ бытто тебѣ денегъ отвалилъ... Былъ ты у него опосля банки?

— Былъ.

— Пилъ чай?

— Пилъ.

— А послѣ на пчельникъ поѣхали?

— Да, ѣздили на пчельникъ...

— Давалъ онъ тебѣ тамъ деньги?

— Давалъ!

— Ну, вотъ!..

Андрей Васильича сразу хватается за сердце послѣ этого «ну, вотъ!», сказаннаго его хорошимъ пріятелемъ такимъ тономъ, который давалъ этой фразѣ необычайно оскорбительный смыслъ: — «ну, такъ стало быть не даромъ они гадать-то»... Вотъ какой смыслъ таился въ этомъ краткомъ «ну, вотъ».

— Да вѣдь это я съ него восемь рублей за послѣдній мѣсяцъ получилъ!

— Поди, толкуй съ ними!

— Да вѣдь я нанмался къ нимъ за восемь рублей! Вѣдь они же должны помнить это?

Т. ССXLIV. — Отд. I.

— Да, такъ они и стануть разбираться!.. Много они понимаютъ... Имъ нешто что... Получалъ деньги—вотъ те и все... Нешто ты ихъ урезонишь? Вонъ еще говорятъ, на Миридоновой вичиѣ Капитона, обсчитали... Насчитали по 13-ти копеекъ, а она по 11-ти съ половиною. Свидѣтель показываетъ на тебя, какъ деньги-то брались... А два ли, три ли рубля Капитоновыхъ не приписано, а онъ изъ своихъ проѣздилъ на извозчикѣ въ городу... значить, по банк—скимъ дѣламъ... А съ того, что вы подѣлились-то вмѣстѣ, не взялъ лишковъ-то, потому заодно... Ты бралъ у него лошадь?

— Когда?

— А онаедни, мѣсяца съ четыре назадъ?

— Это за фельдшерцей-то ѣздили?

— Да ужъ зачѣмъ тамъ ни ѣздили... Брали, говорю?

— Брали.

— Ну, вотъ!..

И опять это — «ну, вотъ!» бьетъ прямо въ сердце. На этотъ разъ въ немъ слышится нѣчто другое: «Вотъ вѣдь все такъ выходитъ!..» какъ будто бы начиная подозрѣвать, думаетъ мужикъ-пріятель, говоря свое «ну, вотъ!..»

— Ну, вотъ, продолжаетъ онъ:—они и болтають, бытто у васъ съ нимъ давнымъ давно шуры-муры!.. Да про бабу, про эту...

— Про какую бабу?

— Ну, вотъ, что больна-то была... Еще лечилъ-то, а опосля того имущество ейное выхлопатывалъ.. И про бабу тоже болтають, что, молъ, отецъ ее тоже въ банкѣ, а съ него нѣту начету...

— Да мало ли тамъ! закончилъ пріятель свою бесѣду, вновь махая рукой. — Ихъ, чертей, нешто переслушаешь! У нихъ — поди-ко!..

Андрей Васильичъ очень хорошо уже зналъ, что обнаружить свое негодование значить усилить даже въ пріятель-мужикѣ всевозможныя подозрѣнія; зналъ онъ также, что разъяснить дѣло тихимъ манеромъ—тоже вещь бесполезная, ибо ровно ничего и никому не разъяснишь, да и никто не нуждается въ разъясненіи, такъ какъ галдѣніе это имѣетъ совершенно опредѣленную цѣль: именно, мирѣды и коштани желаютъ сорвать съ одного изъ «оправленныхъ» по банковому дѣлу могогарычи (по степному, «давасы») и тѣмъ болѣе надѣются ихъ сорвать, чѣмъ срамота. пущенная про него, будетъ больше по размѣрамъ, чѣмъ больше будетъ осрамлено людей, которые за свой срамъ, благодаря все тому же одному лицу, конечно, навалятся на это лицо съ гнѣ-

вонъ, бранью, такъ что, въ концѣ концовъ, какъ ни крѣпись: а опозориваемый и ругаемый человекъ долженъ-таки будетъ со- гласиться на такую питейную жертву, размѣръ которой немо- гаютъ господа посрамители.

Все это Андрей Васильчъ зналъ; зналъ онъ, что его срамить, такъ сказать, по пути, чтобы, осрамленный, онъ самъ сорвалъ зло на виновникѣ всей путаницы; зналъ, что и бабу приплетаютъ сюда и поворотъ ее—все для того же, чтобы отецъ бабы, всту- пившись и за свою, и за дочеринику обиду, также бы не обошелъ безъ ненависти все того же единственного виновника. Зналъ Андрей Васильчъ, что все это дѣло, которое, несмотря ни на что, непременно должно кончиться могоарычами, такъ какъ: ви- новника, окружа со всѣхъ сторонъ, «припрутъ» всевозможными свободами, и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также зналъ, что всю эту исторію можно прекратить мгновенно, стоить только дать свои восемь рублей виновнику (который будетъ уператься до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ) и пусть онъ удовлетворитъ господъ мироѣдовъ... Но справедливо ли это? Честно ли? И вре- мѣ того, развѣ это не явное подтвержденіе всѣхъ сплетенъ!

— Нѣтъ, подумалъ Андрей Васильчъ:—такъ оставить этого нельзя. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой возможности ни разъяснить, ни опровергнуть распускаемыхъ сплетенъ, по этому, говоря себѣ «сначала», онъ имѣлъ въ виду не разрушеніе этихъ сплетенъ и не опроверженіе ихъ, а ненависть, уже успѣвшую въ немъ вос- питаться, къ владычеству мироѣдовъ и кулаковъ, къ выработан- нымъ ими приемамъ, помощію которыхъ они гнетутъ и обращаютъ міръ. Игъ, т. е. главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой механи- ки, нужно только сорвать съ человѣка воду — ничего больше. Сколько они пускали и пускаютъ въ ходъ для этого всякой га- досты, клеветы, лжи, обмана и т. д. Сколько напускаютъ они въ сознаніе народа всякаго тумана, къ какимъ подлымъ взглядамъ приучаютъ его! Все это сразу охватило Андрея Васильча, и онъ рѣшился обнаружить, вывести на свѣжую воду, если не воѣ— на это не хватитъ силъ—то хоть что-нибудь изъ этихъ продѣ- локъ показать добродушнымъ мирянамъ, въ чемъ сила этихъ деревенскихъ умниковъ и авторитетовъ, осрамить ихъ такъ, что- бы самому малому ребенку стала ясна ихъ гнусная суть.

Какая же тутъ побѣда... Тутъ идетъ ни чуть не меньшее сверженіе министерства Бродль-Фурту, разоблаченій ихъ козней и т. д. Нѣтъ! тутъ есть надъ тѣмъ поработать!

Андрей Васильчъ: «свало за живое». Предстоящая работа ни тѣмъ не напоминала той, которая занимала его до сихъ

поръ; это не утомительное банковое подсчитываніе, не безстрастное распрашиваніе о разныхъ разностяхъ, касавшихся банка; не леченіе, наконецъ. Нѣтъ, въ предстоящемъ дѣлѣ слѣдовало быть мудрымъ, яко змій, и кроткимъ, какъ голубь. Это было дѣло высшей политики. Необходимо было тончайшій расчетъ, чтобы не обнаружить плана, чтобы напасть въ расплохъ, необходимы были факты, и люди, готовые своимъ словомъ поддержать ихъ на міру. Предстояла настоящая парламентская борьба. Говоримъ это совершенно серьезно, такъ какъ парламентскіе приемы, подвохи, подходы и т. д., отлично разработаны деревней; а результатъ ихъ — выпивка.

Здѣсь кстати сказать два слова о коштанакъ и міроѣдахъ, властвующихъ надъ современной деревней. Мы пишемъ не каштанъ, какъ пишутъ нѣкоторые, а коштанъ, потому что слово это происходитъ отъ слова «коштъ». Коштанъ — человекъ, который живетъ на мірской коштъ; міръ его коштуетъ, кормитъ... Между міроѣдомъ и коштаномъ существуетъ значительная разница. Міроѣдъ ѣсть міръ тѣмъ, что нарываетъ нравственно запугать, придавить человека; ему мало, чтобы на него работали за долгъ, мало запутать человека изъ-за нужды и нажитья трудами, онъ еще желаетъ держать въ рукахъ совѣсть деревенскаго человека. На сходкахъ, онъ нарываетъ осрамить провинившагося человека такъ, чтобы тотъ не зналъ куда дѣться, и, потому, за вино, конечно, помиловать, но такъ помиловать, что помилованный будетъ «чувствовать» свою зависимость отъ помиловавшаго. Міроѣдъ — это самованный судія, грозный отецъ деревни (такова его цѣль), беспощадный каратель всякаго дурнаго поступка... Отъ него, отъ его слова зависитъ, чтобы человека на вѣкъ осрамили, наприимѣръ, выпоровъ его на сходкѣ; міроѣдъ мастеръ стыдить, усовершенствовать, обличать; онъ постоянно стоитъ горой за міръ, за мірской интересъ, за божескую правду, и этимъ приемомъ затываетъ міру ротъ. Всякій, на кого обрушился его гнѣвъ, нарушилъ именно мірской интересъ и божескую правду; онъ не церемонится въ выраженіяхъ — ругательски ругаетъ виновнаго; онъ такъ возмущенъ его поступкомъ, что не приберетъ ему и наказанія. «Драть тебя мало, такой-сякой, прраззоритель, воръ ты безсовѣстный!» И помиловавъ его, онъ опять ругается: «Вотъ только срамить тебя не хочется, мошенника, ради твоего сиротства, каналья этакая, безумная... А т-то бы тебя, шельму этакую...» и т. д. (помилованіе послѣдовало вслѣдствіе обѣщанія вина. Какъ это дѣлается, читатель увидитъ ниже). На такого человека работаютъ даромъ, безъ всякаго долга, потому строго и золь, какъ чортъ;

міроўда ненавидятъ всё, но всё боится, какъ огня, потому что это такой человѣкъ, который не побоятся и не задумается погубить ближняго, только попробуй ему поперечить. Онъ силенъ, необыкновенно силенъ тѣмъ, что подрываетъ у человѣка, попавшаго ему въ дѣла, вѣру въ самого себя, ослабляетъ его духовную дѣятельность, потому что осуждаетъ его во имя высочайшей справедливости (онъ знаетъ не хочетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ), а оправдываетъ—такъ же во имя безвреднаго милосердія. Человѣкъ уходитъ, чувствуя себя подавленнымъ нравственно, несмотря на оправданіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что больше всего отъ этого грома небеснаго тернить простой, простодушный человѣкъ, не знающій, по неопытности, всёхъ парламентскихъ махинацій во имя «срыва» и кабака. Такихъ людей въ деревнѣ много, громадное большинство; подавленный своимъ домашнимъ хозяйствомъ, своей домашней работой, онъ не входитъ во всё подробности парламентскихъ затѣй: онъ знаетъ, что тамъ есть старики, которые рѣшаютъ дѣла. Вино мірское онъ ходитъ пить—это правда, потому вино вещь хорошая, а во всёхъ прочихъ дѣлахъ слушаетъ стариковъ, «пускай они рѣшаютъ ихъ, какъ знаютъ—у меня и своего дѣла не передѣлаешь». Вотъ такихъ-то простаковъ, составляющихъ въ деревнѣ почти всю рабочую силу (они на своихъ плечахъ выносятъ желающихъ отдохнуть подъ старость родителей, стариковъ и старухъ, выносятъ почти всё платёжи), такихъ незнающихъ порядка работниковъ, міръ и учитъ въ лицѣ міроўдовъ. Вотъ онъ украсть мірскаго дѣсу, и украсть онъ такъ же во наивности и даже изъ явной жалости къ мірскому добру.

— Я бы попросилъ у міра, говорить такой воръ:—да вѣдь вмѣстѣ со мной двадцать человѣкъ, кому и не нужно, выпросать...

Мы вѣрнимъ этому объясненію. Но если бы даже онъ украсть и потому, что не надѣялся на мірское разрѣшеніе, а нужда была ему крайняя, то все-таки такой простака ни комъ образомъ не могъ ожидать того сраму, той всеобщей жажды (возбуждаемой міроўдомъ) осрамить его, стереть съ лица земли, какая обрушивается на его голову. «Поймали, поймали!» вопіеть вся деревня и съ нозоромъ тащить «вора» на сходъ. Здѣсь міроўды дѣлаютъ свое дѣло. Страшно смотрѣть на бѣднаго простака, въ буквальномъ смыслѣ, «потрясаемаго» необычайно выработаннымъ ораторскимъ искусствомъ много міроўда. Разбитый въ дребезги во имя высочайшей справедливости, опозоренный передъ всёмъ обществомъ, устыженный этою высшею справедливостью, въ самой глубинѣ своей совѣсти, онъ, въ буквальномъ смыслѣ, не знаетъ,

что ему дѣлать... Вотъ-вотъ его начнутъ сѣчь. Розги лезутъ на почки въ оборной избѣ.

Въ эту ужасную минуту его вынуждаютъ затѣмъ-то въ сѣни.

— Да заткни ты ему (громителю—мироѣду) глотку-то! Залезъ ему, подлецу! совѣтуется здѣсь въ сѣняхъ какой-то добрый человекъ шонотомъ.

— Отецъ родной! все возьмите, только освободите!.. Вѣдь драсть катать! Я и не знаю, какъ быть-то... Отецъ родной, выручи! помощи! все отдамъ до нитки...

— Ну, ведерку постави, да наливочки штофа два...

— Хоть три ведра бери... Пятерыхъ овецъ отдамъ—все возьмите, только отсутствуйте...

— Почему овцы-то?

— Да хоть по рублю давай—отдамъ съ радостію...

— Ну, по рублю-то я возьму, иди, молчи... Я ужъ какъ-никакъ расстарался. Жаль мнѣ тебя стало—вотъ въ чемъ! Истинно жаль! Глядѣль, глядѣль я, думаю, Господи, да вѣдь и на мнѣ, чай, крестъ-то есть? Что-жъ это такое? Вѣдь надо пособить парню-то... Ну, какъ-нибудь...

— Дай тебѣ, Владими небесный...

Этотъ благодѣтель и есть коштанъ.

Коштанъ—другой типъ изъ числа людей, держащихся въ своихъ рукахъ судьбы современной деревни, далеко не идеть въ сравненіе съ мироѣдомъ: у того задача громадная—перепугать ближнего нравственно, забрать его въ руки голой рукой. У коштана—цѣль шовкая, практическая—поживиться, нажить рубльшию, на даровщину выжить, и въ тоже время оставить о себѣ впечатлѣніе человека, заботящагося о твоей пользѣ. Коштанъ находится въ союзѣ съ мироѣдомъ, но исполняетъ черную работу; мироѣдъ никогда не сдѣлаетъ виновному:—«ну, ирись что-ль на ведра!» Это дѣло коштана. Дѣло коштана также придумать предлогъ, который бы далъ возможность нажиться мироѣдамъ на какого-нибудь простефилю. Современемъ, коштанъ также будетъ мироѣдомъ; но куда ему надо разжиться, и вотъ онъ набиваетъ карманъ кошемному «не плечами—а рѣчами»... Вотъ примѣръ коштановой работы. У міра снимаютъ въ аренду небольшой участокъ земли или луга, покосимъ, за сто рублей. На скодѣ явится коштанъ и начинаетъ хлопотать, чтобы міръ не отдавалъ чужому, а отдавъ-бы своему, хоть свой и даетъ девиносто. «Что мы будемъ давать чужимъ наживаться? Пуцай же, Господь съ нимъ, лучше нашъ, свой владеетъ, все нашему міру правильный человекъ будетъ, и авось поблагодарить... Вотъ вѣдь, рано-ли,

пооди-ли, а придется новаго сборщика или сотскаго выбирать, анъ міръ-то тогда ужъ и воленъ сказать ему: мы, другъ любезный, тебѣ сдѣлали уступку—теперь ты намъ послужи!.. Міру нужны люди благодарные... Вотъ я что говорю... А десять цѣлковыхъ—великъ ли это міру убытокъ? Да и барышъ-то великъ-ли будетъ? А какъ своему отдадимъ, хоть и дешевле—всегда барышъ: благодарный человекъ отслужить всѣмъ на пользу»... Кажется, все вѣрно и справедливо до послѣдняго слова? И точно, міръ рѣшаетъ отдать землю дешевле, тому изъ своихъ односельчанъ, котораго рекомендуетъ коштанъ; этого человека, болшею частію бѣднаго, кроткаго, коштанъ рекомендуетъ міру тоже съ самой хорошей стороны—«ужъ работага... ужъ самцъ, чай, виднѣте... Семья большая... сынъ въ солдатахъ, и старость идетъ... Нѣтъ, міряне, надо человеку дать поправиться!.. и т. д.» Хорошо, отлично, убѣдительно говорить коштанъ. И міръ все рѣшаетъ по его слову; но прошла недѣля и—что-же оказывается? оказывается, что мужикъ, котораго міръ пожалѣлъ, совсѣмъ не пожалѣлъ міра; взялъ да и отдалъ участокъ тому же самому мѣщанину, который снималъ его сначала, да отдалъ не за сто, а за сто двадцать пять рублей.—«Ты что-жъ это, безстыдная твоя душа?.. нападаетъ міръ на измѣнника...—Простите, православные! Нужда!» говорить это измѣнникъ самымъ искреннимъ образомъ—и больше ничего не говорить... А могъ бы сказать многое: нужда загнала его въ лапы къ коштану, коштанъ подбилъ его снять участокъ, расписалъ ему всѣ выгоды, общая помочь все для твоей же пользы; и даже денегъ далъ на срокъ. Мужикъ согласился, а какъ только земля досталась по цѣнѣ низшей и досталась человеку, находящемуся въ рукахъ у коштана—послѣдній тотчасъ же затѣялъ переговоры съ мѣщаниномъ, обдѣлалъ дѣло за сто двадцать пять рублей, тотчасъ потребовалъ съ мужика, который ему подверженъ, свой долгъ (деньги, данные на уплату міру за аренду участка), и когда мужикъ, разумѣется, оказался несостоятельнымъ, то коштанъ и предложилъ ему перепродать.—«Пять цѣлковыхъ еще лишку дастъ мѣщанинъ-то, да меня развяжешь!..» Что тутъ дѣлать? Теперь представьте себѣ, какимъ человекомъ является коштанъ передъ міромъ? Кто хлопоталъ о своемъ мірскомъ человекѣ? Онъ. Кто давалъ свои собственные деньги этому человеку, чтобы онъ поправился? Онъ же. Кромѣ того, онъ давалъ безъ процентовъ, такъ отъ сердца...—«Что-жъ подѣлаешь, братцы! вижу, пропадаютъ мои денежки, да и міру-то еще не всѣ отданы! Ну, думаю, какъ и мірскія-то пропадутъ. Не такой человекъ! Иной-

бы съ этойкой подмогой какъ взялся-то! Ну, а этотъ, нечего грѣха таить, не обоуденъ! Куды не развязень... Н-ну, думаю, грѣхъ-грѣхъ—а и мои денежки кровныя, да и мірскими, Боже сохрани, пропадать нельзя, какъ никакъ, а воротить надо... Ему же пять рублей лишковъ дасть—на, возьми мое! Богъ съ тобой... Да и міру винца ужъ поставлю за свою, за провинность—вотъ два рублика!.. Главная причина, Митрофанъ меня сконфузилъ! Неповоротливъ, неукладистъ, лѣнивъ... А ежели бы на другого!»

Пять рублей зажимають ротъ Митрофану. Водка закрываетъ ротъ міру. Коштанъ сдѣлалъ «оборотъ»—и всѣ видятъ, что хоть и плутовато, но умно; все обдѣлано на законной почвѣ мірскаго интереса.

— Насилу, насилу свен-то выручили! долго твердить онъ въ послѣдствіи, когда рѣчь касается этого дѣла.—Своихъ пять дѣловыхъ, какъ одну копейку посадилъ, да шутъ съ ними.. Пуще всего—передъ міромъ не сфальшивити!.. Не будь меня—во-вѣки бы Митрофанъ не справился отдать. Такъ бы и пропали мірскія денежки.

Коштанъ наживается, выручая то міръ, то мірянина. Онъ все дѣлаетъ! «для твоей-же пользы», «главная причина, чтобы была міру польза»... Это плутоватый адвокатъ, набивающій свой карманъ; коштанъ выходитъ въ міроѣды—это бываетъ часто, но большею частію ихъ участь выходитъ въ мѣщанство, въ подрядчики, въ торговцы, словомъ, въ люди ловкой, скорой и плутовской наживы—чужими руками. Міроѣдъ, настоящій, коренной, непремѣнно ораторъ съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, психологъ... Коштанъ дѣлается, міроѣды—родятся.

Въ томъ случаѣ, о которомъ мы рассказывали, коштанъ успѣвши ужъ купить пятерыхъ овецъ за полдѣны, поступаетъ такимъ образомъ. Приказавъ обвиняемому опять идти въ сборную избу, онъ, спустя немного времени, и самъ является туда. Міроѣдъ, громовержецъ отлично знаетъ, что такое происходило въ сѣняхъ, но онъ не подаетъ ни малѣйшимъ образомъ вида, что ему что-нибудь извѣстно, и продолжаетъ громить. Коштанъ обходится съ своимъ носомъ посредствомъ пальцевъ.

— Согласился! рѣшаетъ міроѣдъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, коштанъ сдѣлалъ бы что-нибудь другое—кашлянулъ или плюнулъ бы, или вздохнулъ, или подергалъ бороду... Относительно этихъ знаковъ міроѣдъ и коштанъ условливаются заранѣе.

Благодаря этимъ уловкамъ, которыхъ міръ не знаетъ, ораторъ-міроѣдъ всегда остается логически правимъ, такъ какъ переходъ

отъ гнѣва къ милости умѣеть сдѣлать незамѣтнымъ и обставить тоже вѣскими доводами.

— Подумай, безумная твоя голова, у кого это ты воровала? Вѣдь ты воровала у міра! Шельма ты этакая. Твоимъ щенкамъ холодно въ избѣ, такъ ты у цѣлаго міра вздумала отнимать? А другимъ нешто не холодно? А сиротамъ бездомовымъ не холодно? (коштанъ обходитъ посредствомъ пальцевъ и, потолкавшись, уходитъ). Есть ли въ тебѣ совѣсть-то, въ безстыдникѣ? Бога-то ты помнишь-ли?.. Вѣдь за такое дѣло не розгами, а прутьями желѣзными надо драть! Да мало! мало этого!.. (Со страшнымъ негодованіемъ). Прощенья проси, безстыжіе твои глаза! Кланяйся въ ноги міру, чтобы простилъ тебѣ! Ниже! ниже кланяйся!.. Проси, чтобы ради глупости твоей простили тебя дурака. Ну, мірине (устало)! Господь нашъ царь небесный велѣлъ прощать. И разбойники простили. Пустите его, дурака!.. Пусть помнитъ вамъ доброту. Жаль только, а то-бы надо выпоротъ! Кланяйся старикамъ въ ноги, проси... столбъ безчувственный!..

И въ этомъ дѣлѣ, коштанъ, хотя и оборудовалъ попользоваться на чужой счетъ, нажилъ рублей пять, а все-таки выручилъ— что бы безъ него сталъ дѣлать обвиняемый? Какъ бы онъ справился? Плутъ, плутъ—это вѣрно, а выручилъ—это тоже вѣрно. Міровѣ-же, принявъ угощеніе, ничуть не поколебалъ этимъ своего авторитета грознаго суди. Оправленный чувствуетъ, что онъ могъ его сокрушить и можетъ сокрушить во всякое время, несмотря на угощеніе.

Возвратимся, однако, къ исторіи Андрея Васильича. Вотъ именно всю фальшь и ложь вышеописанной махинаціи и нужно было разоблачить сразу, внезапно, такъ чтобы своекорыстное фарисейство мірскихъ воротилъ было разоблачено и наказано примѣрно. Съ напряженнымъ вниманіемъ и крайнею осторожностію собиралъ онъ факты, изучалъ дѣйствующихъ лицъ и былъ поглощенъ этой работой два или три осенніе мѣсяца. Наконецъ, и факты и люди, сочувствующія дѣлу, были подобраны. Оставалось найти предлогъ, изъ-за котораго можно бы было начать дѣло. Нашелся и предлогъ. Весною, крестьяне дѣлали міромъ загородъ отъ господской усадьбы, загородъ надо было сдѣлать, потому что крестьянскій скотъ забредалъ въ господскій садъ, и за это брали штрафы. Скрѣпя сердце, вся деревня принялась за работу, и загородъ была готова въ одинъ день; начали они работу утромъ и окончили вечеромъ. Захотѣлось выпить. Послали депутата въ господскую контору, просить выпивки—«мы вамъ загородъ сдѣлали»; въ конторѣ отказали;

мирскаго вина не было, необходимо было, во что бы то ни стало, отыскать предлогъ. Коштанъ отыскали: при весеннемъ передѣлѣ полей, къ одному изъ крестьянъ отошелъ, кромѣ надѣла, клинушекъ, вдавшійся въ чужую землю, не болѣе какъ въ три квадратныя сажени. Коштанъ запримѣтилъ это съ весны, но держалъ при себѣ до случая. Клинушка этого нѣльзя было никому непринлежащимъ, но никто не сомнѣвался, что мужикъ, которому клинушекъ достанется, запашетъ его. Такъ и вышло. Въ упомянутый вечеръ, коштанъ обратилъ на эту несправѣдливость вниманіе общества. Общество было радо открытію, какъ маннѣ небесной. Нѣсколько молодцовъ было отражено на дворъ къ мужику съ тѣмъ, чтобы, не говоря ни слова, захватить у него на дворѣ хомуты и передки телегъ и все это доставить къ бабаку. Какъ и водится, хозяинъ хомутовъ и передковъ тотчасъ же явился на судьбище. Ему объявили, что за запашку лишковъ съ него слѣдуетъ получить въ пользу міра штрафъ. Свидѣтели, люди, особенно жаждавшіе выпивки, показали, что клинушекъ они вымѣривали сами и что въ немъ оказалось шесть слишковъ сажень, и что міръ мирится на трехъ ведрахъ. Такую громадную цѣну заломили потому, что мужикъ былъ изъ порядочныхъ. Несмотря на всевозможныя сопротивленія со стороны обвиняемаго, вино было поставлено и выпито, и клинушекъ обошелся мирянину рублей неменѣе двѣнадцати.

Вотъ за это-то дѣло и взялся Андрей Васильичъ; онъ вымѣрилъ съ людьми, которые сочувствовали ему, этоѣ злосчастный клинъ, и оказалось въ немъ не шесть, а двѣ съ половиной сажени. Мужикъ былъ радъ дать острастку мироѣдамъ и опиваламъ, и, поддерживаемый Андреемъ Васильичемъ, порѣшилъ, еще десять рублей пропозть на судей, лишь бы только вывести дѣло на свѣжую воду. Подана была жалоба — надъ которой Андрей Васильичъ сидѣлъ на одни сутки — въ волостной судъ. Судьи были угнѣжены, словомъ, поставлены въ невозможность видѣть, въ виду участія посторонняго членовъ, который, по всему видно, спуску не дастъ.

Это собраніе волостного судьи, неожиданно потребовавшаго на судилище всѣхъ ораторовъ и благодѣтелей деревни, всѣхъ стариковъ — было торжествомъ всякаго простаго, работающаго челоука, натерпѣваемаго на своемъ вѣку отъ этихъ фарисеевъ и лицемеровъ. Вотъ этимъ-то случаемъ и воспользовался Андрей Васильичъ, для того, чтобы, придравшись къ нему, показать крещеному міру, въ какой безобразной, нравственной кабалѣ

держатъ его мірѣды и какъ вообще обраться и наживаются на его счетъ, дѣйствуя какъ будто только во имя мірскихъ интересовъ. Съ громадными усилиями дѣло это было доведено до возмезднаго суда и, благодаря стараніямъ Андрея Васильича и его единомышленниковъ, поддержавшихъ его на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей, дѣло было рѣшено справедливо: констатируя мірѣды повлеклись хорошимъ штрафомъ въ пользу мірскихъ суммъ, да и единомышленники, подручные имъ, также наказались, хоть и поменьше.

Справедливостью рѣшенія дѣло было обязано, главнымъ образомъ, неожиданной настойчивости, съ которою было начато, и явной подготовкѣ его, которой судьи, болшею частію тѣже коштаны и мірѣды, не могли не видѣть въ подборѣ свидѣтелей. Они обвинили виновныхъ, потому что сразу не могли разобратъ, въ чемъ тутъ штука... Но чью-то руку подозрѣвали; знали, что дѣло подстроено.

Андрей Васильичъ также зналъ, что успѣхъ этого дѣла прямо обязываетъ его готовиться на тонкій, систематическій отпоръ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы пожинать побѣдные лавры, чтобы похвалять себя за то, что «добился своего», необходимо было напирать все вниманіе, сосредоточить всю энергію на томъ, чтобы не дать обойти себя, не дать начатому дѣлу исчезнуть безъ слѣда.

Пусть читатель, если можетъ, представить себѣ ту бездну мелочей, мельчайшихъ деревенскихъ слуховъ, сплетенъ, и т. д., которыми приходилось въ это время интересоваться Андрею Васильичу, на которыхъ надо было исключительно сосредоточивать свое вниманіе, и онъ пойметъ, что въ жизни Андрея Васильича могли и должны были быть минуты глубокаго отчаянія, томительной тоски. Взгляды его съузались, мысль завалена какими-то вздоромъ, человекъ волнуется какими-то крохотными дѣлешками, передъ которыми лоскутокъ завалывающей газеты—кладезъ премудрости и живая вода...

Да! вотъ именно такимъ-то образомъ, деревня и съѣдала его... Въ сознаніи деревни кое-что прибавлялось... Андрей Васильичъ могъ только терять...

— Куда ужъ теперь тебѣ ѣхать? говорили ему мужики-пріятели послѣ суда. — Теперь ужъ надо остаться. Нельзя бросать зря...

— Да, ужъ теперь надо погодить! раздумывалъ Андрей Васильичъ.

— Живи въ банкѣ-то... чего? мы тебѣ десятку положимъ... живи пока что...

И сталъ Андрей Васильчъ жить «пока».

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что деревня поглотила бы «безъ остатка» все, что было въ Андрей Васильчѣ нужнаго для нея...

Но тутъ произошло обстоятельство, которое сразу, рѣшительнѣе всякихъ деревенскихъ сплетенъ и подвоховъ, развязало Андрея Васильевича съ деревней. Онъ получилъ извѣстiе, что въ его личныхъ и семейныхъ дѣлахъ произошло нѣчто неладное, потребовавшее немедленнаго отъѣзда.

Г. Мамонъ.

ИЗЪ ЛАВКИ.

Не берусь представить въ ясномъ очеркѣ, какъ стоитъ торговое дѣло у насъ. Не берусь описать сложившійся типъ купца, его интересы, его отношенія къ своему дѣлу, способы веденія этого дѣла. Не берусь, да и не могу, потому что, во-первыхъ, фактовъ сравнительно мало, во-вторыхъ, описывать ихъ не особенно для меня удобно. Описываю, главнымъ образомъ, *положеніе* молодого купечества и *отношенія* между *отцами* и *дѣтями* въ нашемъ быту. Имѣю основаніе думать, и едвали много ошибусь, что это положеніе и эти отношенія одинаковы въ провинціи, повсюду въ Россіи. О столицахъ судить не берусь.

I.

Часу въ 7-мъ утра начинаютъ открываться лавки. Приказчики отворяютъ двери, медленно, востово крестятся на икону, находящуюся въ лавкѣ. Особенно-богомольные покрестятся и въ направленіи видящагося собора. Торговый день начался.

Первыми посѣтителями почти всегда являются нищіе, которые и получаютъ по прыничку, крендельку, а по особой просьбѣ горсть-другую соли, мучки. Последнее преимущественно передъ большими праздниками: Рождествомъ, Пасхою и т. п. Иногда, вмѣсто подачи, услышать: «въ субботу приходи». Суббота положенный день для нищихъ, что они, конечно, отлично знаютъ, и еслибы услышали тогда, въ отвѣтъ на просьбу, стереотипное: «Богъ подастъ», то не преминули бы напомнить, что «сегодня суббота».

За то, въ субботу только и слышишь со всѣхъ сторонъ: «помявучи родителей вашихъ»...

Большая часть нищихъ — мѣщане, женщины и дѣти. Крестьянъ же, сравнительно, очень небольшая часть. Между нищими есть особые представители, занимающіе привилегированное, такъ сказать, положеніе. Въ нашемъ маленькомъ городѣ такихъ три-

четыре человека—мужчины — которые могли бы и работать, но лѣнь и пьянство мѣшаютъ. Каждый выработалъ особый приемъ выпрашиванія подаваній и, вѣроятно, получаетъ больше, чѣмъ заурядный нищій.

Одинъ изъ нихъ, человекъ лѣтъ подь сорокъ, навздѣ тому лѣтъ десять, служилъ прикащикомъ въ гостиномъ дворѣ, въ Петербургѣ. Мѣсто было хорошее, жилъ онъ хорошо, да какъ-то свихнулся... Теперь можно его видѣть каждый день ходящаго по здѣшнимъ лавкамъ за подаваніемъ. Зиму и лѣто въ одномъ и томъ-же костюмѣ. Если когда и подарятъ ему—свой братъ прикащикъ-краснорядецъ—какую-нибудь часть костюма, то она скоро продается, лишь бы только купили. Обыкновенно, голое тѣло сквозитъ чрезъ прорѣхи, босые ноги выглядываютъ изъ опорки или рваныхъ калошъ. Зимой только мать свихуха и грѣбѣтъ его. За то, онъ пометъ постоянно или пьянъ, или съ похмѣльемъ.

Является въ лавку тѣло, если не очень пьянъ, смиренно и вѣжливо здороваётся со всѣми и обращается съ фразой: «Дайте, пожалуйста, Христа ради!»

Видя, что лавочники не заняты дѣломъ, не прочь посягнуть на и пошутить, развлекаетъ что-нибудь. Главная тема: сивагаиность мужика—и какъ онъ, бывало, подшучиваетъ надъ ними! Если же лавочники заняты, то смиренно уходитъ, поблагодаривъ за подаваніе. Когда же сильно пьянъ и не подадутъ, то непремѣнно выругаетъ, выйдя на улицу.

Подходить онъ, какъ-то, по веснѣ, рано утромъ къ лавкѣ, тревный, дрожащій тою нервною дрожью, которая является отъ продолжительнаго пьянства, да и отъ холода, отъ котораго старался спрятать погнившія руки въ коротенькіе и узенькіе рукава рванаго пиджака.

— Дайте, пожалуйста, селедочку: ѣсть хочется. Взяли пьянаго въ полицію, да вотъ сутинъ и не ѣлъ: проспалъ. Экъ, озябъ больно.

— Что же ты босикомъ шеголяешь?

— Не знаю, куда дѣлись опорки. Вчера были, а сегодня проспался—и нѣтъ. Дайте селедочку, хоть маленькую. Вотъ на стакачикъ набиралъ; проспалъ и селедочку, да не дадутъ.

— Вѣдь продашь ты, если дать селедку?

— Нѣтъ! ѣсть хочется. Пойду спать, хлѣба выпрошу.

— Ну, изволь! Только селедку перерубамъ, тебѣ половинку дадимъ, а то продашь.

— Давайте хоть половинку, нескорѣе, иззябъ больно, пойду погрѣюсь... Была время, жилъ и яги!

Въ другой разъ приходится и просить чайку на вазочку.

— Кому ты, Брилкинъ, чай продаешь?

— Теперь Терентью Ивандичу, сознался онъ откровенно. — Раньше торговалъ, вотъ что въ балаганчикахъ торгуютъ, продавалъ, да радъ надо мной какъ подшутилъ Федоръ Федорычъ: попросилъ у него тоже чайку, а онъ мнѣ и завернулъ опидожъ, да много таково. Я, не посмотрѣвши, и продалъ торговкѣ. А въ другой разъ, онъ-же мнѣ и настоящаго чаю завернулъ, да должно быть керосиномъ sprysнулъ, а какъ обыкновенно торговкѣ продалъ... Ну, и перестали съ тѣхъ поръ у меня торговли покупать.

— Много шутилъ надо мной Федоръ Федорычъ, продолжалъ онъ: — звалъ какъ-то въ лавку. «Хочешь, говорить — стаканчикъ поднесу?» — Хочу, говорю. «Только съ уговоромъ: иди въ подвалъ выпачкайся сажей». — Извольте. — Пошелъ въ погребъ. Подвели меня къ обрѣзу, я и началъ. Пьянъ былъ шибко. Всю рожу выпачкалъ, а прикащикъ тутъ-же стоитъ: масла постнаго принесъ. «Вытрись-ко!» говорить. Я и масломъ вымазался. Хохоцуть всѣ. Стаканчикъ точно поднесли, славный стаканчикъ, настоящій фельдфебельскій. — Дай, говорю, мыльца, Федоръ Федорычъ! «Что за мыло! и такъ хорошо». Пошелъ я площадью на рѣчку мыться. Кто ни попадетъ на встрѣчу, не узнаютъ сразу-то, что за арабъ такой. Пришелъ на рѣчку и ну мыться, да съ пескомъ. Тер-теръ, больно стало. Паромомъ ѣдетъ баба. — Чисто ли, спрашиваю, вымылся? «И кожу-то, говорить, сшаркалъ».

Сажу я, какъ-то по лѣту, около лавки и читаю. Подходить Брилкинъ.

— Что это читаете? Позвольте посмотреть. Взялъ книгу и долго принаравливался: то книгу повернуть, то голову нагнуть, глаза прищурить.

— Вотъ крупное-то еще разберу. Русс... русская старина, исто... историтическій журналъ, ну, а дальше медко не разобрать, сейчасъ въ глазахъ зарыбить! говорилъ онъ, усаживаясь противъ меня на ящикъ. — Люблю я поговорить со своимъ братомъ торговцемъ. Часто въ рядахъ бываю, тамъ не брезгаютъ разговаривать со мной. — Федоръ Федорычъ, Павелъ Семенычъ, да и всѣ. Съ мужиками я не люблю разговаривать. Сѣрость, необразованность.

— Что это нога у тебя завязана?

— Мальчишки все балуютъ. Идутъ съ чайниками изъ трактира, попадешь на встрѣчу и плеснуть. Третьяго дня отъ Щугаева послали чаю заварить Сашку, онъ и плеснулъ мнѣ на ногу, какъ мимо шелъ. Я не посмотрѣлъ тогда, а какъ солнышкомъ на-жгло, пузырь вскочилъ.

— Богъ съ ними, продолжалъ онъ:— шутать! Жаловаться могъ бы, да не кочу... Нелзя... Я теперь не обижаюсь, не жалуюсь— за то меня всѣ и любятъ, балуютъ со мною. Лучше ужъ я перенесу, чѣмъ жаловаться; знаю, что шутать. Шутать вѣдь?..

Принимался онъ нѣсколько разъ торговать: ходилъ по городу съ поясками, ленточками, крестиками и т. п., но выручка скоро оказывалась въ кабакѣ, такъ что продолжать торговлю не было возможности, да какая и торговля. Разъ помѣстился чѣмъ-то въ родѣ повара въ трактиръ, но и тамъ долго не ужился, черезъ недѣлю, не больше, приходитъ просить копеечку.

— Чтѣ же, не поваришь развѣ?

— Ну, вх! Надоѣло.

— Или плохо?

— Оно ничего бы, да напился раза два и прогнали.

— Что же ты теперь будешь дѣлать?

— А что и прежде.

Т. е. ходить по лавкамъ, выпрашивать копеечки, получать пятакки за случайныя услуги кому-нибудь, переносить на себѣ шутки, и все это, чтобы имѣть возможность по три раза на день напиваться. Ночевать гдѣ Богъ приведетъ: подъ заборомъ, въ канавѣ, въ частн, или у доброй души, которая приютитъ на ночь. И такъ изо дня въ день, пока не приберетъ смерть, пока, уснувши пьянымъ подъ заборомъ въ сильный морозъ, не проснется въ лучшемъ мирѣ.

Другой инцидентъ— Сущикинъ, здоровенный паренъ, высокаго роста, на котораго и постоянное пьянство не оказывало, повидимому, много дѣйствія, кромѣ предательской окраски носа. Любитъ похвастать своей ловкостью и усердіемъ въ работѣ. По его словамъ, онъ—такой работникъ, что и днемъ съ огнемъ не сыщешь. А случись въ самомъ дѣлѣ быть ему на работѣ, то больше накричитъ, науказываетъ, чѣмъ сдѣлаетъ, хотя, можетъ быть, и смогъ бы хорошо работать.

Явившись въ лавку къ кому-нибудь, раскланывается и обращается къ старшему (если же иногда обратится къ младшимъ, то непременно шопоткомъ).

— Дай-ко три копеечки.

— Не дамъ.

— Экой братецъ! толковать еще съ тобой. Какъ я этого не люблю. Дай же, говорить.

— Послѣ приходи.

— Да что послѣ. Давай теперь. Не десять разъ ходить за тремя-то копейками... Ну, не держи! Давай скорѣе. Отступись.

И отступаются, подаютъ. Такъ отъ него не скоро отвязешься.

Если же, несмотря на всё его увѣщаніа, ничего не дадутъ, то, смотря по настроенію, или только выругаетъ тутъ же въ лавкѣ или, выйдя на улицу, начнетъ перебирать родителей во всю глотку.

Подъѣхалъ въ лавкѣ извозчикъ сваливать товаръ. Тутъ же случился и Сушквинъ.

— Эй, Сушквинъ! кричить извозчикъ:—вынеси-ко ящичекъ, пяточекъ дамъ.

— Сейчасъ! отзывается тотъ. И исполняетъ работу, получаетъ пяточекъ и удаляется.

— Или много выѣздилъ, что пяточки-то даешь? Смогъ бы и самъ вынести.

— Невольа даетъ. Это, братъ, такой ужъ народъ. Не дашь кой-когда пяточка, такъ въ другорядъ черезсѣдельника, а то и узды не досчиташься. Случилось разъ осенью, темень была, обрали у нати лошадей черезсѣдельника, такъ что же ты думаешь? Хорошіе ременные были—не тронули, а дрянные, веревочные сляки. Вотъ и даешь: можеть, не тронуть.

Есть еще субъектъ изъ этого разряда, который, являясь въ лавку, чинно и низко раскланывается со всѣми, и затѣмъ тихо обращается къ старшему:

«Чиновникъ просить васъ о помощи».

Ходитъ въ пальто, сильно выгорѣвшемъ, но не рваномъ, сапоги и брюки соответственныя, и старается не являться съ нищими, чтобы не уронить своего достоинства. Если къ кому подойдетъ, то хотя видитъ, что мѣшаетъ иногда, но заговорить и явно старается вывести того изъ терпѣнія, чтобы обругать его, или какъ иначе оскорбить. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ доводитъ до свѣденія, что онъ—«губернскій секретарь».

II.

Утромъ, главный контингентъ посѣтителей составляютъ побиршки; покупателей же, въ обыкновенный, не торговый день бываетъ мало, хотя и больше, пожалуй, чѣмъ среди дня. Во торговые дни (одниъ, воскресенье, лѣтомъ и два—зимомъ) покупателей набирается порядочно, въ особенности осенью, когда устанавливается дорога, и зимомъ, такъ что торговцы бывають заняты часу до четвертаго вечера. Не то въ заурядные дни. Зимомъ еще скорѣе время идетъ; и себя бодрѣе чувствуешь и день короче; но лѣтомъ... Солнце палитъ, жарко на улицѣ, жарко и въ лавкѣ. До вечера далеко. Рѣдко, рѣдко завернетъ покупатель, отпустать

что ему надо, и жди другого. Всякій принимается за что ему хочется, кто добавит товару, котораго мало на виду, сотреть пыль, иной помететъ лавку; кто ходитъ и считаетъ шаги, тотъ — пишетъ, читаетъ, если любитъ. А того дѣла, какое бываетъ нужно сдѣлать, во всякомъ случаѣ не хватаетъ, чтобы совершенно наполнило время.

Сядешь, гдѣ поудобнѣй, и смотришь безцѣльно. Попадетъ что нибудь на глаза, вниманіе остановится на минуту, затѣмъ перескочитъ на другое, на третье: на верхового, проскакавшаго мимо, на пьянаго, старающагося пройти солидно, на голубей, которыхъ надо бы выгнать вонъ, да подняться дѣвъ. Мысли прохлѣдывать какими-то неопредѣленными обрывками, не оставляя слѣда. Одурь беретъ, ко сну клонитъ. Радъ взяться за какой-нибудь глупенькій романъ, надъ которымъ не нужно сосредоточиваться, а лишь бы шевелилъ легонько воображеніе. Надоѣдаетъ и читать. Нѣсколько оживаешь, если на улицѣ случится что-нибудь въ ряду вонъ: скандальчикъ, сцена въ родѣ, наприимѣръ, слѣдующей.

Около кабака раздается визгливый бабій голосъ, постепенно возвышающійся и переходящій въ ругань. Идутъ пререканія между пьянымъ солдатамъ и бабою, у которой на рукѣ жестяное ведро. Оба вошли въ азартъ. Солдатъ толкнулъ бабу, а та ошарашила его ведромъ. Солдатъ остолбенѣлъ на минуту, но потомъ опять начинаетъ наступленіе, а баба ловко, не давая ему опомниться, ударъ за ударомъ, сыплетъ ему сверху по словѣ ведромъ. Удары ведромъ гулко раздаются по улицѣ; крикъ и ругань усиливаются. Привлеченный шумомъ народъ высыпаетъ изъ лавокъ на рундуки и хохочетъ. Хохоchetъ и вышедшій изъ своего дома на крыльцо человекъ въ халатѣ, придерживая полы обѣими руками; хохочетъ и досадуетъ на то, что не засталъ начала и что не долго приходится полюбоваться на зрѣлище, такъ какъ является умиротворяющее начало, въ видѣ городского, который и увелъ сражавшихся.

Или осень, на улицѣ грязь. Почти посерединѣ улицы пьяненькій мужикъ безуспѣшно пытается поднять нечаянно спустившіеся штаны и мѣшающіе ему идти. Полушубокъ, застегнутый на глухо, препятствуетъ свободно дѣйствовать руками, хотя онъ и приподнял полы. Только бы поддернуть ему ихъ къ верху, глядь центр тяжести перемѣстился и его начинаетъ пятить назадъ. Пятаясь по кругообразной линіи, онъ шлепаетъ по грязи и опять приходитъ къ тому же мѣсту, съ котораго началъ движеніе, не достигнувъ никакого результата. Тотъ говцы смѣются и спорятъ между собою, удастся ли ему исполнить свое намѣреніе, или же онъ

упадетъ. Чѣмъ бы это кончилось—не знаю, да подошелъ Бригъинъ, увидалъ своего брата въ бѣдѣ и помогъ ему.

Оживуть всѣ при такихъ сценахъ, посмѣются, а потомъ и опять тишь да гладь.

Иногда пойдешь въ ряды потолковать съ сверстниками, поиграть въ шашки. Лавки тамъ радомъ, народу торговаго много, стало быть, въ свободное время можно собраться вмѣстѣ и устроить игры. Въ прошлые года, почти каждый хорошій лѣтній вечеръ человѣкъ 20—30-ть рядскихъ играло въ мячъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ почему-то ни разу не играли такъ, а только въ свайку, и въ шашки; появились было шахматы, но къ нимъ скоро охладѣли.

Хотя тамъ и много, сравнительно, народу, но всѣ примелькались другъ другу и скука частенько-таки навѣщаетъ лавочниковъ, такъ что рады-радехоньки они, если навернется человѣкъ, съ которымъ или надъ которымъ можно посмѣяться, потѣшиться.

Подходить баба и спрашиваетъ, какъ ей попасть на пожарный дворъ, куда продала сѣна, да не знаетъ дороги. Одинъ изъ купеческихъ сынковъ указалъ, но добавилъ:

— Какъ въѣдешь на дворъ, увидишь колокольчикъ на сто и бѣ, такъ и позвони; къ тебѣ и выйдутъ принять.

Баба идетъ, ударяетъ въ пожарный колокольчикъ; народъ выбѣжалъ, но едвали бабѣ поздоровилось отъ этого. Послѣ приехала въ ряды и рассказывала, какъ надъ ней кто-то подшутилъ. Шутникъ стоитъ тутъ же, по она его не узнала, а онъ, разумеется, и виду не показавъ.

Одинъ изъ торговцевъ не любитъ почему-то, если при немъ упомянуть о мѣлѣ. Попадетъ нашимъ молодцамъ какой-нибудь простакъ, не знающій этого—сейчасъ къ нему.

— Сходи, пожалуйста, вонъ туда, попроси мѣлу.

Тотъ отправляется и спрашиваетъ.

— Дайте мѣлу кусокъ.

— Что? Чего тебѣ?

— Комокъ мѣлу.

Торговецъ вскакиваетъ и, если человѣкъ по силѣ, то въ зашев, а вѣтъ—такъ изругаетъ и долго потомъ ругается, выйдя на площадь.

Подѣхалъ къ рядамъ мужикъ, купить что надо. Его знали здѣсь, знали, что онъ не любитъ, если заведешь съ нимъ разговоръ объ арбузахъ (должно быть, сдѣлалъ съ ними не удачную торговую операцію).

Подходить одинъ изъ молодежи.

*

— Здорово, дядя Иванъ! Купилъ ли, что я наказывалъ? Привезъ, такъ тащи сюда. Поди, измалъ всё.

— Что это? спрашиваетъ другой серьезно, какъ бы не зная чьимъ дѣломъ.

— Арбузовъ просилъ привезти.

Дядя Иванъ отмалчивается, но тутъ принимаются за него мальчишки, за которыми онъ и бросается, наконецъ, съ кнутомъ. Увертливая мелочь не дается, и кружится около столбовъ, поддерживающихъ навѣсъ.

— Дядя Иванъ! Будетъ тебѣ бѣгать за ними. Не маленькій, пора ужъ копить. Поговори лучше со мной; о дѣлѣ-то потолкуй! Когда привезешь-то? Мнѣ бы десаточекъ, да позвѣлѣ!

— И я бы взялъ десатокъ, да не гнилыхъ!

Остановится дядя Иванъ, посмотреть на говорящихъ, тѣ и не улыбаются. Выругается, возьметъ что надо и пойдетъ къ телегѣ. Только бы сѣсть, вдругъ подойдетъ какойнибудь пострѣленокъ, и опять кинетъ оскорбительное словцо. Пойдетъ дядя Иванъ опять кружить около столбовъ, бесполезно размахивая кнутомъ.

Разъ было совсѣмъ сѣлъ въ телегу и возжи взялъ, да заставили-таки сойти и покружиться; послѣ чего обругался и уѣхалъ.

Прежде, бывало, скуки ради, наймутъ Сушкина прокричать многолѣтне на площади, и ореть Сушкинъ что есть мочи. А то сбивали шапку у доврчиво идущаго по галлерей мужика веревкою, протанутою вдоль галлерей для блоковъ, къ которымъ привязываются на исць собаки. Ниче объ этомъ что-то не слышать. За то шутки съ Бриллиннымъ и Сушкиннымъ продолжаютъ забавлять рядскихъ. Одинъ займетъ разговоромъ Сушкина, напригѣръ, а другіе въ это время налѣпятъ на спину бумажекъ, наставятъ крестовъ мѣломъ и углемъ. И пойдетъ разукрашенный такимъ образомъ Сушкинъ вдоль рядовъ.

Забавы такого сорта, конечно, происходятъ безъ старшихъ, безъ *самихъ*, которые почти въ одно время всё уходятъ обѣдать, пить чай, или уѣзжаютъ на ярмарки, какъ напригѣръ, въ Нижній. «Вольнѣй безъ нихъ», говорить молодежь.

Стоитъ только одному изъ лавочныхъ мальчиговъ крикнуть: «самъ идетъ!» чтобы молодежь вдругъ съезжилась. Отъ той лавки, къ которой «самъ» идетъ, всё отойдутъ, сынокъ уйдетъ за прилавокъ, всё присмирѣютъ, говорить даже тише начнутъ. Курить при «самихъ» стѣсняются.

— Онъ не запрещаетъ, положимъ, и даже знаетъ, что я курю, да все-таки какъ-то неловко при немъ, объяснилъ мнѣ одинъ.

По вечерамъ, если нѣтъ дѣла, въ родѣ «очищенія», напри- мѣръ, черновой книги, то не прешаствують участвовать въ иг- рать, которыя и затѣваются.

Сходишь въ рады, поиграешь тамъ въ шашки, посыплешь изъ пустого въ порожнее и опять въ свою лавку, гдѣ найдешь тоже, чтѣ и оставилъ. Опять не куда дѣвать время. Радъ-радѣшенекъ, если навернется свѣжій человѣкъ, съ которымъ можно поболтать, сыграть въ шашки. Еще больше радъ, если зайдетъ одинъ зна- комый торговецъ и расскажетъ что-нибудь или изъ своей обиль- ной всякими приключеніями жизни, или сказку, анекдотъ, ко- торыхъ знаетъ громадное количество, и расскажетъ всегда встати, у мѣста, и мастерски. Передамъ кое-что, слышанное отъ него, что до извѣстной степени обрисовываетъ ту обстановку, въ ко- торой онъ жилъ гораздо прежде, чѣмъ сдѣлался *самимъ*.

III.

«Поѣхали мы разъ съ Андрюхой въ село Погорѣлое, съѣстно- го съ собой ничего не взяли. Вотъ только, пріѣхали на мѣ- сто, торгуемъ. Я нѣтъ-нѣтъ да и забѣгу въ какую-нибудь избу. Дѣло было утромъ, день праздничный, народъ все знако- мый, а я ловкій паренъ былъ, поддѣлистый. Войдешь въ избу, баба около печки возится.

- Здорово, тетя Марья!
- Здорово, Иванушко!
- Что это ты, блины печешь?
- Блины, родимый.
- Дай ко мнѣ блинокъ.

Блинокъ, яичко, сейчасъ свернешь, значитъ. Готово. Тутъ да тамъ я и позаправился, мнѣ-то и ничего, а Андрюха, да еще паренъ былъ съ нами, такъ до вечера не ѣвши и торговали. Отторговали, пора и домой ѣхать.

— Ёсть что-то хочется, Ванюха! говорить Андрей. — Ты ѣлъ что-нибудь?

- А покупалъ ты что?
- Поди-ко достань.
- Не пойду; иди самъ.
- Ну, такъ у Александра поѣдимъ.

Это значитъ на постояломъ. Поѣхали. Народу-то и допрежь насъ много перебивало на постояломъ, я и смотрю хозяйка-то бухъ сырой воды во щи! Товарищи ничего не примѣтили, а ни- чего не сказалъ, только нашъ Андрей такъ-толи важно напу- стился на щи! Отдохнули, поѣхали дальше. Пріѣхали на стан-

цію, я выпрягъ лошадей, да и сѣлъ у окошка, смотрю на улицу, глядь, а паренъ-то по землѣ катается.

— У этого Андрея, продолжалъ онъ: — такъ и подобраны мы были: кто къ чему способенъ. Кто вѣсилъ ловко—у вѣсовъ стоитъ; у кого пальцы гнутся,— тотъ рассчитывается. Не забыть мнѣ, какъ въ одномъ селѣ съ батюшкой исторія была. Принесъ попь масло. Вѣшеное масло, на много обѣщать не пришлось, а купили дорого, самимъ дешевле продать—что дѣлать? Сталъ Андрей рассчитываться, пришлось, примѣрно будемъ говорить, десять рублей, отсчиталъ ихъ, да въ рукахъ два и отчалилъ; подаетъ попу. Батюшко взялъ не считая и пошелъ въ красные ряды закупен дѣлать. Сторговолся въ чемъ нужно было и подаетъ нашу пачку за десять рублей. Тамъ провѣрили.

— Здѣсь восемь только, говорить ему.

— Не можетъ быть! говорить: — я сейчасъ только получилъ десять.

— Извольте провѣрить.

Провѣрилъ и сбѣжить къ намъ.

— Что вы это дѣлаете? Только восемь дали.

— Не можетъ быть. Позвольте-ка, говорить Андрей.

Пересчиталъ и кричить:

— Эй! дайте-ка два цѣлковыхъ.

Подали ему.

— Вотъ теперь десять. Извольте смотрѣть, батюшка?

Сталъ пересчитывать, да три — въ рукавъ. Батюшко скватилъ опять не считая, ну—самъ видѣлъ, что десять, и побѣжалъ въ ряды. Тамъ семь насчитали. Батюшко опять къ намъ.

— Теперь семь только.

— Этого ужъ быть не можетъ. Да вы куда считать-то носите?

— Въ красные ряды.

— Ну-у!.. Носите почаще туда, такъ и еще меньше насчитаютъ. Тамъ, батюшка, народъ ловкій, намъ на нихъ ненапасть, ужъ извините. Я и въ первый-то разъ думалъ, что ошибся, не зналъ, куда вы считать носите.

— И жохъ же только паренъ былъ Андрей! закончилъ рассказъ Иванъ Шуркинъ.

Часто въ своихъ рассказахъ Шуркинъ ворочается къ тому времени, какъ онъ былъ въ ратникахъ. Это было въ крымскую кампанію. До Крыма ихъ партія не дошла, и на обратномъ пути Шуркинъ сильно заболѣлъ. Долго перемогался, но въ какомъ-то городкѣ болѣзнь сломила-таки. Купила было ему жена водки (жена была съ нимъ въ походѣ), но и водка не поддержала, и пришлось лечь въ больницу, хотя очень не хотѣлось.

«Привели меня въ больницу, раздѣли до-нага и завернули въ простыню. Простыня-то въ водѣ со льдомъ лежала, только повыжали ее. Спеленали, какъ маленькаго, и уложили, а тутъ и забылся. Будто сплю, не видать и дышу ли. Пришла жена, постояла надо мной и пошла къ фельдшеру.

— Развертывайте, говорить, его, онъ и не дышитъ совсѣмъ.

«Фельдшеръ пришелъ, осмотрѣлъ.

— Рано еще, говорить, и ушелъ.

«Жена поглядѣла, поглядѣла на меня, да погода немного, опять къ фельдшеру.

— Если не развернете, такъ я сама разверну.

«Знаешь ее: раскодится, такъ никому не уважить. Разъ что было на покодѣ. Идетъ она съ манеркой мимо ротнаго; тотъ увидалъ и кричитъ: «зачѣмъ казенную манерку взяла?»—«Разуй-ко глаза-то—твоя ли?» какъ закричитъ она на него. Обидно, вишь, ей показалось: своя манерка-то была.

«Принялась она за фельдшера, тотъ отступился — развернулъ меня. Уложили меня въ постель, я словно получше дышать сталъ, какъ согрѣлся, и уснулъ. Несообразное что-то снилось только. Чего въ голову не лѣзло.

«Долго я тогда пролежалъ, безъ памяти сколько то дней былъ. Сталъ потомъ въ себя приходить, полегче стало, только слабъ я больно былъ—и сидѣть-то не могъ, нетома что на ноги стать. Жена по три раза на дню ко мнѣ приходила, чайку принесеть, лимончикъ, булочку. А ходить-то оттолѣ, гдѣ жила, было верстъ съ шесть; верстъ тридцать пять кажинный день ей приходилось дѣлать. Какъ же, ты говоришь, не ублажать-то мнѣ ее (рассказывать-то Шуркинъ началъ объ этомъ оттого, что кто-то замѣтилъ ему: «очень-де жену ублажаешь»)? Какъ придетъ она, такъ сейчасъ и самоварчикъ готовъ. На часекъ служителямъ давала, ну, и знали ее, услуживали.

«Пока я не въ памяти былъ, моя Михайловна съ докторшей познакомилась. Встрѣтилась въ саду больничномъ, разговорилась, сказала, что мужъ лежитъ въ больницѣ. Та своему мужу передала, попросила, чтобы за мной побольше посмотрѣлъ. Ну, докторъ и почаще сталъ меня навѣщать, да и другимъ наказалъ, дѣло то и лучше пошло.

«Сталъ я справляться, поѣдать сталъ. Кой-когда и просишь Михайловну то молочка, то рыбки соленькой принести, да она не приносила: докторъ, вишь, не велѣлъ.

«Булку вотъ ѣшь, чай пей, а другого ничего не будетъ; выздороветь — всѣмъ накормлю. А другой товарищъ—только перешелъ въ другую палату, гдѣ лежали кто полегче, жена нане-

сла ему съ радости-то всячины. Такъ что же! сегодня онъ вышелъ, а завтра опять къ намъ, да дня черезъ два и скапугился. Съ тѣхъ поръ и мнѣ—полно ужъ о рыбѣ просить.

«Совсѣмъ было я выправился и похаживать сталъ, только, братецъ мой, зобъ у меня съ правой стороны во-о какой сдѣлался. Ото льду что-ли. Мнѣ къ головѣ то сначала ледъ прикладывали. Зовутъ меня разъ въ другую палату перейти. Я говорю имъ, что лучше Михайловну подождать, а то не повѣрять, что въ другую палату перешелъ, подумаетъ, что побывшился, надѣлаетъ шуму. Пришла она и перебрались, а вскорѣ и докторъ пришелъ.

— Надо тебѣ это прорѣзвать, говорить.

— Такъ прорѣжьте.

Прорѣзали, выпустили дрянъ-то, у меня и пропало.

«Время-то идетъ. Земляки и домой начали собираться. Вмѣстѣ-то съ ними повадѣе бы, не охота одному оставаться, а изъ больницы не выпускаютъ, пока прорѣзъ не заживетъ. Замѣтилъ, должно быть, одинъ изъ сторожей, что мнѣ охота выйти поскорѣе, и говоритъ:

— Хоть черезъ два дня ничего не будетъ?

— Какъ не хотѣтъ!

— Давай цѣловый, сейчасъ и лекарства принесу.

— Изволь, братецъ, объ этомъ и говорить нечего. Дамъ, только залечи.

«Съ женой совѣтовался и та ничего: больно ужъ домой хотѣлось. Сходилъ сторожъ куда-то, принесъ пластырь и налѣпилъ. Наканунѣ, онъ мнѣ привязалъ, а въ ночь на утро мнѣ рожу-то и равнесло пуще прежняго. На зло-горе въ этотъ день докторъ всѣхъ осматривалъ. Мнѣ съ этойкой аммуниціей и на глаза показаться нельзя, а ничего не подѣлаешь... Стою я въ шеренгѣ. Какъ поровнялся со мной докторъ, да главулъ.

— Это что у тебя?

«Закричалъ, да по здоровой-то сторонѣ какъ хлопнетъ меня. Такого ли я славнаго леща сдѣлалъ. Смекнулъ онъ, видно, дѣло, сейчасъ повязку долой, видитъ—пластырь.

— Отколѣ всталъ? Кто тебѣ велѣлъ?

Страсть какъ рассердился. Рассказалъ я ему какъ все было, подозвалъ онъ сторожника.

— Ты что за лекарь выискался? Эй!—пятьсотъ—ему... Подхватили его голубчика и увели. Не долго разговаривали. Послѣ я его и не видалъ, такъ за мной и пропалъ цѣловый.

«Поругалъ таки меня докторъ, осмотрѣлъ, подѣлалъ что-то, а фельдшерамъ приказалъ, чтобы заживить въ пять дней. Послѣ этого фельдшеръ-то раза по четыре въ день приходилъ ко мнѣ,

да перевязывать, ну, и заживилъ, вотъ только рубчикъ остался. До сихъ поръ знатко.

«Зажило, вышелъ, земляки еще не ушли, съ ними вмѣстѣ и отправился. Не долго только здоровъ-то былъ, опять сталъ что-то разнедуживаться. Пришли въ Р., на барки тамъ нужно было насъ садить.

— Какъ же, Иванъ! вѣдь оставить тебя придется, въ лаваретъ послать, говорятъ мнѣ.

— Батюшки! На барку-то только меня переправьте, а тамъ дойду. Право, ничего... Поправлюсь.

«Упросилъ. До лодочки-то (на маленькихъ-насъ до барки-то возили) съ берегу кой-какъ дотащился, а ужъ на барку-то на рукахъ подняли, самъ не смогъ. Слава Богу, думаю, здѣсь-то не остался, а тамъ что будетъ!

«Время тогда стояло—осень. Ненастье, дождикъ все шелъ, вмѣсто крыши—рогожки; каплетъ, обмокъ весь, вязябъ. Жена послѣднюю юбку отдала, укутала чѣмъ только пришлось. Однако, кой-какъ дотащились до нашего губернскаго города. Отдыхали тутъ порядочно, а я все еще нездоровъ, хоть и бродилъ. Сходилъ къ знакомому, денегъ занялъ полтинникъ, свои-то все вышли. Съ этимъ полтинникомъ сто верстъ и шелъ до своего мѣста.

«Какъ были въ губерніи—мнѣ и говорятъ товарищи: «Объяви что боленъ, подводу дадутъ». Ладно, думаю, доберусь и безъ подводы.

«Пришло время отправляться, выстроили всѣхъ въ шеренгу и кричатъ:

— Кто боленъ, выходи!

Тотъ высочилъ, другой.

— Что же, Иванъ, иной скажетъ — выходи!

— Иди воли тебѣ охота, а я погожу.

«Вышло человекъ 6. Усадили ихъ въ кружокъ, пересчитали, потому за ними пришли и увели.

— За подводами, говорю, пошли.

«Мы ушли, а тѣ тамъ и остались, иные и теперь еще подводы ищутъ, а я вотъ живу.

«Пошли домой. На станціяхъ при отправкѣ отпросишься раньше, да пока провѣряютъ, считаютъ, да рассчитываютъ и далеко уйдешь. Придешь на другую станцію, сидишь да чаекъ распиваешь—самоваръ то у насъ за плечами былъ—а наши мимоидутъ, только что прибыли. «Счастье, говорятъ, Ивану». Шли да шли и въ свои мѣста пришли. Послѣдняя остановка осталась, народъ съ радости-то выпилъ. Пришли какъ въ деревню, гдѣ

ночевать нужно, шумъ подняли. Какой вѣдь народъ-то былъ все—атлетъ, одно слово. «Десятсаго! квартиру давай!»

«Видю, мало толку будетъ.»

— Пойдемъ, говорю товарищу:—миѣ деревня-то знакома, поищемъ гдѣ ночевать.

«Пришли къ одной избѣ, старушки жили, постучали, вышла одна.»

— Пусти, Бога ради, стогрѣться.

— А вотъ что я вамъ посоветую: идите въ овны, теперь сушати.

«И въ самомъ дѣлѣ. Пошли. Только надо было черезъ рѣченку перебраться по лавѣ, такъ—два бревнышка.»

— Миѣ, говорю, не перейдти будетъ; возьми хоть сумку-то, переберусь можетъ такъ-то.

«Отдалъ, да ползкомъ. Полы-то нальта въ воду спустились, оно и ловчѣе. Кой-какъ переползъ. Пришли въ овниѣ, мужики знакомые.»

— А! Иванъ! здорово! Ты какъ сюда попалъ?

— Такъ и такъ, нустите переночевать, говорю.

— Иди въ яму—теплѣе.

«А наши въ деревнѣ драку сочинили, шумѣли, шумѣли, насилу толкъ взяли.»

«Пришли и въ родной городъ. Встрѣтился хозяинъ, у котораго я квартиру снималъ.»

— Здорово, Иванушко, какъ поживаешь? Водочку-то пьешь ли?

— Пью, братецъ, пойдемъ.

«Сходили въ трактиръ, выпили тамъ графинчикъ, другой, идемъ назадъ, а его matka на встрѣчу, да и говорить:

— Ахъ, Максимъ, Максимъ! сколько разъ ужъ я тебѣ говорила—не пей. Нашелъ съ кѣмъ связаться: чего ужъ у Шуркина взять!

«Дай ей Богъ царство небесное! и теперь еще вспоминаю какъ она это говорила. Ей-то я иногда въ шутку послѣ говорилъ:— Помнишь, молъ, что тогда говорила...»

Принялся Шуркинъ опять за торговлю. Обѣщивать и обчитывать дорогой еще закалялся, вскорѣ пересталъ и пить, за дѣло крѣпко принялся. Упорнымъ трудомъ выбился изъ нужды и теперь только въ разсказахъ вспоминаетъ объ ней. На сколько легко было выбиться, можно отчасти судить по такому разсказу его.

«Довѣрие-то какое было. Семень Иванычъ тогда приказчикомъ адѣсь былъ, такая ли собака, что не приведи Богъ. Пока ладишь съ нимъ—еще ничего, а не поладилъ—шабанъ: ни на

копейку не отпустить, что хошь дѣлай, хошь давись. Ну, да и я не промахъ былъ: отвѣсать пудикъ муки, свѣтишь да домой.

— А деньги?—кричить.

— Сейчасъ подамъ.

«Не повѣрить—за мной на квартиру.

— Ну, давай деньги!

— погоди же, братецъ, сейчасъ.

— Подавай коли мужу. Гдѣ она?

— А возъ возьми.

«У меня ужъ и вода раньше въ квашню налита, приготовлено; какъ принесъ муки и—бухъ въ квашню. Тѣсто-то не возьметъ; поругается, поругается, да такъ и уйдетъ. Выручишь—отдашь».

Пройдя по такой дорогѣ, Шуркинъ научился цѣнить деньги и очень неохотно расстаётся съ ними. Стоитъ только одному, другому рабочему попросить у него денегъ, чтобы онъ потерялъ хорошее расположеніе духа и началъ ворчать: «зачѣмъ, да почто»—хотя и дастъ въ концѣ концовъ.

IV.

За попутъе передамъ еще, что помнится изъ разказовъ о своей молодости другого представителя купечества, съ которымъ мнѣ доводилось сталкиваться, который крупнѣе какъ фигурой, такъ и оборотами торговли, чѣмъ Шуркинъ.

— Ничего я такъ не боялся, какъ чгобы въ деревню не послали. Нужда вѣдь тамъ была, въ пастухи бы матка отдала. Скажетъ только хозяйнъ, что въ деревню пошлетъ, такъ убиться радъ на работѣ. Никакого наказанія такъ не боялся. Меня хозяйнъ, царство небесное, не билъ никогда. Разъ только, точно вчера помнится, ударилъ. Нога у меня болѣла и шибко болѣла, стоять на ней больно было; такъ что-то съ ней сдѣлалось. Вотъ въ лавкѣ я стоялъ, да при хозяйнѣ-то и облокотился на ларь. Замѣтилъ это онъ, подошелъ, да ни слова не говоря, и ударилъ по головѣ, шапку шибъ. Онъ ничего не сказалъ—и я молчу: знаю ужъ за что. А у меня нога болѣла.

Сестра у него была, такъ та, когда мимо дому-то хозяйскаго идешь, и то велѣла шапку скидывать. Разъ пришлось—несъ я бутылку пуда съ два масла деревяннаго, нельзя было снять шапки—вѣдь пожаловалась хозяйну, тотъ было мнѣ выговаривать.

— Какъ же бы я снялъ шапку-то, коли бутылка въ рукахъ? а ну, бы уронилъ, да разбилъ, тогда что? Ничего больше мнѣ не сказалъ, а сестрѣ наказалъ: спрашивай, да во время.

Любилъ меня все-таки хозяинъ, и ласковъ бывалъ. Сердца, главное, не имѣлъ: сейчасъ тебя обругаетъ—горячъ былъ—а потомъ, глядишь, все и прошло, сейчасъ и опять говорить какъ ни въ чемъ не бывало.

Съ нимъ часто мнѣ приходилось въ двоимъ на солодовнѣ работать. Ночью больше. Бывало, покидаемъ, покидаемъ солодъ, устанеть старикиъ.

— Ну, Миша, ложись сверху на грудь-то, отдохнемъ, скажетъ. Молодъ что-ли тогда былъ, или заботы было меньше, только какъ легъ, такъ точно въ воду палъ; сейчасъ и уснешь. Да таково крѣпко, что послѣ хозяинъ будить, будить, не можеть докричаться и станеть подрывать грудь съ низу, вмѣстѣ съ солодомъ. Я и скачусь на полъ, значить и проснусь. Для этого и на верхъ онъ клалъ.

Крѣпко же и спалъ я тогда: пабѣгаешься за день-то. Разъ что было. На святки домой патерцы пробѣжали тогда, ну, иной и ночью ѣдетъ, придетъ на квартиру, просить въ лавку сходить, пряниковъ продать. Этакъ вотъ и случись. Разбудилъ меня прикащикъ какъ никакъ. Я съ просонковъ-то одинъ сапогъ надѣлъ на ногу, а на другую-то и позабылъ, такъ и пошелъ въ лавку.

На половинѣ дороги только опаматовался: забнуть стала нога, посмотрю—анъ босая. Побѣжалъ назадъ обуваться. Ну, и работали только тогда. Что вдвоимъ съ хозяиномъ мы дѣлывали, заставъ теперь четверыхъ — не придѣлать. А чаевъ-то теперешнихъ, по три раза на день, и не слыжали. По большимъ праздникамъ, въ Паску, да Рождество чашки двѣ вышлютъ, да кусочекъ сахару, а не то что за столомъ, около самовару, часа по два просиживать.

И здоровъ я былъ тогда молодой-то: по 17-му году кулъ соли, 12-тъ пудъ, ни по чемъ было вынести. Тележекъ-то этикъ, что ногѣ пошли, въ поминѣ не было. Принесешь какъ изъ дому въ лавку мѣшокъ муки, точно ставановъ пять самаго горячаго чаю выпьешь: потъ леть.

Послалъ меня разъ хозяинъ въ Высокое, верстъ больше тридцати отсюда будетъ, деньги получить съ мужичка. И денегъ-то всего двадцать рублей, да дорогія тогда деньги были по нашему мѣсту. Пошелъ я, къ обѣднѣ благовѣстили, мужикъ знакомый еще на дорогѣ попался, верстъ десятокъ подвезъ, а то все пѣшкомъ отмахалъ. Такъ захотѣлось, братецъ, къ женѣ побывать, она у матушки моей жила, верстъ пять отсюда будетъ, а и махнулъ въ тотъ же день назадъ. Совсѣмъ ужъ стемнѣло какъ пришелъ. Переночевалъ, а къ утру въ лавку пришелъ. Скажи ногѣ это кому — ни за что не сдѣлать!

Поступилъ онъ въ лавку совсѣмъ неграмотный, а какъ сталъ понимать торговлю, захотѣлось выучиться писать, въ особенности цифры. Обучать взялся прикащикъ, но съ условіемъ, что мальчишкѣ (ему было тогда 14-ть лѣтъ) выносить за него, при случаѣ, тяжести: мѣшокъ муки, кулъ соли и т. н., за каждую букву или цифру по одному. Буквально, *тяжела* ему пришла наука.

Благодаря мѣсту, какое онъ занималъ, ему приходилось бывать во всякихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нужно было рассчитывать только на себя, на свои силы. «Пришли мы на лодкѣ къ Овнинкамъ, верстѣ 20-ть отсюда. Товаръ шелъ съ нижегородской. Дальше идти мелко, нельзя — привалили. Пока что — стемнѣло. Народъ-то у меня былъ набранъ все тутошній, ближній, весь и разошелся по домамъ, въ свои деревни, оставилъ меня на лодкѣ одного. Была у меня говядина съ собой, привязалъ ее на веревочку, да и спустилъ за бортъ, чтобы не такъ портилась. Вотъ только и примани ночью говядина рыбу, да сколько! отродясь не видывалъ столько! Тѣмко... ничего не видно. Тихо все, а на водѣ-то гулко. Плескъ подняли, обь лодку стучаются, да шибко таково. Забрался въ казенку, да такъ всю ночь и просидѣлъ, выгнати-то боюсь, малъ былъ еще. Натерпѣлся же я тогда страху! и уснуть не могъ, пока солнышко не взошло. И свѣтать начало — все боялся, а показалось солнышко и ничего, пересталъ бояться.

Всего наглядись на водѣ-то! И смѣхъ, и горе. Поднимались мы снова бичевой, конями. Пароходовъ мало было слышно еще и на Волгѣ. Лодокъ была не одна, а я на задней шелъ, а какой народъ воюводы были — не гляди плохо. По берегу все покосы шли. Кто изъ мужиковъ подогладивѣй, стоги-то подалше отъ бичевника сметалъ, а тутъ попалась коппа на самой дорогѣ. Передніе-то и позапаслись сѣнцомъ, да и ушли, а мы плетемся сзади; у меня мальчишка и погонцикомъ былъ. Только не прошли мы саженой десяти отъ коппы, обьжить за нами старичишка. «Стой, стой! сѣно урвали!» Онъ, видно, нарочно и коппу-то поставилъ: возьмутъ-де, а я подстерегу, да и сдерну что-нибудь. Должно быть и сторожилъ тутъ все, да и заснулъ, прозѣвалъ, какъ брали. Мой мальчишка ни клочка не взялъ. Догналъ насъ старикъ, остановилъ лошадей, мальчуганъ не знаетъ, что и дѣлать, а я кричу, чтобы погонялъ, а то попятить. Однако, старичишка не отпускаетъ; сталъ среди лошадей, обвелъ ихъ вокругъ себя, да чалкой-то и обвился. Такъ ловко себя обернулъ, что нарочно такъ не сдѣлаешь. Мальчишка мыгнулъ лошадей, пошли они, старикъ упирается, да ругаетъ насъ. Какъ стало бичеву-то натягивать, его и стало сжимать, вывер-

нуться не можетъ, видѣть бѣда приходитъ — какъ закричитъ! Плохо, вижу, дѣло, кричу мальчугану, чтобы лошадей остановилъ, тотъ оббѣгать ихъ, а онъ шибче; забѣжать-то не можетъ! Бичева ту же, да ту же. Совсѣмъ старика сжало, смерть близка. Однако, остановили лошадей, выпутали старика, и е сънѣ забылъ, сразу домой ударился. Смѣялись мы послѣ, а тогда я испугался.

— Самъ-то иногда отъ смерти недалеко бываешь. Обшестился разъ, да съ шестомъ-то въ воду, а холодно было, мѣсто глубокое, ну, выплылъ кое-какъ. А на томъ мѣстѣ другой разъ свалился такъ мужикъ, да видно подъ лодку попалъ, такъ и не видали. Упалъ, не вынырнулъ.

А то застала погода на Волгѣ. Валу разгулялись такіе, что только держись. Стояли, стояли, измogli всѣ, переизмogli, хотя бы чайку понить и то—нѣтъ, и ѣды-то почитай нѣтъ. Берегъ-то и близко, да не всвочишь. Вздумали мы вчетверомъ на берегъ стѣздить. Съли въ лодочку, поѣхали, только никакъ не приста-немъ къ берегу. Только бы подѣхать, а насъ и откинетъ валомъ дальше прежняго. Бились, бились, ничего не можемъ сдѣлать. На середину выбрались, и на лодку ужъ не можемъ добраться. Качало, качало, лодочка-то и безъ того худа была, а тутъ и совсѣмъ раскачало: щель дала на днищѣ. Вода—фонтаномъ въ лодочку. Одинъ, не будь глупъ, сейчасъ кафтанъ долой, закрылъ щель и самъ легъ брюхомъ. Прижалъ кафтанъ, вода-то и не набирается. Долго это говорится, а тогда живо—и лежитъ. Смѣшно теперь вспомнить, какъ онъ лежалъ, а въ ту пору не до смѣху. Какой смѣхъ—смерть за дощечкой. На наше счастье, живымъ видно быть, одинъ гребецъ слышитъ, что весло за дно задѣло. Попробовалъ еще—задѣваетъ. Слѣва не говора, бултыхъ въ воду: по брюхо только, схватился за веревку, держать лодку. Тащить-то не сможетъ, а держать. Другой соскочилъ ему на подмогу, третій. Выбрались мелю на берегъ, трактиръ нашли и попили чайку. А далеко ли смерть была!

Смѣлъ же я тогда былъ. Бывало, пошлетъ хозяинъ въ N. за товаромъ, ѣдешь ночью, одинъ-одинѣшенекъ, никого не боишься. Ну, и сила была, да и лошадь хороша. Пришлось такъ ѣхать обратно съ товаромъ, дѣло ночью. Обгоняю пѣшехода, называетъ меня:

— Здорово, Михайло Ивановичъ! подвези-ко меня немножко. Посадилъ его. Ѣдемъ, да разговариваемъ. Сказалъ, изъ какой деревни, мужиковъ знаетъ, сказався и чей, родню рассказалъ. Вдругъ, около ручья, онъ меня и вытолкнулъ изъ сажень-то, да хлестать было по лошади: угнать хотѣлъ. По счастью, рука въ

возгахъ запуталась. Потящило меня, лошадь и остановилась. Поднялся я на ноги, повалилъ его въ санихъ, и руки назадъ. Связалъ и положилъ. Разва-два видно стукнулъ въ горячѣй-то. Поѣхалъ. Дорогой принялся просить меня мужикъ, чтобы отпустилъ. Грѣхи, моль, попутали, не буду больше. Что, думаю, не по судамъ съ нимъ таскаться! Развязалъ, отпустилъ, только на дорожку разокъ-другой по шеѣ далъ. Не балуйся.

Смѣлъ былъ тогда, не то что теперь. Теперь въ дорогѣ, если кто невзначай изъ лѣсу вывернется—неловко сдѣлается. Даже волосы на головѣ начнутъ шапку поднимать.

Какъ вышедшій изъ крестьянской среды, часто сталкивавшійся съ нею при торговлѣ, онъ отлично знаетъ положеніе крестьянъ, ихъ нужды и средства. Почему, гдѣ бы и когда ни встрѣтился съ мужикомъ, будь то на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ, на постояломъ дворѣ, онъ непременно разговорится и долго проговорить съ видимымъ интересомъ. Кромѣ того, изъ своихъ столкновений со всякимъ людомъ, во всевозможныхъ положеніяхъ, приобрѣталъ громадную наблюдательность и осторожность въ обращеніи. Такіе люди особенно крѣпко забираются въ какую-то сворлупу съ людьми не своего круга, съ чиновниками, въ особенности, если тѣ будутъ въ разговорѣ стараться приноравливаться къ его понятіямъ. Такого собесѣдника онъ живо раскусить, хотя тотъ и не догадается. Многіе, очень многіе, которые называютъ себя проникательными людьми, встрѣтятся съ такимъ субъектомъ, подумаютъ, что это простой парень, который радъ, если его чему поучать. А этому простому парню немного нужно времени, чтобы тонко подмѣтить характерныя мелочи и сгруппировать ихъ такъ, что его новый знакомый сразу представится ему съ своими сильными и слабыми сторонами.

Затѣмъ опытность въ опредѣленіи качествъ товаровъ удивительная, въ особенности тѣхъ, которыми торгуетъ. Знаетъ толкъ и во многомъ такомъ, что не входитъ прямо въ его спеціальность, какъ-то: въ лѣсѣ, лошадахъ, скотѣ и т. п. Достаточно, напримѣръ, ему осмотрѣть корову, ощупать, чтобы опредѣлить ея молочность, количество сала, мяса, вѣсъ кожи. Глазъ приобрѣлъ хозяйскій, никакой пустякъ не пропуститъ безъ вниманія, такъ что относительно его вполне вѣрна пословица: «хозяинъ по двору разъ пройдетъ, такъ рубль найдетъ».

Замѣчательна память на лица и обстоятельства; говорятъ, что такая у поповъ еще встрѣчается. Прежде, ему ничего не надо было записывать, теперь же началъ жаловаться, что плоха память стала. А то иногда встрѣтитъ человѣка, назоветъ по имени, спроситъ не ошибся ли и напомнитъ, что лѣтъ десять тому на-

задъ вмѣстѣ изъ Питера ѣхали, и въ это время то-то случилось. А еслибы пришлось ѣхать съ нимъ мимо деревень, то навѣрное встрѣтится съ сотнею лицъ, съ которыми расшляется, называя по имени, и справится о старикахъ, съ которыми тоже знался. Иногда послѣ расскажетъ смѣшной или горестный случай, въ которомъ участвовалъ попавшій на встрѣчу человекъ, а онъ былъ свидѣтелемъ. Просто диву дашься, услыхавъ мельчайшія подробности иного случая, происходившаго лѣтъ 20 назадъ, и такъ свѣжо сохранившася въ памяти.

Въ то время, какъ мнѣ пришлось его знать, онъ былъ человекъ совершенно сложившійся (ему было лѣтъ 50), съ законченнымъ мировоззрѣніемъ и установившимися своеобразными понятіями о чести и честности. Чувствовалась въ немъ сила, энергія и умъ далеко не дюжинный, такъ что поневолѣ являлось къ нему уваженіе, какъ и всегда къ силѣ, въ какой бы средѣ она ни встрѣтилась.

У.

Изъ двухъ предъидущихъ главъ можно отчасти видѣть, какъ прошла молодость непритаманныхъ купцовъ, которымъ приходилось съ бою занимать то положеніе, въ какомъ они находятся теперь. У купцовъ природныхъ, конечно, не такъ. Есть у меня знакомый, который занимаетъ теперь промежуточное, такъ сказать, положеніе: къ *отцамъ* совсѣмъ не присталъ, отъ *дтей* ушелъ. Родился онъ въ старой купеческой семьѣ: уже дѣдъ его былъ купцомъ. Молодость пришлось провести подъ давленіемъ рѣзко-физическимъ, если можно такъ выразиться. Изъ дому вечеромъ уйти и не думай, а уйдешь, не послушаешь запрета—потасовка. И это даже тогда, когда онъ былъ въ полномъ развитіи физическихъ силъ. Дѣло молодое, кровь горячая, гдѣ же усидѣть дома? Чуть старики улягутся, онъ изъ окошка на дворъ и—ищи вѣтра въ полѣ. Погуляетъ, а что значить «гулять», при такихъ условіяхъ—само собою понятно, а передъ утромъ, тѣмъ же ходомъ, назадъ. Выходить въ лавку утромъ, при старикахъ торгуетъ, а безъ нихъ и соснуть часокъ можно, прикащики свой народъ, не выдадутъ.

Дѣла свои онъ велъ ловко, хотя и рискованно, иногда попадался, но всегда благополучно сходило. Много курьезныхъ случаевъ рассказываетъ онъ изъ своего прошлаго. Приведу одинъ для примѣра.

«Ко мнѣ въ лавку бабы ходили. Въ задн-то дверь на дворъ была, такъ и ловко: въ одиѣ впустишь, а въ другія, ежели не

гоза, выпустишь. Разъ пришла этакъ ко мнѣ въ лавку, я и ушелъ съ ней бесѣдовать. Мальчишку у дверей на улицу поставилъ сторожить, хотъ и никого не ждалъ: заператься скоро надо было. Вдругъ самъ старикъ и приходитъ, а я ее и проводить не успѣлъ. Что дѣлать, въ погребъ и спустилъ. Закрылъ ее тамъ, выхожу къ самому.

— Гдѣ былъ?

— Въ погребъ спускался посмотрѣть.

Скоро, думаю, уйдетъ, а онъ все сидитъ, да сидитъ. Такъ до забору и просидѣлъ. Заперлись, а она въ погребѣ и осталась, всю ночь тамъ просидѣла. Какъ пришелъ утромъ, выпустилъ ее, первое слово было:

— Крысь-то сколько! Господи!

Да у меня еще старикъ былъ хорошъ: иногда и видитъ, что не ночую дома, домашнимъ не скажетъ. Мнѣ только одному, если что. «Поберегай молъ здоровье! поберегай!» А будь-ко другой!

Теперь онъ остепенился (на 4-й десятокъ идетъ) и только живостью напоминаетъ прежняго.

Нынче формы давленія измѣнились, положимъ, но суть все-таки осталась. Рѣдко теперь услышишь, что отецъ поколотилъ сына—до такихъ рѣзкихъ формъ давленія дѣло не доходитъ—но за то не рѣзко и противодѣйствіе. Посмотримъ же какъ проводилась и проводится молодость у *дѣтей*.

Пока мальчикъ не поступилъ въ лавку, не надѣлъ «присягу» (полотняный фартукъ), онъ находится исключительно подъ материнскимъ надзоромъ и пользуется, сравнительно, большою свободою. Но какъ только попалъ за прилавокъ, попалъ подъ начало къ *самому*, такъ и прощайся съ красными днями дѣтства, онъ дѣлается полною собственностью *самого*.

Надѣвъ *присягу*, если это въ овощной лавкѣ, онъ первое время присматривается; взвѣсить — что велать, продать — чему цѣну знаетъ, но такъ идти не долго. Потомъ постепенно входитъ въ суть торговли, узнаетъ цѣну всѣхъ товаровъ и становится за прилавокъ, чтобы *представлять* собою отпа, что и долженъ будетъ дѣлать неопредѣленное число лѣтъ.

Что рѣзче всего бросается въ глаза, если ближе присмотрѣться къ положенію молодого купечества, такъ это именно неопредѣленность этого положенія. Посторонній мальчикъ, поступающій на внучку въ лавку, знаетъ, что чрезъ 4—5 лѣтъ онъ поступитъ въ прикащики, будетъ имѣть опредѣленное занятіе, будетъ получать жалованье, а если не понравится у одного хозяина, то перейдетъ къ другому. Наконецъ, чуть случай подошелъ, онъ примется за самостоятельное дѣло. Не то мы видимъ у купече-

скаго сына. Выучка его можетъ кончиться только по смерти отца, раньше же — все отцовское, и самъ онъ отцовскій и свою волю, свои желанія долженъ подчинить отцу. Жалованья не получаетъ: все-де-твое будетъ какъ помру, не унесу же съ собой, а до тѣхъ поръ на каждый рубль онъ долженъ спрашивать разрѣшенія, и если получить, то долженъ отдать отчетъ, куда израсходовалъ. Но обыкновенно устанавливается молчаливое соглашеніе со стороны отца на то, чтобы сынъ бралъ деньги безъ его вѣдома, чтобы ему не знать, такъ какъ, съ одной стороны, нѣтъ возможности услѣдить за выручкой, а съ другой, есть сознаніе, что сынъ имѣетъ право на деньги за свою работу, и что есть такіе расходы, отчета въ которыхъ онъ отдавать не будетъ.

На свой рискъ онъ ничего не дѣлаетъ, да и не можетъ дѣлать, даже послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ за прилавромъ. Онъ служитъ только исполнителемъ приказаній отца. Все обдумываетъ хозяинъ — все его, все онъ нажилъ, а сынъ долженъ только исполнить и отдать отчетъ. Отецъ можетъ задумать и привести въ исполненіе что ему угодно, а сынъ все долженъ дѣлать съ его одобренія, и отъ одобренія или неодобренія будетъ зависѣть движеніе дѣла.

Какой можно ожидать самостоятельности и предпринимчивости отъ людей, проведенныхъ лучшую пору жизни на помочахъ? Что они будутъ дѣлать, когда отцы помрутъ, когда они очутятся сами себѣ хозяевами, привыкши къ чужой волѣ, чужому загаду? Лучшее чего можно ожидать, это только продолженія завѣщаннаго отцовскаго дѣла: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Да и то, если все будетъ обстоять благополучно, если не зарвется, не захочетъ размахнуться, получивъ, наконецъ, свободу распорядиться самимъ собою и капиталами.

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, разъ повторялась исторія, что отецъ или дѣдъ начинали свою карьеру съ грошей, наживали деньги, а ихъ потомки онускались до нельзя, пропустивъ сквозъ пальцы все наслѣдство. Отцы все время дѣйствовали на свой рискъ, употребляли страшныя усилія при приобрѣтеніи первыхъ рублей, и знаютъ, какъ они дороги. Купеческій сынъ живетъ безъ нужды, мало даже услышитъ о ней, живетъ за чужимъ загадомъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Отцы, любя дѣтей (какъ сильно любить, можно увидать, если сынъ заболѣетъ безнадежно, пойдетъ въ солдаты и т. п.), и желая имъ добра, заслоняютъ ихъ отъ жизни, не даютъ чувствовать ея толчковъ, желаютъ избавить ихъ отъ тяжелой дороги, которую испытали на своей шкурѣ.

Бываютъ, въ видѣ исключенія, отцы, старающіеся дать просторъ сыну, не начинающіе дѣлать безъ совѣта съ сыномъ и благосклонно принимающіе его сужденія, но это приходится только тогда,

какъ сынъ много лѣтъ провелъ на помочахъ и ни въ чемъ не былъ замѣченъ. Больше вѣроятности, что такіа исключенія бывають между людьми, выбившимися въ купцы своими силами, потому что наследственные и въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ больше по рутинѣ: «дѣды такъ поступали». Еще рѣже встрѣчаются отцы, у которыхъ дѣти рано начинаютъ жить самостоятельно. Знаю я одну такую семью, гдѣ сыну съ 12-ти лѣтъ приходилось ѣздить въ Петербургъ одному и дѣйствовать безъ указки. «Бывало бьешься, бьешься, рассказывалъ онъ про это время:—товаръ съ рукъ нейдетъ—и завоешь, головушка! Да ничего, выправлялись».

И дѣйствительно, выправлялся. Теперь ведетъ самостоятельное дѣло, въ которое вкладываетъ свою волю, свою инициативу. Съ отцомъ въ превосходныхъ отношеніяхъ, теплыхъ, дружескихъ. Видно, что этотъ человѣкъ не скоро потерлется, что не скоро захлеснетъ его житейскою волною. Кроме того, въ такихъ людяхъ замѣчается большая терпимость къ другимъ людямъ и болѣе душевные отношенія, чѣмъ у развивавшихся на помочахъ. Въ послѣднихъ мы чаще замѣтите какъ будто презрѣніе, насмѣшку ко всѣму остальному человѣчеству, къ непонятнымъ для нихъ интересамъ и побужденіямъ. У иныхъ, при задаткахъ въ характерѣ, замѣчается страшно развитой эгоизмъ, сознаніе собственного превосходства надъ всѣми, убѣжденіе, что всѣ должны работать на него. И смѣшно, и досадно бываетъ видѣть такихъ молодыхъ людей, очень не глухихъ иногда, которые пальцемъ не толкнулись о жизнь, благодаря батюшкамъ, старательно заслонившимъ ихъ отъ жизни, и за всѣмъ тѣмъ, относящихся ко всему и ко всѣмъ съ высоко и со смѣхомъ. Что было бы съ ними, еслибы имъ пришлось взглянуть прямо въ очи жизни, не чувствую за собою ни батюшки, ни его кармана?

Къ одной изъ особенностей здѣшней купеческой молодежи слѣдуетъ отнести то, что она поодно женится, тогда какъ въ недавнія времена, навѣрно, была бы ужъ поженена. Вѣроятно, принужденія въ этомъ нѣтъ, а такъ какъ во всемъ остальномъ молодые люди воли не имѣли, то и въ этомъ дѣлѣ имъ не сподручно и не привычно поступать по своей волѣ. Есть и другая причина такого нежеланія: пока не женатъ, можно кой-когда и сжаться, уступить, а женившись—придется за двоихъ отвѣчать. Не поладитъ жена съ семействомъ — вотъ и бѣда. Какъ заставши ее сжаться? На ея сторону не станешь — неприятность съ женой; противъ родителей пойдешь — еще хуже. Приходится вводить въ семью новаго человѣка, мало знакомаго, который неизвѣстно въ какія отношенія станетъ къ членамъ семьи. Не будутъ ли эти отношенія натянутыми, неловкими? А разъ заведется неприят-

*

ность, Богъ вѣсть какой ломкѣ придется подвергать себя, жену и семью; да и чѣмъ эта ломка кончится? Пожалуй, и прогнать ихъ съ чѣмъ; вѣдь своего-то ничего нѣтъ, все его, родителя, и онъ воленъ дѣлать что угодно. Многіе родители, вѣроятно, въ негодования бы пришли, еслибы знали, что существуетъ такой мотивъ въ нежеланіи сыновей жениться. «Какъ! боится, что я прогоню? Да развѣ я думаю даже объ этомъ. Стыдно и предположить-то это относительно меня! Я ли не работаю, я ли не стараюсь, а для кого? Все для дѣтей. Неужели я способенъ угнетать родного сына, идти противъ него? Развѣ я не люблю его, не забочусь о немъ день и ночь? Если что и запретишь, такъ для его же пользы» и т. п. Вотъ что сказалъ бы каждый и со своей точки зрѣнія былъ бы правъ; но не хватаетъ духу винить и дѣтей, въ виду ихъ неопредѣленнаго положенія. Вѣдь имъ только догадываться приходится, что отцы ихъ любятъ; а на дѣлѣ не является ли для нихъ отецъ въ видѣ грознаго начальства, которое можетъ *всегда* взыскать и приказать? Положимъ, и приласкать можетъ, но какое вліяніе имѣетъ ласка лица, котораго съ малыхъ лѣтъ привыкли бояться?

VI.

Сокращеніе своей воли и своихъ желаній выпадаетъ на долю кунеческихъ сыновей не въ одной только торговлѣ, но простирается и дальше—на его личную жизнь. При торговлѣ у него нѣтъ дѣла, которое бы захватывало его совсѣмъ, потому, что во-первыхъ, онъ ничего не можетъ предпринять на свой рискъ, а во-вторыхъ, еще вопросъ: всѣ ли по охотѣ занимаются торговлей? Наконецъ, торговля не можетъ у него занять всего времени. Отъ извѣстнаго часа утра и до 9-ти вечера онъ сидитъ въ лавкѣ, куда являются, съ большими или меньшими паузами, покупатели, которымъ онъ долженъ отпустить товаръ, а чаще—приказать приващнику; затѣмъ записать, кому требуется, въ черновую, изъ которой, въ мѣсяцъ разъ, два, перевести въ бѣловую. Ясно, что время свободнаго у него и въ лавкѣ много, которое и проходитъ скучно и безцѣльно. Остается вечеръ съ 9-ти до 12-ти, по крайней мѣрѣ. Какъ употребляется это время?

Кунеческій сынъ, пока не сдѣлается *самимъ*, не можетъ безъ спросу уйдти изъ дому куда бы то ни было. Пускай бы это было, пока онъ мальчишья-несмысленочекъ, но дѣло стоитъ такъ и тогда, когда ему минеть совершеннолѣтіе. Даже послѣ этого, уходитъ только туда и тогда, куда и когда отпустить, на столько времени, на сколько получилъ разрѣшеніе. Никуда и никогда не можетъ онъ пообщаться придти, хотя бы ему самому и хо-

тѣлось. Пообщается, а вдругъ «голова заболить». Последнее вошло въ употребленіе, какъ формула, благодаря тому, что стыдно сознаться, что родитель не разрѣшилъ.

Та замкнутая жизнь, которую приходится вести купеческому сынку, не можетъ удовлетворять всѣхъ его желаній и потребностей. Главное дѣло, она не даетъ почти никакихъ волненій и оцущеній, благодаря которымъ только и красна жизнь. Сиди въ лавкѣ, сиди дома, читай, если охоту имѣешь, но вѣдь и та фиктивная жизнь, которая получается при чтеніи, скоро насущаетъ. Еслибъ захотѣлось подѣлиться впечатлѣніями, полученными отъ чтенія, собравшись съ ровесниками вечеромъ, то и того нельзя: поди спрашивай разрѣшенія, объясняй, зачѣмъ понадобилось, и все это въ полной увѣренности, что навѣрное не отпустятъ. Также точно рѣдко получишь разрѣшеніе прогуляться по улицѣ при хорошей погодѣ, не говоря уже о томъ, чтобы прокататься до полночи на лодкѣ, попѣть пѣсенъ, повеселиться какъ хочется. Не даромъ же, если такіа прегулки и случаются, то и свозъ веселье и дурачества видѣется какъ бы натапуготость, неувѣренность. Отцамъ непонятнымъ кажется, отчего бы сыну не удовлетвориться тѣмъ дѣломъ, которое у нихъ наполняетъ все время, отчего сыновья просятъ вечеромъ погулять, въ товарищамъ сходить? «Не ходи. Нѣдъ почто. Избалуеться!» Вотъ обычный отвѣтъ на эти просьбы. Разрѣшеніе дается только на форменныя вечеринки и балы у знакомыхъ, да и то, пожалуй, съ наказомъ: «спотите гуляйте, да пораньше приходите».

— Что вы никогда не собираетесь вмѣстѣ по вечерамъ? спросилъ я однажды у одного изъ нашей молодежи:—сами вы, кажется, виноваты, что время у васъ проходитъ такъ вяло и безцвѣтно.

— Толкуешь ты! Что же ты тутъ подѣлаешь! Сначала-то боишься и спрашиваться, а потомъ—огорчать семейство не охота. Да, признайся, не охота и приниматься: привыкаешь какъ-то. Право, праздникъ придетъ, въ лавку не идти цѣлый день, точно чего не хватаетъ. Хоть и знаешь, что въ лавкѣ дѣлать нечего, а все будто при дѣлѣ, отвѣтилъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Не весело становится, говорилъ онъ же въ другой разъ:—какъ подумаешь, что дожилъ до 25-ти лѣтъ, а и вспомнить-то нечего. Какъ поступилъ въ лавку, такъ и прошло время день за день. Выйдешь утромъ, попивши чай, посидишь, подѣлаешь кой-что. Молодцовъ отпустишь пообщдаться, самъ сходишь. Подойдетъ вечеръ — сходишь чай попить, да и сидишь въ лавкѣ до вечера. Бываютъ покупатели, отпустишь, занимаешь. Запрутъ лавку, войдешь домой... Дѣлать тамъ нечего; почитаешь, походишь по комнатѣ, пѣсенъ поносишь. Ну, поужинаешь—и спать. Да такъ ио-дня въ день. Въ чемъ прошла жизнь? Ничего не

выдать, ничего не знаешь... Подумаешь иногда объ этомъ, такъ бы, кажись, и хватилъ «мухи».

Иной и хватить «мухи». Веселѣе станеть, развязнѣе, свободнѣе. Не долго до того, что и переложить. А случись это нѣсколько разъ, попади подъ замѣчаніе — и дѣло плохо. «Муха» доставляетъ новыя ощущенія, которыхъ такъ бѣдно въ его жизни, а добывать ихъ затруднительно. Является положительный запретъ уходить изъ дому. Пренебрежеть запретомъ, уйдетъ — попадется разъ-другой — и дорога торная. Довѣріе отца къ нему пропадаетъ, да и есть основаніе, такъ какъ не безъ денегъ же сынъ гуляетъ, а гдѣ же ихъ можетъ взять, коли жалованья не получаетъ? Постепенно отъ торговли оттирается и оказывается не у дѣла, потому что не надеженъ. А безъ дѣла еще больше протора испортиться. Вѣроятно, когда молодой человѣкъ бралъ безъ спросу первые гривенники, то чувствовала себя неловко, но вѣдь только первую пѣсенку зардѣвшись сѣтъ. Деньги доставать будетъ труднѣе и труднѣе, а требуется ихъ больше и больше — глядишь, и полетать мѣшки муки черезъ заборъ. У всѣхъ, такой выбившійся изъ колен видитъ презрѣніе къ себѣ, а можетъ быть, и самъ чувствуетъ что-то подобное; является желаніе заглушить сознаніе этого въ винѣ, показать, что если на него плюють, такъ и онъ на всѣхъ плюеть. Само собою явится озлобленіе въ отношеніяхъ между отцомъ и сыномъ, которое можетъ дойти, если и отецъ выпиваетъ, до возмутительныхъ явленій: до обоюдныхъ зубокрушеній и потасовокъ, а иногда (чего, впрочемъ, въ послѣднее время не слышно, а говорятъ бывало) и до колоченья сына не на животъ, а на смерть.

Разъ дойдетъ дѣло до такого положенія, то мало вѣроятности, чтобы человѣкъ свернулъ на другую дорогу, остановился въ-время. Надо какую-нибудь радикальную перемѣну въ жизни, какой-нибудь особенный случай; большею же частію наступаетъ положеніе въ родѣ того, въ какомъ находятся Брилкинъ, Сушкинъ и т. п. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, нравственные принципы могутъ выработаться у человѣка, если раньше онъ прожилъ такъ, какъ приходится обыкновенно прожить купеческому сынку, и которые помогали бы ему снова встать твердо на ноги, если онъ и пошатнулся?

Незавидно положеніе и отца, сынъ котораго сбился съ пути. Сынъ, котораго онъ воспиталъ, для котораго старался, гибнетъ въ его глазахъ и не хочетъ перемѣниться, несмотря ни на увѣщанія и даже на сильныя мѣры, какія принимаетъ противъ него отецъ. Больно ему это видѣть, не менѣе больно и то, что сынъ даетъ орудіе, которымъ свой же братъ купецъ можетъ колнуть, при случаѣ, болѣе или менѣе тонко: что-моль сынъ-то твой пьяница дѣлаетъ? Съ стѣсненнымъ сердцемъ онъ принимается за

болѣе и болѣе сильныя мѣры для сокращенія сына, въ полной увѣренности, что эти мѣры *должны* подѣйствовать—да другихъ онъ и не знаетъ, какъ не знаетъ и того, что безпутное поведеніе сына подготовлено тою жизнью, которую онъ раньше велъ, на помочахъ отца, и что не малая доля вины въ этомъ поведеніи падаетъ на самого отца. Послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ исправить сына, отецъ, можетъ быть, и рукой махнеть на него: живи, какъ знаешь. Впрочемъ, и тутъ не совсѣмъ-то какъ знаешь.

Мнѣ передавали (за *совершенною* вѣрностью слуха не ручаюсь), что въ послѣдній наборъ пришлось одному купеческому сыну идти въ солдаты, хотя онъ пользовался льготою 2-го разряда, изъ котораго, по закону, никого не могли взять, такъ какъ даже 3-й разрядъ остался. Случилось же это по волѣ отца, который заявилъ, что его могутъ взять, и что онъ въ немъ не нуждается. Рассчитывалъ ли отецъ, что служба исправитъ сына или махнеть рукой на него и, желая избавить отъ службы другого сына, воспользовался правомъ, даннымъ ему закономъ—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но еслибъ расчетъ на «исправленіе» сына и осуществился, не останется ли все-таки у него въ душѣ совнѣнія, что отецъ поступилъ съ нимъ несправедливо? Не будетъ ли горечи въ отношеніяхъ къ отцу и брату, который хладнокровно воспользовался выгодой своего положенія, и отдѣлился отъ солдатчины?

Кстати. Теперь, благодаря новому уставу о воинской повинности, много за послѣдніе пять наборовъ (изъ нашего маленькаго городка человекъ 8), ушло на службу купеческихъ сыновъ. Берутъ ихъ на 22-мъ году, значить въ самомъ развалѣ зависимости и моральнаго давленія отъ *самю*. Любопытно знать, какой новый элементъ внесутъ эти служившіе, вернувшись домой? Видъ они четыре года пробудутъ на чужой сторонѣ, иные побывали, можетъ быть, и за Балканами, дѣйствовали на свой рискъ, въ свою голову, знали другое начальство, тѣмъ *самъ*, знали твердо и точно обозначенныя обязанности. Неужели и это время пропадетъ для нихъ безслѣдно, такъ что и опять они пойдутъ подъ ту же ферулу, изъ подъ которой пошли подъ красную шапку? Не вѣрится, да и не хочется этому вѣрить. Будемъ надѣяться, что ихъ возвращеніе будетъ наносить ударъ за ударомъ, тѣмъ вѣями установившимся семейнымъ отношеніямъ въ купечествѣ (да и въ одномъ ли купечествѣ?), которыя нельзя назвать нормальными.

Не будемъ говорить о спившихся—пускай они виноваты—возвѣмъ прошедшаго безупречно молодость, въ томъ смыслѣ, что никогда изъ слова отцовскаго не выступилъ. Положимъ, что изъ него и энергичный человекъ вышелъ, положимъ, что и послѣ смерти отца онъ не бросился въ сторону, отчуждившись на сво-

бодѣ, и отлично вѣдетъ дѣла. Но не будутъ ли даже у такого рѣдкостнаго представителя, поминнающаго обыкновенно добромъ отца, являться минуты, въ которыя ему безконечно жаль будетъ молодыхъ годовъ, пропавшихъ задаромъ? Не явится ли въ такія минуты горькое сознаніе, что отецъ заставлялъ ему свѣтъ, мѣшать жить, хотя и любилъ его и для него старался? Что толку въ безбѣдномъ житіи, если нѣтъ ни одного отраднаго воспоминанія изъ эпохи молодости?

Я глубоко убѣжденъ, что такія минуты бывали у большинства людей, родившихся въ купеческой семьѣ и занимающихъ теперь положеніе *отцовъ*. Что же касается отцовъ, выбившихся своими силами, то у нихъ есть что вспомнить изъ своего прошлаго. Они, навѣрно, переиспытали, пережили такую массу ощущеній, какая и во снѣ не привидится ихъ дѣтямъ. Дѣло ихъ вполне захватывало и интересовало, такъ какъ они сами создавали его изъ ничего. У дѣтей такого интереса быть не можетъ, стало быть, остается одинъ только интересъ—нажива, голая нажива. Удовлетворяться *исключительно* такимъ интересомъ какъ-то не въ натурѣ человека, пока онъ молодъ въ особенности, пока не очерствѣлъ.

И такъ, воспоминаній изъ молодости никакихъ, интересъ въ дѣлѣ одинъ—голая нажива; вотъ что остается у купеческаго сына гдѣ въ 30—35, когда онъ оказывается самъ себѣ хозяинъ...

Вспоминается одна сцена изъ романа, или повѣсти—не помню. Пожилой человекъ гуляетъ по саду въ самомъ благодушномъ настроеніи. Вдругъ, по какой-то ассоціаціи идей, ему приходитъ въ голову мысль: «а что, если сынъ ждетъ не дождется моей смерти? что если онъ сію минуту расчитываетъ, скоро ли получить наслѣдство? Тотъ самый сынъ, въ которомъ я души не чаю, о которомъ день и ночь думаю? Вѣдь мы разное думаемъ и мыслимъ; почему знать, не стѣснаю ли я его?» Мысль эта просто ужасомъ поразила добрака и онъ до того растерялся, что когда встрѣтился съ сыномъ, то расплакался и началъ беспорядочно увѣрять, что ни въ чемъ стѣснять его не желаетъ.

Я думаю, что и на купцовъ-родителей подобная мысль подѣйствовала бы такъ-же, еслибъ только они могли ее себѣ представить.

Да нѣтъ. Не придетъ имъ подобная мысль въ голову; все, что ни дѣлаютъ они, имъ кажется, что они дѣлаютъ на пользу дѣтей. Въ этомъ они твердо убѣждены, такъ твердо, что ни чѣмъ не поколеблешь. Очень рѣдкій признаетъ законными со стороны сына требованія другой жизни. И только этотъ «рѣдкій» можетъ расчитывать, что его има во всякомъ случаѣ дѣти будутъ почитать добромъ.

Дубовъ.

Ноябрь 1878 года.

ЗАЛОМЪ.

(Народное похѣрье).

Заватилося въ половину
Солнце за лѣсокъ,
Вотъ и баба десятину
Дожинаеть въ срокъ.
Тихо въ полѣ; воздухъ звонокъ;
Слышенъ взмахъ серпа...
Въ люльки спать грудной ребенокъ
Около снопа.
А снопы — одной всѣ мѣры —
Толщиной въ обхватъ:
Стойки, точно гренадеры,
Выставлены въ рядъ.
Жаръ упалъ, траву смочила
На межахъ роса,
Туча свади охватила
Дальнiе лѣса;
Вспыхнетъ на небѣ зарница
И потухнетъ вмгъ...
Поумаялася жница:
Лѣтнiй день великъ.
Обрывать ребенка стала:
Не застала бѣ ночь...
«Что жь, снопа ты не дожала,
Тетка — аль не вмочь?» —
Мнется баба... «грѣхъ случился —
Говорить — *заломъ!*
«Тутъ нечистый, знать, водился:
«Свявано узломъ!»
— «Что ты! наше мѣсто свято!
«Ну-ка, покажи!»

Въ самомъ дѣлѣ: вся помята
 Пясть большая ржи —
 Словно были здѣсь копыта
 Спутанныхъ коней —
 И соломой перевита
 Крѣпко у корней.

«Ладно-ль будетъ? Жать ты будишь,
 «Баринъ! — николай
 «Этимъ хлѣбомъ сытъ не будешь:
 «Отчитаетъ вели! ¹
 «Все лукавый, вишь, содомить,
 «И примѣта есть:
 «Коль сожнешь — въ рукахъ заломить,
 «Сокрушить болѣсть.
 «А пока не сжата—баеть
 «Всякое народъ —
 «Колн батья отчитаетъ,
 «Какъ рукой сойметъ!
 «Быль и слѣдъ во ржи... а, можетъ,
 «Забавлялся кто?
 «Да грѣха-то не положить
 «На душу никто.
 «Десятны тутъ серѣдка —
 «Чудно мнѣ самой!.. —
 — «Ну, ужь Богъ съ тобою, тетка,
 «Уходи домой!»

А. Яхонтовъ.

¹ На этотъ случай есть въ гребничкѣ особая молитва.

ТРЕХСОТЛѢТНІЯ ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ РОССИЕЮ И АНГЛЕЮ.

Статья вторая.

(1553—1853).

По смерти Петра I со стороны Россіи предъявлялись старанія о примиреніи съ Англіею. Дѣло объ этомъ велось при посредствѣ Франціи, а русскій посоль въ Парижѣ, князь Куракинъ, отправилъ въ Лондонъ своего агента развѣдать—дѣйствительно ли Англія желаетъ примиренія; но по этому запросу Куракинъ не добылъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ, особыя обстоятельства, не касавшіяся прямыхъ интересовъ Россіи, повели къ разрыву съ Англіею. Екатерина I, покровительствуя своему зятю, герцогу Голштинскому, стала дѣлать большія приготовленія для войны съ Даніею, съ цѣлью возвратитъ ему герцогство, которымъ овладѣлъ датскій король. Съ своей стороны, Англія, для которой былъ такъ важенъ пропускъ ея кораблей чрезъ Зундъ, объявила себя заступницею Даніи, и въ маѣ мѣсяцѣ 1725 года, англійская эскадра, изъ 20-ти кораблей, явилась передъ Ревелемъ. Начальникъ этой эскадры отправилъ къ императрицѣ письмо короля Георга, который писалъ, что сильныя вооруженія Россіи въ мирное время возбудили подозрѣнія въ англійскомъ правительствѣ и въ его союзникахъ, а потому и неудивительно, что онъ, король, отправилъ въ Балтійское море сильную эскадру для предотвращенія опасностей, могущихъ произойти отъ вооруженія Россіи. Въ этомъ письмѣ Георгъ заявлялъ о желаніи Англіи не только сохранять тишину въ Европѣ, но и установить полное согласіе и дружбу между Англіею и Россіею, добавляя, что, «по долговременнымъ и празднымъ отлагательствамъ, русскіе министры требовали внесенія въ проэктированный договоръ такихъ отиѣнъ, которыя не соотвѣтствуютъ истинному

россійской имперіи интересу, противны обязательствамъ, въ какихъ Россія находилась съ Франціею и другими державами, и «способны привести сѣверныя державы къ новымъ смутамъ». Кромѣ того, въ письмѣ короля упоминалось о тѣхъ мѣрахъ, какія при дворѣ императрицы принимались въ пользу Стюарта, претендента на великобританскую корону. Затѣмъ прямо заявлялось, что сильный англійскій флотъ отправленъ въ Балтійское море съ тѣмъ, чтобы препятствовать русскому флоту выходить изъ гаваней и заставить императрицу «явить своему народу и всему свѣту опыты ея склонности къ миру и пребыванію въ дружбѣ съ ея сосѣдами».

Въ отвѣтъ своемъ на это письмо Екатерина удивлялась нарушенію принятыхъ государствами обязательствъ, такъ какъ король не объяснился предварительно съ нею по поводу вооруженій, предпринятыхъ Россіею, тогда какъ, слѣлавъ это, онъ избѣжалъ бы убытковъ по вооруженію эскадры и убѣдился бы, что Россія не думаетъ нарушать миръ на сѣверѣ, и что теперь король «требуешь того, что, по словамъ императрицы, нашему интересу и, важнѣе всего, нашей чести и славы и самой справедливости прямо противно». «Ваши министры, писала Екатерина:—не могли придумать ничего новаго, и потому предъявили старое ложное и гнилое нареканіе за сношенія наши съ претендентомъ. Вы вольны давать своимъ адмираламъ указы, какіе заблагоразсудите, но при этомъ не извольте принять за противное, если мы, когда закотимъ отправить флотъ свой въ море, не допустимъ себя воздержаться отъ этого вашего королевскаго величества запрещенія, и какъ мало желаемъ мы сами себя возвышать и другимъ законы предписывать, такъ мало же намѣрены принимать законы и отъ кого-нибудь другого, будучи самодержавною и абсолютною государынею, которая не зависитъ ни отъ кого, кромѣ единаго Бога. Впрочемъ, мы весьма склонны и готовы съ вашимъ королевскимъ величествомъ постоянное доброе согласіе содержать и ничего не предпримемъ, что могло бы нарушить дружбу между обоими государствами, такъ какъ оба государства должны признать, что дружба для нихъ очень полезна». Въ заключеніе этого письма, давалось, по поводу вооруженій Россіи, объясненіе въ томъ смыслѣ, что для сохраненія мира должно быть всегда на-готовѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, Екатерина, подражая примѣру Петра, объявила, что, несмотря на враждебные поступки англійскаго короля, подданные его будутъ, по прежнему, пользоваться въ Россіи свободною торговлею.

Не видя отъ враждебныхъ отношеній къ Россіи никакого ущерба для своихъ коммерческихъ интересовъ, Англія и въ 1727

году повторила посылку флота въ Балтійское Море. Лондонскій кабинетъ пошелъ теперь еще далѣе и намѣревался, въ союзѣ съ Франціею и Даниею, потребовать отъ Россіи, чтобы она изъ завоеваній Петра Великаго удержала только земли де Ревели, а все остальное отдала бы герцогу Голштинскому въ вознагражденіе за Шлезвигъ. Если же бы Россія отказалась отъ исполненія этого требованія, то предполагалось объявить ей войну. Отъ такого намѣренія удерживала Англійю Франція, которая, хотя и соглашалась предъявить Россіи упомянутыя требованія, но уклонялась отъ участія въ войнѣ, желая оставаться нейтральной. Посѣщеніе Балтійскаго Мора англійскимъ флотомъ прекратилось въ 1728 году, послѣ того, какъ бывшій въ Петербургѣ датскій посланникъ, Вестфаленъ, удостовѣрилъ англійскій кабинетъ, что Россія не намѣрена предпринять ничего враждебнаго противъ Данин въ защиту правъ герцога Голштинскаго, а возмущеніе на престолѣ Петра II, не имѣвшаго никакого повода поддерживать эти права, никоимъ образомъ не успокоило лондонскій кабинетъ, тѣмъ болѣе, что и герцогъ былъ вынужденъ уѣхать изъ Петербурга. Послѣ этого русская дипломатія признала, что у Россіи съ Англіею не можетъ уже быть никакого столкновенія.

Дѣйствительно, между Россіею и Англіею теперь не только не было враждебныхъ отношеній, но началось даже сближеніе, такъ какъ Англія не ладила съ Франціею, которая, въ свою очередь, была непримирима Россіи, защищая права польскаго короля Станислава Лещинскаго. Оближеніе началось назначеніемъ въ должность англійскаго резидента въ Петербургѣ, французъ Рондо, а, со стороны Россіи, резидентомъ въ Англійю былъ назначенъ вѣстный писатель, князь Антиохъ Кантемиръ, который и началъ свои сообщенія въ Петербургъ съ того извѣстія, что Георгъ I предписалъ англійскимъ посламъ въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ, чтобы они по польскимъ дѣламъ дѣйствовали согласно съ видами кабинетовъ петербургскаго и вѣнскаго. Съ своей же стороны, Кантемиръ высказалъ англійскимъ министрамъ предположенія о томъ, какъ Англія и Россія придти въ соглашеніе для сохраненія спокойствія въ Европѣ. На это ему, отъ имени короля, было отвѣтомъ, что его величество отъ всего сердца желаетъ заключить союзъ съ Россіею, но что въ дѣлахъ этого рода оубо нуждается въ согласіи парламента, а народъ, какъ должно ожидать, по внушенію оппозиціи, станетъ упрекать короля и министровъ за то, что Англійю вводятъ въ новыя обязательства и въ новыя издержки, заключая союзъ съ такимъ отдаленнымъ государствомъ, какъ Россія. — Поэтому англійскіе министры полагали, что хорошо было бы заключить не только дружественный трактатъ, но и ком-

мерческій, который придалъ бы въ глазахъ англичанъ союзу съ Россією иное значеніе. Кантемиръ отнесся осторожно къ этому послѣднему предложенію, полагая, что намѣреніе англійскаго двора клонится къ тому, чтобы чрезъ коммерческій трактатъ получить новыя выгоды, «а къ союзу—добавлялъ онъ въ своемъ донесеніи—мало склонности изъ опасенія новыкъ ударовъ и нареканій отъ противной партіи». По этому Кантемиръ думалъ, что «неприлично было бы долѣе настаивать». «Не подумали бы министры—писалъ онъ къ императрицѣ Аннѣ—что ваше величество изъ-за какого нибудь своего партикулярнаго интереса или по нуждѣ такъ горячо добиваетесь ихъ союза».

Указы о заключеніи союза повторялись и Кантемиръ хотѣлъ устроить это дѣло при посредствѣ цесарскаго посла, а, съ своей стороны, сдѣлалъ лондонскому кабинету новое предложеніе, на основаніи котораго союзники должны были защищать другъ друга. При этомъ, однако, исключался случай нападенія турокъ на Россію, потому что, какъ сообщалъ въ Петербургъ Кантемиръ, Россія не можетъ тогда ожидать отъ Англій никакой помощи. Впрочемъ, и Россія вообще не требовала отъ Англій иной помощи, какъ одной только эскадры противъ сѣверныхъ державъ, добавляя, что «сама причина къ войнѣ никогда не подаетъ, довольствуясь существующими границами и не желая къ нимъ прибавлять ни одной пяди земли». Министръ иностранныхъ дѣлъ, Гаррингтонъ, отклонилъ, однако, это предложеніе, замѣтивъ, что народъ англійскій привыкъ роптать противъ всѣхъ обязательствъ, въ которыхъ англійскій король вступаетъ съ другими государствами, что народъ жалуется на падающія на него въ такія случаи тягости, а потому и надобно ожидать въ Англій неудовольствія отъ союза ея съ Россією. Притомъ, замѣчалъ министръ, такой союзъ можетъ быть полезенъ одной только Россіи, такъ какъ Англія ни въ кораблахъ, ни въ деньгахъ нужды не имѣетъ и, наконецъ, по словамъ Гаррингтона, король не можетъ понять, какимъ образомъ онъ оправдаетъ передъ народомъ необходимость со стороны Англій защищать Россію. Въ добавокъ этому, Горасъ Вальноль, родной братъ тогдашняго перваго министра, прямо заявилъ Кантемиру, что у англичанъ къ заключенію союза съ Россією мало склонности и удивлялся почему русскіе министры желаютъ заключить только дружественный, а не коммерческій трактатъ. Въ Петербургѣ, однако, не унялись и снова начали напрашиваться на союзъ. Тогда, чтобъ отдѣлаться отъ «докукъ» Кантемира, предложили ему доставить письменныя условія, причемъ, однако, предварили, что Англія не приметъ основнаго предложенія Россіи о посылкѣ эскадры въ Балтійское

Море, потому что предвидится надобность во флотѣ въ Средиземномъ Морѣ, въ Индіи, а также для охраненія береговъ Великобританіи. Въ Петербургѣ не поняли благовиднаго отказа Англіи, и въ началѣ 1784 года, прислали Кантемиру письменный проектъ союза, но, въ отвѣтъ на это, англійское министерство дало рѣшительный отвѣтъ, отозвавшись, что «король съ великимъ сожалѣніемъ принужденъ отказаться отъ союза съ императрицею, потому что общаго парламенту не принимать участія въ войнѣ безъ его совѣта». Несмотря на это, Кантемиръ получилъ приказаніе настаивать на отправкѣ англійской эскадры въ Балтійское Море, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Швеціи усилилось французское вліяніе. На такое настояніе Кантемиръ отвѣчалъ: «на отправленіе отсюда эскадры никакой надежды нѣтъ до разрыва Англіи съ Франціею». Снова, однако, Кантемиру даны были предписанія о заключеніи союза. «Не говорилъ я объ этомъ съ англійскимъ министромъ писалъ онъ императрицѣ: — во-первыхъ, потому, что по ревности къ славіи вашего величества, хотѣлъ избѣжать частыхъ отказовъ, а, во-вторыхъ, потому, что отъ монарха домогательствъ никакого плода ожидать не могъ». Только вліятіе Миникомъ Данцига и пріобрѣтенный вслѣдствіе этого перевѣсъ Россіи надъ Франціею въ Польшѣ, положили конецъ домогательствамъ со стороны Россіи о союзѣ съ Англіею.

Однако, и послѣ этого пришлось одолжаться Англіею, такъ какъ для прекращенія войны съ Турціею Россія прибѣгала къ посредничеству Англіи, но это было не удачно: «Министерство англійское, писалъ въ 1787 году Кантемиръ: — желаетъ видѣть заключеніе мира, а каковы къ тому способы заинтересованнымъ державамъ приличны — не ихъ печаль». Когда же Россія, для примиренія съ Турціею, приняла посредничество Франціи, то Англія, въ противодѣйствіе этому, постаралась сблизиться съ Россіею и отправила въ Петербургъ полномочнаго министра Финча, а въ Англію замѣнилъ Кантемира князь Иванъ Щербатовъ.

Въ это время умерла императрица Анна и возникла война за австрійское наслѣдство. Австрія была союзницею Россіи, но она предназначалась въ раздѣлу, что должно было усилить Францію, вражда которой къ Россіи была очевидна. Между тѣмъ, соперницею Франціи была Англія, и это обстоятельство вызвало сближеніе между Петербургомъ и Лондономъ. Трудно, однако, было Россіи привлечь на свою сторону Англію, которая была чужда завоевательныхъ стремленій въ Европѣ, распространяя свои владѣнія за океаномъ, и господствующіе интересы которой заключались въ пріобрѣтеніи торговыхъ выгодъ. Англія вела войны только въ крайней необходимости, предпочитая всегда дѣйстви-

вать или дипломатическимъ путемъ или деньгами, и прекращала войну, когда наступала опасность, угрожавшая ея собственнымъ интересамъ. Въ предстоящей же войнѣ, Англія, въ производѣнствіе Франціи, рѣшилась помогать Австріи, а между тѣмъ, Швеція объявила въ 1741 году войну Россіи, которая, съ своей стороны, рассчитывала и теперь на помощь Англіи, такъ какъ въ Швеціи господствовало преобладаніе Франціи. Въ виду этого и съ цѣлью сблизиться съ Англіею, князь Щербатовъ сообщилъ лондонскому кабинету, что Россія будетъ поддерживать Австрію и поступать согласно съ намѣреніями англійскаго короля, а король, съ своей стороны, объявилъ, что будетъ поддерживать права Маріи-Терезіи; и тогда петербургскій кабинетъ выразилъ готовность «съ кородемъ англійскимъ во всё пристойныя и потребныя мѣры вступить и дѣйствительный концертъ учинить». Упомянутыя мѣры и концертъ обуславливались по прежнему высылкою англійской эскадры въ Балтійское Море, но, въ началѣ іюля 1741 года, Щербатовъ донесъ, что на это рассчитывать нельзя. Начались съ нашей стороны обычныя домогательства, но Англія отказывалась, заявляя, что вмѣсто посылки эскадры она будетъ давать Россіи ежегодную субсидію по ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Но сдѣла эта не была приведена въ окончанію, какъ неожиданно вступила на престолъ Елизавета Петровна, имѣвшая личное неудовольствіе на англійскаго посланника Финча, сочувствовавшаго правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Съ своей стороны, Англія въ восшествіи на престолъ Елизаветы увидѣла торжество Франціи, такъ какъ французскій посланникъ, Шетарди, дѣятельно помогалъ Елизаветѣ въ ея замыслѣ низвергнуть правительницу. Финча стовали изъ Петербурга и на его мѣсто былъ назначенъ Вейтъ, а на мѣсто Щербатова пріѣхалъ въ Лондонъ камергеръ Семенъ Нарышкинъ. Въ этому времени пало миролюбивое министерство Вальпола, строго державшагося невмѣшательства Англіи въ дѣла континентальной Европы. Мѣсто Вальпола заступилъ лордъ Картеретъ, объявившій новому русскому послу, что король ничего такъ не желаетъ, какъ дружбы съ Россіею, что дружба эта будетъ согласна съ интересами послѣдней, что ни изъ одного государства не приходитъ въ Россію столько пустыхъ кораблей, сколько изъ Англіи для нагрузки ихъ русскими товарами и что ни одна торговля не оставляетъ въ Россіи столько чистыхъ денегъ, сколько англійская. Въ виду такого миролюбиваго расположенія, начались обычныя настоянія русскаго посла о высылкѣ въ Балтійское Море англійской эскадры для дѣйствія противъ Швеціи. На это требованіе Картеретъ отвѣчалъ, что англійскіе

купцы такой мѣры не требуютъ, въ виду того, что Швеція не стѣсняется нѣсколько плаванія ихъ кораблей въ русскія гавани, хотя англичане и объявили, что повезутъ въ Россію сукно, назначенное для арміи. «Если же наша торговля—добавилъ Картереть:—потерпитъ какое-нибудь стѣсненіе, то мы съумѣемъ отомстить и пошлемъ въ Балтійское Море не 5 или 6 кораблей, но 15, 20 и даже еще болѣе». Тогда Нарышкинъ возобновилъ переговоры о союзномъ трактатѣ, который и былъ подписанъ въ Москвѣ 11-го декабря 1742 года. Въ силу этого трактата, въ случаѣ нападенія отъ кого-либо на англійскаго короля, Россія обязывалась послать ему на помощь 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы, а въ случаѣ нападенія на Россію, Англія должна была послать ей на помощь эскадру изъ 12 кораблей при 700 пушкахъ. По взаимному же соглашенію, помощь эта могла быть замѣнена съ обѣихъ сторонъ уплатою 500,000 рублей въ годъ. Если же одна изъ договаривающихся сторонъ, во время нападенія на другую, будетъ вести войну, то она не обязана помогать своей союзницѣ. Оговорено было также, что Англія не обязана помогать Россіи въ войнѣ съ турками и другими восточными народами, а Россія—Англіи, въ случаѣ нападенія на владѣнія послѣдней, находящіяся внѣ Европы. Кромѣ того, король не имѣлъ права посылать русскія войска въ Италію, Испанію и Португалію. Такимъ образомъ, почти по истеченіи двухсотъ лѣтъ послѣ начала дипломатическихъ сношеній Англіи съ Россією, между обоими государствами былъ заключенъ союзный договоръ; хотя относительно этого постоянно высказывалось желаніе со стороны Россіи, но и этотъ договоръ не имѣлъ никакого практическаго примѣненія, такъ какъ сама же Англія содѣйствовала прекращенію войны Россіи со Швеціей «пристойными уступками» со стороны первой въ пользу послѣдней. Замѣчательно, что такія отношенія Англіи установились въ ту пору, когда, по отзывамъ нашихъ историковъ, въ Россіи господствовала національно-русская полнота.

По поводу упомянутаго союза, Картереть говорилъ Нарышкину: «Для васъ нѣтъ ничего выгоды, какъ усилить вашу торговлю дружбою съ нами, потому что у васъ много всего, кромѣ денегъ, съ другой стороны, для своей безопасности отъ турокъ, вы должны снѣдить дружбу съ королевою венгерскою». Послѣдній совѣтъ былъ, однако, бесполезенъ, такъ какъ участіе австрійскаго посланника, маркиза Вотты, въ дѣлѣ Лопухиной, представившемъ заговоръ противъ императрицы, охладило на время добрыя отношенія между Елизаветою и Марією-Терезією. Съ своей стороны, Франція хотѣла разстроить русско-англійскій союзъ, но рев-

Т. ССХLIV. — Отд. I. 7

костнымъ его поборникомъ былъ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, который докладывалъ императрицѣ слѣдующее: «Ваше величество находитесь въ союзѣ съ разными державами. Самый древній союзъ съ королемъ Великобританскимъ, ибо онъ основанъ на взаимной безопасности королей относительно Швеціи, Дании, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обонхъ государствъ и на торговлѣ: англичане ежегодно продаютъ и покупаютъ здѣсь товаровъ болѣе, чѣмъ на миллионъ рублей а такъ какъ покупаютъ болѣе, тѣмъ продаютъ, то болѣе полумилліона оставляютъ здѣсь чистыми деньгами. Петръ Великій такъ увѣренъ былъ въ необходимости постоянной дружбы съ Англією, что и во время ссоры своей съ англійскимъ королемъ Георгомъ I, по мекленбургскимъ дѣламъ, старался соблюдать дружбу съ Англією».

Сближеніе лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ выражалось, между прочимъ, тѣмъ, что оба они согласились дѣлать поровну надержки на подкупъ въ Швеціи сеймовыхъ депутатовъ для противодействия вліянію Франціи. Посланные обонхъ этихъ дворовъ ѣздили на собраніе представителей преданной имъ партіи и вели съ ними торги, причемъ англійскій посланникъ означивался бережливѣе своего русскаго сотоварища. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русская дипломатія стала замѣчать теперь неблагопріятный для Россіи образъ дѣйствія англичанъ на Востокѣ — именно въ Персіи. По поводу этого императрица разсуждала съ Бестужевымъ, говоря, что отъ дѣйствій англійскихъ купцовъ въ Персіи могутъ быть дурныя послѣдствія для Россіи, такъ какъ они выстроили для шаха два корабля на Каспійскомъ Морѣ и еще хотѣли строить, а между тѣмъ, для Россіи будетъ невыгодно, если Персія заведетъ у себя флотъ. Коснулась Елизавета и англійской торговли съ Персією черезъ Россію и замѣтила, что отъ этой торговли Россіи, и особенно русскимъ купцамъ, помѣшательство и убытки происходятъ и что нужно бы прекратить ее. Въ разсужденіяхъ этихъ слышался голосъ вице-канцлера, графа Воронцова, благопріятствовавшаго Франціи, и на нихъ канцлеръ отвѣчалъ, что постройкою судовъ занимается англичанинъ Эльтонъ, что англійскій дворъ выважалъ его изъ Персіи, но болѣе того ничего не можетъ сдѣлать, «ибо извѣстно, что англійскій народъ волиный». Вскорѣ послѣ того показался у Дербента вооруженный персидскій корабль, командиръ и команда котораго дѣлали разные «озлобленія» русскимъ. По поводу этого, императрица объявила канцлеру, что нужно пресѣчь англійскую торговлю съ Персією черезъ Россію, но заявленіе это осталось безъ послѣдствій.

Независимо отъ вопроса о торговлѣ, какъ мы уже видѣли, между Россією и Англією былъ въ 1742 году заключенъ оборо-

нительный союзъ, который вскорѣ и пришлось привести въ исполненіе, такъ какъ, на основаніи этого союза, англійскій посланникъ, 26 го мая 1744 года, потребовалъ послыки 12,000 русскаго войска къ лифляндской границѣ и содержанія всего русскаго войска въ готовности для вспомошествованія королю англійскому противъ Франціи. Но переговоры объ этомъ приостановились вслѣдствіе вопроса о «перепущеніи» русскихъ войскъ черезъ нейтральныя земли. Когда же вопросъ этотъ англійская дипломатія уладила въ свою пользу, то англійскій посолъ лордъ Гяндфортъ, въ концѣ 1746 года, потребовалъ содѣйствія русскаго войска. Англія желала имѣть въ своемъ распоряженіи 30,000 русскихъ солдатъ, за что императрица потребовала 300,000 фунтовъ въ годъ съ уплатою всегда впередъ за четыре мѣсца наличными деньгами. Англія приняла эти условія и 4-го декабря 1747 года данъ былъ военной коллегіи секретный указъ, въ которомъ объявлялось, что «для поддержанія европейскаго равновѣсія и укорененія мира» Россія посылаетъ тридцатитысячный корпусъ для дѣйствія на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ и что корпусъ этотъ, подъ начальствомъ князя Репнина, долженъ выступить въ походъ въ январѣ 1748 года. Такой образъ дѣйствій Россіи вызвалъ неудовольствіе во Франціи и управявшій иностранными ея дѣлами маркизъ Пуэнзе говорилъ русскому резиденту въ Парижѣ: «Такой великой державѣ, какъ Россія, неприлично свое войско отдавать за деньги другимъ державамъ; прилично было бы ей прямо объявить войну противъ Франціи».

Движеніе русскихъ войскъ къ Рейну, по общимъ отзывамъ тогдашнихъ политиковъ, ускорило заключеніе мира на Западѣ Европы, переговоры о которомъ начались въ Ахенѣ, но теперь выступалъ на очередь вопросъ о государственной чести Россіи. Ей не хотѣлось считаться наемницею Англіи, и въ англо-русской конвенціи постановлено было, что, въ случаѣ мирныхъ переговоровъ, Россія приметъ въ нихъ участіе. Россія потребовала теперь исполненія этого условія, и русскому послу въ Лондонѣ, графу Чернышеву, отвѣчали, что англійскій уполномоченный предложилъ объ этомъ на ахенскомъ конгрессѣ, но встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны французскаго уполномоченнаго и потому Англія, нуждаясь въ заключеніи скорѣйшаго мира, не можетъ болѣе настаивать ни на допущеніи русскаго министра на конгрессъ, ни на включеніи Россіи въ окончательный договоръ. Въ утѣшеніе же къ этому онъ прибавлялъ, что если императрица пожелаетъ, то Англія употребитъ все свое стараніе, чтобъ Россія была приглашена приступить къ окончательному договору послѣ его заключенія.

Елизавета Петровна сильно негодовала на такой оскорбительный для Россіи образъ дѣйствій англійской политики. Но личныя чувства императрицы взяли верхъ, такъ какъ вражда ея къ Фридриху II сближала государыню съ Англіею; оскорбленіе, нанесенное Англіею Россіи, было забыто и императрица не только заключила съ нею, 1-го февр. 1756 г., новый «субидный» трактатъ, но и приказала своему посланнику въ Лондонѣ, князю Голицыну: «подать королю наисильнѣйшія увѣренія объ особливомъ ея удовольствіи быть въ столь тѣсныхъ съ его величествомъ обязательствахъ, о твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи сохранить ихъ въ ненарушимой цѣлости и исполнить въ точности всегдашнее ея желаніе: пребывающую между ними дружбу больше и больше умножить и утвердить и всегда новыми благоугодностями доказать особливую къ персонѣ его королевскаго величества эстиму».

Такимъ образомъ Россія оказывала существенныя услуги королю англійскому, у котораго Пруссія хотѣла отнять Ганноверъ. Россія теперь снова попала на удочку Англии, такъ какъ вскорѣ въ Петербургѣ получено было извѣстіе о заключеніи мирнаго трактата между Англіею и Пруссіею и, въ добавокъ къ этому, прошелъ слухъ, что Фридрихъ II думаетъ примирить Францію съ Англіею и тѣмъ «славу миротворителя себѣ приобрѣсти». Канцлеръ Бестужевъ старался оправдать Англію, но коллегія иностранныхъ дѣлъ, руководимая вице-канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, подала мнѣніе, въ которомъ поставляла на видъ, что Англія ищетъ только своей партикулярной пользы, что она тайно отъ Россіи заключила конвенцію съ королемъ прусскимъ и тѣмъ самымъ уничтожила тѣ мѣры, которыя были приняты противъ него въ союзѣ съ Россіею. Въ платежъ субсидій коллегія усматривала коварство Англии, полагая, что ей, по тайному уговору съ Пруссіею, нужно было только удержать въ бездѣйствіи русское войско и замѣчала, что «къ славіи и достоинству государыни и имперіи прилично не признается принимать субсидіи, когда главный видъ, для котораго конвенція заключена, нынѣ уничтоженъ». На основаніи этихъ соображеній, коллегія полагала: объявить англійскому двору, что сама Англія трактатомъ съ королемъ прусскимъ уничтожила конвенцію, заключенную съ Россіею, но что тѣмъ не менѣе прежняя дружба и союзъ сохраняются между ними. Самъ канцлеръ при такихъ доводахъ принужденъ былъ согласиться, что «англійское поведеніе непохвально и неменьше съ прямою союзническою дружбою сходственно», но къ этому онъ прибавилъ, что «отмѣнять конвенцію не слѣдуетъ, такъ какъ это надѣлало бы много шума въ Европѣ, а

императрицѣ отъ того никакой сатисфакціи бы не было». Онъ совѣтовалъ также не домогаться отъ Англіи платежа невыплаченныхъ еще субсидій, а если она станетъ платить, то «принимать ихъ съ индифферентностію, яко артикулъ обязательствъ, а не такъ, какъ бы того искалось, или бы имъ рады были».

Англійская дипломатія дѣйствовала, однако, въ Петербургѣ слишкомъ безцеремонно; англійскій посланникъ Вильямсъ, къ большей досадѣ для императрицы, предложилъ: не угодно ли будетъ употребить ей свое посредничество къ примиренію Австріи съ Пруссіею. На это насмѣшливое предложеніе послѣдовалъ отвѣтъ, что императрица, «будучи сама оскорблена королемъ прусскимъ и въ то же время, пребывая въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ императрицею-королевою, и по справедливости, и по великодушію, считаетъ непристойнымъ принять на себя подобную медиацию».

Такъ какъ къ этому времени истекалъ срокъ коммерческому трактату, заключенному между Россіею и Англіею, то Вильямсъ вступилъ съ вице-канцлеромъ въ переговоры о возобновленіи упомянутаго трактата. Вильямсу отвѣчали, что императрица весьма склонна покровительствовать выгодную для обоихъ государствъ коммерцію и что ей пріятно было бы возобновить прежній трактатъ, но что, между тѣмъ, поступки короля прусскаго до такой степени нисѣнили положеніе дѣлъ, что предложеніе Англіи нужно было бы оставить не только безъ резолюціи, но и безъ отвѣта, но что «такъ какъ никакія партикулярныя происшествія не въ состояніи сократить существующую ея императорскаго величества дружбу къ коронѣ великобританской и ея величество, одного дѣла съ другимъ не мѣшая, а паче стараясь выгодную обоимъ государствамъ коммерцію поспѣшествовать, соизволила негодіацию по этому предмету разрѣшить».

Дѣло, однако, приняло другой оборотъ, когда въ Петербургѣ узнали, что при начавшейся, въ 1756 году, войнѣ Пруссіи съ Австріею, Англія заключила союзъ съ первою изъ нихъ. По поводу этого въ коллегію иностранныхъ дѣлъ дано было знать, что «ея величество пребываетъ въ такихъ съ Англіею обстоятельствахъ, что имѣетъ свободныя руки во всякія обязательства съ другими державами вступать и нѣтъ ничего такого, что бы точному исполненію новыхъ обязательствъ малѣйше препятствовать могло». Къ этому присовокуплялось, что государыня помощь со стороны Англіи уважаетъ не столько, какъ объ этомъ думаютъ, и что она всегда стараться будетъ «подать опыты, что она болѣе объ общемъ, нежели о своемъ собственномъ интересѣ усердствуетъ». Вслѣдствіе этого, политика наша была направлена къ тому, чтобы сблизиться съ Франціею — этою исконною против-

ницею Англии, бывшею до сихъ поръ къ намъ весьма непріязненною.

Англичане, впрочемъ, не дремали, и Вильямсъ сталъ домогаться по прежнему, чтобы императрица приняла посредничество для примиренія Пруссіи съ Австріею, но въ отвѣтъ на это англійскому послу сообщено было, что ея величество постановила: «короля прусскаго нетолько до новой знатности не допустить, но паче силы его въ умѣренные предѣлы привести и, однимъ словомъ, неопаснымъ уже его для здѣшней имперіи сдѣлать». Теперь произошло окончательный разладъ съ Англіею, политику которой стали называть въ Петербургѣ «превратною», отдавая однако ей справедливость въ томъ отношеніи, что англійскій дворъ, «вступаясь въ неправо дѣло, принятую единожды революцію всегда твердо содержитъ». Указывая на это, конференція, состоявшая при особѣ императрицы, добавляла, что «сіе есть къ что примѣчательное и похвалы достойное».

Вильямсъ, однако, не унимался въ настоящихъ о посредничествѣ Россіи для примиренія Австріи съ Пруссіею, но коллегія иностранныхъ дѣлъ находила, что его домогательства не могутъ считаться иначе, какъ «хитрою ухваткою къ воспричинствованію между союзниками недоверія, буде не однимъ, то другимъ каналомъ». При начавшихся же теперь дружественныхъ сношеніяхъ съ Франціею, говорилось, что «сентименты англійскаго двора нечестны и предосудительны», что дворъ этотъ принялъ столь неправую сторону, «поже не видитъ своего заблужденія и ослѣпленъ коварствомъ и проворствомъ короля прусскаго».

Въ противодѣйствіе Англии, Россія вступила въ тѣсный союзъ съ Франціею, но дипломатія наша полагала, что при этомъ условіи не потеряются дружба и коммерція Россіи съ Англіею. «Хотя Англія—замѣчала въ своемъ докладѣ конференція—конечно, не будетъ довольна тѣмъ, что ея величество соединится съ явнымъ ея непріателемъ, королемъ французскимъ, но неудовольствіе Англии по этому поводу уже и теперь такъ сильно, что дальше идти не можетъ. При томъ ея величество не отрѣклась съ своей стороны отъ дружбы съ Англіею, тогда какъ эта послѣдняя почти явно отрѣклась отъ союза съ императрицею, объявивъ, что король прусскій единственный ея союзникъ и, кромѣ того, подстрекала Порту противъ Россіи. Наконецъ, если императрица и приступаетъ къ версальскому союзу, то союзъ этотъ настоящей войны не касается и, слѣдовательно, она не подаетъ Франціи никакой помощи противъ Англии». Сверхъ того, по мнѣнію конференціи, Англія никакъ не могла негодовать на союзъ Россіи съ Франціею, потому что союзъ этотъ только оборони-

тельный, тогда какъ Англія, зная, что король прусскій такой же непріятель Россіи, какъ Франція Англіи, заключила съ нимъ союзъ безъ вѣдома петербургскаго кабинета. Наконецъ, конференція добавляла, что такъ какъ императрица отправляетъ свои силы только противъ короля прусскаго, то Англія можетъ сожалѣть лишь о томъ, что ея сдѣланъ такой неудачный выборъ союзника.

Что же касается торговли съ Англіею, то, по мнѣнію конференціи, никакъ нельзя ожидать, чтобы она прекратилась. Напротивъ, Англія будетъ еще болѣе состояться съ Франціею и еще дороже станетъ платить за русскіе товары. При этомъ упоминалось еще и о томъ, что о желаніи Россіи возобновить торговый трактатъ съ Англіею было сообщено Вильямсу, но что отъ него «насилу добились, чтобы онъ предложеніе свое письменно о томъ учинилъ».

Вступленіе на престолъ императора Петра III должно было дать другое направленіе нашей политики въ отношеніи Англіи, хотя на миролюбивыя съ нею сдѣлки, въ виду затѣванной императоромъ войны съ Даніею, рассчитывать было трудно, но за то политика наша принимала совершенно иной оборотъ по прусскимъ дѣламъ, которыя, при предшественницѣ Петра, послужили поводомъ къ нашему разрыву съ Англіею.

При вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, отношенія наши къ Англіи были неопредѣленны, хотя она лично и благоволила къ тогдашнему представителю Англіи, Букингэму, черезъ котораго получала взаимы деньги изъ казны короля англійскаго. Долгъ императрицы королю Георгу III, при вступленіи ея на престолъ, простирался до 34,000 р. и она, въ 1767 году, пожелала уплатить его, но Вильямсъ, по приказанію короля, просилъ Екатерину не безповиниться уплатою этого долга. Когда же при ней началъ руководить дѣлами виѣшней политики возвращенный изъ ссылки графъ Бестужевъ-Рюминъ, то Англія въ лицѣ его получила при петербургскомъ дворѣ сильную поддержку. Бывшему въ Петербургѣ англійскому послу, графу Букингэму, внушено было, при отъѣздѣ его изъ Лондона, заботиться о доставленіи англійскимъ купцамъ въ Россіи новыхъ правъ и привилегій, а Бестужевъ, въ декабрѣ 1762 года, передалъ Букингэму, что Франція проситъ императрицу заключить съ нею торговый союзъ, но что онъ будетъ противодействовать этому, если Англія захочетъ заключить съ Россіею такого же рода договоръ на прежнихъ основаніяхъ. Предложеніе это соотвѣтствовало видамъ лондонскаго кабинета, который и напоминалъ Букингэму, чтобы онъ ускорилъ этимъ дѣломъ, находя, что

отсрочка по заключенію торговаго договора ослабила кредитъ обоихъ дворовъ и дала возможность тѣмъ державамъ, виды которыхъ совершенно противоположны видамъ короля и императрицы, снестись съ нѣкоторыми европейскими дворами съ тѣмъ, чтобы установить между собою близкія отношенія. Изъ инструкцій, присланныхъ Букингѣму, оказывается, что въ ту пору Англія считала Россію своею естественною союзницею (*natural alliance*), и полагала, что при существованіи между ними тѣсныхъ отношеній можно будетъ заняться осуществленіемъ плана, соотвѣтствующаго интересамъ обѣихъ державъ, которыя стремятся къ тому, чтобы хранить въ Европѣ миръ. «Большо скоро—писалъ Галифаксъ Букингѣму:—наши слова и дѣла будутъ проникнуты единодушіемъ, мы можемъ говорить съ достоинствомъ и вѣсомъ съ тѣми дворами, съ которыми будемъ имѣть сношенія и не подлежатъ сомнѣнію, что насъ выслушаютъ со вниманіемъ. Таково будетъ тогда наше положеніе. При настоящихъ же обстоятельствахъ королевство великобританское и русская имперія играютъ въ европейской политикѣ роль мертвыхъ головъ *Caricula Mortua*, что весьма гибельно для обѣихъ націй». При этомъ лондонскій кабинетъ до такой степени жалалъ сблизиться съ петербургскимъ, что не хотѣлъ включить въ предполагаемый союзъ другихъ державъ и отклонилъ напрашивавшуюся на это Пруссію.

Писано это было отъ 24-го іюня 1763 года, но и послѣ этого Англія продолжала стараться о тѣсномъ сближеніи съ Россією. Такъ 22-го декабря 1767 года, государственный секретарь Коунъ писалъ въ англійскому повѣренному въ дѣлахъ Ширлею слѣдующее: «Ручаюсь, что если какія-либо европейскія державы могли бы остаться вполне независимыми отъ прочихъ, то это именно Россія и Англія. Отдаленность одной изъ нихъ и совершенная отдѣльность другой вмѣстѣ съ внутреннимъ ихъ могуществомъ служатъ имъ достаточнымъ обезпеченіемъ безъ всякой посторонней помощи. Тѣмъ не менѣе очевидно, что хотя онѣ никогда не будутъ имѣть повода вмѣшиваться въ дѣла одна другой, многія обстоятельства побуждаютъ ихъ къ тому, чтобы возобновить и упрочить ихъ старинный союзъ. Взаимная ихъ торговля весьма полезна для Англій и выгодна для Россіи. Могущество первой изъ нихъ на морѣ значительно и можетъ при случаѣ оказать помощь второй; сухопутныя же силы Россіи могутъ быть при случаѣ полезны Англій; послѣдняя богата деньгами, а первая людьми. Такимъ образомъ, каждое изъ этихъ государствъ какъ будто назначено природою для пополненія недостатковъ другого».

Въ искренности такого взгляда на значеніе Россіи со стороны лондонскаго кабинета сомнѣваться нельзя, такъ какъ это писалось въ секретной инструкціи послу, да и вскорѣ послѣ того Англія на дѣлѣ доказала Россіи свои наклонности къ союзу съ нею. Съ своей стороны, и Екатерина, чрезъ своего посланника въ Англію, графа Чернышева, приказывала передать лондонскому кабинету о своемъ желаніи «соединиться тѣснымъ союзомъ съ ея великобританскимъ величествомъ», объясняя, что такое желаніе «основано на непоколебимой пользѣ и на ея персональной склонности», что она «готова на содержаніе во всегдашней готовности не только опредѣляемой трактатомъ помощной силы, но и занасной еще въ готовность на всякія дальнѣйшія происшествія для поддержанія дѣлъ Великобританіи» и что «для равновѣсія такой готовности она и старалась прежде о томъ, чтобъ включить Англію въ союзъ противъ Турціи».

До сихъ поръ намъ не приходилось еще говорить о вліяніи англійской политики на дѣла наши съ Портою по той именно причинѣ, что такого вліянія вовсе не чувствовалось и даже не обнаруживалось до исхода XVIII столѣтія. Въ Константинополѣ постоянно преобладало вліяніе Франціи и съ нимъ собственно боролась тамъ Англія. Въ отношеніи же къ Россіи по турецкимъ дѣламъ она дѣйствовала только отрицательно, отказываясь быть ея союзницею въ случаѣ войны съ турками, изъ опасенія подорвать свою торговлю на востокѣ, а не по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ. Такое уклоненіе Англіи вполнѣ понятно: она не хотѣла или не рѣшалась оспаривать на Востокѣ оружіемъ преобладаніе Франціи и, слѣдовательно, союзъ ея съ Россіею противъ Турціи измѣнялъ бы усвоенную ею издавна миролюбивую политику, такъ какъ Франція несомнѣнно была бы тогда на сторонѣ Турціи, да и самая война могла кончиться въ ущербъ Англіи. Между тѣмъ со стороны Россіи дѣлались постоянныя домогательства заключить съ Англіею такой оборонительный и наступательный союзъ, въ которомъ было бы поставлено условіе о помощи Россіи со стороны Англіи и на случай войны съ Турціею. Екатерина увидѣла невозможность достигнуть этого и по внушенію Панина перешла къ другой комбинаціи. Она начала стараться о томъ, чтобъ помощью Англіи обезпечить себя на сѣверѣ, и съ этою цѣлію Панинъ, въ 1768 году, сдѣлалъ англійскому министерству предложеніе, чтобъ оно уплачивало ежегодно Швеціи 50,000 ливровъ субсидіи «для ослабленія коварной французской на сѣверѣ инфлюенціи», или, говоря иначе, Панинъ сталъ стремиться къ тому, чтобы Англія приняла участіе въ задуманной имъ такъ называемой «сѣверной системѣ». Система

эта, по мысли Панина, должна была быть противопоставлена фамильному союзу бурбонскаго дома, образовавшемуся на югѣ Европы, и охранять миръ и спокойствіе на сѣверѣ; а такъ какъ Франція имѣла сильное вліаніе въ Швецію, то проектъ Панина затрогивалъ косвенно и Францію. Державы, принявшія участіе въ сѣверной системѣ, должны были, между прочимъ, противодействовать намѣренію Франціи возобновить войну съ Англією съ цѣлью возвратить себѣ превосходство по морской торговлѣ. Англію считалъ Панинъ чрезвычайно важнымъ приобретеніемъ для сѣверной системы, въ которой предполагалъ привлечь Данію, Швецію и Пруссію. По мнѣнію Панина, Англія могла быть полезна въ данномъ случаѣ не только своими морскими силами, но и деньгами. Для достиженія своей цѣли онъ находилъ достаточнымъ не прекращать тѣхъ дипломатическихъ сношеній, которыя завелъ петербургскій кабинетъ съ лондонскимъ и при которыхъ, какъ мы замѣтили, Россія отказывалась отъ давнишняго своего намѣренія сдѣлать для себя изъ Англіи союзнику и на случай войны съ Турцією.

Въ такомъ положеніи находились наши отношенія съ Англіей, когда началась первая война Екатерины съ Турцією. Война эта окончилась кучукъ-кайнарджіевскимъ миромъ—такимъ выгоднымъ и блистательнымъ миромъ, какого ни разу, ни прежде, ни послѣ, не приходилось заключать Россіи съ Портою и, который, какъ нашими историками, такъ и въ официальныхъ документахъ, признается исходною точкою того политическаго преобладанія, какое съ этого времени стала приобретать Россія въ Турціи. Страннымъ, однако, покажется, при настоящихъ нашихъ отношеніяхъ къ Англіи по восточному вопросу, что этимъ миромъ Россія весьма много обязана была не только благосклонной къ ней политикѣ Англіи, но и содѣйствіемъ Россіи со стороны англичанъ, а также и многимъ представителямъ англійской національности, въ особенности двоимъ изъ нихъ, Грейгу и Эльфистоку, находившимся въ морской русской службѣ. Въ добавокъ къ этому должно замѣтить, что въ ту пору, когда Англія благоприятствовала успѣхамъ русскаго оружія, аглійскимъ врагомъ Россіи около Порты оказывалась Пруссія. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1765 года, у Панина возникло подозрѣніе, что Фридрихъ II намѣревается заключить союзъ съ Оттоманскою Портою, тогда какъ этотъ союзъ долженъ былъ клониться прямо во вредъ Россіи. Король увертывался отъ дачи отвѣта по вопросу о такомъ союзѣ, заявляя, впрочемъ, что у него дѣйствительно было такое намѣреніе во время семилѣтней войны, когда онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ врагами, но что и тогда намѣреніе это не

сопровождалось усѣхомъ, а теперь онъ вовсе не помышляетъ объ этомъ. Но Панинъ не особенно тревожился на счетъ Пруссіи, увидѣвъ, что наступила благопріятная пора для тѣснаго союза Россіи съ Англіею.

Первая турецкая война началась при самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ между Россіею и Англіею. По поводу этой войны, лордъ Каскартъ, тогдашній англійскій посолъ въ Петербургѣ, писалъ отъ 18—29 сентября 1769 года, государственному секретарю графу Рочфорду слѣдующее: «Все, что я вижу, болѣе и болѣе утверждаетъ меня въ мысли, что императрица, побуждаемая великодушіемъ, выкажетъ столько же умѣренности, когда все будетъ отъ нея зависѣть, сколько заявлено было ею твердости въ минуту, угрожавшую ей опасностью и затрудненіями». «Императрица—писалъ въ заключеніе Каскартъ—стремится къ миру и не имѣетъ другого честолюбія, какъ только доставить своей имперіи счастье и величіе, а Европѣ спокойствіе и независимость».

Въ ту пору Англія была до такой степени далека отъ мысли видѣть, вслѣдствіе побѣды русскихъ надъ турками, какія-либо опасности для своихъ интересовъ на Востока, что лордъ Каскартъ сообщалъ бывшему въ Константинополѣ англійскому посланнику Джону Муррею слѣдующее: «Достаточно будетъ, если султанъ, въ доказательство того, что онъ сознаетъ свою ошибку, что онъ не желалъ объявить войну Россіи и хочетъ отратить дальнѣйшія недоразумѣнія, ограничится удаленіемъ французскаго посланника. Послѣ этого со стороны императрицы все будетъ прощено и забыто, и миръ, и спокойствіе водворятся снова». Называя въ этомъ письмѣ Муррея «другомъ правды и Россіи», Каскартъ выражалъ увѣренность, что Муррей возьметъ на себя первую часть порученія и что онъ, какъ человѣкъ и британецъ, испытываетъ удовольствіе выразить отвращеніе и презрѣніе къ затинщикамъ войны.

Въ бумагахъ Каскарта, относящихся къ сентябрю 1769 года, встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія замѣтки: «Россія, вопреки своей воли и въ разрѣзъ своей системы, была вовлечена оскорбленіемъ Порты въ войну съ нею. Вся Европа отдаетъ ей въ этомъ справедливость. Та же держава, которая возбуждала Порту противъ Россіи, поступала такимъ образомъ для того только, чтобъ занять ее и дать толчекъ прочимъ врагамъ, которыхъ она восстанавливала противъ нее въ Швеціи и Польшѣ, надѣясь, что удача одного изъ трехъ замышляемыхъ ударовъ упрочитъ успѣхъ остальныхъ, а всѣ они, вмѣстѣ взятые, несмотря на средства Россіи и на ея союзниковъ и друзей, причинили

бы ей затрудненія, охвативъ при этомъ всю Европу пламенемъ войны».

Хотя въ октябрѣ 1769 года Панинъ и заявилъ, что онъ до-воленъ Каскартомъ болѣе, чѣмъ всѣми другими иностранными министрами въ Россіи, но, какъ казалось самому Каскарту, Па-нинъ не могъ освободиться отъ подозрѣнія будто бы лондонскій кабинетъ смотритъ на возрастающее величіе Россіи не безъ нѣ-которой доли политической зависти. Когда же Каскартъ сооб-щилъ о такой догадкѣ въ Лондонъ, то онъ получилъ отъ графа Рочфорда депешу, въ которой говорилось: «Великобританія, свя-занная торговлею, равно выгодною для обѣихъ державъ, смотритъ на Россію какъ на государство, имѣющее наиболѣе силъ и же-ланія составить противовѣсь бурбонской лиги, и которое, буду-чи по географическому своему положенію удалено отъ всякаго повода къ соперничеству, никоимъ образомъ не можетъ быть встревожено успѣхами оружія русской императрицы, какъ только если этотъ успѣхъ окажется вреднымъ для самой Россіи и для общаго спокойствія Европы». Къ этому Рочфордъ добавлялъ, что король, въ доказательство своего расположенія къ Россіи, изъ-явилъ готовность оказать всевозможное содѣйствіе той экспедиціи, которую тогда Екатерина намѣревалась отправить въ Архипе-лагъ, подъ начальствомъ графа Орлова, для возбужденія противъ султана христіанскихъ его подданныхъ.

Впослѣдствіи графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, въ письмѣ своемъ къ графу Безбородко отъ 26 сентября 1787 года, писалъ о политикѣ Англіи въ отношеніи Россіи, во время первой ту-рецкой войны, что когда Франція, желая помочь Турціи, воору-жила въ Тулонѣ флотъ съ цѣлью истребить наши эскадры, шедшія въ Архипелагъ, то Англія, не будучи обязана съ Россіею никакимъ договоромъ, тотчасъ же изъ «прямой дружбы» воору-жила флотъ сильнѣе французскаго, для обороны нашего флага. Вооружено было тридцать линейныхъ кораблей, на что, по сло-вамъ Воронцова, Англія «надержала великое издивеніе». Въ виду этого, Франція превратила свои вооруженія и для нашего флота открылась возможность достигнуть безпрепятственно Архи-пелага и одержать знаменитую побѣду при Чесмѣ.

Нѣкоторое неудовольствіе на Англію вызвала въ Екатеринѣ попытка лондонскаго кабинета сдѣлаться посредникомъ для при-миренія Россіи съ Турціею. 3-го марта 1769 года, графъ Чер-нышевъ сообщилъ въ Петербургъ, что англійскому послу въ Константинополѣ приказано слѣдовать въ походъ за великимъ ви-зиремъ, чтобы, въ случаѣ пораженія турокъ, онъ могъ «прекло-нить ихъ къ миролюбивымъ мыслямъ». Императрица объясняла

это завистью Англіи къ успѣхамъ нашего оружія, говоря, что едва мы поставимъ ногу у Чернаго моря, какъ тотчасъ-же возбудится соревнованія англичанъ, которые всегда были торгошамъ.

Неудовольствіе императрицы не имѣло, однако, никакихъ послѣдствій. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что кайнарджіискій миръ возбудилъ въ Англіи нѣкоторое опасеніе, не политическаго, впрочемъ, свойства, но только на счетъ торговли англичанъ, и по поводу его тогдашній государственный секретарь, лордъ Суффолькъ, рассуждалъ такъ: «Россія можетъ извлечь много выгодъ изъ своихъ приобрѣтеній на Черномъ Морѣ и свободнаго прохода по Дарданельскому проливу, предоставленнаго ей купеческимъ судамъ. Этимъ путемъ русскія произведенія могутъ быть пересылаемы во всѣ части Средиземнаго Моря гораздо скорѣе и при меньшей затратѣ, чѣмъ черезъ Сѣверное или Балтійское моря. Кромѣ того, плаваніе, будучи тамъ постоянно свободно, можетъ служить отличною школою для моряковъ. Одинъ только зерновой хлѣбъ, выставлемый въ огромномъ количествѣ губерніями, прилегающими къ Черному Морю, займетъ значительное число кораблей, не мѣшая торговлѣ въ сѣверныхъ портахъ Россіи».

При такихъ новыхъ и благопріятныхъ для русской торговли условіяхъ, Суффолькъ безповола участь тѣхъ англійскихъ купцовъ, которые, живя въ Россіи, принимали дѣятельное участіе въ торговлѣ этой страны при портахъ Средиземнаго Моря. Однако, сэръ Гуннингъ, тогдашній англійскій посолъ, успокоилъ Суффолька. Онъ разъяснилъ государственному секретарю, что хотя англійскіе купцы, вслѣдствіе условій кучукъ-кайнарджіискаго мира, и должны были понести нѣкоторый убытокъ, при переходѣ значительной части товаровъ на другой путь, но что онъ на это смотритъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе, которое отзовется и на торговлѣ всѣхъ сѣверныхъ державъ вообще. По этому онъ находилъ нужнымъ, чтобы Англія начала снабжать своими произведеніями новые русскіе рынки, для чего британскимъ купеческимъ судамъ необходимо свободное плаваніе къ русскимъ портамъ, находящимся на Черномъ Морѣ. Чтобы склонить Порту къ пропуску этихъ судовъ черезъ Дарданелы, Гуннингъ полагалъ возможнымъ установить за такой пропускъ пошлину, подобно тому, какъ установленъ платежъ ея при проходѣ черезъ Зундъ. Съ своей стороны, императрица — сообщалъ Гуннингъ — готова была оказать предпочтеніе англійскимъ купцамъ по ихъ торговлѣ на Черномъ Морѣ.

Между тѣмъ, французы тоже не дремали и, пользуясь вліяніемъ Франціи въ Константинополѣ, хлопотали у Порты о преимуществѣхъ для своей торговли. Вообще-же Гуннингъ не сом-

нѣвался, что во вновь пріобрѣтенной Россіею мѣстности весьма возможно развитіе обширной торговли, если только русскимъ будетъ предоставлена въ томъ свобода и если «нѣкоторыя европейскія державы, завидуя увеличенію Россіи въ этой части Европы, не воздвигнутъ ей препатствій, въ тѣхъ видахъ, чтобы остановить ея успѣхъ и помѣшать выполненію ея плановъ».

Получивъ такое объясненіе, Суффолкъ предложилъ Гуннингу заняться съ русскимъ министерствомъ переговорами, цѣлю которыхъ должно было быть расширеніе англійской торговли вслѣдствіе предоставленныхъ въ ея пользу выгодъ.

Такимъ образомъ, съ небольшимъ за сто лѣтъ политика Англій по отношенію къ Россіи на Востока ограничивалась исключительно торговыми вопросомъ, который въ ту пору находился въ слѣдующемъ положеніи.

Еще въ инструкціи, данной Букингэму 13-го августа 1762 г., внушалось ему заботиться о дарованіи англичанамъ въ Россіи новыхъ правъ и слѣдить за доставленіемъ торговыхъ отчетовъ всѣми англійскими подданными, проживавшими въ Россіи. Такая инструкція дана была Букингэму въ виду того, что срокъ заключеннаго въ 1734 году Англіею съ Россіею договора истекъ, а императрица Елизавета, не возобновляя его, оставила англійскую торговлю на прежнихъ основаніяхъ. Букингэму безпрестанно напоминали о скорѣйшемъ заключеніи новаго договора, имѣя въ особенности въ виду развитіе черезъ Россію англійскую торговлю съ Персіею. Императрица уклонялась, однако, отъ возобновленія коммерческаго трактата, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей прежде необходимо ознакомиться съ нимъ. Такую медленность Букингэмъ объяснялъ подозрительностію, свойственною всякой неприсвященной націи. «Русскіе—писалъ онъ—воображаютъ, что всѣ иностранцы, особенно же англичане, при каждомъ своемъ предложеніи преслѣдуютъ какіе либо тайные замыслы». Переговоры о коммерческомъ трактатѣ шли въ 1763 и двухъ слѣдующихъ годахъ чрезвычайно вяло и Англія даже прекратила ихъ, когда Панинъ предложилъ нѣкоторыя мѣры, которыя должны были содѣйствовать развитію судоходства въ Россіи. Слишкомъ чуткая къ своимъ коммерческимъ интересамъ, Англія потребовала отъ Россіи обезпеченія въ томъ, что упомянутыя мѣры не обратятся во вредъ англичанъ и, какъ самое надежное къ тому средство, предложила, чтобы подъ эти мѣры были подведены и великобританскіе подданные, торгующіе въ Россіи. При этомъ англійское министерство предъявило еще одно особое условіе, а именно, чтобы русскіе министры, которые подпишутъ эту гарантію, были

снабжены отъ императрицы особымъ уполномочіемъ или чтобы, но крайней мѣрѣ, ихъ подписи были ратификованы государинею.

Предложенія же Панина, встревожившія англичанъ, заключались въ томъ, чтобы посредствомъ преимуществъ и премій побудить иностранныхъ купцовъ перевозить русскіе товары на русскихъ корабляхъ, экипажи которыхъ были бы составлены изъ русскихъ. Такимъ образомъ, еслибы Панину удалось «существить его планъ, то англичане, которые строили, продавали и отпускали въ наймы иностраннымъ купцамъ свои корабли, понесли бы сильныя потери, такъ какъ на ихъ корабли не было бы спроса для торговли съ Россією.

Въ дѣло это вмѣшался прусскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Солмысъ, замѣчая, что притязанія англичанъ «обнаруживаютъ только извѣстную ихъ гордость и желаніе притѣснить всѣ націи въ дѣлахъ торговли и судоходства до такой степени, чтобы лишать ихъ удовольствія питать хотя бы самую отдаленную надежду достигнуть въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ успѣховъ». Солмысъ возставалъ и противъ податливости Россіи передъ англійскими интересами, замѣчая, что подобное признаніе своей зависимости отъ иностранцевъ было необходимо для Россіи въ тѣ времена, когда государи выводили ее изъ варварскаго состоянія, но что теперь надобно стараться преслѣдовать свои собственные интересы и подумать объ управленіи собою на основаніи принципа независимости отъ вліянія другихъ великихъ европейскихъ державъ». Сообщая такіа мысли въ Берлинъ, Солмысъ въ Петербургѣ, однако, говорилъ нѣсколько иначе. Опасаясь, что изъ-за торговаго трактата Англія можетъ разойтись съ Россією и отказаться отъ участія въ сѣверной системѣ, Солмысъ внушалъ Панину объ уступкахъ въ пользу Англіи, указывая, что Россія можетъ много потерять, если Англія, отшатнувшись отъ нея, вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ при заключеніи коммерческаго договора, примется за улучшенную обработку своихъ колониальныхъ произведеній въ Америкѣ и современнѣе достигнетъ возможности обходиться безъ русскихъ произведеній и что, кромѣ того, Панинъ можетъ навлечь личныя на себя неудовольствія, ведя такимъ образомъ вопросъ о торговомъ договорѣ съ Англією.

Панинъ, однако, рассуждалъ несогласно съ мнѣніемъ Солмыса. Онъ полагалъ, что политика, которой держится Англія, не такъ-то скоро побудитъ ее заняться расширеніемъ и усиленіемъ производительности ея завоеванныхъ колоній, тѣмъ болѣе, что если Англія и потерпитъ неудачу въ возобновленіи выгоднаго для нея торговаго договора съ Россією, то все-таки она не лишится

права на торговлю, которую англичане будутъ продолжать въ Россіи на тѣхъ основаніяхъ, какъ и другіе иностранцы. Панинъ былъ твердо увѣренъ, что англичане такъ были довольны своею торговлею въ Россіи, что они не прекратятъ ея для того только, чтобы поддержать упрямство королевскаго министерства, «привыкшаго путемъ поддуновъ управлять русскимъ дворомъ», и что съ своей стороны, министерство уступитъ, убѣдившись, что этимъ способомъ нельзя нынѣ приобрести выгоды для своей націи во вредъ той, съ которой оно хочетъ заключить торговый трактатъ.

Панинъ отстранялъ заботливость Солымса и на счетъ того, что его, Панина, могутъ постигнуть личныя неудовольствія. Вице-канцлеръ думалъ, что еслибы онъ самъ и пожелалъ сдѣлать уступки британскому кабинету, то императрица будетъ противъ этого. Наконецъ, Панинъ говорилъ Солымсу, что еслибы даже ему и не удалось довести дѣло о судоходствѣ до конца, то все-таки въ Россіи ему будутъ признательны за то, что онъ, безъ всякаго личнаго интереса, сдѣлалъ такія громадныя усилія для пользы своего отечества.

Политическая программа Панина въ отношеніи къ Англіи можетъ быть выражена въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Онъ былъ убѣжденъ, что какъ бы Англія ни была раздосадована на Россію, она никогда не станетъ искать союза съ Австріею, имѣя въ виду, что эта послѣдняя сближалась съ Франціею, исконною ея соперницею. Панинъ опасался лишь того, что Англія можетъ направить свое вліяніе на Швецію во вредъ Россіи, но такъ какъ это не должно было представить ничего существеннаго, то въ такомъ случаѣ для смягченія Англіи и можно было бы сдѣлать ей кой-какія уступки по торговой части. Кромѣ того, онъ полагалъ, что, года черезъ два, сама Англія начнетъ занеживать союза съ Россіею въ виду тѣхъ опасностей, какими будетъ угрожать ей сильный союзъ южно-европейскихъ державъ. Руководствуясь такими соображеніями, онъ предлагалъ императрицѣ держаться въ отношеніи Англіи вѣжливой и уклончивой политики, не отталкивать рѣшительно лондонскаго кабинета отъ петербургскаго, оставляя открытый путь для будущаго союза, подъ условіемъ противодѣйствія Турціи со стороны Англіи.

Панинъ хвалился своею политикою въ отношеніи Англіи передъ Солымсомъ, говоря, что «нынешнее упорство Россіи примѣръ еще небывалый, такъ какъ она въ прежнее время ни въ чемъ и никогда не отказывалась исполнить желаніе британскаго кабинета, и находить, что такой образъ дѣйствій необходимъ для блага и поддержанія чести русской имперіи. Съ своей стороны, Солымсъ въ одномъ изъ своихъ донесеній королю писалъ: «Въ

Россія начинаютъ уважать себя цѣну, чувствую превосходство своихъ силъ надъ многими другими государствами Европы», и, по мнѣнію представителя Пруссіи, «при хорошей поддержкѣ арміи, при прочномъ устройствѣ финансовъ, русскій дворъ считаетъ себя въ правѣ говорить громче, чѣмъ другіе дворы, зная, что онъ въ состояніи отстоять свое мнѣніе».

Впротѣвъ, Англія успѣла настоять на своемъ, такъ какъ въ 1766 году была заключена съ нею торговый договоръ, согласно ея желаніямъ и, послѣ того, политика лондонскаго кабинета во время первой турецкой войны оказалась для насъ чрезвычайно благосклонною.

Вскорѣ послѣ этого произошло событіе, которое косвеннымъ образомъ послужило началомъ раздора между обоими государствами. Мы говоримъ о возстаніи сѣверо-американскихъ штатовъ противъ ихъ метрополія.

Паниъ, руководившій еще иностранными дѣлами и сильно нерасположенный къ Франціи, былъ, какъ говорилось тогда, приверженцемъ «антигаликанскихъ принциповъ» и наводилъ англійское министерство на мысль, что Франція тайно поддерживаетъ волненіе въ Америкѣ. Хотя глава этого министерства, графъ Суффолькъ, отвергалъ такого рода догадки, но въ то же время желалъ воспользоваться недружелюбіемъ русскаго вице-канцлера къ Франціи. Поэтому онъ поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ сэру Гуннингу разузнать: не можетъ ли король Георгъ рассчитывать на императрицу, если впоследствии для усмиренія возмущившихся въ Америкѣ англійскихъ колоній потребуются иностранное войско? Суффолькъ предлагалъ Гуннингу высказать въ Петербургѣ эту мысль отъ себя, какъ-будто нечаянно, придавая своимъ словамъ видъ простаго предположенія. Такъ какъ Паниъ ежедневно бесѣдовалъ съ Гуннингомъ объ американскихъ дѣлахъ, то Гуннингъ и завелъ о нихъ рѣчь сообразно съ данною ему инструкціею. Паниъ выслушалъ слова Гуннинга не только безъ удивленія, но даже благосклонно и увѣрялъ его въ готовности императрицы оказать королю всевозможную помощь, добавляя, что государыня съ удовольствіемъ воспользуется каждымъ случаемъ, чтобъ заявить королю Георгу и англійскому народу признательность за важныя услуги, оказанныя Англіею во время турецкой войны—«услуги, которыми она какъ нельзя болѣе дорожитъ, и которыя никогда не забудетъ, потому въ особенности, что онѣ были оказаны неожиданно безъ всякихъ предварительныхъ обязательствъ». Императрица передала черезъ Паниа Гуннингу, что она «чувствуетъ въ себя врожденную признательность къ британскому народу, который она всегда будетъ

любить (she found in herself an innate affection for my nation which she should always cherish»).

Такъ какъ возстаніе въ Америкѣ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе, то Гуннингъ увидѣлъ необходимость обратиться съ просьбою къ Россіи объ оказаніи помощи противъ сѣверо-американцевъ. Предложеніе насчетъ этого было, въ сентябрѣ 1775 года, сдѣлано уже официально и заключалось въ томъ, чтобы Россія доставила Англій 20,000 пѣхоты, приученной къ дисциплинѣ, вооруженной всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ полевыхъ орудій и готовой къ отплытію въ Канаду. Войско это должно было состоять подъ начальствомъ русскаго генерала, назначеннаго императрицею.

Предложеніе это сопровождалось письмомъ короля къ императрицѣ, но письмо, кромѣ увѣренности въ расположеніи императрицы и выраженія, въ общихъ фразахъ, дружескихъ чувствъ, не заключало въ себѣ никакихъ дѣловыхъ объясненій.

Проектъ же трактата содержалъ въ себѣ слѣдующія существенныя условія: присяга русскаго войска королю англійскому съ оставленіемъ за государынею права суда и назначенія на всѣ должности; содержаніе одинаковое съ тѣмъ, какимъ пользуются британскіе полки; въ случаѣ разбитія русскихъ отрядовъ или русскихъ полковъ, король обязуется уплатить расходы, потребныя по набору для пополненія рекрутами этихъ отрядовъ и полковъ; еслибы императрицѣ понадобилось войско или противъ внѣшняго врага, или для подавленія внутреннихъ волненій, то король обязанъ немедленно возвратить войско на свой счетъ, съ уплатою при этомъ двухмѣсячнаго жалованья; трактатъ этотъ долженъ былъ сохранять свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня его подписанія.

По дополнительной статьѣ, король обязывался заплатить императрицѣ по семи фунтовъ за каждаго пѣхотинца.

По поводу всѣхъ этихъ предложеній, Гуннингъ отъ 20-го сентября (1-го октября) писалъ графу Суффольку, что повидимому Панина не поразило ни число войскъ, ни мѣсто ихъ назначенія, какъ нѣчто чрезвычайное, и онъ высказалъ, что смотреть на это дѣло, какъ на заявленіе дружбы между монархами. Такая отдача русскаго войска въ распоряженія коварнаго Альбіона для подавленія нашихъ будущихъ заатлантическихъ друзей, вѣроятно, состоялась бы, еслибы вице-канцлеръ графъ Остерманъ не взглянулъ на это дѣло нѣсколько иначе. Онъ сталъ распространяться о будущемъ положеніи русской арміи; о томъ, что Россія только что окончила изнурительную войну, о многочисленности требуемыхъ полковъ, объ отдаленности мѣста ихъ назначенія, о не-

опредѣленномъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ и заключилъ свои соображенія вопросомъ: не возбудить ли подобная помощь опасеній со стороны прочихъ державъ? Гуннингъ старался возражать противъ доводовъ Остермана, но безуспѣшно, а между тѣмъ, и Панинъ, по его словамъ, «заразился» понятіями вице-канцлера. Въ свою очередь, императрица не дала категорическаго отвѣта, высказывая, однако, что ей не очень желательно употребить русскія войска въ Америкѣ, гдѣ они были бы лишены всѣхъ сношеній съ родиною; что число требуемыхъ войскъ слишкомъ значительно, что армія ослаблена послѣднею войною, и что дѣла въ Польшѣ не позволяютъ ей располагать свободно вооруженными силами имперіи. При этомъ императрица спрашивала: нѣтъ ли возможности оказать Англіи помощь, не отправляя русскаго войска за предѣлы Европы? Объясненія эти шли черезъ Панина, котораго Гуннингъ не слишкомъ деликатно упрекнулъ той помощью, какую оказывала Англія Россіи въ послѣднюю войну съ Турціею. Гуннингъ желалъ переговорить лично съ императрицею, но узнавъ, что она нездорова и не выходитъ изъ своихъ комнатъ. «Внезапность этой болѣзни и то обстоятельство, что она случилась именно въ настоящую минуту, отчасти внушаетъ мнѣ подозрѣніе, что дѣйствительною причиною болѣзни ея величества послужило неловкое ея положеніе при встрѣчѣ со мною и трудность отвѣтить на письмо короля и найти извиненіе, достаточно сильное для того, чтобы уклониться отъ выполненія недавно высказаннаго обѣщанія» — писалъ Гуннингъ Суффолку. Замѣтимъ при этомъ, что графъ Алексѣй Орловъ былъ сторонникомъ отправленія русскіхъ войскъ въ Америку.

26-го сентября (7-го октября) 1775 года, Гуннингу пришлось окончательно разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Панинъ передалъ ему письмо императрицы къ королю, а Остерманъ официально выразилъ сожалѣніе государыни, что она не можетъ оказать Англіи желаемой помощи по недостатку времени, а вице-канцлеръ, въ видѣ личнаго своего мнѣнія, высказалъ, что государыня помогла бы королю своими войсками, еслибы его пришлось употребить или въ Англіи, или въ курфиршествѣ Ганноверскомъ. Вопросъ о содѣйствіи со стороны Россіи къ подавленію возстанія въ Сѣверной Америкѣ окончился 26-го ноября (7-го декабря) 1775 года разговоромъ императрицы съ Гуннингомъ. Въ этомъ разговорѣ императрица, коснувшись тамошнихъ дѣлъ, а также и той помощи, на которую со стороны Россіи рассчитывала Англія, прибавила, что она готова помочь королю во всякомъ случаѣ, но что «нельзя идти далѣе своихъ средствъ». Изъ

*

этихъ словъ Гуннингъ понялъ, что всѣ дальнѣйшіе его доводы не будутъ имѣть никакого успѣха.

Война Англіи съ ея сѣверо-американскими колоніями сильно повлила на отношенія ея къ Россіи. Раздраженная насиліями англійскаго адмиралтейства противъ второстепенныхъ флотовъ, Елизавета, по внушенію Панина, провозгласила въ 1780 году, такъ называемый «вооруженный нейтралитетъ». Англія же, съ своей стороны, не признавала нейтральными тѣ державы, которыя не заключили съ нею особыхъ трактатовъ и, господствуя сама на моряхъ, желала прекратить не только прямую, но и косвенную помощь возмущившимся ея колоніямъ со стороны какой бы то ни было державы. Въ прежнее время сама Англія признавала неприкосновенность груза подъ нейтральнымъ флагомъ, Петръ I провозгласилъ неприкосновенность торговли даже съ непріателемъ, не допуская только подвоза ему военной контрабанды. Петръ надѣялся, что и прочія «потенціи» приступятъ къ этой деклараціи.

По трактату же, заключенному въ 1754 году между Россією и Англією, признана была свобода торговли даже съ непріателемъ той или другой изъ договаривающихся сторонъ. Тоже правило было постановлено и въ договорѣ 1766 года, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы подъ видомъ товаровъ не была бы провозима военная контрабанда и не было бы производимо торговли сношеній съ мѣстами, находящимися въ дѣйствительной блокадѣ.

Елизавета желала остаться вѣрною этимъ началамъ морского права и въ деклараціи, разосланной 28-го февраля 1780 года ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, заявила, что будетъ держаться установившихся уже правилъ, и для поддержанія какъ ихъ, такъ и чести руссійскаго флага, а также и для охраненія безопасности торговли русскихъ подданныхъ противъ кого бы то ни было, она повелитъ выступить въ море значительной части флота, но что мѣра эта не будетъ имѣть никакого вліянія на строгость нейтралитета, который она намѣрена соблюдать, если только не будетъ вызвана и принуждена выступить изъ границъ умѣренности и полного безпристрастія. Голландія, Франція, Испанія, Турція, Данія и Швеція тотчасъ же приступили къ вооруженному нейтралитету. Что же касается Англіи, то она шла прямо въ разрѣзъ ея морской политикѣ, такъ какъ она лишь за нѣсколько дней до полученія въ Лондонѣ русскою деклараціи, объявила своей союзницѣ Голландіи, что эта послѣдняя будетъ признаваема наравнѣ съ нейтральными державами, не имѣющими по трактатамъ никакихъ преимуществъ, почему ан-

гійское адмиралтейство и предписало британскимъ судамъ, получившимъ свидѣтельства на каперства, захватывать всѣ голландскія суда, на которыхъ окажутся какіе-либо предметы, принадлежащіе врагамъ Англій.

Совершенно иначе держала себя Англія въ отношеніи къ Россіи. Англійское правительство объявляло, что «король, привязанный въ высшей степени къ ея величеству Екаторинѣ узамъ важной дружбы и общей пользы, при самомъ началѣ происходившихъ нынѣ смуть, издаде самыя точныя повелѣнія объ уваженіи флага императрицы и торговли ея подданныхъ, что и исполнялось съ величайшею точностью. Повелѣнія этого рода вновь подтверждены и за исполненіемъ ихъ будетъ строго наблюдено, и еслибы случилось хоть малѣйшее ихъ нарушеніе, то адмиралтейскія судилица, учрежденныя какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, вознаграждать русскихъ за убытки съ такою справедливостію, что ея императорское величество будетъ совершенно довольна ихъ рѣшеніями и увидитъ въ этихъ рѣшеніяхъ тотъ же духъ справедливости, который оживляетъ и ее самое.

Замѣчательно, однако, что, несмотря на неудовольствія, возбужденныя въ Англіи декларациею о вооруженномъ нейтралитетѣ, Англія не только не противодѣйствовала, но, напротивъ, по прежнему помогала успѣхамъ нашего оружія противъ Турціи. Такъ въ 1783 году, Фоксъ съ негодованіемъ, какъ писалъ русскій посланникъ въ Англіи, графъ Воронцовъ, отвергъ предложеніе Франціи—воспріянуть русскимъ занять Крымъ, а въ 1785 году онъ же, Воронцовъ, писалъ, что въ Англіи уважаютъ Россію болѣе всѣхъ державъ.

Вліяніе на окончательное измѣненіе нашихъ отношеній къ Англіи имѣла политика Екаторины. Послѣ объявленія о вооруженномъ нейтралитетѣ, сѣверная система была отложена въ сторону и въ противоположность ей началось сближеніе Россіи съ Франціею. Господствовавшее прежде вліяніе Панина уступило вліянію Безбородки, а французскіе посланники, маркизъ Жюинье, Вур-де-Корбронъ, маркизъ де-Веракъ и въ особенности Сегюръ (1785—1789) пользовались чрезвычайною благосклонностію императрицы.

Кромѣ того, у Англіи былъ и другой поводъ къ неудовольствію противъ Россіи: изъ письма графа С. Р. Воронцова къ Безбородкѣ отъ 26-го марта 1787 года, видно, что когда въ 1780 году, Франція и Испанія объявили войну Англіи, то «мы не только не помогли ей, но еще всячески вредили». Въ подтвержденіе этого указывали на то, что Россія возбуждала Голландію

противъ Англіи, склонила Данію и Португалію къ вооруженному нейтралитету и доставляла кораблестроительные матеріалы бурбонскимъ дворамъ, которые намѣревались разорить Англію.

Екатерина, въ свою очередь, начала лично высказывать свое неудовольствіе противъ Англіи и 19-го (30-го) декабря 1785 г. писала въ Лондонъ Воронцову: «Ежедневные опыты, доказывающія возрастающее пристрастіе короля аглицкаго къ прусскому и вѣдая, что сей разными потаенными, мимо здѣшняго министерства каналами, заводитъ перваго далѣ, можетъ быть, чѣмъ самъ того желаетъ», поручала Воронцову развѣдать дальнѣйшіе виды англійскаго правительства. По поводу этого Питтъ выразилъ Воронцову желаніе Англіи—сохранять къ Россіи добрыя отношенія и увѣрялъ, что Англія не войдетъ съ королемъ прусскимъ ни въ какое союзное обязательство, развѣ въ томъ только случаѣ, еслибы Россія и Австрія заключили союзъ съ Франціею противъ Великобританіи.

Въ 1786 году оканчивался срокъ торговаго договора, заключеннаго Англіею съ Россіею въ 1766 году. Обѣ стороны желали его возобновленія и англійскій посолъ въ Петербургѣ, Фицъ-Джеральдъ, получилъ на то надлежащее полномочіе. Россія потребовала, чтобъ въ этотъ договоръ были внесены начала морскаго права, провозглашенныя ею въ деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ. Англія же хотѣла возобновить договоръ только на прежнемъ основаніи. Панинъ, отвергая домогательства Россіи, ссылался на то, что ни парламентъ, ни нація не согласится на такое дополненіе и что Англія предпочтетъ скорѣе не заключать вовсе договора, нежели пожертвовать своимъ положеніемъ, какъ морской державы. Съ этой поры начался неприязненный отношенія англійскаго министерства къ Россіи, противъ которой оно принялось возстановлять и Турцію и Швецію, вооруживъ въ помощь послѣдней значительную эскадру, предназначавшуюся для вступленія въ Балтійское море. Оппозиціонная партія была, впрочемъ, противъ войны съ Россіею и даже заставила прекратить дальнѣйшія вооруженія, а съ своей стороны, Екатерина, въ виду начинавшихся революціонныхъ волненій во Франціи, поспѣшила сблизиться съ Англіею. Несмотря на происшедшій разрывъ, императрица не только не распорядилась захватить англійскія суда и товары, но, напротивъ, поощряла англичанъ продолжать торговлю и увѣряла ихъ въ особомъ своемъ покровительствѣ. Уступки Екатерины передъ Англіею шли теперь еще далѣе и кончились тѣмъ, что въ 1793 году былъ присланъ изъ Петербурга въ Лондонъ проектъ коммерческаго трактата, совершенно сходный съ трактатомъ 1766 года, такъ что, въ

концѣ концовъ, Англія все-таки настояла на своемъ требованіи, заставивъ Екатерину отказаться въ пользу Англіи отъ торжественно провозглашенныхъ Россією началъ морскаго права.

Въ эту пору жаркимъ сторонникомъ Россіи въ Англіи былъ знаменитый Фоксъ, который, какъ писалъ въ мартѣ 1791 года Воронцовъ, говорилъ за Россію въ палатѣ депутатовъ, «какъ ангелъ». Онъ доказывалъ, что «проклятый» вооруженный нейтралитетъ, изъ-за котораго такъ ожесточены въ Англіи противъ Россіи былъ созданиємъ Пруссіи и что значительное участіе въ этомъ дѣлѣ принимала Швеція, но что ихъ за это не затрагиваютъ, а раздражаютъ только Россію. Фоксъ доказывалъ, что справедливость въ настоящей (во второй турецкой) войнѣ на сторонѣ Россіи и поддерживалъ мысль о необходимости дружественныхъ сношеній между этою державою и Англіею. Онъ склонилъ на свою сторону личныхъ друзей Питта. Въ Лондонѣ начались демонстраціи въ пользу Россіи и появилось множество брошюръ противъ Питта, а также и противъ разрыва съ Россіею.

Въ неудовольствіямъ, возникшимъ въ Англіи по поводу вооруженнаго нейтралитета, присоединился еще ропотъ относительно польскихъ дѣлъ, и отъ 10-го іюля 1792 года Воронцовъ сообщалъ, что въ Англіи вопіютъ всё противъ жестокостей императрицы въ Польшѣ до такой степени, что еслибы Польша была близко, то Англія помогла бы ей вооруженною рукою. Въ это же время началась по всей Англіи денежная подписка въ пользу поляковъ.

Это было первое вмѣшательство Англіи въ дѣла Польши, такъ какъ при первомъ ея раздѣлѣ англичане остались совершенно равнодушны къ ея участи, а король Георгъ I, на письмо Станислава-Августа о заступничествѣ за Польшу, только совѣтовалъ ему молиться Богу.

Если, какъ мы замѣтили, въ Англіи, во время второй турецкой войны, высказывалось неудовольствіе противъ Россіи со стороны лондонскаго кабинета, то это главнымъ образомъ, судя по донесеніямъ Воронцова, слѣдуетъ отнести къ проискамъ Пруссіи, которая даже заключила союзный договоръ съ Портою. Отъ 9 (20-го іюля) 1790 года, Воронцовъ писалъ изъ Лондона: «Дальнѣйшіе переговоры будутъ надувательствомъ и унижать насъ, приведа къ потерямъ. Только твердость и рѣшительныя мѣры могутъ сдержатъ надменность Пруссіи и возвратить то достоинство, которое такъ позорно утрачено нами». Особенно Воронцовъ налегалъ на то, что короля прусскаго слѣдуетъ «удержать отъ того тона, какой онъ принималъ въ стыдъ и во вредъ намъ, потому что онъ видитъ нашу нерѣшительность и робость». Между

тѣмъ, пользуясь политикою Пруссіи, Питтъ грозилъ Воронцову, что Россіи будетъ очень плохо, если ей король прусскій объявитъ войну, и что Англія уже не въ состояніи болѣе удерживать его отъ этого.

Что касается самой императрицы, то она не боялась разрыва съ Англію, и 15-го апрѣля 1791 года писала извѣстному барону Гримму: «Англичане напрасно грозятъ намъ; меня ихъ не испугать, мы ихъ примемъ, какъ надо; да и что они намъ могутъ сдѣлать? Развѣ они будутъ забирать свои собственные корабли и корабли своихъ союзниковъ или, можетъ статься, захватывать нейтральные? Наши же суда не въ состояніи ихъ вознаграждать за надержки на вооруженіе. Угроза англичанъ—новая глупость съ ихъ стороны, вотъ и все».

Такимъ образомъ почти во все царствованіе Екатерины II взаимныя отношенія Россіи и Англіи не только по дѣламъ Турціи, но и вообще носили скорѣе дружелюбный, нежели враждебный характеръ и сама государыня изъявляла свое сочувствіе Англіи и признавала важныя услуги, оказанныя англичанами въ первую турецкую войну, когда наши эскадры, отправлявшіяся для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, находили гостепріимную стоянку въ Портсмутѣ, Гибралтарѣ и на Минорѣ. Правда, что неудовольствія, возбужденныя въ Англіи вооруженнымъ нейтралитетомъ, были сильны, но собственно англичане были за Россію и не допустили свое правительство до разрыва съ нею. Наконецъ. Англіи не было уже существенныхъ поводовъ къ негодованію противъ Россіи, когда эта послѣдняя изъявила въ 1793 году готовность заключить съ Англіею коммерческой договоръ, не допустивъ въ него правилъ, противныхъ интересамъ Великобританіи. Въ томъ же 1793 году, императрица старалась сблизиться съ Англіею, предложивъ Англіи переправить ея войска во Францію на помощь вандейцамъ, приверженцамъ королевской власти, но, какъ выражалась Екатерина, «въ Англіи не захотѣли меня послушаться».

Послѣ смерти Екатерины, Россія или, точнѣе сказать, императоръ Павелъ продолжалъ ея вѣдѣнію политику, направляя всѣ усилія къ подавленію революціонной Франціи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу С. Р. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ, самъ Павелъ очертилъ свою вѣдѣнію политику, которая въ сущности состояла въ томъ, что «относительно положенія для всѣхъ благоустроенныхъ державъ отъ извѣстныхъ злыхъ умысловъ французскихъ нашія мѣрныя и предложенія не разнятся отъ таковыхъ же его великобританскаго величества». Сообразно этому, Павелъ Петровичъ хотѣлъ «привести импера-

тора римскаго и короля прусскаго на миролюбныя и самыя умѣренныя требованія по германскимъ дѣламъ и на составленіе съ Россією и Англією прочной системы для сохраненія общественнаго спокойствія». Переговоры объ этомъ велись въ Берлинѣ при посредничествѣ Россіи. Далѣе императоръ въ письмѣ своемъ сообщалъ, что онъ «дабы доказать свое расположеніе не словомъ, а дѣломъ, рѣшился: во-первыхъ, отправить десять русскихъ кораблей съ потребнымъ числомъ фрегатовъ въ Средиземное Море для того, чтобы та флотилія, соединившись съ англійскою, могла дѣйствовать противъ французовъ и въ то же время доставила бы англійскому королю возможность отдѣлать значительную часть своего флота «на уничтоженіе силъ французскихъ и опроверженіе злодѣйственныхъ ихъ намѣреній». Во-вторыхъ, что онъ рѣшился сдѣлать на сухомъ пути всѣ приготовленія для того, чтобы обезпечить своихъ союзниковъ и помогать имъ. Обо всемъ этомъ императоръ приказалъ Воронцову сообщить лорду Гренвиллю для доклада королю, который и, съ своей стороны, долженъ былъ поступать такъ, какъ поступалъ Павелъ Петровичъ.

Хотя сближеніе Россіи съ Англією противъ Франціи и было на самомъ дѣлѣ, но поводы къ тому, какъ для той, такъ и для другой были совершенно различны. Первоначальная давнишняя вражда Англій и Франціи имѣла династическій характеръ и только въслѣдствіи она обратилась въ народную ненависть, продолжавшуюся въслѣдствіе соперничества обихъ государствъ по ихъ колоніальнымъ владѣніямъ и усиливавшуюся въ силу того положенія, какое приняла Франція въ отношенія англо-американской колоніи, восставшей противъ своей метрополіи. Къ этому присоединилось еще соперничество Англій и Франціи по левантской торговлѣ. Собственно же династическіе интересы не имѣли уже теперь для англичанъ никакого значенія, такъ какъ они исполнѣ равнодушно смотрѣли на участь Ганновера, родового владѣнія, принадлежавшаго великобританскому королевскому дому. Между тѣмъ императоръ Павелъ обуславливалъ спокойствіе и благоденствіе Европы сохраненіемъ династическихъ правъ, уничтожаемыхъ въ Европѣ революціонною Францією. Выходило такимъ образомъ, что Англія, сближаясь съ Россією, преслѣдовала свои практическія дѣла, тогда какъ Россія въ этомъ случаѣ пускалась въ погоню за благоденствіемъ Европы съ точки зрѣнія на этотъ предметъ самого императора Павла.

Несмотря на такую разницу въ воззрѣніяхъ, императоръ все болѣе и болѣе сближался съ Англією и намѣревался вывести короля прусскаго изъ его «небезсумнительнаго нейтралитета», а

въ случаѣ крайности «ограничить себя въ наблюденіи за его поведеніемъ». Съ дѣлью же возвратить Францію въ тѣ границы, какія она имѣла до революціи, «сходственѣйшимъ съ видами Россіи и Англіи. средствомъ» онъ считалъ присоединеніе къ союзу этихъ державъ Австріи и Пруссіи, «не отъемля у сихъ дворовъ перспективы пріобрѣтеній, если они, въ сожалѣнію, болѣе въ томъ находятъ для себя приманки, нежели въ обезпеченіи на времена грядущія собственныхъ своихъ престоловъ и настоящихъ владѣній». Императоръ входилъ также въ соглашеніе съ Англією о возвращеніи Рима папѣ, о возстановленіи короля Сардинскаго и о «прочихъ артикулахъ Англією изъясняемыхъ».

Рескриптъ, въ которомъ содержалось все это, Воронцовъ долженъ былъ сообщить английскому министерству съ требованіемъ, чтобъ въ Вѣну и Берлинъ посланы были приказанія «о надлежащихъ единообразныхъ подвигахъ английскихъ министровъ съ русскими, въ тѣхъ мѣстахъ находящимися».

Въ іюлѣ 1797 года, Воронцову представился случай доказать английскому правительству дружественное къ нему расположеніе императора. Въ это время прибыла къ берегамъ Англіи возвращавшаяся изъ Архипелага русская эскадра и, такъ какъ въ ту пору въ английскомъ флотѣ было сильное возмущеніе матросовъ, то для подавленія ихъ возстанія Воронцовъ задержалъ при берегахъ Англіи русскую эскадру, зная дружественныя чувства императора къ королю и его правительству.

Особое расположеніе императора къ английскому правительству выразилось и въ другомъ еще случаѣ.

Въ вольномъ имперскомъ городѣ Гамбургѣ, гдѣ, какъ писалъ Воронцову Павелъ Петровичъ, «французы основали свое гнѣздо, изъ котораго исходилъ развратъ ихъ», нашли себѣ убѣжище ирландцы, преслѣдуемые английскимъ правительствомъ за участіе въ возстаніи. Вслѣдствіе этого императоръ приказалъ арестовать всѣ находившіяся въ русскихъ портахъ гамбургскіе корабли, а гамбургскому сенату объявить, что «благовolenіе его величества городу Гамбургу не прежде возвращено быть можетъ, какъ по истребленіи клуба, филантропическимъ обществомъ называемаго, и по выдачѣ английскому правительству арестованныхъ бунтовщиковъ въ Ирландіи».

Еще болѣе сблизился Павелъ съ Англією послѣ того, какъ французы овладѣли островомъ Мальтой, принадлежавшимъ рыцарскому ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, несмотря на то, что Павелъ Петровичъ объявилъ себя покровителемъ этого ордена. Соединенные флоты английскій и неаполитанскій посланы были,

чтобъ отнять этотъ островъ у французовъ, но англичане дѣйствовали медленно и когда русскіе корабли были отозваны отъ Мальты, то они, овладѣвъ островомъ, не желали допустить Россію даже до совмѣстнаго имъ совладѣнія, между тѣмъ какъ Павелъ Петровичъ приказалъ внести островъ Мальту въ академическій календарь, какъ «губернскій городъ» Россійской имперіи.

Разгнѣвавшись по мальтійскимъ дѣламъ на Англію, императоръ Павелъ быстро повернулъ къ той политикѣ, которой одно время держалась Екатерина II и которая возбуждала въ Англіи такое сильное негодованіе. Онъ подъ названіемъ «Морской конвенціи» возстановилъ прежній вооруженный нейтралитетъ. Конвенція эта составила между Россією, Данією и Швецією, которыя были названы общимъ именемъ «сѣверныя державы», дабы—какъ писалъ графъ С. Р. Воронцовъ—увѣрить свѣтъ, что «интересы Россіи нераздѣльны отъ шведскихъ и датскихъ», что, по выраженію его, «сплело Россію, Данію и Швецію аки въ единое государство, унивило Россію и было невѣрно по ея географическому положенію, потому что у насъ на сѣверѣ пустыри, а дѣйствиці провинціи находятся на югѣ и въ этомъ направленіи простираются дальше австрійскихъ владѣній».

Практическое же неудовольствіе морской конвенціи, направленной противъ англійской торговли, заключалось въ томъ, что до 500 датскихъ и шведскихъ судовъ были въ постоянномъ плаваніи и изъ нихъ большая часть занималась провозомъ военной контрабанды, преслѣдуемой Англією, по чему Россіи изъ-за чужихъ и даже просто изъ-за частныхъ только выгодъ приходилось входить теперь въ постоянныя столкновенія съ Англією.

Наконецъ, неудовольствіе императора Павла противъ Англіи выразилось и прямо и неожиданно. Расправа государя съ англичанами напомнила Англіи времена царей Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича. На англійскія суда было внезапно наложено амбарго, самихъ англичанъ стали высылать изъ Петербурга во внутрь Россіи или сажать подъ стражу. Возникло общее недоверіе къ русскому правительству, по чему впослѣдствіи многіе англичане перевели свои капиталы изъ Россіи въ Англію или прекратили у насъ свою торговлю. Между фирмами, поступившими такимъ образомъ, были нѣкоторыя существовавшія въ Россіи еще съ 1728 года. Собственно на мысль объ амбарго Павелъ Петровичъ былъ наведенъ коварствомъ стокгольмсаго кабинета. Одновременно съ заключеніемъ «морской конвенціи», императоръ, подъ вліяніемъ своего любимца Кутайсова, заключилъ еще съ Швецією секретный договоръ, который долженъ

былъ обеспечивать шведскую торговлю отъ притѣсненій со стороны англичанъ, и когда эти послѣдніе стали захватывать шведскіе суда, привозившія военную контрабанду, то императоръ, въ возмездіе за это, приказалъ наложить амбарго на англійскіе суда, до тѣхъ поръ пока англичане не удовлетворятъ шведовъ. Хотя Англія и поспѣшила удовлетвореніемъ, но Швеція продолжала заявлять, что удовлетворенія еще не послѣдовало. Расчетъ при этомъ былъ тотъ, что Швеція враждою Россіи съ Англіею надѣялась подорвать русскую торговлю на Балтійскомъ Морѣ въ свою пользу.

Къ неладамъ между Россіею и Англіею были и другіе еще поводы. Такъ, лондонскому кабинету сдѣлалось извѣстно, что императоръ предлагалъ первому консулу Французской республики Бонапарту быть посредникомъ при заключеніи мирнаго договора между Россіею и Турціею, тогда какъ миръ этотъ долженъ былъ клониться ко вреду Англіи. Независимо отъ этого, при вивандорскомъ дворѣ сердились на Павла Петровича за то, что онъ не соблюлъ обычнаго этикета, не уведомивъ короля о рожденіи великой княжны Александры Павловны, а также не позволилъ адмиралу Ханькову принять пожалованный ему королемъ орденъ Бани, тогда какъ самъ императоръ, съ согласія короля, пожаловалъ орденъ Александра Невскаго англійскому адмиралу Дункану.

Сильное негодованіе въ лондонскомъ кабинетѣ возбуждала производившіяся въ Петербургѣ перлюстрація, а также подпечатки депешъ и писемъ, присылаемыхъ изъ Лондона въ англійскому послу въ Петербургъ, лорду Витворту. Несмотря на всѣ новарства англійской политики, она никогда не допускала подобной мѣры для разузнанія тайнъ. Витвортъ ослобленно жаловался на это, но въ Петербургѣ только удивлялись странности такихъ жалобъ, считая вообще вскрытіе чужихъ писемъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Продолжая гнѣваться на Англію, Павелъ Петровичъ приказалъ потребовать для русскаго посла въ Лондонѣ, графа Воронцова, паспорта на прѣздъ въ Россію. По поводу этого былъ присланъ изъ Лондона особый меморандумъ, который въ маѣ 1800 года былъ доложенъ государю вице-канцлеромъ, графомъ Панинымъ, и Панину было приказано заготовить отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что «государь не обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что каждый монархъ есть полный распорядитель въ своихъ владѣніяхъ и король англійскій тѣмъ болѣе имѣетъ права не назначать преемника Витворту, что и мѣсто русскаго посла въ Лондонѣ не будетъ занято».

Ключій характеръ императора Павла былъ очень хорошо извѣстенъ въ Европѣ и потому ожидали, что онъ, начавъ ссориться съ Англіею, быстро придетъ къ окончательному разрыву. Ожиданія эти исполнились и причиною къ такому разрыву послужилъ случай, на который собственно не стоило было обращать особаго вниманія.

Находившійся при стогольскомъ дворѣ англійскій посоль Гейль, оставляя свой постъ, по забывчивости или намѣренно, не сдѣлалъ прощальнаго визита русскому посланнику, который и сообщилъ объ этомъ императору. Павелъ всплилъ и приказалъ Панину сообщить немедленно Витворту, собиравшемуся уже уѣхать въ Лондонъ, чтобъ онъ увезъ съ собою изъ Петербурга все англійское посольство, выставляя побужденіемъ къ такой крутой и неожиданной мѣрѣ невѣжливый поступокъ Гейля. Напрасно Панинъ просилъ государя отсрочить это распоряженіе хоть на 24 часа, надѣясь впоследствии уговорить императора къ совершенной его отмінѣ, но ни Панинъ, ни Ростопчинъ не успѣли въ этомъ. Съ своей же стороны, Витвортъ былъ очень доволенъ получивъ ноту о немедленномъ выгнѣдѣ англійскаго посольства изъ Петербурга, такъ какъ эта нота свидѣтельствовала о предпримчивости Павла и о трудности вести съ нимъ дѣло. Въ Петербургѣ думали, что распоряженіе императора вызоветъ со стороны англійскаго министерства подобнаго же рода репрессаліи въ отношеніи русскаго посольства и что тогда, при вслѣдствіи государя, война Россіи съ Англіею сдѣлается неизбежною. Надѣялись только на то, что императоръ къ сколько воздержится отъ формальнаго разрыва, въ виду того, что въ ту пору было въ Англіи 18,000 русскаго войска, перевезеннаго туда послѣ неудачной экспедиціи въ Голландію, и зимовавшаго съ 1799 года на островахъ Джерней и Герней, а что кромѣ того въ англійскихъ портахъ находилось 15 линейныхъ кораблей, а между тѣмъ, при формальномъ разрывѣ, и войска и флотъ могли быть тамъ задержаны въ плѣну.

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ замислилъ нанести Англіи неожиданный ударъ въ Индію, и атаманъ Орловъ получилъ приказаніе идти въ Индію. Донцы двинулись зимою черезъ степи и только по вступленіи на престолъ Александра Павловича были возвращены изъ этого скороспѣшнаго похода.

Сближался все болѣе и болѣе съ Наполеономъ, Павелъ Петровичъ готовился объявить, весной 1801 года, войну Англіи, сложивъ на свою сторону Данію и Швецію. Но онъ скончался 12-го марта прежде, чѣмъ успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣ-

рение, а между тѣмъ англійскій флотъ вошелъ уже въ Балтійское море и въ маѣ мѣсяцѣ стоялъ между Ревелемъ и Бронштадтомъ въ числѣ 54 вымпеловъ.

Въ Англии ожидали, что съ кончиною императора Павла произойдетъ быстрая перемяна въ отношеніяхъ Россіи къ Англии, и что такая перемяна начнется прежде всего отмѣною «морской конвенціи», но конвенція эта оставалась въ силѣ, по поводу чего вице-канцлеръ, графъ Панинъ, писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову слѣдующее: «Его императорское величество долженъ поддержать этотъ договоръ въ силу обязательствъ, принятыхъ на себя его родителемъ, хотя защита нейтральныхъ державъ нисколько не относится къ интересамъ Россіи и поддержаніе конвенціи ничего болѣе, какъ уваженіе государя къ памяти его родителя». Такая политика продолжалась до половины мая мѣсяца 1801 года, т. е. до полученія государемъ записки Воронцова, въ которой была указана вся неумѣстность существованія «морской конвенціи».

Между тѣмъ, графъ Паленъ, принявшій при вступленіи на престолъ новаго императора въ свое завѣдываніе иностранныя дѣла, послалъ, по повелѣнію государя, адмиралу Парверу, начальствовавшему въ Балтійскомъ морѣ надъ англійскимъ флотомъ, декларацію, въ которой заявлялось, что хотя вновь воцарившійся государь и готовъ былъ принять миролюбивыя предложенія, сдѣланныя лондонскимъ кабинетомъ его предшественнику, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ своимъ долгомъ исполнить обязательства, принятія на себя Россією передъ дворами берлинскимъ, стокгольмскимъ и копенгагенскимъ, съ которыми рѣшено было дѣйствовать за одно, въ духѣ поддержанія нейтралитета. Между тѣмъ, сообщалось далѣе въ деклараціи, Англія произвела непріятельское нападеніе на Данію въ то самое время, когда представитель лондонскаго кабинета въ Петербургѣ получалъ отъ своего двора порученіе о началіи мирныхъ соглашеній. Враждебныя дѣйствія Англии противъ союзницы Россіи — Даніи и приближеніе къ предѣламъ Россіи британскаго флота заставили бы, по объясненію деклараціи, его величество прекратить изъявленіе своихъ желаній относительно мира, еслибы выразившая ихъ депеша была получена въ Лондонѣ прежде упомянутаго нападенія; но такъ какъ англійскій флотъ прошелъ черезъ Зундъ еще до вступленія на престолъ его величества, то его величество надѣется, что лондонскій кабинетъ отмѣнитъ свои распоряженія по полученіи извѣстія о воцареніи новаго государя.

Копія съ этой деклараціи была препровождена въ Лондонъ къ

Воронцову при особомъ письмѣ императора, который писалъ, что онъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ, не желаетъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ всѣхъ примирительныхъ способовъ, почему онъ и дѣлаетъ послѣднюю попытку, чтобъ разъяснить Англiи и всему міру тѣ чувства, которыя руководятъ имъ и заставляютъ его предупредить пролитіе человѣческой крови. При этомъ онъ, по его словамъ, желалъ согласить достоинство своей короны съ обязательствами, принятыми имъ по отношенію къ союзникамъ Россіи.

«Таково^е положеніе дѣлъ и такъ оно будетъ понато тѣми, которые обсудятъ его безъ всякаго пристрастія, писалъ императоръ. Но такъ какъ необходимо, чтобы ложнымъ истолкованіемъ тѣхъ соображеній, которыя руководятъ моими поступками, Англiя не была вовлечена въ заблужденіе, разсчитывая, что она можетъ достигнуть силою того, чего не достигла переговорами, то я предписываю вамъ объявить лондонскому кабинету, что я готовъ еще покончить дѣло съ его величествомъ миролюбивымъ способомъ, если король будетъ устойчивъ въ той умѣренности, о какой заявилъ его посланникъ при берлинскомъ дворѣ, но если, противъ моего ожиданія, чистота моихъ намѣреній не будетъ признана и британское министерство будетъ продолжать непріязненныя дѣйствія въ Балтійскомъ Морѣ, то я увижу въ нихъ только несправедливое нападеніе и, имѣя въ виду поддержку праваго дѣла, буду считать себя въ правѣ употребить всѣ средства и всѣ способы, какіе Провидѣніе вручило мнѣ для отраженія силы силою».

Въ добавокъ къ этой угрозы, Александръ Павловичъ поручилъ Воронцову разъяснить лондонскому кабинету, что, во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ вооруженнаго столкновенія, война будетъ ѡдственна для Англiи, такъ какъ непріятели займутъ курфирство Ганноверское и запрутъ устья рѣкъ Сѣверной Германіи, вслѣдствіе чего, торговый флотъ Англiи будетъ удаленъ отъ всѣхъ европейскихъ портовъ.

Прежде, чѣмъ былъ полученъ Воронцовымъ этотъ рескриптъ, Англiя прекратила свои непріязненныя дѣйствія противъ Даніи и Швеціи и согласилась приступить къ обсужденію «морской конвенціи», заключенной Павломъ Петровичемъ съ этими государствами. Съ порученіемъ вести объ этомъ переговоры, былъ отправленъ въ Петербургъ лордъ Сенъ-Геленсъ. Въ виду этого, Воронцовъ оставилъ безъ послѣдствія полученныя имъ инструкціи, извѣстивъ государя, что угрозы, дѣлаемыя Англiи, нисколько не устрашаютъ ея и могутъ только компрометировать достоинство русскаго государя.

Узнавъ о прекращеніи Англіею непріятельскихъ дѣйствій на Балтійскомъ Морѣ, императоръ поспѣшилъ войти съ нею въ дружественныя отношенія. Съ этою цѣлью онъ приказалъ освободить плѣнныхъ англійскихъ матросовъ и снять секвестръ съ имущества англійскихъ подданныхъ. Онъ готовъ былъ прекратить и амбарго, наложенное его предшественникомъ на англійскіе корабли съ тѣмъ только условіемъ, чтобы англійское министерство оцѣнило тотъ шагъ, который онъ первый сдѣлалъ для примиренія съ Англіею. Такою оцѣнкою онъ признавалъ обратный проходъ англійскихъ кораблей черезъ Зундъ, а въ случаѣ, еслибы къ тому представилось препятствіе по отсутствію попутныхъ вѣтровъ, то ограничивалъ свое требованіе только тѣмъ, чтобы сент-жемскій кабинетъ изъявилъ свою готовность снять амбарго съ судовъ русскихъ, шведскихъ и датскихъ. Вообще же онъ выражалъ свое желаніе сблизиться съ Англіею по прежнему, но съ тѣмъ только, чтобы при переговорахъ объ этомъ было устранено всякое вмѣшательство какой-либо другой державы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что считаетъ себя обязаннымъ выговорить для своихъ союзниковъ всѣ тѣ выгоды, какія могутъ быть совмѣстимы съ интересами Великобританіи.

Такъ какъ, вступая въ соглашеніе съ Англіею, императоръ Александръ Павловичъ отказывался и отъ всякихъ притязаній Россіи на островъ Мальту, то переговоры пошли удачно и 5 (17) іюня 1801 года былъ подписанъ мирный трактатъ между Россіею и Англіею. Копіи съ этого трактата были сообщены конфиденціально дворамъ шведскому и датскому, но они остались имъ недовольны. По подписаніи трактата, Воронцовъ занялъ снова должность русскаго посла при сент-жемскомъ дворѣ, который поспѣшилъ сообщить петербургскому о ходѣ переговоровъ съ Франціею. Въ это время лондонскій кабинетъ заботился преимущественно о гарантіи турецкихъ владѣній и въ особенности Египта отъ всякаго покушенія со стороны какой-либо европейской державы, и императоръ Александръ колебался, то намѣреваясь оставить Египетъ за французами, то соглашаясь съ доводами, приводимыми противъ этого лондонскимъ кабинетомъ, а въ то же время старался заключить съ Англіею тѣсный союзъ.

Къ этому времени относится чрезвычайно замѣчательный рескриптъ государя, отправленный 5-го іюля 1801 года Воронцову. Въ немъ императоръ знакомилъ своего представителя въ Лондонѣ какъ съ общими основаніями своей внѣшней политики, такъ и съ частностями, касающимися отношеній между Россіею и Англіею. Отличительною чертою политики молодого государя —

было миролюбіе. Онъ отказывался какъ отъ новыхъ территориальныхъ приобрѣтеній, такъ и отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, заявляя, что какую бы форму правленія ни установилъ у себя тотъ или другой народъ по своему желанію, народъ этотъ будетъ всегда въ состояніи сохранить добрыя отношенія къ Россіи, если только имъ будетъ въ этомъ случаѣ руководить чувство справедливости.

Съ особенною горячностью высказывался императоръ за святость международныхъ договоровъ, сообщая Воронцову, что готовъ поддерживать своихъ союзниковъ силою даже по дѣламъ, чуждымъ интересамъ Россіи, если дѣла эти ему достались отъ его предшественниковъ и если ихъ нельзя разрѣшить мирнымъ путемъ. Руководствуясь такимъ взглядомъ, императоръ указывалъ на то, что происшедшій 1800 году разрывъ между Россією и Англією побудилъ Павла Петровича, въ отищеніе Англіи, передать курфиршество Ганноверское королю Прусскому, но такъ какъ онъ самъ находить такой поступокъ своего отца несправедливымъ, то и началъ съ Пруссією переговоры о возвращеніи курфиршества прежнему его владѣтелю.

Дальнѣйшій ходъ своей внѣшней политики императоръ обуславливалъ образомъ дѣйствій перваго французскаго консула Бонапарте, которому отправленный въ Парижъ русскимъ посломъ графъ Морковъ долженъ былъ объяснить, что сближеніе Россіи съ Англією не сопровождается никакими враждебными противъ Франціи послѣдствіями. Императоръ надѣялся также, при своемъ посредствѣ, примирить Данію и Швецію съ Англією.

Выпуская изъ упомянутаго рескрипта многія частности, касающіяся политики Россіи въ отношеніи разныхъ европейскихъ державъ, какъ-то королевства Обѣихъ Сицилій, Испаніи, Португаліи и Турціи, замѣтимъ только, что императоръ поручалъ Воронцову стараться о томъ, чтобы Англія производила субсидію королю Сардинскому.

Желаніе императора Александра Павловича быть поборникомъ мира въ Европѣ, вскорѣ поставило его въ неловкое положеніе передъ Англією. Въ сентябрѣ 1801 графъ Мерковъ заключилъ дружественную конвенцію съ Францією. Этими были взволнованы въ Англіи. Еще при самомъ вступленіи на престолъ Александра I тамъ были недовольны имъ, такъ какъ англичане полагали, что съ воцареніемъ его, въ русской политикѣ произойдетъ крутой переворотъ въ пользу Англіи и рассчитывали на то, что новый государь тотчасъ же прекратитъ союзъ съ Фран-

цію и перейдетъ на сторону Англіи. Императоръ желалъ, однако, быть въ ладахъ и съ тою и съ другою, такъ что Англіи приходилось теперь раздѣляться съ Франціею въ одиночку. Въ виду этого, Питтъ, неутомимый боецъ противъ Франціи, вышелъ въ отставку и тогда, 1-го октября н. с. 1801 года, были подписаны предварительныя статьи мирнаго договора между Англіею и Франціею. Договоръ этотъ только нѣкоторымъ образомъ затрогивалъ Россію, такъ какъ въ силу его Англія объявлялась возвратить Мальту ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, что было согласно съ видами государя. Встрѣтилось, впрочемъ, и нѣкоторое неприятое для него обстоятельство въ переговорахъ между Англіею и Франціею. Преслѣдуя миролюбивую политику, императоръ Александръ Павловичъ предложилъ свое посредничество для примиренія Франціи съ Турціею, а между тѣмъ, теперь оказалось, что такою посредницею явилась Англія, которая при этомъ свое желаніе уничтожить вліяніе Россіи на Востокѣ. Александру Павловичу коздно уже было теперь перейти на сторону Франціи, такъ какъ между ею и Англіею, 25-го марта н. с. 1802 года, былъ заключенъ въ Аміенѣ миръ.

Несмотря на это, императоръ Александръ, въ виду «общаго блага», предпочиталъ сближеніе съ Англіею, чему, съ своей стороны содѣйствовалъ и канцлеръ, графъ А. С. Воронцовъ, который постоянно внушалъ государю, что «направленіе Французской республики къ всемірному владычеству можетъ остановить только силы Россіи и Англіи при содѣйствіи со стороны Австріи. Такое возрѣніе отзывалось въ Парижѣ, гдѣ русскій посолъ, графъ Морковъ, по словамъ Талейрана, «велъ себя, какъ истый англичанинъ».

Аміенскій миръ былъ непрочетъ. Англія опасалась, что Франція присвоитъ себѣ часть Турціи и нѣкоторыя области королевства Неаполитанскаго. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, Англія не выводила съ Мальты своего гарнизона и домогалась, чтобы Россія гарантировала независимость этого острова. Въ виду этого, канцлеръ графъ Воронцовъ разсуждалъ такъ: «Еслибы даже предстоящая война ограничилась только столкновеніемъ между Франціею и Англіею, то и тогда она не иначе, какъ сожалительна для человечества была бы, однако, могла бы, по нѣкоторымъ торговымъ и политическимъ соображеніямъ, для насъ быть равнодушною.» Но такъ какъ канцлеръ предусматривалъ, что изъ такого столкновенія можетъ возникнуть и сухопутная война, вслѣдствіе которой могутъ произойти потрясенія во всей Европѣ, то, какъ онъ полагалъ, такая значительная держава, какъ Россія не можетъ

оставаться спокойною и должна употребить свое внимательство для примиренія Англіи съ Франціею. При этомъ, по мнѣнію Воронцова, «не нужно было вдаваться въ крайности, а тѣмъ болѣе слѣдовать внушеніямъ, шедшимъ отъ берлинскаго двора, который былъ преданъ первому консулу, но должно было объясниться въ умѣренныхъ «выраженіяхъ», заявляя, что русскій императоръ приписываетъ все какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, нерѣдко случающимся между кабинетами, особливо собственными, а потому совѣтуетъ и желаетъ, чтобы оба кабинета между собою вскранно о томъ объяснились и тѣмъ успокоили бы другъ друга, если настоятъ какія-либо взаимныя опасенія».

Съ своей стороны и государь желалъ придерживаться прежней миролюбивой политики и находилъ, что Россія, по ея географическому положенію, не представляется особеннаго повода тревожиться на счетъ тѣхъ волненій, какія происходили въ Европѣ, но что тѣмъ не менѣе, въ случаѣ необходимости, нужно быть готовыми и къ войнѣ. Одною изъ уважительныхъ къ тому причинъ, онъ признавалъ намѣреніе Франціи овладѣть Турціею, которую, однако, онъ желалъ сохранить въ цѣлости, считая ее самой удобной сосѣдкою для Россіи, и полагалъ, что въ этотъ случаѣ онъ встрѣтитъ содѣйствіе со стороны Англіи.

Прежде тѣмъ Россія успѣла авиться посредницею между Англіею и Франціею, между послѣдними началась война. Успѣхи французскаго оружія въ Сѣверной Германіи шли быстро и канцлеръ, графъ Воронцовъ, начавъ опасаться Франціи, задумалъ составить лигу противъ нея, поставивъ во главѣ этой лиги Англію, которая, по словамъ Воронцова, «дастъ силу и душу коалиціи». При этомъ онъ рассчитывалъ на то, что Англія выдастъ субсидіи своимъ державамъ, и писалъ, что «Англія есть та стѣна, которая охраняетъ безопасность и независимость Европы и въ которой прислоняются всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ», и полагалъ, что «масса европейскихъ силъ еще такова, что при единодушій и съ помощью и съ соглашенія Англіи весьма достаточна, чтобы учинить преграду властвованію Франціи и обезпечить твердую землю Европы на будущія времена». Съ этою цѣлью Воронцовъ предполагалъ, что Россія не должна ограничиваться лишь помощью Даміи и Швеціи, но послать еще тридцатитысячный корпусъ въ Италію и отправить на Рейнъ отъ 30 до 40 тыс., съ тѣмъ, чтобы корпусъ этотъ содержался на счетъ англійскихъ субсидій и чтобы на такія же средства были отправлены русскія войска въ Голландію и Ганноверъ.

*

Воронцовъ ставилъ также условіемъ, чтобъ Англія, не заключаема съ Франціею мира отдѣльно отъ союзниковъ.

Александръ Павловичъ, колебавшійся обыкновенно, когда приходилось рѣшать окончательно какой-нибудь важный вопросъ, не принималъ плана, составленнаго Воронцовымъ. Но когда первый консулъ разстрѣлялъ герцога Англенскаго, захваченнаго въ баденскихъ владѣніяхъ, то Александръ выступилъ ожесточеннымъ врагомъ «корсиканскаго изверга» и пожелалъ какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Англіею. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Лондонъ Н. Н. Новосильцевъ, въ ту пору одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ государю. Онъ поѣхалъ туда подъ предлогомъ свиданій съ англійскими законовѣдами на счетъ предпологавшихся тогда въ Россіи преобразованій по судебной части. Данный ему дипломатическій наказъ отличался чрезвычайною напыщенностью; ему поручалось устроить союзъ съ Англіею для «блага человѣчества», которое обусловливалось низверженіемъ Наполеона. Въ наказѣ этомъ заботливость императора о «благѣ человѣчества» доходила до того, что близкія къ нему въ ту пору лица, а между ними и извѣстный ненавистникъ Россіи, князь Адамъ Чарторыжскій, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, нашли необходимымъ замѣтить, что русское правительство, заботясь о всемъ человѣчествѣ, пренебрегаетъ прямыми русскими интересами, что Россія забываетъ о бѣдственномъ положеніи христіанъ въ Турціи, между тѣмъ какъ союзъ ея съ Англіею долженъ былъ повести къ присоединенію къ имперіи Молдавіи и Валахіи. Въ наказѣ, данномъ Новосильцеву, было сдѣлано дополненіе относительно устройства нѣкоторыхъ частей Турецкой имперіи подъ покровительствомъ Россіи. Въ это время началось такое тѣсное сближеніе Англіи съ Россіею для противодѣйствія Франціи, что, по словамъ Англійскаго короля, каждый добрый англичанинъ долженъ былъ быть настоящимъ русскимъ и обратно.

Питтъ и другіе представители правительственной власти въ Англіи, а также и принцъ Валлійскій сочувственно приняли предложенія Александра Павловича, касавшіяся «блага человѣчества», но когда вопросъ коснулся Турціи, то Питтъ призвукъ и спросилъ Новосильцева, не думаетъ ли Россія взять что-нибудь у турокъ? — замѣтивъ при этомъ, что въ исторіи бывали примѣры, когда покровительство, оказанное какой-либо странѣ, оканчивалось ея покореніемъ. На это Новосильцевъ отвѣчалъ, что еслибы Россія и дѣйствительно думала захватить что-нибудь у Турціи, то друзьямъ Россіи, англичанамъ, беспо-

коняться нечего, такъ какъ ихъ торговля будетъ обезпечена еще лучше. Съ своей же стороны, Питтъ замѣтилъ, что теперь не время думать о дѣлахъ Турціи, потому что союзъ Россіи съ Анлією долженъ быть направленъ исключительно противъ Франціи. На этомъ порѣшили и 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ заключенъ договоръ между Россією и Анлією, который обязался составить коалицію съ 500,000 войска, при чемъ Анлія должна была платить ежегодно по 1,200,000 фунтовъ стерлинговъ на каждыя сто тысячъ. Но прежде чѣмъ успѣла составиться эта коалиція, Наполеонъ нанесъ намъ пораженіе при Аустерлицѣ. Анлія въ это время поддерживала Россію и ея союзницу, Австрію, весьма слабо. Послѣ смерти Питта и Фокса, въ Анліи началась парламентская борьба по внутреннимъ вопросамъ, мѣшавшая обращать дѣятельное вниманіе на континентъ. Александръ жаловался на Анлію, говоря князю Куракину, что Анлія сначала вела себя дурно, а теперь даетъ ничего не значащія обѣщанія выставить 10—12,000 человекъ, не назначая срока; субсидій же обѣщаетъ не болѣе 2,200,000 фунтовъ на всѣ три союзныя державы. Это обстоятельство побудило императора къ заключенію тильзитскаго мира.

Если этотъ миръ самъ по себѣ былъ важенъ для Наполеона, то для него еще важнѣе было отиатіе у Анліи возможности бороться съ Францією при пособіи со стороны Россіи. Мало того, Наполеонъ не безъ увѣренности рассчитывалъ, что по тильзитскому миру Россія станетъ во враждебныя отношенія къ Анліи. Русскій посоль въ Лондонѣ, Алопеусъ, сообщилъ главѣ англійскаго министерства Каннингу о заключеніи мира, добавивъ, что побудительною къ тому причиною былъ, между прочимъ, и образъ дѣйствій лондонскаго кабинета и Каннингъ созналъ ошибку послѣдняго. Тѣмъ не менѣе Анлія рѣшилась одна продолжать борьбу съ Наполеономъ, предвидя непрочность тильзитскаго мира и протскавашаго изъ него союза. Но за то теперь открылась для Анліи другая невыгода: Россія присоединилась, по требованію Наполеона, къ континентальной системѣ и не допускала англійскихъ кораблей въ свои гавани, но въ тильзитскомъ договорѣ не было условія о томъ, что точно также слѣдовало поступить и въ отношеніи нейтральныхъ судовъ, а между тѣмъ эти послѣднія, именно американскія, провозили въ Россію англійскіе товары и даже англійскіе купцы успѣвали пробираться туда подъ нейтральнымъ флагомъ. Наполеонъ возставалъ противъ этого, какъ противъ послабленія, наносившаго громадный вредъ континентальной системѣ. Ссылка со стороны Россіи на тильзитскій до-

говоръ устраняла домогательство о закрытіи русскихъ портовъ для нейтральныхъ судовъ. Но въ это время Наполеонъ заква- тилъ герцогство Ольденбургское, принадлежавшее родственнику русскаго императорскаго дома.

Взаимныя неудовольствія повели къ разрыву, послѣдствіемъ котораго былъ походъ Наполеона на Россію въ 1812 году. Англія въ это время вела отдѣльную войну съ Франціею въ Испаніи и не имѣла прямого вліянія на политику Россіи, которая клонилась рѣшительно къ низверженію Наполеона. Только послѣ взятія Парижа союзниками, Англія вошла опять въ тѣсныя сношенія съ Россіею, которыя начались вопросомъ объ установленіи во Франціи новаго образа правленія. По поводу этого англійскій принцъ-регентъ высказалъ русскому посланнику въ Лондонѣ, что хотя французамъ и нужно дать свободу распоряжаться насчетъ будущаго своего правительства, но было бы не бесполезно вспомнить о существованіи правъ законной династіи, т. е. о Бурбонахъ, предоставивъ, однако, рѣшеніе этого вопроса русскому императору, «вождю бессмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды народовъ». Конечнымъ результатомъ этого было «воскресеніе дома Бурбоновъ».

Низверженіемъ Наполеона Александръ оказалъ Англіи громад- ную услугу, и когда онъ явился въ Лондонъ, то тамъ приняли его съ необыкновеннымъ восторгомъ.

Когда въ Вѣнѣ открылся конгрессъ, то Англія, въ лицѣ своего представителя лорда Кэстльри, обратилась къ императору Александру письменно по поводу польскаго вопроса. Кэстльри, между прочимъ, писалъ, что Англія старалась о предоставленіи Швеціи Норвегіи для того только, чтобы упрочить за Россіею обладаніе Финляндіею что руководясь дружественнымъ чувствомъ къ императору Александру, представители Англіи при Оттоманской Портѣ содѣйствовали заключенію мира, вслѣдствіе котораго Россія приобрѣла обширную область; что миръ съ Турціею, доставившій Россіи важныя и обширныя выгоды, былъ заключенъ при дѣятельномъ посредствѣ англійскаго посланника. «Если я упоминаю объ этомъ, писалъ Кэстльри, то единственно изъ опасенія, чтобъ вашему величеству не истолковали дурно моихъ побужденій въ настоящее время, когда я изъ чувства моихъ общественныхъ обязанностей къ Европѣ и особенно къ вашему величеству долженъ настаивать не на отказѣ, а на измѣненіи вашихъ требованій». Рѣчь здѣсь шла о томъ, чтобъ императоръ не увеличивалъ значительно своихъ владѣній насчетъ Польши и не принималъ титула короля польскаго. «Если, сказано было

въ мемуарѣ, препровожденномъ при письмѣ лорда Кэстльри:—правственный долгъ требуетъ, чтобъ положеніе поляковъ было улучшено такимъ рѣшительнымъ способомъ, какъ возстановленіе ихъ монархіи, то пусть дѣло это совершится по принципу широкому и либеральному, пусть возстановится исторія независимая, а не дѣлается въ ней страшное военное орудіе въ рукахъ одного государства. Такая либеральная мѣра съ восторгомъ будетъ принята всею Европою. Правда, это было бы жертвой со стороны Россіи, по обыкновеннымъ государственнымъ расчетамъ, но если русскій императоръ не готовъ къ такой жертвѣ по отношенію къ собственной имперіи, то онъ не имѣетъ никакого правственнаго права дѣлать подобныя опыты насчетъ своихъ союзниковъ». Пріемомъ указывалось на то, что возстановленіе Польши въ такомъ видѣ, въ какомъ желаетъ это сдѣлать императоръ Александръ, распространитъ безпокойство какъ въ Россіи, такъ и въ сосѣднихъ странахъ.

Письмо Кэстльри и сопровождавшій его мемуаръ сильно раздражили императора Александра. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, онъ, не отрицая выгодныхъ для Россіи послѣдствій отъ дружбы Англии къ ней политики Англіи, замѣчалъ, что еслибы бы Англія не помогла Россіи заключить миръ съ Турціею, то онъ не имѣлъ бы военныхъ средствъ для освобожденія Европы отъ владычества Наполеона; что онъ настаивалъ на присоединеніи Норвегіи къ Швеціи для того, чтобы привлечь Швецію къ коалиціи противъ Франціи. Къ этому письму былъ приложенъ меморандумъ, который указывалъ на то, что при известномъ великодушіи и безвѣрствіи императора Александра не можетъ существовать никакихъ опасеній для Европы, вслѣдствіе усиленія Россіи насчетъ Польши. Въ виду этого, Кэстльри настаивалъ, что «нельзя ничего доказывать на основаніи характера императора, такъ какъ законы бы ни были добродѣтели государя, все-таки не на личной дѣятельности, не на жизни одного человѣка должны основываться свобода и безопасность государствъ». Бѣгство Наполеона съ Эльбы заставило Англію уступить Александру по вопросу о Польшѣ, для того, чтобы поддержать существовавшій противъ Франціи союзъ и затѣмъ, благодаря преимущественному содѣйствію Англіи, Бурбоны были вторично возстановлены на французскомъ престолѣ, и тогда Англія стала заботиться о томъ, чтобы Александръ, принимая на себя роль покровителя французскаго народа, сдерживался въ разумныхъ предѣлахъ, не забывая о союзныхъ съ Франціею державахъ. Англичане отдавали, однако, полную справедливость императору за то, что онъ, не услов-

ливаясь съ Англією на счетъ субсидій, привелъ въ движеніе свою старую армію и не желалъ продовольствовать свое войско на счетъ Франціи, какъ дѣлали это императоръ Австрійскій и король Прусскій.

Освободивъ Европу отъ господства Наполеона, Александръ I задумалъ образовать изъ государей Россіи, Пруссіи и Австріи такой союзъ, чтобы эти «государя соединились узами братства и обязывались оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, возможную помощь и доброжелательство, подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира». Этотъ такъ называемый «священный союзъ» положилъ начало отчужденію Англіи отъ политики Россіи и, въ то же время, повелъ къ составленію конгрессовъ изъ государей и ихъ министровъ, чему постоянно стала противиться Англія.

Первый конгрессъ состоялся подъ вліяніемъ идей священнаго союза въ Ахенѣ въ 1818 году; цѣлью его было опредѣлить отношенія союзныхъ державъ къ Франціи. При этомъ Англіи было непріятно вмѣшательство въ дѣла Франціи этихъ державъ, такъ какъ оно скрѣпляло союзъ континентальныхъ государствъ, который русскій императоръ старался распространить все болѣе и болѣе, усиливъ въ немъ свое преобладаніе, и въ этихъ видахъ требовалъ, чтобы конгрессы происходили періодически, а Каннингъ, отъ лица Англіи, заявилъ, что конгрессы такая новость, польза которой очень сомнительна. Онъ выражалъ мнѣніе, что конгрессы втянутъ Англію въ политику континента, тогда какъ настоящая политика Англіи должна быть основана на томъ, чтобы вмѣшиваться въ континентальныя дѣла только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ полагалъ, что конгрессы государей могутъ вызвать въ англійскомъ народѣ опасенія насчетъ его свободы, если Англія согласится участвовать въ съѣздахъ неограниченныхъ монарховъ, и по поводу этого лордъ Ливерпуль писалъ лорду Кэстлриву: «Дайте понять русскимъ, что у насъ существуютъ публика и парламентъ, передъ которыми мы отвѣтственны, и что мы не можемъ слѣдовать политикѣ, которая совершенно не соответствуетъ духу нашего правительства». Такимъ образомъ, вслѣдствіе вліянія Англіи, было остановлено на ахенскомъ конгрессѣ стремленіе императора Александра къ управленію европейскими дѣлами сообща съ представителями священнаго союза, и мысль о періодическихъ конгрессахъ не состоялась, такъ что Александру Павловичу удалось настоять только на томъ, чтобы конгрессы собирались по требованію обстоятельствъ.

Но и при такой уступкѣ политика Англій противодѣйствовала политикѣ Россіи; англійская дипломатія была противъ вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ, русская же, напротивъ, видѣла въ этомъ залогъ благоденствія и спокойствія Европы и главнымъ при этомъ руководителемъ явился знаменитый Меттернихъ.

Когда въ 1820 году вспыхнула революція въ Италіи, всѣ европейскіе кабинеты, подъ вліяніемъ Англій, отказались отъ вмѣшательства въ тамошнія дѣла; одна Россія находила нужнымъ, чтобы Европа высказалась по поводу этого событія и этимъ дала бы нравственную опору умѣреннымъ либераламъ противъ революціонеровъ. Лондонскій кабинетъ возсталъ и противъ такого способа вмѣшательства, находя, что если допустить его въ чужія дѣла, то нужно будетъ допустить его и въ свои собственныя.

Происшедшая революція въ Неаполѣ побудила императора Александра составить конгрессъ въ Троппау. Англія была опять противъ этого конгресса, ссылаясь на то, что въ италіанскихъ революціонныхъ движеніяхъ она не видитъ для себя никакой опасности. Когда же русскій посолъ въ Англій указывалъ лорду Кэстльри, что подавленіе мятежныхъ волненій въ Италіи представляеть общій для Европы интересъ, то Кэстльри замѣтилъ, что «нравственное положеніе Англій пренятствуетъ ей даже принимать какое либо участіе въ совѣтахъ, назначаемихъ для обсужденія подобныхъ вопросовъ, и что содѣйствіе ея въ такихъ случаяхъ можетъ сдѣлаться источникомъ большого вреда, не принеся никакой пользы», и Англія кончила тѣмъ, что не послала на конгрессъ въ Троппау своего представителя, а лордъ Кэстльри высказалъ французскому посланнику, что если неограниченные государи допускаютъ такое вмѣшательство въ чужія дѣла, то конституціонныя правительства должны соединиться для противодѣйствія имъ.

Революціонныя движенія въ Сардиніи, послѣдовавшія за событіями въ Неаполѣ, вызвали прямое вмѣшательство императора Александра Павловича. Находясь въ то время въ Лайбахѣ, онъ сказалъ императору Францу: «Мои войска въ распоряженіи вашего величества». Французъ принялъ это предложеніе и стотысячная русская армія явилась готовою для похода въ Италію. Вліяніе Англій заставило Россію вымѣнить эту рѣшительную политику, которая изъ воинственной обратилась въ примирительную, такъ какъ русскому посланнику въ Пьемонтѣ поручено было предложить свое посредничество между королемъ и революціон-

нымъ правительствомъ. Посредничество это не удалось, а австрійцы подавили возстаніе силою оружія.

При начавшемся вслѣдъ за тѣмъ возстаніи грековъ противъ турокъ, императоръ Александръ писалъ императору Францу: «Я не буду разбирать причинъ греческаго возстанія, но нѣмѣю основаніе думать, что революціонеры произвели безпокойства на Востокѣ съ цѣлью разобщить союзныя державы. Я думаю также, что союзъ, который побѣдилъ ихъ въ Неаполѣ и Туринѣ, предохраняя отъ заразы остальную Италію, побѣдитъ ихъ въ Левантѣ, сопротивленіемъ этому новому возстанію. Я свидѣтельству передъ цѣлымъ свѣтомъ о несокрушимости связей мира и дружбы, существующихъ между европейскими державами». Затѣмъ, онъ желалъ принять мѣры къ умиротворенію Греціи сообщая съ священно-союзниками. Слѣдовательно, предполагалось новое вмѣшательство. Мы, конечно, не будемъ говорить здѣсь о ходѣ греческаго возстанія, но уважемъ только, въ какія взаимныя отношенія оно поставило Россію и Англію. Эта послѣдняя была опять противъ вмѣшательства союзниковъ въ греческія дѣла, а англійскій посланникъ въ Константинополь лордъ Страфордъ прямо выражалъ свое сочувствіе Турціи и несочувствіе Россіи, а Порта съ довѣренностію обращалась къ Англіи, какъ къ державѣ, не участвовавшей въ священномъ союзѣ. Теперь Англія стала прямо противъ Россіи и лордъ Страфордъ увѣрялъ султана, что Англія никогда не допуститъ, чтобы кто-нибудь наваль на турецкія владѣнія. Въ то же время лондонскій кабинетъ соувѣтовалъ петербургскому, чтобы онъ продолжалъ свою систему долготерпѣнія, которая дастъ туркамъ время одуматься.

Послѣ самоубійства лорда Кэстльри, сталъ во главѣ англійскаго кабинета Канингъ и, въ апрѣлѣ 1823 года, онъ заявилъ въ депешѣ къ лорду Страфорду, что Англія не можетъ оставаться равнодушною къ судьбѣ грековъ и поручалъ лорду Страфорду сдѣлать султану отъ имени короля представленіе въ палату грековъ, потребовавъ у Порты исполненія обѣщаній, данныхъ ею союзнымъ державамъ, и пригрозилъ, что если требованія не будутъ исполнены, то дружественныя отношенія между Портою и лондонскимъ кабинетомъ продолжаться не могутъ.

Увидѣвъ заступничество Англіи, многіе вожди греческаго возстанія начали обращаться къ ней съ просьбою принять Грецію въ свое покровительство на тѣхъ условіяхъ, какія были поставлены для Ионическихъ Острововъ, просьба эта была, однако, безуспѣшна. Но теперь для Англіи наступила на Востокѣ Европы благоприятная пора, такъ какъ Франція утратила въ Константи-

могъ свое прежнее вліаніе и Англія видѣла возможность быть такъ ея преемницею, если только Россія не возьметъ перевѣса надъ Португю. Съ этого времени можно считать начало непрія-звенной намъ политики англійскаго кабинета на Востокѣ, потому что Англія, вражду съ Франціей, не только не ослабляла вліанія Россіи въ Турціи, но, напротивъ, старалась поддерживать его въ ущербъ своей нежонной противницѣ.

Между тѣмъ, петербургскій кабинетъ, въ своемъ меморандумѣ, отъ 9-го января 1824 года, продолжалъ настаивать, что грече-ское дѣло, въ силу протоколовъ веронскаго конгресса, подлежатъ вѣдѣнію священнаго союза, и поставялъ на видъ, что если со-юзъ не вмѣшается въ это дѣло, то люди благонамѣренные бу-дутъ упрекать союзниковъ въ недостаткѣ мужества и постоян-ства, а революціонеры всѣхъ странъ перенесутъ свою гибельную дѣятельность въ Грецію. Для умиротворенія же Греціи Россія пред-лагала образовать тамъ полунезависимыя княжества на подобіе приданайскихъ. Временное греческое правительство высказалось противъ этого предположенія и обратилось къ Англіи съ просьбою о помощи. Лондонскій кабинетъ отказалъ въ ней грекамъ, за-явивъ, впрочемъ, что Великобританія не приметъ участія ни въ какой попыткѣ заставить грековъ помириться на условіяхъ, про-тивныхъ ихъ желаніямъ, а если греки стануть просить посред-ничества, то Англія въ этомъ не откажетъ.

Въ 1825 году составилась въ Петербургѣ конференціи по грече-скимъ дѣламъ, но Англія отказалась отъ участія въ этихъ конферен-ціяхъ, на которыхъ было опредѣлено: допустить вмѣшательство ве-ликихъ континентальныхъ державъ для прекращенія безпокойствъ на Востокѣ и самъ императоръ Александръ говорилъ француз-скому послу: «Помогите мнѣ уладить греческое дѣло; знайте, что я одинъ въ цѣлой моей имперіи хочу мира для обращенія всѣхъ моихъ силъ противъ революціонеровъ южной и западной Европы». Англія, попрежнему, противилась намѣренію Александра Павловича и не раздѣляла его взглядовъ на конференціи; несмотря на это, онъ признавалъ, что Англія поступала прямодушно и что, въ концѣ-концовъ, Россія можетъ полагаться только на нее, о чемъ и сообщалъ графъ Нессельроде русскому посланнику въ Лондонѣ графу Ливену.

Кончина императора Александра Павловича произвела пережѣ-ву въ отношеніяхъ между Россією и Англією. Лондонское мини-стерство поняло, что новый императоръ, чуждый мистической реакціи священнаго союза, поведетъ греческій вопросъ иначе, тѣмъ вагъ его предшественникъ. Съ нездравленіемъ по случаю

восшествія на престолъ Николая Павловича, король Георгъ IV отправилъ въ Петербургъ знаменитаго герцога Веллингтона, фельдмаршала русской службы и шефа Смоленскаго пѣхотнаго полка. Съ Веллингтономъ государь бесѣдовалъ, какъ онъ самъ выражался, «en ami», но первый тогдашній англійскій министръ Георгъ Каннингъ и англійскій посолъ въ Константинополь Страфордъ-Редклифъ относились недоброжелательно къ политикѣ новаго императора. Главною цѣлью посланки Веллингтона въ Петербургъ было возстановленіе, при посредствѣ Англій, добрыхъ отношеній между Россією и Турцією, такъ какъ война между ними представлялась неизбежною, тѣмъ болѣе, что Англія не желала допускать, какъ мы уже видѣли, дипломатическихъ конгрессовъ, а самъ императоръ не полагался на поддержку западныхъ державъ при его требованіяхъ отъ Порты, чтобъ она исполнила въ точности статьи бухарестскаго договора. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляла, повидимому, только Англія, готовность которой доходила до того, что она не прочь была даже, помимо, впрочемъ, конференцій, отождествить русскія требованія съ своими, признавъ, кромѣ того, что договоры, заключенные въ разное время между Россією и Турцією, даютъ первой изъ нихъ право покровительствовать грекамъ, но только не предоставляютъ ей права прибѣгать къ оружію во имя этого покровительства, такъ какъ война Россіи съ Турцією имѣла бы характеръ завоевательный. Англія же, заявляли тамошніе дипломаты, не желаетъ для себя никакихъ завоеваній насчетъ Турціи, а потому и не приметъ участія въ русско-турецкой войнѣ. Въ такомъ смыслѣ и даны были инструкціи герцогу Веллингтону при отправкѣ его въ Петербургъ.

Въ Англій, удерживавшей Россію отъ войны съ Турцією, задавались между тѣмъ однимъ тревожнымъ вопросомъ: какъ поступить ей, если Россія начнетъ эту войну? Поддержать въ данномъ случаѣ Турцію представлялось крайне неудобнымъ, такъ какъ на сторону Россіи стануть греки и тогда Англія будетъ собственно противъ нихъ; но такая война окажется въ Англій непопулярною и правительство не найдетъ для себя поддержки ни въ парламентѣ, ни въ странѣ. Не желая отступать отъ принципа невмѣшательства, англійское министерство нашло для себя такой исходъ. Русскій посолъ въ Лондонѣ сообщилъ Каннингу, что турки хотятъ истребить всѣхъ грековъ въ Морей, которая отдана въ распоряженіе египетскаго паши съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ полуостровъ отъ грековъ, перевезя ихъ въ Африку, и обратилъ бы ихъ тамъ въ рабство, а въ Морей поселилъ бы

ягометанъ, вывезенныхъ изъ Африки и Азіи. Каннингъ, хотя и не благоволившій къ Россіи, призналъ, однако, чудовищность и варварство такого замысла и заявилъ, что Англія сочтетъ своимъ долгомъ воспротивиться его осуществленію и даже не остановится передъ нападеніемъ на Турцію. Заявляя объ этомъ, Каннингъ поручалъ герцогу сообщить въ Петербургъ, что Англія и при такихъ условіяхъ отречется отъ всякихъ территоріальныхъ приобретеній и что она не желаетъ оспаривать у русскаго правительства то вліяніе, какимъ оно пользуется среди грековъ.

Съ своей стороны, императоръ Николай Павловичъ выразилъ Веллингтону, что онъ, хотя и не желаетъ войны, но не видитъ способа избѣжать ея, не униживъ достоинства Россіи, такъ какъ Порты уверно уклоняется отъ исполненія договоровъ. Что же касается грековъ, то государь сказалъ, что вообще не одобряетъ въ принципѣ какого-либо вмѣшательства между ними и ихъ верховнаго повелителямъ. Изъ этого объясненія Веллингтонъ вывелъ заключеніе, что вопросъ о столкновеніи съ Турціею заключается не въ греческихъ дѣлахъ, но въ непосредственныхъ отношеніяхъ между нею и Россіею. Тѣмъ не менѣе, для Англіи все-таки оставался нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ воспользуется Россія восстаніемъ грековъ въ случаѣ войны ея съ турками?

Веллингтонъ велъ съ государемъ откровенную бесѣду о греко-турецкихъ дѣлахъ, и герцогъ, какъ представитель интересовъ Англіи, считъ долгомъ сообщить конфиденціально объ этой бесѣдѣ Каннингу.

Въ бесѣдѣ съ герцогомъ государь жаловался на упорство Турціи по исполненію договоровъ. Онъ говорилъ, что въ Россіи не сочувствуютъ грекамъ и что восстаніе ихъ не было возбуждено тайными агентами русскаго правительства, и что ни покойный императоръ, ни онъ самъ не желали затѣвать войны изъ-за грековъ. Несмотря, однако, на это, онъ находилъ, что звѣрства египтянъ въ Моревѣ могутъ побудить и Англію вооружиться противъ Порты и что убѣжденія, дѣлаемыя ей, но не сопровождаемыя угрозами, не воздѣйствуютъ на нее.

По поводу полезности угрозъ Портѣ, Веллингтонъ замѣтилъ, что угрозы бываютъ дѣйствительны лишь тогда, когда могутъ быть приведены въ исполненіе, а государь, съ своей стороны, возражалъ, что и Англія прибѣгаетъ къ угрозамъ, желая заставить Турцію исполнить свои требованія относительно мореплаванія. На это возраженіе послѣдовало объясненіе Веллингтона, показывающее всего лучше, какъ понимала Англія и свои собственныя отношенія, и отношенія Россіи къ Турціи.

Отвѣчая императору сравненіемъ, Веллингтонъ сказалъ, что Англія отчетливо опредѣлила свое требованіе; и Порта должна знать, что если она не исполнитъ требованій лондонскаго кабинета, то сила, необходимая для нанесенія Турціи удара — готова. Сила эта — англійскій флотъ. Портъ, говорилъ далѣе герцогъ: — вѣроятно, что ни одна изъ европейскихъ державъ не въ состояніи отклонить ударъ, который Англія нанесетъ султану, если онъ не прекратитъ насильнаго выселенія грековъ; Портъ должно быть также вѣроятно, что Англія не можетъ завладѣть ничѣмъ, принадлежащимъ Турціи (о захватѣ Кипра въ ту пору, какъ видно, не было и помину), что Англія заставитъ Турцію силой выполнить свое требованіе и тѣмъ только и ограничится. Угрозы же Россіи, продолжалъ Веллингтонъ: — имѣютъ совершенно другой характеръ, такъ какъ требованія ея несравненно болѣе сложны и менѣе опредѣленны; русскія же силы находятся далѣе отъ центра турецкой власти, чѣмъ англійскія. Крімъ того, турки знаютъ очень хорошо, что приведеніе въ исполненіе угрозы со стороны Россіи будетъ стоить ей громадныхъ расходовъ, тревогъ и всякаго рода неудобствъ, и что нападеніе русской арміи на турецкую территорію вызоветъ зависть и недоброежелательство всей Европы, такъ какъ ничто не указываетъ на цѣли и границы русскаго нападенія. Добавилъ Веллингтонъ еще и то, что получить съ султана денежное вознагражденіе за военныя издержки будетъ невозможно, потому что султану не откуда взять денегъ.

Въ концѣ-концовъ, Веллингтонъ склонился, однако, на сторону Россіи и писалъ Каннингу, что Порта должна согласиться на все, что ей предлагаетъ Россія, а самому государю совѣтовалъ только смягчить нѣсколько требованія, предъявляемыя Портъ со стороны Россіи, и въ то же время давалъ понять въ Англіи, что война съ Турціею будетъ для русскихъ вовсе не такъ тягостна, какъ думать объ этомъ англичане. Между тѣмъ, императоръ отправилъ ультиматумъ Портъ, въ которомъ, однако, не было вовсе помину о грекахъ, тогда какъ Англія и хлопотала преимущественно о разрѣшеніи греческаго вопроса, считая, что именно онъ служилъ всего болѣе предметомъ столкновенія.

Переговоры Веллингтона въ Петербургѣ кончились тѣмъ, что государь приказалъ графу Нессельроде и прибывшему изъ Лондона графу Ливену войти въ соглашеніе съ герцогомъ, и оно состоялось на слѣдующихъ основаніяхъ. Императоръ оставлялъ за собою право настаивать на исполненіи изложенныхъ въ посланномъ ему ультиматумѣ условій *sine qua non*; онъ обѣщалъ не присоединять къ Россіи новыя владѣнія и не принимать ника-

какъ мѣръ для усиленія своего вліянія на Балканскомъ Полуостровѣ. Это послѣднее обѣщаніе дано было только на словахъ, и хотя Великіиотъ настоятельно просилъ, чтобъ оно было изложено письменно, но государь рѣшительно отказалъ ему въ этой просьбѣ. Къ упомянутому соглашенію было добавлено, что Россія, принимая на себя, соимѣство съ Англіею, посредничество между султаною и греками, не будетъ требовать для нихъ болѣе того, чего они сами не просятъ.

Достигнувъ такого соглашенія, Великіиотъ считалъ свое посольство при русскомъ дворѣ оконченнымъ удовлетворительно и сообщилъ въ Лондонъ, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, и что даже если всыкнется война между Россіею и Турціею, то и тогда прочимъ державамъ не будетъ ни малѣйшаго основанія тревожиться. Въ Англіи, однако, сомнѣвались въ такомъ благопріятномъ исходѣ дѣла. Кромя того, англійскій посланникъ въ Стамбулѣ, Страфордъ-Редклиффъ, непримиримый противникъ Россіи по восточному вопросу, самымъ усерднымъ образомъ устранилъ всякую возможность миролюбиваго соглашенія между Россіею и Турціею. Личность этого представителя Англіи въ Турціи чрезвычайно вліятельно отзывалась на нашия отношенія къ Англіи по турецкимъ дѣламъ, и недавно изданные въ Лондонѣ дипломатическіе документы наводятъ на мысль, что лордъ Страфордъ едва ли не болѣе, чѣмъ Пальмерстонъ и даже Наполеонъ III, подготовилъ впоследствии крымскую войну.

Мы уже видѣли, какъ упорно англійское министерство отстраняло вооруженное столкновеніе между Россіею, и Турціею и любознательнѣе будетъ узнать причины такого направленія англійской политики. Несмотря на господствовавшія въ Англіи симпатіи къ грекамъ, англійскіе дипломаты съ неудовольствіемъ помышляли о возрожденіи греческой національности. Основною тому причиною было опасеніе относительно усиленія русскаго вліянія на востокъ и на Средиземномъ Морѣ, и миръ Россіи съ Турціею служилъ, по мнѣнію англійскихъ дипломатовъ, самымъ лучшимъ средствомъ для предотвращенія такого положенія дѣлъ, потому что государственные люди Англіи, не опасаясь дипломатическаго вліянія русскаго кабинета на Порту, тревожились только тою мыслью, что Россія утвердитъ свое господство надъ Турціею силою оружія. Для устраненія же предстоявшей войны, Англія въ ту пору прибѣгла не къ угрозамъ противъ Россіи, но, наоборотъ, къ самой миролюбивой политикѣ—къ привлеченію къ себѣ Россіи въ качествѣ союзницы. При такомъ союзѣ вышло, впрочемъ, со стороны Англіи затѣянное желаніе подчинить Россію по во-

стоичнѣ дѣламъ политикѣ Англіи и склонитъ исподволь Порту къ уступкамъ Россіи, не опаснымъ для Англіи, и притомъ такимъ, которыя, въ случаѣ восстановления независимой Греціи, не прибавили бы ничего къ вліянію Россіи на Балканскомъ Полуостровѣ. Руководствуясь такою политикою, Англія, послѣ побѣды Веллингтона въ Петербургѣ, предложила Портѣ немедленно исполнить требованія Россіи относительно вывода турецкихъ войскъ изъ придунайскихъ княжествъ, а также относительно освобожденія сербскихъ заложниковъ и высылки уполномоченныхъ для совѣщанія съ русскими о способахъ для осуществленія условій бухарестскаго договора. Такія требованія Англія рѣшилась поддерживать дипломатически. Что же касалось греческихъ дѣлъ, то лондонскій кабинетъ постановилъ: не допускать въ нихъ самостоятельнаго вмѣшательства Россіи, но образовать тройственный союзъ изъ нея, Англіи и Франціи.

Мы не будемъ говорить здѣсь о частностяхъ этого союза, приведеннаго къ наваринской битвѣ, гдѣ союзный русско-англо-французскій флотъ истребилъ, 8-го октября 1827 года, морскія силы Турціи. Союзъ этотъ былъ важенъ для Россіи въ томъ отношеніи, что онъ далъ ей возможность — неизвѣстно, впрочемъ, до сихъ поръ, на какихъ именно предварительныхъ условіяхъ — начать, въ слѣдующемъ году, безъ вмѣшательства Англіи и Франціи, войну съ Турціею, окончившуюся выгоднымъ для Россіи адрианопольскимъ миромъ.

Подъ вліяніемъ тройственнаго союза совершилось образованіе независимаго Греческаго Королевства. Съ своей стороны, лондонскій кабинетъ не слишкомъ благопріятствовалъ усиленному составу новаго государства, изъ опасенія, что, современемъ, греки, какъ способные моряки, могутъ явиться опасными соперниками англичанъ на Средиземномъ Морѣ и что, кромѣ того, Россія будетъ имѣть особенное вліяніе на освобожденныхъ грековъ, какъ на своихъ единовѣрцевъ. Но въ то же время англійская дипломатія находила нужнымъ, такъ или иначе, покончить поскорѣе греческій вопросъ въ виду того, что греческія дѣла, оставаясь въ неопредѣленномъ положеніи, будутъ давать Россіи поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ съ Турціею, которыя могутъ повести къ новой между ними войнѣ, несомнѣнно неудачной для Турціи и благопріятной для Россіи. Даже сторонникъ Россіи Веллингтонъ опасался ея будущаго вліянія на Грецію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ лорду Ватгорсту онъ писалъ: «Греческое государство рано или поздно сдѣлается независимымъ. Оно будетъ тогда континентально-морскою державою, и, конечно, было бы

неразумно оставлять Грецію подъ вліяніемъ Франціи или Россіи, или обѣихъ вмѣстѣ».

Независимо отъ тѣхъ соображеній, по которымъ Англія искала сближенія съ Россіею, въ это время присоединилось еще весьма важное для Англіи обстоятельство: сближеніе ея съ Россіею казалось ей средствомъ и для сближенія съ Франціею, которая въ ту пору отдалялась отъ Англіи въ тѣхъ случаяхъ, когда эта послѣдняя хотѣла дѣйствовать отдѣльно отъ Россіи. Явно, что здѣсь происходило собственно соревнованіе между тремя великими державами, не желавшими допускать, чтобы каждая изъ нихъ дѣйствовала самостоятельно и тѣмъ самымъ приобрѣла бы для себя исключительный перевѣсъ по такъ называемому восточному вопросу.

Послѣ освобожденія морейскихъ грековъ отъ турецкаго ига, между союзными кабинетами возникъ вопросъ объ организованіи новаго государства. Насколько можно судить по опубликованной доселѣ дипломатической переписки по этому вопросу, Англія, послѣ уничтоженія господства ислама въ Моревѣ, а вмѣстѣ и устраненія предлога для вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи, старалась сохранить въ Греціи переходное положеніе дѣль, ссылаясь преимущественно на то, что бѣдная и истощенная страна не имѣетъ денежныхъ способовъ для того, чтобы содержать государя и поддерживать его царственную представительность. Россія и Франція, напротивъ, настаивали на безотлагательномъ учрежденіи Греческаго Королевства, и лондонскому кабинету пришлось въ этомъ случаѣ сдѣлать союзникамъ уступку. Съ своей стороны, Веллингтонъ указывалъ, что выборъ греческаго короля чрезвычайно важенъ, что выборъ этотъ можетъ быть произведенъ вопреки видамъ и выгодамъ Англіи и что ей слѣдуетъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Великобританскій кабинетъ сумѣлъ, однако, повести вопросъ о выборѣ короля такъ, что вопросъ этотъ сосредоточился въ Лондонѣ и, кромѣ того, Россія, 27-го сентября 1829 года, предложила Англіи заняться устройствомъ Греціи. Тогда лондонскій кабинетъ сталъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы королемъ Греціи было избрано лицо, расположенное къ англійскимъ интересамъ. Между тѣмъ, Россія и Франція оставались на первыхъ порахъ какъ бы безучастными къ этому вопросу, не выставляя пока своихъ кандидатовъ. Въ Англіи полагали, что русскій кабинетъ насчетъ этого держится такого образа дѣйствій: пусть—полагалъ онъ—Англія или Франція предложитъ своего кандидата, а Россія поддержитъ его, и тогда большинство голо-

совъ будетъ на сторонѣ избраннаго, а онъ, въ свою очередь, изъ благодарности къ Россіи за такую поддержку, станетъ на ея сторону. Наконецъ, дипломатическое молчаніе по поводу выбора короля было прервано предложеніемъ со стороны Франціи кандидатомъ на греческій престолъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, но король Англійскій Георгъ не хотѣлъ о немъ и слышать. Въ то же время, король Прусскій рекомендовалъ Георгу принца Карла Мекленбургскаго, прося доставить ему греческій престолъ. Принцъ Леопольдъ отказался отъ короны, недовольный тѣми предѣлами, которыми должно было ограничиться вновь образуемое королевство, и, такимъ образомъ, союзники остались безъ кандидата, отстранивъ сами кліента прусскаго короля. Въ силу этого, лордъ Абердинъ предложилъ избрать греческимъ королемъ принца Филиппа Гессенъ-Гомбургскаго, а Франція поспѣшила выставить своего кандидата — Карла Баварскаго. Тогда лордъ Абердинъ внушилъ представителямъ Россіи обратить вниманіе на князя Максимилиана д'Есте. Въ это же время императоръ Николай Павловичъ указалъ на двухъ своихъ кандидатовъ — Фридриха Оранскаго и Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Напрашивался самъ въ кандидаты, чрезъ посредство герцога Веллингтона, принцъ Павелъ Виртембергскій, шла также рѣчь объ избраніи въ греческіе короли одного изъ двухъ французскихъ маршаловъ — Нея или Ожерд. Послѣ продолжительныхъ соображеній, колебаній и даже пререканій, выборъ окончился тѣмъ, что на греческій престолъ былъ, въ 1830 году, посаженъ принцъ Оттонъ Баварскій.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вспыхнуло польское возстаніе. Отношенія въ ту пору Россіи къ лондонскому кабинету по дѣламъ Польши не выяснились еще достаточно дипломатическою перепискою, но вообще они не представляли тогда никакихъ особенностей и имѣли видъ взаимнаго дружелюбія. Хотя собственно въ Англійю польское возстаніе встрѣчало сочувствіе, а польскіе эмигранты находили тамъ радушный приѣмъ, но тогдашнее англійское министерство, съ лордомъ Греемъ во главѣ, относилось спокойно къ образу дѣйствій русскаго правительства по подавленію польскаго возстанія. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что тогда главною защитницею Польши явилась Франція, революціонное движеніе которой Англія не думала вовсе поддерживать, и противъ которой она имѣла неудовольствіе вслѣдствіе завоеванія Алжира французами. Кромѣ того, лондонскій кабинетъ былъ тогда чрезвычайно доволенъ ходомъ дѣлъ на Востокѣ, такъ какъ Россія, съ своей стороны, не противодействовала тамъ дипломатическому вліянію Англій, которое усили-

лось до того, что въ 1830 году, султанъ въ первый разъ принялъ Страфорда-Редклифа стоя, а не сидя, и этимъ оказала Англія небывалую еще честь, такъ какъ до того времени султаны принимали представителей Англіи наравнѣ съ прочими гурами, выражая имъ явное презрѣніе.

Говоря объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія между Россією и Англією, нельзя не обратить вниманія на одно лицо, содѣйствовавшее весьма много поддержанію значенія Россіи въ Англіи. Лицо это—супруга русскаго посланника при сентъ-джемскомъ дворѣ, княгиня Ливенъ. Гостинная ея была мѣстомъ собранія сторонниковъ Россіи, число которыхъ умѣла увеличивать посланница, какъ женщина чрезвычайно умная и ловкая. Она никогда не упустила случая руководить мнѣніемъ англійскаго общества, направляя его въ пользу Россіи, такъ что на дѣлѣ собственно она, а не ея супругъ, была русскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Лондонѣ. Княгиня Ливенъ не только непосредственно вліяла на ходъ многихъ вопросовъ по внѣшней политикѣ, но и, пользуясь особымъ уваженіемъ короля и многихъ членовъ парламента и палаты общинъ, вмѣшивалась не безъ успѣха во внутреннія дѣла королевства, въ борьбу англійскихъ политическихъ партій и въ выборы королемъ министровъ. Такіе государственные люди Англіи, какъ герцогъ Веллингтонъ и лордъ Абердинъ, въ своихъ письменныхъ сношеніяхъ часто обвиняли княгиню Ливенъ въ явномъ и широкомъ вмѣшателствѣ въ политическія дѣла, и имя ея гораздо чаще, чѣмъ имя ея супруга, мелькало не только въ частной, но и дѣловой дипломатической перепискѣ.

Хорошія наши отношенія съ Англією пошатнулись было вслѣдствіе хивинскаго похода въ 1839 году, но неудачный его исходъ успокоилъ на время англійскую дипломатію, которая, однако, не полагаясь вполне на дружеское расположеніе Россіи, стала, въ противовѣсъ ей, сближаться съ Францією. Между ними, съ присоединеніемъ къ нимъ Испанія и Португалія, сталъ составлять либерально-конституціонный союзъ противъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Сближеніе между Францією и Англією усилилось еще болѣе, когда онѣ совмѣстно требовали отъ Россіи отмены ункіаръ-скалессійскаго договора. Это было въ 1840 году, и уже тогда генералъ Гильеминдъ, французскій посолъ въ Константинополѣ, занимался составленіемъ плана о высадкѣ, въ случаѣ войны съ Россією, французской арміи на берегъ Крыма. Около того же времени, глава французскаго министерства, Гизо,

вошелъ въ самыя дружественныя сношенія съ Англіею, а, между тѣмъ, у насъ думали, что Англія будетъ на нашей сторонѣ и убѣждали ее, что мы, охраняя права турецкихъ христіанъ, признанныя договорами, имѣемъ въ виду поддержать въ Турціи какъ существующій тамъ порядокъ, такъ и вѣрность султану его христіанскихъ подданныхъ. Съ своей стороны, императоръ Николай Павловичъ строго проводилъ на дѣлѣ начало такой политики, о которой онъ, въ 1844 году, вполне чистосердечно бесѣдовалъ съ лордомъ Абердиномъ, предлагая Англіи поступать за одно съ Россіею по восточному вопросу. Результатомъ этого было взаимное обязательство, по которому, въ случаѣ, еслибы въ Турціи произошло что-нибудь неожиданное, Россія и Англія условились бы предварительно между собою о совмѣстномъ образѣ дѣйствій. Неизвѣстно, однако, состоялся ли такой договоръ окончательно.

Перевороты 1848 года дали вообще европейской политикѣ иное направленіе. Оно отразилось и на взаимныхъ отношеніяхъ между Россіею и Англіею; Англія поддерживала броженіе на европейскомъ континентѣ, противодействуя консервативному союзу Россіи съ Австріею. Кромѣ того, одобренное русскою дипломатіею требованіе Австріи о выдачѣ ей Портою венгерскихъ инсургентовъ, убѣжавшихъ въ Турцію, вызвало со стороны Лондона и Парижа внушенія турецкому правительству—воспротивиться такому требованію, какъ унижающему достоинство верховныхъ правъ султана. Вопросъ о выдачѣ венгерскихъ, а частью и польскихъ инсургентовъ принималъ серьезный оборотъ, но развязка его кончилась миролюбиво, вслѣдствіе нежеланія императора Николая осложнять и безъ того уже смутное положеніе Европы.

Еще большее сближеніе между лондонскимъ и тюльрійскимъ кабинетомъ произошло вслѣдствіе содѣйствія лорда Пальмерстона Людовику Бонапарту къ тому, чтобъ онъ пересѣлъ съ президентскаго кресла на императорскій престолъ, подъ условіемъ, что онъ, Бонапартъ, будетъ дружить и радѣть Англіи. Между тѣмъ, у насъ явилась мысль о возможности привлечь на свою сторону Англію, какъ злѣйшую противницу наполеоновской династіи. Англія, однако, уклонилась отъ союза съ Россіею, хотя русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ (впослѣдствіи графъ) Брунновъ и увѣрялъ постоянно въ возможности такого союза. Съ точки зрѣнія Пальмерстона, сближеніе Англіи съ Франціею необходимо для того, чтобы вести борьбу съ Россіею на Востокѣ. Самымъ дѣятельнымъ пособникомъ англійскаго премьера по подготовкѣ къ этой борьбѣ

былъ по прежнему англійскій посланникъ въ Константинополь Страфордъ-Редклифъ, внушавшій Порту опасеніе насчетъ завоевательныхъ стремленій Россіи. Своими прохсами у Порты и подзадориваніемъ ея противъ Россіи, онъ подготавливалъ крымскую войну, поставившую (насъ къ Англій въ отношенія совершенно ными, чѣмъ были прежде. Изложеніе этой войны и предшествовавшихъ ей непосредственно обстоятельствъ, какъ событій, составляющихъ отдѣльный эпизодъ въ исторіи отношеній между Россією и Англією, не входитъ въ программу нашей статьи, почему мы и ограничиваемъ обзоръ этихъ отношеній 1853 годомъ.

Обобщая приведенные нами факты, касающіеся взаимныхъ отношеній между Россією и Англією въ продолженіе трехсотъ лѣтъ, слѣдуетъ прежде всего придти къ тому заключенію, что въ теченіе этого долгаго періода, политика обѣихъ государствъ представляетъ существенное различіе. Англія постоянно преслѣдовала одну только главную цѣль—свои торговыя выгоды, и если политически сближалась съ Россією, то для того только, чтобъ имѣть въ ней поддержку противъ Франціи, съ которой она постоянно враждовала. Совершенно иначе дѣйствовала Россія: при самой первой завязкѣ дипломатическихъ сношеній съ Англією, она искала тѣснаго съ нею союза, отъ котораго Англія уклонялась въ продолженіе почти двухсотъ лѣтъ; когда же, наконецъ, союзъ этотъ былъ заключенъ, то выгодами его воспользовалась Англія, а не Россія. Полученіе отъ Англій денежныхъ субсидій, обращеніе къ ея посредничеству ставили Россію въ нѣкоторую зависимость отъ Англій, тогда какъ эта послѣдняя, при избыткѣ денежныхъ средствъ, не встрѣчала надобности въ подобной поддержкѣ со стороны Россіи и не допускала ея посредническаго вмѣшательства въ дѣла Англій. Несомнѣнно, что такія условія придавали англійской политикѣ, если и не фактической, то нравственный перевѣсъ надъ русскою политикою въ глазахъ цѣлой Европы. Въ добавокъ къ этому, англійская политика отличалась постоянною твердостью и даже, по сознанію русскихъ дипломатовъ, такая твердость была «примѣчательна и похвалы достойна». Между тѣмъ политика наша отличалась крайнею переменчивостію и дѣло доходило до такого близорукаго пониманія взаимныхъ отношеній, что, напримѣръ, при императрицѣ Елизаветѣ, русскій кабинетъ, вступивъ неожиданно въ тѣсный союзъ съ Фран-

цѣю, полагая, что и при такой перемѣнѣ въ прежнихъ отношеніяхъ Россія «не потеряетъ дружбы съ Англіею». Кроме того, по словамъ одного изъ русскихъ дипломатовъ, графа Никиты Ивановича Панина, «Россія ни въ чемъ и никогда не отказывалась исполнить желаніе великобританскаго кабинета». Панинъ говорилъ это въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но долго еще послѣ этого насмѣшливыя его слова звучали наставительнымъ рѣчью въ ушахъ нашихъ дипломатовъ...

Е. Карновичъ.

МАКАРЪ.

(Очеркъ тайжной жизни).

Макаръ все очень хорошо помнить: родное село, семью; онъ можетъ, если вамъ угодно, пересчитать всю многочисленную вотчину своего барина; помнить даже самыя незначительныя обстоятельства своего прошлаго; до сей поры, напримѣръ, не забыть, какъ староста Матвѣй надавалъ ему однажды горячихъ подзатыльниковъ, заставъ его на барскомъ гороховищѣ. Но это прошлое какъ-то мало интересуеть его, даже о женѣ и дочери онъ никогда не вспоминаеть по собственному побужденію.

Есть, впрочемъ, одно обстоятельство, которое не только неизгладимо запечатлѣлось въ его памяти, но которое даже зачастую является ему въ сновидѣніяхъ и притомъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Макаръ былъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ. У его барина имѣлся винокуренный заводъ, и при немъ, разумѣется, приличный подвалъ. Вотъ въ этому-то подвалу Макару посчастливилось подобрать ключи; и цѣлый годъ онъ ходилъ въ него, какъ въ свою сокровищницу.

Кто знаетъ, какъ долго тянулось бы это благополучіе, еслибы печальная случайность не выдала Макара. Разъ онъ заснулъ въ подвалѣ и былъ накрытъ самимъ баринкомъ. Пробужденіе повлекло за собой высылку въ Сибирь, такъ какъ оказалось, что Макаръ, независимо отъ удовлетворенія собственной прихоти, не малое количество спирта продалъ и на сторону.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 10 лѣтъ, но и теперь Макаръ не можетъ равнодушно пройти мимо виннаго подвала.

Ужъ десять лѣтъ, какъ Макаръ познакомился съ принсками, куда попалъ въ первый же годъ по прибытіи въ Сибирь и гдѣ успѣлъ перебивать во всякой работѣ.

Собственно онъ поваръ по профессіи; и надо правду сказать,

поварь недурной. Самъ Августъ фон-Грогъ, главноуправляющій многихъ присковъ, списавшій себя во всей тайгѣ славу тонкаго знатока по гастрономической части, но болѣе всего прославившійся изобрѣтеніемъ превосходнаго напитка изъ соединенія такихъ двухъ всѣмъ доступныхъ матеріаловъ, какъ вода и 60-тикопеечный тенерифъ; такъ этотъ самый фон-Грогъ не разъ говаривалъ о Макарь:

— Онъ очень хорошей поварь, и я сейчасъ же взялъ бы его къ себе, да одно бѣда: не надеженъ.

И это правда, что на Макара положиться никакъ нельзя.

Положимъ, онъ поступилъ на мѣсто. Первая недѣля проходить блистательно. Макарь всѣхъ плѣняетъ своимъ искусствомъ и экономіей; умѣетъ угодить и присковому управляющему, и послѣднему разрываному слугкѣ¹, который за цѣлое гѣто, кромѣ щей и каши, ничего не видитъ.

Иногда Макарь выдумываетъ такіа хитрыя блюда, что даже самъ управляющій недоумѣваетъ, какъ приступится къ какому-нибудь пирожному, съ зажженой свѣчой посредній.

Прививается Макарь.

— А съ какаго же угла надо начинать? спрашиваетъ нѣсколько смущенный управляющій.

— Сначала нужно свѣтку снять; а потомъ вотъ отсюда и начинайте; свѣчка-то и не загаснетъ...

До глубины души растроганный управляющій отдаетъ приказъ: подавать Макару всякій день по чаркѣ водки послѣ обѣда и ужина. Макарь усердно благодаритъ и, въ свою очередь, обѣщаетъ быть всегда трезвымъ и исполнительнымъ.

Но легкое облако уже набѣгаетъ въ теченіи слѣдующей недѣли. И чѣмъ дальше, тѣмъ горизонтъ болѣе и болѣе омрачается.

Приходитъ управляющій изъ конторы послѣ полуденной сдачи золота, и очень удивленъ, что обѣдъ еще не поданъ.

— Что же обѣдъ?

— Не готовъ-съ, заминяясь, отвѣчаетъ прислуга.

Управляющій уже понимаетъ. Онъ бѣжитъ въ кухню; тамъ взорамъ его представляется слѣдующая картина. Плита не затоплена и полученная провизія стоитъ нетронутая; по всей же длинѣ кухоннаго стола привольно разлегся Макарь. Одна нога свисла со стола, рука, какъ-то неестественно свернувшись, служитъ вмѣсто подушки, худощавое лицо еще болѣе вытянулось, усы оцетинились...

— Макарь! строго зываетъ управляющій.

Одинъ лишь легкій храпъ, съ тонкимъ присвистомъ, служить

¹ Разрывной слугащій, т. е. слугащій, находящійся на земной работѣ.

отвѣтомъ со стороны Макара. Спрашивается, чье ожесточенное сердце не размягчится при видѣ такой кроткой картины?

Къ вечеру, однако, Макаръ проснется и ужинъ кое-какъ приготовить; даже какиъ-нибудь непостижимымъ соусомъ попытается загладить обѣденное прегрѣшеніе. Но злой духъ начинаетъ все больше и больше овладѣвать имъ. Ни брань, ни ласки не возвращаютъ его на путь добродѣтели. Правда, онъ каждое утро даетъ управляющему сто клятвенныхъ обѣщаній, что навѣки отрывается отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его; но всякій поданный обѣдъ свидѣтельствуешь, что для Макара самая страшная клятва не болѣе какъ пустой звукъ. Наконецъ, цѣлыя недѣли проходятъ крайне безпорядочно; со всѣхъ сторонъ идутъ на Макара злобы.

— Только провинцію переводить, докладываетъ матеріальный, то есть прінсковый прикащикъ, завѣдывающій хозяйственной частью.

Управляющій и самъ хорошо понимаетъ, что отъ Макара ждать нечего; но ему хотѣлось бы удержать его до своихъ иминъ. До нихъ осталось всего какиа-нибудь три недѣли, и обыкновенно по случаю ихъ съѣзжается чуть не половина тайги. Но Макаръ самъ ускоряетъ развязку.

Разъ утромъ, вмѣсто того, чтобы почтительно выслушать отъ управляющаго заказъ обѣда съ легкой правоучительной приправой, Макаръ совершенно неожиданно начинаетъ требовать водки. Разумѣется, управляющій рѣшительно отказывается.

— Пожалуйте расчетъ! дерзко заявляетъ Макаръ.

— Ахъ, ты, такой сякой! вонъ сейчасъ же! неистово кричитъ управляющій.

— Пожалуйте расчетъ, тогда и уйду, еще болѣе возвышая голосъ, продолжаетъ Макаръ.

Вмѣсто словъ, распаленный управляющій выталкиваетъ Макара въ шею, требуетъ конторщика и великъ немеланно расчитать Макара.

— Чтoby духу его не было на пріемъ!

Но пока въ конторѣ составляютъ расчетъ, Макаръ куда-то безслѣдно пропадаетъ.

— Вѣрно, ушелъ на Ивановскій прінскъ пьнствовать, докладываетъ управляющему его ближайшій помощникъ, обыкновенно носящій названіе становаго ¹.

Проходитъ дня три-четыре и заблудшее дѣтище возвращается на прінскъ, избирая для этого ночную пору. На слѣдующее

¹ Намѣкъ на становаго въ Сибирѣ называютъ воеводою.

утро, управляющій, котораго сердце уже отлегло, узнаеть о возвращеніи Макара и велить позвать его къ себѣ.

Макаръ является. Онъ замѣтно похудѣлъ, а главное, обнаруживается разительную переиѣну въ одеждѣ. На ногахъ, вмѣсто щегольскихъ кунгурскихъ сапоговъ, являются опорки, кумачевая рубаха замѣнилась рубищемъ, пропитаннымъ потомъ и грязью; дабовые штаны куда-то исчезли и ноги Макара едва прикрыты продырявленными и до невозможности заношенными холщевыми портами.

Нѣчто похожее на смущеніе проглядываетъ въ лицѣ Макара. Не то, чтобъ онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти, или терзался неизвѣстностью будущаго. Нѣтъ, думы его навѣваются совсѣмъ другими соображеніями.

— Оно, положимъ, теперь не тѣ времена, соображаетъ Макаръ:—однако, не ровенъ часъ...

Александръ Антипычъ (такъ зовутъ управляющаго) еще не очень давно слылъ за «варвара». Это не совсѣмъ благозвучное прозваніе онъ получилъ за наклонность и притомъ весьма рѣшительную къ кровопролитію изъ своихъ собственныхъ рукъ.

Рѣдко обходилось, чтобы утромъ на раскомандировкѣ, т. е. распредѣленіи рабочихъ по спеціальнымъ занятіямъ, изъ ста человѣкъ, не удостоилъ онъ лестнаго вниманія по физиономіи, по крайней мѣрѣ, десятка полтора. Не менѣе того былъ щедръ и на розги. То время еще не за горами, когда на прискакахъ правомъ наказывать рабочаго розгами—конечно, не по закону, а въ силу сложившихся отношеній—располагалъ не только управляющій, но даже всякій служащій. И можно сказать, что только лѣнивый не практиковалъ этого права. Мало того, на нѣкоторыхъ прискакахъ, во время работы, передъ глазами рабочихъ раскладывались пучки розги, дабы, и въ созерцаніи ихъ рабочіе находили для себя новый источникъ ревности къ труду.

Рать Александръ Антипычъ, еще въ бытность свою становымъ, докладываетъ главноуправляющему, что, обходя прискакъ вечернимъ досмотромъ, засталъ онъ караульнаго спящимъ; и при этомъ, конечно, считая¹⁾ необходимымъ заявить о своей неупустительности, прибавилъ, что караульный, по его распоряженію, уже испутилъ свою вину. Однако, въ отвѣтъ на этотъ докладъ послѣдовала слѣдующая неожиданная резолюція:

— Ну, этого впередъ больше не дѣлать!

Еслибъ въ эту минуту надъ головой Александра Антипыча внезапно-нежданно разразился сильнѣйшій ударъ грома, онъ бы менѣе былъ ошеломленъ, чѣмъ услышавъ такіа слова. Между тѣмъ, главноуправляющій винуительно продолжалъ:

— Слышишь, чтобъ этого больше не было: — если что случится, то отсиживать въ исправнику!

Въ первую минуту Александръ Антипычъ думалъ даже оставить службу, но куда же дѣваться среди лѣта? Пока онъ пребывалъ въ такихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, положеніе вещей разъяснилось само собой. А именно: получено было достоверное извѣстіе, что по настоянію высшаго начальства, состоялось опредѣленіе объ отдачи подъ судъ одного изъ наиболѣе видныхъ присковскихъ управляющихъ по обвиненію въ истязаніи рабочаго.

Прошло съ тѣхъ поръ пять-шесть лѣтъ, и «варваръ» мало-помалу угомонился; осталась только привычка «лаяться», но руки уже настолько обуздались, что кровопролитный зудъ въ нихъ сказывается рѣдко. Но все же иногда даетъ себя знать, и это было безызвѣстно Макару.

— Изъ какихъ странъ пожаловали, Макарь Кузьмичъ? поспѣивалъ, спрашиваетъ управляющій.

Макарь молчать.

— Ахъ, ты, безшабашная голова, посмотри-ко, на что ты походишь?

Макарь продолжаетъ упорно молчать.

— Тебѣ ли было не жить! вышпиливается становой.

— Поставьте его на канавку, рѣшаетъ управляющій, обращаясь къ становому.

На прежнемъ мѣстѣ Макарь уже не могъ рассчитывать: оно было занято Семеномъ Вулгаромъ, въ сущности, такимъ же Макаромъ. Наставать на требованіи расчета онъ тоже не могъ, какъ подписавшійся въ такъ называемому «общему контракту». Онъ обязанъ былъ до 10-го сентября безпрекословно исполнять всякую присковскую работу и притомъ за плату, какую угодно будетъ назначить управленію, только не менѣе десяти копеекъ въ сутки.

Близится 10-е сентября. Нынѣшній разъ Макарь ждетъ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Соображая свой заборъ, онъ рассчитываетъ, что ему, какъ бывшему въ зимовкѣ, по меньшей мѣрѣ, придется на руки въ расчетъ 80 р. Къ тому же, старшій управляющій смѣляется, значить, некому Макара уговаривать, чтобъ остался въ новую зимовку. Его рѣшеніе разстаться съ присковомъ твердо и неизмѣнно.

Въ головѣ Макара страшное раздвоеніе. Въ одной головѣ рисуются заманчивыя картины енисейской кутежки: дешевая водка (дешевая по сравненію съ контрабандной на прискахъ), музыканты, дамы, если не блявотщица молодостью и красотой,

то все же очаровательныя для таѣжнаго человѣка по своей любезности и предупредительности. И надъ всѣмъ этимъ какой-то заманчивый чадъ.

Въ другой половинѣ головы Макара мелькаетъ и такое соображеніе: нельзя ли-де съ этими 80 р. пуститься въ мелочную торговлю, или начать калачи и сайки печь? Вообще за что-нибудь приняться, чтобы потомъ не мнать горя?

Всего оригинальнѣе, что обѣ половины думаютъ заразы, а не такъ, чтобы одна противопоставляла свои соображенія другой. Ничего похожего на внутренній разладъ въ Макаръ нѣтъ; къ тому же, теперь все ступевывается передъ однимъ страстнымъ желаніемъ: поскорѣе получить расчетъ и выбраться изъ промысловой каторги на вольную волюшку.

А 10-е сентября не за горами, до него осталась всего какаинбудь недѣля. Для опытнаго взгляда это видно сразу. На работу выходить гораздо позднѣе и, несмотря на строгій приказъ управляющаго, даже его правая рука, становой, далеко не обдуриваетъ обычной энергіи и распорядительности по утрамъ, когда приходится будить рабочихъ. Операція, повидимому, самая не хитрая, но признано всѣми опытными людьми, что безъ энергіи, т. е. поминутной ругани, не подымень рабочихъ съ ихъ жесткаго ложа не то что къ четыремъ часамъ утра, но даже и къ полудню. Работы таятся вяло, даже въ хорошую погоду урки, т. е. замѣренное количество земли къ выработкѣ, не доработываются; присмотръ служащихъ болѣе формальный. Одни на все рукой махнули, такъ какъ знаютъ, что хозяинъ велѣлъ ихъ совсѣмъ расчитать 10-го сентября, другіе, которые остаются для зимовыхъ работъ, сами даютъ себѣ нѣкоторую льготу: вѣдь надо же когда-нибудь и имъ имѣть отдыхъ.

Только одинъ управляющій суетливѣе прежняго; у него, кромѣ обычныхъ текущихъ дѣлъ, подходит много новыхъ, подготовительныхъ къ будущему году. А, между тѣмъ, все дѣлается въ половину противъ прежняго, даже лучшими рабочими. Оттого управляющій не только «горячку поретъ», но и постоянно ругается. Но уже въ рабочихъ нѣтъ прежняго почтительнаго вниманія, а нынѣ даже позволяютъ себѣ огрызаться.

И лошади будто чувтъ близость расчета. Иногда какой-нибудь карьедъ, таща далеко не полную таратайку неску, вдругъ останавливается безъ всякой видимой причины.

— Чтѣ, старый чортъ, отстаешь? кричитъ на него конюхъ, ведущій передового воя (нески воезатся всегда парами):— думаешь, расчетъ пришелъ? вотъ я тебя, окаянный!

Но карыко, несмотря на угрозы, не обнаруживает прежней готовности; онъ точно и въ самомъ дѣлѣ предался глубокомысленному соображенію.

У рѣдкаго принсковаго рабочаго нѣтъ какой-нибудь карнаухой жучки или безхвостаго пестрица. Всѣ обязанности послѣднихъ ограничиваются лишь подаваніемъ лапы и служеніемъ на заднихъ ногахъ, по первому намеку о томъ со стороны хозяина. Зато и права не велики: получать по временамъ пинки и трепку за ухо—вотъ все, на что онѣ могутъ рассчитывать отъ своихъ патроновъ. Заботы же о прокормленіи лежатъ всецѣло на нихъ самихъ.

Несмотря на все это, собака натура сказывается вполне. Неотступно слѣдуютъ Жучки за своими хозяевами, совершая съ ними длинные переходы изъ жилыхъ мѣстъ на принскн и обратно.

Съ приближеніемъ расчета, онѣ становятся замѣтно безпокойными, днемъ куда-то спуютъ, а по ночамъ большими стадами собираются на одномъ излюбленномъ мѣствѣ. А когда все на принскѣ уляжется, то стройно затягивають заунывную пѣсню. Въ ней онѣ оплакивають проходящее лѣто, когда на всякомъ принскѣ хлѣбные куски и корки валяются въ изобиліи, когда во время побойки скота для засолки мяса на нихъ долю достается не мало кишекъ, внутренностей, а иногда, по недогаду караульнаго, и очень лакомыхъ мясныхъ кусковъ. Это счастливое время проходить, на смѣну ему приближаются голодные дни, когда сами собаки дѣлаются добычей ненасытныхъ волковъ.

Пропоевъ эту пѣсню разъ, и, какъ бы подавленные ея меланхоличностью, замолчатъ, понуривъ головы. Но не пройдетъ и пяти минутъ, какъ старая жучка снова ее запоетъ, и къ ней многомъ пристають весь хоръ.

Этотъ однообразный концертъ длится обыкновенно всю ночь, до самого утра, когда призывъ къ работамъ напоминаетъ членамъ почтенной компаніи, что пора разойтись, тѣмъ болѣе, что нѣкоторымъ надо лвиться къ своимъ хозяевамъ и поздравить ихъ съ добрымъ утромъ.

У Макара нѣтъ друга въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но у него есть въ настоящую минуту большой пріятель, Федоръ Непомнащій.

Когда совершилось разжалованіе Макара изъ поваровъ въ чернорабочіе, онъ былъ, какъ намъ уже извѣстно, назначенъ на канавку—работа до такой степени легкая, что для добраго рабочаго могла считаться наказаніемъ, какъ мало оплачиваемая.

Въ этомъ пріятномъ занятіи онъ столкнулся съ Федоромъ Непомнящимъ, который, зная, что ему задатка не отработать даже на самой наилучше вознаграждаемой работѣ, въ увлекательномъ ничего недѣланья находить для себя совершенно подходящее времяпрепровожденіе.

Въ началѣ каждаго мѣсяца, на принскѣ бываетъ выписка, т. е. выдача рабочимъ за ихъ счетъ необходимыхъ предметовъ изъ одежды, обуви, а также кирпичнаго чаю и табаку. Во всемъ этомъ рабочему не отказывается, какъ бы много онъ ни былъ долженъ. За то предметы роскоши, т. е. сахаръ, масло, мука пшеничная и франтовскія вещи, какъ то: поярковныя шляпы, ситцевыя рубашки, пилсъ, даба и проч. выдаются лишь по соображенію — не слишкомъ ли великъ долгъ? Разумѣется, на цѣну забираемыхъ предметовъ дѣлается умѣренная накладка, въ размѣрѣ отъ 20 до 100%.

Въ первоначальныхъ намѣреніяхъ Федора Непомнящаго было оставаться на принскѣ отнюдь не долѣе июльской выписки, по полученіи которой онъ предполагалъ оеольными путями пробраться въ жилия мѣста, и прожить гдѣто у какого нибудь знакомаго крестьянина на заимкѣ.

Крестьяне гдѣто охотно принимаютъ бѣглыхъ, и помѣщаютъ ихъ на заимкахъ, т. е. уединенныхъ запашкахъ, отстоящихъ отъ деревень версты на 10, а иногда и на 20. За хлѣбъ и ежедневную чарку водки, работаетъ бѣглый на крестьянина въ самую нужную для послѣдняго пору; а когда подходитъ осень, то крестьянинъ заводитъ такую рѣчь:

— Вчера, паря, мнѣ старшина на дорогѣ попался: у тебя, говоритъ, кто на заимкѣ проживаетъ? смотри, я этого художества не люблю! Жаль мнѣ тебя, паря; да видно надо намъ распрощаться; спасибо за работу. Тутъ вотъ сухари пшеничные, насыпь ихъ себѣ въ котомку, сколько взойдетъ.

Ну, конечно, нѣтъ такого скраги, который бы для подобнаго случая пожалѣлъ поставить полштофъ водки. А на утро, смотришь, лѣтнаго гостя и слѣдъ простылъ.

Судьба, вообще довольно благосклонная къ Федору Непомнящему—онъ шесть разъ нанмался на принскѣ, бралъ приличный задатокъ, и только одно гдѣто проработалъ до 10-го сентября—нынѣ повернулась къ нему спинной. Въ концѣ апрѣля, онъ сильно заболѣлъ цынгомъ и поправился только въ половинѣ іюля, когда уже не стоило бѣжать; но за то и работа, вообще же особенно привлекательная для бродячей природы Федора Непомнящаго, теперь потеряла для него всякій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, большой задатокъ, взятый имъ въ волости, и дорого стоив-

шую дорогу, въ теченіе которой Федора три раза одѣвали, потому что онъ сейчасъ же раздѣвался въ ближайшемъ кабацѣ— все это вообще было трудно отработать, даже при самой лучшей платѣ. А пролежавъ слишкомъ два мѣсяца въ больницѣ, нечего о томъ было и думать.

Управляющій, хотя и разжаловалъ Макара, но, въ видахъ какой нибудь экстренной надобности въ немъ, продолжалъ ему благоволить, а потому позволилъ въ свободное время «стараться».

«Старанье» заключалось въ томъ, что Макарь, послѣ работъ, бралъ тачку, наполнялъ ее пескомъ изъ дозволенного мѣста и промывалъ эти пески на такъ называемой американкѣ, попросту деревянномъ жолобѣ въ поларшина ширины, а длины отъ одной сажени и болѣе. За золото, добываемое путемъ старанья, записывается въ заслугу отъ 1 до 2 руб. за золотникъ. Но Макарь много забиралъ сахаромъ, масломъ, а болѣе всего водкой.

Натура общительная и сострадательная, онъ не могъ по временамъ не дѣлиться водкой съ Федоромъ Непомнящимъ, который, кромѣ рѣдкихъ хозяйскихъ порцій, не имѣлъ другихъ средствъ къ удовлетворенію своей склонности къ этому напитку.

Федоръ платилъ за то трогательною услужливостію; то прочиститъ за Макара какихъ нибудь три вершка канавки, то поможетъ ему «отбить»¹ старательское золото— операція, положимъ, совсѣмъ легкая, но требующая нѣкоторой сноровки.

Но, главное, онъ обнаруживалъ сильнѣйшее участіе и живѣйшій интересъ къ результатамъ Макарова старанья, всегда сопровождая пріятеля до конторы, куда сдавалось старательское золото.

Макарь проходилъ въ контору, а Федоръ Непомнящій поджидалъ на крыльцѣ.

— Ну, что, вѣдь угадалъ? вышло почитай больше трехъ золотниковъ? спрашивалъ Федоръ Непомнящій возвращающагося Макара.

— Нѣтъ, братъ, далеко не вытянуло; только 2½ золотника записали.

— Что же, и то очень хорошо, вѣдь и всегс-то песковъ было двѣ тачки.

— А въ субботу съ одной тачки было три золотника, да еще доли за конторой остались.

— Такъ вѣдь то, братецъ, была богатѣющая жила. А что,

¹ «Отбить», техническій терминъ, значитъ отдѣлить золото, при посредствѣ воды, отъ тяжелыхъ породъ.

Антипычъ шибко сердить? онъ давеча больно лаялся на машинѣ.

— Нѣтъ, совсѣмъ тихій.

— Значить, бутылочку разрѣшимъ?

— Да еще спирту.

— Вотъ такъ ладно! И отъ чужого благополучія Федоръ Непомнящій даже привскочилъ на одной ногѣ.

— Это что! говорить Макарь, нѣсколько презрительно пощелкивая по бутылкѣ: — вотъ мы въ Енисейскѣ кутнемъ, такъ кутнемъ!

— Такъ ты ужь порѣшилъ, значить, взять расчетъ? спрашивалъ Федоръ, хотя чуть ли не сто разъ слышалъ объ этомъ отъ Макара.

— То есть ни единой минуты не останусь послѣ расчета.

— И я, братъ, ухожу; чорта тутъ выживешь!

— Да вѣдь ты, пожалуй, тотчасъ же и назадъ вернешься.

— Это ты думаешь, что я въ Енисейскѣ въ зимовку наймусь у «батянки» (подъ этимъ прозваніемъ приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность одинъ изъ мѣстныхъ золотопромышленныхъ дѣятелей, доведшій до артистическаго совершенства эксплуатацію и рабочихъ, и кармановъ своихъ довѣрителей):—нѣтъ, братъ, меня Окуневъ звалъ къ себѣ на побойку скота, да и тутъ я еще подумаю!

Передъ расчетомъ обыкновенно бракуютъ лошадей. Почему нибудь негодныхъ къ вринсковой работѣ пускаютъ въ продажу по дешевой цѣнѣ, и покупщиками преимущественно являются рабочіе. Тутъ дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ мистерій. Зачастую случается, что добраго коня въ послѣдніе дни нарочно заковываютъ, и онъ, разумѣется, начинаетъ хромать.

— Съ чего же сивка захромалъ? спрашиваетъ управляющій конюховаго старосту.

— Да вѣдь онъ, Александръ Антипычъ, почитай все лѣто припадалъ; помните, послѣ Троицы цѣлую недѣлю не работалъ. Ну, а теперь и совсѣмъ разбился отъ непогоды.

Дѣйствительно, съ 20-го августа идутъ частые дожди въ перемежку со снѣгомъ.

— Смотри, Сергѣй, да онъ не закованъ ли?

— Никакъ нѣтъ-съ, вѣдь я самъ за этимъ постоянно наблюдаю.

— Стоило бы управляющему только приказать снять подкову съ больной ноги и онъ увидалъ бы, какъ нагло надуваетъ его староста. Но управляющему некогда; къ тому же, онъ черезчуръ

усвоилъ себѣ успокоительный принципъ: за всѣмъ не усмотришь. И вотъ подъ предлогомъ, что сивка, пожалуй, и совсѣмъ искалѣчится по осенней бездорожицѣ, его, вмѣсто того, чтобъ отправить на кормежку (присковныя лошади зиму кормятся) вдали отъ присковъ, иногда версть за 600, въ мѣстахъ, гдѣ дешевле фуражъ), его пускаютъ въ бракъ, чѣмъ и достигается задушевное желаніе какого-нибудь пріятеля старости.

— Ахъ, Макаръ! какихъ нынѣ богатыхъ коней пускаютъ въ бракъ! Антипычъ точно ошалѣлъ — велѣлъ даже лысаго карька выбраковать! тономъ знатока говоритъ Ѳеодоръ Непомнящій.

— Неужели и впрямь, лысаго карьку продавать? зарясь спрашиваетъ Макаръ.

— Что лысый карько! гнѣдка солдата спускаютъ.

— Ну, братъ, я гнѣдка куплю, безпремѣнно куплю.

— Тебѣ и на руку купить коней, въ Енисейскѣ продашь съ барышами.

Собственно о барышахъ Ѳеодоръ не особенно помышлялъ; но вотъ еслибъ избѣжать гнѣшаго хожденія, пробѣжавшись на Макаровомъ конѣ—это было бы, конечно, не дурно.

— Да ты знаешь ли, какой конь гнѣдокъ? патетически восклицалъ Макаръ: — вѣдь я разъ на немъ послѣ работъ ночью на Саликовъ за водкой съѣздилъ (взадъ и впередъ будетъ версть 40), и онъ какъ ни въ чемъ не бывало утромъ опять въ работу пошелъ. Ужъ чтобы тамъ ни взяли, а гнѣдка я куплю!

Проходя мимо прогона и уже заранѣе считая себя обладателемъ гнѣдка, Макаръ далъ ему хлѣба, ласково потренилъ по груди; да, встати, на пути сунулъ за пазуху плохо лежавшій реманный черезсѣдельникъ. Вещица полезная, хоть бы для того, чтобъ подтянуть впоследствии потникъ на томъ же гнѣдкѣ.

— А что, Макаръ Кузмичъ, собираешься въ Енисейскъ выхлѣбать? спрашиваетъ нашего героя коровница Пелагея, дѣвица или замужняя женщина—неизвѣстно, ибо въ билетѣ она обозначается Пелагея безъ прованія.

— А ты думала, что ваша нація только здѣсь водится? нѣтъ, милая, въ Енисейскѣ есть почтище.

Какъ всѣ тайжные молодцы, Макаръ выражается сильно, иногда картинно, но объ утонченности не особенно заботится.

Пелагея за истекшее лѣто была предметомъ его нѣжной страсти. Въ любви онъ былъ въ одно и тоже время романтикъ и реалистъ. Романтикомъ Макаръ былъ въ томъ смыслѣ, что слаще бабы для него была лишь водка. Изъ-за бабы онъ такъ же готовъ былъ пуститься въ какое угодно рискованное предпріятіе.

как-то: стануть что-нибудь изъ амбара, ночью воровски постараются въ богатой жилѣ, безъ позволенія, дать стрѣлчача на чужой пріискъ, даже вступить въ поединокъ съ человѣкомъ, завѣдомо его сильнѣйшимъ. Но все же баба стояла въ его сознаніи неизмѣримо ниже водки. Последнюю онъ не только до страсти любилъ, но и суевѣрно уважалъ. Никогда онъ о водкѣ не выражался презрительно или съ насмѣшкой. Часто, держа стаканъ въ рукѣ и будучи пьянъ до послѣдней степени, онъ предавался философскому раздумью, пытался тщетно разрѣшить давно занимающій его вопросъ:

— И откуда эта сила въ водкѣ?

На бабъ, напротивъ, смотрѣлъ онъ свысока, какъ на лакомство; и даже баловствомъ называлъ ухаживанье за ними. Неправильно не признавалъ за ними ума, но и въ добродѣтели ихъ не вѣрилъ, зная по личному опыту, что всякую бабу можно склонить сахаромъ, водкой, ситцевымъ платкомъ и т. п. А держать бабу въ рукахъ можно, по его мнѣнію, лишь при всякомъ удобномъ случаѣ перебирая ей ребра и позвонки. Тутъ сказывался его реализмъ, неподраженный никакимъ наружнымъ лоскомъ.

Чѣмъ ближе 10-е сентября, тѣмъ больше вьется Федоръ Непомнящій около Мавара; даже начинаетъ принимать незначительный тонъ.

— А ты бы, паря, покрѣпился эти дни! что хорошаго, какъ по трехгодичишнему всё денежки спустишь до обѣда.

— Ну, нѣтъ, нынче этого не будетъ! Завтра капли въ ротъ не возьму! только бы купить гѣбдеа, а тамъ ни одной минуты не останусь на пріискѣ.

— Да ты бы купилъ пару, а то хоть и цѣлую тройку; вѣдь коней съ барышемъ продашь въ Енисейскѣ! Съ деньгами же только одинъ грѣхъ: того и гляди оставишь гдѣнибудь на зимовьѣ¹.

— Это и впрямь, что съ деньгами опасно. Купить развѣ пару? на одной самъ поѣду, а на другую хоть ты сядишь; вѣдь ты въ городъ тоже собираешься?

¹ По дорогѣ отъ сѣверныхъ пріисковъ до Енисейска (около 200 верстъ) нѣтъ живыхъ поселеній, а есть только станціи, устроенныя золотопромышленниками; онѣ называются зимовьями. Содержатели станцій, зимовщики, получаютъ отъ золотопромышленниковъ столь недостаточное вознагражденіе, что имъ приходится наворачивать на рабочихъ, преимущественно во время прохода послѣднихъ на пріиски и обратно. Въ томъ и другомъ случаѣ, зимовщикамъ умѣють ловко разуть ихъ изъ сапоговъ въ лапти.

— Какъ же, чудакъ, не собраться; вѣдь уже говорилъ я тебѣ, что меня Окуневъ звалъ.

Въ бутылкѣ, которую приятели раскидали, оказалось съ ста-
каль водки. Макаръ хотѣлъ было съ нею покончить, но вспом-
нилъ о завтрашнемъ днѣ и остановился.

— Въ самомъ дѣлѣ, надо пошрѣпиться, подумать ошъ.

Но что же дѣлать съ драгоценнымъ напиткомъ? отдать Ое-
деру — жирно будетъ; черезъ его горло и то не мало прошло
Макарова добра.

Макаръ вспомнилъ о Пелагеѣ. Ея сѣрый глазъ (другой у нея
былъ какъ-то совсѣмъ затянута), заснившая щека и вся фигу-
ра, довольно плотная, вдругъ предстала въ его воображеніи съ
особеннымъ отнѣсомъ првлелательности. Мигомъ бутылка очу-
тилась за пазухой, и Макаръ чуть не рывсю направился къ дому
станового, у котораго Пелагея исполняла обязанности прислуги.

Чтобъ таѣнная женщина осталась глуха въ поуженіи водки,
этого положительно не случается. Увидавъ бутылку, Пелагея по-
сѣбишила выгнать Макару всю иредупредительность стараго,
добраго друга. Только становой, человекъ давно женатый и
болѣе чѣмъ не первой молодости, завидя Макара, зарычалъ,
какъ звѣрь, потревоженный въ берлогѣ, и заругался нехорошими
словами.

За то кроткая, добродѣтельная Анна Семеновна, много тер-
пѣвшая отъ легкомыслия своего супруга (и сама съ горя пла-
тившая ему чуть не двойной монетой), была какъ нельзя болѣе
довольна такимъ явнымъ посмѣяніемъ со стороны Пелагеи надъ
чувствами ея благовѣрнаго. Но послѣдній былъ нешравить, или
вѣрнѣе сказать, приговоренъ Пелагеей: самые очевидные факты
измѣны не могли охладить его.

Вотъ и 10-е сентября наступило. День, какъ всегда, сѣренькій,
слегка сыплется дождь.

Безъ поужденія со стороны станового, уже третій день за-
пьянствовавшего, а потому на все махнувшего рукой, рабочіе
живо поднялись. Въ этотъ день урокъ замѣряется нѣсколько
меньше обыкновеннаго. Но его всегда кончаютъ къ обѣду, т. е.
къ 11 часамъ.

Когда-то въ этотъ день и совсѣмъ не работали; но во время
восточной войны, одна золотопромышленная компанія пожертво-
вала на войну все золото, которое будетъ добыто въ этотъ день;
и рабочіе согласились проработать. Съ тѣхъ поръ такъ и заве-
лось, что 10-го сентября вездѣ работаютъ.

Въ конторѣ еще съ вечера готовы расчетные листы (заслуга

*

за 10-е сентября вносится вперед полностью за целый день); деньги привезены.

Урки отработаны; машина еще не успела проглотить последнюю таратайку песковъ, а изъ разрыва ¹ уже все опретью бросилось на принскъ.

О какихъ-нибудь стройныхъ шестивахъ съ флагами, пѣніемъ приличныхъ случаю пѣсенъ, словомъ, о какой-нибудь декорацин, столь обычной на Западѣ, на енисейскихъ принскахъ и не слыхивали. Точно гонимые лютымъ врагомъ бѣгутъ рабочіе, одинъ другого перегоняя, и, миновавъ казармы, прямо устремляются въ контору. Тамъ въ одномъ окнѣ выдаютъ расчетные листы, а въ другомъ — деньги.

Получилъ свой листокъ и Макаръ. Недолго онъ подержалъ его въ рукахъ: онъ грамотѣ не знаетъ. Конечно, есть на принскѣ изъ рабочихъ двое-трое знающихъ эту хитрую штуку, есть даже основательный резонъ хорошенько повѣрить листокъ. Всѣ принсковые рабочіе питаютъ полнѣйшее недовѣріе къ конторамъ; къ тому же рѣдкій матеріальный пропуститъ случай записать рабочему въ выдачу лишнюю пару рукавиць, или фунтъ сахара. Но время ли теперь заниматься повѣркой!

Мысленно пославъ матеріальнаго ко всѣмъ чертамъ, Макаръ, не долго думая, врѣзывается въ толпу стоящихъ у окна, гдѣ выдавались деньги, и, по нѣкоторомъ времени, получаетъ свои 86 руб. 13¼ коп.

И вотъ не прошло одного часа съ минуты окончанія работъ, какъ всѣ рабочіе получили додату, и, за исключеніемъ небольшого числа остающихся въ зимовку, взваливши котомки на плечи, пустились въ дорогу. На принскѣ, гдѣ было 200 человекъ, теперь не остается и 20.

Въ тайгѣ торговля крѣпкими напитками запрещена; только золотопромышленники имѣютъ право привозить въ опредѣленномъ количествѣ спиртъ, но продавать рабочимъ не могутъ, а разрѣшается отпускать его рабочимъ безвозмездно въ видахъ умощенія содержанія.

Но въ день расчета близъ всякаго мало-мальски порядочнаго принска, за ближайшей горой, отърывается вольная, безпатентная торговля. Пренебрегая отдаленностью принсковъ и нѣкоторыми помѣхами, въ родѣ кордоннаго казака, поставленнаго по дорогѣ на прински, на Питскомъ зимовьѣ, добрые енисейскіе гражд-

¹ Разрывомъ називаютъ на принскѣ земную впадину, которая образуется послѣ выработки золотосодержащихъ песковъ.

дане давно уже завезли къ днямъ расчета вполне достаточное количество спирта.

Въ открытыхъ ими распивочныхъ и на выносъ, спиртъ продается замѣчательно дешево: 2 руб. за бутылку въ 70°. Но случается, что цѣна доходить и до 3 р., что составить 50 руб. за ведро, стоющее въ Енисейскѣ не дороже 7 руб. и притомъ въ 80° крѣпости. Расходы на привозъ, считая въ томъ числѣ и кордоннаго казака, не превышаютъ 2 р. 50 к. на ведро. Затѣмъ, вся разница отъ 20 до 40 р. на ведро составляетъ премію енисейцамъ за ихъ предпринимчивость, смѣлость и заботливость о рабочихъ, которымъ администрація до сихъ поръ отказываетъ въ правѣ пропиваться еще на присакахъ при вполне легальной обстановкѣ.

Присковный людъ хмѣлѣетъ необыкновенно быстро; еще расчетъ не окончился, а у всѣхъ ужъ въ головахъ шумить. Макаръ, однако, крѣпился, а Федоръ былъ трезвъ ужъ потому, что у него въ листѣ значилось: «остался долженъ 48 р. 73³/₄ к.»

Конечно, счастливыхъ, подобныхъ Федору, бываетъ не особенно много, человѣкъ 5—8 на сотню; но за то такихъ, у которыхъ вся подача не превышаетъ 5 р., бываетъ иногда чуть не половина. Съ этимъ скромнымъ капиталомъ надо и праздникъ справить и въ волость домой прийдти, т. е. сдѣлать путешествіе не менѣе, какъ въ 500 верстъ. Мало того, предстоитъ прожить до новой наемки, начинающейся обыкновенно въ ноябрѣ.

Въ особомъ прогонѣ стоятъ забракованные кони; къ великому огорченію Макара, гдѣдеа тамъ не оказалось, не видно было также и карья лысаго. Макаръ, однако, считалъ постыднымъ ретироваться, началъ прицѣпываться.

— Что, Макаръ, не коня ли хочешь купить? спрашиваетъ управляющій.

— Да кони-то, Александръ Антипычъ, шибко плохи.

— Ахъ ты, чучело гороховое, много ты въ нихъ смыслишь!

Макаръ и самъ очень хорошо зналъ, что въ коняхъ ничего не смыслить; что потому не слѣдовало бы ему и путаться въ это дѣло. Но путешествіе верхомъ въ Енисейскѣ представлялось ему столь заманчивымъ, что онъ чувствовалъ себя не въ силахъ удержаться отъ покупки коня. Къ тому же, его добрый геній, Федоръ, напентывалъ:

— А вотъ сивка, что съ мокрецами, добрый конь, настоящій везовикъ! эти мокрецы—пустое, ихъ можно вывести.

Макаръ, напуская на себя развязность знатока, пощупалъ

сивѣ грудь, заглянулъ въ зубы, ради чего-то энергически дернулъ его за хвостъ, и кончилъ тѣмъ, что сторговалъ за 20 руб.

Тогда староста подалъ ему недоуздокъ и Макарь съ торжествомъ вывелъ связку изъ прогона. При поддержкѣ Ѳедора, новый владѣлецъ кое-какъ взобрался на коня. Но, какъ онъ не старался его прищипорить на переступъ, сивка, состарѣвшійся въ принсковой работѣ, не чувствовалъ никакой охоты къ этому ядору, остался глухъ ко всѣмъ ласкамъ и поощреніямъ, и никакъ, какъ шагомъ, не хотѣлъ идти.

Это очень огорчило Макара, почему-то воображавшаго, что сивка долженъ хорошо идти переступью. Макарь то отнянется назадъ, то совсѣмъ повадится на гриву, и въ этомъ положеніи, отбросивъ всякую гуманность, нещадно награждаетъ сивку ударами. Въ отвѣтъ на это, упрямый конь разъ брыкнулъ задними ногами и притомъ настолько солидно, что у Макара прошла охота настаивать на своемъ. Затѣмъ свое разочарованіе, Макарь рѣшается купить бѣлоножку, котораго продаютъ за слабосиліе. Но за то бѣлоножка несомнѣнно шелъ переступью. И къ общему удивленію, Макарь далъ за бѣлоножку 25 руб., т. е. купилъ его безъ торгу.

— Да ты, Макарь, забери и остальныхъ коней, смѣясь сказалъ кто-то: — вотъ тамъ въ углу стоитъ пара—кони добрые; ты не смотри, что у нихъ теперь по три ноги; авось къ веснѣ вырастеть и по четвертой.

— Не ямщиной ли, Макарь Кузьмичъ, заняться хочешь, что покупаешь коней? говоритъ нарядчикъ Стершевъ: — торопись подбирать связку (т. е. четырехъ лошадей), не зѣвай; иди съ слухъ, что отъ рязановскихъ хотятъ придти покупать коней, такъ тебѣ надо упредить ихъ.

Макарь очень хорошо понималъ, что всѣ эти совѣты и пожеланія были смѣха ради; но вотъ именно въ пикъ насмѣшникамъ, сначала только для виду, онъ начинаетъ торговать рыжку карнаухого, безспорно добраго коня, но, къ сожалѣнію, сильно западеннаго. Начавши не серьезно, но подзадоренный новыми насмѣшниками, Макарь кончилъ тѣмъ, что купилъ и рыжку.

— Будетъ тебѣ, говорить заботливо Ѳедоръ, изведешь всѣ деньги—пожалуй, на дорогу не хватить.

Макарь вялъ голосу благоразумія и удалился со сцены.

— Надо бы сѣдло вьючное раздобыть, а то спину коню набьютъ котомки, да вѣдь Антипичъ, пожалуй, не продастъ.

— Чего покупать, замѣчаетъ Ѳедоръ: — надо слова два мол-

вить Яшкѣ Безродному; онъ теперь выучить хозяйскихъ коней къ отправкѣ.

Яшка Безродный, хотя въ Троицынъ день и подрался съ Магаромъ не на животъ, а на смерть, но зла не помнилъ и въ требуемой услугѣ не отказалъ, разумѣется, получивъ за то бутылку водки. Сѣдло, со всѣми необходимыми принадлежностями, было немедленно запрятано въ котомку и навьючено лишь за прискомъ.

Спустя полчаса, между Яшкой и матеріальнымъ произошло слѣдующее объясненіе:

— Иванъ Александровичъ! пожалуйста еще одно вьючное сѣдло.

— Да я же тебѣ выдалъ сколько слѣдуетъ.

— Вы мнѣ дали пять штукъ, надо семь; а изъ двухъ, что у меня оставались, одно совсѣмъ не годится — вотъ извольте посмотреть; и съ этими словами, онъ подалъ матеріальному совсѣмъ разбитую деревку съ канни-то обрывками вмѣсто ремней.

— Это откуда взялось такое борозно (т. е. нигуда негодная вещь)? у насъ такого не было.

— Какъ же не было, да это сѣдло еще отъ Берендавовскихъ нѣгодъ съ прискомъ пережиле.

— Что ты мнѣ сказки-то рассказываешь! это сѣдло не наше, меня, братъ, не надуешь.

— Да мнѣ чего надувать-то, корысть что ли какую отъ этого получу!

— Вы всѣ мошенники.

— Это кто еще мошенники, возразилъ ошшоувѣренно Яшка. — Вотъ еслибы я обманывалъ, да обманывалъ или хозяйское добро потихоньку на чужой станъ переводилъ — ну, тогда, пожалуй, былъ бы мошенникъ.

Матеріальный, не желая выслушивать на свой счетъ какихъ-нибудь болѣе неспрошенныхъ разоблаченій, съ сердцемъ выбросилъ изъ выбора новую деревку. Но старая негодная осталась въ рукахъ Яшки и при случаѣ опять сыграетъ роль, только что нами описанную.

Магаръ былъ человѣкъ признательный. Прежде, чѣмъ уйти съ приска, гдѣ онъ за разное время прожилъ болѣе трехъ лѣтъ, онъ захотѣлъ проститься съ управляющимъ. Тотъ пожелалъ Магару счастливаго пути, а, главное, не запяпствовать дорогой.

— Будьте спокойны, это художество я ужъ теперь бросаю!

— Хорошо, коли бросаю, только не долго ли?

— Да какъ Богъ поможетъ, статься можетъ, и навсегда. А за ваше здоровье слѣдовало бы на послѣдокъ рюмочку выпить...

— Ну, вот видишь, надолго ли тебя стало.

— Да вѣдь только одну, и притомъ за ваше здоровье; какая же изъ того можетъ быть бѣда?

Управляющій велѣлъ подать.

А тамъ еще по одной Макарь выпилъ у матеріальнаго и становаго.

— Пора, Макарь, смотри, скоро завечерѣетъ, не успѣешь сегодня добраться до Селифона.

Макарь усѣлся на бѣлоножку, оправился, хозяйскимъ окомъ еще разъ взглянулъ на мѣшки, наложенные на третьяго коня, и сдѣлалъ замѣчаніе Федору, чтобы тотъ поглядывалъ за своимъ конемъ. Затѣмъ, снявъ шапку, перекрестился и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Прощай, Дюбошъ! а славно здѣсь было житье, сколько одной водки выпито! Но не успѣлъ онъ кончить, какъ откуда ни возьмись Пелагел.

— Путь-дорога, Макарь Кузьмичъ!

— Прощай, кривая! равнодушно отвѣтилъ Макарь.

Мысль объ Енисейскѣ и необыкновенной любезности тамонныхъ красавицъ сдѣлала его въ эту минуту совершенно равнодушнымъ къ прелестямъ Пелагел. Онъ даже подумалъ:

«Тамъ этакимъ вся цѣна пятакъ».

— Ишь завялся! въ догонку послала ему Пелагел, задѣтая за живое пренебреженіемъ Макара:— чтобы тебѣ¹дальше Никольскаго не доѣхать.

Впрочемъ, мысль объ Енисейскѣ лишь на минуту мелькнула въ головѣ Макара; его теперь наполняетъ совсѣмъ особое чувство. Какъ это ни странно для него самого, но онъ хорошо сознаетъ, что ѣдетъ на своемъ собственномъ конѣ, что посади его слѣдуетъ его же въярный конь; мало того, даже Федоръ, съ которымъ еще вчера Макарь стоялъ вмѣстѣ на канавкѣ, теперь, собственно говоря, не болѣе, какъ конюхъ Макара.

«А вѣдь только уполномоченные, да управляющіе ѣздятъ съ конюхами, подумалъ Макарь:—простой служака всегда ѣдетъ одинъ».

Нѣчто похожее на улыбку, не ту надменную, самодовольную, что повременамъ осѣняетъ чело какаго-нибудь чиновнаго или финансоваго выскочки, а простодушную, безъ утайки говорящую: «ишь какая тебѣ, собачьему сыну, линія вышла», пріятно отгѣнило вытянутое и испытанное лицо Макара. Что-то доброе, мягкое проскользнуло по его душѣ, и онъ ласково потренилъ бѣлоножку

¹ Название золотосной рѣчки.

по шей. Даже пожалѣлъ, что въ торопяхъ забылъ захватить на принскѣ овса.

— Скотинку надо кормить, чтобы она работала, наставительно замѣтилъ онъ про себя.

И какъ легко было добыть пуда два овса—стоило только дать старостѣ рублевку. А теперь придется на зимовьяхъ платить два рубля за пудъ! Развѣ на Николаевскомъ попытаться—тамъ можетъ быть дешевле.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, не завернуть ли въ Николаевскій? Тамъ теперь дымъ коромысломъ, гуляетъ приходящаго народу видимо-невидимо.

Макаръ собственно о гульбѣ не думаетъ, но его тинетъ на Николаевскій принскъ тщеславіе.

— Ты что, Ѳедоръ, остановился?

— Да подкову поднять, пригодится, можетъ быть. Пстой-во, Макаръ, твой бѣлоножка расковался; такъ и есть—подкова-то, должно быть, его. Ахъ, пара, дорога больно плеха; какъ ты пойдешь на некованномъ?

— Да, видно надо завернуть на Николаевскій къ Василью, у него можно будетъ подковать.

Сдѣлавъ своротъ въ сторону и проѣхавъ не болѣе полуверсты, наши путешественники были уже на Николаевскомъ.

Николаевскій принскъ не работаетъ болѣе 10-ти лѣтъ и на немъ, кромѣ караульнаго, никто не живетъ. Но, находясь почти въ центрѣ принсковъ, онъ сдѣлался любимымъ становищемъ проходящихъ рабочихъ.

Когда Макаръ и Ѳедоръ подѣхали къ главному стоку, гдѣ жилъ караульный, они нашли на принсковой площадкѣ человекъ 200 рабочихъ, расположившихся различными группами. Большая часть изъ нихъ завернула сюда лишь на минуту, чтобы сождать почему-нибудь отставшихъ пріятелей. Еще немногіе были, что называется, въ подпитіи; но зато всѣ были навеселѣ.

Караульный и его жена поминутно сновали. Одному даютъ лепешку, другому шей, съ большинствомъ ведутъ разговоръ мимовой насчетъ водки. Этого благодѣтельнаго снадобья запасено вдоволь для добрыхъ гостей и отпускается оно очень дешево: 30 коп. за чайную чашку.

Первый день торговля не важная; изъ проходящихъ почти всякій выпьетъ по чашкѣ, немногіе болѣе. Зато на другой, на третій день приходятъ настоящіе желанные гости. Это, по большей части, рабочіе, оставшіеся въ зимовкѣ: они получаютъ льготу отъ работъ съ 10-го 16-е сентября. Въ зимовкѣ остаются или тѣ, что не любятъ бродить и по цѣлымъ годамъ работаютъ

въ одной компаніи и, значить, имѣютъ въ расчетѣ порядочную подачу, или же, напротивъ, такіе, которымъ въ расчетъ ничего не приходится. Эти послѣдніе обыкновенно берутъ небольшой задатокъ, хоть 5 р., и не скрываютъ, что берутъ его на кутажку.

Оставшіеся въ зимовкѣ не довольствуются тѣмъ, что кутать на своемъ принскѣ. Тутъ, въ это время, хотя дисциплина и исчезаетъ, но все какъ-то стѣснительно. Настоящіе кутилы уходятъ для полнаго простора на пустыя станы, т. е. на принскъ, гдѣ работы съ нѣкоторыхъ поръ остановились. На такихъ принскахъ проживаютъ только караульные. Одинъ изъ самыхъ любимыхъ пустыхъ становъ—Николаевскій принскъ.

Представьте себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ, которые, кое-какъ поѣвъ 10-го сентября, затѣмъ, втеченіи нѣсколькихъ дней, питаются одной водкой. Пьютъ же-водку какой-нибудь Иванъ Непомнящій до тѣхъ поръ, пока есть деньги, сколько бы онъ ихъ въ расчетъ ни получилъ. Но если онъ заправскій кутила, то этихъ денегъ ему не хватитъ до 16-го числа, когда опять начинаются работы. А что не пропьетъ, то вытасать добрые приятели. Въ такихъ доброжелательныхъ друзьяхъ никогда не бываетъ недостатка.

Пьютъ добрые люди, ноютъ пѣсни, впрочемъ, ни одной до конца не дотянуть. Притомъ, если Иванъ Непомнящій съ ближайшей къ нему компаніею начинаетъ «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», это нисколько не мѣшаетъ за тѣмъ же столомъ сидящему Григорью Ерлыкову тянуть почему-то особенно ему симпатичныя слова «воръ-воробей». «Внизъ по матушкѣ» брошено недоуемымъ и сосѣди принялись за «солнце на закатѣ», а Григорій все продолжаетъ свое «воръ-воробей». Наконецъ, видимо приходитъ въ наеосъ и раздражается такимъ ревомъ, что все разноголосое общество на минуту смолкаетъ. Довольный тѣмъ, что ему удалось всѣхъ переголосить, Григорій и самъ замолчить.

— А чего онъ, братцы мѣшаетъ намъ пѣть, какъ бы опомнившись вдругъ заявляетъ Иванъ Непомнящій. И не долго думая вцѣпляется Григорью въ волосы.

Послѣдній, конечно, не затрудняется дать надлежащій отвѣтъ, адресуя его прямо въ физиономію Ивану Непомнящему. Но это маленькое недоразумѣніе скоро прекращается, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что, въ настоящемъ случаѣ, довольно широкій столъ раздѣляетъ нашихъ друзей. Однако, бываетъ и такъ, что столкновеніе принимаетъ болѣе острый характеръ. Присутствующая публика сначала слѣдитъ въ качествѣ празднаго зрителя. По нѣкоторомъ времени, наиболѣе восприимчивые не выдерживаютъ и устремляются въ битву, нанося

удары, и не разбирая кому они достаются. Проливаются буквально потоки крови. Ни мольбы о пощады, ни воплей и стонаний отъ физической боли, ни торжествующихъ криковъ побдителей—ничего подобнаго не замѣтилъ бы въ это время посторонній наблюдатель; только слышится все покрывающій тяжелый гулъ, и тянется довольно долго, повидимому, совершенно безцѣльное распышаніе ударовъ направо и налево.

Но въ силу какой-то естественной центростремительности, мало по малу удары начинаютъ обрушаться на кого нибудь одного и за частую совсѣмъ не на того, кто затѣялъ драку. Сначала онъ довольно стончески выноситъ градъ ударовъ, все усиливающейся и усиливающейся, какъ будто ждетъ — а вотъ туча сейчасъ отойдетъ въ сторону. Но туча не только не отходить, а становится все грознѣе. Сначала изъ глазъ усиленно сыплются искры, каждый ударъ затѣмъ отзывается ѣдче и острѣе. Но вотъ въ глазахъ дѣлается мутно, а потомъ и совсѣмъ темно. Вдругъ чей-то ударъ въ грудь точно ножомъ входитъ въ сердце несчастнаго; онъ валится, и хриплый вопль его заглушаетъ всѣ гогочущіе голоса.

Тутъ кидается въ толпу караульный. Изъ страха уголовщины, онъ, какъ только затѣялась драка, все время оставался въ казармѣ въ выжидательномъ положеніи и велъ примирительную пропаганду между наименѣе пьяными. Теперь при ихъ поддержкѣ ему все-таки удастся прекратить битву и развести дерущихся. Тѣ не сразу приходятъ въ себя; особенно сильно побитые лѣзутъ снова въ битву.

Но бдительность караульнаго, а больше всего утомленіе бойцовъ полагаютъ предѣлъ дальнѣйшему пролитію крови. Продолжается лишь словесная перепалка.

— Ужь ты постой, разбойничья харя, сверчу я ее тебѣ когда нибудь на сторону! кричитъ Маркъ-Волчекъ, фізіономія котораго представляетъ сплошной кровавый бифштексъ.

— Ладно, мало тебѣ досталось, возражаетъ Тарасъ изъ французокъ:—въ другой разъ угощу почище.

Мало по малу и перебранка стихаетъ. Снова раздается разноголосое пѣніе; друзья и враги принимаются за прерванную попойку.

Наскучать пѣсни, надоѣсть междуусобіе, принимаются за жегъ, законныхъ или гражданскихъ, все равно.

Женщинамъ въ эти дни веселія достается жутко. Любя не менѣе мужчинъ водку, онѣ охотно принимаютъ участіе въ попойкахъ; но играя въ нихъ пассивную роль, подвергаются

всѣмъ дикимъ капризамъ обезумѣвшихъ отъ пьянства мужей, любовниковъ и случайныхъ пріятелей. Недаромъ мужчины иронически прозвали расчетъ «бабыимъ праздникомъ». Иной молодецъ бьетъ свою подругу такъ, что, со стороны глядя, можно подумать, ужь не подрядъ ли онъ взялъ свести ее со свѣта и притомъ возможно мучительнѣйшимъ способомъ. Публика все это видитъ, но никому и въ голову не придетъ выѣшаться въ нечеловѣческую забаву. Наконецъ, у нашего пріятеля устаютъ руки и онъ бросаетъ обезпамятѣвшую женщину. Кажется, ей не встать съ мѣста.

— Небось, онъ живучи какъ кошки, заявляетъ какойнибудь сострадательный зритель въ отвѣтъ на нѣсколько онасливое замѣчаніе новичка служащаго.

И въ самомъ дѣлѣ, таѣжныя женщины удивительно отходчивы. Не успѣешь оглянуться, а потерпѣвшая уже въ веселомъ обществѣ пріятелей ея мужа или любовника, пить вино и расцѣиваетъ пѣсни. Такъ ли же легко у нея на душѣ—этого утверждать не берусь.

Несмотря на суровую строптивость мужей, таѣжныя женщины въ то же время поразительно легкомысленны; за кусокъ сахара, глотокъ водки онѣ готовы отдаться хоть самому чорту. До поры до времени, мужья смотрятъ на это какъ бы на естественное зло, пожалуй даже какъ на бабье право, мало того, иногда эксплуатируютъ, какъ доходную статью. Но достаточно, по большей части, самаго ничтожнаго повода и часъ расплаты приходитъ во всей его ужасающей суровости. Впрочемъ, главная расплата всегда откладывается на расчетъ—тутъ обыкновенно припоминаются всѣ годичныя прегрѣшенія, и даже искупленныя.

Однако, есть основаніе думать, что мужьями при этой варварской расправѣ руководитъ не столько мстительное чувство, какъ потребность въ своего рода разнообразіи.

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная вещь водка, очень можетъ быть, что лучше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ, но все же одурь возьметъ, если только пить, пить и ничего больше. А вотъ сначала выпить, потомъ побить жену, опять выпить и опять побить—такимъ манеромъ не наскучить жить всю жизнь. А для вящаго разнообразія, можно поцарапаться съ кѣмънибудь изъ пріятелей.

Между промысловымъ рабочимъ людомъ, какъ и вообще въ Сибири, весьма развитъ такъ называемый гражданскій бракъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что вступленіе въ законный бракъ поставлено разными формальностями, а справки «о немнѣнн пріятствій» зачастую продолжаютъ по нѣскольку лѣтъ, и ни къ чему не приводятъ. Къ тому же, и денежные расходы велики.

Всѣ живавшіе въ Сибири подтверждаютъ, что гражданскія супружества отличаются несравненно болѣе мягкимъ характеромъ отношеній, чѣмъ законныя. И притомъ, за рѣдкими исключеніями, это очень прочныя отношенія, развѣ только смерть ихъ прерываетъ. Но все-таки у прекраснаго пола сказывается постоянное стремленіе къ легализированію своего положенія.

— А что, Леонидъ Ѳеодорчъ, не пришла ли наша «справка»? спрашиваетъ какая-нибудь принцесская Марья.

— Нѣтъ еще, не пришла.

— Что же это какъ она долго ходитъ?

Марья въ простотѣ и не подозреваетъ, что интересующая ее справка просто лежитъ безъ движенія: вѣдь ужъ скоро будетъ четыре года, какъ подано прошеніе.

— Не знаю, милая; да ты о чемъ хлопочешь? вѣдь вы съ Шехуринимъ ладно живете, онъ тебя не бьетъ.

— Живемъ-то мы ладно, а все же лучше повѣчаться—грѣха меньше.

Наконецъ, наступаетъ шестой годъ, а справки все нѣтъ. Между тѣмъ, Шехурину пофартило, т. е. посчастливилось на старательскомъ золотѣ и въ карманѣ у него завелись кое-какіе экстраординарные гроши. Далъ онъ отцу Матвѣю лишнюю красненькую, такъ тотъ повѣчалъ его и безъ справокъ.

Шехуринъ изъ трезвыхъ. Не то, чтобы совсѣмъ не пить водки—такихъ вы не найдете на принцахъ днемъ съ огнемъ—но онъ никогда не напивался до безпамятства. Въ день бракосочетанія онъ выпилъ умеренно, но, несмотря на то, почелъ первую и священною обязанностью побить свою супругу, которую до того времени пальцемъ не трогалъ.

Тотъ же Леонидъ Ѳеодорчъ видитъ Марью въ слезахъ.

— Ну, что Марья, не говорилъ ли я тебѣ, что лучше не вѣчаться.

— Да кто его зналъ, былъ тихій, а тутъ точно ошалѣлъ...

Но вернемся къ прерванному повѣствованію.

Если составится кружокъ любителей въ три листка, то, навѣрно, среди его окажется молодецъ хотя и выпившій не мало, но, тѣмъ не менѣе, совершенно владѣющій собой. Онъ-то собственно и подбиваетъ на игру, изъ каковыхъ самая любимая, конечно, три листка.

Конечно, не безъ того, чтобы подчасъ и недосталось такому молодцу; иной проигравшійся рабочій начинаетъ требовать трешника на водку, и, разумѣется, получаетъ отказъ.

— Дай же, Майловъ, три рубля.

— На что тебѣ деньги?

— Говорятъ тебѣ, дай! настойчиво продолжаетъ Монаховъ, спустившій Майлову все до гроша.

— Поди ты къ дѣшему...

— Такъ вотъ ты какой! разсвирѣбывъ, закричитъ Монаховъ, и, не долго думая, давай душить Майлова.

Эпизодъ до такой степени обычный, что даже никто не обратитъ на него вниманія.

— А, Макарь! закричало нѣсколько голосовъ, завидя нашего пріятеля.

— Смотри ребята, какой онъ сталъ важный, даже конюха завелъ, замѣтилъ артельщикъ Кирилленко, работавшій на томъ же Михайловскомъ, гдѣ былъ и Макарь.

Всѣ обступили Макара и стали разсматривать его коней. Кто хвалилъ попку, кто ее ни во что не ставилъ.

— А не хочешь ли смѣнять сивку на моего пѣганку? вивался угольщикъ Михей.

— Дурака нашелъ! твоего пѣганку развѣ татарамъ отдать! презрительно отвѣтилъ Макарь.

— Да вѣдь и твой сивый не Богъ знаетъ что—на немъ еще при царѣ горюхъ воду возили.

Дружный смѣхъ всего кружка былъ отвѣтомъ Михею.

Между тѣмъ, завидя Макара, къ нему любезно поспѣшили подойти караульный.

— Макарь Кузьмичъ, добро пожаловать! кормить коней будешь?

— Нѣтъ дядя; а вотъ подковать бы бѣлоножку надо.

— Охъ, царя, ковать-то сегодня некому, развѣ завтра утромъ; подожди—тебѣ куда спѣшить?

Макарь очень хорошо понималъ, какииъ огромными рискомъ было для него остаться ночевать на Николаевскомъ; онъ зналъ также настоящую цѣну внимательной предупредительности караульнаго. А въ свою добродѣтель онъ и самъ не сильно вѣрилъ.

— Не пройхатъ ли намъ къ Алешкѣ? у него непремѣнно можно подковать, обратился онъ какъ бы за совѣтомъ къ Федору.

— А что же, пожалуй, завернемъ! вѣдь только черезъ гору переѣхать, отозвался Федоръ.

Караульному этотъ разговоръ пришелся не по сердцу: отпустить такого лакомаго гостя, какъ Макарь, было совсѣмъ не расчетъ.

— Да подожди немного, Макарь Кузьмичъ, вотъ должны скоро работники вернуться—уѣхалъ недалеко за сѣномъ; подкуемъ и здѣсь какъ-нибудь.

Искушенія и опасности одинаково могли угрожать Макару какъ

на Николаевскомъ прѣискѣ, такъ и у Алешки, гдѣ, вѣроятно, тоже пришлось бы заночевать. Только здѣсь народу больше; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ удастся съ кѣмъ-нибудь смѣниться или выгодно продать одного изъ коней. Макаръ не долго колебался.

— Что-жь, можно и подождать, сказалъ онъ, и съ этими словами слѣлъ съ коня.

— Такъ что же, Макаръ, давай колами-то мѣняться, завелъ опять разговоръ Михай.

— Нѣтъ, мѣняться на твоего кривого не стану, рѣшительно отвѣчалъ Макаръ.

— Ну, такъ продай сивку—тебѣ куда съ тройкой-то.

— Оно и въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Макаръ, на какого мнѣ глѣшаго третій конь, да пожалуй, хоть и вся пара, на одинъ кормъ по зимовьямъ сколько изведешь денегъ. А не кормить коней, такъ они одрами придутъ въ Енисейскъ; того и гляди, что тамъ и своихъ не выручишь за нихъ.

Эти благоразумныя соображенія были до такой степени просты и очевидны, что Макаръ даже подивился, какъ они не пришли ему въ голову во время самой покупки коней.

— Продать, пожалуй, еще продамъ, въ слухъ проговорилъ онъ.

Начался торгъ о цѣнѣ. Макаръ запросилъ 30 руб., Михай давалъ только 10 руб.

Окружавшая публика, безъ всякихъ затаенныхъ предубѣжденій или симпатій, сразу подѣлилась на стороны. Изъ одной слышалось:

— Да ты не скупись, смоленая борода, конь во всѣхъ статьяхъ безъ порока. Что въ годахъ—такъ это не бѣда, для твоей работы лучшаго не надо; вѣдь это не конь, а золото.

— Ну, ну, развязывай мошну, чего жилишься; у тебя вѣдь етъ денегъ ишь карманъ-то какъ оттопырился.

На что Михай не приминуть возразить:

— А ты, жидный человѣкъ, считаешь что ли мои деньги?

Изъ другой половины выкрикивали:

— Верн, Макаръ, бери обѣими руками; какъ протянешь твой сивко по дорогѣ ноги, такъ пожалѣешь, что не продалъ, да ужъ будетъ поздно.

Отсюда не вѣра въ возможность столь печальнаго исхода, Макаръ, однако, вдругъ проникся страстнымъ желаніемъ поскорѣе развязаться съ сивкой во что бы то ни стало, и воздерживался въ цѣнѣ болѣе для приличія.

Наконецъ, при общемъ содѣйствіи, стороны сошлись. Сивко пошелъ за 19 руб., значить рублемъ дешевле, чѣмъ былъ куп-

ленъ Макаромъ. Но послѣдній получилъ отъ Михея въ обмѣнъ на свою простую узду—наборную, т. е. съ мѣдными украшеніями. Она была сейчасъ торжественно надѣта на бѣлоножку.

Обѣ стороны были довольны. Михей прѣнять сивку въ 25 руб., а наборная узда досталась ему за чашку водки отъ проѣзжаго конюха. Макаръ же почему-то клалъ ее въ 3 руб., и такимъ образомъ, считалъ себя, несмотря на уступленный рубль, въ прямой выгдѣ.

Впрочемъ, въ ихъ довольствѣ была одна существенная разница. Михей ни минуты не сомнѣвался въ стоимости сивки; онъ давно зналъ этого коня и зналъ, на что онъ можетъ еще пригодиться: даже впередъ соображалъ, кому его по весѣ продать. Иное дѣло Макаръ: по совѣсти, онъ никакъ не могъ сказать, чего стоитъ сивка, а потому нѣсколько мучился мыслью: а что если его можно было продать дороже?

Но какъ бы тамъ ни было, а дѣлано сдѣлано. Покупщикъ и продавецъ пошли въ избу къ караульному для совершенія освященныя обычая формальностей. Хотя во время торга ни слова не было сказано о томъ, кто долженъ поставить бутылку водки, но какъ только онъ кончился, Макаръ сталъ доказывать, что это долженъ Михей. Тотъ, конечно, возражалъ, сваливая эту обязанность на Макара, оба въ одинаковой степени ссылались на существующій обычай. Порѣшили въ заключеніе на томъ, чтобы подѣлить этотъ расходъ пополамъ.

Вслѣдъ за ними, ввалились въ избу нѣкоторые изъ наиболѣе волновавшихся во время торга, и предъявили столь несомнѣнный права на долю въ бутылкѣ, что за первой немедленно послѣдовала вторая, уже на счетъ одного Макара.

Когда Макаръ выпилъ первый стаканъ, онъ почувствовать, что его точно чѣмъ-то уволело сильно острить, и въ тоже время что-то похожее на проблескъ не то своей ошибки, не то грядущей бѣды шевельнулось у него на душѣ. Ему чего-то вдругъ стало жаль и притомъ до такой степени, что не будь тутъ этой шумѣвшей толпы, онъ навѣрное бы заплакалъ.

Но такое состояніе длилось не долго, всего можетъ быть одну минуту.

— Эхъ, куда ни шло, сказалъ про себя Макаръ, нервически схватился за второй стаканъ, налитой услужливой рукой караульнаго и опорожнилъ его однимъ духомъ...

Разомъ точно вся казарма стихла; въ тоже мгновеніе густой туманъ застлалъ все въ глазахъ Макара. Ему стало легче, словно тяжелый камень свалился съ угнетеннаго сердца. Но вотъ, мало по малу, въ туманѣ начала обрисовываться какая-то фи-

гура; наконецъ, она выступила совершенно ясно; то была бѣлоножка въ наборной уздѣ. Она такъ любовно смотрѣла на Макара своими большими карими глазами, точно онъ ей только что далъ добрый кусокъ хлѣба и собирался еще разъ побаловать ее тѣмъ же лакомствомъ.

Въ головѣ у Макара мелькнуло: а если съѣсть на бѣлоножку и уснавать?

Но опять все слилось; Макарь, пожалуй, и отличаетъ каждый предметъ въ отдѣльности; но едва онъ попытается на чемъ-нибудь сосредоточить вниманіе, какъ избранный предметъ тотчасъ же терлетъ свою законченность и незамѣтно переходитъ въ другой, а тотъ въ свою очередь въ третій и т. д.

Въ послѣдній разъ вспыхнуло сознаніе; Макару вдругъ сдѣлалось страшно, когда глаза его случайно упали на Федора Незомнацаго; совершенно механически онъ сгрѣбъ со стола лежавшія передъ нимъ двѣ красненькихъ и засунулъ ихъ за голенище сапога. На этомъ усилии какъ бы истощились его душевныя силы и онъ окончательно впалъ въ безпамятство.

Федоръ, который во время торга держался въ сторонѣ, теперь похвально Макара за выгодный оборотъ, и, конечно, старался столь возможно ближе протиснуться къ бутылкѣ.

Впрочемъ, онъ больше всего не спускалъ глазъ съ двухъ красненькихъ, что лежали передъ Макаромъ и сослѣдилъ какъ тотъ, уже совершенно осовѣлый, засунулъ ихъ за голенище сапога.

Прошло недѣли двѣ послѣ расчета. Погода стала совсѣмъ невыносимая; льетъ дождь съ утра до ночи, а чуть перестанетъ — вскипаетъ мокрый снѣгъ.

Принскова жизнь вошла въ свою обычную колею такъ называемыхъ приготовительныхъ и зимовыхъ работъ. Въ лѣсу бойко раздается звукъ топора съ аккомпанментомъ пилы; на стану быстро идетъ закладка новой машины и, несмотря на крайнюю безпогодицу, управляющій спѣшитъ, во что бы то ни стало, окончить до заморозковъ дамбу и водоотводную канаву. Рабочіе на послѣднихъ работахъ сплошь и рядомъ въ теченіи цѣлаго дня остаются по колѣна въ водѣ, но плату получаютъ вдвое меньшую, чѣмъ лѣтомъ, по очень простой причинѣ — въ осеннихъ работахъ не бываетъ и пятой части лѣтняго числа рабочихъ.

На пустыхъ станахъ опять все тихо, лишь кое-гдѣ можно встрѣтить двухъ, много трехъ изъ прогорѣлыхъ, т. е. прокутившихся; въ свое время наняться въ зимовку они не успѣли, а въ земляхъ мѣста вйти не съ чѣмъ, да и не къ чему.

Разъ вечеромъ докладываютъ Леониду Федорычу, что пришелъ Мамаръ и желаетъ его видѣть. Тотъ велѣлъ ему войти.

Мамаръ не столько похвѣлъ, какъ вчерашнѣе — точно онъ за послѣднее время въ кузницѣ работалъ; особенно глубоко впаде глаза бросаютъ мрачную тѣнь на лицо. На немъ былъ до невозможности засаленный сюртукъ изъ верблюжьего сукна. Этотъ сюртукъ вѣрой и правдой отслужилъ Александру Антипычу и за два рубля былъ проданъ имъ, года четыре тому назадъ, Мамару. Съ тѣхъ поръ, это его неизмѣнный товарищъ, съ которымъ онъ не расстаётся, несмотря ни на какія превратности судьбы, который ему въвосточнее время служилъ за шубу. Надѣтъ онъ прямо на холщевую рубаху, торчащій воротъ которой можно, пожалуй, приять за кожаный, такъ онъ черенъ и сильно лоснится. Изъ продравленныхъ лабоныхъ штановъ виднѣются песничья отъ колды колѣни. На ногахъ хоть и изъ рукъ вонъ плохія, но все же сапоги, а не бродни. Мамаръ отнесеть себя къ привилегированному классу, а бродни обуе по преимуществу чернорабочихъ.

— Откуда, Мамаръ? вѣдь я слышалъ, что ты въ Енисейскъ бѣже уѣхалъ.

— Ыхалъ, да не доѣхалъ, равнодушно отгѣчалъ Мамаръ.

— Гдѣ же твои кони?

— Продамъ.

— А деньги?

— А деньги... Мамаръ только рукой махнулъ, но мысленно обругалъ Федора и еще кого-то подлецомъ.

— Что-жъ тебѣ, братецъ, надо?

— Да вѣтъ ли какого мѣста?

А. Пантелеевъ.

МИРАБО-ОТЕЦЪ.

(Очерки французскаго общества XVIII вѣка).

IX.

Семья, соединившаяся противъ своего главы.

Хотя отношенія молодого Мирабо къ своему отцу должны быть подробно изложены во второй части этого труда, исключительно посвященной біографіи знаменитаго трибуна, но мы не можемъ не сказать здѣсь о той дѣятельной роли, которую онъ игралъ въ борьбѣ, происходившей между его родителями; это тѣмъ болѣе необходимо, что причины болѣею части насильственныхъ мѣръ, принятыхъ маркизомъ противъ своего сына, лежали именно въ этомъ процессѣ, который мы теперь рассказываемъ. Съ другой стороны, не желая усложнять нашего рассказа излишними деталями, мы постараемся резюмировать вкратчѣ обстоятельства, побудившія Мирабо, въ первомъ фаансѣ этого процесса, стать на сторону матери противъ отца, и во второмъ — перейти на сторону отца противъ матери.

За полтора года до того времени, какъ маркиза, нарушивъ условіе, заключенное съ мужемъ, покинула Ламузея и явилась въ Парижъ съ цѣлю затѣять тяжбу, сынъ ея, которому было 23 года, женился въ Провансѣ, 18-го августа 1772 г., на дѣвчѣ Мариньянъ. Онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ, но зато для, лучше сказать, вслѣдствіе того, сильно не ладилъ съ матерью, и это обстоятельство было роковымъ въ его жизни. Маркиза не только отказалась присутствовать при заключеніи его свадебнаго контракта и ничего не присоединила отъ себя къ той суммѣ, которую отдалъ ему отецъ, но даже прекратила всякія сношенія съ своимъ сыномъ и не стѣснчалась на

его письма. Маркизь Мирабо, напротивъ, не колеблясь, сдѣлалъ для сына, по случаю его брака, все, что только позволяло ему сдѣлать его положеніе, которое было тогда далеко не блистательнымъ. Читатели знаютъ изъ предшествующихъ главъ, что все его состояніе растаяло, въ продолженіе двадцати-семи-лѣтняго ожиданія огромнаго наслѣдства, которое должна была получить жена его; что онъ далъ приданое дочерямъ, воспиталъ сыновей, и что въ то время, когда онъ женилъ старшаго сына и когда состояніе матери, наконецъ, было у него въ рукахъ, она, недовольная назначенной ей пенсіей, угрожала ему процессомъ о формальномъ разводѣ. Все это не помѣшало ему, однакожь, обезпечить сыну ежегодную пенсію въ 6,000 ливровъ, и которую онъ, кромѣ того, обязался увеличивать каждый годъ на пять сотъ ливровъ до тѣхъ поръ, пока она достигнетъ цифры 8,500 ливровъ. Мирабо, послѣ разрыва съ отцомъ, возмущался той скардностью, которую тотъ проявилъ въ этомъ случаѣ, хотя единственная и богатая наслѣдница, бравомъ съ которой будущій трибунъ такъ гордился, получила въ приданное отъ своихъ родителей только 3,000 ливровъ доходу, и что, слѣдовательно, отецъ Мирабо далъ сыну своему вдвое болѣе, нежели маркизь Мариньянъ своей дочери.

Но и это еще не все. Маркизь включилъ въ свое духовное завѣщаніе статью, въ силу которой помѣстье Мирабо переходило къ его старшему сыну. Понятно, послѣ этого, что онъ имѣлъ нѣкоторое право быть недовольнымъ, когда этотъ сынъ жаловался министру Мальзербу на эгоизмъ отца, будто бы назначившаго ему, при его женитьбѣ «самое, нищенское содержаніе». Прибавимъ, наконецъ, что молодые супруги, получившіе 9,000 ливровъ доходу, который долженъ былъ черезъ пять лѣтъ возрасти до 11,500 ливровъ, жили со всей своей прислугой у бабушки новобрачной, платя ей за помѣщеніе и столъ *девять тысяч* ливровъ въ годъ. При этихъ-то условіяхъ молодой Мирабо, для своего дебюта въ качествѣ главы семейства, ухитрился сдѣлать 188,624 ливра долгу! Правда, что, въ числѣ этихъ долговъ, было на 186,375 ливровъ векселей, выданныхъ жидамъ-ростовщикамъ, отъ которыхъ молодой человекъ, какъ онъ увѣряетъ, не получилъ даже и 50 тысячъ; но ихъ однакожь нельзя было оспаривать передъ судомъ, какъ лихвенные и подписанные несовершеннолѣтнимъ (Мирабо тогда еще не было 25-ти лѣтъ), потому что всѣ они были выданы за поручительствомъ родственниковъ или друзей молодого расточителя, на которыхъ онъ умѣлъ подѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ. Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, пятидесятилѣтній старикъ и отецъ семейства оказался до того

простоватымъ, что поручился въ 60,000 ливровъ; и, чтобъ дать вамъ тотчасъ же понятіе о томъ, какъ Мирабо смотрѣлъ на обязанности къ нему отца, приведемъ слѣдующую фразу изъ письма его къ этому самому кузену: «Если вы находитесь въ такомъ затруднительномъ положеніи, то отцу моему нужно быть болѣе чѣмъ дивной кошкой (*fût plus que chat sauvage*), для того, чтобъ не уплатить этого долга прежде всѣхъ остальныхъ долговъ».

Представьте же себѣ теперь, что долженъ былъ чувствовать маркизъ, самъ обремененный долгами, получивъ одновременно извѣстіе и объ этихъ подвигахъ сына, и о пріѣздѣ въ Парижъ жены, которая, благодаря деньгамъ, занятымъ ею у своей дочери, г-жи де-Кабри, угрожала ему раззорительнымъ процессомъ, тогда какъ онъ былъ увѣренъ, что она въ Лимузенѣ?

Хотя мать и сынъ еще не заключали между собою союза, но онъ одинаково негодуешь на нихъ обонкъ. «Лучше было бы для нашего спокойствія, милый братъ, пишеть онъ къ балъи:—всадить куда-нибудь этого дурного сына дурной матери; но, судя по характеру жены его, мы уничтожили бы всю породу однимъ ударомъ. (Маркизъ предполагалъ въ женѣ молодого Мирабо гораздо болѣе преданности своему мужу, нежели это было на самомъ дѣлѣ). Такимъ образомъ, онъ сначала отстраняеть мысль о заточеніи своего сына, и только испрашиваетъ королевскій приказъ, предписывающій ему жить съ женой своей въ замкѣ Мирабо¹. Два съ половиною мѣсяца спустя, его увѣдомляютъ, что сынъ его, все еще преслѣдуемый кредиторами, извлекаеть въ этотъ помѣсть изъ всего деньги, рубить лѣса и даже продаетъ мебель. Тогда онъ посылаетъ его въ Маноскъ и, при содѣйствіи тестя, дяди и родственниковъ молодого расточителя, съ отцовской стороны, добивается приговора о взятіи его подъ опеку. Мѣра эта имѣла цѣлью помѣшать ему дѣлать новые долги и заставить его постепенно уплачивать изъ своихъ доходовъ старыя. Двѣ трети этихъ доходовъ должны были идти на удовлетвореніе кредиторовъ, а остальное предоставлялось пользоваться ему и жемъ его. Отецъ его принималъ званіе почетнаго опекуна; дѣйствительнымъ же опекуномъ назначался вѣрный слуга маркиза, извѣстный уже читателю *monsieur Garçon*, чѣдъ въ высшей степени раздражило молодого Мирабо.

¹ Не лишено интереса то обстоятельство, что Мирабо, какъ видно изъ одного письма его тестя, запутавшійся въ долгахъ и, преслѣдуемый многочисленными кредиторами, писалъ повѣренному, занимавшемуся его дѣлами, что если родители откажутся уплатить долги его, то онъ самъ готовъ просить отца, чтобъ тотъ исходатайствовалъ *lettre de cachet* для заключенія его въ замкъ Ифъ или какой-нибудь другой замкъ.

Еслибы не странныя, почти невѣроятныя приключенія, сдѣланныя этотъ 1774 годъ климатическимъ годомъ въ жизни Мирабо, дѣла его въ скоромъ времени могли бы понравиться, потому что бабушка жены его умерла въ слѣдующемъ году, и онъ могъ бы, съ согласія послѣдней, употребить на погашеніе, по крайней мѣрѣ, самыхъ важныхъ долговъ своихъ сумму въ 60,000 ливровъ; но ему было на роду написано пройти черезъ всѣ волненія, бѣдствія и случайности карьеры авантюриста, прежде чѣмъ революція сдѣлала изъ него государственнаго челоука.

Мы не станемъ здѣсь описывать ни глубокаго оскорбленія, нанесеннаго ему молодой женою, послѣ восемнадцати мѣсяцевъ брачной жизни—оскорбленія тѣмъ болѣе неожиданнаго, что она предпочла его многимъ искателямъ руки ея; ни его ярости, ни послѣдовавшаго затѣмъ примиренія, слышимомъ быстро для того, чтобы быть прочнымъ, и которое заставило его отправить кинжальную супругу въ Парижъ и Вильонъ, гдѣ она должна была хлопотать за него у отца его; ни его неблагоразумнаго отвѣда, вопреки королевскому приказанію, изъ Маноска, съ цѣлью будто бы отплатить за сестру свою, г-жу де-Кабри, но, въ сущности, для того, чтобы устроить женитбу молодого мушкетера, обольтившаго жену его; ни случайной встрѣчи его на обратномъ пути съ дворянникомъ, дѣйствительно дурно отзывавшемся объ его сестрѣ, ни о дракѣ, въ которой повела эта встрѣча и вслѣдствіе которой баронъ де-Вильевъ-Моансъ, изувѣченный имъ шестидесятилѣтній старикъ, затѣялъ противъ него уголовный процессъ, имѣвшій результатомъ декретъ объ его арестованіи; но скажемъ, что только послѣ этой исторіи, маркизъ, желая избавить сына отъ тяжелыхъ послѣдствій нарушенія королевскаго приказанія, рѣшается испросить *lettre de cachet*, чтобы заключить его въ замокъ Ифъ.

Въ это время, между узникомъ и женой его, поселившейся въ Вильонъ подлѣ маркиза, завязывается полудѣльная, полудѣвательная переписка. Супруги разстались и жена, повидимому, благодарная мужу за его великодушное прощеніе, обѣщаетъ употребить всѣ усилія, чтобы выхлопотать ему освобожденіе. Ей слѣдуетъ сказать только слово для этого; она беспрестанно обѣщаетъ сказать его и никогда не говоритъ. Ей достаточно было бы объявить маркизу, что если заключеніе мужа ея продолжится, то она раздѣлитъ его съ нимъ. Корреспонденція эта, черезъ годъ окончивающаяся полнымъ разрывомъ между супругами, доказываетъ, что на графиню Мирабо падаетъ значительная доля отвѣтственности въ заблужденіяхъ ея мужа.

Но если Мирабо былъ также несчастливъ въ супружествѣ, какъ и отецъ его, то еще пагубнѣе была для него жестокая вражда, существовавшая между его отцомъ и матерью; на этомъ-то пунктѣ мы преимущественно и намѣрены остановиться. Маркизъ и маркиза, дѣлавшіе передъ публикой видъ, что они ничего другаго не требуютъ отъ дѣтей своихъ, какъ только, чтобы они остались нейтральными, въ сущности, поступали совсѣмъ иначе. Они разрушали въ нихъ всякое чувство уваженія, ругали другъ друга въ разговорѣ съ каждымъ изъ нихъ, и всякое нравственное чувство, развивая въ нихъ соперничество, двойственность, зависть, обидчивость и угрозами лишали его. Маркизъ былъ еще добросовѣстнѣе въ этомъ случаѣ. Онъ дѣлалъ денежные пожертвованія въ пользу своихъ дѣтей безразлично и даже своимъ завѣщаніемъ связалъ себя въ отношеніи къ тому изъ нихъ, кто дѣлается самымъ опаснымъ врагомъ его. Но маркиза, каждому изъ дѣтей обѣщала часть, соответствующую его усердію, никогда не связывая себя, впрочемъ, никакими положительными обязательствами. Мы сейчасъ увидимъ, какіе плоды принесла эта пагубная система.

Мирабо, какъ уже знаютъ читатели, въ моментъ женитьбы своей, находился въ ссорѣ съ матерью, и причиною этой ссоры были единственно его хорошія отношенія съ отцомъ. Но еще прежде, чѣмъ маркизъ узналъ о денежномъ разстройствѣ сына, тотъ, видя въ немъ судью, скорѣе расположеннаго обуздатьivotство его, нежели придти къ нему на помощь, рѣшился понижать счастья у матери и предложилъ ей свою поддержку въ борьбѣ, которую она всегда готова была начать противъ мужа. Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ его свадьбы, какъ онъ уже написалъ ей въ Лмузень самое лѣтливое письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилъ: «Не будетъ ли отраднѣе для вашего превосходнаго сердца, милая матушка, и выгоднѣе для вашихъ интересовъ *оступить* *изъ союзъ* (de faire lique) съ сыномъ, противъ котораго стараются восстановить васъ и котораго хотѣтъ обдѣлать въ пользу другихъ, служащихъ лишь своей ненависти и своимъ личнымъ выгодамъ». (Подъ этими другими, служащими своей ненависти и личнымъ выгодамъ, онъ разумѣлъ г-жу Дю-Саль-ля, представляя ее матерю своей, какъ союзницу отца, хотя только за двѣ недѣли передъ тѣмъ писалъ къ ней письмо, исполненное увѣреній въ нѣзыблѣйшей дружбѣ). Но мать, повидимому, еще не довѣряетъ ему, и въ теченіи дѣллага года отказывается отъ предлагаемой «лиги». Когда денежная дѣла его дошли до крайней степени разстройства, и отецъ, узнавъ обо всемъ, готовится принять мѣры къ ограниченію его расточительства,

онъ отправляетъ матери второе письмо. «Враги у насъ общіе, матушка, восклицаетъ онъ: — а мы разъединены. Когда же вы поймете вашего сына?» Если маркиза все еще не отвѣчаетъ сыну, то это, кажется, потому, что онъ, вмѣсто денежной помощи, въ которой она нуждается для борьбы съ мужемъ, можетъ повергнуть къ ея стопамъ только 200,000 ливровъ долга, а этого добра у ней самой достаточно. Мирабо еще не знаетъ, что, въ томъ же 1773 году, его третья сестра, г-жа де-Кабри, опередила его, и что маркиза, получивъ отъ нея 20,000 ливровъ, прѣѣхала уже въ Парижъ. Примирить сына съ матерью беретъ эта самая г-жа де-Кабри, послѣ своего подвига возвратившаяся на время въ Провансъ. И дѣйствительно, маркиза, подъ ея вліяніемъ, входитъ съ нимъ, наконецъ, въ сношенія. Семь лѣтъ спустя, Мирабо, выказывавшій къ сестрѣ дѣлныхъ два года, самое дружеское расположеніе, находится въ заключеніи въ венсовскомъ замкѣ, осипаетъ ее ругательствами. «Наименьшій изъ ея пороковъ — тотъ, что она распутная (*une prostituée*)», говоритъ онъ.

Все время пока Мирабо содержится въ замкѣ Ифъ, т. е. въ продолженіи семи мѣсяцевъ, маркизъ еще не питаетъ къ нему того враждебнаго чувства, какое часто ему приписываютъ. Господствующей его мыслью, въ эту эпоху, было устроить денежныя дѣла сына, безъ его вмѣшательства и съ другой стороны не допускать его до союза съ маркизой и г-жей де-Кабри. Съ этой цѣлью онъ отправляетъ въ Провансъ зятя своего Дю-Сальвиа, пользующагося его полнымъ довѣріемъ, поручая ему собрать всѣхъ кредиторовъ Мирабо и войти съ ними въ сдѣлку. Но узнавъ, что, несмотря на принятые имъ предосторожности, между сыномъ его и г-жей де-Кабри завязалась переписка; онъ велитъ перевести его изъ замка Ифъ на другой конецъ Франціи, въ замокъ Жу, около Понтарье, однакожь, не съ цѣлью повергнуть его большому стѣсненію. Напротивъ, узникъ могъ пользоваться тамъ болѣею свободой. Маркиза была, впрочемъ, не такая женщина, чтобы пережѣщеніе ея сына могло помѣшать ей продолжать съ нимъ сношенія, если она разъ рѣшилась завербовать его. И дѣйствительно, они переписывались теперь даже гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ прежде, когда Мирабо сидѣлъ въ замкѣ Ифъ, гдѣ сношенія были довольно затруднительны. Въ одномъ изъ писемъ своихъ маркиза общается ходатайствовать за него передъ министрами, и сдѣлать все возможное для облегченія его участи, если онъ пришлетъ ей какую-нибудь записку, которую бы она могла подать отъ его имени вліятельнымъ лицамъ. Письмо это, приглашавшее Мирабо выйдти изъ пассивнаго состоянія и начать дѣйствовать противъ отца, на котораго онъ де

сикъ поръ только жаловался, пришло какъ разъ въ-время. Маркизъ, очень уважавшій графа де-Сенъ-Мориса, коменданта замка Жу, объявилъ сыну, что помирится съ нимъ тогда, когда человекъ, надзору котораго онъ его вѣряетъ, поручится за него. А между тѣмъ Мирабо только что поссорился съ комендантомъ, написалъ ему дерзкое письмо, гдѣ объявлялъ, что намѣренъ избавиться отъ его надзора, и во второй разъ бѣжалъ, нарушивъ королевскій приказъ. Онъ скрывался въ Понтарлье, сперва у молодой женщины, г-жи Моннье, которой онъ успѣлъ сдѣлаться любовникомъ, и которая нѣсколько дней прятала его въ супружескомъ домѣ, такъ что никто этого не зналъ, а потомъ у одной изъ ея короткихъ пріятельницъ. Софи Моннье, до замужества Рюффе, была жена маркиза Моннье, члена магистратуры, семидесятилѣтняго старика, за котораго она вышла 18-ти лѣтъ. Мирабо, часто отлучаясь съ разрѣшенія коменданта, котораго онъ сначала очаровалъ, въ Понтарлье, гдѣ проживалъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, познакомился съ домою Моннье, и молодая женщина, умравшая со скуки, вѣчно окруженная стариками, скоро увлеклась будущимъ трибуномъ, пылкимъ, блестящимъ, краснорѣчивымъ, хотя и далеко не красивымъ. Мирабо, конечно, съ восторгомъ ухватился за предложеніе матери, и послалъ ей письмо для передачи военному министру графу де-Сенъ-Жерменъ. Въ этомъ письмѣ онъ уже начинаетъ нападать на отца. Маркиза Мирабо, съ своей стороны, пишетъ письмо къ Мальзербу, и, между прочимъ, говоритъ, что «сынъ ея вскупилъ уже свои юношескія заблужденія» *des dix-huit ans* заключеніемъ. Она вѣроятно хотѣла написать *dix-huit ans*, хотя Мирабо сидѣлъ всего годъ и четыре мѣсяца. Какъ бы то ни было, она написала «десятилѣтнимъ». Вслѣдъ за тѣмъ и Мирабо также подалъ Мальзербу нѣсколько мемуаровъ. Первый изъ нихъ еще былъ довольно умѣренный, но въ послѣдствіи онъ уже говоритъ, что отецъ протолкалъ все его состояніе, что онъ съ дѣтства преслѣдуетъ его непримиримой ненавистью, что онъ распускаетъ противъ него всевозможныя клеветы, строитъ ему разные козни и т. д. Маркиза, разумѣется, все это приводитъ въ ярость, и, по мѣрѣ того, какъ растетъ его негодованіе, Мирабо самъ все болѣе и болѣе вредитъ своему дѣлу, даже въ глазахъ Мальзерба, который сильно стоялъ за легальность.

Г-жа Моннье, для того, чтобы прекратить дурныя слухи, ходившіе о ней въ Понтарлье, удаляется къ своимъ роднымъ въ Дижонъ. Мирабо имѣетъ снѣжность слѣдовать за ней подъ чужимъ именемъ. Мать г-жи Моннье, г-жа Рюффе, проситъ, чтобы его арестовали, и его заключаютъ въ замокъ Дижонъ. Теперь онъ настойчивѣе, чѣмъ когда-либо, требуетъ, чтобы мать выхлопо-

тала ему у Мальзербъ возвращеніе въ Парижъ, гдѣ онъ самъ хочетъ защищать свое дѣло вмѣстѣ съ дѣломъ матери. «Увы! милая матушка, пишетъ онъ:—еслибы мы съ вами соединились, ваша недостойная дочь и это чудовище, зять вашъ, не торжествовали бы!

Опасаясь быть переведеннымъ въ Монъ-Сень-Мишель, онъ бѣжитъ изъ замка Дижона. Отецъ его, опираясь на заявленіе родителей г-жи Моннье, обвиняющихъ Мирабо въ томъ, что онъ готовится похитить ихъ дочь, получаетъ разрѣшеніе препроводить его снова въ тюрьму, на свой счетъ. Онъ посылаетъ по слѣдамъ его двухъ полицейскихъ агентовъ, которые, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, преслѣдуютъ его во всѣхъ частяхъ Франціи и не могутъ схватить. Съ помощью сестры своей, г-жи де-Кабри, и одного авантюриста, по имени Бриансона, ея любовника, онъ ускользаетъ отъ всѣхъ поисковъ. Наконецъ, г-жа Моннье соединяется съ нимъ въ Швейцаріи, и оба они отправляются въ Голландію.

Теперь, когда Мирабо за-границей, маркизъ надѣется, что онъ будетъ имѣть дѣло только съ женой, и рѣшается, наконецъ, послѣдовать совѣту, который уже нѣсколько разъ давалъ ему безуспѣшно братъ его: онъ отказывается преслѣдовать сына, во-первыхъ, говоритъ онъ, потому, что чувствуетъ себя утомленнымъ и во-вторыхъ, что преслѣдованіе это могло бы показаться личной мстью съ его стороны, такъ какъ сынъ называлъ его публично своимъ врагомъ и тираномъ. Никогда маркизъ не разсуждалъ такъ благоразумно и здраво, какъ въ этомъ письмѣ къ брату, гдѣ онъ сообщаетъ ему о своемъ рѣшеніи. Что же могло заставить его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, переѣхать свое мнѣніе такъ радикально, что онъ тратитъ еще 11,600 ливровъ на то, чтобы задержать Мирабо въ Голландіи и посадить его въ Венсенскій фортъ? Здѣсь въ особенности слѣдуетъ констатировать пагубное вліяніе маркизы на дѣтей. Узнавъ о покиненіи г-жи Моннье, маркиза сначала дѣлаетъ видъ, что очень раздражена противъ него за такой скандальный поступокъ. «Я не могу ни любить, ни уважать тебя... я съумѣю наказать виновнаго, когда онъ будетъ поступать по своему», вотъ фразы, которыя встрѣчаются въ ея письмахъ. Но сыну слишкомъ хорошо извѣстна страстная подвижность ея ума для того, чтобы онъ могъ испугаться этихъ угрозъ. И онъ такъ ловко умѣетъ повернуть ее въ свою сторону, заставить ее согласиться съ его возрѣніями на добро и зло, что она вскорѣ вступаетъ въ переписку съ г-жей Моннье, которая присылаетъ ей свой портретъ, и которой она позволяетъ называть себя та сѣгѣ

падал, точно также, какъ сама она называется своимъ «любезнымъ затемъ» любовника г-жи де-Кабри, Бриансона. Но такъ какъ Мирабо закрылъ себѣ всякій путь къ примиренію съ отцомъ, и надѣется только на побѣду матери, которую эта побѣда должна сдѣлать полною обладательницей всего состоянія, и такъ какъ онъ понимаетъ, что расположить къ себѣ мать можно только ревностно служа ея интересамъ, и не соображаясь при этомъ ни съ чувствомъ справедливости, ни съ своею совѣстью, то это ведетъ его къ самымъ дерзкимъ поступкамъ противъ отца. Если даже допустить, что въ пылу борьбы противъ отцовскаго деспотизма, сынъ можетъ перейти границы защиты, то что сказать о немъ, когда, освободившись отъ менаго гнета, и увѣренный въ томъ, что ему уже нечего бояться отца, онъ съ удвоенной яростью накидывается на него и то подъ псевдонимомъ, то подъ именемъ матери, вводитъ на него самыя гнусныя обвиненія? А Мирабо именно это и дѣлалъ во время пребыванія въ Голландіи, съ октября 1776 до мая 1777 г., то есть до той минуты, пока, наконецъ, маркизъ, вышедшій изъ торжннмъ, не рѣшается отмстить своему врагу, сдѣлавшемуся для него столь же опаснымъ, сколько и ненавистнымъ, и отдѣлаться отъ него.

Мирабо не только наполняетъ всѣ Голландскія газеты оскорбительными для «Друга Людей» статьями, распространявшимися въ Парижѣ и во всей Европѣ, но сочиняетъ и печатаетъ въ Амстердамѣ памфлетъ, специально направленный противъ отца, — памфлетъ очень любопытный и мало извѣстный потому, что онъ былъ конфискованъ во Франціи полиціей. Высылая матери 600 экземпляровъ этого памфлета, Мирабо писалъ ей съ наивной наглостью: «Прошу васъ отдать эти экземпляры какому-нибудь разнощину; потому что какъ можно продавать только тайкомъ; а между тѣмъ необходимо, чтобъ они разошлись какъ можно быстрѣе, иначе сейчасъ появится контрафакція, а вы понимаете, что я хочу, по крайней мѣрѣ, соручить свои издержки». Его мать, по своему легкомыслию, воображая, что она пользуется большимъ вліяніемъ въ полицейскіхъ бюро, велитъ ему адресовать все, что онъ ей напишетъ въ Голландіи противъ отца, на имя самого министра полиціи г. де-Сартина, который такимъ образомъ первый и получилъ этотъ памфлетъ.

Между тѣмъ родители г-жи Моннье, боясь, чтобы Мирабо не покинулъ за-границей ихъ дочь, и чтобъ она не дошла до крайней степени паденія, ходатайствуютъ о ея выдачѣ и успѣваютъ въ этомъ. Маркизъ проситъ также о выдачѣ сына, предвидя, впрочемъ, что это дѣло обойдется ему дороже, чѣмъ имъ, но

какъ устоять противъ искушенія и не наказывать виновнаго за то, что онъ называлъ отцеубійствомъ (*faits et gestes de parricide*)?

Наконецъ, онъ уступаетъ; хотя независимо отъ сумми, врученной имъ полицейскому агенту, которому поручено исполненіе этого дѣла, французскій посланникъ въ Голландіи получилъ согласіе голландскаго правительства на выдачу бѣглецовъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ долги, сдѣланные ими въ странѣ, были уплачены; и маркизу, къ его великому огорченію, пришлось, такимъ образомъ, внести еще 9,500 ливровъ. Но что значила эта неприятность въ сравненіи съ той жестокой радостью, съ которой онъ извѣщаетъ брата о поимкѣ своего сына въ письмѣ, представляющемъ странный контрастъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ за нѣсколько мѣсяцовъ передъ тѣмъ, когда узналъ о бѣгствѣ сына за-границу. «Я получилъ вчера извѣстіе, что негодяй схваченъ и закованъ въ кандалы. Ты воображаешь, какого труда и какихъ издержекъ мнѣ стоило вытребовать этихъ людей изъ страны, гдѣ онъ нейтрализировался. Я поступилъ такъ, несмотря на то, что всѣ мнѣ совѣтовали «предоставить его своей участи». Старая прѣсна! Моя совѣсть мнѣ говорила, что независимо отъ преступленій, которыя онъ сдѣлаетъ по дорогѣ, какъ солому, участь его, кѣроотно, была бы такова, что, въ концѣ концовъ, человѣка, носящаго наше имя, волесовали бы. А оно не затѣмъ передано намъ нашими предками. Теперь планъ мой относительно негодяя таковъ, что никто, кромѣ меня и власти, не будетъ знать гдѣ онъ находится; и по смерти моей, мой наследникъ узнаетъ это изъ расчислѣннаго пакета, который я ему оставляю».

Можно подумать, судя по этой выдержкѣ, что гнѣвъ маркиза безкорыстенъ, и что онъ обрекаетъ своего сына на заточеніе единственно для того, чтобы онъ не говорилъ его имени. Онъ рисуется строгимъ судьей, карающимъ во имя нравственнаго и общественнаго порядка, законы котораго попираются его женой и сыномъ; но въ сущности мотивы, побудившіе его дѣйствовать такимъ образомъ, были просто личные, какъ мы видимъ это изъ многихъ мѣстъ его переписки съ близкими ему людьми. Три мѣсяца спустя послѣ заключенія Мирабо въ Вексенъ, маркизъ писалъ къ женѣ узника, тогда окончательно рассорившейся съ мужемъ: «Онъ заперъ себя двери ко всякому водворенію куда бы то ни было, безчисленными гнусными пасквилями, которые онъ писалъ на отца; хуже всего для такого человѣка было бы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, потому что онъ повѣсилъ бы со стыда; но до этого онъ не дойдетъ».

Возвратимся теперь къ маркизу, которая, считая близкимъ свое торжество надъ мужемъ, готовилась приобщить къ этому

торжеству и своего сына, но которой, увы! суждено было испытать одинаковую съ нимъ участь и почти въ одинъ и тотъ же день.

XI.

МАРКИЗЪ МИРАВО И LETTRES DE CACHET.

Мы уже объяснили въ одной изъ предыдущихъ главъ, какой, повидному, искусной системы держался маркизъ Мираво въ борьбѣ съ женой своею. Въмѣсто того, чтобъ отвѣчать на многочисленные насквили, направленные противъ него, онъ хранилъ упорное молчаніе, и только разъ, въ одномъ мемуарѣ, гдѣ защищалъ свою домашнюю администрацію, сказалъ, какъ бы мимоходомъ, нѣсколько презрительныхъ словъ о клеветахъ и ругательствахъ, которыхъ онъ былъ предметомъ, приписавъ ихъ клеветникамъ, окружавшимъ маркизу. Но если онъ щадилъ жену свою передъ публикой, за то въ разговорахъ своихъ съ министрами и судьями, не предубѣжденными противъ него, вознаграждалъ себя, изображая ее въ настоящемъ свѣтѣ. Независимо отъ новорныхъ документовъ, писанныхъ ею собственной рукою, онъ имѣлъ еще много другихъ доказательствъ ея необузданнаго характера, благодаря которымъ голословныя обвиненія, вводимыя ею на мужа, обращались противъ нея самой, и заставляли многихъ смотрѣть на нее, какъ на безстыдную, злую и сумасшедшую женщину. И потому, когда ея дѣло поступило наконецъ на разсмотрѣніе парламента, то, хотя большинство судей относились къ ученику Кене и собрату Тюрго по экономизму недоброжелательно, но маркизъ въ ея искѣ было отказано.

Но побѣда маркиза не облегчала его положенія. Рѣшеніе парламента далеко не избавляло его отъ жены; оно, напротивъ, обязывало ее возвратиться подъ супружескій кровъ, покинутый ею уже пятнадцать лѣтъ, и «Другъ людей», въ письмѣ къ своему брату, рассказываетъ, что судьи, выходя изъ засѣданія, говорили съ усмѣшкой про этихъ старыхъ супруговъ, такъ давно враждовавшихъ между собой: «Намъ скоро сообщать объ ихъ первой ночи». Онъ предвидѣлъ эту опасность, предвидѣлъ, что маркиза не замедлитъ явиться къ нему для того, чтобы вынудить его на новыя оскорбленія и грубости. Но онъ рассчитывалъ на необузданный нравъ жены своей и на свое умѣнье имъ воспользоваться. И дѣйствительно, не успѣло состояться рѣшеніе, какъ маркиза, возбѣшенная тѣмъ, что ей приходилось отказываться отъ развода, на который она такъ

разчитывала, нагрязнула къ мужу, съ твердымъ намѣреніемъ не оставиваться ни передъ какими крайностями, и во что бы то ни стало найти поводъ къ возобновленію проиграннаго процесса.

Маркизъ жилъ тогда въ обширномъ домѣ, только что купленномъ имъ, который довольно долго носилъ названіе отеля Мирабо, и до сихъ поръ еще существуетъ въ улицѣ Сены, подъ № 6, противъ улицы Мазаретъ. Маркиза завладѣла туда 12-го мая 1777 года въ семь часовъ вечера, въ сопровожденіи двухъ нотаріусовъ и еще казого-то бывшаго совѣтника парламента, Молю, изъ Тулузы, называвшаго себя ея родственникомъ и маркизомъ, тогда какъ онъ вовсе имъ не былъ. Надо предполагать, что это было лицо, весьма мало заслуживавшее уваженія, такъ какъ адвокатъ маркизы, вносившій, откликнулся о немъ въ засѣданіи суда въ самыхъ рѣзкихъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Кроме того, ея сопутствовала одна дама, которая также, какъ кажется, не отличалась особенной порядочностью, потому что она нѣсколько дней спустя была выслана изъ Парижа, вмѣстѣ съ мнимымъ маркизомъ. Швейцаръ отеля Мирабо, увидѣвъ незнакому ему женщину, входившую съ такой святой, пытается остановить ее, говоря, что господина его нѣтъ дома, что было справедливо; но она настаиваетъ, называя себя; нотаріусы подтверждаютъ ея право на совместное жительство съ мужемъ, и швейцаръ, вѣроятно, получившій отъ маркиза инструкціи, какъ вести себя въ известномъ случаѣ, пропускаетъ ее вмѣстѣ со святой.

«Она прошла, говорится въ протоколѣ нотаріусовъ: — черезъ дворъ, и поднялась по лѣстницѣ, находившейся въ глубинѣ этого двора, во второй этажъ одного аданія, выходившаго въ садъ, сопровождаемая швейцаромъ и другимъ лакеемъ; отворила дверь на-право, вошла въ переднюю, потомъ въ гостиную, гдѣ топили каминъ, и потомъ въ спальню, окна которой выходили на дворъ. Возвратясь оттуда опять въ гостиную, она спросила швейцара, также какъ и бывшаго съ нимъ лакея, чья это комнаты? Они отвѣчали, послѣдовательно одинъ за другимъ, первый, что это комнаты г. Дю-Сальяна, а второй, что это комнаты графини Мирабо. (Послѣдній отвѣтъ былъ уверткой, потому что графиня жена трибуна, дѣйствительно жившая у свекра, уѣхала отъ него уже около года, въ Провансъ). Послѣ этихъ отвѣтовъ, швейцаръ и лакей удалились, оставивъ въ квартирѣ упомянутую даму вмѣстѣ съ нотаріусами.

«Спустя нѣкоторое время, въ дверяхъ появилась женщина въ кафтанѣ, обитомъ галунами, назвавшій себя секретаремъ маркиза Мирабо, и который на вопросъ истицы (le dame réquérante):

«въ комнатѣхъ ли г-на маркиза она находится?» отвѣчалъ: да, это комнаты г-на маркиза. Послѣ чего, г-жа Мирабо, объявивъ ему, кто она, спросила: гдѣ г-нъ маркизъ, и въ которомъ часу онъ возвратится? Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ чести знать ее, и что ему неизвѣстно, когда г-нъ маркизъ Мирабо возвратится. Потомъ, онъ подошелъ къ двери, ведущей въ спальню, ввернулъ ее, и взявъ съ собою ключъ, сказавъ, что исполняетъ приказаніе г. маркиза, интересы котораго онъ обязанъ блюсти; и вслѣдъ за тѣмъ удалился.

«Прождавъ въ квартирѣ до половины одиннадцатаго, г-жа Мирабо, когда человѣкъ назвавшій себя секретаремъ маркиза, опять возвратился, поврѣсила его подать ей ужинать, что онъ и исполнилъ, сказавъ, что беретъ на себя исполненіе ея приказаній, и тотчасъ же отперъ спальню, передъ тѣмъ запертую имъ».

Секретарь этотъ былъ, конечно, monsieur Garçon, вѣжливый, законическій, но вѣрный исполнитель приказаній своего господина, который во всѣхъ щекотливыхъ обстоятельствахъ пользовался его услугами. Онъ сначала вынулъ изъ двери ключъ отъ спальни маркиза, но потомъ, сходивъ къ нему за приказаніями, снова отперъ спальню, и подалъ ужинать не только маркизу, но и двумъ нотаріусамъ и мнимому родственнику и дамѣ, о которыхъ, сказать мимоходомъ, въ протоколѣ, весьма не точно въ этомъ отношеніи, не говорится ни слова, вѣроятно, вслѣдствію ихъ неправильнаго внимательства въ дѣло. Когда нотаріусы и бывший совѣтникъ тулузскаго парламента удалились, въ 11^{1/2} часовъ, месье Гарсонъ появляется снова, и, по приказанію маркизы, велитъ приготовить ей спальню своего господина, спросивъ предварительно г-жу Мирабо, не нужно ли постлать незнакомой дамѣ, съ которой она не хочетъ разставаться, отдѣльную постель. Маркиза отвѣчаетъ ему, что не нужно, что эта дама будетъ спать вмѣстѣ съ ней. На другой день, говоритъ месье Гарсонъ, она, однакоже, велѣла приготовить для этой дамы отдѣльную постель въ комнатѣ своего супруга.

Читатель, конечно, спроситъ, гдѣ же находился самъ маркизъ Мирабо въ то время, какъ эта ненавистная для него женщина, публично позорившая его, располагалась у него въ спальнѣ и на его постелѣ? Хотя домъ его былъ очень обширенъ, такъ что въ немъ помѣщались его зять и дочь, г-нъ и г-жа Дю-Сальеизъ, съ ихъ многочисленнымъ семействомъ, но онъ покинулъ его. Потому ли, что ему было противно находиться подъ одной крышей съ женой, или что онъ боялся не совладать съ собой и доставить ей то, зачѣмъ она пріѣхала, т. е. какой-нибудь рѣшительный поводъ къ законному разводу; но онъ поселился у све-

его друга, герцога Нивернуа, домъ котораго въ улицѣ Турновъ находился достаточно ближе отъ его дома, для того, чтобы онъ могъ знать, минутой за минутой, все, что тамъ происходитъ, и посылать туда свои инструкціи. Притомъ же, въ отелѣ Нивернуа сосредоточивались всѣ его средства къ защитѣ и къ нападенію на жену. Хозяинъ дома, связанный съ нимъ сорокалѣтней дружбой, былъ зять перваго министра Морепэ. Герцогиня, жена его, особа весьма набожная, г-жа Рошфоръ, вполне преданная маркизу, наконецъ, сама г-жа Морепэ, женщина строгихъ правилъ, давно знавшая маркиза, всѣ онѣ глубоко возмущались скандальными насквилами г-жи Мирабо, ея союзомъ съ дочерью своею, г-жей де-Кабри, пользовавшейся самой дурной репутаціей, и съ сыномъ, сильно скомпрометировавшимъ себя похищеніемъ г-жи Моннье; а г-жа Морепэ была всевластна надъ умомъ своего мужа. Велѣдствіе всего этого, г-жѣ Мирабо, знавшей склонность маркиза прибѣгать къ *lettres de cachet*, слѣдовало держаться какъ можно осмотрительнѣе. Но осторожность не была ея слабостью.

На другой день послѣ своего прибытія, она сказала больно и, лежа въ постелѣ, пригласила докторовъ, послала за судебнымъ приставомъ (*huissier*) для составленія протокола объ отсутствіи ея мужа, и собрала къ себѣ всѣхъ знакомыхъ, которые прибывали одни за другими. Маркизъ все еще оставался у Нивернуа, посылая домой приказы, встрѣчавшіяся на дорогѣ съ приказами маркизы. Хотя онъ разрѣшилъ консьержу допускать къ ней ея знакомыхъ, для того, чтобы лишить ее повода жаловаться, что ее держатъ въ отдаленіи отъ общества, но, однакоже, для одного изъ нихъ, именно для ея адвоката Делакруа-Френвиля, за подписью котораго явился во время процесса позорившій маркиза мемуаръ, сдѣлано было въ этомъ случаѣ формальное исключеніе. Присутствіе его въ жилищѣ супруговъ было оскорбленіемъ для мужа. А между тѣмъ, маркиза его-то и жалала видѣть у себя, преимущественно предъ всѣми посѣтителями. Швейцаръ остановилъ его посреди двора, и, отъ имени своего господина, пригласилъ вернуться назадъ; когда онъ направился къ воротамъ, маркиза услышала его голосъ, всколыхнула съ постели, едва успѣвъ подвязать юбку, бросилась на лѣстницу и босикомъ выбѣжала на дворъ, въ шесть часовъ вечера. Она отутлилась у крыльца въ ту минуту, когда дверь готова была затвориться за ея адвокатомъ. Швейцаръ сталъ настаивать на его удаленіи. На улицѣ составилось сборище. Маркиза, въ описанномъ нами костюмѣ, обращается къ прохожимъ и проситъ ихъ о защитѣ противъ швейцара, агента преслѣдованій ея мужа, запрещающаго ей видѣться съ своимъ адвокатомъ. Швейцаръ, съ помощью осталъ-

ной прислуги старается затворить дверь, но такъ какъ маркиза упирается за нее, то онъ беретъ маркизу на руки. Впослѣдствіи, она утверждала, что онъ хотѣлъ ее выбросить на улицу; но очевидно, что онъ хотѣлъ только высвободить дверь и запереть ее, что ему, наконецъ, и удалось. Но когда маркиза очутилась на дворѣ, то ярость ея была такъ велика, что она, войдя въ коннату швейцара, гдѣ было одно окно, вышедшее на улицу, высунулась въ него, и опять стала обращаться къ прохожимъ, объявляя, что она умираетъ и сейчасъ же хочетъ идти къ нотаріусу, чтобы сдѣлать завѣщаніе. (Это была характеристическая черта марки Мирабо: она безпрестанно писала и потому рвала завѣщанія, и, въ концѣ концовъ, каяется, не оставила ни одного). Не безъ труда удалось жителямъ дома, отчасти убѣжденіями, отчасти силой, заставить ее возвратиться къ себѣ въ коннату и лечь въ постель.

Эта сцена и другія подобныя ей не пропали даромъ для маркиза. Онъ ходатайствовалъ, и другіе также ходатайствовали за него передъ Мореномъ, чтобы министръ положилъ предѣлъ такому безчестию. И вотъ, недѣлю спустя послѣ того, какъ маркиза возвратилась подъ супружескій кровъ, ее взяли и отвезли въ женскій монастырь св. Михаила. Изъ письма маркиза къ брату его видно, что этого не такъ легко было добиться; у маркиза было слишкомъ много враговъ въ парламентѣ, не соглашавшихся на подобную мѣру, и она была предметомъ особаго обсужденія министровъ, на засѣданіи которыхъ присутствовалъ самъ король. Въ тотъ самый день, какъ правительство избавило маркиза отъ жены его, онъ получилъ извѣстіе, что его старшій сынъ, задержанный въ Амстердагѣ, отправленъ въ Венсенскій фортъ.

Но этихъ жестокихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ женой и сыномъ, было недостаточно маркизу. Самый опасный изъ его противниковъ находился на свободѣ, въ Парижѣ. — Мы говоримъ о его третьей дочери, маркизѣ де-Кабри, молодой, красивой, страстной, смѣлой, настойчивой, краснорѣчивой, подвижной. Ей приписывалъ онъ — и самъ трибуны Мирабо соглашались въ этомъ съ отцомъ — всѣ свои домашнія невзгоды. Она побуждала мать свою вести войну противъ главы семейства до послѣдней крайности; она помирала маркизу съ ея старшимъ сыномъ и содѣйствовала ему въ похищеніи г-жи Моннье; она, наконецъ, послѣ того, какъ мать и братъ ея были заключены, оставалась въ Парижѣ не для того, чтобы хлопотать за брата, съ которымъ она уже рассорилась, но для того, чтобы подстрекать молодыхъ слѣдователей, и поддерживать въ нихъ раздраженіе противъ деспотическихъ поступковъ маркиза съ женой. Но маркизу пока удалось только

искодайствовать *lettre de cachet*, обязавшей г-жу де-Кабри возвратиться въ Лионъ, въ монастырь. Куда она, за два года передъ тѣмъ, удалилась добровольно послѣ ссоры съ мужемъ, и откуда уѣхала въ сопровожденіи авантюриста Бриансона, свичала для того, чтобы увидѣться съ братомъ, бѣжавшимъ тогда изъ Дижонскаго замка, а потомъ для того, чтобы предложить свои услуги матерн. «До тѣхъ поръ, пока эта не будетъ подъ ключомъ, писать маркизъ своему брату:—я не могу быть спокойнымъ. Она душа всей этой разбойнической лиги. Сама мать будетъ безоружна, когда лишится ея содѣйствія». Но ее труднѣе было засадить, нежели всѣхъ другихъ, и еслибы къ маркизу не пришелъ на помощь балли, то ему никогда не удалось бы съ ней справиться. Но возвратимся къ борьбѣ его съ женой.

Хотя Сен-Мишельской узицѣ строжайше запрещено было имѣть сношенія съ посторонними лицами, не принадлежащими къ монастырю, но запрещеніе это не соблюдалось въ точности. Несмотря на рѣшотки, маркиза писала безъ устали, и готовилась снова начать процессъ о разводѣ. Вслѣдствіе этого, маркизъ начинаетъ подумывать о какой-нибудь болѣе надежной тюрьмѣ. Онъ часто выражаетъ меланхолическое сожалѣніе, что жена не совсѣмъ сумасшедшая. «Къ несчастію, говоритъ онъ:—она только полу-сумасшедшая». Онъ, однакоже, не теряетъ надежды найти ей такое убѣжище, гдѣ она потеряетъ охоту тягаться. «Я думаю помѣстить ее, пишетъ онъ своему брату:—подъ крылышко этого добраго парижскаго архіепископа (Христофа де-Вомона), который хорошо ее знаетъ, и готовъ помочь мнѣ, какъ честный и достойный дворянинъ». Архіепископъ предложилъ Вальдонскій монастырь (*du Valdône*) въ Шарантонѣ. Это пребываніе имѣло лишь то маленькое неудобство, что туда запирали сумасшедшихъ, но, кажется, впрочемъ, тамъ сживали и полу-сумасшедшіе, хотя мы и не беремся утверждать этого положительно. Во всякомъ случаѣ, маркизъ не былъ на этотъ счетъ слишкомъ разборчивъ. «Сегодня, если не ошибаюсь, писалъ онъ къ балли:—должны увести эту даму въ Вальдонъ. Между нами — архіепископъ общалъ мнѣ, что никакихъ сношеній, ни письменныхъ, ни словесныхъ, съ посторонними тамъ не будетъ; посмотримъ, лучше ли ему будутъ повиноваться, нежели правительству и полиціи, которые принадлежатъ тотъ монастырь, гдѣ она находилась, и откуда во всѣ концы летѣли письма и прошенія».

Изъ этого письма видно, что «Другъ людей» говоритъ о перемѣщеніи маркизы, какъ о чемъ-то уже совершившемся, и правительство, дѣйствительно, согласилось на это перемѣщеніе. Исполненный нѣжной заботливости о женѣ своей, мужъ заранѣе мѣб-

пировать для нея комнату въ Вальдонѣ; и за третъ впередъ внести деньги на ея содержаніе и на наемъ вѣрной горничной, избранной самой настоятельницей. Все было, слѣдовательно, въ порядкѣ. Но когда 29-го іюня 1777 года, полицейскій агентъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ, подѣхалъ въ каретѣ къ воротамъ Сен-Мишельскаго монастыря, и именемъ короля потребовалъ маркизу, она объявила на чисто, что не поѣдетъ. Офицеръ обращается къ настоятельницѣ и велитъ отворить двери, чтобы исполнить королевское приказаніе, маркиза протестуетъ и кричитъ, что ее разорвутъ на части, прежде чѣмъ она дастъ себя взять. Настоятельница, испуганная приготовляющейся сценой, проситъ позволенія снестись съ архіепископомъ. Агентъ удаляется и, съ своей стороны, доноситъ начальнику полиціи, а тотъ обращается за приказаніемъ къ Морена. При этомъ неожиданномъ препятствіи, министръ, которому наскучили всѣ эти дѣла, махнулъ рукой, и велѣлъ оставить маркизу въ томъ монастырѣ, гдѣ она хочетъ остаться. Маркизь, напрасно потратившійся, не можетъ придти въ себя отъ такой слабости правительства; и балли, какъ извѣстно читателю, не питающій особенной нѣжности къ своей невѣстѣ, выводитъ изъ этого факта слѣдующее заключеніе: «Я вижу, любезный братъ, пишетъ онъ, 18-го августа 1777 года:—что тотъ, кто сказалъ, что никакое государство, ни республика, не могутъ существовать, когда добродѣтель изгнана отсюда, былъ вполне правъ, потому что тамъ не можетъ быть и справедливости».

Несмотря на министерскія запрещенія, маркиза не унимается. Отъ имени ея поступаетъ прошеніе на имя королевскаго прокурора, гдѣ она жалуется на мужа, противузаконно заключившаго ее въ монастырь, и угрожаетъ самому прокурору, что будетъ преслѣдовать его судомъ, если онъ не дастъ ей дѣлу хода. Прошеніе передать въ парламентъ, всѣмъ членамъ котораго узника, кромѣ того, разсылаетъ циркуляръ. Но, благодаря вмѣшательству хранителя печати—прошеніе отвергаютъ. Ей не дозволяютъ болѣе печатать—она распространяетъ рукописные мемуары. Маркизь, между тѣмъ, всячески старается продлить ея заточеніе. Онъ не терпитъ надежды, что скука заставитъ ее, наконецъ, пойти на сдѣлку, которая, лишивъ ее возможности промотать свое состояніе, избавила бы мужа ея отъ безконечнаго процесса ликвидаціи. Посредниками между нимъ и женой его являются хранитель печати и королевскій прокуроръ, оба родственники ея, представляющіе маркизу ту странную гарантію, что у каждаго изъ нихъ, какъ и у него самого, жена находится въ заключеніи. Но въ глазахъ маркиза подобная гарантія, конечно,

не имѣть большого вѣса. Однакожь, Морена, который своей женой не запералъ нигуда, по временамъ оказывается не совсемъ нечувствительнымъ къ жалобамъ сен-мишельской унницы и венсенскаго узника. Онъ совѣтуетъ маркизу бросить всё эти распри и отказаться отъ осуществленія идеальнаго «домашняго порядка», подобнаго тому, о какомъ онъ мечталъ для общества. Но маркизь, драпируясь въ тогу древняго римлянина, отвѣчаетъ: «Сдѣлавъ все возможное, для того, чтобы показать обществу, что я не причастенъ къ разврату и гнусностямъ семьи своей, и провозноса надъ ней приговоръ въ качествѣ естественнаго и домашняго судьи, я, въ случаѣ, если гражданская или политическая власть лишитъ меня своей поддержки, предоставлю ей этихъ негодаевъ; и безъ малѣйшаго угрызения совѣсти увижу мать на подмосткахъ и сына ея на Гревской Площади, и попрежнему не перестану ходить съ поднятой головой и открытымъ сердцемъ».

Вотъ здѣсь-то именно маркизь и позируетъ, какъ мы сказали выше, прикидываясь гражданиномъ, дѣйствующимъ не изъ личныхъ интересовъ, а только ради гражданскаго долга, и возлагая на правительство нравственную отвѣтственность за это, сообщникомъ котораго онъ не хочетъ себя признавать. На самомъ же дѣлѣ, это просто гордый, раздраженный мужъ и отецъ, одаренный отъ природы значительной долей себялюбія, и который, будучи задѣтъ въ своей чести и своихъ интересахъ женой и двумя дѣтьми, защищаетъ себя противъ ихъ общаго эгоизма, столь же сильнаго, но, пожалуй, нѣсколько менѣе извинительнаго, нежели его собственный. Отношенія его къ своему второму сыну могутъ подтверждать справедливость словъ нашихъ. Братъ трибуна, Мирабо-Бочка (прозванный такъ по причинѣ его непомерной толщины) причинялъ отцу своему неменѣе всякихъ хлопотъ и огорченій, нежели старшій. Маркизь часто изображаетъ его характеръ и поведеніе весьма непривлекательными чертами, и бранитъ его нѣсколько не менѣе, чѣмъ трибуна; однакожь, никогда не разрываетъ съ нимъ окончательно, и никогда не думаетъ о томъ, чтобы куда-нибудь засадить его. Отчего такъ? Видѣ. еслибы маркизь въ самомъ дѣлѣ былъ безкорыстнымъ поборникомъ общественной нравственности, то онъ долженъ бы принять и противъ этого сына столь же крутыя мѣры. Но дѣло въ томъ, что много и часто жалуясь на Мирабо-Бочку, отецъ его, однакоже, могъ прибавить и прибавлялъ: «Этотъ, по крайней мѣрѣ, былъ во мнѣ всегда почтителенъ (Celui-là, du moins, ne m'a jamais manqué), т. е. онъ хотѣлъ сказать: этотъ не писалъ противъ меня ласкатель, не выставялъ меня въ смѣшномъ видѣ, и никогда не

вмѣшивался въ мои распри съ женой. Дѣйствительно, яикомъ всегда довольствовался только тѣмъ, что старался вымануть сколько возможно болѣе денегъ какъ отъ отца, такъ и отъ дѣди и матери, но никогда не участвовалъ въ семейныхъ ссорахъ.

Наконецъ, благодаря содѣйствію балли, восстановившаго семейство г. де-Кабри противъ жены его, маркизъ добился разрѣшенія посадить дочь свою въ Систеронскій монастырь. Но тогда-то именно, очень сильный и рѣзкій мемуаръ г-жи де-Кабри, напечатанный ею въ Парижѣ, въ огромномъ количествѣ экземплярахъ, вызвалъ верный общественнаго негодованія противъ этого невиннаго любителя «королевскихъ приказаній». Въ «Запискахъ Мираво» мы находимъ страничку, гдѣ сгруппированы различныя фразы изъ писемъ маркиза, рисующія его тогдашнее настроеніе.

«Публика не судя мнѣ, восклицаетъ онъ. — Я неспрашу негати ея невѣжественныя и поскѣшныя сужденія, порожденныя нагускными страстями. И пока у меня будетъ здоровье и воля, я не перестану быть Радамантомъ, если Богъ обрекъ меня на это. Какъ бы то ни было, я хотѣлъ выиграть свой процессъ — и выигралъ. Я хотѣлъ упрятать въ монастырь этого сумасшедшика бѣбъ и упряталъ. Я хотѣлъ посадить этого каторжника и онъ сидитъ. Четыре дня тому назадъ, я встрѣтилъ Меннезэ, котораго не видѣлъ много лѣтъ. — «Вашъ процессъ съ г-жей маркизой выигрался? спросилъ онъ меня. — Я его выигралъ. — «Гдѣ же она?» — Въ монастырѣ. — «А ваша дочка, которая жила въ Провансѣ?» — Въ монастырѣ. — «А вашъ сынъ?» — Въ монастырѣ. — «Вы значить поставили себѣ цѣлью наполнять монастыри?» — Да, сударь; и еслибы вы были моимъ сыномъ, то вы бы ужъ давно сидѣли тамъ».

Но въ сущности, маркизъ не всегда былъ такъ доволенъ собой. И онъ кажется намъ гораздо болѣе интереснымъ и, кончайней мѣрѣ, столь же естественнымъ, хотя все-таки гиперболическимъ, когда онъ въ письмѣ къ своему другу, Лефрану де-Поминьяну, отъ 26-го апрѣля 1779 года, говоритъ: — Не удивительно, если послѣ всего, къ чему я пришелъ, я казался иногда самому себѣ жалокъ; но въ настоящую минуту, когда новая кара Провидѣнія обручилась надо мной (дѣло идетъ о смерти внука его, единственнаго ребенка Мираво), я вдругъ почувствовалъ къ себѣ отвращеніе, и, водвѣвъ руки къ небу, молилъ съ рыданіемъ, чтобы оно или поразило меня на мѣстѣ, или дало мнѣ другую совѣсть, которая бы просвѣтила меня и указала мнѣ, какииъ образомъ я былъ дурнымъ сыномъ, дурнымъ братомъ, дурнымъ мужемъ, дурнымъ отцомъ, дурнымъ другомъ, дурнымъ родственникомъ, дурнымъ

хозяиномъ, дурнымъ сосѣдомъ, думая быть совершенной противоположностью всего этого».

Въ этихъ строкахъ и во многихъ другихъ, которыя мы могли бы привести, маркизъ забываетъ свою роль безкорыстнаго и безпощаднаго судьи, болѣе строгаго, нежели самый законъ, единственною дѣлю котораго предохранить нравственный и общественный порядокъ—для болѣе естественной роли человѣка, защищающаго себя до послѣдней крайности противъ враговъ, носящихъ имя его, и въ которыхъ течетъ его кровь. Несомнѣнно, что на него падаетъ значительная доля отвѣтственности за факты, породившіе эту ожесточенную распрю; и что когда она началась, гораздо достойнѣе было бы вести ее открыто и честно передъ судомъ и общественнымъ мнѣніемъ, нежели прибѣгать къ *lettres de cachet*, подъ предлогомъ спасенія чести семьи. Но какой отецъ и какой мужъ, даже въ наши дни, могъ бы поручиться за себя, что еслибы онъ сдѣлался предметомъ точно такихъ же нападокъ со стороны жены и сына, еслибы они угрожали ему позоромъ и разореніемъ, и еслибы онъ въ то же время имѣлъ возможность дѣйствовать противъ нихъ тѣми же средствами, то онъ не воспользовался бы ими? Къ счастью, этимъ орудіемъ эгоизма, пользующагося покровительствомъ сильныхъ, опирающагося на министерскій произволъ, никто уже въ наше время не можетъ располагать. Примѣръ маркиза Мирабо показываетъ, впрочемъ, что и тогда уже, эти средства были пагубны для тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нимъ.

Несостоятельность претензій маркиза Мирабо поступать съ своими дѣтьми по рински всего яснѣе доказывается слѣдующимъ фактомъ. Когда онъ, наконецъ, начинаетъ понимать, что ему не одолѣть жены своей; что супруги, не желающіе ни жить вмѣстѣ, ни разойтись полюбовно, должны быть разведены судебной властью, и что если мужъ почему либо не хочетъ или не можетъ изобличить жену свою въ невѣрности, то судебное рѣшеніе о разводѣ и сопряженномъ съ нимъ раздѣлѣ имущества, можетъ состояться помимо него. И когда онъ, наконецъ, подчиняется этому раздѣлу имущества лишь бы только это не повлекло за собой его полнаго разоренія — кого этотъ Брутъ избираетъ въ посредники, для того чтобы привести враждующія стороны къ соглашенію? Прежде всего ему приходитъ на умъ именно этотъ *каторжникъ*, сидящій въ Венсенѣ, этотъ сынъ, обремененный гражданскими и общественными преступленіями, долгами и невозможными мошенничествами, клеветавшій на своего отца, преслѣдовавшій его во всѣхъ европейскихъ газетахъ и нарочно издаваемыхъ пасквиляхъ, и котораго не возродило бы даже об-

ращеніе св. Павла», какъ писалъ о немъ незадолго передъ тѣмъ маркизъ къ другу своему Помпильяну.

XII.

КОНЕЦЪ ВОРЬВЫ МЕЖДУ СУПРУГАМИ. СТАРОСТЬ МАРКИЗЫ МИРАВО.

Впрочемъ, не одно только желаніе извлечь для себя выгоду изъ вліянія, которое имѣлъ Мирабо на мать свою, заставило маркиза возвратитъ свободу венсенскому узнику. Смерть единственнаго ребенка его сына огорчила старика тѣмъ сильнѣе, что онъ, по выраженію балли, былъ одержимъ бѣсомъ «потомстволюбія» (de la postégermanie). А потому онъ хотѣлъ примирить «этого каторжника» съ его женой, для того, чтобъ отъ него было потомство; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитываетъ также, что стоить снѣтъ убѣдить маркизу пойти на сдѣлку, благопріятную для него, и Мирабо, по выходѣ изъ тюрьмы, обязанъ былъ тотчасъ же приступить къ посредничеству. Но, само собой разумѣется, онъ не долженъ былъ даже подозрѣвать, что мысль объ этомъ посредничествѣ пришла въ голову отцу его. Дюлонъ-де-Немуръ, другъ маркиза и узника, вдался уговорить Мирабо, чтобъ онъ первый написалъ къ сестрѣ своей, г-жѣ Дю-Сальманъ, о которой онъ когда-то отзывался такъ дурно. Инициатива переговоровъ съ братомъ должна была идти отъ нея, при чемъ условлено было, что она постарается увѣрить его, что отецъ ничего не знаетъ. Понятно, что вся эта комедія, измышленная маркизомъ для того, чтобъ не уронить своего достоинства, была сейчасъ же угадана Мирабо, и что онъ съ живѣйшимъ восторгомъ поспѣшилъ принять эту миссію, прежде всего освободившую его изъ тюрьмы. «Онъ одинъ былъ способенъ образумитъ свою мать, и горѣлъ нетерпѣніемъ сдѣлать эту попытку»: Онъ пишетъ къ сестрѣ, что выиграетъ сраженіе или упретъ у ногъ своего отца». Но едва онъ явился въ приемную Свѣт-Мишельскаго монастыря, какъ увидѣлъ, что уже не пользуется довѣріемъ матери. «Обстоятельства настали очень трудныя, пишетъ онъ къ сестрѣ своей Дю-Сальманъ; послѣ этого перваго свиданія 30-го декабря 1780 г.:—и я сильно сомнѣваюсь въ своихъ силахъ. Еслибъ ты знала сколько мошенниковъ осаждаютъ эту бѣдную женщину (его мать), неспособную никого слушать, кромѣ плутовъ, обирающихъ ее и льстящихъ ей. Это невообразимо. Никогда я не видѣлъ такого упрямства и такого безразсудства. Надѣюсь, что обо мнѣ будутъ судить не по резуль-

татамъ моей попытки, а по моему рвенію, котораго, вѣроятно, ты отрицать не станешь».

Тюремное заключеніе не внушило маркизѣ примирительныхъ мыслей, вопреки ожиданіямъ ея мужа. Надзоръ надъ ней монахинь значительно ослабѣлъ, она принимала къ себѣ всѣхъ, для кого испрашивала позволенія видѣться съ ней, и сынъ ея самъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что ее окружаютъ разные льстецы и плуты. При содѣйствіи друга своего Буше, секретаря полиціи, Мирабо пытается ходатайствовать, чтобы нѣкоторымъ агентамъ маркизы, противящимся всякой сдѣлкѣ между ею и мужемъ ея, запрещенъ былъ доступъ къ ней; но не успѣваетъ въ этомъ, и мать перестаетъ принимать его самого. Задѣтый за живое, онъ вскорѣ переступаетъ за предѣлы своей снѣговой роли. Маркиза подала прощеніе королю, написанное нѣкоторыми родственниками ея, вслѣдствіе котораго рѣшено было выпустить ее на свободу, если мужъ, въ самомъ скоромъ времени, не вступитъ съ ней въ соглашеніе. Мирабо бѣдетъ изъ всѣхъ силъ, чтобы помѣшать этому; онъ несѣваетъ всѣхъ родственниковъ матери, по словамъ отца его, поднимавшихъ просьбу, не читая ея, и достигая того, что исполненіе королевскаго призыванія отогрѣиваютъ. Всего забавнѣе то, что самъ маркизь, въ это время, очень заботится, какъ это видно изъ одного письма его къ г-нѣ Дю-Сальманъ, чтобы сынъ не вдавался въ крайности, дѣйствуя противъ матери.

Осаждаемый просьбами законны, парламентъ, наконецъ, допускаетъ ее снова ходатайствовать о разводѣ. Маркизь, на термахъ надежды, что прежнее постановленіе суда, отвергнувшее ея ходатайство въ маѣ 1777 года, останется въ своей силѣ, рѣшается также опять вести процессъ. Дѣло разсматривалось, кажется, въ засѣданіи 3-го мая 1781 года, въ присутствіи многочисленной публики, потому что процессъ этотъ во второй и послѣдній періодъ свой дѣлалъ гораздо болѣе шума, нежели въ первый. Возбужденіе общества противъ «Друга Людей» достигло тогда высшей степени. Общія lettres de cachets, неходатайствованныхъ имъ, и мемуаръ его дочери Кабри привели всѣмъ въ негодованіе. Ни одна изъ тяжущихся сторонъ, развѣется, лично не присутствовала на засѣданіи; маркиза представляла на судѣ его старшій сынъ, будущій трибунъ, и зять, г. Дю-Сальманъ, долго враждовавшіе между собой и теперь примирившіеся, в оба съ одинаковымъ рвеніемъ отстаивали интересы — одинъ отца, другой тещы. Они просили отъ имени маркизы, чтобы дѣло разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ. Рѣшился ли маркизь, наконецъ, сказать все противъ жены своей или онъ боялся давлені-

сія публика на судей? Онъ не объясняетъ этого въ своихъ письмахъ. Какъ бы то ни было, но просьбу о закрытыхъ дверяхъ отвергли. Интересы маркизы были вѣрены молодому адвокату Деламеллю, впоследствии члену государственнаго совѣта при имперіи и реставраціи. Защитникомъ маркизы былъ Кокеберъ, пользовавшійся извѣстностью въ адвокатурѣ. «Адвокатъ противной стороны, пишетъ маркизъ своему брату: — осмалъ меня ругательствами, и толпа аплодировала. Эти люди не видали меня, когда восторгались мной; теперь же, когда оскорбляютъ меня, видятъ еще менѣе, а судьямъ это все равно, что выпить стаканъ воды». Когда генераль-адвокатъ заключилъ въ пользу г-жи Мирабо, сынъ громко сказалъ адвокату своего отца: «Скажите же, что вѣдь это значить увѣчивать пороки» (*Dites donc, que c'est encourager le vice*). Фраза эта представляетъ странный респондъ къ той, которая встрѣчается въ его письмѣ къ Мальзербу, писанномъ въ 1776 году. «Одно изъ моихъ преступленій — я это знаю — состоитъ въ томъ, что я нѣжно люблю свою мать. Но я знаю также, что я никогда въ этомъ не раскаялся». Мирабо не ограничился защитой интересовъ отца на судѣ; онъ издалъ еще противъ матери мемуаръ, о которомъ маркизъ упоминаетъ въ одномъ письмѣ къ брату, но котораго намъ не удалось отыскать.

Напрасно адвокатъ маркизы старался утѣрить судей, что во взаимномъ положеніи обонхъ супруговъ ничто не измѣнилось съ того времени, какъ просьба маркизы о разводѣ была отвергнута парламентомъ; напрасно доказывалъ, что маркиза заключена была не волю короля, и что мужъ не принималъ въ этой мѣрѣ никакого участія, и потому она не могла служить поводомъ къ разводу; парламентъ, однакоже, рѣшилъ дѣло въ пользу маркизы и 18-го мая 1781 года состоялось постановленіе о формальномъ разводѣ между супругами. Парламентъ, какъ и всегда, не могъ шире высказать своего рѣшенія, но адвокатъ маркизы, въ сборникѣ своихъ рѣчей, пытается объяснить причины его слѣдующимъ образомъ: «Мужъ, который не желаетъ разводиться съ женой, и въ то же время не только отказывается принять ее къ себѣ, когда рѣшеніе суда обязываетъ ее возвратиться подъ супружескій кровъ, но еще и заставляетъ съ помощью *lettres de cachet*, очевидно королевскаго повелѣнія или самими, заключить ее въ монастырь, не даетъ ли этимъ самымъ поводомъ къ разводу?» На это можно было бы возразить, что маркизъ не отказывался принять къ себѣ жену, такъ какъ онъ держалъ ее у себя восемь дней. Но если рѣшеніе 18-го мая все-таки оправдывалось положеніемъ вещей, то въ формѣ этого рѣшенія вполне обнаружилось враждебное отношеніе парламента къ маркизу. На него не только

возложили всё судебныя надержки, но парламентъ не обратилъ даже вниманія на его просьбу гарантировать интересы дѣтей и не назначилъ никакого комиссара для предсѣдательства при ликвидациі общаго имущества, предоставивъ такимъ образомъ несчастнаго маркиза въ жертву всѣмъ безумнымъ притязаніямъ ожесточенной и торжествующей женщины. «Они окончательно добились меня 18-го мая», пишетъ онъ къ брату.

Маркиза, послѣ парламентскаго рѣшенія, немедленно отправилась въ Лимузенъ для того, чтобы съ торжествомъ вступить во владѣніе своими помѣстьями, и такъ какъ она любила, чтобы о ней говорили, то напечатала въ еженедѣльномъ листѣ Лиможскаго округа: *Feuille hebdomadaire de la généralité de Limoges*, великолѣпное описаніе своего триумфальнаго въѣзда въ замокъ Эгперсъ, при колокольномъ звонѣ и ружейныхъ выстрѣлахъ. Въ честь ея даже были напечатаны плохіе стихи. Она пользуется случаемъ, чтобы возвѣстить *ubi et ubi*, и въ особенности тѣмъ, кто пожелалъ бы ей дать взаимныя деньги, что «рѣшеніемъ суда, состоявшимся 18-го истекшаго мая, ей предоставлено право пользоваться всѣмъ принадлежащимъ ей и могущимъ въ послѣдствіи принадлежать имуществомъ». Она нашла средство напечатать эту *рекламу* даже въ сборникѣ Башомона; ну, велись подсмѣивается надъ ней немножко, но въ концѣ прибавляетъ слѣдующее весьма естественное размышленіе: «Другъ Людей» лонкетъ съ досады».

Маркизь, однакожь, начинаетъ нѣсколько оправдаться отъ своего орожденія, если судить по длинному письму его къ Лонго, гдѣ онъ описываетъ свое тогдашнее положеніе, и дѣлаетъ довольно оригинальную характеристику своего сына Мирабо, живущаго съ нимъ въ Биньонѣ. «Между тѣмъ, какъ друзья мои, которыхъ ужасала его репутація и способность наводить страхъ, думали, что я умру при одномъ его приближеніи, я нашолъ въ немъ только то, что оставилъ: очень много ума, невѣроятный талантъ свозлывать по поверхности, и никакой, рѣшительно никакой подмадки, а вмѣсто дунни—зеркало, отражающее въ себя всё образы, проходящія мимо, и не сохраняющее о нихъ ни малѣйшаго воспоминанія. Если вы поведете съ нимъ рѣчь о благоразуміи, осторожности, онъ будетъ говорить еще во сто кратъ лучше васъ, хотя ничто изъ этого не проникаетъ внутрь. Онъ ничего не усваиваетъ, но все скватываетъ. О чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, объ искусствѣ, наукѣ, литературѣ, древностяхъ, языкахъ, онъ знаетъ втрое больше васъ, все перепутываетъ, но говорить съ увѣренностью и жаромъ, которые импонируютъ. Ложь и огуломъ и въ мелочахъ, утвержденія, ошибки, всякаго рода исторіи, все ему ни почемъ; черезъ четверть часа

онъ все забылъ, все простилъ. И притомъ необузданный пылъ и свободолюбіе, вслѣдствіе котораго пойти на большую дорогу съ ворани, для него также легко, какъ выпить стаканъ воды. Вздорный, сварливый помимо своего желанія, а просто механически, для того, чтобы говорить всѣмъ, что ему нравится, но, впрочемъ, добрый малый; въ сущности же какой-то фантомъ и въ добръ и злѣ; золотое перо, умѣнье писать хорошо и быстро; есть вкусъ, изящество, и необычайное умѣнье пользоваться чужимъ (gariller partout).

Здѣсь начинается въ отношеніяхъ маркиза Мирабо съ женой коварный періодъ, въ теченіи котораго супруги борются равнымъ оружіемъ и до самой смерти одного изъ нихъ всачески стараются вредить другъ другу. Маркиза вступила во владѣніе всѣми своими имуществами, доходъ съ которыхъ простирается не до 60 тысячъ ливровъ, какъ она не переставала говорить во всѣхъ своихъ мемуарахъ, направленныхъ противъ мужа, но, по оцѣнкѣ, сдѣланной въ 1786 году ея кредиторами, до 38,500 ливровъ. Она увѣряетъ, что мужъ состоитъ ей должнымъ то милліонъ, то 800,000, то 200,000 ливровъ. Съ своей стороны, и онъ всѣми силами старается увеличить цифру своихъ претензій, и, вопя такимъ образомъ на гербовой бумагѣ, они въ конецъ разорвать другъ друга.

. Подать во вѣнчанію одинъ изъ вѣнцелей своего мужа, она заставляетъ, въ августѣ 1783 г., описать его движимость. Онъ платитъ и, въ свой чередъ, пытается сдѣлать съ нею тоже самое. Но у жены его нечего описывать, потому что онъ изображаетъ ее живущей въ конурѣ, гдѣ она на соломѣ играетъ въ карты (она сохранила свою страсть къ игрѣ), и окруженною плутами. Но онъ присоединяется къ другимъ кредиторамъ ея, чтобы конфисковать доходы. Когда балли говорилъ ему: «Возврати ей и свободу, и состояніе, она сама постарается отомстить за себя и оправдать тебя передъ публикой» — онъ не опибался. Мы уже говорили, что у ней, еще прежде, чѣмъ она получила право пользоваться своими доходами, было уже 400 тысячъ долгу. Кредиторы выжидали, для преслѣдованія ея, той минуты, когда она не будетъ болѣе во власти мужа, и теперь конфисковали ея доходы въ рукахъ ея арендаторовъ. Хотя и разведенная съ мужемъ, она не могла продать своего недвижимаго имущества безъ разрѣшенія мужа, который, разумѣется, не давалъ его и всачески хлопоталъ, чтобы его не дать и суду, такъ что она, при своихъ 38 тысячахъ ливровъ дохода и при постоянно усиливающемся разстройствѣ мозга, жила въ страшной бѣдности, съ каждымъ днемъ все больше и больше должна.

Въ іюнь 1785 г., маркизъ писалъ брату: «Я сейчасъ узналъ,

что эта госпожа, т. е. «моя половина» (*ma partie*) уже нѣсколько дней какъ въ Тамплѣ (Temple de революціи служилъ убѣжищемъ для несостоятельныхъ и преслѣдуемыхъ должниковъ, желавшихъ избѣжать тюремнаго заключенія за долги). Это безприкѣрный фактъ, который, еслибъ я искалъ въ чемъ-нибудь оправданія себѣ, доказывалъ бы, въ какой степени я былъ правъ, когда настаивалъ, чтобъ ей не отдавали имущества, и требовалъ администраторовъ». Можно было бы усомниться въ этомъ свидѣтельствѣ маркиза Мирабо и подумать, что онъ преувеличиваетъ, еслибы словъ его не подтверждала собственноручная записка его жены къ одному эльзасскому банкиру, нѣкоему барону М. «Г-нъ баронъ, я должна буду идти въ Тамплъ, пинеть маркиза: — вслѣдствіе этого несчастнаго обязательства, выданнаго нѣкимъ маркизу Мирабо. Чтѣ со мной будетъ? Надо заплатить впередъ за комнату, надо жить. Какое положеніе! Еслибъ я не вѣрила въ Бога, то покончила бы съ этой злосчастной жизнью, которая мнѣ въ тягость. Ради Бога, примлите мнѣ нѣсколько денегъ. Я возвращаю вамъ, какъ только получу хоть что-нибудь. Вы можете очень несчастному существу. О! какъ прѣврасно, г. баронъ, помогать страдающему человѣчеству!» Банкиръ, должно быть, не торопился исполнять ея просьбу, потому что она написала ему болѣе тридцати записокъ въ томъ же родѣ. Вотъ другая, отъ 16-го января 1786 г., изъ которой мы узнаемъ, что, несмотря на эту ужасную нужду, маркиза держали еще лавки и горничную. «Я послала къ вамъ, г. баронъ, осведомиться о вашемъ здоровьѣ и умолять васъ, чтобы вы прислали мнѣ то, о чемъ я васъ просила. Я пью воду, у меня нѣтъ дрѣвъ и ни единого су, чтобы купить что-нибудь; при мнѣ лавей и горничная; съ меня требуютъ за квартиру. Мнѣ необходимо десять лувъ. Я провожу все время въ слезахъ и столахъ. Вѣрите, что я съ благодарностью возвращаю вамъ, какъ только буду въ состояніи, и готова на всѣ условія, какія вамъ будетъ угодно предложить мнѣ; но, ради самого Бога, примлите то, о чемъ я беру смѣлость просить васъ». Почти вся, довольно объемистая корреспонденція маркизы, за послѣднія тринадцать лѣтъ ея жизни, вертится или на деньгахъ, которыя она проситъ у бога только можетъ, безпрестанно жалуясь, что она не получаетъ никакихъ доходовъ, или на вопросахъ, касающихся судебной процедуры, въ которыхъ она ничего не понимаетъ.

Впрочемъ, эта корреспонденція представляетъ также нѣсколько любопытныхъ фактовъ, хотя почти всегда относящихся къ денежнымъ дѣламъ. Мы сейчасъ видѣли, что заставляло маркизу идти въ Тамплъ; это обявняетъ насъ сказать два слова о новомъ положеніи, которое въ это время занялъ Мирабо между

отцовъ и матерью. Читатель знаетъ уже съ какими рвеніемъ будущій трибуна, перейдя, въ 1781 г., на сторону отца, ратовалъ за его интересы. Пока маркизъ сохранялъ нѣкоторую надежду, что сынъ его снова пріобрѣтетъ себѣ почетное положеніе, убѣдивъ жену свою сойтись съ нимъ, онъ поддерживалъ его, какъ только могъ. Но увидѣвъ, что Мирабо не успѣлъ въ попыткѣ своей (которой, впрочемъ, маркизъ нисколько не одобрялъ) достигнуть этого результата путемъ суда, и въ 33 года снова очутился на отцовской шеѣ, обремененный долгами и болѣе чѣмъ когда-либо компрометированный — онъ сталъ тяготиться своимъ старшимъ сыномъ. Независимо отъ нескромнаго характера, между ними было слишкомъ много горькаго воспоминаній; со стороны отца — слишкомъ много строгости, со стороны сына — слишкомъ много оскорбленій, для того, чтобы они могли ужиться вмѣстѣ. И вотъ маркизъ начинаетъ подумывать, какъ бы ему отдѣлаться отъ сына, оставивъ его на иррежемъ содержаніи, подъ опекой, которая еще не была снята, и вслѣдствіе которой онъ могъ пользоваться только $\frac{1}{3}$ своихъ доходовъ, между тѣмъ, какъ остальные двѣ трети шли на удовлетвореніе кредиторовъ. Такъ какъ жена будущаго трибуна, вѣроятно, отказалась отъ своей части въ этой пенсін, то ему приходилось получать 250 ливровъ въ мѣсяцъ, черезъ новаго попечителя, назначеннаго послѣ того, какъ маркизъ сложилъ съ себя эту обязанность. Но три тысячи ливровъ въ годъ — это было для Мирабо послѣдней степенью бѣдности, и онъ рѣшился опять стать на сторону матери. Вытнать у нея денегъ было трудно; мы видѣли, въ какомъ положеніи она находилась при своихъ 38,500 ливровъ дохода; но ловкій человѣкъ могъ еще эксплуатировать ея подлость. — Она до такой степени возмущена была поведеніемъ сына въ 1781 г., что во время его процесса съ женой, въ 1783 г., изъ всѣхъ силъ старалась вредить ему. Мирабо самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ судебныхъ мемуаровъ. Какъ же ему удалось опять войти въ ней въ милость? Вѣроятно, съ помощью тѣхъ-же средствъ, въ какихъ онъ прѣбѣгъ въ 1772 г. при подобныхъ обстоятельствахъ, т. е. прикидываясь обманутымъ *«обирными врами»*, ненавистнымъ *«въ мусулю западно»*, и безъ сомнѣнія, сильно возмущаясь противъ отца. Можно предположить, что и маркиза была не прочь имѣть подъ рукою этого сына, изворотливости котораго удивлялся отецъ его. Достоверно только, что въ 1784 г., будущій трибуна познакомилъ мать свою съ тѣмъ эльзасскимъ банкиромъ, барономъ М., къ которому она писала столь жалобныя письма. Банкиръ этотъ, по словамъ г-жи де-Нера (Nehra), которая жила тогда съ Мирабо, былъ ростовщикъ. По настоянію сына, маркиза подписала обязательство въ 30,000

лировъ, изъ которыхъ 2,000 она получила сама. Сколько получилъ Мирабо? Изъ-за этого вопроса между матерью и сыномъ начинается распря, о которой можетъ дать понятіе слѣдующее письмо маркизы, гдѣ она еще не величаетъ эльзасскаго баркира «господиномъ барономъ».

«11-го апрѣля 1784 г. суббота. Не сердце ваше, м. г., отвѣчало на мое послѣднее письмо, и еще менѣе вашъ образъ мыслей. Графъ Мирабо присутствовалъ при вашемъ отвѣтѣ; а ему я не довѣряю. Онъ былъ съ вами въ эту минуту. Вотъ чего я требую отъ васъ: заявленія, что деньги, на которыя выдано мною обязательство, заняты были г-мъ Мирабо, за исключеніемъ 2,000 франковъ, которые вы были такъ добры вручили мнѣ на мои дѣла. Это для меня тѣмъ болѣе необходимо, что графъ Мирабо позволилъ себѣ сказать г-ну Виньону (его поочетелю), что онъ взялъ себѣ изъ этой суммы только 19,000 франковъ. Вы должны сдѣлать это заявленіе. Я требую справедливости и вы не можете отказать мнѣ въ ней. Имѣю честь быть и проч. Вассанъ, маркиза де-Мирабо».

Она повторяетъ тоже самое въ другомъ письмѣ къ сыну, болѣе сбивчивомъ, и написанномъ отъ того же числа, хотя она помятила его по ошибкѣ, какъ это часто случалось съ ней, слѣдующимъ годомъ. «Я не хочу, пишетъ она:—чтобы когда-нибудь враги мои (безъ сомнѣнія, ея мужъ) могли, по злобѣ на меня, сказать что эти десять тысячъ франковъ пошли въ мою пользу». (Она забываетъ здѣсь, что двумя тысячами она все-таки воспользовалась. Очень можетъ быть, впрочемъ, что Мирабо получилъ только 19,000 фр., а остальные 9,000 остались въ карманѣ эльзасскаго барона. Г-жа Нера говоритъ, что этотъ баронъ продалъ имъ старую мебель за новую; можетъ быть, эта мебель и представляетъ недостающіе 9,000 франковъ). Кромѣ того, она требуетъ, чтобы сынъ вручилъ ей всѣ векселя, выданные имъ эльзасцу, такъ какъ они погашены тѣмъ обязательствомъ, которое она подписала; словно она намѣревается начать противъ Мирабо искъ. «А иначе, прибавляетъ она:— я подумаю, какія мнѣ слѣдуетъ принять мѣры для своего обезпеченія какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ». Она оканчиваетъ своей излюбленной формулой, которую постоянно употребляла и естатн, и не естатн во всѣхъ своихъ письмахъ къ дѣтямъ, даже ругая ихъ: *«Природа никогда не теряетъ правъ своихъ»*. Желаю тебѣ, сынокъ мой, большаго счастья, и чтобы ты заслужилъ его своимъ поведениемъ». Ссора между сыномъ и матерью, по всей вѣроятности, все усиливалась, и Мирабо, въ одной запискѣ, адресованной къ своему пріятелю Витри, сообщаетъ намъ, какъ понимала маркиза эти слова, что «природа никогда не теряетъ правъ своихъ».

«Адъ изрыгаетъ на меня всякаго рода ужасы и предательства. Послѣ моей исторіи съ О...., исторіи, гдѣ мнѣ чуть не перерѣвали горла, и которой я обязанъ своей матери, она натравила на меня еще М. (все того же эльзасскаго барона); увѣривъ его жену, будто бы я хвалился тебѣ и твоей женѣ—что оба вы готовы подтвердить—а также и самой маркизѣ Мираво, что я оболгивалъ баронессу и будто бы отзывался о ней въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Прошу тебя, зайди къ г-жѣ М. и скажи ей и ея мужу, что это самая гнусная выдумка».

Это остроумное мщеніе со стороны матери, которая, будучи недовольна сыномъ своимъ, подвергаетъ опасности его жизнь, показалось намъ настолько оригинальнымъ, что мы не рѣшились пройти его молчаніемъ.

Всѣ отношенія маркизы съ дѣтьми обыкновенно кончались сильными бурями. Другу Людей удалось убѣдить ее въ 1788 г., чтобы она отдѣлила младшему сыну, виконту Мираво, по случаю женитьбы его, известную сумму. Виконтъ не тотчасъ послѣ женитьбы повезъ жену свою къ матери, възъ боязни, если вѣрять маркизу, чтобы отвратительная конура, въ которой она жила, не произвела на молодую женщину слишкомъ дурнаго впечатлѣнія. И вотъ маркиза честить его негоднѣмъ (gueux), объявляя, что никогда не будетъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Она рассорилась также въ это время съ своею дочерью, г-жею де-Кабри, которая такъ компрометировала себя изъ-за нея. Мать обвиняла ее въ черной неблагодарности; что же касается до ея второй дочери, г-жи дю-Сальянъ, и зятя, то, какъ мы увидимъ сейчасъ, маркиза продолжала ненавидѣть ихъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Корреспонденція ея заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя признанія, показывающія, что она была справедливо наказана за то упорное ожесточеніе, съ которымъ преслѣдовала мужа. «Я была бережлива до развода, пишетъ своему нотаріусу:—но съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась полной госпожей своего имуществва, не умѣю рѣзчитывать, и всегда страдала и терпѣла за другихъ. Постоянно испытывая лишенія, я встрѣчала въ дѣтяхъ своихъ только самую черную неблагодарность, что заставляетъ меня жестоко страдать».

Она пережила своего мужа, преслѣдуя его почти въ послѣднія минуты. Она была свидѣтельницей возвышенія своего старшаго сына смерти его, въ тотъ моментъ, когда онъ, казалось, поведѣвалъ событіями.

Такъ какъ она являлась къ нему лишь въ качествѣ требовательнаго и раздраженнаго кредитора, то онъ, кажется, наконецъ, пересталъ принимать ее. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить по двумъ документамъ, одинъ изъ которыхъ, напечатан-

ный ею въ газетѣ, почти на другой день послѣ смерти великаго оратора, составляетъ странный диссонансъ съ величавымъ характеромъ всёмъ извѣстной погребальной анонимки. Документъ этотъ появился въ роялистскомъ органѣ («Journal de la Cour et de la ville» № 20), который одинъ только, по всей вѣроятности, осмѣлился напечатать его, тѣмъ и нужно объяснить то обстоятельство, что въ наше время, когда никакія детали подобнаго рода не ускользаютъ отъ вниманія исследователей, никто изъ нихъ не упоминалъ о немъ. Это длинный рассказъ о смерти трибуна, написанный его матерью, или, лучше сказать, длинный протестъ противъ г-жи Дю-Сальянъ, будто бы не допустившей маркизу принять послѣдній вздохъ ея сына. Она утверждаетъ, что наканунѣ смерти его она простояла на дворѣ его подъ навѣсомъ *шесть съ половиною часовъ* и не могла добиться позволенія видѣть трибуна. Но такъ какъ она признается навивно, что ничто бы не могло помѣшать ей войти, «еслибы она не боялась, что присутствие ея потрясетъ больного и что ее, пожалуй, обвинять въ его смерти», то сама оправдываетъ этимъ дочь свою, которая, безъ сомнѣнія, не стала бы пренятствовать послѣднему свиданію между матерью и умирающимъ сыномъ, еслибы послѣдній, находившійся въ памяти до послѣдней минуты, не воспротивился этому свиданію самымъ положительнымъ образомъ. Протестъ маркизы оканчивается слѣдующей любопытвой фразой, гдѣ, сквозь личину огорченной матери, проглядываетъ чувство, преобладавшее въ ней надъ всѣми другими. «Я все сдѣлала и была бы готова всегда все сдѣлать для этого сына, для котораго, въ трудное время, вошла въ такіе долги, что до сихъ поръ еще не могу съ ними раздѣлаться». Подписано: «Маркиза Мирабо. 15-го мая 1791 года. Улица Pot-de-Fer, № 5-й».

Мы ограничились только бѣглымъ анализомъ этого документа, потому что онъ уже напечатанъ, хотя и мало извѣстенъ, а также потому, что маркиза, писавшая его для газеты, болѣе или менѣе сдерживаетъ себя въ немъ и не даетъ намъ столь полнаго и вѣрнаго понятія о своихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ свойствахъ, какъ въ другомъ подлинномъ и нежданномъ документѣ, касающемся того же предмета и адресованномъ ею, 23-го апрѣля 1791 года, къ ея второму сыну, викенту Мирабо. Въ 1788 году, она объявила, что никогда его не увидитъ. Но, вѣроятно, съ тѣхъ поръ уже видѣлась и помирилась съ нимъ, хотя, повидному, ей не вполне извѣстно, какъ онъ живетъ и что дѣлаетъ; она какъ будто даже и не знаетъ, что въ это время онъ уже эмигрировалъ. Какъ бы то ни было, это письмо, по нашему мнѣнію, представляетъ нѣчто въ родѣ фотографіи этого

внучаго, но болѣе чѣмъ когда-нибудь поврежденнаго мозга, и мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь:

«Я всегда смотрѣла на тебя, любимый сынъ, какъ на свое утѣшеніе. Я нуждалась въ немъ; природа никогда не терзаетъ своихъ нравъ: когда я узнала о болѣзни твоего брата, я шесть часовъ съ половиной простояла на дворѣ, подъ навѣсомъ, не вѣдая о себѣ докладывать, въ опасенія, чтобъ съ нимъ не произошло перемѣны. Въ другіе дни я каждую минуту приподила осмѣливаться о его положеніи, потому что во все время его болѣзни находилась у одной пріятельницы. Эта госпожа Дю-Сальясъ съ своими сыновъ совсѣмъ овладѣла имъ. Она имѣла на это свои причины, также имѣла и ея дочери. Въ пятницу, на четвертый день его болѣзни и наканунѣ смерти—такъ какъ онъ умеръ въ субботу, въ 9 часовъ утра—я послала къ нему его вѣра, который три часа пржедалъ въ передней, потому что о немъ не хотѣли доложить. Онъ не осмѣлился неповѣдываться, и ему не сказали, что я захожусь у дверей его; даже письмо, которое я написала ему наканунѣ его смерти и послала къ г-нѣ Дю-Сальясъ, для передачи ему, она не показала ему, хотя онъ находился въ палатѣ. Онъ далъ ей толстую книгу ассигнацій; она узнала только часъ спустя послѣ его смерти, а на другой день у ней сѣялись и пѣли. Это криво ужасно. Г. де-Мотаръ (ея нотаріусъ, который былъ и нотаріусомъ Мираво) засвидѣтельствовалъ его духовное завѣщаніе, за двѣнадцать часовъ до его смерти; въ завѣщаніи этомъ не упомянуто ни о женѣ его, ни объ его имѣніяхъ, ни о брата Мираво, ни о г-нѣ де-Кабри, ни о тебѣ, ни обо мнѣ. Онъ оставляетъ своему доктору Кабаню, какому-то Лансу, г-ну Ламуретту, этому такъ называемому епископу Монсвему, своему лебачьему сыну, своей любовницѣ г-нѣ де-Иера, дѣтямъ... (нельзя разобратъ имени), своему компаніону, своимъ пріятельницамъ шануалессамъ Моббъ въ 2,400 ливровъ пожизненной пенсін и 600 ливровъ пенсін... (также нельзя разобратъ имени). Г-на Дю-Сальясъ сына назначить наследникомъ всего своего имущества, а душеприказникомъ г-на Ламара, донутата и друга своего, который заходить во мнѣ. Я предупредила его, что буду оспаривать завѣщаніе, такъ какъ сынъ мой находился подъ опекой и разѣ двѣдцать, не крайней вѣрѣ, самъ опирался на это, и даже не даѣе, какъ мѣсяца два тому назадъ, когда не хотѣлъ платитъ за обидѣ, который писалъ въ министерство баталіоннаго командира (!). Всѣ мнѣ говорятъ, что завѣщаніе недействительно и советуютъ вести процессъ. Г. Ламаръ утверждаетъ, что всѣ долги, оставшіеся послѣ покойнаго, не достигаютъ 50,000 франковъ. Я

увѣрена въ противномъ. Онъ говоритъ, что серебряной посуды и библиотеки будетъ съ излишествомъ достаточно для покрытия этихъ долговъ. Всѣ спектакли закрыли, потому что умеръ освободитель Франціи. По немъ наложенъ трауръ. Ему присуждаютъ безпрестанно вѣнки за гражданскую доблесть. Его похороны были волнующиѣе королевскихъ. Стеченіе народа и энтузіазмъ были громадны. Услышавъ въ пятницу зовъ большого колокола въ соборѣ Нотръ-Дамъ, онъ сказалъ: «Не на похороны ли Ахилла созываютъ прежде его смерти». (Замѣтимъ адѣсь мимоходомъ, что письма маркизы вообще отличались странной орфографіей: такъ, наприимѣръ, адѣсь, вмѣсто *obedques d'Achille* она пишетъ *les orsedque d'hasille*). У дверей его дома каждый день толпилось до четырехъ тысячъ человѣкъ, плакавшихъ и сокрушавшихся. Онъ говорилъ епископу d'Autun: «Скажите этому народу, что я умираю за него, что отрадно умирать посреди него». Не довольно говорить о печальныхъ вещахъ, я хочу развлечь себя и слышу сказать тебѣ, что я обожаю твоего маленькаго Виктора (новорожденнаго сына виконта). Какъ я буду рада поцѣловать его! Онъ дорогъ мнѣ. Это надежда моего семейства. Говорятъ, что жена твоя беременна. Ты мнѣ ничего не пишешь объ этомъ. Она писала ко мнѣ, любезный сынъ, и я сообщила ей въ подробности, о чемъ она просила меня. Нотариусъ Мотаръ велъ себя недостойнымъ образомъ, и я его оставляю. Онъ все въ муниципальномъ совѣтѣ и въ комитетахъ. Я никогда въ жизни не увижусь съ г-жею Дю-Сальянъ. Все мое семейство должно послѣдовать моему примѣру, иначе я сочту себя оскорбленной. Я прощаю, но не забываю. Не сомнѣвайся въ моихъ чувствахъ. Я тебѣ ихъ доказала и ты собственноручно подтвердилъ это. Я заслуживаю твоей нежности, милый сынъ, и ты не можешь отказать мнѣ въ ней. Мнѣ больно находиться въ разлукѣ со всей семьей своею, подвергаться всякаго рода глупостямъ, динять одними сожалѣніями, существовать только для скорби. Аббатъ (аббатъ Ж., не перестававшій обирать и объѣдать ее даже въ бѣдности) проситъ передать тебѣ тысячу увѣреній въ его преданности. Онъ поддерживаетъ и утѣшаетъ меня. Покрывайся славой и возвратись закрыть мнѣ глаза, милый сынъ. Зарадѣе обнимаю тебя. Вассакъ де-Мирабо».

Въ этомъ странномъ письмѣ есть одна подробность, отличенная нами курсивомъ, на которой слѣдуетъ остановиться. Не многими, вѣроятно, извѣстно, что Мирабо, достигнувъ высшей степени политическаго вліянія, когда взоры Франціи и всей Европы были обращены на него, находился еще подъ опекой, наложенной на него въ 1774 году, и не могъ выдать росписки въ 10 франковъ

безъ разрѣшенія своего куратора г. Виньона. Тѣ, которые это знали, думали, вѣроятно, что, обремененный заботами, сопряженными съ его политической ролью, онъ не имѣлъ времени хлопотать о снятій опеки, а, между тѣмъ, если вѣрять словамъ его матери, оказывается, что онъ очень хорошо уживался съ своимъ положеніемъ неспособнаго человѣка, находя его даже выгоднымъ, такъ какъ оно давало ему возможность не платить долговъ своихъ, и что, будучи сдѣланъ баталіоннымъ командиромъ національной гвардіи, 18-го января 1791 г., и тайно получая отъ короля пенсію, цифра которой въ настоящее время весьма хорошо извѣстна, онъ имѣлъ странную смѣлость отказываться отъ уплаты ресторатѣру денегъ за обѣдъ, который давали офицерамъ своего баталіона, — сосланившись на опеку. Фактъ этотъ, конечно, весьма мало вѣроятенъ; но еще менѣе вѣроятенъ тотъ фактъ — хотя онъ однакоже справедливъ — что мать Мираво распространяла повсюду этотъ слухъ для того, чтобы доказать не-дѣйствительность духовнаго завѣщанія своего сына.

Она, дѣйствительно, нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету въ своихъ письмахъ къ нотаріусу, котораго хотѣла оставить, какъ она говорила, но котораго продолжаетъ осаждать просьбами о деньгахъ, хотя онъ не всегда можетъ удовлетворить ихъ. Къ этому нотаріусу адресована послѣдняя записка ея изъ тюрьмы, куда ее посадили во время террора. Въ запискѣ этой замѣчается какой-то республиканскій оттѣнокъ, довольно неожиданный съ ея стороны, но довершающій портретъ ея.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ заключеніи, любезный гражданинъ, вотъ уже около года — я ничего не получаю и давно нуждаюсь. Прошу васъ помочь мнѣ. Я скоро должна быть выпущена. Мнѣ сказали это и невинность моя подтверждаетъ мнѣ это. Теперь дарствуетъ справедливость. Вы говорили, что деньги внесены въ казначейство. Развѣ меня лишили тѣхъ фондовъ моихъ, которые находились у васъ? Надѣюсь, что вы не оставите меня безъ помощи въ моемъ положеніи. Прошу васъ вручить моей гражданкѣ, для передачи мнѣ, что вы можете. Не покидайте меня въ моемъ положеніи. Прошу васъ никогда не сомнѣваться въ моемъ уваженіи и преданности. Ваша согражданка Мираво. 1-го Вандемьера, 3-го года французской республики, единой и нераздѣльной».

Она умерла два мѣсяца спустя, 28-го Брюмера 3-го года (ноября 1794), шестидесяти лѣтъ и, вѣроятно, въ той же нищетѣ, въ какой жила со времени своей побѣды надъ мужемъ. Въ мемуарѣ, напечатанномъ и опубликованномъ по смерти ея следи-

затомъ ея кредиторовъ, сказано, что ея активъ простирается до 600,000 франковъ, а пассивъ превышаетъ миллионъ.

Маркизь Мирабо умеръ ранѣе, когда только-что открылось учредительное собраніе. Въ послѣдніе годы жизни своей, онъ снова сошелся съ сыномъ; но, не говоря уже о томъ, что прошедшее оставило въ душѣ ихъ слишкомъ горькій осадокъ, слишкомъ ошелоачило ихъ другъ противъ друга, самые взгляды ихъ на современнѣйшія событія такъ расходились, что истиннаго сближенія здѣсь, конечно, не могло быть. Маркизь незадолго до смерти писалъ о своемъ сынѣ: «Даже уничтожая вопіющія злоупотребленія, онъ не дѣлаетъ ничего, кромѣ вреда. Онъ, очевидно, стремится въ разрушенію существующаго порядка вещей». Надѣясь же упомянуть о томъ, какъ произошло примиреніе между отцомъ и сыномъ. Когда правительство созвало генеральныя штаты, Мирабо, уже пользовавшійся громкой извѣстностью, благодаря своимъ политическимъ брошюрамъ, хотѣлъ быть депутатомъ прансальскаго дворянства, но этого можно было достигнуть не иначе, какъ владѣя какими-нибудь наследственнымъ имѣтельствомъ, а, между тѣмъ, всѣ имѣнья принадлежали отцу, подступиться къ второму было трудно, потому что онъ относился къ политической дѣятельности своего сына далеко не благосклонно. И вотъ Мирабо придумалъ слѣдующее средство. Выпустить въ свѣтъ большое сочиненіе въ четырехъ томахъ, «Исторія Прусской Монархіи при Фридрихѣ Великомъ», онъ посвятилъ его Другу людей. «Я на осмѣлился, дорогой батюшка, писать онъ въ этомъ посвященіи:—просить вашего позволенія посвятить вамъ свой трудъ, потому что вы могли отказать мнѣ, а это причинило бы мнѣ глубокое огорченіе. Я чувствовалъ неодолимую потребность сказать должное патриоту-философу, котораго все болѣе и болѣе поручаю называть отцомъ своимъ. Вся Европа признала за вами титулъ «Друга Людей», сознавая, что высь одушевляла истинная заботливость объ ихъ счастьи». Далѣе онъ называетъ отца «однимъ изъ прероскопейнѣйшихъ нашихъ писателей», цѣлуетъ руку политическаго эконома и, наконецъ, раскрывается во всѣхъ подробностяхъ, которыя причинили отцу въ дни своей юности, вырваннаго твердымъ желаніемъ сдѣлаться полковникъ гражданиномъ. Маркизь, въ то время всѣмъ покинутый, былъ тронутъ и этимъ признаніемъ заслугъ своихъ, и этимъ раскаяніемъ. Читая сочиненія своего сына, онъ находитъ, что въ слѣдъ его есть нѣчто удивительное его отца, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаетъ даже слѣдъ настоящаго гениа». Вскорѣ послѣ того онъ свидѣлся и Мирабо получилъ желаемое имѣнье, но, отвергнутый дворянствомъ, какъ извѣстно, выступилъ кандидатомъ средняго сословія.

А. П.

СТАРЧЕСКОЕ ГОРЕ

III

НЕПРЕДВИДИМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВЛУЖДЕНИЯ УМА.

РАЗСКАЗЪ.

Про Каширину всё говорили: вотъ истинно милый человекъ! А некоторые прибавляли: это человекъ свѣтлаго ума, любезный, преданный дѣлу и замѣчательно интересный; однимъ словомъ, человекъ, знакомство съ которымъ слѣдуетъ гордиться. Люди самыхъ противоположныхъ лагерей сходились въ любви къ Каширину и въ признаніи его достолюбивыхъ качествъ. Съ своей стороны, и онъ всѣхъ любилъ, со всѣми здоровался и всякому никакъ сказать что-нибудь пріятное. И всегда это пріятное выражалось съ такою сердечностью; какъ будто оно было адресовано исключительно тому лицу, къ которому обращалось, а вовсе не представляло собой банальной фразы, которую можно приложить къ всякому встрѣчному. И всякому представлялось (особливо самолюбивымъ людямъ), что это не была съ его стороны только любезность, а именно интимное выраженіе достолюбивыхъ свойствъ его природы.

Словомъ сказать, хотя Филиппъ Филиппичу (такъ зовутъ Каширину) перевалило за пятьдесятъ; но онъ рѣшительно не понималъ, чтобы, до послѣднихъ непредвидимыхъ невзгодъ, существованіе его было когда-нибудь омрачено продолжительными и существенными горючими.

Какимъ образомъ явился Филиппъ Филиппичъ на сцену жизни, и откуда, «изъ какихъ» онъ былъ родомъ—никто объ этомъ

достоверных сведений не имѣлъ, да и самъ онъ очень ловко уклонился отъ вопросовъ на эту тему. Въ действительности же, онъ былъ родомъ изъ подѣ Пронскаго города, сынъ мелкопомѣстнаго помѣщика, и даже до днѣсь у него живетъ въ тѣхъ мѣстахъ тетя Агафья Ивановна, старая дѣвица, въ пользу которой Каширинъ отказался отъ своего родоваго наслѣдства. Наслѣдство это, по старому крѣпостному счету, заключалось въ трехъ мужеска поля душахъ, при двадцати пяти десятинахъ землн. Когда состоялась крестьянская эмансипація, то за души выдали деньги, которыя Филиппъ Филиппычъ взялъ собѣ, а землю, съ находящеюся на ней веткой усадьбой, съ движимымъ имуществомъ, съ лѣсами, водами, рыбными ловлями и прочими угодьями, предоставилъ тетенькѣ Агафьѣ Ивановнѣ. Съ своей стороны, Агафья Ивановна, въ знакъ благодарности, ежегодно присылала ему къ Рождеству двухъ замороженныхъ индеекъ, каковаго презента онъ, впрочемъ, всегда ожидалъ съ большимъ страхомъ, потому что боялся, чтобы кто-нибудь изъ «друзей», провѣдавъ объ этомъ, не заговорилъ, съ шутивымъ русскомъ тономъ, о славномъ и знаменитомъ родѣ Кашириныхъ.

Воспитаніе Филиппъ Филиппычъ получилъ, по своему времени, хорошее, и собственно съ момента поступления въ казенное заведеніе начиналъ свою историческую жизнь. Вѣроятно, отецъ его былъ тоже права достопочтеннаго и чувствовалъ себя хорошо въ роли ласковаго теляти—и это въ значительной степени помогло молодому Каширину. Благодаря этому обстоятельству, богатый сосѣдъ (онъ же и любитель просвѣщенія) приглубилъ маленькаго Филн, и сначала воспиталъ его, съ своими дѣтьми, дома, потомъ помѣстилъ на свой счетъ въ университетскій пансіонъ, откуда онъ перешелъ въ Московскій университетъ, и, наконецъ, умирая, завѣщалъ своему питомцу небольшой капиталъ. Вслѣдствіи, когда молодые потомки богатаго барина пошли бойко по службѣ, то и они помогли Каширину. Филиппъ Филиппычъ поддерживалъ эти связи, но не только безъ навязчивости, а даже болѣе, нежели съ скромностью. Смолodu, онъ даже скрывалъ объ этомъ обстоятельстве отъ своихъ «друзей», хотя друзья очень хорошо понимали, что у него есть гдѣ-то «рука», благодаря которой онъ преуспѣваетъ на бюрократическомъ поприщѣ. Впрочемъ, онъ очень аккуратно посѣщалъ своихъ патроновъ и патронессъ въ дни семейныхъ и торжественныхъ праздниковъ, и изрѣдка являлся къ нимъ, по приглашенію, запросто отобѣдать. Иногда, «коренные» друзья, прогуливаясь съ Филиппомъ Филиппычемъ по Невскому, видали, какъ какая-нибудь высокопоставленная дама дружески кивала Каширину изъ коляски, и онъ, почтительно отдавая поклонъ, краснѣлъ. И если

эти «друзья» были литераторы, то они очень остроумно по этому поводу подшучивали надъ Каширинымъ, но ежели «друзья» были бюрократы, то они задумывались и крѣпко сжимали счастливу руку. Сверхъ того, раза два-три въ годъ, бывали такіе случаи, что сами патроны и патронессы (дрово стараго добраго барина оказывалось многобѣвственнымъ), сами назывались къ своему интересному protégé на «вечерокъ» и привозили дѣтей съ гувернантками. Въ такіе дни онъ покушалъ печенья къ чаю, конфеты, фруктовъ, шампанскаго, курилъ въ квартирѣ духами, облекая во фракъ, спускалъ на окнахъ драпир, чтобы не видно было съ улицы саѣта, и строго на строго приказывалъ швейцару (онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ, но всегда въ такомъ домѣ, гдѣ была заведенъ швейцаръ) отнюдь не пускать «друзей». Патроны, патронессы, ихъ дѣти и гувернантки кушали чай, конфеты и фрукты, выпивали по бокалу шампанскаго, хвалили квартиру Каширина, и находили, что у него очень «мило». Онъ же старался быть почтительно-гостеприимнымъ (но безъ всякаго искательства), предоставлялъ въ распоряженіе гувернантокъ и дѣтей piano péсаниque (для этого собственно онъ его и приобрѣлъ), а дамамъ показывалъ альбомы съ фотографическими карточками, кинсеки и платокъ, подаренный ему Гарибальди. Вообще, онъ былъ безконечно сѣлющъ и любезенъ, хотя внутренно и мучился, что бы кто-нибудь изъ литературныхъ «друзей» не проникалъ о пиршествѣ и не положилъ его въ основаніе расказовъ болѣе или менѣе юмористическаго свойства.

Въ университетѣ, Каширину удалось слушать лекціи Грановскаго, тогда только что начавшаго свою воспитательную дѣятельность. Это положило нелѣгкую печать на всю его жизнь; это дало ему кусокъ къ выщному, и, что важнѣе всего, утвердило въ намѣреніи неуклонно идти по стезѣ чести и благородства. И онъ шелъ по этой стезѣ до конца, и очень глубоко скорбѣлъ, видя, какъ нѣкоторые изъ его товарищей, тоже ученики Грановскаго, поступали на службу, «прибытка ради», въ московскую гражданскую палату, и тамъ находили себѣ успокоеніе подъ сѣнью «крѣпостныхъ дѣлъ». Самъ же онъ всегда выбиралъ службъ самыя благородныя, съ легкимъ фрондирующимъ отбѣвомъ (фрондировать не служба онъ не могъ, потому что не имѣлъ достаточно обезпеченныхъ средствъ къ жизни), а именно: сначала поступилъ на службу въ вѣдомство «Предвкусенія свободъ», потомъ, когда благородство изъ этого вѣдомства перешло въ вѣдомство Плаваній и Визацныхъ открытій, то и онъ, вслѣдъ за нимъ, перешелъ туда же, и наконецъ, когда времена окончательно созрѣли, онъ окончательно утвердился въ вѣдомствѣ

Дивидендовъ и Радзвѣчъ. Навѣрное онъ попалъ бы и въ преобразованное судебное вѣдомство, яке наиблагороднѣйшее и несильнѣйшее, еслибъ, во времени введенія реформъ, не почувствовалъ себя состарѣвшимся и обрѣтшимъ.

То же живое слово Грановскаго воскресало въ немъ и навлочность въ литературѣ. Собственно говоря, самъ онъ не былъ литераторомъ, но перевелъ, однакожъ, съ кѣмъ-то вдвоемъ, статейку для «Отечественныхъ Записокъ» времени Филипповаго, и, кромѣ того, набрѣлъ два-три славянскихъ выраженія, которыми и воспользовался литератори настояще, едѣйшійся, многолѣтнимъ, знаменитымъ. Сверхъ того, онъ въ особенности любилъ напропущенныя четвертой статьи, или хотя отдѣльные мѣста, возлечь въ страстно коммиссионировать ихъ. Вообще, онъ смолоду скотски неслалъ общества литераторовъ и былъ всегда нештатнымъ и вѣрнымъ ихъ другомъ, если многіе изъ нихъ считали за эту дружбу лепкомнсланнымъ предательствомъ. Въ сорововыхъ годки, съ талантливостью какъ-то фаталистически соединившей склонность къ пересмѣянничеству и даже немногую къ предательству. Каниринъ очень часто и больно страдалъ отъ этого, но, въ честь его должно сказать, никакія личныя огорченія не заставили его отвернуться отъ литературы, а тѣмъ менѣе истязъ ей. А когда учрежденъ былъ литературный фондъ, то онъ за особиную себѣ честь поставилъ быть однимъ изъ его учредителей и печальниковъ.

Вообще, все существованіе Филина Филиппа имѣло подлѣдку несомнѣнно гуманную и либеральную. Хотя же онъ и не высказывалъ своего либерализма вслухъ, но при случаѣ така характерно произносилъ «ты» и даже «его!», что въ умѣ смолоднобудъ проворливале собесѣдника не могло оставаться никакихъ сомнѣній.

Каниринъ прожилъ жизнь тихо и аккуратно. Занимая по службѣ мѣста благородныя и снабженныя королевскимъ содержаниемъ, онъ потѣбно не нуждался, но всегда жилъ вналей прилично. Онъ не прикамался съ деньгами, но и не расточалъ оныхъ. Имѣя обширный кругъ знаемыхъ, гдѣ всегда видѣнъ его съ удовольствіемъ, онъ почти не жинъ дома, и это значительно сокращало его расходы. Говорили, будто онъ венилъ про черныи день, но ежели это и была правда, то въ всякомъ случаѣ присовокупленія его были самыя утѣренныя. Главныи расходъ его составляли: квартира, одежда и ситарикъ, и эти статьи были довадени у него до самой безуморивенной респектабельности. Затѣмъ, онъ держалъ при себѣ приличнаго лаваз, непремѣнно изъ нѣмцевъ. Нивогда онъ дома не обѣ-

далъ, и, проработавъ утромъ за казенными бумагами, исчезалъ до поздней ночи, заходя домой только на короткое время, чтобы переодѣться. Обѣдать любилъ преимущественно въ семейныхъ рамкахъ, гдѣ можно было сказать что-нибудь любезное хозяйкѣ дома, но не отказывался нрѣдко отобѣдать и въ «кабинетѣ», въ кулуарной комнатѣ, при чемъ самъ пилъ очень умеренно, но клалъ свой чашъ на равнѣ со всеми, и даже употреблялъ иногда за никого-нибудь *riche-vaziette's*, которыхъ всегда бывало не мало между собутыльниками. Еще особенность: Букашинскій Каширина всегда бывалъ необильно снабженъ деньгами, и между кредитками непрекѣнно витали крупныя. Это было тоже своего рода право на роскошность.

Начальство отдавало Каширину справедливость, а въосторнѣвъ еще впечатлительнѣе онъ даже имѣлъ честь считать въ числѣ своихъ друзей. Въ особенности, онъ чувствовалъ себя «защитнымъ», когда у департаментскаго вершила стояло начальство либеральное. Въ такую минуту, онъ кланялся департаментъ своею семьей, позволялъ себѣ ходить на службу въ пороченной курткѣ, и выходилъ въ «кабинетъ» безъ доклада, съ сигарой въ зубахъ. Но и начальство «либеральное» не особенно смущало его; потому что онъ обладалъ однимъ драгоценнѣйшимъ качествомъ, которое всегда выручало его. Это качество было написано на его физиономіи и выражало собой готовность выслушать и исполнить, слегка обратившую готовность «должить». Начальники либеральные въ особенности цѣнили эту послѣднюю готовность, и пользовались ею не безъ пользы для себя. Начальники «либеральные» болѣе всего напирали на порывъ дѣйствительности, но иногда, замѣтивъ, что гдѣ-то, въ утолщ, европно морщась еще какая-то робкая готовность, вдругъ осѣнились мыслью: а что, не получить ли, что нибудь этого фалесей должить? И тогда Каширинъ докладывалъ: Докладывалъ внятно, разумительно, точно жемчугъ неваля, такъ что не было никакой возможности не понять. И бывали пригѣры, что, по выслушаніи, начальники, самые закосѣлые, исправлялись.

Самую загадочную сторону жизни Каширина представляли его отношенія въ женскому полу. Дѣствительно было известно, что онъ любилъ женское общество, искалъ его, и, влѣдствіе этого, преимущественно носѣжалъ семейные дома. Женщины тоже, видящему, любилъ его общество, что можно было замечать уже по тому одному, какъ раздѣтали лица знакомыхъ даже при встрѣчѣ съ нимъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ раздѣтаніи гораздо яснѣе проглядывало простое чувство благодарности, довѣрія и дружбы, нежели стремленіе къ секретному по-

трисанию семейныхъ основъ. Да и самъ онъ, всѣмъ своимъ поведеніемъ, какъ бы свидѣтельствовалъ, что ему дорога только дружба и довѣріе женщинъ. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ скромнѣе, какъ могла, ничто ни въ его манерахъ, ни въ голосѣ, ни во взглядѣ не представляло повода для игривыхъ догадокъ. Онъ никогда не зачашалъ въ одинъ и тотъ же домъ, и никогда не показывалъ, что между семейными домами, которые онъ посѣщалъ, ему больше по душѣ тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ красивыя хозяйки. Казалось, что и *la belle madame* Растопыря, и хорошенъкая *madame* Корноухова, и добродушно безобразная Матрена Ивановна Стрелкова равно ему милы. Онъ одинаково усердно посѣщалъ и красивыхъ и не красивыхъ, и одинаково старался снискивать ихъ довѣріе, благосклонность и дружбу. Иногда, эти дамы, даже въ присутствіи мужей, шопотомъ сообщали ему свои маленькія тайны, и мужья отнюдь не формализировались этимъ, ибо знали, что Каширинъ — «другъ по преимуществу». Большею частью онъ рассказывалъ дамамъ о своихъ друзьяхъ-интераторахъ, о томъ, что Вѣликинскій и въ преферансъ игралъ съ тѣмъ же пыломъ страсти, съ какими писалъ критическія статьи, о томъ, что Тургеневъ каждое утро моетъ лицо въ трехъ водахъ, о томъ, что Гончаровъ спитъ до двухъ часовъ дня и т. д. И дамы вникали этимъ рассказамъ съ удовольствіемъ, потому что это были дамы интеллигентныя, либеральныя. Очень возможно, что въ минуты особеннаго сердечнаго таянія, онъ и побаловывалъ его за интересно проведенные часы, но, навѣрное, онъ поступалъ такъ безъ всякой примѣси увлеченія, и съ тѣмъ, разумѣется, что въ будущемъ это ихъ ни къ чему не обязываетъ. По крайней мѣрѣ, именно такимъ образомъ, злые языки объясняли загадочное отсутствіе любовнаго элемента въ жизненной обстановкѣ Каширина. «Это такъа по части женскихъ немощей подлая душа, говорилъ онъ: — что дамочка и ахнуть не успѣетъ, какъ онъ уже, въ скромной роли недостойно облагодѣтельствованнаго, продолжаетъ прерванный разговоръ!» И это было весьма возможно. Ибо нѣтъ ничего удобнѣе и пріятнѣе, какъ обожатель, который съ женскою благосклонностью не только не сопрягаетъ никакихъ обязательствъ, но даже никогда ни о чемъ не напоминаетъ, и только скромно и преданно ждетъ.

Но существовала и другая легенда о томъ же предметѣ. А именно, говорили, будто у Каширина имѣется въ заднихъ комнатахъ кухарка Амалія, которой онъ платитъ нѣсколько болѣе, нежели обыкновенной кухаркѣ, и которая, въ одно и то же время, занимается приготовленіемъ для него утренняго кофа, и смотритъ за его бѣльемъ. И будто бы онъ придумалъ эту комбинацію, въ

видахъ экономіи, по примѣру отставныхъ чиновниковъ, которые, получая ограниченнѣйшій пенсіонъ, не могутъ тратить много на свои удовольствія. Эту легенду, впрочемъ, пустили въ ходъ друзья-литераторы, и потому солидные люди, не останавливаясь на ней, прямо относили ее къ области беллетристики.

Какъ бы то ни было, но отношенія Каширина къ женской неволе такъ и остались неразгаданными.

Однако, холостая жизнь и сопряженная съ нею бедомовица не остались безъ вліянія на Каширина. Отъ всей его фигуры такъ и разлило старой дѣвой. И чѣмъ дальше онъ придвигался къ старости, тѣмъ замѣтнѣе становилось это. Привычка быть всегда среди чужихъ людей (или, по крайней мѣрѣ, въ гостяхъ) выработала въ немъ особаго рода щепетильность, которая, подъ конецъ, сдѣлала бесѣду съ нимъ чрезвычайно однообразною. Дамочки любятъ скромныхъ обожателей, но въ тоже время онѣ не прочь и отъ того, чтобы отъ времени до времени, колѣнопреклоненіи эти были пересыпаемы какою-нибудь милою словесною густотой. Поэтому, когда онъ рассказывалъ весь запасъ анекдотовъ и начиналъ рассказывать ихъ вновь, то онѣ потихоньку выдыхали, и находили, что онъ какъ-то чересчуръ ужъ мало слѣдитъ за кѣномъ. Время шло впередъ, и вносило оживляющее, реформирующее начало и въ сферу анекдотовъ. Требовался анекдотъ сильный, возбуждающій, щекочущій чувственность (даже Матрена Иванова — и та не избѣгла общихъ законовъ прогресса), а Каширикъ все продолжалъ рассказывать о томъ, какъ онъ 1845 году ловилъ съ Аполлономъ Майковымъ пискарей въ Парголовокомъ озерѣ. Сверхъ того, съ лѣтами, онъ слегка ожирѣлъ, вслѣдствіе хорошей пищи, а это тоже имѣло не совсѣмъ хорошее вліяніе на изобрѣтательность ума. Онъ сталъ прибрѣтать особня, свойственнаго одинокому челоуѣку привычки, съ трудомъ отказывался отъ тѣхъ или другихъ удобствъ, наблюдалъ извѣстные часы, началъ гнѣться, любить халать и т. д. Сказать ли правду — иногда онъ даже задумывался: а что, еслибъ предположеніе о кухаркѣ Амаліи привести въ исполненіе? То заманчивое и вполне экономическое предположеніе, въ которомъ Амалія представлялась кумулирующею двѣ должности...

Со времени окончанія университетскаго курса, разъ поселившись въ Петербургѣ, онъ уже не покидалъ его, и только однажды въ нѣсколько лѣтъ позволялъ себѣ коротенькую экскурсію за границу. Провинціи онъ боялся какъ огня, и даже командировокъ не бралъ, потому что всюду чаялъ встрѣтиться съ тетинькой Агафѣей Ивановной. Неоднократно, бывшіе его «благодѣтели» приглашали его погостить на лѣто въ свое великолѣпное

Прокрое имѣніе, но онъ постоянно уклонялся отъ этихъ любезныхъ приглашеній, и именно все изъ-за той же Агафьи Ивановны. Кажется, еслибъ она умерла, это во многихъ разнавало бы Филипу Филиппу руки: онъ сталъ бы и командиромъ брать и ѣздить на лѣто въ гости къ высокопоставленнымъ друзьямъ. Но, съ другой стороны, если Агафья Ивановна умретъ, то послѣ нея неминуемо останется имущество, и, по этому случаю, это, конечно, будутъ разсуждать, кто законнаго наследника. А этого онъ боялся пуще всего, потому что тогда не только всѣмъ будетъ извѣстно, что онъ владѣлецъ двадцати пяти десятинъ земли (это-то, пожалуй, и теперь многие знали), но всѣ получатъ право говорить объ этомъ гласно, не стѣсняясь, начать его подрывать и т. д.

Вънѣ было сказано, что Каширинъ изволялъ говорить о своемъ происхожденіи. Съ лѣтами эта странность не только не ослабѣвала, но прибывала все большую и большую силу, и всего больше страдала отъ этого тѣнька Агафьи Ивановна. Съ одной стороны, Филиппъ Филиппычъ отлично понималъ, что тѣнька не мало не виновата въ томъ, что она существуетъ. По временамъ, онъ даже съ теплымъ чувствомъ припоминалъ, какъ, въ дѣтствѣ, она вернула его, тайно отъ отца, добрыми лепешками. Но съ другой стороны, ему становилось досадно, когда онъ лезъ къ себѣ на этия воспоминанія. Ему хотѣлось совсѣмъ—совсѣмъ забыть и объ тѣнькѣ и обо всемъ «прошломъ». Не имѣя возможности производить свой родъ отъ Рюриковичей, онъ съ болью останавливался на гишотѣвѣ, въ которой представлялъ себе жившія въ пространствѣ и времени изъ чего-то въ родѣ гнѣзды морской. Поэтому, когда однажды тѣнька, сколотивши дѣньжонку, собралась было навѣстить «миллаго Филу» въ Петербургъ, онъ очень серьезно ѣтѣ встревожился. Мысль, что она придетъ въ третьемъ классѣ, въ затасканномъ значеиъ салотѣ, что она далеко будетъ, по дѣту родства, встрѣтитъ ее не дебардаеръ, что это могутъ при этомъ увидѣть, и что, во всякомъ случаѣ, дѣвой Готинъ несомнѣнно выразитъ глубочайшее изумленіе, прѣ видѣ столь мало аристократичной старухи, не давала ему спать. И онъ, въ первый разъ жизни, рѣшился вполне серьезно и даже рѣше разъяснить милой тѣнькѣ; какого рода характеръ должны имѣть изъ отклоненія на будущее время.

Тѣнька не менѣе, хотя Каширинъ, съ лѣтами, и утрачивалъ прежнюю утробность и новладѣность, которыя дѣлали его особенно достолюбезнымъ, но все-таки онъ отнюдь не могъ жаловаться на судьбу. Знакомство у него было обширное, и онъ могъ черпать въ этомъ морѣ безъ опасенія быть назойливымъ. Конечно-

у него не было таких друзей, которых мысль постоянно отремилась бы къ нему, которыхъ сердце болѣло бы объ немъ, не все таки были люди, которые видѣли его съ удовольствіемъ. Эти люди, быть можетъ, не особенно замѣчали его отсутствіе, но, встрѣчаясь съ нимъ, неизмѣнно и совершенно искренно восклицали: а! вотъ и онъ! Начальство тоже апгестовало его способнымъ и достойнымъ, и всякій разъ, когда нибудь въ виду что-нибудь серьезное, неизмѣнно заводилась рѣчь и объ Каширинѣ. Онъ всегда былъ на очереди и анализъ объ этомъ, хваля въ этомъ отношеніи, давъ нимъ тѣпелѣе какой-то фатумъ. Слухи о томъ, что ему предстоитъ «поить», ходили часо и держались дѣло и упорно, но, въ концѣ концовъ, дѣло всегда какъ-то сводилось на нѣтъ. Такимъ образомъ, онъ дослужился до очень крупнаго чина и поэтому не понизилъ дальне второстепенной должности. Это, разумеется, довольно бально шло его самолюбіе, но онъ умѣлъ притворять себя, и которыя обыкновенно кончались тѣмъ, что Филиппъ Филипповъ для три, четыре послѣ этого выкидывалъ въ домашнемъ карантинѣ, на булонной порціи, но потомъ, по прежнему, являлся въ департаментъ для получения привознаго ему содержанія.

Впрочемъ, несмотря на эти маленькія непріятности, Филиппу Филиппову гулять было радвать. Служба у него была легкая, благодарная, хорошо оплаченная, одна изъ тѣхъ службъ, по поводу которыхъ говорятъ: умирай на надѣ. Уютныхъ работъ не было и всѣ занятія, главныя образомъ, заключались въ томъ, что онъ былъ членомъ множества комиссій, и во всякой умѣлъ заставить себя съ пріятной и полезной стороны. А это еще болѣе расширяло кругъ его знакомства, и, стало быть, разнообразило и его ежедневный обѣденный стѣпу.

Какъ бы то ни было, все время такъ называемаго сезона, Каширинъ не только жилъ въ свое удовольствіе, но даже не приѣхалъ, какъ время летитъ.

Зато, дѣломъ онъ случалъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ почувствовать приближеніе лѣтъ зрѣлости. Знакомые раздѣчались; комиссіи прекращали занятія; въ департаментъ чиновники авлялись бездуратно и склонялись точно на бивадакъ; Петербургъ казался пустыней. Когда Каширинъ былъ молодъ, онъ поочередно раздѣчалъ по знакомымъ, которые жили въ ближайшихъ къ Петербургу дачныхъ мѣстностяхъ, и у которыхъ онъ гостилъ по нѣскольку дней. Но съ годами онъ приобрѣлъ привычки, которыя не легко мирились съ раздѣдами и биванной жизнью, и въ тоже время утрагидъ легкость и нестомчивость, необходимыя для пользоваія гѣтниками удовольствіями. Онъ уставалъ во время

прогулокъ, безъ особенной готовности принималъ участіе въ катаньяхъ на лодкахъ и въ чухонскихъ таратайкахъ, и вообще полагалъ, что быть гостемъ на дачѣ даже у близкихъ людей сѣ-считательно. Поэтому, гдѣо сдѣлалось для него сезономъ трагич-ныхъ обѣдовъ и желудочныхъ расстройствъ, какъ прямого по-слѣдствія этихъ обѣдовъ. Вечеромъ, онъ обыкновенно отпра-влялся въ увеселительное мѣсто; на праздникахъ—въ Павлоскѣ, по буднямъ—преимущественно въ Демидронъ. Тутъ онъ былъ увѣренъ встрѣтить ежени не коренныхъ своихъ знакомыхъ, то-же дѣтей. И такова была въ немъ потребность общества, что онъ не только не брезговалъ молодыми людьми, но даже ста-рался «быть съ молодыми молодымъ», и вслѣдствіе этого охотно-принималъ видъ милаго старичка-мерзавца, и по временамъ от-пускалъ скромную гнусность на счетъ атуровъ дѣвицы Филинѣ. Алленъ Демидрона оглашался громкимъ и сочувственнымъ хоко-томъ «дѣтей», внимая которому, Филинъ Филинчъ выступалъ горделивой походкой индейскаго пѣтуха, отнюдь не подозрѣва-ющаго, что въ ближайшемъ будущемъ ему окончателно пред-стоитъ сдѣлаться каллуномъ.

Впрочемъ, эти скромныя гнусности представляли въ обществѣ обиходъ его жизни исключеніе. Онъ былъ вынужденъ одиноче-ствомъ, потребностью общества и необходимостью стоять на од-номъ уровнѣ съ молодежью. Съ наступленіемъ сезона, Каширинъ забывалъ объ нихъ, и начиналъ съ самымъ серьезнымъ видомъ переливать изъ пустого въ порожнее.

И вдругъ, все это безмятежіе, созданное цѣною такихъ усилій, и такъ зрѣло и строго со всѣхъ сторонъ обдуманное и комби-нированное, разомъ рухнуло.

Выше было сказано, что Каширинъ былъ либералъ. Либерал-нымъ этотъ былъ смиренный, не особенно требовательный и состоялъ въ томъ, что онъ тихое житіе предпочиталъ житію тревожному. Кромѣ того, онъ любилъ почитать «книжку» и думалъ, что это «ничего»; по временамъ же, задавалъ себѣ вопросы: за что? по-чему? и когда не находилъ на нихъ отвѣта, то грустилъ. И еще: нерѣдко онъ останавливался на мысли, что изъ сего произойдетъ? и когда, по соображеніямъ его, выходило, что ничего хорошаго произойти не можетъ, то опять-таки грустилъ. И эти вопросы, и эту грусть онъ считалъ вполне безопасными, ни для кого не-соблазнительными, и, въ качествѣ человѣка интеллигентнаго, даже полагалъ, что человѣку, кончившему курсъ наукъ, невозможно

без них обойтись. Разумѣется, однакожь, со всѣмъ этимъ либеральнымъ арсеналомъ онъ обходился съ крайнею осторожностью, дабы не ввести простодушныхъ людей въ соблазнъ, а подозрительнымъ людямъ не подать повода къ предположеніямъ о потрясаніяхъ и похищеніяхъ. Сверхъ того, какъ извѣстно уже, въ его существованіи большую роль играла склонность къ литературѣ, и онъ имѣлъ слабость не считать ее ни распространительницей моровыхъ повѣтрій, ни складомъ ядовитыхъ веществъ, ни разбойничьимъ притономъ.

Съ такимъ умѣреннымъ, осторожнымъ и отчасти грустящимъ пресоверданіемъ онъ прожилъ всю жизнь и не имѣлъ причинъ жаловаться, чтобъ это сколько нибудь ему повредило при прохожденіи должностей. Начальники тоже знали его за чиновника откровенно-либеральнаго, но такъ какъ они и сами были люди откровенно-либеральныя, то не видѣли никакого ущерба для дѣла въ томъ, что человекъ, безпрекословно выполняющій обязанности и преднамѣренія, по временамъ грустѣлъ. Правда, что иногда начальство, грозя пальчикомъ, называло его «амарантовымъ» (не краснымъ—нѣтъ!), но называло такъ шутя и любя. И онъ зналъ, что это дѣлается «шутя», и ежели краснѣлъ при этихъ наименованіяхъ, то краснѣлъ не отъ угрозы совѣсти, а именно только отъ внутреннего ливанія.

И вдругъ, времена созрѣли. Выбралась минута, когда всѣ его вопросы и грусти встали предъ Каширинымъ въ совершенно непредвидѣнной имъ безобразной наготѣ. Минута, въ продолженіи которой весь его скромный жизненный обиходъ пролетѣлъ передъ его всплунутою мыслью въ видѣ безвѣчнаго и сплошнаго преступленія. Минута, въ которую онъ долженъ былъ ознакомиться съ истиной, что «такъ нельзя», и узнать, что присутствованіе въ комиссіяхъ «не терпѣть суеты», и что пользованіе дивидендами и грусть по этому поводу суть вещи несовѣстныя. Минута, въ которую онъ долженъ былъ убѣдиться, что для либеральной грусти нѣтъ возврата, что она ничѣмъ не смывается, не замазывается: ни раскаяніемъ, ни твердымъ намѣреніемъ впредь идти веселыми стопами, и что слѣдовательно...

Главное во всемъ этомъ переполохѣ заключалось для Каширина въ томъ, что онъ долженъ былъ отъ А до Z пересмотрѣть свой бюджетъ и большинство его статей подвергнуть радикальной переработкѣ.

Надежнѣйшею доходною статью этого бюджета представлялась пенсія; затѣмъ, къ счастью, онъ не только не истратилъ оставленнаго ему пронскимъ благодѣтелемъ капитала, но и сдѣлалъ, въ теченіи многолѣтней службѣ, нѣкоторые сбереженія.

Эти сбереженія были не весьма значительны, но все-таки нѣчто представляли. Въ итогѣ, общій годовою доходъ образовалъ сумму приблизительно въ три съ половиною тысячи рублей. На эти деньги предстояло жить нео дня въ день, поддерживая себя на высотѣ той респектабельности, которая вошла уже въ его привычку и, что еще важнѣе, служила самымъ прочнымъ основаніемъ введенныхъ имъ связей.

За приведеніемъ въ ясность цифръ годоваго дохода, само собою разумѣется, послѣдовало подробное разсмотрѣніе расходныхъ статей бюджета.

Оставался ли ему при прежней квартирѣ (онъ платилъ за нее, съ отопленіемъ, девятьсотъ рублей въ годъ, а съ швейцаромъ и дворникомъ и всю тысячу рублей), или переехать на новую, болѣе соответствующую его жилищной финансовой силѣ? Этотъ вопросъ Каширинъ, почти не думая, рѣшилъ въ пользу старой квартиры. Здѣсь онъ жилъ больше пятнадцать лѣтъ, и въ теченіи этого длиннаго періода времени успѣлъ устроить свое гнѣздо такъ, что оно отъвѣчало всѣмъ причудамъ стараго холостяка. Какъ человѣкъ отъ природы санидинъ, онъ и въ молодости не охотно перемѣщался съ квартиры на квартиру, теперь же самая мысль о переездѣ представлялась ему ненавистною. По особенной случайности, и козни дома, въ которомъ жилъ Филиппъ Филиппычъ, тоже былъ человѣкъ санидинъ и испонный домовладѣлецъ, воздерживавшійся отъ надстроекъ и перестроекъ и дѣлавшій на квартирантовъ лишь «христіанскія» надбавки (Каширинъ, однакожъ, помнилъ время, когда онъ за эту самую квартиру платилъ только четыреста рублей въ годъ). Съ своимъ домовладѣльцемъ Филиппъ Филиппычъ даже близко сошелся, обѣдывалъ у него и проводилъ за нулевой вѣтора. Разотаться съ нимъ представлялось какъ бы невозможнымъ. Сверхъ того, каждый шагъ въ этой квартирѣ напоминалъ ему что нибудь пріятное и даже памятное. Вотъ здѣсь ему подали конвортъ, извѣщавшій его о награжденіи орденомъ св. Анны 2-й степени (это былъ первый полученный имъ орденъ, помимо всякаго полка и даже помимо св. Станислава 2-го); вотъ на томъ мѣстѣ онъ получилъ извѣстіе о назначеніи его членомъ общаго присутствія, а вотъ тамъ самъ директоръ вручилъ ему (лично для этого пріѣхавъ!) звѣзду Станислава 1-й степени, причемъ выразилъ увѣренность, что Каширинъ и впредь будетъ лучшимъ украшеніемъ відомства дивидендовъ и радаявъ. Въ этой квартирѣ онъ сосредоточилъ тысячу бездѣлушекъ, которыя съ такимъ тщаніемъ собиралъ въ теченіи цѣлой жизни; здѣсь хранились разныя сувениры, вышитыя подушки, ковры, подаренные дамами; этою

квартирой онъ гордился, когда у него, разъ или два въ годъ, собирались знаменитыя дамы, слушали piano-mésanique и кушали конфеты, фрукты и мороженное. И вдругъ, разстаться съ этимъ дорогимъ, излюбленнымъ гнѣдомъ... никогда!

Итакъ, вотъ первая статья расхода въ тысячу рублей (почти треть всего доходнаго бюджета), которую ни подь какимъ видомъ урѣзать нельзя.

Вторая статья—лазей Готлибъ. Готлибъ, яко нѣмецъ, получалъ съ ѣдой чотыреста восемьдесятъ рублей въ годъ, а съ праздничными выходило даже нѣсколько болѣе пятисотъ рублей. Расходъ этотъ оказывался несомнѣнно непосильнымъ. Если, на мѣсто Готлиба, нанять Ивана или Прохора, то, конечно, это обойдется рублей на двѣсти дешевле, но за то, во-первыхъ, отъ Прохора навѣрное, будетъ вонять, во-вторыхъ, онъ непремѣнно будетъ ходить въ гости въ барскихъ брюкахъ и сюртукахъ, въ-третьихъ, станетъ постепенно пропивать господское бѣлье, въ-четвертыхъ, изъ квартиры-игрушечки сдѣлаетъ свинной хлѣвъ. Въ результатѣ, окажется убытокъ вдвое болѣе противъ того, чего стоить самъ Прохоръ со всѣми своими потрохами. Если же нанять не Прохора, а Амалию, то еще бабушка на двое сказала, дешевле ли она обойдется, нежели Готлибъ, особливо, если Амалия... Хотя же онъ, при потченныхъ своихъ лѣтахъ, и надобности существенной не находилъ въ женскомъ угодѣ, но вѣдь съ другой стороны... Но предположимъ, что онъ и устоитъ противъ искушенія—кто же, однако, поручится, что одинъ фактъ пребыванія Амалии въ его квартирѣ не подастъ повода для безчисленныхъ и притомъ незаслуженныхъ анекдотовъ? Вотъ еслибъ онъ держалъ дома обѣдъ, и Амалия могла совмѣстить въ своемъ лицѣ и кухарку, какъ это водится у отставныхъ чиновниковъ, населяющихъ Колтовскія—ну, тогда...

О, вопросы о выѣденномъ яйцѣ! о мучительнѣйшіе, горчайшіе изъ всѣхъ вопросовъ человѣческаго существованія! Какимъ тяжелымъ гнетомъ лежите вы на этомъ бѣдномъ человѣчествѣ, которое получаетъ какихъ нибудь три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ, и обязывается обработать и пріютить на нихъ свою голову! И сколь несноснѣйшимъ еще гнетомъ вы должны лежать на томъ человѣчествѣ, которое на тотъ же предметъ располагаетъ не болѣе 20—30 копейками въ день.

Въ концѣ концовъ, дѣло Готлиба было выиграно, и такимъ образомъ расходъ по двумъ первымъ статьямъ составилъ полторы тысячи рублей въ годъ.

Статья третья: прачка. Каширинъ былъ и самъ по себѣ чисто-

плотенъ, но, сверхъ того, онъ до извѣстной степени и обязанъ былъ быть чистоплотнымъ. Нельзя проводить большую часть дня въ гостяхъ и въ тоже время не представлять собой образца самой щеголеватой опрятности. Если знакомые радушно принимаютъ у себя и корчатъ обѣдами и ужинами, если жены ихъ удостоиваютъ знаками довѣрія и дружбы, то, по малой мѣрѣ, эти люди вправѣ ожидать, чтобы предметъ этого радушія и дружбы носилъ чистое и благоуханное бѣлье. Кашпринъ понималъ это, и потому никогда не тратилъ на прачку, духи, губки и прочія туалетныя принадлежности менѣе трехсотъ рублей въ годъ. Объ немъ говорили, что отъ каждой части его тѣла пахнетъ особными духами, и онъ гордился этимъ. Онъ гордился, что на восемь тѣмъ у него нѣтъ ни платнышка, ни прыщика, что лисина на его головѣ не доспится и не отливаетъ желтизною, а нѣбось видъ матово-бѣлой поверхности, съ легкимъ розовымъ отблескомъ, что ни на щекахъ, ни на носу у него нѣтъ неприятныхъ синякъ жилкокъ, что бакенбарды его щегольски расчесаны въверхъ, а усы и подбородокъ тщательно каждый день выбриты. Могъ ли онъ думать о сокращеніяхъ по этой статьѣ теперь, когда потребность въ людскомъ радушіи и дружбѣ дѣлалась для него болѣе, нежели когда-нибудь, необходимою? — Разумѣется, не могъ! Напротивъ того, теперь-то именно и предстояло напрочь всѣ свои силы къ тому, чтобы ни зрѣніе, ни обоняніе радужныхъ амфибіоновъ ни на минуту не были оскорблены по его поводу!

Итого, по тремъ статьямъ, тысяча восемьсотъ рублей.

Статья четвертая: одежда и обувь. Здѣсь Кашпринъ надѣялся достигнуть существенныхъ сбереженій. Обыкновенно, онъ заказывалъ платье у Шармера, и не видѣлъ причинъ отказаться отъ этой фирмы и на будущее время. Но до сихъ поръ, онъ былъ, по истинѣ, чрезвычайъ расточителемъ относительно одежды. Онъ освѣжалъ свой костюмъ каждый сезонъ, и даже въ домашнемъ неглиже позволялъ себѣ прихотливое разнообразіе. Вслѣдствіе этого, у него образовался громадный запасъ платья, очень мало ношеннаго, о которомъ онъ рѣдко вспоминалъ, и которое висѣло въ шкапу безъ всякаго употребленія. Теперь наступило самое время утилизировать этотъ запасъ, и все, что можно, пустить въ ходъ. Но какъ онъ ни старался сократить свои расходы по этой статьѣ, все-таки оказывалось, что безъ четырехсотъ рублей въ годъ вполне respectableмъ человекомъ остаться нельзя (прежде, онъ тратилъ на этотъ предметъ, не менѣе, чѣмъ полторы тысячи рублей). Со пониженіемъ этой цифры, начинается та рубрика людей, которая извѣстна подъ именемъ *Hommes dé-*

классъ. Это люди въ панталонахъ съ оснивавшимися конечностями, въ курткахъ съ лоснящимися прорванными локтями, въ свѣткахъ, напоминающихъ своею формою рыбу камбалу. Попасть въ эту рубрику... ужасно! ужасно! ужасно!

Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ жизнь повосна!

Конечно, есть люди, которые и въ ширъ и въ мѣръ, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ являются въ одномъ и томъ же пиджакѣ, но...

Итого, двѣ тысячи двѣсти рублей.

Статья пятая: экипажъ. Въ экипажу Каширинъ и прежде прибывалъ довольно рѣдко. Съ молоду, онъ приучилъ себя къ мысли, что экипажъ необходимъ, а въ послѣдствіи, привычка къ чужимъ обѣдамъ еще болѣе укрѣпила его въ непреложности этой истины. Всѣ знакомые были убѣждены, что Каширинъ ходитъ пѣшкомъ не изъ снѣжности, а по привычкѣ, и въ тоже время, понимая, что онъ не имѣетъ средствъ содержать собственный экипажъ (онъ и самъ не скрывалъ этого), даже одобряли въ немъ ту инстинктивную гадливость, которая заставляетъ respectableго человѣка лишь въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ извозчику. Но увы! Каширину переваляло за пятьдесятъ; онъ чувствовалъ припадки одышки и началъ припадать на одну ногу... Это значительно усложнило дѣло. А сверхъ того, и обычныя петербургскія ненастья, которыя, въ силу пословицы «гдѣ тонко, тамъ и рвется», вдругъ представили передъ Флинпомъ Флинпычемъ во всей своей безразсѣятности... Словомъ сказать, какъ ни изворачивайся, а безъ двухсотъ рублей по этой статьѣ обойтись нельзя.

Итого, двѣ тысячи четыреста рублей.

Шестая статья: расходы мелочныя. Они неуловимы, но несомнѣнны. Не даромъ они заслужили названіе расходовъ общезитія по преимуществу; не даромъ, расходы самыя существенныя очень часто ступовываются передъ ними. Изъ-за расходовъ этой категоріи люди отказываютъ себѣ въ правильномъ питаніи, впадаютъ въ неоплатныя долги, разоряются. Всѣ эти Берты, Сюжетты, Эмилии — все это расходъ мелочной, расходъ общезитія, не подходящій ни подъ какую рубрику солиднаго домашняго бюджета. Но и помимо Бертъ, нельзя, напримѣръ, отказывать себѣ въ удовольствіи съѣздить отъ времени до времени въ театръ, особенно къ французамъ. Это предохраняетъ отъ одиночества и, сверхъ того, даетъ прекрасное содержаніе для conversation de société. А если ѣздить въ театръ, то не сидѣть-же гдѣ-нибудь въ дешевыхъ мѣстахъ, когда половина зала наполнена знакомыми. Затѣмъ: нельзя, встрѣтившись на улицѣ съ пріятелемъ,

направляющимъ стопы свои въ ресторанъ, не войти съ нимъ вмѣстѣ и чего-нибудь не съѣсть. Нельзя не отвезти дорогой иманинницѣ или новорожденной конфетъ. Наконецъ, обѣдая каждыйдневно въ людяхъ, невозможно, отъ времени до времени, не дѣлать маленькихъ подарковъ прислугѣ. Ибо, въ противномъ случаѣ, какой-нибудь хамъ будетъ захлопывать дверь у васъ передъ носомъ, будетъ снимать съ васъ пальто совершенно такъ, какъ бы сдиралъ кожу, будетъ въ вашемъ присутствіи ковырять въ носу, наконецъ, подавая за обѣдомъ блюдо, будетъ толкать васъ въ плечо, чтобы не зѣвали, брали скорѣе. Ахъ, эти мелочные расходы! Очень рѣдко ихъ принимаютъ въ расчетъ, но кто-же не знаетъ, какую роль они играютъ въ человѣческомъ существованіи! Спросите любого лакея (хамъ!), получающаго пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья—и тотъ скажетъ, что изъ нихъ десять уйдутъ «такъ, между рукъ». Обыкновенно, на выручку тутъ приходятъ случайные доходы, но у Каширина такихъ не предвидѣлось, и онъ волей-неволей долженъ былъ занести эту статью въ свой бюджетъ въ цифрѣ строго определенной. Долго онъ колебался между четырьмя и пятьюстами рублей, и наконецъ, вынужденъ было сознать, что менѣе чѣмъ пятьюстами рублями и думать извернуться нельзя.

Итого, двѣ тѣсячи девятсотъ рублей.

Статья седьмая: сигары. При одной мысли объ этой статьѣ, Филиппъ Филиппычъ поблѣднѣлъ, и ему даже показалось, что въ кабинетѣ его уже запахло папиросами. Дѣло въ томъ, что онъ выкуривалъ не менѣе двухъ сотенныхъ ящичковъ въ мѣсяцъ, платя за сотню отъ 15 до 20 рублей, что составляло въ годъ расхода болѣе четырехсотъ рублей. Цифра громадная, особливо въ виду того, что свободныхъ суммъ въ доходномъ бюджетѣ остается всего шестьсотъ рублей. Тѣмъ не менѣе, она являлась до такой степени необходимой и даже неизбѣжной, что Каширинъ рѣшился просто не думать объ ней. Онъ занесъ ее расходомъ и махнулъ на все рукой.

Свободной суммы осталось всего на все двѣсти рублей, и вотъ тутъ-то выступилъ во всей безобразной наготѣ:

О Б Ъ Д Ъ!!!

О правильномъ, ежедневномъ обѣдѣ Каширинъ, конечно, уже не помышлялъ:—онъ понималъ, что карьера его, какъ прихлебателя, не только не кончилась, но, такъ сказать, вступила въ новый и острый фазисъ. Однакожъ, возможны случаи, когда, несмотря на обширность круга знакомыхъ и ихъ радушіе, самый изворотливый прихлебатель можетъ найтись въ необходимости

отъ времени до времени отобѣдать на свой собственный счетъ. Таковы случаи болѣзненныхъ припадковъ, которые, въ послѣднее время, повторялись съ Кашириномъ очень нерѣдко; затѣмъ, случай проливного дождя, бурь, градобитій, моровыхъ повѣтрій, неприятельскихъ вторженій и т. д., когда даже чувство приличія не дозволяло являться къ обѣду «запросто» (могутъ сказать, вотъ до чего проголодался человекъ, что даже среди грома и молній разнюхалъ, что готовится на кухнѣ). Наконецъ, и такіе случаи возможны, что придется обѣдать къ Томѣ Томичу, и вмѣсто обычнаго привѣтствія: пожалуйста! кушать накрыто! — услышишь, что Тома Томичъ приказали долго жить. Знакомые же у Каширина все были такіе, которые болѣе или менѣе склонились къ заводу дней; слѣдовательно, убыль въ ихъ рядахъ была даже естественна. Вотъ Петръ Петровичъ съ утра до ночи кашляетъ, а Луверья Ивановна сказывала, что и съ ночи до утра никому покою кашлемъ не даетъ; Лука Лукичъ постоянно на плечо жалуется; Иванъ Иванычъ одну ногу волочить; Семень Семенычъ — съѣсть тарелку супа и запыхается, словно семь верстъ пробѣжалъ. Можно ли, въ виду всѣхъ этихъ немощей, рассчитывать на вѣрный обѣдъ? Ряды стариковъ рѣдѣютъ и будутъ рѣдѣть... а ихъ дѣти? Можно ли предполагать, что они будутъ поддерживать родительскія традиціи? Увы! они и теперь поглядываютъ на Филипа Филипыча исподлобья (точно хотятъ сказать: однакожь, братъ, аппетитъ у тебя!) — что же будетъ тогда, когда одышка, параличи и ревматизмы, одержавъ побѣду и одолѣвше, развяжутъ руки этимъ выглядывающимъ исподлобья людямъ?

Но этого мало — а гѣто? Гѣто, по прежнему, Дамокловымъ мечемъ виситъ надъ головой Каширина; гѣто мертвое, голодное, требующее во что бы то ни стало обѣда на собственный счетъ! Прежде, когда онъ вкушалъ отъ дивидендовъ, и когда бюджетъ его представлялъ избытокъ, этотъ экстраординарный расходъ не особенно тревожилъ его; но нынѣ, когда въ бюджетѣ предвидѣлось всего двѣсти рублей...

— А вѣдь съ двумястами рублями, пожалуй, не обернешься! кучительно размышлялъ Филипъ Филипычъ: — если на гѣтнее время да на непредвидѣнные случаи положить только пять мѣсяцевъ въ году, то есть полтора ста дней, то и тогда, считая по два рубля за каждый обѣдъ... Не въ греческую-же вухмистерскую, въ самую дѣлѣ, идти!

Во всякомъ случаѣ, доходный бюджетъ оказывался истерпаннымъ безъ остатка. Съ грѣхомъ пополамъ, концы сводились съ концами, но стоило явиться малѣйшей случайности, чтобы рав-

новѣе нарушалось и произошло мучительный скандалъ. Передъ Каширинымъ стояло своего рода Прокустова ложе, въ которомъ онъ обязывался ожидать заката дней своихъ, не шевелиться и даже не позволяя себѣ чрезчуръ свободного вздоха.

Въ первый разъ въ жизни ему сдѣлалось жутко.

На первыхъ порахъ, Каширинъ, однакожь, не только не ощущалъ никакой перемѣны, но даже какъ бы вошелъ въ моду. Никто не заперъ передъ нимъ дверей, и всякій, напротивъ, спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе. Посыпались вопросы: какимъ образомъ? почему? и, главное, за что? На вопросы эти Филиппъ Филиппычъ отвѣчалъ скромнымъ мычаніемъ, не позволяя себѣ критики, но въ тоже время предоставляя каждому измѣрить всю глубину его невинности. Въ виду этой скромности, симпатія разумѣется, еще болѣе усилились. Тайный совѣтникъ Стрекоза недоумѣло шевелилъ густыми бровями и не то уныло, не то неодобрительно покачивалъ головой; статскій совѣтникъ Растопыря растерянно спрашивалъ себя: куда же мы, наконецъ, идемъ? Что же касается до второстепенныхъ чиновниковъ вѣдомства Раздачь, то они даже рѣшили прямо протестовать, устроивъ въ честь Каширина обѣдъ, и только по внимательномъ обсужденіи послѣдствій этой демонстраціи, отложили приведеніе ея въ исполненіе до болѣе благоприятнаго времени.

Дамы тоже приняли дѣятельное участіе въ этихъ симпатіяхъ. Онъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, звали Каширина къ себѣ, заставляли каждого кушанья брать по два раза, и вообще чествовали.

— Въ четвергъ у насъ будетъ Каширинъ. Душка! вы прійдете? говорила Марья Ивановна, приглашая Анну Петровну.

— Каширинъ? Это не тотъ ли Каширинъ, который...

— Ну, да, Каширинъ... тотъ самый Каширинъ, который высоко держалъ свое знамя... конечно, вы слышали!

Такіе знаки вниманія очень тронули Филиппа Филиппыча; однакожь, у него не закружилась отъ нихъ голова и онъ продолжалъ вести себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Онъ не только не жаловался на неблагодарность начальства, но даже оправдывалъ его. *Начальство не могло иначе поступить.* Но и онъ, съ своей стороны, *не могъ поступить иначе.* Онъ не пожертвовалъ своими убѣжденіями и сохранилъ свое достоинство—а это главное. Ему предстояло въ будущей Пасхѣ чинъ тайнаго совѣтника, но онъ

сказалъ себѣ, что лучше на всю жизнь остаться дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, нежели выпустить изъ рукъ знамя, которое онъ, въ теченіи всей жизни, высоко держалъ. Въ свое время, онъ былъ нуженъ — и всякій клочъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ находилъ его достойнымъ и способнымъ. Теперь, обстоятельства переѣнились; потребовались люди иного закала, онъ сдѣлался ненужнымъ — онъ понимаетъ это и не ропщетъ. Возьмите вотъ этотъ сюртукъ; сегодня, онъ новъ, фасонистъ — и его носятъ съ удовольствіемъ; завтра, въ немъ продрался локти — и его бросаютъ. Знамя, которое онъ высоко держалъ, оказалось несоотвѣтствующимъ требованіямъ времени — онъ созналъ это и спряталъ знамя въ карманъ. Но онъ надѣется, что спряталъ его не навсегда, и что наступитъ моментъ, когда начальство, наконецъ, оцѣнитъ. Скоро ли этотъ моментъ наступитъ — онъ не знаетъ, но вѣрить, глубоко вѣрить, что пѣсня его далеко не спѣта. Тогда онъ вынетъ знамя изъ кармана, и опять начнетъ высоко держать его. Притомъ же, ему время и отдохнуть. До сихъ поръ, онъ безъ устали трудился; теперь — пора и ему узнать, что такое свобода. Чувство свободы, *mesdames* — это такое чувство... ахъ, какое это чувство! Все равно, что послѣ длинной-длинной зимы, въ первый разъ выѣхать, въ теплый апрѣльскій вечеръ, на Елагинъ Островъ, на *pointe*! Вотъ это какое чувство. Дышится полной грудью, а мысли такъ и плывутъ, все свѣтлыя, радостныя мысли. А, главное, на немъ не лежитъ теперь никакихъ обязанностей, такъ что онъ всего себя можетъ посвятить своимъ друзьямъ. Притомъ же, онъ имѣетъ вполне обезпеченный кусокъ, а потому и въ матеріальномъ отношеніи особеннаго стѣсненія не предвидитъ. Вообще, онъ больше доволенъ, чѣмъ огорченъ, и ежели кто-нибудь будетъ по этому случаю ощущать угрызенія совѣсти, то, конечно, не онъ....

— А Богъ когда-нибудь всѣхъ рассудитъ! смиренно прибавлялъ онъ въ заключеніе.

Съ трогательнымъ изумленіемъ внимали «чины» этимъ разумнымъ рѣчамъ, и отъ полноты души восклицали: вотъ истинный христіанинъ! А дамы и дамочки къ сему присовокупляли: *ma chère! il est sublime d'abnégation!*

— А мнѣ такъ сдается, что мы съ вашимъ превосходительствомъ еще послушаемъ! обнадеживалъ его тайный совѣтникъ Стрекоза, ласково похлопывая по колѣнѣмъ.

На что Каширинъ, съ своей стороны, отвѣтствовалъ:

— Что касается до меня, то не могу и не имѣю надобности скрывать: я всегда готовъ!

И съ этими словами предлагать madame Стрекозѣ руку, чтобы вести ее въ столовую.

Словомъ сказать, со всѣхъ сторонъ на него сыпались приглашенія и напоминанія, а ежели онъ манкировалъ, то и нѣжныя упреки.

По счастливой случайности, въ это же критическое время ему повезло и въ преферансъ. Какъ будто сама судьба охраняла его крыломъ своимъ. Имѣя обыкновеніе каждый день, по возвращеніи домой, записывать свой проигрышъ или выигрышъ, онъ, къ концу перваго мѣсяца свободы, сосчиталъ, что остался по картамъ въ барышѣ на семьдесятъ одинъ рубль сорокъ пять копеекъ. Стало быть, надежда на случайныя статьи дохода еще не исчезла. Составляя свой бюджетъ, онъ понималъ, что существуетъ особая и очень существенная статья: «занятіе картами», но такъ какъ онъ не зналъ, какъ ее сосчитать, доходомъ или расходомъ, то и предпочелъ лучше не упоминать объ ней вовсе. Теперь же оказывалось, что это статья несомнѣнно доходная, и что ежели на будущее время взглянуть на нее серьезнымъ окомъ, то... Это такъ его ободрило, что онъ почти свѣтло взглянулъ въ лицо будущему, и тутъ же включилъ въ свой доходный бюджетъ новую статью: «Отъ занятія картами 800 р.», добавивъ, впрочемъ, въ свободкахъ: «доходъ не окладной».

Словомъ сказать, ничего въ его обиходѣ, казалось, не измѣнилось, и только утро сдѣлалось какъ будто нѣсколько длиннѣе. Прекращеніе обязательной ходьбы въ департаментъ оставило за собой пустоту, которую онъ наполнялъ лишь съ трудомъ. Онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, внимательно перечитывая газеты (одну онъ выписывалъ самъ, другую ему обязательно сообщалъ домовладѣлецъ), свистѣлъ, напѣвалъ, даже вертѣлъ ручку на piano-pédalique, чего прежде съ нимъ никогда не бывало. Но болѣе всего его выручала такъ называемая «писанная» литература. Въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ во всякое время ходятъ по рукамъ таинственныя и до крайности либеральныя «записки» и «проекты». То статскій совѣтникъ Растопыра пуститъ въ ходъ «И мою ленту», то тайный совѣтникъ Стрекова потихоньку показываетъ знакомымъ «Мой послѣдній вылазъ», то престарѣлый «Опытный сановникъ Чимпадзе» излагаетъ кратко «А мое мнѣніе—все истребить и симъ способомъ прекратить дальнѣйшее распространеніе язвы». Повременамъ, помянется и изъ провинціи какой-нибудь выходецъ съ лона природы и тоже по секрету доглядываетъ свою «капельку». И въ каждой изъ этихъ «лентъ» высказывается: вотъ это — прекратять, а вотъ

это — развить. И въ каждой авторъ попеременно то пронизываетъ, то содрагается, то предается сладкимъ упованиямъ. И каждая «капелька» читается съ жадностью, служить предметомъ нескончаемыхъ разговоръ «потихоньку», во свидѣтельство, что российское свободомысліе, подобно достославному курилкѣ, не умираетъ. Каширинъ предавался чтенію подобныхъ записокъ съ увлеченіемъ. Онъ чутьемъ пронюхивалъ о существованіи чего-нибудь новенькаго въ этой области, и непремѣнно доставалъ. Наглотаившись вольномыслия, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза предстоящему обѣду «въ гостяхъ», зная напередъ, что тема для собесѣдованія готова. А ежели, при этомъ, появлялись въ газетахъ еще какія-нибудь неожиданныя производства и назначенія, то разговоръ достигалъ размѣровъ такого преступнаго дерзновенія, что нѣкоторые изъ присутствующихъ даже наматывали себѣ на усъ...

Повсичивши съ утромъ, онъ выходилъ въ четыре часа на Невскій и прогуливался, стараясь при этомъ какъ можно меньше припадать на ногу. Повременамъ, заходилъ куда-нибудь съ визитомъ и узнавалъ новости дня, причемъ непремѣнно обнаруживалось нѣчто до того изумительное (и смѣшно, и больно!), что съ языка его невольно срывались: да куда же мы, въ самомъ дѣлѣ, идемъ! Въ шесть часовъ, предварительно переодѣвшись, онъ у кого-нибудь обѣдалъ, и во время обѣда рассуждалъ о мѣрахъ, предлагаемыхъ въ только-что прочитанной «запискѣ» земскаго дѣятеля Пафнутаева. Рассуждалъ солидно и умно, и притомъ стараясь, чтобы Пафнутаевскія мысли были понятны даже для дамъ. Послѣ обѣда, если устраивалась пудела, то садился за преферансъ, причемъ держалъ карты такъ, чтобы любопытствующій Растирира не могъ видѣть его игру. Ежели же пудела не составлялась, то отправлялся въ театръ, или же въ другой знакомый домъ, гдѣ, по его соображеніямъ, хозяинъ долженъ былъ быть отъ тоски, въ ожиданіи, не зайдетъ ли кто на огонекъ. Здѣсь немедленно дѣлалось распоряженіе о привлеченіи другихъ партнеровъ; затѣмъ, развѣтывались столы, и вечеръ незамѣтно проходилъ среди возгласовъ: пасъ, куплю, семь безъ козырей и т. д. И, въ заключеніе, ужиня, а за ужиномъ, разумѣется, новое изложеніе Пафнутаевскихъ идей...

Въ этомъ пріятномъ круговоротѣ прошелъ весь зимній сезонъ. Подъ конецъ, Каширинъ такъ возгордился, что порою ему даже думалось, что начальство уже сознало свою ошибку, и что не сегодня такъ завтра къ нему прискачетъ изъ департамента курьеръ съ запечатаннымъ конвертомъ. Однако, дни проходили за днями, а курьеръ не пріѣзжалъ. Это, въ одно и тоже время, и изумляло, и пугало его. Изумляло потому, что, перечисляя въ своемъ умѣ

персональ вѣдомства Дивидендовъ и Раздачь и, отдавая, впрочемъ, каждому должное, онъ, по справедливости, находилъ, что въ этомъ департаментскомъ букетѣ онъ представлялъ собою цвѣтокъ, по малой мѣрѣ, не уступавшій, въ смыслѣ красоты и благоуханія, прочимъ, стоящимъ у источника дивидендовъ цвѣткамъ. Путало — потому что для человѣка, всю жизнь игравшаго дѣятельную роль въ извѣстномъ дѣлѣ, не можетъ быть ничего страшнѣе, какъ мысль: а что, ежели обо мнѣ забыли?

Разсуждая по совѣсти, онъ не могъ не придти къ убѣжденію, что хотя онъ и отлично-достоинный цвѣтокъ, но что цвѣтковь приблизительно такой же красоты и такого же благоуханія все-таки существуетъ въ природѣ больше, чѣмъ достаточно. Что, слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ составить, во всякое время, какой угодно департаментскій букетъ. Возьми Иванова, Федорова, Гаврилова, перемѣшай ихъ съ Перерѣпенкой, Козулей и Уховертовымъ, а въ середину, для красы, воткни что-нибудь попушистѣе — и букетъ готовъ. Сначала, быть можетъ, онъ будетъ благоухать нѣсколько робко, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и смѣлѣе. Гавриловы, Уховертовы и Козули на то и созданы, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ благоухать подъ начальственнымъ руководствомъ. Но этого мало: всего важнѣе то, что они растутъ рѣшительно вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, такъ что стоитъ только протянуть руку, чтобы сорвать Федорова или Перерѣпенку, совершенно равносильныхъ Козулѣ и Иванову. Поэтому, когда, по какимъ-нибудь причинамъ, Уховертовъ выбываетъ изъ букета, то немедленно на его мѣстѣ появляется Гавриловъ, который уже давно пробивался тутъ же, гдѣ-то подъ мочалкой, обвивавшей букетъ, но его, покуда, не примѣчали.

Филиппъ Филиппичъ долженъ былъ сознаться, что все это вполнѣ вѣрно и безспорно, и что даже онъ самъ, во времена своего департаментскаго благополучія, открыто проповѣдывалъ теорію безпрепятственной замѣны Ивановыхъ Федоровыми и наоборотъ. Себя онъ, разумѣется, исключалъ тогда изъ этого оборота, такъ какъ думалъ совершенно искренно, что лично онъ благоухаетъ особо и несравненно; но теперь, за непримѣіемъ курьера съ запечатаннымъ конвертомъ, въ его голову начали западать на этотъ счетъ сомнѣнія. Что, ежели и онъ принадлежитъ къ тому безчисленному сонмищу Ивановыхъ, Федоровыхъ, Гавриловыхъ и проч., которые непринотливо прозябаютъ при всякомъ проѣзжѣмъ шляхѣ, и съ которыми можно поступить по вдохновенію, то-есть или воспользоваться ими, какъ составною частью букета, или просто сорвать, помянуть и бросить?

Оставалось, впрочемъ, въ запасъ одно утѣшеніе: Ивановъ и Гаврилоны — люди безцѣльные, индифферентные, а отъ завѣдомой либеральности. Слѣдовательно, когда либеральныя начинанія восторжествуютъ, то безъ него обойтись... Но тутъ его мысль какъ-то сама собой останавливалась, словно встрѣчала какое-то совѣсть забытое соображеніе. Чего онъ, однакожь, желаетъ? Торжества либерализма? Но развѣ либерализмъ уже не торжествуетъ? развѣ того, что есть — мало? развѣ желать либерализма большаго и сугубаго не значить просто на просто желать разнузданности страстей?

То-то вотъ оно и есть...

Онъ началъ взвѣшивать и соображать, и, какъ человѣкъ солидный, не замедлилъ придти къ убѣжденію, что все, что требуется, уже есть, и что дальнѣйшія ожиданія свидѣтельствуютъ лишь о прихотливой затѣйливости не твердаго ума. Слѣдовательно, онъ былъ *тогда* не правъ. И тогда былъ не правъ, когда, по поводу того или другого назначенія, испускалъ фрондирующее иччаніе, и тогда, когда, по поводу какаго нибудь административнаго мѣропріятія, либерально восклицалъ: эге! А ежели онъ былъ не правъ (теперь онъ уже сознавалъ это нетоко за страхъ, но и за совѣсть), то чтѣ же мѣшаетъ ему исправиться, воссоединиться, съечь «знамя» въ печкѣ, однимъ словомъ, раскаяться? Но тутъ его мысль опять прерывалась, и притомъ безъ всякихъ объяснительныхъ мотивовъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Ну, нѣтъ, топ шер! говорилъ онъ себѣ съ проиническимъ злорадствомъ: — шалишь! Теперь твоему раскаянію ужъ не по-вѣрять... не такъ-то просто! Теперь, хоть ты источникъ слезъ пролей — и тогда скажутъ, что это крокодиловы слезы!

Подумавши это, онъ, однакожь, слегка поераснѣлъ, и даже тревожно оглянулся вокругъ, какъ бы опасаясь, чтобы Пафнютъевъ не сдѣлался свидѣтелемъ его маловѣрія.

Какъ бы то ни было, но не ѣдетъ департаментскій курьеръ... да и не пріѣдетъ!!

Какъ нарочно, лѣто въ этомъ году выдалось изъ ряда вонъ скучное. Наиболѣе короткіе знакомые, словно, сговорившись, разъѣхались раньше обыкновеннаго, и, вдобавокъ, кто за-границу, кто въ дальнюю деревню, такъ что всякая надежда около когонибудь пощечиться исчезла безвозвратно. Каширинъ вспомнилъ, что гдѣ-то на Пескахъ, въ Слоновой улицѣ, живетъ титулярный совѣтникъ Каверзневъ, у котораго онъ когда-то воспринималъ отъ купели сына. Чуть-чуть было онъ не рѣшился направить

свои стопы къ нему: прѣхаль-моль къ крестному сыну за просто хлѣба-соли отвѣдать, но подумалъ немного и отложилъ свое намѣреніе. Не потому, чтобы онъ былъ прихотливъ на счетъ ѣды, но потому что аппетитъ покуда еще не одержалъ побѣды надъ совѣстливостью.

Волей-неволей пришлось коротать время одному. Скука была страшная, пожвращающая; день, и безъ того длинный, въ одиночествѣ казался нескончаемымъ. Съ трудомъ успѣешь сбѣжать утро, какъ уже со страхомъ помышляешь о предстоящемъ вечерѣ. Каширинъ началъ усилленно играть на piano-mésanique, и ежедневно перепрыгивалъ по нѣскольку разъ всѣ пьесы репертуара. На его несчастіе, и Пафнутьевъ временно умоляетъ, такъ что и рукописныхъ «лептъ» не оказывалось. Въ этой крайности, онъ предпринялъ ходить къ Доминику, гдѣ часа полтора или два просиживалъ въ билліардной, наблюдая за чудесами клапштосовъ и карамболей, но и тутъ случился скандалъ. Такъ какъ Филиппъ Филиппычъ ничего не потреблялъ, а слѣдовательно и не расплачивался, то, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, гарсоны стали перешептываться между собой, подозрительно кивая въ его направленіи. И вотъ, однажды, когда онъ уже взялся за ручку двери, чтобы выйти на улицу, одинъ изъ гарсоновъ подошелъ къ нему и учтиво пригласилъ заплатить за съѣденный пирогъ. Каширинъ пирога не ѣлъ (онъ даже, по извѣженности своей, не понималъ, какъ можно что-нибудь ѣсть у Доминика), однако, протестовать не рѣшился, а вынулъ гривенникъ и заплатилъ. Но, разумѣется, съ тѣхъ поръ къ Доминику ни ногой.

Однако, надо же было что-нибудь выдумать, чтобы убить время. Однажды, прочитавъ въ газетѣ, что молодая француженка ищетъ поступить компаньонкой къ пожилому холостяку или вдовцу, онъ отправился по адресу. Разумѣется, онъ желалъ только провести время, но оказалось, что «вдовець» ужъ нашелся и, повидимому, даже поладилъ. Такъ что когда Каширинъ явился, то посѣщеніе было принято совсѣмъ въ другую сторону, и вслѣдствіе этого превратнаго толкованія, онъ «едва унесъ ноги».

Тогда, онъ обратилъ вниманіе на нянекъ и боннь, и это, дѣйствительно, на время развлекло его. Какъ вдругъ, въ газетѣ «Краса Демидрона» появилась такого рода статья.

Новый Донъ Жуанъ.

«Недавно появился въ Петербургѣ особаго рода цѣнитель женскихъ красоте, который избралъ предметомъ своихъ любострастныхъ наблюденій нянекъ и боннь. Прочитавъ въ газетахъ объ ищущихъ мѣста нянекахъ, онъ является по адресу, и ежели на-

ходить молодую особу по своему вкусу и притомъ безъ покровителей, то безъ церемоній предлагаетъ послѣдовать за нимъ въ трактиръ, на что нѣкоторые, по неопытности, и соглашаются. Но не всѣ. Такъ наприимѣръ, на дняхъ, этотъ господинъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ дѣвицу Р. (11-ая рота измайловскаго полка, 417, согласна въ отъѣздъ), особу весьма бойкую и замѣчательно-красивой наружности; но едва началъ онъ формулировать свое предложеніе, какъ изъ-за ширмы высочилъ нашъ репортеръ Помойкинъ (находившійся, впрочемъ, тамъ съ цѣлями, заслуживающими всякой похвалы) и въ свою очередь предложилъ любострастному Донъ-Жуану прослѣдовать внизъ по лѣстницѣ

Кувыркокъ, кувыркокъ...

«Что послѣдній и выполнилъ при общемъ хохотѣ выпавшихъ изъ квартиръ на шумъ жильцовъ. Къ сожалѣнію, г. Помойкинъ, вопыкахъ, не полюбопытствовалъ узнать фамилію этого господина, но примѣты его таковы: достаточно старъ, волосъ на головѣ мало, лысна содержитя опратно, бавены вѣеромъ, одѣтъ прилично и даже щеголевато, употребляетъ духи, на одну ногу принадлежитъ. Нѣкоторые изъ жильцовъ дома № 417 увѣряютъ, что видали его въ казначействѣ получающимъ пенсію.

«Предостерегаемъ воспитательницъ нашего молодого поколѣнія и убѣждаемъ ихъ оставаться неуклонно на высотѣ своего призванія! А вы, господинъ Донъ-Жуанъ! подумали ли вы, какую преступную игру вы предприняли и на кого обратили ваши взоры, исполненные любострастнаго огня?!»

Послѣ этого, ему оставалось и еще одно развлеченіе: отыскивать по объявленіямъ пропавшихъ собакъ, но для такой заботы у него былъ уже черезчуръ большой чинъ.

Обѣдать онъ чаще всего ходилъ въ Лѣтній садъ, и, разумѣется, старался употребить какъ можно больше времени на выполненіе этого обряда. Но четыре тощихъ блюда съѣдались съ обидною быстротою, и къ семи часамъ Филиппъ Филиппычъ не безъ страха примѣчалъ, какъ подкрадывается къ нему вечеръ. Въ былое время, онъ сладилъ бы съ вечеромъ легко: закатился бы въ Демидроновъ и дѣло съ концомъ, но при теперешнимъ положеніи бюджета Демидроновъ не полагалось, и онъ волей-неволей возвращался домой, гдѣ, въ качествѣ развлечения, его ожидалъ чай съ Филиповскимъ калачомъ.

Пробовалъ онъ раньше спать ложиться, но выгоды отъ того не получилъ, потому что тѣмъ раньше ложился съ вечера, тѣмъ раньше просыпался утромъ.

Къ довершенію всего, чортъ принесть изъ Полтавской Губерніи Растопыря. Пріѣхалъ Растопыря одинъ, безъ жены, и сейчасъ же отъѣвился къ сердечному другу. Каширинъ, впопыхахъ, было обрадовался, думалъ: Растопыря — онъ гостепріимный. Но Растопыря былъ тоже себѣ на умъ; какъ ввалился, такъ сейчасъ же объявилъ:

— Я, дружище, въ Петербургъ всего на недѣлю пріѣхалъ. Утромъ—въ департаментъ и по дѣламъ буду хлопотать, а обѣдать и вечерокъ провести—къ тебѣ!

И вотъ, вмѣсто того, чтобы на счетъ Растопыри малороссійское сало ѣсть, онъ же долженъ былъ на собственные деньги ежедневно брать у Палкина два рублевые обѣда и выслушивать, какъ взвѣженный Растопыря, уписывая за обѣ щеки, нѣтъ-нѣтъ да и замѣтить: воля твоя, а отъ супа чѣмъ-то воняетъ!

Наконецъ, наступилъ августъ и вечера потемнѣли. Появились дожди, потануло холодомъ, сыростью, улицы утонули въ грязи. Скука и одиночество начали давить еще сильнѣе. Но умъ! все это безвременно происходило только въ Петербургѣ. Въ провинціи, напротивъ того, судя по газетнымъ корреспонденціямъ, давно не запомнили осени столь благодатной, благоухающей, волшебной. И никогда, въ Парижѣ, на водахъ и морскихъ куаньяхъ востокъ не предъавляли такого роскошнаго декольтѣ и не бывали такъ увлекательны. Петербуржцы сѣзжались безпримѣрно туго, а тѣ, которые пріѣзжали, требовали времени для приведенія въ порядокъ своихъ логовищъ и занимались переборками и разборками съ медленностью по истинѣ возмутительной. Наконецъ, къ концу сентября кое-какъ все уладилось.

Каширинъ ринулся въ сезонный круговоротъ съ увлеченіемъ и страстностью человѣка, который долго и безнадежно терпѣлъ. Прежде всего, онъ побѣжалъ къ Растопырѣ, который сейчасъ же накормилъ его самымъ свѣжимъ саломъ и очень любезно вспомнилъ, съ какимъ радушіемъ Филиппъ Филиппычъ лѣтомъ угощалъ его раковымъ супомъ и телятиной съ огурцомъ.

— И чѣмъ это отъ супа воняло—право даже и теперь понять не могу! прибавилъ онъ, однакожь, въ заключеніе.

Потомъ, Каширинъ направился къ археологу-библіографу Скорбному-Головану, который обѣдать не далъ, а сообщилъ, что ѣздилъ лѣтомъ въ Испанію, такъ какъ узналъ, что тамъ скрывается собственноручно писанная Барковымъ и доселѣ никому неизвѣстная трагедія, которую, послѣ долгихъ и изнурительныхъ поисковъ, и пріобрѣлъ, уплативъ за нее половину своего имѣнія. Потомъ по очереди отобѣдалъ у Птицыныхъ, Бердле-

ных, Корноуховых. Чистосердочных, Чертополоховых и прочих кассационных, апелляционных и дивидендных чиновъ. Последняго посетилъ Стрекову, и притомъ посетилъ церемонно («отъѣвился»), въ воскресный день, потому что, приземлясь, начиналъ опасаться этого сановника, который съ минуты на минуту ожидалъ производства въ дѣйствительные тайные совѣтники. По прежнему, въ этомъ высокопоставленномъ домѣ пахло какими-то специфическимъ запахомъ, смѣсью пастилы, амбрѣ и старческихъ грѣховъ; по прежнему, лицо хозяина отливало борщевымъ, почти гнѣднымъ цвѣтомъ, и по прежнему Стрекова принялъ Каширина съ благожелательною снисходительностью, то есть покачалъ обѣ руки, поцѣловалъ въ лобъ и даже подарилъ ему едось «исколинской» пшеницы, привезенной изъ саратовскаго имѣнія.

— Ну, а какъ наше «знамя»? по старому? полюбостествовалъ, заключеніе, маститый старецъ, проницательно заглядывая въ глаза Филиппу Филиппичу.

— Гдѣ ужъ... какое теперь знамя! нѣсколько смущенно отъѣтствовалъ послѣдній.

— То-то! теперь надо это оставить! наставительно изъяснилъ Стрекова:—конечно, на всякій случай терять изъ вида не слѣдуетъ, но теперь... Ну, такъ милости просимъ напередки по старому, а сегодня обѣдать не прошу, потому что еще разбираемся, и не знаю самъ, чѣмъ Матрена Ивановна накормитъ меня.

Такимъ образомъ, въ этотъ день Каширинъ былъ вынужденъ отобѣдать въ ресторанахъ. Но все-таки онъ былъ за тысячу верстъ отъ мысли, что обѣдъ, съѣденный имъ въ прошлый сезонъ, передъ отъѣздомъ семейства Стрековы въ Саратовъ, былъ послѣднимъ его обѣдомъ въ этомъ домѣ.

Казалось, все вошло въ прежнюю колею; однако, проницательный человѣкъ уже въ самомъ началѣ сезона могъ подмѣтить, что въ отношеніяхъ «кружка» къ Каширину завелась какая-то загадочная трещина, на которую, покаместъ, еще трудно прямо указать, но которая существуетъ уже несомнѣнно.

Начать съ того, что положеніе Каширина, какъ человѣка, пострадавшаго за «знамя», настолько уже для всѣхъ опредѣлилось, что «интересоваться» имъ не было никакого новода. Даже сама la belle madame Растопыря поняла, что странно какъ-то, по прошествіи цѣлаго года, продолжать хвалиться передъ публи-

кой: вотъ тотъ самый Каширинъ, который высоко держалъ знамя и за это приказомъ отъ такого-то числа, мѣсяца и года свергнуть въ безсрочную меланхолію, съ пенсіей въ размѣрѣ половиннаго оклада содержанія, но безъ участія въ дивидендахъ. Увы! мы столько съ тѣхъ поръ пережили и въ это время столько знаменъ было изъято изъ употребленія, и столько людей свергнуто въ меланхолію, что, право, было даже нелѣпо смотрѣть на Каширина, какъ на какой-то выдающійся пунктъ. Послѣ Каширинскаго знамени было знамя Разгильдяевское, послѣ Разгильдяевского—Разуваевское и еще, и еще... Кто знаетъ нашу склонность къ знаменамъ, тотъ пойметъ, что недостатка въ этомъ отношеніи быть не могло, такъ же, какъ не могло быть недостатка и въ мѣрахъ по свергнутію носителей этихъ знаменъ въ меланхолію. Такъ что, въ виду этихъ послѣдующихъ событій, Филиппъ Филиппычъ, съ своимъ старенькимъ истрепаннымъ знаменемъ, представлялся уже чѣмъ-то въ родѣ «отставнаго козы барабанщика».

Во-вторыхъ, что касается до меланхоліи, то и она, сама по себѣ взятая, т. е. лишенная просвѣта въ будущемъ, скоро утомляетъ. Мы слишкомъ практическіе люди, чтобъ долго интересоваться «ньюнами», и пострадавшій человекъ имѣетъ право на наше вниманіе лишь потопику, потопику его окриляетъ надежда воспрянуть. Но вотъ прошелъ уже цѣлый годъ со времени свергнутія въ меланхолію, а съ Филиппомъ Филиппычемъ нисколько не произошло переменъ въ лучшему, но даже самъ онъ иногда откровенно признавался, что ничего отраднаго впереди не предвидитъ. Стало быть, въ будущемъ онъ способенъ только пользоваться услугами друзей, а не оказывать таковыя, одолжаться, а не одождать. А это дѣлало его похожимъ на тѣхъ назойливыхъ субъектовъ, съ шаблонными просительными письмами въ рукахъ, которые вѣчно о чемъ-то кланчатъ (по словамъ—на бѣдность, а въ сущности—на выпивку), и ужъ конечно, никому удовольствія доставить не могутъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, заграничный курсъ упалъ до нелзя, а цѣна на съѣстные припасы соответственно поднялась. Въ такихъ условіяхъ, поневолѣ начнешь разсчитывать и роптать, что при домашней трапезѣ постоянно присутствуетъ лишній ротъ, и притомъ такой, отъ котораго однимъ саломъ не отдѣлаешься. Этотъ ротъ потребуетъ и лишней ложки борща, и лишней галушки, и лишняго куска жаренаго, и лишней рюмки вина. А сосчитайте ка все—выйдетъ мало-мало рубль серебромъ каждый разъ.

Такова была эта трещина, которой куда никто еще не совала, но которая непременно и въ очень недалекомъ будущемъ должна была оказаться.

Сверхъ того, въ этомъ кружкѣ всему давалъ тонъ Стрекова, и потому, когда на вопросъ, почему Филиппъ Филиппычъ въ такое-то воскресенье не обѣдалъ у его превосходительства, онъ, нѣсколько застыдившись, отвѣчалъ, что не получалъ еще приглашенія, то большинство «друзей» задумалось. Ибо Стрекова слылъ за человѣка проникательнаго и дѣйствительно былъ такимъ. Одинъ Скорбный Голованъ не задумался и продолжалъ относиться въ Каширину съ возрастающей задумчивостью, но посѣщать археолога-библіографа было не особенно лестно, потому что въ домъ его царя безконечная неурядица. Самъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и штудировалъ Баркова, а жена всѣмъ и каждому жаловалась, что, благодаря этому занятію, стало совсѣмъ невозможно жить, потому что даже маленькія дѣти—и тѣ до такой степени пристрастились къ севернословію, что иначе не говорили другъ съ другомъ, какъ тирадами изъ Барковскихъ трагедій. И въ добавокъ, у Скорбныхъ-Головановъ подавался какой-то совсѣмъ неестественный обѣдъ, состоящій изъ молока, растительныхъ веществъ и до нельзя заошеннаго холоднаго ростбифа, который, очевидно, зажаривался однажды на всю недѣлю.

Тѣмъ не менѣе, начало сезона все-таки прошло благополучно. Кстатѣ же, появилась въ обращеніи новая рукописная «записка», авторомъ которой былъ уже не Пафнутьевъ, а отставной корнетъ и нынѣ земскій дѣятель, Голубатниковъ. У Голубатникова было страшное орудіе—иронія, съ этимъ-то орудіемъ онъ напалъ на Пафнутьева. Все, что Пафнутьевъ утверждалъ, Голубатниковъ отрицалъ, и наоборотъ. И къ довершенію всего, обѣ записки были либеральныя, и обѣ возбуждали въ «обществѣ» страстный переполохъ. Пользуясь этой сумятицей, Каширинъ очень ловко воспользовался ею, лакомясь то у Раstopыри, то у Чертополоховыхъ, то у Птициныхъ и проч., и всѣхъ убѣждая отложить окончательное рѣшеніе возбужденныхъ «вопросовъ» до тѣхъ поръ, когда со стороны Пафнутьева послѣдуетъ отвѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, во всей полнотѣ разъяснитъ сущность Пафнутьевскихъ идей.

Но Пафнутьевъ медлилъ отвѣтомъ, и въ половинѣ сезона трещина начала обнаруживаться. Сначала, она показывалась по неиную, потомъ—рѣзче и рѣзче. То свойство, которое Каширинъ приобрѣлъ вмѣстѣ съ отставкой и вслѣдствіе котораго онъ оказывался рѣшительно неспособнымъ кого-либо «одолжить», вдругъ

вышло наружу во всей наготѣ. Никто прежде не задавалъ себѣ вопроса: съ какой стати этотъ человѣкъ повадился къ намъ обѣдать? теперь же этотъ вопросъ формулировался какъ-то самъ собою и притомъ одновременно у всѣхъ. Всѣ помнили, что отъ Филина Филиныча ждать болѣе нечего, а стало быть, и коранить его нѣ вачѣтъ.

А рядомъ съ этимъ вопросомъ рождался и другой: не занять ли у него денегъ?

Прежде всѣхъ рѣшился на эту попытку Растопыря, и въ первый же разъ, какъ Филинъ Филинычъ пришелъ къ нему обѣдать, онъ отвелъ его въ сторону и, отважно хлопнувъ по плечу, сказалъ:

— А что, дружище, не дань ли ты мнѣ тысячку рублей на мѣсякъ днѣй перехватить?

— Гдѣ? какъ-то нескладно спросилъ Каширинъ, какъ будто не понимая, въ чемъ суть.

— Гдѣ? кудажъ, братецъ, ты ну, у себя или у меня... гдѣ хочешь!

Но Каширинъ уже понималъ и только растерянно глядѣлъ на своего амфитріона.

— Обѣдать! крикнулъ Растопыря, и хотя, впоследствии, на однимъ намекомъ не укорилъ друга, но съ тѣхъ поръ къ ихъ отношеніямъ начала замѣтно вкрадываться холодность.

За Растопырей послѣдовали: Чертополоховъ, Бердяевъ, Чистосердовъ и проч. и со всѣми кисторилась одна и таже сцена. Каширинъ никому денегъ не далъ, и у всѣхъ остался обѣдать. Но что всего прискорбиѣе, онъ долженъ былъ отказать въ подобной же просьбѣ хорошенькой мадамъ Карнауковой, которая еще накануне, сидя съ нимъ рядомъ за обѣдомъ, пожала ему ногу своею ножкой.

Каширинъ не могъ не знать, что этого ему никогда не простятъ, но онъ словно одеревенѣлъ и продолжалъ посѣщать «друзей» по прежнему. Къ довершенію всего, онъ съ самаго начала сезона такъ счастливо игралъ въ проферансъ, что это, наконецъ, дѣлалось неприлично. Общее мнѣніе было таково, что онъ подсматриваетъ въ карты, и, вслѣдствіе этого, Растопыря началъ свои карты прятать подъ столъ. Но еслибы даже признать за вѣрное, что въ данномъ случаѣ никакой фальши не было, а дѣйствовало одно счастье, то и тогда эти постоянные выигрыванія были просто неприличны. Сегодня три рубля, завтра пять рублей—въ мѣсяцъ-то сколько этихъ рублей набѣжить!

Словомъ сказать, видимо подготовилось что-то названное,

сказки не явно враждебное. Всѣ замѣчали это, одинъ Каширинъ продолжалъ не замѣчать: до такой степени онъ уже освоелся съ ролью прихлебателя. Напротивъ того, онъ легкомысленно радовался, что статья бюджета: «занятія картами» все больше и больше тучитъ, и что, быть можетъ, недалеко ужъ вражда, когда онъ, при ей пособіи, приобрететъ себѣ еще одинъ бюджетъ внутренняго съ выигрышами займа (два онъ уже имѣлъ).

Но время шло, а вмѣстѣ съ нимъ все яснѣе и яснѣе обозначалась разъ намѣченная тенденція. Однажды Филиппъ Филиппычъ пришелъ къ Растопирѣ обѣдать (Растопиря былъ закадичный другъ, и потому весьма натурально, что онъ же долженъ былъ открыть враждебныя дѣйствія), и вдругъ оказалось, что одного прибора недостаетъ. Разумѣется, приборъ потребовали, но выяснилъ почему-то счелъ долгомъ обратиться къ Каширину (какъ будто именно для него-то и недоставало прибора) сказать:

— Ну, для тебя какъ-нибудь потѣшился... старый дружище!

Въ этотъ же день, случилось и другое происшествіе. Давей, подавая вѣтчину съ горюшкомъ, толкнулъ Филиппа Филиппыча въ плечо, какъ бы помуждая его не медлить. Между тѣмъ, не дѣлая, какъ будто не имѣло тому навады, онъ далъ этому ледю рубль, и потому поведеніе его не могло не назваться загадочнымъ. Стало бытъ, Растопиря не очень-то стѣснялся въ выраженіи мнѣній о своемъ другѣ, смели даже рублевая податка не дѣйствовать на ханово отродь!

А вслѣдъ за тѣмъ, и третье происшествіе. Когда, послѣ обѣда, раскинули столы для преферанса, то хозяинъ подаль карты Бердлеву, Чертополохову и Птицыну (четвертую вѣдь самъ), а Каширину карты не далъ, сказать:

— Ты, дружище, не сердись, что тебя не сажаю. Въ послѣднее время ты началъ такъ часто выигрывать, что, признаться, ужъ и тяжело было стать!

Однако, Филиппъ Филиппычъ и тутъ смолчалъ, и даже нѣсколько времени повертѣлся около шафате Растопиря. Не подъ конецъ, не выдержавъ и ушелъ домой.

Сцены болѣе или менѣе того же содержанія повторились и въ другихъ домахъ. Каширинъ чувствовалъ, что роль его дѣлается болѣе и болѣе неанносимой, и все-таки не рѣшался прорвать. Однажды, переходя черезъ улицу къ подъѣзду Карнауковыхъ, онъ собственными глазами убѣдился, что хорошенькая шафате Карнаукова, стоявшая у окна (еще у него медвѣжью въ головѣ: вѣрно, выглядываетъ своего гусара, корнета Стрелкова!), увидѣвъ его, вдругъ отирнула; а когда онъ, черезъ минуту,

позвонилъ, то прислуга, отворившая ему дверь, съ смущеннымъ видомъ отвѣтила, что барыня нездорова и кушать не будутъ. Выйдя послѣ этого на улицу, онъ нарочно оставилъся у ближайшаго угла, чтобы наблюдать, и увидѣлъ, что велѣдъ за нимъ къ подъѣзду подмѣталъ гусарь Стрелкова, а черезъ четверть часа появились: Чистосердовъ, Растопыря, Чертополоховъ и самъ Карнауховъ, очевидно, всѣ четверо изъ департамента. И всѣ вошли въ подъѣздъ и больше не выходили.

Но этого мало: къ полному своему огорченію онъ убѣдился, что про него начинаютъ распространять клеветы. Однажды прибѣжалъ къ нему Скорбный-Голованъ, въ состояніи безпримѣрной восторженности, и долго ничего не могъ объяснить толкомъ, а только беспорядочно махалъ руками и восклицалъ:

— Подлецъ, Растопыря! подлецъ! подлецъ! подлецъ!

При чемъ смѣшивалъ фамилію Растопыри съ фамиліей одного изъ дѣйствующихъ лицъ барвовскихъ трагедій, что, съ вѣшной стороны, выходило даже совсѣмъ неприлично.

Успокоившись, однакожь, онъ рассказалъ, что Растопыря рассказываетъ о Каширинѣ самыя ядовитыя слухи. Говорить, что Филиппъ Филиппычъ потихоньку беретъ у него изъ ящика сигары, прячетъ въ карманъ и уноситъ домой; что однажды *la belle madame* Растопыря видѣла, какъ онъ положилъ кусокъ вѣчины между двумя ломтиками хлѣба и тоже препроводилъ въ карманъ; что онъ, Каширинъ, не довольствуется тѣмъ, что выпиваетъ за столомъ вдвое противъ другихъ, но что неоднократно лакей Степанъ подстергаетъ, какъ онъ ходилъ въ буфетный шкапъ и тамъ выпивалъ рюмку за рюмкой; что, однажды, на сѣкѣ, въ бутылку изъ-подъ хересу налили керосину и онъ, Каширинъ, выпилъ, не сморгнувъ, и только въ теченіи всего вечера отключивался и время отъ времени выдалоса провозносилъ: ахъ, подлецъ; что самъ Растопыря, замѣтивъ однажды, что Каширинъ съ особенною умильностію взглядывалъ на бутылку съ мадерой, и, жема убѣдиться въ справедливости лакейскихъ показаній, спряталъ бутылку за оконныя драпри (но такъ, чтобы Каширинъ видѣлъ это), и дѣйствительно, черезъ два часа, бутылка оказалась порожнею...

Каширинъ былъ возмущенъ до глубины души, потому что онъ рѣшительно ничего подобнаго не дѣлалъ.

Но вмѣсто того, чтобы принять эти слухи только къ соображенію, онъ оказался настолько неразумительнымъ, что задумалъ объясняться. Когда онъ явился съ этимъ къ Растопырямъ, то самого Растопыри не было дома, а *madame* Растопыря приняла его особенно весело, какъ будто знала, о чемъ пойдетъ рѣчь. И дѣйстви-

тельно, все время, покуда онъ, одну за другой, налагалъ свои претензіи, она безъ умолку хохотала, такъ что онъ, наконецъ, остановился и спросилъ, что же тутъ смѣшного?

— Ха-ха! какой вы уморительный! отвѣтила милая хозяйка, и вновь залилась веселымъ смѣхомъ.

Тогда онъ скромно напомнилъ ей, что было время, когда она не смѣялась и когда онъ... Но «красавица», не прекращая хохота, съ такимъ наивнымъ любопытствомъ взглянула ему въ лицо, что онъ просто оторопѣлъ.

— И такъ, я долженъ изъ этого заключить... началъ было онъ, но тутъ воротился домой самъ Растопыря и не далъ докончить фразу.

Ту же претензію онъ наложилъ и Растопырѣ, который выслушалъ его съ участіемъ, но только-бы не отрезся, а напротивъ сейчасъ же повинился и, въ заключеніе, даже обнялъ его.

— Ну, прости, дружище! виноваты! не буду! утѣшалъ онъ Каширина:— не слѣдовало, ахъ, не слѣдовало мнѣ этого говорить! знаю, что не слѣдовало! Другъ вѣдь ты! старый... дружище!

Но тутъ же, впрочемъ, присовокупилъ:

— Признайся, однако, голубчикъ, вѣдь было-таки немного! Хереску-то изъ-подъ драпри... хватилъ-таки малости!

При этой непредвидѣнной выходкѣ, сопровождавшейся неудержимымъ смѣхомъ милой хозяйки, Каширинъ почувствовалъ, что онъ холодѣетъ. Онъ съ инстинктивнымъ ужасомъ взглянулъ на своихъ «друзей», какъ будто передъ нимъ стояла страшная голова Медузы, а не поспонное рыло начиненнаго галушками полтавскаго обывателя.

— За что вы меня... ненавидите?! вырвалось, наконецъ, изъ его измученной груди.

А между тѣмъ, времена все зрѣли да зрѣли, а, наконецъ, и совсѣмъ созрѣли.

Въ одно прекрасное утро, одно, заслуживающее довѣрія лицо (можетъ быть, даже самъ Стрекоза), встрѣтивъ Растопыря (Растопыря, какъ ловкій полтавецъ, сумѣлъ пріютиться въ трехъ вѣдомствахъ, и по всѣмъ тремъ получалъ присвоенное содержаніе, такъ что чиновники, въ шутку, называли его «трижды подчиненнымъ»), предложилъ ему слѣдующій краткій вопросъ:

— Бстатн! вѣдь вы, кажется, знакомы съ *юсодниомъ* Кашириннымъ?

Растопыря смутился и началъ бормотать что-то невнятное. Не отрицалъ, но и не утверждалъ; говорилъ, что онъ никогда не былъ особенно близокъ... что притомъ давно ужъ предполагалъ... и что, наконецъ, онъ сейчасъ же, сію минуту...

— Смотрите! какъ бы не тово... последовалъ добродетельный совѣтъ.

Растопыря прибѣжалъ домой, точно съ дѣши сорвался. И такъ какъ это произошло именно въ четвергъ, когда у него собирались къ обѣду пріятели, и время уже близилось къ половинѣ шестаго, то онъ, какъ говорится, и рвалъ, и металъ. Призвавъ madame Растопыря, объявилъ ей, что присутствіе въ ихъ домѣ Каширина долгие терпимо быть не можетъ; потому, началъ топтать ногами, бѣгать по комнатамъ, кричать, вопить:

— Вошь его! гнать его! гнать! гнать! гнать!

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда парокъ отъ его гнѣва достигъ высшей степени, онъ очнулся и увидѣлъ, что въ дверяхъ стоитъ Филиппъ Филиппычъ, какимъ-то образомъ ухитрившійся упредить распоряженіе объ отъѣздѣ ему отъ дома.

Каширинъ былъ блѣденъ, щеки его тряслись, зубы стучали. Шатаясь, воротился онъ въ переднюю, безъ помощи лавки на дѣлъ пальто, и вышелъ на лѣстницу. Тамъ онъ встрѣтилъ Чертополохова, который, при видѣ его, сухо-уттиво приложился къ излви, но руки не подавъ, потому что, какъ оказалось впоследствии, въ это же утро и у него былъ разговоръ съ Стрешовой по поводу знакомства съ *восподитомъ* Кашириннымъ.

Очутившись на улицѣ, Филиппъ Филиппычъ въсвоякомъ минутъ не могъ сообразить, что такое съ нимъ произошло. Мимо него прошли: Бердлевъ, Чистосердовъ и, наконецъ, Шилокостовъ, новая вѣбада, только-что взошедшая на горизонтъ Дивидендовъ и Раздачь. И они, конечно, имѣли такой же разговоръ, потому что тоже ограничились формальнымъ поклономъ, безъ рукопожатія. Но Каширинъ все еще находился въ туманѣ и передъ глазами его инстинктивно рисовалась освѣщенная столовая Растопыри, столъ, обремененный закусками, около которыхъ столпились гости, и посреди ихъ гостепріимный хозяинъ ораторствовалъ:

— Разумѣется, въ виду этого, я вынужденъ былъ употребить геронческія шѣры...

— Конечно! конечно! восмѣщали гости, за исключеніемъ, впрочемъ, Шилокостова, который въ эту минуту разрывалъ въ своемъ умѣ вопросъ, отречется ли и онъ, подобно саму, отъ Растопыри, когда разговоръ дойдетъ и до него!

— Ахъ! онъ какъ такъ надоѣлъ! сантиментально присвокупилъ съ своей стороны la belle madame Растопыря...

Однако, привычка прилебательства взяла-таки свое, и Каширинъ бессознательно побрелъ по направлению къ квартирѣ Сворбни-го-Голована.

Но тутъ его ужъ окончательно добили. Сворбни-го-Голованъ бросился къ нему со слезами, обнялъ, замочилъ ему губами щеки, и даже слегка порыдалъ у него на груди. Но въ заключеніе крикнулъ:

— Милна! Пета! Катичка! Милочка! Марешница! Зидочка! идите! идите сюда!

И когда молодое поволеніе Сворбни-го-Головановъ собралось, то археологъ-библиографъ, указывая Каширину на невзникшихъ дѣтей, возопилъ:

— Вотъ! уже шесть человѣкъ на лицо, а ми съ женой еще молоды! Судите сами, голубчикъ, могу ли я? Я знаю, что я малодушенъ и отчасти даже вѣроломный, но могу ли я... сказать, могу ли?

Каширинъ ничего не отвѣтилъ на эти плакія и сейчасъ же вышелъ. На этотъ разъ онъ уже совершенно отчетливо помнилъ, что и Сворбни-го-Голованъ нислѣтъ угрозы разговоръ.

Каширинъ долго пролежалъ больной, и во все время болѣзни ни одна душа не освѣдомилась объ немъ. Наконецъ, ему полегчало, и первая мысль, представившаяся его уму, была та, что прошлое безповоротно рухнуло, и что впередіи предстоитъ лишь чуждое и безнадежное отчужденіе. Надъ его существованіемъ тронула какая-то дѣятели жестокая случайность, которая навалила его душу инстинктивнымъ страхомъ. Онъ никогда ничего подобнаго не предвидѣлъ, а потому и приготовиться не могъ. Онъ даже и теперь не понималъ, а только чувствовалъ, что сдѣлалось что-то жестокое. Въ несчастію, оставаясь не надоумивъ его, не заставила подумать о подготовкѣ иной обстановки, которая могла бы выручить въ случаѣ невѣны «друзей». Онъ, по крайней мѣрѣ, всю послѣднюю половину жизни провелъ, какъ человѣкъ касты, и, несмотря на полученные уроки, остался вѣренъ ей. Эта каста, ограниченная въ численномъ смыслѣ, отличается, сверхъ того, зависимостью, какъ главной характеристикой чертой, и это дѣлаетъ ее легко доступною для всякаго рода колебаній. Нигдѣ не бываетъ такъ часты измѣны, какъ тутъ. Но этого-то именно и не примѣтилъ Каширинъ, и вотъ теперь невѣна разразилась надъ нимъ тѣмъ-то не-

слыханнымъ, передъ тѣмъ блѣднѣли и ступенькались всѣ заботы о respectableности и равновѣсїи бюджета.

Погрязши въ кастѣ, онъ растерялъ всѣ постороннія связи и даже къ новой русской литературѣ относился довольно индифферентно. Не порицалъ прямо, но находилъ, что она не даетъ плодотворныхъ Пафнутьевскихъ элементовъ. Съ бывшими Пронскими своими патронами, онъ тоже разстался (весьма, впрочемъ, дружелюбно), да врядъ ли они и могли быть ему полезными въ данную минуту. Они жили за-границей, и, въ чащину, что когда нибудь ихъ опять поманятъ, фрондировали; объ отечествѣ же вспоминали лишь по поводу туго высланныхъ оттуда доходовъ.

И вдругъ, онъ вспомнилъ вновь, что на Пескахъ, въ Слоновой Улицѣ, въ пятнобонномъ деревянномъ домикѣ, существуетъ чиновникъ Каверзневъ, у котораго онъ нѣкогда воспринималъ отъ кушеля старшаго сына...

Воспоминаніе это оживило его, ибо по мѣрѣ того, какъ здоровье его восстанавлилось, въ немъ просыпалась и жажда общества. Въ заботахъ объ ея удовлетвореніи, онъ очень вѣрно сообразилъ, что по праздникамъ и не очень выдающіеся чиновники пекутъ пироги и приглашаютъ къ своей трапезѣ друзей. Поэтому, хотя и не безъ нѣкоторой борьбы, но въ первое же воскресенье онъ купилъ фунтъ конфетъ для крестника и, какъ только пробѣло три часа, отправился на Пески.

Титулярный совѣтникъ Каверзневъ былъ чиновникъ очень маленкій и очень смиренный. Занимая мѣсто помощника столоначальника, онъ едва сводилъ концы съ концами, да и то благодаря тому, что имѣлъ даровую квартиру въ домѣ тестя, отставного коллежскаго assessора Монументова, когда-то завѣдывавшаго департаментскими курьерами и сторожами, а нынѣ проживавшаго на пенсіи въ крошечномъ мезонинѣ того же дома. Каверзневъ женился всего пять лѣтъ тому назадъ и имѣлъ ровно пять человѣкъ дѣтей. Человѣкъ онъ былъ не особенно блестящихъ способностей, но покорный, безгранично преданный семьѣ и удивительно добрый. Жена у него была колодезьная, тоже до крайности добрая и очень симпатичной наружности особа, хотя частые роды уже успѣли сообщить ея лицу утомленное и слегка запятое выраженіе. Вообще, это было семейство согласное, жившее душа въ душу, въ тоскливомъ отчужденіи отъ живого міра, но не тяготившееся этимъ отчужденіемъ.

Когда Камриръ пришелъ, въ первой комнатѣ, служившей одновременно и столовой, и залой, - былъ уже накрытъ столъ. Въ углу, на особомъ столѣкъ стояла совсѣмъ готовая закуска

и водка, а въ воздухѣ носился пріятный запахъ начинки. Каверзневъ самъ выбѣжалъ отворить дверь, потому что ожидалъ къ обѣду друга своего, Косача. Увидѣвъ передъ собой Филиппа Филиппича, онъ слегка смутился, однакожь, понявъ, что посѣщеніе такого чиновнаго гостя приноситъ ему величайшую честь. Суетясь и забѣгая впередъ, онъ проводилъ гостя въ гостиную, гдѣ сидѣли, въ ожиданіи обѣда: жена Каверзнева, старикъ Моментовъ и помещикъ эзекутора Здобновъ. Оба послѣдніе тоже нетерпѣливо ждали Косача, чтобы приступить къ водкѣ, и, при видѣ нежданнаго гостя, ощутили то самое чувство, которое долженъ испытывать человѣкъ, уже поднесшій ко рту рюмку, и вдругъ убѣждающійся, что, благодаря какому-то проказливому волшебству, содержимое мгновенно исчезло изъ рюмки.

— А я сегодня вышелъ прогуляться, да и надумалъ: дай-ко крестнаго сына провѣдаю! началъ Филиппъ Филиппичъ. Онъ предложилъ было прямо сказать: «дай-ко у крестнаго сына запросто хлѣба-соли отвѣдаю!», но почему-то это не вышло.

Затѣмъ, онъ потребовалъ, чтобы ему показали дѣтей. Старшонькаго, Вориньку, какъ крестника, онъ поцѣловалъ и перекрестилъ, сказавши при этомъ: «вотъ такъ!», прочихъ—только перецѣловалъ. Въ заключеніе, вынулъ изъ шляпы коробку съ конфетами и подарилъ крестнику, присовокупивъ:

— Подѣлись съ братцами и сестрицами, да смотрите, не обижайте другъ друга!

Эта церемонія длилась съ четверть часа и къ концу ея прибылъ Косачъ, молодой малый, служившій въ томъ же департаментѣ помощникомъ регистратора. Всѣ вздохнули легче, потому что думалось, что съ окончаніемъ церемоніи цѣлованія дѣтей, Филиппъ Филиппичъ снимется съ мѣста. Но онъ не уходилъ. Прошло еще съ четверть часа, а онъ отыскивалъ все новыя и новыя темы для разговора. Говорилъ исключительно онъ одинъ; хозяева отвѣчали односложными словами и вымученными улыбками, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые совсѣмъ ужъ собрались ѣсть, и не знаютъ какъ выпроводить человѣка, оставившаго ихъ, такъ сказать, на ходу; гости же просто иа просто удалились въ уголь, и еслибъ Камиринъ не заглушалъ себя самъ, то, навѣрное, услышалъ бы, какъ старикъ Моментовъ вполголоса выговаривалъ Косачу:

— А все по твоей милости, вѣтрогонъ! гдѣ о сю пору шатался?

Прошло еще четверть часа. У всѣхъ лица подернулись усталостью, вытанулись и даже словно похудѣли. Въ запаху начинки

присоединился запахъ гарн: подгоралъ пирогъ. Старшій сынъ Боринья стучалъ въ столовой посудой, къ чему его, очевидно, поощрялъ Монументовъ, молчаливо, но несомнѣнно приглашая:

— Стучи, батюшка, стучи!

Наконецъ, видя, что надобно же когда-нибудь рѣшиться, Каширинъ, слегка зардѣвшись, сказалъ:

— А знаете ли что! вѣдь я къ вамъ безъ церемоній! Иду и думаю: дай-ко я у крестнаго сына запросто хлѣба-соли отѣдаю!

Только тогда Каверановы внимательнѣе взглянули въ лицо Филипу Филиппичу и замѣтили замурчаніе, которое произвели въ немъ послѣдніе происшествія и болѣзнь. Они поняли добрыми своими сердцами, что, должно быть, на этого человѣка большое горе обрушилось, если онъ рѣшился идти къ нимъ не въ качествѣ посаженнаго или крестнаго отца, а на правахъ простого гостя. И одновременно у обоихъ вырвалось восклицаніе:

— Ахъ, какое превосходительство!

Ихъ лица просіяли; Каверановъ стремглавъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ распорядился, чтобъ супъ и пирогъ поставлены были на столъ, и въ то же время пошелъ въ кондитерскую за шпандлукхеномъ; что же касается до Людмилы Петровны (такъ звали жену Каверанова), то она инстинктивно подала Каширину руку, которую послѣдній очень галантно поцѣловалъ. Замѣчательно, что онъ почти мгновенно оправился отъ своего смущенія и немедленно почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, какъ будто дѣло сдѣлалъ. Даже гости повеселѣли, словно у всѣхъ была одна мысль: слава Богу! хоть какой-нибудь да конецъ!

Обѣдъ прошелъ великолѣпно и Филиппъ Филиппичъ очень серьезно сдѣлалъ честь своему крестному сыну. Конечно, эту ѣду нельзя было сравнить съ ѣдой у Растворни (одно сало возможно ли позабыть!), ни тѣмъ паче съ ѣдой у Стреловы—ну, да вѣдь тѣ обѣды навсегда канули въ вѣчность, и слѣдовательно... Вотъ только вина было маловато: одна бутылка Мадокку на всѣхъ. Правда, что Монументовъ восполнялъ этотъ недостатокъ, вставая послѣ каждой перемены вѣзъ-за стола и проглатывая рюмку водки, но это-то именно и подтверждало, что Мадокку въ этомъ дѣлѣ придавалось особенное значеніе, и что, стало быть, обходиться съ этимъ напитокомъ надлежало съ осторожностью. Зато шпандлукхенъ произвелъ рѣшительный фуроръ между дѣтьми, и хотя Каширинъ не ѣлъ его, но внутренно долженъ былъ сознаться, что давно не видалъ такихъ счастливыхъ дѣтскихъ лицъ.

Послѣ обѣда, составила пушка по одной сотой копейки, и когда Филиппъ Филиппичъ выражалъ сомнѣніе, что при такой цѣнѣ,

послали, не изъ чего будете за карты заплатить, то Каверзневъ послѣднимъ его уснобонъ, сказавъ, что «у насъ, ваше превосходительство, карты дешевенькія, въ клубъ по три гривенника покупаемъ, а онъ, между тѣмъ, только слава, что распечатаны, а все равно, что новыя». И дѣйствительно, когда подали карты, то Каширинъ очень любовно сознался, что онъ «даже лучше, чѣмъ новыя».

Играли: Монументовъ, Здобновъ и Каширинъ; хозяинъ и Босачъ отказались, говоря, что они, хоть и играютъ, но неохотно и только чтобъ не расстронуть партій. Монументовъ очень наивно подглядывалъ въ чужія карты, и Здобновъ, зная эту привычку его, пряталъ свои карты подъ столъ; этому же прищѣбу, послѣ двухъ-трехъ ремизовъ, послѣдовалъ и Фининъ Фининичъ. Оба хѣстникъ партнера играли до чрезвычайности прижимисто; напротивъ, Каширинъ рисовалъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вывелъ изъ своего риска помызу. Въ результатѣ, онъ оказался въ выигрышѣ 85 копеекъ, изъ которыхъ 30 укатилъ за карты, а остальные пятьдесятъ пять принесъ домой.

День былъ проведенъ, и Каширинъ остался доволенъ имъ. Но впередъ дней предстояло еще много, надо было и объ нихъ подумать. Сначала, онъ совѣстился и ходилъ къ Каверзневичу только по праздникамъ, въ будни же сидѣлъ дома и обдумывалъ планъ сочиненія. Сочиненіе это предполагалось озаглавить такъ: «Нѣбѣй унѣ слышати—да слышати!», а содержаніе его должно было заключать въ себѣ, во-первыхъ, оправданіе образа дѣйствій «иниудачаго эти стрѣка» и, во-вторыхъ, указаніе нѣкоторыхъ небезопасныхъ мѣръ, которыя, не оставившая правильнаго и разумнаго развитія дивидендовъ, въ то же время полагали твердыя препятствія для обнаружившагося въ семъ нѣдомствѣ стремленія къ налпшествованъ. Но такъ какъ это была матерія сухая, то понятно, что она въ скоромъ времени наслучила Каширину, вслѣдствіе чего онъ попробовалъ забѣжать къ Каверзневичу и въ будни, и тоже остался доволенъ, хотя очень хорошо замѣтилъ, что на второе блюдо подали говядину совсѣмъ невваренною. Наконецъ, понемножку да поменьку, онъ началъ учащать, и не успѣли Каверзневны встать въ оборонительное положеніе, какъ онъ уже сдѣлался у нихъ домашнимъ человекомъ и постояннымъ гостемъ. Однажды, онъ даже рискнулъ отобѣдать и у Здобнова (и отобѣдалъ), но тотъ обошелся съ нимъ до такой степени пролически, что въ самомъ зародышѣ уничтожилъ всѣ помысли въ установленіи начѣтнстель отвошеній дружества.

Для Каверзневыхъ это былъ своего рода бичъ. Если трижды подчиненный Растопыря имѣлъ основаніе жаловаться на паденіе вексельнаго курса и вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, то тѣмъ болѣе право на эти жалобы могъ предъявлять Каверзневъ. Со счетами въ рукахъ, онъ могъ доказать, что Каширинъ обходится ему отъ 15-ти до 18-ти рублей въ мѣсяцъ — гдѣ ихъ брать? Сверхъ того, Каширинъ постоянно выигрывалъ въ карты, и этииъ отъѣдиль отъ Каверзневыхъ Здобновъ и Косача. Даже старикъ Монументовъ началъ прятаться отъ него и требовалъ, чтобъ ему приносили обѣды въ мезонинъ. Изъ человека, безконечно добраго, Каверзневъ, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, сдѣлался угрюмымъ и раздражительнымъ. Людмила Петровна хотя наружно улыбалась, но внутри у нея тоже все клонотало. Эти простые и добрые люди смотрѣли на своихъ дѣтей и со страхомъ думали: Каширинъ все съѣсть! Однажды, они рѣшились на крайнюю мѣру: съѣли вареную говядину до обѣда, а за обѣдомъ подали пустой супъ и макароны; но Каширинъ и этого не понялъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ понять. Къ довершенію всего, дѣлался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наглымъ, Филинъ Филинчъ и дѣтямъ пересталъ возить гостинцы, такъ что и они вознегодовали.

Надо было быть очень робкимъ и очень дисциплинированнымъ, чтобъ столько времени выносить терзанія, которыя выпали на долю Каверзнева. Мало того, что Каширинъ обѣдалъ и опивалъ его, но, въ добавокъ, Здобновъ и Косачъ открыто смѣялись надъ нимъ!

— Онъ тебя и со всѣми твоими потрохами купитъ и продать можетъ, говорили они:—а ты его шмандтуконами кормишь!

Однакожъ, и для самой беззащитной заботы бывалъ предѣломъ, дальше которыхъ идти нѣкуда. И вотъ, дойдя до этихъ предѣловъ, Каверзневъ рѣшился.

Однажды, когда Каширинъ всего меньше думалъ о разрывѣ, и даже рассчитывалъ, что на будущее время ему и лѣтотъ будетъ не скучно, онъ получилъ по городской почтѣ письмо, въ которомъ прочиталъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!
Милостивый государь!

«Съ стѣсненнымъ сердцемъ я приступаю къ настоящему письму, но, помилуйте! я человекъ недостаточный и при томъ семейный! Я очень хорошо понимаю, что посѣщенія вашего превосходительства приносятъ намъ честь, но ограниченность состоянія даже и въ семь не дозволяетъ намъ наслаждаться, какъ

бы того душевно желали. И притомъ, ваше превосходительство постоянно выигрывая въ карты, вы тѣмъ самымъ изволили отъ вратъ отъ нашего семейства давнихъ и преданныхъ друзей, кои, будучи тоже состоянія недостаточнаго, не въ силахъ онаго перенести, хотя бы и желали.

«Ваше превосходительство! клянусь повторительно: съ стѣсненнымъ сердцемъ пишу настоящее письмо! Но взойдите въ положеніе угнетеннаго отца и мужа, и съ свойственнымъ вашему превосходительству великодушіемъ простите приемлемой мною снѣжности!»

«Съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія и несомнѣнной преданности, имѣю честь пребыть

«Вашего превосходительства,

«милостивый государь!

«новороссійскій слуга.

«Илья Наверинъ».

Въ удивленіи, Филиппъ Филиппычъ отнесся къ этому письму довольно спокойно. Повидимому, его скорѣе удивило не содержаніе письма, а его безсвязность и редакціонные недостатки. Онъ всегда утверждалъ, что нынѣшнее поколѣніе «не умѣетъ писать» — и вотъ доказательство на лицо!

— И это помощникъ столоначальника нацарапалъ! воскликнулъ онъ съ горечью: — такіе ли въ наше время помощники бывали!

Я знаю, что рассказъ мой дошелъ до того кульминаціоннаго пункта, за который необходимо слѣдуетъ катастрофа, а потомъ и естественное ея разрѣшеніе. Настоящіе художники-беллетристи именно такъ и поступаютъ: сначала постепенно завязываютъ узелъ, а потомъ постепенно его развязываютъ. Поэтому, ничего нѣтъ мудренаго, что и читатель, избалованный этими развязываніями и завязываніями, ждетъ отъ меня, что я поступлю съ Кашириннымъ рѣшительно, то есть, или женю его, или сдѣлаю пьяницей, или, наконецъ, совсѣмъ уморю.

Ничего подобнаго я, однакожъ, не сдѣлаю, по причинамъ, воиждь уважительнымъ. Во-первыхъ, я не имѣю претензій быть художникомъ, и ничего «изъ головы выдумать» не могу; во-вторыхъ, я прошу принять во вниманіе, что герой моего рассказа — старикъ и въ силу одного этого условія, не представляетъ достаточно элементовъ для завязываній и развязываній. Поэтому, я желаю оставаться въ согласіи съ истиной, я говорю прямо:

какимъ образомъ Филиппъ Филиппичъ вышелъ изъ своего послѣд-
няго огорченія, и перенесъ ли при этомъ какую-нибудь душев-
ную или нравственную ломку — не знаю. Не знаю, потому что
мой герой такъ быстро послѣ этого исчезъ съ петербургскаго
горизонта, что я даже не могъ услѣдить за нимъ.

Знаю, впрочемъ, что онъ поселился въ Провскомъ уѣздѣ въ
кроткомъ имѣньицѣ, гдѣ-тогда великодушно уступившемъ ин-
тѣтенькѣ Агафѣ Ивановнѣ.

Лѣтомъ прошлаго года, находясь по дѣламъ въ Провскомъ-
уѣздѣ, я случайно попалъ туда въ такое время, когда собирался
мировой съѣздъ. Въ качествѣ почетнаго мирового судьи прибылъ
и Каширинъ. Узнавъ, что я литераторъ, онъ благожелательно во-
зжелалъ со мной познакомиться, а, наконецъ, затанцовалъ меня и
въ свою усадьбу. По наружности, это былъ старикъ бодрый
и даже щеголеватый. Одѣтый по лѣтнему, въ легонькую визитку,
бѣлый жилетъ и таковыя же брички, онъ скорѣе походилъ на
законодателя павловскихъ или петергофскихъ садовъ, нежели на
обывателя провскихъ наместничъ. Особенной словоохотливостью
онъ не отличался, но, справедливо предполагая, что все, отно-
сющееся до русской литературы должно интересовать меня,
онъ очень любезно рассказывалъ мнѣ болѣе сотни анекдотовъ про
Грановскаго, Валинскаго, Некрасова, Тургенева и другихъ ли-
тературныхъ корифеевъ сороковыхъ годовъ, и, въ заключеніе,
надохнувъ, прибавилъ:

— Да, было, было все это; было—и прошло!

Даже о пойманномъ Майковомъ въ Парголовскомъ озерѣ пи-
скарь не умолчалъ и тоже прибавилъ:

— Да, коймалъ пискаря, да такъ съ пискаремъ на всю жизнь
и остался!

Усадьба у него оказалась очень хорошенькая, и, судя по его
рассказамъ, онъ серьезно намѣревался устроить изъ нея нѣчто
въ родѣ «виллы», и съ этою цѣлью треть всей земли обратилъ
подъ садъ. Здѣсь я познакомился и съ тѣтенькой Агафѣей Ива-
новной; старушкѣ было подлѣ восьмидесяти, но она сохранила всѣ
зубы, всѣ волосы и почти юшескую остроту вѣщій, въ соеди-
неніи съ замѣчательною подвижностью.

— Теперь только я жить начала!—сказала мнѣ эта милая жен-
щина, окидывая беззастенчиво-любопытнымъ взглядомъ своего бѣлѣ-
наго племянника.

Филиппъ Филиппичъ радушно выводилъ меня по всѣмъ комна-
тамъ дома, который онъ почти весь заново перестроилъ, и, бла-
годаря петербургской нѣбали, ухватилъ очень удобно и красиво.

Въ одной изъ комнатъ мнѣ застали за работою Палагею Семёновну, дѣвицу многоаго роста, «равночленную», съ привлекательными формами тѣла и крѣпкомъ совѣтѣмъ пучеглазую, о которой Каширинъ говорилъ просто:

— А это моя Палагея Семёновна!

И затѣмъ она ни за обѣдомъ, ни за чѣмъ не появлялась; быть можетъ, впрочемъ, это случилось только потому, что она «стеснилась» посторонняго человѣка, такъ какъ не разъ Агафья Ивановна, положивъ на тарелку самый лучший кусокъ (курицы, стѣгнушко), отлавала подачу прислугѣ, говоря:

— Съесте это Палагеюшкѣ!

Обѣдомъ Филиппъ Филиппичъ накормилъ меня отличными, при чемъ безпрестанно и онъ, и тѣтишка понуждали: кушайте! Очевидно, онъ жилъ на свои три тысячи шестьсотъ рублей паномъ. Охотно хвалился наливками, которыя были дѣйствительно превосходны, но скорбѣлъ, что никакъ не можетъ добиться такого сала, какое ѣдалъ въ Петербургѣ у Растопыри.

Повидимому, онъ всѣмъ простилъ, и даже про Растопырино вѣроломство вспоминалъ безъ горечи. Съ нѣкоторыми изъ бывшихъ друзей онъ исподволь возобновилъ сношенія и даже удостоился очень лестнаго письма отъ Стрекозы, которому послать въ презентъ удивительно выкормленнаго индюка. — «Превосходнѣйшаго вашего индюка мнѣ скушали, писалъ маститый сановникъ: — въ сообществѣ извѣстныхъ вамъ пособниковъ, укрывателей и попустителей, и такъ оказался хорошъ и соответствующъ предназначенной ему роли, что не только желудочнаго обремененія, но съѣденія, не ощутили, но даже какъ бы небольшое облегченіе». Что же касается Каверычева, то Каширинъ ежегодно къ Рождеству посылалъ ему дѣлую груду поросать, гусей и куръ.

Въ Пронскѣ же Филиппу Филиппичу было суждено встрѣтиться и съ Пафнутьевымъ, что произошло еще болѣе сіяющей свѣтъ на его существованіе. Къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться съ Пафнутьевымъ, потому что онъ былъ въ это время въ отсутствіи. Но Каширинъ сообщилъ мнѣ, что ежели сочиненіе его «Имѣя уши слышати—да слышать!» значительно подвинулось впередъ, то именно благодаря Пафнутьеву, въ которомъ онъ нашелъ драгоценнѣйшаго для себя сотрудника.

Послѣ обѣда, онъ попытался прочесть мнѣ первую (вѣроятно, и единственную) главу этого сочиненія. Первую страницу прочелъ бойко, на второй, подъ влияніемъ изобильно принятой пищи и лѣтнаго зноя, языкъ его началъ слегка заплетаться, а на

третьей онъ какъ-то вдругъ и незамѣтно уснулъ. Я вышелъ на цыпочкахъ изъ кабинета и направился къ Агафѣ Ивановѣ, но и она спала; потомъ, толкнулся къ Палагеѣ Семеновѣ, но и ее нашелъ спящею. Все въ домѣ и около дома дремало, дремало, дремало; даже большой кохенкинский пѣтухъ — и тотъ пересталъ интересоваться курами. Тогда и я, выбравши въ гостиной кресло помягче, протянулъ ноги и тоже моментально уснулъ.

А въ восемь часовъ, напиившись чаю, уѣхалъ отъ Канниры и больше его не видалъ.

Н. Щедринъ.

НЕСОБРАВШЯСЯ ДРОЖЖИ.

(РАССКАЗЪ).

Чтобы узнать, хороши ли дрожжи, надо бутылку съ дрожжами поставить въ теплую воду; если они поднимутся, значить годны для употребленія, если же останутся на днѣ, то нигуда не годятся.

(Подарокъ молодымъ хозяйкамъ Елена Молоховецъ).

I.

День былъ воскресный. Веселый трезвонъ колоколовъ, разлетавшійся на далекое пространство и эхомъ разсыпавшійся въ окрестныхъ горахъ, возвѣщаль жителямъ села Малиновки объ окончаніи обѣдни. Дѣйствительно, приземистый, толстенькій священникъ, съ пухлыми руками, лоснящимся лицомъ и кругленькимъ животикомъ, въ полномъ облаченіи стоялъ уже на амвонѣ и подпускалъ къ кресту другъ передъ другомъ торопившихся многочисленныхъ богомольцевъ. Дьячки, обрадованные окончаніемъ службы, вытирали объ волосы свои руки, убирали толстыя книги съ мѣдными застежками, плевали, сморкались и, перевѣшиваясь черезъ крыльцо, болтали съ мѣстнымъ бакалейнымъ торговцемъ, Александромъ Васильевичемъ Соколовымъ, только что возвратившимся изъ города съ новымъ товаромъ. Дьяконъ съ перепоясаннымъ накрестъ ораремъ стоялъ между тѣмъ за жертвенникомъ и усердно вытиралъ сосудъ. Первымъ къ кресту приложился плотный мужчина лѣтъ шестидесяти, въ бѣломъ военномъ кителѣ безъ погоновъ, но въ генеральскихъ панталонахъ съ красными лампасами, стоявшій до того времени впереди всѣхъ. Судя потому, что священникъ ему первому приподнесъ крестъ и только ему одному подалъ просвиру, почтительно поздравивъ съ праздникомъ, можно было заключить, что человекъ въ кителѣ

выходить из ряда обыкновенных прихожанъ, а когда бывшій тутъ же въ церкви сотникъ съ бляхой на груди, смѣтивъ, что китель направляется къ выходной двери, принялся расталкивать народъ, то каждый могъ уже безошибочно убѣдиться, что господинъ этотъ дѣйствительно человекъ особенный. Дойдя до середины церкви, китель снова повернулся къ иконостасу, вытянулся прямо и, посылавъ на грудь еще нѣсколько мелкихъ, торопливыхъ крестиковъ, подошелъ съ гордой осанкой къ свѣчному комоду, за которымъ церковный староста изъ мѣстныхъ купцовъ, Семенъ Иванычъ Бузыкинъ, гремѣлъ немилосердно мѣдными деньгами, сыпая ихъ въ ящикъ.

— Здорово! громкимъ басомъ проговорилъ китель.

Староста мгновенно пересталъ сгребать деньги и съ подобострастіемъ обѣими руками пожалъ толстый палецъ, снисходительно протянутый ему кителемъ.

— Ахъ, ваше превосходительство! забормоталъ староста.— Съ праздничкомъ-съ, здоровы ли-съ?

— Спасибо. Ты какъ?

Но не дождавшись отвѣта, генералъ снова заговорилъ:

— Есть у тебя рублевныя свѣчи съ золотомъ?

— Есть, ваше превосходительство.

— И цвѣтного воска есть?

— Есть-съ.

— Поважи.

Староста мгновенно нагнулся и, выдвинувъ нижній ящикъ, завопалъ, раздвигая кипы восковыхъ свѣчей. Сотникъ стоялъ возлѣ и, растопыривъ руки, ограждалъ ими особу генерала.

— Вотъ-съ, извольте-съ, ваше превосходительство! заговорилъ староста, подавая генералу нѣсколько толстыхъ цвѣтныхъ свѣчей, украшенныхъ золотомъ.— Свѣча хороша-съ! можно даже сказать рѣдкостная свѣча! и воскъ хорошъ.

— Много ты понимаешь! Если свѣчи эти, по твоему, хороши называются, такъ стало быть, ты лучшихъ не видывалъ! Почему?

— По рублю-съ, ваше превосходительство.

— Въ Москвѣ такія свѣчи по полтиннику.

— Въ лавкахъ-съ?

— Нѣтъ, въ церквахъ.

— Можетъ, свѣча не такая-съ?

— Нѣтъ, такая же.

И потомъ, выбравъ красную свѣчу и помахавъ ею передъ носомъ Семена Иваныча, генералъ спросилъ:

— Три четвертака желаешь?

— Для храма то, ваше превосходительство, пользы никакой не будетъ-сь.

— Ха, ха! толкуй!

— Ей ей, не будетъ-сь! Ну, да для вашего превосходительства извольте, уступлю-сь. Прикажете завернуть-сь?

— Заверни.

— Ко мнѣ, ваше превосходительство, прошу покорно-сь на чашку чаю! Тоже, вѣроятно, утомились за обѣдней-то! говорилъ староста, торопливо завертывая свѣчу.

— Да вѣдь ты здѣсь долго прокопаешься?

— Сію же минутъ-сь... Ужь ошастливьте!

— Такъ ты скорѣй.

Староста засутился еще пуще; сгрѣбъ поспѣшно мѣдныя деньги въ ящикъ, выложилъ нѣсколько свѣчей и вѣнчиковъ для расхода, поспѣшно перекрестился и, взявъ фуражку и палку, проговорилъ:

— Пожалуйте-сь.

Сотникъ бросился впередъ, крикнулъ: посторонись! и когда народъ раздвинулся корридоромъ, выскочилъ на паперть и, приложивъ два пальца ко лбу, вытянулся въ струнку.

— Какого полка? спросилъ генераль.

— 153 бакинскаго...

— Когда будетъ здѣсь становой, скажи ему, чтобы онъ ко мнѣ заѣхалъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Генераль, молю, просить васъ къ себѣ...

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Желаю, молю, съ вами переговорить...

— Слушаю, ваше превосходительство!

Около паперти, между тѣмъ, стояли уже старинныя на высокихъ рессорахъ дрожжи генерала, запряженныя парю тощихъ клячъ. Плохо одѣтый, кучеръ въ рыжей шляпѣ на затылкѣ, держалъ на рукахъ военную шинель на красной подкладкѣ. Генераль приказалъ кучеру отъѣхать и слѣдовать за нимъ.

— Мы съ тобой пѣшкомъ дойдемъ.

— Конечно-сь! тутъ рукой подать.

— А этотъ сотникъ распорядительный малый, кажется!

— Отличный-сь.

— Это сейчасъ видно. Я его похваляю становому и приѣзжу прибавить жалованья. Да, кстати! какъ зовутъ этого станового?.. никакъ не могу запомнить ихъ именъ...

— Федоръ Александрычъ, ваше превосходительство.

— Такъ, такъ, вспомнилъ!

*

Разговаривая такимъ образомъ, генераль рядомъ съ старостой шелъ гордо по площади, окружавшей церковь. Разъодѣтый по праздничному народъ шумно разсыпался въ разныя стороны, तोпаясь домой. Мужики, обгоняя генерала, почтительно снимали шапки и, поклонившись, продолжали долго идти съ непокрытыми головами. Генераль всёмъ дѣлалъ подь козырекъ. Сзади слѣдовали дрожки и немилосердно гремѣли разохшимися колесами и развинтившимися гайками. Съ колокольни продолжалъ раздаваться и разлетаться во всё стороны веселый трезвонъ колоколовъ и еще болѣе оживлялъ эту праздничную сельскую картину, щедро освѣщенную весеннимъ яркимъ солнцемъ.

Въ оградѣ, между тѣмъ, подь тѣнью липъ и черемухи собралась довольно большая группа мѣстныхъ дамъ. Всѣ онѣ были разодѣты по праздничному въ кисейныхъ и баржевыхъ платьяхъ съ бантами и курдюками (онѣ брали фасонъ съ прѣхавшей изъ Москвы къ одному помѣщику гувернантки), въ шляпахъ съ цвѣтами, въ самыхъ разнообразныхъ нарядкахъ и бурнусахъ. Здѣсь была попадья, жена волостного писаря, жена мѣстнаго земскаго фельдшера, трактирщица, Пелагея Капитоновна, Матрена Васильевна, словомъ, вся дамская аристократія села Малиновки. Всѣ эти дамы шумно разговаривали, ахали, смѣялись, пощипывали головами и тѣмъ образомъ этихъ былъ мѣстный сельскій учитель Органскій и проживавшая съ нимъ, въ качествѣ дальней родственницы, молоденькая и хорошенъкая купеческая жена Надежда Ивановна Блинова. Оказалось, что вчера вечеромъ учитель Органскій разошелся съ своей родственницею, и что родственница эта тогда же переѣхала пока на жительство къ знакомому уже намъ церковному старостѣ Семену Иванчу Бувзину? Новость эта, о которой узнали только сейчасъ за обѣдой, переполошила всѣхъ дамъ. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Однѣ говорили, что Органскаго бросила сама Надежда Ивановна, такъ какъ въ послѣднее время Органскій спился съ кругомъ, безобразничалъ и развратничалъ; другія, что Органскій, задумавъ жениться, самъ прогналъ отъ себя Надежду Ивановну и даже со скандаломъ, а третьи увѣрили, что Органскій прогналъ Надежду Ивановну не потому, чтобы имѣлъ намѣреніе жениться, а единственно потому только, что Надежда Ивановна надѣялась родить. Однѣ говорили, что это такой скандалъ, какого еще не было въ Малиновкѣ, а другія увѣрили, что скандальнаго тутъ нѣтъ ничего, и что случившійся разрывъ, напротивъ, уничтожаетъ тотъ скандалъ, который до сихъ поръ существовалъ въ отношеніяхъ Органскаго и Блиновой. Не малое любопытство возбуждало и то обстоятельство, что ни учитель

Органскаго, ни Надежды Ивановны у обѣдни не было. Нѣкоторые приписывали это стыду, нѣкоторыя же, напротивъ, безстыдству. Новость эта такъ всѣхъ поразила и заинтересовала, что дамы порѣшили было тотчасъ идти къ церковному старостѣ, какъ будто на чай, а въ сущности съ цѣлью посмотрѣть на Надежду Ивановну и разузнать хорошенько о подробностяхъ скандала. Но увидавъ, что къ старостѣ отправился генераль, дамы осуществить свое намѣреніе не рѣшились. Въ это самое время подошелъ къ нимъ племянникъ дьякона, Василій Тимофеечъ Кургановъ. Молодой человекъ этотъ былъ видимо взволнованъ.

— Слышали? спросили его въ одинъ голосъ дамы.

— И слышалъ и видѣлъ! отвѣтилъ мрачно Кургановъ: — и сейчасъ же обо всемъ этомъ скандалѣ напишу подробную корреспонденцію въ газету.

Кургановъ былъ корреспондентомъ мѣстной газеты «Преступна».

Дамы даже ахнули.

— Какъ! возможно ли! зашумѣли онѣ. — Вы хотите напечатать въ газетѣ ссору Органскаго съ Надеждой Ивановной!

Кургановъ свирѣпо посмотрѣлъ на дамъ.

— Какую ссору? Какого Органскаго? спросилъ онъ.

— Такъ о чемъ же вы хотите писать?

— Я хочу писать, милостивыя государыни, про генерала Малахова! перебилъ ихъ Кургановъ, колота себя въ грудь кулакомъ. — Это чортъ знаетъ на что похоже! Это изъ рукъ вонъ! Вы видѣли генерала Малахова?

— Видѣли.

— Такъ вотъ и знайте, что этого-то самаго генерала времянъ очаковскихъ и покоренья Крыма я *протащу* въ газетѣ и черезъ недѣлю, много черезъ полторы, вы будете имѣть удовольствіе прочесть въ нашемъ органѣ описаніе этого героя. И что за олимпійскій видъ у этого человѣка! Торчалъ всю обѣдню чуть не рядомъ съ дьякономъ, отгонялъ отъ себя крестьянскихъ дѣтей, а когда сталъ выходить изъ церкви, то сотникъ, чтобы очистить ему путь, принялся палкой колотить народъ. А какъ протянулъ палецъ-то Семѣну Иванычу! Ужъ лучше бы протянулъ ему конецъ своей трости! Нѣтъ-съ, милостивыя государыни, не тѣ времена нынче! Нынче такихъ людей влеймятъ сатирой! да-съ, сатирой-съ!

— Да что вы намъ все про генерала говорите! зашумѣли дамы. — Вы про Органскаго расскажите лучше!

— Развѣ съ нимъ случилось что-нибудь?

— Такъ вы ничего не знаете? — Вы не знаете самой свѣжей

новости, самаго крупнаго скандала? Что же вы у обѣдни-то дѣлали? Вѣдь за обѣдней только объ этомъ и говорили!

— Какая новость? какой скандалъ?

— Вчера въ восемь часовъ вечера Органскій разтѣхался съ Надеждой Ивановной и она теперь живетъ уже у Семена Иваныча.

Кургановъ даже поблѣднѣлъ.

— Не можетъ быть! почти вскрикнулъ онъ.—Это сплетня!

— Нѣтъ, не сплетня, а правда. Надежда Ивановна даже ночевала у Бузыкиныхъ.

Въ это самое время мимо дамъ проходила кухарка Бузыкиныхъ, Анисья.

— Да вотъ, чего же лучше! заговорили дамы, увидавъ Анисью.— Вотъ, она все расскажетъ!

И дамы подовали Анисью.

— Что, душевѣка, у васъ ночевала сегодня Надежда Ивановна? спросили онѣ.

— У насъ.

— Она совсѣмъ оставила Органскаго?

— Должно быть, совсѣмъ, потому что прежде она безъ всего приходила, а теперь поговорила о чемъ-то съ Катериной Васильевной, и пріѣхала, значить, ужъ на телегѣ, и привезла съ собой свое имѣніе... Да что! имѣнія-то, почитай, нѣтъ никакого! Только постель, да самоварчикъ, такъ махонькій... А платья, да бѣлья и званья нѣтъ... А ужъ какъ плакала-то, сударыньки мои, и рассказать нельзя; почитай весь вечеръ проплакала! А сѣли ужинать, такъ даже куска въ ротъ не взяла!

Вѣсть эта поразила Курганова. Онъ снялъ фуражку и, зачистивъ пальцы въ длинныя, косматые волосы, задумался.

— Я зналъ, что это такъ кончится.

— Почему? спросили въ одинъ голосъ дамы, жаждавшія узнать поскорѣе причину ссоры.

— А потому, что Органскій, во-первыхъ, спился съ кругу, а во-вторыхъ, какъ-то особенно странно велъ себя въ послѣднее время. Школой не занимался; Надежду Ивановну чуть не колоутилъ; пропилъ все ея имущество и вдобавокъ пропадалъ по дѣльнымъ днямъ неизвѣстно куда и зачѣмъ.

— Ужъ не задумалъ ли жениться? спросили дамы въ одинъ голосъ.—Вы бы сходили къ нему, узнали бы хорошенько, да и пришли бы рассказать. Мы вотъ всѣ къ матушкѣ на чай собираемся.

Но Кургановъ идти къ Органскому отказался, объявивъ, что онъ сейчасъ идетъ на почтовую станцію за газетой, въ которой

должна быть нанечатана его статья, а потомъ засядеть за корреспонденцію о генералѣ Малаховѣ, и какъ ни упрашивали его дамы бросить все это и сходить къ Органскому, Бургановъ оставался непоколебимымъ, и, разставшись съ дамами, пошелъ за газетой.

Водяная мельница, которую арендовалъ, и на которой проживалъ церковный староста Семенъ Ивановичъ Бузыкинъ, была очень недалеко отъ Малиновской церкви. Стоило только пройти площадь, потомъ небольшой проулокъ села, и красныя крыши мельничныхъ строеній представлялись уже взорамъ, высовываясь изъ-за зеленой листвы раскидистыхъ ветелъ и раекъ. Небольшой домикъ Семена Ивановича, выбѣленный мѣломъ и съ зелеными ставнями, стоялъ какъ разъ на самомъ берегу рѣки, такъ что передъ самымъ балкончикомъ, обтянутымъ парусиной, вертѣлись мельничныя колеса, раскидывая во всѣ стороны бриллиантовыя брызги воды. Мѣстоположеніе было прелестное. Все небольшое пространство, на которомъ помѣщался домъ съ необходимыми службами: флигелемъ для мельника и засыпокъ, кузницей, хлѣбнымъ магазиномъ и баней, было окружено кустами раекъ, тальника, черемухи и размашистыми старинными ветлами. Все это было на одномъ берегу рѣки; на другомъ же раскидывалось село, а правѣе, на горѣ, возвышалась красивая церковь села Малиновки съ часовней передъ алтаремъ, обнесенная каменной оградой съ насаженными кругомъ липами и черемухой. Постоянный шумъ воды, шелестъ деревьевъ, крикъ гусей и утокъ, стукъ кузнечнаго молота оживляли эту небольшую, незатѣйливую, но до крайности живописную картинку.

Минутъ черезъ десять, генералъ Малаховъ и староста Семенъ Ивановичъ были уже дома. Въ залѣ встрѣтила ихъ хозяйка дома, жена Семена Ивановича, молодая, толстая купчиха, при видѣ которой генералъ даже просіялъ (онъ былъ охотникъ до полныхъ женщинъ).

— Катеринѣ Васильевнѣ мое почтеніе! проговорилъ онъ фамильярно, протягивая ей руку.— Ваше здоровье?

— Благодарю васъ; слава Богу. Вы какъ поживаете?

— Ничего, живемъ, хлѣбъ жуемъ. Вотъ, Богу молимся все.

— Что же! Это дѣло доброе.

— А вотъ васъ-то и не было въ церкви; а еще жена старосты! продолжалъ генералъ, не выпуская руки Катерины Васильевны, и слегка поковыривая указательнымъ пальцемъ ея ладони.— По какой это причинѣ, позвольте узнать-съ?

— Да такъ, полѣнилось чтой-то... проспала!

— Ей нельзя, ваше превосходительство! вмешался староста, любивший подшучивать надъ своей дрожавшей половиной.

— Какъ нельзя! почему? отчего? вскричалъ генераль.

— Полѣнилась, говорить вамъ! стыдливо замѣтила Катерина Васильевна.

— Вреть, вреть, ваше превосходительство! Вы ее допросите досконально, чтобы правду сказала!

— Ты ужъ вѣчно съ своими глупостями!

Генераль захохоталъ, а Катерина Васильевна совсѣмъ уже застыдилась.

— Понимаю! проговорилъ генераль.—Однако, братецъ, это не дѣлаеть тебѣ чести!

— А что такое, ваше превосходительство?

— Какъ же! сколько лѣтъ ужъ ты, того, женатъ...

Староста мотнулъ головой.

— Толста очень, ваше превосходительство, зажирѣла! Ничего не подѣлаешь!

— Будеть тебѣ городить-то! вскрикнула Катерина Васильевна и, ударивъ по плечу мужа, вышла въ другую комнату.

— Постой, постой! кричалъ Семенъ Иванычъ вслѣдъ женѣ.— Ты что же ушла-то! Слѣзвать! Скормандуй-ка намъ чайку поскорѣе, а послѣ чаю, чтобы закуска была. Слышишь, что ли?

— Слышу! отозвалась она изъ другой комнаты.

— Вы что же это насъ-то оставили! кричалъ раскрасившійся генераль.

— Ужъ извините, у меня гости! отозвалась опять Катерина Васильевна.

— Да вѣдь и я тоже гость.

— Вы мужчина, съ мужчинами и сидите, а я съ дамами буду.

— Намъ скучно безъ васъ.

— Ну, что же дѣлать! Потерпите. Въ другой разъ, когда свободно будетъ, и съ вами посижу.

— Ну, ладно! проговорилъ генераль и, усаживался въ кресло, спросилъ Семена Иваныча:—какія же это дамы у нея?

— Учительша...

— А! та, какъ бишь ее! И генераль зашелкалъ пальцами.

— Надежда Ивановна.

— Да, да, Надежда Ивановна Блинова! Такъ, кажется?

— Точно такъ-съ.

— Давно не слыжалъ объ ней. Ну, что, какъ она?

Семенъ Иванычъ только рукой махнулъ.

— Чтò, плохо?

— Надо хуже, ваше превосходительство, да ужь некуда!
И, пригнувшись къ уху генерала, Семень Иваныч прошеп-
талъ таинственно:

— Вчера разъѣхались!

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, какъ слѣдуетъ; и имущество свое ко мнѣ пере-
везла.

— Какая же причина?

— Да что! помилюйте, ваше превосходительство! Вѣдь это
терпѣнія никакого не достанетъ! Я даже удивляюсь, какъ На-
дежда Ивановна терпѣла до сихъ поръ. Куска хлѣба не было
подчасъ... Монахомъ разъ наряжался! Вотъ до чего дошло-сь!

— Какъ монахомъ?

— Да такъ-съ! Дошло до того, что ѣсть нечего было; въ
долгъ никто не вѣрять, взаимы никто не даетъ. Вотъ онъ и за-
думалъ идти по сборамъ. Взялъ у дьячка черное полукафтанье,
спихнулъ себѣ скуфейку, прицѣпилъ оружку къ поясу, состряпалъ
книжку, въ руки посохъ—и маршъ!

— Постой, постой! перебилъ его генераль.—Это когда было?

— Съ мѣсяць что ли тому назадъ, ужь хорошенько не при-
помню.

— Такъ онъ и у меня былъ! Не у меня, то есть, а тамъ, у
крей... у Аннушки... И Аннушка приходила ко мнѣ, и даже вы-
просила для него рубль серебромъ... И я далъ, дуракъ!

Семень Иванычъ улыбнулся презрительно.

— Это что рубль! Это пустяки, плевое дѣло! Нѣтъ, вы послу-
шайте-ка, ваше превосходительство, какъ онъ помѣшцу Стол-
бинову обдѣлалъ, такъ это умора! Пришелъ, знаете, къ ней и
давай про свой монастырь чудеса рассказывать. Какъ ангелы на
колокольню прилетавтъ и въ колокола звонятъ, какъ огонь по
ночамъ свѣтитъ во всѣхъ кельяхъ, такъ что монастырь ни свѣ-
чей, ни фотогену не покупаетъ... Какъ икона плачетъ горячими
слезами... Словомъ, такихъ чудесъ наговорилъ, что старушка
туть съ ума не сошла! Наполнила его чаемъ, накормила, сапоги
ему дала—онъ въ лаптахъ приходилъ къ ней—и, въ концѣ-кон-
цовъ, четвертной билетъ вынула. «Нате, дескать, отецъ святой,
впередъ не забывайте, жертвую на вашу обитель святую!» Вотъ
какой прокурать, ваше превосходительство!

— А моя-то Аннушка! почти вскрикнулъ генераль. — Тоже
чаемъ поила его...

— Поила?

— Какъ же! и ужиномъ накормила и ночевать оставила!..

Вѣдь ты знаешь мою Аннушку, какая она! тоже вѣдь до монаховъ охотница, даромъ что молодая баба!..

И генералъ захохоталъ.

— Такъ они разѣхались? спросилъ онъ, немного погодя.

— Совсѣмъ-съ. Я ужъ и баню велѣлъ для нея приготовить.

— Какъ баню?

— Для жительства значить. Здѣсь-то негдѣ-съ, а въ банѣ ей много спокойнѣе будетъ.

И потомъ, снова нагнувшись, прибавилъ шопотомъ:

— Беременная-съ! вотъ-вотъ разрѣшиться должна-съ...

— Ай, ай, ай!

— Вотъ они, какія дѣла-то!

— Ну, что же она, рассказываетъ, по крайней мѣрѣ? Не думаетъ-ли къ мужу вернуться?

— Гмъ! нѣшто мужъ приметъ ее теперь! А вѣдь какая барышня-то была! Я ее еще въ дѣвushкахъ зналъ. И мужъ-то вѣдь тоже парень хорошій, образованный. Теперь участокъ у него тысячъ въ пять десятинъ-съ! Овецъ скупаетъ, саломъ торгуетъ своя салотопня; посѣвъ большой дѣлаетъ, рогатого товару тоже, должно быть, ста четыре головы накупилъ, коммуникацію съ Москвою имѣетъ; крупчатку построилъ — муки отличныя фабрикуетъ.. Азартный человѣкъ—одно слово! Подите-же вотъ — не полюбилъ! А все это, я полагаю, молодость тому причиною.

— Нѣтъ, братецъ, ты не говори. Не молодость тутъ, а совсѣмъ другое кроется! Идемъ новыя пошла! замѣтилъ генералъ, тыкая себя по лбу пальцемъ.— Не знаю, до чего только все это дойдетъ! добавилъ онъ и вздохнулъ взглянувъ на небо.

— А какая дама-то была! Осанка гордая, сама бѣлая, стройная.. грудь какая была!

— Помню, помню!

— Ну, а теперь вы ее не узнаете, ваше превосходительство.

— Желалъ бы я повидать ее! Нельзя-ли, а?

— Какъ возможно, ваше превосходительство! заговорилъ Семенъ Ивановичъ.— Она не покажется вамъ... помилуйте-съ! вѣдь совѣстно! Удивляюсь я, ваше превосходительство, людямъ этимъ..

— Какимъ? спросимъ генералъ нахмурясь.— Косматымъ-то?

— Да-съ. Вѣдь послушать его, такъ три вероба наговорить, а вѣдь между тѣмъ самый злоредный народъ-съ! Ни совѣсти въ немъ нѣтъ, ни Бога!

Генералъ искоса посмотрѣлъ на Семена Ивановича и, поглядивъ подбородокъ, проговорилъ:

— Ну, братецъ ты мой, насчетъ совѣсти, скажу тебѣ, что и у вашей брата, у торгашей.. Возьмемъ хоть тебя къ примѣру..

Семена Иваныча даже передернуло.

— Ты что ни говори, а вѣдь ты кровопивецъ, хотя и разыгрываешь изъ себя сына отечества. Ты и на красный крестъ пожертвуешь, и на крейсеровъ, и колокольно выступишь, и на какой-нибудь пріютъ отвалишь, а все-таки кровопивецъ... Ты оглянись на себя. Вотъ у тебя и мельница есть и кабакъ, и лавка; кажется, можно было бы жить честно гражданиномъ, а нѣтъ...

— Это такъ точно, ваше превосходительство, перебилъ его Семенъ Иванычъ.—Даже и въ книгѣ Сираха говорится, что трудно слушать...

— Гм... Сираха-то вы скоро заучиваете. Посмотрѣлъ я недавно на сына нашего лавочника, что за прилавкомъ въ отцовской лавкѣ сидитъ, какъ онъ ловко мужиковъ да бабъ обираетъ... Подлецъ темный, а вѣдь съ цѣпочкой, при часахъ ходитъ. Разбойникъ, чистый разбойникъ! Въ томъ только и разница, что разбойникъ съ топоромъ грабитъ ночью, на большихъ дорогахъ, а этотъ днемъ въ селѣ, за прилавкомъ безъ топора, а съ аршиномъ и вѣсами... Такъ вотъ ты и разсуди, какая отъ васъ польза и какая въ васъ совѣсть!

— Это вѣрно, ваше превосходительство, это вѣрно-съ. По правдѣ сказать, мы дошли до того, что стыдно стало чего нибудь стыдиться!

Генераль расхохотался. Семенъ Иванычъ тоже хохоталъ во всю мочь, и не знаю, скоро ли кончился бы этотъ хохотъ, еслибъ въ комнату не вошла босоногая Анисья съ подносомъ въ рукахъ.

— Ваше превосходительство! вскричалъ Семенъ Иванычъ, вскочивъ со стула и показывая на поднось:—чай не прикажете ли? Да не угодно-ли вамъ на балкончикъ, тамъ попрохладнѣе будетъ!

Генераль, между тѣмъ, не двигался съ мѣста и не сводилъ глазъ съ красивой Анисьи.

— Что же это она у тебя босикомъ-то? спросилъ онъ.

Анисья застыдилась.

— Ты что же это въ самомъ дѣлѣ? подхватилъ Семенъ Иванычъ.

— Да жарко больно!

— Ахъ ты дура, дура! знаешь, что генераль въ гостяхъ, а ты по домашнему.

— Ну, ничего, сойдетъ и такъ! оправдывалась Анисья.

— А вѣдь баба-то ничего! говорилъ, между тѣмъ, Семенъ Иванычъ, подмигивая и высовывая кончикъ языка.

— Баба ничего, кровь съ молокомъ! И генералъ, взявъ одной рукой стаканъ, другой ущипнулъ Анисью за плечо.

— Не замайте, не балуйте!

— Тебѣ который годъ?

— Не скажу.

Генералъ снова ущипнулъ.

— Не замайте! Нѣшто старички такъ дѣлають?

— Развѣ я старикъ! обидѣлся генералъ.

— А то нѣшто молоденькіе!

— Ахъ ты дура! А ты не знаешь поговорку: «старый конь борозды не испортить».

— Ну, чего ужъ тамъ! стыдливо проговорила Анисья, и вышла изъ комнаты.

— Ваше превосходительство, вамъ на балкончикъ не угодно-ли? повторилъ опять Семень Иванычъ.

— Пожалуй, поидемъ, а то у тебя въ комнатахъ воняетъ чѣмъ-то.

— Дни-то все душныя стоятъ! проговорилъ Семень Иванычъ, и поспѣшно перетащилъ на балконъ кресло и маленькій столикъ.

Генералъ усѣлся и, отхлебнувъ чай, поморщился.

— Что это? спросилъ онъ.

— А что-съ? переспросилъ въ свою очередь Семень Иванычъ.

— Какой это чай у тебя?

— Чай обыкновенный-съ.

— Это не чай, а трава какая-то!.. попробуй-ка!

Семень Иванычъ попробовалъ.

— Чай, кажется, хорошій-съ...

— Ну, какой это чай! пробормоталъ генералъ и молча поставилъ стаканъ на столъ.

— Чай двухрублевый-съ, замѣтилъ сконфуженный Семень Иванычъ.

— Ну, братецъ, я такого не пью.

— Можеть, слабо налито съ?

— Какой же слабый—черный какъ сусло!

— Такъ можеть крѣпко-съ; разбавить не прикажете ли?

— Нѣтъ, ужъ ты лучше вотъ что: дай-ка мнѣ стаканъ молока хорошаго, а ужъ чай-то я видно дома напьюсь!

Семень Иванычъ бросился въ комнату и, немного погодя, снова вернулся.

— Приказалъ, ваше превосходительство. Молоко сію минуту принесуть-съ.

— Что это, братецъ, ты себѣ палисадничка не устроишь, двѣтичковъ не разобьешь? Купецъ ты, а словно мужикъ жи-

вешь! Такое здѣсь прекрасное мѣстоположеніе, а ты рукъ къ нему не приложишь! Конечно, экономія вещь хорошая, но вѣдь и свиньей жить не годится. Вотъ посмотри, какой я себѣ садикъ устрою! Посмотри, что это будетъ!.. Да фонтанъ сдѣлаю.

— Ахъ, ваше превосходительство! Вы и я, большая разница. У васъ имѣніе свое собственное, а вѣдь я что? *арендатель*— больше ничего!.. Нынче здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ.

— А на сколько лѣтъ снята у тебя мельница?

— На двѣнадцать.

— А сколько лѣтъ осталось?

— Восемь лѣтъ.

— Бездѣлица!

— При благополучіи, конечно, времени довольно. А вы изволите видѣть года-то какіе! Урожай плохіе... помдлу мало... А не заплатишь въ срокъ *ренту*—и въ шею! Нашего брата тоже вѣдь по головкѣ не гладятъ!

Генералу принесли кружку молока.

— Коровой папахиваетъ! проговорилъ онъ, понюхавъ молоко.— Ну, да видно дѣлать нечего! въ гостяхъ не дома! Ахъ, у меня чистота какая на скотномъ! Вотъ пришли-ка жену свою, пусть посмотритъ, пусть полюбуется... Это вѣдь не ея часть!..

И генералъ принялся уписывать молоко съ хлѣбомъ.

II.

Усадьба Діона Павловича Малахова (такъ звали генерала) была всего верстахъ въ семи отъ села Малиновки и располагалась на той-же самой рѣкѣ, на которой помѣщалась и знакомая намъ мельница Семена Иваныча. Усадьба эта состояла изъ небольшого домика, крытаго желѣзомъ, двухъ, трехъ флигелей, конюшни, каретнаго сарая, ледника и длиннаго хлѣбнаго магазина. Все это строеніе, срубленное изъ хорошаго сосноваго лѣса, было тоже покрыто желѣзомъ и выкрашено, по казенному, дикой краской. Какъ разъ возлѣ дома протекала рѣка, но никакого садика, никакихъ цвѣтниковъ возлѣ дома не было и вообще вся усадьба имѣла видъ казарменный, словно вновь устроенное небольшое поселеніе аракеевскихъ временъ. За то, дорога, ведущая изъ усадьбы генерала въ село Малиновку, была весьма живописна. Дорога эта тянулась по правому нагорному берегу рѣки Малиновки и, пролегая дубовымъ лѣсомъ, то заворачивала въ чашу его, то выбѣгала на самый берегъ. Берега большею частію были крутые, отвѣсныя, покрытые сѣтками кореньевъ и

ползучихъ растений. Тихая, спокойная рѣка ласкала ихъ своими прозрачными водами. И какъ блестяла эта вода, озаряемая солнцемъ, и словно зеркало извивалась въ зелени лѣса и прибрежныхъ кустовъ! Но, въ особенности, восхитительна была дорога эта весной, когда деревья начнутъ только что распускаться, и у подножія ихъ зацвѣтутъ сначала подснежники, а затѣмъ фіалки и ландыши. Запахъ цвѣтовъ этихъ наполнялъ воздухъ, между тѣмъ какъ въ листьѣ деревьевъ и кустарниковъ звучали трели соловья и своеобразный посвистъ «пастушка». Точно роскошнымъ паркомъ идешь, бывало, по этой дорогѣ. Лѣсъ этотъ былъ самымъ любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Сюда аристократія села Малиновки (лѣсъ принадлежалъ къ Малиновской дачѣ) приходила пить чай, встрѣчать первое мая, собирать ландыши, фіалки, а осенью грибы; сюда же, на троицынъ день стекались и крестьянскія дѣвки и бабы завивать вѣнки. И тогда лѣсъ этотъ пестрѣлъ яркими сарафанами и платками, оглашался громкимъ пѣніемъ, звонкимъ веселымъ хохотомъ и словно стоналъ, потрясаемый этими звуками! Здѣсь-же, въ этомъ лѣсу, подъ тѣнью высокихъ деревьевъ, находили себѣ пріютъ и любящія сердца и много, много вздоховъ, поцѣлуевъ и слезъ видѣлъ этотъ лѣсъ и бережно покрывалъ своимъ зеленымъ шатромъ. Такъ какъ тутъ же, возлѣ опушки лѣса, протекала и рѣка Малиновка, отличавшаяся обиліемъ рыбы, то сюда стекались и всѣ малиновскіе рыболовы. Пристроившись гдѣ-нибудь подъ тѣнью ивы, сидятъ, бывало, эти рыбаки, и, разставивъ передъ собою удочки, лихорадочно слѣдятъ за поплавами. И сколько было между ними похожихъ на того рыбака, котораго такъ восхитительно изобразила мастерская кисть Перова. Сидятъ рыбаки эти неподвижно, затанувъ дыханіе и нѣтъ-нѣтъ, ктонибудь изъ нихъ выхватитъ изъ воды то золотистаго линя, то серебристаго окуня, то жирнаго масистаго леща. А какъ восхитителенъ былъ лѣсъ этотъ ночью, когда мракъ окутаетъ его со всѣхъ сторонъ, когда онъ наполнится шелестомъ и когда среди этого мрака загорятся свѣтящіяся жучки и словно брилліанты засверкаютъ въ молодой травѣ и весеннихъ цвѣтахъ.

Хотя усадьба Діона Павловича и не отличалась красотой и изяществомъ, но все-таки всякій другой, обладая ею, этимъ гнѣздомъ, свитымъ среди тишины степей и луговъ, считалъ бы себя счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ. Но генералъ Малаховъ смотрѣлъ на гнѣзде это, какъ на свою преждевременную могилу. Онъ былъ раздраженъ, и, въ раздраженіи этомъ терзался. Я сказалъ уже, что генералу Малахову было лѣтъ шестьдесятъ. Это былъ мужчина средняго роста, плотный, коренастый, съ вы-

своей грудью и такими же плечами. Что-то монументальное проглядывало во всей его фигурѣ. Лицо у него было не суровое, но строгое; носъ средний, довольно широкій, съ раздутыми ноздрями; губы толстыя, усы щетинистые, ровно подстриженные, лобъ низкій, скулы широкія, украшенныя жирнымъ подбородкомъ, довольно важно лежавшимъ на стоячемъ воротникѣ кундира. Стригся генералъ Малаховъ подъ гребешокъ и можетъ быть поэтому только имѣлъ солдатскій видъ, словно происшедъ онъ изъ сдаточныхъ. Діонъ Павловичъ былъ крымскій генералъ, и такъ какъ поселился въ описанной мѣстности не такъ давно, то прошедшее его было покрыто мракомъ невѣдѣнности. Однако, нельзя было не усмотрѣть, что Діонъ Павловичъ былъ изъ числа оскорбленныхъ. Отпоромъ погони, онъ развернулъ кошу и, купивъ съ аукціона тысячу десятинъ земли въ описанной мѣстности, генералъ удалился отъ дѣлъ, выпсалъ «Инвалидъ» и сосредоточился. За имѣніе онъ отсчиталъ все новенькими кредитными билетами съ номерами, идущими подъ рядъ, и такими же билетами наводнилъ на первыхъ порахъ весь окологокъ. Билеты эти заставили говорить о генералѣ, какъ о новомъ Ротшильдѣ, но такъ какъ, по истеченіи нѣкотораго времени, денежные знаки эти, а равно и блестящее серебро стали исчезать и замѣняться старенькими и вдобавокъ не столь уже обильно раздавались генераломъ, то и баснословные толки о неисчерпаемыхъ богатствахъ стали умалаться. Надо сказать, что Діонъ Павловичъ, какъ и всѣ подобныя ему генералы, никогда не жившіе въ деревнѣ, и неимѣвшіе о сельскомъ хозяйствѣ даже и поверхностнаго понятія, купивъ имѣніе въ припадѣѣ раздраженія, какъ говорится, *наскочилъ* жестоко и обрѣлъ совершенно не то, что думалъ обрѣсти въ своей новой Палестинѣ. Земля оказалась далеко не столь плодородною, каковою значилась по бумагамъ банка; лѣсъ далеко не дѣвственнымъ; заливные луга запущенными и поросшими мелкимъ кустарникомъ и назойливымъ хрѣномъ; водяная мельница съ прорванною плотиною и подгнившими сваями, а старинный барскій домъ оказался до того стариннымъ, что въ немъ не только невозможно было жить, но даже опасно было приблизиться къ нему.

Генералъ разсердился, обругалъ банкъ подлецомъ, отправился въ Саратовъ, навезъ въ имѣніе сосновыхъ брусельвъ, тѣсу и досокъ; нагналъ плотниковъ, пильщиковъ и каменщиковъ, разбилъ себѣ палатку, поставилъ въ нее походную желѣзную кровать и, сломавъ старинный барскій домъ до основанія, принялся за постройку флигеля о двухъ половинкахъ, конюшни, каретника, двухъ избъ для рабочихъ, а весь лѣсъ старинной барской усадьбы

перепилилъ на дрова, сложилъ въ сажонки, построилъ сажонки эти колонами фронтомъ къ дому, а флангами къ каретнику и леднику. Всю постройку Діонъ Павловичъ производилъ быстро, по военному, какъ будто воздвигалъ ее подъ огнемъ непріятеля. Приѣхавшій съ нимъ горнистъ Щипцовъ, спавшій возлѣ палатки генерала, игралъ утромъ и вечеромъ *зорю*, рожкомъ будилъ рабочихъ, съзывалъ ихъ къ завтраку и къ обѣду. По рожку вставалъ и самъ генералъ; мгновенно вскакивалъ съ постели, шелъ къ ручью умываться, и затѣмъ, надѣвъ лостриновую съ красными кантами шинель, лично распоряжался работами. Къ осени постройка была повончена. Генералъ, отслуживъ молебень съ водосвятиемъ, сдѣлалъ рабочимъ обѣдъ съ жареными баранами, (рога которыхъ Щипцовъ позолотилъ сусальнымъ золотомъ), и выпивъ чарку за здоровье рабочихъ, удалился въ свои апартаменты въ сообществѣ попа и дьякона. Въ тотъ же день, была пущена и мельница. По рожку Щипцова, въ ту самую минуту, когда священникъ, погрузивъ крестъ въ чашу съ водою, а дьячокъ Анкудиничъ затянулъ, подперевъ кулакомъ щеку: «спаси Господи люди твоя», шлюзы были подняты, колеса завертѣлись, запушились мелкими брызгами, заговорили жернова, застучали ковши и посыпалась въ лари рукавомъ теплая мука.

Флигель выстроилъ себѣ генералъ небольшой о двухъ половинахъ, раздѣлявшихся просторными сѣнями. Одну половину, состоящую изъ крохотной прихожей, въ которой постоянно спалъ горнистъ Щипцовъ, небольшой залы, кабинета и спальни, занималъ самъ Діонъ Павловичъ, а другую, состоявшую изъ двухъ комнатъ, занимала Анна Герасимовна. Какую роль играла Анна Герасимовна въ домѣ генерала—неизвѣстно; народъ слышалъ, впрочемъ, какъ дама эта называла Діона Павловича то вашимъ превосходительствомъ, а то и старымъ козлакомъ. Последнее провозносилось, однако, только въ принадлежѣ гнѣва Анны Герасимовны и именно тогда только, когда припадокъ этотъ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, обыкновенно кончался отступленіемъ генерала на свою половину.

Анна Герасимовна была женщина лѣтъ 25-ти, полная, бѣлая, румяная, съ лицомъ красивымъ и весьма заманчивыми движеніями. Когда она была въ добромъ расположеніи, а въ особенности, когда у нея бывали гости, то рѣчь свою она какъ-то тинула, говорила на распѣвъ, прищуривала глаза, и такъ плутовски поводила ими, что, глядя на глаза эти, генералъ приходилъ въ восторженное состояніе. Анна Герасимовна дома ходила большею частію въ *дезабылье*, въ блузакъ; когда-же отправлялась въ гости или къ обѣдинъ въ село Малиновку, то радилась

въ шелковыя платья и обращала на себя взоры всѣхъ охотниковъ поглазѣть на женскую красоту. Анна Герасимовна въ домѣ Діона Павловича значилась чѣмъ-то вродѣ экономки, но, откровенно сказать, никакимъ домашнимъ хозяйствомъ не занималась, и вся дѣятельность ея въ качествѣ экономки ограничивалась только разливаніемъ чая, и то только тогда, когда она находилась въ добромъ расположеніи; въ расположеніи-же противоположномъ она шнырала чай и сахаръ и Щипцовъ волей-неволей принимался за это бабье дѣло. Почти цѣлый день проводила она въ своей комнатѣ, лѣниво растянувшись на кушеткѣ, или-же сидѣла за столомъ и гадала на картахъ. Она все мечтала о суженомъ и когда таковой картами обѣщался, то снова ложилась на кушетку, закидывала руку подъ голову, и, закрывъ глаза, мѣла. Но мечты оставались мечтами и суженный являлся только въ одномъ воображеніи. Послѣ подобныхъ мечтаній Анна Герасимовна раздражалась при видѣ Діона Павловича, называла его «старымъ», а Щипцовъ надѣвалъ фартукъ и принимался за чай.

Нечего говорить послѣ этого, что домашнее хозяйство Діона Павловича шло изъ рукъ вонъ плохо. У него не было ни порядочнаго масла, ни наливокъ, ни варенья, даже не было порядочной капусты и порядочныхъ соленыхъ огурцовъ, и, по всей вѣроятности, не будь при генералѣ Щипцова, то его превосходительству пришлось бы не рѣдко оставаться даже и безъ обѣда.

Построившись какъ слѣдуетъ и отпраздновавъ новоселье, генералъ немного успокоился, но спокойное состояніе это было не продолжительно. Такъ какъ разстроенное имѣніе не могло, конечно, приносить надлежащаго дохода, то генералъ долженъ былъ тратить собственныя свои деньги, то есть проживать капиталъ. Діонъ Павловичъ крахѣлъ, сердился, и съ наступленіемъ весны принялся за дѣло. Въ припадкѣ раздраженія онъ сдѣлалъ громадныя посѣвы, но такъ какъ онъ въ хозяйствѣ понималъ мало и съ мужиками обращаться не умѣлъ, то, понятно, дѣло не спорилось. Пахари плохо пахали, сѣятели воровали сѣмена, косцы небрежно косили, жнецы и жницы небрежно жали, и, вида все это, главный прикащикъ генерала, Щипцовъ, только охалъ и разводилъ руками. Сверхъ этого, мужики, смѣтивъ съ кѣмъ имѣють дѣло, принялись тащить все, что только плохо лежало. Въ лѣсу начались порубки, сѣно исчезало съ луговъ чуть не цѣлыми стогами; за землю платили плохо, такъ что недоимокъ оказалось значительное количество и генералъ озлобился еще болѣе. Онъ горячился, выходилъ изъ себя, засыпалъ мѣстнаго судью жалобами; жаловался на воровство, мошенничество, на невыполненіе словесныхъ договоровъ, но такъ какъ жалобы

свои онъ подтверждалъ лишь честнымъ словомъ *старого солдата*, то и всё дѣла свои на судъ проигрывалъ. Генералъ обонялся на мужа, не могъ хладнокровно говорить, и кончилъ тѣмъ, что непосредственно ни съ кѣмъ не объяснялся, а объяснялся лишь или черезъ Щипцова, или черезъ Анну Герасимовну, когда та, будучи въ добромъ расположеніи, не отказывалась отъ этого.

Тѣмъ не менѣе, генералъ хозяйства не только не бросалъ, но напротивъ, принялся за посѣвы съ еще болѣе лихорадочнымъ рвеніемъ, всячески стараясь воротить тѣ кредитки, которыя потратилъ на улучшение имѣнія. Но такъ какъ всякое лихорадочное дѣяніе не можетъ принести добраго результата, то истина эта повторилась и съ генераломъ. Генералъ метался какъ угорѣлый и повсюду пропадалъ. Посѣять, напримѣръ, рожь—глядь, рожь пропала, а яровые у сосѣдей великолѣпныя. Генералъ бросалъ рожь и сѣялъ одни яровые хлѣба—хватъ, яровыхъ нѣтъ, а рожь, напротивъ, всѣхъ выручила. Глядя на сосѣда, получившаго большой доходъ отъ льна, Діонъ Павловичъ чуть не всю дачу свою засѣялъ льномъ, но напалъ червь, пошла засуха и лёнъ пропалъ до тла.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудачъ, деревенская жизнь генерала протекала томительно. Сосѣдства не было у него почти никакого, да и врады ли могъ бы онъ сойтись съ какинъ-либо сосѣдомъ. Оставалось, слѣдовательно, надѣть халатъ и удовольствоваться одной молчаливой бесѣдой «Инвалида». Но и «Инвалидъ» точно насмѣхъ только раздражалъ Діона Павловича! Тамъ печаталось производство бывшихъ его подчиненныхъ; чтая всё эти повышенія и поощренія, эту бѣготню въ залуся, генералъ бросалъ газету, вскочивъ со стула, ругалъ всѣхъ и все и принимался барабанить по окну. Разлитіе желчи доходило иногда до того, что Діонъ Павловичъ бранилъ и дождь, гноившій его хлѣба, и солнце, если оно жарило, и неотвязныхъ мухъ, издававшихъ ему покой, и вѣтеръ, и тучи. Топалъ ногами, сжималъ кулаки и, наконецъ, кончалъ тѣмъ, что принимался бранить самаго себя. «И дернулъ-же меня чортъ! кричалъ онъ, потрясая кулаками:—купить это дурацкое имѣніе, тогда какъ въ проценты съ капитала я могъ бы жить себѣ припѣваючи не въ какой-нибудь дурацкой глуши, а даже въ столицѣ!» И, переводясь мысленно въ эту столицу, онъ воображалъ, что ходитъ по улицамъ, что солдаты отдають ему честь, что онъ присутствуетъ на смотрѣ, говорить съ генералами...

И вспомнилъ онъ тогда свое прошлое, свою военную жизнь свое хотя и не быстрое, но постоянное повышение въ рангахъ вспоминалъ, какъ онъ когда-то командовалъ полкомъ, переходилъ

Дунай, и, искоса поглядывая на стройно возвышавшіяся передъ его глазами сажени дровъ, невольно увлекался и воображалъ, что стоитъ не передъ заготовленнымъ для топки матеріаломъ, а передъ полкомъ...

Въ такомъ положеніи застали генерала послѣднія военныя событія. Какъ только запахло въ воздухъ войной, такъ съ той-же минутой генераль Малаховъ приободрился; онъ ожидалъ, что про него вспомнятъ; но ожиданія эти оставались только одними ожиданіями. Война началась и кончилась; безъ него переходили Дунай и Балканы; безъ него пали къ ногамъ побѣдителей Варса и Эраерумъ, а онъ все оставался въ своемъ деревенскомъ домикѣ въ сообществѣ Анны Герасимовны и Щипцова, среди своего безалабернаго хозяйства, и ни единый трубный звукъ, ни единый пушечный выстрѣлъ или трескъ лопнувшей бомбы не нарушалъ его мирнаго существованія. Только съ прекращеніемъ войны и берлинскаго конгресса генераль Малаховъ какъ будто поусловился и, съ нѣкоторою язвительностію посвистывая въ усы, принялся за свои обычные занятія.

III.

Насколько былъ огорченъ генераль Малаховъ, настолько Семенъ Ивановичъ Бузыкинъ былъ, напротивъ, всѣмъ доволенъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, со впадой грудью и длинными ногами. Ноги эти казались еще длиннѣе отъ тѣхъ коротенькихъ *мишкаковъ*, которые Семенъ Ивановичъ постоянно носилъ, окончательно отрѣшившись отъ долгополыхъ кустачскихъ куртуковъ и салоговъ съ бураками. Что было за человѣкъ Семенъ Ивановичъ, т. е. въ разрядъ какихъ людей принадлежалъ онъ, рѣшить было трудно. Какъ камелеонъ, онъ мѣнялся и въ мнѣніяхъ, и въ дѣйствіяхъ. Семенъ Ивановичъ варил все: лихомство, неправоудіе, мошенничество, нѣяноство, алчность, веровство, властновъ банкротство, прелюбодѣяніе, а самъ на дѣлѣ предѣлывалъ все то, что каралъ, и когда это замѣчали ему, онъ говорилъ: «Ахъ, господа! это сорѣжъ не то! какъ это вы смѣшиваете! Тутъ *мониторъ* совершенно друіе! Я, кажется, не такой человѣкъ!» и т. к. Человѣкъ онъ былъ малограмотный; подписывалъ не Семенъ, а *Сименъ*, но тѣмъ не менѣе, наслушавшись иностранникъ словъ, любилъ нарисовать имъ свою рѣчь. Фактъ, онъ произносилъ: *фактъ*, рискъ—*рискъ*, лимонъ—*алимона*. Солидарность, по его мнѣнію, означала *соллидность*; протекція—дождливую погоду; утопія—грязь, топкое мѣсто; ал-

химикъ—что-то въ родѣ мошенника; оптикъ—человѣка опытнаго и т. д.

— Мельничное дѣло, да кабацкое дѣло, говорилъ онъ:—это самая солидарная операція; не то что, наприимѣръ, свинная комункація. Я въ дѣлахъ этихъ оптикъ. Свинный—нѣтъ хуже! Накупишь свиней, раскормишь ихъ, порѣжешь, повезешь въ Рождеству въ Москву, думаешь барыша взять—хватъ, оттепель пойдетъ, протекція, и кричи: *карагуль!*

Лѣтъ восемь тому назадъ, Семенъ Ивановичъ служилъ приказчикомъ у родственниковъ своихъ, довольно богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ нѣсколько крупчатовъ и другихъ промышленныхъ заведеній. По дѣламъ купцовъ этихъ Семенъ Ивановичъ часто бывалъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ; видѣлъ Живокини, Садовскаго, сталкивался съ торговцами, зналъ всѣхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и, вслѣдствіе этого, въ известной степени, понатерся. Но служба эта ему надѣла; ему захотѣлось быть самому хозяиномъ. Женившись на настоящей женѣ своей, Катеринѣ Васильевнѣ, онъ серьезно рѣшился завести свое собственное дѣло и пожить хозяиномъ возлѣ молодой жены. Съ этой цѣлю, Семенъ Ивановичъ пріѣхалъ въ село Малиновку, снялъ знакомую уже намъ водяную мельницу, открылъ на базарной площади вседневную лавку съ разными овощными, москательными и скобяными товарами, и на той же базарной площади снялъ кабакъ съ продажей питей расливочю и навинсю. Разставивъ эти сѣти, Семенъ Ивановичъ принялся торговать, и нечего говорить, что все окрестное населеніе не медленно попасть въ эти сѣти, и путалось въ нихъ, какъ зайцы въ тенетахъ. Но Семенъ Ивановичъ, несмотря на все желаніе разбогатѣть и нажиться безъ особенныхъ хлопотъ, въ дѣлѣ этомъ не успѣвалъ. Онъ повелъ жизнь не по средствамъ: напилъ себѣ кудрыхъ пинжаковъ и визитовъ; завелся лисей шубой съ бобренымъ воротникомъ; напилъ Катеринѣ Васильевнѣ шелковыхъ платьевъ; накупилъ вычурныхъ шляпокъ съ цѣлыми снопами цвѣтовъ; нанялъ прикащиковъ, *кубарокъ*; началъ перекидываться въ картинке, пощипать водочку, ромбѣ и, вслѣдствіе всего этого, не только не богатѣлъ, но видимо достигалъ явнѣ противоположнаго. Онъ поживалъ себѣ въ свое удовольствіе, но въ дѣла ни онъ, ни жена не вникали. Катерина Васильевна по цѣлымъ днямъ сидѣла въ гостиной на диванѣ въ сообществѣ дамъ селъ Малиновки, а Семенъ Ивановичъ—въ залѣ, гдѣ никогда не сидела со стола закуска, водка и вино. Общество Семена Ивановича состояло изъ Органскаго, судебного пристава Малинина, фельдшера Нирьюта, корреспондента газеты «Простыня», Бурганова,

священника, дьякона и другихъ. Всѣ эти господа проводили у Семена Ивановича дѣльные дни, пили, ѣли, играли въ картишки и вообще благодушествовали какъ нельзя лучше. На мельницу и въ кабакъ Семенъ Ивановичъ заглядывалъ весьма рѣдко, поручивъ все это надзору приказчиковъ, и только посѣщалъ иногда лавку. Но и это дѣлалъ онъ не съ хозяйственной дѣлюю, а скорѣй для развлечения, для прогулки и чтобы потѣшить молодую жену. Для этого толстая лошадь Семена Ивановича запрагалась въ санки или дрожки, смотря по сезону, и расфранченная чета ѣхала въ лавку. Семенъ Ивановичъ считалъ выручку, а Катерина Васильевна, усѣвшись на стулъ, принималась грызть орѣхи, карамели, жевать пряники, коврижки и проч. Завидѣвъ Семена Ивановича прибывшимъ въ лавку, учитель Органскій, приставъ Малининъ, корреспондентъ Бургановъ и фельдшеръ Нирьютъ сѣли тоже въ лавку, и Семенъ Ивановичъ, обрадованный приходомъ друзей, приглашалъ ихъ въ теплушку, посылалъ молодца въ *своей* кабакъ за *своей* водкой, бралъ изъ *своей* лавки колбасу, балыкъ, и попойка начиналась. Нерѣдко вся эта компанія, подвыпивъ, отправлялась къ Семену Ивановичу на домъ; раскладывался карточный столъ и пивушка, начавшаяся въ лавкѣ, продолжалась на дому во всю ночь, и весьма часто гости, не понавъ домой, ночевали гдѣ-нибудь на гумнахъ, въ солоомѣ. Проснувшись, гости съ стуманенными головами прямо изъ соломы сѣли опять къ Семену Ивановичу, и послѣдній встрѣчалъ ихъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ и самъ чувствовалъ потребность опохмѣлиться. Завидѣвъ друзей, онъ высказывалъ на крыльцо и кричалъ:

— Что, какъ дѣла?

Но друзья только молча указывали на голову и махали руками.

— Значить, надо того? говорилъ Семенъ Ивановичъ, щелкая себя по галстуку.— Надо клинъ клиномъ.

И они опять начинали *заклинивать*.

Во время пооекъ этихъ Семенъ Ивановичъ любилъ подшучивать надъ своей супругой. Прогуливался насчетъ ея толщины, спрашивалъ, хорошо-ли провела она ночь, отчего чувствуетъ тошноту и боль подъ ложечкой, зачѣмъ ѣсть рѣдкую съ квасомъ. Катерина Васильевна отшучивалась, смѣялась, а Семенъ Ивановичъ подмигивалъ друзьямъ и подмигиваніемъ этимъ возбуждалъ общій хохотъ. Катерина Васильевна обзывала мужа болтуномъ, хлопала его по плечу и уходила въ свою комнату.

Иногда попойки эти кончались дракой и Семенъ Ивановичъ, никогда не дравшійся, сѣлилъ разнимать задорныхъ; но такъ

какъ, по щедецію своему, онъ не обладалъ достаточной силой, то и рѣдко достигалъ умиротворенія.

— До огня дѣло дошло! рассказывалъ послѣ Семенъ Ивановичъ:—огни отерывать начали!. Вотъ, что дѣлаетъ она-то! (подъ словомъ она Семенъ Ивановичъ подразумѣвалъ водку).

Однако, драки эти всегда кончались ничѣмъ, и хотя пріатели оказывались иногда съ подбитыми глазами и выщипанными волосами, но на все это не претендовали, справедливо объясняя, что въ пьяномъ видѣ мало-ли что дѣлается и сѣдится на это довольно даже дуто.

Съ мѣстными купцами Семенъ Ивановичъ знался мало, считалъ всѣхъ ихъ людьми необразованными, мошенниками, воровщиками, богатѣющими лишь по глупости мужиковъ. Купеческія мошенничества и алчныя продѣлки ихъ съ простоватыми крестьянами были любимой тѣмой его рассказовъ и надо отдать справедливость, что все это Семенъ Ивановичъ рассказывалъ съ большимъ юморомъ. Водку въ кабакѣ онъ *сиротилъ* безцеремонно; муку молотъ такъ крупно, что чуть не пополамъ только дробилъ зерно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было призвать деньжонокъ, Ивановичъ не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ подливалъ мужика и водкой и чаемъ, ухаживалъ за нимъ по нѣскольку дней, и, наконецъ, когда мужикъ отъ продолжительнаго пьянства положительно терялъ рассудокъ, онъ занималъ деньги, а въ обезпеченіе снабжалъ его роспиской, которую обыкновенно составлялъ въ слѣдующей формѣ: получено отъ Герасима Еланова пятьдесятъ рублей. Семенъ Бузыкинъ. Мужичекъ свертывалъ грабятку пряталъ ее въ сундукъ и когда, по неплатежу Семеномъ Ивановичемъ денегъ, росписку эту приходилось представлять во взыскацію, то крестьянинъ не мало удивлялся, что судъ откладывалъ въ искѣ по бездоказательности. Досыта подивившись, что по другимъ роспискамъ судъ всѣмъ выясняется, а по его, крестьянина, роспискѣ не выясалъ ничего, мужичекъ шелъ къ Семену Ивановичу съ повинной головой, валялся у него въ ногахъ, плакалъ, просилъ не пустить по міру съ малыми сиротами и, въ чаяніи получить хотя когда-нибудь свои трудовыя деньги, начиналъ задобривать Семена Ивановича, дѣлался его бесплатнымъ батракомъ. Понадобится-ли Семену Ивановичу ѣхать въ уѣздный городъ, заимодавецъ запрягаетъ пару лошадей съ колокольчикомъ и везетъ своего должника въ городъ. Нужно-ли Семену Ивановичу перевезти сѣно, онъ, заимодавецъ, ѣхалъ въ степь и перевозилъ сѣно; онъ рубилъ ему дрова, возилъ воду, работалъ на кузницѣ, словомъ дѣлалъ все, чтобы только не пропали его деньги и, въ концѣ концовъ, деньги все-таки пропадали.

Несмотря, однако, на подобныя и многія другія ухищренія, въ родѣ, напримѣръ, обвѣшиванья, обмѣриванья, утайки чужого имущества, дѣла Семена Иваныча, благодаря его размашистой натурѣ, были весьма не завидны. Мельницу его мужички стали обгѣать, кабакъ въ Малиновкѣ появился другой, почти рядомъ съ кабакомъ Семена Иваныча; въ лавкѣ его стояло на полкахъ гораздо болѣе пустыхъ коробокъ и ящичковъ, нежели наполненныхъ товаромъ; видя все это, и народъ сталъ относиться къ Семену Иванычу недовѣрчиво. Кредиторы стали тревожить его и хотя Семень Иванычъ нисколько ихъ не боялся, но все-таки скандалы происходили безпрестанно и это ему надоѣло. Надъ франтовствомъ Семена Иваныча нѣкоторые стали уже подшучивать, а рабочіе, не получавшіе по нѣскольку мѣсяцевъ жалованья, отходили съ бравью. На грѣхъ появился въ Малиновкѣ другой торговецъ, Соколовъ и, снявъ на площади лавку, принялся торговать на славу. Онъ навезъ чаю, сахару, кофе, свѣчей, фотогену, икры, балыковъ, разнаго печенья и конфетъ, и окончательно увлечъ весь околонецъ. Видя все это, и друзья какъ-то стали охладѣвать къ Семену Иванычу, стали надъ нимъ подшучивать и острить. Мѣстный священникъ пересталъ его награждать просвирами; мясной торговецъ Иванъ Максимычъ пересталъ ему отпускать въ долгъ говядину и прозвалъ его *петербургскимъ желтопузикомъ*; фельдшеръ Нирьютъ утѣрялъ, что Семень Иванычъ страдаетъ *фебрис карманисъ* и проч. Къ довершенію всего, въ рѣкѣ Малиновкѣ, на которой стояла мельница напала какая-то болѣзнь да сомовъ и всѣ они, какъ шальные полезли въ каузъ; мужики ловили ихъ чуть не рудами и кстаи сочинили, будто сомы эти плывутъ къ Семену Иванычу за деньгами, которыя онъ у нихъ позанималъ въ разное время.

Несмотря, однако, на все это, Семень Иванычъ не унывалъ. Продавая по секрету кое-что лишнее и занимая, по секрету же, у людей, незнающихъ его, деньги, иногда даже порядочными кушами, онъ продолжалъ жить по прежнему, продолжалъ себя щеголять въ коротенькихъ *никсакатъ* и визиткахъ, продолжалъ громогласно карать безнравственность и мошенничество, и, по прежнему, всякій разъ, какъ только отправлялся въ городъ, привозилъ женѣ шляпки и мантили, и попрежнему сражался въ картишки и попивалъ водочку. Судебный приставъ, учитель и корреспондентъ оставались его вѣрными друзьями и видѣлись съ нимъ почти каждый день.

Однако, возвратимся къ разсказу.

IV.

Генералъ Малаховъ, несмотря на то, что поданное ему молоко пахло коровой, выпилъ такового кружки три и, съѣвъ при этомъ нѣсколько ломтей отличнаго мягкаго пшеничнаго хлѣба, который тоже, по мнѣнію Діона Павловича, отъивался чѣмъ-то затклымъ, покуривалъ уже трубку (трубку онъ возилъ всегда съ собою) и, слушая разсужденія Семена Иваныча по поводу только что умолкнувшей войны и по поводу разныхъ во очію совершившихся геройскихъ подвиговъ, посматривалъ на Семена Иваныча не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Онъ стримисто попыхивалъ дымомъ, выпуская его какъ-то черезъ лѣвый уголь рта, какъ-то нервно и торопливо прижималъ выгѣзавшій изъ трубки пепелъ и наконецъ словно не вытерпѣлъ.

— Ты меня извини, Семень Иванычъ, проговорилъ онъ наконецъ. — Но тебя ей-ей смѣшно слушать. Вотъ ты говоришь: Плевна! да Плевна! А самъ вѣдь не понимаешь, чтѣ такое Плевна! Вотъ поэтому ты такъ и разсуждаешь.

— Это точно, ваше превосходительство: въ дѣлѣ этомъ я понимаю плохо, но читалъ и въ «Саратовскомъ справочномъ листкѣ»...

— Гмъ! перебилъ его генералъ.—Справочный листокъ!..

— И въ Дневникѣ тоже, ваше превосходительство! перебилъ его въ свою очередь Семень Иванычъ.

Но генералъ даже съ мѣста вскочивалъ.

— Ну, что ты мнѣ толкуешь! кричалъ онъ.—Ну, что ты мнѣ толкуешь! мало ли что тебѣ будетъ разсказывать какая нибудь газетишка, которой и дѣна-то грошъ мѣдный, а ты вѣришь!

— Конечно... замкнулся было Семень Иванычъ, но генералъ опять перебилъ его.

— То-то вотъ и бѣда-то! проговорилъ онъ немного спокойнѣе.—Въ томъ-то и горе, что у насъ теперь всѣ писать принялись; пишутъ чортъ знаетъ что, даже не могутъ себѣ отдать отчета въ томъ, что они написали. Ты пораспроси старыхъ боевыхъ генераловъ, тогда ты узнаешь, что за птица Плевна! Плевна, братецъ...

— Конечно-съ... забормоталъ совершенно уже растерявшійся Семень Иванычъ.—Турки дѣйствительно послѣ ужъ сдѣлали ее *соллидарной*... Ну, а все-таки нельзя же совершенно отрицать... Представьте хоть къ примѣру: Дунай-рѣка, Балканъ-гора... надо тоже и черезъ нее перелѣзть...

Генералъ опять разсердился.

— Дунай рѣка! Такъ развѣ черезъ Дунай-то мы въ первый разъ переходимъ! Ты бы вотъ, чѣмъ Справочный-то листокъ читать, взялъ бы лучше исторію, тогда бы и узналъ... Гмъ! Дунай-рѣка! вѣдь вотъ ты опять затвердилъ... А что такое Дунай-рѣка! Что такое Балканъ-гора?..

— Да-съ... Балканъ... Шипка...

— Самъ-то ты Шипка! передразнилъ его генералъ. — Ну, знаешь ли ты, что такое Дунай?

— Рѣка... сконфуженно пробормоталъ Семень Иванычъ.

— А какая?

— Съ синими водами, говорятъ.

— Съ синими водами!.. Ты бы вотъ пораспросилъ, какъ мы Дунай-то переходили, какъ мы дрались тамъ, да колотили турокъ нехристей.

— А вы развѣ тоже были тамъ? недовѣрчиво спросилъ Семень Иванычъ.

— Нѣтъ, не были! самодовольно промычалъ генералъ, но, потомъ вдругъ заворотивъ рукавъ кителя почти до локтя, точно также какъ и сорочку, онъ указалъ на какой-то бѣлый шрамъ.

— Видишь? спросилъ онъ.

— Вижу-съ.

— Ну, а вотъ это теперь! проговорилъ генералъ и, мгновенно оправивъ рукавъ, принялся стаскивать сапогъ. Когда сапогъ былъ снятъ и нога обнажена выше колѣна, онъ снова указалъ на какое-то бурое пятно пониже колѣна, при видѣ котораго Семень Иванычъ даже руками развелъ, какъ-то поблѣднѣлъ, и, вытаращивъ глаза, спросилъ робко:

— А это что же такое? ваше превосходительство.

— Такъ ничего, турчанка поцѣловала! проговорилъ генералъ.

— Гдѣ же-съ?

Генералъ взглянулъ на Семена Иваныча.

— А тебѣ хочется знать?

— Лестно было бы-съ.

— На Дунай.

Семень Иванычъ даже задумался.

— Я вижу, братецъ, что ты и не зналъ даже, что Дунай не въ первый разъ переходить. Эхъ, ты дура-голова!

Семень Иванычъ сконфузился, потому что дѣйствительно онъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что до послѣдней войны никто никогда Дунай-рѣку не переходилъ. Однако, онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто только забылъ объ этомъ, и только попросилъ генерала рассказать ему про эту переправу, а, главное, объяснить

при каких обстоятельствах получили онъ тѣ раны, которыя показывалъ.

Джонъ Павловичъ успѣлъ, между тѣмъ, привести въ порядокъ свой костюмъ и, взглянувъ еще разъ на переконфузившагося Семена Иваныча, спросилъ его насмѣшливо:

— Такъ ты про прежнія переправы не знаешь ничего?

— Виновать, ваше превосходительство, не слыхалъ-съ! покаялся Семень Иванычъ.

— Гдѣ же ты былъ передъ крымской-то компаніей?

— Въ Моршанскѣ-съ, въ мелодцахъ былъ по хлѣбной коммуникаціи.

Генералъ расхохотался.

— Ну, такъ знай, что Дунай переходится войсками не въ первый разъ, и что въ запрошлую турецкую кампанію войска наши, по распоряженію главнокомандующаго князя Горчакова, переправились черезъ Дунай въ трехъ пунктахъ одновременно. Помни, въ трехъ пунктахъ...

Семень Иванычъ кивнулъ головой: буду, молъ, помнить!

— Въ Браиловѣ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, въ Галацѣ подъ командою генерала Лидерса и въ Измаилѣ подъ командою генералъ-лейтенанта Александра Клеопонича Ушакова. Вотъ въ этомъ-то отрядѣ имѣлъ счастье состоять и я. Составъ войскъ генерала Ушакова былъ слѣдующій: седьмой пѣхотной дивизіи смоленскаго полка 3½ баталіона, молдавскаго два баталіона; витебскій и полоцкій егерскіе полки восемь баталіоновъ; пятаго сапернаго баталіона одна рота — итого тринадцать съ половиною баталіоновъ. Двѣ бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи гусарскіе принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго и генералъ-фельдмаршала графа Радецкого полка: шестнадцать эскадроновъ. Донской казачій № 1 Сазонова полкъ шесть сотенъ. Седьмой артиллерійской бригады батарейныя № 1 и 2 батареи по 12 орудій, легкой № 1 батарея 6 орудій и легкая № 2 батарея 12 орудій и конно-легкая № 6 батарея 8 орудій. Слѣдовательно, отрядъ нашъ состоялъ изъ 14 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 6 казачьихъ сотенъ и 50 орудій.

— Однако, сила-то значительная была! замѣтилъ Семень Иванычъ.

Генералъ вспыхнулъ.

— Эй-ачи-те-ль-на-а! проговорилъ онъ грубо. — Я бы тебѣ далъ подъ твою команду эту значительную силу и посмотрѣлъ какъ бы ты сталъ переправляться черезъ Дунай.

— Я бы первый, кажись, назадъ убѣжалъ.

— А! вотъ то-то и есть. Тутъ дѣло не въ силѣ, а въ храб-

рости, въ соображеніи! Генераль Ушаковъ меня очень любилъ, во-первыхъ, за мою храбрость, а во-вторыхъ, за мои способности. Намъ было приказано переправиться черезъ Дунай въ ночь съ 10 на 11 марта... Наканунѣ, я даже ничего не ѣлъ.

— Все думали, ваше превосходительство? робко спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Все думалъ! Наконецъ, настала ночь, пробило одиннадцать часовъ... Я иду къ генералу. — «Ваше превосходительство, говорю ему, сколько ни думать, а переходить надо!» — «Надо, говорить. Все ли у васъ готово?» — «Все, говорю.» — «Лодки, говорить, готовы?» — «Готовы, говорю.» — «Ну, такъ давай переправляйся.»

— А вы на лодкахъ переправлялись? опять спросилъ Семенъ Ивановичъ съ волненіемъ и не спуская глазъ съ Діока Павловича.

— Да, на обывательскихъ лодкахъ. Всего было набрано 147 лодокъ и 4 паруса, а гребцами посажены солдаты и казаки. Мѣсто для переправы было выбрано съ версту ниже раздѣленія Кийскаго и Сулинскаго рукавовъ, тамъ, гдѣ Дунай суживается сажень на 120 не больше.

— Сто-двадцать сажень! воскликнулъ Семенъ Ивановичъ, даже привсвочивъ со стула. — А на другой сторонѣ турки, небось?

— А на другой сторонѣ непріятельскія батареи.

— И вѣдать?

— Да, палили, но мы ихъ заставили замолчать, такъ что вторые батальоны моголевскаго пѣхотнаго и полоцкаго егерскаго полковъ съ 4 орудіями легкой № 2 батареи безъ выстрѣла вышли на непріятельскій берегъ, а за ними потянулась и остальная пѣхота съ легкой артиллеріей. Вѣтеръ былъ страшнѣйшій, однимъ словомъ, такая буря, что меня вымочило до костей. Лодку, на которой я ѣхалъ съ двумя казаками-гребцами, вывирало съ волни на волну, какъ щепку. Гребцы оробѣли. — «Потонемъ! кричать!» — «Валай! говорю. — «Ей-ей утонемъ!» — «Валай! кричу имъ»... словомъ, такая буря, что о перевозѣ батарейныхъ орудій нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что паруса, назначенныя для ихъ перевозки, ни къ чорту не годились.

— Вотъ страсти-то! замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

Но разгорячившійся уже генераль Малаховъ не слушалъ его и продолжалъ.

— Какъ только поганцы увидали, гдѣ мы переправляемся, такъ въ ту же минуту начали собирать войска на высотахъ старой Тульчи и въ камыши, а по скату горы поставили батарею изъ восьми орудій. Генераль Копьевъ быстро двигался впередъ педъ выстрѣлами этой батареи, опрокинулъ турокъ за Сомово гирло

и занявъ мостъ, не давъ неприятелю времени разрушить его... Здѣсь потери наши были незначительны, но за то при штурмѣ высота была такая свала, что небо казалось въ овчинку. Высоты эти дались намъ не легко, и я, кажется, даже въ гробу— и то буду помнить ихъ. Прежде всего, пошли мы на приступъ ближайшаго турецкаго редута, который тотчасъ же и взяли, но только что двинулись мы на штурмъ другой батареи, какъ были встрѣчены картечью изъ 6 орудій и страшнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ сомкнутого укрѣпленія. Первыми бросились полковникъ Тяжелышковъ, подполковникъ Амонтовъ и капитанъ Вагнеръ, и всё трое были ранены. Ихъ замѣнили: капитанъ Домбровский и штабсъ-капитанъ Петровъ. Перестроивъ полубатальоны въ ротныя колонны, они повели ихъ на штурмъ. Солдаты влезли было уже на стѣну, но были отбиты. Атака майора Богуславлевича тоже не удалась. Войска наши залегли въ оврагъ и за деревья... Я поскакалъ къ генералу, но только что успѣлъ повернуть лошадь, какъ пуля треснула меня въ руку, но вскользь, такъ что только разорвала мясо, а кости не тронула. Я наскоро перевязалъ рану платкомъ и прилетѣлъ къ генералу весь въ крови.— «Что съ вами? спрашиваетъ онъ меня испуганнымъ голосомъ.— Неужели, говоритъ, судьба отниметъ васъ у меня!» — «Со мной-то ничего, говорю, а вотъ съ нашими храбрецами плохо; давайте помощи, говорю». На мое счастье, черезъ Дунай только что переправились три батальона Смоленскаго пѣхотнаго полка.— «Вотъ, говоритъ генералъ, берите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» Я забралъ батальоны и бѣгомъ побѣжалъ на помощь. Раздалось «ура»!.. и черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ укрѣпленіи! Я вскочилъ первымъ! Оглянулся... смотрю, кругомъ дымъ, огонь, крики раненыхъ, стоны умирающихъ, трескъ, шумъ... взглянулъ на валъ и вижу стоитъ на валу священникъ могилевскаго полка Патибовъ и, осѣняя крестомъ солдатъ, воодушевляетъ ихъ словомъ... Вдругъ, бацъ! и часть креста летитъ на землю!

— Какъ! въ распятіе попало! вскрикнулъ Семенъ Иванычъ.

Но генералъ не слушалъ.

— Я подбѣжалъ къ батюшкѣ, взялъ его за руку... и вдругъ самъ упалъ! Оказалось, что былъ раненъ въ ногу. Кровь полила ручьями и меня чуть живого потащили на перевязочный пунктъ... Въ девять съ половиною часовъ вечера, бой прекратился. Мы взяли: девять жѣдныхъ орудій съ передками и зарядными ящиками; захватили въ плѣнъ сто человекъ, въ томъ числѣ начальника батареи Али-Низамъ-бея и трехъ офицеровъ; остальные люди гарнизона, въ числѣ около тысячи человекъ, переколоты.

— Фю! фю! фю! сдѣлалъ только Семень Иванычъ.

— Послѣ штурма этого пошли на утѣкъ, бросили Тульчу, бросили всѣ устроенные ретраншаменты у Исакии и противъ Сатурновской плотины и бѣжали къ Бабадагу, а 12-го марта войска наши заняли уже Тульчу и Исаичу. Такъ, братецъ ты мой, переправившись ны черезъ Дунай, и главнокомандующій князь Горчаковъ, доносилъ объ этомъ Государю, просилъ военного министра повергнуть на благоусмотрѣніе его величества сочиненную ны пѣсню и исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе пѣть ее въ войскахъ. Пѣсня эта была положена на ноты генераль-маіоромъ Львовымъ и до сихъ поръ поется солдатами.

— Самъ главнокомандующій сочинилъ? спросилъ Семень Иванычъ, насилу очнувшійся отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него разсказомъ генерала Малахова.

— Самъ.

— Вы не знаете ея, ваше превосходительство? Я большой охотникъ до самыхъ этихъ военныхъ пѣсень.

— Какой же солдатъ не знаетъ этой пѣсни! проговорилъ генералъ и, подбоченясь зашѣлъ:

Жизни тотъ одинъ достоинъ...

Но Семень Иванычъ тутъ же перебилъ его:

— Эту пѣсню и я знаю-съ! проговорилъ онъ.

— Знаешь?

— Знаю-съ, очень хорошо.

— Давай споешь.

— Платона Васильича не пригласить ли?..

— А кто такой Платонъ Васильичъ?

— Ундеръ, у мирового разсильнымъ служить.

— Онъ умѣетъ пѣть?

— Первый, говоритъ, пѣвецъ въ амперіи.

— А онъ гдѣ?

— Да онъ и сейчасъ тутъ у меня на кувѣтъ...

— Зови.

Семень Иванычъ, тоже любившій попѣть, стремглавъ бросился въ кухню, и, немного погодя, воротился на балконъ въ сопровожденіи Платона Васильича. Генералъ Малаховъ сидѣлъ уже верхомъ на стулѣ, какъ будто на конѣ и, увидавъ вытанувшагося во фронтъ унтер-офицера, окнулъ его съ ногъ до головы быстрымъ взглядомъ.

— Артиллеристъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Какой бригады?

— Седьмой артиллерійской бригады батареей № 2 батареи, ваше превосходительство.

- Черезъ Дунай переходилъ?
 — Имѣлъ счастье, ваше превосходительство.
 — Въ какомъ году?
 — Въспѣтъ съ вашимъ превосходительствомъ-съ.
 — Въ отрядѣ...
 — Генералъ-лейтенанта Ушакова, ваше превосходительство.
 — Въ Тульчѣ былъ?
 — Точно такъ, ваше превосходительство.
 — Меня поминишь?
 — Какъ не помнить, ваше превосходительство!
 Генералъ улыбнулся.
 — Ну, а пѣть умѣешь?
 — Умѣю, ваше превосходительство.
 — «Жизни тотъ одинъ достоинъ», знаешь?
 — Какъ не знать-съ! Наша родная пѣсня, ваше превосходительство!
 — Молодецъ, любилъ проговорилъ генералъ со словами на глазахъ.

Пѣвцы откашлились и запѣли:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
 Кто на смерть всегда готовъ.
 Православный русский воинъ,
 Не считалъ, бить враговъ.
 Что французы, англичане,
 Что турецкій глухой строй!
 Выходите, бусурмане,
 Вызываемъ васъ на бой.
 Кровопийци православники!
 Богъ накажетъ васъ чрезъ насъ.
 Покровители поганыхъ!
 Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ...

— Вотъ какъ весело вы пируете! раздался вдругъ голосъ Екатерины Васильевны, вонедней на балконѣ.— Что значить военные-то люди, и пѣсни все военные поютъ! И мой туда же!

— А ты какъ бы думала! подхватилъ Семенъ Ивановичъ.— Тутъ я такихъ разсказовъ наслушался, что внору бросать и мельнику и тебѣ, и въ садыги идти!

— Пушкинъ-то слышалъ! перебила его Катерина Васильевна и залилась громкимъ женскимъ смѣхомъ.— Охъ ужъ ты, Анна воинъ... Проси-ка лучше гостей-то въ залу, тамъ закуску поставили... Поди, съ пѣсней-то проголодался...

Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что генералъ даже и опомниться не успѣлъ и какъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ съ поднятымъ чубукомъ и раскрытымъ ротомъ, такъ и

остался въ этой позѣ, и только тогда, когда Семень Ивановичъ подошелъ къ нему и, взявъ подъ руку, проговорилъ: ваше превосходительство! залушите пожалуйста-сь! — онъ опомнился и всталъ со стула.

— Ахъ, виноваты! проговорилъ онъ, подходи къ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Пѣсенками занимались?

— Да, старину вспомнили.

— Все еще не забыли?

— Развѣ можетъ старый солдатъ забыть свою службу? Развѣ можетъ старый боевой солдатъ превратиться въ мушкетера, чиновника или пахара? Правду я говорю? спросилъ онъ, обратясь къ Платону Васильичу.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— У тебя есть посѣвы?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Лошаденка есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ видите! Ну, какъ вы можете быть пахаремъ, онъ вѣчно будетъ героемъ.

— Героемъ, ваше превосходительство!

— Охъ, ужъ, герой тоже! подхватила Катерина Васильевна, заливаясь смѣхомъ. — Вотъ жену на салазкахъ ватавать — это иное дѣло!..

Платона Васильича даже передернуло отъ этихъ словъ; онъ бросилъ-было молниеносный взглядъ на Катерину Васильевну, хотѣлъ-было сказать что-то, но, вспомнивъ, что передъ нимъ стоитъ генералъ, выткнулся въ струнку и снова окаменѣлъ.

Генералъ подошелъ къ нему и, хлопнувъ его по плечу, проговорилъ:

— Ты, братецъ, во мнѣ заходи. Я радъ встрѣтиться съ старымъ товарищемъ и, воли желаешь, даже мѣсто дамъ и хорошее жалованье положу.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— Хоть до самой смерти живи у меня; а померешь — восты твои успокою.

— Поворнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!

— Смотри же, приходи; а теперь ступай съ Богомъ!

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

И, повернувшись на одной ногѣ, Платонъ Васильичъ вышелъ.

— Хорошій служака былъ, должно быть! проговорилъ генералъ, расправляя синюю и покручивая усы.

— Еще бы! подхватилъ Семень Ивановичъ. — Вѣдь у него орде-

новъ-то во всю грудь нагѣшано. Это онъ не зналъ, что въ-едѣсь, а то бы расфрантился, какъ слѣдуетъ...

Разсуждая такимъ образомъ, общество перешло въ залу. На столѣ стояла водка, нѣсколько бутылокъ съ виномъ и наливной и приличная во всему этому закуска. Катерина Васильевна попросила генерала Малахова *прикушать* и, переваливаясь съ боку на бокъ, пошла утиной походкой въ сосѣднюю комнату къ гостѣмъ своей, Надеждѣ Ивановнѣ.

Генералъ, подъ напѣтомъ воспоминаній боевой жизни, сдѣлался какъ будто и веселѣе, и развязнѣе; однако, все-таки, подойдя къ столу и посмотрѣвъ на разставленную закуску, скорчилъ какую-то не то кислою, не то презрительную гримасу и покачалъ головой.

— Водочки не прикажете ли? проговорилъ Семень Иванычъ.

— Водочки-то теперь бы отлично выпить! проговорилъ генералъ со вздохомъ. — Только, думается мнѣ, что водка-то у тебя кабацкая, сиводай!.. а?

— Зачѣмъ же-съ! почти вскрикнулъ Семень Иванычъ, наливая изъ графина двѣ рюмки. — Водка хорошая, нарочно для вашего превосходительства послалъ.

Генералъ взялъ рюмку и, чокнувшись съ Семеномъ Иванычемъ, выпилъ.

— Ну, что-съ, какъ на вашъ вкусъ? спросилъ Семень Иванычъ, съ ужасомъ замѣчая, что генералъ морщился и моталъ головой.

— Гадость! сивуха!

— Удивительно-съ, а вѣдь съ графскаго завода...

— Гмъ! Вотъ это-то меня и бѣситъ, что водка съ графскаго завода, а точно такая же мерзость, которою угощаютъ народъ какой-нибудь заводчикъ прощальна!

И генералъ началъ разсматривать закуску.

— А это что за звѣрь? спросилъ онъ, указывая на селедку.

— Это сельдь королевская-съ.

— Ха, ха! Королевскія!.. похоже, нечего сказать!

— Сельдь лучшая-съ; перваго улова.

Генералъ взялъ въ ротъ кусочекъ и тутъ же выплюнулъ его на полъ.

— Не хороша-съ?

— Конечно, гадость! Ахъ, у меня-то сельди! что за прелесть... Я прямо изъ Питера отъ Елисѣева выписываю. Конечно, дорого, но за то хорошо. Дорого, да мило—дешево, да гнило, говоритъ русская пословица, и совершенно вѣрно. Ну, а это что такое? добавилъ генералъ, указывая на семгу.

— Семга тающая.

— Отъ Санина небось выписалъ?

— Точно такъ-съ.

— У него все таетъ! А это?

— Это русскій честеръ прозывается... саратовскій, въ Саратовѣ выдѣлывается г. Ладошинъ.

— Воображаю! и генералъ, отковырнувъ кусочекъ, положилъ его въ ротъ.

— Этотъ сыръ публика очень одобряетъ-съ! продолжалъ, между тѣмъ, Семень Иванычъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь угодить генералу, но, увидавъ, что генералъ выплюнулъ и сыръ, поспѣшно предложилъ ему колбасы, добавивъ, что колбаса отличная отъ Ниденталя.

— Зазмался онъ, братецъ, твой Ниденталь! говорилъ между тѣмъ генералъ, отплевываясь отъ ладошинскаго сыра, однако все-таки отрѣзалъ ломтикъ колбасы, понюхалъ, сомнительно покачалъ головой, откусилъ и тутъ же выплюнулъ.

— Не хороша-съ? спросилъ Семень Иванычъ, окончательно уже сконфуженный.

— Дрянъ! отвѣтилъ генералъ и даже вздохнулъ.—Развѣ можно покупать это въ Саратовѣ. Нетолько въ Саратовѣ, даже въ Москвѣ и то порядочныхъ торговцевъ нѣтъ. Конечно, для тебя и Шабаловскій и Чурляинъ лучше всякаго Елисѣева, потому что какой же у тебя вкусъ можетъ быть... вкусъ у тебя грубый... Ну, а я, грѣшный человѣкъ, на этотъ счетъ избалованъ. Посмотри, какія у меня сельди, какой сыръ... А вѣдь отъ твоихъ угощеній обогѣть можно.

Въ это время часы, висѣвшіе въ углу залы, зашипѣли, затрещали, а, немного погодя, съ какими-то вздохами стали бить двѣнадцать часовъ.

— Ба! ужъ двѣнадцать! проговорилъ генералъ.—Экъ я какъ засидѣлся! пора и ко дворамъ.

— Такъ ничего и не закусите, ваше превосходительство?

— Да нечего, братецъ; я бы радъ радостью...

— По крайности, хоть бы выпили на дорожку-то... наливочки хоть бы что ли.

— А наливка у тебя какая?

— Вишневка-съ.

— Нѣтъ, то есть какая домашняя?

— Домашняя-съ... у меня жена молодецъ по этой части.

— Дай-ка.

Семень Иванычъ поспѣшилъ налить двѣ рюмки, изъ которыхъ

одну поднесъ генералу, а другую взялъ самъ. Генераль чокнулся и отхлебнулъ.

— Вотъ что хорошо, то хорошо! проговорилъ онъ и залпомъ выпилъ рюмку.—Отличная наливка. О-отличная!..

Семень Иванычъ словно воскресъ. Лицо его просіяло и онъ предложилъ генералу выпить еще.

— Можно, можно, съ удовольствіемъ.

И, выпивъ еще рюмку, генераль Малаховъ еще разъ похвалилъ наливку и сталъ собираться домой.

— Катенька! Катенька! крикнулъ Семень Иванычъ, подбѣжавъ къ двери, въ которую ушла Катерина Васильевна. — Катенька! его превосходительство домой собираются, види проводишь.

Катерина Васильевна вышла.

— Что мало погостили? спросила она.

— Помилуйте, какое же мало! первый часъ. А вы все съ своею гостей бесѣдуете? спросилъ генераль, поглядывая на Катерину Васильевну масляными глазками.

— Нельзя же...

— А она въ горѣ, говорятъ?

— Ну, это еще горе небольшое.

— Вы думаете, что жалѣть нечего?

— Жалѣють хорошихъ людей, а дурныхъ жалѣть не стоитъ.

— Очень жаль, что я ея не видѣлъ. Прошу васъ передать ей мой поклонъ.

— Буду кланяться.

— Передайте ей, что сегодня я на нее сердить...

— За что это?

— А за то, что по ея милости я былъ лишенъ вашего пріятнаго общества! проговорилъ генераль, строя глазки и пожимая руку Катерины Васильевны.

— Я понимаю эти самыя слова ваши, больше ничего, какъ за насмѣшку...

— И ошибаетесь.

— Вамъ и безъ меня весело было! Вишь какія пѣсни пѣли.. Мы съ Надеждой Ивановной заслушались даже..

— А она слышала?

— Конечно, слышала...

— И похвалила?

— Какже не похвалить такихъ пѣсельниковъ!..

И Катерина Васильевна засмѣялась.

— А вотъ, и ты подтянула бы, еслибы съ нами была! замѣтилъ Семень Иванычъ.

— Я солдатскихъ пѣсень не играю.

— Ну съ. До свиданiя! проговорилъ генераль и, пожавъ еще разъ руку Катерины Васильевны, протянулъ Семену Иванычу указательный палецъ правой руки. — До свиданiя, братецъ. Бо мнѣ когда нибудь.

И генераль, въ сопровожденiи Семена Иваныча вышелъ изъ комнаты, а, немного погодя, былъ уже на крылечкѣ дома.

— Подавай! крикнулъ кто то.

Генераль оглянулся и увидалъ передъ собою вытянувшiяся во фронтъ Платона Васильича. Старья дрожки съ трескомъ подкатили къ крыльцу; Платонъ Васильичъ подскочилъ къ генералу, взялъ его подъ руку, свелъ бережно съ крылечка, усадилъ на дрожки и, совершивъ все это, отскочилъ въ сторону и снова вытянулся, не спуская глазъ съ генерала.

— Спасибо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

Дрожки загремѣли, застучали, засвистали, переѣхали черезъ мостикъ, спугнули дремавшихъ утокъ, съ шумомъ бросившихся въ воду, чуть было не отдавили хвостъ лежавшей на дорогѣ собагѣ и, завернувъ за уголъ амбара, скрылись изъ вида.

V.

Немного погодя, генераль поднялся на гору и, поворотивъ на право, поѣхалъ по дорогѣ, ведущей къ лѣсу и пролегавшей по нагорному берегу рѣки. Выбравшись на гладкую дорогу, кучеръ свиснулъ, помахалъ въ воздухѣ кнutomъ, и влячи словно проснулись и затрусили пободрѣе. Генераль прислонился къ спинкѣ дрожекъ, поджалъ подъ себя одну ногу и только было собрался вздремнуть немного, какъ увидалъ впереди небольшую толпу расфранченныхъ дамъ, съ бѣлыми платочками на головахъ, шедшихъ, какъ видно, въ лѣсъ. Дамы эти были тѣ самыя, которыхъ мы видѣли уже въ церковной оградѣ, и которыя такъ жаждали узнать причину размолвки, происшедшей между Органскимъ и Надеждой Ивановной.

При видѣ дамъ, генераль встрепенулся, приосанился, уперъ лѣвую руку въ бокъ, сдвинулъ на безвренъ форменную фуражку и, начавъ правой рукой крутить усы, шепнулъ кучеру подобрать возжи и тронуть лошадей. Дрожки загремѣли и, немного погодя, генераль догонялъ уже дамъ.

— Пусти! крикнулъ кучеръ.

Генераль чуть не ахнулъ отъ стыда, услыжавъ этотъ крикъ. Давъ кучеру незамѣтнымъ образомъ пинка въ шюу, онъ обру-

*

галь его бабой и объявилъ, что порядочные кучера кричать не «пусти», а *беремисъ* или *пади*, но дурковатый кучеръ все-таки ничего не понял и, подѣхавъ къ дамамъ, опять-таки, но только гораздо громче, прокричалъ:

— Пусти! задавлю!

И крикомъ этимъ такъ переполошилъ прогуливавшихся дамъ, что они ахнули, взвизгнули и рассыпались въ разные стороны.

Генераль улыбнулся, приказалъ ѣхать шагомъ и обратился къ дамамъ.

— Испугались? спросилъ онъ, приятно улыбаясь и снимая фуражку.

— Какъ же не перепугаться! чуть не задавили!

— Куда это вы идете?

— Въ лѣсъ! прозвенѣло нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно, подышать чистымъ воздухомъ? спросилъ генераль, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ разбитая дамская колонна шла уже по правую и по лѣвую сторону дорожки.

— И воздухомъ подышать и насчетъ ландышей тоже...

— Здѣсь купаться хорошо! замѣтилъ генераль. — Берега открыты лѣсомъ, дно песчаное.

— Можетъ быть, и купаться вздумаемъ.

— Вы будете походить на русалокъ. А вы пообѣдали, mes dames?

— Конечно; на тощакъ не гуляютъ!

— Такъ вамъ купаться нельзя.

— Почему это? спросили дамы очень серьезно.

— Потому что послѣ обѣда купаться вредно.

— Это такъ доктора говорятъ, а на самомъ дѣлѣ этого ничего нѣтъ.

Генераль, между тѣмъ, покручивая усы, разсматривалъ дамъ, а дамы шли себѣ, не подаривъ генерала ни единымъ взглядомъ. Генераль смѣтилъ, что статья тутъ не подходящая и началъ уже подумывать объ отступленіи, какъ вдругъ, взглянувъ впередъ, увидалъ шедшаго ему на встрѣчу чернаго, кудряваго мужчину въ фуражкѣ на бекрень и съ папирской въ зубахъ. Молодому человѣку этому было, повидному, очень жарко. Онъ разстегнулъ жилетъ и, снявъ сюртукъ, несъ его на рукахъ, между тѣмъ, какъ лицо его было покрыто потомъ. Увидавъ молодого человѣка, генераль сдѣлалъ дамамъ подъ козырекъ и закричалъ кучеру: пошелъ!

Немного погодя, онъ подѣзжалъ къ молодому человѣку, который, завидѣвъ генерала, мгновенно бросилъ папирску, мгновенно

венно же натанулъ на себя сюртукъ, и, отскочивъ въ сторону, комически вытанулся и приложилъ два пальца къ козырьку фуражки. Давъ генералу поровниаться, онъ закричалъ во все горло:

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Генераль съ достоинствомъ кивнулъ головой и, отъѣхавъ немного, спросилъ кучера:

— Это кто?

— Учитель Органскій.

Узнавъ, что то былъ Органскій генераль заинтересовался, оглянулся назадъ и увидалъ, что Органскій стоялъ уже на колѣняхъ передъ хохотавшими дамами и растопыривъ руки, какъ будто преграждалъ имъ дорогу въ лѣсъ.

Генераль крикнулъ снова: трогай! и вскорѣ, въѣхавъ въ лѣсъ, сѣрлся отъ дамскихъ взоровъ.

— Развѣ можно такъ смѣяться! говорили между тѣмъ дамы, обращаясь къ Органскому.

— Кто смѣется? когда? допрашивалъ Органскій.

— Развѣ это не насмѣшка, что вы генералу сдѣлали на караулъ.

— Напротивъ, это знакъ уваженія! Но дѣло не въ томъ. Скажите: куда это вы? далеко ли?

— Нѣтъ, вы-то далеко ли ходили?

— О! меня не спрашивайте!

— Это почему?

— Васъ это не можетъ интересовать.

— Почему васъ не было у обѣдни?

— Потому что меня не было и въ Малиновкѣ.

— Гдѣ же вы были?

— Богъ мой! какое любопытство! Сколько лѣтъ смѣются надъ женскимъ любопытствомъ, а вы все-таки продолжаете быть любопытными. Когда же вы исправитесь?

— А вотъ когда вы намъ расскажете гдѣ были.

— Извольте, я удовлетворю ваше любопытствъ. Я удилъ рыбу.

— Неправда! неправда! закричали дамы.

— Божусь.

— Гдѣ же удочки?

— Онѣ остались на берегу.

— А рыба?

— Она осталась въ рѣкѣ.

Дамы опять захохотали.

— Ну-съ. А вы куда идете? спросилъ Органскій.

— Вы это сами можете видѣть.

— Я вижу, что вы идете. Но куда, зачѣмъ, для чего — мнѣ неизвѣстно.

— Гуляемъ.

— А смѣю предложить вамъ прогулку по лѣсу?

— Мы туда и идемъ.

— И я могу васъ сопровождать?

— Этого нельзя запретить, замѣтила одна изъ дамъ, очень довольная, что Органскій идетъ съ ними (Органскій вообще слылъ за дамскаго кавалера и большаго любезника). — Лѣсъ созданъ для всѣхъ.

— А для любящихъ сердецъ въ особенности! подхватилъ Органскій и взглянулъ приэтомъ на бѣлокурую дѣвушку, съ любовью смотрѣвшую на него.

Всѣ пошли въ лѣсъ.

— Вы что-то сегодня очень веселы? спросила жена волостного писаря.

— Излишняя веселость, также какъ и чрезмѣрное умише, горвать, вредны, но изъ двухъ золъ я предпочелъ веселость. *E duobis malis minimum eligendum est.*

— Мы по французски не понимаемъ.

— Это не по-французски, а по латыни.

— Сейчасъ видно, что учитель.

— Да-съ. Но скоро имъ не буду, потому что хочу составить себѣ совершенно иное *circulum vitae*.

Послѣднія слова еще болѣе раздражили любопытство дамъ, но какъ ни старались онѣ вызвать Органскаго на откровенность, онъ на всѣ распросы отвѣчалъ только шутками и дамы оставались въ томъ же недоумѣнн, въ какомъ были и прежде. Разговаривая такимъ образомъ, онѣ вошли въ лѣсъ и распылились въ разныя стороны собирать ландыши. Органскій тоже занялся этимъ не упуская изъ виду ту бѣлокурую дѣвушку, на которую онъ поглядывалъ прежде. Это была дѣвушка лѣтъ 16-ти, съ свѣжимъ румянцемъ личикомъ, голубыми глазками и немного вздернутымъ носикомъ: звали ее Соничкой. Какъ только Органскій замѣтилъ, что Соничка осталась одна, онъ поспѣшилъ къ ней.

— Наконецъ то, прѣговорилъ онъ:—я могу хоть нѣсколькими словами перекинуться съ вами.

— Здравствуйте! прошептала дѣвушка.

— Сегодня вы изъ рухъ вонъ какъ интересны!

— Я все одна и та же.

— Нѣтъ, сегодня щеки ваши такъ разгорѣлись, что такъ и манать поцѣловать ихъ.

— Гдѣ вы были? спросила дѣвушка.

— И вы тоже допрашиваете! Я вамъ сказалъ уже, что рыбу удилъ.

— Не вѣрю я. Вы что-то расфрантились.

— Я предвидѣлъ, что встрѣчу васъ. Мнѣ сердце шепнуло.

— И сердце ваше болтаетъ видно также много, какъ и вы.

— Понятное дѣло. Qualis gex, talis grex! говоритъ пословица.

— Я этого не понимаю.

— Иначе: каковъ попъ, таковъ и приходъ.

И потомъ вдругъ, взявъ Соничку за руку, онъ спросилъ шоломъ и озираясь во всѣ стороны:

— Послушайте. Когда же моя любовь получить награду?

Дѣвушка вздохнула.

— Вы все пустяки говорите... смѣетесь только!

— Но вѣдь вы дали мнѣ слово.

— Я забыла.

— А помните, на пасху во время заутрени?

— Мнѣ тогда спать хотѣлось; можетъ быть, въ просонкахъ я вамъ и сказала какую нибудь глупость.

— Но я люблю васъ.

— Не вѣрю я вамъ! проговорила со вздохомъ Соничка.

— Почему?

— Потому что вы любите другую.

— Нѣтъ, съ той я покончилъ... Вчера мы съ ней разошлись.

— Все равно, вы любили, а любить два раза нельзя.

— Ахъ, боже мой! Это даже слишкомъ мало.

— А по моему много.

И снова вздохъ вырвался изъ груди Сонички. Органскій взялъ ее за руку.

— Ну, ради Бога, хотъ одинъ поцѣлуй.

— Перестаньте, пожалуйста! пустите!

— Нѣтъ, я васъ не пущу!

И силой пританувъ къ себѣ Соничку, онъ обнялъ ее и осыпалъ поцѣлуями.

Вскорѣ они присоединились къ дамамъ, у которыхъ были уже въ рукахъ огромные букеты ландышей.

— А знаете ли что? заговорили онъ, обращаясь къ Органскому.— Хорошо бы теперь на лодкѣ повататься.

— Зачѣмъ-же дѣло стало!

— Гдѣ-же лодка?

— Лодка есть и здѣсь не далеко!

— Ахъ! какъ это хорошо!

Немного погодя, компанія сидѣла уже въ лодкѣ и Органскій, взявъ весла, выѣхалъ на рѣку. День былъ восхитительный. Солнце

хотя и пекло, но жаръ настолько умѣрялся сыростью отъ воды, что особенной тяжести общество не ощущало. Всѣ были веселы. Разговорами и смѣху не было конца. Сидя на носу лодки и широко размахивая веслами, Органскій запѣлъ:

Ахъ, по морю

Ахъ, по морю...

— Ахъ, по морю, морю синему,

По синему, по хвалынскому...

подхватили дамы хоромъ и пѣснь загрѣбла по гѣсу.

Пиветь лебядь,

Пиветь лебядь...

Запѣлъ Органскій.

Пиветь лебядь съ лебедатами

Пиветь лебядь съ лебедатами

подхватили опять дамы, но на этотъ разъ чей-то звучный и густой басъ загудѣлъ аккордами, сливая и какъ бы связывая въ одно ихъ тонкіе голоса.

Всѣ оглянулись и увидали неподалеку судебнаго пристава Малинина.

Съ засученными панталонами онъ стоялъ въ водѣ и удилъ рыбу.

— Важно! хорошо! кричалъ онъ и разразился громкимъ смѣхомъ. — Ну, что же вы стали, ваяйте смѣлѣе и я подтану.

— А! дружище! крикнулъ Органскій. — Ну, что, много наудилъ?

— Лебца одного поймалъ.

— Нечего сказать, много! садись-ка лучше съ нами.

— Что! Али грестъ усталъ?

— Извѣстно, вдвоемъ-то легче.

— Можно! проговорилъ приставъ.

Лодка подѣхала и онъ какъ былъ босикомъ съ засученными панталонами, такъ и сѣлъ въ лодку, совершенно перекомфузивъ стыдливо покраснѣвшихъ дамъ.

— Что же ты сапоги-то? спросилъ Органскій.

— Ну, чортъ съ ними! Послѣ подѣдемъ и возьму.

И, усѣвшись рядомъ съ Органскимъ, Малининъ взялъ у него одно весло.

— Ну, валай, ну, вмѣстѣ. Разъ, два, разъ два...

И лодка полетѣла такъ быстро, что дамы пришли даже въ восторгъ.

— Ахъ, да! заговорилъ вдругъ приставъ, обращаясь къ Органскому: — слышала-тъ ты, пріятель!

— Ну, спросилъ Органскій.

— Ты гдѣ это сейчасъ былъ-то?

Дамы вдругъ встрепенулись, словно ихъ кольнула кто.

— И мы уж спрашивали, да не сказывается! вскрикнули онѣ въ одинъ голосъ.

— Не говорить?

— Не говорить.

— Ты что же не говоришь?

— Что же мнѣ говорить! отвѣтилъ Органскій и ударилъ ве-
сломъ.

— Ну, коли онъ не говорить, такъ я скажу вамъ! прибавилъ приставъ.

— Говорите.

— Онъ у генерала Малахова былъ. Къ Аннѣ Герасимовнѣ ходилъ.

— Къ Аннѣ Герасимовнѣ? вскрикнули дамы.

— Къ ней, къ ней! И потомъ, обратясь къ Органскому, до-
бавилъ, грозя пальцемъ: — Смотри, узнаеть генераль, онъ тебѣ
ноги поломаеть!

— Такъ! такъ! подхватили дамы. — Генераль — къ обѣдни, а
онъ — къ ней!

— Ну, вотъ!

— Такъ вотъ почему вы и въ церкви-то не были сегодня. А
давно вы познакомились съ Анной Герасимовной?

— Еще-бы, давно ужъ говорилъ приставъ. — Онъ и монахомъ
наряжался; подъ видомъ монаха былъ у нея, ночевалъ даже
тамъ, и отъ генерала получилъ за это рублевку.

И приставъ разразился хохотомъ.

— Такъ вотъ оно что! вскрикнули дамы. — Ну, теперь все по-
нятно!

И веселый, звонкій хохотъ раздался на лодкѣ. Хохоталъ тоже
и учитель Органскій, и только одна Соничка какъ-то вспыхнула
и быстро отерла наверхушнюю нескромную слезу.

VI.

Между тѣмъ, Катерина Васильевна, проводивши генерала Ма-
лахова, снова воротилась къ своей гостьѣ Надеждѣ Ивановнѣ,
и сѣла на стулъ возлѣ чайнаго стола, на которомъ возвышался
самоваръ.

— Чайку еще хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Чтò такъ мало?

— Благодарю... не до чая мнѣ...

— Стоить такъ сокрушаться! замѣтила Катерина Васильевна. И, наливъ себѣ чашку чая, стала тянуть его вприкуску.

— Какже не сокрушаться, когда вся жизнь разбита... хоть бы умереть поскорѣе!

— Вотъ это отлично! нечего сказать!.. желать смерти, когда вы въ тягостяхъ!

— Рожу — еще хуже будетъ! Развѣ мнѣ легко будетъ смотрѣть на ребенка и знать, что, кромѣ позора и нищеты, я ничего не въ силахъ дать ему...

— Не все въ бѣдности жить будете. Не все же горе терпѣть!.. Вы еще молоды, жизнь ваша впереди...

— Какая жизнь у меня впереди!.. Что вы говорите!.. Все распалось! Очутилась я среди хаоса, съ ребенкомъ на рукахъ... Того-ли я искала!..

— Мужа бы бросать не слѣдовало, душенька Надежда Ивановна, замѣтила Катерина Васильевна.— Хоть сердитесь на меня, хоть нѣтъ, а я завсегда скажу вамъ это...

— Да если я его видѣть не могла!

— Пожили бы, глядишь и обтерпѣлись бы! Любовь вдругъ не дается, а коли ежели и бываетъ такая любовь, то, пожалуй, лучше бы ея и не было. Вотъ вы полюбили вдругъ-то—что же вышло? Сами говорите, что только горе одно. Нѣтъ, что тамъ ни говорите, а на что нибудь да требуется господнее благословеніе.. видно безъ него-то плохо жить! Я, конечно, женщина необразованная, не то что вы, а все-таки разсуждаю, что какъ-бы плохъ ни былъ законный мужъ, а все-таки лучше хорошаго любовника. Особенно въ наше время... ужъ такъ они нынче набаловались! такъ набаловались! А кабы вы не бросили мужа, глядишь бы, и законныя дѣти пошли, а дѣти много счастья приносятъ!

— Хорошо, говорите вы; да сдѣлать-то я такъ не смогла! Не могла я переломить себя, не въ силахъ была привыкнуть къ мужу, а тутъ встрѣтился Органскій... Ахъ, если-бы вы только знали, Катерина Васильевна, какой онъ былъ тогда умный, честный! какъ онъ хорошо и честно говорилъ! Мой мужъ казался и неучемъ, и глупымъ...

— А посмотрите, какъ этотъ глупый-то дѣла свои повесть... Богатѣть не по днямъ, а по часамъ...

— Счастье не въ деньгахъ!

— Такого-то вишь форсу задаетъ, что мое почтенье! Теперь вишь у него французенка живетъ... похитилъ, говорить.

— Похитилъ! перебила ее Надежда Ивановна.— Похитилъ за пять тысячъ въ годъ!

— Я даже не знаю, почему вы его такимъ глупымъ сочли.

Вѣдь и вашъ-то влюбленный не ахти какія звѣзды съ неба хваталъ. Тоже вѣдь не доучился вишь. Въ одномъ случаѣ только вашъ мужъ поступилъ глупо: плохо смотрѣлъ за вами!

— Какъ же надо было смотрѣть ему?

— Больше наблюденія слѣдовало имѣть, а главное не пускать къ себѣ въ домъ этихъ самыхъ мужчинъ молодыхъ. Очень ужъ они подлый народъ и безъ надзора сестрѣ нашей даже не устоять противъ нихъ. Будь надзоръ за вами и ничего бы этого не было, а то помилуйте: жена молодая, а онъ пріятеля въ домъ пустилъ, а подлецамъ этимъ и на руку. Я и сама до смерти боюсь этихъ самыхъ нынѣшнихъ подлецовъ... очень ужъ они озрничать стали!..

— Ну, что бы вы сдѣлали, еслибы именно такого полюбили?

— Да что, я сума что ли сошла?

— Ну, а если бы?

— Нѣтъ, я такого не полюбила-бы, потому что отъ такого человѣка, окромѣ насмѣшекъ, нечего и ожидать!

— А еслибы ваше сердце потребовало любви? Еслибы оно поставило васъ въ такое положеніе, что мужу пришлось бы измѣнить?

— Еслибы пришлось ужъ измѣнить мужу, такъ я бы совершенно по другому сдѣлала. Вс-первыхъ, я въ свои *предметы* выбрала-бы не нахала какого нибудь, а человѣка скромнаго. Вѣдь и промежь скромныхъ попадаются мужчины... красивые! А вс-вторыхъ, не стала бы этимъ своимъ поведеніемъ огорчать мужа, а дѣлала бы это тайно.

— По вашему, стало быть, лучше обманывать мужа?

— Извѣстное дѣло, наша сестра должна скромность соблюдать. Ужъ если такой грѣхъ случился, то, извѣстно, не въ примѣръ лучше дѣлать это аккуратно.

— Да развѣ это честно?

— Ужъ не въ примѣръ честнѣе, чѣмъ открыто дѣлать. Господи! страмота какая! Да у меня, кажись, и языкъ-то не повернулся-бы про свою слабость мужу передавать. Это даже грѣхъ великій: все одно, что человѣка убить! Конечно, теперь на все это по другому смотреть, по модному, а по старому такой законъ былъ: если жена мужняя съ кѣмъ-нибудь знакома, то чтобы соблюдать стыдливость и скромность... Да вотъ чего же лучше! Вы знаете вѣдь госпожу Краухину?

— Да, слышала.

— Ну, вотъ вамъ. Посмотрите, какъ съ мужемъ прекрасно живетъ! въ мирѣ, въ согласіи, не нарадуются другъ на дружку, живутъ открыто, всѣ у нихъ бывають! а мужъ-то и не подозрѣ-

васть, что у жены предметъ есть, и что даже дѣти всѣ предметныя, а не его.

— Ахъ, все это вы не то говорите! съ какимъ-то воплемъ заметалась Надежда Ивановна.—Ну, да я все поправлю! добавила она рѣшительно.

Катерина Васильевна удивленно взглянула на Блинову.

— Какъ же это вы поправите? спросила она, сомнительно почивая головой.

— Да такъ. И мужъ будетъ счастливъ, и я.

— Прощенье что-ли просить хотите?

— Да, прощенья.

— И вы думаете, что онъ васъ проститъ?

— Проститъ непременно, я знаю это.

Катерина Васильевна опять покачала головой.

— Ну, Богъ знаетъ! проговорила она.—Нѣтъ теперь вы дѣла своего не поправите! сначала бы умнѣе надо было-бы дѣлать!

— Поправлю, все поправлю.

— Вы теперь ужъ въ мужъ ненависть къ себѣ поселили. Теперь ужъ скрыть нельзя...

И, помолчавъ немного, Катерина Васильевна спросила таинственно:

— А скоро ожидаете?

— Почему я знаю!

— По моему, должно быть скоро...

— Можетъ быть, и скоро.

Катерина Васильевна вздохнула и, посмотрѣвъ на истомленное и желтое лицо Надежды Ивановны, только головой покачала.

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошелъ Семенъ Ивановичъ.

— Жена! Надежда Ивановна! проговорилъ онъ, обращаясь къ бесѣдовавшимъ.—Да что это вы все здѣсь сидите! Генералъ уѣхалъ давно... пожалуйста въ залу... Тамъ повеселѣе будетъ, а здѣсь и темно и пахнетъ... Пожалуйста-сь!

Всѣ перешли въ залу.

— Надежда Ивановна! закусить чего не прикажете-ли? Прошу покорно, вотъ сыръ, сельдь, колбаса отличная отъ Ниденталя, семга тающая... хереску, наливочки, можетъ, выкушаете?

— Нѣтъ, я ничего не хочу.

— Хошь чего-нибудь, душенька! попросила Катерина Васильевна, отрѣзавъ себѣ кусокъ колбасы.

— Благодарю, не хочу.

— Ну, жена! говорилъ между тѣмъ Семенъ Ивановичъ, обни-

мая и дѣлуя жену.—Генералъ всю нашу хлѣбъ соль такъ раскорилъ, что надо бы хуже, да некуда.

Катерина Васильевна разсмѣялась.

— Ишь ты! въ людяхъ-то разборчивый какой! проговорила она:—а дома-то одной рѣдкой да капустой питается. Небось, у Анны-то Герасимовны не очень разлакомится!

— За то наливку твою расквалилъ очень. Отличная, говорить, наливка! и двѣ рюмки выпилъ. Надежда Ивановна! дозвольте васъ хваленой наливочкой попросить.

— Право, не хочу.

Семень Иванычъ даже рукой махнулъ.

— Господи Боже мой! проговорилъ онъ съ отчаяніемъ.—Да что же это, съ кѣмъ же мнѣ выпить-то! Ну, коли такое дѣло, такъ хошь мнѣ дозвольте за ваше здоровье выпить.

— Кушайте, я вамъ очень благодарна.

— Эхъ! проговорилъ Семень Иванычъ, наливъ рюмку и взявъ ее въ руки.—Хошь-бы пришлоъ кто, а то одному какъ-то того... зазорно...

— Куда-же дѣвались друзья-то ваша? спросила Надежда Ивановна.

— Чортъ ихъ знаетъ! согрѣшилъ, грѣшный! Словно скрезы землю провалились. Жена! выпей хошь ты со мной!

— Отстань.

— Да выпей, пожалуйста; для компаніи хотъ.

— Убирайся, не хочу.

Семень Иванычъ помоталъ головой.

— Вотъ, Надежда Ивановна, смотрите! проговорилъ онъ.—Какова жена-то у меня! Никакого уваженія къ мужу не имѣеть. Эхъ! придется видно въ одиночку выпить! Ну-съ, Надежда Ивановна, за ваше здоровье... желаю вамъ отъ души, дай Богъ!

И Семень Иванычъ выпилъ, крикнулъ, поставилъ рюмку на столъ и, поглядывая на графинъ, добавилъ:

— Развѣ еще одну рюмочку протащить! Гмъ! И манка только эта самая *розомбѣ!* выпьешь одну, сейчасъ на другую позоветь, а тамъ и на третью.

Семень Иванычъ, наливъ рюмку водки, только было хотѣлъ ее выпить, какъ Катерина Васильевна, смотрѣвшая въ окно, удержала его руку.

— Постой, не пей! проговорила она.—Вонъ твой пріятель идетъ.

— Кто такой? даже вскрикнулъ отъ радости Семень Иванычъ.

— Василій Тимофенъ.

— А! Тимофеичъ! другъ любезный! Иди скорѣй! кричалъ уже Семень Иванычъ, высунувшись въ окно.

VII.

Пожавъ руку Семену Иванычу и раскланявшись съ дамами, Кургановъ бросился въ кресло и, вынувъ платокъ, сталъ помахивать имъ на лицѣ.

— Что, или угорѣлъ? На-ка, выпей-ка! приставалъ къ нему съ рюмкой Семень Иванычъ.

— Погоди! Мнѣ не до выпивки! Я такъ сегодня взволнованъ и разстроенъ...

— А вотъ выпьешь и все пройдетъ.

— Ну, давай что-ли! А то вѣдь я знаю, что отъ тебя не отвяжешься.

И, выпивъ рюмку, Василий Тимофеичъ закусиль селедкой.

— Эго просто ни на что не похоже! говорилъ онъ, вытирая ротъ салфеткой и швырнувъ ее на столъ.—Просто хошь не пиши ничего!

— А ты что-же, опять стихи какіе-нибудь настрочилъ.

— Какіе стихи! Статьеку я небольшую написалъ и отпривилъ ее въ «Простыню»..

— Что-же! не напечатали?

— Напротивъ, напечатали.

— Такъ чего-жь тебѣ еще! Покажи-ка статью-то.

— Показать-то я, пожалуй, покажу, проговорилъ Василий Тимофеичъ, вытаскивая изъ бокового кармана сложенный номеръ газеты.—Только все-таки я очень взволнованъ. Хотите прочесть, Надежда Ивановна; статья эта немножко до васъ относится.

— Вотъ какъ! Нѣтъ, ужъ лучше вы сами прочтите. Говорятъ, авторы лучше читаютъ свои произведенія.

Слово «авторъ» весьма пріятно прозвучало въ ухахъ Василія Тимофеича; онъ усѣлся весьма спокойно въ кресло и заложилъ ногу на ногу.

— Для большаго эффекта, проговорилъ онъ, обращаясь весьма развязно къ обществу:—позвольте прочесть вамъ предварительно статью въ рукописи.

— Ну, что-жь, читай.

Василій Тимофеичъ споза засунулъ руку въ боковой карманъ сюртука и, вытащилъ оттуда бумажку, началъ читать:

«Село Малиновка. Не разъ уже наша пишущая братія описывала тѣ ужасы, которымъ обставлена жизнь нашихъ сельскихъ

учителей. Но всякое лишнее слово объ этомъ, кромѣ пользы, конечно, ничего не принесетъ. Побуждаемый этимъ желаніемъ, сообщу нѣкоторыя данныя о той обстановкѣ, которою окружена частная жизнь нашего школьнаго учителя, всѣми уважаемаго педагога г. О—го. Представьте себѣ комнату или, лучше сказать, кануру въ шесть квадратныхъ аршинъ, съ двумя крошечными окошками и съ поломъ, половицы котораго ходятъ подъ ногами, какъ фортепiанныя клавиши подъ руками виртуоза, и вы будете имѣть весьма слабое понятіе о квартирѣ нашего учителя. Кровати нѣтъ и потому приходится спать на соломѣ. Вся мебель состоитъ изъ одного столика и двухъ стульевъ допотопной работы. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ общество не обратитъ на это своего вниманія. Какъ до сихъ поръ земство, или хоть полиція не заставитъ отвести учителю помѣщеніе, приличное его должности. Подобное же помѣщеніе занимаетъ и учительница наша, Надежда Ивановна Х., которое отдѣляется отъ квартиры учителя лишь одной дсчатой перегородкой, съ выглядывающими изъ щелей клопами. Весна стоитъ у насъ благодатная; всходы хлѣбовъ превосходные, а солнечные дни и часто перепадajúщiе дожди даютъ надежду на обильную жатву. Невольно вспомнишь стихи поэта:

Золото, золото падаетъ съ неба.
 Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ.
 — Полноте, дѣти, его мы сберемъ;
 Только сберемъ золотистымъ зерномъ
 Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

— Молодецъ! ай, да, дядя Тимофеичъ! вскрикнулъ Семень Иванычъ и, наливъ двѣ рюмки водки, предложилъ тостъ за здоровье корреспондента.

Василій Тимофеичъ поблагодарилъ, и, выпивъ водку, снова усѣлся въ кресло и развернулъ газету «Простыня».

— А вотъ теперь позвольте прочесть ту же статью въ печати, каковою появилась она на столбцахъ нашей мѣстной газеты.

— Читай, читай!

«Село Малиновка. Не разъ уже наша пишущая братія описывала скромную обстановку, окружающую жизнь нашихъ сельскихъ учителей, но всякое правдивое слово, касающееся этой жизни хотя бы оно и было 20 разъ сказано, кромѣ пользы, конечно, ничего не принесетъ. Побуждаемый этимъ желаніемъ, сообщу нѣкоторыя данныя о той обстановкѣ, которою окружена частная жизнь нашего школьнаго учителя, всѣми уважаемаго педагога г.

— го. Представьте себѣ маленькую, но уютную комнатку съ двумя окнами, въ которыхъ весело играютъ лучи солнца; неболь-

шой столъ и два стула—и вы будете имѣть понятіе о квартирѣ нашего учителя. Общество, земство и полиція неусыпно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы учитель ни въ чемъ не нуждался. Подобное-же помѣщеніе занимаетъ и учительница наша, Надежда Ивановна Х., которое отдѣляется отъ квартиры учителя прочной перегородкой. Весна стоитъ у насъ благодатная. Вскоды хлѣбовъ превосходные, а солнечные дни и часто перенадающие дожди подаютъ надежду на обильную жатву. Заговоривъ про дожди, невольно вспомнишь стихи поэта:

Золото, золото падаетъ съ неба.
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ,
Много соберемъ мы различнаго хлѣба,
Въ сроки подушныя тоже внесемъ!..»

Докончивъ чтеніе, Василій Тимофенчъ залился самымъ веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ, между тѣмъ, какъ Семенъ Ивановичъ говорилъ громко:

— Ну, братъ, воля твоя, а печатная-то статья много лучше твоей.

Катерина Васильевна отнеслась къ чтенію Курганова разнообразно, за то Надежда Ивановна взглянула на дѣло совершенно иначе.

— Кто же просилъ васъ писать обо мнѣ! проговорила она обращаясь къ Василю Тимофенчу.

— Никто-съ, отвѣчалъ онъ сконфуженно, замѣтивъ по лицу Надежды Ивановны, что она недовольна появленіемъ въ печати ея имени.

— Прежде чѣмъ писать, вы бы меня спросили, будетъ ли мнѣ это пріятно.

— Да вѣдь я про васъ лично ничего и не написалъ; я только хотѣлъ описать вашу квартиру! оправдывался Кургановъ.

— А къ чему вы меня учительницей назвали! прибавила она, вся вспыхнувъ.— Неужели вамъ неизвѣстно, что учительницы въ школахъ вѣдѣшней не полагаются, а слѣдовательно не полагаются для нея и квартиры. Если же я и занималась въ школѣ съ мальчиками, то дѣлала это потому только, что желала облегчить трудъ г. Органскаго. Впрочемъ, вамъ такъ хорошо извѣстны мои отношенія къ г. Органскому, что говорить объ нихъ будетъ лишнимъ. Я удивляюсь только одному, что вы такой добрый чело-вѣкъ, а поступили со мной такъ неделикатно.

— Извините меня, Надежда Ивановна, но вѣдь я отнесся съ чувственно.

— Оставьте меня въ покоѣ, я ничьихъ симпатій не ищу.

И, подойдя къ Катеринѣ Васильевнѣ, она прибавила:

— Позвольте мнѣ полежать въ вашей спальнѣ, душенька Катерина Васильевна, у меня что-то голова кружится.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, отдохните!

— За фершаломъ не послать ли? спросилъ Семень Иванычъ.

— Бога ради, не посылайте; пройдетъ и безъ него.

И Надежда Ивановна оставила залу.

— Что, братъ, вскочилъ съ ковшомъ на брагу! проговорилъ Семень Иванычъ, когда Надежда Ивановна скрылась за дверью.

— Мнѣ кажется, что тутъ совершенно нечѣмъ было обижаться! замѣтила Катерина Васильевна.

Василій Тимофейчъ только плечами пожалъ.

— Потому что про ея житье-бытье съ Органскимъ и безъ газетъ уже всякій очень хорошо знаетъ и понимаетъ! продолжала она, усаживаясь на диванъ, какъ можно покойнѣе. Всѣмъ, кажется, извѣстно, какъ она осрамила своего мужа; а кромѣ того, ничего худого про нее и не говорится въ газетѣ, а говорится только, что квартира ея рядомъ съ квартирой учителя. И въ стихахъ тоже описываются одни только дожди и всходы хлѣбовъ... обиднаго ничего нѣтъ!

— Что правда, то правда! замѣтилъ Семень Иванычъ, подходя къ столу съ закуской.—Ай да жена, молодецъ!.. Разсудила какъ слѣдуетъ... Правду говорю я, дядя Тимофейчъ?

— Правду.

— Вѣдь жена молодецъ у меня?

— Молодецъ.

— Такъ давай же выпьемъ за ея здоровье!

Семень Иванычъ налилъ двѣ рюмки: одну взялъ самъ, а другую подавъ Василію Тимофейчу.

Выпили.

— А теперь знаешь, что сдѣлаемъ, дружище! проговорилъ Семень Иванычъ, хлопнувъ по плечу Василія Тимофейча.

— Что такое?

— Мнѣ что-то страсть какъ въ гости идти захотѣлось. Пойдемъ къ Органскому.

— Ну, вотъ выдумалъ еще! проговорила Катерина Васильевна.— Пойдешь къ нему и опять къ обѣду не вернешься!

— Нѣтъ, нѣтъ, сходимъ, сходимъ! затараторилъ Семень Иванычъ.—Мы скоро вернемся, къ обѣду непремѣнно.

— Пожалуй, сходимъ.

— Только постой, я визитку сниму и надѣну пинжакъ! перебилъ его Семень Иванычъ.—А то вѣдь у него грязь такая, что весь выпачкаешься.

— Что же ты, по полу валаться что ли будешь? замѣтила Катерина Васильевна.

— У другого на полу-то чище, чѣмъ у него на стульяхъ, да на столахъ.

И Семенъ Иванычъ вышелъ въ другую комнату.

— Зачѣмъ вы идете туда? тономъ проговорила Катерина Васильевна, дѣлая глазки Василию Тимофеевичу.

Василій Тимофеечъ подскѣлъ къ ней.

— А вы этого не желаете? спросилъ онъ, взявъ ея руку.

— Конечно, мнѣ одной скучно.

— Вы не одни, у васъ есть гости.

— Она теперь не въ духѣ и съ ней мнѣ скучно... Зачѣмъ вы пишете? Вы обличитель?

— Да.

— Вы всѣхъ обличаете?

— Я обличаю только пороки! отвѣтилъ Бургановъ, и интухъ дымомъ папироски прямо въ лицо Катеринѣ Васильевнѣ.— Вы читаете когда-нибудь газету?

— Какую газету?

— «Престыню» читаете?

— Это въ которой объявленія-то печатаются. Это вы сочиняете объявленія?

Василій Тимофеечъ даже обидѣлся, но, принявъ въ соображеніе малограмотность дамы, вскорѣ успокоился.

— Объявленій я не сочиняю, замѣтилъ онъ.—Мое дѣло обличать. Читали вы мое обличеніе про Краушкину?

— Однако, васъ надо опасаться! проговорила съ улыбкой Катерина Васильевна.

Василій Тимофеечъ самодовольно улыбнулся.

— Вы думаете? спросилъ онъ и пожалъ руку.

— Да.

— Почему?

— Вы озорникъ! Катерина Васильевна опять сдѣлала гримасу и прибавила:—Вы и меня, пожалуй...

— Нѣтъ, я васъ не обличу, а обличу въ божественную мантію...

— Ну, мерси!

И Василій Тимофеечъ, потянувъ къ себѣ Катерину Васильевну, страстно поцѣловалъ ее въ губы.

— Позвольте! прошептала она, и, взглявъ затѣмъ спросилъ громко.—А скоро вы меня опишете?

— Постараюсь поскорѣе.

Въ это время вошелъ въ комнату Семень Ивановичъ. Онъ успѣлъ уже снять визитку и мигнулъ по направленію къ женѣ.

— Ну, идемъ! крикнулъ онъ.—Я и водочки захватилъ съ собою, а то теперь бѣдняга-то чай стосковался совсѣмъ.

— Ну, пойдетъ теперь, значить, пьянство! замѣтила Катерина Васильевна. Но Семень Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, только мигнулъ опять, глядя на жену.

VIII.

Надежда Ивановна была женщина лѣтъ двадцати, среднего роста, съ весьма симпатичнымъ лицомъ, пестрелаго цвѣта волосами и большими черными глазами, окаймленными длинными густыми ресницами. Что-то располагающее проглядывало не только въ наружности Надежды Ивановны, но даже въ ея движеніяхъ и въ ея рѣчи. Стѣло раяъ взглянуть на нее и, казалось уже, что вы давнымъ-давно знакомы съ ней, давнымъ-давно связаны съ ней самыми тѣсными узами дружбы. Несмотря на неудачно сложившуюся жизнь ея, никто изъ порядочныхъ людей не смѣлъ никогда осудить ее. Даме и въ этомъ жалкомъ положеніи она возбуждала только одні симпатіи.

Надежда Ивановна была дочь весьма небогатыхъ помѣщиковъ. Отецъ ея служилъ когда-то казначеемъ въ полку, которымъ тоже когда-то командовалъ Діонъ Павловичъ. Слелотилъ небольшой капиталець, вышелъ въ отставку и, купивъ себѣ маленькое имѣніе, принялся за хозяйство. На второй или на третій годъ послѣ покупки имѣнія, у него родилась дочь и Иванъ Артемьичъ (такъ звали отца Надежды Ивановны) былъ на верху блаженства. Но вскорѣ послѣ родовъ, жена его умерла, оставивъ его вдовствовать съ маленькой дочкой на рукахъ. Иванъ Артемьичъ на первыхъ порахъ растерялся, плакалъ какъ ребенокъ, но, убѣдившись, что слезами горю не поможешь, пріискалъ для дочери старушку няню и принялся за работу. Всѣ свои симпатіи онъ сосредоточилъ на дочери и ради ея не зналъ ни усталы, ни даже болѣзни. Состояніе Ивана Артемьича было весьма ограниченное. Онъ имѣлъ всего на всего четыреста десятинъ и ни копейки свободного капитала, такъ какъ все оставшесся отъ покупки заложенаго имѣнія онъ употребилъ на устройство усадьбы и на покупку всего необходимаго для хозяйства. На сколько хозяйстве генерала Малахова, вѣренное надзору солдатъ, шло безтолково и безпорядочно, на столько хозяйство Ивана Артемьича дышало рассудительностью и порядкомъ. Домъ его былъ неболь-

шой, всего въ четыре комнаты, но за то онъ тонулъ въ зелени сада и невольно манилъ взоръ каждаго прохожаго. Садыкъ этотъ насадилъ Иванъ Артемьичъ собственными руками. Самъ ухаживалъ за молодыми деревцами, самъ поливалъ ихъ, и подъ неусыпнымъ надзоромъ его деревца росли также быстро и стройно, какъ росла его Надя. Когда маленькой Надѣ минуло одиннадцать лѣтъ, садъ былъ уже въ полной силѣ и красѣ.

Надя любила этотъ садыкъ. Она устроила въ немъ клумбы, засадила ихъ цвѣтами и съ дѣтской наивностію любовалась ими. Выростая въ деревнѣ, въ одиночествѣ, Надя любила это одиночество, и ей было даже скучно и неловко, когда прѣзжали къ нимъ гости. Въ лѣтнюю пору, едва только востокъ зарылся лучами восходящаго солнца, Надя поспѣшно вскакивала съ своей постельки, осторожно прокрадывалась мимо спавшей няни и, набросивъ на себя легонькое платьице, бѣжала вонъ изъ дома. Она и сама не замѣчала, какъ солнце выкатывалось на самую средину неба, и какъ она далеко заходила въ лѣсъ. Полной свободой пользовалась Надя. Правда, была у нея, кромѣ старушки няни, такая же старушка гувернантка, обучавшая ее музыкѣ и другимъ наукамъ, правда, приходилъ къ ней три раза въ недѣлю приходскій дьяконъ преподавать Законъ Божій, но старикъ Иванъ Артемьичъ на науки налегать не слыхомъ. Лѣтомъ онъ говорилъ бывало: «Дайте ребенку побѣгать, порѣзвиться; лѣтній воздухъ на всю жизнь дастъ человѣку здоровье!» А зимой: «Погодите, говорилъ, лѣто придетъ, лѣтомъ и дни длиннѣе, достанетъ на все времени, и на ученю и на игри!» И старикъ, глядя на подроставшую дочь, восхищался. И дѣйствительно было чѣмъ восхищаться. Бѣгая въ цвѣтахъ, она и сама выглядѣла цвѣточкомъ. Лицо ея дышало свѣжестью; розовыя щечки горѣли живымъ румянцемъ, черные глаза блестѣли словно угольки, а непельные, нѣжные, какъ шелкъ, волосы закрывались на лбу локонами. И вся она была такая милая, рѣвая, добрая, что даже сердиться нельзя было на нее. Бывало и слылеть что-нибудь, и напроказить, и слѣдовало бы выговоръ сдѣлать ей, а какъ взглянешь на это веселое, доброе, смѣющееся личико, такъ и не слышишь ничего. Ее всѣ любили. Любилъ отецъ, любила гувернантка, любилъ дьяконъ, няня старуха, любила дворня, любили мужички и бабы деревенскія.

Такъ шли годы за годами, и Надѣ минуло 14 лѣтъ. Старикъ отецъ еще усерднѣе принялся за дѣло. Занявъ у сосѣда куца Блинова 1,000 рублей, онъ закупилъ быковъ, закупилъ плуговъ, нанялъ годовыхъ рабочихъ и сталъ уже самъ пахать землю (наемная пахота ему не нравилась). Въ первую-же весну онъ

дѣйствительно такъ раздѣлять землю, какъ только раздѣлываютъ ее на огородахъ. Пробѣгая мимо пашни этой, крестьяне только руками разводили: сроду не видали они такой обработки. Отъ хорошей раздѣлки земли слѣдовало ожидать и хорошаго урожая, и дѣйствительно, хлѣбъ взошелъ на славу, а осенью по уборкѣ оказалось, что амбары Ивана Артемьича чуть не ломались отъ зеренъ. Наѣхали купцы, раскупили хлѣбъ и Иванъ Артемьичъ поспѣшилъ уплатить долгъ. Съ удвоенной энергіей принялся старикъ за дѣло, работалъ какъ волъ; вставалъ съ утренней зарей, уходилъ изъ дома, и только съ вечерней зарей возвращался. Бодрый и неутомимый хлопотунъ поспѣвалъ по всюду. Онъ самъ отпускалъ сѣмена, самъ слѣдилъ за посѣвомъ; въ обѣдъ отправлялся на выгонъ, осматривалъ свое стадо, заглядывалъ въ конюшню, на скотный дворъ, на огородъ, а тамъ опять въ поле на посѣвъ. Весна была благодатная. Набѣгутъ тучки, оросятъ землю питающей влагой, а потомъ опять солнце, и начнетъ это солнце прогрѣвать своими лучами увлажненную дождемъ землю и земля словно въ парникѣ нагрѣвалась; быстро поднималась изъ теплой рыхлой земли молодые всходы, быстро росли, и не прошло двухъ недѣль, какъ земля заколыхалась уже свѣжей зеленью хлѣбовъ. Иванъ Артемьичъ былъ въ восторгѣ. Радовалась и Надя, окидывая взоромъ эти сочные бархатные посѣвы. «Благодать!» восклицалъ Иванъ Артемьичъ. «Благодать!» повторяли мужички и всѣ до одинаго, отъ малаго до великаго, благословляли эту благодать.

Но не долга была эта всеобщая радость. Когда хлѣбъ сталъ колоситься, вдругъ налетѣла градовая туча, бѣлая какъ серебро, остановилась надъ полями Ивана Артемьича, разразилась бурей, грозой, градомъ и въ какихъ-нибудь десять минутъ разрушила всѣ мечты. И куда только дѣлась эта сочная зелень полей! словно ее и не было никогда! Градь ее переломалъ, исковеркалъ, замалъ въ грязь, затопталъ, и, окончивъ это дѣло, затихъ. Иванъ Артемьичъ былъ въ полѣ. Забившись подъ телегу, онъ выжидалъ конца, и когда градъ кончился, словно сумасшедшій поскакалъ домой, но и дома не много нашелъ утѣшенія. Въ домѣ раздавался плачь: плакала Надя, плакала гувернантка, плакала и старая няня. Оказалось, что въ окнахъ не уцѣлѣло ни одного стекла, всѣ комнаты засыпаны градомъ и холодный вѣтеръ свисталъ въ нихъ, гулая на просторѣ. Въ саду было еще печальнѣе: молодня деревья съ прямыми, сочными, словно лакомъ покрытыми штаблами, стояли съ поломанными вѣтками, съ испцпаной корой и не было на нихъ ни одного плода, ни одного листочка даже; клумбы цвѣтовъ были иверты; кустарникъ поло-

мань; плетень опрокинуть. Взглянувъ на это, Иванъ Артемьичъ всплеснулъ руками и зарыдалъ какъ ребенокъ. Всѣ многолѣтніе труды его пропали.

На другой день, собрались сосѣди, выразили сожалѣніе, поблагодарили Господа, что бѣда миновала ихъ, вышли, пообщались и разѣхались.

Ждать дохода было нечего. Иванъ Артемьичъ кое-что пораспродать. Продавъ нѣсколько свиней, овецъ, двѣ коровы, трехлѣтка жеребчика, котораго онъ прочувъ было въ приданое дочери и на вырученные деньги вставилъ стекла въ рамы, поправилъ сорванныя крыши и плетни и держалъ домашній расходъ. Подошелъ, между тѣмъ, августъ, надо было сѣять рожь, надо было добыть сѣмень. Скрѣпя сердце поѣхалъ Иванъ Артемьичъ опять къ Блинову, занялъ у него сто четвертой ржи и засѣялъ поля. Осень опять порадовала Ивана Артемьича; озими вышли великолѣпныя и обрадованный Иванъ Артемьичъ занялся подготовкой земли къ весеннему посѣву. Настала зима и скучно потянулись коротенькіе дни и длинныя ночи. Иванъ Артемьичъ пожелалъ; вмѣсто обычныхъ трехъ кушаньевъ къ обѣду сталъ готовить только два; порѣзалъ свиней, гусей, индѣекъ, утокъ, но оставилъ себѣ очень мало, а все отправилъ въ городъ, продалъ и на вырученные деньги купилъ чаю, сахару и проч. Вмѣсто жукова табаку, сталъ курить дешевый мусатовскій, вина не пилъ никакого. Но помѣщику, у котораго имѣніе заложено, много заботъ, много дыръ, которыя требуется заткнуть. Самой емкой дырой является банкъ или общество, въ которомъ заложена земля.—1-е января и 1-е іюля самыя страшныя числа въ году. Съ приближеніемъ рововыхъ чиселъ этихъ сердце заемщика обливается кровью. Наступили рождественскіе праздники: Иванъ Артемьичъ опять отправился къ Блинову, и опять переживалъ на уплату процентовъ, а встать и на покупку сѣменъ къ веснѣ. Скучно потянулись зимніе дни, только и была одна отрада: Нада. Засадеть, бывало, съ ней старикъ въ дурачки играть и вечеръ проходилъ незамѣтно; а то попросить поиграть на фортепіанакъ, а самъ, закуривъ трубку, начнетъ ходить изъ угла въ уголъ, да ломать себѣ голову, какъ бы концы съ концами свести.

Наконецъ, подошла и весна. Прилетѣли грачи; на прутьяхъ скворечень залѣли скворцы; зазвенѣли въ воздухѣ жаворонки; солнышко засвѣтило; подулъ вѣтеръ съ теплой стороны, показались проталинки, загремѣли овраги ручьями, зимній путь рушился, вскрылась рѣка, сшибла нѣсколько мельницъ и плотинъ и Иванъ Артемьичъ ожилъ. Ожила и Нада. Ей хоть и минуло 16 лѣтъ, но сердце оставалось все тоже яное, дѣтское, увле-

кающеся. Она успѣла уже побывать въ полѣ и послушаться жаворонковъ; успѣла сходить на рѣку и посмотреть какъ бушующая рѣка, ломая оковы, громоздила льдины одну на другую; она успѣла уже покататься на лодкѣ по обширному разливу рѣки; успѣла побывать въ лѣсу и нарвать букетъ изъ синихъ подснежниковъ и, глядя на эти первые весенніе цвѣты, эти первые вѣстники наступающаго благоуханія, радовалась, какъ ребенокъ. Подошелъ и свѣтлый праздникъ Христовъ. Началось брашеніе яицъ, приготовленіе паски, куличей, окорочковъ; развѣшиваніе вышитыхъ и махрамаленныхъ омовныхъ занавѣсокъ; перетраніе картинъ и портретовъ; выставили одну раму и свѣжій воздухъ ворвался въ комнату. Послышалось чирканье воробьевъ, осыпавшихъ сосѣдній кустъ бузины, лай собаки, и Нада отъ восторга всплеснула руками!

Святая недѣля прошла, а съ Ѳоминной начался сѣвъ. Иванъ Артемьичъ пригласилъ священника, отслужилъ въ амбарахъ молебенъ съ водосвятиемъ, окропилъ сѣмена и работа закипѣла. Закипѣло поле труженниками-пахарями, покрылось ими словно муравьями, посыпались на землю вѣеромъ зерна и небожѣ, какъ въ недѣлю, посѣвъ былъ конченъ. Засвѣтило солнце, пошли перемочки и посѣянное частой щеткой полезло изъ земли. Начало весны было опять благопріятное, но затѣмъ наступила засуха и все погибло; погибли даже озими, столь много обѣщавшія и осенью и весной. Иванъ Артемьичъ упалъ духомъ, махнулъ рукой и пересталъ ѣздить въ поля. А между тѣмъ, 1-е іюля было уже не за горами; подходилъ новый срокъ платить проценты, а надежды на урожай исчезли. Въ окрестностяхъ пошли армарки; народъ потянулся обозами; кому надо было колеса купить, кому лопаты; кому понуждилось лишніе овецъ продать или коровенку; кому обмѣнять лошадь или купить новую, а кому и просто охота пришла на людей посмотреть и себя показать. Понадобились деньги и рабочимъ Ивана Артемьича; стали они одинъ по одному приходить къ нему, подѣхалъ и Гусевъ, торговецъ красивымъ товаромъ, у котораго, на грѣхъ-то, Иванъ Артемьичъ зимой еще набралъ въ долгъ рублей на сто товара. Начали всѣ эти люди приходить въ переднюю, кланяться, просить денегъ. Что тутъ дѣлать! Будь имѣніе не заложено, все бы можно было жить, а тутъ отъ думы отъ одной даже голова трещить. Ломалъ, ломалъ себя голову Иванъ Артемьичъ и порѣшилъ, наконецъ, ѣхать къ Блинову съ предложеніемъ купить у него десятинъ сто земли.

Блиновъ былъ простой мужикъ, но только по наружности, а не по душѣ, такъ какъ мужичей доброты и честности онъ не

имѣлъ. Съ малолѣтства занимаясь тарханствомъ и обманами, онъ купилъ десятинъ триста земли и сдѣлался 2 гильдіи купцомъ. Питаясь одной требухой да кашей, купецъ этотъ не замедлилъ разбогатѣть до того, что въ описываемое время имѣлъ уже тысячу до четырехъ десятинъ земли, которая и принимала какъ разъ къ дачѣ Ивана Артемьича. Жилъ купецъ Блиновъ на хуторѣ, въ грязной избѣ, окруженной свинными хлѣвами и равными плетневыми двориками, распространявшими зловоніе на далекое пространство. Всякій, незнавшій на хуторъ этотъ дороги, могъ разыскать его чутьемъ, какъ собаки разыскиваютъ падалъ. Стоило только версты на три приблизиться къ хутору, поднять носъ, потянуть въ себя воздухъ и вонь указывала путь. Какъ и всѣ купеческіе хутора, такъ и этотъ былъ построенъ на самомъ неудобнѣйшемъ мѣстѣ изъ всего участка; дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы не занимать постройками такой земли, которая могла бы идти въ сдачу. Прямо передъ хуторомъ былъ прудъ, образовывавшійся отъ скопленія весенней воды. Стоячая вода эта отъ времени, конечно, портилась, сдыхалась, какъ говорятъ, начинала тоже распространять зловоніе, а въ іюнѣ мѣсяцѣ пересыхала. На этомъ-то хуторѣ, запахъ котораго доносился иногда до самой усадьбы Ивана Артемьича, и проживавшемся «Вонючимъ», проживалъ купецъ Блиновъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Блиновъ отъ покупки у Ивана Артемьича ста десятинъ земли отказался, а предложилъ ему занять у него еще рублей тысячу или болѣе. Иванъ Артемьичъ сначала отказался, справедливо соображая, что новый заемъ еще болѣе спутаетъ его, но такъ какъ деньги были необходимы, а Блиновъ совершенно резонно доказалъ, что продажей ста десятинъ кому-либо другому, Иванъ Артемьичъ будетъ въ состояніи не только расплатиться съ Блиновымъ, но даже погасить часть банковскаго долга, то кончилось тѣмъ, что Иванъ Артемьичъ согласился съ приведенными доводами и занялъ у обязательнаго сосѣда еще тысячу рублей.

Подъѣзжая къ своей усадьбѣ, онъ увидалъ бѣжавшую къ нему навстрѣчу Надю. Надя вспрыгнула на дрожки и объявила отцу великую новость. Новость эта состояла въ томъ, что, отправившись за годами, она встрѣтила въ лѣсу охотившагося молодого человѣка, собака котораго такъ напугала ее, что она даже вскрикнула и выронила изъ рукъ картинку съ годами. Затѣмъ она познакомилась съ этимъ молодымъ человѣкомъ, который и оказался не кѣмъ другимъ, какъ сыномъ Блинова. Онъ только что прїѣхалъ изъ Москвы и выпросилъ у нея позволеніе явиться къ нимъ.

IX.

Блиновъ, дѣйствительно, не замедилъ визитомъ и на другой-же день послѣ встрѣчи съ Надей, подлетѣлъ на лихомъ киргизскомъ конѣ къ крыльцу Ивана Артемьича. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати съ небольшими, плотный, высокаго роста, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, голубыми глазами, только что пробивавшимися надъ пухлыми съ губами, усиками и рѣдкими бѣлыми зубами. Словомъ, это былъ типъ шустрого русскаго парня, попорченнаго Москвой. Войдя въ переднюю и пригавая доложить о себѣ, онъ бойко растегнулъ ремень съ наборомъ, сбросилъ суконную поддевку и, оставшись въ черномъ, модномъ сюртукѣ, развязно вошелъ въ маленькую залу, гдѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Надей.

Молодой Блиновъ только-что кончилъ курсъ въ какомъ-то коммерческомъ учебномъ заведеніи, въ которое былъ опредѣленъ отцомъ тотчасъ же по введеніи всеобщей воинской повинности, до тѣхъ же норъ неотлучно состоялъ при отцѣ, выикая въ хозяйство. Знакомство съ домомъ Ивана Артемьича молодому человеку пришлось по вкусу. Дни черезъ два, онъ пріѣхалъ опять, просидѣлъ почти цѣлый день, съигралъ на фортепіанѣхъ не безъ ошибокъ какую-то польку, а черезъ недѣлю явился снова, всякій разъ принося съ собою запахъ отцовскаго хутора. Въ концѣ-концовъ, всѣ эти поѣздки кончились тѣмъ, что молодой человекъ объявилъ однажды своему отцу, что онъ влюбленъ въ Надю, и что если отецъ не устроитъ его свадьбы съ ней, то онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Старикъ Блиновъ перепугался, заложилъ тележку и отправился къ Ивану Артемьичу.

Переговоры шли довольно долго и кончились, однако, тѣмъ, что старикъ Блиновъ отдѣлилъ сыну двѣ тысячи десятинъ земли, обѣщавъ выстроить новую усадьбу и съ сыномъ вмѣстѣ не жить, а предоставить молодымъ жить совершенно отдѣльно и самостоятельно. Условія эти немного помирли Ивана Артемьича съ дѣломъ, и такъ какъ молодой Блиновъ былъ не дурень собой и нравился Надѣ, то кончилось тѣмъ, что свадьба была сыграна и Надежда Ивановна Коршунова сдѣлалась кучихой Блиновой.

Впредь до постройки усадьбы, молодые оставались въ домѣ Ивана Артемьича, который, окончательно помирившись съ судьбой, даже началъ находить, что лучшей партіи для Нади нельзя было ожидать. Молодой человекъ былъ богатъ, красивъ собой, довольно образованъ, въ Надю влюбленъ по уши, наконецъ, со-сѣдъ, такъ что Ивану Артемьичу даже и разлучаться не при-

дется съ дочерью. Надя тоже была счастлива. Она ласкала мужа, восхищалась его подарками, каталась съ нимъ на прекрасныхъ рысакахъ и даже начала учить его французскому языку. Домикъ Ивана Артемьича оживился; въ деньгахъ нужды не было; пошли вечеринки, обѣды, завтраки, стали навѣщать гости и зима прошла незамѣтно. Съ наступленіемъ весны, молодой Блиновъ принялся за постройку усадьбы. Мѣсто было живописное. Лѣсъ, рѣка, а, главное, тѣмъ было хорошо, что изъ оконъ будущаго дома, какъ на ладони, видѣлась усадьба Ивана Артемьича; даже видно было какъ старикъ съ трубкою во рту и въ халатѣ выходитъ на свое крыльцо:

Сдѣлавшись самостоятельнымъ, Вася (такъ звали Блинова) принялся за хозяйство. Онъ началъ торговать хлѣбомъ, скушалъ пшеницу, ячменное сѣмя, горохъ; устроилъ контору и завалилъ ее разными образчиками въ мѣшечкахъ и узелкахъ и конторскими книгами. Въ конторѣ занимались постоянно два конторщика и бухгалтеръ. Стали получаться конверты, открытыя письма и телеграммы. Съ утра и до вечера въ контору приходили одиознѣе мужики въ тулупахъ, стучали смеренными лаптями, приносили съ собою холоды и хлѣбъ въ мѣшечкахъ и узелочкахъ и продавали его Васѣ. Раза два въ теченіи зимы Вася, вмѣстѣ съ женой, сѣдѣлъ въ Москву, но въ Москвѣ она видѣла Васю только тогда, когда они отправлялись въ театръ; остальное же время она сидѣла одна въ номерѣ гостиницы, а Вася уѣзжалъ по коммерческимъ дѣламъ. Раза два онъ возвращался домой пьянымъ; Надя пожурила его за это, но успокоилась, когда Вася увѣрилъ ее, что нилъ позволеніе, что въ коммерческихъ дѣлахъ нельзя обойтись безъ кутежа. Въ Москвѣ Вася продавалъ скупленный у мужиковъ хлѣбъ и возвращался домой.

Съ наступленіемъ весны, Вася еще усерднѣе занялся дѣлами. Въ контору къ нему опять стали приходить мужики: кто приходилъ снять землицы, кто травилъ подъ покровъ. Приходили какіе-то уполномоченные отъ общества, снимали выгоны, нарвница для всего общества; приходили и равные мужички *подъ работомъ* наниматься: паръ метать, луга косить, приходили иногда толпы бабъ и дѣвокъ. Не рѣшался войти въ контору, онѣ долго толкались, говорили одна другой: «Ну, иди, что-ль, чего боишься», наконецъ входили всѣ вдругъ гуртомъ, сморкались въ пострые фартуки, скалили бѣлые зубы и просили какихъ-то ермичковъ за работы. Вася цѣлые дни проводилъ внѣ дома. То онъ на пахотѣ, то на посѣвѣ, то на покосѣ, а когда пришла страшная пора, онъ пропагъ совершенно.

Надя цѣлые дни проводила опять въ саду, но иногда ходила

на гумно и удивлялась, что молотѣба хлѣба производилась у мужа совсѣмъ не такъ, какъ у отца. Тамъ хлѣбъ молотили или дѣлами, или лошадыми, а здѣсь дымили паровыя машины, чернѣйшій дымъ валилъ изъ трубъ, и хлѣбъ чистымъ зерномъ самъ уже сыпался обильно въ подвѣшанные мѣшки. Нѣмецъ-машинистъ въ засаленномъ пиджакѣ, съ заправленными за сапоги панталонами и съ лицомъ, выпяченнымъ сажей, суетился вокругъ паровика и кричалъ на мужиковъ: *эй, ты, собачій сынъ!* а на бабъ: *эй, ты, собачья дочь!*.. Не нравились Надѣ эти дерзкія слова, никогда не слыхала она, чтобы отецъ ея ругался такъ. Иногда, когда была она на гумнѣ, къ ней подходилъ Вася, весь покрытый пылью и мякиной, и совѣтовалъ идти домой. Изрѣдка прѣвѣжалъ къ нимъ старикъ Блиновъ съ хуторскимъ запахомъ, пилъ чай и удалялся съ сыномъ въ контору, гдѣ обыкновенно и бесѣдовалъ съ нимъ подолгу. Разъ какъ-то Надя не вытерпѣла, подошла къ двери и подслушала разговоръ ихъ. Оказалось, что старикъ дѣлалъ выговоръ сыну, что не такъ онъ водить хозяйство, что дѣйствовать такъ размахисто нельзя, что всѣ эти конторы, бухгалтеры и паровики съ нѣмцами до добра не доведутъ, но Вася тутъ же грубо и дерзко оборвалъ отца. И видѣла Надя въ щелку, какъ Вася съ раскраснѣвшимся лицомъ и съ какими-то злыми глазами объявилъ отцу, чтобы онъ въ чужія дѣла не вмѣшивался, что онъ, Вася, и самъ съумѣетъ справиться съ дѣлами, что онъ самъ не глупѣе его, самъ держитъ всѣхъ въ своихъ рукахъ и потому учить его нечего! А въ доказательство того, что дѣла его идутъ блестящимъ образомъ, Вася указалъ на свои барыни, при видѣ которыхъ старикъ Блиновъ даже ахнулъ отъ восторга. Надя даже испугалась. Больше всего не понравилась ей грубая рѣчь, съ которой обратился сынъ къ отцу, и эти злые глаза Васи, такіе злые, какими она никогда не видѣла ихъ.

И стала Надя молча наблюдать за мужемъ. Ей страннымъ показалось, что никто не любитъ его. Домашняя прислуга и рабочіе не уживались: поживуть мѣсяць-другой и уйдутъ. Не разъ слышала Надя, какъ мужики, выходя изъ конторы съ деньгами въ рукахъ, на что-то ворчали и говорили часто: «Нашто такъ дѣлаютъ, такъ дѣлать нельзя!», а выйдя на дворъ, принимались кричать и грозить мировымъ. Видѣла Надя, что Вася все чаще и чаще возвращался домой раздраженнымъ, съ злыми, бѣгающими глазами и блѣдными губами. Надѣ казалось страннымъ, что рѣдкій мужикъ, встрѣчавшійся съ нимъ, кланялся Васѣ, тогда какъ бывало отцу ея кланялись всѣ и, снявъ шапку, долго кивали улыбающимся лицомъ. Точно такъ же и въ церкви: никто, бы-

ство гимназій даже на улицѣ имѣло возможность указать ученику тотъ параграфъ инструкціи, который имъ нарушенъ. Органскій, какъ-то разъ забывшій застегнуть три пуговицы мундира и имѣвшій несчастье встрѣтиться на улицѣ съ директоромъ, былъ немедленно остановленъ и отправленъ въ карцеръ на три часа (за каждую пуговицу по часу). Поступокъ этотъ раздражилъ Органскаго, но онъ затаилъ это чувство и безирекословно высидѣлъ назначенный ему срокъ. Директоръ гимназій этой, чехъ, плохо говорившій по русски, коверкавшій ударенія, требовалъ, однако, чтобы дѣти, проивнося латинскія слова, удареній не во-веркали и за каждое неправильно сдѣланное удареніе оставилъ безъ обѣда. Большая часть учителей была, конечно, тоже изъ чеховъ и отличалась тою же строгостію. Ни ласковаго слова, ни доброй улыбки не видали серьезно вытаращенные на учителя дѣтскіе глазенки. Строгость и аккуратность—вотъ что было только написано на лицахъ этихъ педагоговъ. Тяжко было и Органскому, хотя онъ и не былъ избалованъ нѣжностію отца и матери. Сшивъ себѣ мундирчикъ, онъ даже съ какою-то радостію вставлялъ въ корридоры гимназій, но, увидавъ въ корридорахъ строгія лица начальства, услыжавъ странную русскую рѣчь, въ которой поминутно слышалось вмѣсто *прошу*—*прдшу* и т. п., увидавъ слезы мальчугановъ, приговоренныхъ къ наказанію, сердце Органскаго сжалось и ребяческая радость исчезла мгновенно. Ему показалось страннымъ, что даже во время перемѣны, даже на улицѣ не позволялось дѣтамъ ни порѣзвиться, ни посмѣяться. Ему какъ-то показалось не то страннымъ, не то натянутымъ, что въ церкви во время богослуженія выстраивали гимназистовъ вдоль боковыхъ стѣнъ церкви, а посрединѣ, между двумя этии колоннами, на разосланномъ коврѣ торжественно стоялъ директоръ, нигдѣ позади себя немного поодаль инспектора. И, не смѣя пошевеливаться, Органскій стоялъ словно одурѣлый и не моллился.

Мѣсяца черезъ два или черезъ три послѣ поступленія Органскаго въ гимназію, его чуть было не выгнали. Исторія состояла въ слѣдующемъ. Какъ-то разъ, во время перемѣны, когда въ классѣ не было начальства, Органскій сталъ бороться съ товарищемъ (родственникомъ самого класснаго наставника); во время борьбы, товарищъ Органскаго разбилъ оконное стекло и свалилъ вину на Органскаго. Но когда Органскій сталъ оправдываться и объявилъ классному наставнику, что стекло разбито не имъ, а его противникомъ и что наказаніе онъ перенесетъ напрасно, незаконно, то наставникъ ударилъ Органскаго по щекѣ. На совѣтѣ было положено исключить Органскаго и, только благодаря просьбамъ какаго-то вліятельнаго человѣка, наказаніе это было замѣ-

Органскій принялся за учебникъ латынскаго языка, но латынь не давалась ему, книги для дѣтскаго мозга зацѣлымъ ночамъ ломалъ онъ никакъ не могъ понять ихъ; аже и выкинуть не хотѣлъ, то, что понимаетъ онъ.

по мѣрѣ того, какъ Органскій и мужало раздражаніе. Онъ пошелъ въ гимназію и перешелъ въ что путь изъ этого училища опять до конца. Его поддержало носить мундиръ классическаго самолюбіемъ, шелъ дальше.

былъ переведенъ въ шестой классъ и на радостяхъ, заставъ къ себѣ и напившись пьянымъ пошелъ къ директору. Замѣтивъ, что онъ мундиромъ и что отъ него пошелъ совѣтъ и Органскій былъ доволенъ своимъ поведеніемъ. Органскій ахнулъ отъ разрыва между небомъ и землей.

Органскій принялся искать себѣ работу, но въ мѣсяцъ не достигло крайнихъ размѣровъ. Онъ переходилъ изъ одного трактира въ другой на подаваніемъ. Онъ училъ дѣтей грамоте, писалъ статьи въ газеты, и такъ, что всеаго стоявшаго выше ненавидѣвшаго ниже презиралъ. Онъ потерялъ уваженіе и даже похвалялся этимъ

дѣтскаго, жизнь въ домѣ Васи немного измѣнилась, угольнуть передъ ничемъ неимѣвшимъ пріателемъ урядился, чтобы обѣдъ приготовлялся получше, Васямъ подавалась непремѣнно водка и закуска. Вася пріѣзжалъ Иванъ Артемьичъ, составлялся даже Васкорѣ послѣ чая, подавалась опять закуска и Вася и не сходила со стола вплоть до ужина. Въ карты Вася игралъ, но Органскій игралъ такъ счастливо, что Вася проигрывалъ въ выигрышѣ. Органскій и Вася выпивали умѣренно, такъ къ концу вечера какъ-то всегда выходило, что у обоихъ разгорались, лица покрывались

цесть, а разговоры оживлялись на столько, что часто переходили въ споры и продолжались далеко за полночь.

Въ первые дни прїѣзда Органскаго, Вася затаскалъ его по полямъ и лугамъ. Онъ возилъ его съ собою повсюду, на пахоту на овчарню, въ лѣсъ, на скотный дворъ; показывалъ то мѣсто, гдѣ собирался запрудить рѣку и построить крупчатку; водилъ его по амбарамъ, сушилкамъ; но скоро Органскому все это надоѣло и онъ объявилъ Васѣ, что шататься съ нимъ больше не намѣренъ и что съ завтрашняго же дня займется итальянской бухгалтеріей. Вася предоставилъ прїятелю распорядиться временемъ какъ онъ хочетъ, а самъ опять принялся за свое хозяйство и возвращался домой только къ обѣду, да вечеромъ.

Итальянская бухгалтерія, однако, двигалась весьма медленно. Нѣсколько разъ принимался Органскій заниматься ею съ бухгалтеромъ, но всякій разъ бросалъ занятія при самомъ началѣ и уходилъ въ свою комнату, ложился на кровать, бралъ какую нибудь книгу и въ такомъ положеніи лежалъ до обѣда.

Однажды какъ-то Вася загналъ съ луговъ пять лошадей. Обстоятельство это сильно его раздражило; онъ ругалъ мужиковъ, кричалъ, шумѣлъ, а когда явились хозяева лошадей этихъ, то онъ чуть не исколотилъ ихъ и объявилъ, что до тѣхъ поръ не возвратитъ лошадей, пока не принесутъ ему десять рублей штрафа. Мужики упали на колѣна, просили помиловать и объявили, что у нихъ нетолько нѣтъ десяти рублей, но даже и рубля нѣтъ. Вася посоветывалъ имъ замять и объявилъ снова, что безъ десяти рублей лошадей не отдастъ. Когда мужики объявили, что десяти рублей имъ никто не повѣритъ, то бывший тутъ же Органскій вынулъ изъ портъ-моне выигранныя имъ въ карты деньги, отсчиталъ десять рублей и, отдавъ ихъ мужикамъ, вышелъ изъ комнаты. Вася взялъ деньги и приказалъ возвратитъ лошадей мужикамъ. Все это видѣла Нада и какъ-то неловко сдѣлалось ей за мужа.

Эта, повидимому, ничтожная сцена много измѣнила взглядъ Нади на Органскаго. Онъ уже не казался ей страшнымъ, грубымъ и певѣжей; напротивъ, она стала находить въ немъ много добраго, а странности и безцеремонность стала приписывать просто дурному воспитанію. Она даже пришла къ такому заключенію, что бѣдному человѣку, какинъ былъ Органскій, и не слѣдовало иначе держать себя въ домѣ богатаго Васи, такъ какъ въ противномъ случаѣ Вася этотъ непремѣнно бы зазнался.

Измѣнился и Органскій въ мнѣніяхъ своихъ о Надѣ. Шляясь по сосѣднимъ деревнямъ и селамъ, онъ узналъ о Надѣ много хорошаго. Она была извѣстна всему околодеу; ее помнили еще

ребенкомъ, помнили дѣвушкой и, наконецъ, знаютъ ее и женой Блинова. Изъ разсказовъ было видно, что всѣ ее любили, что у нея доброе и любящее сердце, что прежде она много дѣлала добра; всѣ жалѣли, что въ мужа ей достался такой аспидъ, хуже котораго нѣтъ во всемъ околodge. Слѣдствіемъ всего этого было, что Органскій какъ-то рѣже сталъ отлучаться изъ дома и большую часть дня проводилъ съ Надей. Верстахъ въ десяти отъ усадьбы Блинова, былъ помѣщикъ, который имѣлъ порядочную бібліотеку; познакомившись съ нимъ, Органскій бралъ у него книги и читалъ Надѣ вслухъ. Сначала чтенія эти не нравились Надѣ, но мало-по-малу она начала интересоваться и дошла до того, что даже сама стала читать по ночамъ. Они прочли много русскихъ и переводныхъ романовъ и воображеніе Нади разитрывалось все болѣе и болѣе. Однажды, Органскій прочелъ ей Антона Горемыку; повѣсть произвела на Надю тяжелое впечатлѣніе. Ей было жалъ несчастнаго Антона, она чуть не плакала надъ судьбою этого несчастнаго крестьянина, но Органскій отрезвилъ ее. Онъ описывалъ ей положеніе современнаго Антона-Горемыки, его обстановку, его трудъ, его отношенія къ купцу-землевладѣльцу, къ кабаку, къ покущику хлѣба, къ волостному писарю, пону, мѣстному торгашу, и набросалъ картину, полную правды и красокъ.

Эти постоянныя чтенія и бесѣды съ глазу на глазъ сблизили ихъ настолько, что между ними, наконецъ, не замедлило завязаться нѣчто въ родѣ дружбы. Разговоры начали принимать болѣе интимный характеръ. Они стали прогуливаться по саду, по лѣсу, примыкавшему къ дому, по полямъ, заходили иногда въ крестьянскія избы. Надя даже не подозрѣвала, что жизнь крестьянина далеко не такъ радужна, какою казалась ей до сихъ поръ; что сухари съ кваскомъ, которыми она когда-то восхищалась въ дѣтствѣ, можно ѣсть только отъ голода; что пахарю на загонѣ далеко не такъ весело, какъ это казалось, что ему недосугъ любоваться солнышкомъ, которое только печетъ его; что ему некогда прислушиваться къ пѣнію жаворонковъ и смотрѣть на перебѣгающихъ зайчиковъ, такъ какъ онъ долженъ думать объ томъ, чтобы всю работу произвести своевременно. Надѣ было совершенно ново, когда узнала она, что крестьянская женщина, которую видѣла она въ церкви, на полюсѣ, подъ качелями, на базарѣ, далеко не такъ счастлива, какъ это ей казалось. Говорить много Органскій и про купцовъ, и, слушая его, въ ея головѣ обрисовался образъ Васи, этого представителя молодого, образованнаго купечества. Она даже испугалась. Ко всему этому присоединилась и слѣдующая исторія, весьма много повліявшая

на судьбу Нади. Какъ-то, въ одиннадцатъ часовъ ночи, загорѣлся амбаръ у Васи: подъ амбаромъ нашла солому и нѣсколько коробокъ спичекъ. Пожаръ былъ затушенъ при началѣ, но поджогъ все-таки былъ ясенъ. За открытіе поджигателя Вася обѣщала много денегъ. Онъ кричалъ, шумѣлъ, грозилъ виновнаго сгноить въ Сибирь, сбилъ съ ногъ полицію и слѣдователей, но все было напрасно и виновникъ остался не открытымъ; одна только Наде открыла его, сознавая въ душѣ, что виновникомъ былъ самъ Вася.

Такъ шло время, и дружба между Органскимъ и Надей начала принимать иной видъ. Не разъ Органскій, сидя съ Надей и разговаривая съ нею, началъ засматриваться на ея нѣжную шею, на ея бѣлыя маленькія руки, на ея изящно, но просто-убранные волосы, и огонь разливался по всѣмъ его жиламъ. Онъ быстро вставалъ тогда съ мѣста, оставлялъ Надю и пропадалъ на нѣсколько дней. Надѣ невыносимо скучно было въ это время. Привыкнувъ быть всегда съ Органскимъ, слушать его, говорить съ нимъ, она рѣшительно не знала что ей дѣлать. Она начала сердиться на него за его отсутствіе, начала упрекать его. Органскій молчалъ и только изподлобья, нахмуривъ брови, смотрѣлъ на Надю. Прошло еще съ недѣлю. Какъ-то разъ Надя получила модный журналъ и, увидавъ въ немъ русскій костюмъ, пришла въ восторгъ отъ него. Надя принялась за работу и дня черезъ три уже явилась въ гостиную въ новомъ костюмѣ; Вася пришелъ въ восторгъ, а Органскій не спускалъ глазъ съ нея. Онъ любовался ея волновавшеюся грудью, ея станомъ, перевитымъ лентой, ея маленькой ногой.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, когда схлынулъ жаръ, Надя отправилась къ отцу пѣшкомъ показывать костюмъ и пригласила съ собой Органскаго. Этотъ шагъ былъ рѣшительнымъ въ жизни Нади.

Неизвѣстно почему, но и Органскій и Надя, возвращаясь отъ Ивана Артемьича, какъ только отделились отъ усадьбы, почувствовали какую-то неловкость. Они были совершенно одни. Высокая рожь стѣной возвышалась по обѣимъ сторонамъ извивавшейся дороги; ни людского голоса, ни грома телеги не было слышно. Все кругомъ словно замерло, притаялось, прислушивалось къ шагамъ шедшихъ по дорогѣ. Надѣ даже жутко сдѣлалось. Она готова была воротиться назадъ и попросить отца дать имъ лошадь, но не воротилась потому только, что постыдилась Органскаго. Они шли подъ руку и чувствовала Надя, какъ дрожала рука Органскаго, какъ дрожалъ онъ самъ и дрожь эта разлѣктризовывала ее. Сумерки становились все гуще и

гуще; уже не зеленой, а темной массой возвышалась рожь по бортам дороги; ни усадьбы Ивана Артемьича, ни усадьбы Блинова за сумерками не было видно. Они были на срединѣ пути и кругомъ никого. Органскій остановился. Бровь хлынула ему въ голову, въ глазахъ забѣгали огоньки, голова закружилась, въ вискахъ застучало и, не будучи въ силахъ владѣть собою, онъ обнялъ Наду...

Съ тѣхъ поръ, Наду узнать было нельзя; она точно переродилась. Веселость ея пропала, брови сдвинулись, глаза смотрѣли вдумчиво и то, что занимало и радовало ее наканунѣ, въ настоящую минуту точно опыстѣло. На Васю было ей тяжело смотрѣть: изъ добраго, престогаго русскаго парня онъ преобразился въ какого-то плантатора. Она начала избѣгать его и только въ Органскомъ видѣла идеалъ честности. Перемены этой Вася, однако, не замѣчалъ; весь погруженный въ хозяйственныя хлопоты и занятый, сверхъ того, постройкой крупчатки, онъ продолжалъ проводить день вѣдъ дома, а возвратившись домой, исправно пилъ, ѣлъ и затѣмъ ложился спать. Отъ одного только Ивана Артемьича не ускользнула перемена Нади, и, глядя на дочь и на Органскаго, онъ какъ будто догадывался, въ чемъ дѣло. Старикъ почти каждый день сталъ навѣщать дочь и, къ великой досадѣ Органскаго, проводить съ нею цѣлые дни. Онъ даже однажды рѣшился замѣтить Васѣ, что онъ слишкомъ уже предается хозяйству, что напрасно оставляетъ жену одну, что она безъ него скучаетъ, но Вася только расхохотался и объявилъ, что нельзя же ему быть вѣчно вождѣмъ жены, что у него есть дѣла и что, сверхъ того, Нада вовсе не одна, а съ Органскимъ, который и читаетъ ей, и гуляетъ съ нею.

Такъ прошло еще съ недѣлю. Органскій смѣтилъ подозрѣнія Ивана Артемьича и держалъ себя на сторожѣ. Онъ сталъ говорить старику, что деревня ему надоѣла, что онъ надихъ уѣзжаетъ въ городъ, что получилъ хорошее мѣсто. Иногда, еще издали завидѣвъ Ивана Артемьича, Органскій или вовсе уходилъ изъ дома или же шелъ въ контору, и выходилъ только къ обѣду, а пообедавъ, снова исчезалъ. За то когда оставался съ Надей воедино, когда онъ былъ убѣжденъ, что ни чей подозрительный глазъ не наблюдалъ за нимъ, онъ весь предавался страсти.

Нада спрашивала себя: что ей дѣлать? Честно ли будетъ съ ея стороны, если она не откроетъ мужу своей любви къ Органскому? Честно ли будетъ скрыть это предъ мужемъ и притворяться въ любви къ нему? Затѣмъ она спрашивала, виновата ли она? Выходя замужъ за Васю, она видѣла въ немъ одно,

а теперь другое. Зачѣмъ Вася тогда же не показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ на дѣлѣ?

Кончилось тѣмъ, что Надя убѣжала изъ дома мужа, оставивъ ему письмо, въ которомъ откровенно и подробно объявила о причинѣ побѣга.

Побѣгъ Нади произвелъ на Васю совершенно своеобразное впечатлѣніе. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ было связать въ Малиновку, за косы притащить домой Надю, засадить подѣ замокъ и томить голодомъ и жаждой. Онъ былъ не огорченъ, а возбужденъ и въ порывѣ бѣшенства придумывалъ казни и замѣнялъ ихъ одну другою! Затѣмъ, онъ самъ осѣдлалъ лошадей и, оснадивъ ее ударами нагайки, полетѣлъ къ Ивану Артемьичу. Объяснивъ ему о случившемся, онъ, дрожа отъ гнѣва, такъ накричалъ и на шумѣлъ, что старикъ долженъ былъ скрыться и только этихъ заставилъ Васю оставить его домъ. Послѣ того, Вася полетѣлъ къ отцу. Старикъ Блиновъ, выслушавъ сына, ни мало не удивился случившемуся; объявилъ, что все это нынче въ модѣ, что все это онъ предвидѣлъ. «Мужикъ долженъ всѣхъ мужичку, говоритъ онъ:—а ты полѣзь къ господамъ! Женнлся-бы на какой-нибудь попроще и никакнхъ-бы этихъ пакостей не было, потому что жену простую можно всегда держать въ страхѣ!» Въ заключеніе старикъ посовѣтывалъ сыну на все это *пмонуть*, а чтобы окончателно утѣшить Васю передалъ ему векселя Ивана Артемьича. При видѣ векселей этихъ Вася даже задрожалъ отъ радости и на другой-же день представилъ ихъ ко взысканію.

Совершенно иначе повліяло случившееся на Ивана Артемьича. Сначала онъ долго не вѣрилъ этому, но когда убѣдился, что Надя, которую онъ такъ недавно еще нянчилъ на рукахъ, бросила мужа и убѣжала къ Органскому, онъ захворалъ. Старческий организмъ не вынесъ...

По смерти его, Надя вступила во владѣніе имѣніемъ, но, оказалось, что оно было до того обременено долгами, что въ ту же зиму было продано съ аукціона и куплено Васей.

XI.

Поселившись въ селѣ Малиновкѣ, въ качествѣ сельскаго учителя, съ жалованьемъ въ размѣрѣ тридцати рублей въ мѣсяцъ, Органскій не сумѣлъ поладить. На другой-же день его приѣзда, къ нему пришли старики поздравить съ новосельемъ. Органскій послалъ за водкой, напился съ ними и кончилъ тѣмъ, что первый свалился подѣ столъ. Тѣмъ не менѣе, онъ съ жаромъ при-

иаяся за дѣло. По звуковому методу онъ вскорѣ добился того, что дѣти поняли азбуку и стали разбирать печатное. Нагляднымъ преподаваніемъ онъ далъ имъ понятіе о томъ, что такое земля, планеты, кометы и спутники. Растолковалъ, почему бываетъ день и ночь, почему бываютъ лунныя и солнечныя затмѣнія; гдѣ востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, что называется сушей и водой, и такъ сумѣлъ занять и заинтересовать дѣтей, что они даже съ охотой стали посѣщать школу. Вспомнивъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на него строгіе педагоги гимназій, вспомнивъ ихъ сухой начальнический тонъ и весь вредъ, происшедшій отъ этого, Органскій поставилъ себя къ дѣтямъ въ дружескія отношенія, добился ихъ любви. Онъ всматривался и изучалъ характеръ каждаго мальчика отдѣльно, степень его физическаго здоровья, его способностей и, соображаясь со всѣмъ этимъ, руководилъ мальчигомъ такъ или иначе. Занимаясь съ дѣтми, онъ снова переживалъ свою школьную жизнь и каждый свой шагъ регулировалъ тѣми впечатлѣніями и выводами, которые дѣтская еще голова его вырабатывала, глядя на холодныхъ педагоговъ. Онъ по себѣ зналъ, что первые шаги эти имѣютъ вліяніе на всю жизнь человѣка, и что если пугнуть ребенка, только что поднявшаго ногу, чтобы сдѣлать шагъ, то онъ можетъ упасть и убитъся.

Но всѣ эти благія начинанія были непродолжительны. Что было причиной этого, неустойчивость-ли Органскаго или переѣздъ къ нему Надежды Ивановны, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Органскій къ дѣлу охладѣлъ. Приѣздъ Надежды Ивановны поразилъ его; онъ никакъ не ожидалъ такой развязки своего романа, но чувство еще свѣжей, неостывшей любви, а впоследствии, и небольшое наследство Надежды Ивановны мирили его съ этимъ новымъ положеніемъ. Онъ отвелъ Надеждѣ Ивановнѣ комнату въ своей квартирѣ и, выдавъ ее за свою родственницу, зажилъ самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ свелъ знакомство съ своей аристократіей села Малиновки: съ Семеномъ Иванычемъ, Катериной Васильевной, священникомъ, судебнымъ приставомъ, фельдшеромъ и корреспондентомъ Кургановымъ, и незамѣтно отдалился отъ школы. Пошли пирушки, картишки, попойки, и Органскій все чаще и чаще приходилъ домой въ самомъ веселомъ настроеніи. Надежда Ивановна, при видѣ такихъ Органскаго, смѣлась, косматила ему кудрявые волосы и, подведя къ зеркалу, заставляла его любоваться собой. Вѣсть съ этимъ она и журила его, говорила, что такъ часто *кутится* не хорошо, но Органскій увѣрялъ, что все это онъ дѣлаетъ потому только, что ему надо сойтись съ людьми, отъ которыхъ зависить

его судьба. Видя, что Органскій часто сталъ манкировать своими обязанностями, ограничивался болѣею частію, подобно бывшимъ своимъ педагогамъ, задаваніемъ уроковъ *отъ смысла и до смысла*, а иногда и вовсе не являлся въ классъ, Надежда Ивановна начала помогать Органскому и вмѣсто него заниматься съ дѣтьми.

Надежда Ивановна повела дѣло это серьезнѣе Органскаго и цѣлые дни проводила среди своихъ маленькихъ друзей. Утромъ она занималась съ ними въ школѣ, а послѣ обѣда уходила въ лѣсъ, въ поля, въ луга, знакомила ихъ съ ботаникой и естественной исторіей. По праздникамъ, она ходила съ ними въ церковь, а послѣ объяснила что такое литургія, и что именно изображаетъ собой. Получивъ поверхностное образованіе, она сознала, что ей и самой приходится учиться. Но она не испугалась этого. Продавъ все-что нѣтъ имущества отца, она накупила себѣ новѣйшихъ руководствъ русскихъ и иностранныхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, выписала два-три дѣтскихъ журнала и принялась все изучать не съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ хватался за все Органскій, а съ терпѣніемъ и усидчивостью. Надежда Ивановна купила даже за пятьдесятъ рублей плохенькія фортепіано и съ помощію этихъ клавикордовъ стала обучать дѣтей церковному пѣнію, такъ что къ Рождеству хоръ ея весьма стройно пропѣлъ обѣдню и концертъ. Все это не ускользнуло отъ наблюдательности и прозорливости русскаго мужика, и вотъ эти мужики, сразу понявше Органскаго, поняли и Надежду Ивановну.

Между тѣмъ положеніе Органскаго дѣлалось все хуже и хуже. Жалованья не хватало, и онъ безцеремонно сталъ тащить принадлежавшее Надеждѣ Ивановнѣ. Сначала онъ дѣлалъ это тайно, украдкой, но когда Надежда Ивановна, замѣтившая исчезновеніе нѣкоторыхъ вещей, стала все припрятывать и запирать, то Органскій сталъ уже требовать отъ нея «субсидіи». Прежде онъ бралъ у нея въ займы, а потомъ прямо сталъ говорить, что онъ не можетъ содержать на получаемое имъ жалованье и себя и ее, и что она обязана помогать ему. Надежда Ивановна продавала что-нибудь и отдавала деньги Органскому. Онъ не переставалъ увѣрять ее въ любовь, но въ душѣ начиналъ таготиться ей. Все чаще и чаще онъ началъ пропадать изъ дома, а иногда возвращался только тогда, когда выходили деньги, и только за тѣмъ, чтобы снова заручиться ими. Въ одну изъ попойекъ онъ поссорился съ волостнымъ писаремъ и послѣдствіемъ ссоры этой было то, что на другой же день «начальство» явилось къ Органскому на квартиру и потребовало отъ него *видъ* Надежды Ивановны. Трудно сказать тѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибы Надежда Ивановна въ тотъ-же день не поспѣшила къ волостному

писарю. Писарь этотъ былъ изъ чиновниковъ и потому ходилъ съ кокардой. Кое-какъ упростила она его дать ей время на выpravку *суда*, подарила 10 рублей, обѣщала выхлопотать видъ досурѣе и съ слѣдующей же почтой написала Васѣ письмо, въ которомъ просила его о высылкѣ ей свидѣтельства. Вася письмо это разорвала и отвѣтилъ женѣ, что онъ не только не вышлетъ ей просимаго свидѣтельства, но, напротивъ, черезъ полицію вытребуетъ ее къ себѣ и заставитъ ее быть горничной у проживающей у него французкини. Письмо это такъ разстроило Надежду Ивановну, что она слегла въ постель и прохворала недѣли двѣ.

Наконецъ, имущество Надежды Ивановны окончательно исчезло, надо было даже продать фортепьяны, а Органскій не переставалъ требовать денегъ. Дѣло дошло до того, что дѣйствительно нечего было ѣсть, и вотъ въ эту-то самую минуту произошелъ тотъ *скандалъ*, которымъ начался настоящій рассказъ.

XII.

Домикъ, въ которомъ жилъ учитель Органскій, имѣлъ видъ длиннаго флигеля. Онъ былъ крытъ соломою и съ лицевой стороны имѣлъ крылечко съ выѣской «Малиновская сельская школа». По бокамъ крылечка были палисаднички, обнесенные частоколомъ и густо заросшіе кустами акаціи и сирени. Частоколь этотъ не носѣвали поправлять, потому что чуть ли не каждый проходій, для защиты себя отъ нападенія собакъ, изобиловавшихъ въ селѣ Малиновкѣ, вытаскивалъ изъ него палку. Флигель этотъ стоялъ на базарной площади села, на удаленіи отъ кабака и лавки Семена Иваныча и обширными сѣнами раздѣлялся на двѣ равныя половины. Одну половину занимало училище, а другую, перегородженную на двѣ небольшія комнаты, учитель Органскій. Изъ корреспонденцій Курганова мы уже знаемъ, что квартира Органскаго имѣла самый печальный видъ. Тѣмъ не менѣе она все-таки не была такъ ужасна, какъ описалъ ее Кургановъ: по примѣру другихъ корреспондентовъ, увлекся и онъ. Двѣ комнаты, предназначенныя для учителя, были дѣйствительно небольшія, но половныя доски ни чуть не ходили подъ ногами, подобно клавишамъ, а равно и клопы не выглядывали изъ щелей. Мебели почти не было никакой, это правда, но виновникомъ этого было не общество крестьянъ села Малиновки, а самъ Органскій. Базарная площадь, на которой находилось училище, было самымъ веселымъ и бойкимъ мѣстомъ села. Здѣсь находились ряды и гостинный дворъ, въ которомъ по базарнымъ

днямъ происходила торговля краснымъ товаромъ; нѣсколько на-
вѣсовъ для торговли, производящейся съ возовъ; лавка овошнихъ,
колоніальныхъ, бакалейныхъ и слобанныхъ товаровъ Соколова;
такая же лавка Семена Ивановича; два кабака съ продажей вина
распивочно и на выносъ и два трактира «Шлевна» и «Констан-
тинополь», съ продажей пива только распивочно. Въ патриотиче-
скихъ заведеніяхъ этихъ какъ крестьяне села Малиновки,
такъ и населеніе окрестныхъ деревень и хуторовъ пропивали не-
только то, что можно было пропить, но даже и то, что пропи-
вать не слѣдовало. Въ этихъ кабакахъ и трактирахъ производи-
лось все: пьянство, кража, драки, буйство, картежная игра, но-
щенничество, уговоры на крупныя преступленія и проч. Здѣсь
открыто практиковался развратъ въ самыхъ грязныхъ и отвра-
тительныхъ видахъ, увлекались дѣвушки, распутничали
женщины, развращалась молодежь. Перехода изъ одной лавки
въ другую, изъ одного кабака въ другой, изъ «Шлевны» въ «Кон-
стантинополь», толпа, раслѣвая пѣсни съ гармониками и бала-
лайками, теряла, наконецъ, всякое сознаніе. А что производи-
лось ночью, когда тѣма окутывала своимъ чернымъ покрываломъ
и эти кабаки, и эти прилежавшія къ площади гумна, огороды и
коноплянники—невозможно передать.

Но не для однихъ крестьянъ базарная площадь села Малиновки
служила мѣстомъ *развлеченій*. Сюда въ базарные дни стекались
окрестные жители и другихъ сословій. Здѣсь можно было встрѣ-
тить и почтеннаго купца, покупавшаго у обезумѣвшаго отъ вина
мужичка его трудовой хлѣбъ, и щеголеватыхъ купеческихъ сны-
ковъ въ поддевахъ, перетянутыхъ наборными ремнями, приѣхав-
шихъ посмотрѣть на деревенскихъ красавицъ, и купеческихъ
приващивовъ съ бѣгающими волчьими глазами и съ нагайками
въ рукахъ, и всю аристократію села Малиновки. Вся эта ком-
панія начинала свои кутежи сначала въ лавкахъ, въ *железку-
кахъ*, а когда головы достаточно разгорячались, компанія переходила
въ «Шлевну» и «Константинополь», куда на «чашку чая»,
приглашались и деревенскія красавицы. Ловкіе трактирщики
обдѣлывали дѣла свои какъ нельзя чище. Купчики здѣсь въ одну
ночь оставляли по нѣскольку радужныхъ, а въ слѣдующіе
дни занимались придумываніемъ, какъ бы вернуть эти радужныя
изъ другихъ источниковъ. Они обчитывали рабочихъ, переры-
вали старыя бумаги, разыскивали оплаченныя росписки безъ
платежныхъ надписей и подавали ихъ во взысканію. Они взы-
скивали неустойки за несвоевременный платежъ за землю и т. п.
И только тогда, когда прокученные радужныя возвращались на-
задъ, успокоивались. На этой же площади, въ этихъ же тракти-

какъ и кабакачь, ловили кліентовъ и мѣстные адвокаты. Всѣ они ходили по площади съ уставами подѣ мышками, а такъ какъ въ Малиновкѣ была и камера мирового судьи, то, конечно, въ кліентахъ недостатка не было. Адвокаты эти, или какъ прозвали ихъ народъ, *брежумы*, бродя изъ одного заведенія въ другое, подраздѣлили ихъ даже на инстанціи. Такъ, кабакачь, стоявшій на берегу оврага, принадлежалъ къ первой инстанціи, кабакачь Семена Иваныча, какъ болѣе обширный и крытый желѣзомъ— къ второй, а трактиры «Шлевна» и «Константинополь» составляли третью, высшую инстанцію. Начавъ выпивку въ кабакачь, возлѣ оврага и оставшіеся ею недовольными, они апеллировали въ заведеніе Семена Иваныча, а затѣмъ, найдя и тамъ какое-нибудь упущеніе, переносили свои дѣла въ «Шлевну» или «Константинополь». И все это, въ концѣ-концовъ, завершалось драмой, глядя на которую, трактирщики съ хохотомъ замѣчали: «Что-жъ тутъ подѣлаешь! воли люди, которые законы подѣ мышками носятъ, и тѣ дерутся, такъ намъ, темнымъ людямъ, и подавно можно!»

Среди этой-то площади, пропитанной постоянно запахомъ спирта, помѣщалась малиновская сельская школа, къ которой и направились въ данную минуту Семенъ Иванычъ съ бутылкой и колбасой въ карманѣ и Кургановъ съ номеромъ газеты «Простыня». Въ сѣняхъ ихъ встрѣтилъ кривой сторожъ.

— Григорій Иванычъ дома? спросилъ его Семенъ Иванычъ.

— Дома, только что пришелъ.

Обстоятельство это какъ будто удивило Семена Иваныча.

— Какъ, откуда? вскрикнулъ онъ.

— На лодкѣ, никакъ, катался съ кѣмъ-то!

— А ночеваль-то онъ дома?

— Дома. А чуть свѣтъ уходилъ и вотъ передъ вами только вернулся.

Удивленіе Семена Иваныча возросло еще болѣе, когда, войдя въ квартиру учителя, онъ увидалъ его не только не тоскующимъ, (Семенъ Иванычъ думалъ, что послѣ разлуки Органскаго съ Надеждой Ивановной, онъ непременно будетъ тосковать), но, напротивъ, веселымъ и въ добавокъ расфранченнымъ и надушеннымъ. Семенъ Иванычъ даже развелъ руками.—Что это! что я вижу! кричалъ онъ, повертывая Органскаго и оглядывая съ ногъ до головы.—Ужъ не наслѣдство ли какое получилъ?

— *Fortes fortuna juvat!* Я, други мои, нашелъ, что философъ Антеномъ, пренебрегавшій земными благами, ходившій въ рубищахъ съ сумою и костылемъ, говоря, что «только порока

долженъ стыдиться человѣкъ!> врагъ немилосердно. Человѣкъ долженъ быть одѣтъ и стыдиться наготы!..

Но Семенъ Иванычъ, все это время внимательно разглядывавшій костюмъ Органскаго, вдругъ неистово замахалъ руками.

— Да вѣдь сюртукъ-то мой! и жилетка моя! кричалъ онъ.

Органскій и Кургановъ разразились хохотомъ.

— Откуда ты досталъ все это? Вѣдь платье у меня въ шкафу и ключъ у меня въ карманѣ.

И въ доказательство Семенъ Иванычъ вынулъ изъ кармана ключъ и показалъ его Органскому.

— Я уже сказалъ тебѣ, что *fortes fortuna juvat!*..

— Да чортъ тебя знаетъ, что ты тамъ болтаешь!

— Это значить, братецъ, что храбрость города беретъ. А дѣло сдѣлалось очень просто. Приличный костюмъ мнѣ былъ необходимъ, а такъ какъ ты единственный человѣкъ, платье котораго шито какъ будто по моей мѣрѣ, то я вчера вечеромъ затесался къ тебѣ, вызвалъ Анисью, крѣпко обнялъ ее, расплывалъ, назначилъ ей сегодня свиданіе въ кустахъ за мельницей и уговорилъ снабдить меня твоимъ сюртукомъ и жилетомъ. Насчетъ же ключа ты совралъ, потому что вчера ты забылъ положить ключъ въ карманъ и оставилъ его въ замкѣ.

Кургановъ снова расхохотался, а Семенъ Иванычъ, раздраженный поступкомъ Анисьи, снова замахалъ руками.

— Ну, постой же! кричалъ онъ, поглядывая какъ полотно.— Постой, ужъ я задамъ Анисьѣ! научу ее какъ по шалапамъ лаять, да возлюбленныхъ своихъ въ мои сюртуки наряжать...

— Не задашь ты ничего! перебилъ его Органскій.—Я увѣренъ, что когда ты узнаешь причину, побудившую меня воспользоваться простоватостью твоей Анисьи, те простышь все и ей и мнѣ, тѣмъ болѣе, что я могу хоть сейчасъ же возвратить тебѣ твое платье, если ты не согласишься продать мнѣ его.

— Какъ продать? изумленно вскрикнулъ Семенъ Иванычъ.

— Конечно, какъ?—за деньги.

— А когда деньги отдашь?

— Хоть сейчасъ.

— Откуда же ты возьмешь ихъ?

— Изъ кармана.

— А у тебя въ карманѣ денегъ не оставалось? спросилъ Кургановъ, снова захохотавъ и обращаясь къ Сечену Иванычу.

Семенъ Иванычъ поспѣшно оцупалъ всѣ свои карманы и, осмотрѣвъ свой портмонеъ, проговорилъ.

— Нѣтъ, деньги при мнѣ.

— Жаль! а было бы очень эффектно купить у тебя твой сюртук на деньги, забитыя въ карманѣ того же сюртука!

Сторговались за двадцать рублей; Органскій вынулъ щегольской порт-монзъ, не теропясь отерылъ его и, вынувъ пачку денегъ, отсчиталъ деньги Семену Иванычу.

— Ну, а теперь спрячемъ покупку! проговорилъ Органскій.

— Вотъ что дѣло, то дѣло! замѣтилъ Семенъ Иванычъ: — а я встать водку и закуску принесъ.

Семенъ Иванычъ выпилъ.

— А мы-то съ дуру, проговорилъ онъ, немного погода: — думали, что человекъ въ горестахъ находится, утѣшенія ождеть...

— Отчего же я буду въ горестахъ! Въ чемъ меня утѣшать! Уже не въ томъ ли, что моя Дульдина меня оставила! Шутники вы только, посмотрю я на васъ, господа! Точно Надежда Ивановна жена мнѣ! У насъ съ ней былъ просто *racum nudum*, т. е. договоръ необязательный. Жилъ я съ нею пока жилось, а надобли другъ другу и разошлись!

— Куда же она-то дѣнется? спросилъ Семенъ Иванычъ.

— О боги! воскликнулъ Органскій. — Свѣтъ такъ великъ и просторенъ, что жаловаться на тѣсноту нельзя; сверхъ того у нея есть мужъ, она можетъ и къ нему возвратиться. Но главнѣе всего, она ничего не потеряла, разставшись со мной, а, напротивъ, выиграла. Въ послѣднее время и даже вчера еще дѣла мои были такъ плохи, что мы питались лишь одними акридами и у меня не было ни сюртука, ни жилетки.

— Такъ значить все кончено, вы разстались?

— Разстались, чтобы никогда болѣе не сходиться!

И, переѣвивъ токъ, онъ добавилъ:

— Да что ты меня, братецъ, спрашиваешь! Вѣдь она у тебя и, вѣроятно, тебѣ извѣстны уже подробности. Мнѣ теперь жить съ нею не приходится, потому что я женись.

Извѣстіе это словно громомъ поразило и Семена Иваныча и Бурганова. Они даже вскочили съ мѣстъ.

— Какъ, женишься?

— Извѣстно какъ: привезу невѣсту въ церковь, повѣнчаюсь и потомъ буду съ нею законносожителствовать.

— Врешь!

— Такъ вотъ они откуда, деньги-то! замѣтилъ Бургановъ.

— Совершенно вѣрно изволили сказать.

— На комъ же? спросили въ одинъ голосъ Семенъ Иванычъ и Бургановъ.

— На... проговорилъ было Органскій, но вдругъ остановился.

— Ужь не на Соничѣ ли? спросилъ Семенъ Иванычъ.— Ты что-то въ послѣднее время приударялъ за нею.

— Ну, вотъ! перебилъ его Кургановъ.— Откуда же у Сонича деньги возьмутся!

— И то правда; такъ на комъ же?

— Нѣтъ, надо васъ помучать! шутилъ Органскій.

— Отецъ родной! не мучь, ради Бога.

— Сказать?

— Скажи, не мучь.

— На деньгахъ! замѣтилъ Кургановъ.

— Нѣтъ-съ, перебилъ его Органскій:— на Аннѣ Герасимовнѣ! И, увидавъ изумленные лица Семена Иваныча и Курганова, громко захохоталъ.

— Не ожидали?

— На генеральской-то?

— Да, на генеральской Аннѣ Герасимовнѣ.

— Когда же ты успѣлъ?

Органскій захохоталъ.

— Я давно знакомъ съ нею.

— Гдѣ же ты познакомился?

— Какъ, гдѣ? У тебя же въ лавкѣ и даже при тебѣ.

— Какое же это знакомство! возразилъ Семенъ Иванычъ. — Развѣ это знакомство, сказать два, три слова...

— Нѣтъ, не два, три слова... Я встрѣчался съ нею на базарѣ, а потомъ былъ и у нея. Она угощала меня водкой, чаемъ, жаловалась на скуку, высказала свое намѣреніе покинуть генерала и косвенно намекнула, что у нея есть и свои средства, на которыхъ она можетъ жить хорошо, ни въ чемъ не стѣсняясь; что въ помощи генерала она нисколько не нуждается, тѣмъ болѣе, что дѣла генерала Малахова очень плохи и денегъ у него нѣтъ.

Все это Органскій разсказалъ съ нѣкоторыми ужимицами и закатываніемъ глазъ, видимо копируя Анну Герасимовну.

— И генералъ тебя видѣлъ? спросилъ Семенъ Иванычъ.

— Вотъ простота-то! вскрикнулъ Органскій, всплеснувъ руками.— Конечно, все это дѣлалось тайно отъ его превосходительства и явился я къ Аннѣ Герасимовнѣ тогда только, когда его не было. Точно тоже случилось и сегодня...

— Да, онъ былъ сегодня у меня...

— И у обѣднн, перебилъ его Органскій:— мнѣ еще вчера дала знать объ этомъ Анна Герасимовна. Сегодня я сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Возвращаясь домой, встрѣтилъ генерала и даже имѣлъ честь прокричать ему: здравія желаю, ваше превосходительство!

Органикій выпилъ рюмку водки, откусилъ кусокъ колбасы и, предложивъ тоже самое сдѣлать и гостямъ, продолжалъ:

— Ну-съ, теперь я рассказала вамъ все и приглашаю васъ въ трактиръ всприснуть надлежащимъ образомъ мою женитьбу.

XIII

Пророчество Екатерины Васильевны относительно Семена Иваныча исполнилось въ совершенной точности—Семенъ Иванычъ къ обѣду не вернулся. Надежда Ивановна тѣмъ временемъ успѣла переселиться въ баню и, несмотря на то, что ей очень нездоровилось, устроилась въ новомъ помѣщеніи довольно удобно, насколько, по крайней мѣрѣ, это было возможно. Передбанникъ превратился въ маленькую приемную комнату, а самая баня въ спальную. Съ помощью скамеекъ и тюфяка была устроена постель, а на полкѣ разставлены книги, самоваръ и двѣ чашки съ отбитыми ручками. На стѣнѣ, у изголовья кровати, блестялъ образокъ въ серебряной вызолоченной оправѣ, единственная цѣнная вещь, удѣлѣвшаяся у Надежды Ивановны. Образокъ этотъ былъ для нея особенно дорогъ, такъ какъ постоянно висѣлъ надъ кроватью Ивана Артемьича и даже въ минуту смерти лежалъ на груди умиравшаго.

Устроивъ такимъ образомъ новое свое жилище, Надежда Ивановна присѣла на кровать, опустила голову и рѣшительно не знала, что ей дѣлать и за что приняться. Мысли одна другой мрачнѣе вривались въ ея больную голову, но обдумать что-нибудь она положительно была не въ состояніи.

Въ это время дверь скрипнула и въ баню вошла Екатерина Васильевна.

— Душенька, Надежда Ивановна! проговорила она.—Что это вы здѣсь однѣ сидите, пойдемте чайку виѣстѣ напьемся.

Но Надежда Ивановна, виѣсто отвѣта, закрыла лицо руками и рыданія огласили комнату. Екатерина Васильевна подѣсла къ ней.

— Что это вы все плачете, душенька! проговорила она съ участіемъ и не сводя глазъ съ рыдавшей.—Такъ надрывать себя не годится; да и плакать совершенно не объ чемъ, потому что потеря ваша такая, объ которой и плакать не стоитъ, а, напротивъ того, утѣшаться даже надо и благодарить Бога, что привелъ Господь развязаться...

— Развѣ я это оплакиваю! проговорила Надежда Ивановна.

— Тогда ужъ я не понимаю, изъ-за чего же всѣ эти слезы! Значить, и плакать нечего... Богъ дастъ поправитесь, займетесь

дѣломъ какимъ и заживете безъ печали... Вотъ я вамъ разскажу, душенька, про одною свою знакомую, госпожу Грачеву. Тоже съ ней вотъ случилось такое горе, какъ и съ вами, только тамъ не предметъ игралъ роль, а мужъ законный. Вдова она была, имѣла состояніе хорошее и человѣкъ восемь дѣтей. Надо бы жить да покойнаго мужа благодарить, а она, намѣсто того, возьми, да и выди за мужъ за второго, да еще выбрала-то бѣднаго, да молодого человѣка. Повѣнчались, свадьбу отправили и зажили. На мужа своего не налюбуется, бывало; и обнимала-то, и дѣловало-то его поминутно... Обула, одѣла съ ногъ до головы, часы золотые съ дѣпочкой купила, елотку, перстень, брилліантовый одинъ, а другой съ изумрудомъ, сигарочницу серебрянную... Однако, парень-то былъ не промахъ. Вещи-то принять принялъ, а сверхъ того рѣшился обогреть жолушку начисто. Что же! Не прошло года, какъ она купила ему восемьсотъ десятинъ земли, а когда родилось у нихъ дѣтѣ, такъ и деньги всѣ какія были передала мужу: очень ужъ, значить рада была. И что же вышло, душенька, какъ бы вы думали? Вѣдь бросилъ, мерзавецъ, жену-то! такъ-таки и бросилъ безъ куска хлѣба. Тутъ только опомнилась эта самая госпожа, когда съ дѣтми своими очутилась безъ всего. Поплакала, поплакала да и принялась за дѣло. Теперича она занимается шитьемъ бѣлья. Дѣтей, которыя побольше-то, развѣстила какъ слѣдуетъ, а съ малыми живетъ своими трудами. Ну, и я была у нея, видѣла какъ она живетъ. Квартирка небольшая, а чистенькая, веселенькая... ничего! Спрашиваю ее: «Какъ живете, душенька?» — Она даже перекрестилась. — «Живу я, говоритъ, душенька, слава Богу, лишняго, говоритъ, не имѣю, а въ кускѣ себѣ не отказываю!» И дѣточки тоже, посмотрѣла я, одѣты чистенько, и сапожки и все такое какъ слѣдуетъ и тоже въ гимназію ходятъ. Такъ-то вотъ, душенька моя Надежда Ивановна, вотъ и вы какъ поправитесь, да какъ приметесь за дѣло и вы тоже успокоите себя! Пойдемте же, душенька, проговорила она, поднимаясь, и взявъ за руку Надежду Ивановну. — Будетъ вамъ печалиться-то. Пойдемте-ка чайку напьемся, а то и мнѣ одной скучно будетъ; я смерть какъ не люблю одна чай пить.

Самоваръ дѣйствительно былъ уже готовъ и, испуская облака пара, пыхнулъ на столѣ въ залѣ.

— Ужъ я такъ и знала, что Семенъ Иванычъ ни къ обѣду, ни къ чаю не воротится! проговорила Катерина Васильевна, усѣвшись на диванъ и заваривая чай. — Удивляюсь я, душенька, какое только удовольствіе находятъ мужчины въ этой водкѣ. У насъ, напримѣръ, рѣдкій день меньше четверти ведра выходитъ!

— У васъ хоть при гостяхъ выходитъ столько, замѣтила На-

дежда Ивановна.—А есть люди, которые въ одиночку постольку выпиваютъ.

— Знаю я, про кого вы говорите...

— Не онъ одинъ, здѣсь всё такъ пьютъ.

— Нѣтъ, не говорите, душенька. Ужъ больше его, кажется, никто не пьетъ. И какъ только не обошется человекъ! Я, признаться, всегда за мужа боюсь, когда онъ свяжется съ нимъ; человекъ онъ слабый, грудными болями страдаетъ... долго ли до грѣха! Вотъ и сейчасъ, я только виду не показываю, а вѣдь страсть какъ боюсь, какъ бы тамъ чего не случилось!

— Да вы бы послали за нимъ!

— И въ самомъ дѣлѣ, пошли-ка Анисью; она баба ловкая, живо все разузнаетъ.

Между тѣмъ, солнце давно уже закатилось; пригнали стадо коровъ; съ ревомъ рассыпалось оно по улицамъ, наполняя воздухъ запахомъ парного молока. Забѣгали хлопотливыя бабы съ прутьями въ рукахъ, заскрипѣли ворота. Огромный рыжій бугай (быкъ) съ отвеснымъ зобомъ, широкимъ кудрявымъ лбомъ и острыми рогами, шелъ, косясь, стороной. Опустя голову, онъ репѣлъ глубокой октавой, подходилъ къ телегамъ, опрокидывалъ ихъ, рпѣлъ ногами землю и подхватывалъ боронны. Вслѣдъ за коровьимъ стадомъ появилось и стадо овецъ. Рысью, толкая другъ друга и прыгая другъ на друга, стадо это влетѣло въ улицу и встрѣтись съ собакой, вдругъ остановилось. и, выпуча глаза, принялось топтать ногами. Черная, густая пыль поднялась надъ селомъ, издали можно было подумать, что село горитъ.

Въ особенности замѣтна была прокладка на мельницѣ Семена Иваныча. Такъ какъ мельница находилась поодаль отъ села Малиновки, то ни запахъ навоза, ни запахъ другихъ нечистотъ до нея не доходилъ. Овруженная кустами разныхъ породъ, она благоухала запахомъ черемухи, ландышей и другихъ цвѣтовъ. Сумерки сгущались все болѣе и болѣе; на темно-голубомъ небѣ вспыхнуло уже нѣсколько звѣздъ; на востокѣ загорѣлся багровый мѣсяцъ и, высунувшись до половины изъ-за горы, остановился. Въ кустахъ отрывисто переливались соловьи и, какъ бы убѣдившись, что всё они находятся по своимъ мѣстамъ и что голоса у всѣхъ въ исправности, огласили воздухъ могучими трелями. Заслыша увлекающія трели эти и словно напереворъ крыловской баснѣ, встрепетнулись и лягушки и подняли такой концертъ, какъ будто ихъ палками колотили, заставляя кричать громче. Онѣ прыгали другъ на друга, ныряли вглубь и, снова вдругъ показавшись на поверхности, растопыривали лапы и, какъ будто озаменѣвъ въ такомъ положеніи, опять принима-

лись орать. Даже выпь, кривомъ своимъ наводящій на суевѣрныхъ людей страхъ, и тотъ не могъ уговорить этотъ неистовый концертъ.

Въ комнатахъ сдѣлалось совершенно темно. Катерина Васильевна зажгла фотографовую лампочку и принялась было за вязаніе чулка, какъ въ дверяхъ показалась Анисья.

— Ну, что? спросила ее Катерина Васильевна.

— Видѣла-съ, отвѣтила Анисья, улыбаясь.

— Гдѣ они?

— Они не у Органскаго.

— Гдѣ же?

— Да сначала въ трактиръ Плевнѣ были, а сейчасъ въ Константинополѣ.

— Пьянше?

— Есть-таки. Учитель угощаетъ. И потомъ, немного помолчавъ, Анисья прибавила:—Пожалуйте-ка ко мнѣ на минуточку.

— Что такое? спросила Катерина Васильевна.

— Пожалуйте-ка.

— Да что за секреты, говори здѣсь.

— Нѣтъ, пожалуйста.

— Фу! какая ты надоѣдливая! проговорила Катерина Васильевна и лѣнивой походкой направилась въ смежную комнату, въ которую послѣшила удалиться кухарка.

— Ну, что такое?

Анисья притворила дверь и, наклонившись къ уху хозяйки, прошептала.

— Вѣдь учитель-то женится...

— Что ты говоришь!

— Вотъ тѣ Христось, женится! ей Богу! Мнѣ трактирщикъ Меркуль Егорычъ сказывалъ. Женится, говоритъ, и по тому самому случаю всѣхъ угощаетъ. Тамъ и приставъ, и фершалъ, и Александръ Васильичъ, всѣ какъ есть. Я смотрѣлъ въ окно и видѣла. На столѣ у нихъ полведерная бутылъ, колбаса, селедки, закуски разныя... Сколько вишь денегъ у него! цоловъ бумажекъ! А сейчасъ встрѣлись мнѣ и матушка, и фершалиха, и жена волостного, и Соничка, и дьяконица. Всѣ ужъ прослышали, что учитель женится, и пошли смотрѣть, какъ онъ тамъ пируетъ...

— Вотъ тебѣ разъ! На комъ же онъ женится-то?

— На Аннѣ Герасимовнѣ.

— На генеральской?

— На самой на ней.

— Быть не можетъ!

— Вѣрно.

Въ это время въ залѣ послышался голосъ Бурганова, здоровавшагося съ Надеждою Ивановной.

— Спросите хошь Василя Тимофенча, онъ пришелъ, кажись.

Заслышавъ эти слова, Катерина Васильевна поспѣшила въ залу. Бургановъ хотя и не былъ пьянъ, но по всему было видно, что выпилъ и онъ не мало. Лицо у него было совершенно багровое, волосы взъерошенные.

— Это возмутительно! кричалъ онъ. — Я этого не допущу и сегодня же опишу всю эту грязную исторію! да, я обличу ихъ! обличу!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, очень взволнованы!.. не безъ причинъ замѣтила Надежда Ивановна.

Катерина Васильевна расхохоталась.

— Вотъ онъ, хмѣль-то, какъ дѣйствуетъ! проговорила она.— Иной во хмѣлю пѣсни поетъ, другой съ вулаками лѣзетъ, а вотъ мой Семенъ Иванычъ, такъ тотъ сейчасъ на крышу; ей Богу! Залѣзетъ на крышу и давай изъ ружья палить!

Покуда она говорила, Бургановъ стоялъ посреди комнаты со сложенными на груди руками и сурово смотрѣлъ на Катерину Васильевну.

— Ну-съ, еще что будетъ? спросилъ онъ гробовымъ голосомъ.

— Да ничего больше.

— Ну-съ, ничего и не надо.

— А мнѣ и подавно! А вы вотъ что лучше расскажите: весело ли гуляли? много ли выпили?

Бургановъ тяжело вдохнулъ и снова занустилъ руки въ возеса.

— Выпили много, даже очень много! проговорилъ онъ, опускаясь въ кресло. — Но было ли весело? это вопросъ другой. Другимъ было весело, но мнѣ...

Онъ не докончилъ, и, круто повернувшись къ Надеждѣ Ивановнѣ, почти вскрикнулъ:

— Ну, Надежда Ивановна! Органскаго вашего я возненавиждѣлъ!

Надежда Ивановна вдругъ поблѣдѣла и вздрогнула.

— Послушайте, Василій Тимофенчъ, проговорила она:—когда человекъ пьянъ, то онъ обязанъ не показываться въ общество. Зачѣмъ вы оскорбляете меня, называя Органскаго моимъ?

Бургановъ на минуту растерялся, но вслѣдъ за тѣмъ бросился передъ Надеждою Ивановной на колѣни и, схвативъ ее руку, сталъ осыпая ее поцѣлуями.

— Я подлець! вопилъ онъ: — это вѣрно! я оскорбилъ... это

такъ! Святая! Но знаешь ли ты, чистое созданіе, что дѣлаетъ твой Органскій? онъ женится!..

Мертвая блѣдность покрыла лицо Надежды Ивановны, но она молчала.

— Да, женится... и на комъ! На любовницѣ генерала Малахова!

Катерина Васильевна, какъ будто ничего не зная, всплеснула руками, а Надежда Ивановна только презрительно улынулась.

— Что-жь, проговорила она твердымъ и спокойнымъ голосомъ: — я увѣрена, что они будутъ счастливы... Анна Герасимовна женщина расудительная, съ характеромъ и, навѣрное, исправитъ Органскаго. У нея есть деньги, денегъ этихъ онъ мужу не отдастъ, но заставитъ его работать. Работать онъ можетъ, способностей у него отнять нельзя, только надо сперва отрезвить его. Я даже полагаю, что кромѣ Анны Герасимовны никто въ этомъ не успѣетъ, а она сдѣлаетъ... Поэтому, а и говорю, что выборъ его удаченъ.

Съ этимъ согласилась и Катерина Васильевна, разумѣется, впрочемъ, съ своей точки зрѣнія.

— Анна Герасимовна, говорила она: — денегъ Органскому не отдастъ, а когда деньги въ рукахъ у жены, то это все одно, что у нея въ рукахъ вожжи отъ лошади. Когда у жены есть деньги, а у мужа ни гроша, то сдѣлайте одолженіе... Чуть что не такъ, его можно вышлоить за мое почтеніе, а боли не захочетъ погорѣть, такъ вѣдь и въ шею недолго вытолкать!

Тѣмъ не менѣе, извѣстіе это все-таки не могло не подействовать на Надежду Ивановну.

Посидѣвъ еще немного, она ушла въ свою бани, и тамъ, не раздѣваясь, упала на постель. Тутъ она дала волю словамъ своимъ. То было рыданіе оскорбленной самолюбія, оскорбленной, разбитой жизни. И никто не слышалъ этихъ рыданій, кромѣ закопченныхъ стѣнъ бани, маленькаго образочка, висѣвшаго надъ изголовьемъ кровати, да того крошечнаго существа, которое билось подъ сердцемъ рыдавшей!

XIV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго, на усадьбѣ генерала Малахова происходило нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновеннаго. У задняго крыльца дома стояло нѣсколько телегъ, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ: подушками, перинами, сундуками, картонками и проч., у самаго же крыльца дожидалась

пустая телега, на которую нѣсколько солдатъ вваливали большой зеленый сундукъ, окованный жѣзвомъ. Анна Герасимовна въ утренней блузѣ и съ растрепанной головой, стояла подбоченясь на крылечкѣ и упрямивала солдатъ осторожнѣе обращаться съ сундукомъ. Повсюду происходила суета; солдаты перебѣгали въ флигеля во флигель; при встрѣчѣ, о чемъ-то шептались и, пошептавшись, поспѣшно расходились. Самъ генералъ Малаховъ, въ форменной шинели на красной подкладкѣ, быстро шагалъ изъ угла въ уголъ по залѣ. Подходилъ по временамъ къ окну и, перескакивая по стеклу, снова принимался шагать. Онъ былъ видимо ослабѣлъ и расстроенъ. По сдвинутымъ бровямъ его и по складкѣ на лбу можно было тотчасъ-же догадаться, что генералъ что-то соображалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не могъ сообразить. Нетерпѣніе и досада проглядывали во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ былъ золъ. Изрубка сжималъ онъ кулакъ, грозилъ имъ кому-то, стискивалъ зубы, скрипѣлъ ими, но потомъ вдругъ, какъ бы ошомившись, пряталъ поспѣшно руку въ карманъ и снова углублялся въ соображенія.

— Щипцовъ! крикнулъ онъ вдругъ.

Дверь изъ передней мгновенно распахнулась и въ комнату метѣлъ Щипцовъ.

— Позови Аннушку!

Щипцовъ сдѣлалъ на-право кругомъ и скрылся, а генералъ, въ ожиданіи Анны Герасимовны, еще скорѣе шагалъ по комнатѣ. Анна Герасимовна не замедлила явиться и, войдя въ комнату, почтительно остановилась у двери.

— Ну, какъ! Не раздумала? спросилъ генералъ нетвердымъ голосомъ.

— Чего-же мнѣ раздумывать! ваше превосходительство.

— Развѣ тебѣ плохо было жить у меня?

— Я вами очень благодарна, ваше превосходительство. Я на васъ не жалуюсь. Жизнь моя была спокойная...

— Зачѣмъ же ты уходишь? Отъ добра добра не ищутъ.

— Конечно, не ищутъ, ваше превосходительство... но вѣдь вы ужъ люди пожилые!

— Гм... но я достаточно бодръ, однако, достаточно крѣпокъ... Ты сама знаешь, что ежели въ случаѣ чего...

— Разумѣется, ваше превосходительство, вы слава Богу; но вѣдь сами позволите внять, въ смерти и животѣ Богъ воленъ.

— Но вѣдь ты достаточно обезпечена! еслибы я даже и умеръ, все-таки у тебя всегда кусокъ хлѣба будетъ...

— Конечно, я завсегда должна молить Бога за васъ; кусокъ у меня точно есть, но все-таки сами знаете, ваше превосходитель-

тельство, женщины съ непокрытой головой нельзя оставаться; все лучше, когда голова покрыта.

— Но не могу же я, наконецъ, жениться на тебѣ!

— Кто же говорить про это; я очень понимаю и очень хорошо знаю себѣ цѣну... Но вѣдь и я тоже человѣкъ, и мнѣ тоже хочется пожить, какъ люди живутъ, честно, скромно, своимъ домомъ...

— Смотри, хуже не сдѣлай. Человѣкъ онъ ненадежный, пьяница!

— Кто иныче не пьеть, ваше превосходительство! смиренно проговорила Анна Герасимовна.—Это вы, точно, мало кушаете, а то вѣдь даже и генералы нѣкоторые кушаютъ... Только разума пропивать не слѣдуетъ...

— А! вотъ въ томъ-то и дѣло-то! А женихъ твой даже и разсудокъ пропилъ. Что онъ съ этой несчастной Надеждой Ивановой сдѣлалъ?

— Надежда Ивановна сама очень много виноваты въ своей судьбѣ. Ужъ если имъ тошно было съ мужемъ жить, такъ хоть, по крайности, равнаго бы себѣ человѣка прискали...

Генералъ прошелся раза два по комнатѣ и снова остановился передъ Анной Герасимовной.

— Подумай! проговорилъ онъ дрожащимъ уже голосомъ.

Анна Герасимовна молчала.

— Подумай, Аннушка, какъ бы башмаки на лалти не промѣнять. Вѣдь мнѣ жаль тебя... Тоже вѣдь не мало вмѣстѣ прожили... гдѣтъ десятокъ будетъ, чай...

— Съ Петрова одиннадцатый пойдеть! проговорила, вздохнувъ, Анна Герасимовна.

— То-то и дѣло! замѣтилъ генералъ и, обнявъ Аннушку, прильнулъ губами къ ея лбу.—Вѣдь въ эти десять гдѣтъ я привыкъ къ тебѣ, а ты вотъ покидаешь меня.

И слезы брызнули изъ глазъ генерала. Онъ послѣшно отеръ ихъ платкомъ, сѣлъ на стулъ и, посадивъ къ себѣ на колѣни Анну Герасимовну, обнялъ ее.

— Конечно, продолжалъ онъ:—молодому человѣку переимѣнить женщину ничего не стоитъ, а вѣдь я человѣкъ пожилой, для меня переимѣнить женщину, да еще такую, къ которой привыкся, не легко. Понимаешь ли ты это?

Анна Герасимовна молчала и въ раздумьи покручивала концы своего платка.

— Останься-ка, Аннушка! заговорилъ снова генералъ.—Давай-ка жить по прежнему, какъ прожили десять гдѣтъ. Право, подумай-ка, Аннушка.

Анна Герасимовна вздохнула и встала.

— Подумай-ка, оставайся! Вели-ка опять сундуки на мѣсто поставить... а? такъ что-ли?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, мнѣ и самой очень жалко бросать васъ, а видно дѣлать нечего.

У генерала сердце словно оборвалось.

— Это твое послѣднее слово?

— Пора и объ душѣ подумать... Цѣлую жизнь прожить въ грѣхѣхъ не приходится.

— Такъ ты уѣзжаешь?

— Да, ужъ не держите меня, отпустите...

— А я думала, что ты мнѣ глаза закроешь...

— Что закрывать ихъ! проговорила она со вздохомъ. — Коли Господь часъ нашьлетъ, такъ они и сами закроются.

Генераль еще разъ обнялъ Анну Герасимовну и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Ужъ вы мнѣ позвольте на вашихъ дрожкахъ до Малиновки доѣхать, а то на подводахъ-то присѣсть негдѣ.

— Возьми!

— Благодарю покорно.

Аннушка вышла изъ залы. Долго ходилъ генераль изъ угла въ уголь, наконецъ удалился въ кабинетъ, сѣлъ на кресло и закрылъ лицо руками. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ, дверь въ кабинетъ отворилась и на порогѣ показалась Анна Герасимовна. На ней былъ уже бурнусъ, волосы тщательно причесаны и на головѣ небольшой фулярный платочекъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! проговорила она. — Благодарю васъ покорно за всѣ ваши благодѣянія, желаю вамъ быть здоровымъ!

И, подойдя къ генералу, она поцѣловала его въ губы.

— Аннушка! вскрикнулъ генераль.

— Вѣдь ваше я все счетомъ передала Щипцову...

— Такъ ты ѣдешь?

— Да-съ, лошади готовы...

Немного погодя, мимо окна проѣхали три нагруженные телеги, повади которыхъ на генеральскихъ дрожкахъ ѣхала Анна Герасимовна. Генераль подскочилъ къ окну, перекрестилъ нѣсколько разъ Аннушку, помелился самъ на образа и, онустившись въ кресло, изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

Почти весь день генераль былъ самъ не свой. Онъ ничего не пилъ и ничего не ѣлъ; впрочемъ, еслибы онъ даже и захотѣлъ поѣсть, то его желаніе осталось бы неудовлетвореннымъ, такъ какъ, по случаю проводовъ Анны Герасимовны, всѣ были

навеселѣ и совершенно забыли про существованіе генерала. Одиночество давило его; онъ не зналъ что ему дѣлать; онъ скучалъ, тосковалъ и потому каждый пойметъ радость генерала, когда на дрожкахъ, отвозившихъ Анну Герасимовну и вернувшихся домой, онъ увидалъ прѣбывшаго Семена Ивановича. Прѣхалъ Семенъ Ивановичъ по настоятельному требованію Катерины Васильевны и бывшихъ у нея въ гостяхъ знакомыхъ намъ дамъ. Онъ, какъ только узнали о прибытіи въ Малиновку Анны Герасимовны, такъ немедленно командировали Семена Ивановича провѣдать, какъ подѣйствовала разлука эта на генерала.

Какъ только увидалъ генералъ прибывшаго Семена Ивановича, такъ даже высочилъ къ нему на встрѣчу.

— А! отецъ родной! кричалъ онъ:—вотъ спасибо, вотъ неждань-то! пойдешь, пойдешь!

— Воспользовался случаемъ, говорилъ между тѣмъ Бузыкинъ, спрыгнувъ съ дрожекъ.—Увидалъ въ Малиновкѣ ваши дрожки и подумалъ: Дай навѣщу генерала...

— И отлично сдѣлалъ! пойдешь, пойдешь!

Войдя въ залу, онъ вдругъ остановился.

— Слышалъ? спросилъ онъ.

— Что такое?

— Про Аннушку-то?

— Слышалъ, ваше превосходительство. Такая, можно сказать, низкая неблагодарность!

— И на кого промѣняла, а?

— Удивительное дѣло-съ! Мы съ женой не мало-таки динились...

— И ты помани мое слово, перебилъ его генералъ:—то ницца ее обереть и потомъ выгнать вонъ.

— Они въ аренду землю сняли-съ, проговорилъ Семенъ Ивановичъ таинственно.

Извѣстіе это удивило генерала.

— Какъ? кто? спросилъ онъ.

— Анна Герасимовна-съ, у г. Морозова 800 десятинъ сняли и контрактъ ужъ совершили у нотаріуса.

— Я этого не зналъ.

— Они все это тихонько дѣлали. Никому не говорили.

— Такъ вотъ зачѣмъ она въ городъ-то ѣздила! почти вскринулъ генералъ.—А вѣдь мнѣ сказала, что ей съ лекаремъ посоветоваться надо...

— Отличный участокъ-съ! рѣдкостный участокъ сняли-съ! И хуторъ есть и овецъ головъ съ пятьсотъ... и денего!

Новость эта еще пуще огорчила генерала. Ему какъ-то обидно

было узнать, что Аннушка обманывала его и тайно от него дѣйствовала за одно съ Органскимъ.

— Однако, что-жь это я! спохватился онъ вдругъ. — Соловья баснями не кормить! И, обратясь къ двери, крикнулъ:—эй, Щипцовъ!

Щипцовъ влетѣлъ.

— Давай-ка намъ чаю. Ромъ есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, коли нѣтъ, такъ давай сливокъ. Живо!

Щипцовъ исчезъ.

— Овдовѣлъ, братецъ, я! съ улыбкой проговорилъ генералъ.

— А? что скажешь?

Семеновъ Иванычъ только головой помоталъ.

— А все-таки, братецъ, скверно безъ женщины! Теперь пойдетъ такой беспорядокъ, что Боже упаси. Вѣдь у нея все на рукахъ было... понимаешь-ли, все!..

— Другую надо, ваше превосходительство! скромно замѣтилъ Семеновъ Иванычъ.

— Гмъ... другую! Это легко сказать, братецъ: а гдѣ ее найдешь?

— Найти-то почему же не найти-съ! Найти даже очень можно-съ.

— Опять вѣдь я и привыкъ къ ней. Десять лѣтъ прожили вмѣстѣ! ты согласи это! Вѣдь это не шутка! Вѣдь она ко мнѣ пятнадцатилѣтней дѣвчонкой поступила, какъ есть дѣвчонкой, босикомъ пришла даже!

— Конечно-съ, привычка много значить-съ.

— Щипцовъ! крикнулъ генералъ.

— Чего извольте? ваше превосходительство.

— Трубку! а что чай, скоро?

— Сию минуту, ваше превосходительство.

Щипцовъ набилъ трубку, подавъ ее генералу, зажегъ бумажку, и, когда генералъ закурилъ, снова исчезъ.

— Конечно, заговорилъ генералъ, выпуская изъ рта дымъ кольцами:—конечно, хоть и жаль мнѣ Аннушку, очень жаль, а все-таки безъ женщины въ домъ нельзя, особливо холостому.

— Никакой даже нѣтъ возможности! рѣшительно проговорилъ Семеновъ Иванычъ.

— Придется пенсать.

— А вамъ молодую надо, ваше превосходительство?

— Зачѣмъ мнѣ, братецъ, молодую! Такъ лѣтъ двадцати пяти, шести...

— У меня есть одна на примѣть-съ...

— Женщина? спросил генералъ.

— Вдова-съ.

— Съ дѣтми небось?

— Нѣтъ-съ, у нея дѣтей не было.

— Какихъ лѣтъ?

— Лѣтъ двадцати пяти.

— И ловкая?

— Ловкая, шустрая... Съ малыхъ лѣтъ все въ господскихъ домахъ жила, поэтому и наострилась... И шить, и бѣлье стирать, и кушанье изготавить, и варенья наварить, и разнаго этого соленья... все умѣеть дѣлать!

— А! промчалъ генералъ и опять выпустилъ нѣскольео колець дыму.

— Да вы ее знаете, ваше превосходительство. У меня н-дѣли-съ.

Генералъ даже съ мѣста привскочилъ.

— А! это кухарка-то твоя?

— Она самая-съ.

— А какъ она насчетъ поведенія?

— Насчетъ поведенія она ничего-съ.

— Да вѣдь она у тебя живетъ?

— Я могу и уступить-съ, она мнѣ и не нужна даже... да, во правдѣ сказать, и жена ревнуетъ.

Генералъ расхохотался.

— А ты женѣ-то не намѣнялъ, а?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я насчетъ этого... не-нѣ воть даже ни на естолью!

— Такъ ли? спросилъ генералъ, грозя пальцемъ.

— Я бы сказалъ, ваше превосходительство.

Генералъ снова захохоталъ.

— А какъ ее зовутъ... эту... ну, ту?

— Анисей.

— Да, да, Анисей, помни! Такъ ты говоришь, что она лок-кая? И генералъ опять передернулъ плечами.

— Ловкая-съ.

— Я это замѣтилъ.

И, пыхнувъ раза два дымомъ, генералъ проговорилъ:

— Это я подумаю, подумаю, и завтра же дамъ тебѣ отвѣтъ. А дорога она?

— Ну, чего тамъ! Пятишницу въ мѣсяцъ дадите и довольно съ нея.

— А та двадцать получала!

— Ну, вотъ, изволите ли видѣть! вѣдь это разница!

— Еще бы! проговорилъ повеселѣвшій генераль. — А подарковъ сколько! страсть!

Вошелъ Щипцовъ и принесъ на подносѣ два стакана чаю.

— А что же хлѣба-то? спросилъ генераль.

Щипцовъ вытаращилъ глаза и молчалъ.

— Хлѣба, что же? переспросилъ генераль.

Но Щипцовъ, вмѣсто отвѣта, только мигнулъ глазомъ, «нѣтъ, дескать». Генераль помялъ.

— Ну-ка, бери стаканъ, проговорилъ онъ.

До одинадцати часовъ ночи просидѣлъ Бузыкинъ, и хотя разговоръ вертѣлся все около одного и того же предмета, но онъ ни на минуту не прекращался. Когда же подали водку въ сопровожденіи засохшаго, словно окаменѣвшаго сыра, то бесѣда даже оживилась.

— Такъ ты говоришь, ее зовутъ Анисей? вопрошалъ генераль.

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Гм... Анисья! такъ и запишемъ!

Генераль задумывался, крутилъ усы и воинственно прибавлялъ:

— И пррропишемъ!

— Это самое главное, ваше превосходительство!

Но когда генераль остался одинъ, онъ снова вспомнилъ объ Аннушкѣ и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. Тоска снова овладѣла имъ. Мысль, что онъ одинъ, что онъ брошенъ, что Аннушка его, можетъ быть, именно въ эту самую минуту находится въ объятіяхъ Органскаго, до того овладѣла имъ, что онъ рѣшительно упалъ духомъ. Вспомнилъ онъ телеги, нагруженныя сундуками, перинами и разнымъ хламомъ; вспомнилъ прощаніе съ нимъ Аннушки, почувствовалъ на губахъ своихъ послѣдній поцѣлуй ея... и прошелъ въ ея комнату. Луна ярко освѣщала эту комнату, но увы, она была пуста. На полу блѣднымъ свѣтомъ рисовалась оконная рама; генераль бессмысленно посмотрѣлъ на это отраженіе, зачѣмъ-то перешагнувъ черезъ него, вздохнулъ и пошелъ опять на свою половину. Щипцовъ сидя на конникѣ и опустя голову на грудь, храпѣлъ и только одинъ этотъ храпъ нарушалъ могильную тишину, которая царяла въ домѣ.

XV.

Не весело было и Надеждѣ Ивановнѣ. Всѣ эти дни тоска томилла ее. Она не знала, что ей дѣлать, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могла найти себѣ занятія, а просто не знала, что дѣлать ей вообще съ жизнью. Закопченная, тѣсная баня какъ будто давила и безъ того уже придавленное сердце ея. Иногда заходила она къ Катеринѣ Васильевнѣ, но это общество мало облегчало ея страданія. Катерина Васильевна утѣшала ее по своему и, по прежнему, никакъ не могла сообразить настоящаго горя Надежды Ивановны. Ей все казалось, что весь сыр-боръ горитъ отъ того только, что Надежда Ивановна потеряла Органскаго и только въ этой мысли она почерпала свои уговариванья и утѣшенія. Тогда Надежда Ивановна, наслушавшись грустныхъ утѣшеній, снова оставляла Катерину Васильевну и возвращалась къ себѣ.

Нѣсколько разъ приходили къ ней дамы села Малиновки. Онѣ приходили разодѣтыми по праздничному и, входя въ баню, словно остерегались, какъ бы не запачкать свои лучшія платья. Онѣ тоже утѣшали Надежду Ивановну, каждый по своему, и ни одна, конечно, не напала на настоящую боль. Онѣ и не воображали, что въ этой боли Органскій—ничто, и что Надежда Ивановна столько же думала объ немъ, сколько и объ нихъ. Утѣшенія свои онѣ кончали всегда тѣмъ, что Богъ милостивъ; что ее онъ утѣшитъ, не оставитъ, а Органскаго накажетъ. Затѣмъ онѣ вставали, дѣловали Надежду Ивановну и уходили.

У Бувькинныхъ Надежда Ивановна почти каждый разъ встрѣчала Курганова. Онъ читалъ Катеринѣ Васильевнѣ стихи и пилъ съ Семеномъ Иванычемъ водку. Иногда рѣчь заходила и объ Органскомъ и изъ разговоровъ этихъ Надежда Ивановна узнала, что Органскій ѣздилъ въ городъ за покупками, что привезъ двухспальную кровать, раздѣланную подъ орѣхъ и двѣ вѣнчалныя свѣчи съ золотомъ, лентами и бѣлыми цвѣточками жасмина—эмблемою чистоты и невинности. Но все это не только не волновало Надежду Ивановну, но просто не занимало. Она даже пропустила мимо ушей, что общество крестьянъ села Малиновки отказало Органскому отъ учительскаго мѣста; что Органскій, узнавъ про это, расколотаясь, вышелъ къ собравшимся старикамъ и объявилъ, что въ должности этой онъ теперь нисколько не нуждается и потому плететъ имъ въ бороды больше вчерашняго. Про Органскаго вообще разговоръ было очень

много, онъ былъ героемъ дня, но Надежда Ивановна сплошь и рядомъ уходила, не дослушавъ до конца.

Однажды, зайдя къ Вузыкиннмъ вечеромъ и услышавъ въ залѣ голосъ Органскаго, она остановилась въ сосѣдней комнатѣ.

Органскій былъ одѣтъ франтомъ. Стоя посреди комнаты, передъ диваномъ, на которомъ сидѣли Семѣнъ Иванычъ, Катерина Васильевна и Кургановъ, и замѣтно рисуясь, онъ рассказывалъ имъ про снятый въ аренду участокъ. Рассказывалъ, какъ онъ вынужденъ былъ съ помѣщикомъ трое сутокъ, и какъ, наконецъ, ему удалось обойти землевладѣльца и за полцѣны снять участокъ въ аренду. Рассказывалъ, что онъ уже перебралъ у Анны Герасимовны болѣе двухсотъ рублей, что всѣ деньги эти онъ уже размоталъ, но надѣется отобрать отъ нея всѣ вообще капиталы и сдѣлаться со временемъ человѣкомъ вполне самостоятельнымъ. А когда онъ рассказалъ, что у Анны Герасимовны денегъ шесть тысячъ слишкомъ, и что всѣ деньги эти заключаются въ новенькихъ кредитныхъ билетахъ, даже не бывшихъ въ обращеніи, а только перешедшихъ изъ рукъ генерала Малахова, и затѣмъ вырванныхъ въ сундукъ Анны Герасимовны, то вся компанія разразилась такимъ дружнымъ смѣхомъ, что Надежда Ивановна даже вадрогнула, и никѣмъ не замѣченна, вышла изъ дома.

Когда Органскій пошелъ домой и былъ уже возлѣ мельницы, Надежда Ивановна остановила его.

— Послушайте, Органскій! проговорила она.—Я хочу поговорить съ вами.

Органскій остановился и поклонился Надеждѣ Ивановнѣ.

— Можете вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ?

— Сколько вамъ угодно.

— Послушайте, я не знаю, что дѣлать мнѣ съ собой... Я нахожусь въ такомъ ужасномъ состояніи, что голова моя рѣшительно не въ состояніи что-нибудь сообразить. Что мнѣ дѣлать? Не подумайте, что я хочу просить васъ о возвратѣ любви вашей... Дайте мнѣ простой совѣтъ: что мнѣ съ собой дѣлать?

Органскій видимо смутился.

— Вѣдь нельзя-же мнѣ идти къ мужу! продолжала Надежда Ивановна.—Я не могу жить съ нимъ, даже еслибы онъ и принялъ меня. Вы видѣли его отвѣтъ на мое письмо; вамъ извѣстно намѣреніе его вытребовать меня къ себѣ и сдѣлать горничной прошивальницей у него французенки.

— Подлецъ! глухо прошептала Органскій.

— Отца у меня нѣтъ, состоянія нѣтъ, скажу вамъ больше: у меня нѣтъ вѣры... Прошлое мое разбито, а будущее само собой

разрушилось! Послушайте... Вы когда-то многому учили меня. Многое указали мнѣ, о существованіи чего я даже и не подозрѣвала. Вы изобразили мнѣ жизнь такую, какова она есть на самомъ дѣлѣ; докончите-же картину жизни и укажите мнѣ цѣль ея.

— Надежда Ивановна! проговорилъ Органскій.—Вы больны, займитесь прежде своимъ здоровьемъ, помните, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровая душа. И такъ, начните съ этого.

— И только? почти съ воплемъ спросила Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, не только. Вспомните тѣ цѣли, которыя когда-то обокъ насъ одушевляли...

— Я помню ихъ! почти вскрикнула Надежда Ивановна.—Онѣ были такъ честны, такъ святы...

— Послушайте, перебилъ ее Органскій дрожащимъ голосомъ.—Я не устоялъ. Во мнѣ оказалась подлая, грошова я душевна, а русская водка довершила остальное. Къ несчастію, вы были свидѣтельницею того, что я спился. Остановите меня вы были не въ силахъ, потому что слишкомъ много прощали мнѣ. Но я все-таки оставилъ вамъ наследство, хотя и пропилъ ваше. Наслѣдство мое заключается въ томъ, что я поселилъ въ васъ любовь къ ближнему. Будьте учительницей. Ваше сердце, полное самоотверженія, укажетъ вамъ, что вы должны дѣлать. На попримъ этому женщина можетъ сдѣлать многое. Соберите вокругъ себя дѣтей, этихъ чужацкихъ крестьянскихъ ребятшекъ, которые такъ полюбили васъ, и займитесь ими. Я знаю, какъ вы занимались ими, и заранѣе радуюсь за васъ и за нихъ. Я заранѣе пророчу вамъ успѣхъ, потому что чувства, которыя связывали васъ и птенцовъ этихъ, весьма похожи на тѣ святыя чувства, которыя существуютъ между матерью и дѣтьми!

— Да, это правда, это такъ... Благодарю васъ! могла только проговорить взволнованная Надежда Ивановна и крѣпко пожала Органскому руку.—Прощайте.

Словно тяжелое бремя скатилось съ души Надежды Ивановны; она легко вздохнула, приложила руку къ сердцу и почувствовала, что сердце это не замирало, а радостно билось. Она почти веселая воротилась домой.

На другой-же день она отправилась къ волостному старшинѣ и предложила свои услуги въ качествѣ учительницы на мѣсто Органскаго. Въ волостномъ правленіи, по случаю какой-то ссоры, всѣ старики были на лицо. Старики, какъ только услышали о предложеніи Надежды Ивановны, такъ въ ту-же минуту приняли его съ радостью и сдѣлали ее учительницей малиновской сель-

своей школы. Надежда Ивановна словно переродилась, и опять сдѣлалась такою, какою была, только что (пріѣхавши въ Малиновку; она почувствовала въ себѣ силу и не боялась уже будущаго. Съ нетерпѣніемъ ждала она завтрашняго дня, когда должна была уже переѣхать въ домъ сельской школы, и не подозревала даже, что именно этотъ-то завтрашній день и разрушитъ всѣ ея мечты.

Не успѣлъ Семенъ Иванычъ, отправляясь къ генералу Малахову, выбраться изъ села Малиновки и доѣхать до знакомаго уже намъ лѣса, какъ къ крыльцу его дома съ громомъ колокольныхъ и бубенчиковъ подлетѣлъ тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ становой. Ловко сбросивъ съ себя шинель и взявъ подъ мышку портфель, онъ вошелъ на крыльцо и скрылся въ дверь, ведущую въ домъ Бузыкиныхъ. Все это видѣла Надежда Ивановна изъ окна своей бани и сердце ея дрогнуло.

Немного погодя, становой, съ портфелемъ подъ мышкой, вышелъ изъ дома и направился по тропочкѣ, ведущей къ банѣ. Скринула дверь передбанника, задрезжали шпоры, и, нагнувшись чуть не въ три ногибела, становой вынырнулъ изъ двери и очутился лицомъ къ лицу съ Надеждой Ивановной. Она приняла его стоя.

— Здравствуйте! проговорилъ становой, подавая ей руку.

— Здравствуйте.

— Что это? проговорила становой, оглядывая баню и въ безпорядкѣ лежавшіе узлы.— Вы, кажется, переѣзжать собираетесь?

— Да, я мѣсто получила, здѣсь-же въ Малиновкѣ... Меня учительницей сдѣлали, проговорила она дрожащимъ голосомъ и сидѣть улыбнулась:— такъ вотъ я и уложилась.— Завтра классы начнутся, а я и хочу сегодня перебраться...

— А у меня къ вамъ дѣло есть, Надежда Ивановна.

— Что такое? И она приложила руку къ сердцу.

Становой подошелъ къ столу, щелкнувъ маленькимъ замочкомъ портфеля и началъ рыться въ бумагахъ.

— Скорѣе, ради Бога! чуть не вырвался изъ груди стонъ Надежды Ивановны, но она подавила этотъ стонъ и стояла блѣдная, какъ смерть.

— Васъ мужъ требуетъ къ себѣ.

Словно оборвалось что-то въ сердцѣ Надежды Ивановны.

— Мужъ? прошептала она.

— Да, мужъ.

— Но вѣдь я не могу ѣхать... Я больна... Вы сами видите, въ какомъ я положеніи...

Становой посмотрѣлъ на нее.

— А скоро вы думаете поправиться?

— Я не знаю...

Становой задумался.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ онъ, немного погоды: — я попрошу васъ дать мнѣ подписочку, что предписаніе вамъ объявлено, что, по болѣзни, вы не можете сейчасъ-же явиться къ мужу, но что, по выздоровленіи, явитесь немедленно.

— Извольте.

Становой взялъ подписанную бумагу, засыпалъ ее пескомъ, сукулъ въ портфель и снова щелкнулъ замочкомъ.

— Ну-съ, до свиданья.

— Прощайте.

— Ахъ, не безъ досады проговорилъ становой: — а мнѣ еще въ Ольшанку скакать надо: — мертвое тѣло, женщина кака-то повѣсилась...

— Повѣсилась? спросила Надежда Ивановна.

— Да, повѣсилась. Ну-съ прощайте. Выздоровливайте скорѣе, хворать не хорошо; въ ваши лѣта не хвораютъ.

И становой вышелъ, а немного погоды, снова загремѣли колокольчики и бубенчики и тарантасъ скрылся.

— Что-же теперь? прошептала какъ-то растерянно Надежда Ивановна. — Приходится опять разбираться!..

И она принялась машинально развязывать узлы.

Когда, часа черезъ полтора послѣ описаннаго, Катерина Васильевна пришла въ баню провѣдать *постоялку*, то она даже руками всплеснула, взглянувъ на лицо несчастной Надежды Ивановны. Въ ту-же минуту она послала за фельдшеромъ, который и не замедлилъ явиться. Фельдшеръ осмотрѣлъ больную, пощупалъ пульсъ, выслушалъ сердце и, объявивъ, что *все пусто*, сбѣгалъ за лавровишниковыми каплями, съ достоинствомъ наизволивъ въ рюмку 28 капель и далъ принять ихъ Надеждѣ Ивановнѣ.

Но, часа два спустя послѣ визита фельдшера, съ сердцемъ Надежды Ивановны случилось что-то такое столь ужасное, что она въ испугѣ вскочила съ постели и прибѣжала къ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Что съ вами, душенька? вскрикнула та.

— Страшно, страшно мнѣ! прошептала Надежда Ивановна и испуганными глазами начала обводить комнату.

— Вы что, душенька! Ищете что-ли чего?

— Воды дайте мнѣ...

Весь этотъ день пробыла Надежда Ивановна у Катерины Васильевны: она боялась бани, боялась низенькихъ дверей, боялась черной закопѣлой комнатки, а, главное, боялась одиночества.

Вечеромъ, распростившись съ Катериной Васильевной, Надежда Ивановна пошла къ себѣ, дрожащею рукою ощупала скобку и, косившись отвернувъ дверь, вошла въ баню. «Куда я спички дѣла!» почти вскрикнула она, и бросилась ощупывать окно, самейку. Но, по мѣрѣ того, какъ она не находила коробки со спичками, она чувствовала, что силы все покидаютъ и покидаютъ ее. Дрожь пробѣжала по тѣлу ея. Она вспомнила станowego, вспомнила подписку и выбѣжала изъ бани.

Какъ только очутилась она на воздухѣ, такъ въ ту же минуту порѣшила идти къ Органскому, рассказать ему про визитъ станowego, про подписку и посоветоваться, что ей дѣлать. Она не шла, а бѣжала по направленію къ училищу, но въ училищѣ сказали ей, что Органскій переѣхалъ уже на квартиру. Она раз-узнала, гдѣ его квартира и побѣжала туда, но на квартирѣ ей объявили, что Органскій еще съ утра ушелъ къ невѣстѣ. Она побѣжала туда, но, увидавъ въ окно, что Органскій былъ у Анны Герасимовны не одинъ и что тамъ былъ и судебный приставъ, и Кургановъ, и фельдшеръ, войти не рѣшилась, пошла домой. На половникѣ дороги ей встрѣтились расфранченныя дамы: онѣ шли на вечеръ къ Аннѣ Герасимовнѣ. Съ удивленіемъ посмотрѣли онѣ на бѣжавшую Надежду Ивановну, спросили ее, куда она такъ торопится, но Надежда Ивановна, неслыхавшая даже вопроса, пробѣжала мимо, ничего не отвѣтивъ...

Ночь была лунная, свѣтлая, на небѣ ни одного облачка. Это была одна изъ тѣхъ ночей, которыя, серебрянымъ блескомъ обливая окрестность, превращаютъ ее въ какую-то сказочную картинку царства тѣней и свѣта.

Надежда Ивановна пошла по дорогѣ, ведущей къ лѣсу, отдѣляющему село Малиновку отъ усадьбы генерала Малахова. Дойдя до лѣса, она остановилась, посмотрѣла кругомъ и даже улыбка обрисовалась на ея губахъ. «Ну, вотъ, прошептала она:—здѣсь не страшно; прохожу до разсвѣта, а утромъ пойду къ Органскому и посоветуюсь съ нимъ. Какъ хорошо здѣсь, какъ свѣтло!» И Надежда Ивановна принялась любоваться картиной. Она стояла на дорогѣ, пролегавшей по нагорному берегу рѣки. Вправо видѣлось село Малиновка, мельница Семена Иваныча, окутанная громадными ветлами, влѣво лѣсъ, раскинутый по полугорью, а спереди—луга съ извивавшейся лентой рѣки. Соловьи оглашали окрестность. Все было тихо, все какъ будто внимало этой музыкѣ ночи. Рѣка горѣла серебрянымъ блескомъ и неподвижныя воды ея, точно зеркало, отражали въ себѣ прилегавшіе берега. Въ ней опрокидывались и деревья лѣса, и смнее небо съ серебрянымъ кругомъ луны.

Насмотрѣвшись вдоволь на все это, Надежда Ивановна пошла по дорожкѣ, углубившейся въ лѣсъ. Въ лѣсу тоже царствовала тишина, только тѣни было больше подъ зеленымъ шатромъ его, да воздухъ былъ какъ-то сырѣй и прохладнѣй. Въ густой травѣ блестяли свѣтащіяся жучки; словно какая-то волшебница убрала лѣсъ брилліантами. И вспомнила опять Надежда Ивановна свое дѣтство, вспомнила прожитую жизнь, вспомнила выданную становому записку, и снова мрачныя мысли ворвались въ ея голову. Она шла тихо и не замѣчала даже, какъ все дальше и дальше углублялась въ лѣсъ. Наконецъ, она остановилась, стала прислушиваться и сердце ея замерло. Вопросъ: что дѣлать? какъ страшный призракъ, вновь всталъ передъ нею и сжалъ ей сердце. Надежда Ивановна вздрогнула, провела рукой по головѣ, пощупала сердце и пошла дальше. И, по мѣрѣ того, какъ углублялась она въ это царство тѣни, мысли ея путались, перемѣшались. Неужели ѣхать къ мужу, неужели сдѣлаться горничной? А нагайка? И вдругъ вопль вырвался изъ груди ея, голова закружилась, сердце замерло и она, чтобъ не упасть, прислонилась къ стволу дерева. Силы ея оставили, голова продолжала кружиться. Прямо надъ нею спускался сучекъ дерева, она могла даже достать его рукою. Она подняла руку, ухватилась за сучекъ и въ ту же минуту словно что-то вспомнила, и улыбка исказила лицо ея...

XVI.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго, состоялось бракосочетаніе Органскаго съ Анной Герасимовной, вскорѣ послѣ котораго молодые переѣхали на хуторъ и принялись за хозяйство. Какъ только совершился обрядъ вѣчанія, такъ въ ту же минуту Анна Герасимовна вступила въ права законной супруги и сразу подобрала мужа въ руки. Она объявила ему, что если онъ будетъ продолжать вести себя по прежнему, то нуть идетъ себѣ, куда ему угодно и что она теперь, когда *голова ея покрыта*, отлично обойдется и безъ него. Денегъ она мужу не давала и въ скоромъ времени такъ вынуждила Органскаго, что онъ безъ спроса не смѣлъ даже отлучаться съ хутора. Генералъ Малуховъ тоже успокоился; въ привычки нанялъ себѣ известнаго намъ Платона Васильича, съ которымъ пѣлъ когда-то «Жизни тотъ одинъ достоинъ», а экономкой сдѣлалъ тоже известную намъ Анисью. Жалованья полагаются ей не 20 рублей въ мѣсяцъ, какъ получала Анна Герасимовна, а всего 5 рублей, пол-

фунта чаю въ 60 коп. и 2 фунта сахару; относительно же отсыпнаго генераль назначилъ ей: одинъ пудъ муки ржаной, 1 пудъ пшеничной и полмѣры пшена. За эту плату Анисья дѣлала все и всюду поспѣвала. Она мочила, солила, варила варенья, дѣлала наливку и даже совѣтовала генералу расчестъ кухарку.

— На что ее, ваше превосходительство! говорила она.—Для вашей милости я и сама вамъ обѣдъ изготавлю.

— Ты съумѣешь ли?

— Эка хитрость какая! я бы и прачку-то совѣтовала вамъ расчестъ.

— Неужто и бѣлье сама мыть хочешь?

— Да то! хуже ее что ли выстрадаю; на одного-то на васъ нѣшто много времени надоть!

И дѣйствительно, генераль вскорѣ уволилъ и кухарку и прачку, и все дѣло ихъ передалъ Анисьѣ. Онъ не зналъ, какъ благодарить Семена Иваныча за рекомендацію. Онъ и пилъ и ѣлъ въ сласть; въ домѣ его все отличалось порядкомъ. Расторопная Анисья поспѣвала всюду и дѣло кипѣло у нея въ рукахъ; но за то полевое хозяйство, которымъ завѣдывалъ Платонъ Васильичъ, шло изъ рукъ вонъ плохо. Земля обрабатывалась дурно, хлѣбъ убирался несвоевременно и небрежно, плотина на мельницѣ все еще оставалась незапруженною, съ рабочими онъ не умѣлъ справляться: кричалъ, ругался, а дѣло все-таки не спорилось. Но когда Платонъ Васильичъ встрѣчался съ генераломъ, то за нѣсколько шаговъ еще останавливался, вытягивался въ струнку и, приложивъ руку къ козырьку, встрѣчалъ и провожалъ его глазами. Иногда генераль Малаховъ важно подходилъ къ нему и тоже сдѣлавъ подъ козырекъ, спрашивалъ:

— Ну, что, все ли благополучно?

— Все слава Богу, ваше превосходительство.

— Хлѣбъ свезенъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Рожь посѣяна?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— А мельницу запрудили?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, спасибо.

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Въ то самое время, когда оканчивается настоящій рассказъ небо застилается быстро бѣгущими сѣдыми тучами и дождь льетъ какъ изъ ведра. Ненасѣе это продолжается уже нѣсколько дней и сложенные въ копны рожь, пшеница, овесъ и ячмень промочены насевозъ. Хлѣбъ начинаетъ прорастать; снопы по-

крылись мѣстами зеленью тронувшихся зеренъ; злобнѣе грибы-поганки и дождевики цѣлыми кучами покрываютъ землю; на сжатыхъ поляхъ стоятъ болота воды; по дорогамъ нельзя ѣхать, вязнуть лошади и колеса. Съ ужасомъ смотрятъ всё на небо и на поля и съ ужасомъ помышляютъ о погибшихъ трудахъ. А съ дна тучи все летать и летать съ запада на востокъ, извергая потоки воды... Пролетитъ одна туча, окатитъ поля водой, а слѣдомъ за нею ползетъ другая.

Генералъ Малаховъ стоитъ на крыльцѣ и со злобой смотритъ то на тучи, то на поля съ гнѣющимъ хлѣбомъ.

— Лей, лей, подлецъ! кричитъ онъ. — Лей, лей, вотъ такъ! прибавь, прибавь еще! Ты думаешь, у генерала денегъ нѣтъ — врешь, подлецъ, еще есть!

Какъ-то разъ корреспондентъ Кургановъ, зайдя на хуторъ въ Органскому, разговорился съ нимъ про Надежду Ивановну и про ея смерть.

Органскій захохоталъ.

— Это, братецъ, нынче въ модѣ!.. проговорилъ онъ. — Вотъ недавно одному моему пріятелю надоѣло застегиваться и расстегиваться... Обозлился человѣкъ... «Да что же это такое, говоритъ онъ:— скоро ли этому конецъ будетъ!» взялъ револьверъ да и всадилъ себѣ пулю въ лобъ!

Надежда Ивановна похоронена не на кладбищѣ, а возлѣ, во все-таки на могилѣ ея кто-то поставилъ крестъ, который и стоитъ до сихъ поръ, напоминая собою тяжелую исторію бѣдной женщины.

И. Саловъ.

НА ВЫСОТѢ И НА ДОЛѢ.

(Изъ сказаній XVII столѣтія).

I.

— Когда я была еще въ отроческомъ возрастѣ, явилась на небѣ чудная звѣзда съ превеликимъ хвостомъ и звали ее въ народѣ «хвостушей». Бывало, лишь зайдетъ солнце и она чуть-чуть, какъ пятнышко, покажется на востокѣ; потомъ заморцаетъ ярче, а ночью засіяетъ на темномъ небѣ свѣтлѣе всѣхъ звѣздъ. Смотрѣла я по-долгу на нее и о многомъ думалось мнѣ; но знаешь ли, отче, мнѣ тогда становилось очень страшно...

Такъ говорила царевна Софія Алексѣевна стоявшему передъ нею монаху, который съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ каждому ея слову.

— Ты звѣздочетъ, такъ скажи мнѣ: что за звѣзда явилась тогда? спросила пытливо царевна.

— Подобныя звѣзды нарицаются съ греческаго языка кометами, что будетъ значить волосатая звѣзда. Называются онѣ также звѣздами прогностическими или пророческими, наставительно отвѣчаютъ монахъ.

— Изъ чего же сотворены онѣ? перебила съ живостью молодая дѣвушка.

— Изъ того, что по-латыни зовется матерією, а по-гречески эиромъ; эиръ же для созданія такой звѣзды или кометы былъ сперва сгущенъ силою Божією, а потомъ зажженъ солнцемъ.

Софія слово въ слово повторила это объясненіе.

— Такъ ли я уразумѣла твою рѣчь? спросила она.

— Ты совершенно вѣрно пересказала мои слова, благородная

царевна, одобрительно и съ выраженіемъ удовольствія на лицѣ отозвался монахъ.

— А зачѣмъ же являются такіа звѣзды? ты знаешь или гдѣтъ?

— Тайны Божіи непроницаемы для насъ, смертныхъ человѣковъ. Всего нашъ умъ объять не можетъ, но какъ убѣдились мудрецы, какъ толкуютъ умные люди и какъ поучаетъ исторія, кометы являются на небеси во знаменіе грядущихъ событій. Ходятъ онѣ превыше луны и звѣздъ, никто не отгадаетъ ихъ бѣга по тверди небесной; никто не вѣдаетъ, гдѣ и когда онѣ зарождаются, гдѣ и когда онѣ исчезаютъ, поучала монахъ царевну.

— Ты говоришь, что кометы являются во знаменіе грядущихъ событій, а какихъ же? Расскажи мнѣ о томъ, отецъ Симеонъ, сказала царевна. — Да ты, вѣрно, ужъ усталъ стоять, присядь, ласково добавила она.

Царевна вела эту бесѣду съ монахомъ въ своемъ теремѣ. Въ той комнатѣ, гдѣ они теперь были, шла вдоль одной изъ стѣнъ лавка, покрытая персидскою камкою. Въ переднемъ или красномъ углу этой комнаты, стоялъ подъ образами столъ съ положенными на немъ книгами, а подлѣ него было большое, съ высокою рѣзною спинкою, обитое синимъ бархатомъ дубовое кресло, на которомъ сидѣла Софья Алексѣевна. По тогдашнему обычаю, на это единственное во всей комнатѣ кресло, кромѣ царевны, какъ хозяйки терема, а также навѣщавшихъ ее царя, царицы, членовъ царскаго семейства и патріарха, никто не могъ садиться. Всѣ же мужчины и женщины, какъ бы знатны и стары они ни были и какъ бы долго ни шла у нихъ бесѣда съ царевной, должны были во все время разговора оставаться передъ нею стоя и только изрѣдка, въ видѣ особой милости, имъ дозволялось садиться на лавку поодаль отъ царевны.

Монахъ низко поклонился Софїи Алексѣевнѣ, благодаря ее повелѣніемъ за чрезвычайный оказанный ему почетъ, и затѣмъ присѣлъ на лавку.

— Явленіе кометъ предвѣщаетъ разныя событія, началъ онъ:— чаще же всего предвѣщаютъ онѣ бѣдствія народныя, въ числѣ коихъ три бѣдствія полагаются главными: война, моръ и голодъ. Предвѣщаютъ кометы и о другихъ еще бѣдствіяхъ, какъ-то: о потопахъ, о кончинѣ славнаго государя и о паденіи какого-либо знаменитаго царства. О наступленіи всѣхъ такихъ событій надлежитъ угадывать по тому, гдѣ впервые комета появится, на востокъ или на западъ, куда она своей хвостъ поворачиваетъ и куда сама направляется, въ какую пору, наиболѣе блеститъ она, какого цвѣту бываетъ ея сіяніе, сколько главныхъ лучей идетъ

отъ нея и многое, сверхъ того, еще наблюдать должно. Для познания всѣхъ предвѣщаній, дѣлаемыхъ кометою, нужны, царевна, и мудрость, и книжное ученіе, и многолѣтняя опытность.

— Ты, отче, я думаю, всѣ небесныя явленія легко уразумѣть можешь!.. Какой ты счастливый!.. какъ будто съ сожалѣніемъ о себѣ самой и съ завистью къ своему ученому собесѣднику проговорила царевна.

— Гдѣ все уразумѣть мнѣ, грѣшному человѣку!.. Но, впрочемъ, слава Господу, сподобилъ онъ меня понимать многое, скромно замѣтила монахъ.

Наступило молчаніе. Монахъ, какъ казалось, размышлялъ самъ съ собою; а царевна, опершись рукою на столъ и склонивъ на ладонь голову, обдумывала тѣ вопросы, которые хотѣлось ей предложить своему наставнику. Во время бесѣды любимая постельница царевны, Федора Родилца, родомъ украинская казачка, стояла, прислонившись спиною къ стѣнѣ. Съ видимымъ любопытствомъ старалась она прислушаться къ происходившему между царевною и Семіономъ разговору; но замѣтно было, что многое она не могла взять въ толкъ и, поутомившись порядкомъ, начинала пощѣвывать и безпрестанно переминалась съ ноги на ногу.

— Ты бы, Семеновна, пошла да отдохнула; придешь ко мнѣ послѣ, сказала царевна постельницѣ.

Родилца, приложивъ подъ грудь вдоль пояса правую руку, отвѣсила ей нивкій поклонъ и тихими шагами вышла изъ комнаты.

— Вѣдь наука гаданья по звѣздамъ называется астрологією? Такъ?.. спросила Софья монаха по уходѣ постельницы.

— Ты вѣрно говоришь, благородная царевна, отвѣчалъ онъ.

— А гаданіе, составленное по теченію звѣздъ, зовется гороскопомъ.

— И это вѣрно изволишь называть, перебилъ Семіонъ.

— Видишь, преподобный отче, я все помню, чему ты наставляешь меня, не безъ нѣкотораго самодовольства замѣтила Софья.

— Недостойнъ я, смиренный, такой славной ученицы, какъ ты, благосѣрная царевна! Сердце мое радуется, когда я смотрю на тебя, и дивлюсь я твоему уму-разуму и твоей жаждѣ къ познаніямъ.

На лицѣ Софій мелькнуло удовольствіе при сдѣланной ей похвалѣ.

— А вѣдь по звѣздамъ можно гадать больше, чѣмъ по кометамъ? спросила она.

— Рѣчь твоя разумна: кометы предвѣщаютъ только важнѣйшія, чрезвычайныя, такъ сказать, народныя или политическія событія, тогда какъ по сочетанію звѣздъ и планетъ можно предсказать судьбу каждаго человѣка, глубокомысленно замѣтилъ наставникъ.

— Скажи мнѣ, отче, но скажи по сущей правдѣ: извѣстно ли тебѣ, что, при рожденіи брата моего, царевича Петра Алексѣевича, былъ составленъ гороскопъ, и не знаешь ли ты, что было предречено царевичу астрологами?.. полушопотомъ спросила Софія, не безъ волненія ожидая отвѣта на этотъ вопросъ.

— Слышала я, отвѣчала нерѣшительно монахъ:—будто бывшему здѣсь въ Москвѣ голландскому резиденту Николаю Гейнвию писалъ нѣчто изъ Утрехта землякъ его, профессоръ Гривій. Вѣдомо мнѣ также, что государь, твой родитель, посылалъ къ знаменитымъ голландскимъ астрологамъ приказъ, чтобъ они составили гороскопъ новорожденному царевичу. Много золота онъ заплатилъ имъ за это. Предсказали же они царевичу, что онъ въ монархахъ всѣхъ славою и дѣланіями превзойдетъ, что сосѣдей враждующихъ смиритъ, дальнія страны посѣтитъ, мятежи внутренніе и нестроенія обуздаетъ, многія зданія на морѣ и на сушѣ водвигнетъ, истребитъ злыхъ; вознесетъ трудолюбивыхъ и насадитъ благочестіе, гдѣ его не было, и тамъ покой приметъ. Слышно также, что и епископъ Димитрій, увидѣвъ звѣзду пресвѣтлую около Марса, предсказалъ твоему родителю, что у него будетъ сынъ, что ему наречется имя Петръ и что не будетъ ему подобнаго среди земныхъ владыкъ.

Царевна съ замѣтнымъ безпокойствомъ прислушивалась къ разсказу своего собесѣдника, который, пріостановившись немного, таинственно, чуть слышнымъ голосомъ добавилъ:

— Но за то вѣкъ его будетъ непродолжителенъ.

Софія какъ будто встрепенулась при этихъ словахъ.

— А что пророчать звѣзды о моей судьбѣ? тревожно спросила она.—Вѣдь ты, отецъ Семіонъ, обѣщалъ составить мой гороскопъ.

— До сихъ еще поръ сочетаніе планетъ и теченіе другихъ свѣтилъ небесныхъ не благопріятствовали мнѣ, и я не могъ начертать весь твой гороскопъ. Я знаю пока только то, что ты, благовѣрная царевна, будешь на высотѣ, торжественно-пророческимъ голосомъ проговорилъ монахъ.

Софія быстро поднялась съ кресель, щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ и она уперла свои смѣлые глаза на Семіона, который быстро приподнялся съ лавки.

— А развѣ я теперь не на высотѣ, а на долѣ? гордо и раз-

драженно спросила она. — Развѣ я не московская царевна, не дочь и не внука великихъ государей всея Руси? Мачиха моя, царица Наталія Кирилловна, никогда не отниметь и не умалить моей царственной чести...

— Не о высоту твоего рожденія говорю я, благовѣрная царевна, спокойно перебилъ Семіонъ: — на эту высоту поставилъ тебя Господь Вседержитель, такъ что ты тутъ не при чемъ. Я говорю о другой высотѣ, о той, какой ты сама, при помощи Божіей, можешь достигнуть...

Тяжело дыша, прислушивалась Софья къ словамъ монаха.

— О какой же высотѣ говоришь ты?.. рѣзко спросила она. — Развѣ я могу стать еще выше? Развѣ у насъ въ московскомъ государствѣ для женскаго пола, кромѣ терена, да монастыря, есть что-нибудь другое? Развѣ есть у насъ такой путь, на которомъ женщина можетъ вознестись и прославиться? Ты, отецъ Семіонъ, хоть родомъ и изъ Польши, но давно живешь въ нашей сторонѣ и пора бы тебѣ ознакомиться съ нашими обычаями, и знать, что на Москвѣ не такъ, какъ у васъ въ Польшѣ...

— Знаю, хорошо знаю я всѣ ваши московскіе обычай, заговорилъ монахъ: — вѣдомо мнѣ, что они совсѣмъ иные противъ того, что ведется въ Польшѣ и въ другихъ чужеземныхъ государствахъ; да развѣ, сказать примѣромъ, хоть бы въ греческой странѣ, въ Византіи, гдѣ женскій полъ былъ въ такой же неволѣ, какъ и у васъ, не мало прославилось женщинъ изъ царскаго рода?

— Садись, отче, сказала Софья Семіону, опускаясь сама опять въ кресло: — и расскажи мнѣ о нихъ что-нибудь.

Монахъ сѣлъ на лавку на прежнее мѣсто.

— Я расскажу тебѣ, благовѣрная царевна, о дочери грече ского кесаря Аркадія, о царевнѣ Пульхеріи. Жила она двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. По смерти отца ея, правленіе имперіею греческою перешло къ брату ея Θεодосію; онъ былъ скорбенъ главою, а она была свѣтла умомъ и тверда волею. Стала при немъ управлять царствомъ пѣстунъ его Антиохъ, родомъ персъ, но царевна не стерпѣла этого: она удалила Антиоха отъ царскаго двора и начала править за своего брата. Нашлись, однако, у нея враги и повели дѣло такъ, что братъ царевны, наущенный ими, приказалъ заключить ее въ дальній монастырь. Она сошла съ высоты, но не долго пребывала на долѣ. Вскорѣ возвратилась она въ царскіе чертоги, снова взяла власть надъ братомъ и правила царствомъ до самой его кончины...

— Что же случилось съ нею потомъ? торопливо перебила Софья, съ напряженнымъ вниманіемъ слушающая повѣствованіе монаха.

— По смерти брата, царская власть осталась въ ея рукахъ; но такъ какъ въ Византін не было обычая, чтобъ замужня женщина, а тѣмъ паче дѣвица, заступала мѣсто кесаря, то Пульхерія взяла себѣ въ супруги прославившагося и добродѣтельнаго полководца Маркіана, но власти ему не дала. Осталась она и въ бракѣ съ нимъ дѣвственницею и со славою управляла царствомъ до конца своей жизни.

— Но вѣдь, кромя нея, были и другія женщины, которыя правили царствомъ; я помню, ты рассказывалъ мнѣ о королеви аглицкой Елизаветѣ; да въ нашемъ царствѣ, какъ значитъ въ «Степенныхъ Книгахъ», прославилась благовѣрная великая княгиня Ольга...

— Ну, вотъ видишь, благородная царевна, значитъ и въ российскомъ царствѣ были именитыя жены...

— Иные тогда, какъ видно, были обычая, женской полъ былъ тогда свободенъ; царицы и царевны не сидѣли въ заперти въ своихъ теремахъ, какъ сидятъ теперь. Знаешь ли, преподобный отче, какъ я тоскую!.. Что за жизнь наша! Смотрю я на коней старыхъ тетокъ, и думается мнѣ, какъ безутѣшно скоротали онѣ свой вѣкъ: никакихъ радостей у нихъ не было! На что мнѣ всё богатства, на что мнѣ золото и камни самоцѣтныя, когда нѣтъ никакой воли? Развѣ такъ живутъ чужестранныя королевны?

— Что и говорить о томъ, благовѣрная царевна. Въ вашей царской семьѣ жизнь повелась иными обычаями; царевнѣ замужь за своихъ подданныхъ родители не выдаютъ, а иностранныя принцы въ Москву свататься не ѣздятъ.

— А межъ тѣмъ, гдѣ же найдешь для мужа лучшее житье, какъ не у насъ на Москвѣ? улыбувшись, перебила Софія.— Вотъ посмотри, чему поучаютъ у насъ, сказала она, взявъ со стола переплетенныя въ кожу рукописныя поученія Козьмы Халкандскаго.

— «Пытайте, начала она читать:—ученье, которое говоритъ: женѣ не вели учить, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и покореніи. Рабъ бо разрѣшится отъ работы господскія, а женѣ нѣтъ разрѣшенія отъ мужа». Поучаютъ также у насъ, что отъ жены древнейшій грѣхъ произошелъ и что съ него всё умираетъ. Выходитъ такъ, что нашъ полъ во всемъ виноватъ, а мужской нѣ-за насъ только неповинно страдаетъ...

— Это древнее ученіе, сила его ослабла, возражилъ Семіонъ.

— Да, у просвѣщенныхъ народовъ, а не у насъ; ты самъ не мало разъ мнѣ говорилъ, что народъ нашъ еще не просвѣщенъ, замѣтила Софія.

— Не просвѣщенъ-то онъ не просвѣщенъ—это такъ, а все же и у васъ людей разумныхъ и книжныхъ наберется не мало, только итъ имъ ходу, да и мало кто знаетъ о нихъ. Вотъ хоть бы Селиверстъ Медвѣдевъ—какой умный и ученый человекъ! Соизволь, царевна, чтобъ я привелъ его къ тебѣ, ты побесѣдуешь съ нимъ и на пользу, и въ угоду себѣ.

— Я не прочь отъ знакомства съ такими людьми, приведи его ко мнѣ; онъ, статья можетъ, вразумить меня многому, а тебѣ, преподобный отче, приношу мое благодареніе за то, что ты наставляешь меня всякой премудрости и божеской и людской. Принеси мнѣ еще твоихъ писаній, читаю я ихъ съ отрадою; а теперь иди съ Богомъ.

Монахъ сталъ креститься передъ иконой и потомъ поклонился въ ноги царевнѣ, которая пожаловала его къ рукѣ, а онъ благословлялъ ее. Послѣ этого Семіонъ вышелъ, а царевна, оставшись въ креслахъ, глубоко задумалась: рассказъ о царевнѣ Пульхеріи задалъ въѣздъ мысли. Ей казалось, что положеніе этой царевны было во многомъ сходно съ тѣмъ, въ какомъ она сама находилась.

II.

Непритворно сѣтовала Софія Алексѣевна передъ Семіономъ на свою долю. Жизнь московскихъ царевенъ была для нея не весела и казалась гораздо хуже, чѣмъ жизнь дѣвушки-простолюдинки, пользовавшейся до замужества свободой въ родительскомъ домѣ. Чѣмъ выше было въ ту пору общественное положеніе родителей дѣвицы, тѣмъ болѣе стѣснялась ея свобода, а царевны въ своихъ теремахъ жили въ безысходной неволѣ. Можно съ увѣренностію сказать, что ни въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ монастырей не было столько строгости, воздержанія, постовъ и молитвъ, сколько въ теремахъ московскихъ царевенъ. Во всемъ этомъ могло быть не мало и лицемерія, а при немъ еще тяжелѣе становилось строгое соблюденіе изстари введенныхъ порядковъ. Царевенъ держали настоящими отшельницами: онѣ тихо увядали, осужденныя на жизнь вѣчныхъ затворницъ. Имъ были чужды тревоги молодой жизни, хотя бы сердце и подсказывало порою о любви, о которой, впрочемъ, онѣ могли узнавать развѣ только по сказкамъ своихъ нянюшекъ, болтавшихъ по вечерамъ о прекрасныхъ царевичахъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на большинство царственныхъ отроковицъ и сказки

съ любовнымъ содержаніемъ производили самое слабое впечатлѣніе. Привыкнувъ отъ ранняго дѣтства къ своему затворничеству въ теремѣ, царевны ограничивали свои помыслы лишь потребностями зауряднаго домашняго обихода; сердечнымъ ихъ порывамъ не было ни простора, ни исхода: имъ не на кого даже было направить ихъ дѣвичьи мечты и грѣзы, если бы онѣ случайно встревожили и взволновали ихъ.

Изъ постороннихъ мужчинъ никто не могъ входить въ ихъ терема, кромѣ патріарха, духовника, да ближайшихъ сроднивовъ царевенъ, при томъ и изъ числа этихъ сроднивовъ допускались туда только пожилые. Врачи, въ случаѣ недуга царевенъ, не могли ихъ видѣть. Изъ теремовъ царевны ходили въ дворцовыя церкви крытыми переходами, не встрѣчая на своемъ пути никого изъ мужчинъ. Въ церкви были онѣ незримы, такъ какъ становились на особомъ мѣстѣ въ тайникахъ, за занавѣсью изъ цвѣтной тафты, черезъ которую и онѣ никого не могли видѣть. Рѣдко выѣзжали царевны изъ кремлевскихъ хоромъ на богомолье или на лѣтнее житіе въ какое-нибудь подмосковное дворцовое село, но и во время этихъ переѣздовъ никто не могъ взглянуть на нихъ. Царевенъ обыкновенно возили ночью, въ наглухо закрытыхъ рыдванахъ съ поднятыми стеклами, а при проѣздѣ черезъ города и селенія стекла задергивали тафтою. Онѣ не являлись ни на одинъ изъ праздниковъ, бывавшихъ въ царскомъ дворцѣ. Только при погребеніи отца или матери царевны могли идти по улицѣ пѣшкомъ, да и то въ непроницаемыхъ покрывалахъ и заслоненныя по бокамъ «запонами», т. е. суконными плдами, которыя со всѣхъ сторонъ около нихъ несли ихъ сѣнныя дѣвушки. Въ проѣздѣ царевны или царевенъ въ какую-нибудь церковь или въ какой-нибудь монастырь соблюдались особые строгіе порядки. Въ церкви не могъ быть никто, кромѣ церковниковъ. По проѣздѣ же въ монастырь, всѣ монастырскія ворота запирались на замки, и ключи отъ нихъ отбирались; монахамъ запрещалось выходить изъ келій; службу отправляли проѣзжавшіе съ царшею или царевною попы, а на клиросахъ гѣли привезенныя изъ Москвы монахини. Только въ то время, когда особы женскаго пола изъ царскаго семейства выѣзжали изъ монастыря, монахи могли выйти за ограду и положить вслѣдъ уѣзжавшимъ три земныхъ поклона.

Въ дѣтствѣ царевенъ холили и нѣжили, и все ихъ образованіе ограничивалось плохимъ обученіемъ русской граматѣ. Одна царевна Софія Алексѣевна составляла исключеніе въ этомъ отношеніи. Выростали онѣ, и начиналась для нихъ скучная и одно-

образная жизнь въ теремахъ. Утромъ и вечеромъ продолжительныя молитвы, потомъ руководѣя, слушаніе чтеній изъ божественныхъ книгъ, бесѣды со старицами, нищенками и продажными бабами. Все же мірское ихъ развлеченіе ограничивалось писаннымъ пѣніемъ сѣнныхъ дѣвушекъ, да забавами съ шутками.

Затворничество царевнѣ было такъ строго и ненарушимо, что, напримѣръ, пріѣхавшій въ Москву свататься къ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ Вальдемаръ, графъ Шлезвигъ-Гольштинскій, прожилъ въ Москвѣ для сватовства полтора года, не видѣвъ ни разу, хоть бы мелькомъ, своей невѣсты. Затворничество въ семейной жизни московскихъ царей доходило до того, что даже царевичей никто изъ постороннихъ не могъ видѣть ранѣе дозрѣнія ими пятнадцати лѣтъ.

Вотъ какъ современникъ этого нелюдимаго быта, Котошининъ, очертилъ его: «Царевны имѣли свои особые покои разныя, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже имѣяй удовольствія царственныя, не имѣяй бо себѣ удовольствія такого, какъ отъ Бога в дано человѣкомъ». Это мнѣніе бытописателя объясняется тѣмъ, что «государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати царевнѣ не повелось, потому что и князи и бояре есть ихъ холопы и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопыми, и то поставило бы въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдать госпожу; а иныхъ государствъ за королевичей и князей давати не повелось для того, что не одной вѣры и вѣры своей отмѣнити не учинять, ставить то своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что нынѣ государствъ языка и политики не знаютъ и отъ того имъ было бы въ стыдъ».

Живя въ избыткѣ и въ тишинѣ съ усвоившимися, а можетъ быть, и никогда невозбуждавшимися страстями, эти царственныя отрасли еще въ нестарые годы тяжелѣли тѣлесно и окончательно тупѣли умственно. Свыкшись съ дѣтства съ неволюю, онѣ не замѣчали ея, и обыкновенно умирали въ преклонныхъ лѣтахъ, много напостившись и намолившись, и не мало раздавали милостыни.

У царевны Софіи Алексѣевны были на глазахъ примѣры такой жизни, казавшейся ей томительной и невыносимой. Въ то время, когда она подростала, въ царской семьѣ было девять безбрачныхъ царевнъ. Изъ нихъ двѣ ея тетки были уже почтенныя старушки. Онѣ только молились, да постились, отрѣшась отъ всего мірскаго и думая единственно о спасеніи души. Изъ сестеръ-царевнъ шесть было отъ перваго брака ея отца съ

Марією Ильиничной Милославской; изъ нихъ, Анна постриглась и скончалась въ монастырѣ. А отъ второго брака царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиною была одна только дочь Наталья Алексѣевна. Изъ всѣхъ царевенъ три были моложе Софіи. Всѣ онѣ, и старыя и юныя, безропотно покорались своей участи. Одна только царевна Софія, уминая, страстная и кипучая нравомъ, не хотѣла поддаться своей долгѣ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ рвалась душою изъ тѣснаго терема на просторъ.

По смерти царя Алексѣя Михайловича, съѣзъ въ 1676 году на московскій престолъ старшій его сынъ Ѳеодоръ, болѣзненный шестнадцатилѣтній юноша, и тогда уже пошла по Москвѣ молва, будто бы покойный государь хотѣлъ передать верховную власть, помимо старшихъ своихъ сыновей, Ѳеодора и Ивана, болѣзненныхъ и неспособныхъ, самому младшему сыну, царевичу Петру. Москва приписывала это намѣреніе провскамъ молодой царицы Натальи Кирилловны, которая хотѣла устранить отъ престола своихъ пасынковъ и доставить его своему родному сыну Петру, въ то время только четырехлѣтнему отроку, отличавшемуся и здоровьемъ и бойкостью. При царскомъ дворѣ шли тогда интриги и проски между представителями двухъ фамилій, родственныхъ царскому дому, между Милославскими и Нарышкиными, и каждая изъ этихъ фамилій старалась о томъ, чтобы представить корону царевичу, принадлежавшему по матери или къ семейству Милославскихъ, или къ семейству Нарышкиныхъ. Обѣ эти семьи имѣли своихъ приверженцевъ среди боярства, но ни одна не пользовалась расположеніемъ среди чиновнаго люда и любовью въ народѣ. Дворцовыя интриги могли бы прекратиться, еслибы у царя Ѳеодора Алексѣевича былъ сынъ, прямой наследникъ престола, но онъ, послѣ смерти одного сына, остался бездѣтенъ отъ перваго брака съ Агаѳею Семеновной Грушецкой, и не было у него пока дѣтей отъ втораго его брака съ пятнадцатилѣтней Марѳой Матвѣевной Апраксиной; слабость же его здоровья была плохой порукой за его долголѣтіе, и теперь въ теремѣ царицы Натальи Кирилловны зрѣли замыслы на случай вочины царя Ѳеодора.

Чѣмъ больше подросла царевна Софія, тѣмъ тяжелѣе становилась для нея затворническая жизнь. Въ будущемъ не видѣлось ничего отраднаго, а воспоминанія о минувшемъ дѣтствѣ хоть и могли быть пріятны, но и они уже не тѣшили молодой дѣвушки съ пылкими страстями, съ умомъ, все болѣе и болѣе развивавшимся и требовавшимъ не теремной обстановки, а живой, кипучей дѣятельности.

Въ памяти царевны оживали порою ея дѣтскіе годы, проведенные въ роскошныхъ кремлевскихъ палатахъ и въ тѣнистыхъ садахъ села Коломенскаго, но и эти воспоминанія отравлялись воспоминаніемъ о той неволѣ, въ какой держали ее въ ту пору, когда надобдливныя мамы и няни носили на рукахъ, какъ бы не довѣря, что она умѣетъ ходить.

Присмотрѣлась царевнѣ и пышная полу-азиатская обстановка московскаго двора и не нравилась она Софіи потому, что въ ней на каждомъ шагѣ проглядывали стѣсненія и неволи женщины подъ строгимъ охраненіемъ стародавнихъ московскихъ обычаевъ.

Бывало, царица, мать Софіи, совершая «богомольные подвиги», отправится въ монастырь; засадятъ молоденькую царевну въ наглухо закрытую колымагу, а ей между тѣмъ хотѣлось бы посмотреть, что дѣлается за стѣнками терема. Подсмѣивалась тайкомъ царевна и надъ страннымъ коѣздомъ, сопровождавшимъ царицу-мать при отправкѣ на богомольные подвиги. Впереди, свяди и по бокамъ царицыной колымаги ѣхали тогда попарно горничныя дѣвушки верхомъ, сиди въ сѣдлахъ но мужски, одѣтыя въ пестрыя длинныя платья и съ желтыми сапогами на ногахъ, въ высокихъ шляпахъ изъ бѣлаго войлока, съ алыми на нихъ лентами и съ такими же кистями, а лица этихъ молодыхъ и старыхъ наѣздницъ были плотно закрыты густыми повывалами. Весь складъ московско-царской жизни, лишенный всякаго умственного движенія, приходился ей не по душѣ. Не любила царевна проводить время въ пустыхъ толкахъ съ обычными посѣтительницами теремовъ, не по ней были занятія рудоѣльными и рѣдко заглядывала она въ мастерскую палату, гдѣ множество женщинъ и дѣвушекъ шили наряды царицѣ и царевнамъ и изготовляли воздухи, пелены и облаченія для патріарха, архіереевъ, черкешъ и монастырей. Царевна томилась и изнывала, сознавая, какъ безцѣльно и бесплодно проходитъ ея молодая жизнь. Вѣчныя прятки отъ людей, удаленіе отъ всего, что давало просторъ мыслямъ и чувствамъ, сильно смущали ее, и любимой мечтою Софіи было—порвать тѣ путы, которыя приготовило ей на всю жизнь ея царственное рожденіе.

III.

Уже нѣсколько дней обычный ходъ жизни въ кремлевскомъ дворцѣ замѣтно измѣнился. Государь не вставалъ по обыкновенію раннимъ утромъ въ 4 часа. Не ожидали царскій духовникъ или крестовой поцъ и царскіе дьяки его выхода въ крестовую

палату, гдѣ онъ каждой день совершалъ утреннюю молитву, послѣ которой духовникъ, осѣнивъ его крестомъ, прикладывалъ крестъ къ его лбу и щекамъ и кропилъ святою водою, привозимую изъ разныхъ монастырей въ вощанныхъ сосудцахъ. Въ крестовой палатѣ, передъ устроеннымъ въ ней богато и ярко выключеннымъ иконостасомъ, теплились теперь только лампы, а не зажигались восковыя свѣчи разныхъ цвѣтовъ, какъ это дѣлалось во время царской молитвы. Въ отсутствіи царя, духовникъ его и царскіе дѣяки пѣли въ крестовой палатѣ молебны о издоровленіи государя, послѣ чего, по заведенному порядку, царскій духовникъ клалъ на аналой икону того праздника или святого, который приходился въ этотъ день, но не читались тамъ поучительныя слова и житія святыхъ, которыя слушала ежедневно царь, сѣвъ по окончаніи молитвы на кресло, стоявшее въ видѣ трона, посреди крестовой палаты. Такія отступленія отъ установленнаго порядка показывали, что государь былъ такъ боленъ, что не могъ подняться съ постели.

О тяжкомъ недугѣ царя свидѣтельствовало и то, что по установленному обычаю одинъ изъ ближнихъ людей отправился въ покои царицы спросить ее о здоровьѣ, но самъ государь не ходилъ теперь ни утрамъ въ теремъ своей супруги. Не собиралась теперь и царская дума въ грановитой палатѣ, и хотя и сѣзжались во дворецъ на ежедневный поклонъ государю бояре и думные люди, но они не могли видѣть его свѣтлыми очми и довольствовались лишь спросомъ о здравіи. Не являлся Федоръ Алексѣевичъ и въ столовой набѣ, гдѣ обѣдалъ прежде или одинъ или съ супругою, а порою и приглашалъ къ своей трапезѣ нѣкоторыхъ ближнихъ людей. Вообще, во дворцѣ многое шло не по заведенному порядку. Въ опочивальнѣ, подъ шелковымъ пологомъ, лежалъ теперь царь Федоръ Алексѣевичъ. Почти безвыходно, то въ изголовьѣ, то въ ногахъ у него, сидѣла царица Софія Алексѣевна. Она, съ нѣжною внимательностію сестры, ухаживала за нимъ, стараясь угодить больному и усюкоть его ласками и участіемъ.

— А кто отвѣдывалъ новое лекарство? спросилъ онъ слабымъ голосомъ у стоявшей около него царицы.

— Я блюду постоянно твое царское здоровье и не дали тебѣ, милый братецъ, еще ни одного лекарства, прежде чѣмъ не отвѣдали его или я, или ближніе люди. Можешь спокойно принять и это: мы и доктору пить его приказывали! успокоительно говорила царица.

— Цю я, ваше царское величество, всѣ лекарства! отозвался

на ломаномъ русскомъ языкѣ царскій врачъ, Данило Іевлевичъ фортъ Гаденъ, и съ этими словами, вынувъ изъ-за пазухи своего чернаго кафтана, спитаго на нѣмецкій покрой, серебрянную ложку, налилъ въ нее лекарства до самыхъ краевъ и, хлебнувъ, крѣпко поморщился.

— Отпусти мнѣ, Господи, мой тяжкій грѣхъ за то, что я принимаю лекарство изъ рукъ погананаго жиловина! набожно прошептала царь.— Грѣшимъ мы тѣмъ, что вѣримъ въ человѣческое врачеваніе, а не полагаемъ надежду на помощь Всевышняго, добавилъ онъ, обращаясь лицомъ къ царевнѣ.

— Грѣха въ томъ нѣтъ, братецъ-голубчикъ. Вѣдомо, конечно, тебѣ, чему поучаетъ апостолъ Павелъ. Онъ прямо пишетъ: аще боленъ, помазуйся елеемъ и позови врача, вразумляла Софія своего брата.

— Приготовленное мною лекарство успокоитъ внутренности вашего царскаго величества. Оно составлено изъ веществъ, имѣющихъ самую цѣлебную силу; въ него положенъ и рогъ единорога, докладывалъ Гаденъ.

Говоря это, онъ взбалтывалъ бывшую въ рукахъ его стѣляницу и, посмотрѣвъ ее на свѣтъ, налилъ лекарства на золотую ложку и подошелъ къ государю, между тѣмъ, какъ царевна приподняла съ подушки голову брата и поддерживала его за спину.

Царь осѣнилъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ. Гаденъ поднесъ къ губамъ его ложку, а онъ, пристально и недовѣрчиво посмотрѣвъ на «жиловину», съ видимымъ отвращеніемъ хлебнулъ поданную ему микстуру, и, снова трижды перекрестясь, въ безсиліи опустился на постель.

Гаденъ тихонько вышелъ, а царевна встала около брата на колѣни и, взявъ его свѣсившуюся съ постели руку, со слезами поцѣловала ее.

— Свѣтиль ты мой ненаглядный, братецъ ты мой родимый! Пошли тебѣ Господи скорѣе исцѣленіе. Встань скорѣе съ одра скорби въ утѣшеніе и на защиту насъ, твоихъ единоутробныхъ! Какъ усердно, и день и ночь, молю я о тебѣ Господа нашего Іеуса Христа и его пречистую Матерь! говорила царевна, продолжая цѣловать со слезами руку брата.

— Вѣдаю, милая сестрица, твою любовь ко мнѣ и плачу тебѣ ею же званимъ, говорилъ тихо царь, тронутый участіемъ сестры.— Ты безотходно остаешься при мнѣ, не какъ другіе. Вотъ хоть бы матушка-царица въ кой-разъ пришла бы навѣстить меня, а то совсѣмъ забыла!.. Чѣмъ а ея царское величество могъ прогнѣвать, да и какъ я дерзну сдѣлать чтонибудь подобное,

когда покойный нашъ родитель заповѣдалъ намъ любить и чтить ея, какъ родную мать? сѣтовалъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, оскорбленный невниманіемъ къ нему мачихи Натальи Кирилловны.

На это сѣтованіе не отозвалась царевна ни полсловомъ; но, по выраженію ея лица, можно было замѣтить, что ей не любн были такіа почтительныя и нѣжныя рѣчи царя о молодой мачихѣ.

— Прикажи-ка, сестрица, позвать ко мнѣ князя Василя, добавь оны, смотря на Софію.

Румянецъ вспыхнулъ на щекахъ молодой царевны; съ трудомъ преодолѣла она охватившее ее волненіе, и, поспѣшно вставъ съ колыбѣ, неровнымъ голосомъ передала приказаніе Ѳеодора постельничему, стоявшему въ другой комнатѣ у дверей царской опочивальни.

Царь, казалось, впалъ въ забытїе. Закрывъ глаза, онъ тяжело дышалъ, а Софія, вернувшись въ опочивальню, сѣла въ изголовье его постели.

Спустя немного времени, дверь въ царскую опочивальню тихо отворилась и на порогѣ показался бояринъ.

При появленіи его, щеки царевны зардѣлись сильнѣе прежняго. Вошедшій въ царскую опочивальню бояринъ былъ высокъ ростомъ и статенъ. Онъ былъ, впрочемъ, далеко уже не молодъ; съ виду было ему лѣтъ подъ пятьдесятъ и сѣдина довольно замѣтно пробивалась въ его густой и оладистой бородѣ. Легко, однако, было замѣтить тотъ страстный взглядъ, какимъ впилась царевна въ пожилаго боярина. Она такъ засмотрѣлась на него, какъ засматривается молодая дѣвушка на полюбившагося ей юношу-красавца.

Помолившись передъ иконой и отдавъ земной поклонъ передъ постелью государя, бояринъ остановился поодаль отъ нея, ожидая, когда царь подзоветъ его къ себѣ.

— Хочу я поговорить съ княземъ Василюмъ о царственныхъ дѣлахъ, а такіа дѣла не женскаго ума работа. Уйди отсюда на нѣкоторое времечко, сестричка, ласково сказалъ Ѳеодоръ сестрѣ.

Попаловавъ снова руку брату и перекрестивъ его, она пошла изъ опочивальни, но на порогѣ прїостановилась и обернула назадъ голову, чтобы взглянуть еще разъ на боярина, и украдкой кивнула головой, какъ бы стараясь ободрить его этимъ знакомъ.

Въ передней царскаго дворца, которая въ ту пору соотвѣтствовала нынѣшней прїемной залѣ и въ которую пошла теперь Софія, были въ сборѣ всѣ бояре, явившіеся во дворецъ, чтобы навѣдаться о царскомъ здоровьѣ. Боясь нарушить тишину, гос-

подствовавшую въ царскихъ палатахъ, они, разсѣвшись на лавкахъ, шептались между собою, и замѣтно было, что между ними не было общаго лада, такъ какъ одни искоса и съ недовѣріемъ поглядывали на другихъ. Теперь, въ царской передней собралось все, что было на Москвѣ богатаго и знатнаго. Съ безпокойствомъ ожидали бояре вѣстей о здоровьѣ государя, предвидя, что кончина его вознесетъ однихъ и низложитъ другихъ, что одни воспользуются милостями, другихъ коразить опала.

Неожиданный приходъ царицы въ переднюю удивилъ и смутилъ бояръ. Появленіе ея въ такомъ собраніи, гдѣ были только мужчины, показалось необычайнымъ нарушеніемъ не только придворныхъ порядковъ, но и общественнаго приличія. Въ особенности изумило то, что лицо царицы не было покрыто фатою въ противность обычая, котораго, какъ тогда думалось, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ нельзя было нарушить. Изумленные бояре сперва изъ недобря посмотрѣли на царицу, а потомъ вопросительно переглянулись другъ съ другомъ. Софія, однако, не смутилась и, въ свою очередь, смѣло смотрѣла на нихъ, такъ что они, приподнявшись поспѣшно съ лавокъ, привѣтствовали царицу раболѣпными поклонами.

Не обращая на поклоны вниманія, царица остановилась посреди передней.

— Здравіе егоцарскаго величества, по благодти Господа Бога, улучшилось въ эту ночь, громкимъ и твердымъ голосомъ заявила она.—Великій государь невелѣлъ сказать вамъ милостивое слово и приказалъ отлучиться по домамъ.

Въ отвѣтъ на это послѣдовали снова низкіе поклоны, которые въ ту пору были въ такомъ обычаѣ, что, напримѣръ, бояринъ князь Трубендой, выражая однажды свою благодарность царю Алексѣю Михайловичу за оказанныя ему милости, положилъ съ разу передъ государемъ тридцать земныхъ поклоновъ.

Но и на повторенные поклоны царица не отвѣчала ни словомъ привѣтствіемъ. Холодность и важность ея смутили бояръ.

— Пошли Господи великому нашему государю скорое выздоровленіе! Молимъ пресвятую Богородицу Дѣву и святыхъ Божиихъ угодниковъ о долголѣтїи и здравїи его царскаго величества! заговорили бояре и стали одинъ за другимъ выходить изъ передней; но между ними не трогался съ мѣста одинъ только бояринъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

— Что-же ты не ѣдешь домой? строго спросила его Софія.— Вѣдь тебѣ, какъ и всѣмъ другимъ боярамъ, сказано уже о государевомъ здоровьѣ...

— Не ватѣмъ только, чтобы узнать о здоровьѣ его царскаго

величества, прибылъ я сюда, отвѣчалъ смѣлымъ, почти дерзкимъ голосомъ Нарышкинъ:—у меня, царевна, есть еще и другая надобность.

— Какая? рѣзко перебила Софія, смѣривъ суровымъ взглядомъ боярина съ головы до пятокъ.

— Благовѣрная царица, великая государыня Наталія Кириловна повелѣла мнѣ навѣдаться, можетъ ли она навѣстить его царское величество, и такъ какъ ты, государыня-царевна, соизволила объявить, что здоровье его царскаго величества...

Софія не дала Нарышкину докончить его словъ.

— Точно что здоровье государя-брата стало лучше, перебила она:—да все же ему еще пока не подь силу вести бесѣду съ царицей-матушкой. Слышишь, что я говорю? такъ и доложи ея царскому величеству.

По губамъ боярина пробѣжала насмѣшливая улыбка, а Софія сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы выйти изъ передней.

— Думается мнѣ, заговорилъ ей вслѣдъ Нарышкинъ:— что если къ его царскому величеству есть доступъ другимъ сродникамъ, то отказъ въ этомъ царицѣ Наталіи Кириловнѣ будетъ непристойнъ.

Царевна быстро повернулась къ Нарышкину. Лицо ея выражало сильный гнѣвъ.

— Что ты говоришь? спросила она его раздраженнымъ голосомъ.

— Говорю я, благовѣрная царевна, что никому не слѣдуетъ забывать, что царица Наталія Кириловна, по вдовству своему, старѣйшая въ царской семьѣ особа и что, по супружеству своему, она тебѣ, твоимъ братьямъ и сестрамъ заступаетъ родную мать.

— Не тебѣ учить насъ почтенію къ царицѣ! вскрикнула Софія, топнувъ ногою о полъ.—Хоть ты и царскій сродникъ, но не забывай, бояринъ, что ты остался все тѣмъ-же нашимъ холопомъ, какимъ родился, и долженъ всегда помнить, съ кѣмъ ты говоришь. Ступай отсюда! крикнула она громче прежняго, показавъ Нарышкину на выходную дверь повелительнымъ движеніемъ руки.

Какъ ни казался сперва твердъ и надмѣненъ бояринъ, но онъ опѣшилъ при грозномъ на него окрикѣ царевны и, отвѣсивъ ей низкій поклонъ, смиренно выбрался изъ передней на красное крыльцо, на которомъ оставались еще бояре, державшіе сторону царицы Наталіи Кириловны и поджидавшіе Нарышкина.

— Что скажешь, Левъ Кириловичъ? спросилъ Нарышкина бояринъ князь Черкасскій, когда Нарышкинъ въ сильномъ смущеніи появился на красномъ крыльцѣ.

— Пойдите, да поговорите-ка съ царевной Софіей Алексѣевной! Какъ-же! допустить она царицу къ государю! Видно, что

у нихъ на умѣ свое дѣло. Да и обманула насъ царевна: говорить, что здоровье государя лучше, а Гаденъ сказывалъ, что много если царь еще дней съ пятокъ или съ недѣлю проживетъ. Посмотрите, что они изведутъ его царское величество, зловѣще добавилъ Нарышкинъ.

— А царевна-то сегодня?—Какое? Надивиться не могу ея безстыдству! говорилъ Одоевскій, покачивая головою.

— Что и говорить—отозвался князь Воротынскій: — слыхано ли дѣло, чтобъ когда-нибудь царевна, да еще съ открытымъ лицомъ выходила къ мужчинамъ!

— Никакого женскаго стыда въ ней нѣтъ, а помните ли, какъ прошлымъ лѣтомъ, когда царица Наталья Кирилловна, проѣзжая по Москвѣ, приподняла только занавѣску въ своей колымакѣ, какъ вся Москва заговорила и укорила царицу за небывалое у насъ новшество! А царевна-то что дѣлаетъ?..

Бормоча и шушукаясь между собою, бодре нарышкинской партіи спустились медленно съ краснаго крыльца и поѣхали домой.

Выпроводивъ Нарышкина изъ передней, царевна осталась тамъ, дожидая выхода князя Василія Васильевича Голицына изъ государевой опочивальни. Она догадывалась, о чемъ царь желалъ поговорить съ княземъ, и сильно билось у ней сердце въ ожиданіи, чтó скажетъ ей Голицынъ, который наконецъ показался на порогѣ передней. По лицу его было замѣтно, что бесѣда съ государемъ расстроила его. Увидѣвъ Голицына, Софья бросилась къ нему на встрѣчу.

— Не удалось на этотъ разъ, царевна! сказалъ Голицынъ, печально покачавъ головою и съ выраженіемъ безнадежности развода руками.—Ссылается государь на волю покойнаго своего родителя и говорить, что послѣ его кончины слѣдуетъ быть на царствѣ царевичу Петру Алексѣевичу.

— Это — дѣло Нарышкинскихъ! запальчиво вскрикнула Софія.

— Видно ты, царевна, плохо сторожишь отъ нихъ государя, слегка улыбнувшись, замѣтилъ Голицынъ.

— Сторожу я его хорошо, отъ зари и до зари сижу при его постели! Не теперь, а давно, Нарышкины опередили насъ въ этомъ дѣлѣ. Они, какъ только скончался батюшка, пустили по Москвѣ молву, будто онъ завѣщалъ престолъ царевичу Петру. Онъ, пожалуй, и въ правду сдѣлалъ бы это, если бы въ ту пору, когда онъ отходилъ, пустили къ нему нашу мачиху. Она сумѣла бы уговорить его—вѣдь ты знаешь, какую власть взяла она надъ нашимъ родителемъ...

— Просто напросто овододела его! перебилъ Голицынъ.

— Полно, князь Василій! Намъ нужно думать теперь о томъ, чтобы одолѣть Нарышкинскихъ не волшебствомъ, а другими способами, и мнѣ кажется, что стрѣльцы и раскольники могутъ сослужить намъ лучше всякихъ знахарей и кудесниковъ...

— Ты правду говоришь, царевна! какъ-то радостно вскрикнулъ Голицынъ.—Стоить только намъ привлечь къ себѣ Москву, а слѣдомъ за ней навѣрно пойдетъ и все государство...

Въ это время въ переходѣ, ведшемъ въ переднюю, послышались чьи-то шаги. Царевна и князь быстро двинулись въ разные стороны. Она вошла въ опочивальню брата, а онъ въ глубокомъ раздумьѣ вышелъ на красное крыльцо.

IV.

Глубоко въ памяти подроставшей Софіи Алексѣевны запечатлѣлся суровый и величавый обликъ Θεодосіи Прокофьевны Морозовой, жены боярина Глѣба Ивановича. Царь Алексѣй Михайловичъ отъменно жаловалъ и особенно чествовалъ эту знатную боярыню, деверь которой, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, былъ женатъ на Аннѣ Ильиничнѣ Милославской, родной сестрѣ царицы Маріи Ильиничны, и слѣдовательно приходился своимъ государю. Каждый день, боярыня Морозова пріѣзжала вверхъ къ царицѣ Маріи Ильиничнѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею слушать поуднюю обѣдню. По нѣсколькимъ разамъ въ недѣлю бывала она за царицынымъ столомъ и рѣдкій вечеръ не проводила съ государыней, запросто бесѣдуя съ нею. Казалось, судьба дала Θεодосіи Прокофьевнѣ все, чтобы она была счастлива въ земной своей жизни: она была богата и знатна, и вся Москва говорила о ней, какъ о боярыньѣ разумной, суроволюбивой и благочестивой. Морозова была дочь боярина Соковнина, она вышла за мужа за далеко неровнаго ей по годамъ Глѣба Ивановича, такъ какъ ему во время брака было уже пятьдесятъ, а ей только минуло семнадцать лѣтъ. Но бракъ этотъ былъ удаченъ: молодая жена любила и уважала своего пожилаго мужа, а онъ, какъ говорится, души въ ней не слышалъ. Тридцати лѣтъ овдовѣла Морозова и жила первые годы послѣ своего вдовства, какъ слѣдовало жить богатой боярыньѣ. Было у ней восемь тысячъ крестьянъ, разнаго богатства считалось болѣе, чѣмъ на двѣсти тысячъ рублей, а въ московскихъ ея покояхъ прислуживало ей болѣе четырехъ сотъ челоуѣкъ. Ѣздила она по Москвѣ въ каретѣ, украшенной мусіею (нозанкою) и золотомъ, на двѣнадцати аргамакахъ съ

«гремичными пѣнями», а около кареты ея ѣхало и бѣжало, по тогдашнему барскому обычаю, множество дворовой челяди: иногда сто, иногда двѣсти а иногда даже и триста слугъ. Но вдругъ боярня, ни съ того, ни съ сего, перестала навѣщать родныхъ и знакомыхъ.

— Видно, больно возгордилась, уже слишкомъ честять ее въ царскихъ палатахъ! заговорили родные и знакомые.

Вскорѣ, однако, они увидѣли, что, отзываясь такъ, они сильно ошибались, потому что Морозова перестала показываться и во дворцѣ, а между тѣмъ молва о добрыхъ дѣлахъ ея становилась въ Москвѣ все громче и громче.

— Совсѣмъ позабыла ты насъ, Федосья Прокофьевна! привѣтливо укорялъ царь Алексѣй Михайловичъ Морозову при встрѣчѣ съ нею.

— Прженей дружбы со мной вести не хочешь, ласково выговаривала ей царица Марья Ильинична, когда боярня, по необходимости, въ праздники или въ день своего ангела съ имениннымъ калачемъ, привѣщала къ царицѣ.

На эти милостивныя слова она не отвѣчала ничего и только смиренно кланялась царю и его супругѣ.

Склончалась царица Марья Ильинична, и царь позабылъ на время о Морозовой, но когда наступило время втораго его брака съ Натальей Кириловной, онъ вспомнилъ и указалъ Морозовой, какъ старѣйшей по покойному ея мужу боярнѣ, стоять первой между боярнями и говорить «царскую титлу».

Съ навѣщеніемъ о такомъ милостивомъ почетѣ отправился къ Морозовой царскій стольникъ.

— Не буду говорить я царскую титлу — отозвалась съ недвольнымъ видомъ Морозова, вмѣсто того, чтобъ съ радостію принять оказанную ей честь.

— Такъ и прикажешь сказать государю? спросилъ изумленный стольникъ.

— Такъ и скажи, рѣшительно отвѣчала она.

Царскій посланецъ только пожалъ плечами и повѣхалъ съ дерзкимъ отвѣтомъ къ государю.

— Нешто обидѣлъ я ее чѣмъ-нибудь? — спросилъ самъ себя царь, какъ бы теряясь въ догадкахъ о причинѣ отказа Морозовой, и отправилъ къ ней ея сѣдовласаго дядю, боярина Михаила Алексѣевича Ртищева.

— Скажи бабѣ, чтобъ не дурила, было короткимъ порученіемъ царя второму посланцу.

— Не велѣлъ тебѣ, племянница, его царское величество ду-

рить, сказалъ прїѣхавшій къ Морозовой Ртищевъ: — и вонстану ты дуришь! съ чего не хочешь говорить царскую титу на бракосочетаніи великаго государя?

— Потому не хочу говорить, что мнѣ придется назвать его благовѣрнымъ, а какой же онъ благовѣрный, коль идетъ въ срѣтеніе антихристу? съ негодованіемъ отвѣчала боярыня.

Дядюшка, слышавъ это, раскрылъ отъ удивленія ротъ и вытаращилъ глаза.

— Чего такъ смотришь на меня? Развѣ онъ благовѣрный? еретикъ онъ! Могу ли я поцѣловать у него руку? а въ палатахъ его могу ли я уклониться отъ благословенія архіереевъ? Нѣтъ, дядюшка, лучше пострадать, чѣмъ имѣть сообщеніе съ никоніанцами, сказала Морозова и, закрывъ лицо руками, отчаянно замотала головою.

— Говоришь ты неправду: святѣйшій патріархъ Никонъ — мужъ великій и премудрый учитель, и новыя книги, которыя при немъ напечатаны, правильны, вразумляють Ртищевъ племяннику. Оставь распрю, не прекословь великому государю и властямъ духовнымъ. Видно, протопопъ прельстилъ тебя?

— Нѣтъ, дядюшка, съ улыбкой перебила Морозова: — неправду говорить изволишь, сладкое горькимъ называешь. Протопопъ — истинный ученикъ Христовъ!

— Ну, поступиай, какъ знаешь! съ досадою проворчалъ Ртищевъ: — только берегись, смотри, чтобы не постигъ тебя огнеспальный гнѣвъ великаго государя!

Съ этою угрозою старикъ приподнялся съ кресла и поѣхалъ во дворецъ.

— Больна, ваше царское величество, боярыня Морозова, да такъ больна, что и со двора выѣхать не можетъ, доложили живю Ртищевъ, спасая свою племянницу отъ государева гнѣва.

— Больна, такъ что-жь тутъ подѣлаешь! другой предназначеная ей честь достанется, замѣтилъ кротко царь и пригрозилъ ѣдившему къ Морозовой стольнику одуть его батогами, чтобъ онъ впредь на боярыню Федосью Прокофьевну облыжно не доносилъ.

Въ то время, когда боярыня бесѣдовала съ дадею, въ подѣлѣти, то есть въ нижнемъ жильѣ ея хоромѣ, шла другая бесѣда.

— Будеть тебѣ, протопопъ, лежать! Вѣдь ты — попъ, а спишь у тебя нѣтъ! такъ говорилъ лежавшему на постели, одѣтому въ подрясникъ мужичиѣ стоявшій по среди комнаты въ одной грязной рубашкѣ, съ длинными растрепанными волосами и со вскло-

ченною бороδοю паренъ лѣтъ за тридцать. — Посмотри на меня, днемъ я работаю во славу Господню, а ночью полежу, да встану и поклонювъ съ тысячу отброшу.

— Юродствуешь ты, Ѳедька, дурь и блажь на себя напускаешь. Неужто ты мнишь тѣмъ угодить Господу Богу? Думаешь ты, что годится день деньской шлаться, да разный вздоръ молоть, а ночью всакивать, да земные поклоны класть. Жилъ бы ты, какъ живутъ всѣ люди, лучше бы было, спокойно отвѣчалъ Аввакумъ Петровичь.

— Нешто ты, протопопъ, не знаешь, что Богъ повелѣлъ пророку Исаи ходить нагу и босу, Іереміи возложить на выю клады и узы, а Іезекіилю возлежать на правомъ боку сорокъ, а на лѣвомъ сто-пятьдесятъ дней? Все это ты знаешь, да тебѣ бы только лежать, а я пророкъ и обличитель... Ты вотъ и молиться-то не охочь, самъ лежа молитвы читаешь, мнѣ же велишь за тебя земные поклоны класть, а я и отъ своихъ спину разогнуть не могу.

— Какъ же! Рассказывай! насмѣшливо перебилъ Аввакумъ. — Богу достоинъ поклоняться духомъ, а не тѣлодвиженіями, а кто любить Христа, тотъ за него пострадать долженъ. А развѣ мало я настрадался? Былъ я, какъ ты знаешь въ великой чести, состоялъ при казанскомъ соборѣ протопопомъ, церковныя книги правилъ, бесѣдовалъ не только съ боярами и патриархомъ, но и съ самимъ царемъ, а предстала надобность, такъ отъ страданій не уклонился. Когда я былъ отданъ подъ начало Иларіону, епископу рязанскому, какихъ только мукъ не натерпѣлся! Рѣдкій день не жарилъ меня епископъ плетями, принуждая къ новому антихристову таинству, а батогамъ такъ и счету нѣтъ. Сидѣлъ я въ такой землянкѣ, что въ ростъ выпрямиться не могъ, тяжелыя желѣзы съ рукъ и ногъ моихъ не снимали. А въ Сибири сколько страданій я перенесъ, да и не одинъ, а была со мной моя протопопца! Гдѣ мы только съ ней не блуждали! Не разъ хищныя звѣри устремлялись на насъ, и только Господь охранялъ насъ своею благодатью. Вотъ такія страданія подобать человѣкамъ, а не дурачества въ перемежку съ молитвой.

Ѳедоръ присмирѣлъ и присѣлъ на полъ на корточки. Охвативъ колѣна обѣими руками, онъ началъ качаться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ хоть бы ты, Ѳедоръ, вмѣсто того, чтобъ попусту юродствовать, вышелъ бы на площадь, разложилъ бы костеръ, да и сжечь бы на немъ новыя книги! началъ опять Аввакумъ.

— А что и въ правду! Завтра же сдѣлаю! Да гдѣ только такихъ книгъ достать? привскочивъ съ полу, крикнулъ юродивый.

— Гдѣ достать? да боярыня ихъ хоть дѣлый возъ закупить!

— Ай, да ладно! Пышы! Пышы! весело выдерживать Ѳеодоръ, подскакивая на одной ногѣ по комнатамъ.

— И коли пострадаешь, такъ пострадаешь за дѣло, внушалъ Аввакумъ.— Вотъ Кипріянь тоже протестовалъ, да сѣбѣ былъ, за то и сподобился мученической кончины, когда ему въ Пусто-оверскомъ острогѣ голову отрубили. Страдальцемъ за истинную вѣру сталъ, а ты что?..

— Погоди, протопопы! придетъ и моя чередъ! продавая подпрыгивать, крикнулъ Ѳеодоръ.

Онъ не ошибся, такъ какъ его вскорѣ за упорство въ старовѣрствѣ повѣсили въ Мезени.

Объ Аввакумѣ, нашедшемъ себѣ убѣжище, по возвращеніи въ Сибирь, въ домѣ Морозовой, часто толковали и въ царскихъ комнатахъ, и въ кремлевскихъ теремахъ, какъ о ревностию поборникѣ раскола. Давно слышала о немъ царица Софія и накутила его въ числѣ людей, которые должны были служить орудіемъ ея замысламъ.

V.

Проводивъ Ртищевъ, Морозова принялась за обычные занятія, а ихъ у нея было не мало: всѣми дѣлами обширнаго своего какъ городского, такъ и деревенскаго хозяйства заправляла она сама, да сверхъ того были у нея и другія хлопоты. Домъ ея былъ полонъ посторонними людьми, которыхъ она у себя пріютила. Кромя Аввакума, Ѳеодора и Кипріяна, жило у ней еще нѣсколько противныхъ мужичиъ и женщинъ, а также пять инокинь, изгнанныхъ изъ монастырей за приверженность къ древнему благочестію. Проживали у нея также сироты, старицы, странницы, заложны черницы и калѣки. Однихъ нищихъ кормила у себя боярыня челоуѣкъ по сту каждый день. Словомъ, благочестіе господствовало въ домѣ Морозовой, а чтеніе священныхъ книгъ и молитвенное пѣніе немолчно слышались въ ея обширныхъ хоромъ.

Много добрыхъ дѣлъ творила она и на сторонѣ: выкунала съ праведна должниковъ, щедрою рукою раздавала милостиню нищимъ, посѣщала колодниковъ; ѣздилъ она также и по церквамъ и монастырямъ, оскверненнымъ никоніанами, но дѣлала это, какъ говорила она, только «изъ приличія». Недовольствуясь благочестивыми подвигами, она захотѣла постричься въ монахию, хотя ей встрѣчалось въ этомъ случаѣ особое затрудненіе: сынъ Мо-

ровой подросталъ, и предстояло скорѣе справлять его свадьбу, на которой ей пришлось бы быть хозяйкой, а въ иномесомъ чинѣ этого дѣлать не подобало.

— Пусть будетъ, что будетъ, а о душѣ надобно пецись прежде всего, сказала боярыня и рѣшилась постричься, несмотря на то, что отъ такого намѣренія отклонялъ ее Аввакумъ. И тайно отъ всѣхъ ее постригъ бывшій игуменъ Домоѣй, одинъ изъ ревностнѣйшихъ расколочучтелей.

Аввакумъ и послѣ этого сохранилъ свою прежнюю силу надъ боярыней-инокиней, и любила она часто и по долгу бесѣдовать съ нимъ.

— Не надѣлалъ ихъ Господь разумомъ — говорилъ однажды протопопъ боярынь: — оба царевича и всѣ царевны куда какъ тупы разсудкомъ, одна царевна Софія Алексѣевна заправская умница и чѣмъ болѣе подростаетъ, тѣмъ болѣе крѣпнеть умомъ. Сказывалъ мнѣ не разъ князь Василій Васильичъ Голицынъ, что не можетъ надивиться ея свѣтлomu разуму, все она въ толкъ взять можетъ. Какъ заговорать съ нею о дѣлахъ государственныхъ, такъ она складнѣе всякого боярина и думнаго дьяка разсуждаетъ, да и къ книжному ученію она куда-какъ прилежитъ. Повѣришь ли, матушка, что она писаніе Сильверста Медвѣдева въ чертѣ поправляла, и на многія погрѣшности ему указала и недомыслия его разъяснила! Послушала бы ты, чтд о ней князь Иванъ Андреевичъ Хованскій рассказываетъ. Да и вообще слышно, что такой разумной дѣвицы никогда въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало...

— Вотъ бы ее отъ иконіанства отвратить, да преклонить бы на нашу сторону! Царевна вѣдь! перебила Морозова.

— Велика важность, что царевна! съ презрѣніемъ отозвался протопопъ. — Пожалуй и ты, Богъ вѣсть, чтд о себѣ думаешь? Али ты лучше насъ тѣмъ, что боярыня? Помни, что одинаково надъ нами распростеръ Богъ небо, одинаково свѣтитъ намъ мѣсяцъ и сіяетъ солнце, а все прозябающее служить мнѣ не меньше, чѣмъ и тебѣ, говорилъ протопопъ, повторяя въ главныхъ чертахъ свое основное ученіе.

Протопопъ призадумался. Въ головѣ его зашевелилась обычная, недавшая ему покоя, мысль.

«Богъ достоинъ поклоняться духомъ, думалъ онъ: — ошибки въ церковныхъ книгахъ сами по себѣ — небольшая еще бѣда, и по такимъ книгамъ и даже вовсе безъ книгъ можетъ молиться тотъ, кто захочетъ. Книги — только предлогъ, чтобъ поднять народъ противъ государственнаго и мірскаго строенія».

— Нѣтъ, матушка, намъ нужна не царевна, а ея душа, вѣдь и у ней такая же душа, какъ и у меня, а душа человѣческая — не игрушка. Справимъ мы наше мірское дѣло и безъ царевны. Тотъ, кто на землѣ пребывалъ на долъ, пребудетъ по смерти на высотѣ.

— О царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ я заговорила, отецъ протопопъ, потому только, что твоя пречестность самъ навелъ меня на мысль о ней своими рѣчами, робко извинилась Морозова.

— Ни кого и ни на что не навожу я моими рѣчами, рѣдко отовался суровый Аввакумъ, а самъ между тѣмъ гдѣ думалъ: какъ бы все-таки хорошо было, еслибы удалось уловить въ сѣти раскола умную и бойкую Софію Алексѣевну!

Какъ ни таила Морозова свою принадлежность къ расколу, но молва объ этомъ дошла, наконецъ, до царя. Провѣдалъ онъ также, что она привлекла къ расколу и сестру свою, бо чню княгиню Евдокію Прокофьевну Урусову. Подшепнули великому государю и о томъ, почему боярниня Морозова нѣсколько лѣтъ тому назадъ не захотѣла сказывать на свадьбѣ его величества «царскую титулу». Узнавъ объ этомъ, «тишайшій царь» пришелъ «въ огненальную ярость» и отправилъ снова къ боярнѣ дядю ея, Михаила Алексѣевича Ртищева. На этотъ разъ дядя поѣхалъ не одинъ, а взялъ себѣ на подмогу свою дочь Анну, двоюродную сестру Θεодосіи, которую прежде такъ нѣжно любила Морозова.

Боярнѣ заговорилъ племянницѣ свои прежнія рѣчи, но встрѣтилъ съ ея стороны ту же непреклонность. Заговорила послѣ него Анна.

— Охъ! сестрица, сказала она: — съѣли тебя старицы. Какъ птенца отлучили тебя онѣ отъ насъ; не только насъ презираешь, но и о сынѣ своемъ не радѣешь, а надобно бы тебѣ и на соннаго его любоваться, надъ красотой его свѣчку поставити сколько разъ и великій государь красотой его любовался...

— Не прельщена я старицами, сурово отвѣчала Морозова: — творю я все по благости Бога, котораго чту цѣлымъ умомъ, а Христа люблю болѣе, чѣмъ сына. Отдайте моего Иванушку хоть на разстерзаніе псамъ, а я все-таки отъ древняго благочестія не отступлю. Знаю я только одно: если я до конца въ христовой вѣрѣ пребуду и сподоблюсь за это вкусить смерть, то никто не можетъ отнять у меня моего сына; въ царствіи небесномъ соединюсь я съ нимъ паки.

Ртищевъ убѣдился, что подусту будетъ уговаривать упорствующую племянницу. Онъ распрощался съ нею, поѣхалъ къ царю и доложилъ обо всемъ по правдѣ, боясь, что теперь, и по мимо его, государь провѣдаетъ.

Алексѣй Михайловичъ нахмурилъ брови.

— Ступай къ боярынь Морозовой, обратился онъ къ бывшему при докладѣ Ртищеву князю Троекурову:— и скажи, что также ей будетъ бороться со мною. Одинъ кто-нибудь изъ насъ одолѣть, и навѣрно одолѣю я, а не она!

Вернулся князь Троекуровъ отъ Морозовой и коротко и ясно донесъ государю, что боярыня покориться не хочетъ и новыхъ книгъ не принимаетъ.

Заговорили въ теремахъ объ послушаніи Морозовой передъ царскою волею.

— Вишь вѣдь какая упорная!.. повторяли женщины, окружавшія Софію Алексѣевну: — только боярыня, а какъ упорствуетъ, никого себѣ въ версту не ставитъ!

Чуткимъ ухомъ прислушивалась девятнадцатилѣтняя царевна къ разговорамъ о Морозовой.

«Вотъ и женщина, думалось ей:—а по твердости нрава и по смѣлости не уступаетъ мужскому полу. Не будь только робка, а надѣлаешь много», добавляла мысленно царевна, и примѣръ Морозовой ободрялъ молодую дѣвушку въ ея намѣреніи дѣйствовать рѣшительно и отважно, еслибы представился къ тому случай. Захотѣлось ей также узнать и о расколѣ, котораго такъ крѣпко держалась Морозова, и съ вопросомъ объ этомъ обратилась она однажды къ князю Ивану Андреевичу Хованскому, который тоже слылъ въ Москвѣ тайнымъ врагомъ никоніанъ.

— Тутъ, благородная и пресвѣтлѣйшая царевна, выходятъ разныя церковныя препирательства, отвѣчалъ уклончиво князь Иванъ на вопросъ царевны о различіи между новою и старою вѣрою. — Вѣдать объ этомъ долженъ духовный чинъ, а не мы, міряне. Думается, впрочемъ, одно: въ томъ, что зовутъ нынѣ у насъ расколомъ, кроется небывалая народная сила, и что если она поднимется, то трудно будетъ одолѣть ее мірскимъ и духовнымъ властямъ. Вознесетъ она того, кто будетъ ею править...

Такой отзывъ Хованскаго о расколѣ зародилъ въ ней мысль воспользоваться, когда придетъ пора, этою грозною силою.

VI.

Почти съ годъ оставилъ царь Морозову въ покоѣ, какъ вдругъ до него дошелъ слухъ, что она не называетъ его благовѣрнымъ.

— Не именуетъ меня благовѣрнымъ—стало быть, не признаетъ моею царскою властью! вспылилъ онъ и отправилъ къ Морозовой

боярина князя Петра Семеновича Урусова съ повторительнымъ требованіемъ, чтобы она покорилась.

Сообщилъ Урусовъ царское повелѣніе своей снохѣ и грозилъ ей страшными бѣдами.

— Почто царскій гнѣвъ на мое убожество? смиренно отвѣчала Морозова. — Если царь захочетъ отставить меня отъ вѣры, то десница Божія покроетъ меня. Хочу умереть въ отческой вѣрѣ, въ которой родилась и крестилась.

— Не поворается боярыня твоему царскому величеству, печально доложилъ Урусовъ царю.

— Не покорается? Такъ разнесу я ее въ конецъ! грозно крикнулъ великій государь и гнѣвно затрясъ своею темно-русой бородою.

Урусовъ, выйдя изъ дворца, поспѣшилъ домой, чтобы черезъ свою жену предупредить Морозову о предстоящей ей бѣдѣ. Но съ безстрашіемъ выслушала боярыня эту грозную вѣсть.

— Матушки и сестрицы мои во Христвъ Іисусѣ! заговорила она, собравъ около себя всѣхъ жившихъ въ домѣ ея монахинь и странницъ. — Наступилъ часъ пришествія антихристова, бѣда движется на насъ, идите вы всѣ отъ меня, куда васъ Господь наставитъ, а я одна буду страдать за васъ.

— Ты одна не останешься, я съ тобой до конца пребуду! заливаясь слезами и кидаясь на шею сестры, вскрикнула княгиня.

Между тѣмъ, сильно струхнувшія старицы и странницы, забравъ на скоро свои мѣшки и котомки и получивъ отъ боярыни денежную и съѣстную подачку, съ плачемъ и жалобными причитаніями, выбрались изъ ея хоромъ и разбрелись по Москвѣ и за Москву во всѣ стороны.

Стало вечерѣть, на колокольняхъ московскихъ церквей отзвонили ко всенощной. Загородили въ Москвѣ улицы на ночь рогатками, и все успокоилось, какъ будто замерло, въ городѣ. Отходя ко сну, боярыня и княгиня сотворили усердную и продолжительную молитву, послѣ которой Морозова легла въ постельной, а княгиня въ сосѣдней комнатѣ. Онѣ крѣпко спали, когда вдругъ, на улицѣ около хоромъ, послышался шумъ, а слѣдомъ за тѣмъ раздался сильный стукъ въ воротахъ, въ которыя долетали нѣсколькими пальцами съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы тотчасъ-же отсунули затворъ.

— Царская послыла къ намъ прибыла! въ ужасѣ вскрикнула проснувшаяся боярыня. Она хотѣла вскочить, но ноги у ней отъ страха подкосились и она снова опустилась на постель.

— Не бойся, сестрица! отозвалась изъ другой комнаты тоже

проснувшаяся княгиня:—Христосъ съ нами! Сейчасъ приду къ тебѣ, положимъ начало нашимъ страданіямъ.

Княгиня спѣшно вошла въ постельную.

Пока отворяли ворота и слышались тяжелые шаги шедшихъ по лѣстницѣ людей, обѣ сестры клали на прощанье одна передъ другой земные поклоны, а потомъ, благословясь другъ у друга, легли на прежнія мѣста.

Вскорѣ дверь въ постельную отворилась, и при тускломъ свѣтѣ лампадъ боярыня увидѣла передъ собою сѣдобородаго архимандрита чудова монастыря Іоакима въ сопровожденіи думнаго дворянина Маріона Иванова.

— Встань, боярыня! повелительнымъ голосомъ сказалъ вошедшій архимандритъ:—я принесъ тебѣ царское слово.

Боярыня не отозвалась на эту рѣчь и даже не пошевелилась.

— Встань, говорю тебѣ! прекренинулъ Іоакимъ:— въ присутствіи духовнаго лица лежать тебѣ не приличествуетъ.

— Я больна, пробормотала Морозова.

— Ну, перемогись, а все-таки встань. Говорю тебѣ не отъ своего имени, а отъ имени благовѣрнаго великаго государя.

— Какой онъ благовѣрный! вспыхнула Морозова, быстро прискочивъ въ постели и затѣмъ снова опустила на нее.

— Говорить такъ тебѣ неможе, внушительно замѣтилъ архимандритъ:— да и лежать теперь не слѣдъ; не можешь стоять по болѣзни, такъ хоть посиди на постели.

— Не встану и не сяду, отозвалась упорно Морозова и съ этими словами отвернулась на постели отъ архимандрита.

— Добромъ съ тобой, какъ видно, ничего не подѣлаешь; спрошу благовѣрнаго государя, какъ повелить онъ поступить съ такою ослушницей.

— Какой онъ благовѣрный! сердито проговорила Морозова.

Архимандритъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этихъ предерзостныхъ словъ.

— Посмотри кто тамъ, въ другой горницѣ, приказалъ онъ думному дворянину.

— Ты кто такая? оминкнулъ Ивановъ, заглянувъ въ сосѣднюю комнату и увидавъ тамъ лежавшую на лавкѣ женщину.

— Я жена боярыни князя Семена Петровича Урусова, отозвалась княгиня.

— А спроси-ка ее, какъ она крестится? приказалъ Іоакимъ Иванову.

Княгиня быстро соскочила съ лавки и, вбѣжавъ опросты въ постельную, остановилась передъ архимандритомъ.

— Сице вѣрую! закричала она, поднявъ руку, сложенную въ двухперстное крестное знаменіе.

Архимандритъ только крикнулъ и значительно покачалъ головою.

— Сторожи-ка ихъ здѣсь, не нускай никуда, а я отправлюсь въ его царскому величеству испросить, какъ велитъ онъ поступить съ ними, сказалъ Іоакимъ дворянину.

Съ этими словами архимандритъ вышелъ, а Ивановъ остался караулить боярнью.

Когда архимандритъ пришелъ въ царскія палаты, проблю четыре часа утра, и царь Алексѣй Михайловичъ былъ ужъ на ногахъ. Архимандритъ доложилъ царю, чѣмъ кончилась его попытка, и рассказалъ, какъ Морозова крѣпко сопротивляется царскому велѣнію, прибавивъ, что и княгиня Урусова оказалась не покорна.

— Истинно ли ты говоришь? спросилъ, удивившись, царь:— не думаю я, чтобы такъ было. Слышалъ я, что княгиня смиренна и не гнушается нашей службы, а про боярню я давно знаю, что люта и сумасбродна.

— Сестра боярнии, возразилъ Іоакимъ:— не только уподобляется ей, но еще алѣе ругается.

— Такъ возьми ихъ обѣихъ подъ караулъ, да допроси хорошенько слугъ Морозовой! распорядился царь.

Архимандритъ изъ царскихъ палатъ отправился снова въ хоромы боярнии Морозовой.

— Велѣно отогнать тебя отъ дому; полно жить на высотѣ, сойди долу! торжественно заявилъ онъ, входя въ постельную.— Встань и иди отсюда!

Боярня лежала и безмолствовала. Какъ настоятельно и грозно ей приказывалъ ей встать съ постели архимандритъ, она, казалось, не обращала никакого вниманія.

— Нечего дѣлать! сказалъ онъ Иванову. — Приводится забирать ее силою.

Думный дворянинъ отворилъ окно, крикнулъ во дворъ, и на зовъ его вошли въ постельную нѣсколько стрѣльцовъ.

По приказанію архимандрита, они приподняли съ постели полнолѣсную боярню и, посадивъ ее силою въ кресла, понесли изъ хоромъ.

На поднявшійся шумъ прибѣжалъ въ верхъ молодой бояринъ Иванъ Глѣбовичъ. Онъ хотѣлъ было проститься съ матерью, но его не допустили и онъ могъ только положить ей вслѣдъ земной поклонъ.

Княгиня не упорствовала. Она безпрекословно подчинилась приказу архимандрита идти въ людскую хорому, въ которую

втащили на креслахъ и Морозову. Тамъ, по приказанію архимандрита, заковали имъ руки въ тяжелыя желѣза, а на ноги надѣли конскія желѣзныя путы и держали ихъ такъ два дня подъ крѣпкимъ карауломъ. На третій день приказано было доставить ихъ въ чудовъ монастырь, въ такъ называемую вселенскую или соборную палату. Княгиня пошла нѣшкомъ, а упорствовавшую Морозову понесли на креслахъ. Толпа народа валила за нею, и въ этой толпѣ шелъ разнорѣчивый говоръ; одни осуждали Морозову за упорство, а другіе, напротивъ, превозносили ея мужество и стойкость.

VI.

Въ вселенской палатѣ ожидалъ боярыню и княгиню крутицкій митрополитъ Павелъ, а также сановные люди церковнаго и мірскаго чина. Тамъ сопротивленіе Морозовой началось съ того, что она оказывала властямъ презрѣніе и неуваженіе и не хотѣла говорить съ ними стоя. Какъ ни бились, чтобы заставить ее стоять, но ничего не могли подѣлать. Приподнимуть ее, а она опустится и присядеть на кресло или на полъ. Станутъ держать ее подъ руки, она рвется, мечется и отбивается.

— Я помню честь и породу Морозовыхъ, кричала она: — и передъ вами стоять не буду.

Власти, наконецъ, уступили Морозовой, допустивъ, скрѣпя сердце, чтобы она сядла въ креслѣ.

— Прельстили тебя старцы и старицы, съ которыми ты такъ любовно водилась, началъ свое пастырское увѣщаніе Павелъ.— Покорись царю и вспомни сына.

— Не отъ старцевъ и старицъ прельщена я, бойко возразила Морозова:— а навыкла отъ праведныхъ рабовъ божіихъ истинному пути и благочестію. Ты вспомнилъ мнѣ о сынѣ, но знай, что я живу для Христа, а не для сына.

Долго бился Павелъ съ обѣими боярынями, но чѣмъ болѣе продолжались увѣщанія, тѣмъ упорнѣе дѣлались онѣ обѣ и тѣмъ дерзновеннѣе становились ихъ рѣчи.

— Дьяволъ тебя погубилъ, сдружился ты съ бѣсами, мирно живешь съ ними, любятъ тебя они! Сколькихъ ты порубилъ и пожегъ христіанъ, сколькихъ низвелъ въ адъ! съ торжественнымъ укоромъ говорила Морозова, обращаясь къ епископу рязанскому Иллариону, мучителю Аввакума.

Истомились порядкомъ духовныя власти и, убѣдившись, что приходится отказаться отъ дальнѣйшихъ увѣщаній, постановили:

передать неповорныхъ боярынь мірскому суду. Тогда повели ихъ въ монастырскую подвѣтъ. Тамъ въ мрачномъ подвалѣ, подъ низко-нависшими сводами, съ окопечками, заслоненными толстыми желѣзными рѣшотками, стояли на полу двѣ большія, тяжелыя деревянныя колоды, такъ называемыя «стулья», со вѣданными въ нихъ желѣзными цѣпями, на концѣ которыхъ были желѣзные ошейники или огорлія.

— Вхожу я въ пресвѣтлую темницу! радостно проговорил Морозова, когда ее ввели въ подвѣтъ.

Ее подтащили къ колодѣ и приподняли съ полу огорліе.

— Слава тебѣ Господи, что сподобилъ меня, грѣшную, носить узы! сказала Морозова, перекрестясь и цѣлуя огорліе, которое стрѣльцы надѣли на шею боярыни, заперевъ его на большой висячій замокъ.

— Не стыжусь я поруганія, а веселюсь во имя Христа, добывла она, когда холодное желѣзо плотно охватило ее шею.

Послѣ этого обвѣхъ боярынь, вмѣстѣ съ колодами, везали порознь на дровни. Сестры поняли, что ихъ хотять разлучить.

— Поминай меня, убогую, въ твоихъ молитвахъ! крикнула на прощанье Морозова сестрѣ.

И дѣйствительно, изъ чудова монастыря Морозову повезли на печерское подворье, а Урусову въ алексѣевскій монастырь. Когда первую провозили мимо кремлевскихъ палатъ, то она, думая, что царь смотритъ на нее въ окно, умышленно привстала на дровняхъ и безпрестанно крестилась двумя перстами.

На подворьѣ Морозову посадили въ темный подвалъ. Желѣзный ошейникъ скоро протеръ ее нѣжную и бѣлую шею до кровавыхъ мучительныхъ ранъ, а оковы изъязвили ей руки и ноги. Боярыня, однако, не роптала и не смирялась, а скорбѣла лишь о томъ, что короткая цѣпь и тяжелыя оковы не допускали ее класть земные поклоны. Въ свою очередь и княгиня упорствовала. Сидя въ алексѣевскомъ монастырѣ, она, въ противность воли царской, не хотѣла ходить въ церковь и ее «какъ мертвое тѣло» носили туда на рогоженныхъ носилкахъ.

— Зачѣмъ волочите меня! вопила она:— не хочу я молиться съ вами.

Скоро объ упорствѣ Урусовой заговорили въ Москвѣ, и въ алексѣевскій монастырь стала съѣзжаться московская знать, и стало сходиться множество народа, чтобъ смотрѣть, какъ «волютъ» княгиню въ церковь.

Минулъ почти годъ со времени заточенія обвѣхъ сестеръ, когда на патриаршій престолъ вступилъ Пятиримъ. Игуменья алексѣевского монастыря доложила вновь поставленному свя-

тѣйшему владыкѣ о томъ соблазвѣ, какой причиняеть Урусова своимъ упорствомъ, а кстатн напомнила и о Морозовой. Новый патріархъ, мирополившій расколу, завелъ съ государемъ рѣчь о заточенныхъ боярыняхъ.

— Совѣтую твоему царскому величеству, сказалъ Питиримъ государю:—отдать вдовицѣ Морозовой домъ, да дворовъ сотницу на потребу, а сестру ея, княгиню, отдалъ бы ты князю; такъ приличнѣе будетъ. Дѣло ихъ женское: чтѣ онѣ смыслятъ?

— Давно бы я такъ сдѣлалъ, да не знаетъ твое святѣйшее лютоств боярыни. Надругалась она, да и нынѣ надругается надо мною. Не вѣришь, такъ испытай самъ; позови ее къ себѣ и узнаешь, какова она; и когда вкушишь неприятное, тогда я и сдѣлаю, что повелитъ твое владычество.

На другой день послѣ этого разговора, Морозову представили снова во вселенскую палату предъ патріарха.

— Приобщись, боярыня, сказалъ кротко святитель:—по тѣмъ служебникамъ, по которымъ причащается благовѣрный великій государь и его благочестивое семейство.

— Не у кого мнѣ приобщаться, рѣзко отозвалась Морозова.

— Какъ, не у кого? съ удивленіемъ спросилъ патріархъ. — Поповъ въ Москвѣ много.

— Много, да истинныхъ нѣтъ! перебила боярыня.

— Ну, такъ я приобщу тебя, уступчиво предложилъ патріархъ:—я вельми пекусь о тебѣ.

— Да развѣ есть какая разница между тобою и ими? вскринула съ негодованіемъ Морозова:—всѣ вы еретики. Никонъ былъ еретикъ, и вы ему подобны. Ты исполняешь только велѣнья земного царя! Отвращаюсь отъ тебя и не хочу твоего приобщенія!

Такъ какъ Морозова во время разговора не хотѣла стоять передъ патріархомъ, то стрѣльцы поддерживали ее по сторонамъ, такъ что она висѣла у нихъ на рукахъ. Патріархъ, между тѣмъ, приказалъ облачить себя и хотѣлъ показать Морозову елеемъ.

Увидѣвъ эти приготовления, она быстро выпрямилась во весь ростъ и, поднявъ вверхъ сжатые кулаки, зазвенѣла цѣпами.

— Не губи меня, грѣшную, отступникомъ масломъ! неустово ревѣла она.—Неужели ты хочешь однимъ часомъ погубить весь мой трудъ? Отступись, а не то опростоволосюсь: сорву съ головы убрουςъ! Осрамлю и тебя, и себя, угрожала Морозова, такъ какъ, по тогдашнему обычаю, женщины позорно было показаться, а мужчинамъ видѣть ее съ непокрытою головою.

— Вражья ты дочь! пробормоталъ патріархъ. — Отнынѣ я и самъ отступаюсь отъ тебя, торжественно на всю палату возглаго-

силъ онъ, выведенный изъ терпѣнія рѣшимостью Морозовой опозорить патриаршія сѣдины.

Вкусивъ непріятное, патриархъ обо всемъ происходившемъ въ чудовѣ монастырѣ доложилъ государю.

— Сожжемъ ее, владыко, въ срубѣ! заревѣлъ въ ярости «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ: — а тѣмъ временемъ и съумѣю распорядиться съ нею, добавилъ онъ, грозно пытая отъ гѣва при своей царственной тучности.

Между тѣмъ, къ страдавшимъ за древнее благочестіе боярынямъ присоединились и ихъ прежнія сопричастницы.

При разбродѣ изъ дома Морозовой старица и странница, успѣли между ними скрыться инокиня Марія и старца Меланья, до такой степени вліявшая на Морозову, что послѣдняя, какъ она сама говорила, «отсѣкла передъ Меланьемъ въ конецъ свою волю». Бѣглянокъ этихъ успѣли, однако, захватить, и теперь ихъ привезли на ямской дворъ, куда доставили также боярыню и княгиню. Когда тамъ ихъ всѣхъ собрали въ пыточную избу, то туда вошли бояре: князь Воротынскій, князь Яковъ Одоевскій и Василій Волыскій.

Зловѣще выглядывала пыточная изба: устроенная посреди ея дыба, лежавшіе на полу веревки, ремни, цѣпи, плети и жгуты показывали, что здѣсь занимались мучительскими дѣлами, и, вдобавокъ къ этой обстановкѣ, наводившей ужасъ, одинъ изъ палачей разводилъ огонь на кирпичномъ полу избы подъ сдѣланной въ потолокъ трубою.

— Что ты, Федосья Протофѣевна, понадѣлала? сказалъ, сострадательно покачивая головою и обращаясь къ Морозовой, князь Воротынскій. — Отъ славы дошла до безчестія. Вспомни только, какого ты рода!

— Не велико наше тѣлесное благородіе, отвѣчала равнодушно Морозова на укорительное увѣщаніе Воротынскаго: — а слава земная—суета. Вспомни только, что сынъ Божій жилъ въ убожествѣ и былъ распятъ жидами. Что же послѣ того значать всѣ наши страданія? Обѣщались я Христу и не хочу намѣнить ему до послѣдняго вздоха. Не страшны мнѣ ни изгнаніе изъ дому, ни узы, ни царскій гѣвъъ, ни истязанія...

Воротынскій, смѣшавшись, замолчалъ и, исполняя царское повелѣніе, приказалъ приступить къ пыткѣ.

Палачи подвели къ дыбѣ Марію, обнажили ее по поясъ, стянули ей назадъ руки ремнями и, прикрѣпивъ къ нимъ конецъ веревки, шедшей съ потолка по блоку, стали поднимать Марію на встряску. Завизжалъ блокъ и заскрипѣла на немъ веревка, на которой тянули къ потолку страдальицу; послышался отчали-

ный визгъ, захрустѣли суставы. Между тѣмъ, одинъ изъ палачей, привставъ съ зажженною въ рукахъ лучиною на чурбанъ, сталъ водить ею по голой спинѣ несчастной.

— Это ли христіанство, чтобы такъ людей мучить! вскрикнула Морозова и сильно рванулась къ Маріи, но тяжелыя оковы и короткая цѣпь съ колодой удержали ее на мѣстѣ.

Первый допросъ кончился. Марію спустили съ дыбы и вытащили во дворъ. Наступила очередь Морозовой; съ нея сняли цѣпи и ошейникъ. Крѣпко затянули ей ремнемъ руки за спиною и ремнемъ же связали ноги; послѣ этого ее приподняли на дыбѣ, а палачъ началъ задавать ей встряски, состоявшія въ томъ, что онъ ставилъ на ремень, которымъ были связаны ноги боярщины, свою ногу и сильными ударами по ремню оттягивалъ внизъ висѣвшую на дыбѣ Морозову. Отъ такихъ ударовъ, руки, стануты назадъ, выходя изъ суставовъ, заходили все выше за спиною и стали потомъ подниматься надъ головою пытаемой. Получивъ провисѣла Морозова на дыбѣ, и въ это время истязатели то увѣщевали, то допрашивали ее, но она и среди жестокихъ мукъ не отвѣчала имъ ничего, а только славословила имя Христово.

— Ремень протеръ мнѣ кожу до жилъ, проговорила она, когда ее спустили съ дыбы, взглянувъ на свои руки, около кистей которыхъ и безъ того уже были язвы, натертые оковами, а теперь явились и кровавыя раны.

Морозову вытащили также во дворъ и положили на снѣгу такъ, что въ ногахъ у ней приплась Марія, за которую палачи припались теперь снова. Они били ее въ пять плетей сперва по спинѣ, а потомъ по животу, а, между тѣмъ, бояре угрожали Морозовой, что и ей будетъ тоже самое, если она не откажется отъ ереси. Но она и сострадалца ея оставались непреклонны. Измученную Морозову отвезли снова на печерское подворье, куда неожиданно привели къ ней Меланію.

— Ужь домъ твой, матушка, готовъ, заговорила она радостно Морозовой:—вельми онъ добръ, цѣлыми снопами соломы уставленъ. Отойдешь ты скоро въ блаженство!

— Знаю, что ты говоришь, Меланьюшка. Пойду я въ жертву Христу, какъ свѣча. Ничего я не боюсь. Испытала я разныя страданія, не испытала только сожженія, пусть же испытаю и огненную смерть!

Не лгала Меланья, говоря Морозовой о томъ домѣ, который ей былъ приготовленъ, и не ошибалась боярыня, предугадывая, что ее сожгутъ.

Царь, дѣйствительно, порѣшилъ сжечь Морозову на страхъ

еретикамъ, и на такъ называемой Болотѣ, въ московскомъ пригородѣ, былъ уже приготовленъ срубъ для этой страшной, обычной, впрочемъ, въ то время казни. Меланью водили на Болото, а потомъ впустили къ Морозовой, чтобы она напугала боярыню. Когда, однако, дѣло не шутя пошло о сожженіи Морозовой, то бояре «не потянули» въ сторону царя, и онъ, въ угоду имъ, отиѣнилъ свой указъ, повелѣвъ отвезти Морозову въ новодевичій монастырь и содержать тамъ ее подъ крѣпкимъ карауломъ и «каждодневно волочить къ церковному пѣнію». Меланью же и другую сподвижницу Морозовой, старицу Іустину, сожгли. Сожгли также въ Боровскѣ и бывшаго холопа Морозовой за то, что онъ добросовѣстно сохранилъ часть богатства, принадлежавшаго опальной боярыни, и у раскольниковъ сохранилось преданіе, что въ часъ сожженія Меланьи и Іустины онъ на яву въ видѣніи предстали Морозовой съ радостными лицами въ сіяющихъ ризахъ.

Твердость духа въ Морозовой поддерживалъ протопопъ Аввакумъ, который, несмотря на строгость надзора, успѣвалъ доставлять заточеннымъ свои посланія. Называя Морозову и сестру ея ангелами земными, столпами непоколебимыми, камнями драгоценными, звѣздами немеркнущими, онъ поучалъ ихъ не бояться убивающихъ тѣло, а потомъ немогущихъ уже ничего сдѣлать. «Мучьтесь за Христа хорошенько, писалъ протопопъ: — не смотрите впередъ, не оглядывайтесь назадъ. Побоярили на землѣ довольно, нужно попасть въ небесное боярство».

Много слышалась въ терему царевна Софія о страданіяхъ Фодосіи Морозовой, и неукротимая духомъ боярыня представлялась ей образцомъ женской твердости, хотя бы твердость эту и приходилось примѣнить къ другимъ цѣлямъ. Слышалась она не мало и о протопопѣ Аввакумѣ, и ей очень жалалось познакомиться съ этимъ отважнымъ вожакомъ раскола, вступившаго въ смѣлую и упорную борьбу какъ съ царскою, такъ и съ церковною властью.

VIII.

— Что приведется намъ дѣлать, когда не станутъ государи? Притѣснять насъ мачиха и Нарышенины, житья намъ отъ нихъ не будетъ, погубятъ они насъ. Сказалъ Гаденъ, что братцу жить осталось лишь нѣсколько дней, а я объявила боярамъ, что ему лучше стало!

Такъ шепталась царевна Софія Алексѣевна съ дальнимъ родственникомъ своей матери, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ

Милославскимъ, посѣдѣвшимъ въ крамолахъ, а теперь, по уваженію къ старости и родству, забравшимся, какъ гость, въ теремъ царевны.

— Ты разумно поступила, царевна, пусть кончина государя застанетъ нашихъ недруговъ врасплохъ, а сами мы подготовимся на тотъ случай, когда совершится воля Божія... А видѣла ли ты сегодня, царевна, князя Василя Васильевича?

При этомъ имени царевна нѣсколько смущилась, а опытный глазъ Милославскаго подмѣтилъ ея смущеніе.

— Знаю, царевна, что онъ тебѣ милъ, сказалъ, не стѣсняясь, Милославскій:—да и кто-жъ укорить тебя за это? Князь Василій человѣкъ уже старѣй, да и любишь ты его не дѣвичьимъ сердцемъ. Какая это любовь! Онъ—бояринъ умный, всегда благой совѣтъ подать можетъ, держись его.

— Поговоримъ лучше о дѣлѣ, съ живостью перебила царевна, стараясь замять начатой разговоръ. — Я спрашивала тебя: что намъ дѣлать, когда по волѣ Божіей не станетъ государя-брата?

— Просто объявить царемъ Ивана Алексѣевича. Вѣдь, престолъ принадлежитъ ему и по праву первородства. Слыхано ли дѣло, чтобы можно было обойти старшаго!

— Да вѣдь братецъ Иванушка хилъ, неразумень и почти-что слѣпъ. Куда же онъ годится? замѣтила Софія.

— А ты на что, государыня-царевна? смѣло и, глядя въ упоръ на Софію, проговорилъ Милославскій.—Развѣ ты за него править царствомъ не сможешь?

Царевна встрепенулась, гордо и самоувѣренно, взглянувъ на Милославскаго.

— Пусть Нарышкины затѣваютъ что хотятъ, да и мы не оплошаемъ. Козни ихъ я давно знаю. Вспомни, царевна, что еще при кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, сродникъ ихъ, бояринъ Матвѣевъ, уговаривалъ государя, чтобы онъ обошелъ обоихъ старшихъ братьевъ и объявилъ своимъ наслѣдникомъ царевича Петра Алексѣевича. Дѣло къ тому и шло, да мы тогда помѣшали, не пустили царицу Наталью Кириловну къ государю передъ его кончиною. Стащили съ постели царевича Федора Алексѣевича, еле онъ могъ тогда подняться, и посадили его на всероссійскій престолъ. Помѣшаемъ и теперь. Мы всю Москву противъ нарышкинскаго отродья возставили и изведемъ его конецъ! злобно добавилъ Милославскій. — Знаешь, благовѣрная царевна, иди-ко въ царскую опочивальню, не отходи напослѣднъ отъ государя, а если что провѣдаешь, то пришли вечеркомъ ко

миѣ Родилицу, да и я, быть можетъ, передамъ тебѣ съ нею кой-какія вѣсточка.

Милославскій поклонился царевнѣ, но, уходя отъ нея, онеъ вдругъ въ раздумьи остановился.

— Видно ты, Иванъ Михайлычъ, позабылъ миѣ что-нибудь сказать? спросила царевна.

При этомъ осликѣ Милославскій вздрогнулъ и медленно возвратился къ Софїи Алексѣевнѣ.

— Не знаю, говорить ли тебѣ, царевна, что у меня теперь на умѣ; пожалуй, тебѣ страшно будетъ. Ты, чего добраго, не рѣшишься на то, что необходимо придется сдѣлать, проговоришь, какъ-то нехотя, бояринъ.

— Видно, ты плохо знаешь меня, Иванъ Михайловичъ, бодро отозвалась царевна:—убѣди только меня въ необходимости, а я рѣшусь на все.

Бояринъ вытащилъ изъ-за пазухи своей фезианъ сложенный листъ бумаги и подаль его Софїи Алексѣевнѣ.

— Бояре Иванъ Кириловичъ, Кирило Полуектовичъ, Аванасїи Кири..... начала читать Софья, развернувъ листъ. Къ чему-жъ ты это написалъ? всѣ они—наши заклятые враги; ихъ и безъ тебя я хорошо знаю, сказала царевна, устремивъ смѣлые глаза на Милославскаго и возвращая ему бумагу.

— Разумѣется, ты ихъ и безъ меня знаешь, царевна; да не вѣдаешь только, что съ ними нужно сдѣлать, загадочно возразилъ Милославскій.

— Нужно настоять у брата-государя, чтобы онеъ отправилъ ихъ поскорѣе въ ссылку, перебилъ Софья:—да этого трудно будетъ добиться: онеъ больно ужъ добръ.

Иванъ Михайловичъ улыбнулся.

— Чтѣ ссылка, царевна! махнувъ небрежно рукой, возразилъ онеъ:—развѣ изъ нея люди не возвращаются? Помни мои слова: какъ только посадятъ царевича Петра Алексѣевича на престолъ, такъ въ сей же часъ Артамонъ Матвѣевъ лягнетъ сномъ въ чести и въ славу. Развѣ ссылкой можно отдѣлаться отъ враговъ? отдѣлываются отъ нихъ — смертью! рѣшительно проговорилъ Милославскій съ сильнымъ ударенїемъ на послѣднемъ словѣ.

Царевна вздрогнула.

— Испугалась? насмѣшливо замѣтилъ Милославскій:—неужели ты думаешь, что если Нарышкины возьмутъ верхъ, то они дадутъ намъ пощаду?

Съ усиленнымъ волненїемъ слушала царевна внушенїи своего млеврета. Двадцати четырех-лѣтняя дѣвушка, хотя и не рожден-

ная съ кроткимъ и сострадательнымъ сердцемъ, колебалась поддаться тому страшному искушенію, въ которое вводилъ ея безщадный совѣтникъ.

— Зачѣмъ ты, Иванъ Михайловичъ, говоришь объ этомъ? Расправлялся бы ты самъ, какъ знаешь, а меня зачѣмъ на такой страшный грѣхъ наводишь? говорила съ выраженіемъ неудовольствія взволнованная царевна.

— Говорю я тебѣ вотъ почему: первое, если ты будешь во власти, то, чего добраго, почтешь вѣрныхъ тебѣ людей за злодѣевъ и вдумашь казнить ихъ за то только, что они, поусердствовавъ тебѣ, избавятъ тебя отъ твоихъ недруговъ. Второе, не дрогнетъ ли, царевна, твое женское сердце, когда начнетъ кровавая расправа? Ты не будешь знать, пора ли, или не пора еще окончить ее, и, пожалуй, захочешь рано прекратить ее, и тогда враги твои останутся въ живыхъ на твою же погибель. Теперь, когда я показалъ тебѣ перенісь, ты можешь быть увѣрена, что, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ въ ней заявлялъ, никто больше не погибнетъ. Другихъ не тронуть. Прямого твоего согласія на истребленіе Нарышкиныхъ и ихъ соучастниковъ я отъ тебя не требую. Довольно съ меня, если ты только не будешь перечить. Не забывай, царевна, что если мы не расправимся съ нашими недругами, то они расправятся съ нами смертельнымъ боемъ, а на тебя, царевна, надѣнуть черный клобукъ... А онъ молодую голову куда какъ крѣпко жметъ! насмѣшливо-угрожающимъ голосомъ добавилъ Милославскій.

— Дѣлай что хочешь, твердо проговорила царевна:—и знай, что передо мной никто въ отвѣтъ за Нарышкиныхъ и ихъ единоплеменниковъ не будетъ. Сказавъ это, она рванулась въ сторону, какъ бы желая освободиться отъ дальнѣйшаго разговора съ бояриномъ.

— Помни же слова твои, благовѣрная царевна, и не отступись отъ нихъ! А теперь, сторожи хорошенько государя, и если усторожишь его, то, статья можетъ, все уладится мирно.

Отъ царевны Милославскій, черезъ спасскія и иверскія ворота въѣхалъ на царскую, нынѣшнюю тверскую улицу. Улица эта, по своимъ постройкамъ, не многимъ отличалась отъ другихъ мѣстностей тогдашней Москвы. По ней, рядомъ съ убогими избами, лачужками и неказливыми домами, стояли въ перемежку большія деревянныя хоромы бояръ, которые жили и въ государственной столицѣ, словно у себя въ вотчинѣ, въ деревенскомъ раздольѣ. За боярскими хоромами широко растиались сады и огороды, въ дворахъ были людскія и конюшни и множество разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Каждый боярскій домъ былъ

окруженъ плотнымъ высокимъ заборомъ съ наглухо-запертыми и день и ночь воротами. Въ концѣ царской улицы, около ивнѣйшей тверской площади, замѣтно выдѣлялся изъ ряда другихъ построекъ большой, въ два жилья, каменный домъ и арко блистала на немъ въ солнечные дни гладко-полированная мѣдная крыша.

Шумно, по тогдашнему обычаю, двигался по царской улицѣ боярскій поѣздъ. Слуги, ѣхавшіе верхомъ и бѣжавшіе съ палками въ рукахъ, всё безъ шапокъ, передъ рыдваномъ Иванъ Милославскаго, кричали во всю глотку: гисъ! гисъ! предупреждая всѣхъ встрѣчныхъ, чтобы они сторонились и давали дорогу ѣхавшему боярину. Развались въ рыдванѣ на мягкихъ бархатныхъ подушкахъ, Милославскій тихо подѣзжалъ къ каменному боярскому дому. Неторопливо, съ важностью, свойственною знатымъ людямъ того времени, вылѣзъ онъ изъ своего рыдвана и, поддерживаемый по сторонамъ слугами, сталъ медленно подниматься по широкой каменной лѣстницѣ, украшенной стѣнною живописью.

Домъ съ мѣдною крышею, въ который пріѣхалъ теперь Иванъ Михайловичъ, не слишкомъ отдавалъ стародавнюю Москву. Замѣтно было, что жившій въ немъ бояринъ успѣлъ уже порядкомъ освоиться съ иноземными новшествами. Въ большихъ окнахъ просторныхъ и высокихъ палатъ была вставлена не слюда, а стекла; стѣны были обиты шелкомъ и обоями изъ тисненой золотомъ кожи. Въмѣсто обычныхъ въ ту пору, шедшихъ вдоль стѣнъ, лавокъ, была разставлена по комнатамъ ивмецкая и польская мебель: изящно точеные стулья и кресла, столы на выгнутыхъ и львиныхъ ножкахъ съ мраморными и мозаичными досками. Стѣны были увѣшаны картинами и гравюрами иностранныхъ художниковъ. Убранство комнатъ дополняли шпандели, жирандоли, стѣнные и столовые часы, подзоры или драпировка надъ окнами и дверями, и богатые ковры, бывшіе, впрочемъ, въ большомъ употребленіи и у тѣхъ бояръ, которые жили на старинъ ладъ. Особенно роскошно и затѣйливо отдѣлка отличалась одна палата съ сорока шестью окнами. Въ этой палатѣ среди потолка было изображено позолоченное солнце и живописные знаки Зодиака. Отъ солнца на трехъ желѣзныхъ прутахъ висѣло бѣлое востаное паннадакло о пяти поясахъ, а въ каждомъ поясѣ было по восьми подсвѣчниковъ. По другой сторонѣ солнца былъ изображенъ посеребренный мѣсяцъ; кругомъ потолка въ двадцати большихъ вызолоченныхъ медальонахъ были нарисованы изображенія пророковъ и пророчицъ. На стѣнахъ палаты висѣло въ разныхъ мѣстахъ пять большихъ зер-

каль, изъ которыхъ одно было въ черепаховой рамѣ. Весь домъ князя Василья Васильевича блисталъ роскошью, и не даромъ французскій путешественникъ Невиль писалъ, что домъ Голицына былъ великолѣпнѣйшій въ цѣлой Европѣ.

Въ то время, когда подъѣзжалъ Милославскій, хозяинъ, сидя за столомъ, заваленнымъ книгами и рукописями, съ большимъ вниманіемъ читалъ въ латинскомъ подлинникѣ сочиненіе знаменитаго Пуфендорфа, стараясь извучить изъ его твореній трудную науку государственнаго правленія. Онъ былъ одѣтъ по домашнему въ шелковой однорядѣ, но, узнавъ о пріѣздѣ Милославскаго, поспѣшилъ надѣть феразь, длинный и широкій кафтанъ изъ атласа, такъ какъ встрѣтить знатнаго и почетнаго гостя только въ однорядѣ, безъ ферази, было бы, по тогдашнимъ понятіямъ, въ высшей степени неприлично.

Милославскій, войдя въ комнату, перекрестился и поцѣловался съ хозяиномъ, который, принявъ гостя съ видимою привѣтливостью и обычною вѣжливостью, не слишкомъ былъ радъ въ душѣ его неожиданному посѣщенію.

— Просимъ вашу милость садиться, сказалъ Голицынъ, уступая гостю свое кресло.

— Какъ поживаешь, князь Василій Васильевичъ? спросилъ, усаживаясь въ кресло, Милославскій.— Ты все умудряешься чтеніемъ?

— Нужно читать, Иванъ Михайловичъ, всего своимъ умомъ не осяжешь, а европейскіе народы могутъ дать каждому не мало отъ плодовъ своего просвѣщенія. Вотъ я теперь читалъ главу изъ писаній Пуфендорфа «о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ яже належатъ обще народу», отозвался князь, садясь насупротивъ гостя.

— Хитро что-то, ужъ больно хитро, замѣтилъ нелюбознательный гость:— да и пользы отъ того большой нѣтъ. Вотъ погоди, какъ придетъ нарышкинское царствіе, такъ умнымъ людямъ ни ходу, ни житія не будетъ, поматывая съ угрожающимъ видомъ головою, перебилъ Милославскій.

— Почему-жь, бояринъ, ты думаешь, что придетъ изъ царствіе? нахмураясь, спросилъ Голицынъ.

— Потому, что царю Ѳеодору Алексѣевичу жить не долго, а по кончинѣ его Нарышкины посадятъ на престолъ царевича Петра Алексѣевича. Молодъ онъ больно, того и смотри, что Наталья Кирилловна захочетъ быть правительствующею царицею, да, пожалуй, и будетъ. Шибко она что-то зазналась; забыла, видно, какъ до брака въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила.

Слушая Милославскаго, князь, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ, тяжело отдувался.

— А что-же хозяйшкен-княгини не видать? спросилъ, помолчавъ немного, Милославскій:—видно, я у тебя въ домѣ обычной чести недостойнъ? шутливо добавилъ онъ.

Милославскій заговорилъ объ этомъ, потому что княгиня, вопреки обычаю, не выходила къ нему, какъ къ почетному гостю, чтобъ съ низкими поклонами поднести ему на поднось чару водки.

— Будь, Иванъ Михайловичъ, милостивъ къ моей княгинѣ; не-можетъ она что-то всё эти дни, а потому и должной чести тебѣ не оказываетъ. Не взъщи съ нея за это, бояринъ!

— Знаю, знаю я ея немоту, подмигивая Голицыну, подхватилъ Милославскій. — Просто-на-просто ты, князь Василій Васильевичъ, стародавнихъ нашихъ обычаевъ не любишь. Самъ отъ нихъ уклоняешься, да и супругу свою къ тому же не-любишь. Впрочемъ, и то сказать, въ нынѣшнія времена и самъ женскій полъ отъ многого себя освобождаетъ. Вотъ хотя бы, на-примѣръ, царевна Софія Алексѣевна, по нерасположенію своему къ старымъ порядкамъ, съ тобою сходствуетъ и не даромъ такъ возлюбила тебя...

— Ставилъ себѣ въ отиѣнную честь, коль скоро удостоивался вниманія государыни царевны, скромно замѣтилъ Голицынъ.— Великаго разума она дѣвица! Во время теперешней болѣзни государя мнѣ часто приходится встрѣчаться съ ея пресвѣтлѣйшествомъ въ опочивальнѣ государя, и соизволяетъ она не рѣдко удостоивать меня своей бесѣды, при чемъ я всегда дивлюсь ея уму.

— Ты, князь Василій Васильевичъ, только и толкуешь, что объ умѣ царевны, а о дѣвическомъ ея сердцѣ никогда не думаешь.

— Да какая же мнѣ стать думать о сердцѣ царевны! усмѣнулся Голицынъ.

— Не сказалъ бы ты того, что теперь говоришь, князь Василій Васильевичъ, еслибъ зналъ, какъ оно лежитъ къ тебѣ, таинственно прошепталъ Милославскій.

— Не гоже тебѣ, Иванъ Михайловичъ, вымыслять такіе бредни; да и неучтиво такъ надѣваться надо мною. Я человекъ уже не молодой; не моя пора уловлять дѣвичьи сердца, а о сердцѣ царевны я не дерзнулъ бы никогда и помыслить.

— Да и дерзать-то нечего, коли оно само къ тебѣ рвется, проговорилъ Милославскій.

Голицынъ медленно приподнялся съ кресла.

— Оставь, бояринъ, эти пустыя шуточныя рѣчи, началъ онъ, сурово посматривая на Милославскаго и слегка потирая ладонь

свой лобъ, между тѣмъ какъ передъ нимъ живо представились и тѣ взгляды, которые по долгу останавливала на немъ царевна, и та краска, которая, при встрѣчѣ съ нимъ, кидалась ей въ лицо, и то смущеніе, которое овладѣвало ею, когда она начинала заводить съ нимъ рѣчь.

Голицынъ давно замѣтилъ все это, но, бесѣдуя съ Софією лишь о дѣлахъ государственныхъ и объ ученыхъ предметахъ, онъ, годившійся ей, при тогдашнихъ раннихъ бракахъ, почти въ дѣды, не думалъ вовсе ни о любви, ни о томъ, что ему принадлежитъ сердце царевны. Онъ полагалъ, что Софія смущается передъ его умомъ и его знаніями и что никакой сердечной привязанности тутъ не можетъ быть. Въ старинномъ русскомъ быту романческія затѣи вовсе не существовали, да и Голицынъ никогда не былъ ходякомъ по любовной части. Теперь же Милославскій своими странными рѣчами надоумилъ его и открылъ тайну, которую онъ не могъ даже подозрѣвать безъ насмѣшекъ надъ самимъ собою.

— Затолковались мы, Иванъ Михайловичъ, о чемъ бы и не слѣдъ намъ было говорить; мнѣ ужъ вторая полсотня жизни идетъ. Да и не о томъ теперь думать надлежитъ; изъ твоихъ словъ вижу, что смутныя времена подходятъ, сказалъ спокойно Голицынъ.

— То-то и есть, а потому намъ вѣрше царевны Софіи Алексѣевны держаться нужно; впереди всѣхъ насъ ее на высоту слѣдуетъ поставить, а то сокрушать насъ Нарышкины.

— Нужно намъ, началъ поучительно Голицынъ:— царственный законъ соблюсти и не царевну возносить, а посадить, въ случаѣ чего, береги Богъ, по порядку старшинства, на московскій престолъ ея брата, царевича Ивана Алексѣевича.

— Да развѣ Иванушка-царевичъ на что-нибудь годенъ? Можетъ онъ только мухъ лѣтомъ ловить, да и тѣхъ, пожалуй, прозѣваетъ: ничего онъ почти не видитъ, съ дерзкой насмѣшкой проговорилъ Милославскій.— Впрочемъ, уступчиво добавилъ онъ:— что за бѣда! совѣтъ боярскій при немъ учредимъ, не вѣкъ же и боярству въ законъ быть.

Голицынъ хотѣлъ что-то возразить.

— Знаю, знаю напередъ, поторопился Милославскій:— что ты, князь Василій Васильевичъ, противъ боярства идешь. Ну, что-же, ради тебя и уступочку сдѣлаемъ. Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ государемъ станетъ, а царевна Софія Алексѣевна пусть царичей хотя и не будетъ, а только за брата царствомъ править станетъ. Почитай, что это тебѣ съ руки будетъ! насмѣшливо добавилъ Иванъ Михайловичъ.

Князь сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ послѣднихъ словъ боярина, который теперь со злобою началъ перебирать Нарышкиныхъ и всѣхъ бояръ, державшихъ сторону царицы Натальи Кириловны, пережѣвивая эту переборку многочисленныхъ недруговъ съ шутивыми намеками на любовь царевны къ князю.

Голицынъ только морщился. Онъ хорошо зналъ коварный характеръ своего сотоварища по боярской думѣ и отвѣчалъ ему уклончиво и нервнительно.

— Вдвоемъ, впрочемъ, мы, князь Василій Васильевичъ, не можемъ столковаться, какъ слѣдуетъ, а вотъ прїѣзжай ко мнѣ въ четвергъ хлѣба-соли откушать. Оважи мнѣ, бояринъ, такую великую честь! сказалъ, низко кланаясь, Милославскій, расставаясь съ Голицынымъ, поблагодарившимъ его за приглашеніе.

IX.

Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, потомокъ литовца, выѣхавшаго въ Россію въ 1390 году, принадлежалъ, въ царствованіе Федора Алексѣевича, къ числу старѣйшихъ бояръ какъ по лѣтамъ, такъ и по времени пожалованія боярствомъ. Онъ всегда былъ охотникъ мутить, и любимымъ его занятіемъ было строить разнаго рода подвохи и козни. Когда же, въ послѣдніе три-четыре года жизни царя Алексѣя Михайловича, Милославскій, подъ вліяніемъ наговоровъ царицы Натальи Кириловны, былъ оттертъ отъ двора, то молодая государыня и ея родственники сдѣлались предметомъ его непримиримой и ожесточенной ненависти. Онъ только и думалъ о томъ, чтобы, какъ говорилось въ старину, вывести ихъ.

Въ противоположность князю Голицыну, Милославскій жилъ по старинному обычаю, не заводя никакой иноземной новизны, и потому съѣхавшіеся къ нему на званый обѣдъ гости находились среди той же незатѣливой обстановки, среди которой жили и сами они, и ихъ дѣды и прадѣды. Стѣны обширныхъ, но низкихъ хоромъ Милославскаго не были обиты дорогими тканями, но были обтянуты холстомъ, выбѣленнымъ известіемъ, и увѣшаны только иконами. Въ комнатахъ не было никакой отдѣлки и украшеній, а также никакой другой мебели, кромѣ столовъ и лавокъ, да нѣсколькихъ простой работы креселъ для самого боярина и его немногихъ почетныхъ гостей.

Обѣдъ, за который сѣли гости Ивана Михайловича, страпался въ стародавнемъ московскомъ вкусѣ, и изъ всего иностраннаго можно было найти за столомъ стараго боярина только хорошее

венгерское вино, которымъ онъ теперь и угощалъ весьма радужно своихъ гостей, рассчитывая, что послѣ обильной выпивки они будутъ поговорчивѣе и легче поддадутся его внушеніямъ. Какъ и всегда, они не отставали другъ отъ друга, и къ концу обѣда почти у всѣхъ ихъ порядочно уже шумѣло въ головѣ, а языки развязывались все болѣе и болѣе. Всѣ гости Милославскаго прилежали хмѣльнаго питья, какъ тогда говорилось, за исключеніемъ трезваго и воздержнаго Голицына, который, склонясь на нездоровье, уклонялся, на сколько могъ, отъ подчиванія и приневоливанія со стороны хозяина дома. Во время обѣда велась бесѣда о предметахъ самыхъ обыденныхъ и порою вспоминалось о прошломъ.

— Покойный государь, царь Алексѣй Михайловичъ, рассказывалъ Милославскій:—былъ великій постникъ. Хотя въ мясные и рыбные дни любилъ покушать, и за столомъ его бывало въ эти дни до семидесяти блюдъ, но за то въ постные дни былъ воздерженъ всѣмъ на диво; ни единый монахъ такъ строго не держалъ постовъ, какъ его царское величество. Въ великомъ посту въ дѣлне сутки съѣдалъ онъ по кусочку чернаго хлѣба съ солью, по соленому огурцу или грибу и выпивалъ только по стававу полпива. На страстной же, въ понедѣльникъ, среду и пятницу ничего не вкушалъ и во весь великій постъ только два раза кушалъ рыбу. Выходило такъ, что въ годъ онъ постился восемь мѣсяцевъ.

— Да и насчетъ молитвы онъ крѣпко усердствовалъ, подхватилъ Воротынскій:—хоть и былъ велими тучень, но ежедневно, а иной разъ даже и сряду, безъ передышки, по тысячѣ поклоновъ кланялся; а въ большіе праздники и до полутора тысячи отбрасаетъ; ноть съ него бывало ручьемъ катить, а онъ, зная себя, кланяется! Любилъ царь и иконопись; послѣ смерти его осталось восемь тысячъ двѣсти иконъ.

— Кроткій и благодушный былъ государь! замѣтилъ Милославскій, съ удовольствіемъ вспоминавшій дни своего особеннаго почета.

— Ну, не скажи этого, бояринъ, возразилъ ему князь Иванъ Андреевичъ Хованскій:—бывалъ иной разъ царь Алексѣй Михайловичъ съ большимъ норовомъ и не разъ съ нашею братьею, боярами, кулачно расправлялся. Какой стихъ на него находилъ! Забылъ развѣ, какъ однажды онъ своего стараго тестя, боярина...

— Что вы тутъ зѣваете! вдругъ крикнулъ Иванъ Михайловичъ на прислуживавшихъ за столомъ холоповъ.—Службу у боярскаго стола покончили, такъ ротозѣять тутъ нечего!

По призыву боярина, холопы повалили изъ столовой избы, а

онъ всталъ съ мѣста и, притворивъ дверь, посмотрѣлъ, не остался ли тамъ кто-нибудь подслушивать боярскихъ рѣчей. Доносы и тогда были въ Москвѣ въ большомъ ходу, и бояре крѣпко по-бановались своихъ холоповъ, которые очень часто кричали на нихъ государево «слово и дѣло», объявляя, что господинъ ихъ велъ худыя рѣчи о государѣ, царикѣ, или ихъ семействахъ.

— Вспомнилъ я, продолжалъ Хованскій, обратившись къ возвратившемуся на свое мѣсто Ивану Михайловичу:—о бояринъ Ильѣ Даниловичѣ, какъ онъ единымъ похвалялся передъ государемъ, что еслибы царь поставилъ его первымъ воеводою, то онъ взялъ бы въ полонъ короля польскаго. При мнѣ то было. Какъ, слышь ты, страдникъ, худой человекъ!—вскрикнулъ царь на своего тестюшку:—своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ похваляешься! Когда же ты ходилъ съ полками? Какія побѣды оказалъ ты надъ неприятелемъ? Или ты, безтолковый, смѣешься надо мною? Да такъ съ послѣднимъ словомъ заушилъ его, а тамъ хватъ его за бороду, да и ну трепать. Мало того, въ пинки его принялъ, да такъ въ дверь и спровадилъ...

Бояре весело захохотали.

— Непригожія были эти дѣла для боярской чести, насумисъ, замѣтилъ Голицынъ.

— Говоришь ты непригожее дѣло, подхватилъ снова Волнскій:—а самъ-то у бояръ наиглавнѣйшую опору ихъ чести стнналъ, мѣстничество отмѣнилъ, разрядныя книги сжегъ, уворалъ онъ Голицына.

— Не я все это сдѣлалъ, обращаясь къ говорившему, возмущительно возразилъ Голицынъ:—сдѣлали это выборные люди по царскому указу, а я только, по должности моей, правдивый докладъ объ ихъ мнѣніи государю представилъ. Да и что же было мѣстничество, какъ не пустая только боярская забава, коли государь, нѣтъ-нѣтъ, да и прикажетъ быть всѣмъ безъ мѣстъ? Все равно, обычай этотъ вскорѣ бы самъ по себѣ вывелся, такъ не пригоднѣ ли было порѣшить съ нимъ по приговору выборныхъ? И развѣ мѣстничество служило въ ограду истинной чести боярства? съ жаромъ продолжалъ объяснять Голицынъ:—изъ-за него только лишніе батоги по боярскимъ спинамъ ходили, а отъ заушеній, трепанья бороды и пинковъ никого оно не спасало. Жилъ я въ Польшѣ и знаю, что тамъ король не только сенатора или знатнаго пана, но и шляхтича простого пальцемъ тронуть не можетъ, да и въ другихъ странахъ тоже ведется. А у насъ, господа бояре, не такіе порядки...

— Пстой, заведутся хорошіе порядки, какъ станутъ править

царствомъ Нарышкины! подхватилъ Семень Волынской, одинъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ друзей Милославскаго.

Въ то время, когда Голицынъ говорилъ твердо и увѣренно, плотно подѣвши и хорядкомъ подвыпивши бояре, казалось, не обращали на его рѣчь особаго вниманія. Обычный послѣобѣденный сонъ начиналъ одолевать ихъ, и кто изъ нихъ сидѣлъ какъ осоловѣлый, поклеывая носомъ все чаще и чаще, кто, подперевъ руки на столъ и поддерживая ладонями щеки, гнѣвно повѣвывалъ и жмурилъ глаза; кто, положивъ локоть на столъ и свѣсивъ на него голову, готовился вскрапнуть, а кто собрался даже разлечься въ растяжку на лавкѣ. Сонливость эта, однако, мгновенно исчезла, какъ только послышалось имя Нарышкиныхъ. Всѣ встрепенулись и навострили уши. Видно было, что обсужденіе общихъ государственныхъ порядковъ не слишкомъ занимало ихъ, но за то вопросъ о личномъ положеніи и о будущности затрогивалъ каждого за живое.

— Противъ своеволія Нарышкиныхъ можно и боярскій совѣтъ уредить, зѣвнувъ протяжно и проведя раскрытою ладонью со лба по лицу и по длинной бородѣ, сказалъ князь Воротынскій.

— Какъ же! Такъ тебѣ сейчасъ на это волю и дадутъ, да еще, пожалуй, и твою милость въ совѣтъ призовутъ! насмѣшливо отозвался Волынской. — Нѣтъ ужъ, коли Нарышкинцъ одолеваетъ, то скрутятъ такъ, что и духу не переведешь!

— Ну, еще посмотримъ, какъ имъ это удастся! Что за важное дѣло, что на ихъ сторонѣ патриархъ, духовный чинъ и большинство бояръ; вѣдь за то на нашей сторонѣ весь чернѣйшій народъ! подхватилъ Милославскій.

— Не надѣйся на число, Иванъ Михайловичъ, спокойно отозвался Голицынъ:—припоминается мнѣ, какъ разумно на такой случай говаривалъ бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Бывало, съ нимъ кто заговоритъ такъ, какъ ты теперь изволишь говорить, а онъ и отвѣчаетъ: «во всякомъ дѣлѣ сила въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей собрано много; и людей много, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ».

— Дѣльно, дѣльно говоришь, князь Василій Васильевичъ! разумныя рѣчи повторяешь. Какимъ дѣломъ безъ смышленнаго заводчика управишься? подхватилъ Хованскій. — Вотъ хоть бы ты, Иванъ Михайловичъ, въ нашемъ дѣлѣ на первое мѣсто сталъ, добавилъ Хованскій, обращаясь къ Милославскому.

— Да и то ужъ я хлопочу давнымъ-давно, и могу сказать по чести, что успѣлъ кое-что сдѣлать. Рѣшить только нужно, къ

чему нашъ замысль вести? сказалъ Милославскій: — стговориться намъ больно трудно: что человекъ, то разумъ.

— Какъ въ чему вести? Извѣстное дѣло: посадить на престолъ царевича Ивана Алексѣевича, а если онъ править неспособенъ, то приставить къ нему царевну Софію Алексѣевну! заявилъ Хованскій.

— Воистину, что такъ, достойна она править царствомъ. Благенной памяти, царь Алексѣй Михайловичъ, родитель ея, неоднократно говорилъ, что она «великаго ума и самыхъ гбженнхъ проицательствъ, больше мужеска ума, исполнена дѣва», заявилъ Иванъ Михайловичъ.

Опершись рукою на столъ и позаслонивъ глаза ладонью, князь Голицынъ внимательно слушалъ толки своихъ собесѣдниковъ о царевнѣ, не принимая, однако, въ нихъ никакого участія.

— Ну, а что же ты, князь Василій Васильевичъ, молчишь? окликнулъ его Милославскій:— согласенъ или нѣтъ съ тѣмъ, что говорить князь Иванъ Андреевичъ?

— Не моего завода это дѣло, сказалъ Голицынъ, вставая съ мѣста и собираясь уѣхать домой: — ты въ немъ, Иванъ Михайловичъ, и хозяйствуй, какъ знаешь, а отъ отвѣта за него, въ случаѣ какой бѣды, я не уклоняюсь и нивого никогда не выдамъ, вотъ тебѣ мое въ томъ рукобитіе.

Бояре въ круговую ударились по рукамъ и затѣмъ, потолковавъ еще съ Милославскимъ и пораспросивъ его о сторонникахъ царевича Ивана Алексѣевича, порѣшили «выкрикнуть» его царемъ, и во дворцѣ, и на площади, а Нарышкинныя къ первенству не допускать.

X.

Въ тринадцать часовъ дня, по старинному русскому счету часовъ отъ восхода солнца, или въ четыре часа по полудни, 27-го апрѣля 1682 года, въ четвертъ на еоминной недѣлѣ, раздался надъ Москвою съ ивановской колокольни тоскливые удары большого колокола.

— Никакъ гудить «Вѣстникъ»? заговорили въ Москвѣ, прислушиваясь къ протяжному и рѣдкому благовѣсту.— Знать, царь умеръ? съ изумленіемъ спрашивали москвичи другъ у друга, такъ какъ имъ, хотя и было извѣстно о болѣзни Ѳедора Алексѣевича, но никто не ожидалъ такой скорой кончины двадцати-четыреклѣтняго государя.

Догадывавшіеся о смерти царя не ошибались. Дѣйствительно,

теперь звонили въ колоколъ, называвшійся «Вѣстникъ», который каждый разъ оповѣщалъ населеніе столицы о смерти государей. Вскорѣ къ одному ему благовѣсту сталъ присоединяться заунывный перезвонъ московскихъ церквей, и народъ со всѣхъ сторонъ густыми толпами повалилъ въ Кремль. Туда же, въ царскія палаты, спѣшили въ колымагахъ или неслись верхомъ бояре, думные и разныхъ чиновъ служилые люди. Вскорѣ весь Кремль наполнился народомъ.

Послѣ непродолжительныхъ приготовленій, тѣло государя вынесли изъ опочивальни и поставили среди Крестовой палаты. Эта палата славилась своими издавна привезенными святынями: въ ней былъ въ ту пору камень, на которомъ стоялъ Іисусъ Христосъ, читая молитву «Отче нашъ». Тамъ же были: печать отъ гроба Господня, іорданскій песокъ и «чудотворные» монастырскіе мады. Въ этой палатѣ родился царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, такъ какъ, по тогдашнему обычаю, царицу выносили въ Крестовую палату, чтобы тамъ она разрѣшалась отъ бремени. Въ Крестовой палатѣ бояре, по старшинству, подходили къ уснушему и прощались съ нимъ, цѣлуя его руку. За боярами слѣдовали околышчичіе, дьяки, дворяне и жильцы и вся дворцовая прислуга, а затѣмъ стали пускаться въ палату, для прощанья съ государемъ, и простою людъ. Между тѣмъ, на Благовѣщенской площади поднимался говоръ о томъ, кому быть царемъ, и среди народа шныряли какіе-то люди, которые то шопотомъ, то вполголоса, то громко говорили—одни, что надлежитъ быть царемъ Ивану Алексѣевичу, а другіе, что нужно посадить на царство Петра Алексѣевича. Народъ, однако, молчалъ въ недоумѣніи, не принимая ни стороны Ивана, ни стороны Петра. Онъ было и равнодушно и только съ чувствомъ обыкновеннаго большинства выжидалъ, что будетъ далѣе. Между тѣмъ, въ царскихъ хоромахъ происходило совсѣмъ иное: тамъ разыгрывались страсти, тамъ шла борьба за верховную власть.

Отдавъ лобзанье покойному государю, духовный чинъ, бояре и чиновные люди собрались въ такъ-называвшейся Отвѣтной палатѣ, гдѣ обыкновенно цари принимали и отпускали иноземныхъ пословъ. Посреди этой палаты стоялъ теперь аналой, на которомъ лежало евангеліе, и за который всталъ патріархъ Іоакимъ, положивъ лѣвую руку на евангеліе, а въ правой держа крестъ.

— Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, началъ патріархъ, обращаясь къ присутствующимъ: — отошелъ въ вѣчное блаженство. Чадъ по немъ не осталось, но остались братья, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Иванъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбью и слабъ здоровьемъ. Царевичъ же Петръ де-

святѣишій. Изъ нихъ кто будетъ наслѣдникомъ престола російскаго? Кого наименуемъ въ цари всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи? Единный или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину, какъ предъ престоломъ Божиимъ. Кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!

— Быть народному избранію! сами по себѣ рѣшить это дѣло не беремъ, заговорили бояре, при чемъ, какъ сторонники Милославскихъ, такъ и сторонники Нарышкиныхъ, надѣялись, что преданные имъ люди успѣли уже приготовить народъ въ ихъ пользу.

Съ крестомъ въ рукѣ, предшествуемый духовенствомъ и сопровождаемый боярами, вышелъ патриархъ на красное крыльцо. Народъ на площади мгновенно смолкъ, всѣ какъ будто притали дыханіе въ ожиданіи чтò изречетъ святѣишій владыко.

— Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, началъ громкимъ, но старчески-дребезжащимъ голосомъ патриархъ:— что благословенное Господомъ царство русское было подъ державою блаженной памяти государя царя Михаила Ѳеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ. По его преставленіи, былъ воспріемникомъ престола государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Руси. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго, перешелъ онъ въ безконечный покой, оставивъ братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей, кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе!

Въ то время, когда патриархъ произносилъ эту рѣчь, въ плотно сомкнувшейся толпѣ, занявшей мѣсто у самаго краснаго крыльца, начиналъ уже слышаться все болѣе и болѣе усиливавшійся говоръ: «быть на престолѣ царевичу Петру Алексѣевичу!», и едва лишь окончилъ патриархъ свое обращеніе къ народу, какъ въ этой толпѣ раздались громкіе крики: «быть царемъ Петру Алексѣевичу! Хотимъ Петра Алексѣевича!»

Но вмѣстѣ съ этими возгласами раздались на площади и другіе. «Не хотимъ Петра Алексѣевича, хотимъ Ивана Алексѣевича! Быть ему царемъ!»

Крики эти неслись изъ огромной ватаги, которая сперва бѣжала опротивѣвъ къ красному крыльцу, но потомъ, увидѣвъ, что тамъ мѣсто уже занято, отчаянно напирала сюда на толпу, требовавшую на царство Петра. Подбѣжавшая къ красному крыльцу ватага пускала въ ходъ толчки, локти, кулаки; подававшіеся изъ нея впередъ молодцы хватали за шиворотъ заслонившихъ имъ дорогу къ красному крыльцу и силились оттащить ихъ, но тѣ,

въ свою очередь, осаживали напиравшихъ и оплачивали своимъ противникамъ кулачнымъ отпоромъ.

— Напирай, наваливай! вопилъ въ бѣшенствѣ дворянинъ Максимъ Сунбуловъ, предводительствовавшій подбѣжавшею ватагою. — Страдники вы эдакіе — изъ-за васъ я опоздалъ! кричалъ онъ въ отчаяніи слѣдовавшей за нимъ толпѣ, завидѣвъ, что патриархъ собирается уже уходить съ краснаго крыльца въ царскія палаты.

Съ уходомъ патриарха поднялся шумъ, произошла страшная давка. Одни хотѣли перекричать другихъ, и имена Ивана и Петра слились теперь въ общій, но уже бесполезный вопль.

Дрожа отъ волненія и страха и крѣпко прижавъ къ себѣ десятилѣтняго Петра, стояла въ Крестовой Палатѣ, около гроба царя Федора Алексѣевича, величавая и стройная царица Наталья Кирилловна и съ трудомъ сдерживала сына, который хотѣлъ вырваться и бѣжать на красное крыльцо, чтобы взглянуть, что дѣлается на площади.

— Привѣтствую твое пресвѣтлое царское величество, сказалъ бояринъ Кирило Полуектовичъ Нарышкинъ, обращаясь къ царевичу Петру. И съ этими словами онъ поклонился въ ноги своему внуку.

Царица быстро отстранила къ дѣду своего сына. Блѣдное лицо ея покрылось румянцемъ и радостно заблестали ея большія черныя очи. Она упала на колѣни, твоя съ молитвою земные поклоны. Тоже стала дѣлать и Кирило Полуектовичъ, а за нимъ и его внукъ.

— Иди, благовѣрная царица, на красное крыльцо, тамъ ожидаютъ тебя и великаго государя патриархъ и весь синьлитъ, сказалъ онъ, почтительно становясь позади своей дочери и пропустивъ предъ собою царицу, которая, ведя подъ руку сына, пошла медленнымъ шагомъ на красное крыльцо. Когда она тамъ появилась съ новозбранннымъ царемъ, площадь огласилась страшнымъ радостнымъ ревомъ, среди котораго слышалось, однако, и имя Иванъ, котораго также звали изъ толпы на царство.

Патриархъ, осѣнивъ крестомъ царя-отрока, благословилъ его на царство, а затѣмъ святѣйшій владыко, духовный чинъ, бояре и бывшіе на красномъ крыльцѣ служилые люди принесли поздравленіе Петру Алексѣевичу, «великому государю и царю и самодержцу всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи».

Если царица Наталья Кирилловна, не будучи въ состояніи осилить себя, волновалась и страшилась въ ожиданіи, чѣмъ кончится избраніе, то царица Софія Алексѣевна, въ противоположность ей, казалась спокойной и не поддавалась страху. Иванъ

Михайловичъ Милославскій увѣрилъ ее въ успѣхъ дѣла. Въ то время, когда площадь кипѣла и шумѣла, царевна сидѣла у постели своего старшаго хвораго брата, который не заботился и не думалъ о томъ, призоветъ его или нѣтъ народъ къ царской власти. По временамъ царевна подходила къ открытому окну и внимательно прислушивалась къ доносившемуся до нея съ площади гулу, съ нетерпѣніемъ ожидая той торжественной и радостной для нея минуты, когда ей придется, подиавъ съ постели брата, явить его народу съ краснаго крыльца, какъ великаго государя.

Прежде чѣмъ патриархъ успѣлъ объявить на красномъ крыльцѣ объ избраніи царемъ Петра Алексѣевича, изъ толпы бояръ поспѣшно и незамѣтно выскользнулъ Милославскій и побѣжалъ къ царевнѣ. Когда онъ вошелъ къ ней, его смущенный и растерянный видъ показалъ Софіи, что дѣло ея кончилось неудачей.

— Иди скорѣе, благовѣрная царевна, на красное крыльцо! тамъ нужна! торопливо проговорилъ Милославскій.

— Должно быть, братца Петрушу избрали царемъ? проговорилъ равнодушно царевичъ Иванъ, съ трудомъ всматриваясь большими и подслѣповатыми глазами въ Милославскаго.

На вопросъ царевича не обратили вниманія ни бояринъ, ни царевна, которая поспѣшила выдти изъ братской опочивальни.

— Максимка Сунбуловъ намъ измѣнилъ, говорилъ на ходу Милославскій Софіи:—но дѣло наше въ конецъ еще не пропало. Будь только мужественна, царевна, и не уступай Нарышкиннѣ, они лишь временно осилили насъ!

— На прастеческій всероссійскій престолъ избранъ великій государь царь Петръ Алексѣевичъ, объявилъ патриархъ появившейся на красномъ крыльцѣ царевнѣ.

Гнѣвный огонь вспыхнулъ въ ея глазахъ.

— Избраніе неправое! крикнула она, обведя грознымъ взглядомъ патриарха, царицу и бояръ, и быстро повернулась, чтобы уйти въ палаты.

— Не начинай смуты, умоляю тебя именемъ божіимъ! тако проговорилъ патриархъ въ слѣдъ уходящей Софіи, которая слѣдала видъ, что не слышитъ мольбы патриарха.

Выдержала себя передъ людьми Софія, а Иванъ Михайловичъ послѣ долгихъ убѣжденій уговорилъ даже ее пойти поздравить царя Петра Алексѣевича съ водареніемъ, чтобы не подать повода къ дальнѣйшимъ подозрѣніямъ. Но когда она послѣ этого удалилась въ свой теремъ и тамъ осталась одна, то залилась слезами, осыпая проклятыями и мачиху, и Нарышкиннѣхъ.

Въ это время власть избраннаго государя утвердилась, въ

вѣрность ему приводили къ присягѣ бояръ, окольныхчихъ, стольниковъ, дворянъ, страпчихъ и всѣхъ служилыхъ людей. Всѣ безпрекословно присягали Петру. Въ одномъ только приказѣ стрельцы отказывались цѣловать крестъ царю Петру Алексѣевичу, но посланные къ нимъ изъ дворца окольныхчій, думный дворянинъ и дьякъ уговорили и ихъ присягнуть Петру.

Въ тотъ же день началось возвышеніе Нарышкиныхъ. Великій государь постановилъ въ спальники Ивана, Афанасія, Льва, Мартемьяна и Ѳедора Кириловичей, а также Василя Ѳедоровича Нарышкиныхъ. Онъ же снялъ опалу съ Артамона Сергѣевича Матѣева и послалъ къ нему указъ о возвращеніи въ Москву немедленно. Освобождены были изъ ссылки и четверо Нарышкиныхъ, имъ также велѣно было прибыть въ Москву. Въ противоположность этимъ милостямъ объявлено было первымъ любимцамъ покойнаго царя: боярину и чашнику Языковымъ, двумъ братьямъ Лихачевымъ и ближнему стольнику Языкову, чтобы во время выходовъ великаго государя они не видали. Опала эта была недобрымъ предвѣстіемъ для сторонниковъ Милославскихъ, которые дружили прежде съ опальными царедворцами.

На другой же день кончины царя Ѳедора Алексѣевича, т. е. 28 го апрѣля, происходило его погребеніе. Обрядъ этотъ совершали патриархъ, девять митрополитовъ, пять архіепископовъ, два епископа, и всѣ бывшіе въ Москвѣ архимандриты и игумены. Погребальное шествіе открывали шесть стольниковъ, они несли обитую золотою обьярью крышку царскаго гроба. Отъ нихъ ее приняли на красномъ крыльцѣ стольники. Гробъ, покрытый золотою парчею, несли также стольники на носилкахъ, обитыхъ бархатомъ, а при входѣ въ архангельскій соборъ ихъ замѣнили священники. За гробомъ шли: царь Петръ Алексѣевичъ, царица Наталья Кирилловна и царевна Софія Алексѣевна, а другую вдову, царицу Марю Матѣевну, несли въ креслахъ спальники и бояре, которые, какъ и царское семейство и всѣ другіе чиновники и служилые люди, были одѣты въ «печальной» т. е. въ черной одеждѣ. За гробомъ шелъ народъ, съ зажженными восковыми свѣчами, розданными на счетъ царской казны.

— Дивно, что такъ спѣшно государя хоронятъ! говорилъ въ толпѣ одинъ старикъ:— того иногда прежде не водилось. Бывало, дадутъ собраться изъ окрестныхъ мѣстъ множеству народа и съѣхаться отсюду духовнымъ властямъ и служилымъ людямъ. Чего такъ теперь торопятся? чего добраго, за живо его похоронять.

— Нешто не знаешь, что на погребеніи царя Алексѣя Михайловича набралось столько народу въ Москву, сколько прежде ни-

когда не бывало. Приялись тогда душишь, рѣзать и грабить, такъ что въ день его похоронъ нашли въ Москвѣ болѣе ста ограбленныхъ и убитыхъ. Вотъ для того-то, чтобы того-же и книгъ не случилось, и поторопились поскорѣе похоронить государя, вразумляя старика подъячій.

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь, да не ладно, отозвался кто-то въ толпы, а старикъ, сомнительно покачавъ головою, вопросительно взглянулъ на окружавшую толпу, среди которой поднялись разные толки.

Появленіе Софьи, какъ сестры-царевны, на погребеніи ея брата было въ Москвѣ первымъ еще случаемъ. Всѣ дивились этому и въ особенности тому, что молодая царевна шла не только пшкоть, но и не заслонилась «запонами» и даже съ отброшеною съ лица фатою. Изумленіе бояръ и разныхъ чиновъ служивыхъ людей возрасло еще болѣе, когда царь и царица, не оставшись на отпѣваніи, тотчасъ послѣ обѣдни ушли изъ собора, а между тѣмъ царевна Софія оставалась въ соборѣ до тѣхъ поръ, пока не засыпали могилы.

Лишь только царица вернулась въ свой теремъ, какъ къ ней явились монахини, посланныя тетками и сестрами покойнаго государя.

— Благовѣрная царица! заявила старшая изъ этихъ посланницъ:—царевны кручинятся и скорбятъ, что ты на отпѣваніи ихъ племянника и брата осталась не изволила.

— Сынокъ мой больно усталъ, малъ онъ еще; не въ могоу ему было на ножкахъ стоять! отвѣчала царица на этотъ укоръ за невниманіе ея къ пасынку.

Совсѣмъ иначе отзывались въ теремахъ царевнѣ о Софіи Алексѣевнѣ:

— Вотъ она брата любила, такъ по истинѣ любила. Въ горести не помнила даже, что и дѣлала; для него и своей царственной скромности не поберегла и на отпѣваніи осталась до конца—не то, что мачиха! умиленно почмокивая губами, говорилъ приживалки, которыми были наполнены терема царевнѣ.

Возвращаясь одна изъ архангельскаго собора, царевна, закрывъ широкою лицо, громко всхлипывала, сопровождая свои слезы обычными въ то время причитаніями.

— Извели брата нашего злые люди, плакалась Софія, иди посреди раступившагося передъ нею народа:—нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, брата нашего Ивана на царство не выбрали! умилосердитесь православные надъ нами, сиротами; если мы въ чемъ провинились передъ вами, отпустите насъ въ чужія земли къ королямъ христіанскимъ!—Эхъ вы, сиротники горе-

ничныя! подхватывали на пути царевны московскія торговки и бабы, разчувствовавшись отъ ея причитаній, и принимались сами рѣвѣть и нюнить.

Слова и слезы царевны не прошли даромъ, и ужь на другой день заговорили въ Москвѣ и принялись охать и охать о царевичѣ Иванѣ Алексѣевичѣ и объ его сестрахъ, предсказывая, что изведутъ ихъ злые люди.

Послѣ похоронъ Федора Алексѣевича, по существовавшему въ ту пору обычаю, въ опочивальнѣ умершаго царя сидѣли, въ продолженіи первыхъ девяти сутокъ, денно и ночью, около его постели, очередными смѣнами бояре, окольниковіе и дьяки, а священники и дьячки безпрестанно читали евангеліе и псалтырь. Такія же смѣны и такое же чтеніе было, въ теченіе всего сорокоуста, и въ архангельскомъ соборѣ у могилы новопреставившагося. Каждый день отправлялись по немъ панихиды какъ въ этой древней усыпальницѣ государей московскихъ, такъ и въ кремлевскомъ дворцѣ, въ такъ называемой Панафидской Палатѣ, а по монастырямъ ежедневно на счетъ царской казны кормили монашествующую братью и нищихъ за упокой души царя Федора Алексѣевича.

XI.

Давно уже принялись проказничать и своевольничать на Москвѣ стрѣльцы, регулярное пѣшее, а частью и конное войско, заведенное еще въ 1551 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и постепенно умножавшееся въ своей численности, такъ что, при воцареніи Петра Алексѣевича, въ Москвѣ было уже до 15,000 стрѣльцовъ. Въ стрѣльцы вступали вольные люди, жили они въ разныхъ мѣстахъ Москвы отдѣльными большими слободами, обзаводясь семьями. Установился обычай, что сынъ стрѣльца, достигнувъ юношескаго возраста, дѣлался стрѣльцомъ, а изъ постороннихъ въ стрѣleckое войско принимались только люди «рѣзвые и стрѣлять гораздые» и при томъ не иначе, какъ по свидѣтельству и одобренію старыхъ стрѣльцовъ. Обязанности стрѣльцовъ въ мирное время были слѣдующія: держать въ Москвѣ караулы, гасить пожары и при встрѣчѣ иноземныхъ полковъ становиться на мѣстѣ ихъ проѣзда въ два ряда. Особеннымъ почетомъ среди стрѣleckой рати пользовался такъ называвшійся «выборный» или «стремянной» полкъ. Онъ состоялъ изъ конниковъ и постоянно сопровождалъ государя при его выѣздахъ изъ Москвы, почему и назывался еще «государевымъ»

полкомъ. Военная служба была, кромѣ походнаго времени, легка для стрѣльцовъ; много оставалось у нихъ досуга, и они стали заниматься торговыми и различными промыслами, не платя, однако, за это наравнѣ съ посадскими никакихъ податей и пошлинъ. Большая часть стрѣльцовъ сдѣлалась, благодаря этому, людьми достаточными и даже богатыми, да и кромѣ того жизнь ихъ была обезпечена правительствомъ, такъ какъ раненные, увѣчные и престарѣлые стрѣльцы разсылались на кормленіе по монастырямъ. Стрѣльцы выдѣлялись изъ мѣстнаго населенія столицы и жили съ нимъ не въ ладахъ. Они безпрестанно собирали мирныхъ жителей Москвы, а также оскорбляли ихъ женъ и дочерей и трудно было найти на нихъ управу, такъ какъ у нихъ былъ свой особый судъ, стрѣлецкій приказъ, а для своихъ внутреннихъ полковыхъ распорядковъ они, подражая казакамъ, завели круги, на которыхъ и рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ.

Не худо жилось бы московскимъ стрѣльцамъ, если бы ихъ не притѣсняли начальники: полковники отбирали у стрѣльцовъ ихъ сборныя деньги, захватывали ихъ земли, не доплачивали имъ царскаго жалованья, не выдавали сполна хлѣбныхъ запасовъ, обращая и то, и другое въ свою пользу; били стрѣльцовъ нещадно батогами, принуждали и ихъ самихъ, и ихъ женъ и дочерей работать въ своихъ огородахъ, косить сѣно, строить въ своихъ деревняхъ дома, мельницы и плотины, не отпуская ихъ съ работы даже въ свѣтлую недѣлю. Полковники заставляли стрѣльцовъ одѣваться слишкомъ щеголевато, требуя, чтобы они покупали на собственный счетъ цвѣтные кафтаны съ золотыми нашивками, бархатные шапки и желтые сапоги, хотя имъ шла одежда изъ царской казны. Особенно между всѣми полковниками отличался корыстолюбіемъ, произволомъ и жестокостью Семенъ Грибоѣдовъ. Онъ довелъ свой приказъ до того, что въ самый день смерти царя Федора Алексѣевича подчиненные Грибоѣдову стрѣльцы подали государю на него челобитную. Грибоѣдовъ былъ тотчасъ же смѣненъ, и на другой день его били кнутомъ, а двѣнадцать другихъ полковниковъ были биты батогами.

При воцареніи Петра стрѣльцы не произвели никакихъ беспорядковъ, но потомъ между ними начали ходить толки о томъ, что еслибы былъ другой царь, то имъ было бы несравненно лучше жить. Въ стрѣлецкихъ слободахъ начали появляться теперь какія-то таинственныя личности, изъ которыхъ мужчины шушукались съ стрѣльцами, а женщины громко и бойко болтали съ стрѣльчицами. И тѣ, и другія возбуждали стрѣльцовъ противъ бояръ, бывшихъ на сторонѣ царицы Натальи Кирилловны и царя

Петра Алексѣевича, въ особенности же противъ Нарышкиныхъ.

— Бабы ваши мужа, да сыновья знали царевну Софью Алексѣевну, то Нарышкинымъ и боярамъ, ихъ согласникамъ, ее въ обиду ни за что бы не дали! говорила постельница Родилица, бесѣдуя въ одной изъ стрѣлецкихъ слободъ съ стрѣльчиками.

— Нешто они крѣпко ее притѣсняють? съ участіемъ спросила одна изъ стрѣльчихъ, выслушавъ Родилицу.

— А то какъ же? Спуску, небось, не дадутъ! Нынѣ все въ ихъ власти. Мало того, что притѣсняють, да и извести ее, голубушку, хотятъ, а она-то и есть истинная доброжелательница всему стрѣлецкому войску! говорила жалобно постельница.

Стрѣльчики покачивали головами.

— Думаете вы, сударушки, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вольно смертию животъ свой покончилъ? Какъ же! загадочно проговорила Родилица.

Стрѣльчики наострили уши.

— Отравилъ его яблокомъ проклятый жидовина-дохтуръ, что гадinou прозывается... А какъ покойный-то государь, его, злодѣя, искалъ и жаловалъ! Бывало, не только его самого, да и жену его, треклятую жидовицу, чѣмъ только не обдарить: и золотомъ, и соболями, и бархатомъ!

— Что и говорить! вѣдь не даромъ же ты въ царскихъ палатахъ живешь, ты все должна знать досконально, замѣтила одна изъ стрѣльчихъ.

— А что же эту океанную гадину за его злодѣйство не сожгутъ на Болотѣ въ срубъ? спросила другая стрѣльчиха.

— Какъ доберешься до него? Не по своей охотѣ онъ злодѣйство учинилъ, а по уговору отъ Нарышкиныхъ; они и защитить его! вразумляла Родилица.

— Въ правду ли, Ѳеодора Семеновна, говорятъ, что царевна Софья Алексѣевна премудрая дѣвица? спросила первая изъ говорившихъ съ постельницею стрѣльчихъ.

— Уже больно премудра: все читаетъ да пишетъ или съ людьми учеными толкуетъ, былъ отвѣтъ Родилицы.

— Вотъ бы ей самой сѣсть на царство!.. сболтнула одна изъ стрѣльчихъ: — при ней бы и нашему женскому полу повадно и льготно было.

— Стрѣлецкіе полки бы изъ бабъ завели! весело подхватила другая.

Стрѣльчики захохотали.

— Не смѣйтесь, сударушки! заговорила строгимъ голосомъ малая старая изъ нихъ. — Дней пятокъ тому навадъ заходила къ

намъ въ слободу благочестивая странница изъ смоленской стороны и пророчила, что вскорѣ на Москвѣ наступитъ бабье царство.

— Оно такъ и быть должно, подхватила Родмица: — ходилъ къ царевнѣ монахъ Семень, изъ Полоцка былъ онъ родомъ, и нѣтъ онъ покойный, такъ и тотъ по звѣздамъ небеснымъ вѣчиталъ тоже самое. Да говорить еще...

— Никакъ мой муженекъ домой бредеть? крикнула вдругъ стрѣльчиха-хозяйка, взглянувъ въ окно и увидѣвъ приближающихся къ избѣ мужчинъ. — Онъ и естъ! Вишь какъ запоздалъ, а идетъ съ нимъ московскій дворянинъ Максимъ Исаевичъ Сунбуловъ; часто онъ въ нашихъ слободахъ бываетъ и диковинныя рѣчи ведетъ: пророчить разомъ и о бабьемъ, и антихристовомъ царствіи. Кто тутъ разбереть!

— Не призамокнутъ ли намъ, сударушки, нашею рѣчью, да не затянутъ ли пѣсню? спросила старая стрѣльчиха: — а то, чего смотри, Кузьма Григорьевичъ осерчаетъ.

— Чего призамокнуть? бойко запротиворѣчила ей Родмица: — совсѣмъ супротивъ того дѣлать нужно: толкуйте стрѣльцамъ, чтобъ выручали они изъ бѣды благовѣрную царевну Софію Алексѣевну. Расскажите имъ, что ее извести хотать, а при ней было бы стрѣльцамъ житье вольное, да толкуйте имъ, что и царя Федора Алексѣевича Нарышкины извели отравою и что тоже самое хотать учинить и съ царевичемъ Иваномъ.

Стрѣльчихи однако невольно замолчали на нѣкоторое время при приближеніи хозяина дома, выбраннаго стрѣльца Кузьмы Чернаго и его спутника Сунбулова.

— На тебя, Кузьма, понадѣялся я крѣпко, а ты, окаянный, что со мной сдѣлалъ? а теперь мнѣ изъ-за тебя житья отъ Ивана Михайловича нѣтъ: все бранить, да корить, что мы запоздали выкрикнуть царевича Ивана, говорить, что я одинъ все дѣло сгубилъ, измѣнникомъ обзываетъ! говоритъ Сунбуловъ.

— Не унывай, Максимъ Исаевичъ, ободрялъ Кузьма Сунбулова: — дѣло поправить успѣемъ, у насъ въ слободахъ теперь много насчиташь народа, который хочетъ постоять за царицу. Не перевелись у насъ еще и такіе молодцы, что съ Разинымъ по широкой Волгѣ плавали, хотать они старинной трахнутъ!

— Со старинной-то они пока пусть поудержатся; прежь всего законнаго наследника на царство посадить надо. Коли станеть стрѣльцамъ привольно при царѣ Иванѣ Алексѣевичѣ, да при его сестрѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, такъ не зачѣмъ будетъ и старинной трахнутъ, развѣ только себѣ на погибель! замѣтилъ Сунбуловъ.

— Дѣльно ты, Максимъ Исаевичъ, говорить изволишь. Не ома-

жешь ли ты мнѣ честь великую, не зайдешь ли ты ко мнѣ чарку водки выпить? сказалъ Чермный, снимая шапку и кланяясь дворянину.

— Некогда, братъ Кузьма, теперь не время; зайду къ тебѣ вдругорядъ, отвѣчалъ Сунбуловъ. — Помни же нашъ договоръ: какъ сегодня схватимъ мы тебя въ потемкахъ на улицѣ, да какъ будто примемся тебя бить, то ты и кричи во всю глотку: «бояринъ, Иванъ Кирилъчъ! помилуй меня, бѣднаго человѣка! Помилосердуй надо мною. Чѣмъ я, Иванъ Кирилъчъ, твою милость прогнѣвалъ?» тогда и мы съ своей гурьбой примемся кричать: «что приважешь, Иванъ Кирилъчъ, съ нимъ дѣлать? Отпустить его что ли, Иванъ Кирилъчъ?» Сразумѣлъ?

— Какъ не сразумѣть, дѣло понятное, улыбнулся Чермный. — Сказываютъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и не то еще творить; нарядится, говорятъ, бабой, садеть гдѣ нибудь на перекрестѣ или на крыльцѣ, да и ну плакаться бабьимъ голосомъ: «изобидѣли, изувѣчили, искалѣчили Нарышкины меня, человѣка божьяго, ни за что, ни про что!» Народъ то около него соберется, а онъ примется еще пуще прежняго голосить. Кто его съ закрытой рожей признаетъ? подъ фатой-то бороды не увидишь. А въ народѣ межъ тѣмъ начнутъ жалоститься и заговорать: «эхъ вы бояре, бояре, отъ душегубцевъ Нарышкиннхъ защититъ насъ не умѣете! Изъ-за чего они такъ убогую стѣруху изобидѣли?»

— Смотри, Кузя, коли ужъ знаешь, такъ никому не проболтайся! предостерегъ Сунбуловъ.

— Ни, ни! подхватилъ Чермный:—и тебѣ-то я только по тайности открылъ. Знаю я еще и то, продолжалъ стрѣлецъ: — что охочіе люди за полученныя отъ боярина Ивана Михайловича деньги нарочно подъ лошадей нарышкинскихъ бросаются. А въ народѣ вопль поднимается: «вишь какъ Нарышкины своевольничаютъ: скоро въ Москвѣ весь народъ христіанскій перетопчутъ да передавать!..»

Говоря между собою, Сунбуловъ и Чермный подошли къ воротамъ избы и, пошептавшись немного другъ съ другомъ, разстались до завтрашняго дня. Стрѣлецъ вошелъ къ себѣ въ избу.

— Здоровы, бабы! крикнулъ онъ, снимая съ себя охабень: — чай пустаки болтаете? Почитай, что васъ тутъ Ѳедора Семеновна мутитъ! шутливо сказалъ онъ, кланяясь одной только постельницѣ. — Вашей чести, Ѳедора Семеновна, мое почитаніе!

— Не мутитъ, а умныя рѣчи заводить, говорить о наступленіи на Москвѣ бабьяго царства, отозвалась хозяйка.

— Видно, васъ мужья еще мало плеткой хлещутъ? знать, по-

больше захотѣлось? Вотъ уже я своей задамъ! шутливо по прежнему продолжалъ Черный.

— Задавай! Кузьма Григорьичъ, да только поскорѣй, а то, чего добраго, и запоздаешь, какъ запоздалъ намеридься на площадь! подсмѣиваясь, перебила молоденькая стрѣльчиха. — Потропись, родной, а то какъ бабѣ царство настанеть, то имъ въ подѣ власти вашей всѣ выйдѣмъ. Сказываютъ, что и въ пророчествахъ о томъ написано, говорила, хорохорясь, стрѣльчиха.

— Молчи, баба, не въ свои дѣла путаешься! вдругъ крикнулъ сердито Черный, раздосадованный тѣмъ, что стрѣльчиха ему напоминала о позднемъ приходѣ на площадь. — Ступайте, бабы, по домамъ! чего здѣсь безъ толку галдеть! Чай до сыта набобтались, выпроваживая Черный гостей своей жены.

Стрѣльчихи одна за другой повывбрались изъ избы. Осталась одна Родиллица, и съ ней началъ въ тихомолку бесѣдовать Черный, выславъ сперва свою жену изъ горницы.

Потолковавъ съ Чернымъ, Родиллица отправилась къ боярину Ивану Михайловичу Милославскому, чтобы пересказать ему о томъ, что ей привелось услышать въ Стрѣлцовой Слободѣ, но она не застала его дома, такъ какъ Иванъ Михайловичъ уѣхалъ къ царевнѣ.

XII.

Милославскій бесѣдовалъ съ Софьей Алексѣевной въ ея теремѣ, гдѣ находился также князь Василій Васильевичъ Голыцынъ. Они оба помѣстились на лавкахъ вблизи царевны, сидѣвшей въ креслахъ.

— Ты говоришь, князь Василій Васильевичъ, что если поднимется во всемъ народѣ смута, то отъ того произойдетъ одно лишь государственное нестроеніе, а пользы не будетъ; каждый тогда станетъ тянуть въ свою сторону, и сами заводчики дѣла не будутъ знать, за что имъ тогда приняться... И кажется мнѣ, что ты правъ, рассуждала Софія Алексѣевна.

— И не посему только одному не подлежитъ поднимать народъ, но и потому еще, что онъ будетъ безоруженъ и ничего не подѣлаетъ, если станутъ противъ него стрѣльцы съ пищалями и съ пушками. Попусту только перебѣютъ много народа.

— Нѣтъ, князь Василій Васильевичъ, по моему, коль скоро заводитъ смуту, такъ ужъ заводитъ ее всенародную! Во время ея и заводчики съумѣютъ справиться съ своими дѣлами, а коль скоро народъ не будетъ на нашей сторонѣ, не станетъ кричать

да бурлить, то и скажутъ, что мы посадили на царство Ивана Алексѣевича недобрымъ согласіемъ, не по народному избранію, а токмо насильствомъ, говорили внушительно Милославскій, большой охотникъ до смуть и крамоль.

— Ни о какомъ насильствѣ тутъ и слова быть не можетъ: престолъ московскій принадлежитъ, по праву первородства, благовѣрному царевичу Ивану Алексѣевичу, началъ Голицынъ: — и избранію тутъ не должно быть и мѣста; нужно лишь взять царевичу свое право мирнымъ порядкомъ.

— Мы — старшее племя! перебила съ живостию Софья: — не мы, а надъ нами учинили насильство! Съ какой стати царица Наталья Кирилловна правитъ государствомъ? Связываютъ, узавы отъ имени великаго государя, а за великимъ государемъ во всѣ глаза присматриваютъ мамы да няни! Нечего сказать, хорошъ великій государь! насмѣшливымъ и раздражительнымъ голосомъ говорила царица: — а братецъ Иванушка — человекъ въ полномъ возрастѣ. Могъ бы и самъ царствомъ править. За что же обошли его?

— Дѣло только въ томъ, благовѣрная царица, чтобъ устранить отъ власти Нарышкиннхъ, а Петра Алексѣевича съ престола смѣстить никакъ нельзя; теперь пошло уже думать объ этомъ, такъ какъ ему все россійское царство присягу на вѣрность принесло. Станемъ мы поднимать народъ противъ него, такъ дурной покажемъ обычай: ни во что присягу государю ставить начнутъ.

— Что же, князь Василій Васильевичъ, по твоему разумнію слѣдуетъ теперь дѣлать?.. спросила въ недоумѣніи царица.

— А вотъ, пресвѣтлѣйшая царица, что мнѣ приходитъ на мысль, началъ съ разстановкою Голицынъ: — всего бы лучше учредить двоевластіе...

— Двоевластіе? Что же это такое? торопливо спросила Софья.

— Пусть будутъ разомъ два царя, сказалъ Голицынъ.

— Экую ты, князь Василій Васильевичъ, небывальщину вымыслилъ, засмѣялся Милославскій. — Преступный ты выдумщикъ!

— Вовсе не небывальщину и вовсе я не выдумщикъ, спойно возразилъ Голицынъ. — Исторія поучаетъ насъ, что въ древности у спартапцевъ было всегда по два царя. Въ греческой имперіи было тоже два совмѣстно царствовавшихъ кесаря: кесари Аркадій и Гонорій; оба они правили имперією одновременно и правили со славою.

— Больно ужъ много начитался ты разныхъ мудреныхъ книгъ, князь Василій Васильевичъ, да и крѣпко ты любишь всякія нов-

шества. А что скажутъ бояре въ отвѣтъ на такую затѣю? замѣтилъ Мирославскій.

Софія не вмѣшивалась въ начавшееся препирательство между двумя собесѣдниками и только внимательно прислушивалась къ ихъ рѣчамъ. Новость предложенія, сдѣланнаго Голицынымъ, поразила ее, и она, по своему обычаю, уклонилась отъ участія въ разговорѣ, который пока былъ для нея неясенъ, выжидалъ, чтобы ей выяснилось дѣло и она могла бы сказать что нибудь разумное.

— Не трудно будетъ втолковать боярамъ всю пользу такого двоевластія. Нужно будетъ разъяснить имъ, что именно отъ того произойдетъ. Такъ, если одинъ царь заболѣетъ, то другой царствомъ править можетъ. Если одинъ царь пойдетъ на войну, то другой останется на Москвѣ, чтобы вѣдать гражданскіе урядомъ.

— Пожалуй, что ты и дѣло говоришь! Да, почитай, что и для боярства тогда лучше будетъ: если кто попадетъ подъ омы одного изъ государей, такъ останется въ чести у другого, сказалъ Мирославскій.

— Смущаетъ меня тутъ только одно, князь Василій Васильевичъ, вмѣшалась наконецъ царевна: — при двоевластіи, одинъ царь и его сторонники смогутъ ослабить другого, и тогда власть ослабленнаго царя, пожалуй, ни во что превратится. Вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, что можетъ случиться у насъ. Положимъ, что такъ или сякъ посадимъ мы Иванушку на царскій престолъ, да какая отъ того польза будетъ, если на царствѣ все-таки Петръ Алексѣвичъ останется? вѣдь тогда и надъ Иванушкой Нарышкины силу заберутъ.

— Ну, нѣтъ, царевна, этому не бывать! почти вскрикнулъ Голицынъ, быстро приподнявшись съ лавки. — Досталась бы только единожды власть въ руки, а ужъ выпускать ее не годится! Тогда нужно, да и можно будетъ побороть всѣхъ противниковъ!

Говоря это, Голицынъ горделивымъ движеніемъ вытянулъ впередъ правую руку и слегка помахивалъ ею то вверхъ, то внизъ, какъ будто принижалъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы приподняться передъ нимъ. Съ сильнымъ біеніемъ сердца и съ страстнымъ выраженіемъ въ глазахъ смотрѣла царевна на стоявшаго передъ нею величаваго боярина, у котораго и въ осанкѣ, и въ движеніяхъ, и во взглядѣ, и въ голосѣ было что-то обаятельное для нея. Въ немъ, какъ ей казалось, олицетворились теперь и умъ, и твердость, и та самоувѣренность, которая даетъ господство надъ другими.

— Чѣмъ болѣе мирнымъ способомъ достанется царскій престолъ царевичу Ивану Алексѣевичу, продолжалъ Голицынъ: — тѣмъ будетъ лучше для всѣхъ. Къ чему кровавая побойца? Затѣмъ междоусобіа? Если разъ мы поднимемъ чернь, то трудно ужъ будетъ усмирить ее; придется пустить тогда въ дѣло и казни, и пытки, а и тѣ и другія только ожесточатъ народъ противъ новаго государя. Развѣ мало и теперь стонеть людей въ застѣнахъ? неужели же еще прибавлять страждущихъ!..

Въ продолженіи этой рѣчи Милославскій слегка отшатнулся, какъ будто готовясь возразить Голицыну, и съ насмѣшливой улыбкой посматривалъ на него.

— Какъ же, князь Василій Васильевичъ! Такъ вотъ добромъ съ Нарышкиными и поладишь! Дашь имъ теперь спуска, такъ потомъ они тебѣ за то не дадутъ его. Отблагодарятъ они тебѣ въ свое время по чести, сказалъ Милославскій.

— На то, Иванъ Михайловичъ, далъ Господь Богъ человѣку разумъ, чтобъ онъ сумѣлъ справить каждое дѣло безъ насильства. Если стрѣлцкое войско подастъ общую челобитную, чтобъ быть на царствѣ государю Ивану Алексѣевичу, да сдѣлать это мирнымъ обычаемъ, такъ повѣрь, что несравненно лучше будетъ. Нарышкины боятся стрѣльцовъ и тѣмъ охотнѣе уступать, что и царь Петръ Алексѣевичъ на престолѣ останется, а тамъ ужъ можно будетъ сладить и съ нимъ безъ кровопролитія. Умоляю тебя, бояринъ, не допускай народнаго мятежа, при которомъ не будутъ отличать праваго отъ виноватаго. Вспомни мое злобщее предсказаніе!

Когда Голицынъ договаривалъ послѣднія слова, въ теремъ вошла Родилица, обращавшаяся совершенно свободно какъ съ царевной, такъ и со всѣми близкими къ Софьѣ Алексѣевнѣ боярами.

— Была я у твоей милости, заговорила она, кланяясь Милославскому: — да провѣдала, что ты здѣсь, такъ сюда побѣжала. Совсѣмъ нѣженъки отбила, въ двухъ слободахъ перебивала сегодня. Съ этими словами она, какъ бы обезсиливъ, медленно опустилась на полъ и сѣла на немъ, вытянувъ впередъ ноги.

Непривѣтливо взглянулъ Голицынъ на постельницу. Онъ присѣлъ на лавку и, сложивъ на колѣнахъ ладони, понурилъ голову.

— Многое множество стрѣльцовъ хотятъ постоять за царевича Ивана Алексѣевича и за тебя, царевна, и за весь вашъ старшій родъ, да и не нѣтъ рядовыхъ только стрѣльцовъ, а и нѣтъ чиновныхъ! Межъ ихъ полковникъ Озеровъ, да полуполковникъ нѣтъ кормовыхъ вноземцевъ, какъ бишь его...

— Цыклеръ, что ли? подсказалъ Милославскій.

— Онъ и есть; да изъ стрѣльцкихъ выборныхъ, Борисъ Одеричъ Одинцовъ, Обросимъ, какъ звать по отечеству не знаю, а по прозванію Петровъ, да Кузьма Григорьевичъ Черный. Последній куда какъ отваженъ, съ нимъ часто я видался, да и у всѣхъ другихъ по нѣскольку разъ перебивала. Не съ ними, впрочемъ, веду я особенно рѣчи, а больше все съ ихъ бабами, тѣ мужей подбить сумѣютъ. Сказывала я имъ, чтобы они, Иванъ Михайловичъ, пожаловали къ тебѣ завтра въ ночную пору. Ты съ ними лучше столкуешься. Много дѣлаютъ мнѣ они такихъ запросовъ, на которые я и отвѣтить не сумѣю... Сказывали, что пинуть челобитную.

Слушая Родилицу, Милославскій одобрительно кивалъ головою.

— Ну, вотъ видишь, князь Василій Васильевичъ, дѣло по твоему желанію направляется. Начинаютъ стрѣльцы не съ мтежа, а съ челобитной, а затѣмъ, если дѣло повернется на то иное, такъ ужъ не наша въ томъ вина будетъ. Значить, добротъ съ Нарышкиными поладить не успѣли.

— Дай то Господи, чтобы избавились мы отъ кровавнхъ мтежей, не лежить у меня къ нимъ сердце! отозвался Голицынъ.

— Въ слободахъ, принялась опять болтать скороговоркою Родилица:—серчаютъ хриливо на царицу Наталью Кириллову за то, что они Матвѣева изъ ссылки возвращаютъ. Не одобровать ея, говорятъ стрѣльцы: пусть только покажется, разговаривать съ нимъ долго не станемъ.

— Да и намъ-то онъ не на радость ѣдетъ: примется постарому воротить всѣмъ, съ досадою промолвилъ Милославскій.

При упоминаніи о Матвѣевѣ, царица нахмурилась. Накмурилась и Голицынъ.

— Что тутъ подѣлаешь? Съ нимъ, навѣрно, и безъ постороннихъ подбужденій, стрѣльцы сами по себѣ скоро расправятся, а нѣкъ къ нему ненависть большая, замѣтилъ Иванъ Михайловичъ.— Ну, скажи теперь, князь Василій Васильевичъ, статочное ли было бы дѣло, еслибы вдругъ стрѣльцы пошли на Матвѣева, а мы за него, врага нашего, вступаться бы вздумали? Вѣдь это, почитай, все равно, что себѣ самому заранѣе могли рить добровольно.

— Горько сознаться, а приходится сказать, что есть и правды въ твоихъ рѣчахъ, Иванъ Михайловичъ, печально проговорилъ Голицынъ.— Пусть будетъ что будетъ, скажу только и пресѣлѣнней царевнѣ, и тебѣ, боярину, что въ кровопролитіи участвовать я не отважусь; на душу грѣхъ тяжкій ляжетъ. Не хотѣть повиненъ въ крови христіанской.

— Ну, какъ знаешь! проворчалъ себѣ подъ носъ Милославскій.

скій: — а думается мнѣ, что оборонить себя отъ враговъ грѣха никакого нѣтъ. Не давать же себя на расправу своимъ недругамъ? Приму я все на свою совѣсть, добавилъ онъ, успокоивая Голицына: — да и царевна ни въ чемъ предъ Богомъ въ отвѣтъ не лягнетъ: все, что будетъ нужно, сдѣлаю я самъ.

— Такъ и порѣшимъ на этомъ. Пусть Иванъ Михайловичъ, какъ онъ знаетъ, оберегаетъ честь и здравіе благовѣрнаго царевича Ивана Алексѣевича. Прощайте, бояре, пора мнѣ пойти къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Стараюсь я теперь поступать, чтобъ ни въ чемъ меня въ подозрѣніе не взяли.

— И разумно дѣлаешь, государыня царевна, одобрилъ Милославскій.

Милостиво отпустивъ отъ себя бояръ, Софья крытыми переходами пошла изъ своего терема къ мачихѣ.

У царицы Натальи Кириловны собирались также въ ту пору по два раза въ день на совѣтъ бояре, державшіе ея сторону, и почти безотлучно находилась при ней вся многочисленная семья Нарышкиныхъ.

Чуло сердце царицы что-то недоброе; нарышкинскіе развѣдчики и соглядатаи шныряли по Москвѣ и приносили изъ города въ царицынъ теремъ нерадостныя вѣсти. Подумывали сторонники Натальи Кириловны, какъ бы захватить главныхъ соумышленниковъ, но опасно было сдѣлать это: чего добраго, раздражили бы всѣхъ еще больше, и стрѣльцовъ, и народъ. Не рѣшась пока ни на что, царица и преданные ей бояре съ нетерпѣніемъ поджидали пріѣзда въ Москву Артамона Сергѣевича Матвѣева, твердо надѣясь, что онъ дастъ имъ всѣмъ разумный совѣтъ. Промедленіе на нѣсколько дней не представляло, по видимому, особой опасности, такъ какъ, хотя тревожные слухи и веселись по Москвѣ, но не было еще никакихъ явныхъ признаковъ, что взрывъ уже готовъ. Да и нѣкому было вѣряться за дѣло рѣшительно; среди сторонниковъ царицы Натальи Кириловны не находилось такихъ людей, которые отважились бы прямо пойти на встрѣчу опасности; всѣ думали только о томъ, какъ бы уклониться отъ угрожающей бѣды, а не о томъ, чтобы предупредить ее неожиданнымъ ударомъ.

Царевна вошла въ горницу царицы, и бывшія тамъ женщины, мотехини и приживалки, низко поклонившись ей, вышли, оставивъ мѣкъ съ глазу на глазъ.

— Здравствуй, матушка-царица! сказала Софья, входя къ своей мачихѣ и почтительно цѣлуя ея руку. — Всенужайшій, синовій поклонъ принесла я тебѣ отъ братца-царевича. Лежить онъ въ

постели, да и сама я что-то недомогаю, никакъ огняца на-
пасть на меня хочеть. Видно, и мнѣ слезъ придется...

— Побереги тебя Господь Богъ, Софьюшка, съ притворнымъ
участіемъ сказала Наталья Кирилловна.

Софья присѣла на низенькую скамью у ногъ мачихи.

— А что слышать на Москвѣ, Софьюшка? спросила царица,
смотря пристально своими черными глазами на падчерицу и
какъ бы стараясь смутить ее своимъ взглядомъ.

— Гдѣ мнѣ что знать! Служу у себя въ заперти, ни съ кѣмъ
не вижу, и ни съ кѣмъ не знаюсь. Вотъ и святѣйшій патриархъ
забылъ меня совсѣмъ; никто ко мнѣ не заглянетъ. Всѣ насъ
позабыли, какъ братецъ Ѳеда Богу душу отдалъ, жаловался
царевна.

— Вотъ, Софьюшка, кажись, вѣдь какой ты смиренницей из-
вешь, никого не затрогиваешь, анъ смотришь, злые люди между
нами ссору завести хотять: толкують, что изъ-за твоихъ не-
стелствъ переполюхъ на Москвѣ затѣвають, заговорила царица,
сдерживая свое волненіе.

Софья слегка вадрогнула, но тотчасъ же оправилась.

— Выдай мнѣ, матушка, того, кто смѣеть это говорить, сло-
койно сказала она:—зачѣмъ тебѣ злыхъ людей боронить? Если
что изъ-за нихъ потомъ выйдетъ, такъ сама же ты виновата бу-
дешь: зачѣмъ злодѣевъ намъ на пагубу укрываешь! И царевна
съ этими словами смѣло взглянула въ глаза мачихи.

Царица, въ свою очередь, смутилась.

— Да кого же мнѣ тебѣ выдавать? Молва по Москвѣ такая
ходитъ—какъ тутъ кого уловишь и уличишь? Сказывалъ я тебѣ
только то, что на міру твердятъ, проговорила она, стараясь при-
дать своему голосу отгѣнокъ равнодушія.

— Говорять на міру! насмѣшливо повторила вдругъ вслѣд-
шная Софья и быстро вскочила со скамейки.—Да знаешь ли ты,
матушка, что говорить о тебѣ самой на міру? Говорять, что ты
всѣхъ насъ вывести хочешь!

— Опомнись, безрасудная, что ты сказала! Ты винишь меня
въ смертномъ грѣхѣ! вскрикнула царица, приподнимаясь съ кре-
сель.—Забыла ты видно, негодница, что завѣщаль намъ покой-
ный родитель!

— Забыла, видно, и ты, что завѣщаль тебѣ онъ! задыхаясь
отъ гнѣва, вскрикнула Софья. — Завѣщаль онъ тебѣ любить и
оберегать насъ, а развѣ ты такъ поступаешь съ нами? Ты гонишь
брата Иванушку въ могилу, а меня и сестеръ моихъ сирова-
живаешь въ монастырь...

Съ громкимъ рыданіемъ почти-что упала царица на кресло и

заплакала навзрыдъ. Царевна, окинувъ мачиху взглядомъ, исполненнымъ ненависти, и не простившись съ нею, пошла въ свой теремъ.

«Нечего намъ болѣе отъ нихъ ждать; погубятъ они насъ, если мы не оборонимъ себя во-время», думала царевна.

Возвратясь въ свой теремъ, она тотчасъ же на лоскутѣ бумаги написала:

«Мѣшкатъ негодится; принимайся, Иванъ Михайловичъ, за дѣло».

Записку эту царевна отправила съ Родилицей къ Милославскому. На другой день послѣ стычки Софін съ Натальей Кириловной, по кремлевскимъ палатамъ пошелъ слухъ, что царевна сильно заболѣла, заперлась въ теремъ и не пускаетъ къ себѣ никого даже изъ самыхъ близкихъ къ ней людей. Наталья Кириловна успокоилась, полагая, что, до пріѣзда Матвѣева, Софін и ея согласники ничего не успѣютъ сдѣлать. А между тѣмъ, Милославскій дѣятельно работалъ. Онъ по нѣскольку разъ въ день пересылался черезъ Родилицу съ царевною, сообщая ей, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше.

XIII.

Съ несказанною радостью встрѣтила Наталья Кириловна возвратившагося изъ ссылки боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, ближайшаго друга ея покойнаго мужа, который звалъ Матвѣева почетнымъ именемъ «Сергѣичъ». При видѣ его, въ памяти царицы оживали ея дѣтскіе и дѣвичьи годы. Вспоминала она, какъ ее, еще маленькой дѣвочкой, привезли изъ Тарусы, гдѣ было у ея отца небольшое помѣстье, въ Москву на воспитаніе къ родственнику Нарышкиныхъ, Матвѣеву, какъ ее поразили тотъ домъ, въ которомъ жилъ бояринъ. Домъ этотъ отличался по своей отдѣлкѣ и обстановкѣ слишкомъ рѣзко отъ домовъ другихъ бояръ и, подобно дому князя Василья Васильевича Голлицына, былъ устроенъ на европейскій образецъ. Бояринъ Матвѣевъ слылъ на Москвѣ человекомъ разумнымъ и ученымъ. Онъ любилъ чтеніе и бесѣду съ книжными людьми нетолько изъ русскихъ, но и изъ иностранцевъ, и постояннымъ его собесѣдникомъ былъ ученый грекъ Спафарій. Ходила даже молва, будто Матвѣевъ знаетъ тайную силу травъ и занимается чернокнижіемъ, и поводъ къ этой послѣдней молвѣ подавалъ, между прочимъ, служившій у Матвѣева арабъ Иванъ.

— Дьяволъ идетъ! кричали, бывало, въ Москвѣ, когда арабъ

*

или, по тогдашнему, «муряинъ» появился на улицѣ.— Вишь вѣдь черный какой! Чортъ губастый!

— Да вѣдь онъ тоже крещенный! замѣтить иногда кто-нибудь, защищая слугу Матвѣева отъ уличныхъ оскорбленій и насмѣшекъ.

— Чтò въ томъ, что онъ крещенный? Рожа все та же черная осталась, значить, и въ крещеніи не отиелся!

Давно бы надъ нимъ учинили въ Москвѣ что-нибудь не доброе, еслибы нападки на него не сдерживались его богомольемъ. Крещенный негръ часто ходилъ въ церковь Николая въ Столбахъ, въ приходъ которой жилъ его бояринъ. Ставъ въ церкви къ сторонкѣ, онъ усердно молился и тѣмъ ослаблялъ злобу сугубровъ.

Любилъ бояринъ Матвѣевъ толковать и съ раскольниками, а также и составлять съ Аввакумомъ, къ которому онъ нерѣдко хаживалъ вмѣстѣ съ Семеномъ Полоцкимъ. Вскорѣ, однако, протопопъ разошелся съ бояриномъ.

— Ты ищешь, сказалъ ему при одномъ спорѣ Аввакумъ:— въ словопреніи высокой науки, а я прошу ее у Христа моего со слезами. Како же могу я имѣть общеніе съ тобою: мы разнились яко свѣтъ и тьма.

Вообще раскольники не жаловали Матвѣева за склонность его къ новшествамъ. Не любило его и стрѣлцкое войско, зная, что бояринъ былъ строгъ и неснисходительно поглядывалъ на распущенность и своеволие стрѣльцовъ. Едва лишь Матвѣевъ возвратился въ Москву, какъ вражда готовилась снова подняться противъ него, хотя стрѣльцы и встрѣтили его съ хлѣбомъ солью. «Но, какъ писалъ впоследствии его сынъ:—принось стрѣлцаго хлѣба и соли былъ аденіемъ ему, боярину, меду сладкаго из остромъ ножѣ».

Живо напомнилъ пріѣздъ Матвѣева царцѣ ея неожиданную высокую судьбу.

Царь Алексѣй Михайловичъ часто, въ противность тогдашнимъ понятіямъ, требовавшимъ сколь возможно большаго отчужденія государя отъ подданныхъ, ѣзжалъ къ боярину, который, не буди несоннаго московскаго обычая, не скрывалъ отъ взоровъ бывавшихъ у него гостей ни своей жены, ни жившей въ его домѣ Наталіи Кирилловны. При первой же встрѣчѣ, сильно притянулась царю эта молодая, красивая и стройная дѣвушка, и онъ, шутя, пообѣщалъ Матвѣеву прискаты ей жениха.

Прошло послѣ этого нѣсколько дней, и Алексѣй Михайловичъ снова навѣстилъ Матвѣева.

— Я нашель твоей родственницѣ жениха, сказалъ государь.

— Кто же онъ таковъ? спросилъ нерѣшительно бояринъ.

— Царь Алексѣй Михайловичъ! было отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Матвѣевъ повалился въ ноги государю и умолялъ отстранить отъ него эту высокую честь, ссылаясь на то, что, вслѣдствіе царскаго брака съ его родственницей и воспитанницей, у него, Матвѣева, явится много завистниковъ, и уговорилъ царя справиться сватовство по старинному обычаю. Тогда собрали со всего государства въ Москву дворянскихъ дѣвицъ и помѣстили ихъ въ царевинныхъ теремахъ. Только предъ свѣтлыми очами великаго государя, одного изъ всѣхъ мужчинъ русской земли, могли откинуться дѣвичьи фаты. Царь въ досыть насмотрѣлся на своихъ хорошенькихъ подданныхъ, но остался вѣренъ прежнему своему выбору: Наталья Кирилловна была объявлена невѣстой государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наименована благовѣрною царевной и великою княжною московскою, такъ что государь какъ будто вступалъ въ бракъ съ дѣвицею царской крови.

Отложилъ тогда Алексѣй Михайловичъ въ сторону всё государственнаго и земскаго дѣла и началъ съ своимъ синьклитомъ мыслить только о томъ, кого въ какой «свадебный чинъ» избрать? Въ чинъ этотъ нужны были сановныя лица «въ отцово и матерно мѣсто», нужны были они въ «сидячіе бояре и боярыни», въ «поѣзжане», въ «тысяцкіе», въ «друзья», въ «свахи», въ «свѣшники», въ «конюшенный чинъ» и въ «дворецкіе». И боярамъ, и боярынямъ, и вообще служилому чину, при отправленіи «царскаго веселія», нашлась бы почетная работа. Вся родовитая Москва переполошилась, всё только и думали, кого куда царь соизволитъ назначить. Поднялись мѣстническіе счеты не только между мужчинамъ, но и между ихъ супругицами, каждому и каждой хотѣлось занять болѣе видную должность. Долго пришлось бы возиться царю съ этими дѣломъ и рѣшать мѣстническіе споры по разряднымъ книгамъ, и потому онъ, избѣгая проволочекъ, покончилъ все дѣло своею царственною властью очень просто: онъ повелѣлъ быть всѣмъ безъ мѣстъ, и затѣмъ, не соображаясь уже со служебною знатностью того или другого рода, приказалъ расписать всѣхъ по мѣстамъ, съ прибавкою, чтобы «въ тѣ дни, когда у него, великаго государя, будетъ радость, въ томъ чину, кому, гдѣ указано, быть, были бы готовы безъ дѣтъ, не по роду и не по чинамъ». Не лишнимъ счетъ государь задать на всякій случай и острастку, прибавивъ въ своемъ указѣ: «а какъ будетъ у него радость и въ тѣ дни будетъ кто изъ бояръ и окольничихъ, и думныхъ и ближнихъ людей учинять въ свадебномъ дѣлѣ порокою своею, мѣстами или чинамъ, какую смуту, и въ томъ свадебномъ дѣлѣ учинится

помѣшка, и того за его послушаніе и смуту казнить смертію безъ всякаго милосердія, а помѣстья и вотчины взять на него».

Показалось однако великому государю недостаточнымъ и это для сохраненія, при его «радости» должнаго порядка и благочинія. Поразмыслилъ онъ и о томъ, что будетъ послѣ его свадьбы, и потому въ своемъ указѣ повелѣлъ сдѣлать еще и слѣдующую прибавку: «также и послѣ свадьбы никому никого никакими словами о свадебныхъ чинехъ не поносить, и въ случай не ставити, кто кого въ чину выше былъ, а буде кого учнетъ поносить, а себя высити и про то слышется, и тому быть отъ великаго государя въ опалѣ и въ наказаніи».

Настрацать порядкомъ своихъ вѣрноподанныхъ, великій государь спокойно принялся справлять свой «свадебный чинъ», а Наташа, между тѣмъ, перешла на житье въ царскія хоромы, къ царевнамъ-сестрамъ своего жениха.

Наканунѣ царской свадьбы справили въ столовой избѣ кремлевскаго дворца ужинъ, во время котораго Наташа чувствовала уже себя царицей, такъ какъ она сидѣла съ государемъ за особымъ столомъ, тогда какъ бояре и боярыни, которые еще такъ недавно смотрѣли съвысока на безвѣстную доселѣ семью Нарышкиныхъ, усадили за особые столы, поодаль отъ будущей государыни. Передъ ужиномъ крестовый протопопъ благословилъ крестомъ царя и царевну и «велѣлъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе». Зардѣлись щеки дѣвушки отъ этого перваго поцалуня чужаго мужчины и смутилась она, когда дородные бояре и такіа-же боярыни принялись кланяться ей въ ноги, поздравляя ее нареченной невѣстой великаго государя.

Благословился на другой день Алексѣй Михайловичъ у патриарха, отпѣли для его царскаго величества молебень, послѣ котораго отправили панихиду по его отцѣ и его сродникамъ, и пошелъ онъ потомъ въ архангельскій соборъ къ гробамъ прежнихъ царей московскихъ—«испросить у нихъ прощеніе».

Но вотъ наступилъ и день брака Наташи съ великимъ государемъ. Къ этому дню обили большую палату кремлевскаго дворца бархатомъ, разостлали въ ней на полу турецкіе и персидскіе ковры, устроили посреди палаты царское мѣсто, чтобы сидѣть на немъ жениху и невѣстѣ, а передъ царскимъ мѣстомъ поставили столъ, а кругомъ этого стола другіе столы, за которыми сидѣли бы бояре и боярыни; покрыли столы камчатными скатертями и положили на нихъ хлѣбъ и соль.

Забилось сердце боярышни-царевны, когда ее, одѣтую въ царское одѣяніе, ввели подъ руки боярыни въ эту палату и посадили тамъ на особое мѣсто. Донесли тогда государю, что всѣ

пришли и устроились. Помолится онъ усердно передъ иконами, благословилъ его духовникъ, благословили посаженные отецъ и мать, и отправился онъ въ большую палату къ своей невѣстѣ. Коровяники понесли передъ нимъ хлѣбъ и соль, а за ними пошелъ протопопъ, за протопопомъ царь, а за царемъ бояре.

Вошелъ въ палату великій государь, и царевна встала съ своего мѣста и оглянула она жениха такъ зорко, какъ никогда еще не оглядывала его прежде, и показался онъ ей не слишкомъ молодымъ и не очень пригожимъ, но за то сановитымъ и важнымъ, и хоть дородность въ мужичиѣ не считалась въ ту пору изъяномъ, но все-таки, какъ думалось Наташѣ, женихъ ужъ больно тученъ, такъ что онъ съ трудомъ на ходу двигается. Но за то привѣтливо и кротко смотрѣли его глаза изъ подъ соболяго околыша высокой царской шапки, блиставшей алмазами и жемчугомъ. Бѣло и нѣжно было его добродушное лицо; величаво и пышно разлеглась на драгоцѣнныхъ царскихъ бармахъ его темно-русая густая борода. Ослѣпительно великолѣпенъ былъ и весь нарядъ державнаго жениха, шитый изъ золотой парчи и украшенный такими же кружевами, а все одѣяніе его сіяло разноцвѣтными лучами, которыми съ разными переливами такъ причудливо играли алмазы, изумруды и рубины, какъ будто отгачившіе великаго государя въ его царственномъ облаченіи.

Помолится царь и въ палатѣ, помолилась съ нимъ и невѣста, и благословились и онъ, и она у своихъ посаженныхъ отцевъ и матерей, и сѣли они на царское мѣсто оба на одной бархатной подушкѣ. Вслѣдъ за ними сѣли по своимъ мѣстамъ бояре и боярыни, и весь свадебный чинъ.

Поднялся съ своего мѣста духовникъ, поднялись съ подушки царь и царевна, встали съ лавокъ и всѣ сѣдѣвшіе за столами, и началъ протопопъ читать громко: «отче нашъ». Окончилъ онъ молитву, и стольники принесли въ палату кушанья и поставили ихъ на столы. Усердно, начиная съ главнаго «дѣйствителя» отца протопопа, всѣ принялись за ѣду. Только дружкамъ и подружкамъ женскаго пола не до того теперь было. Подошли онѣ къ отцу и матери невѣсты и благословились они у нихъ, чтобы разчесывать косу Наташи. Заслонили на это время и ее, и жениха пологомъ изъ розовой тафты, который держали свѣшники, а за пологомъ свахи сняли съ царевны дѣвичій вѣнокъ, и вотъ густыми прядями рассыпались по плечамъ ея черные волосы и тогда свахи принялись разчесывать и «укручивать» ея косу.

Покончили свахи-боярыни съ косой невѣсты и надѣли ей на голову покрывало съ вышитымъ на немъ крестомъ, и тогда начались раздача и послышка подарковъ отъ невѣсты: отъ имени

ея стали подносить ширинки, т. е. носовые платки. Ширинки были изъ бѣлой тафты, шитыя золотомъ, серебромъ и шелкомъ. Не забыли при этомъ подарками и отсутствовавшаго патріарха, и отъ имени невѣсты отправили къ святѣйшему владыкѣ нѣсколько кусковъ бѣлаго полотна.

Царь и его невѣста не прикасались къ яствамъ, такъ какъ они весь этотъ день должны были поститься, да и свадебному чину не дали кончить обѣдъ, потому что начались сборы къ вѣнцу. Посаженные отцы и матери благословили царя и царевну игонами въ золотыхъ окладахъ, украшенныхъ драгоценными камнями и жемчугомъ, а потомъ отецъ и мать невѣсты подвели ее къ царю и сдали ему ее. Государь взялъ невѣсту за правую руку и повелъ ее въ одну изъ дворцовыхъ церквей. Духовникъ предшествовалъ имъ, кропя святою водою всѣ переходы, чтобы небавить брачующуюся чету отъ волшебства, колдовства и чародѣйства. Въ это время у всѣхъ московскихъ церквей раздались трезвонъ и началось молебствіе о здоровѣ царя и царевны, а также о счастливой будущности ихъ супружескаго союза.

Въ церкви государь и невѣста встали вблизи алтаря на возстанную для нихъ золотую обѣярь, а сваха отслонила отъ лица невѣсты шелковую фату. Царя съ одной стороны сталъ поддерживать подъ руку дружка, а царевну—сваха.

Окончился обрядъ вѣччанія, и протопопъ сталъ поучать, какъ слѣдуетъ жить супругамъ.

— Женѣ у мужа быти въ послушенствѣ, внушалъ онъ: — в другъ на друга не гнѣваться, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ее слегка жезломъ, зане же мужъ женѣ, яко глава на церквѣ и жити вамъ въ чистотѣ и богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ и всѣ посты постить и къ церквѣ божіей приходить и подаваніе давать и съ отцомъ духовнымъ спрашиваться по часту: той бо на вся блага научить».

Преподавъ отецъ протоіерей въ этомъ [подлинномъ своемъ словѣ еще и особую статью о супружеской любви въ великіе праздники.

Сказавъ поученіе, протопопъ передалъ царю невѣсту и велѣлъ имъ поцѣловаться, а царскіе дѣвки грянули многогласіе благовѣрной государынѣ царицѣ Наталіи Кириловнѣ. Молодую, между тѣмъ, завернули снова фатой, и начались поздравленія. Послѣ поздравленій, царь съ царицей вернулись въ столовую ямбу, а тамъ въ присутствіи ихъ и весь свадебный чинъ принялся за продолженіе прерваннаго обѣда. Когда же принесли столыяя третье яство, жаренаго лебеда, то царь всталъ, встала и царица, а протопопъ благословилъ новобрачныхъ, которые стара-

вѣдись въ опочивальню, предоставивъ боярству и всему свадебному чину ѣсть и пить вдоволь, а около той хоромы, куда удалились новобрачные, сталъ разѣзжать на лихомъ конѣ конюшій съ обнаженнымъ наголо мечемъ, не допуская никого приблизиться къ царскимъ хоромамъ. Порядкомъ долженъ былъ поумантаться этотъ конный царедворецъ, такъ какъ ему пришлось разѣзжать вплоть до разсвѣта.

Въ эту брачную ночь въ царскомъ дворцѣ шло необычайное веселье: въ продолженіи ея играли на трубахъ и сурнахъ; били чѣмъ есть мочи въ литавры, какъ въ сѣняхъ, такъ и на дворѣ, на которомъ «для свѣтлости» жгли большіе костры дровъ. Отпраздновали свадьбу Натали Кириловны и обѣдами, и подарками; царя дарили бояре и боярыни бархатами, узорчатыми камками, атласами и объярями, а царицу, въ добавокъ ко всему этому, еще и соборами и золотыми перстнями съ дорогими каменьями, а также и серебряною посудю. По случаю царскаго веселья были посланы изъ дворца въ монастыри стольники, стряпчіе и жильцы съ милостынею и съ молебными деньгами, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль кормили насчетъ царской казны изобильною трапезою чернецовъ и черницъ, выдавая каждому и каждой изъ нихъ, сверхъ денегъ, еще по полотенцу и по два платка. Ходили царь и царица по богадѣльнямъ и тюрьмамъ, облегчая участь колодниковъ и раздавая щедрую милостыню какъ имъ, такъ и вообще убогимъ и нищимъ и, по свидѣтельству современника, истратили на это «множество тысячъ».

Припоминала царица Наталья Кириловна и радость своего супруга по случаю рожденія ею царевича, которому, вслѣдствіе особаго предвѣщанія юродиваго, дали имя Петръ—имя не бывшее еще въ царскомъ семействѣ. Припоминала она, какъ царь на радости сталъ тогда ходить пѣшкомъ въ «цвѣтномъ» платьѣ по монастырямъ, творить многія добрыя дѣла сверхъ обычныхъ, и угощать бояръ водкою, фряжскимъ и рейскимъ виномъ, яблоками, дулами, коврижками и нибиремъ.

Царь, читавшій въ переводахъ иностранные «куранты», т. е. газеты, поразился и тѣмъ предзнаменованіямъ, какія онъ въ нихъ нашелъ, такъ какъ онъ узналъ, что въ день рожденія царевича Петра, король французскій перешелъ за Рейнъ, а султанъ турецкій черезъ Дунай. Послѣ чего первый изъ нихъ завоевалъ четыре бельгійскія области, а второй Каменецъ и всю Подолію.

Были, впрочемъ въ жизни царицы и тяжелые дни, хотя и невѣроятно, доходило ли когда-нибудь дѣло до «жезла», употребленіе котораго царю разрѣшалъ, при совершеніи его брака, духовный отецъ, могшій, по собственному его о себѣ самомъ отзыву, «на-

ставить на вся благая». Извѣстно только, что огорченія Натальи Кириловны происходили отъ положенія ея, какъ мачки, среди взрослой семьи, которая осталась послѣ царицы Марьи Ильиницы и въ которой самой непокорной личностью оказалась падчерица Наталья Кириловны, царевна Софїя Алексѣевна. Въ эти тяжелые дни ободрялъ, утѣшалъ и успокаивалъ царицу ея сродникъ, бояринъ Матвѣевъ, съ которымъ разлучили ее Милославскіе, но теперь обстоятельства, къ радости вдовствующей царицы измѣнились, такъ какъ опальный бояринъ съ великою честью возвращался въ Москву и въ немъ она должна была найти и твердую опору, и надежнаго совѣтника.

КОРЕННАЯ НУЖДА НА СѢВЕРѢ

и

ПРИНЦИПЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

I.

Временное бѣдствіе.

Прежде еще, чѣмъ началась война съ Турціею, сѣверъ нашъ уже ощущалъ тяжкія послѣдствія военнаго настроенія въ Европѣ. Какъ извѣстно, рыболовство и смолокуреніе составляютъ здѣсь два главныхъ и, въ большей части случаевъ, единственныхъ подсобныхъ промысла и притомъ они обусловливаютъ другъ друга такимъ образомъ, что успѣшное смолокуреніе повышаетъ цѣну на рыбу и тѣмъ обезпечиваетъ рыболововъ.—Значеніе этихъ подсобныхъ промысловъ опять-таки совсѣмъ другое, чѣмъ оно могло бы быть въ странѣ болѣе южной и плодородной. Земледѣіе здѣсь даетъ только немногимъ хлѣбъ на круглый годъ; большинство вынуждено въ концѣ года питаться покупнымъ, и неуспѣхъ смолокуренія и рыболовства равняется неурожаю на вѣѣ и производитъ искусственный голодъ. Выѣстъ съ возникновеніемъ натапнутыхъ отношеній между Россіею и Англіею заказы на смолу прекратились. Бочка смолы, за которую въ прежнія времена давали пять рублей, продается теперь за рубль тридцать копѣекъ. Послѣдствія не трудно себѣ представить. Нетолько рыба не идетъ съ рукъ, но крестьяне отказываются покупать что бы то ни было и всѣ свои средства приберегаютъ для покупки хлѣба; поэтому, всѣ крестьянскіе подсобные промыслы перестали быть прибыльными. Даже глиняные горшки не идутъ съ рукъ; какъ нищія, крестьяне доморощенными средствами слѣпляютъ и залѣпляютъ треснувшіе горшки, несмотря на то,

что и новый горшокъ стѣить отъ копейки до трехъ копеекъ. Они стѣсняють себя въ употребленіи соли. На мартовскую армарку новый сюрпризъ. Замѣна не продается и такъ не продается, что хоть бросай весь товаръ. Остается крестьянамъ сосредоточиться на продажѣ скота, и конкуренція тутъ разрослась до такой степени, что многимъ приходится продавать лошадей за треть цѣны. Къ счастью, крестьяне знаютъ истинную причину своихъ бѣдствій, т. е. натянутое положеніе съ Англіей, и сочувствуютъ ей. Они ободряютъ другъ друга; самообладаніе и безропотность, съ которыми они переносятъ весьма тяжелыя для нихъ стѣсненія, поразительны. Они прямо сознаютъ, что война принесетъ большія жертвы, и изъявляютъ на это полную готовность. Но именно поэтому, какъ мнѣ кажется, общество и должно отнестись къ ихъ нуждѣ съ полнымъ вниманіемъ и въ особенности постараться оградить ихъ отъ такого раззоренія, которое можетъ отозваться на ихъ благосостояніи на многіе годы. Вотъ почему мы и считаемъ не лишнимъ разъяснить ему нѣкоторыя подробности этого положенія. Не трудно понять, что раззоряются не одни крестьяне, но и скупщики ихъ произведеній, и по естественному чувству самосохраненія каждый старается свалить свою бѣду на другого. Весьма важную роль въ этой борьбѣ играютъ волостные суды. При выборахъ судей крестьяне, конечно, руководствовались общими соображеніями, а не требованіями теперешняго спеціальнаго положенія и мѣстами вышло плохо. Оказываются волостные суды такого состава, которые прямо тянутъ руку скупщиковъ и постановляютъ такія рѣшенія, которыя должны раззорять крестьянъ въ конецъ. Они обязываютъ, на примѣръ, крестьянъ за долги поставятъ скупщикамъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ смолу по современнымъ цѣнамъ, т. е. 1 р. 30 к. вмѣсто 5 р. Такія рѣшенія прямо противозаконны и составляютъ прикрытіе лихвеннаго изворота. Если такіе дѣла будутъ доходить до мировыхъ сѣздовъ и освѣтятся передъ ними въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, то, конечно, всякое подобное рѣшеніе будетъ отмѣнено, но въ томъ-то и дѣло, что принимаютъ всѣ возможные мѣры, чтобы подобныя рѣшенія не были обжалованы въ срокъ. На первомъ планѣ фигурируютъ затрудненія при выдачѣ копій — приемъ самый обыкновенный и употребляющійся во всей Россіи недобросовѣстными должностными лицами. Пока крестьянину не выдана копія, ему жалобы написать невозможно, потому что даже самый смысленный крестьянинъ не можетъ рассказать удовлетворительно того, что ему объявлено. Какъ человѣкъ безграмотный, онъ можетъ требовать копій только словесно, а тутъ его прогоняютъ безъ церемоній.

Мнѣ рассказывали случай, гдѣ крестьянамъ приходилось платить мелкимъ городскимъ дѣльцамъ по рублю серебромъ только за то, чтобы нанять просьбу о выдачѣ копій. Такимъ образомъ почти всегда достигается, что крестьянинъ пропускаетъ мѣсячный срокъ. Мировые посредники, можетъ быть, и знаютъ объ этомъ, но вмѣшательство для нихъ дѣло самое щекотливое, скупщики тотчасъ закричатъ, что они дозволяютъ себѣ пристрастное и противузаконное вмѣшательство въ гражданскія дѣла. Однакоже, все-таки необходимо помѣшать такому закабаленію и раззоренію крестьянъ достаточными и дѣйствительными мѣрами. Наши крестьяне находятся теперь въ томъ же періодѣ развитія, въ которомъ находились плебен и демось во время классической античной борьбы противъ лихвы; турки, какъ извѣстно, совершенно равнодушно смотрятъ на раззореніе крестьянства долгами и лихвою, но намъ это не прилично. Если скупщики смолы страдаютъ отъ застоя въ дѣлахъ, то за то же они вознаграждаютъ себя съ лихвою низкими цѣнами на смолу, и это не трудно понять, если принять въ соображеніе, что они сами получаютъ отъ англичанъ по девяти и десяти рублей за ту бочку, которую покупаютъ за 1 р. 30 к. Существуетъ еще другой путь раззоренія для крестьянъ, который касается преимущественно отдаленныхъ селеній, но противъ котораго въ такое критическое для крестьянъ время, какъ настоящее, непременно слѣдуетъ принять мѣры. На сплавныхъ рѣкахъ Сольвычегодскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ Вологодской Губерніи существуютъ глухія селенія, которыя отстоятъ отъ города, гдѣ живутъ удѣльный и окружный надзиратель и мировой посредникъ, на огромное разстояніе, напримѣръ, болѣе двухсотъ верстъ. Для того, чтобы наблюдать за соблюденіемъ всѣхъ правилъ при заготовкѣ смольника и выкурки смолы, существуютъ распоряженія, которыхъ исполненіе, при такихъ исключительныхъ условіяхъ, безусловно невозможно. Лѣсные смотрители, не будучи въ состояніи послѣтъ всюду, волею и неволею дѣлаютъ послабленія, а между тѣмъ, чиновное начальство, по своей обязанности, настаиваетъ на исполненіи правилъ и накладываетъ штрафы. Штрафы до шестидесяти, до ста и даже до двухсотъ рублей накопились на такихъ крестьянахъ, которые живутъ нищенствомъ и, конечно, никогда не будутъ въ состояніи ихъ заплатить, но за то же черезъ нихъ иногда не получаютъ возможности обзавестись чѣмъ-нибудь и выйдти изъ нищеты. Главный источникъ этихъ штрафовъ, кромѣ того, съ юридической точки зрѣнія еще остается спорнымъ; онъ слѣдующій: о самовольной порубкѣ и выкуркѣ смолы вовсе не слыхать, но существуютъ разныя, отчасти неизвѣстныя крестья-

намъ правила, частью остающіяся безъ исполненія, напримѣръ, крестьянинъ обязанъ сходить къ лѣсинѣ пять разъ, т. е. пять разъ готовить ее. При такой подготовкѣ получается больше смолы. Въ особенности въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ знакомство съ этимъ правиломъ еще мало распространилось, крестьяне готовятъ ее только три раза. Отъ этого терпятъ не только самъ крестьянинъ, но и удѣль. и казна, потому что отъ смолы получается менѣе пошлинъ. За несоблюденіе этого правила или распоряженій, сдѣланныхъ ради наблюденія за его исполненіемъ, и накладываются штрафы, какъ за самовольную порубку. Между тѣмъ, это не согласно съ указомъ 15-го мая 1867 г. и ст. 155 и 158 уст. о наказ. налаг. мир. суд. Самовольная порубка есть воровство или похищеніе, какъ говорится въ ст. 155, сюда же по п. 2 ст. 158, принадлежитъ и самовольное дѣланіе насѣчекъ для добыванія смолы. Тутъ же налагается штрафъ не за кражу дерева и не за приготовленіе къ кражѣ въ видѣ дѣланія насѣчки, а за несогласную съ правилами обработку дерева. Оно относится къ самовольной порубкѣ, какъ погрѣха луговъ и пашень къ самовольной уборкѣ чужого хлѣба или скошенію чужой травы. Правильно къ настоящему случаю могли бы быть примѣнены только ст. 29 и 145 поманутаго устава, устанавлиющія штрафъ не свыше десяти рублей за неисполненіе законныхъ распоряженій начальства и порчу чужихъ деревьевъ *не съ цѣлю кражи*. Штрафы эти накладываются и тамъ, гдѣ лѣса предоставлены въ распоряженіе и охраненіе обществъ, такъ усердно удѣль охраняетъ установленный способъ добыванія смолы. Нельзя не вспомнить при этомъ блестящихъ разъясненій, сдѣланныхъ Адамомъ Смитомъ и его послѣдователями по отношенію къ средневѣковой привычкѣ регулировать производства. Удѣль имѣетъ несомнѣнное право хозяйничать въ удѣльныхъ лѣсахъ по своему усмотрѣнію, однакоже, отсюда происходитъ то, что отдаленные лѣса вовсе не эксплуатируются, потому что если пять разъ ходить къ лѣсинѣ, то овчинка не стоитъ выдѣлки, а ближайшіе истребляются. Въ ближайшихъ крестьяне ходили бы шесть и болѣе разъ, но по причинѣ регламентаціи этого опять-таки не дѣлается. Правила объ осмотрѣ смольяна, по крайней мѣрѣ, такъ стѣснительны и вредны, какъ на западѣ были правила объ осмотрѣ жатвы. Въмѣсто того, чтобы сыпать штрафами, лучше было бы пересмотрѣть правила.

II.

Заселеніе края. — Уставныя грамоты. — Обманутыя ожиданія. — Солидарность интересовъ.

Это зло временное, но существуетъ и постоянное, отъ котораго нужно оградить бѣдняковъ. Тутъ казна дѣйствуетъ успѣшнѣе удѣла, такъ какъ она дозволяетъ расчистку лѣсовъ подъ пашни. Желанія крестьянъ въ этомъ отношеніи никакъ нельзя назвать преувеличенными, такъ какъ выполнение ихъ было бы одинаково выгодно и для нихъ, и для удѣла. Дѣло вотъ въ чемъ. Если вы будете ѣхать по Двинѣ или по большимъ дорогамъ, или осматривать отдѣльныя мѣстности, то край вамъ покажется довольно населеннымъ. Вамъ покажется страннымъ, какимъ образомъ, по статистикѣ, число жителей на квадратную версту выходитъ такое ничтожное. Это непонятное и невѣроятное явленіе разъяснится, однако же, при ближайшемъ знакомствѣ. Вы убѣдитесь, что населеніе постоянно скучивалось къ однимъ мѣстамъ и тотчасъ за густо населенной мѣстностью начинается глухой лѣсъ, гдѣ можно сдѣлать многіе десятки верстъ, не встрѣтивъ и слѣда жилья человѣческаго. Въ этихъ густо населенныхъ мѣстахъ крестьяне тяжело страдаютъ отъ недостатка земли и отчасти отъ этого происходитъ дороговизна хлѣба. Между тѣмъ въ лежащихъ между группами селеній пространствахъ земля вовсе не хуже той, на которой расположены селенія, а эта земля заросла сплошнымъ и густымъ лѣсомъ, своимъ ростомъ создавшимъ массу болотъ. Нетолько земля, но и лѣсъ остается вовсе бездоходными. Условія заселенія создались сами собою и создались какъ нельзя хуже. Самый выгодный способъ заселенія края заключался бы въ сохраненіи лѣсовъ по берегамъ сплавныхъ рѣкъ, потому что на этихъ мѣстахъ всего выгоднѣе добывать и сплавлять смолу. Заселеніе же было бы всего экономичнѣе на ручьяхъ и рѣчкахъ, по которымъ сплавъ невозможенъ. Для пашни земля тутъ точно такъ же хороша, какъ и на сплавныхъ рѣчкахъ и рѣчкахъ, а для добыванія смолы положеніе лѣсовъ совершенно неудобное. Между тѣмъ, въ теченіи вѣковъ, дѣло велось совершенно иначе. Расчищать пашни дѣло весьма трудное, а потому крестьяне старались дѣлать расчистки въ возможно меньшихъ размѣрахъ и при томъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ производство смолокурения было всего ближе подъ руками. Смолокурение и сплавъ лѣса, въ особенности прежде, составляли занятіе несравненно болѣе легкое и прибыльное, чѣмъ воздѣлыва-

ніе земли. Вотъ почему прежде всего крестьяне селились по большимъ сплавающимъ рѣкамъ и притомъ на самомъ разливѣ, когда-то густо покрытомъ лѣсами. Эти поселенія представляли для крестьянъ удобства только въ самомъ началѣ, сотни лѣтъ тому назадъ. Теперь же неудобства преобладаютъ рѣшительно и окончательно. Поэтому они, въ большей части случаевъ, уже давно выселились съ низкихъ мѣстъ на окрестныя плоскогорья. Но и теперь еще вы видите множество поселеній, которыя весной до того затопляются водой, что всякія сообщенія съ окрестностями у нихъ прекращаются. Размножая пашни около своихъ домовъ, крестьяне истребляли лѣсъ именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его сохраненіе представляло наиболѣе экономическія удобства. Вскорѣ лѣса были уже въ значительной степени истреблены, а пашни и луга были все-таки въ недостаточномъ количествѣ, такъ что скученное здѣсь существованіе крестьянъ и безъ помощи, и съ помощью смолокуренія сдѣлалось невозможнымъ. Это заставило ихъ начать расселеніе по менѣе значительнымъ рѣкамъ. При обилии лѣса эти рѣчки и дѣлались главнымъ гнѣздомъ смолокуренія и притомъ именно смолокуренія, такъ какъ сплавъ лѣса по нимъ не удобенъ. Смолокуреніе требовало здѣсь уже несравненно большаго труда. Бочки спускались прямо въ воду, и крестьяне должны были бѣгать за ними по весьма неудобнымъ для этого берегамъ. Бочки непрерывно садились на мель, ежеминутно приходилось входить въ воду и спихивать ихъ. Этими путемъ порождалось множество неизлечимыхъ ревматизмовъ. На извѣстныхъ пунктахъ караулили отряды смолокуровъ и, кидаясь въ воду, вылавливали бочки для того, чтобы ихъ не унесло. Въ такомъ положеніи было дѣло при освобожденіи крестьянъ и устройствѣ ихъ поземельныхъ отношеній. Введеніе уставныхъ грамотъ сопряжено было въ удѣльномъ вѣдомствѣ съ нескончаемыми затрудненіями. Мѣстное чиновничество воспоминаетъ съ горечью о томъ невыносимомъ положеніи, въ которомъ оно въ то время находилось. Центральное управленіе постоянно опасалось излишняго пристрастія чиновниковъ въ пользу крестьянъ, крестьяне вѣчно подозрѣвали обманъ въ пользу удѣла, никому не довѣряли и не знали законовъ. Истинные мученія своихъ собственныхъ подозрѣній, крестьяне, въ концѣ-концовъ, обращались въ невыгоднѣйшему для себя образу дѣйствія. Чиновники рассказываютъ, что были даже покушенія на убійства, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ военную экзекуцію и разореніе, и все это по однимъ недоразумѣніямъ. Крестьяне рассказываютъ, что солдатъ будто бы приводили въ селенія и разоряли ихъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, напримѣръ, по-

тому, что отказывались давать людей для обмѣра земель. Отличить тутъ истину отъ несомнѣнныхъ преувеличеній, конечно, невозможно; вѣрно одно, что тягостное положеніе и страданіе какъ чиновниковъ, такъ и крестьянъ, оставили трудно изгладимое чувство горечи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ селеніяхъ вовсе нѣтъ людей, которые пользовались бы довѣріемъ крестьянъ и въ тоже время знали законы и могли бы ихъ имъ растолковать. Между чиновниками есть знающіе законы, но они, конечно, не могутъ замѣнить подобныхъ людей, въ особенности въ критическія минуты; какъ бы ни было велико довѣріе крестьянъ въ чиновнику, а они все-таки по справедливости считаютъ его представителемъ интересовъ администраціи. Во время введенія уставныхъ грамотъ, здѣшнее чиновничество дорого бы дало за существованіе подобныхъ людей, но ихъ не было, и введеніе уставныхъ грамотъ совершилось болѣзненно и дало результаты неудовлетворительныя. Крестьяне получили здѣсь надѣлы совершенно недостаточныя и значительно меньшія противъ нормы полного надѣла. Окончательный результатъ такой же, какой встрѣчался въ степныхъ губерніяхъ, но положеніе совершенно другое. Тамъ крестьяне потому добивались малыя надѣловъ, что степныя земли были въ изобиліи, что арендная плата за нихъ была ничтожная и несравненно ниже платежей, которые приходились по крестьянскому положенію. Брать мало земли для крестьянъ казалось прямымъ расчетомъ, но даже и тамъ расчетъ этотъ вовсе не оправдался; опытъ показалъ, что лучшимъ исходомъ для крестьянъ было бы, если бы они брали полныя надѣлы и притомъ выкупали ихъ въ собственность, перенося временное неудобство тяжелыхъ платежей. Образъ дѣйствія, конечно, самоотверженный; потому что на долю работниковъ пали бы всѣ тягости, а всѣ выгоды достались бы имъ потомству. Здѣсь же, при томъ безвыходно возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились крестьяне, при мучительномъ чрезъ это положеніи вводимыхъ новыхъ законовъ чиновничества, послѣдніе ухватывались, какъ за спасительный якорь, за надѣленіе крестьянъ по возможности только тѣми землями, которыя числились за ними официально. Это казалось сначала лучшимъ исходомъ, потому что съ одной стороны удовлетворяло желаніямъ центрального управленія; съ другой полагали, что и крестьяне всего легче поддадутся на такой образъ дѣйствія, потому что при этомъ имъ приходилось меньше платить, а платить по причинѣ ихъ бѣдности имъ было очень трудно. Крестьяне ошиблись въ своихъ расчетахъ самымъ жестокимъ образомъ. Уже при надѣлѣ они получили значительно меньше земель, чѣмъ они прежде дѣ-

ствительно обрабатывали, а между тѣмъ населеніе увеличилось, съ каждымъ годомъ имъ нужно было больше, а не меньше земля. Время было гуманное, если и прежде имъ удавалось такъ или иначе устроиться, то они сначала еще думали, что теперь это будетъ для нихъ и подавно легко. Вышло, однакоже, что они въ своихъ расчетахъ окончательно ошиблись. Новое чиновничество было вовсе не похоже на чиновничество добрыхъ старыхъ временъ. Теперь не только чего другого прочаго, но и сажень дровъ лишнихъ вырубить было невозможно, какъ было написано, такъ все и дѣлалось. Это энергическое втискиваніе въ рамки строгаго соблюденія правилъ и распоряденій не обошлось безъ тягостной и ожесточенной борьбы. Избалованные лѣсныя прежняго времени замѣнялись болѣе надежными охранителями, и были случаи, что изъ мѣсти поджигались лѣса; налагались штрафы, о которыхъ мы говорили выше, и которые разорили многихъ крестьянъ, такъ что имъ пришлось здѣсь взыскать къ снисходительности. Самые сборы съ лѣсныхъ промысловъ увеличились, такъ что лѣсной промыселъ сдѣлался въ значительныхъ размѣрахъ менѣе выгоднымъ, чѣмъ прежде. Бѣднымъ крестьянамъ случалось въ зимнюю стужу сидѣть въ топленыхъ избахъ, фактъ несомнѣнный, несмотря на то, что чиновничество углынаго вѣдомства его отрицало. Неожиданно крестьянамъ пришлось болѣе чѣмъ всегда-либо сосредоточиться на земледѣліи. Надѣлы скудные, они рады и оброкъ платить, лишь бы землю захватную добыть, да добыть ее не отъ куда. Въ особенности замѣкимъ оказывается положеніе крестьянъ, живущихъ на низкихъ мѣстахъ. Ко всѣмъ другимъ невыгоднымъ шансамъ земледѣльца тутъ присоединяется еще одна. Низкія земли затопляются, закидываются весеннимъ льдомъ, который и своимъ движеніемъ, и своимъ лежаніемъ способствуетъ образованію вымоинъ, такъ что посѣвъ уничтожается почти совершенно и на этихъ земляхъ бываетъ неурожай даже въ то время, когда на другихъ все обстоитъ благополучно. Земля сносится разливами въ такихъ огромныхъ количествахъ, что нѣкоторыя деревни періодически приходится переносить съ мѣста на мѣсто. Въ видѣ пашень эти земли положительно невыгодны и наибольшую выгоду онѣ доставляютъ тогда, когда онѣ остаются подъ лугами, тогда имъ и весеннія воды не такъ вредятъ. Луговъ здѣсь мало, а нужда въ нихъ большая, потому что крестьяне самымъ усерднымъ образомъ уваживаютъ поля, уваживаютъ воловъ и неволед, такъ какъ безъ уваживанія хлѣбъ все не родится. Созданіе хорошаго луговаго мѣста здѣсь дѣло весьма хитрое: на тѣхъ высокихъ мѣстахъ, на которыхъ за Волгой и въ южной Сибири растутъ са-

мая нѣжная трава съ цвѣткомъ, здѣсь не растетъ ничего, кромѣ сухаго деревянистаго вереска. Нѣжная трава растетъ здѣсь на такихъ затопляемыхъ лугахъ, которые въ болѣе счастливыхъ мѣстахъ считаются уже слишкомъ мокрыми и дающими траву, годную только для крупнаго скота. Но за то же на этихъ мѣстахъ едва одна половина даетъ сѣно, а другая никуда не годныя болотныя растенія. Цвѣтистыя травы разсыпаны, подобно узорамъ, на общемъ фонѣ темнаго болота. Между тѣмъ, если это пространство идетъ въ надѣлъ, то оно все считается лугомъ. Скудный луговой надѣлъ редуцируется такимъ образомъ на половину или треть. Затѣмъ, такъ какъ пашень въ надѣлѣ оказывается недостаточно, то изъ этихъ луговъ наиболѣе сухая, т. е. лучшая часть опять-таки запахивается, даетъ съ одной стороны негодное хлѣбное поле, а съ другой еще болѣе редуцируетъ размѣры скотоводства, т. е. и удобрения и урожаявъ. Не надо забывать еще одну особенность здѣшняго края. Населеніе здѣсь бѣднѣе и привыкло жить хуже, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, людей, которые удовлетворительно питаются, здѣсь очень мало, а между тѣмъ, кромѣ мяса, здѣсь въ изобиліи навязывается такимъ людямъ рыба. Треска продается по 4 коп. за фунтъ, низшіе сорта свѣжей рыбы можно покупать по 1 и по 2 коп. за фунтъ. Черезъ это цѣны на мясо такъ низки, что содержаніе скота не даетъ никакой выгоды и одинъ убытокъ, его кормятъ только ради навоза. Если сопоставить это обстоятельство съ соблазномъ запахивать луга и съ неизбежнымъ упадкомъ земледѣлія отъ уменьшенія количества скота, то не трудно понять, что ненормальнѣе здѣшнихъ условій сельскаго хозяйства ничего не можетъ быть. Статистика показываетъ, что нигдѣ въ Россіи скотоводство не имѣетъ такихъ ограниченныхъ размѣровъ какъ здѣсь; между тѣмъ, должно быть на оборотъ не только для благосостоянія края, но даже для того, чтобы избѣгать тяжелыхъ кризисовъ и безысходнаго бѣднѣнія. Если смотрѣть на дѣло теоретически, то интересы во всемъ этомъ край показуются вамъ солидарными и условія жизни такими, что обезпеченіе, если не благосостоянія, то безбѣднаго существованія для здѣшняго населенія, должно быть прямымъ результатомъ выгодъ каждой изъ сторонъ. Въ Финляндіи и въ западной части сѣверной Россіи затрудненіе вытекаетъ изъ каменистой почвы: скалы и плоскогорья изъ вывѣтрившагося гранита совершенно неспособны къ какой-бы то ни было обработкѣ; но здѣсь этого нѣтъ, почва хотя не замачива, но къ воздѣлыванію она способна. Населеніе безъ всякаго сомнѣнія можетъ вездѣ найти несравненно болѣе способныхъ къ воздѣлыванію земель, чѣмъ ему нужно и для себя

*

и для будущихъ поколѣній. Оно не только можетъ найти эти земли, но въ урожайные и благопріятныя для земледѣлія и смолокурения годы можетъ и платить за нихъ не разоряясь, на что и изъявляетъ полное свое согласіе, лишь бы получить земли. Подобныя благопріятныя годы составляютъ правило, неблагопріятныя—исключеніе. Съ другой стороны единственные крупныя собственники здѣсь: удѣль и казна имѣютъ существеннѣйшій интересъ въ томъ, чтобы дѣбри и лѣса населились. Эти, безконечныя лѣса доходны только по окраинамъ селеній, вдали же отъ этихъ селеній они не приносятъ и мѣднаго гроша, но лишь только тамъ заведется поселеніе, они сдѣлаются доходными. Черезъ такое переселеніе доходность близкихъ къ поселеніямъ лѣсовъ нисколько не уменьшится и только лѣса эти сохраняются отъ истребленія. Прежде всего никакъ нельзя ожидать, чтобы, черезъ переселеніе внутрь лѣсовъ, населеніе занятыхъ теперь земель уменьшилось; самое большое, что можетъ случиться, это населеніе прироста. Но еслибы неожиданно случилось уменьшеніе, то это было бы благопріятнѣйшимъ изъ обстоятельствъ. Уменьшеніе это можетъ случиться только тогда, когда значительное число переселенцевъ передадутъ свои земли оставшимся жителямъ; но отъ этого крѣже всего увеличится благосостояніе оставшихся, а съ увеличеніемъ благосостоянія увеличится и потребленіе съ ихъ стороны лѣса. Размѣры, въ которыхъ крестьяне пользуются лѣсомъ, прямо обусловливаются ихъ благосостояніемъ. Изба достаточнаго крестьянина втрое и даже вчетверо обширнѣе жилища бѣднаго. Даже изъ подворныхъ описей вы видите, что бѣдные крестьяне владѣютъ только половиной, третью и четвертью избы. Изба бѣдняка имѣетъ два окна, а есть зажиточныя крестьяне, которые живутъ въ избѣ, имѣющей до сорока оконъ. Кромѣ того, бѣднякъ живетъ въ своей скважной лачугѣ безконечно, а зажиточный крестьянинъ живетъ въ своемъ домѣ втрое менѣ времени, чѣмъ бѣднякъ; рядомъ съ новой, просторной избой у него стоитъ старая, которая еще вполне способна быть жильемъ. Съ этимъ, конечно, сообразуется и количество потребляемыхъ ими дровъ. Каждый живущій безбѣдно домохозяинъ, если онъ занимается смолокурениемъ, имѣетъ свою собственную смолокурную печь. Бѣднѣйшимъ смолокурение вовсе недоступно; изъ тѣхъ, которые по своимъ достаткамъ стоятъ уже на уровнѣ этого промысла, менѣ достаточныя имѣютъ только полпечи или третью ея часть. Количество отправляемыхъ крестьянами дровяныхъ плотовъ также сообразуется съ ихъ благосостояніемъ. Изъ этого читатель можетъ вполне убѣдиться, что доходность окружающихъ селенія казенныхъ или удѣльныхъ лѣсовъ сообразуется не столько

от количествомъ населенія въ этихъ деревняхъ, сколько съ нихъ благосостояніемъ. Не надо упускать изъ вида и того, что пользующіеся благосостояніемъ крестьяне никогда не нарушаютъ лѣсныхъ правилъ и, какъ показываетъ опытъ, никогда не штрафуются. Поэтому, съ увеличеніемъ поземельныхъ надѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостоянія крестьянъ чрезъ выселенія части, слѣдуетъ прямо ожидать увеличенія потребленія лѣснаго матеріала и доходности лѣсовъ, уменьшеніе же ни въ какомъ случаѣ послѣдовать не можетъ. Затѣмъ, доходъ съ тѣхъ мѣстъ, куда переселеніе послѣдуетъ, составитъ уже чистую выгоду и притомъ такую, которая превыситъ безъ сравненія все остальное, потому что при малодоходности здѣшнихъ лѣсовъ превратить десятину лѣса въ пашни или луга это все равно, что превратить пустошь въ весьма цѣнную и доходную землю. Воспитанный въ господствующихъ въ западной Европѣ ученіяхъ политико-экономѣ могъ бы, конечно, утверждать, что вышеизложеннаго нами благопріятнаго условія для здѣшняго края вовсе не существуетъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ, находящихся въ крестьянскомъ надѣлѣ, вся остальная земля, т. е. десятки миллионовъ десятинъ находятся въ исключительномъ обладаніи двухъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ: казнѣ и удѣла, изъ которыхъ каждый въ одно и тоже время и монополизтъ и абсентеизтъ и которые сверхъ того, дѣйствуютъ всегда въ полнѣйшемъ согласіи и отнюдь не конкурируютъ другъ съ другомъ. Слѣдовательно, положеніе не только нельзя назвать благопріятнымъ, но оно неблагопріятнѣйшее изъ всѣхъ, какое только возможно себѣ представить. Съ теоретической точки зрѣнія это, конечно, вѣрно, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что казнѣ и удѣлу стоитъ только захотѣть и они могутъ на здѣшнихъ крестьянъ ввалить большія тягости, чѣмъ въ состояніи нести человекъ, нѣсколькими распоряженіями они могутъ накликать на здѣшнихъ людей безконечныя бѣдствія и злоупотребія; но вопросъ въ томъ, захотятъ ли они этого. Опытъ показываетъ, что наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ вовсе нельзя назвать самыми дурными, хотя они ими могутъ быть. Земли азіатскихъ государей управлялись, конечно, такъ дурно, что онѣ превращались, наконецъ, въ совершенныя пустыни. Но въ средніе вѣка въ западной Европѣ церковныя земли управлялись лучше, чѣмъ земли частныхъ собственниковъ и населеніе на нихъ пользовалось значительно большимъ благосостояніемъ. У насъ управленіе казенными землями было блестящее, сравнительно съ управленіемъ помѣщичьихъ. Въ то время, когда на помѣщичьихъ земляхъ вырабатывалось и выработалось крѣпостное состояніе, на-

селеніе казенныхъ земель переходило отъ полуграбской зависимости къ свободѣ и превратилось въ коренное свободное сельское населеніе. Государственные крестьяне всегда составляли и теперь составляютъ ту часть земледѣльцевъ, которая пользуется наибольшимъ благосостояніемъ. Это преимущество такъ велико, что смертность этого населенія равнилась и равняется западно-европейской, между тѣмъ, какъ смертность прочаго населенія имѣетъ ужасающіе размѣры.

III.

Законы и ихъ исполненіе.—Широкія начинанія крестьянъ и горькія разочарованія.

Въ эпоху освобожденія были всѣ основанія предполагать, что на удѣльныхъ земляхъ въ сѣверномъ краѣ положеніе крестьянъ будетъ, по крайней мѣрѣ, столь же благоденственное, какъ положеніе государственныхъ. На основаніи ст. 28 и 30 указа 26-го іюня 1863 года (Собран. узакон., № 478) въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній: Новгородской, Костромской, Вологодской, Вятской, Пермской, Олонецкой и Архангельской крестьяне должны были получить обязательно высшій надѣлъ и въ надѣлъ воспрещено было отдавать только смолокурные кварталы. Этотъ надѣлъ въ Тотемскомъ и отчасти Вельскомъ уѣздѣ составлялъ 8 десятинъ, въ другихъ частяхъ Вельскаго уѣзда, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Сольвычегодскомъ, Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ, Вытегорскомъ 7 дес., въ Кадниковскомъ, Варнавинскомъ, Ветлужскомъ, Макарьевскомъ, Демянскомъ, Устюжскомъ, Оханскомъ 6 дес., въ другихъ семи уѣздахъ Новгородской губерніи 5½ десятинъ. Въ остальныхъ пяти и только въ пяти уѣздахъ 4½ десятинъ. Не надо забывать, что, на основаніи ст. 79 того же указа, выкупные платежи назначаются только за ту землю, которая числилась за крестьянами до изданія указа по табелямъ поземельнаго сбора, вся же остальная земля, наръзаемая имъ по статьямъ 28 и 30-й, предоставляется имъ въ собственность безвозмездно ради обезпеченія ихъ благосостоянія. Законы эти написаны были на основаніи данныхъ, представленныхъ людьми вполне знакомыми съ мѣстными условіями, и потому въ редакціи ихъ рѣшительно ничего не было случайнаго, благосостояніе населенія могло быть обезпечено только при самомъ точномъ и правильномъ ихъ исполненіи. Мало этого, исполненіе неизбежно должно было быть въ томъ же самомъ гуманномъ духѣ, въ которомъ они были на-

писаны. Стоит читателю только нѣсколько ознакомиться съ условіями здѣшной жизни, чтобы понять это. Въ табель поземельнаго сбора попали здѣсь только тѣ земли, которыя были расчищены при первоначальныхъ поселеніяхъ; такъ какъ расчистка земель очень затруднительна, то они и составляли ничтожные клочки, которые были недостаточны для прокормленія даже прежняго малаго населенія. И тогда это населеніе содержалось отчасти привознымъ и покупнымъ хлѣбомъ и при легкости смолокуренія оплачивало этимъ путемъ и свои сборы и хлѣбныя закупки. По мѣрѣ же того, какъ населеніе увеличивалось, а доходность смолокуренія и лѣсныхъ промысловъ для крестьянъ уменьшалась, довольствоваться такимъ количествомъ воздѣлываемыхъ земель для нихъ было рѣшительно невозможно. Это вынуждало ихъ дѣлать новыя расчистки въ лѣсахъ, расчистки по ихъ затруднительности опять таки дѣлались въ возможно меньшихъ размѣрахъ. Въ то время, когда наше образованное общество толковало о лядномъ и т. д. хозяйствѣ на сѣверѣ и воображало себѣ, что здѣшній крестьянинъ шута расчищаетъ себѣ десятинку, другую земли въ лѣсу, воздѣлываетъ ее года три или пять и потомъ бросаетъ, и что крестьяне въ своихъ земледѣльческихъ работахъ разбрасываются на огромныхъ пространствахъ, дѣйствительность представляла совершенно иное явленіе. По трудности обработки крестьянинъ воздѣлывалъ такъ мало, какъ только было возможно, и, разъ очистивъ и воздѣлавъ въ лѣсу землю, онъ придерживался ея изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чтобы понять причину, стоитъ ознакомиться съ здѣшними лѣсами. Если бы вы вдумали двигаться въ здѣшнихъ лѣсахъ по прямой линіи, въ какомъ угодно направленіи, то пройдя сажень десять или пятнадцать по сухому мѣсту, вы попадали бы въ болото, а черезъ десять или пятнадцать саженой опять на сухое мѣсто и такъ далѣе безъ конца. Дороги, чтобы избѣгать этихъ болотъ, должны идти езкомечными извилинами, да и то никогда ихъ избѣгнуть не могутъ. Расчистить достаточный клочекъ земли, чтобы сдѣлать изъ него пашню или лугъ, и не попасть въ болото, почти не возможно. Поэтому, для того, чтобы земля сдѣлалась удобною, ее нужно сначала осушать. Расчищенное въ лѣсу мѣсто, непремѣнно огороженное, часто изрѣзано канавами, а такъ какъ покатость почвы очень незначительная, то канава должна быть ведена на далекое разстояніе прежде, чѣмъ она достигнетъ естественнаго стока воды; мѣстами эти каналы должны быть очень глубоки. Въ маѣ мѣсяцѣ лѣсныя дороги дѣлаются не проходимыми, мѣстность представляется площадью непрерывныхъ во всѣ стороны острововъ, окруженныхъ гладью водной

поверхности. Эта гладь, таинственно разстилающаяся под тѣнью деревьевъ, представляетъ живописное зрѣлище, но для земледѣльца она источникъ тяжкихъ заботъ. Никакая часть его пашни превращается въ жидкое мѣсиво и грязь; когда вода стечетъ, канава его часто оказывается не только попорченною, но окончательно засоренною и не дѣйствующею, нужно ее снова прорывать и возобновлять. Сверхъ осушенія нужно почву еще унавозить и непременно зимою, иначе унаваживаніе не будетъ достаточно дѣйствительнымъ; для этого, съ величайшимъ трудомъ для своей лошади и для себя, крестьянинъ по глубокому снѣгу прокладываетъ дорогу, которая каждый день заносится метелями. Прибавьте къ этому самую тщательную обработку и работу лѣтомъ до окончательнаго изнуренія силъ и до безпамятства, лѣто уходитъ быстро, какъ мечта, каждый часъ сна даетъ недѣли голода и страданій зимою. Не забывайте и того, что расчистка сопряжена часто съ большимъ рискомъ, такъ, что всѣ труды и усилія могутъ въ концѣ быть потрачены даромъ. Въ Вельскомъ уѣздѣ напр., близъ верховья, вы встрѣчаете рядъ холмовъ, которые были обращены въ пашню и не дали никакого урожая. Послѣ этого вы поймете что къ своему полю, воздѣланному въ лѣсной тишинѣ, здѣшній крестьянинъ привязанъ болѣе, чѣмъ къ лошади, къ ребенку и къ женѣ. По собственному его выраженію, онъ на нее молится; если бы онъ былъ язычникъ, то навѣрное онъ превратилъ бы ее въ божество, онъ кланялся бы ей до земли и приносилъ бы ей жертвы. Принадлежащимъ крестьянину считалось только то, что числилось за нимъ по табели и за это онъ уплачивалъ свой оброкъ. Поэтому, когда вы читаете указъ отъ 26-го іюня 1863 г., вы удивляетесь его великодушію: огромныя пространства земли онъ нарицываетъ въ собственность крестьянъ безъ всякаго возмездія и вознагражденія. Между тѣмъ если вы познакомитесь съ дѣломъ, то оно будетъ представляться вамъ мѣсколько въ другомъ свѣтѣ. Если бы за крестьянами утверждена была только та земля, которая числилась за ними по табелямъ, то они силою превращены были бы въ аполучивѣйшихъ пролетаріевъ. По табели значилось за ними часто вполнѣ менѣе низшаго надѣла; этой земли было бы недостаточно и для прокормленія въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году, объ уплатѣ выкупныхъ платежей и сборовъ и говорить нечего. Приведемъ примѣръ. За Шеговарскимъ обществомъ Предтеченской волости по табели значилось 1,460 д. 600 саж.—По инструментальному измѣренію оказалось уже, что число десятинъ было уменьшено. Измѣреніе это дало 1,952 д. 185 с., но и этого было далеко недостаточно для того, чтобы удовлетворить требованіямъ низшаго надѣла; по-

этому земля общества была увеличена до 2,705 дес., 38 с., т. е. въ размѣрахъ своихъ почти удвоена противъ табели и тогда только достигнуть бытъ низшій надѣлъ. Законный минимумъ надѣла составлялъ 2 д. 800 квад. сажень, а крестьяне получили 2 д. 2,099 с., только на поддесятинны болѣе. Въ томъ числѣ третья часть неудобный кустарникъ, который не годенъ ни на что, даже на дрова и, на которомъ нѣтъ даже травы, а одинъ мохъ. За тѣмъ поддесятинны луговъ, изъ которыхъ двѣ трети, какъ это всегда здѣсь бываетъ, негодны для сѣношенія, такъ что въ сущности онъ имѣеть на душу 400 квад. саж. луга съ жидкой сѣверной растительностію, затѣмъ, въ обонъ поляхъ по поддесятинны пашни, изъ которыхъ годной по 800 кв. саж. Всего вмѣстѣ годной земли онъ имѣеть для дѣйствительнаго пользованія $\frac{5}{6}$ десятины, съ этого онъ долженъ существовать и оплачивать сборы, и это при здѣшнихъ урожаихъ и голодухахъ. Разсматривая условія здѣшней жизни, никогда не нужно упускать изъ вида того обстоятельства, что здѣсь сплошь годной земли вовсе нѣтъ. Существуютъ даже и въ южныхъ частяхъ огромныя пространства вовсе никуда негодной тундры и трасины, которую и осушить невозможно; затѣмъ, то, что здѣсь называется удобной и даже прекрасной землей, это такая почва, изъ которой всегда часть негодна. Подумайте, что было бы, еслибы крестьяне были надѣлены по табеламъ. Въ поманутомъ шеговарскомъ обществѣ взрослый работникъ получалъ бы 200 кв. саж. луга и 800 кв. саж. пашни на душу или 2,000 кв. саж. луговъ и пашенъ на дворъ и на семейство. Это равнялось бы приговору къ голодной смерти; объ оплатѣ какихъ-либо об озовъ, платежей и сборовъ и о выполненіи повинностей и говорить нечего. Поэтому, законодатели вступили въ высшей степени осмотрительно, когда для наиболѣе сѣверныхъ уѣздовъ установили минимумъ надѣла отъ 2 десятины до 2 десят. 1,600 кв. саж. на душу. Хотя, по табели, за крестьянами и значилось очень мало земли, но въ дѣйствительности о существованіи этой табели крестьянинъ даже и не зналъ. Онъ пользовался землею и лѣсомъ свободно съ незапамятныхъ временъ и считалъ все это своимъ на томъ самомъ основаніи, какъ считали его предки, впервые здѣсь поселившіеся въ то время, когда о Россійской Имперіи не было еще и помину. Онъ также свободно пользовался и также смотрѣлъ на дѣло до самаго изданія указа 26-го іюня 1863 г. Онъ и не зналъ, что собственность земли утверждена была за удѣломъ, существованіе указовъ, которыми земля отнята была у его предковъ, осталось для него неизвѣстнымъ, точно такъ же, какъ ему было неизвѣстно, что онъ платилъ сборы раз

ныхъ наименованій, изъ которыхъ одна часть поступала въ казну, другая въ удѣлъ и т. д. Всѣ свои платежи онъ безразлично навывалъ то подушной, то оброкомъ. Удѣлъ былъ для него начальство, котораго онъ обязанъ былъ слушаться безпрекословно и платить, сколько прикажутъ. Хотя въ поминутыхъ статьяхъ 28 и 30 и было сказано, что полный семидесятиный надѣлъ долженъ быть наръзанъ крестьянамъ сверхъ таблицы изъ дровянаго лѣса и кустарника, но еслибы за крестьянами оставлены были, руководствуясь общимъ духомъ законодательства объ освобожденіи крестьянъ, всѣ тѣ земли, которыя они воздѣлывали и которыми они исключительно пользовались съ незапамятныхъ временъ, то семидесятиный надѣлъ составилъ бы почти исключительно изъ старинныхъ пашень и луговъ. Принимая въ соображеніе условія здѣшной почвы, крестьянинъ при семидесятиномъ надѣлѣ имѣлъ бы на дворѣ около десятины дѣйствительно годныхъ луговъ и около трехъ десятинъ пашни, кромѣ того, выгонъ, а можетъ быть, и нѣсколько дровъ. Это максимумъ того, что можно ожидать отъ подобнаго надѣла. Въ Аванасьевской волости дѣйствительный надѣлъ составляетъ 3 десятины 1,819 кв. саж., и оказывается, что въ томъ числѣ пахатной земли и худой, и коршой во всѣхъ трехъ поляхъ всего 1,806 кв. саж., а луговъ около 2,000 кв. саж. Луговъ, слѣдовательно, больше, но крестьяне жалуются именно на недостатокъ луговъ, потому что только незначительная часть ихъ годна къ употребленію. Еслибы этотъ надѣлъ увеличить до законнаго надѣла семи десятинъ, то пашень оказалось бы и худыхъ, и хорошихъ всего полторы десятины, а луговъ десятина и двѣ трети, вмѣстѣ же съ небольшимъ три десятины. При скудности здѣшнихъ урожаевъ даже четыре десятины годныхъ пашень и луговъ были бы только достаточны для прокормленія семьи крестьянина, сборнъ ему пришлось бы преимущественно оплачивать съ помощью подсобнаго промысла, но существовать все-таки для него было бы возможно. Онъ платилъ бы больше, чѣмъ онъ платилъ до указа 1863 года и пользовался бы меньшимъ, такъ что былъ бы бѣднѣе прежняго, но онъ все-таки могъ бы существовать и питаться надеждой, что черезъ тридцать девять лѣтъ его потомки будутъ въ состояніи вести болѣе обеспеченный образъ жизни, если удобства полной собственности надъ надѣленными землями не будутъ уничтожены приростомъ и болѣею густотою населенія. А такъ какъ скорѣе всего слѣдуетъ ожидать послѣдняго обстоятельства, то ясно, что закономъ сдѣлано было только то, что было неизбѣжно для обезпеченія населенія. Выраженія закона отличаются даже такою осторожностью, которая объясняется только опасеніями, чтобы

во время волненія умовъ, неизбежнаго при такомъ рѣшительномъ поворотѣ, не возникло излишнихъ требованій. Поэтому въ законѣ не говорится, что всѣ земли, которыя были въ пользованіи крестьянъ, останутся за ними, какъ это сказано по отношенію къ государственнымъ и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, а устанавливается за ними только право на земли, записанныя по табелямъ и недостаточныя для нившаго надѣла. Затѣмъ, при установленіи обязательнаго высшаго надѣла опять-таки не говорится, чтобы въ составъ этого надѣла непременно включать издавна обрабатываемыя крестьянами лѣсныя пашни и луга, а это оставляется на произвольное администраціи, которая, вмѣсто всякихъ удобныхъ земель, могла ихъ надѣлить нигде негоднымъ кустарникомъ на болотахъ и т. п. Несмотря на это, еслибы надѣлы крестьянамъ производились въ то время, когда надѣлялись землею помѣщичьи крестьяне, тогда, вѣроятно, исполненіе закона послѣдовало бы въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Необходимость показать другимъ землевладѣльцамъ примѣръ либеральнаго образа дѣйствій вынудилъ бы къ этому. Къ сожалѣнію, надѣлы производились, наоборотъ, въ самое неблагоприятное для этого время. По окончаніи освобожденія, помѣстное дворянство было въ самомъ реакціонерномъ настроеніи, ему казалось, что, подъ вліяніемъ могущественнаго либеральнаго движенія, оно вынуждено было сдѣлать слишкомъ большія уступки, въ тоже время раздавалось еще много громкихъ голосовъ, которые утверждали, что надѣлы слишкомъ незначительны, что они не обезпечиваютъ крестьянъ, что ихъ платежи слишкомъ велики и что для улучшенія благосостоянія нужны еще новыя реформы. Помѣстное дворянство всѣми своими силами старалось парализовать этотъ крикъ и установить другой взглядъ на крестьянина, его свойства и его потребности. Со всѣхъ сторонъ начали утверждать, что русскій крестьянинъ имѣетъ будто бы неслѣдную страсть разбрасываться и захватывать земли не по силамъ, что эта страсть обурекаетъ его на горе для сельскаго хозяйства, для страны и даже для него самого. Онъ истощаетъ почву и разоряетъ себя неслѣпѣйшей культурой; въ особенности онъ лѣсонстребитель по своей природѣ, и его лядное хозяйство есть гибель и для почвы, и для лѣса, а потому ему отнюдь не слѣдуетъ давать въ руки лѣсовъ. На северѣ онъ владѣетъ громадными пространствами: въ Олонецкой и Вологодской губерніяхъ приходится по 25-ти и 26-ти десятинъ на дворъ. Все это сначала до конца была неслѣпѣйшая болтовня и самый невѣжественный вздоръ; однакоже, эта болтовня поддерживалась съ такой энергіей и такимъ дружнымъ говоромъ массы землевладѣльцевъ, что она начала переходить въ общее

убѣжденіе незнакомаго съ дѣломъ общества, стала поддерживаться и высказываться печатно даже либеральнѣйшими изъ землевладѣльцевъ, которые до того были ослѣплены и до того считали своихъ собратій по землевладѣнію замятыми и обиженными, что наивно вѣрили всему этому. Всѣ дутыя цифры они принимали за реальныя истины и достовѣрныя статистическія данныя. Они полагали, что крестьяне на сѣверѣ дѣйствительно владѣютъ всѣми этими десятками миліоновъ десятинъ, по которымъ здѣсь разрослись сплошныя лѣса, хотя они едва владѣли нѣсколькими десятками тысячъ. Этотъ шумъ ниѣтъ и не могъ не имѣть существеннѣйшее вліяніе на размѣръ и качество надѣловъ въ полосѣ сплошныхъ лѣсовъ. На мѣстѣ были большею частью исполнители, пріѣхавшіе изъ далека; всѣмъ руководили изъ Петербурга. Въ Петербургѣ же это дѣло было въ рукахъ теоретиковъ, которые никогда здѣсь не бывали, административныхъ порядковъ не знали, обо всемъ судили по книгамъ и бумагамъ и сверхъ того увлекались мнѣніемъ того круга, въ которомъ вращались и который былъ самымъ усерднымъ распространителемъ басенъ на счетъ того, что крестьяннѣе по природѣ своей лѣсонстроитель и легкомысленно склоненъ захватывать землю не по силамъ для хищническаго хозяйства и собственнаго раззоренія. Вотъ почему, вѣроятно, съ самыми лучшими намѣреніями, изъ Петербурга настаивали, чтобы крестьянамъ давать по возможности менѣе земли для того, чтобы не породить хищническаго хозяйства и захватовъ, которые по мнѣнію петербуржцевъ должны были раззорить самихъ захватившихъ. Въ Петербургѣ воображали, что значившіяся по табелямъ поземельнаго сбора земли и составляютъ именно все, съ чего живутъ и оплачиваютъ свои сборы крестьяне, хотя это были такіе ничтожныя клочки, что съ нихъ можно было жить развѣ только подъ экваторомъ, гдѣ нѣсколькихъ хлѣбныхъ деревьевъ или пальмъ достаточно для прокормленія семейства въ теченіи цѣлаго года. Въ особенности исполнители должны были заботиться, чтобы лѣса не попадали въ руки крестьянъ, и потому назначать смолокуренные кварталы возможно ближе къ селеніямъ. Исполнители, конечно, готовились показать большее усердіе, чѣмъ отъ нихъ требовали руководители изъ центра. Въ то время, когда въ такомъ настроеніи приступали къ надѣлу земель, крестьяне одушевлены были идеями прямо противоположнаго характера. Они представляли себѣ, что улучшеніе ихъ бытія обѣщано и непременно должно совершиться, что настаетъ время, когда они отдохнутъ отъ всѣхъ своихъ страданій. Статьи 23-й указа 26-го іюня 1863 года, въ которой они получали

право только на табельныя земли, они не знали, а еслибы имъ кто нибудь прочелъ ее, то они бы ничего не поняли, они были менѣе всего казуисты и содержаніе табелей поземельнаго сбора было имъ окончательно неизвѣстно. Они знали одно, что по всей Россіи въ надѣль и бывшимъ крѣпостнымъ и государственнымъ крестьянамъ идутъ всѣ земли, которыми они владѣли до освобожденія, а что имъ сверхъ того еще велѣно нарѣзать никакъ не менѣе семи десятинъ на душу, а потому они были вполне увѣрены, что получать въ надѣль не только всѣ земли и лѣса, которыми они владѣли, но еще болѣе того и что въ тоже время платежи ихъ уменьшатся. Они приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Такъ, напримѣръ, въ огромной Великомихайловской волости болѣе ста деревень согласились имѣть общую землю. Въ однихъ частяхъ этой волости преобладали луга, въ другихъ лѣса и они рѣшили между собою, что луговныя селенія допустить лѣсныя къ своимъ лугамъ, а лѣсныя въ замѣнъ того допустить луговныя къ своимъ лѣсамъ и такимъ образомъ каждый крестьянинъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ всѣ угодья, которыя ему нужны. Только одинъ русскій крестьянинъ способенъ дѣлать такія вещи: въ цѣломъ свѣтѣ вы не найдете ничего подобнаго такимъ широкимъ начинаніямъ по отношенію къ землѣ. Это достойно было поощренія въ высшей степени, но къ несчастію вмѣсто поощренія встрѣтило противодѣйствіе. И тутъ крестьяне не сошлись во взглядахъ съ исполнителями. Эти толковали о злѣ черезполосности и, ради уничтоженія этого, будто бы, существа зла, толковали о раздѣленіи земель между обществами разъ навсегда. Они упустили изъ виду одно, что природа въ распредѣленіи угодій не сдумѣла примѣниться къ установленному администраціею дѣленію на общества и раскинула ихъ повсюду широкой, размахистой рукой, въ одномъ мѣстѣ развернула луга и безъ конца, въ другомъ лѣса и опять таки безъ конца. Надѣлите общество преимущественно лугами и ему останется одно, за недостаткомъ лѣсныхъ промысловъ, налечь на земледѣліе и преимущественно запахивать эти луга, и безъ того недостаточныя; въ страхѣ луга будутъ уничтожаться и лѣсныя общества будутъ лишены возможности держать скотъ для удобренія своихъ полей. Крестьяне стояли упорно на своемъ, ихъ постигло величайшее изъ разочарованій. Вмѣсто высшаго надѣла имъ давали низшій и лѣса отъ нихъ отрѣзали. Луговныя селенія взбунтовались теперь противъ лѣсныхъ. За что они будутъ уступать имъ свои луга, если тѣ не въ состояніи надѣлать ихъ лѣсами? Лѣсныя ожесточенно настаивали: не погнѣбать же имъ безъ

луговъ. Къ довершенію неурядицы оказались одно или два общества, которыя получили полный семидесятинный надѣлъ. Въ Березнинскомъ обществѣ Устьважской волости 160 душъ получили 1093 дес. 686 с. по 6 дес. 1999 с. на душу. Веркопаденское общество Устьпаденской волости 444 души получили 3098 дес. 1600 с. по 6 дес. 2374 с. на душу. Шелашское общ. на 400 душъ получило 2753 дес. 804 с. по 6 дес. 2126 с. на душу. Конечно, тотчасъ же распространился ложный слухъ, что надѣлъ этотъ былъ полученъ отъ мѣстныхъ чиновниковъ за значительную взятку. Всѣ теперь были увѣрены, что малые надѣлы составляютъ просто злоупотребленіе мѣстной администраціи, которую крестьяне и возненавидѣли отъ всей души. Положеніе чиновниковъ дѣлалось невыносимымъ. Рассказываютъ анекдотъ, будто одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, которому удалось склонить одно общество принять уставную грамоту, до такой степени этому обрадовался, что выставилъ крестьянамъ на свой счетъ водку. Но послѣдствія были печальныя. Если посредникъ покупаетъ водку, разсуждали крестьяне:—значитъ онъ имѣетъ тутъ какую нибудь корысть, а слѣдовательно дѣло нечисто. Упрямство крестьянъ сдѣлалось окончательно неодолимымъ; они поголовно отказывались подписывать уставныя грамоты, убѣждая ихъ была пустая трата времени.

IV.

Понятія переселенія. — Жалкія послѣдствія произвольнаго неконсенснаго иконевъ.—Захватъ земель богатыми людьми.

Разочарованные крестьяне пытались подыматься массами для переселенія на югъ. Чтобы читатель могъ получить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ быстро разливалось подобное движеніе, я представлю ему нѣсколько данныхъ. 9-го октября 1864 г., 4 семейства Ямско-горскаго общества, въ числѣ 24 человекъ, первыя рѣшились на переселеніе въ Оренбургскую губернію. Они подали прошеніе и указывали даже мѣсто, село Павловское, Оренбургскаго уѣзда, куда желали переселиться; 14-го октября подано было прошеніе еще двумя, въ составѣ 15 человекъ; 28-го октября увольнительный приговоръ выданъ былъ уже 9 семействамъ, въ составѣ 45 человекъ. 2-го ноября изъ Устьегоскаго общества подали прошеніе о переселеніи 23 семейства, въ числѣ 141 человекъ. 4-го ноября еще 18 семействъ и 111 человекъ. Въ то время, какъ въ этихъ двухъ обществахъ увеличивалось

число желающих, 13-го ноября къ нимъ присоединилось третье Шеговарское общество, въ числѣ 25 лицъ; 18-го ноября движеніе распространилось еще на два общества: Предтеченское въ числѣ 45 лицъ и Химаневское въ числѣ 70 лицъ. Встрѣчая въ мѣстномъ начальствѣ противоудѣйствіе своему стремленію, крестьяне дѣлались настоятельнѣе, они старались окончательно разорвать связь между собою и тѣмъ обществомъ, къ которому принадлежали, и всячески поощрялись къ этому всею массою крестьянъ. Они полагали, что если связь эта будетъ окончательно порвана и они сдѣлаются бездомными пролетаріями, то начальству некуда будетъ ихъ дѣть и оно вынуждено будетъ ихъ переселить, вотъ почему того же 18-го ноября шеговарскіе крестьяне сдѣлали заявленіе о томъ, что они отказываются отъ пользованія землей. Между тѣмъ, почти каждый день число желающихъ переселиться увеличивалось: 25-го ноября къ нимъ присоединились кнѣзкіе, 30-го ноября сметанинскіе крестьяне. Начальство встревожилось, началось дознаніе о томъ, нѣтъ ли между крестьянами распространителей неблаговидныхъ и ложныхъ слуховъ. По дознанію оказалось, что никакихъ подобныхъ слуховъ между крестьянами не распространяется, а причина, почему они поднимаются массами, заключается въ томъ, что по проектамъ уставныхъ грамотъ надѣлъ земли очень малъ, смолочуреніе стѣснено и что съ введеніемъ ихъ крестьяне опасаются попасть въ безвыходную нужду. Мѣры начальства сдѣлались энергичными. 1-го декабря послѣдовало предписаніе отъ губернатора о воспрещеніи крестьянамъ переселиться безъ разрѣшенія и объ установленіи за ними надзора. Крестьяне отказались дать подписку въ слушаніи этого распоряженія и стали принимать дальнѣйшія мѣры, которыя по ихъ мнѣнію должны были побудить начальство къ уступчивости. Они думали, что чѣмъ они сдѣлаютъ себя несчастнѣе, тѣмъ скорѣе они достигнутъ своей цѣли, поэтому они распродавали свое имущество за безцѣнокъ и превращали себя въ злополучнѣйшихъ голяковъ. Несмотря на внимательство губернатора, движеніе продолжало расти, стало пробовать всякіе повороты, просьба 8-го декабря подана была уже о переселеніи въ Херсонскую, а не въ Оренбургскую губернію. Но чѣмъ настойчивѣе развивалось движеніе, тѣмъ дѣятельнѣе дѣлались мѣры начальства; оно было убѣждено, что если не будутъ приняты самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры, то значительная часть всего края подыметъ массами на переселеніе. Я не имѣю цѣлью описывать здѣсь дальнѣйшую судьбу этого движенія, а хотѣлъ только показать, какъ сильны были въ крестьянахъ опасенія, порожденныя новымъ сборомъ дѣла при введеніи уста-

ныхъ грамотъ и къ какому отчаяннѣму мѣрамъ эти описанія заставляли ихъ прибѣгать. Оказалось, что они не имѣли никакихъ положительныхъ свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ переселенія, но ожидавшая ихъ судьба казалась имъ такой ужасной, что въ нихъ родилось убѣжденіе, что хуже имъ нигдѣ быть не можетъ. Когда переселеніе массами не удалось, крестьяне вознамѣрились произвести столь-же единодушное движеніе въ другомъ направленіи: всѣ общества безъ исключенія собирались не подписываться подъ уставными грамотами, а подавать жалобы въ губернска по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, министерству внутреннихъ дѣлъ и домогаться до тѣхъ поръ, пока законъ о семидесятиномъ надѣлѣ не получитъ полного исполненія. Поданныя жалобы, однако-же, отвергались и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на основаніи удостовѣреній мировыхъ посредниковъ, что нѣтъ свободныхъ земель для надѣла домогающихся обществъ. Удостовереніямъ этимъ давалась вѣра, хотя и трудно было представить, чтобы въ странѣ, гдѣ изъ трехсотъ десятинъ одна приходится въ крестьянскомъ надѣлѣ, не было свободныхъ земель. Край пришелъ въ волненіе, но тотчасъ-же распространился между крестьянами слухъ, что всякій кто приметъ на себя ходатайство за крестьянъ, будетъ арестованъ. Фактъ, что довѣренныя отъ крестьянъ были арестованы, несомнѣнны, а за что неизвѣстно. Старшины и старосты отказывались съзывать сходки, вліятельные крестьяне—принимать на себя званія довѣренныхъ. Крестьянъ увѣрили, что совершенно достаточно, если они откажутся отъ подписанія уставныхъ грамотъ, хотя это-то именно и не имѣло никакого практическаго значенія, такъ какъ уставныя грамоты получали законную силу и безъ подписи крестьянъ. Дѣло приведено было благополучно къ концу: крестьяне получили надѣлы, только на жалкія сотни сажень превышающіе законный минимумъ; край былъ спокоенъ, въ Петербургѣ считали спокойствіе края доказательствомъ вѣрности своего взгляда, мѣстные чиновники получили награды. Поведеніе крестьянъ въ этомъ случаѣ вполне заслуживаетъ того, чтобы общество обратило на него вниманіе. Несмотря на величайшій соблазнъ, которому они подвергались, они остались спокойными; несмотря на сильнѣйшее возбужденіе умовъ, они не принимали никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ такихъ, которыя они считали вполне законными, и даже отъ этихъ они отказывались, если ихъ увѣрили, что онѣ будутъ сочтены за сопротивленіе намѣреніямъ правительства. По ихъ мнѣнію, у нихъ были отняты земли, которыя находились въ вѣковомъ ихъ владѣніи, отняты наперекоръ ясному смыслу закона и подъ ничтожнымъ предло-

гомъ. Предлогъ этотъ заключался въ томъ, что земли эти объявлены были смолокурными кварталами, которые по закону не могли быть отдаваемы въ надѣль. Мировой посредникъ, увидавъ на планѣ кругомъ смолокурные кварталы, удостовѣрялъ, что для надѣла крестьянъ нѣтъ свободныхъ земель. Объявлять кварталъ смолокурнымъ зависѣло вполне отъ произвола удѣльнаго начальства; они объявляли смолокурными кварталами пашни, выгоны; еслибы это было не слишкомъ дико, они могли бы объявить и мхи, пожалуи, и усадьбы. Поэтому объявленіе какой-нибудь земли смолокурнымъ кварталомъ рѣшительно ничего не значило. Воспрещеніе уступать смолокурные кварталы пошло въ законъ чрезъ недоувѣріе къ мѣстному чиновничеству. Законодатели опасались, чтобы всѣ удѣльныя земли, способныя приносить доходъ, не были розданы крестьянамъ подъ разными предлогами, а удѣлу оставлены одни никуда не годные лѣса. Но при новомъ направленіи и личномъ составѣ чиновничества вышло прямо обратное: чиновники рѣшили не излишествомъ пренебреженія къ вѣренному имъ интересу, а излишествомъ усердія къ нему и поставили крестьянъ въ невозможное положеніе. Нельзя прямо обвинять законодателей за ихъ предусмотрительность, потому что опасность дѣйствительно существовала и даже оказалась на практикѣ. Въ одномъ мѣстѣ крестьянамъ было нарѣзано по десяти десятиамъ на душу, и еслибы не было принято энергическихъ мѣръ противъ такого направленія надѣловъ, то и это направленіе могло бы сдѣлаться такимъ же преобладающимъ, какимъ сдѣлалось направленіе излишняго усердія. За возможность такого исхода говорило уже и то обстоятельство, что табельныя земли, при повѣрѣ ихъ, оказывались иногда на дѣлѣ въ полтора раза значительнѣе, чѣмъ на бумагѣ. Этотъ примѣръ всего яснѣе убѣждаетъ насъ въ тѣхъ опасностяхъ, съ которыми сопряжено слишкомъ крупное землевладѣніе, въ особенности, если землевладѣлецъ въ то же время и законодатель. Не имѣя никакой возможности лично удостовѣриться въ положеніи дѣла, онъ легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе, а желая оградить себя отъ обмана, онъ можетъ противъ своего желанія сдѣлать несчастнымъ цѣлый край и, самъ не подозревая этого, создать великую общественную опасность. Во всякомъ случаѣ, здѣшніе крестьяне имѣютъ несомнѣнное право на благодарность со стороны владѣльцевъ удѣла за то долготерпѣніе, съ которымъ они выжидаютъ, пока до нихъ дойдутъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣла, и нова владѣльцами найденъ будетъ удобный для нихъ путь къ исправленію зла и къ осуществленію сдѣланныхъ закономъ предписаній и общаній. Въ настоящее

же время окончательный результат надѣленія здѣсь крестьянъ слѣдующій. Значительная часть пахатныхъ земель, которыя составляли въ прежнее время главный источникъ пропитанія крестьянъ, теперь отрѣзана отъ нихъ подъ именемъ смолокуренныхъ кварталовъ. Черезъ ложное положеніе, которое имъ дано, земли эти потеряли всякую цѣну и всякое значеніе. Съ одной стороны, неудобно ихъ отдавать мѣстнымъ удѣльнымъ начальникамъ, такъ какъ на бумагѣ они значатся лѣсомъ, а не пашнями, а съ другой, крестьяне упорно отказываются ихъ брать за какую бы то ни было цѣну. Мѣстные чиновники, можетъ быть, и нашли бы путь отдавать ихъ въ аренду подъ предлогомъ расчистокъ, но крестьяне охватываютъ самое рѣшительное сопротивление, они убѣждены, что, не подписавъ уставной грамоты, они сохранили за собою право получить семидесятинные надѣлы, и именно старья свои лѣсными пашнями; если же они будутъ брать эти земли въ аренду, то они, по ихъ мнѣнію, признаютъ этимъ право удѣла на земли и лишатся своихъ собственныхъ. Это не такъ нелѣпо, какъ можетъ показаться иному читателю; вѣдь, если я свою вещь, которую завладѣлъ другой, возьму отъ этого другого по письменному условію въ наймы или въ займы, то я этимъ самымъ отрекусь отъ своего и признаю его право собственности. Какъ бы то ни было, но замѣчательно, что даже саміе бѣдные крестьяне скорѣе согласны погибать отъ нужды, нищенствовать и бродяжничать, чѣмъ арендовать эти земли; онѣ бесплодно зарастаютъ нигуда не годнымъ верескомъ и можжевельникомъ. Можно было бы предполагать, что затрудненіе это устранено для тѣхъ обществъ, которыя взяли удѣльные лѣса въ свое охраненіе, но это отнюдь не такъ. Удѣлы накладываютъ тутъ штрафы точно такъ же, какъ и за охраненіе имъ лѣса, и еслибы крестьянамъ вздумалось смотрѣть на взятые въ охраненіе лѣса, какъ на арендованныя земли, и они стали бы пахать въ нихъ старинныя свои пашни, то имъ пришлось бы плохо. Крестьяне надѣялись подобно государственнымъ крестьянамъ получить лѣсной надѣлъ, но объ этомъ не было и помину. Выгоновъ они не получили. Затѣмъ среди того инашого надѣла, который имъ нарѣзали, почти безъ исключенія выдѣлялись еще лучшія земли въ пользу удѣла и немногихъ богатыхъ крестьянъ. Эти вырѣзки образовались слѣдующимъ образомъ. Въ прежнія времена удѣлы имѣли земли, которыя воздѣлывались въ его пользу обязательнымъ трудомъ. Такъ какъ удѣлы считали всю землю своею собственностію, то подлѣ эти участки брали землю гдѣ и какую хотѣли. Имѣя въ виду освобожденіе, мѣстное чиновничество позаботилось о томъ, чтобы

этимъ землямъ дать возможно большій размѣръ, и въ составъ ихъ вошли лучшіе и ближайшіе къ селеніямъ участки. Такимъ образомъ крестьяне были надѣлены болѣе плохими землями, всѣ же лучшія пашни и луга отошли въ удѣлу; кромѣ того, эти земли были расположены въ самой серединѣ крестьянскихъ земель, невыгоднѣйшимъ для нихъ образомъ. За тѣмъ богатые крестьяне или, правильнѣе сказать, купцы и капиталисты овладѣли остальными лучшими землями подъ названіемъ лѣсныхъ болотъ, кустарниковъ и т. д. Эти земли они или приобрѣтали, или забрали на долгіе сроки, напримѣръ, на сорокъ лѣтъ, подъ предлогомъ расчистки. Захватъ лучшихъ крестьянскихъ луговъ и пашень богатыми людьми подъ предлогомъ расчистки болотъ и кустарниковъ составляетъ старинное злоупотребленіе на сѣверѣ. Земли подъ пашни расчищались здѣсь исключительно бѣдными людьми и, несмотря на то, что это дѣлалось съ большимъ трудомъ, они никогда не заявляли на эти земли никакихъ особенныхъ правъ; луту не казалось имъ болѣе естественнымъ, какъ то, что эти земли тотчасъ послѣ того, какъ онѣ сдѣлались воздѣланными, поступали въ составъ общественныхъ земель. Если онѣ оставались въ ихъ владѣніи безъ передѣла пять лѣтъ, то они считали труды свои вполне вознагражденными. Однакоже, пятилѣтній передѣлъ составляетъ здѣсь рѣдкое исключеніе, чаще всего передѣлы производятся черезъ болѣе продолжительные сроки, а еще чаще подобныя земли долго оставались во владѣніи перваго воздѣлвателя, прежде чѣмъ обществу приходила мысль включить ихъ въ передѣлъ. Когда, при введеніи уставныхъ грамотъ, подобныя земли массами были отрѣзаны къ удѣлу, то это, можетъ быть, былъ единственный примѣръ отнятія расчистокъ у ихъ владѣльцевъ: мнѣ, сколько мнѣ извѣстно, никогда ихъ не касался; все, что онѣ дѣлали, заключалось въ томъ, что при передѣлѣ зачисляли ихъ въ счетъ надѣла, относясь при этомъ очень либерально и снисходительно къ первому воздѣлвателю. Цѣль его заключалась не въ томъ, чтобы наложить руку на его трудъ, а только въ томъ, чтобы признать эту землю мирскою и чтобы она, въ ущербъ всего крестьянскаго общества, не могла попасть къ такимъ людямъ, которые въ первомъ воздѣлываніи участка никакого не принимали, а желаютъ только заребать жаръ чужими руками. Поэтому, когда эти земли отошли въ удѣлъ подъ предлогомъ смолочуренныхъ кварталовъ, тогда даже перене воздѣлватели жаловались не на то, что онѣ отняты были у нихъ, а на то, что онѣ отняты были у общества. Когда бѣдные крестьяне такимъ образомъ съ непосильнымъ трудомъ расчищали себѣ пашни, чтобы хотя сколько нибудь увеличивать производство

*

хлѣба и спасать природу населенія отъ голода, и когда они дѣлали, не требуя себѣ за это никакихъ правъ и преимуществъ, тогда образованная Россія обрушивалась на нихъ своими порицаніями, ихъ обывали гѣсонстребителями, хищниками, обуреванными страстью къ непомѣримымъ воземельнымъ захватамъ. «Отнять у нихъ эти земли, кричали громкіе голоса:—отнять, какъ у злодѣевъ чужое добро.» И дѣйствительно отняли, а они поворно склоняли свою голову и молча отдали. Совершенно иначе поступали богатые крестьяне и капиталисты. Подобные господа здѣсь сочли бы пошлѣйшимъ дуракомъ того, кто возымѣлъ бы такую мысль расчищать какія нибудь земли подъ пашни или осушать какія нибудь болота. Такой глупецъ, кромѣ убытка и разоренія, конечно, ничего бы не получалъ. Крестьянинъ, который дѣлаетъ это собственнымъ трудомъ, обезпечиваетъ себѣ такимъ образомъ лишь самыя скудныя средства къ существованію и то лишь потому, что онъ прилагаетъ къ дѣлу все свое усердіе и готовъ на лишенія, лишь бы оставаться хозяиномъ; поэтому оборотный капиталъ, употребленный на расчистку наемнымъ трудомъ, не можетъ дать процентовъ; наемникъ, кромѣ того, что онъ беретъ за трудъ, беретъ еще за тѣ зуботычины, обманы и обсчитыванія, безъ которыхъ дѣло не обойдется, а кромѣ того и усердіе его будетъ существеннѣйшимъ образомъ охлаждаться этими обманами, затрецинами и обсчитываніями. Другое дѣло—нодѣ предложить расчистку захватить у крестьянъ лучшія и нужнѣйшія для нихъ пашни или луга, тутъ какъ разъ удвоишь или утроишь свой капиталецъ. Да и по свойству здѣшной почвы это дѣло самое подходящее. Пріѣзжай не только какой-нибудь ревизоръ, но даже самъ министръ, и пусть онъ будетъ неподкупнѣйшій изъ неподкупнѣйшихъ, и пусть онъ будетъ одушевленъ самымъ пламеннымъ желаніемъ обличить злоупотребленіе, ему все-таки придется смиренно преклонить свою голову передъ торжествующимъ бородой-кулачкомъ. Выбирайте здѣсь лучшую землю, она непременно будетъ отчасти негодна и непременно будетъ имѣть внѣшній видъ искусственно созданныхъ пашни или луга. Тутъ будетъ или остатокъ болота, покрытый въ низкихъ мѣстахъ осокой и водорослями, а въ высокихъ моховыми кочками, верескомъ и можжевельникомъ, или камень, или неплододный песокъ. Непременно будетъ канава, вѣчно засоряемая и возобновляемая, которую легче всего выдавать за вновь прорытую или что-нибудь тому подобное. Указывая на все это, кулачекъ какъ будетъ доказывать, что, не будь его усердія и капитала, эта земля оставалась бы вѣчно неплодною, и вы не будете имѣть противъ него оружія. Захватывая подобныя земли навсегда или

на долгие сроки, то даромъ, то за ничтожную плату и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, вырывая у крестьянъ изъ рукъ послѣдній утѣмный уголокъ, созданный для себя съ великимъ трудомъ, здѣшніе капиталисты все-таки провозглашаются интеллигенціею благодѣтелями края и распространителями культуры; несмотря на то, что они не могутъ написать строки безъ искаженія словъ и рѣдкій изъ нихъ былъ бы въ состояніи выдержать экзаменъ въ первый классъ гимназій, они великіе мастера говорить громкія фразы объ улучшенной ими посредствомъ удобренія почвъ и такъ далѣе.

V.

Захвѣты и деморализація богатыхъ крестьянъ.—Опытъ, показывающій отношеніе между надѣлами и количествомъ земли, необходимымъ для обезпеченія земледѣльца.—Отчаянныя попытки крестьянъ и вредныя распоряженія.—Искусственно возвышеннымъ рентъ и послѣдствія ея.

Когда кулачку удастся сплести у крестьянъ съ трудомъ расчищенную и оцепанную ими полоску и продержатъ годика два, онъ тотчасъ начинаетъ кричать о несомнѣнномъ своемъ правѣ на эту землю по причинѣ улучшенія почвы чрезъ удобреніе, и это считается полнобѣснымъ аргументомъ. Вообще не мѣшало бы осторожнѣе поддаваться болтовнѣ объ улучшеніи и истощеніи почвы, которою прикрываются самые грубые хищническіе инстинкты. Публикѣ не мѣшало бы помнить, что даже въ Англіи, гдѣ достигаются въ восемь разъ лучшіе урожаи, чѣмъ въ Россіи, капитальное улучшеніе фермъ почти все исчерпывается инвентаремъ, тепличными сооружениями, которыя принимаютъ тамъ чудовищные размѣры, осушеніемъ болотъ и т. н.; прочное улучшеніе почвы посредствомъ удобренія составляетъ сравнительно малую долю. Можно существенно улучшить почву, создавъ перегной, какъ дѣлаютъ огородники, и это стѣитъ дорого, на десятину нужно употребить сто, двѣсти рублей и болѣе; но за то же перегной движимое имущество, его можно снять и перенести. Огородники даже предпочитаютъ нанимать обыкновенныя земли и переносить на нихъ и создавать перегной, чѣмъ арендовать готовый. О такихъ улучшеніяхъ здѣсь нечего и говорить, потому что овощей здѣсь почти вовсе не вoadѣлывается. Обыкновенное же удобреніе необходимо, конечно, для хорошаго урожая, но за то же оно почти все и истощается имъ. Прочное улучшеніе похоже на улучшеніе, производимое засыхающей ежегодно травой и падающимъ осеннимъ листомъ. Чтобы произвести этимъ путемъ существенную перемѣну въ почвѣ, нужны столѣтія. Менѣе

дѣйствительное для непосредственно слѣдующаго урожая, но за то болѣе прочное улучшение составляетъ подиѣсь къ почвѣ другихъ, способствующихъ ея улучшенію почвъ. Къ этому роду улучшенія здѣшніе капиталисты никогда не прибѣгаютъ, они даже высокоумно презираютъ его, предоставляя голымакъ прибѣгать къ нему, а сами удобряютъ однимъ навозомъ, какъ болѣе быстро дѣйствующимъ средствомъ. Голымакъ, во имя своей бѣдственности и обездоленности, отвоевываетъ здѣсь почву у дѣса и болота, очищая и осушая ее; онъ же улучшаетъ ее, пригнѣшивая къ ней тундру и т. п., и дѣлаетъ это поневолѣ, такъ какъ не имѣетъ болѣе быстро дѣйствующаго навоза; онъ же доставляетъ почвѣ то удобреніе, которое пропало бы даромъ въ рукахъ не занимающихся земледѣіемъ: не имѣя собственного навоза, онъ пріобрѣтаетъ тяжелымъ земнымъ трудомъ право брать его у городскихъ жителей и т. п. людей; здѣсь навозъ рѣдко продается, онъ только пріобрѣтается услугами. Капиталистъ же только пользуется почвою, не давая даже и примѣра рациональнаго хозяйства, потому что самъ въ этомъ ничего не смысляетъ. Еслибы кто-нибудь былъ столь наивенъ и задумалъ ему давать рациональные совѣты, онъ бы отвернулся отъ него съ презрѣніемъ. Онъ вполне убѣжденъ, что разглагольствованія о рациональномъ хозяйствѣ — это пустая болтовня, полезная лишь для того, чтобы подъ ея предлогомъ захватывать лучшія земли и нагибать крестьянство. Всего чаще онъ свои земли отдаетъ въ аренду или исполу бѣднымъ крестьянамъ, которые уважаютъ ее своимъ навозомъ, но объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ благодушно умалчиваетъ, когда дѣло идетъ о правахъ, вытекающихъ изъ улучшенія почвы. Какіе размѣры принимаютъ захваты богатыхъ, читатель можетъ судить по тому, что въ Архангельской губерніи, по даннымъ статистики, существуетъ уже землевладѣлецъ, имѣющій восемнадцать тысячъ десятинъ земли. Крестьяне, и при томъ какъ бывшіе удѣльные, такъ и государственные, одинаково ненавидятъ эти захваты отъ всей души, а сельскія общества всѣми силами, но, къ несчастію, совершенно безплодно, борются противъ нихъ. Въ Вологодской губерніи существуетъ одна многолюдная волость государственныхъ крестьянъ, гдѣ около сорока богатыхъ мужиковъ завладѣли лучшими и нужнѣйшими для общества землями. Волость борется противъ нихъ тридцать три года. Всего же замѣчательнѣе то, что права на землю богатыхъ мужиковъ основываются на приговорахъ тѣхъ же самыхъ обществъ и ихъ жалобы отвергаются начальствомъ на томъ основаніи, что права богатыхъ постоянно утверждаются приговорами обществъ. Въ одно и тоже время нищутся и у-

верждающій приговоръ, и довѣренность на ходатайство объ отобраніи этихъ земель; и тотъ и другой документы подписаны мас-сою тѣхъ же самыхъ лицъ съ тою разницею, что на приговорѣ красуются имена сельскихъ начальниковъ, а на довѣренности нѣтъ. Это можетъ дать читателю понятіе о томъ, какъ смѣло сочиняются у насъ сельскіе приговоры. Когда я упрекаю здѣшнихъ кулаковъ за ихъ захваты, они мнѣ наивно отвѣчаютъ — «Помилуйте, какъ же здѣсь иначе наживать, здѣсь край бѣдный. Хорошо удѣлу, у него есть чиновники, они вонъ поѣхали въ Москву и Петербургъ, порылись въ архивахъ и такіе документы отыскали, что всѣ лучшіе, по близости лежащіе дѣса теперь отъ казны въ удѣлу отошли. У насъ нѣтъ чиновниковъ, за насъ никто въ архивахъ рыться не будетъ, вотъ и берешь, что рукой достать можешь». Слѣдовало бы запретить подобныя отчужденія подъ предлогомъ расчистокъ навсегда или на длинные сроки въ пользу частныхъ лицъ, и дозволить ихъ только въ пользу общества. Это нужно сдѣлать не только ради крестьянъ и пользы земледѣлія, не только для предупрежденія раззореній, притѣсненій и беспорядковъ, но и ради самихъ капиталистовъ. Они здѣсь окончательно деморализированы этой системой захватовъ. Полуграмматные, они не могли не поддаваться соблазну того мировоззрѣнія, которое въ нихъ порождалось этимъ. Они только и думаютъ о захватахъ и считаютъ хитрое завладѣніе чужимъ добромъ единственнымъ практическимъ способомъ обогащенія. Вы приходите въ ужасъ, если передъ вами раскрывается картина ихъ внутренняго быта. Затѣваютъ ли они кампанію — первое, что дѣлаетъ каждый, заключается въ томъ, что онъ захватываетъ деньги, вино, все, что ему попадется въ руки отъ своего товарища, и начинается бездонный процессъ. Одинъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ другому вернуть товаръ, этотъ другой непременно подмѣнитъ его гнилымъ или запропаститъ, чтобы устранить его конкуренцію при продажѣ и заставить спускаться за безцѣнокъ. Семейство имѣетъ общія дѣла и всякій обворовываетъ другого, гдѣ и какъ только можетъ: братъ брата, сынъ отца, отецъ сына, мужъ жену, жена мужа и т. д. Они люди энергическіе, умные и, въ сущности, добродушные; кромѣ того, они ловкіе, предприимчивые и практическіе дѣльцы, въ этомъ отношеніи они стоятъ несомнѣнно выше нашихъ помѣщиковъ и могли бы быть очень полезны для края; но глубоко засѣвшее въ нихъ убѣжденіе, что единственно практической путь обогащенія — это путь захватовъ, дѣлаетъ ихъ рѣшительно вредными. Край высосать и обнищать, ни производство, ни торговля въ большихъ размѣрахъ

невозможны; поэтому, несмотря на всѣ свои захваты, здѣшніе капиталисты, въ сущности, жалкіе бѣдняки. Богатства вступаютъ только въ Архангельскѣ у англичанъ, которые наживаются на ихъ счетъ; любой англійскій матросъ живетъ съ большими удобствами, чѣмъ большинство здѣшнихъ кулаковъ. Одинокое, еслибы они соединились и стали бы вести торговлю съ Англіей на свой счетъ и на русскихъ судахъ, то они открыли бы себѣ богатый источникъ наживы, а крестьянамъ доставили бы значительныя заработки; но они такъ въ корень деморализированы системой захватовъ, что о товариществахъ на сколько-нибудь широкую ногу между ними и подумать невозможно; помѣщать свои капиталы въ такія товарищества не найдется охотниковъ, каждый видитъ, какъ легко и съ какою полною безнаказанностью здѣсь совершаются захваты, и знаетъ, что помѣстить свой капиталъ въ товарищество значить отдать его на расхищеніе распорядителямъ. Здѣсь могутъ существовать только или иностранцы, или монополисты и привилегированныя компаніи, а эти, въ свою очередь, способствуютъ дальнѣйшему разоренію края. Здѣшнее глубоко деморализованное кулачество — язва для края и вслѣдствіе крайней своей завистливости. Стоитъ явиться здѣсь полному производителю, и онъ тотчасъ превращается въ центральный пунктъ ихъ интригъ. Они всѣ накинутся на него съ поразительнымъ единодушіемъ и безъ всякой другой причины, кромѣ влчжелательства, и до тѣхъ поръ будутъ преслѣдовать его, пока не выживутъ или не разорать. За всѣми отрѣзками въ надѣлѣ удѣльныхъ крестьянъ остается столько земли, что существовать имъ окончательно невозможно, а, между тѣмъ, защитники удѣла находятъ средства, на основаніи официальныхъ данныхъ, доказывать прямо противоположное и это дѣлается, на примѣръ, слѣдующимъ образомъ. Берется общество — ну, положимъ, заостровское общество Кургоминской волости — и говорятъ: въ этомъ обществѣ считается по подворнымъ описямъ 162 домохозяина и земли въ надѣлѣ 1,830 десятинъ 737 кв. саж., т. е. на каждое семейство 11 десятинъ 715½ кв. саж.; платятъ они вынужденныхъ платежей съ души 3 р. 39½ к. И надѣлъ выходитъ удовлетворительный, и платежи уменьшены. Сравните теперь дѣйствительность. Прежде всего, въ заостровскомъ обществѣ настоящихъ семействъ, ведущихъ отдѣльное хозяйство не 162, а 238, въ нихъ числится ревевскихъ душъ 484, приходится по двѣ съ небольшимъ души и около пяти человекъ на семейство, т. е. такъ же, какъ и вездѣ въ Европѣ. Въ подворныхъ спискахъ дѣйствительно только 162 номера, но это официальные семейства, которыя давно уже раздѣлились на два и на три. Къ этимъ 238 семействамъ

надо присовокупить еще 13 солдатъ, имѣющихъ надѣль, а всего 251. Изъ помянутой земли часть совершенно негодна, такъ что и по уставной граматѣ надѣль считается только въ 3 десятины 187³/₄ кв. саж., т. е. всего 1,489 десятины 2,071 кв. саж., на хозяйство придется, слѣдовательно, не по одиннадцати слишкомъ десятины, а по пяти десятины съ саженими, т. е. вдвое менѣе. Въ составъ этого надѣла входятъ не только пахатныя земли и луга, но и растущій на мху кустарникъ, который даже и для выгона не годится. Ежегодно запахивать каждое семейство можетъ только десятину и три четверти, количество по здѣшнимъ неплодороднымъ мѣстамъ совершенно недостаточное. Что касается до платежей, то выкупныхъ дѣйствительно 3 р. 39¹/₂ к. съ души; всего же, включая сюда плату за выгонъ, дрова и прочее, склadyть съ души болѣе 12 р., т. е. почти вчетверо болѣе. Въ прежнія же времена они имѣли въ своемъ фактическомъ обладаніи, да и теперь по закону должны были бы имѣть 3,388 десятины, т. е. не по пяти, а по 13¹/₂ десятины на семейство, а платили всего по 6 рублей съ души, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ теперь. Это было дѣйствительно хотя незавидное, но сносное положеніе, теперь же они неизбѣжно должны все болѣе приближаться къ нищенству. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что положеніе заостровскаго общества исключительно благопріятно, оно получило въ надѣль три десятины съ саженими, между тѣмъ, какъ другія получали только по двѣ съ саженими на душу. Во владимірскомъ обществѣ, напримѣръ, восемьдесятъ два семейства, 438 лицъ, имѣютъ всего 206 десятины пашень, т. е. менѣе двухъ съ половиною десятины на семейство, и воздѣлываютъ менѣе двухъ. Въ какому это приводитъ положенію, читатель можетъ заключить изъ слѣдующаго: въ этомъ обществѣ есть тринадцать семействъ, насчитывающихъ 51 лицо, и которыя имѣютъ въ своемъ обладаніи только 16 десятины пашень; они воздѣлываютъ ежегодно около 10 десятины съ саженими, на каждое лицо приходится всего 500 квадратныхъ сажень, полоска въ восемь сажень ширины, и это при суровыхъ сѣверныхъ урожаехъ. Въ котажскомъ обществѣ 555 лицъ имѣютъ 165³/₄ десятины пашень и воздѣлываютъ около ста десятины, т. е. во всемъ обществѣ приходится на лицо по полоскѣ въ восемь сажень шириною. Въ немъ есть 18 семействъ, которыя насчитываютъ въ своей средѣ 90 лицъ и имѣютъ только 19¹/₂ десятины, а обрабатываютъ ежегодно по 13 десятины на семейство и по 346²/₃ сажени на лицо—это полоска въ пять сажень и три четверти шириною. Устарянское и верхоледское общества достигли для себя сравнительно весьма благопріятнаго надѣла,

они имѣютъ болѣе трехъ десятинъ пашень на семейство и воздѣлываютъ болѣе двухъ; въ верхоледскомъ обществѣ есть даже 36 семействъ, которыя имѣютъ болѣе четырехъ десятинъ пашень, и все-таки даже эти 36 семействъ имѣютъ во всѣхъ трехъ поляхъ на лицо только полдесятины пашень. Даже и въ этихъ двухъ обществахъ есть семь семействъ, состоящихъ изъ 25 лицъ и имѣющихъ всего $8\frac{1}{2}$ десятинъ пашень, а воздѣлывающихъ менѣе шести, по 541 кв. саж. на лицо, полоску въ девять сажень ширины. Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе, сколько здѣсь нужно семейству для того, чтобы прокормиться, я представлю ему слѣдующій, вполне достовѣрный, примѣръ. Я знаю здѣсь трехъ братьевъ, живущихъ въ полномъ согласіи въ одномъ двухэтажномъ домѣ. Они составляютъ три семейства и имѣютъ въ своемъ надѣлѣ 12 десятинъ пашни, по четыре десятины на семейство, т. е. столько же, сколько имѣютъ упомянутыя выше 36 семействъ верхоледскаго общества, находящіеся въ совершенно исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Въ своемъ надѣлѣ они воздѣлываютъ ежегодно восемь десятинъ, но это до такой степени для нихъ недостаточно, что они ежегодно воздѣлываютъ еще девять десятинъ, арендованныхъ у города. Эти семнадцать десятинъ даютъ имъ достаточно для своего прокормленія, но вовсе не столько, чтобы они могли удовлетворять всѣмъ прочимъ потребностямъ, для этого имъ нужны еще побочные промыслы; какъ люди оборотливые, трудолюбивые и честные, они ихъ и имѣютъ, они выдѣлываютъ кожи, занимаются крестьянской торговлей и т. д.; эти промыслы даютъ имъ болѣе, чѣмъ имъ нужно, чтобы уплатить всѣ слѣдующіе съ нихъ сборы, повинности, пошлины за лѣсъ и проч. Это семейство питается все-таки грубой пищей, одѣвается въ такія грубыя ткани, какія въ средней Россіи носитъ болѣе бѣдная половина крестьянства; вообще отъ этой болѣе бѣдной половины крестьянства оно отличается только тѣмъ, что не мерзнетъ и не голодаетъ, а даже и въ голодный годъ имѣетъ каждый день достаточно личнаго хлѣба. Еслибы англійскому рабочему семейству пришлось такъ одѣваться и такъ питаться, какъ питаются эти семейства, то оно сочло бы себя въ ужасномъ положеніи. Мы видѣли однакоже, что эти семейства для того, чтобы содержать себя такимъ образомъ, должны воздѣлывать вдвое болѣе земли, чѣмъ воздѣлываютъ такъ сказать привилегированныя тридцать шесть семействъ верхоледскаго общества, и четверо болѣе, чѣмъ воздѣлываютъ 82 семейства, составляющія болѣе бѣдное большинство

обществъ котажскаго и владимірскаго¹. Надѣлы же котажскаго и владимірскаго обществъ можно считать среднимъ надѣломъ у удѣльныхъ крестьянъ адѣшняго края. Итакъ, если большинство находится въ такомъ положеніи, то я полагаю, что читателю не трудно понять, почему адѣшніе крестьяне считали себя крайне стѣсненными въ землѣ и изыскивали всѣ способы, чтобы какъ-нибудь добиться лучшаго обезпеченія. Въ лугахъ у нихъ былъ еще большій недостатокъ, чѣмъ въ пашняхъ, вотъ почему они сначала старались добиться промѣна другижъ своихъ удобныхъ земель на отошедшіе въ удѣлу луга и земли, расположенныя между ихъ полосами; но оказывалось, что ихъ вводили въ заблужденіе, имъ обѣщали тѣ земли, которыхъ они желали, а въ окончательномъ результатѣ они получали другія, ибо окончательный результатъ этотъ вовсе не зависѣлъ отъ обѣщавшихъ. Лишь только разнеслись жалобы обманутыхъ въ своихъ надеждахъ, движеніе это прекратилось. Тогда, по инициативѣ богатыхъ крестьянъ, началось другое. Они предлагали обществамъ выхлопотать для нихъ равныя, желательныя имъ, земли или въ собственности за деньги, или въ долгосрочное пользованіе, но съ тѣмъ, чтобы земли отводились не на имя однихъ обществъ, а имъ въ качествѣ компаньоновъ. Дѣйствительно, такимъ путемъ приобретались участки, смѣшанные изъ совершенно негодной земли и прекрасныхъ луговъ или пашень. Но когда послѣдовало закрѣпленіе, стоявшіе во главѣ этого дѣла богатые крестьяне забирали себѣ хорошія земли, а негодныя оставляли обществу. Мало этого, они смѣялись надъ обществомъ и кричали, что вотъ-де они свои участки расчистили, а общество только капиталъ свой убило и ничего не расчищаетъ. Напрасно отдавшая послѣдніе гроши свои гольфа доказывала, что на расчистку этихъ земель богатыми не было употреблено ни одной копейки, потому что онѣ расчистки вовсе и не требовали и что онѣ должны быть раздѣлены пропорціонально, кулачки крѣпко держали въ рукахъ захваченные жирные куски. Крестьяне увидали, что глиняный горшокъ чугунному не товарищъ и махнули рукой. Но все-таки нужно было какъ-нибудь выбиться изъ грязи, въ которой они тонули. Когда попытка переселеній на юго-востокъ не удалась, они стали проситься въ тѣ безпредѣльные дебри и лѣса сѣвера, которые расположены были вдаль отъ сплавныхъ рѣкъ и о которыхъ мы говорили въ началѣ этой статьи. Неожиданно они и тутъ встрѣтили неодолимыя препятствія. Чтобы дать читателю

¹ Въ этихъ двухъ обществахъ всего 151 семейство, изъ нихъ 82 воздѣлываютъ почти 120 десятинъ, т. е. вѣсколько болѣе 1¹/₂ десят. на семейство.

понятіе объ этомъ движеніи, я расскажу исторію одной изъ подобныхъ попытокъ. 1-го февраля 1866 года, шестьдесятъ шесть человѣкъ изъ сметанинскаго общества подали прошеніе, въ которомъ изъявили желаніе сдать свои земли другимъ членамъ общества и переселиться на пустолежащую и неразработанную, но годную подъ пашню и сѣнокосъ землю, въ лѣсной казенной дачѣ названіемъ Шеломена. Эта дача, расположенная по рѣчкамъ Сельменогн и Камашѣ, находилась въ 25-ти верстахъ отъ всякаго жилья. Они просили лишь о безплатномъ отпускѣ изъ лѣса для хозяйственныхъ построекъ. Крестьяне сметанинскаго общества согласились уволить ихъ и принять ихъ землю, крестьяне ближайшаго къ пустошѣ шахановскаго общества согласились принять ихъ. Затѣмъ, 28-го іюля 1866 г., еще 25 человѣкъ просили дозволенія переселиться на пустопорожнее мѣсто по лѣвую сторону рѣчки Зимней на ручьѣ Смерда, въ 18-ти верстахъ отъ всякаго жилья. Они просили только общихъ льготъ, установленныхъ закономъ для крестьянъ, переселяющихся на пустолежащія мѣста. Дѣло тянулось до 1869 года и крестьяне считали его уже погибшимъ, когда вдругъ лѣсничій потребовалъ отъ нихъ подписки въ томъ, желаютъ ли они переселиться. Когда они дали подписку, ихъ велѣно было надѣлать землю, однако же съ запрещеніемъ приступать къ ея разработкѣ. Черезъ нѣсколько времени, вмѣсто ожидаемыхъ льготъ, отъ нихъ потребовали пошлины за находящійся на этихъ участкахъ сухостойный дровавой лѣсъ. Это крайне удивительное распоряженіе, которое равнялось полному воспрещенію и заставило крестьянъ отвзаться отъ своего намѣренія, было вызвано нежеланіемъ удѣльнаго вѣдомства дозволить переселеніе въ средѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія потребностей здѣшняго края, то лучше этого переселенія ничего и выдумать было невозможно. Удѣлъ утверждалъ, что законъ о надѣлѣ крестьянъ семидесятиною пропорціею нельзя исполнить по неимѣнію будто бы въ распоряженіи удѣла свободныхъ не смолокуренныхъ лѣсовъ. Крестьяне, желавшіе переселиться въ глухіе, необитаемые лѣса, давали возможность увеличить надѣлъ оставшихся и тѣмъ приблизиться къ исполненію закона, ничего не отрѣзая изъ удѣльныхъ земель. По закону, нарѣзка семидесятинаго надѣла должна была производиться безъ увеличенія платежей крестьянъ, т. е. безвозмездно, теперь же крестьяне принимали на себя платежи за отошедшихъ, такъ что увеличеніе надѣла было уже не безвозмездное, а съ вознагражденіемъ удѣла за полную стоимость земель. Глухіе, совершенно бездоходные, казенные лѣса черезъ новое поселеніе должны

были дѣлаться доходиве остальныхъ. У насъ съ какимъ-то бессмысленнымъ безразличіемъ полагаютъ, что всякіе, даже сплошные лѣса, нужно всѣми мѣрами сохранять и только. Между тѣмъ, лѣсъ полезенъ для края только тогда, когда онъ находится въ известной пропорціи къ другимъ угольямъ; сплошной же лѣсъ, какой мы имѣемъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, на столько же вреденъ, какъ песчанья степи и болота. Прежде всего, онъ размножаетъ чрезмѣрную сырость и всю поверхность земли превращаетъ въ сплошное болото, такъ что годный лѣсъ можетъ расти только на небольшихъ пространствахъ, вся же масса лѣса нигуда не годна. Почва не можетъ быть равна, какъ столъ, но лишь только она представляетъ здѣсь хотя незначительную неизменность, воды скопляется столько, что на ней начинаютъ расти деревья, которыхъ стволы въ два и три пальца толщиной съ жидкой, блѣдно-зеленой хвоей, затѣмъ растительность вовсе превращается и на огромныхъ пространствахъ раскидывается тундростое болото. Осушать эти болота, непробавныя въ теченіи лѣта и существенно мѣшающія даже сообщеніямъ, чрезвычайно трудно. Нужно, чтобы сначала расчищены были лѣса на болѣе сухихъ мѣстахъ и превращены въ пашни, тогда въ болѣе низкихъ мѣстахъ воды скопляется менѣе, растительность улучшается, полагается трава. Новыя поселенія не только создали бы пашни на бесплодныхъ мѣстахъ, но способствовали бы осушенію болѣе низкихъ мѣстъ и тѣмъ улучшили бы ихъ лѣсную растительность, уменьшилось бы болото, а не лѣсное пространство, и новыя пашни составили бы чистѣйшій выигрышъ. Самое главное, однакоже, то, что чрезъ такое переселеніе уменьшалось бы коренное зло здѣшняго края—чрезмѣрное скученіе населенія въ немногихъ пунктахъ съ беспредѣльной безлюдностью всего остального пространства. Лѣсъ на тѣхъ пунктахъ, откуда сплавъ его всего удобнѣе, пересталъ бы истребляться постоянно увеличивающимся на самомъ тѣсномъ пространствѣ населеніемъ, луга перестали бы превращаться въ нигуда негодныя пашни. Обнаруженные въ дѣлѣ мотивы, по которымъ упомянутые выше 91 человекъ желали переселиться, были именно такого рода. Въ сметанинскомъ обществѣ оказался недостатокъ пахатной и сѣнокошной земли, такъ что приходилось пашни размножать насчетъ луговъ на заливаемыхъ воходъ мѣстахъ; во время разлива они размывались водой, засыпались пескомъ, заваливались льдомъ, такъ что давали самые неудовлетворительные урожаи, между тѣмъ, какъ еслибы не было необходимости запахивать эти мѣста, то они давали бы удовлетворительные луга! Черезъ истребленіе окрестныхъ лѣсовъ, крестьяне лишились подсобныхъ промысловъ и нужда ихъ сдѣлалась безыс-

ходноу. При такомъ положеніи, что могло быть лучше ихъ переселенія на ничтожныя рѣчки Сельменогн и Камашу и на ручьи Смерда, и все-таки это переселеніе, вмѣсто поощренія, встрѣтило неодолимый отпоръ. Послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ обезпечить себя, крестьянамъ осталось, конечно, одно — поворотиться своей судьбѣ. Окруженные безпредѣльными пространствами невоздѣланныхъ земель, они должны страдать отъ крайняго малоземелія. Въ этихъ пустыняхъ, несмотря на дороговизну денегъ, цѣны на землю возрастали, заработная плата падала, хлѣбъ былъ дорогъ, народъ бѣдствовалъ и голодалъ. Въ прежнее время, платежи крестьянъ заключали въ себѣ скорѣе налогъ на личный трудъ, чѣмъ плату за землю; теперь платежи эти мѣстами возрасли на тридцать процентовъ, мѣстами удвоились. Черезъ произведенное административными распоряженіями искусственное малоземеліе, здѣсь готовы платить что угодно, выше всякихъ силъ, лишь бы получить землю. Земля даетъ право собирать съ нея хлѣбъ, а тамъ вышутся или не вышутся платежи, это предоставляется судьбѣ, а хлѣбъ будетъ въ рукахъ и голоданіе отложено. Крестьяне съ отчаяньемъ голодныхъ людей стараются отбивать другъ у друга всѣми правдами и неправдами земельные участки. Имѣющіе деньги крестьяне и крестьянки находятя въ постоянной войнѣ съ обществами изъ-за выкупа надѣловъ. Человѣкъ выкупаетъ три надѣла, а общество даетъ ему только одинъ: начинается ожесточенная тѣжба. Между тѣмъ, крестьяннинъ и крестьянка вовсе не обрабатываютъ земли, они выкупаютъ ее лишь для того, чтобы добить себѣ въ рабство содѣнное семейство; они очень хорошо знаютъ, что найдется множество охотниковъ взять у нихъ землю за невозможную цѣну, и черезъ два года у нихъ будетъ въ рукахъ семейство рабовъ, которому никогда не уплатить своего долга, съ которымъ, по ихъ собственному выраженію, дѣлай что хочешь, хоть на четверо разрѣжь: самъ отецъ приведетъ зажиточному старику свою дочь въ наложницы съ охотой и съ поклономъ; богатая старуха отбиваетъ у жены молодого парня, который дѣлается для нея и любовникомъ, и вѣновѣчнымъ работникомъ. Пользуясь временными затрудненіями крестьянъ, кулаки стали приобретать отъ нихъ право выкупать ихъ надѣлы для себя. Такъ какъ, при недостаточности новыхъ надѣловъ, увеличеніи платежей и паденіи цѣны на трудъ, большинство крестьянъ попало въ затруднительное положеніе, то подобный приемъ кулаковъ грозилъ обезземелить ихъ массами, а потому общества вооружились противъ него всѣми своими силами, и кажется, на этотъ разъ имъ удастся выиграть свое дѣло; по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ возвращены тѣ

деньги, которые они уплатили въ выкупъ за чужіе надѣлы. Неудача, однако же, не лишаетъ ихъ надежды и они изыскиваютъ только новые пути. Мнѣ извѣстенъ такой случай: богатый крестьянинъ задумалъ отобрать у бѣднаго не только его надѣлъ, но домъ и все его добро, поэтому онъ ловко опуталъ его и прижавъ несчастнаго, заставилъ бѣднаго подписать условіе, котораго юридическій смыслъ былъ ему непонятенъ, но по которому чрезъ нѣсколько лѣтъ все должно было сдѣлаться собственностію богатаго. Поддерживаемый старшиною, онъ запугалъ бѣднаго своего собрата, сорвалъ его домъ и выстроилъ на его мѣстѣ другой для себя. Бѣдный сосѣдъ превратился въ батрака и, вѣроятно, всю жизнь терпѣливо несъ бы свое ярмо, еслибы его хозяинъ не подвергалъ его невыносимо жестокому обращенію. Злополучный бѣжалъ. Между влиятельными крестьянами оказался болѣе мягкосердый, который взялъ его себѣ и, опираясь на право общества на землю, отобралъ у богатаго надѣлъ бѣдняги, несмотря на условіе. Началась упорная тяжба: на одной сторонѣ стояли общество и волостной судъ, на другой богатый крестьянинъ. Волостной судъ признавалъ условіе недействительнымъ и отвергалъ право покупать у отдѣльныхъ крестьянъ ихъ надѣлы изъ общественной земли. Мировыя учрежденія, по жалобамъ богатаго крестьянина, отиѣвили рѣшеніе волостнаго суда. Въ случаѣ отиѣны рѣшеній, волостные суды всегда покоряются и постановляютъ новое, въ пользу той стороны, которая добилась отиѣны; но въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ слишкомъ дорогой для крестьянъ интересъ. Волостной судъ, неожиданно можетъ быть для самаго себя, послѣ отиѣны повторилъ свое прежнее рѣшеніе. Такъ какъ мировыя учрежденія не имѣютъ право рѣшать, а могутъ только отиѣнять рѣшеніе и тому же волостному суду постановить новое, то изъ этого вышла борьба. Богатый крестьянинъ добивается теперь устраненія волостныхъ судей; будетъ очень жаль, если онъ этого добьется.

VI.

Необходимое послѣдствіе системы управлять удѣльными землями.—Здрава политика.—Колонизація въ Соединенныхъ штатахъ и Австраліи.—Древне-русская колонизація.

Въ нѣкоторой степени уменьшить малоземеліе могли бы тѣ пашни и луга, которые остались въ распоряженіи удѣла и считаются не смолокурными кварталами, а оброчными статьями.

Но тутъ обнаруживается вся разниа теперешней к прежней системы. Древняя система та, которая населила русскую землю и создала крестьянина земледѣльца, существенно отдѣляющегося отъ западно-европейскаго сельскаго пролетарія, отдавала землю въ распоряженіе крестьянскаго общества, а затѣмъ облагала это общество въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ оно было способно платить. Теперь-же отчетный, мѣстный администраторъ отдаетъ землю, т. е. оброчную статью, въ аренду частному лицу, а такъ какъ онъ отвѣчаетъ передъ центральнымъ управленіемъ за выборъ благонадежнаго арендатора, то онъ и можетъ сдавать землю только богатому и зажиточному человѣку. Вотъ почему при этой системѣ всѣ земли, обратившіяся въ распоряженіе казны и удѣл, постепенно, но неизбѣжно перейдутъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, въ рукахъ-же рядовыхъ крестьянъ и земледѣльцевъ останется менѣе земель, чѣмъ теперь въ Англіи, ибо въ Россіи и теперь въ рукахъ казны, удѣла и крупныхъ землевладѣльцевъ болѣе земли, чѣмъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ Англіи; это фактъ несомнѣнный, хотя его и стараются отрицать защитники явные и тайные крупнаго землевладѣнія. Здѣсь эта система не дѣйствуетъ еще и десяти лѣтъ, а мы уже ясно видимъ ея послѣдствія. Такъ какъ кругъ арендаторовъ ограниченъ богатыми крестьянами, которые въ особенности здѣсь не многочисленны и постоянно находятся другъ съ другомъ въ стачкѣ, то удѣлъ никакъ не можетъ вымечь для себя тѣхъ выгодъ, которыя могли бы достаться ему чрезъ стѣсненное землевладѣніе и искусственное возвышеніе цѣнъ на землю. Несмотря на это, цѣны все-таки достигли высоты, почти невѣроятной при такомъ рѣдкомъ населеніи. Приведу примѣръ. Въ самомъ глухомъ мѣстѣ Сольвычегодскаго уѣзда, болѣе, чѣмъ въ двухъ стахъ верстахъ отъ Сольвычегодска, окруженная непроходимыми дорогами, размѣщается Аванасьевская волость. Мѣсто такое глухое, что въ расписаніи о размѣрѣ дѣшеваго надѣла эта волость отдѣлена отъ прочихъ частей Сольвычегодскаго уѣзда и въ то время, когда весь уѣздъ помѣщенъ въ шестой, эта волость включена въ послѣднюю, девятую истинность. Несмотря на это, пахатныя земли Аванасьевской волости сдаются удѣломъ по два рубля за десятину, а за сѣноскося платятъ неслышанныя цѣны, четыре и даже шесть рублей за десятину. Богатые крестьяне, которые берутъ ихъ въ аренду, все не эксплуатируютъ ихъ лично, наемнымъ трудомъ эксплуатируютъ ничтожную ихъ часть, все-же остальное раздѣляютъ на мельчайшіе участки и раздаютъ бѣднымъ крестьянамъ такъ, что выручаютъ съ десятины по пятнадцати рублей и болѣе

арендной платы. Несчастные субарендаторы, которых голодъ заставляетъ брать эти участки, доводится до крайнихъ предѣловъ нищеты. Чиновники удѣльнаго вѣдомства мечтаютъ о томъ, чтобы отъ однихъ лѣсовъ и оброчныхъ статей доставить удѣлу столько-же дохода, сколько онъ до освобожденія получалъ отъ всѣхъ платежей удѣльныхъ крестьянъ. Мало этого, они гордятся этимъ, они сравниваютъ себя съ тѣми чиновниками прежнихъ временъ, для которыхъ казенный интересъ служилъ дойной коровой, а ввѣренное имъ казенное добро средствомъ личной наживы, и выставляютъ свое безкорыстное будто бы служеніе интересамъ удѣла. Точно также и центральные администраторы гордятся тѣмъ личнымъ составомъ мѣстнаго управленія, которое они создали. Совершенно справедливо, что казнокрадство было у насъ великимъ зломъ, и что созданіе чиновничества, у котораго на дѣлѣ выходило бы тоже, что и на бумагѣ—административное искусство, достойное всякаго признанія. Но послѣдствія показываютъ, что это далеко не все, что нужно для пользы края. Если при такомъ обширномъ землевладѣніи, какое имѣютъ здѣсь казна и удѣлъ, землевладѣлецъ и его агенты сосредоточатся на томъ, чтобы извлекать изъ земли возможно болѣе выгоды, то населеніе неизбежно повергнуто будетъ въ самое ужасное и безвыходное положеніе. Тутъ создается такая монополія, которая можетъ разбить благосостояніе рабочаго населенія, даже противъ воли владѣльца, даже тогда, когда, желая пользоваться своими правами, онъ старается избѣгнуть притѣсненія. Эта неодолимость монополіи, противъ которой земледѣлецъ не имѣетъ никакихъ средствъ защищаться, обнаружилась недавно весьма характеристическимъ происшествіемъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Въ одной отдаленной волости произошла тревога и крестьяне кинулись въ городъ. Какая причина? — Лѣсному смотрителю вздумалось притроизвить имъ, что плата за выгонъ будетъ увеличена въ шесть, а можетъ быть, и въ десять разъ. Крестьяне понимали, что, не смотря на всю раззорительность для нихъ платежа, имъ однакоже останется одно—покориться ему. Однимъ необдуманнѣмъ взмахомъ пера распорядитель монополіи можетъ распространить нищету и отчаяніе въ цѣломъ краѣ. При своемъ исключительномъ положеніи, такой владѣлецъ никакъ не можетъ имѣть вѣрнаго понятія о состояніи населенія, а потому онъ не можетъ помѣшать, чтобы тѣ, чрезъ которыхъ онъ получаетъ свой доходъ, не получали вдвое и втрое болѣе его, притискивая къ землѣ рабочее населеніе; онъ можетъ распространить нужду чрезъ одно ошибочное теоретическое соображеніе, какъ и было въ настоящемъ случаѣ съ пашнями среди смолокурныхъ кварталовъ. Подобное моно-

полное владѣніе въ рукахъ лица, руководствующаго однимъ частнымъ своимъ интересомъ, будетъ даже неизбежно бичемъ края и, во имя блага государства, ни въ какомъ случаѣ не должно быть терпимо. Но тоже самое обширное владѣніе можетъ быть необходимымъ условіемъ для нормальнаго развитія края; для этого, однакоже, нужно, чтобы владѣлецъ эксплуатировалъ свои права не въ частномъ, а въ политическомъ интересѣ, чтобы онъ дѣлалъ изъ него источникъ своей популярности, а не источникъ своего дохода. Для своего владѣльца земли будутъ или малодоходными, или безодоходными, но за то же онъ будетъ источникомъ нормальнаго развитія и благосостоянія для страны. Таково было положеніе средневѣковой церкви въ западной Европѣ, казны въ Россіи. Въ теченіи послѣднихъ трехъ сотъ лѣтъ въ Россіи населеніе было такъ невѣжественно и такъ беззащитно, сравнительно съ высшимъ классомъ, что оно было бы повергнуто сплошь въ крѣпостную зависимость и самую ужасную нищету, если бы не существовало обширнаго казеннаго землевладѣнія. Казенное владѣніе создало у насъ личность свободнаго и владѣющаго землею земледѣльца. При крѣпостномъ правѣ, у насъ были политико-экономы, которые указывали на малодоходность и безодоходность казенныхъ земель, какъ на зло. Они доказывали, что казна иногда не получаетъ и полтора процента съ стоимости земли тамъ, гдѣ частный владѣлецъ получалъ бы семь или десять процентовъ. Этими они старались показать превосходство частнаго владѣнія и утверждали, что переходъ этихъ земель въ частныя руки былъ бы благомъ для страны. Я спрашиваю: что было бы съ Россією, еслибы дѣйствительно вся земля была въ рукахъ помѣщиковъ, владѣющихъ крѣпостными людьми? Когда масса рабочаго народа не обладаетъ тѣми средствами самозащиты, которыя даются политической зрѣлостью и самостоятельностью, тогда съ возрастаніемъ густоты населенія частное землевладѣніе дѣлается такимъ же могущественнымъ орудіемъ эксплуатаціи и притѣсненія, какъ и крѣпостное право. Администраторы, которые стали здѣсь управлять удѣльными землями, руководясь однимъ частнымъ интересомъ владѣльца, упустили изъ вида, что исторія Россіи получила бы совершенно другую окраску, если бы положеніе государственныхъ крестьянъ было болѣе бѣдственное, чѣмъ положеніе владѣльческихъ. Какъ бы ни были не развиты массы, но имъ очень не трудно сравнивать себя съ такими же, какъ они и живущими среди нихъ; если они видятъ, что участь зависящихъ непосредственно отъ государства завидная и обезпечивающая, благосостояніе это располагаетъ ихъ въ государству, цементируетъ его, порождаетъ патріотизмъ въ

массах, въ особенности если они видятъ, что государство вообще неже грубо, чѣмъ частные владѣльцы, и старается ограждать и подвластныхъ сихъ послѣднихъ. Только порожденному этимъ путемъ настроенію массъ мы обязаны тѣмъ, что наши войска не только не бѣжали малодушно съ полей сраженія, но прославились своей стойкостью, что мы не только сохранили свою самостоятельность, но сдѣлались могущественнымъ государствомъ. Приемы управленія государственными крестьянами имѣли самое благотворное нравственное вліяніе на помѣстное дворянство, они помѣшали превращенію крѣпостнаго состоянія въ рабовладѣльческое и тѣмъ существенно облагородивали и цивилизовали все общество. Благодаря этому, взгляды европейцевъ на Россію все болѣе мѣняются въ пользу Россіи. «Въ Англии обыкновенно полагаютъ, говоритъ извѣстный Мень:—что положеніе крѣпостныхъ въ Россіи было такое же, какъ положеніе рабовъ у плантаторовъ Миссисипи; но вотъ, мы видимъ, что при освобожденіи крѣпостные получили во владѣніе болѣе земли, чѣмъ осталось у нихъ владѣльцевъ»¹. По отношенію къ удѣлу, администрація всегда полагала, что удѣльными имѣніями можно управлять въ большихъ размѣрахъ въ чистыхъ интересахъ владѣльцевъ, чѣмъ государственными, но это была несомнѣнно важная, политическая ошибка. Она дала возможность крупнымъ землевладѣльцамъ въ послѣднее время въ своихъ сочиненіяхъ выставлять на видъ, что бывшіе крѣпостные болѣе обезпечены и получили въ надѣлъ болѣе земли, чѣмъ бывшіе удѣльные. Не слѣдовало бы давать частнымъ землевладѣльцамъ такимъ образомъ торжествовать надъ удѣломъ. Истинный интересъ владѣльцевъ удѣла заключается въ томъ облагораживающемъ нравственномъ впечатлѣніи, которое они могутъ производить на населеніе, какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ. Чѣмъ далѣе мы живемъ, тѣмъ болѣе настоитъ надобность въ исправленіи аполучной ошибки, сдѣланной администраціей удѣла въ прежнія времена, тѣмъ болѣе, что законодательство объ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ прямо создало это и вовсе не слѣдовало ошибочному направленію администраціи. Если мы будемъ смотреть съ этой политической точки зрѣнія, то казна и удѣлъ сдѣлаются для насъ представителями такого крупнаго козачества, при которомъ владѣлецъ извлекаетъ доходъ въ условіяхъ, вполне согласныхъ съ нормальнымъ развитіемъ страны; это будетъ, такъ сказать, нормальный образцовый землевладѣлецъ. Частный собственникъ смотритъ только на свой доходъ, всё свое умст-

¹ H. S. Maine: The decay of feudal property in France and England; A lecture delivered at the Royal Institution. 1877.

венныя силы онъ направляетъ на то, чтобы создать себѣ такой образъ дѣйствія, при которомъ доходъ этотъ достигалъ бы максимума. Поэтому собственники, какъ классъ общества, составляютъ легкомысленный и непредусмотрительный классъ; нормальное общественное развитіе согласимо съ ихъ дѣятельностію только тогда, когда общество слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ съ полнымъ вниманіемъ и обставляетъ ихъ ограниченіями даже въ безчисленныхъ мелочахъ, предписываетъ условія вентилляціи, безопасности на фабрикахъ и проч., регулируетъ рабочіе часы, воспрещаетъ мѣшать дѣтямъ ходить въ школу, отбираетъ у нихъ земли подъ желѣзныя дороги и проч., иначе они не допустили бы и путей сообщенія. Если казна и удѣлы будутъ смотрѣть на это дѣло съ точки зрѣнія политической, то они будутъ представлять собой типъ собственника, не нуждающагося въ подобной надъ собою опеки, и который для данныхъ условій жизни будетъ представлять собой нравственный образецъ согласованія пользованія правами собственности съ общественнымъ благомъ. Въ сущности, различіе исходныхъ точекъ того и другаго собственника сводится къ слѣдующему. Первый собственникъ беретъ, не заботясь о томъ, подрываεται ли этимъ благосостояніе того, съ кого онъ беретъ, или нѣтъ, второй упрочиваетъ благосостояніе плательщика и беретъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ благосостояніе это и его развитіе не разрушаются. Такая умѣренность приводитъ, конечно, къ тому, что въ началѣ доходъ послѣдняго собственника незначительнѣе; но онъ не только прочнѣе, но быстро возрастая, обгоняетъ ресурсы живущаго минутой. Сравните ресурсы государствъ, которыя упрочивали благосостояніе своихъ подданныхъ, напримѣръ, Соединенные Штаты, Англію, Францію, съ тѣми, которыя только опустошали ихъ кошельки, напримѣръ, Турцію, Персію, и вы легко убѣдитесь въ этомъ. Сравните ренту съ того же самаго пространства земли, напримѣръ съ десятины, въ государствѣ съ высокимъ благосостояніемъ населенія, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи, и въ государствѣ съ низкимъ благосостояніемъ, напримѣръ въ Россіи, и вы легко убѣдитесь, что доходъ умѣреннаго и обезпечивающаго развитіе благосостоянія въ странѣ землевладѣнія даетъ ему такіе же результаты, какъ и хорошее управленіе финансами. Богатство страны развивается и поземельная рента въ ней возмывается только чрезъ развитіе въ ней промышленности; въ странахъ рабства и крѣпостнаго права, гдѣ землевладѣлецъ имѣетъ возможность выжимать изъ земли и изъ рабочаго все, что они только могутъ дать, доходность земель остается все-таки незначительной, сравнительно со странами свободными и промышленными.

Стоить бросить взглядъ на условія жизни въ нашемъ сѣверномъ краѣ, чтобы убѣдиться, что развитіе промышленности здѣсь стоитъ въ прямой зависимости отъ благосостоянія сельскаго населенія. Они здѣсь — единственные покупатели, покупательная сила остальныхъ сравнительно такъ ничтожна, что она просто не можетъ идти въ счетъ. Не смотря на увеличеніе содержанія чиновниковъ и проч., города, отъ упадка благосостоянія въ сельскомъ населеніи, находятъ здѣсь даже въ паденіи. Едва ли возможно найти въ Россіи города, въ которыхъ бы населеніе съ 1855 г. увеличилось такъ слабо, какъ напримѣръ, въ Архангельскѣ, Мезени, Устюгѣ, Устьснсольскѣ, Пинегѣ, Шенкурскѣ¹. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, каковы должны быть условія, при которыхъ сельское населеніе можетъ достигать такого благосостоянія, которое обезпечивало бы странѣ быстрое развитіе промышленности, конечно, гораздо лучше обратиться къ примѣрамъ, уясняющимъ это дѣло, чѣмъ руководствоваться доморощенными, неизвѣстно на чемъ основанными, заключеніями, какъ это дѣлается обыкновенно у насъ въ подобныхъ случаяхъ. Западныя части Соединенныхъ Штатовъ, по климату и обстановкѣ, представляютъ условія несравненно болѣе благоприятныя, чѣмъ нашъ сѣверъ; однакоже, тамъ находятъ необходимымъ раздавать земли въ полную свободную собственность и притомъ не иначе, какъ мелкими участками, за цѣну въ сущности номинальную, такъ какъ она нисходитъ до 46 к. за десятину. Этимъ путемъ создано наибольшее благосостояніе, которое только извѣстно на земномъ шарѣ въ рѣдко населенныхъ странахъ. И хотя казна, поступая такимъ образомъ, повидимому, расточала свое добро, какъ жалкій мотъ, однакоже, въ результатѣ изъ этого вышло государство, котораго могущество и финансовыя ресурсы возрастали съ безпримѣрной быстротою. Въ Австраліи Англія пыталась поступать иначе, она старалась продавать тамъ земли обезпеченнымъ и капитальнымъ людямъ, и притомъ такъ, чтобы выручать съ нихъ возможно болѣшую цѣну. Складъ идей аристократическаго общества тутъ обнаружилъ полное свое вліяніе. Въ такомъ обществѣ убѣждены, что и казна,

¹ Вотъ напримѣръ, сравненіе увеличенія населенія въ этихъ городахъ съ городами Саратовской Губерніи въ процентномъ отношеніи съ 1855 по 1887 годъ.

1) Архангельскъ	увеличеніе на	15% — 26%	Саратовъ.
2) Устюгъ	»	» 26% — 89%	Царицынъ.
3) Пинега	»	» 20% — 180%	Сердобскъ.
4) Устьснсольскъ	»	» 11% — 54%	Аткарскъ.
5) Мезень	»	» 8% — 86%	Петровскъ.
6) Шенкурскъ	»	» 5% — 21%	Кузнецкъ.

и рабочіе—плохіе землевладѣльцы, и что лучшія руки, въ которыхъ земля можетъ быть сосредоточена, это руки нищатаго класса. На основаніи такого взгляда, съ нищими классомъ ступали такъ же, какъ у насъ на сѣверѣ съ кулаками и капиталистами. Огромныя пространства земли, и въ томъ числѣ лучшіе участки, отчуждались имъ за безцѣнокъ, подъ предлогомъ негодныхъ земель, если же земледѣлецъ хотѣлъ купить себѣ участокъ, то съ него требовали баснословную и невозможную цѣну. Въ результатѣ оказалось, что эта плодородная страна, при крайне рѣдкомъ населеніи, производила слишкомъ мало хлѣба для ея обезпеченія и хлѣбъ пришлось добывать изъ-за моря; даже такія дурно устроенныя страны, какъ Чили, оказались болѣе производительными и за дорогую цѣну кормили своимъ хлѣбомъ голодныхъ австралійцевъ. Несчастный исходъ аристократическихъ затѣй привелъ къ тому, что теперь въ англійскихъ газетахъ постоянно вызываются въ Австралію земледѣльцы съ предоставленіемъ имъ безвозмездно участка, на cadaго взрослого цѣною въ 160 р., а на cadaго ребенка въ восемьдесятъ рублей. Еслибы англичане не увлекались своимъ аристократизмомъ и съ самаго начала держались американской системы, то они не разбросали бы бесплодно такое огромное количество земель, которое теперь надолго сдѣлается препятствіемъ къ правильному развитію края. Когда колонизировалась Америка, англичане также раздавали богатымъ людямъ огромныя пространства земель, послѣдствія вышли тоже весьма печальныя и всѣтаки они повторили свою ошибку въ Австраліи. Аристократическія общества туго учатся изъ опыта. Примѣръ Америки и Австраліи даетъ намъ добытое изъ опыта понятіе о размѣрѣ поземельнаго владѣнія, необходимаго земледѣльцу для того, чтобы положеніе сельскаго населенія было достаточно благопріятнымъ для возникновенія въ странѣ промышленнаго благосостоянія. Если сравнить эти назначенія съ тѣмъ, что законъ постановилъ относительно надѣла нашихъ сѣверныхъ крестьянъ, то не трудно убѣдиться въ крайней умѣренности этихъ назначеній. Семейный участокъ, предоставляемый земледѣльцу даромъ въ Австраліи, стоитъ 560 рублей; семидесятилетний надѣлъ здѣшняго крестьянина стоилъ бы всего 160 рублей, т. е. въ три съ половиною раза менѣе, и притомъ онъ предоставлялся ему не даромъ, а за уплату полной стоимости. Семейный надѣлъ американца въ 40 акровъ, по размѣрамъ своимъ, приблизительно такъ же великъ, какъ былъ бы здѣсь семидесятилетний надѣлъ, но за то же онъ расположенъ въ климатѣ, несравненно болѣе благопріятномъ, гдѣ земля, по крайней мѣрѣ, вътрое производитель-

нѣе, затѣмъ онъ состоитъ изъ однихъ лучшихъ земель, у крестьянина же только треть надѣла составляетъ дѣйствительно годную землю. Мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что надѣлъ американца въ девять разъ цѣннѣе семидесятинаго надѣла, предположеннаго для крестьянина; при этомъ американецъ платитъ за него въ шесть разъ менѣе, такъ что американца можно было бы считать въ пятьдесятъ четыре раза болѣе выгодно установленнымъ. Нужно быть писателемъ изъ среды нашихъ землевладельцевъ, чтобы, не смотря на это, признавать установленный закономъ семидесятиный надѣлъ слишкомъ значительнымъ для крестьянина, они вѣдь и заработную плату крестьянина признаютъ у насъ слишкомъ высокою, хотя крестьянинъ у насъ получаетъ въ годъ то, что въ благоустроенномъ обществѣ онъ получаетъ въ мѣсяцъ, и хотя нивость этой заработной платы исключаетъ всякую возможность у насъ промышленности. Еслибы нашъ крестьянинъ ходилъ босой и ѣлъ мышей, и еслибы наше государство чрезъ это было такъ же слабо, какъ какал-нибудь страна Ашантиевъ, то и тогда бы наши землевладельцы говорили о слишкомъ высокой заработной платѣ. У нихъ нѣтъ никакого чувства мѣры, а потому и сужденія ихъ заслуживаютъ только соответственнаго вниманія. Выше мы видѣли, что три семейства для своего пропитанія, при подсобномъ промыслѣ, обрабатываютъ 17 десятинъ, количество годныхъ луговъ здѣсь должно почти равняться количеству пахатной земли, но такъ какъ луга здѣсь всегда включаютъ въ себѣ отчасти неудобную землю, то статистическій временникъ 1866 г. въ Архангельской Губерніи на 84,000 десятинъ пашни считаетъ 124,000 сѣнокосу. Затѣмъ крестьянскому хозяйству необходимо еще выгонъ и дровяной лѣсъ, которыхъ количество должно равняться, по крайней мѣрѣ, трети всего надѣла. По этому расчету, упомянутымъ тремъ семействамъ необходимо 97 $\frac{1}{2}$ десятинъ, т. е. 32 $\frac{1}{2}$ десятины на семейство. Свой надѣлъ эти три семейства обрабатываютъ не только исключительно своими силами безъ помощи найма, но одинъ изъ трехъ братьевъ почти не работаетъ, а исключительно занятъ подсобными промыслами. Между тѣмъ, при семидесятиномъ надѣлѣ на семейство пришлось бы всего 15 десятинъ, т. е. только половина. Не надо упускать изъ вида, что эти 32 $\frac{1}{2}$ десятины на семейство, какъ мы видѣли выше, способны избавить здѣсь человека только отъ голода. Чтобы поставить населеніе въ такія условія, въ которыхъ возможно развитіе промышленности, нужно гораздо болѣе. Англичане находятъ, что въ тѣхъ частяхъ ихъ американскихъ владѣній, которыя соответствуютъ нашему северу, обеспеченное земледѣльческое населеніе вовсе не-

возможно; даже въ бывшей французской Канадѣ, по нашему въ странѣ уже вовсе не сѣверной, по англійскимъ понятиямъ, живетъ только бѣдное населеніе. Въ губерніи Улеаборгской, которая соотвѣтствуетъ Архангельской, землевладѣлецъ-крестьянинъ имѣетъ въ среднемъ уровнѣ около 400 десятинъ, въ средней Финляндіи до 800, и все-таки онъ пользуется еще мѣньшимъ благосостояніемъ, чѣмъ норвежскій; норвежскій же работникъ вдвое бѣднѣе англійскаго, и еслибы норвежцы умѣли ходить въ Англію, то англійскіе капиталисты охотно бы замѣнили этихъ бѣдныхъ людей дорогихъ англійскихъ матросовъ. Что такое, повидимому, чрезмѣрное владѣніе составляетъ единственное условіе, при которомъ населеніе можетъ обезпечивать себя въ непроходимыхъ сѣверныхъ лѣсахъ до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается болѣе густымъ и благоденствующимъ, видно изъ того, что древнее русское крестьянское владѣніе имѣло такіе же размѣры и только благодаря тому, что оно могло ихъ имѣть въ теченіи многихъ столѣтій, Россія колонизировалась и сдѣлалась могущественной державой. Максимовъ говоритъ о путевкахъ, которые прокладываются крестьянами на крайнемъ сѣверѣ и изъ которыхъ рѣдкій не тянется на 40 и 50 верстъ, а Забылинъ¹ рассказываетъ, что такими же путевками велось древнее русское хозяйство, на этихъ путевкахъ крестьянинъ драгъ доръ, т. е. рачищаль лѣсъ для пашни и покоса, зарубалъ своимъ знакомъ бортевое ушко, ходилъ за звѣремъ, за птицею. Владѣнія тогдашняго крестьянина были такъ обширны, что деревня заключалась въ себѣ по болѣе части одинъ дворъ, рѣдко два или три. Такъ селятся и теперь финляндскіе крестьяне въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлецъ имѣетъ по четыреста и по триста десятинъ, но только болѣе скученно, что показываетъ, что владѣнія русскаго крестьянина были обширнѣе. Его орудія труда, коса, сола и топоръ, были такіе же, какъ и теперь, и все это пространство, куда ходилъ его топоръ, было въ свободномъ его владѣніи, платилъ онъ начиналъ только тогда, когда онъ достигалъ значительнаго благосостоянія; слѣдуетъ предполагать, что, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ подобныхъ крестьянъ въ древности рѣшительно ничего или почти ничего не платили; даже послѣ закрѣпленія на владѣльческихъ земляхъ было еще множество ничего не платившихъ крестьянъ, а на государственныхъ обыкновение всеобщаго платежа стало входить только съ Петра. По изслѣдованію Соколовскаго², въ XV вѣкѣ въ Новгородской Области

¹ Ивана Забылина «Исторія русской жизни», Москва 1876 г., стр. 561 и сл.

² П. А. Соколовскій «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи», Сиб. 1877 г., стр. 26, 29, 31, 32, 37, 40, 53 и сл. 57, 78.

крестьяне имѣли на дворъ отъ $7\frac{1}{2}$ до 36 десятинъ *одной пахатной земли* съ платежами, по стѣмости своей едва равнявшимся четверти или двумъ ржи. Нормой можно считать отъ 7 до 10 десятинъ пашни. Собирая 30 чет. хлѣба и 20 коп. сѣна, крестьянинъ платилъ 3 чет. т. е. 6% съ дохода, теперь онъ платитъ 45%. Послѣ покоренія Новгорода и объединенія Руси, Московское государство энергически устремилось къ увеличенію поборовъ и уменьшенію крестьянскаго землевладѣнія, оно нивводило его до современныхъ размѣровъ у здѣшнихъ удѣльныхъ крестьянъ, но крестьяне протестовали такъ энергически, что часто на мѣстѣ оставалось не болѣе пятой части населенія, остальные разбѣгались. Пришлось только облагать тѣхъ, которые могутъ платить. За многими вовсе не записывалось земли, за другими земля записывалась, но безъ платежей, наконецъ, даже число обязанныхъ платежей авно уменьшалось. Изъ противорѣчія между числомъ дворовъ и населеніемъ вы явно видите, какъ много оставалось въ неизвѣстности; напримѣръ, погостъ Солнце, дворовъ 33, слѣдовательно, населеніе должно быть около 160 чел., а показано всего 65 чел.; или Осьминское, 127 дворовъ, должно быть болѣе 500 чел., а показано 275 чел., и притомъ прямо говорится, что въ томъ числѣ не только дѣти, но и родня домохозяевъ, родня эта, т. е. племянники и проч., слѣдовательно, совсѣмъ свободны. Иногда число показанныхъ лицъ даже не превышаетъ числа дворовъ.

VII.

Почему чиновники не могутъ дѣйствовать у насъ иначе, какъ они дѣйствуютъ — Принципъ колонизаціи.—Наше крупное и государственное землевладѣніе.

Вотъ какимъ образомъ размножилось русское крестьянство и обрѣла русская земля. Взглядъ, у котораго лежала въ основаніи идея, что земледѣльцу необходимо сначала давать полную свободу отыскивать себѣ источники дохода и достигать благосостоянія и только потомъ дѣлать изъ него платѣжную силу и притомъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это благосостояніе уже достигнуто, былъ вполне приспособленъ къ хозяйству въ сплошныхъ лѣсахъ и составлялъ неизбѣжное условіе промышленнаго развитія въ такомъ край. Но онъ замѣнился прямо противоположнымъ — стремленіемъ возможно больше получать и возможно скуднѣе надѣлать землею. Во имя этого, люди прикрѣплялись къ землѣ, поборы и службы отъ достаточныхъ переходили на бѣдную массу, поземельное довольство крестьянъ постоянно уменьшалось; если крестьяне продолжали

еще пользоваться нѣкоторымъ довольствомъ, то только потому, что не всѣ источники ихъ благосостоянія дѣлались извѣстными. Но лишь только источникъ отерывался, онъ уничтожался и превращался въ орудіе эксплуатаціи. Вотъ почему исторія Россіи, начиная съ XVII вѣка, есть исторія постояннаго обѣднѣнія и упадка сельскаго сословія. Желаніемъ получить возможно большіе высшіе классы подрываютъ источники собственнаго своего благосостоянія: такъ какъ покупательная сила народной массы относительно постоянно уменьшается, то ни трудъ, ни капиталъ не находятъ примѣненія, производство въ большихъ размѣрахъ невозможно и нѣтъ потребности въ техническихъ знаніяхъ. Если у насъ работникъ производитъ на 800 рублей, то мы считаемъ это уже достаточнымъ, между тѣмъ какъ въ Америкѣ есть работники, напримѣръ, шапошники въ Филадельфіи, изъ которыхъ каждый производитъ на 16,000 рублей; каждый производитъ столько, сколько у насъ цѣлое село съ населеніемъ въ шестьсотъ человѣкъ. Подобно восточнымъ народамъ, мы не можемъ даже достигнуть того, чтобы средства къ защитѣ государства производить самимъ и хотя въ этомъ обходиться безъ заграничныхъ заказовъ. Все это, наконецъ, должно убѣдить насъ, что нѣмнѣе направленіе эксплуатаціи сельскаго населенія въ прямо противоположное—дѣло крайней необходимости, и чрезвычайно важно, чтобы такіе законы, какъ законы объ надѣленіи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ землею, не оставались безъ исполненія. Если намъ не удастся провзвести улучшение быта сельскаго класса, то пусть онъ, по крайней мѣрѣ, не ухудшается. Прежде всего не надо упускать изъ вида, что удѣлъ въ послѣднее время получилъ здѣсь большое приращеніе къ своимъ землямъ; къ нему отходили лучшіе и наиболѣе цѣнные изъ государственныхъ лѣсныхъ участковъ. Государственные лѣсничіе съ такимъ сожалѣніемъ уступали эти участки изъ своего вѣдомства, что былъ даже одинъ случай преданія суду лѣсного чиновника за то, что онъ упорно продолжалъ считать казеннымъ одинъ изъ подобныхъ участковъ. Этимъ значительно должно облегчиться дополнительное надѣленіе землею удѣльныхъ крестьянъ, которую они вѣдь уже и купили, но только не получили. Стоитъ смотрѣть на дѣло не съ узкой точки зрѣнія чиновника того или другаго вѣдомства, а съ точки общаго и государственнаго блага, и дѣло надѣленія, въ такомъ край, какъ здѣшній, во всякомъ случаѣ сдѣлается легко осуществимымъ. Если бы сопротивление со стороны удѣла оказалось, напримѣръ, неодолимымъ и онъ отказался бы уменьшать размѣры своего владѣнія, то легко возможно вознаградить его изъ сосѣднихъ государственныхъ лѣсовъ въ томъ же самомъ

количество десятинъ, какое отойдетъ къ крестьянамъ. Я полагаю, что если этого не было сдѣлано, то только потому, что дѣло это не подвергалось публичному обсужденію въ печати въ то время, когда производились надѣлы. Земли удѣла иногда идутъ узкой полосой вдоль сплавныхъ рѣкъ, а непосредственно за ними тянутся огромныя пространства пустынныхъ казенныхъ лѣсовъ. Лѣса эти въ сущности совершенно бездоходны, а лѣса удѣла малопродуктивны, потому что при упадкѣ крестьянскаго благосостоянія удѣлъ можетъ извлекать доходъ только непопулярнымъ увеличеніемъ пошлинъ за такой лѣсной матеріалъ, безъ котораго крестьянину обойтись уже совершенно невозможно. Но если крестьяне получаютъ семидесятинныя надѣлы, то благосостояніе ихъ тотчасъ быстро увеличивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ еще быстрѣе увеличивается потребление лѣса; такъ какъ населеніе остается тоже самое, то ясно, что чрезъ это значительно увеличивается доходъ удѣла. Это послѣдствіе наступитъ въ особенности тогда, когда крестьянамъ будутъ отводиться участки наиболѣе удобныя къ обращенію подъ пашни и луга; для крестьянъ это наиболѣе желательный, а для удѣла наиболѣе выгодный образъ дѣйствія. Теперь эти участки чаще всего пропадають безъ пользы для кого бы то ни было, иногда они на огромномъ пространствѣ завалены сгорѣвшими неизвѣстно какъ давно лѣсомъ, который и не убирается и не продается, а гниетъ на мѣстѣ и мѣшаетъ росту новому. Такихъ бременящихъ землю пространствъ, здѣсь, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько крестьянскихъ пашень, и безвозмездное обращеніе въ надѣлъ наиболѣе годныхъ между ними уже значительно увеличило бы крестьянское благосостояніе. Именно на такія земли просились вышеупомянутые нами переселенцы и отъ нихъ потребовали уплату за сухостойный лѣсъ, который цѣнится казною, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ дороже, чѣмъ онъ стоитъ, и потому никѣмъ не покупается. Чтобы читатель могъ оцѣнить по достоинству заключенія мировыхъ посредниковъ о томъ, что будто бы нѣтъ свободныхъ земель для надѣленія удѣльныхъ крестьянъ, я ему приведу слѣдующее данное: Шенкурскій уѣздъ Архангельской губерніи имѣетъ здѣсь наиболѣе густое населеніе; его населеніе въ полтора раза гуще непосредственно за нимъ слѣдующаго Холмогорскаго и въ двадцать пять разъ гуще Мезенскаго. Между тѣмъ, даже въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ крестьянскомъ надѣлѣ находится 103,736 д. 1435 с.; недостаетъ до полного семидесятиннаго надѣла 92,389 д. 965 с.—Въ тоже время казенныхъ лѣсовъ тамъ 586,081 д. 1106 с., а удѣльныхъ земель приблизительно 1.425,000 десятинъ. На сколько было бы справедливо, читатель, если бы вы предъявили исскъ въ должныхъ вамъ по за-

вону 92,389 рубляхъ къ человѣку, у котораго 1.425.000 р. и судебныя мѣста отказали бы въ искѣ на томъ основаніи, что у этого человѣка нѣтъ свободныхъ денегъ для уплаты? Далѣе переселеніе не только не должно быть затрудняемо, но всѣчески поощряемо. Организовать его—даже дѣло первой необходимости. На обязанность чиновниковъ должно быть возложено въ болѣе южныхъ и мало населенныхъ мѣстахъ приводить въ извѣстность свободныя земли, а здѣсь крестьянъ, желающихъ переселиться. Обыкновенно до сихъ поръ у насъ дѣлалось такъ, когда крестьяне изъявляли желаніе переселиться, то имъ указывали нигуда негодныя земли и вообще представляли столько препятствій, что нужно было отчаянное усиліе, чтобы достигнуть переселенія. Чиновники постоянно боятся, чтобы ихъ не обвинили въ убыточномъ для казны образѣ дѣйствія, и предпочитаютъ тайныя переселенія, потому что въ этихъ случаяхъ всю вину можно свалить на крестьянъ. Это—тотъ же самый страхъ, который и у насъ на сѣверѣ привелъ къ тому, что крестьяне поставлены въ невозможныя для существованія условія. Ставить рабочее населеніе въ невозможныя для существованія условія, по справедливости считается чиновниками за наиболѣе безопасный для нихъ образъ дѣйствія. Еще никто не былъ здѣсь предаваемъ суду за то, что крестьянамъ нарѣзалось такъ мало земель, что они разорились массами, за то, что необходимѣйшія для крестьянъ земля раздавалась въ аренду кулакамъ и этии сдавались тѣмъ же крестьянамъ за тройную цѣну, что лѣсныя пошліны возвышались такъ непомерно, что на крестьянахъ накоплялись огромныя, штрафныя за самовольную порубку долги. Разоренные въ конецъ этими путями, крестьяне пускались на заработки, или, какъ здѣсь говорятся, бурлачить, куда глаза глядятъ. Въ пятидесятыхъ годахъ быть бурлакомъ считалось почетнымъ, бурлаки насчитывали въ своей средѣ самыхъ зажиточныхъ, даровитыхъ и предприимчивыхъ рабочихъ; они отправлялись въ Вологду, въ Петербургъ на многіе годы и, возвращаясь, приносили иногда тысячи денегъ; старыя бурлацкія семейства и теперь богаты. Въ настоящее время бурлаки наводятъ страхъ по тѣмъ дорогамъ, по которымъ ходятъ; это та голытьба, изъ среды которой Разинъ и Пугачевъ когда-то набирали свои шайки. Когда они идутъ, крестьяне смотрятъ во всѣ глаза, чтобы ихъ не обворовали; это самые опасныя вори, они знаютъ крестьянскія обыкновенія и воруютъ съ полной безнаказанностію, продавая украденное за сотни верстъ. Ѣхать съ значительными деньгами по бурлацкимъ дорогамъ очень опасно: можно полатиться не только имуществомъ, но и жизнью. Въ теченіи прошлаго лѣта разбойничьи шайки, проживавшія будто въ лѣсахъ, наводили канцескій страхъ на весь адѣйный

край. Рассказывали ужасы, въ особенности о похищеніи и изнасилуваніи молодыхъ дѣвушекъ; за всякимъ вновь появляющимся лицомъ крестьяне слѣдили съ мрачной подозрительностію. Не только женщины, но и мужчины не рѣшались даже днемъ подходить близко къ расположеннымъ въ лѣсахъ смолокурнымъ печамъ, потому что около нихъ предполагались кочевыя стоянки разбойниковъ. О нищихъ и говорить нечего, отъ нихъ отбою нѣтъ. Но все это, конечно, злодѣяніе самихъ крестьянъ, и чиновники не виноваты, что въ нихъ развиваются такія порочныя привычки, тѣмъ болѣе, что противъ этого принимаются энергическія мѣры, прогрессивно возрастающія въ своей строгости. Ни одинъ чиновникъ не рѣшится объяснить эти явленія разоренностью крестьянъ, возвышеніемъ лѣсныхъ пошлинъ, неисполненіемъ закона о семидесятиномъ надѣлѣ и т. п. Усердіе чиновниковъ и другими косвенными путями обременяетъ населеніе. Для увеличенія удѣльнаго дохода они всячески стараются размножать число оброчныхъ статей: такъ, мѣстами болѣе мельницъ, чѣмъ нужно для мѣстности по количеству производимаго ею хлѣба; но изъ этого выходитъ тоже, что бываетъ, когда въ какой нибудь мѣстности искусственно размножатся мелочныя лавочки или какіе нибудь ремесленники: товаръ дорожаетъ вмѣсто того, чтобы дешеветъ и плодится безсовѣстная фальсификація. На устьѣ одной изъ здѣшнихъ рѣкъ издавна существовала мельница, она не только удовлетворяла потребности, но мельникъ не могъ даже жить однимъ своимъ ремесломъ, а сверхъ того пахалъ землю и имѣлъ еще кузницу. Теперь на томъ же мѣстѣ три мельницы. Между мельниками смертельная ненависть, что очень выгодно для удѣла, такъ какъ изъ желанія задавить другъ друга они набиваютъ арендныя цѣны до безмѣрной высоты; но всѣмъ имъ нужно и существовать, и оплачивать безмѣрно возвышенныя аренды, средства должно, конечно, давать населеніе; платы за помоль возвысились втрое, не говоря уже о прочемъ. Все это достаточно доказываетъ намъ, какъ существенно необходимо, чтобы взглядъ на дѣятельность здѣшняго чиновничества радикально измѣнился и побуждалъ ихъ смотрѣть на здѣшнія поземельныя отношенія съ государственной, а не съ лавочной точки зрѣнія. Если смотрѣть на дѣло такъ, что люди должны быть привлекаемы къ платежамъ только послѣ того, какъ они получаютъ платежную силу, то земли, на которыя они переселяются, должны быть имъ предоставлены безвозмездно и вообще новые переселенцы должны быть освобождены отъ всякихъ платежей до тѣхъ поръ, пока у нихъ не явится платежная сила. Поземельная аристократія и буржуазія всегда ратуютъ противъ такихъ безвозмездныхъ отчужденій земли на томъ основаніи, что въ этомъ

случаѣ земель овладѣваютъ люди, къ земледѣлію совершенно неспособные. Перенесеніе такихъ разсужденій съ запада къ намъ составляетъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ встрѣчающейся у насъ безтолковой раздражительности. На западѣ, гдѣ переселяется городской пролетаріатъ, этотъ аргументъ имѣетъ еще нѣкоторый вѣсъ, однакоже мы видѣли, что даже такіе богатые народы, какъ англичане и американцы, должны были прибѣгнуть къ системѣ даровой раздачі земель; при этомъ возраженіе устраняется у англичанъ очень не мудренымъ приемомъ: для полученія дароваго участка земли въ Австралію, отъ переселенца требуется доказательство, что онъ въ Англіи былъ сельскимъ работникомъ. У насъ не только даровые надѣлы, но и вспомошествованія переселенцамъ пропадали даромъ; но это бывало именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они давались городскимъ пролетаріямъ и въ особенности поселяемымъ болѣе или менѣе поневолю; такъ было съ переселенцами изъ евреевъ въ прошлое царствованіе и изъ поляковъ во время мятежа 1863 года. Говорить въ Россіи противъ даровыхъ надѣловъ это значитъ изъза своего милаго, туманнаго буржуазно-помѣщичьяго идеала, не видѣть всю исторію русской колонизаціи. Путемъ дароваго завладѣнія землями Россія колонизовалась отъ Петербурга до Камчатки и отъ Ледовитаго Океана до Средней Азіи. Если бы не было приволья этого дароваго завладѣнія, то Россія, вѣроятно все, была бы теперь провинціей царства польскаго и насчитывала бы какихъ нибудь пять милліоновъ жителей, презираемыхъ и унижаемыхъ панами. Въ нашемъ случаѣ продажа земли скорѣе вовсе не примется или приведетъ къ исключительному переселенію кулаковъ, которые здѣсь кулачничали и хвалились тѣмъ, что они не пахутъ земли, а только занимаются хозяйствомъ, да и тамъ будутъ тоже дѣлать, или артелей, руководимыхъ кулаками, которыхъ прямой интересъ будетъ въ томъ, чтобы ихъ товарищи по переселенію оставались такими же закабаленными нищими на новыхъ мѣстахъ, какими были здѣсь. Лучшіе переселенцы это именно бѣдные крестьяне, которые переселяются не иначе, какъ по древнему русскому обычаю на даровые участки. Они занимались земледѣліемъ здѣсь, будутъ заниматься имъ еще болѣе исключительно на новыхъ земляхъ, оплодотворятъ пустыню и сами приобретутъ благосостояніе. Наболѣе практической образъ дѣйствія будетъ заключаться не въ продажѣ земли, а въ денежной помощи переселенцамъ. По причинѣ этой помощи казна можетъ не отчуждать земли, а оставлять ее въ своемъ владѣніи на всегда, какъ дѣлалось прежде съ землями, на которыхъ были поселены государственные крестьяне, съ тѣмъ чтобы и переселенцы, какъ бывшіе государственные крестьяне, не

могли быть удаляемы съ земель. Эта денежная помощь должна имѣть цѣлью въ болѣе скоромъ времени доставить переселенцу такое благосостояніе, при которомъ у него явится платежная сила, и при основательномъ распоряженіи это будетъ плодотворнѣйшее для государства употребленіе денегъ, не смотря на то, что эти деньги будутъ даваться даже не въ ссуду, а безвозмездно.

Всякому переселенцу должно быть предоставлено отказаться отъ полученія денегъ и воспользоваться вмѣсто того двадцатилѣтней льготой отъ всякихъ платежей въ казну. При опредѣленіи размѣровъ казенныхъ платежей не нужно упускать изъ вида, къ чему вообще должно быть направлено все казенное и мірское землевладѣніе и при какомъ условіи оно будетъ ректификаторомъ нормальной общественной жизни. Все искусство общественнаго устройства должно заключаться въ томъ, чтобы въ возможно большіяхъ размѣрахъ прекращать паразитическое приобрѣтеніе, которое постоянно все вновь возникаетъ и непремѣнно раззоритъ общество, если не встрѣтитъ противодѣйствія. Спекуляція, которая изобрѣтаетъ новыя пути для удешевленія производства, совершенно нормальное явленіе въ развивающемся обществѣ; его вознагражденіе должно приближаться къ общему уровню только по мѣрѣ распространенія созданнаго имъ искусства въ массѣ народа. Но лишь только распространяется въ странѣ духъ спекуляціи, начинается развиваться и ея вырожденіе: биржевая игра, надувательства въ компаніяхъ и проч. Ничто не можетъ быть заразительнѣе этихъ приѣмовъ наживы, и если общество не будетъ подавлять ихъ всѣми своими силами, то они деморализируютъ весь промышленный классъ и раззорятъ государство. Если образованный человѣкъ, изучающій рациональное хозяйство, получить возможность вести жизнь интеллигентнаго дѣятеля, примѣняя усовершенствованные приемы земледѣлія къ болѣе или менѣе обширному клочку земли, то это, опять таки—явленіе нормальное и его вознагражденіе должно приближаться къ общему уровню вознагражденія земледѣльцевъ только по мѣрѣ распространенія этихъ усовершенствованныхъ приѣмовъ въ массѣ. Но совершенно независимо отъ того, что земля можетъ быть источникомъ возвышеннаго дохода отъ примѣненія къ ней знаний, она дѣлается имъ еще двумя другими путями. Во-первыхъ потому, что съ развитіемъ промышленности и населенія, она способна давать доходъ совершенно независимо отъ прилагаемаго къ ней труда и знанія, а во вторыхъ потому, что доходъ можетъ быть извлекаемъ изъ нея путемъ подавленія и притѣсненія земледѣльца. Противъ этого послѣдняго явленія общество должно, конечно, бороться всѣми своими силами. Что же касается до перваго, то опять таки не трудно понять, что здравый смыслъ велитъ стараться

о томъ, чтобы онъ былъ утилизированъ, а не шелъ на размноженіе всегда деморализирующаго общества тунеядства. Если рента отъ трехъ рублей за десятину въ глухихъ мѣстахъ Россіи возрастаетъ до трехъ сотъ въ окрестностяхъ Лондона, то знаніе и трудолюбіе тутъ не причесть, все порождается положеніемъ, и, конечно, никто не будетъ отрицать, что было бы весьма полезно, еслибы эти деньги возможно было сдѣлать орудіемъ общественныхъ предпріятій или хотя бы даже уменьшенія податей. Эта мысль такъ естественна, что она должна была придти обществу очень рано. Повсемѣстно мы видимъ сначала утилизованы земли для обезпеченія нуждъ государства: феодальное, шляхетское, помѣстное, казацкое землевладѣнія. Но если военное, духовное и гражданское сословія вознаграждаются землею, то это даетъ имъ такую безмѣрную власть надъ населеніемъ, что при этомъ и благосостояніе, и хорошее управленіе дѣлаются одинаково невозможными. Вотъ почему управленіе превращается въ бюрократическое и даетъ осадокъ крупной поземельной собственности. Такимъ образомъ, страна уходитъ отъ формы азіатскаго деспотизма, гдѣ, для достиженія цѣли государственнаго единства, государь признается единственнымъ землевладѣльцемъ съ уничиженіемъ всякихъ родовыхъ, племенныхъ, феодальныхъ и частныхъ правъ на землю. У насъ рѣдко думаютъ о томъ, что именно этотъ осадокъ крупнаго землевладѣнія составилъ отличительную черту русской неограниченной монархіи отъ азіатскаго устройства и направилъ государственное устройство въ сторону развитія земскаго самоуправленія. Но развитіе самоуправленія можетъ другимъ путемъ возобновить опасность, отъ которой общество ушло чрезъ развитіе бюрократіи: развитіе преобладающаго вліянія въ земскомъ самоуправленіи крупнаго землевладѣнія можетъ дать тотъ же результатъ, какой дало развитіе азіатскихъ порядковъ, т. е. объединенное государство съ населеніемъ до того пеработаннымъ, что этимъ существенно будетъ задерживаться развитіе благосостоянія и цивилизаціи. Вотъ почему развитіе крупнаго землевладѣнія и его вліянія въ земствѣ не только не желательно, но желательно прямо противоположное — постоянное уменьшеніе и крупнаго землевладѣнія и его вліянія. Наше крупное землевладѣніе помѣшало русскому обществу впасть въ грубую форму азіатскаго политическаго устройства, но этимъ и кончается его историческое призваніе; мы должны имѣть достаточно политическаго чутья, чтобы въ награду за это не давать ему чрезмѣрнаго и вреднаго значенія. Духовенство не разъ оказывало великія услуги цивилизаціи, но горе народу, который, увлекаясь этимъ, учреждалъ у себя теократическое управленіе. Мягкость нашихъ политическихъ нравовъ, которая помѣшала намъ впасть въ азіат-

скую суровость политическаго жизни въ тѣ времена, когда мы стояли на одномъ уровнѣ умственнаго развитія съ турками, произвела у насъ не только подавленіе теократическаго вліянія и осадокъ крупнаго землевладѣнія, но создала у насъ социальное учрежденіе, которое даетъ намъ преимущество не только надъ Азіей, но и надъ Европой. Осадокъ крупнаго землевладѣнія при образованіи бюрократической, неограниченной монархіи былъ гораздо значительнѣе въ западной Европѣ, чѣмъ у насъ. Въ этомъ обнаружилось несомнѣнное азіатское вліяніе на насъ, и еслибы громадныя земли, оставшіяся въ распоряженіи государства, управлялись у насъ такъ, какъ ими управляютъ въ Персіи или Египтѣ, гдѣ воздѣлывающіе ихъ земледѣльцы—тѣ же рабы, получающіе отъ чиновниковъ сѣмена на обмѣненіе полей, или даже еслибы ими распоряжались такъ, какъ въ западной Европѣ, т. е. такъ, какъ у насъ распоряжались горными богатствами, казенными лѣсами и оброчными статьями, то земледѣльцы государственныхъ земель были бы несчастнѣйшими изъ смертныхъ и наша политическая жизнь получила бы густую окраску азіатскаго устройства. Мы непрестанно вдыхали бы о превращеніи государственныхъ земель въ частную собственность и успокоились бы только тогда, когда всѣ государственныйя земли были бы распроданы. Этимъ самымъ мы именно на столько же усилили бы зло крупнаго землевладѣнія и затруднили выходъ изъ него. Но, вмѣсто этого, у насъ явилось замѣчательное учрежденіе государственнаго крестьянства, которому нѣтъ ничего подобнаго въ западной Европѣ. Вся масса воздѣлываемой государственной земли очутилась не въ арендномъ, а въ вѣчномъ владѣніи общинъ государственныхъ крестьянъ, остальная получила характеръ запаса для надѣленія малоземельныхъ. При этомъ за государствомъ осталось такого рода право обложенія земледѣльцевъ податями, которое, въ одно и тоже время—и подать, и средство совокупно съ сельскимъ обществомъ поглощать поземельную ренту и употреблять ее на общественную пользу. Учрежденіе государственнаго крестьянства, которое отдавало землю непосредственно въ руки земледѣльцевъ, устранивъ всякихъ посредниковъ между работникомъ и государственной властью, этимъ самымъ сдѣлалось еще болѣе существеннымъ средствомъ, помѣшавшимъ установленію у насъ азіатскихъ порядковъ. Главное зло этихъ порядковъ заключалось не въ томъ, что они безмѣрно увеличивали получавшій дурное употребленіе государственный доходъ, отбирая у земледѣльца все, что онъ можетъ дать. Доходъ азіатскихъ государствъ не только не былъ высокъ, но онъ всегда былъ ничтоженъ и поглощалъ только незначительную часть ренты. Зло

заклучалось въ томъ, что землею распоряжался не земледѣлецъ, а чиновникъ или откупщикъ, у котораго земледѣлецъ былъ въ такомъ же распоряженіи, какъ крѣпостной человѣкъ. И земли были бездоходны, и земледѣльцы были несчастны. Если въ западной Европѣ государственными землями управляли лучше, чѣмъ въ Азій, то это зависѣло не отъ достоинствъ системы, которая въ сущности была одна и та же, а отъ выспей цивилизаціи государства вообще; распоряженіе землями оставалось, сравнительно съ другими землями страны, худшимъ, и потому земли эти чѣмъ въ большихъ размѣрахъ обращались въ частную собственность, чѣмъ выше стояла цивилизація страны. У насъ земли, находящіяся въ такомъ же положеніи, т. е. управляемы непосредственно лѣсными и горными чиновниками и обращены въ оброчныя статьи, давали и даютъ казнѣ въ двадцать пять разъ менѣе дохода, чѣмъ земли, которыя находятся въ распоряженіи обществъ государственныхъ крестьянъ; въ то же время, работники на этихъ земляхъ, какъ тѣ, которыя находятся въ непосредственномъ распоряженіи чиновниковъ, такъ и тѣ, которые нанимаются содержателями и арендаторами государственныхъ земель, несравненно бѣднѣе и несчастнѣе государственныхъ крестьянъ. Съ одной стороны, земли, населенныя обществами государственныхъ крестьянъ, составляютъ въ массѣ своей ту часть русскихъ земель, которая наилучшимъ образомъ воздѣлывается и утилизируется; крупныя землевладѣльцы и изъ дворянъ, и изъ купцовъ, тамъ гдѣ они хотять сдѣлать земли свои наиболѣе доходными, пользуются искусствомъ, приобретеннымъ государственными крестьянами на своихъ земляхъ. Съ другой стороны, и земледѣльцы обществъ государственныхъ крестьянъ пользуются наибольшимъ благосостояніемъ; даже именно поэтому они въ искусствѣ своемъ стоятъ выше всѣхъ прочихъ, дѣлаются огородниками, садовниками и прочее.

ПАНФИЛЬ ПАНФИЛОВЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Раннее утро. Ни морозъ, ни тепло, а влага, туманъ и сырость. Глухая часть города. Кое-гдѣ дворники скребутъ лопатами по панели. Городовой около будки, размышляющій—пора, или рано еще приступать къ отправленію своихъ обязанностей. Скрипятъ по снѣгу извозничьи сани; на нихъ, склонивъ голову на плечи, дремлетъ сѣдокъ; открываются двери мелочной лавки; то и дѣло раздаются пронзительные заводскіе гудки, возвѣщающіе о началѣ рабочаго дня.

Рабочій день начинается съ подвала. Въ подвалѣ одна грязная комната съ окошечкомъ; стѣны влажны; вдоль стѣнъ нары.

Съ нарь, просыпаясь, вскакиваютъ рабочіе. Спросонья и второпяхъ, не замѣчая, надѣваютъ на свои плечи не свои вещи, что даетъ каждому право огрызнуться на другого, а этому—огрызнуться на перваго, а всѣмъ вмѣстѣ поругаться.

Изъ всѣхъ этихъ рабочихъ намъ нуженъ одинъ — Панфиль. Объ немъ и рѣчь поведемъ.

Внѣшнія примѣты: сухощавъ, средній ростъ, блуждающіе глаза, изнуренный видъ, длинныя руки, носъ, ротъ и подбородокъ «средніе». Внутреннія: страдаетъ чахоткой; ѣсть много, но до сита никогда не найдется; водку пьетъ послѣ получки заработной платы, два раза въ мѣсяцъ, не считая тѣхъ случаевъ, когда кто поднесетъ; молчаливъ, покоренъ, выносливъ; въ трезвомъ видѣ тихъ, въ пьяномъ—плачетъ; въ дружбѣ вѣренъ; родителей не имѣетъ, дѣтей тоже, и жены законной тоже. Объ остальныхъ примѣтахъ смотри ниже.

Идетъ Панфиль на заводъ, на работу. Идетъ, спѣшить, чтобы

придти до штрафнаго гудка. На дворѣ встрѣчается съ дворникомъ и кланяется ему. Дворникъ его останавливаетъ:

— Эй, Панфила!

— Что тебѣ, Митрій Кузьмичъ? отвѣчаетъ Панфила и робѣетъ. Внутренно робѣетъ, трусить.

Дворникъ стоитъ по срединѣ двора съ лопатой въ рукахъ и ухмыляется. Панфила чувствуетъ неловкость. Потомъ легонько поворачиваетъ и идетъ.

— Панфила! кричитъ дворникъ.

Панфила останавливается и говоритъ:

— Митрій Кузьмичъ! тебѣ на что-жь я?

— Поди ко мнѣ ближе.

Панфила подходитъ. Дворникъ говоритъ:

— Ни на что, а такъ, взглядыть на тебя... Ну-кося, обернись задомъ.

— Развѣ можно такъ, Митрій Кузьмичъ, когда мнѣ надо горючиться на заводъ?..

— Ну, ну, безъ словесъ. Теперь бѣги себѣ, покаль олять не понадобится мнѣ... Или стой! Пущай нынче тебѣ штрафъ испустить за меня...

Съ этими словами дворникъ снимаетъ съ головы Панфила картузь. Панфила отъ неожиданности теряется.

— Ты тамъ на заводѣ у себя такъ прямо и сказывай: дворникъ, молъ, по надобности задержалъ. Хе-хе...

— Развѣ я тебѣ что худое сдѣлалъ?

— Худое! Нѣшто все худое... Кабы ты что худое, а бы полицу призывалъ. А мнѣ вотъ взглянуть нужно, какъ ты безъ картуза, хе-хе-хе...

— Отдай, Митрій Кузьмичъ!

— Видишь ты, какой безъ картуза-то! совсѣмъ особливый! Ты бѣги такъ.

Панфила стоитъ и мнется. Потомъ робко промываетъ:

— Что вправду дурнись, отдай!

Дворникъ дѣлаетъ сердитую физиономію. Потомъ, не говоря ни слова, поворачиваетъ и идетъ. Панфила за нимъ.

— Митрій Кузьмичъ, сдѣлай божескую милость!

— Хочешь, полицу призову?

— Что ты все полицу да полицу... нѣшто мы что такое?..

— Хочешь, полицу призову? кричитъ дворникъ.

Панфила умоляетъ. Въ лицо ему изъ рукъ дворника летитъ картузь.

— И разговаривать съ твореніемъ такимъ не желаю!

Панфила поднимаетъ картузь и медленно идетъ къ воротамъ.

Лавочникъ и городской стоятъ на углу. Проходя мимо нихъ, Панфилъ кланяется.

— Мое вамъ. Никакъ на должность отправляетесь, Панфилъ Панфиловичъ? замѣчаетъ лавочникъ.

— На заводъ бѣгу, Кузьма Митричъ?

— Желаемъ вамъ попутнаго вѣтра. Деньжонки по забору скоро пожалуете?

— Я, Кузьма Митричъ... Мы какъ только того... жалованье... Вы ужь повремените маленько...

— То-то, то-то... Повременить, отчего же, можно!

— Вотъ бы, Кузьма Митричъ, я насчетъ того хотѣлъ, какъ вы ужь очень на съѣстное большія цѣны налагаете, такъ я хотѣлъ насчетъ этого...

— Чтобъ подешевле?

— Да, кабы ваша милость была.

— Ахъ, вы, Панфилъ Панфиловичъ! голова у васъ изумрудная! Что-жь! извольте, мы такъ теперь и сдѣлаемъ! какъ только съ нынѣшняго дня потребуется что-такое вамъ, мы сейчасъ вамъ адреса уважемъ на склады разные: пожалуйста, скажемъ, Панфилъ Панфиловичъ, провизію покупать въ складъ, потому въ складъ которая провизія стоитъ рубль, она пойдетъ вамъ за двугривенный.

— Эдакъ ужь лучше вы, Кузьма Митричъ, не дѣлайте! а это только такъ, что будто мнѣ показались дорогія цѣны, а ужь ежели что, такъ лучше по старому...

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же? Пущай которая провизія стоитъ рубль идетъ вамъ за двугривенный! Ха-ха-ха...

— Болванье! сумрачно замѣчаетъ городской. — Пстой еще здѣсь, покаль я въ участокъ не свелъ!

II.

Шумить, гудеть, стучить, греметь, грохочеть. Заводъ въ полномъ ходу. Масса станковъ. Сѣть ремней, перекладниъ, проводовъ. На полу грязь, по стѣнамъ копоть. Въ воздухѣ серебряная пыль столбомъ. Еще подалеже: одиннадцать громадинъ-печей, наваленныхъ каменнымъ углемъ. Пекло адское. Потъ съ рабочихъ градомъ льется. Черезъ разбитыя окна свищеть вѣтеръ, врываясь въ одною мѣстѣ и вылетая въ другомъ.

Панфилъ работаетъ. Проходить мимо мастеровъ, останавливается и благосклонно замѣчаетъ:

— Панфиля, а!.. Работай, работай... ловко! Ты, Панфиля, ну-жикъ работащій...

— Что-жь ты молчишь? У тебя, Панфиля, словно языка нѣтъ: все ты молчишь, чучело гороховое! Что ни скажи ему, все молчать...

— Дуракъ! заканчиваетъ мастеръ и отходитъ.

Идетъ Панфиля въ контору къ писарю—отгѣтитъ въ свою расчетную книжку вчерашнюю работу. Писарь его спрашиваетъ, прищуривъ одинъ глазъ:

— Кажется мнѣ, будто ты, Панфиловъ, на работѣ вчера не былъ?

— Былъ. Какже, былъ, Егоръ Егорычъ.

— Да былъ ли? вспомни-ка хорошенько. Да ты хорошенько вспомни. Тогда и увидишь. Ну-ка, а я погляжу.

Панфиля стоитъ и вспоминаетъ.

— Ну, что же, вспоминаешь? спрашиваетъ писарь.

— Былъ, Егоръ Егорычъ! это я такъ помню, такъ помню, словно нынче! говоритъ Панфиля и топчется на одномъ мѣстѣ.

— Прекрасно. Такъ ты былъ вчера на работѣ? Очень приятно слышать. Слышите, Григорій Григорычъ, обращается писарь къ сидящему неподалеку отъ него за другимъ столомъ владовщину.— Панфиловъ изволяетъ сообщать, что онъ вчера былъ на работѣ..

— Гм, отвѣчаетъ Григорій Григорычъ и, оборотившись, смотритъ на Панфиля, отъ чего послѣдній мнется, шепчетъ себѣ что-то подъ носъ и конфузится.

— Очень приятно. Онъ не выходилъ на работу, а я ему заплатилъ плату за весь день. Очень хорошо. Слышите, Григорій Григорычъ?

— Гм... да, ишь... ишь какой!

— Хоть спросите кого! шепчетъ Панфиля.

— Безподобно. Вотъ мы сію минуту спросимъ. Да вотъ встаетъ! Въ контору входитъ рабочій Ванька.

— Скажи, Иванъ, былъ вотъ Панфиловъ вчера на работѣ, или не былъ? спрашиваетъ писарь, моргая глазомъ.

— Не былъ, Егоръ Егорычъ.

— Превосходно. Ай да Панфиля! Ай да гусь лапчатый!

— Какъ же, Ваня, а не былъ, когда я былъ, съ тобой еще разговаривалъ.

— Это не вчера.

— Ай да Панфиля! А? Во-ски-ти-тельно! таетъ писарь, вачаясь на стулѣ и смотря въ лицо Панфилу.

Входитъ мастеръ и садится на кончикъ стола около писаря.

— Чтò тутъ такое?

— Да вотъ съ Панфиловымъ. Обманывать вздумалъ.

— Ага! Кого же это?

— Меня.

— Ишь ты, мужикъ будто не мудрящій, а обманывать вздумалъ!

— Подите вотъ. Вчера на работу не выходилъ, а пришелъ съ расчетной книжкой — запиши ему. Ой, чортъ! провозноситъ писарь и вмѣстѣ съ потерявшимъ равновѣсіе стуломъ задѣваетъ за ноги мастера, который отъ толчка сползаетъ съ кончика стола и, въ свою очередь, задѣваетъ локтемъ кладовщика — послѣдній дѣлаетъ кланку отъ этого на бумагѣ.

— Чтò-жъ вы такое дѣлаете? бумаги листъ испортили!

— Это не я, вотъ онъ.

— Да хоть свинья, для меня все одно.

— Ты, пожалуйста, не очень: знай, съ кѣмъ говоришь, я для тебя не рабочій, а мастеръ.

— Да мнѣ наплевать на тебя, что ты мастеръ: вонъ изъ конторы, тутъ не твое мѣсто! Тыфу!

Плевокъ попадаетъ въ грудь Панфилу, каковое обстоятельство обращаетъ на него вниманіе мастера:

— Ты что еще здѣсь торчишь?

— Мнѣ бы работу вчерашнюю записать, я на работѣ былъ...

— Какъ же ты смѣешь говорить былъ, когда писарь говоритъ — не былъ? Поставить ему за это штрафъ въ пятьдесятъ копеекъ, провозноситъ мастеръ, обращаясь къ писарю. — За вранье ему штрафъ пятьдесятъ копеекъ.

— Штрафа-то, Леонъ Леоничъ, пожалуйста, хеть не ставьте...

— Молчать. Пошелъ вонъ отсюда.

Панфилъ уходитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ его зовутъ въ контору снова.

— Ты, Панфиловъ, былъ вчера на работѣ, или не былъ? строго спрашиваетъ мастеръ.

— Не былъ, Леонъ Леоничъ, я не былъ, поспѣшно отвѣчаетъ Панфилъ. — Вы ужь штрафа, пожалуйста, не ставьте... Простите...

— Гдѣ же ты находился вчера?

Панфилъ молчитъ: въ самомъ дѣлѣ, гдѣ онъ вчера находился? Припоминается ему, что на заводѣ, но сказали, что на заводѣ его не было, стало быть, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ находился.

— Дома, что ли, сидѣлъ весь день? что молчишь-то? также сердито спрашиваетъ мастеръ.

— Дома, дома, Леонъ Леоничъ. Я дома весь день находился, торопливо отвѣчаетъ Панфилъ, вспоминая, что и въ самомъ дѣлѣ онъ вчера дома былъ.

— Чтò же ты дѣлалъ дома?

Панфилъ молчить.

— Да чтò же ты дѣлалъ дома, чтò ты молчишь-то, глшій, прости Господи! кричить мастеръ.

Панфилъ молчить.

— Отвѣтишь, или нѣтъ? кричить мастеръ. Ахъ, Владыка! вотъ человекъ навязался!

Молчаніе.

— Я тебѣ три рубля штрафа поставлю за то, что ты не отвѣчаешь! Пошолъ вонъ, дуракъ!

Панфилъ медленно поворачивается и идетъ къ двери.

— Стой! кричить мастеръ.— Стой здѣсь!

Панфилъ останавливается.

Черезъ нѣсколько минутъ мастеръ успокоивается и спрашиваетъ:

— А на заводъ не былъ, вспомни?

— То-то мнѣ думается, словно былъ...

— Тьфу! снова кричить мастеръ.— Ты меня только въ раздраженіе вводишь... Какъ же ты говоришь, что не былъ, дьяволъ проклятый?

— Они мнѣ сказали; писарь..

— Они ему сказали! самъ-то не помнишь? Я тебѣ вотъ сейчасъ скажу... погоди... ты и повѣришь...

Мастеръ останавливается. Панфилъ молчить.

— Панфилъ! повторяетъ первый. Второй поднимаетъ на него глаза.

— Панфилъ! еще разъ спрашиваетъ мастеръ.

Вопросъ повторяется разъ шесть, но отвѣта не получается.

— Тьфу! тьфу! тьфу!.. вонъ! пошолъ вонъ! Стой! Я же тебя самъ видѣлъ вчера на работѣ, разговаривалъ еще съ тобой; какъ же ты говоришь, тьфу, что тебя не было вчера на работѣ? Вонъ! вонъ!

III.

— Панфилъ, есть у тебя деньги,.. сколько-нибудь?

— Тебѣ, Ваня, зачѣмъ?

— Надобно. Есть, чтò ли?

— Есть только пятачокъ. Мнѣ бы его надо было.

— Ну, вотъ, тебѣ надо. Давай мнѣ, послѣ отдамъ.

— Больно тебѣ нужно?

— Такъ нужно, такъ нужно...

— Возьми.

— Вотъ и дѣло. Спасибо тебѣ, Панфи́ль. Мы на него сейчасъ пиво выпьемъ. Пятакъ у меня есть, да вотъ твой пятакъ, стало гривенникъ. Пойдемъ выпьемъ.

— Эка ты, братъ, какой! вотъ на что тебѣ! Далъ бы мнѣ лучше. Я бы на него нитокъ купилъ.

— Пойдемъ пиво пить.

Ванька и Панфи́ль идутъ въ пивнуу.

— Знаешь что, Ваня? говоритъ Панфи́ль, выпивая стаканъ.

— Ну, что тебѣ?

— Не пилъ бы ты водку. А то хуже отъ нея. Ты еще мальчикъ.

Ванька указательнымъ пальцемъ правой руки проводитъ по губамъ Панфи́ля; слышится звукъ: брр... Ванька смѣется.

— Ты не озарничай, Ваня, замѣчаетъ Панфи́ль, отирая рукою губы.

— Панфи́ль!

— Ой, что ты какъ громко крикнулъ... Что тебѣ?

— Кого я боюсь? Хочу—кричу... Не пойдемъ нынче на работу послѣ обѣда!

— А что же?

— Да не пойдемъ да и только: не хочу! Пойдемъ домой.

— Ну, ну, соглашается Панфи́ль.

Приходятъ домой.

— Знаешь что, Ваня, заявляетъ Панфи́ль.

— Ну?

— Давай еще обѣдать, а что-то въ столовой не найлся.

— Выдумаетъ! Разъ обѣдалъ, другой еще! Да давай, пожалуй.

— Я пойду, въ лавочку сбѣгаю.

— погоди, тебѣ все равно тамъ не дадутъ въ долгъ. Я лучше самъ пойду, всего принесу. Мнѣ если лавочникъ не дастъ, такъ я его благороднымъ манеромъ обругаю. А тебя онъ въ зашен можетъ прогнать. Ухъ! кричитъ Ванька и подпрыгиваетъ. Панфи́ль отъ этого крика произноситъ: ой! Ванька смѣется.

Въ лавочку ходилъ Ванька очень долго, такъ что Панфи́ль подумалъ, что изъ лавочки онъ ушелъ куда-нибудь еще и уже не воротится, что съ нимъ часто случалось. На этотъ разъ, однако, Ванька ни куда не ушелъ, а возвратился домой и, кромя лавочной провизии изъ хлѣба, студня и соленыхъ огурцовъ, принесъ еще двѣ сороковки водки.

Сѣли пить и ѣсть.

— Гдѣ же ты денегъ на водку взялъ, Ваня? спрашиваетъ Панфи́ль.

— Гдѣ ни взялъ, да досталъ. Матрешу на пути встрѣтилъ.

Дай, говорю, тебя раздѣлюю. Не дается. Ну, не надо. Одолжи, говорить, Ваня, двугривенный въ займы, въ получку отдамъ. Что-жь ты, говорю, папиросница на фабрику зовешься, а двугривеннаго при себѣ не имѣешь? На, говорю, тебѣ четвертакъ намѣсто двугривеннаго. Послѣдній четвертакъ отдамъ изъ рубль, а рубль занялъ. Наши заводскіе на работу шли: а мы, говорю, съ Панфиломъ—вотъ! И показываю сороковку. Дворникъ на дворѣ спрашиваетъ: а покажь, что такое у тебя подъ ногой. Показать—не покажу, а понюхать дамъ, говорю, да взялъ пробкой ему въ носъ и ткнулъ. Осерчалъ, и—и заругался! А ты, говорю, не очень ругайся, колщевой зипунъ! Панфиль, что глаза выпялилъ на меня? Пей что-ли. Что сидѣть-то? Пѣсню споемъ. Нѣтъ, не нужно пѣсню. Панфиль, брр...

— Не замай меня, Ваня.

— А то спляшемъ. Ахъ, ты, рѣзвая дѣвчонка, погоди дай мнѣ ручку и по улицѣ пройди! ахъ, ахъ, ха, ха, ха! ха, ха!.. вотъ какъ! А то, шутъ ее побери, на заводѣ все, да на заводѣ. Пойду искать себѣ другого мѣста. Гдѣ-нибудь получше. Панфиль, уснуть?

— Нѣтъ. Нигдѣ не найдешь лучше, Ваня.

— Не найду, по крайности вездѣ обхожу. Развѣ ужъ кроме нашего завода и нѣтъ другихъ?

— А что-жь тамъ на другихъ-то?

— Вотъ мастерства никакого не знаемъ ты съ тобой, Панфиль. Что: чернорабочій! Кабы что-нибудь, токаремъ, али слесаремъ опять, вотъ маляры по лѣту, говорятъ, деньгу большую зашибаютъ. Пойдемъ мы съ тобой въ маляры на лѣто.

— Нѣтъ ужъ, что ужъ... Тамъ тоже снаровка требуется.

— Никакой снаровки тебѣ не надо, а ходи да цикатурь. Вотъ опять цикатуры. Обои тамъ приклеивать. Это и я могу. А то въ паркетчики. По барскимъ домамъ полы лощить, а? Панфиль, многоль ты лѣтъ ходишь по заводамъ?

— Съ малыхъ лѣтъ.

— Кабы намъ въ позументчики? Ты бы сталъ держать, а я бы позументомъ обводилъ матерію. А то въ эти, какъ они... Какъ бишь, они... Вотъ еще недавно приходилъ къ намъ въ мастерскую заниматься одинъ таковой... какъ ихъ, дьяволовъ...

— Кузнецъ, можетъ.

— Какой кузнецъ, самъ ты кузнецъ! Велика птица—кузнецъ! Пей водку-то, что не пьешь? Да. Наймусь я обучаться мастерству. Панфиль!

— Что, Ваня?

— Шутъ-то ее побери совсѣмъ, эту самую работу проклятую!

Работаешь, работаешь... Кабы въ деревню увъхать что-ли... У тебя сродственники есть въ деревнѣ, Панфилъ?

— Никого нѣтъ теперь.

— А здѣсь?

— И здѣсь никого.

— Да и въ деревню прійдешь, что тамъ?.. Тому да другому, пятому да десятому; полагають, что у тебя въ карманѣ Богъ знаетъ, какія деньги! Опять шляться тамъ по чужимъ угламъ— тоже не великая выгода. Свѣдочи! «Какъ на нашемъ на заводѣ, повѣсилса на приводѣ—Панфилика мужикъ! Панфилика мужикъ! У него ли въ zipуиъ»... Панфилъ, ты что? а? Панфилъ? ты что плачешь? а?

У Панфила, дѣйствительно, изъ глазъ текли слезы; онъ ихъ старался сдерживать, но онѣ текли.

— Панфилъ, ты что плачешь? Да что ты, братецъ мой... Эхъ, ты, а еще Панфилъ! Слушай! Ей, Панфилъ! кто тебя родилъ? Будетъ тебѣ... «Ахъ, послушайте, дѣвчонки, моего совѣта, выпьемъ мы по рюмочкѣ, просидимъ до свѣта!» Панфилъ! да о чемъ ты?

— У меня, окромѣ тебя, никого нѣтъ больше, Ваня! проносятъ Панфилъ.

— Ну такъ что-жь? Экая бѣда! Ужь и дуракъ же ты, Панфилъ!

— Ты мнѣ все равно, что родной сынъ, Ваня.

Ванька хохочетъ.

— Ты, Ваня, не смѣйся, что ты смѣешься?

— Да какъ надѣ тобой не смѣяться!

— Если бы тебя не было, я и не знаю, чтобы со мной было.

— Ну вотъ. Что я тебѣ, каждое воскресенье на орѣхи что-ли дам?

— Не на орѣхи.

— Такъ что-жь?

— Такъ.

— Ужь и дуракъ же ты, Панфилъ, ей Богу. Найдеть о чемъ говорить. Пей вотъ лучше водку, пристыла она у тебя въ рюмкѣ.

— Я тебя, Ваня, знаю вотъ съ эдакихъ малыкъ лѣтъ!

— Ну и знай. А я тебя знаю, какъ ужъ у тебя борода выросла...

— Тогда тебя привезли сюда...

— Да будетъ тебѣ, пожалуйста, а то я коли такъ, и уйду сейчасъ, перебиваетъ Ванька.

— Ну, ну, не буду. Я не буду больше, Ваня, не буду... Не

надо... И то я, что я! Не буду... Я больше не буду... Лучше мы... ты что хочешь, Ваня?

— Ничего я не хочу. Я сейчас пойду в трактиръ органъ слушать.

— И я съ тобой пойду.

— Иди, воль хочешь.

Въ трактиръ Панфилъ тотчас же усаживается въ уголь и начинаетъ слушать органъ, а Ванька становится у дверей, чтобы съ одной стороны органъ слушать, а съ другой въ бильярдную смотрѣть, какъ тамъ играютъ.

Какой-то пьяный рабочій, находившійся въ трактиръ, вставъ съ своего мѣста, начинаетъ ходить мимо Панфила; спустя двѣ минуты, онъ, проходя мимо, тыкаетъ послѣдному въ носъ кулакомъ и произноситъ: ууу... Панфилъ! Потомъ снова проходитъ, снова тыкаетъ и произноситъ: ууу, Панфилъ! Панфилъ по возможности отстраняетъ приподносимую къ его носу чужую руку съ кулакомъ и спрашиваетъ: не трожь, пожалуйста! Операциа эта продѣлывается нѣсколько разъ. Ванька глядитъ отъ двери и смѣется. Подвадориваемый общимъ вниманіемъ, пьяный рабочій еще чувствительнѣе начинаетъ приподносить кулакъ и, наконецъ, нечаянно такъ сильно тыкаетъ, что у Панфила показывается изъ носу кровь. Кто-то изъ зрителей замѣчаетъ:—ты ужь, братъ, черезъ-чуръ! Ванька подходитъ къ Панфилу и спрашиваетъ:

— Это ты что, Панфилъ?

— Ууу, Панфилъ, мычитъ пьяный рабочій, видя, что тотъ уже обтирается и, стало быть, кровь изъ носу перестала течь.

— А вотъ тебѣ: уу! отвѣчаетъ Ванька и съ размаха всей латерней заѣзжаетъ пьянаго рабочаго по мордѣ.

— Ты шути, да не зазнавайся!

Рабочій пошатывается и падаетъ на стулъ. Кто-то изъ зрителей кричитъ:—«вотъ это сдача! ловко! молодецъ! эй, половой, чортъ тебя возьми, живо пару бутылкокъ пива!»

Пьяный рабочій отирается и произноситъ:

— Чтѣ ты больно... Вѣдь я такъ, знамо дѣло... Я его знаю, Панфила, развѣ я его не знаю, что ли! Кабы я его не зналъ, а то вѣдь я его знаю!

Спустя нѣкоторое время, Ванька подходитъ къ Панфилу и говоритъ:

— Пойдемъ, Панфилъ, домой. Чорта ли тутъ дѣлать, а дома по крайности сороковка еще осталась.

— Ну, пойдемъ, соглашается Панфилъ.

IV.

Сидитъ Панфилъ за станкомъ и работаетъ. Живо, ловко и аккуратно работаетъ. Очень онъ на работѣ изловчился, такъ что про него говорятъ:—«своемъ Панфилъ! и станокъ, братецъ ты мой, у него никогда не ломается, и пудами всегда онъ тебя превыситъ!»

Сидитъ и работаетъ. Такъ внимательно, что не замѣчаетъ, что вокругъ него дѣлается, не замѣчаетъ даже тѣхъ веревочекъ, тряпочекъ и бумажекъ, которыя ему привѣшиваетъ къ спинѣ кто-нибудь изъ шутниковъ, въ родѣ друга его и пріятеля Ваньки. Съ гуломъ заводскимъ Панфилъ такъ свикся, что, еслибы онъ вдругъ умолкъ, Панфилъ на первыхъ порахъ растерялся бы и, навѣрное, работу свою приостановилъ бы.

По окончаніи работъ, видитъ Панфилъ кусочекъ мыльца, оставшіяся у мыловара заводскаго неубраннымъ, и думаетъ: нынче субботній день, въ баню бы надо сходить! Потому беретъ этотъ кусочекъ мыльца и бережно завертываетъ его въ тряпочку. Въ такую же тряпочку завертываетъ три мѣдныхъ пластинки, плодъ его работы, вынувъ ихъ предварительно изъ своего короба. Затѣмъ идетъ къ выходу.

На дворѣ повстрѣчавшійся съ нимъ мастеръ спрашиваетъ его:

— Что, Панфиловъ, много-ль нынче сдѣлалъ пудовъ?

— Слава Богу, ничего, Леонъ Леоничъ! отвѣчаетъ тотъ.

— Экая ты безтолковая дубина, продолжаетъ мастеръ. — О чемъ тебя ни спроси, ни на что ты настоящаго отвѣта не дашь.

— Достаточно, слава Богу, я сдѣлалъ достаточно, торопится исправить себя Панфилъ.

— Достаточно. Это сколько же выходитъ пудовъ—достаточно?

— Благодаря Бога, ничего. Я что-жь, Леонъ Леоничъ, я работаю каждую минуту, не сижу праздно, я, право, со всѣмъ моимъ стараніемъ...

— Статуй ты несуразный! Нешто я въ лѣности тебя уверю... дуботолкъ!.. Панфилъ, кто тебя родилъ?

Въ это время, вмѣстѣ съ другими, начинаютъ обнимать, по заведенному порядку, и Панфила при выходѣ съ заводскаго двора на улицу. Обшаривъ съ ногъ до головы, привратникъ ощущиваетъ у него въ карманѣ что-то подозрительное, а потому спрашиваетъ:

— Ну-ка, покажи, что у тебя тамъ?

Панфила бросаетъ вдругъ въ жаръ отъ этого вопроса. Оправившись, онъ отвѣчаетъ:

— Это у меня, Прохорычъ, такъ, тряпочка... Она у меня дома, такъ я ее изъ дома захватилъ... Вотъ руки если обтереть, станокъ обтереть. Она у меня въ карманѣ всегда.

— Покажи.

— Да ей Богу же! что ты, Прохорычъ!

— Ну-ка, ну-ка...

Подходить вахтеръ.

— Что тамъ такое еще?

— Вотъ у него что-то будто въ карманѣ...

— Что у тебя тамъ въ карманѣ?

— У меня вотъ, я ее изъ дома захватилъ, она у меня всегда въ карманѣ, руки обтереть, тряпочка.

— Тряпочка?

— Она самая, тряпочка.

— Ну-ка, пойдѣмъ въ сторожку, какая у тебя тамъ тряпочка! говорить вахтеръ.

— У-у-у! проносится шумъ въ толпѣ.

— Что такое? кричитъ вахтеръ, останавливаясь.

Толпа притихаетъ. Вахтеръ, вслѣдъ за Панфиломъ, входитъ въ сторожку, стоящую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ.

— У-у-у-у! снова неудержимо раздается гулъ въ толпѣ.

Вахтеръ выходитъ изъ сторожки, останавливается на крыльцѣ и пристально всматривается въ толпу; шумъ снова затихаетъ.

Подходятъ мастеръ, писарь, кладовщикъ и прочая «администрація».

— Что, аль попался кто?

Вахтеръ, мастеръ и прочіе входятъ въ сторожку. Толпа быстро бросается вслѣдъ за ними и въ одинъ моментъ обгѣпляетъ два окошечка, черезъ которыя проникаетъ свѣтъ въ сторожку. У воротъ на нѣсколько минутъ происходитъ суматоха, давка, крикъ, но вскорѣ сторожами-привратниками восстанавливается должный порядокъ.

— Эй! отъ окошекъ отойдите! что стали! черезъ васъ не видать ничего! слышится громче всѣхъ крикъ.

Въ общемъ движеніи раздаются отрывочные разговоры и возгласы:

— Ребята, это кого?

— Панфила.

— Какого Панфила?

— Панфилова.

— Изъ какой мастерской?

— Изъ нашей. Не далеко отъ меня работаетъ. То-то я давеча

замѣчаю, вертится, знаешь, то туда, то сюда, словно чего ищеть. Вотъ оно какъ разъ и есть.

— Это Панфила? того... какъ его...

— Да, да, его самого...

— Вынимае́тъ! слышится изъ того ряда рабочи́хъ, которые непосредственно оцѣпляютъ окна и глядятъ въ нихъ.

— Что? что вынимае́тъ-то? раздается со всѣхъ сторонъ.

— Не разгляднись... Ей, посторонни маленько голову, она не свѣча, поди... Тряпочку вынулъ изъ кармана. Слово тряпочку.

— Какъ тряпочку?

— Обнаженную. Ее самую, вѣрно. Мыльца кусочекъ въ ей, въ тряпочкѣ.

— Мыльца кусочекъ въ тряпочкѣ! повторяется въ толпѣ. Это онъ, должно быть, на баню. Непремѣнно на баню!

— Посторони же, братецъ, голову-то, прошу тебя, аль не видишь! Еще тряпочку развертываетъ. Пластинки. Три пластинки.

— Три пластинки, повторяется въ толпѣ.—Это съ его станка. На немъ сработывается. Зачѣмъ же онъ ему понадобились, пластинки-то? а?

— Ну-ка, ребята, дай я однимъ глазкомъ погляжу.

— Ты кто такой? Вонъ тамъ поди маленько постой, опосля приходи, всѣ окна уступлю... Ей, не налегай, рама треснетъ... Стой! самое настоящее, должно, вынимае́тъ...

Толпа притихаетъ и съ нетерпѣниемъ ждетъ. Проходить нѣсколько секундъ въ такомъ напряженномъ состояннѣ.

Потомъ первые ряды пятятся назадъ, словно окаченные холодной водой. За ними слѣдуетъ остальная масса, сначала молча, потомъ съ шумомъ и говоромъ. Очевидно, всѣ ждали одного, а къ изумленнiю своему, увидѣли другое.

— Тыфу! подумаешь, и вправду что ни на есть. А у него три пластинки, да мыльца кусочекъ. Зачѣмъ это онъ ему, пластинки-то, а? ты не знаешь? а?

— Кто его разберетъ, зачѣмъ это онъ. На свою шею теперь накачалъ бѣду. За мыльца кусочекъ... дорого оно ему обойдется! Статья такая есть.

— Про мыло?

— Тамъ вообще. Не трожь козьяскаго добра.

Все время Панфи́ль упорно молчитъ, пока изъ его кармана вынимаютъ «тряпочки» съ завернутыми въ нихъ вещами. Когда вынули мыльца кусочекъ, мастеръ удивленно произноситъ:

— Мыло!.. Эка ты, братецъ, чучело гороховое, польстился на что...

— Интересно, замѣчаетъ писарь. Ай да Панфиловъ!

— Гмъ... заявляетъ кладовщикъ, внимательно разсматривая кусочекъ мыла. Кусочекъ мыла обходить всѣ руки и заставлять всѣхъ и каждого обратить на себя особенное вниманіе, точно никто до сихъ поръ не держалъ въ своихъ рукахъ мыла. Въ тремъ пластинкамъ относятся нѣсколько иначе:

— Пластинки! восклицаетъ мастеръ. — Панфилъ, да на кой тебѣ ихъ рожонъ, а? Вотъ такъ ужъ удивилъ, признаюсь!

— Гмъ... провозноситъ свое сужденіе кладовщикъ. На что же бы это могло въ домашнемъ быту пригодиться, а вѣдь онъ же гроша мѣднаго не стоитъ, а? не знаете?

— Это бы словно... отвѣчаетъ слесарь. Да нѣтъ... не знаю, на что это ему потребовалось. Это тебѣ зачѣмъ, Панфилъ?

Такъ какъ начальства въ эту пору уже не оказывается на заводѣ и не къ кому поэтому вести проворовавшася Панфила, то пова отбираютъ отъ него вынутыя изъ кармана вещи и номеръ (жестянка), подъ которымъ онъ значится на заводѣ, и затѣмъ отпускаютъ его домой до слѣдующаго рабочаго дня.

Домой приходитъ Панфилъ молча, сосредоточенный въ самомъ себѣ. Молча садится за общій ужинъ и сидитъ такъ, какъ и вчерашній день и третьяго дня. Рабочіе калечатъ за ужиномъ о разныхъ разностяхъ, но Панфила ни однимъ словомъ не тревожатъ. Только, противъ обыкновенія, кто-то мимоходомъ говорить ему:

— Панфилъ, ѣшь! что не ѣшь!

На слѣдующій день, въ воскресенье, Панфилъ съ раннего утра уходитъ и пропадаетъ на весь день. Вскорѣ, послѣ его ухода, прибѣгаетъ Ванька и своими вопросами поднимаетъ на ноги всю квартиру.

— Гдѣ Панфилъ, гдѣ? Говорять, онъ что-то тамъ на заводѣ... а?

— А ты гдѣ пропадалъ?

— А? украдъ что ли? Мыльца кусочекъ, а? а пластинки-то, пластинки-то, а? вотъ тебѣ на! Пластинки-то... на кой ихъ гдѣ шій... Да я бы ему ихъ два десятка принесъ, еслибы онъ мнѣ сказалъ!

— Это ты какъ бы принесъ?

— Я ихъ тебѣ завтра три десятка приволоку, если понадобится... Запишу ихъ вотъ сюда, а въ вотъ въ это мѣсто, гляди, вотъ въ это мѣсто, да развѣ нельзя, ай, ай, ай! Онъ ихъ, должно быть, въ карманъ сунулъ...

— Словно третьюводни кто-то будто приходилъ въ нему. Мужикъ какой-то...

— Ну, вотъ. Безпремѣнно это онъ землякамъ захотѣлъ показать. Ахъ, Панфиль! теперь ему достанется за это.

— А что ему выйдетъ?

— Выйдетъ ему—просто прогнать съ завода. Да гдѣ онъ, а? Панфиль-то, гдѣ онъ? Ахъ, Панфиль, Панфиль, кто тебя родилъ...

У.

Въ обѣденное время слѣдующаго дня Панфиль сидитъ на квартирѣ сумрачный и скучный. Появляется привратникъ Прохорычъ сказать, чтобъ онъ шелъ къ начальству. Панфиль сидитъ за столомъ и молчитъ.

— Чтѣ жъ ты, чего дожидаясь? Говорятъ тебѣ, начальникъ требуетъ, вставай.

— Меня, Прохорычъ, изъ завода рассчитаютъ? спрашиваетъ Панфиль.

— А то помилуютъ чтѣ-ли? Эдакъ бы вамъ позволить, такъ вы бы весь заводъ растащили. Тому мыльца, другому тряпочку... иди!

— Боль такъ, я, Прохорычъ, не пойду!

— Вотъ я бы тебя за такія слова жарилъ, жарилъ... пошелъ бы! Какъ же ты не пойдешь, когда ты должнъ идти!

— Я, Прохорычъ, лучше не пойду, что-жъ мнѣ тамъ дѣлать? все равно ужъ...

— Опять это не твое дѣло. Дѣло, аль не дѣло, а ты должнъ идти.

— Ужъ лучше я, Прохорычъ, не пойду! Станутъ тамъ еще допытывать, мученье одно...

— Слушай, какъ же я одинъ безъ тебя приду! Приказано мнѣ, чтобъ ты безпремѣнно явился въ контору къ начальнику. Иди.

— Нѣтъ ужъ, право, лучше... ты, Прохорычъ, иди одинъ!

— Ахъ, ты, хамово отродье! Тыфу! стану я тебя еще просить! Сторожъ сердито выходитъ изъ квартиры, хлопнувъ за собою дверь. Но потомъ тотчасъ возвращается и, остановившись въ дверяхъ, спрашиваетъ:

— Идешь ты, аль неидешь?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ уходитъ.

Немного болѣе, чѣмъ черезъ полчаса, тотъ же сторожъ.

привратникъ снова является и на этотъ разъ категорически заявляетъ:

— Иди. Меня начальство опять прогнало за тобой. Пойдемъ!

— Ужь я лучше, Прохорычъ, не пойду! робко отвѣчаетъ Панфилъ.

— Да чортъ ты эдакій, несуразный! опять я дождусь одиъ придти въ контору! Иди сейчасъ! Я чтò за тобой ходитъ—лавей чтò ли... Иди сейчасъ!..

— Ты, пожалуйста, Прохорычъ... ты скажи: нейдетъ, и не приходи больше...

— Панфиловъ, иди! Я тебѣ дорогой рюмку водки поднесу.

Панфилъ молчитъ.

— Иди! зоветь сторожъ. — Я и самъ выпью. Какъ же я безъ тебя опять приду? Тамъ на меня и то крикнули: какъ нейдетъ?! ступай сейчасъ и скажи, чтобъ сейчасъ пришелъ! Пойдемъ, Панфилъ.

Панфилъ молчитъ.

— Водки выпьемъ дорогой. Ракомъ закусимъ. Ничего въ трактирѣ у Булановыхъ раки свѣжіе. Пойдемъ. Вставай. Ты чтò боишься? Можетъ, и ничего не будетъ. Пошумитъ, пошумитъ начальникъ, да и спадетъ.

Молчаніе.

Сторожъ быстро садится на скамью и раздраженно произноситъ:

— Я коль такъ, весь день адѣсь просижу, дьяволь ты эдакій! Сидятъ оба. Панфилъ на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, сторожъ нѣсколько поодаль.

Потомъ Прохорычъ говоритъ мягкимъ голосомъ:

— Панфилъ Панфиловичъ! пойдемъ, пожалуйста. Ты хоть только придти, а потомъ хоть сейчасъ же и уйди. Пойдемъ, пожалуйста! А то мнѣ либо штрафъ, либо чтò выйдетъ за тебя! У меня дѣтшки тоже есть, кормить надо. Пойдемъ, пожалуйста! Нѣшто я злодѣй чтò-ли какой, очень я хорошо понимаю!

Панфилъ конфузится и какъ-то робѣетъ, суетливо вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Потомъ говоритъ:

— Ты, Прохорычъ, прости меня, что я тебѣ хлопотъ наделалъ. Ты какъ-нибудь тамъ скажи... ты скажи, что дома его нѣтъ. Я, Прохорычъ, не пойду! Станутъ спрашивать, смѣяться, или ругаться... Нѣтъ, я не пойду!

Сторожъ встаетъ со скамьи и произноситъ:

— Анаемская служба, проклятая... На старости лѣтъ не знаешь покоя! И день, и ночь мытарьса! Думаешь, хотъ подъ конецъ жизни успокоиться, а подъ старость приходится и еще

того хуже... Царь Небесный, убери Ты меня поскорѣй! Затѣмъ Прокорычъ быстро хлопаетъ дверью и уходитъ. Спустя еще полчаса, другой сторожъ является звать Панфила, но и этотъ возвращается одинъ.

VI.

Дѣло о кражѣ рабочимъ Панфиломъ Панфиловымъ изъ завода «трехъ пластинокъ металлическихъ и куска мыла, цѣнностью на сумму одиннадцать съ половиною копѣекъ» разбирается въ судѣ и оканчивается обвиненіемъ подсудимаго и присужденіемъ его къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

— Совсѣмъ ужъ я теперь и не понимаю, что такое. Чтобы ему тогда придти въ контору къ начальнику да попросить его? Можетъ статья, и простилъ бы; дѣла, по крайности, не возбуждалъ бы! А онъ нейдетъ! И выходитъ, самъ виноватъ! Ахъ, дѣла! дѣла! размышляетъ мастеръ, сходя по ступенькамъ крыльца на улицу, послѣ окончанія дѣла.

— Интересное дѣло, чортъ его побери! сообщаетъ писарь.

— И на что ему только въ домашнемъ быту понадобились пластинки, а? удивляется кладовщикъ.

— Нѣтъ, это что, а надо по душѣ говорить, замѣчаетъ слесарь:— жалко его, работающій мужикъ былъ: такъ у него дѣло и лелось изъ рукъ, поискать такого работника.. Эхъ, Панфила! Панфила! Въ тракторъ бы что ли зайти, господи?

Передъ тѣмъ временемъ, какъ идти на «высидку», Панфила видится съ Ванькою, и между ними происходитъ такой разговоръ:

— Ахъ, Панфила, Панфила! начинаетъ Ванька, но потомъ вдругъ останавливается, дѣлаетъ серьезное лицо и продолжаетъ:

— Тебѣ, Панфила, надо денегъ... Ты вотъ возьми немножко, а коли будутъ, я тебѣ еще принесу въ острогъ. Ты знаешь, что́ ты не тужи... ей Богу!

Панфила молчитъ. Ванька продолжаетъ:

— А то вотъ теперь, кабы намъ съ тобой въ маляры на дѣло пойти! Оно собственно, ежели взять въ расчетъ, дѣло пустое. Я тутъ вотъ подыскалъ одного человѣка, ты, можетъ, знаешь его—Безпалый Митька. Теперь ужъ онъ—Митрій! Поглядѣлъ бы ты на него; ему палецъ тогда на лѣвой рукѣ въ нашей мастерской оторвало, какъ онъ работалъ у насъ... помнишь?

— Помню...

— Вотъ онъ теперь у механика работаетъ. У механика что́

*

ли, аль у машиниста какого, шуть его знаетъ; два рубля въ день получаетъ, хозьяйскіе харчи, коль не вретъ. Пальто это на немъ изъ чистаго аглицкаго сукна, по заказу шилъ нарочно, брюки клѣтчатые зеленые, каждый мѣсяцъ въ деревню посылаетъ по десяти рублей... Говорить мнѣ: хочешь, говорить, переходи, я тебѣ выхлопочу мѣсто! Вотъ, говорю, еслибы... Общайся. Тогда бы и ты, Панфилъ...

— Я, какъ выйду изъ острога, опять пойду проситься на нашъ заводъ, замѣчаетъ Панфилъ.

— Вотъ невидаль какая! По мнѣ хоть бы его и не было! Я безпрѣмѣнно къ этому механику поступлю.

— А если тамъ мастерство надо знать каковое?

— Митрій говорить: по первоначалу не надо знать, а послѣ ты обучишься у него, у механика, тогда тебѣ и плата пойдетъ другая.

Помолчали.

— Ваня! на моемъ станкѣ кто-жъ теперь работаетъ? спрашиваетъ Панфилъ.

— Какого-то новенькаго взяли, онъ и работаетъ.

— И-и! провнеситъ Панфилъ. — Ты бы перешелъ на него и работалъ бы, Ваня!

— А что?

— Такъ. Тотъ, новенькій, поди, не умѣетъ еще, сломаетъ, навѣрное, съ перваго раза.

— Пущай его сломаетъ!

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Онъ у меня какъ хорошо всегда шель... Чистить онъ его?

— Какъ не чистить! За это нашего брата поддергиваютъ.

— Ты ему, Ваня, скажи, пускай онъ его маслицемъ сначала смазываетъ, потомъ пускай постоитъ немножко, да опосля того ужъ и обтираетъ тряпочкой. Эдакъ онъ свѣтлѣй. Послѣ, какъ бохнетъ, опять его тряпочкой. Посмотрѣть бы теперь.

Помолчали.

— Опять этотъ механикъ. Какъ онъ засадитъ меня на три года въ обученье, да скажетъ— контрактъ надо написать! Милкѣ-то хорошо... И зачѣмъ это меня съ малыхъ лѣтъ мастерству не отдали обучаться! говорить Ванька.

— Ваня! а не заномеровали еще мой станокъ? собирались тогда номеровать всѣ станки подъ рядъ?

— Кто ихъ знаетъ. Этотъ чурка нѣмецкій ходитъ все вокругъ станковъ съ висточкой, словно пощъ кропить собирается. Евойная сестра что ли, аль другая сродственница какая, за механикомъ замужемъ, оттого ему и положили два рубля

— Не знаешь, Ваня, не говорилъ нѣмецъ, какую цифру означать на моемъ станкѣ при номеровкѣ?

— Ничего не говорилъ. Да какую... твой станокъ отъ начала девятыи?

— Девятыи, деватыи...

— Ну девятую цифру и выведутъ. Хорошо ему, что механикъ-то ему сродственникъ. Да вѣдь и я, коль на то пойдетъ, не посмотрю на его аглицкое пальто... Миѣ что, что у него цѣпочка серебряная на жилетѣ мотается... Вотъ на той сторонѣ заводъ какой-то, сказываютъ, скоро открывається...

— Ну прощай, Ваня, говорить Панфи́ль. Торониться надо. Ты, Ваня, доглядѣль бы за моемъ станкомъ покудова.

— Такъ что-жь! Я возьму да на него перейду. Попрошу мастера, онъ переведеть.

— Ты перейди, Ваня, попросись. У тебя-то ужъ онъ не испортится, я покоенъ буду.

— Ну прощай, Панфи́ль. И какой ты, Панфи́ль, чудакъ. Что-бы миѣ сказать тогда, я бы тебѣ полный десятокъ принесъ этихъ пластинокъ. Глядишь, и земляки бы твои насмотрѣлись.

VII.

Черезъ три мѣсяца Панфи́ль выходитъ изъ острога и тотчасъ бѣжитъ къ заводу. У воротъ встрѣчаетъ привратника.

— А Прохорычъ гдѣ-жь? аль его ужъ нѣтъ? спрашиваетъ.

— На кой тебѣ его... Никакого Прохорыча нѣтъ у насъ.

— Гдѣ-жь онъ?

— Я почему знаю. Спроси поди у него.

Жутко дѣлается Панфилу. Онъ пытается узнать что-нибудь о Прохорычѣ, но незнакомый привратникъ съ первыхъ же словъ обрываетъ его и говорить:

— Проваливай отсюда съ своимъ Прохорычемъ!

Панфи́ль отходить отъ воротъ и останавливается поодаль.

Въ обѣденный перерывъ работъ онъ встрѣчаетъ толпы рабочихъ, сбѣгущихъ домой, и между прочимъ мастера, къ которому подходитъ и кланяется.

— А, Панфи́ль! отвѣчаетъ мастеръ, продолжая свой путь. — Давно-ли?

— Только что нынче, Леонъ Леонычъ.

— Такъ...

— Леонъ Леонычъ, къ милости вашей, ужъ не оставьте на счетъ работишки! кланяется Панфи́ль.

— Может быть, братецъ. Ты зайди такъ черезъ недѣлю, а я переговорю въ это время съ начальникомъ.

Встрѣчаетъ Панфилъ писаря, кладовщика и слесаря. Писарь кричитъ:

— Панфилъ, господа! Ай да Панфилъ! Высидѣлъ, чортъ его побери! Молодецы!

— А, Панфилъ! говоритъ слесарь:—здорово, братъ. Нанюгъ себѣ работу, иль нѣтъ еще?

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ. Хотѣлось бы опять на старое мѣсто. Не можете ли замолвить словечко... Станокъ-то мой... какъ онъ, кто на немъ теперь работаетъ?

— Надо бы тебя, Панфилъ, опять на твой станокъ поставить. На немъ три человекъ перебывало; двоимъ пальцы поостерало съ непривычки, третій немножко привыкать начинаетъ. Надо быть, тебя примутъ. Ты бы мастера попросилъ!

Проходитъ недѣля въ ожиданіи. Впродолженіе этой недѣли Панфилъ каждый день приходитъ къ заводу и, остановившись гдѣ-нибудь поодаль, около забора, сосредоточенно принимается смотрѣть на стѣны заводскія, на трубы закоптѣлыя, въ огнь на половину перебитыя... Внимательно прислушивается къ заводскому гудку, на который раньше не обращалъ вниманія, или, если и обращалъ, то на столько, на сколько это нужно было для того, чтобы не опоздать на работу. Теперь же гудокъ самъ по себѣ привлекаетъ его вниманіе и напоминаетъ ему разные случаи изъ его заводской жизни, такъ или иначе соприкасавшіеся именно съ гудкомъ. Представляется ему, какъ однажды, по оплошности машиниста, данъ былъ фальшивый, то есть не въ-время, гудокъ и всѣ рабочіе со всѣхъ мастерскихъ повыбѣжали на дворъ, полагая, что на заводѣ случился пожаръ, и какъ за то, что они повыбѣжали не въ-время, нѣкоторымъ изъ нихъ начальство поставило штрафы, собственно въ назиданіе, чтобы впредь никогда не убѣгали отъ станковъ въ неурочное время. Вспоминается ему другой гудокъ, возвѣстившій дѣйствительно уже, а не фальшиво, о пожарѣ, на который должны были (по заводскимъ правиламъ) бѣжать всѣ безъ исключенія рабочіе заводскіе; прибѣжалъ тогда и онъ, Панфилъ, и второпяхъ, по разсѣянности, или отъ излишняго усердія, или по какой другой причинѣ, вмѣсто горѣвшаго строенія, ухитрился вылить ведро воды на спину начальника своей мастерской, который за такую глупость поставилъ ему штрафъ въ тридцать копеекъ серебромъ. И многое другое вспоминается Панфилу при ежедневномъ невольномъ разсматриваніи завода...

По прошествіи назначенной недѣли мастеръ говоритъ Панфилу:

— А, Панфи́ль! забываю я все переговорить съ начальникомъ. Приди ты такъ дней черезъ пять.

— Ужь будьте такъ добры, Леонъ Леоничъ! кланяется тотъ.

Проходить еще пять дней. Очень длинными кажутся они Панфи́лу. Но онъ все-таки аккуратно каждый день продолжаетъ носить заводъ или, вѣрнѣе, не заводъ, въ который постороннему человѣку входъ воспрещается, а ворота заводскія. Ровно въ семь часовъ утра приходитъ, когда работа начинается; ровно въ первомъ часу пополудни уходитъ домой, какъ будто для того, чтобы обѣдать, и, наконецъ, ровно въ семь часовъ вечера прощается съ заводскими воротами до слѣдующаго утра.

Приходитъ желанный день отвѣта мастера. Думаетъ Панфи́ль: слава тебѣ Господи! дождался! Нынче получу отвѣтъ, завтра на работу выйду. Какъ-то мой станокъ теперь—поскорѣй бы увидать его!

Не такой однако отвѣтъ получается отъ мастера:

— Нельзя, Панфи́ль, оказалось.

— Ужь будьте такъ добры, Леонъ Леоничъ! торопливо произноситъ Панфи́ль, какъ бы не разслышавъ или, вѣрнѣе, пропуская мимо ушей громко прозвучавшее слово «нельзя».

— Видишь, какая исторія, продолжаетъ мастеръ:—если кого исключаютъ изъ завода по суду, такъ ужъ того больше никогда не принимаютъ. Теперь ужъ тебя нельзя принять на работу. Хотя ты и хорошій работникъ, и начальникъ объ этомъ знаетъ, а только такое правило, что нельзя.

Панфи́ль намѣревается что-то сказать, даже ротъ раздвигаетъ для этого, но у него ничего не сказывается, и онъ, не начавъ говорить, умолкаетъ.

Медленно, понуривъ голову, плетется Панфи́ль вдоль рѣчки, протекающей неподалеку отъ завода. Подходить случайно къ рабочимъ, толпою поднимающимъ толстыя бревна съ берега и по двумъ перекладинамъ втаскивающимъ ихъ на заборъ, послѣ чего брусъ укладываются на дворъ въ правильный четырехъ-угольникъ. Рабочіе шумятъ, бранятся и безбожно кричатъ, словно тысячу рублей нашли и не могутъ между собою раздѣлить по ровну. Панфи́ль останавливается; стоитъ четверть часа, полчаса, въ какомъ-то ошмѣтѣнн, не слыша ни крика, ни шума вокругъ себя... Можетъ быть, и больше простоялъ бы, еслибы кто-то изъ толпы не крикнулъ ему:

— Эй, чего ты тутъ, стоишь! Гляди, давнеть тебя по башкѣ, сторонись!

Панфи́ль идетъ далѣе, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Потомъ останавливается и садится на брусъ. По правую сторону отъ

него разстилается поле, на срединѣ котораго торчатъ груди навоза и летаютъ галки. Впереди, вдали, такая же толпа рабочихъ возится съ брусками и немилосердно шумитъ, но шумъ доносится до Панфила уже болѣе тихій. По лѣвую сторону, тоже вдали, видѣются заводскія трубы заводскія и обрисовываются громадная заводскія постройки. Поворачиваетъ Панфилъ голову въ эту сторону и долго и пристально смотритъ. Слезы каплютъ изъ его глазъ, онъ ихъ обтираетъ и все продолжаетъ смотреть туда. И видится ему только труба одна громадной вышины, къ низу шире, къ верху уже, и изъ трубы валитъ черною глыбою дымъ. Глядитъ Панфилъ именно на этотъ дымъ, и ни мысли, ни думъ никакихъ не пробуждается въ его головѣ, тяжесть одна давитъ его...

Долго просиживаетъ онъ въ этомъ глухомъ мѣстѣ. Вдругъ ему слышатся протяжные и жалобные звуки. Панфилъ прислушивается. Потомъ встаетъ и заглядываетъ подъ брусъ. Еще явственнѣе доносится до него тоскливое мяуканье котенка. Панфилъ вытаскиваетъ его изъ ямы и сажаетъ къ себѣ на колѣни. Брошенный въ яму котенокъ, должно быть, долго томился тамъ: это замѣчаетъ Панфилъ по его до крайности исхудалому тѣлу, воспаленнымъ глазамъ и судорожнымъ движеніямъ, предшествующимъ голодной смерти. Котенокъ мечется на колѣняхъ, какъ ошалѣлый, царапается къ верху, мяучитъ нестерпимо жалобно и выражаетъ крайнее безпокойство. Потомъ вдругъ утихаетъ, не сразу, а постепенно, но замѣтно, перестаетъ издавать тоскливые звуки, перестаетъ метаться изъ стороны въ сторону. Панфилъ торопливо суетъ свою руку въ одинъ карманъ, въ другой, всадъ шаритъ и нигдѣ не находитъ ни кусочка хлѣба. Видѣтъ съ тѣмъ въ немъ самомъ вдругъ пробуждается сильнѣйшій аппетитъ. Тутъ только Панфилъ вспоминаетъ, что онъ со вчерашняго дня и до сей поры ничего еще не ѣлъ. Надѣялся онъ сегодня поступить на заводъ и тотчасъ же призанять рублешко изъ заводской кассы, но на заводъ не поступилъ, и денегъ поэтому не могъ занять...

Вспоминаетъ Панфилъ о Ванькѣ. Привстаетъ съ бруса, потомъ нагибается къ землѣ и пристально всматривается въ котенка. Котенокъ еле дышитъ, изнуренный, съ раскрытымъ ртомъ и расширенными глазами. Панфилъ беретъ его въ руки и послѣдно шагаетъ назадъ, по направлевію къ городу...

- Да тебѣ кого надо-то?
- Мнѣ Ивана, ему прозвище Качаловъ.
- Такъ тебѣ что?

— Тс-тс вотъ мнѣ надо его. Ты его позови, аль поиди въ мастерскую да расскажи...

Привратникъ уходитъ и потомъ, возвращаясь чрезъ нѣсколько времени, заявляетъ Панфилу, что такой рабочій, правда, работаль у нихъ на заводѣ, но только теперь не работаетъ уже и, какъ слышии, перешоль на сосѣдній заводъ.

Бѣжить Панфи́ль на сосѣдній заводъ. Тамъ ему привратникъ послѣ длинныхъ распросовъ и поясненій, говоритъ:

— Такъ, такъ, это тотъ самый. Теперь я вспоминаю... Такой парень ловкій. Иди ты въ больницу и тамъ его увидишь...

— Чтѣ-жь онъ захворалъ, иль чтѣ? переспрашиваетъ Панфи́ль.

— Много ихъ тутъ захворало заразъ. Такъ захворало, такъ захворало, что и говорить не хочется. Иди, самъ тамъ увидишь, махаетъ рукою привратникъ.

Еще послѣшнѣе бѣжить Панфи́ль въ больницу. Самъ трясется, дрожить, не отъ холода, а отъ волненія, предчувствія чего-то очень плохаго; къ тому же, и пустота желудка производить нѣкоторое нервное раздраженіе.

Прибѣгаетъ въ больницу. Болѣе получаса распрашиваетъ, кого ему нужно, и гдѣ такого человѣка можно видѣть. Наконецъ, сторожъ и прислуга больничная уразумѣвають, кого именно ему нужно, и говорятъ. Какъ громомъ, поражаетъ Панфи́ла это извѣстіе...

— Пойдемъ, родимый, я проведу тебя туда, говоритъ сердобольная сидѣлка, замѣтя, какое сильное впечатлѣніе произвело на Панфи́ла сообщенное ему извѣстіе.

— Тебѣ онъ не сродственникъ ли приходится?

Панфи́ль не отвѣчаетъ на вопросъ и машинально идетъ слѣдомъ за сидѣлкой. Проходятъ они черезъ весь дворъ, усаженный кое-гдѣ деревцами, и входятъ въ небольшое строеніе, стоящее поодаль отъ прочихъ больничныхъ зданій.

Стоитъ бѣдный Панфи́ль и не видитъ ничего, не слышитъ. Казалось, будто человѣкъ совершенно окаменѣлъ. Кровь застыла въ жилахъ; сердце перестало биться. Умъ совершенно парализовался; память куда-то улетучилась, чувство сжалось и присмирѣло...

Кругомъ стоитъ тишина гробовая въ буквальнойи смыслѣ. На полу, около стѣнъ, разставлены гробы съ только что умершими покойниками. Лица покойниковъ прикрыты бѣлыми полотнами. Одно лицо оставалось открытымъ, но его нельзя было узнать, и, еслибы не сидѣлка, Панфи́ль не узналъ бы въ немъ своего друга Ваню.

Стоитъ Панфилъ на одномъ мѣстѣ и не можетъ тронуться. А сидѣлка, между тѣмъ, причитаетъ:

— Привезли его, роднаго, съ завода ни жива, ни мертва, страсти Божіи — глядѣть было на него: глазныики полопались, голова обнажилась отъ волосъ сгорѣвшихъ, тѣло не тѣло, чело-вѣкъ не чело-вѣкъ, спаленный, обжаренный...

Вдругъ Панфилъ стремительно бросается къ сидѣлкѣ и бор-мочеть:

— Это, это... кто его? это кто его такъ изуродовалъ?

Сидѣлка отступаетъ шагъ назадъ отъ Панфила и со страхомъ смотритъ на его страшно блѣдное лицо и мутно-блуждающіе глаза. Панфилъ повторяетъ свой вопросъ. Та отвѣчаетъ:

— Господь одинъ вѣдаетъ... Котлы у нихъ на заводѣ взор-вались, или что другое взорвалось, ужъ я тебѣ не могу, роди-мый, доподлинно объяснить, а только что всѣхъ ихъ въ эту пору на воздухъ приподняло, опосля того на землю спустило!

— Иванъ! Иванъ! кричитъ Панфилъ.—Ты встань, ты хоть на минутку встань!

Сидѣлка подозрительно оглядываетъ Панфила.

— Родимый! что ты, въ своемъ ли умѣ? Перекрестись, сотвори молитву...

Панфилъ припадаетъ къ гробу...

— Ваня! Ваня! меня изъ острога-то выпустили... ты встань!

Сидѣлка быстро убѣгаетъ и черезъ двѣ-три минуты возвра-щается съ двумя сторожами, идя сзади ихъ... Сторожа, въ свою очередь, входятъ тоже очень осторожно и крадучись, какъ будто впереди ихъ ожидаетъ какая напасть. Подойдя къ Панфилу, они останавливаются. Спустя секунду, сидѣлка вскрикиваетъ, а за нею и сторожа вздрагиваютъ: они видятъ на полу около гроба мертвaго котенка.

— Почтенный! нельзя ли... позвольте васъ... обращаются сто-рожа къ Панфилу и берутъ его за руки. Панфилъ не сопроти-вляется. Сторожа выводятъ его изъ покойницы. Панфилъ вдругъ дѣлается тихъ, какъ рыба, и покоренъ, какъ дитя... Его ведутъ въ дежурному врачу больницы, а послѣ того отпускаютъ на волю, оставивъ въ сильномъ подозрѣніи относительно состоянія его умственныхъ способностей. Панфилъ выходитъ на улицу...

П. Волоховъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ.

(Нѣсколько отвѣтовъ на запросы ученыхъ и неученныхъ людей, изъ дневника наблюдателя) ¹.

VI.

ДЕРЕВЕНСКІЕ СХОДЫ.

Вотъ уже второй день, какъ у насъ идетъ сходъ за сходомъ. Посмотришь въ окно, — то въ одномъ концѣ деревни, то въ другомъ толпятся хозяева, старики, ребяташки: одни сидятъ, другіе стоятъ передъ ними, заложивъ руки за спины и внимательно кого-то слушая. Этотъ кто-то махаетъ руками, изгибается всѣмъ туловищемъ, кричитъ что-то весьма убѣдительно, замолкаетъ на нѣсколько минутъ — и потомъ опять принимается убѣждать. Но вотъ вдругъ ему возражаютъ, возражаютъ какъ-то всѣ, сразу, голоса поднимаются выше и выше, кричатъ въ полное горло, какъ и подобаетъ для такой обширной залы, каковы окрестные луга и поля, говорятъ все, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ, какъ и подобаетъ свободному сборищу равноправныхъ лицъ. Ни малѣйшаго признака оффиціальности. Самъ старшина, Максимъ Максимычъ, стоитъ гдѣ-то сбоку, какъ самый не видный членъ нашей общины. Вотъ уже идетъ третій сходъ, я напрягаю все вниманіе и только чуть-чуть начинаю понимать, въ чемъ суть. Я нарочно не разспрашивалъ никого, объ чемъ толкуютъ наши мужики. Мнѣ хотѣлось непосредственно постигнуть суть деревенскаго схода и посмотрѣть, какой эффектъ производитъ онъ на свѣжаго интеллигентнаго наблюдателя. Признаться сказать, мое положеніе было очень глупое. Воображаю — какое глупое выраженіе было и на моемъ лицѣ, когда, послѣ двухъ часовъ при-

¹ См. «Отеч. Записки» мартъ и апрѣль.

сутствія вблизи схода, я уходилъ совершенно ступѣлымъ, не имѣя силъ связать ни одного яснаго представленія о происходившемъ. Между тѣмъ, каждый изъ мужиковъ, нѣсколько разъ отрываясь отъ преній разными хозяйственными случайностями, въ родѣ, напримеръ, того, что телка, задравши хвостъ, вырвется со двора—и ораторъ схватываетъ, на половинѣ своей блестящей рѣчи, колъ и бросается загонять ее; или пузатый двухлѣтній сыннишка реветъ благимъ матомъ, теребя отца-оратора за порты—и ораторъ принужденъ произвести родительское воздаяніе, прежде чѣмъ окончить свою рѣчь; несмотря на все это, нѣсколько разъ отрывающійся отъ преній ораторъ врывается въ бесѣду вновь съ яснымъ пониманіемъ всего, что происходило безъ него. — Вообще, эффектъ былъ поразительный. Цѣлый часъ напряженного вниманія, и въ концѣ полное сознание, даже обидное сознание одного только, что, видя передъ собой совершающійся жизненный процессъ, вы лишены всякой возможности въ немъ участвовать. Эти люди—совсѣмъ другіе люди, чѣмъ вы; эти рѣчи стоятъ внѣ вашего постиженія; изъ послылокъ дѣлаются выводы, какъ разъ противоположные тѣмъ, какіе логически дѣлаются въ вашей собственной головѣ. Сто разъ въ продолженіи часа ловишь аряднину нить, думаешь — вотъ, вотъ начинаю понимать, и вдругъ неожиданно кто-то вспоминаетъ о теткѣ Пенилѣ, да дѣдушкѣ Ермилѣ, которые когда-то были къ этому вопросу прикосновенны — и снова нить потеряна, и снова все заволокло туманомъ. Въ особенности характерна была по своему поразительному эффекту послѣдняя, четвертая сходка. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что чувствую себя не въ силахъ въ типичныхъ образахъ представить здѣсь мужицкую *общинную* сходку. Это — вещь почти невозможная для нехудожника, чрезвычайно трудная для художника изъ культурныхъ людей и выполнимая во всемъ объемѣ только художникомъ изъ народа. До сего времени наша художественная литература не дала ни одной маломальски типичной и яркой картины изъ области общинной жизни: мы не имѣемъ ни *общинныхъ* характеровъ, ни типичныхъ сценъ общинныхъ сходковъ, судовъ, передѣловъ—этихъ выразительнѣйшихъ и характернѣйшихъ картинъ народной жизни. Наши художники какъ-то ухитрились изображать народъ, отвлекая его совершенно отъ почвы, на которой онъ родился, выросталъ, дѣйствовалъ и умиралъ. Это и понятно. Гонимая исключительно за психологическими сюжетами въ сферѣ культурныхъ слоевъ, они тѣже приемы переносили и въ область народной жизни, благодаря полнѣйшему невѣжеству въ этомъ отношеніи. Понятно отсюда, что хуже деревни мы ничего не воспроизводили.

Гдѣ-то, въ одной статейкѣ, мнѣ пришлось натолкнуться на мысль, что, вѣроятно, воспроизведеніе народной жизни потребуетъ совершенно новыхъ художественныхъ приемовъ, что оно будетъ возможно только, когда въ сферѣ искусства будетъ сказано «новое слово».

По моему, эта мысль совершенно вѣрна. Мнѣ даже думается, что это «новое слово» выскажутъ вполнѣ только истинныя «дѣти народа»; только они, родившіяся и выросшія въ атмосферѣ общинной жизни, могутъ вызвать непосредственно изъ своей души образы этой жизни; только имъ возможно будетъ, въ полномъ объемѣ, осуществить идеалъ того искусства на социологической подкладкѣ, если можно такъ выразиться, о которомъ мечтаютъ современные философы. Народная жизнь, и въ характерныхъ, величавыхъ картинахъ исторической борьбы, и въ своихъ современныхъ будняхъ представляетъ неисчерпаемое богатство для вдохновеній истинно-народнаго, «соціального» художника. А нашъ культурный художникъ изъ этого матеріала сдумалъ сочинить только квази-патріотическія пантомимы, батальныя представленія съ турецкимъ барабаномъ и невыразимо пошлыя юмористическія кривлянья надъ мужицкимъ «рукосуиствомъ». Исключая тѣ честные, добросовѣстные, но робкіе зачатки истиннаго художественнаго воспроизведенія народной жизни, которые мы встрѣчаемъ въ небольшой группѣ такъ называемыхъ писателей изъ народнаго быта, мало-мальски реально-правдивыя попытки воспроизведенія массовой, общинной жизни народа, я, по-крайней-мѣрѣ, знаю только у Льва Толстаго, какъ на примѣръ, въ его «Поликушкѣ» сдачу рекрута. И что-же это такое? Двѣ странички легкіхъ набросковъ—только. Но всего замѣчательнѣе то, что, начиная съ Радищева, наша передовая интеллигенція всегда тяготѣла къ народу, всегда любезничала съ нимъ; не было почти ни одного крупнаго художника, который не посвятилъ бы воспроизведенію народной жизни своего «досуга». И—удивительное дѣло!—никто изъ нихъ, несмотря на замѣчательную талантливость и отзывчивость, не далъ намъ ничего глубже и реальнѣе замѣтокъ умнаго Радищева. Не доказываетъ ли это еще разъ, что «ветхій» культурный художникъ совсѣмъ не годенъ для воспроизведенія народной жизни, ни по приемамъ своего творчества, ни по свойству своей художественной природы, такъ чуткой къ проявленіямъ культурной жизни, и совсѣмъ глухой, мелкой, неспособной къ воспринятію могучихъ звуковъ народной массовой жизни.

Чтобы воспроизвести картину этой жизни, чтобы создать типъ *мірскаго, общиннаго* человека, нужно быть этимъ человекомъ, нужно носить, по-крайней-мѣрѣ, въ своей душѣ идеалы этого че-

ловѣна, нужно проникнуться его духомъ и умѣть вдохновляться тѣмъ, чѣмъ вдохновляется онъ... Задача нелегкая!

Перехожу къ поразившей меня четвертой нашей сходкѣ. О началѣ ея я узналъ, за четверть версты, съ горы погоста, гдѣ въ то время бесѣдовала съ батюшкой.

— А вѣдь эта сходка у насъ! сказалъ я, когда изъ-подъ горы стала доноситься до меня такой ужасающій шумъ, какъ будто гудѣлъ цѣлый базарь.

— Надо думать — парламентъ! замѣтилъ иронически батюшка: — а по-просту — овцы безъ пастыря.

— Да зачѣмъ же имъ пастырь, батюшка? Кажется, и безъ него ладно обходятся.

— Точно-съ, дивлюсь!.. Какъ вѣдь вотъ ругаются — до умопомраченія! Думаешь иной разъ, того гляди въ колья примутся, до смертоубійства дойдутъ! Бывало, въ новинку мнѣ, случалось — бѣгали къ нимъ. Услышишь вотъ такой гомонъ, испугаешься — и побѣжишь разнимать! А у нихъ это — парламентъ!.. И ничего — глядишь, черезъ полчаса опять мирными поселанями живутъ, да еще въ компаніи и водочку попиваютъ!..

— Вотъ видите! Зачѣмъ же тутъ пастырь?

— Да оно такъ... Только какъ будто, на нашъ взглядъ, непривычно... безъ пастыря-то.

— Ну, извините... Я побѣгу... Мнѣ хочется узнать — чѣмъ кончится эта сходка, распрощался я съ батюшкой.

Когда я прибѣжалъ въ деревню, надъ ней висѣла такая забористая, вычурная и крутая брань, что никакой благовоспитанный парламентъ не согласился бы признать себя, даже въ отвлеченномъ принципѣ, аналогичнымъ съ этимъ сборищемъ мужицкихъ депутатовъ. Сходка была нынче, видимо, полная. Большая толпа колыхалась противъ моей избы. Тутъ собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернушіеся съ заработковъ на страдное время, бабы и ребятишки. Я помѣстился, какъ и всегда, у избы, противоположной сходкѣ (какъ человекъ новый въ деревнѣ, я не рѣшалъ забираться въ самую сходку, просто чтобъ не стѣснять ни себя, ни мужиковъ). Въ этотъ моментъ ораторскія пренія на сходкѣ достигли уже своего апогея. Если я и на болѣе сновидныхъ сходкахъ очень немногое могъ сообразить, то теперь и по-давно; я ощущалъ только безразличный сплошной гудъ въ ушахъ, иногда покрываемый особенно рѣзко вырвавшейся изъ общаго гула фразой. Но я видѣлъ передъ собой непосредственнаго человека *au naturel*, въ своей рубашкѣ, во всей своей красѣ. Прежде всего, меня поразила замѣчательная откровенность непосред-

ственнаго человѣка; чѣмъ онъ непосредственнѣе, тѣмъ меньше въ состояніи маскировать свои мысли и ощущенія; разъ овладѣло имъ возбужденіе, оно охватываетъ его быстро—и онъ уже тутъ весь загорается и не потушаетъ до тѣхъ поръ, пока не выспиллетъ передъ вами все достоиніе своей души; онъ тутъ ни передъ кѣмъ не стѣсняется; тутъ нѣтъ и признака дипломатіи. Мало того, что онъ раскроетъ здѣсь всю свою душу, онъ еще расскажетъ и про васъ все, что только когда-либо зналъ, и не только про васъ, но и про вашего отца, дѣда, прадѣда... Здѣсь все идетъ на чистоту, все становится ребромъ; если кто-либо, по малодушію или изъ расчета, вздумаетъ отдѣлаться умолчаніемъ, его безжалостно выведутъ на свѣжую воду. Да и малодушныхъ этихъ на особенно важныхъ сходахъ бываетъ очень мало. Я видалъ самыхъ смиренныхъ, самыхъ безответныхъ мужиковъ, которые, въ другое время, слова не захнутъ сказать противъ кого-нибудь—на сходахъ, въ минуты общаго возбужденія, совершенно преображались и, вѣруя пословицѣ «на людяхъ и смерть красна», набирались такой храбрости, что успѣвали перещеголять завѣдомо храбрыхъ мужиковъ. Въ минуты своего апогея, сходъ дѣлается просто открытой взаимной исповѣдью и взаимнымъ разоблаченіемъ, проявленіемъ самой широкой гласности. Въ эти же минуты, *когда, повидимому, частные интересы каждою достигаютъ высшей степени напряженія, въ свою очередь, общественные интересы и справедливость достигаютъ высшей степени контроля.* Эта замѣчательная черта общественныхъ сходовъ непосредственнаго деревенскаго человѣка особенно поражала меня. Мы еще встрѣтимся съ этимъ характернымъ явленіемъ въ «передѣлахъ», гдѣ оно представляется наиболѣе яркимъ и рельефнымъ.

Пренія на сходы шли crescendo; брань крѣпчала все больше и больше. Старики, обыкновенно сидящіе на завальнѣ, и тѣ поднялись всѣ и, сердито стуча кулаками, какъ пѣтухи налетали другъ на друга. Я видѣлъ, какъ Алешка Собакинъ, весь красный, съ рыжей лохматкой, толстый, съ такимъ же пуватымъ и взъерошеннымъ двухлѣтнимъ синимкомъ на рукахъ, наступалъ, крича во все горло, на своего старшаго двоюроднаго брата, Павла Гордѣева, у котораго, отъ сильнаго огорченія, соломенная шляпа совсѣмъ свалилась на затылокъ.

— Кто мѣшаетъ кончить? Кто? спрашивалъ, наступая въ свою очередь на Собакина, Павелъ Гордѣевъ.

— Ты!.. Ты!.. Ты! оралъ Собакинъ:—варнаки вы середъ насъ поселились! Ишь волю забрали! Богаты, дратъ васъ на шесть!

— Кто, идолянское твое происхождение? Кто? допрашиваю опять Гордѣевъ.

— Вы!.. Ишь, одинъ братецъ сидеть-посиживаетъ купцомъ въ городѣ, а другой—защитникъ проявится! Эхъ, вы, круподеры!.. Ха-ха-ха!.. Да право круподеры! разливается веселымъ хохотомъ Алешка по всей улицѣ отъ собственного остроумія.

Я видѣлъ, какъ «гусариха», высокая, худая, какъ щепка, вдова наступала, махая руками и постоянно поправляя сбивавшійся съ головы платокъ, на двоихъ стариковъ.

— Нѣтъ, вы еще за бѣдную вдову поплатитесь... Грѣхъ вамъ старымъ! кричала она:—грѣхъ!.. Ишь ты,—держи вишь землю, тани надѣлы!.. Будь ишь благодарна, дура, что у тебя надѣлы насильно не отняли!.. Да провались вы съ ними! Да что я—въ три жила себя что-ли буду тануть на землю-то!.. А?.. Нѣтъ, вы и землю-то возьмете, да и рожь-то снимите... Я вотъ положу руки да и буду сидѣть барыней... Потому у меня, вона руки-то, ровно плети висятъ, ломота ихъ ломить отъ пятерныхъ-то ребл-тишекъ... Такъ ты мнѣ мирскую помощь подай!.. Акулина Кротова не мнѣ чета — и той помощью рожь скали въ третьемъ году!.. А я—истомленная!..

— Чего? налетѣлъ вдругъ кто-то сзади на гусариху:—много васъ тутъ лѣзетъ за помочами-то!.. На себя всѣ жила вытанемъ, безъ помочей!.. Тутъ не до помочей!..

— Да ты чего? Безстыжкіе твои глаза! отпарировала гусариха:—вспомни-ка, кому помощью яровое-то впахали, какъ въ разтяжку-то ты животомъ по землѣ валялся да благимъ матомъ ре-вѣлъ? Кому?

Старики только отчаянно махали на гусариху руками и, поправляя на головѣ шляпы, отходили всторону.

А тутъ дѣдъ Матвѣй, сердито надвинувъ брови и постоянно подтагивая гашникъ, бурчитъ медвѣдемъ на стоящаго передъ нимъ и, видимо, поддразнивающаго его молодого мужа, въ какомъ-то засаленномъ парусинномъ пиджакѣ, суконныхъ шаро-варахъ и картузѣ.

— Ты вѣдь идолъ? солидно дравнилъ его парусинный пид-жакъ, его сосѣдъ по избамъ, плутоватый торгашъ.

— Вы мнѣ за изгородь подай... Вотъ что! бурчалъ дѣдъ.

— Вѣдь ты идолъ? Ты чего брови-то сѣдыя крышей на глаза напустилъ? Стыдно на добрыхъ людей глянуть!..

— Вы мнѣ за изгородь подай!.. Вотъ что!..

— Ты чего носъ-то налилъ? чего онъ у тебя красный? драв-нилъ пиджакъ:—смутьянъ ты старій!.. Изъ-за васъ канитель-то танется... Умирать бы пора ужъ!..

— Ты еще скажи, зачѣмъ ты ко мнѣ дохлую кошку въ огородъ подбросилъ? неожиданно поражаетъ дѣдушка Матвѣй:—ненавистники, дуй васъ горой!.. Ты мнѣ отвѣтъ за эту пакосты!..

— Вѣдь ты идолъ? Ты вѣдь ребятишкамъ подъ босня ноги стекла накидалъ у себя въ огородѣ! Вѣдь ты,—нишпага старца!

— Ты мнѣ за огородъ подай!.. Да еще я подумаю пересаживаться съ надѣла-то!.. Вишь охальники — весь міръ взмутили! всѣхъ хотять взбаламутить... Рады, что росписокъ дураки съ васъ не берутъ, рады, что дураки на слово вѣрять... Нѣтъ, васъ вотъ бумагой припирать надо-тъ!.. А то паткасы: то хочу мѣняться, то не хочу!.. Богаты, такъ думаетъ ему и воля! Изъ-за него—вся деревня трогайся!.. и т. д., и т. д.

А вотъ опять вдругъ покрываетъ всѣхъ голосъ Алешки Собакина, насмакивавшего на двоюроднаго брата Павла Гордѣева и теперь, освободившись отъ ребенка, какъ будто пронысшагося еще большей яростью.

— Ты чего защищаешь? Али угощаешь богато? Али въ городъ въ трактирѣ чаемъ пить братецъ-то?.. Эхъ, вы, оглашенные!

— Да ты кого посмѣлъ?.. Кто я тебѣ? Али забылъ?..

— Кто? Не забылъ!

— А кто тебя, подлеца, отъ тюрьмы-то ослобонилъ? Кто?..

— Кто?

— Вѣдь я тебѣ отецъ духовный, вѣдь я тебѣ, мошенику, крестный отецъ!..

— Кто?.. А кто тебя просилъ?.. Развѣ я тебя звалъ меня крестить-то? Ха-ха-ха! разливался опять Алешка на всю улицу.

— Мошеникъ—больше тебѣ названія нѣтъ. Собакинъ тебѣ и ключа! огорчился Павелъ и сердито сѣлъ на завальню.

Ну, думаю, сейчасъ—въ келья! Какъ вдругъ, къ неопisanному моему изумленію, Алешка направился ко мнѣ.

— Ваше благородіе, одолжите папирску! сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ и улыбаясь во всю рожу:—вотъ грѣхи! Ахъ, Боже мой!.. До чего у насъ ругань дошла! Крестнаго отца не пощадили! Вотъ какъ! Слышали?

— Слышалъ.

— Вотъ какіе грѣхи-то!.. А нельзя... Потому большая несправедливосты!..

Вдругъ сходка смолкла; только слышались одинокіе голоса, что-то больше ворчавшіе про себя.

— Что же это? въ удивленіи спросилъ я Алешку.—Кончили?

— Кончили!.. Слава-те Господи! Развязались съ грѣхами.

— И рѣшили ужъ?

Т. ССХLIV. — Отд. I.

— Рѣшили!..

— Да когда же?

— Вонъ—видишь, половина разошлась, половина—отдыхать усѣлась.

Дѣйствительно, половина сходки расходилась, половина размѣстилась около житницы: кто на завальѣ, кто на травѣ. Послышались шутки, хохотъ. Скоро вдоль улицы деревни пробѣжалъ въ припрыжку подростокъ съ четвертнымъ боченкомъ подмышкой. Значить—посланецъ въ волость за виномъ.

— Приходи, ваше благородіе, мірское вино пить! пригласилъ меня Алешка Собакинъ, уходя къ компаніи.

— Благодарю.

Я продолжалъ прислушиваться.

Дѣдъ Матвѣй уже сидѣлъ рядомъ съ своимъ неугомоннымъ «дразнилой» въ пиджакѣ. Дразнило продолжалъ еще надъ нимъ острить, но уже совсѣмъ въ добродушномъ тогѣ; компанія поддерживала и смѣялась; смѣялся, ворча, и самъ дѣдъ. А Алешка, помѣстившись какъ разъ противъ своего отца крестнаго, скоро уже вошелъ въ оживленную бесѣду, которую послѣдній велъ съ гусарихой. Мнѣ припомнились слова батюшки. «Рѣшили! Когда рѣшили? Что рѣшили? Вмѣсто того, чтобы «въ колья», рѣшили воду пить, что ли? Или рѣшили общинные вопросы, тѣ вопросы, которые волновали деревню продолженіемъ четырехъ сходокъ? Но гдѣ рѣшили, какъ?» я въ недоумѣніи спрашивалъ себя. И я, такъ внимательно слѣдившій за всѣми сходами, такъ заинтересованный задачей—уловить до мельчайшихъ подробностей проявленіе общинной жизни въ самомъ выразительномъ ея факторѣ—общинномъ сходѣ, я, къ собственному стыду, долженъ былъ сознаться, что не понимаю ни вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ общинѣ, ни преній по поводу ихъ, не смогъ даже уловить—когда и какъ эти вопросы были рѣшены. О, «свѣжій» культурный человѣкъ! Какъ понятенъ ты мнѣ сдѣлался тогда, какъ близокъ, какъ рельефно всталъ передо мною твой возмущенный благороднымъ негодованіемъ образъ! Какъ ясно помню я тогда, по какимъ причинамъ и изъ какихъ побужденій наполнилъ и наполняешь ты литературу пенями объ этомъ «стихийномъ сборищѣ пьяницъ», объ этой «безсмысленно дикой толпѣ», объ этомъ «сплошномъ севернословіи», именуемомъ сельскимъ сходомъ! Пастыря, пастыря сюда! невольно припоминалось мнѣ восклицаніе графа Орлова-Давыдова, резюмировавшее собою прѣзръе его всесловной волости.

Между тѣмъ, пока я сочувствовалъ пенямъ «свѣжаго чельвѣка», наблюдавшаго общинную жизнь, пока я скорбѣлъ вмѣстѣ съ

нимъ, мірской посланецъ уже вернулся изъ волости съ четвертымъ боченкомъ водки подъ мышкой. (Въ Ямахъ кабака не было; брали водку въ сосѣдней деревнѣ Разудаловкѣ, гдѣ имѣло пріютъ и волостное правленіе). Одинъ изъ общинниковъ, мужикъ лѣтъ 35, высокій, благообразный, здоровенной комплекціи, постоянно ходившій въ красной кумачной рубахѣ и сапогахъ съ наборами, говорившій ровно, спокойно — и при всемъ при этомъ плутъ первой степени, закадычный пріятель Алексея Собакина, и бывшій волостной старшина, черезъ полгода же проворовавшийся самымъ безобразнымъ манеромъ и тогда же отставленный — чинно принялъ отъ посланца-подростка боченокъ. Такъ же чинно и жготорливо, поощряемый общими прибаутками, сталъ онъ улаживать боченокъ въ серединѣ круга, образованнаго общинниками, подставляя подъ его бока кирпичи. А обстоятельный хозяинъ Павелъ Гордѣевъ сходилъ въ избу и принесъ графинчикъ и стакачки. Между тѣмъ, одинъ смиренный мужичекъ, почему-то состоявшій въ специальной должности «жеребевщика», заключающейся въ томъ, что у него на поясѣ хранились въ мѣшечкѣ «жеребья» (см. ниже), раскладывалъ на дощечкѣ закуску — пряничные орѣхи или, попросту, ржаные пряники бурого цвѣта.

Началось подношеніе. Въмѣсто брани, уже крѣпчало деревенское остроуміе. Но вотъ поднялся дѣдъ Матвѣй, большой носъ котораго дѣйствительно «налился» и особенно рельефно выступалъ на заросшемъ сѣдыми волосами лицѣ, а маленькіе безцвѣтные глаза, совсѣмъ пропадавшіе подъ навѣсомъ сѣдыхъ бровей, благодушно-пьяно смѣялись. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Пойдемъ мірское вино пить, сказалъ онъ: — велѣли звать за нашу компанію...

— Спасибо. Только вѣдь я не пью, дѣдушка.

— Ну ужъ, это ты тамъ какъ хочешь... Только нельзя. Надо тебя почествовать деревнѣ... Пріятство свети. Въмѣстѣ жить будемъ...

— Коли такъ, съ удовольствіемъ.

И я подошелъ къ кружку міранъ.

— Пріятной компаніи! раскланялся я.

— Благодаримъ. Садитесь съ нами мірское вино пить... Чтобы ужъ намъ, значить, съ тобой въ мирѣ жить, не ссориться, заговорили мужики: — а то какъ-то эдакъ не въ обычай у насъ — живетъ человекъ въ обществѣ, а дружны и обхожденія съ нами не имѣеть...

— Это, дѣйствительно, не хорошо!

— Чего хорошаго!.. Совсѣмъ плохо!.. Мы такъ не любимъ... Потому — кто тутъ разбереть: ты ли нами гнушаешься, мы ли

*

тебя обходимъ... Садитесь... Вотъ тутъ садись, промежъ стариковъ... Садись промежъ насъ, стариковъ, садись, да вотъ выпьемъ тѣмъ и дружбу закрѣпимъ! усаживали меня старики.

— Чтобы ужъ намъ въ одно жить, другъ дружки не утѣснять, по душѣ... Мы вѣдь откровенно живемъ, продолжали еще долго увѣрять меня мужики въ необходимости общенія съ ними.

— Благодарю. Я и самъ хотѣлъ съ вами сойтись, пригласить васъ къ себѣ, въ воскресенье, да вотъ вы предупредили меня.

— Такъ и надо! Такъ и подобаетъ. Потому мы хозяйя, а ты гость.

— Ну что, прикончили дѣла? Много вы кричали.

— Прикончили.—Мы вѣдь мужики—у насъ этого крику много! Мы въ полное горло живемъ... Народъ, конечно, необразованный, вахлаки! Тебѣ чай, поди, за эти дни и деревня наша недошла?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Только, признаться, мало я повялъ, объ чемъ у васъ толкъ шелъ.

Мужики въ разъ засмѣялись.

— Гдѣ понять!.. Базаръ — одно слово!.. Мы и сами-то плохо разбираемъ.

— Такъ какъ же вы рѣшаете?

— А кто е знаетъ!.. Кричимъ, кричимъ, да до чего-нибудь докричимся! пронизировали на свой счетъ миряне.

— Что же вы теперь, напригѣръ, рѣшали?

— Да мы все рѣшали!.. У насъ, братецъ мой, такъ бынать, у мужиковъ: заговори объ одномъ, начни съ малости, все обиходъ потревожишь!.. Вотъ у насъ теперь всю эту тревогу баба подняла. Баба у насъ есть, вдова, овдовѣла недавно — гусариха да гусариха прозывается. Вотъ невъ-за неа!.. отбилась отъ рукъ — и шабашъ.

— Какъ такъ?

— А такъ: надѣлъ она послѣ мужа тянула, оставили ми ей — нуцай орудуетъ съ ребятишками... А вотъ теперь взбунтовалась, противу начальства пошла!..

— Взбунтовалась, вѣрно! подхватили мужики и опять всѣ засмѣялись.

— Не хочу, говорить, податей платить!.. Ну васъ, говорить, къ яду и съ землей!.. Берите, да сами въ три жили ее и гоните!.. А мнѣ, говорить, съ одними ребятишками каторги-то довольно... Вотъ отъ самаго этого ея бунта все и пошло!

— Что же пошло?

— А то и пошло, что вотъ всю деревню гусариха и потревожила. Говоримъ тебѣ, что у насъ одно тронъ — все трясется.

Вотъ теперь она бунтуется, отъ надѣла отказывается—нужно этому надѣлу мѣсто прислать; нужно его на кого ни то, да назвать... Потому начальство на наши бабы бунты не очень посмотритъ! Ему подай! и т. д.

Я задавалъ вопросъ за вопросомъ; мужики отвѣчали, перебивая другъ друга, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, что вотъ какимъ образомъ взбунтовавшаяся баба «потревожила всю деревню» и какимъ образомъ пришелъ миръ къ благополучному разрѣшенію *цѣлой массы* поднятыхъ «бабынымъ бунтомъ» вопросовъ. Здѣсь мы еще разъ увидимъ, изъ какой невообразимо-перешлетенной паутины всякихъ компромиссовъ, невозможныхъ примиреній и противорѣчій приходится выпутываться общинѣ при каждомъ, даже самомъ незначительномъ актѣ общинной жизни. Дѣло вотъ въ чемъ:

По распаденіи большой промышленно-земледѣльской артели—семьи братьевъ Сысоя и Ивана Гордѣевыхъ, изъ нея, среди прочихъ, выдѣлился одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ, по прозванію Гусарь, самый бѣдный изъ всѣхъ. Хотя ему и досталась часть собственныхъ пустошей по раздѣлу, но скоро эта земляшка, путемъ разныхъ «одолженій» и вкладныхъ сдѣлокъ, какъ-то перешла почти цѣлкомъ къ его братьямъ-коммерсантамъ. А между тѣмъ семья росла, самъ онъ попалъ въ военную службу; жена съ ребятишками все-какъ перебивалась на общинномъ надѣлѣ, при пособіи мірскихъ «помочей». Вернувшись въ отставку, Гусарь еще ваялъ на одну душу надѣлъ и принялся крѣпко за землепашество. Но скоро умеръ. Осталась вдова съ пятерыми малыми ребятишками на рукахъ и съ двухъ-душевымъ надѣломъ. Миръ оставилъ за ней этотъ надѣлъ, пока не подростутъ ея сыновья. Но Гусарихѣ, больной, измалавшейся «на вдовой линіи» (она вѣдь почти что всю жизнь вдовой прожила, хотя и при живомъ мужѣ, который ходилъ изъ поля только въ побывку), не по силамъ стало тянуть одной надѣлѣ, даже при пособіи помочей. И вотъ она, какъ мы видѣли, приходитъ на миръ и отказывается отъ надѣла. На миру получаютъ такимъ образомъ свободными двѣ «залипшія души», два «гуленыхъ надѣла» и деревенскій безземельный человѣкъ, деревенскій пролетарій, нищій — въ лицѣ Гусарихи. Все это, какъ легко понять читателю—логическое слѣдствіе той сложной и непримиримой системы компромиссовъ, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ; это—логическое слѣдствіе антинародныхъ элементовъ деревенской жизни, каковы надѣлъ, ревизская душа, подушная подать, сильные и малосильныя семьи и пр., и пр. Если народъ и найдетъ чѣмъ парализовать эти неизбежныя логическія послѣд-

ствія чуждыхъ ему началъ, прибѣгнувъ къ системѣ передѣловъ, то все-таки эта система могла только болѣе или менѣе парализовать ихъ, но не уничтожить радикально. Въ данномъ случаѣ съ Гусарихой, система передѣловъ, конечно, дѣлаетъ въ высокой степени важную услугу, гарантируя ея дѣтямъ въ будущемъ право на общинную землю, но и только; въ данный же моментъ, когда дѣти слишкомъ малы, чтобы помогать матери, она бессильна спасти ихъ отъ юдоли пролетарія. Хорошо, если они, благодаря счастливымъ случайностямъ, благополучно пространствуютъ эту юдолю и сохраняются къ 18 — 20 годамъ бодрымъ духомъ и сильными физически, чтобы вступить снова въ общину равноправнымъ ея членомъ, тогда система передѣловъ спасетъ ихъ отъ батрачества. Но если эти счастливыя случайности не будутъ испосланы небомъ на бѣдныя ребячьи головы, тогда не спасти ихъ и общинной системѣ передѣловъ: они сгибнутъ или совсѣмъ, или отобьются отъ хлѣбопашества, отъ деревенскихъ работъ раньше, чѣмъ община можетъ придти къ нимъ на помощь съ своей системой передѣловъ. И такъ, слѣдствіемъ «бунта» Гусарихи въ общинѣ явились *два* новые элемента — «гулевои надѣль» на двѣ души и сельскій пролетарій въ лицѣ вдовы съ малолѣтками. Но такъ какъ *современные общинные* порядки повелись не вчера, не нынѣ, то въ ямской общинѣ, понятно, нашлись подобныя же пролетаріи, т. е. безземельные мужики, вродившіеся еще раньше въ ней. Такимъ субъектомъ явился Наузь Шмонинъ, одинъ изъ братьевъ, выдѣлившійся изъ семьи Шмонинныхъ, получившій самостоятельный надѣль, но скоро замятствовавшій, бросившій надѣль, пропадавшій нѣсколько времени гдѣ-то на сторонѣ, можетъ быть, въ поискахъ за тѣмъ, «гдѣ лучше», и теперь вернувшійся опять въ родную общину. Наузь заявился на сходѣ и сказалъ: «я бы теперь залишнія души, пожалуй, и взялъ. Я, братцы, ей Богу, нонѣ исправель сталъ! Ученъ, оченно даже ученъ сталъ, какъ на сторонѣ-то бѣгалъ!» Наузь, такимъ образомъ, явился *третьимъ* новымъ элементомъ общины, который община, по системѣ передѣловъ и по общинной совѣсти, обязана признать. «Отчего-жь бы ему и не дать эти залишнія души? Отчего-жь ему и не устроиться хозяйствомъ опять? Вѣдь онъ — нашъ, не чужой. Мы обязаны». Но разсуждать такъ правильно, согласно своимъ исконнымъ мировоззрѣніямъ, община *должна* не можетъ.

Община сейчасъ же вспоминаетъ, въ лицѣ какого-нибудь старосты Макридія, что вѣдь она, помимо всего прочаго, въ современномъ ея видѣ, *призвана* быть нѣкоей государственной функцией, и главное дѣло, *единственно* только этой функцией, фис-

кальной, какъ сборщикъ податей. А народная община, вырабатывая еще «на зарѣ цивилизаціи» схему своихъ бытовыхъ основъ, понятно, этого призванія не предвидѣла, а потому этой функціи и не могла естественно внести въ свою социальную схему. И вотъ опять компромиссъ, невозможныя примиренія, общинныя коллизіи... «Эго такъ, что говоритъ! разсуждаетъ община:—человѣку помочь приустроиться—на что лучше! Божье дѣло! Только ежели этотъ человѣкъ «задурить», то выбивать за него недоимку изъ своихъ кармановъ тоже хорошаго мало! А вѣдь она, недоимка-то, за двѣ-то души 24 рублика въ годъ, говорятъ, какъ одна денга. А Наумка то тоже... вѣдь Богъ его знаетъ!.. На него упованія тоже большого не возложись!»..

— А при всемъ при томъ, я вамъ, братцы, и вотъ что скажу, заявляетъ одинъ мірянинъ:—съ какого это порядку у насъ здѣсь богатѣи то, хошь бы Гордѣевъ Петръ (торгующій въ городѣ, какъ мы говорили, бакалейными товарами, церковный староста на погостѣ и хозяинъ большого двух-этажнаго дома въ нашей деревнѣ), съ какого это порядку онъ только на двѣ души тянетъ?.. Кажись бы, у него четыре души должно быть? Ась? Эго что же будетъ!.. Бѣднине въ три жлы подати вытягивай, а богатый льготой пользуйся!.. Ась?

— Да вѣдь онъ хлѣбопашествомъ не занимается? ввернулъ въ защиту брата Павелъ Гордѣевъ.

— Чего? Да намъ-то что? вступился Алешка Собакнинъ:—намъ отъ этого теплѣе что ли? Какое мы отъ него міру угоденіе видимъ? Онъ богатѣетъ, а налогу только въ половинну платитъ, да намъ, хошь бы благодарности для, поступился ли чѣмъ-нибудь?.. Вотъ онъ сына въ гимназію пристроилъ, въ баре лѣзетъ, отъ общества его отписалъ, а намъ за это хошь бы плюнулъ!.. Нѣтъ, ихъ проучить надо! Зазнались!..

— Конечно, проучить возстали и другіе міряне.

— Пуцай въ вулцы выписывается, коли землешеству не крѣпокъ... Коли не землешество, такъ чего и мужикомъ быть! Пуцай выписывается, такъ мы и знать будемъ!

— А мы теперь вотъ какъ сдѣлаемъ:—Наумка-то еще, чортъ его знаетъ, лѣшаго!—каковъ онъ тамъ будетъ, такъ пуцай для пробы на полдуши пока садеть, а полторы души на Гордѣева навалимы!.. Нечего баловаться! Мы вотъ тоже за Гусариху сколько лѣтъ недоимки-то доплачивали! Мошны-то у насъ тоже не больно толсты! Да!

— Конечно, навалить надоты! Что за баловство! такъ разсуждалъ Ямской міръ на первомъ сходѣ по заявленіи Гусарихи.

О такомъ намѣреніи міра было сообщено братьями Петру

Гордѣву, въ городъ. Петръ Гордѣвъ обидѣлся и отвѣчалъ, что «онъ кланяться мужикамъ не намѣренъ, водкой ихъ пить тоже не желаетъ, а коли они его хотять учить, такъ у нихъ еще руки не доросли. А ежели въ нихъ такое упорство оказывается, такъ онъ *пересядетъ на свой надѣлъ*, какой ему при передѣлѣ достался, на трехдушный! А больше навалить на него правъ у нихъ нѣтъ!» сказалъ и въ деревню заявиться не подумалъ.

Мужики сошлись на второй сходъ. На этомъ сходѣ обсужденію предстояли уже еще два новые элемента, кромѣ первыхъ трехъ: это — *четвертый* элементъ въ лицѣ Петра Гордѣва, богача, хлѣбопашествомъ лично не занимающагося, а, слѣдовательно, и мало платящаго податей, и *пятый* — *мѣна надѣловъ* (см. главу V).

Какъ только стало извѣстно ямскому міру заявленіе Петра Гордѣва, такъ тотчасъ же были затронуты интересы цѣлой группы мірянъ, участвовавшихъ въ мѣнѣ надѣловъ, а ихъ было дворовъ 5—6. Богачъ зналъ, во чтѣ билъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: мой хозяинъ, дѣдъ Матвѣй, по послѣднему передѣлу въ 1872 году получилъ надѣлъ на *девѣ души*. Онъ и довольствовался имъ, такъ какъ могъ съ нимъ управиться одинъ, потому что его сынъ и невестка работали въ городѣ (сынъ артельщикомъ на желѣзно-дорожной станціи, а невестка на фабрикѣ) и приходили только на страду. Но вотъ старикъ сталъ хирѣть; къ тому же, старуха у него умерла; стало ему одному вести хозяйство невозможно. Онъ выписалъ изъ города невестку. Съ прібытіемъ *цѣлой рабочей силы* можно было управиться и не съ двумя надѣлами. Дѣдъ сталъ дожидаться, не откроются ли «запущенія души». Но такихъ не случилось. А между тѣмъ, Петръ Гордѣвъ, владѣя тремя надѣлами, заявилъ желаніе сбыть ихъ «хоща бы совсѣмъ», но совсѣмъ сбыть невозможно, и вотъ онъ предложилъ дѣду *помянуться*. Къ этой мѣнѣ позваляли пристать и другія семьи, въ которыхъ, за время послѣ передѣла, отношеніе рабочихъ силъ къ количеству земли, по тѣмъ или другимъ причинамъ, было значительно нарушено. Въ концѣ этой мѣны оказалось, что дѣдъ Матвѣй сѣлъ на жеребій (извѣстное количество душевого надѣла, доставшаго по передѣлу) Петра Гордѣва, т. е. на трехдушевой, а свой двухдушевой жеребій передалъ третьему мужику, сидѣвшему на четырехдушевомъ жеребьи; этотъ послѣдній передалъ свой четырехдушевой жеребій четвертому, у котораго, какими-то судьбами, оказался жеребій на $2\frac{1}{2}$ души (въроатно, $\frac{1}{2}$ души *на старика*), и вотъ на эти-то $2\frac{1}{2}$ души и сѣлъ уже Петръ Гордѣвъ. Въ сущности, Петръ Гордѣвъ выгадывалъ всего $\frac{1}{2}$ души; но такъ какъ по ревизіи

на немъ значилось 4 души, а по передѣлу онъ получилъ только 3, то уже въ суммѣ выгода выходила на $1\frac{1}{2}$ души. Но мѣна, хотя бы только на $\frac{1}{2}$ души, какъ оказывается, была для него выгодна въ томъ отношеніи, что онъ могъ теперь не бояться, что мѣръ наложить на него четвертую душу, т. е. полный надѣлъ, падающій на него по ревизскимъ душамъ. И вотъ почему. Мѣна надѣла была очень выгодна для вышеприведенной группы семей, такъ какъ уравнивала ихъ рабочія силы съ количествомъ земли еще *задомо до общаго передѣла*. Теперь, когда мѣръ задумалъ «поучить богача», богачъ, какъ человекъ коммерческій, для котораго нарушеніе не только честнаго слова (а мѣрскія сдѣлки, большею частью, на немъ основаны), но и «бумажныхъ» обязательствъ, не представляетъ, вѣроятно, особаго затрудненія, пригрозивъ нарушеніемъ мѣновой сдѣлки, потребовалъ возвращенія ему его «настоящаго жеребья». А это и значило — «потревожить всю деревню», «одного тронь — и все тронешь».

— Подлецъ онъ, можно сказать, въ полномъ видѣ! заругались мужики. Сходъ дѣлался чрезвычайно буйнымъ. Но онъ все еще не такъ былъ бунтъ, какъ третій сходъ. На этотъ сходъ дѣдушка Матвѣй вызвалъ своего сына изъ города, такъ какъ одному старику оказалось не въ мочь защищать свои интересы: «я глуховатъ сталъ, и слѣповать — гляди, того не дослышишь, другого не доглядишь; да и силы ужъ нѣтъ прежней, за молодыми не угоняешься, а они нынче ловко насобачились говорить-то». На третьемъ сходѣ на сцену выступили уже «городьба полей» и разные «череда». Хозяева, участвовавшіе въ мѣнѣ, требовали оцѣнки той городьбы, которую они сдѣлали соответственно количеству надѣловъ, перешедшихъ къ нимъ по мѣновой сдѣлкѣ¹, и «лишки» взыскать съ тѣхъ, къ которымъ надѣлы перейдутъ. Такъ же и «череда». По поводу, напримѣръ, череднаго хожденія въ десятскихъ, сыномъ дѣда Матвѣя, Якимомъ, былъ уже поднятъ очень интересный и важный вопросъ — о правахъ мѣра. Такъ какъ на-завтра кончалась двадцатая недѣля хожденія дѣда Матвѣя въ десятскихъ (на двѣ души, по 10-ти недѣль), то Якимъ заявилъ: — «вотъ что, господа старики, долженъ я теперь за третью душу въ десятскихъ ходить, али не долженъ?»

¹ Для лицъ, вовсе незнакомыхъ съ деревенскими порядками, объясню, что крестьяне вокругъ полей и вообще угодій, мимо которыхъ гоняется скотъ али проходитъ дорога, дѣлаютъ изгороди. Въ постройкѣ изгороди участвуетъ каждый крестьянинъ, имѣющій надѣлъ; онъ обязанъ загородить такую часть общей изгороди, которая соответствуетъ количеству надѣльныхъ душъ, лежащихъ на немъ. Если вся изгородь равняется 100 саженамъ, а всѣхъ душъ 50, то на душу падеть двѣ сажени изгороди, на три души — шесть и т. д.

— Конечно, долженъ.

— Это такъ. Если вы приказываете, будемъ ходить. Противъ вашего рѣшенія мы не пойдёмъ. Только, какъ же, если теперь Петръ Гордѣевъ такую прокламацію заводитъ, такъ кто-жъ ему теперь можетъ запретъ положить?

— Мы положимъ.

— Такъ, такъ. А какія такія у васъ на это права есть? Обязательство онъ вамъ далъ, росписку, что до передѣла нарушать мѣны не будетъ?

— Я говорилъ тогда—взять бы росписку... Нонѣ за народомъ только смотри! вернулъ дѣдъ Матвѣй:—Нонѣ не старыя времена... Это мы по старинѣ-то жили.

— Погоди, дѣдушка, сказалъ Якимъ: — чего росписка? Росписка не суть. Съ роспиской можно прожить, а ты вотъ по совѣсти прожыи, безъ росписки... Вотъ что! Мы живемъ на міру. Причемъ тутъ росписки? Если и есть на міру, что противъ совѣсти пойдутъ, такъ есть и такіе, что этими дѣлами заниматься не стануть, совѣсть не продадутъ... Вотъ что! Пущай вотъ мнѣ скажутъ старики—сильно ли ихъ слово, сильнѣ ли ихъ закорь! Тогда я согласенъ...

— Экой ты, братецъ, замѣтилъ кто-то Якиму:—и чего ты изъ пустяговъ сутяжишься? Эка штука—лишнюю недѣлю въ десятскихъ проходить!.. Сосчитаемся!

— Это что—плевать! Я за этимъ не стою... Я противъ міра не пойду... А только ты утверди одно: сильно ли нынѣ мірское слово?.. Вотъ что!.. Я отхожу... А заставить ли старикъ Петра Гордѣева слово сдержатъ, насъ не тревожить? Какія такія у міра права есть?

Старики нѣсколько задумались, но потомъ заговорили какъ-то всѣ разомъ.

— Какъ не имѣемъ? Конечно, имѣемъ!.. Если мы не имѣемъ силы—такъ къ чему и міры!.. Тогда что же будетъ? Какой порядокъ! Кто хопъ, тотъ и деревню вверхъ дномъ обернетъ? Говоримъ, ходи и шабашъ! А тамъ—міръ силу окажетъ...

— Это на что лучше! Это весьма пріятно, тонко дипломатически возражалъ Якимъ, какъ человѣкъ, живущій большую часть въ городѣ:—только вѣдь сдѣла-то промежду насъ, сосѣдей, кажись, была... Вотъ что! Это, примѣрно, все одно—промѣнать я сосѣду лошадь на корову... Тутъ, кажись, наше дѣло. Какія такія права міръ имѣетъ, чтобъ насъ въ этомъ утѣснять!.. Какія такія права есть, чтобъ принуждать?..

— Оставь, говорятъ! накинудись, наконецъ, мужики на Яки-

на:—Лошадь! Лошадь тутъ не причемъ... Лошадь не земля... Лошадью ты меня, али мѣръ не утѣснишь, а землей утѣснишь...

— Вотъ, вотъ! Это вѣрно! Лошадъ не земля! подхватили другіе.

— Коли такъ—я съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ!..

Разговоръ Якова съ міромъ я могъ прослѣдить весь, такъ какъ былъ исключительно заинтересованъ имъ, и потому привелъ его здѣсь почти до-словно; привелъ потому, что онъ мнѣ представляется очень характернымъ въ виду того общераспространеннаго положенія, что мужицкая сходка исключительно управляется одними стихійными, бессознательными, инстинктивными стимулами, что, вслѣдствіе этого, часто рѣшенія сходовъ поражаютъ своею дикостію, очевидною нелогичностію... Я рѣшительно не могу съ этимъ согласиться. Хоть я далеко отъ мысли видѣть въ мужицкомъ сходѣ идеаль россійскаго парламента, хотя я не могу передъ нимъ приходить въ восторгъ и даже сравнивать съ митингомъ западно-европейскихъ рабочихъ, но съ другой стороны я имѣю массу вѣскихъ данныхъ за то, что мужикъ живетъ менѣе стихійно, инстинктивно и бессознательно по извѣстнымъ традиціямъ, чѣмъ, напримѣръ, полу-образованныя городскія сословія. На сходкахъ очень нерѣдко поднимаются такіе вопросы, въ которыхъ нельзя никакъ отрицать сознательной и цѣлливой мысли. Другое дѣло, конечно—на-сколько широка сфера этой мысли; но въ той области, которая захватываетъ крестьянскій обиходъ—а иногда и дальше—мысль крестьянина работаетъ. Въ слѣдующихъ главахъ я буду еще имѣть случай привести немало фактовъ, подтверждающихъ мою мысль.

На четвергомъ сходѣ, какъ я уже говорилъ, пренія дошли до апогея. Масса выдвинутыхъ на общее обсужденіе вопросовъ дѣлала, повидимому, совершенно невозможнымъ мало-мальски строго-мотивированное рѣшеніе. Такъ мнѣ и думалось. И, къ величайшему моему удивленію, было рѣшено все, сразу, вдругъ, съ поразительной неожиданностію. Для меня, какъ и вообще для всякаго сторонняго наблюдателя и свѣжаго человѣка, такая постановка рѣшеній была непостижима. Я рѣшительно не могъ логически прослѣдить весь ходъ преній, чтобы вывести тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ сходъ. Только послѣ, когда разговоръ съ мужиками выяснилъ мнѣ всѣ частности общаго порядка дѣлъ, я уже былъ въ состояніи распутаться изъ этой паутины мелкихъ частныхъ интересовъ, общественныхъ обязанностей, внѣшнихъ воздѣйствій и всевозможныхъ компромиссовъ. Только тогда я могъ убѣдиться, что мужицкая сходка—не без-

«вязная болтовня, что рѣшенія, поставленныя ей, логическое слѣдствіе тѣхъ сложныхъ взаимодействій разнообразныхъ элементовъ, подъ напоромъ которыхъ суждено существовать современной крестьянской общинѣ.

Рѣшеніе, постановленное послѣднимъ сходомъ, было слѣдующее: землю, отъ которой отказывалась гусариха, передать Науму Шимонину, всѣ два надѣла полностью («пущай поправляется!»); самой гусарихѣ помочь міромъ сжать хлѣбъ нынѣшняго посѣва; «учить» Петра Гордѣева пока оставить, до другого случая (это ужъ само собой разумѣлось). — Таковъ результатъ *современнаго* деревенскаго схода по даннымъ вопросамъ, результатъ тѣхъ стараний—примирить непримиримое, хоть до возможной степени охранить то, что завѣщано традиціями, хотя какъ-нибудь «посподручить» втиснуть новыя, антинародныя элементы въ сломъ своихъ исконныхъ основъ—и заставить ихъ подчиниться этимъ завѣтнымъ традиціямъ.

И это—постоянная проблема современныхъ деревенскихъ сходовъ. Богъ вѣсть, что вынесетъ народъ изъ этой школы!

Я уже раньше сказалъ, что не берусь нарисовать тихую, ярую, рельефную картину деревенскаго схода, но я стараюсь по возможности передать фактически вѣрно все, что видѣлъ и слышалъ. Въ нашей литературѣ многіе брались за воспроизведеніе деревенскаго схода. Но что изъ этого выходило? Культурный художникъ зналъ только два приема этого воспроизведенія: «смѣшливый» и сантиментально-резонёрскій. Въ первомъ случаѣ, художникъ заставлялъ нести мужиковъ всякую чушь, говорить невообразимую нескладницу, вообще проявлять невообразимую глупость и тупость, съ цѣлью вызвать въ интеллигентномъ читателѣ соответствующее весело-правно-презрительное настроеніе. Въ другомъ случаѣ, культурный художникъ спѣшилъ «исправить ошибку» перваго—и выводилъ передъ нами рядъ лицъ благообразно блистающихъ благородствомъ чувствъ, нѣжныхъ сердцемъ, замѣчательной вышеченностію рѣчей и чуть не парламентски-строгимъ діалектическимъ составяніемъ. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ—ложь. Какъ подъ тѣмъ, такъ и подъ другимъ приемомъ довольно ясно отражается самъ культурный наблюдатель, съ своимъ темпераментомъ и складомъ мировоззрѣній. И подобное представленіе до сихъ поръ еще имѣетъ у насъ право гражданства, такъ какъ и теперь еще, въ распространенныхъ и отличающихся особой «солидностію» толстыхъ журналахъ, «сочиняются» ежегодно цѣлыя мужицкіе романы, съ подобными приемами и самымъ непростительнымъ невѣжествомъ относительно народной жизни. А литературная критика называетъ этихъ

«сочинителей» — добросовѣстными, а публика покупаетъ на расхватъ въ особенности эти канцелярски-сентиментальныя издѣлія... Впрочемъ, создавшаяся въ концѣ 60-хъ годовъ молодая школа балетристовъ-народниковъ, посвятившая себя почти исключительно дѣлу изученія народа, вносить уже вполне трезвый реализмъ въ представленія о народѣ и составляетъ значительный противовѣсъ «ветхому» культурному художнику; но имѣть подобающее значеніе этой небольшой группѣ, среди другихъ условий имѣаетъ отрывочность и бессистемность ея произведеній, отсутствіе обширныхъ и капитальныхъ замысловъ, охватывающихъ наиболѣе характерныя и выразительныя стороны народной жизни; съ другой стороны, увлеченіе реакціей канцелярски-сентиментальному направленію заставляетъ ее часто, въ увлеченіи борьбой, быть слишкомъ односторонней и, отрицая *пріемы* и *взгляды* на народъ канцелярски-сентиментальнаго направленія, отрицать вмѣстѣ и «устои» самой народной жизни... Можетъ быть, это выходитъ и невольно, но, по крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе получается для читателя.—Въ доказательство я осмѣлюсь привести одинъ примѣръ, хотя, можетъ быть, по существуящимъ литературнымъ обычаямъ, я и не могу считать себя компетентнымъ въ этомъ случаѣ. Но, на мой взглядъ; этотъ вопросъ на столько важенъ, что здѣсь нельзя не признать справедливой поговорки: *Amicus Plato, sed magis amica veritas...*

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ борцовъ противъ канцелярски-сентиментальнаго направленія написалъ, между прочимъ, очень злою пародію на сентиментальную мужицкую складку, на которой будто бы староста очень нѣжно предлагаетъ міру купить коровку, чтобы дать возможность малюткамъ-сиротамъ кормиться молочкомъ. Представивъ эту приторно-сладкую сцену, авторъ восклицаетъ:—«согласитесь, что это ложь, самая пошлая идеализація! спросите, кого хотите, и вамъ всякій скажетъ, что такая сцена невозможна. Что міръ никогда сиротамъ коровокъ не покупаетъ».

Совершенно вѣрно. Пошлае и фальшивое этой сцены ничего представить себѣ нельзя. Міръ, точно, коровокъ не покупаетъ. Старосты такъ нѣжно не выражаются, развѣ какъ въ пролическомъ смыслѣ. Но бываетъ вотъ что: гусариха, на примѣръ, сама *требуетъ* себѣ «помочь», такъ какъ помочь въ міру — и право, и обязанность! Бываетъ, что міръ коровки не покупаетъ, но зато назначаетъ для прокормленія сиротъ «чередѣ». Все это бываетъ, не только безъ всякихъ сентиментальныхъ разглагольствованій, но даже, какъ видѣли, такъ, что стороннему наблюдателю и не примѣтить этого... Хорошо-ли вообще сиротамъ на свѣтѣ,

не только что въ бѣдномъ крестьянскомъ міру, это — другой вопросъ. Но восклицать: «отчего же міръ не купилъ коровки, когда это такъ дешево стоитъ?» — не слишкомъ ли много брать на свои совѣсть?

VII.

Мужики у меня въ гостяхъ.

Лѣтнія воскресенья въ этомъ году проводила наша деревня совсѣмъ не весело. Вымывшись, накануне, въ баняхъ (по-мимо купанья въ оверѣ, въ которомъ, въ жаркіе дни, купаются по нѣскольку разъ) — бабы передъ обѣдомъ, мужики — послѣ, до все-нощной — одни изъ міранъ шли въ церковь (меньшинство), другіе уѣзжали съ вечера на городской базаръ или въ другія деревни, чтобы оправить праздникомъ всѣ стороннія дѣла. Оставшіеся въ деревнѣ послѣ всенощной потолкуются на улицѣ, затѣмъ раньше ложатся спать. Поутру, въ воскресенье, часовъ въ 6—7, начинается гудѣть съ горы погоста нашъ звонкій, «голосистый» колоколъ, благовѣствуя чуть не на 15 верстъ въ округности. Въ этой мѣстности сѣла рѣдки и отстоятъ одно отъ другого верстъ на 10—15; почему приходы — очень большіе и раскинутые. Говорятъ, нашъ колоколъ славится изъ всѣхъ сосѣднихъ колоколовъ. Его звонъ знаютъ не только прихожане нашего погоста, но и далекихъ стороннихъ деревень. По ночамъ онъ бьетъ «часы», и его густой звонъ мирно разносится въ ночномъ безмолвіи деревенскихъ полей и лѣсовъ. А для нашихъ лѣсовъ, и въ особенности зимой, онъ — второй путеводитель. По воскресеньямъ, къ обѣднѣ онъ торжественно звонитъ цѣлый часъ, пока не соберетъ обитателей самыхъ дальнихъ деревень нашего прихода. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы много онъ собиралъ моливенниковъ въ лѣтнее время. Батюшка вообще жаловался на нерадѣніе народа къ церковнымъ службамъ. А насчетъ нашей деревеньки я и самъ могу сказать, что особой ревности къ посѣщенію божьего храма не замѣтилъ. Нарочно наблюдалъ я, послѣ обѣда, за возвращавшимися изъ церкви нашими богомольцами, и больше десятка взрослыхъ и малолѣтнихъ не насчитывалъ. Изъ нихъ, половина, были постоянные богомольцы, которыхъ я замѣчалъ каждый разъ: двѣ старухи, да совсѣмъ индифферентная къ религіознымъ вопросамъ, довольно зажиточная семья крестьянина Шмокина, жившаго какъ разъ противъ меня. Старикъ Шмокинъ, чѣмъ-то недовольный нашими церковными порядками, перешелъ

въ расколѣ, подъ вліяніемъ своего сосѣда, исконнаго раскольника, о которомъ я уже упоминалъ. Вмѣстѣ съ собой увлекъ онъ всю семью, за исключеніемъ жены. Но затѣмъ, неудовлетворившись и расколомъ, недавно вновь обратился къ православію. Какъ вообще всѣ иррелигиозны, эта семья особенно усердно исполняла религиозныя обряды. Что касается моего дѣда Матвѣя, то онъ *никогда* не ходилъ въ церковь, хотя при этомъ былъ очень религиозенъ, любилъ говорить о «божественномъ» и, въ тоже время, не былъ сектантомъ. Въ этомъ отношеніи, личность дѣда Матвѣя была очень замѣчательна, и нужно сказать, что такихъ личностей немало среди народа. Насколько я могъ понять изъ разговоровъ съ ними, они, неудовлетворенные ни одной изъ имѣющихся подъ руками религиозныхъ формъ, выработали совершенно своеобразный, самобытный взглядъ на вещи. Строго-завершенной религиозной системы я у дѣда Матвѣя не замѣтилъ; онъ — скорѣе электикъ, но самобытность критическаго отношенія къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ онъ выбираетъ все лучшее и выбрасываетъ все, для себя неподходящее, онъ отстаиваетъ сильно. Я думаю, что изъ этихъ-то собственно личностей и вербуются какъ послѣдователи, такъ основатели и руководители новыхъ сектантскихъ ученій. Сынъ дѣда Матвѣя, Якимъ съ женой, впрочемъ, были довольно индифферентны къ религиознымъ вопросамъ, частію по безпечности, какъ люди, прожившіе долгое время въ городѣ, частію, можетъ быть, и потому, что дѣдъ Матвѣй не былъ особенно настойчивъ въ этомъ отношеніи. Они ходили въ церковь, исполняли всѣ обряды и только; какъ всѣ вообще крестьяне, довольно строго говорили о церковно-служителяхъ и ихъ злоупотребленіяхъ; вообще были объ нихъ довольно не лестнаго мнѣнія. Но внука Васю дѣдъ Матвѣй «обучалъ», надо думать. Потому что, каждое воскресенье, какъ только начинали звонить, дѣдъ шелъ будить Васю, спавшаго рядомъ со мной, за перегородкой, въ кѣлѣти. Онъ будилъ его долго, упорно, настойчиво, до жалости (въ особенности, было жалко въ страдное время, когда наканунѣ работали до 11 часовъ ночи, съ 4-хъ часовъ утра, и Вася работалъ какъ взрослый работникъ, не покладывая рукъ). Васѣ хочется и есть возможность соснуть хоть еще два часика. «Сейчасъ, сейчасъ!» крикнетъ онъ дѣду — и опять задремлетъ. А настойчивый дѣдъ, подождавъ минуту десять, опять кричитъ: «Васютка! Васютка, вставай Богу молиться!» Иногда такъ и хочется прогнать его. Перѣдко тетя Александра вступалась за племянника и говорила: «да полно-се тебѣ, батюшка, его мучить! Дай-се ему хона часокъ поспать. Успѣетъ еще за свой вѣкъ намолиться... Вчера онъ, чай, не по-агоды бѣ-

галъ!»... Уходилъ, ворча, дѣдъ, но черезъ четверть часа опять уже кричалъ: «Васютка! Ва-ась! Ступай, говорю, Богу молиться!» Вася, наконецъ, сердито вставалъ и шелъ умываться. И вотъ какъ молился дѣдъ со внукомъ (къ сожалѣнiю, я могу сообщить объ этомъ только очень поверхностно). Въ переднемъ углу, въ божницѣ, лежала большая кожаная книга — «Четинъ Миненъ»; въ ней прилѣплялъ иногда дѣдъ восковую свѣчу! Тутъ же, на лавкѣ, подъ образами, разстилалъ онъ какой-то платъ и начиналъ молиться, кладя большiе поясные поклоны и опираясь одной рукой въ этотъ платъ. Молился дѣдъ и шепталъ что-то. Всегда за нимъ молился, стоя въ сторонкѣ, и Вася. Послѣ долгихъ поклоновъ, они присаживались и сидѣли нѣкоторое время въ благочестивомъ молчанiи. Затѣмъ, дѣдъ поднимался и возглашалъ полу-шепотомъ первыя слова тѣхъ молитвословiй, которыя, по его расчету, должны были читаться въ церкви. Затѣмъ, снова молился, шепча про себя, вѣроятно, эти самыя молитвы. Потомъ дѣдъ бралъ съ божницы кадильницу, съ ручкой, клалъ въ нее изъ печи угли и ладонъ и начиналъ кадить. Въ это же время Александра, если не ходила въ церковь, отрывалась отъ хозяйства и, мимоходомъ, приставала къ молящимся. Со звономъ въ «достойно» вскорѣ моленiе кончалось. Дѣдъ Матвѣй убиралъ платъ и кадильницу и затѣмъ, вмѣстѣ со внукомъ, садился около стола. Пока невѣстка ставила самоваръ, дѣдъ читалъ внуку (а иногда наоборотъ—внуку дѣду) нѣсколько главъ изъ «Четинъ-Миненъ». Дѣдъ часто увлекался чтенiемъ до того, что начиналъ сопровождать его объясненiями и собственными разсказами.. Я имѣю основанiе думать, что не въ одной нашей деревнѣ и не въ одной нашей избѣ совершалось по воскресеньямъ такое моленiе. Объясненiй такому обычаю найдется много, но, можетъ быть, когда-нибудь я займусь подробнѣе этой важной стороной деревенскихъ будней. Здѣсь же я касаясь ея только мимоходомъ.

Послѣ обѣдни, почти въ каждой избѣ, по праздникамъ, у насъ пьютъ чай, очень жидкiй, экономничая до скудости на сахарѣ. Пьютъ всегда очень долго, такъ какъ къ чаю, обыкновенно, всегда приходятъ гости, или изъ своей деревни, или изъ сосѣдней (большую частiю—родня; раздѣлившiеся братья, сыновья, дядья, племянники, двоюродныя братья и тетки). За чаемъ же всегда ведется и самая разнообразная бесѣда. Часто угощаютъ и постороннихъ, бѣдныхъ, у кого нѣтъ самовара и своего хозяйства: бобылей и бобылокъ, настуховъ и подпасковъ, деревенскихъ сторожей, сиротъ. Послѣ чая имъ, обыкновенно, даютъ кусокъ творожной вуженьки или пирога съ кашей. Сами хозяева за чаемъ ѣдятъ рѣдко, такъ какъ вскорѣ обѣдаютъ. Есть лица,

которыя «по-обѣту» не пьютъ чаю или вовсе, или пьютъ одну отварную воду, иногда подкрашивая ее, если есть, церковнымъ виномъ. Въ этомъ году у насъ не пили нѣкоторые чаю потому, что сыновья или близкіе родственники ихъ были на войнѣ.

Черезъ часъ или полтора послѣ чая, накрывали вездѣ обѣдъ, почти въ одно время. Тамъ, гдѣ пили водку, изъ-за чая не выходили вплоть до обѣда; убравъ самоваръ, прямо подавали обѣдъ. Послѣ обѣда ложились спать и спали часа 2—3. Вечеромъ, часа въ четыре, опять пили чай, но уже не вездѣ, а только въ богѣ состоятельныхъ семьяхъ. Въ это же время, обыкновенно, мужики, выраженные въ чистыя ситцевыя, розовыя или красныя рубахи, собирались на завальняхъ у одной изъбы, бабы у другой. Пьяные у насъ рѣдко бывали, только развѣ уже извѣстныя лица, пившія запоємъ (ихъ было двое), да нѣкоторые; возвращавшіеся на-веселѣ изъ города. Прочіе же очень мирно проводили время на завальняхъ, потѣшаясь надъ Алешкой Собакиннмъ, бывавшимъ къ этому времени всегда на-веселѣ. — Въ большіе праздники устраивались между подвыпившими кулачныя состязанія: напр. Алешкѣ Собакину подвязывали правую руку и напускали на него двоекъ малосильныхъ, но очень задорныхъ мужиковъ: пастуха и Наума Шмонина. Алешка очень скоро справлялся съ ними одной лѣвой рукой. Вотъ и всѣ увеселенія. Пѣсни рѣдко пѣли, такъ какъ и дѣвокъ-невѣстъ было всего—три, а парней, настоящихъ, вовсе не было; всѣ были на войнѣ (три человѣка); оставались одни подростки, которые толпились съ дѣвками на задахъ деревни и иногда пѣли, а иногда просто ходили вдоль деревни и ѣли подсолнухи.

Вообще, проводили праздничное время очень скучно. Да лѣтъ-то, хозяйва, кажется, этого не чувствовали, такъ какъ все свободное время, до вечера, чѣмъ-нибудь занимались: подготавливали сельскохозяйственныя орудія, преимущественно. Бабы занимаются обычными домашними дѣлами, которыя одинаковы и для праздника, и для будней.

Къ вечернему-то чаю, когда мужики собрались посидѣть на улицѣ, я и попросилъ дѣда Матвѣя пригласить ихъ ко мнѣ. Я видѣлъ изъ оконъ, какъ мужики что-то переговаривали по поводу приглашенія дѣда Матвѣя, и затѣмъ четверо изъ нихъ направились ко мнѣ. Это были:—Павелъ Гордѣевъ, обстоятельный мужикъ, мужъ тетки Агриппины, Петръ Шмонинъ, проворовавшійся старшина, и пріятель Алешки Собакина, старикъ Евтропъ Шмонинъ, двоюродный дядя Петра, заинтересованный очень въ религіозныхъ вопросахъ, какъ мы уже говорили, большакъ зажиточной семьи, состоявшей изъ двухъ нераздѣленныхъ сыно-

вей, съ женами и дѣтьми, ходившихъ «въ серпы»; третій сынъ — отдѣленный и уже знакомый намъ Наумъ Шмонинъ. Наконецъ, одинъ тихій, низенькій, цыганскаго типа, захудалый мужичекъ, хотя еще и не старшій, и притомъ же ходозъ по всѣмъ мастерствамъ: въ свободное время онъ ходитъ и въ плотняки, и въ каменщицки, и въ кузнецы, и «въ серпы».

Послѣ обычныхъ деревенскихъ привѣтствій, всѣ усѣлись за столъ.

— Что же это, господа, вы въ такой небольшой компаніи навѣстили меня? спросилъ я.

— Чего еще!.. Развѣ мало! Не всей деревней... Эдакъ сразу-то навалимъ—угощенье не вынесеть, шутили гости:—а мы вотъ собрались, по соглашенію...

— Ну, чтó, какъ деревня наша приглянулась? спрашивалъ меня:—какъ поправились наши-то деревенскіе порядки?

— Ничего. Еще вотъ мало я у васъ пожилъ... Есть чтó и поправилось, а есть чтó и не совсѣмъ нравится.

— Такъ. Это—вѣрно. Вездѣ есть свое добро, свое худо. А примѣрно, что вамъ не показалось? спросилъ Павелъ Гордѣевъ, какъ человѣкъ, кажется, особенно дорожившій репутаціей своей деревни.

— Да вотъ, напр., хоть то, что одни у васъ живутъ вродно, въ достаткѣ, а другіе — совсѣмъ бѣдствуютъ, плохо живутъ...

— Это точно, ты правильно замѣтилъ... Да вѣдь это такъ ужъ, значить, отъ Бога, замѣтилъ Павелъ Гордѣевъ.

— Отъ Бога непременно, подхватилъ и большакъ Шмонинъ.

— Это ужъ отъ прилежанія, значить, отъ собственного усердія, отъ собственной примѣнительности, Николай Ниволачъ... Такъ васъ звать-то? говорилъ Петръ Шмонинъ, тихимъ, деликатнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, въ качествѣ старшины, не рѣдко распивавшій чай съ господами и съ начальствомъ.

— Вотъ, вотъ! подхватили и другіе.

— Ну да, отъ Бога! заворчалъ дѣдъ Матвѣй: — вали все на Бога-то! Нынче ужъ народъ такой сталъ—поддержки не жди... Наровить, какъ бы тебѣ горло перервать... Это не прежнія времена!

— Вишь, дѣдушка-то изобидѣлся! засмѣялись мужики.

— А, можетъ быть, онъ и правду говоритъ, замѣтилъ я:—въ старину, надо думать, плотнѣе жили другъ къ другу, ближе. Миръ силы больше имѣлъ, больше помогалъ своимъ... А вотъ у васъ теперь—одинъ хоромы выставилъ, Богъ знаетъ для чего.

и самъ-то не живетъ, а гусариха вонъ съ ребятишками бьется; была земля — и ту отняли.

— Это все правда! Слова нѣтъ! Только вѣдь это какъ ужъ кому: одному значить счастье такое — другому несчастье въ лицу выйдеть... сказалъ большакъ Шмонинъ.

— Это ужъ по уму дается, подтвердилъ деликатный экс старшина: — по соображенію, по смекалкѣ... Вотъ, какъ я полагаю!..

— То-то нонѣ смекалка-то дальше своего кармана не видитъ! Чтò смекаетъ, то себѣ въ карманъ все волочетъ, опять ворчалъ дѣдъ Матвѣй: — нѣтъ, это не скажи!..

— Нѣтъ, такъ нельзя... Это ты вѣрно замѣтилъ, Николай Николаичъ! тихонько говорилъ мнѣ, внушительно подмаргивая черными блестящими глазами, смиренный мужичекъ-цыганъ. — Надо вѣдь то же разсудить...

— Нонѣ мірской поддержки не жди, продолжалъ дѣдъ Матвѣй: — нонѣ молодой мужикъ отъ міра на-сторону бѣжить... Бѣжить и шабашъ! И ничѣмъ его не остановитъ!.. Вотъ ужъ міръ-то и слабнетъ... Какія нонѣ мірскія дѣла? Ругань одна... Ты одно скажи, а тебѣ другое говорятъ... Всякъ на свое танеть... 'Законы всякіе писаные повелись... Нѣтъ, не стало міру, совсѣмъ не стало!.. Я вотъ тебѣ, другъ мой сладкій, скажу, какъ у насъ въ старину міръ-то жилъ, да какъ нонѣ живетъ. Вотъ, видѣлъ ты, можетъ, у насъ на задахъ какая машина землищи лежитъ подъ болотомъ? И это болото, другъ ты мой, черезъ три деревни проходитъ. Земля — машина, а дарма пропадаетъ. Вотъ старики (наши еще старики, не намъ, дуракамъ, чета; мы въ тѣ поры еще молодые были), вотъ старики глядѣли — глядѣли, плакались на эту землю, что она втунѣ лежитъ, да и порѣшили тремя деревнями, канаву вдоль ея вырыть. Вырыли канаву большую, что твоя рѣка. По ней на лодкѣ въ большую рѣку переправлялись. И что же, другъ мой сладкій, сталося? Высохло болото, земля изъ-подъ сырости отошла да такой сѣнокосъ Господь далъ, что по 3 стога на дворъ пало!.. Сѣно, первый сортъ, отъ поименнаго не отличишь, вотъ какъ!..

— Это вѣрно! подтвердили и прочіе: — и мы слышали...

— Что-же эта канава до сихъ поръ у васъ цѣла?

— Цѣла. Да что въ ней теперь проку, ежели за ней при-смотру нѣтъ! Опять теперь болото, по-поясъ стоитъ... А ваторга-то какая! Косишь по брюхо въ водѣ, цѣлый день... Хорошо, коли еще солнышкомъ грѣеть, а ежели хоть малое ненастье — бѣда сущая, пошибель! Издрогнешь, послѣ ноги болятъ, ломить тебя всего... А наипаче бабамъ плохо... Шярко болѣютъ послѣ каждого сѣнокоса.

*

— Что-же это вы никакыхъ мѣръ не примете?

— Вотъ въ томъ-то и задача... Про что-жъ я и говорю! сказала дѣдушка Матвѣй:—про то я и говорю, что старики-то насъ поумнѣе были, да по-сердобольнѣе. А нынче вонъ скажешь на міру: чего бы канаву-то не прочистить? Вѣдь ужъ выкопали ее для насъ старики? осталось-прочистить только!.. Доколь мы будемъ каторгу-то съ нимъ принимать?.. Такъ чего тебѣ! Богатѣн-то наши въ одно слово: прочищай, говорятъ, коли у тебя денегъ много! А намъ, говорятъ, что: мы батраковъ найдемъ воспитать-то! А у насъ, за-преждѣ, о батракахъ-то не слыхивали...

— Да и батракъ-то еще подумаетъ идти... Дай ему за день три рубля, такъ онъ тебѣ въ болото полѣзетъ, замѣтилъ Павелъ.

— Еще подумаетъ въ омутъ-то головой броситься!.. Это вѣрно.

— Такъ какъ-же вы это не согласитесь? Вѣдь вотъ и богатѣе не выгодно.

— Да что имъ!.. Нахватали вонъ они земель по-сторонкамъ, сами не работаютъ, въ ренды отдають, съ насъ же деньги деруть... Какой имъ въ канавѣ интересъ! говорилъ дѣдъ:—а молодой народъ на сторону бѣжить отъ земли, все нарываютъ на стороны урвать: пушай, говорятъ, старики тамъ съ землей валандаются... Вотъ что!.. Молодыхъ-то только и загонишь, что на страду. Пробылъ онъ тебѣ шесть недѣль, а тамъ и опять ушелъ... Тоже у него ужъ къ землѣ да къ міру интересу этого гнѣтъ... А намъ, старикамъ, однимъ не сладить!

— Говоришь ты: канаву—канаву! Да какъ мы ее одни-то подыдемъ, коли другія деревни въ согласъ нейдутъ... А у нихъ недоимки неоплачены, не токмо что канаву поднимать!.. А ежели мы одни эту канаву прочистимъ, вѣдь зальемъ всѣхъ сосѣдей!

— Такъ чтожъ—зальемъ? Будетъ заливать, такъ прочистятъ!..

У мужиковъ пошелъ споръ о канавѣ.

— Много, другъ мой сладкій, у насъ неустройки, много, говорилъ дѣдъ Матвѣй, когда смолкъ споръ и всѣ замолчали.

— Вѣрно, вѣрно, выразительно подмаргивалъ мнѣ и кивалъ головой мужичекъ-цыганъ Иванъ Тарасичъ.

— Неустройки много, подхватили и другіе:—Богъ-е знаетъ, какъ все идетъ: въ одномъ, глядишь, какъ будто такъ, какъ и слѣдуетъ, въ другомъ—и совсѣмъ неподобающее...

— Плохо мірское дѣло идетъ! Вотъ къ намъ въ волость хотъ примѣрно заглянуть—что! Совсѣмъ разбойная волость!..

— Разбойная! подхватили мужики.

— Да какъ же это такъ, братцы: вѣдь вы сами же волостное начальство выбераете?..

— Бто?.. Да мы новѣ и на выборы-то не ходимъ... Дуй ихъ тамъ горой!..

— Что такъ?..

— Да по что? Развѣ насъ тамъ слушаютъ? Воровъ то мѣнять что ли? Все одно, сердился дѣдъ Матвѣй.

— Такъ что-жъ? Такъ и слѣдуетъ: вора смѣнили, хорошаго человѣка выбрали.

— Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ-то, сердито проворчали мужики: — мы за одни выборы шесть человѣкъ предоставляли, а все вора выбрали.. Потому тѣ шесть человѣкъ, слышь, въ начальство не годятся...

— Да вѣдь у васъ теперь, кажется, хорошій старшина?..

— Это что! засмѣялись мужики, совсѣмъ неожиданно для меня: —ему одно—не новѣ, завтра въ Сибирь идти!

— Что же такъ?

— Да полно вамъ, братцы!.. Развязали кадки-то! остановилъ ихъ Павелъ Гордѣевъ. — Экій народъ — болтунъ! Пойдетъ себя чернить, такъ хуже чорта очернить...

— И то—ну, ихъ въ Богу!.. Кому какой интересъ въ нашихъ дѣлахъ! Вотъ нашли объ чемъ разсказывать!.. Чать мы—въ гостяхъ—не на улацѣ промежъ собой, говорили мужики.

— Нѣтъ, господа, мнѣ очень интересно.

— Ну коли интересно, такъ, чтожъ... У насъ тутъ веселаго много найдется!..

— Я тебѣ вотъ пожалуй разскажу, какое начальство-то мы сами себѣ выбираемъ, опять началъ дѣдъ Матвѣй.—Надо, братъ, тебѣ сказать, деревня у насъ, изъ другихъ, справная, недонмокъ за нами нѣтъ!.. Мы до этого сраму не доводимъ. Потому мы такъ ужъ объ себѣ полагаемъ, чтобъ намъ никакого утѣсненія не было... Мы свое дѣло справили—и ты насъ не замѣй! Тоже въ ротъ-то къ намъ не скоро залѣзешь!

— Да. Такъ и то, другъ мой сладкій, залѣзаютъ въ лучшее видѣ. Какъ-то вотъ, на моей памяти, разъ пять наѣзжали...

— Въ ротъ-то! ха, ха! подхватили мужики.

— Да, въ ротъ-то... Эдакъ вотъ все больше по осени или ранней зимѣ... Слышимъ: тюкъ-тюкъ-тюкъ—болокольчикъ! «Подать мужиковъ!» Ну, подать мужиковъ. Выходимъ. «Недонму!» — «Ваше благородіе! Помилуйте!.. Мы на томъ стоимъ, чтобы начальству всячески, не въ примѣръ прочимъ...» — «Недонму», кричить... — «Какъ хотите, ваше благородіе, вины за собой не имѣемъ... Мы все очистили...» — «Такъ не хотите? — Старшина! Есть за ними недонма?» — «Есть, ваше благородіе!» говорить стар-

шина и глазомъ не моргнётъ.— Да у тебя есть ли на шеѣ крестъ-то? А? орутъ мужики на старшину... «Есть!» говорить.

— Вѣрно, вѣрно!.. «Есть», говорить, подхватываютъ мужики и смѣются.

— «Описывай самовары!» кричитъ, продолжаетъ рассказчикъ:— ну, сейчасъ на самовары начнутъ печати власть... Что ты подѣлаешь? Давай сбивать «недомку»; соберемъ половину, поторгуемся, отдадимъ, ну и опять: динь-динь! — и уѣхалъ сложенъ вмѣстѣ со старшиной! — Вотъ мы какое сами себѣ начальство выбираемъ! иронически закончилъ рассказчикъ.

— Да мало ли у насъ этого, ежели тебѣ поразсказать!

И мужики мнѣ дѣйствительно рассказали о своемъ волостномъ «самоуправленіи» нѣчто такое, о чемъ я теперь здѣсь не могу говорить.

— Мы ужъ на волость-то, почестъ, рукой махнули: пущай ихъ тамъ грабать! рѣшили мужики:— сладу нѣтъ совсѣмъ! Противъ рожна—и прать нечего!

Опять напомню здѣсь читателямъ то, что сказано мною въ IV главѣ—относительно передачи *до-словно* мужицкихъ разговоровъ. Крестьяне вообще очень склонны иронически относиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, а потому не всегда можно принимать ихъ слова за чистую монету. Несомнѣнно, есть такія волости, какъ мы будемъ имѣть случай указать, и даже очень много такихъ волостей, гдѣ волостное самоуправленіе совершенно фиктивно, гдѣ царить и деспотствуетъ безконтрольно старшина съ волостнымъ писаремъ, поддерживаемые администраціей, и гдѣ, дѣйствительно, крестьяне давно «махнули рукой на волость», сознавъ полнѣйшую невозможность «прать противъ рожна». Но въ той волости, которую въ данномъ случаѣ описываю я, и собственно въ нашей деревнѣ — факты изъ волостнаго самоуправленія говорятъ совсѣмъ противоположное тому, что высказывали мнѣ мужики. Ихъ слова скорѣе можно принять, какъ логическое предчувствіе того, что рано или поздно, при данномъ порядкѣ дѣлъ, придется и имъ дѣйствительно махнуть рукой на изворовавшуюся волость. Теперь же наши мужики еще «собачатся» съ волостью, еще стойко держатся за свои волостныя права; теперь еще имѣется не мало поразительныхъ фактовъ этой борьбы; нѣкоторые случились на моихъ глазахъ. Я намѣренъ посвятить вообще этому предмету, если будетъ возможно, особую главу.

— Мы теперь вотъ только въ своей деревнѣ и живемъ пока на слободѣ, никто не суется, по крайности... Вотъ ежели что касается своихъ деревенскихъ распорядковъ, ну такъ и псбол-

таемъ промежъ собой на улицѣ, сказалъ старикъ Евтропъ Шмонинъ.

— Только и есть!

— И то... большая неустройка!. Нельзя сказать, чтобы... по справедливости, али бо въ порядкѣ надлежащемъ, опять моргнувъ мнѣ своими блестящими глазами смиренный Иванъ Тарасычъ, повертывая доннышкомъ вверхъ чашку и деликатно владя на нее крохотный огрызочекъ сахарцу: — Благодарствую!.. Нельзя сказать, чтобы въ порядкѣ.., Большая неустройка.

— Что же такъ?

— Точно, сумѣнія много у насъ насчетъ земли, замѣтилъ и самъ Павелъ Гордѣевъ.

— Въ чемъ?

— А въ томъ, подхватилъ дѣдушка Матвѣй: — что вотъ теперь богатые мужики да купцы, да разные — не то приказные, не то абюкаты какіе-то изъ города понаѣхачи вокругъ насъ всѣ земли, всѣ лѣса, всѣ луга скупили барскіе... Такая торговля пошла всѣмъ этимъ — упаси Господи! Сами они то-исъ и знать не знаютъ — какое съ землей обращенье, — а все въ ренду ее намъ же отдають... Ренды нагнали страсть какія! Силъ нѣту! Вотъ теперь мы платимъ за конецъ сто рублей въ годъ... Да и то думаемъ бросить, отказаться!.. Потому, барыши берутъ, рукъ не моволя, совсѣмъ безъ всякаго ума — совѣсти. Понастроили себѣ хуторовъ, наѣзжаютъ гулять да на охоты, водку пить...

— Такъ вамъ-то что-же?

— Какъ намъ что?! заговорили разомъ мои гости: — намъ — сумѣніе... Намъ говорятъ, что «еще погодите: мы васъ, говорятъ, всѣхъ скупимъ, всей землей отъ васъ завладѣемъ!..» Ну вотъ теперь и сумѣніе. Толкались было мы въ правленіе; а тамъ тоже говорятъ: выкупайтесь, говорятъ, на вѣчное владѣніе; это самое лучшее, а то худо вамъ будетъ... Теперь вотъ всякій и норовитъ, вмѣсто чтобы въ міръ смотрѣть, сообща стараться, всякъ только глядитъ какъ бы гдѣ въ вѣчное владѣніе одному себѣ кусокъ урвать... А другіе ждутъ, что на эту самую торговлю скоро запретъ будетъ положенъ... Сколько, значить, теперь ни заграбастали купцы земли, — все въ передѣлъ пойдетъ.

— Въ черный передѣлъ, подморгнувъ мнѣ Иванъ Тарасычъ. — Это вѣрно.

— Какъ же это такъ будетъ?

— Будетъ, вѣрно... Мы тоже народъ не глухой, ходили «въ серпы-то» почестъ черезъ всю Рассею, тоже съ народомъ... разговариваемъ... А будетъ это вотъ какъ, рассказывали мнѣ мужики (въ этомъ разговорѣ они приняли участіе всѣ и говорили,

перебивая и дополняя другъ друга):—будеть этотъ черный пере-
дѣлъ потому, что очень много народу повелось, что сами
землю не робять, а торговать ей торгуютъ, истинному земле-
пашцу утѣсненіе дѣлають.

— Хорошо. Но какимъ образомъ, думаете вы, сдѣлается это?

— А это видишь какъ будетъ, заявилъ дѣдушка Матѣй:—
объявится подать одна — поземельная. И будетъ эта подать для
всѣхъ ровная, никому поблажки чтобы не допускать: примѣрно
у тебя три десятины, ну и будешь ты платить примѣромъ хоть
по полтиннѣ за десятину, значить три полтины. А кто нахваталъ
себѣ тысячу десятинъ, съ того и подати пущай пойдетъ тысячу
полтиннѣ... Такъ вотъ тутъ и окажется: кто самъ не работаетъ,
тому этой подати не осилить ни вѣвѣ!.. Сейчас они и скажутъ
намъ: братцы, возьмите все, намъ силы нѣту землей володѣть!..
А намъ то и на руку: потому мы крестьяне настоящіе, мы всѣмъ
міромъ возьмемъ и осилимъ... Вотъ это какъ будетъ! заклю-
чилъ свои политико-экономическія соображенія дѣдушка Матѣй.

Мужики поддакивали, согласно мотали въ знакъ утвержденія
головами, не смотря на то, что изъ нихъ были и такіе, которые
сами имѣли *собственные земли* (т. е. по мимо надѣловъ, въ вѣч-
номъ владѣніи), какъ на примѣръ Павелъ Гордѣевъ.

Нельзя не припомнить здѣсь довольно справедливаго замѣча-
нія профессора Энгельгардта, что «у мужиковъ, даже самыхъ
цивилизованныхъ, все таки остается тамъ, гдѣ-то въ мозгу, тай-
ничекъ, изъ котораго нѣтъ-нѣтъ, да и выскочить мужицкое по-
нятіе, что земля можетъ быть только общинной собственностію.
Что деревня, т. е. все общество, можетъ купить землю съ отчуж-
дѣнностію... но чтобы землю, купленную какимъ-нибудь Егоренкомъ,
когда выйдетъ «новое положеніе» насчетъ земли, нельзя было
отдать деревнѣ, этого ни одинъ мужикъ понять не можетъ. Какъ
бы мужикъ ни былъ нацивилизованъ, думаю, будь онъ даже бо-
гатѣйшій желѣзно-дорожный радчикъ, но до тѣхъ поръ, пока
онъ — русскій мужикъ (разумѣется, и мужика можно такъ сплоти
шампанскимъ, что онъ получить нѣмецкій обликъ и будетъ го-
ворить нѣмецкія рѣчи), у него останется въ мозгу «тайничекъ».
Нужно только умѣть открыть этотъ тайничекъ». Все это, мы
говоримъ, довольно справедливо, хотя нельзя не признать, что
последняя половина тирады отзывается славянофильствомъ. Су-
ществуетъ этотъ «тайничекъ» у всѣхъ мужиковъ, даже у бога-
тыхъ собственниковъ, вовсе не потому, что они «русскіе мужики»,
и будетъ существовать, пока, дескать, мужикъ будетъ *русскій*
мужикъ (а онъ развѣ когда-нибудь будетъ нерусскимъ?), а про-
сто потому, что настоящая эпоха — эпоха критическая, переход-

ная въ жизни русскаго мужика, эпоха, когда идетъ борьба за преобладаніе между старыми традиціями и новыми вѣяніями, между общиной и крайнимъ индивидуализмомъ. Кончится эта борьба въ пользу общины—и этому «тайничку» не зачѣмъ будетъ существовать, потому что нѣчему будетъ скрываться въ тайнѣ. Кончится борьба въ пользу полного индивидуализма—кулакѣ и собственникѣ почувствуютъ свою настоящую силу, тогда и мужикѣ, будь онъ самой чистой русской крови, потеряетъ всякое сознаніе о «тайничкахъ» и, въ охраненіи основъ индивидуальной собственности, явится такимъ «столпомъ», что утретъ носъ всякому нѣмцу... А о французахъ и толковать нѣчего! Онѣ еще ихъ уму-разуму, пожалуй, въ этомъ разѣ учить пойдеть. Дѣло тутъ вовсе, значить, не въ шампанскомъ... А если вотъ мы будемъ возлагать надежды на неуваждаемость какого-то мистическаго «тайничка», пока «мужикѣ будетъ *русскій* мужикѣ», и въ пользу этого тайничка пальцемъ не шевельнемъ, то намъ очень скоро придется убѣдиться, что и русскій богатый мужикѣ знаетъ не хуже нѣмца, гдѣ раки выкуютъ...

— Такъ какъ же это къ вашимъ хозяйственнымъ дѣламъ относится? Почему у васъ неустройка?

— А потому, видишь ты, Николай Николаичъ, отвѣчалъ Иванъ Тарасичъ: — *кѣпѣсть* къ землѣ нѣтъ... Все отъ этого!.. Кабы оно у всѣхъ въ одно-то шло, такъ бы и ничего, былъ бы порядокъ, всѣ бы *въ мѣръ смотрѣли*... А теперь, глядячи по сторонамъ, глаза-то и разбѣгаются... Накупить вотъ богатый въ вѣчно владѣніе пустошей, онъ ужъ на надѣль-то мѣрской и плыветъ... Не то онъ мужикѣ, не то — купецъ... Ему мѣрское дѣло ужъ къ сердцу не лежитъ, поясняли и прочіе мужики мысль Ивана Тарасича. У насъ вотъ теперь мало ли мужиковъ-собственниковъ: они ужъ *къ* мѣрской землѣ и не радѣютъ... Вотъ хопъ бы и канаву эту самую взять: бѣдный говоритъ—гдѣ денегъ взять? а богатый говоритъ—мнѣ что! Моя земля (собственная-то, значить) въ сторонѣ!.. Отъ этого самаго всѣ и смущенія идутъ.

— Мы вотъ хотѣли васъ поразспросить, заговорили разомъ мужики: — человекъ вы, надо думать, объ этомъ извѣстный... Разъяснить... Мы вотъ иной разъ потолкуемъ, да такъ ни до чего и не договоримся. Одинъ въ одно танеть, другой въ другое. Въ это время къ нашей бесѣдѣ подоспѣлъ и сынъ дѣда Матвѣя, Якимъ, ходившій зачѣмъ-то въ сосѣдную деревню.

— Такъ въ чемъ же дѣло? спросилъ я.

— А вотъ видите въ чемъ, началъ своимъ тихимъ вѣжливымъ голоскомъ Петръ Шмонинъ, экс-старшина:—отъ волости къ намъ идетъ такое наставленіе, чтобы мы, значить, поспѣшили выку-

нить надѣлы въ вѣчное владѣніе, а послѣ того по двору и разбили бы, значить, кому что по выкупу падеть... Говорятъ, въ теперешнемъ житѣ крѣпости нѣтъ, въ теперешнемъ, значить, владѣніи. При всемъ при томъ—ответственность большая: ни ты самъ себя хозяинъ, ни ты самъ себя баринъ... Съ землей этой большая война, за всякаго нищаго али пьяницу ответственъ... Подати большія... Нонѣ ты богатъ, а завтра—нѣтъ ничего. Нонѣ у тебя 30 десятинъ, а завтра—половины не стало... А ежели въ вѣчномъ у тебя владѣніи земля—такъ тутъ ты живи-поживай себя помѣщикомъ! Кромѣ себя ни за кого не ответственъ... Такъ ли-съ? Самъ себя голова... Налогъ съ тебя пойдетъ барскій, какъ, примѣрно съ помѣщичьихъ земель... Говорятъ, что больше, какъ полтина, съ десятины не сойдетъ?

— Вотъ, вотъ, объ этомъ мы и хотѣли разспросить, подтвердили мужики.

— А какъ вы сами-то, по совѣсти, думаете: что лучше—иъ подворно ли всѣмъ раздѣлиться, или въ мірскомъ владѣніи землѣ имѣть?

Мужики задумались.

— Да вѣдь вотъ въ томъ и задача, что не знаемъ... Одно думаемъ—и такъ хорошо, а другое думаемъ—какъ бы на вѣкъ дуракомъ не остаться!.. Вотъ вѣдь что, отвѣчали мужики.

— Ну да все-таки, кто изъ васъ больше къ одному расположень, кто къ другому. Ну вотъ, напримѣръ, ты, Евтропъ Васильичъ? спросилъ я большака Шмонина.

— Я бы такъ полагалъ, что подворно разбить лучше. Потому тутъ ужъ я выкуплю землю въ вѣчное свое владѣніе—и спокою. Никто меня съ нея не согонитъ; что хочу, то и дѣлаю. Хочу пашу, хочу дома на печи лежу. Хочу рано встать, хочу до обѣдни проспать... Моя воля!

— Ишь ты, какъ онъ, старій, слободу-то любитъ!.. Богатѣе сталъ! По барски нѣжитъ захотѣлъ, подшутили мужики.

— А что жъ! сконфузился старикъ:—миѣ ужъ и отдыхать пора..

— Такъ вы думаете такъ лучше?

— Думаю... Потому же вотъ, главное, говорятъ, и налога меньше пойдетъ, повинностей... Теперь навозъ... Я свою землю унавожу, какъ хочу, она моя, въ вѣка пойдетъ... А теперь ты ее унавожилъ, а у тебя ее отымутъ да другому передадутъ, а тебѣ ненавоженной дадутъ...

— Чего ты тутъ съ навозомъ-то! накнулись на него мужики:—нечего сказать, нашелъ что! Навозъ! Да больше, что ли, ты другихъ навозишь? Отколы это? Меньше, что ли, тебя люди

то навозять? Не дома берегутъ, чать, какъ ты же, весь выво-
зять... Откуда у тебя больше то?

— У меня скота больше, а у другого мало.

— Такъ вѣдь у тебя и земли больше!.. Да что тутъ! говорилъ Якимъ:—пустое болтаешь... А ты вотъ скажи—куда ты скотину погонишь? Ну-ка, раздѣлись, попробуй!.. Куда ты ее погонишь? На задворкахъ кормить станешь? Ну и корми! Посмотримъ, много ли навормишь!

— Вотъ это такъ, подхватили гости.

Европа доѣхали скотомъ. Противъ скота Европъ не на-
шелся, что сказать.

— Ну а ты, Павелъ Сысончъ, спросилъ я Гордѣева.

— Да я... Какъ сказать? Какъ будто полегче бы такъ-то,
что и Европъ говорить, сказалъ онъ, несмотря на то, что вмѣ-
стѣ съ другими доѣзжалъ Европа скотиной.

— Не тебѣ бы, Павелъ Сысончъ, это говорить, возразилъ
смирный Иванъ Тарасичъ: — кажись, на своей шкурѣ вы это
знаете... Вотъ Гусариха-то, ваша же, въ вѣчномъ владѣніи у
ней была земля-то. А что теперь? Гдѣ она? На міръ же пришла
земли просить, на мірской же землѣ жила? А ребятишки под-
ростутъ—къ кому пойдеть за землей? Къ міру же!

— Вотъ что правда, такъ правда! Иванъ Тарасовъ съ вѣтру
слова не бросить.

— Это правда, согласился и собственникъ Павелъ.

И Павла, значить, доѣхали Гусарихой.

— А какъ вы? спросилъ я экс-старшину.

Но старшина юлилъ. Онъ ухитрился заявить такъ, что выхо-
дило и съ одной стороны хорошо, да и съ другой—не дурно.

— Недалеко отъ васъ, я слышалъ, живутъ уже давно соб-
ственниками, подворно?

— Живутъ. Это—вольные хлѣбопашцы. Дрозды, подъ назва-
ніемъ. Живутъ. Они еще до воли выкупились у помѣщика съ
землей.

— Ну, и что же? Хорошо живутъ?

— Ничего. Тоже вотъ все, что и у насъ: кон справно жи-
вуть, а кон обѣдняли... У кого семьи разрослись—плохо живутъ;
земли совсѣмъ мало, а достать негдѣ ужъ, взять не у кого.

— У нихъ все ужъ порознь?

— Нѣту! Зачѣмъ? Все равно какъ у насъ; только поля не дѣ-
лать. А луга дѣлать, и выгонъ общій.

— А ты какъ, дѣдушка Матвѣй, полагаешь? Ты старше здѣсь
всѣхъ, человекъ старожилый.

— Нашъ дѣдушка ужъ давно чужой вѣкъ заѣлъ, пошутили гости.

— Вѣрно. Что ужъ мнѣ тутъ!.. Я ужъ не встряю въ эти дѣла. Пушай какъ хотять... Не мнѣ съ новыми порядками жить, отвѣчалъ дѣдушка Матвѣй:—только мы жили по-дѣдовски, по-старому, тоже не хуже другихъ... Слава-те Господи! Тоже старики то не глупѣе, должно, нынѣшнихъ были... Жили такъ — значитъ, хорошо было... Вотъ какъ я разумѣю! А ужъ теперь какъ хотять.

— Я такъ полагаю, заявилъ Якимъ Матвѣичъ:—что изъ этого раздѣла по дворамаъ ничего хорошаго не будетъ... Мнѣ что! Я тутъ говорю не изъ чего-либо... Потому, дѣдушка вотъ ежели, грѣшнымъ часомъ, помретъ, я, можетъ, и совсѣмъ отъ земли откажусь — въ городъ съ женой уйду... А только что — въ міру лучше. Пойдетъ этотъ раздѣлъ ежели—кляузъ всякихъ не оберешься, недовольства... Главное, кляузъ много будетъ... Одинъ скажетъ—ты на мое не ходи, другой скажетъ—мое не тронь... Мы вотъ знаемъ собственниковъ-то: заѣхалъ въ его землю — въ судъ ступай, ягodu у него сорвалъ — опять кляуза; прутикъ сломилъ — судись! Маята. У насъ вотъ велики ли фрунты на усадьбахъ растутъ, а тоже у всѣхъ огорожено, тоже кляузъ не оберешься... Опять хотъ и то сказать: вотъ у этихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ примѣры какіе есть — не приведи Господи! Раззоренье полное.

— Да, да. Есть примѣры, подтвердили мужики.

— Какіе же именно?

— А вотъ какіе: отецъ теперь, примѣрно, свернулся, занилъ али заболѣлъ; все пошло не въ прокъ, пошло въ долгъ, въ прожѣву... Разъ прорвешься у насъ, тутъ ужъ только держись, ровно тлѣлая тряпка полѣзетъ все... Тутъ на ноги не скоро станешь! Все и пошло. Землю переваложилъ. Да до того довелось, что, по смерти его, ребяташкамъ и взять нечего — ступай по міру!.. Побирайся!

— Да, тутъ только того и гляди... Тутъ ужъ гляди въ оба... Надежды тутъ ни на кого не клади! заговорили мужики.

— А теперь вотъ и то взять, выразительно взглянуть на меня Иванъ Тарасичъ:—ребятишка... Что ни случись, а имъ все впереди надежда... Хотъ бы эту гусариху взять... Все какъ ни то, Богъ дастъ, подростутъ... Опять, значитъ, мужиками заправскими встануть...

— Такъ какъ ты намъ скажешь? спросили мужики.

— Право, не знаю. Боюсь я совѣтовать. Плохо мы вашу жизнь знаемъ... По разговору, я вижу, что вы сами на старину склоняетесь, по-мірскому считаете лучше жить... И я такъ думаю,

если не объ настоящемъ только заботу имѣть, а и о будущемъ подумать, о потомствѣ.

— Это такъ ты говоришь. Не однимъ намъ на свѣтѣ жить. Чтò хорошаго—послѣ насъ, стариковъ, власть будутъ!

— И будутъ, замѣтилъ Иванъ Тарасычъ:—хорошо вотъ ты выкупилъ теперь, примѣрно, на двѣ души, а у тебя черезъ двадцать лѣтъ семью-то Господь приумножилъ, стало у тебя пять сыновей, да самъ соловей, да внучата пойдуть... Что ты съ ними на двудушномъ-то надѣлѣ станешь дѣлать? Ступай, значить, вонъ половина, живи на сторонѣ!.. А теперь мѣръ все же на всѣхъ надѣлать.

— Ну, да, сказалъ старикъ Евтропъ Шмонинъ:—держи карманъ. Все одно, братъ. Вотъ намъ надѣлили на 53 души, а теперь передѣлъ будемъ дѣлать ужъ на 64, а потомъ на 80... Вѣдь мѣръ-то тоже растетъ!.. Вотъ что! А земля-то все столько же... Все одно—куда пойдешь?

Замѣчаніе Евтропа заставило мужиковъ смутиться.

— А вотъ куда пойдешь, поднялся и сверкнулъ своими цыганскими глазками Иванъ Тарасычъ:—ты вотъ ежели одинъ, такъ поди сунься за землей-то! Дастъ тебѣ кто? А ежели у деревни земли не станетъ, такъ деревнѣ безъ земли быть нельзя! Такихъ деревень на свѣтѣ нѣту! У деревни земля какъ-никакъ будетъ.

И Иванъ Тарасычъ сталъ молиться на образъ.

— Вотъ, братъ, что вѣрно сказалъ, то вѣрно... Иванъ Тарасовъ слова съ вѣтру не скажетъ, подтвердили опять мужики и, поднявшись изъ-за стола, вслѣдъ за нимъ стали креститься.

— Ну, благодарствуемъ... Извини на глупыхъ рѣчахъ, ежели что, заговорили, обращаясь ко мнѣ, деревенскіе гости:—извини... много мы у тебя тутъ наболтали... Известно, мужики-дураки... Мы вѣдь это такъ, *по-праздничному* говоримъ, отъ нечего дѣлать... Ну, и болтаешь всяко... Вотъ ужъ завтра не заговоришь!.. Теперь ужъ шабашъ! Наговорились!.. Теперь языки на замокъ!.. Ха-ха!.. Теперь рукавъ работа пойдеть—не языку.

— Что же такъ?

— Да вотъ нонѣ думаемъ собраться, да, благословясь, завтра начинать... Навозъ повеземъ... А тамъ, Господь дастъ, помолимся да и въ луга... Теперь ужъ, значить, прощай!.. Сердитые будемъ, неразговорчивые!.. шутили мужики:—скучно тебѣ будетъ!

И я распрощался съ своими деревенскими гостями.

Существенное содержаніе этой бесѣды, нѣкоторые отвѣты по-

чти до словно были записаны мною тотчас послѣ разговоръ съ мужиками. Это я считаю здѣсь существенно важнымъ. И вотъ почему. Есть громадная разница между отношеніемъ интеллигентнаго читателя къ воспроизведеніямъ жизни общества и къ воспроизведенію жизни народной, въ особенности у насъ. Литературная критика, мнѣ кажется, не достаточно разъяснила это, а потому, въ концѣ-концовъ, и должна была признаться, что не имѣетъ критерія въ оцѣнкѣ произведеній, касающихся народной жизни. Въ то время, какъ интеллигентный человѣкъ смотритъ на общество *изъ среды* самаго общества, непосредственно *изъ себя*, на народъ онъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ со стороны, такъ, какъ смотритъ на дикихъ людей Америки и Африки. Отсюда вытекаетъ и громадное различіе въ отношеніяхъ читателя къ воспроизведеніямъ жизни того и другого. Критерій для оцѣнки художественнаго воспроизведенія общественной жизни, читатель непосредственно находитъ въ себѣ, непосредственно ощущаетъ художественную правду или ложь, непосредственно наслаждается или не удовлетворяется. Другое дѣло съ воспроизведеніемъ народной жизни. Наше общество читаетъ романы изъ народнаго быта съ тѣмъ же *внѣшнимъ* любопытствомъ, съ какимъ читаетъ оно романы Купера, имѣя только единственный критерій для провѣрки ихъ художественной правды: общія психологическія основы и имя автора. Но, въ послѣднемъ случаѣ, оно имѣетъ то преимущество, что романы Купера или вообще воспроизведеніе жизни дикихъ можетъ быть провѣрено имъ путемъ научныхъ данныхъ, собранныхъ путешественниками. А этого-то важнаго условія русской читатель лишень относительно жизни своихъ «младшихъ братьевъ».

Принявъ же во вниманіе еще и то, что наблюденіе народа *со стороны* у насъ сопровождается разными побочными соображеніями—крѣпостническими, опекунскими, сантиментальными, спекуляторскими, патріотическими и проч., и проч., смотря по тому, съ *какой стороны* подходит *извне* наблюдатель—у мыслящаго читателя невольно должно зародиться сомнѣніе въ *правдѣ* воспроизведенія народной жизни этими «сторонними наблюдателями». И это совершенно естественно, потому что нѣтъ прочнаго критерія, нѣтъ данныхъ для оцѣнки, нѣтъ специально-научной точки зрѣнія. Этотъ критерій могли бы дать мыслящему читателю или научныя изысканія въ сферѣ народнаго быта, или непосредственный народный художникъ, *мирской, обитинный* человѣкъ. Къ сожалѣнію, первыхъ у насъ до сего времени очень мало; второго мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли когда-нибудь.

Въ виду этого, задача литературной критики относительно произведеній изъ народнаго быта дѣлается чрезвычайно трудной. Чтобы вынести мало-мальски справедливое сужденіе, приходится прибѣгать къ предположеніямъ, сопоставленіямъ, догадкамъ, логическимъ умозаключеніямъ. Но еще труднѣе задача добросовѣстнаго воспроизводителя народнаго быта, вышедшаго изъ среды интеллигенціи. Постоянное и упорное недовѣріе встрѣчаютъ его самыя задушевные страницы, самыя правдивыя картины. И въ то же время онъ видитъ, какъ публика жадно зачитывается сыщичически-сентиментальными или весело-правными произведеніями народнаго быта. Откуда же ждать ему поддержки, гдѣ искать помощи? Въ литературной критикѣ? Но она почти бессильна. Въ русской наукѣ? Но она «еще едва умѣетъ лепетать». Впрочемъ, все же она можетъ кое-что сказать съ авторитетомъ.

И знаете ли, что приходится дѣлать этому несчастному, добросовѣстному воспроизводителю народнаго быта? Ему приходится или испещрять страницы своихъ повѣстей публицистическими и иными соображеніями, или же дѣлать ссылки и приводить цѣлыя научныя цитаты. Видали вы романы нѣмца Эберса изъ древне-историческаго быта, которыя заткнуть за поясъ обиліемъ цитатъ не только докторскія диссертациі, но даже самого Бокля? Такъ будутъ писаться и *добросовѣстные* романы изъ жизни народа тѣми, кому дорого торжество истины, торжество своихъ убѣжденій. И будетъ это до тѣхъ поръ, пока или читателемъ не будетъ самъ народъ, или писателями не выступатъ люди изъ народа, мірскіе, общинные люди, или же пока научное изученіе народнаго быта не займетъ почетнаго мѣста и выводы науки не войдутъ въ общее сознаніе.

Вотъ почему существенно важно для меня подтвержденіе того, что вышеприведенная моя бесѣда съ ямскими мужиками передана фактически вѣрно, какъ фотографическая копія. Я знаю, будь эта бесѣда введена въ романъ или повѣсть, нашъ читатель, пріученный съ одной стороны сентиментально-резонёрскими разсужденіями на избитыя моральныя тѣмы, съ другой—«р/жосуйствомъ» и непопѣрною тупостію, съ какими фигурируетъ русскій мужикъ въ большинствѣ нашихъ «художественныхъ» произведеній, онъ отнесся бы къ ней въ высшей степени недовѣрчиво; онъ объявилъ бы ее ultra-тенденціозной. «Помилуйте, воскликнулъ бы онъ:—мужикъ разсуждаетъ о преимуществахъ общиннаго и подворнаго владѣнія? И какъ разсуждаетъ! Онъ приводитъ за и противъ почти всѣ тѣ возраженія и доводы, которые дѣлаетъ въ своей книгѣ самъ Эмиль де-Лавелэ!..» Вотъ какъ скажетъ читатель и будетъ, съ своей точки зрѣнія, не-

совсѣмъ не правъ, въ виду полного незнакомства нашего съ народомъ, въ виду недоверія, которое успѣли въ немъ развить къ воспроизведеніямъ народной жизни «художники изъ стороннихъ наблюдателей», въ виду, наконецъ, полной невозможности провѣрки. Вотъ почему я тысячу разъ радъ, что мой «дневникъ деревенскихъ наблюдений» не претендуетъ ни на какое художественное значеніе, что въ него вношу я только факты, дѣйствительные факты, наблюденные и записанные мною въ большинствѣ случаевъ на мѣстѣ наблюдений, что мнѣ нѣтъ надобности въ этихъ замѣткахъ прибѣгать къ какимъ-либо художественнымъ приемамъ, (съ цѣлью усугубленія впечатлѣнія, или для рельефности и полноты даннаго типа, или для гармонической стройности цѣлага). Значить, я могу имѣть хотя то утѣшеніе, что у читателя будетъ въ тысячу разъ меньше шансовъ злодворить меня въ вольной или невольной фальсификаціи.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЮРИСТЫ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I.

Самый многолюдный изъ четырехъ факультетовъ петербургскаго университета—юридическій. Пять-шесть лѣтъ назадъ, студенты-юристы являлись въ такомъ преобладающемъ большинствѣ, которое не рѣдко доходило чуть не до двухъ третей на весь студенческой составъ. Въ то время—какъ до нѣкоторой степени и теперь—это былъ не университетъ, въ которомъ каждая наука, каждая область знанія имѣетъ одинаковое достоинство, равное право на вниманіе къ себѣ, въ которомъ даже основаніемъ раздѣленія на факультеты служитъ только самое свойство разныхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, а не что-либо внѣшнее — въ то время, это скорѣе была гражданская юридическая академія, гдѣ филологи, математики и естествоиспытатели являлись какъ бы между прочимъ только, какъ бы терпимы были только, гдѣ въ особенномъ загогѣ находились историко-филологическій факультетъ, въ которомъ если числилось около сотни студентовъ, такъ это ужъ, значить, было много!... Юриспруденція царяла въ университетѣ, студенты-юристы давали тонъ всему заведенію. Вездѣ, въ буфетѣ, въ корридорахъ, въ шинальной около «ивдальскихъ оконъ», даже въ аудиторіяхъ—только и виднись что юристовъ, только и слышишь: «право», «право» такое-то, «право» другое, а чаще всего—«70 листовъ», «сто», «триста» и т. д.

¹ Въ 1871—72 учебномъ году, на всѣхъ курсахъ историко-филологическихъ факультетовъ 8-ми русскихъ университетовъ числилось студентовъ: стипендіатовъ 266, получавшихъ пособій на 54,971 р. 86 к. въ годъ, и своекоштныхъ 245. Всего 511 человѣкъ. Въ петербургскомъ университетѣ за этотъ годъ было 92 филолога, въ Московскомъ 101, Казанскомъ 60, Харьковскомъ 81, Киевскомъ 93, Новороссійскомъ 35, Дерптскомъ 60, Варшавскомъ 39... (Журналъ мин. нар. просв., 1872, мартъ).

«По государственному праву—восемьдесят листов!» «По энциклопедии—сто двенадцать листов!» съ важностью сообщает какой-нибудь юный юрист не меньше юному математику—и начинается ожесточенный спор о важности юридических и математических наук... Математики, естествоеды, конечно, терпели въ этой массѣ юристовъ, до нѣкоторой степени поддавались даже господствовавшему юридическому тону, ибо и у себя по нѣкоторымъ предметамъ старались заводить, по соблазнительному примѣру юристовъ, литографированныя лекціи, юридически въ семь случаевъ разсуждая, что читать дома, исподволь, съ прокладой, по готовой тетради, не въ примѣру удобнѣе и легче, чѣмъ сидѣть, слушать и самому записывать въ аудиторіи... Про филологовъ же и говорить уже нечего: во-первыхъ, ихъ было очень мало, на каждого филолога чуть не по 10 юристовъ приходилось, а, можетъ, и больше¹, въ обильные юристами годы; во-вторыхъ, это былъ какой-то особый народъ, съ особымъ отношениемъ, молча-солидны, все въ своихъ аудиторіяхъ, классикахъ, интересуются тамъ какими-то древностями, какой-то славянской филологіей, юсами, однимъ словомъ, люди не живые, антиквари... Правда, были еще ориенталисты, студенты факультета восточныхъ языковъ, но это уже совершенно отдѣльный мірокъ, положительно въ всякихъ соприкосновеній съ міромъ юристическимъ. Да и обитали они гдѣ-то тамъ, наверху, въ 3-мъ этажѣ; въ бель-этажѣ, между юристами, носились объ нихъ, какъ о древнихъ гинерборгахъ между греками и римлянами, какие-то темные, съ баснословнымъ отблескомъ, разсказы: такъ напри- мѣръ передавали, что профессоровъ тамъ чуть не вдвое больше, чѣмъ студентовъ, что на каждого студента имѣется чуть не по двѣ стипендіи, что лекціи имѣютъ подобіе съ германскими «privatdozent» и профессора приглашаютъ къ себѣ студентовъ на «индивидуальный» прогъ; вообще разсказы невѣроятные, и нѣтъ, разумеется, никто и не вѣрилъ, хотя никто и не знаетъ, что тамъ такое...

Мы нѣсколько увлеклись воспоминаніями хоть и недавней, но все же нетерпеливой университетской жизни. Читатель можетъ спросить: что же теперь? Да тоже, что и тогда. Если переимѣнить «было» и «бывало» на «есть», то ошибки большой не будетъ. И до сихъ поръ изъ молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія въ университетѣ, большинство поступаетъ на факультетъ юридическій. Даже въ настоящую пору, при такомъ

¹ Въ 1878 году на 764 юриста филологовъ приходилось только 99 человекъ; всѣхъ въ этомъ году студентовъ въ университетѣ было 1210 человекъ. Не имѣемъ, для сравненія, цифръ; потому нельзя сказать, обилеи ли этотъ годъ былъ юристами. (Журналъ мин. народн. просв., 1878 г.). Къ концу 1871 г. въ московскомъ университетѣ изъ 1522 всѣхъ студентовъ на филологическій приходилось 108 человекъ, физико-математическій 156, медицинскій 520 и юридическій факультетъ 743 человекъ. (Ж. м. и. н., 1872, лив.).

исобычайномъ, можно сказать, наплывѣ молодежи на физико-математическій факультетъ (т. е. главнымъ образомъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ), все-таки болѣе трети всего числа студентовъ адѣльскаго университета—юристы. Вотъ нѣкоторыя данныя, которыя достаточно свидѣтельствуютъ объ ихъ обилии въ университетѣ. Такъ, въ 1-му январю 1877 г., на юридическомъ факультетѣ находилось 547 студентовъ изъ общаго числа въ 1286 человекъ; въ 1-му январю 1878 г.—584 мѣсь 1418 и въ 1-му январю настоящаго года 640 мѣсь 1,549¹. Такииъ образомъ, средній за три года процентъ юристовъ, по отношенію къ общему числу всѣхъ студентовъ петербургскаго университета, равняется приблизительно 42 1/2%.

При одномъ только взглядѣ на эти цифры естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ оправдывается это стремленіе молодежи къ полученію университетскаго образованія именно юридическаго? Чѣмъ объяснить это предпочтеніе одного знанія или области знанія другимъ областямъ и, между прочимъ, именно тѣмъ, въ которыхъ юный классикъ, втѣченіе 8—9 лѣтъ, преимущественно, если не сказать исключительно, и подготовлялся, развивалъ вкусъ, получалъ склонность? Какую, наконецъ, притягательную заключаетъ въ себѣ юридическій факультетъ силу, что молодежь и прямо стремится къ нему толпами, и переходитъ даже съ другихъ факультетовъ, нерѣдко со 2-го и 3-го курсовъ?

Двоякаго рода предположенія могутъ имѣть здѣсь мѣсто. Именно, можно думать, что молодежь, въ данномъ случаѣ, руководится или расположеніемъ, склонностью къ изученію *юридическимъ*, или же расчетами на болѣе видную и выгодную, по выходѣ изъ университета, карьеру, или, наконецъ, тѣмъ и другими вѣщами. Хотя и нельзя отрицать нѣкоторой доли справедливости этихъ предположеній, тѣмъ не менѣе суть дѣла, какъ намъ кажется, не въ нихъ, но крайней мѣрѣ, не въ каждомъ изъ нихъ.

Склонность къ занятіямъ юридическими науками! Да какъ же могла она образоваться? Зналъ курсъ нашихъ гимназій, этики единичныхъ въ настоящее время (учебная программа духовныхъ семинарій та же, что и гимназій, да притомъ семинарские держать, при поступленіи, повѣрочный экзаменъ) привилегире-

¹ Въ слѣд. университетѣ къ 1-му январю 1878 г. на историко-филологическомъ факультетѣ студентовъ числилось 214 человекъ, а въ 1-му январю настоящаго года—261. Въ другихъ университетахъ съ 1-го января 1878 г. числилось: въ Казанскомъ: всѣхъ студентовъ 572, филологовъ 58, физико-математиковъ 64, юристовъ 98, медиковъ 862; въ Киевскомъ: всѣхъ 771, филологовъ 76, математиковъ и естествоиспытателей 128, юристовъ 92 и медиковъ 480; въ Варшавскомъ: всѣхъ 502, филологовъ 43, математиковъ 61, юристовъ 160 и медиковъ 248; въ новороссійскомъ: всѣхъ 357, юристовъ 121; въ московскомъ: всѣхъ 1588, юристовъ 311; въ Демидовскомъ юридическомъ лицее—217 студентовъ. (Журн. мин. нар. просв. 1878).

важных поставщиковъ студенчества для университетовъ, трудно предположить, чтобы новопоступившій студентъ имѣлъ хоть какое нибудь представленіе о юридической наукѣ, и потому, при выборѣ ея спеціальнымъ предметомъ своихъ научныхъ занятій, могъ бы руководиться сознательно къ ней любовью и расположеніемъ. Странно любить то, стремиться къ тому, чего не знаешь, о чемъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія! А гимназисты, по отношенію къ юридической наукѣ, находятся именно въ такомъ положеніи... Уже если дѣйствительно нужно говорить о *склонности* русскаго учащагося юношества, такъ это всего скорѣе къ *классической филологіи* и, пожалуй, къ математикѣ, потому что вся система нынѣшняго гимназическаго образованія единственнымъ ключемъ къ знанію и мудрости ставитъ затверженіе грамматическихъ правилъ обонхъ мертвыхъ языковъ и нѣкоторое знакомство съ математикой въ видѣ арифметики, слѣга алгебры, слѣга геометріи и еще болѣе слѣга тригонометріи. Изошряя, дисциплинируя свой умъ на изученіи классическихъ языковъ и математики, гимназисты, конечно, развиваютъ вкусъ и получаютъ *склонность къ этому рода* научнымъ занятіямъ. И что же, однако? Ни историко-филологическій факультетъ, ни отдѣленіе чистой математики физико-математическаго не могутъ похвастаться большимъ количествомъ слушателей, преимущественно первый... Одно остается — предположить, что заучиваніе латинскихъ и греческихъ склоненій и спряженій, правилъ и исключеній предрасполагаетъ молодыхъ людей къ изученію не классической филологіи, а юридическихъ, социальныхъ и политическихъ наукъ. Не будетъ ли это предположеніе отыматься нѣкоторою, такъ сказать, *смыслостію*?!

Нѣтъ, одною *склонностію* врядъ ли можно объяснить юридическое настроеніе молодежи, точно такъ же, какъ и едини практическими расчетами на карьеру... Съ этими «*расчетами на карьеру*» мы чаще встрѣчаемся, когда заходитъ рѣчь объ юристахъ. Такъ, напримѣръ, министерствомъ народныхъ просвѣщенія въ официальной запискѣ по поводу устава 1863 г., между прочимъ, высказана была такая мысль: «никакого нѣтъ сомнѣнія, что права на чины, которые даются университетамъ, служатъ приманкою для поступленія въ университетъ, что много молодыхъ людей ищутъ въ немъ не столько образованія, сколько средства составить себѣ служебную карьеру...¹⁾ «Еслибы сегодня, говорилъ одинъ публицистъ въ 1863 же году въ статьѣ своей «Наша университетская наука»:— были отиѣнены права и преимущества, предоставляемые кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, то на завтрашній же день число слушателей во всѣхъ нашихъ университетахъ убавилось бы, по крайней мѣрѣ, на половину, и почти всѣ наши юристы и камералисты переселились бы изъ университетскихъ аудиторій въ различныя кан-

¹⁾ Сборникъ востановленій по министерству нар. просв., III, 584.

целярии или же преобразились бы въ кавалерійскихъ и нѣкотрыхъ инженеръ»... Мы нисколько не отрицаемъ справедливости этихъ мнѣній и вполне соглашаемся съ помянутымъ публицистомъ, что «отмѣненіе правъ должно быть желаніемъ всѣхъ людей, принимающихъ въ серцу судьбу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ»¹, тѣмъ не менѣе опять повторяемъ, что главная притягательная сила юридическаго факультета не въ правахъ, связанныхъ съ дипломомъ кандидата правъ, или, по крайней мѣрѣ, не въ нихъ только. Ибо, во-первыхъ, теперь уже не то, что прежде, лѣтъ 10-ть тому назадъ. Тогда, дѣйствительно, дипломъ кандидата правъ помогалъ быстро дѣлать карьеру, такъ какъ юристовъ образованныхъ тогда было мало, а между тѣмъ, только что вводилось новое судопроизводство, и спросъ на нихъ былъ большой. Въ настоящее же время «съ юристами тихо», по крайней мѣрѣ съ университетскими юристами. Про юристовъ училища правовѣдѣнія и александровскаго лица мы не говоримъ: эти всегда шли коды по службѣ. Конечно, и университетскіе кандидаты правъ не мрутъ съ голоду, но... все же не то, что прежде... Это разъ. А во-вторыхъ, и то надо сказать, что расчеты на карьеру, да еще въ извѣстномъ смыслѣ, врядъ ли могутъ занимать юношей въ 18—20 лѣтъ—юношей, голова которыхъ если не всегда бываетъ полна идеальными стремленіями ко благу человечества, то во всякомъ случаѣ чужда равныхъ расчетовъ, исканій и т. п. Это предположеніе о расчетахъ еще можетъ быть справедливо относительно тѣхъ изъ поступающихъ въ университетъ, которые, уже искушенные сравнительно большимъ опытомъ жизни, знаютъ цѣну извѣстнымъ выгодамъ, связаннымъ съ дипломомъ кандидата правъ; но такихъ—меньшинство.

Но если ни то, ни другое отдѣльно, то, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ, т. е. и расположеніе къ юридической наукѣ и практическіе расчеты вліяютъ *смыслъ* на выборъ факультета? Можетъ быть, и можно будетъ согласиться съ этимъ предположеніемъ, но въ такомъ только случаѣ, если къ тому и другому присоединить еще нѣчто третье, въ чемъ, по нашему мнѣнію, и заключается главная суть отвѣта на предложенные выше вопросы. Именно:

Между молодежью, стремящейся къ высшему образованію, давно распространено и до сихъ поръ упорно держится убѣжденіе, что юридическій факультетъ, въ смыслѣ курсовыхъ занятій, слаби эзаченовъ, принадлежитъ къ самымъ легкимъ въ университетѣ, что, занимаясь въ году мѣсяцъ два-три, можно съ успѣхомъ переходить съ курса на курсъ и, въ концѣ концовъ, получить титуло человека съ университетскимъ образованіемъ... Вотъ это-то убѣжденіе, главнымъ образомъ, и заставляетъ молодежь стремиться преимущественно на юридическій факультетъ, а не какая-нибудь тамъ склонность къ наукѣ или расчеты на слу-

¹ Сочиненія Писарева, часть 5, стр. 102 и далѣе.

жебную карьеру по выходу. Карьера — это еще далеко: надо про-
 быть четыре года в университете, прожить четыре года в
 Петербурге! Думают не о том, что будет послѣ, а о том,
 какъ жить эти четыре года: какъ бы такъ устроиться, чтобы и
 учиться, и самому прокармливать себя во время ученья, ибо,
 конечно, это известно, большинство учащихся тутъ какъ
 разъ кстати. Слыша отъ юридическихъ студентовъ, что на этомъ
 факультетѣ на лекціи можно и не ходить, а заниматься дома
 по готовымъ автографированнымъ запискамъ, что тамъ выродо-
 жение года нѣтъ никакихъ обязательныхъ работъ и, слѣдова-
 тельно, студенту представляется полная свобода заниматься
 какъ ему угодно, имѣя притомъ ясное представленіе о томъ, что
 деньги на прожитіе надо будетъ зарабатывать уроками и часто
 въ то время, когда читаются лекціи, молодой человѣкъ, которо-
 му до тошноты надоѣтъ утомительный формальный курсъ, которо-
 скихъ занятій, недолго задумывается надъ выборомъ гимназиче-
 скихъ занятий, если студентъ перво-или второкурсникъ распе-
 шеть ему важность и живенность юридическихъ наукъ, дожи-
 жеть съ неподдѣльной искренностью, что на ихъ-то можно раз-
 вить и повороты всё виднѣется дѣятельность въ департаментахъ,
 канцеляріяхъ, адвокатская, прокурорская и прочія. Имъ же нѣсть
 чужда! Тутъ вотъ, пожалуй, можно будетъ допустить и расно-
 жение, любовь къ юридическимъ наукамъ... Такимъ образомъ —
 права права, расчѣты расчѣтами, главнымъ же образомъ —
 легкость достиженія этихъ правъ: вотъ, во нашему мнѣнію, въ
 чемъ главная притягательная сила юридического факультета...
 Но точно ли это на самомъ дѣлѣ такъ?

II.

Программы всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній оти-
 чаются чрезвычайно полнотою и многопредметностью. Это —
 идеальные курсы, и на бумагѣ, конечно, выходитъ очень суръ-
 но и даже грандіозно. Въ свое время что-то на этотъ счетъ еще
 знаменитый Гумбольдтъ замѣтилъ, что именно, мы не помнимъ,
 но что-то очень лестное для нашей національной гордыни. Такъ
 что, основываясь на этомъ, мы имѣемъ полное право воскли-
 нуть съ какимъ-то нашимъ древнимъ писателемъ: «Много нѣм-
 цы умнѣ насъ научили, но и наши, по благодати Божіей, ос-
 таточно ума не хуже ихъ; и они ругаютъ насъ напрасно!...» Дѣй-
 ствительно, чѣмъ больше знаній вынесутъ учащіеся изъ стѣнъ
 школы, чѣмъ многостороннѣе они будутъ образованы, чѣмъ
 шире будетъ ихъ умственный кругозоръ, тѣмъ, конечно, луч-
 ше, и кто же не согласится съ этимъ, хотя, по мнѣнію, напри-

мѣръ, Гексли, «самый важный пунктъ состоитъ въ томъ, что не должно быть слишкомъ много предметовъ въ цѣломъ курсѣ и что нужно требовать отчетливаго и яснаго знанія каждаго предмета»¹.

Какъ бы то ни было, въ продолженіе четырехъ-лѣтняго университетскаго курса, студентъ-юристъ долженъ изучить чуть ли не болѣе двадцати юридическихъ, социальныхъ и политическихъ наукъ. Вотъ ихъ перечень, заимствованный нами изъ «Устава российскихъ университетовъ»: энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ, исторія философіи права, исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, исторія славянскихъ законодательствъ, исторія римскаго права, догматика римскаго гражданскаго права, византійское право, теорія государственнаго права, государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ, русское государственное право, гражданское право, гражданское судоустройство и судопроизводство, уголовное право, уголовное судоустройство и судопроизводство, ученіе о безопасности и ученіе о благосостояніи (полицейское право), финансовое право (теорія финансовъ, русское финансовое право), международное право, церковное право, политическая экономія и статистика²... Одинъ этотъ перечень показываетъ, что, повидимому, вовсе не такъ легко перешагнуть къ желанному диплому чрезъ всю эту громаду правъ, что надо много положить труда на изученіе всѣхъ этихъ наукъ и что, стало-быть, убѣжденіе молодежи въ легкости занятій на юридическомъ факультетѣ—скорѣе фиктивного свойства.

Въ самомъ дѣлѣ, если наши среднія школы даютъ какую-нибудь подготовку для слушанія университетской науки, такъ это развѣ только студенту-филологу и студенту-математику, потому что, какъ бы тамъ ни было, а языки изучаются въ нихъ, въ продолженіи 8—10 лѣтъ и, какъ бы плохо ни преподавались они, все же эта продолжительность срока ихъ изученія и самая исключительность ихъ постановки въ гимназической программѣ дѣлаютъ то, что гимназистъ до нѣкоторой степени осваивается съ ними и даже, въ счастливымъ случаѣ, можетъ читать въ подлинникѣ Ксенофонта и Цезаря, и при поступленіи на филологическій факультетъ является не совсѣмъ невѣжественнымъ въ той области наукъ, къ изученію которой приступаетъ. А вѣдъ студентъ-юристъ, какъ выше было сказано замѣчено, о всѣхъ юридическихъ наукахъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и только здѣсь, въ аудиторіи, въ первый разъ слышитъ объ нихъ. Какъ преподается въ гимназіяхъ и семинаріяхъ исторія, этотъ краеугольный камень, основа всей юридической науки—всѣмъ довольно извѣстно; курса же исторіи не читается на юридическомъ факультетѣ, по край-

¹ Гексли: брошюра «Объ университетскомъ воспитаніи», стр. 5.

² Собраніе узаконеній, 1868 г. июль.

ной мѣрѣ, въ петербургскомъ университетѣ; стало быть, знаніе ея предполагается уже приобретеннымъ. Съ этой точки зрѣнія, вполне правъ тотъ профессоръ-юристъ, который посовѣтовалъ студенту купить въ Александровскомъ рынкѣ Исторію Вебера и выучить ее ¹.. Мы по собственному опыту знаемъ, какъ намъ было грустно за свои историческія свѣденія, когда пришлось изучать лекціи по исторіи русскаго права, государственнаго, римскаго и т. п. Профессоръ старается въ своей лекціи осмыслить историческіе факты, такъ или иначе группируетъ ихъ, дѣлаетъ на основаніи этихъ, вполне, по его словамъ, извѣстныхъ мнѣ фактовъ, тѣ или другіе свои выводы — а я и самыхъ фактовъ не зналъ: учебникъ Иловайскаго какъ-то испарился изъ памяти, другого же чего въ гимназій мнѣ не было дано; учить исторію Вебера ужъ некогда—экзаменъ на носу. Въ такомъ печальномъ затрудненіи оставалось, дѣйствительно, одно—не понять какъ слѣдуетъ, вы зубрить лекціи, тѣмъ болѣе, что слова и фразы на русскомъ, знакомомъ языкѣ, стало быть, легко. Да и экзаменъ будетъ только изъ лекцій, *тоже* будетъ предполагаться, что и всеобщая и русская исторія съ фактической стороны вполне мнѣ извѣстны... *Томе* можно сказать и относительно логики, какъ учебнаго предмета. Еще въ семинаріяхъ, кромѣ логики, кажется, читается что-то такое въ родѣ «Обзора философскихъ системъ»; по крайней мѣрѣ, приучаются воспитанники къ философскому языку. Въ гимназіяхъ же и логикѣ дается не такъ чтобы очень большое мѣсто въ преподаваніи и ученіи. А между тѣмъ, юридическая наука, по самой сущности своей, наука отвлеченная, съ характеромъ философскимъ; правовѣдѣніе и до сихъ поръ вращается въ сферѣ болѣе или менѣе апіорическихъ и отвлеченныхъ построений юридическаго быта. И вотъ на первыхъ же порахъ, новичекъ-юристъ наталкивается на лекціи по «Энциклопедіи права»: читаетъ литографированныя записки, и очень мало понимаетъ; сидитъ въ аудиторіи, слушаетъ — еще менѣе понимаетъ; наконецъ, не мудрствуя лукаво, всѣ 60—70 листовъ *вызубриваетъ* въ экзамену, благо, не привыкать-стать... А взять одну намятку 70 листовъ—большой подвигъ! Гдѣ же тутъ логика? Убѣжденіе въ легкости занятій юриспруденціей—фальшивое!..

Далѣе. Велѣдствіе ли развитія самой юридической науки, или отъ иныхъ какихъ причинъ, только годъ отъ году возрастаетъ объемъ курсовъ факультетскихъ наукъ. Такъ какъ на юридическомъ факультетѣ мѣрою объема научныхъ тѣлъ служитъ литографированный листъ и знаніе какой-нибудь науки опредѣляется знаніемъ профессорскихъ лекцій, въ точности воспроизведенныхъ стенографомъ, переписанныхъ и отлитографированныхъ, то, говоря объ объемности курсовъ юридическихъ наукъ, мы будемъ

¹ «Отечественныя Записки», 1879 г., январь, «Студенческая жизнь».

мѣрить ихъ той же единицею — литографированнымъ листомъ¹. Итакъ, курсы увеличиваются въ объемѣ. Прежде, напримѣръ, 7—8 лѣтъ назадъ, русское право, т. е. «Исторія русскаго права» состояла изъ 30 и много ужъ изъ 35-ти листовъ, нынѣ—изъ 80, 90, даже 100 листовъ; прежде исторія римскаго права читалась въ количествѣ 10—15 листовъ, а нынѣ—30, 40 листовъ; полицейскаго права—двѣ книги, равныя, по крайней мѣрѣ, тремъ книжкамъ «Отечественныхъ Записокъ»; «Политическая Экономія»—толстая книга. Такъ что прежде весь 4-хъ-лѣтній курсъ сводился къ 500 и много ужъ 600 листовъ, а нынѣ какъ бы и за 1.000 не перевалило. Тысяча листовъ! Наберется ли столько у математиковъ? Что у математиковъ! Наберется ли столько даже у медиковъ, которыхъ экзаменуютъ нынѣ чуть ли не изъ 40 предметовъ?.. И это вѣдь однѣкъ только лекціи! А источники-то, источники, рекомендуемыхъ студентамъ для ознакомленія, а еще болѣе—всякихъ литературныхъ пособій сколько!! Положимъ, что ихъ не читаютъ и на экзаменѣ объ нихъ не спрашиваютъ, однако же въ лекціяхъ они записаны и до нѣкоторой степени смущаютъ готовящагося къ экзамену студента. Но главное, что всего болѣе смущаетъ, это—что ни наука, то 60 до 70 листовъ, а то и всѣ 100... «Дифференціальное и интегральное исчисленія»... хоть и немного, говорятъ, не 300 листовъ, но посидѣть, да посидѣть нужно и непременно понять и уже понявши усвоить. Такъ, конечно. Ну, а Гегель? философія Гегеля? Не нужно посидѣть? Попробуйте-ка сразу схватить эту отвлеченную премудрость, если вы отродясь никакой философской книжки не читали. Положимъ, что эти 7—8 листовъ о Гегелѣ, коли они не поддаются пониманію, можно вызубрить и такъ, безъ пониманія; однако—чего это стоитъ? Вы посмотрите на юристовъ предъ экзаменомъ: какіе они блѣдные, изможденные! Не бывали развѣ случаи, что во время самаго экзамена, сидя передъ профессоромъ, студентъ вдругъ падалъ въ обморокъ? Или вотъ такой, напримѣръ, случай, другого уже рода. Давалъ студентъ-юристъ другому студенту, своему же однокурснику, уроки по какому-то праву, кажется, государственному, учитъ, значить, его. Было это въ прошломъ году, или третьяго года—не помню хорошо. Давалъ уроки и получалъ за это, конечно, деньги, все какъ слѣдуетъ. И что же? Ученикъ получаетъ на экзаменѣ у профессора 5 балловъ, а учитель только — 2. Развѣ у математиковъ можетъ что-нибудь въ этомъ родѣ быть? То есть уроки-то давать за деньги могутъ, пожалуй, и математика другъ другу, хотя и не слышать объ этомъ; но ужъ чтобы учитель на экзаменѣ получилъ двойку, а ученикъ пятерку — этого тамъ не можетъ быть. Отчего? Оттого, что юристу достаточно только *знать* предметъ, а для математика этого мало, ему нужно *узнать* пред-

¹ Литографированный листъ—это 8 четвертинокъ обыкновенной книги (in octavo) или 16 страницъ.

метъ, понять предметъ въ самомъ, такъ сказать, его корнѣ и *стольно изучить его*. Когда именно подобнымъ образомъ изученъ предметъ, то становится уже сравнительно легко возобновить знанія въ томъ случаѣ, если они забудутся, напримѣръ, передъ экзаменомъ, легко въ томъ отношеніи, что онъ будетъ идти по привычнымъ уже ему путямъ: слова и фразы учебника или лекцій могутъ погибнуть, улетучиться изъ памяти, можетъ быть позабыта та страница, на которой стоитъ тотъ или другой фактъ, но остаются слѣды *моей* умственной работы, остаются *сознанные мною* факты, остается то, какъ я перерабатывалъ въ своей головѣ тотъ матеріалъ, который предложенъ мнѣ былъ въ лекціи профессора. Поэтому, если математикъ не изучалъ, а училъ профессорскія лекціи, не узнавалъ предметъ, а заучилъ его, всегда провалится на экзаменѣ, тогда какъ съ юристомъ *можетъ быть* какъ разъ наоборотъ: студентъ занимающійся и понимающій дѣло можетъ получить двойку, а студентъ, *знающій* только лекціи, и *только знающій* ихъ, пятерку. Вся суть, значитъ, въ лекціяхъ, *въ знаніи* лекцій, литографированныхъ лекцій. Съ одной стороны, какъ будто и легко: вы зубрилъ — и пятерка, титул занимающагося студента, стипендія; съ другой — можно, оказывается, двойку получить, ибо 300 листовъ, ибо на экзаменѣ провѣряется только то, хороша ли память, хорошо ли усвоены памяты данныя профессоромъ факты, выводы, а не способности сужденія объ этихъ фактахъ и на основаніи этихъ выводовъ. Экзаменъ на юридическомъ факультетѣ является, стало быть, точнымъ воспроизведеніемъ со стороны студента того, что знаетъ и какъ разсуждаетъ профессоръ. И еслибы было поменьше факультетскихъ наукъ и еще не такъ были бы обширны курсы этихъ наукъ, то и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, было бы не такъ трудно изучать юридическую науку, какъ это кажется теперь...

Но это еще не все. Главная трудность не въ этомъ, а въ томъ, что *студентъ-юристъ долженъ быть специалистомъ по всякъ факультетскимъ наукамъ, по всякъ 20 самымъ правамъ*. Здѣсь нѣтъ дѣленія всего курса на общій и спеціальный въ видахъ трудности изучить основательно всѣ права и науки, входящія въ программу юридическаго факультета, и главнымъ образомъ, для спеціальнаго, во всѣхъ подробностяхъ, изученія одной или двухъ наукъ. Степень кандидата правъ или дѣйствительнаго студента дается въ удостовѣреніе, что получившій ее *дѣйствительно* изучилъ *всѣ* права одинаково, а не такъ, что одно или два спеціальны, во всѣхъ же остальныхъ имѣетъ только общія, основательныя, однако, свѣдѣнія. При многочисленности юридическихъ наукъ, при ихъ объемистости, при ничтожной къ изученію ихъ подготовкѣ студента, это чрезвычайно трудно, если не сказать — невозможно... На историко-филологическомъ факультетѣ или на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго — удобнѣе въ этомъ отношеніи. Тамъ, напримѣръ, студентъ-филологъ, перешедши на 3-й курсъ, обяза-

тельно избираетъ спеціальнымъ предметомъ своего изученія какую-нибудь одну науку—словесность русскую или русскую исторію, или примѣрно славянскія нарѣчія ¹. Студентъ-естественный тоже: изучивши въ общихъ чертахъ, основательно, однако, на 1-мъ и 2-мъ курсахъ химию, положимъ на 3-мъ и 4-мъ, онъ

¹ Историко-филологическій факультетъ с.-петербургскаго университета, въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года, представилъ въ совѣтъ университета на утвержденіе правила о раздѣленіи факультетскихъ предметовъ на общіе и спеціальныя, и о распредѣленіи, согласно этому раздѣленію, самаго преподаванія на общіе и спеціальныя курсы: 1) Факультетскіе предметы раздѣляются на основныя и спеціальныя, сообразно чему и преподаваніе дѣлится на общіе и спеціальныя курсы. 2) Къ основныимъ факультетскимъ предметамъ относятся слѣдующіе: логика, психологія, исторія философіи, греческій языкъ, латинскій языкъ, русскій языкъ и исторія русской словесности, славянскія нарѣчія и древности, всеобщая исторія, русская исторія. 3) Къ спеціальнымъ факультетскимъ предметамъ относятся слѣдующіе: древности греческія и римскія, исторія литературы греческой и римской, сравнительная грамматика, исторія всеобщей литературы, исторія литературы славянскихъ племенъ, церковная исторія, исторія и теорія искусства. 4) Общіе курсы читаются преимущественно въ I и II курсахъ; въ послѣднихъ двухъ ихъ колагается небольшое число. 5) Спеціальныя курсы читаются только для III и IV курсовъ. 6) Кромѣ общихъ и спеціальныхъ курсовъ читаются еще нѣкоторыми преподавателями необязательныя курсы, изъ которыхъ и не производится испытанія. 7) При переходѣ изъ II курса въ III каждый студентъ заявляетъ факультету объ избранной имъ спеціальности; сообразуясь съ ней, онъ посѣщаетъ спеціальныя курсы какъ по своему предмету, такъ и по другимъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его спеціальности, согласно слѣдующему параграфу. 8) При экзаменахъ на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента, экзаменующійся подвергается испытанію изъ основныхъ факультетскихъ предметовъ и, кромѣ того, согласно избранной имъ спеціальности, по одной изъ слѣдующихъ группъ: 1) Специалисты по философіи, кромѣ основныхъ факультетскихъ предметовъ, подвергаются испытанію изъ слѣдующихъ спеціальныхъ курсовъ—исторіи греческой и римской литературы, исторіи новѣйшихъ литературъ. 2) Специалисты по классическимъ языкамъ—изъ древностей греческихъ и римскихъ, исторіи литературы греческой и римской, сравнительной грамматикѣ, исторіи древняго искусства. 3) Специалисты по сравнительной грамматикѣ—изъ сравнительнаго языкованія и санскритскаго языка. 4) Специалисты по русской словесности—изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи славянскихъ литературъ, исторіи литературъ греческой и римской. 5) Специалисты по исторіи всеобщей литературы—изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи греческой и римской литературы, исторіи литературы славянскихъ племенъ. 6) Специалисты по филологіи—изъ исторіи литературы славянскихъ племенъ, исторіи славянскихъ племенъ и исторіи греческой литературы (новѣйшей). Специалисты по древней исторіи—изъ древностей греческихъ и римскихъ, исторіи греческой и римской литературы, исторіи древнаго искусства. 7) Специалисты по средней и новой исторіи—изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи славянскихъ племенъ, исторіи славянскихъ литературъ и 8) Специалисты по русской исторіи—изъ исторіи славянскихъ племенъ и исторіи славянскихъ литературъ. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1872 г., май, стр. 216—18). Правила эти введены въ дѣйствіе съ начала 1872 и 1878 годовъ учебнаго года.

уже изучаетъ ее спеціально, подъ руководствомъ профессора. Но при такой постановкѣ дѣла, не игнорируются и остальные предметы факультетской программы: избравши для своихъ специальныхъ занятій какой-нибудь одинъ предметъ въ ряду другихъ, ни филологъ, ни естествоиспытатель не освобождаются, однако, отъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ началами и другими курсовыхъ наукъ, но занимаются уже ими лишь въ предѣлахъ этихъ началъ. Выгода отъ такой постановки дѣла очевидна какъ для общаго, такъ и для спеціальнаго образованія: спеціалистъ-студентъ можетъ впоследствии выработаться въ спеціалиста ученаго, съ болѣе или менѣе широкимъ взглядомъ и на другія области знанія и т. п. Прекрасно на этотъ счетъ говорить Милль въ своей «Рѣчи объ университетскомъ воспитаніи», и мы не можемъ удержаться, чтобы не привести небольшого отрывка изъ этой рѣчи.

...«Крайній предѣлъ человѣческихъ приобрѣтеній, говоритъ онъ: — состоитъ не въ томъ, чтобы знать только одну вещь, а въ томъ, чтобы соединить точное знаніе одной или многихъ вещей съ общимъ знаніемъ многихъ вещей. Подъ общимъ знаніемъ я разумѣю не нѣсколько неопредѣленныхъ впечатлѣній. Имѣть общія знанія о предметѣ, значитъ знать только однѣ его руководящія истины, но знать ихъ не поверхностно, а вполне, такъ чтобы имѣть вѣрное представленіе о предметѣ въ его основныхъ чертахъ, оставляя болѣе мелкія подробности тѣмъ, кому онѣ нужны для цѣлей ихъ специальныхъ занятій. Между знаніемъ обширнаго ряда предметовъ съ этого пункта и между знаніемъ какого-нибудь одного предмета съ такою полнотою, какая нужна для людей, дѣлающихъ его главнымъ занятіемъ—нѣтъ ничего несомнѣннаго. Эта комбинація и создаетъ просвѣщенную публику—собраніе образованныхъ умовъ, изъ которыхъ каждый, по собственнымъ успѣхамъ въ своей особой области, знаетъ, что такое дѣйствительное знаніе, и каждый знаетъ о другихъ предметахъ достаточно для того, чтобы разобратъ, кто знаетъ эти предметы лучше. Этимъ средствомъ образуются умы, способные руководить и улучшать общественное мнѣніе относительно важнѣйшихъ дѣлъ практической жизни».¹ «Въ образованныхъ классахъ, говоритъ другой² мыслитель:—мы встрѣчаемъ людей, которые легко комбинируютъ идеи, ими приобрѣтенныя, и могутъ воспользоваться своими прежними знаніями для самостоятельнаго обсужденія новыхъ представляющихся вопросовъ; и мы встрѣчаемъ также людей, которые могутъ дѣлать это только медленно или же совсѣмъ къ этому неспособны. Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ мы видимъ часто людей, которые довольно легко усваиваютъ то, что имъ предлагается, и судятъ объ этомъ благомъ».

¹ Сборникъ Юлиана: «Новѣйшее образованіе», стр. 15—16.

² Профессоръ де-Морганъ.

зможно, но тѣмъ не менѣе, повидимому, не способны сдѣлать ни одного шага впередъ или придумать что-нибудь «изъ своей головы». Нѣтъ нужды говорить о томъ, что надо заботливо развивать эту способность легко думать и порождать мысль: *если хочешь воспитывать способность изслѣдованія и дать учащемуся возможность сдѣлать что-нибудь самому, этого можно достигнуть только изученіемъ готь одного предмета до той мѣры, какую мы здѣсь указываемъ, т. е. до предѣловъ знанія.* Когда учащійся потратилъ свое время на изученіе умѣреннаго количества многихъ различныхъ предметовъ, то что онъ приобретаетъ—обширныя свѣдѣнія или полезныя привычки? Если даже можно сказать, что онъ учился многому, это будетъ справедливо не долго, потому что ничто не уходитъ такъ скоро, какъ наполовину переваренное знаніе; а когда оно уйдетъ, то останется только небольшая доля полезныхъ способностей. Небольшое количество знанія быстро испаряется изъ ума, который всегда держитъ въ себѣ знаніе только небольшими количествами; и философъ, быть можетъ, объяснить слѣдующее явленіе—что люди, которые глубоко отдавались одному или большому предметамъ высшаго изученія, могутъ учиться до конца своей жизни и способны удерживать и примѣнять очень небольшія количества другихъ родовъ знанія; тогда какъ тѣ, которые никогда ничему много не учились, рѣдко приобретаютъ новое знаніе, когда достигаютъ зрѣлыхъ лѣтъ, и часто теряютъ большую часть и того знанія, которымъ уже разъ владѣли. На этомъ основаніи я думаю, что, какъ бы ни были ведены въ обученіи другія вещи, но, *по крайней мѣрѣ, какой-нибудь одинъ предметъ долженъ быть изслѣдованъ хорошо и полно, для того чтобы дать ему должный тонъ относительно употребленія, области и объема знанія вообще.* Какой долженъ быть этотъ предметъ, это *сравнительно* менѣе важно и до нѣкоторой степени, быть можетъ, могло бы быть предоставлено самому учащемуся. Въ указанномъ нами отношеніи, нѣтъ также необходимости, чтобы каждое предпринимаемое изученіе доводилось до той же глубины. *Увидите ужъ одинъ примѣрозъ, и сходство, существующее между всѣми отраслями знанія, научить его этой истинѣ для всѣхъ»...¹*

Юридическій факультетъ, какъ мы сказали, держится другой системы въ преподаваніи и ученіи: здѣсь всѣ слишкомъ двадцать перечисленныхъ выше наукъ изучаются наряду, на всѣхъ четырехъ курсахъ одинаково, не дѣлается предпочтенія, въ видахъ болѣе основательнаго, спеціальнаго изученія, ни для одной науки. Отсюда трудность образовать изъ себя не такою юриста, который только загромождастъ свою память подробностями, а настоящаго юриста, юриста-философа, способнаго уразумѣвать

¹ Сборникъ Юманса «Новѣйшее образованіе», стр. 371—376, статья «О полнотѣ умственнаго развитія» профессора де-Моргана.

принципы и изслѣдовать предметъ до предѣловъ знанія... Даже не во всѣхъ университетахъ юридическій факультетъ раздѣленъ на отдѣленія. Изъ отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 годъ мы узнаемъ, что юридическій факультетъ раздѣленъ на два отдѣленія—юридическихъ и административныхъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и юридическихъ; и государственныхъ наукъ въ казанскомъ университетѣ; въ остальныхъ университетахъ не было въ немъ отдѣленій¹. Но отличие административнаго отдѣленія отъ юридическаго состоитъ только въ томъ, что на первомъ вовсе не читается римское право и коротко читается гражданское; во всемъ же остальномъ, кажется, одно и то же. Это не то, что раздѣленіе физико-математическаго факультета на два отдѣленія: чистой математики и естественныхъ наукъ. Студентъ-естественникъ и родомъ, и самымъ способомъ своихъ занятій отличается рѣзко отъ студента-математика. Студенты же юристы и студенты-администраторы различаются между собой только тѣмъ, что первому за всѣ четыре года надо выучить до 1,000 листовъ, второму нѣсколько меньше. Множествомъ слухамъ на административномъ отдѣленіи обмѣнено очень мало бываетъ студентовъ, болѣею частью столько, сколько на восточномъ факультетѣ²...

Такимъ образомъ, самая постановка учебнаго дѣла на юридическомъ факультетѣ показываетъ, что студентамъ, новацимъ, чрезвычайно трудно учиться, и приобрѣтеніе степени кандидата правъ требуетъ огромныхъ умственныхъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, выучить всѣ юридическія науки *одиночнымъ образомъ*, въ какіе-нибудь четыре года, можно только при предшествующей *осомоосомельной* подготовкѣ, чего, намъ мы видѣли, нѣтъ... Посмотримъ, однако, что требуется на экзаменѣ отъ студентовъ-юристовъ. Можетъ быть, увидимъ и обратную сторону медали.

III.

Выбившій порядокъ преподаванія и ученія на юридическомъ факультетѣ ведется съ полною свободой; обязательнаго, принудительнаго ничего, кромѣ экзаменовъ, нѣтъ. Профессора аккуратно читаютъ положенныя по росписанію лекціи, стенографы столь же аккуратно всегда сидятъ на лекціяхъ и записываютъ все, что скажетъ профессоръ или прочитаетъ: не всѣ, конечно, говорятъ, другіе просто читаютъ по заранѣ написаннымъ листкамъ. Студенты... Но прежде, чѣмъ о нихъ говорить—одно замѣчаніе. Заведено и во-

¹ «Журналъ мин. нар. просв.», 1878, сентябрь, стр. 54.

² На факультетѣ восточныхъ языковъ, единственномъ, кажется, во всей Россіи, въ 1-му января 1878 года было 27 студентовъ, къ 1-му января того же года—29.

шло уже въ обычай у студентовъ «записываться на лекціи». Это значить вотъ что. Какой-нибудь предприниматель-студентъ нанимаетъ одного или двухъ стенографовъ (смотря по профессору, т. е. по тому, какъ читаетъ профессоръ: на историко-филологическомъ факультетѣ есть профессоръ, котораго называютъ бичемъ стенографовъ—читаетъ часто и невнятно, съ цитатами на одномъ изъ древнихъ языковъ, и рѣчь его воспроизводить ужь всегда двое стенографовъ, тогда какъ у другихъ одинъ и не всегда двое), запасается переписчиками, а главнымъ образомъ, подписчиками, и издаетъ литографированныя лекціи. Прежде, лѣтъ пять назадъ или даже меньше, таковой издатель пользовался всѣми правами частныхъ коммерческихъ предпріятій, т. е. обращалъ всю выручку отъ изданія лекцій въ свою пользу, и рассказывалъ объ одномъ изъ таковыхъ, что, во время своего университетскаго курса ученія, онъ съ этой коммерціи составилъ себѣ порядочный капиталъ¹. Дѣйствительно, огромный составъ студентовъ юристовъ, большое количество по каждой наукѣ листовъ, начитываемыхъ профессоромъ въ теченіи года, дѣлаютъ это предпріятіе выгоднымъ для издателей... Въ послѣдніе же годы издатели стали подлежать до нѣкоторой степени контролю. Такъ, сами студенты выбираютъ изъ себя комиссію; члены этой комиссіи наблюдаютъ, чтобы листы литографировались исправно и выдавались подписчикамъ своевременно и чтобы издатель пользовался только извѣстнымъ процентомъ выручки отъ изданія за свои труды; остальная же вся сумма идетъ въ кассу общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ; кромѣ того, бѣднымъ студентамъ дѣлается значительная уступка въ платѣ за лекціи. Главнымъ же образомъ, цѣль учрежденія этой комиссіи — гарантировать изданіе лекцій до самаго конца года, а то однажды одинъ издатель такъ неумѣло повелъ дѣло, что студенты, передъ самымъ концомъ, когда уже нужно было готовиться къ экзамену, чуть было не остались безъ лекцій, еслибы энергично не взялись за дѣло—не выбрали тотчасъ же комиссію, которая уже сама довела изданіе до конца... Въ планѣ настоящей статьи не входитъ боже подробное разсмотрѣніе этого дѣла; въ противномъ случаѣ, мы могли бы сказать: почему студенты изъ самихъ себя не составляютъ компанію, нѣчто въ родѣ акціонерной, гдѣ бы акціонеры-студенты-юристы получали дивиденды и т. д.? Главное, было бы, конечно, гораздо дешевле; не нужно было бы платить лишнія деньги, какъ теперь, издателю, такъ какъ выбравшая на недѣлю комиссія могла бы сама завѣдывать изданіемъ, и, при многолюдности курсовъ, каждому студенту, въ теченіи года, можетъ быть, разъ только одинъ пришлось участвовать въ числѣ членовъ этой комиссіи, вотъ, въ родѣ того, какъ

¹ Студенты, вышедшіе изъ университета 6—7 лѣтъ тому назадъ, знаютъ, о комъ я говорю здѣсь.

теперь идетъ завѣдываніе кухинистерской... Однако, возвратимся къ занятіямъ студентовъ наукой.

Сущестующая система университетскаго преподаванія и ученія заключаетъ въ себѣ три элемента, это: а) лекціи, б) болѣе или менѣе самостоятельныя упражненія, работы студентовъ и в) экзамены. Важное воспитательное значеніе этихъ трехъ элементовъ—общепринято, и потому мы не будемъ говорить объ этомъ. Посмотримъ только, какъ приживаются на дѣлѣ эти три элемента на юридическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета.

Полное отсутствіе всякихъ письменныхъ работъ (обязательныхъ) студентовъ и требованіе съ послѣднихъ на экзаменѣ только одного знанія лекцій дѣлаютъ занятія юристовъ сравнительно весьма легкими. Студентъ, «подписавшійся на лекціи», можетъ, если захочетъ, только изрѣдка посѣщать университетъ, и приготовляться къ экзамену дома или гдѣ бы тамъ ни было, въ Орлѣ, Пензѣ, Саратовѣ и т. п. Ни на одномъ изъ факультетовъ не получило такого права гражданства наданіе литографированныхъ лекцій, какъ на юридическомъ факультетѣ. Лекціи литографируются по всѣмъ рѣшительно наукамъ, читаемымъ на факультетѣ, исключая, разумеется, тѣхъ, по которымъ имѣются печатные учебники, и вмѣсто того, чтобы идти на лекцію, не лучше ли, не удобнѣе ли всего прочитать ее дома? Студенту-естественнику надо быть на лекціи, ибо она сопровождается онытями, безъ которыхъ непонятна; опытъ же не запишешь, его надо видѣть. Филологу надо быть на лекціи, ибо сопровождающія чтеніе и переводъ какаго-нибудь греческаго или римскаго писателя объясненія не записываются стенографомъ, ибо нудчась и невозможно записать разговорную рѣчь, да и какъ-то не введено еще въ обычай, хотя отдѣльныя попытки и имѣются; напримѣръ, выдаются лекціи по психологіи, логикѣ, русской словесности, исторіи Греціи и т. д. Но большинство ходитъ на лекціи и само записываетъ, что кому нужно записать. Про медиковъ и толковать нечего, ибо—или тоже, что у естественниковъ, или клиника и анатомическій театръ, гдѣ по большей части самому студенту приходится принимать то или другое участіе въ лекціи профессора. Зачѣмъ же пойдеть на лекцію юристъ? Сидеть онъ на ней молча и никакого активнаго участія въ ней не принимаетъ¹. Дѣйствительно, *тутъ удобнѣе*

¹ Цѣль лекцій, говоритъ Гелькс:— прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы возбудить вниманіе и вызвать энтузіазмъ студентовъ; а этого, по моему мнѣнію, можно достигнуть въ гораздо болѣе степеніи услоиоу рѣчь и личнымъ мнѣніемъ уважаемаго учителя, чѣмъ всякимъ другимъ способомъ. Во 2-хъ, чтеніе лекцій приносить двойную пользу тѣмъ, что указываетъ студенту самне существенные пункты предмета и въ тоже время заставляетъ его обращать вниманіе на весь предметъ, а не на тѣ только части его, которыя воображаютъ его воображеніе. И, наконецъ, лекціи даютъ студенту удобнѣе

всю стенографическую точность въ воспроизведеніи лекціи, чтобы сія послѣдняя имѣла свое значеніе по отношенію къ экзамену. А эта стенографическая записъ сводитъ дѣло къ тому, что не за тѣмъ и быть на ней — и это только напрасная потеря времени: вся рѣчь профессора, даже всѣ его *bon mots* записываются, и кто хоть два, три раза слушалъ профессора своими ушами, тотъ, читая литографированную лекцію, можетъ всегда воспроизвести даже и то, какъ сказано, какимъ голосомъ, съ какими жестами, какъ профессоръ приготовлялся къ произнесенію своего *bon mot* и приготовлялъ къ нему слушателей. Къ чему же быть? И масса не ходитъ, готовится къ экзамену дома, и начинаетъ готовится обыкновенно поздно — много, много, если съ новаго года: вся же осень, начиная съ сентября, проходить... и Богъ знаетъ, въ чемъ проходить. У насъ нѣтъ для студентовъ такого мѣста, въ родѣ студенческаго клуба, гдѣ бы они могли собираться, нѣтъ никакой корпораціи, кружковъ — всѣ врозь смотрять...

Такъ какъ экзамены производятся изъ того, что прочитано на лекціяхъ и только изъ того, то подготовиться, какъ это мы сейчасъ увидимъ изъ цифръ, сравнительно не тяжело. Именно: на 1-мъ курсѣ изъ пяти наукъ (богословіе, государственное право [теорія государственнаго права и государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ], исторія русскаго права, исторія римскаго и энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ) читывается къ экзамену до 300 листовъ. Возьмемъ для круглаго счета ровно 300 — не много болѣе, не много менѣе, — не измѣнить сути. Если на каждый листъ, для его усвоенія, отчетливаго усвоенія, употребить четыре часа — пре-

случай потребовать объясненія имѣетъ трудности, которыя встрѣчаются и должны встрѣчаться въ теченіи курса со занятіи. Но для того, чтобы студенты получили возможно большую пользу отъ лекцій, необходимы многія предосторожности. Я убѣжденъ, что лекція, самая лучшая въ ораторскомъ отношеніи, можетъ быть самою дурною, какъ лекція. Теченіе рѣчи увлекаетъ насъ, не называя мнѣнія собственно въ ея смыслъ; если вы пророните слово или фразу, то вы потеряли точный смыслъ этого мѣста; и пока вы успѣете вспомниться, ораторъ уже перейдетъ къ чему-либо другому. Приемъ, который я держался въ послѣднее время при чтеніи лекцій студентамъ, состоялъ въ томъ, что сущность часовой лекціи выражается въ немногихъ краткихъ положеніяхъ, которыя прочитываются медленно и записываются подъ диктовку; чтеніе каждого положенія сопровождается свободнымъ комментариемъ, разпространеніемъ и развѣтвеніемъ положенія, объясненіемъ терминовъ и устраненіемъ недоумѣній и возраженій посредствомъ чертежей, хотя и грубыхъ, сдѣланныхъ тутъ же, на глазахъ студентовъ, рукою учителя. При такомъ способѣ, вы всегда можете быть увѣрены въ самодѣтельности студента. Онъ не можетъ оставить аудиторію съ пустой головой, если вы вставляете его дѣлать замѣтки и записывать положенія на лекціяхъ; и студентъ долженъ быть неестественно глупъ и механиченъ, если онъ записываетъ замѣтки, слушаетъ подробное объясненіе ихъ и ничему не научится. (Гексли: «О методѣ изученія воологій». Сборникъ Юманса «Новѣйшее образованіе» стр. 105 и 106).

довольно будетъ, и это вѣдь какъ можно читать? Съ перомъ въ рукѣ, т. е. записывать содержаніе, ходъ и порядокъ мыслей лекціи. Обыкновенно же студенты изучаютъ лекціи такимъ образомъ: въ первый разъ листъ читается безъ карандаша; при второмъ чтеніи, главныя мысли, руководящія, отмѣчаются краснымъ карандашомъ, второстепенныя—синимъ, а остальные, какъ только рисующія, такъ сказать, главныя, остаются безъ подчеркиваній: упоминаются—прекрасно, позабудутся—сойдутъ и безъ нихъ, хотя профессора любятъ слушать и главныя, и второстепенныя, и рисующія мысли вмѣстѣ и не любятъ какихъ-нибудь въ этомъ случаѣ пропусковъ; при третьемъ чтеніи, наваяннѣ уже самого экзамена, читаются только подчеркнутыя фразы, и притомъ краснымъ карандашомъ... Должно замѣтить, однако, что такъ дѣлаютъ только самые прилежныя; большинство же довольствуется первымъ чтеніемъ, единственнымъ, и безъ всякихъ подчеркиваній.

$4 \times 300 = 1,200$. И такъ 1,200 часовъ необходимо для такой подготовки къ экзамену, чтобы имѣть въ перспективѣ «5» и уж не менѣе «4^{1/2}», нужныхъ для кандидатскаго диплома балловъ. Распредѣлимъ эти 1,200 часовъ на весь учебный годъ и посмотримъ, чего стоитъ студенту приготовленіе къ экзамену, поскольку часовъ въ сутки онъ будетъ сидѣть за лекціями. Сентябрь мы пропустимъ, такъ какъ въ это время лекціи еще не успѣваютъ выйти изъ литографіи: пока профессора начинаютъ, переписки переписишутъ, пока налитографируютъ и проч.—уйдетъ весь мѣсяцъ, и къ октябрю, при старательной только заботливости надателя, наберется по всѣмъ пяти наукамъ, можетъ, 20—30 мъ уж во всякомъ случаѣ, не болѣе 50 листовъ. Минусомъ: благонадежныя и не слишкомъ надѣющіеся на свою память студенты именно съ осени ужъ начинаютъ подзубривать или, на студенческомъ жаргонѣ, «подчитывать»... Пропустимъ также святки, масляницу и даже Пасху, хотя это-то время, въ смыслѣ подготовки, самое жаркое для студента, «страда!» Останется у насъ 7 мѣсяцевъ или 243 дня. Исключимъ и 48 дней: могутъ быть экстренные случаи, когда или нельзя, или не хочется учиться. Остается 200 дней. $1,200 : 200 = 6$. Занимаясь, стало бытъ, каждыя сутки по 6 часовъ, можно отлично подготовиться къ экзамену, вовсе даже не ходя на лекціи... Конечно, легче, чѣмъ недю, естественнику, филологу, которые должны присутствовать на лекціи, въ лабораторіи, клиникѣ, анатомическомъ театрѣ, даже легче, чѣмъ математику, потому что и послѣдній, по имени отдавая математики и чуть ли не самими главными, обязанъ ходить на лекціи: безъ того провалится на экзаменѣ.

Такимъ образомъ, хоть и поразжающее количество листовъ приходится выучивать студенту-юристу, но къ механическому затверживанію готоваго, сконбинированнаго умственнаго матеріала, входящагося въ профессорской лекціи, онъ привыкъ еще въ гимназій. Отъ гимназій то только отличіе, что гораздо большее во-

личество этого матеріала приходится усвоить памяти. Но за то и времени больше: утромъ часика три, четыре позубрить, да передъ сномъ часъ, другой почитать—вотъ и вся подготовка къ экзамену, вотъ въ чемъ состоитъ изученіе юридической науки.

Но, можетъ быть, у студентовъ-юристовъ, помимо изученія литографированныхъ записокъ, есть еще другая работа, даваемая профессорами на домъ, выполнение которыхъ обязательно для всѣхъ студентовъ и которая составляетъ часть экзамена, входить въ него, какъ необходимый, обязательный элементъ? Нѣтъ, и въ этомъ заключается вся суть особенно способа изученія юридическихъ наукъ. Филологъ, напримеръ, пишетъ сочиненія на заданія профессоромъ темы. Даже медикъ долженъ написать *ex vivo* до десяти сочиненій, такъ называемыхъ «исторій болѣзней». Съ юриста же на экзаменѣ ничего иного, кромѣ знанія лекцій, не требуется; обязательныхъ же вещей-нибудь работъ, въ которыхъ бы могла проявиться самостоятельность студента, нѣтъ на курсѣ. Хотя въ отчетахъ и говорится весьма обстоятельно и иногда съ особенною убѣдительною о самостоятельныхъ практическихъ упражненіяхъ студентовъ-юристовъ, но... отчеты отчетами, а практика практикой. Да и въ самыхъ отчетахъ проскальзываютъ иногда такіе вещи. Вотъ что читаемъ мы относительно практическихъ занятій студентовъ юридического факультета въ с.-петербургскомъ университетѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1877 годъ, въ отдѣлѣ «Извѣстій о дѣятельности и состояніи учебныхъ заведеній».

«Въ 1876 году, въ юридическомъ факультетѣ, по причинѣ громаднаго количества слушателей и по особенному свойству науки, входящихъ въ составъ его, не могли быть установлены одинаковыя съ другими факультетами начала относительно методовъ практическихъ упражненій». ¹ Почему же? Почему на физико-математическомъ факультетѣ оказывается возможно, хотя только

¹ Юридическій факультетъ новороссійскаго университета, усмотрѣвъ въ сочиненіяхъ студентовъ, представленныхъ для полученія степени кандидата, что молодые люди, занимаясь въ теченіе 4-хъ лѣтъ изученіемъ юридическаго искусства, не дѣлаютъ труда приобрести и усвоить технику отагг-юридическаго изложенія писемъ письменнаго, пришло къ тому заключенію, что занята писемными научными работами были бы весьма полезны для студентовъ. Съ этою цѣлю факультетъ поручилъ г. проф. Богдановскому составить правила для занятій студентовъ письменными работами; изработанные имъ правила были подвергнуты обсужденію въ факультетѣ и, по доложеніи, представлены на усмотрѣніе совѣта. Они заключаются въ нижеслѣдующемъ: 1) Каждый студентъ юридического факультета обязанъ ежегодно представлять одному или профессору, читающему лекціи на курсѣ, письменную работу на одну или тѣмъ, дающимъ преподавателю. 2) Въ началѣ каждаго академическаго года всѣ преподаватели, читающіе лекціи, составляютъ списки темъ, раздѣливъ по своей наукѣ, и представляютъ ихъ въ факультетъ, деканъ котораго дѣлаетъ распоряженіе объ объявленіи каждому курсу тѣмъ, предметы которыхъ относятся къ наукамъ, на этомъ курсѣ преподаваемымъ. 3) Каждый студентъ

чуть меньше это «громадное количество слушателей». ¹ Почему, наконец, на медицинскомъ, гдѣ количество слушателей ужъ не выримаѣръ громадиѣе? И однако, тамъ практичекія занятія идутъ своимъ чередомъ, наравнѣ съ теоретическими лекціями, и въ отношеніи экзамена представляютъ для студента одинакову и даже чуть ли не большую важность. Почему? «По особеному свойству наукъ»? Что-жь? Если это такъ, то факультетъ и установилъ бы *сообразная* съ этимъ свойствомъ начала относительно методовъ практическихъ упражненій. Это бы, кажется, можно было: историко-филологическій факультетъ показываетъ, что очень возможно. Каждый профессоръ по своей наукѣ даетъ, положимъ, на весь годъ тему для сочиненія; сочиненіе это студенту *обязано* представить профессору за мѣсяць, за два до экзамена, или тамъ вообще, какъ будетъ постановлено; не представившіе не допускаются къ экзамену. Пусть студенты профессорскія лекціи не слушаютъ и заучиваютъ ихъ дома — бѣда не большая: у нихъ все-таки была бы работа: на 1-мъ курсѣ надо было бы представить пять сочиненій, на 2-мъ и т. д., такъ что, втеченіе 4-гъ лѣтняго курса, студентъ проработалъ бы не менѣе, какъ надъ

книгѣть право избрать ту тему, которая кажется ему болѣе интересною и болѣе удобною по его познаніямъ и силамъ. Объ избранныхъ такимъ образомъ темахъ студентъ сообщаетъ тѣмъ преподавателямъ, къ наукамъ которыхъ принадлежатъ предмети этихъ темъ. 4) Студентамъ предоставляется писать сочиненіе и на тему по собственному выбору, хотя бы она и не была указана факультетомъ, но не иначе, какъ по предварительному одобренію ея со стороны профессора и съ тѣмъ, чтобы она избиралась по предмету, преподаванному на курсѣ. 5) Преподаватели даютъ указанія студентамъ, какъ объ источникахъ, которыми студенты должны пользоваться для своего труда, такъ и о самыхъ разбѣрахъ еге, равно о лннѣй, системѣ и проч. 6) Письменные работы могутъ состоять въ извлеченіи изъ сочиненій на заданную тему, въ переводѣ цѣлаго сочиненія и въ составленіи самостоятельныхъ изслѣдованій или обзорнѣй по разнымъ матеріаламъ или по литературнымъ источникамъ. 7) Письменные работы должны быть представлены преподавателямъ для рассмотрѣнія и оцѣнки ихъ не позже 7 го мн. каждаго года. Преподаватель, для удостовѣренія въ самодѣтельности писаннаго сочиненія, можетъ произвести съ авторомъ colloquium. 8) Сочиненія, которыя будутъ признаны со стороны преподавателей вполне удовлетворительными, могутъ быть засчитываемы за кандидатскія диссертации. 9) Студенты, представившіе часть или полное сочиненіе на чинъ, ежегодно предлагаемыя для соисканія медалей, освобождаются отъ обязанности писать годичныя сочиненія. 10) Студенты, не представившіе письменныхъ работъ, на основаніяхъ, положенныхъ въ предыдущихъ параграфахъ, не допускаются къ годичнымъ испитаніямъ на курсѣ. 11) Письменные работы, признанныя со стороны преподавателей удовлетворительно исполненными, будутъ принимаемы факультетомъ въ соображеніе при назначеніи стипендій, пособій и оказаніи другихъ льготъ и т. д. (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1872 г., февраль, стр. 95—97). Проектъ этотъ, кажется, не прошелъ въ Сибирѣ, потому что ученый персоналъ историко-филологическаго факультета подальше голосъ противъ него.

¹ Въ нынѣшнемъ году—629 человекѣ;

двадцать тѣми. Неужели можно было бы видѣть въ этомъ посягновеніи на академическую свободу ученія? Почему же въ экзаменахъ не видятъ того, хотя они *обязательны*? А между тѣмъ, подобное упражненіе было бы весьма полезно; студентъ научился бы излагать свои мысли на бумагѣ. Юристу болѣе, чѣмъ кому-либо, нужно умѣнье владѣть перомъ. Не всѣ же будутъ адвокатами и будутъ только *говорить* рѣчи. Да кто не умѣетъ писать, тотъ плохо и говорить. Теперь послѣдствіемъ механическаго усвоенія лекцій является подчасъ полная недѣловитость новоспеченнаго кандидата правъ. По выходѣ изъ университета, онъ ничего не знаетъ и ничего не умѣетъ. Въ головѣ болтаются обрывки фразъ изъ уголовного судопроизводства, изъ гражданскаго права, тюрьмоустройства, изъ... всѣхъ 18—19 правъ. Все это смѣшано, перемѣшано въ кучу, надъ всѣмъ царя никакого. Никакого и умѣнья. Кандидатъ правъ втеченіе 4-хъ лѣтъ могъ, если хотѣлъ, пера въ руки не брать. «Сами не стануть писать, а будутъ нанимать, какъ вонъ теперь въ пажескомъ корпусѣ или въ александровскомъ лицѣ?» Что-жъ, прекрасно; по крайней мѣрѣ, у нестрашащихся пера былъ бы хорошей заработокъ. Да, кромѣ того, дѣло можетъ и не дойти до этого. Ничто не препятствуетъ профессору дать студентамъ экспромптную работу или произвести colloquium. Развѣ нельзя ничего подобнаго сдѣлать? Польза, оказывается, ибо «незначительный персоналъ преподавателей факультета, почти весь годъ занятый разсмотрѣніемъ множества (?) кандидатскихъ и другихъ (?) сочиненій, производствомъ, какъ переводныхъ, такъ и окончательныхъ испытанийъ (на другихъ-то факультетахъ этого нѣтъ?!), не можетъ устроить систематическихъ постоянныхъ практическихъ курсовъ». Вотъ, значитъ, гдѣ причина, а не въ особенномъ свойствѣ юридическихъ наукъ. Профессоровъ, стало быть, мало, а «кандидатскихъ и другихъ» сочиненій много, преподаватели-то и заняты цѣлый годъ ихъ разсмотрѣніемъ. Это ужъ совсѣмъ другое дѣло, и противъ этого пункта возразить трудно, повидимому. Однако, посмотримъ, такъ ли на самомъ дѣлѣ, какъ говорить отчетъ?.. Кандидатскія и другія сочиненія... Подумать можно, что практическія работы уже есть на юридическомъ факультетѣ, что студенты пишутъ, кромѣ кандидатскихъ (обязательныхъ), *другія* сочиненія, что, стало быть, мы невѣрно говоримъ, когда говоримъ объ отсутствіи студенческихъ работъ, даже о полномъ ихъ отсутствіи, что, стало быть, не одно только затверживаніе литографированныхъ тетрадокъ и т. д.

Не знаемъ, какія это *другія* сочиненія? Вѣроятно, тутъ какая-нибудь ошибка. Никакихъ другихъ сочиненій нѣтъ. Развѣ только сочиненія на медали? Но вѣдь ихъ, сравнительно съ общимъ числомъ студентовъ-юристовъ, очень немного, такъ мало, что и упоминать-то бы не стоило объ нихъ. Въ 1877 году, изъ 584 студентовъ-юристовъ удостоенно награды медалями и почетными

дипломами 12-ть человек¹. И за этотъ годъ это весьма большой процентъ. Обыкновенно же бываетъ гораздо меньше. Такъ въ прошломъ февралѣ три, кажется, юриста удостоились быть награжденными за примѣрные услуги и прилежаніе... Но вѣдь это удостоено награды столько, а подано сочиненій, можетъ быть, больше, можетъ быть, 100 сочиненій? Въ такомъ случаѣ, какъ же дурно пинуть юристы?!... Тоже и относительно кандидатскихъ сочиненій. Съ степенью кандидата оканчиваетъ курсъ сравнительно небольшое число студентовъ. Не имѣемъ подъ руками цифръ, но кажется не будетъ большой ошибки, если за среднюю примемъ цифру 150 человекъ на всѣ четыре факультета². Допустимъ, что съ юридическаго факультета ежегодно выпускается 100 кандидатовъ; въ дѣйствительности, конечно, меньше. Но даже если и 100, то на всѣхъ преподавателей это—не Богъ знаетъ, какъ много. Да и притомъ, какой же «незначительный персоналъ»? Изъ отчета, читаннаго на актѣ въ прошломъ февралѣ, мы узнаемъ, что «по штату въ негербургскомъ университетѣ помѣщается 83 лица, въ составѣ преподавательскаго персонала. Въ дѣйствительности-же преподавателей имѣется 92 лица, въ томъ числѣ 47 профессоровъ, 20 доцентовъ, 5 преподавателей, 8 лекторовъ и 12 приватъ-доцентовъ³... Какъ-же такое противорѣчіе? Впрочемъ, то было въ 76 году, а въ два года могло послѣдовать исполненіе университета ученымъ персоналомъ. Подумаешь только, какъ быстро!.. Но возвратимся къ отчету 1876 года. Сказавъ, что по тѣмъ-то и по такимъ-то причинамъ не можетъ быть въ юридическомъ факультетѣ практическимъ студентскимъ работъ, отчетъ говоритъ даже такъ: «Но такъ какъ преподаваніе юридическихъ наукъ, по самому существу ихъ, должно быть непременно связано съ практическимъ упражненіемъ, которыя, по разнородности юридическихъ предметовъ, требуютъ подчиненныхъ различнымъ методамъ, то факультетъ представляетъ устройство этихъ занятій усмотрѣнію самихъ профессоровъ»... Какое, однако, чисто ужъ юридическое сплетеніе мыслей! То прелестнымъ къ введенію практическаго элемента въ преподаваніе юриспруденціи служило «огромное количество слушателей», то «особенное свойство наукъ», то «незначительный персоналъ», будто бы «весь годъ занятый разсмотрѣніемъ студенческихъ сочиненій», то, наконецъ, «разнородность юридическихъ предметовъ», требующая, видите ли, подчиненія практическимъ упражненіямъ различнымъ методамъ, а вслѣдствіе этой разнородности, общаго какого-нибудь начала для практическаго преподаванія и не можетъ быть достигнуто и отыскано! Пусть-де каждый профессоръ отдѣльно, какъ

¹ Журн. Мин. Нар. Просв., 1878, апрѣль, стр. 268 и 279.

² Въ 1877 г. кандидатовъ выпускаемо было 158-мъ человекъ: съ историко-филологическаго факультета 17, физико-математическаго 54, юридическаго 79, съ факультета восточныхъ языковъ 8-мъ человекъ. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1878 г.).

³ «Нов. Время» 1879 г., февраль.

хочетъ тамъ самъ вѣдаться съ этими практическими упражненіями, факультетъ-же не можетъ на этомъ счетѣ выработать общихъ правилъ, основанныхъ на какомъ-нибудь принципѣ, ибо такого принципа не находятъ!.. Какъ-же нанесть этотъ принципъ новороссійскій университетъ? Хотя тамъ, кажется, и не введены въ дѣйствіе выработанныя профессоромъ Богдановскимъ правила касательно практическихъ работъ, однако, все-таки они были выработаны и одобрены факультетомъ. Почему также иначе поставлено дѣло на юридическомъ факультетѣ варшавскаго университета? ¹...

Посмотримъ, однако, какъ профессора, по одиночѣ, оправдываютъ на дѣлѣ это предоставленное имъ факультетомъ устройство практическихъ занятій студентовъ. Мы пользуемся и въ этомъ случаѣ «Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», дабы не подумалъ читатель, что мы тутъ что-нибудь придумываемъ, или невѣрные представляемъ факты.

Въ 1877 году введены были практическія упражненія по 6 наукамъ: по римскому праву, полицейскому, церковному, международному, политической экономіи и статистикѣ. *Про друція, по крайней мѣрѣ, двѣ трети наукъ въ отчетѣ не упоминается. Надо по этому полагать, что по нимъ никакихъ упражненій не было.* Да и по этимъ шести не сказано, какъ велико число студентовъ участвовало въ нихъ; можно думать, что немного, ибо, во-первыхъ, онѣ необязательны, а во-вторыхъ, вліянія на экзаменѣ не имѣютъ. Какъ-же велись эти спеціальныя, практическія занятія студентовъ—мы это увидимъ сейчасъ на занятіяхъ по римскому праву...

«По римскому праву открыты были (только открыты?!) практическія занятія съ студентами, заключающіеся въ чтеніи, переводѣ и объясненіи институцій Юстиніана. По подробнѣе ознакомленіи слушателей съ содержаніемъ и системой этого источника, профессоръ перешелъ къ спеціальному разсмотрѣнію втораго титула 1-й книги (de rerum divisione), руководясь которымъ,

¹ «Въ 1877 году по юридическому факультету варшавскаго университета, практиковалась мѣра, утвержденная факультетомъ и совѣтомъ университета еще въ 1878 году, состоящая въ томъ, что студенты всѣхъ курсовъ избираютъ одинъ изъ факультетскихъ предметовъ своею спеціальностью; каждый студентъ обязанъ былъ въ теченіи года, до начала переходныхъ экзаменовъ, поставить по избранной имъ спеціальности, годичную письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ предмета его спеціальности. Достоинство этихъ работъ принималось во вниманіе при оцѣнѣ результатовъ усилій переводныхъ испитаній: Преподаватели обязаны были представить факультету отчетъ о достоинствѣ представленныхъ студентами работъ. Всего представлено было студентами 102 курсовыя работы (всѣхъ студентовъ-юристовъ за этотъ годъ болѣе 150 человекъ), изъ которыхъ до 30 составлены были весьма удовлетворительно, свидѣтельствуя объ основательномъ ознакомленіи авторовъ съ источниками, служившими имъ основаніемъ при составленіи работъ... (Журналъ ми. нар. просв., 1878 г., іюнь).

объяснилъ различные способы пріобрѣтенія права собственности. Занятія проходили въ формѣ бесѣды преподавателя съ учащимися, которыми нерѣдко (да?) предлагались вопросы, свидѣтельствующіе о вниманіи, съ которыми они слѣдятъ за дѣломъ. Изъ вопросовъ-же, предлагаемыхъ преподавателемъ, онъ могъ убедиться, что слушатели вынесли большую пользу изъ этихъ занятій... Ну, еще бы!?. По неволѣ будешь внимателенъ и вынесешь пользу, даже большую, коли преподаватель станетъ предлагать вопросы!.. Все это прекрасно, и въ германскихъ «семинаріяхъ» такъ и ведется дѣло (*privatissima*). Только гдѣ-же тутъ самостоятельныя работы студентовъ? Тутъ все работаетъ только одинъ профессоръ: онъ знакомитъ слушателей съ содержаниемъ и системой источника, онъ читаетъ, онъ объясняетъ... Что-же дѣлаютъ студенты? Они «внимательно слушаютъ и выносятъ большую пользу изъ этихъ занятій». Интересно бы знать, много ли было этихъ внимательныхъ слушателей?.. Нѣтъ, такіе это практическія занятія? Это тѣже теоретическія лекціи, только болѣе разумно веденныя: самодѣтельности студентовъ въ этихъ занятіяхъ нѣтъ. Совершенно другое было бы дѣло, еслибы профессоръ заставилъ самихъ студентовъ перевести этотъ «второй титулъ 1-й книги» на русскій языкъ и снабдить этотъ переводъ комментаріями. Вотъ тогда дѣйствительно, можно было бы видѣть, какъ то, внимательно ли слушатели «слѣдили за дѣломъ», такъ и ихъ самодѣтельность, ихъ собственную работу. А какъ если да сдѣлать представленіе этихъ письменныхъ работъ профессору обязательнымъ, то на лекцію придутъ *есть*, а не нѣсколько человѣкъ, какъ теперь.

Или вотъ опять практическія упражненія по международному праву. «По этому праву предложены были студентамъ 4 курса для рефератовъ двѣ темы: а) о канерахъ, б) о правѣ невмѣстательства, на которыя были представлены сочиненія *тремя* (!) студентами; кромѣ того, одинъ (!) студентъ 4 курса написалъ рефератъ «Двѣ книги Вофремонъ». Представленныя сочиненія читались авторами у профессора на квартирѣ въ присутствіи другихъ студентовъ (о, какъ бы велика ни была квартира у г. профессора, все-таки всѣ студенты 4-го курса врядъ ли могли въ ней уместиться; впрочемъ, можетъ быть), а по окончаніи чтенія происходили пренія, продолжавшіяся иногда до полуночи». Отвергать пользу такихъ «спреній» никто не станетъ, и еслибы всѣ профессора такъ собирали къ себѣ студентовъ, съ такими цѣлями, то и говорить нечего, какъ бы это было прекрасно, полезно, педагогично и все что хотите. Только опять-таки лишь *четыре* человѣка изъ всего курса представили свои работы! А остальные? Что съ остальными? Неужели профессоръ этимъ остальнымъ, какъ не представившимъ письменныхъ работъ, убавить на экзаменѣ баллы? Врядъ ли такъ. Мы ужъ не говоримъ тутъ о допущеніи или недопущеніи такихъ къ экзамену. По церковному праву около 20 студентовъ занимались практическими упражненіями, предложенными профессоромъ. Профессоръ, впрочемъ,

«надѣется привлечь и подготовить молодыхъ людей къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ исторіи церковнаго права».

Итакъ, письменныхъ работъ студентовъ на юридическомъ факультетѣ нѣтъ. Есть только по нѣкоторымъ предметамъ частныя лекціи, присутствовать на которыхъ, однако, не обязательно, потому что экзаменъ производится изъ однихъ только «официальныхъ» лекцій: выучены онѣ, и удовлетворительный балъ, съ пониманіемъ выучены—весьма удовлетворительный. Ни о какихъ самостоятельныхъ работахъ студента на основаніи этихъ лекцій не спрашивается на экзаменѣ. Знаніе лекцій служитъ достаточной гарантіей знаній и развитости студента, и на основаніи только этихъ знаній присваивается ему степень кандидата права. Какъ же не легко? Только выигрываетъ ли отъ такой легкости занятій на юридическомъ факультетѣ самое образованіе юристовъ? Обучая такимъ легкимъ способомъ, точно ли юридическій факультетъ даетъ обществу настоящихъ юристовъ и истинно образованныхъ людей?

«Смѣло можно сказать, что, при устраненіи практической стороны въ образованіи юридическомъ, самая обширная и стройная, чисто теоретическая система обращается въ великолѣпную фантазмагорію, которая именно тѣмъ опаснѣе для дѣла цивилизаціи, чѣмъ величавѣе размѣры системы, ибо, съ одной стороны, кажется, что все сдѣлано, чтобы просвѣтить будущаго юриста и создать изъ него надежное орудіе правосудія, дѣятельнаго вѣщателя непреложныхъ юридическихъ истинъ, съ другой стороны, усматривають, что всѣ умственные и нравственные сокровища, которыми щедрою рукою надѣлила его наука въ напутствіе на практическое поприще, на первыхъ же порахъ разсыпаются и новобранецъ-практикъ остается развѣ при нѣсколькихъ громкихъ фразахъ, при довольно высокомъ мнѣніи о себѣ и довольно низкомъ о другихъ... отрывается отъ науки, на дѣлѣ прерываетъ съ нею всякія сношенія, но считаетъ себя въ правѣ извлечь изъ нея, по крайней мѣрѣ, ту пользу, чтобы хранить за собою званіе образованнаго человѣка и прикрывать имъ нерѣдко возрѣніи и дѣйствія, несовѣстныя даже съ условіями общаго образованія, не говоря уже объ образованіи юридическомъ. Какъ не поколебаться тутъ довѣрью въ наукѣ, не усумниться въ пользѣ образованія, заключающагося въ ея изученіи? Единственное средство обезпечить подобающее ей значеніе въ юридическомъ быту, въ разрѣшеніи возникающихъ въ немъ вопросовъ и столкновеній и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить ея кредитъ—пополненіе теоретическаго обученія практическимъ образованіемъ, которое является въ этомъ смыслѣ проводникомъ, посредствующимъ водворенію науки въ жизни»¹.

П. Дрошинъ.

¹ «О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія». Ордин. проф. императорскаго казанскаго университета Д. Мейера, стр. 12.

МЕТАФИЗИКА, ПОЗИТИВИЗМЪ И НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(П. Милославскій. Тридцать современной философской мысли въ Германіи. Казань 1878).

Общая совокупность отдѣльныхъ отраслей научнаго знанія, въ то время, когда Ог. Кантъ писалъ свой «Курсъ позитивной философіи», представляла картину весьма пеструю: одні науки находились уже въ фазисѣ зрѣлости, другія же не успѣли еще подняться такъ высоко и подчинялись вліянію метафизики, а отчасти даже и мистики. Если астрономія давно уже перестала быть астрологіей, а химія—алхиміей, то въ наукѣ о человѣкѣ, такъ же, какъ и въ наукѣ объ обществахъ, не было и слѣда того кризиса, который предполагается переменною названія двухъ упомянутыхъ наукъ. Задумавъ установить систему общей совокупности положительнаго знанія, Ог. Кантъ не былъ остановленъ однакоже при осуществленіи своей мысли отсутствіемъ позитивности нѣкоторыхъ наукъ: онъ установилъ какъ принципъ—а по мнѣнію его самого и его послѣдователей, и какъ фактъ—приложимость къ наукѣ о человѣкѣ и къ наукѣ объ обществахъ общаго для всѣхъ положительныхъ наукъ метода и, полагая въ силу этого установленія, всѣ отдѣльныя отрасли знанія возведенными къ позитивности, связавъ ихъ посредствомъ опредѣленнаго соподчиненія и получивъ систему *позитивныхъ наукъ*, ниспущую, съ точки зрѣнія его самого и его школы, значеніе *системы положительной, т. е. научной философіи*.

Отдѣльныя части позитивной системы расположены у Ог. Канта такъ, что общность и отвлеченность ихъ понятій представляеть рядъ ступеней, все выше и выше поднимающихся и завершающихся въ этомъ смыслѣ математикой, какъ наукой самыхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій, точно такъ же, какъ по отношенію къ возрастающей сложности онѣ завершаются социологіей. Вѣрно ли схвачено такимъ образомъ содержаніе философской системы? Исчерпывается ли объемъ ея науками, взятыми Ог. Кантомъ? Вотъ вопросы, которые самимъ Кантомъ подняты не были и никогда ни однимъ позитивистомъ не были подвергнуты критическому исследованію. Важность этихъ вопросовъ, очевидная сама по себѣ, тѣмъ болѣе бросается въ глаза,

что «Курсъ позитивной философіи» содержитъ во *введеніи*, или — по Канту — *предмиссии*, цѣлый рядъ понятій (о границахъ научнаго изслѣдованія, относительности знанія, вещи въ себѣ, причяности, законѣ, явленіи и т. д.), которыя не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ отдѣловъ системы и остаются въ всякой классификаціи. Что дѣлать съ этими понятіями, не помѣщающимися въ системѣ и неопредѣленно мелькающими въ ея предверіи — остается неразрѣшеннымъ и дѣлаетъ и вопросъ о внутреннемъ содержаніи системы открытымъ.

Неуловенная послѣдовательность должна была, конечно, побудить Ог. Канта возвести къ позитивности и ту науку, къ которой относились эти по неволѣ исключенныя изъ позитивной системы понятія, точно такъ же, какъ онъ возвелъ къ позитивности социологию; но тутъ онъ наткнулся на недоразумѣніе, которое запутало для него этотъ вопросъ и закрыло для его системы путь къ самоополненію и дальнѣйшему развитію. Недоразумѣніе это и происшедшая изъ него путаница возникли, съ одной стороны, изъ того, что Ог. Кантъ не придавъ термину «философія» достаточной опредѣленности, и, съ другой — изъ двойственнаго значенія, въ которомъ представлялся для него другой терминъ — «метафизика». Для Ог. Канта терминъ «философія» означалъ понятіе мира (*conception du monde*); понятіе это — по его мнѣнію — образуется путемъ суммированія доставляемыхъ отдѣльными частями его системы понятій, а не вырабатывается изъ нихъ какъ изъ общій результатъ. Ог. Канту и не видно было поэтому, что этотъ *общій результатъ* можетъ дать содержаніе отдѣльной науки — *философіи въ тѣсномъ смыслѣ* или *собственно философіи*, которой онъ могъ, впрочемъ, присказать болѣе удачное названіе, какъ присказалъ его для науки объ обществахъ. Что же касается метафизики, то подъ нею онъ въ одне и то же время разумѣлъ: и общую совокупность возрѣній (къ какой бы отдѣльной части системъ они не относились), вырабатываемыхъ *метафизическими* методами, и *всю совокупность собственно философскихъ* вопросовъ, которые при немъ болѣею частью иначе не разрѣшались, какъ метафизически, а потому и казались вопросами *метафизическими по преимуществу*. Одно изъ этихъ значеній необходимо было отвергнуть, и именно — второе, такъ какъ вопросы въ системѣ Канта классифицировались не по характеру ихъ рѣшенія, а по своему содержанію. Освободясь отъ метафизической постановки и метафизическаго рѣшенія этихъ вопросовъ и оставивъ лѣномъ въ лѣпу съ ихъ содержаніемъ, приходилось найти и имѣ мѣсто въ системѣ, какъ было оно найдено другимъ, и свести содержаніе *метафизики* на содержаніе *философіи*, оставивъ за метафизикой исключительно одно только *историческое* значеніе, какъ то было сдѣлано, напримѣръ, по отношенію къ алхиміи. Къ несчастію для позитивизма, Ог. Кантъ поступилъ не такъ: онъ смѣшалъ *философію въ тѣсномъ смыслѣ* съ *метафизикой*, какъ *отдѣльной наукой*, и эту послѣднюю отвергъ за одно съ

методомъ, отъ котораго она получила свое названіе. Воспользовавшееся при этомъ крушеніе собственно философскихъ вопросовъ, помѣченныхъ въ *прелиминари* «Курса», было не замѣчено и «позитивная система» осталась безъ того *«результата всякаго результатаго»*, которымъ завершилась бы ея *коренная прогностическая* умозрительной философіи, т. е. метафизикѣ, не перестающей мечтать объ овладѣніи *«началомъ всякаго начала»*.

Отверженіе метафизики, т. е. на самомъ дѣлѣ философіи, является у Ог. Конта — какъ мы и знаемъ уже — неполнымъ: принципиально отвергнутые вопросы остались — во всей ихъ отрывочности и безпорядочности — въ *«прелиминари»*. Последователями Ог. Конта предстояло распутать это недоразумѣніе, пересмотрѣть заброшенные вопросы, организовать ихъ въ отдѣльную науку, включить ее въ систему и дать такимъ образомъ этой послѣдней полноту и законченность. Задача эта была, однакоже, совсѣмъ не коната последователями Ог. Конта: они на-глухо замкнулись въ рамкахъ какъ бы энциклопедіи наукъ, совсѣмъ упустили изъ виду многозначущіе вопросы *«прелиминари* и, окончательно убѣвъ зачатое развитіе системы, придали позитивизму духъ какаго-то сектантства, все болѣе и болѣе оттапливающей отъ нихъ тѣхъ, которые желаютъ для научныхъ обобщеній побольше простора и побольше критики.

Указанный недостатокъ не былъ единственнымъ недостаткомъ позитивизма: не подымаясь до высшихъ, какія только допускаетъ научный методъ, отвлеченій, позитивизмъ въ тоже же время замыкался, однакоже, въ однихъ отвлеченіяхъ, исключительно оставаясь въ области *«чистыхъ наукъ»*, не переходя къ *«прикладнымъ»* и не имѣя поэтому никакой связи съ жизнью. Такая ограниченность позитивной системы не входила, правда, въ планы Ог. Конта: онъ ясно обозначилъ роль и значеніе *«конкретныхъ наукъ»*, опредѣленно указавъ отношеніе ихъ къ *«абстрактнымъ»*, какъ къ основѣ системы, и отчетливо высказавъ смыслъ преобладающаго въ системѣ вліянія социологич. ¹ Если затѣмъ Ог. Контъ и не выработалъ системы конкретныхъ наукъ, то это произошло только оттого, что онъ подъ старость уклонился отъ научнаго метода и послѣ «Курса позитивной философіи» сталъ творить мистическія теоріи. — Ученикамъ его, отвергшимъ эти теоріи, и предстояло восполнить незаконченность системы и создать ея приложимость; но они не только не сдѣлали этого, но еще пытались, вопреки духу и даже буквальному смыслу словъ учителя, подогнать конкретныя науки подъ *«объективную»* точку зрѣнія наукъ абстрактныхъ и окончательно лишили позитивизмъ всякаго жизненнаго значенія. Теперь критики обнаружили уже всю пагубу этого недостатка, и, кромѣ слѣдующихъ приверженцевъ школы, всѣмъ стало ясно, что и въ области практики, такъ же какъ и въ области теоріи, на позитивизмъ нѣтъ и не можетъ

¹ A. Comte. Cours de philos. pos. t. VI. Leçon LVIII.

быть того спроса, на который рассчитывали продолжатели или, точнѣе, извратители монтовскаго ученія. Дѣцнацать лѣтъ ведутъ уже они дѣятельную пропаганду посредствомъ журнала, издающагося на языкѣ, столь общезвѣстномъ, какъ французскій, и нигдѣ внѣ Франціи не могли образовать и малой даже группы послѣдователей. Не многія отдѣльныя лица, «принявшія позитивизмъ», видѣются впрѣдкѣ тамъ и сямъ, скорѣе для того, чтобы еще рѣзче обозначить неудачу позитивизма, нежели затѣмъ, чтобы свидѣтельствовать о его успѣхѣ.

И теоретически, и практически недоразвитый, неполный, незаключенный, позитивизмъ считается теперь системою *научной философіи* только въ тѣсныхъ предѣлахъ позитивной секты; на самомъ дѣлѣ, онъ роковымъ образомъ самъ себя обрекъ на роль провозвѣстника и предшественника этой философіи, роль въ настоящее время сыгранную. Позитивисты-сектанты, слѣпые по отношенію ко всему, что совершается внѣ ихъ прихода, не понимаютъ, конечно, необходимости движенія впередъ, за предѣлы позитивной доктрины, и всегда готовы провозгласить отступничествомъ того, кто, цѣля въ позитивизмъ его научно-философскія стремленія, не престаётъ искать полнѣйшаго ихъ осуществленія; но всякій смотрящій далѣе тѣсно-позитивистскаго кругозора, знаетъ, что косность, гармонировавшая съ непогрѣшимостью мистическихъ ученій, отжила свой вѣкъ и къ пути свободнаго исследованія и критики не приложима.

И дѣйствительно, европейская мысль работала, пока дремали позитивисты. Въ Германіи въ послѣдніе годы обозначилось совершенно самобытно научно-философское движеніе вполне «положительнаго», хотя и не «позитивнаго» характера; оно шло своимъ особымъ путемъ и подготовило знаменитымъ «поворотомъ къ Канту. Критическій элементъ поэтому имѣеть въ новой научной философіи большое значеніе: философія эта совершенно чужда догматизма Ог. Канта и потому не подвержена опасности остановки на полупутѣ, какъ то случилось съ позитивизмомъ. Но если у нея нѣтъ съ позитивною философіею связи генетической, то нельзя, конечно, отрицать принадлежности ея къ тому же философскому типу, что и позитивизмъ, т. е. утверждать существованіе связи идеографической, идея которой была недавно такъ удачно выяснена Фр. Паульсеномъ въ «*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*».

Новое направленіе нѣмецкой философіи, которую такъ долго считали совсѣмъ утонувшей въ пучинахъ туманнаго умозрѣнія, не могло не обратить на себя всеобщаго вниманія. Въ послѣднее время повсемѣстно замѣчается стремленіе уяснить германское философское движеніе; въ англійскомъ «*Mind*», во французскомъ «*Revue philosophique*», въ итальянскомъ «*Filosofia delle scuole italiane*», можно встрѣтить статьи о немъ, а въ Испаніи—гдѣ нѣтъ всѣхъ нѣмецкихъ философовъ до сихъ поръ чуть не исключительно занимались Краузе—появилась цѣлая монографія о со-

временномъ умственномъ движеніи въ Германіи, съ прекраснымъ очеркомъ ново-критическаго движенія и отчетомъ о воззрѣніяхъ одного изъ представителей научной философіи — Вундта — на предметъ философіи¹. Въ виду, такого всеобщаго вниманія къ современной нѣмецкой философіи, книга г. Милославскаго — «Тѣни современной философіи мысли въ Германіи» — появилась въ прошедшемъ году какъ нельзя болѣе кстати. Благодаря ей, и русскій читатель имѣетъ возможность теперь узнать о существованіи того новаго направленія, которое несомнѣнно представляеть въ настоящее время самое выдающееся явленіе въ области философіи.

Г. Милославскій имѣлъ возможность ознакомиться съ современнымъ философскимъ движеніемъ въ Германіи не только посредствомъ изученія литературы, въ которой оно выразилось, но и непосредственно — въ аудиторіахъ нѣмецкихъ университетовъ и въ обществѣ. Результаты, добытые имъ этими двумя путями, онъ и изложилъ въ своей книгѣ. Изъ нея мы узнаемъ, что философія въ Германіи переживаетъ теперь переходъ отъ метафизики къ научной философіи, совершая переходъ этотъ самостоятельно, вполне независимо отъ вліянія позитивизма. Очерчивая этотъ переходъ, авторъ опредѣляетъ роль, занимаемую въ немъ неокантианствомъ, и рассматриваетъ критически философію вѣрніа талантливѣйшаго изъ неокантианцевъ — Ф. А. Ланге. Кроме того, г. Милославскій даетъ критическую оценку оцененнаго имъ философскаго движенія и, съ своей точки зрѣнія, характеризуетъ отношеніе между метафизикою и научною философіею. Наконецъ, мы находимъ у него обстоятельный разборъ главнѣйшихъ современныхъ метафизическихъ системъ.

Имѣя въ виду ознакомить читателя съ важнѣйшими вопросами, затронутыми г. Милославскимъ, я начну съ столь интересной и во многихъ отношеніяхъ для насъ важнѣйшей части переходъ отъ метафизики къ научной философіи и постараюсь передать ее хоть въ самомъ общемъ и съ некоторою сдержанностью.

Здѣсь на первомъ планѣ представляется полное паденіе некогда столь славной и вліятельной метафизики. «Хоть и до сихъ поръ — говоритъ г. Милославскій — нигдѣ, ни въ какой странѣ, философскіе интересы не имѣютъ такой живости и силы, какъ въ Германіи, нигдѣ не появляется такъ много философскихъ произведеній, нигдѣ такъ часто не употребляется слово: «философія», «метафизика» и вообще философскіе термины, отъ прежней національной нѣмецкой философіи и такъ называемой метафизики остается теперь одно имя, и съ этой стороны прежняя философская репутация нѣмцевъ стала довольно двухзначенной и сомнительной. Авторитетъ старыхъ философовъ и метафизиковъ унасъ и въ университетахъ, и въ образованномъ обществѣ. Всегда сказывается явное предпочтеніе положительнымъ знаніямъ, и

¹ D. Jose del Perojo. Ensayos sobre el movimiento intelectual en Alemania.

общечеловѣческія научныя стремленія нашего времени вполне парализуютъ національное стремленіе нѣмецкихъ философовъ постигнуть «вещь въ себя» (стр. 39). До чего упала метафизика въ университетахъ, видно, между прочимъ, и изъ того, что число слушателей у профессоровъ, читающихъ «метафизику», очень часто ограничивается всего *тремя*. «И не только профессора метафизики, а и по другимъ философскимъ предметамъ метафизическаго характера жалуются на крайнее запусканіе своихъ аудиторій, при чемъ не сарываютъ своей искренней радости при видѣ всякаго новаго слушателя. Теперь въ общемъ ходѣ университета сего преподаванія философскіе предметы только тогда находятъ слушателей, когда ихъ содержаніе не подводится подъ какое-нибудь апіорное, абсолютное начало всѣхъ началъ, иначе аудитория пуста, кафедра существуетъ болѣе официально. Но такъ называемая метафизика не только остается безъ слушателей и продолжаетъ существованіе, какъ послѣдіе временъ давно минувшихъ, а еще возбуждаетъ общее презрѣніе и насмѣшки и компрометируетъ ученую репутацію своихъ немногихъ адептовъ» (стр. 7). Что же касается современнаго нѣмецкаго образованнаго общества, то въ немъ «мало стремленіе и довѣріе къ философскимъ абсолютамъ» (стр. 117), и вообще замѣчается по отношенію къ метафизикѣ презрѣніе и отвращеніе (стр. 21).

Въ связи съ паденіемъ метафизики идетъ, по указанію г. Милославскаго, «поворотъ къ Канту». — «Въ самое послѣднее время, говоритъ онъ: — представители идеалистическихъ и реалистическихъ отѣнковъ подъ влияніемъ успѣховъ естествознанія, точно стоворившись, единодушно стали обращаться за разъясненіемъ безконечной путаницы своихъ идей къ наукѣ и къ первоисточнику нѣмецкой философіи — къ Канту. Именно только въ этомъ направленіи видно движеніе нѣмецкой философской мысли въ настоящее время, формируются новыя философскія типы. Что касается старой «глубочайшей» нѣмецкой метафизики, то она, по меткому выраженію Дюринга, «ушла сама въ себя, задремала и отстала отъ общечеловѣческаго движенія» (стр. 39). Кантъ «составляетъ общій исходный пунктъ нѣмецкаго идеализма и реализма» (стр. 116, 40 и 82). Съ нимъ же связывается и столь громкій въ современной Германіи пессимизмъ (стр. 143).

При такомъ широкомъ и глубокомъ значеніи поворота или возвращенія къ Канту, явленіе это становится связующимъ звеномъ между отжившею старою метафизикою и новымъ направленіемъ философіи: «наиболѣе типическій, выразительный и даровитый представитель» возврата къ Канту — Ф. А. Ланге характеризуется г. Милославскимъ, какъ «піонеръ новой научной философіи» (стр. 40 и 50). Кромѣ того, «всѣ симпатіи мыслящихъ людей прелекаетъ на себя Кантъ именно за то, что онъ потрясъ метафизику въ самыхъ ея основаніяхъ» (стр. 205). Есть, наконецъ, въ Германіи цѣлая школа, которая считаетъ Канта своимъ національнымъ «позитивистомъ» (стр. 82).

Примые результаты поворота къ Канту не дали однако научной философіи, а все же таки одну только метафизику. «Великое маловѣдливое дерево національной нѣмецкой философіи, выросшее и раскинувшееся во всѣ стороны изъ критики Канта, оказалось бесплоднымъ, засыхаетъ и подрубается современной наукой и общественнымъ мнѣніемъ. Вмѣсто національной нѣмецкой философіи на почвѣ науки, составляющей достояніе всего человѣчества, изчинаетъ рости и развиваться общечеловѣческая философская мысль. Рядомъ со старой новаѣ, научная философія является, по выраженію Гармеа, какъ другая, посторонняя сила (als eine zweite Macht)» (стр. 205). «Развитіе естественно научныхъ философскихъ идей, говоритъ г. Милославскій въ другомъ мѣстѣ: — мало связывается съ именами и личностями. Это и понятно, потому что самая наука не есть исключительное произведеніе и достояніе какой-нибудь одной головы, и не одинъ отрываетъ законы природы и строитъ научныя обобщенія. Какой-нибудь абсолютный философскій принципъ не могъ быть придуманъ или найденъ десятерыми за разъ, и прежнія философскія системы сначала до конца создавалъ какой-нибудь одинъ умъ и становился центромъ, главою, учителемъ своего оригинальнаго философскаго ученія. Напротивъ, современныя научныя умозрѣнія вырабатываются и развиваются цѣлыми массами ученыхъ и не замыкаются въ шпогъ какого-нибудь именитаго философа. Самая монополія нѣмецкихъ умовъ на философію, какъ было уже сказано, отходить отъ нѣмцевъ, и философія снова становится природнымъ общечеловѣческимъ достояніемъ. Тѣмъ не менѣе въ Германіи развитіе новой научной философіи находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. При многочисленныхъ университетахъ и широкомъ распространеніи университетскаго образованія, при обширной философской литературѣ, подъ необходимымъ вліяніемъ философскихъ традицій подалекаго промлага, нѣмцы воспитываются на философскихъ элементахъ и сохраняютъ свой національный философскій характеръ. Узкій теоретическій позитивизмъ французовъ и практическій позитивизмъ англичанъ не стѣсняютъ свободы ихъ философскихъ стремленій и философской мысли. Къ тому же нѣмцы не знаютъ, или плохо знаютъ Канта и англійскихъ позитивистовъ, и во всякомъ случаѣ не придаютъ позитивизму особеннаго значенія. Ни на развитіе науки, ни на развитіе философіи въ Германіи французско-англійскій позитивизмъ, который такъ плѣняетъ русскіе умы, не оказываетъ сколько-нибудь замѣтнаго и опредѣленнаго вліянія. Видный представитель философіи въ Германіи Дюрингъ строитъ свою философію на положительныхъ наукахъ и очень близко сходится съ позитивизмомъ, но и онъ относится къ Канту совершенно независимо, а къ Миллю, и особенно Спенсеру даже пренебрежительно. (Ср. напр., *Kritische Geschichte der Philosophie*. S. 500—510, 527—537). Позитивизмъ въ наукѣ и философіи онъ считаетъ преступленіемъ противъ науки. У нѣмцевъ свой позитивизмъ»

тивизмъ—тотъ позитивизмъ, который ведетъ свое начало отъ Бэкона и Локка и теперь становится нейтральной общей атмосферой научнаго развитія. Не будучи связанъ съ именемъ Канта или какими-нибудь другими авторитетами, такой позитивизмъ не отлагается въ какой-нибудь формальной системѣ и не мѣшаетъ прогрессивному движенію философской мысли. Нѣмцы очень хорошо видятъ, что, благодаря широкому и всестороннему развитію науки, все современное человѣчество переживаетъ великую умственную перемѣну, которая охватываетъ всѣ основы и всѣ стороны человѣческой мысли и жизни. Но какъ народъ мыслящій, они хорошо понимаютъ, что въ этой перемѣнѣ позитивизму почти нечего дѣлать, а потому еще не успѣла совершенно развалиться старая школьная философія, они при своемъ трудолюбіи, о какомъ русскій человѣкъ побоятся и подумать, уже строятъ новую, научную. Надъ философами подъ часъ смѣются, въ ихъ «вещи въ себѣ» не вѣрятъ, но тѣмъ не ограничиваются, а продолжаютъ серьезное историческое дѣло развитія философіи. «Въ противоположность апіорнымъ конструкціямъ большей части философовъ со временъ Фихте, говорилъ въ Берлинѣ маститый знатокъ и одинъ изъ лучшихъ представителей нѣмецкой философіи, Э. Целлеръ, ученикъ самого Гегеля, въ послѣдніа десятилѣтія со всѣхъ сторонъ обнаружилось стремленіе сдѣлать философію опытной наукой. И кто можетъ отрицать рациональность и плодотворность такого переворота и его соотвѣтствіе съ духомъ и стремленіями нашего времени? Если философъ хочетъ знать дѣйствительное бытіе, то онъ долженъ познавать это дѣйствительное бытіе какъ оно есть, а не выдумывать его изъ своей собственной головы. Нужно воротиться къ опыту». Въ этомъ направленіи ведутъ философію новокантіанцы и самый даровитый изъ нихъ, къ сожалѣнію, рано умершій А. Ланге, затѣмъ Дюрингъ, Лотце, Вундтъ, Гёрнингъ, Гельке, Цольнеръ, Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Вирховъ и др. Самъ Гартманъ плѣнилъ свою публику именно своимъ приложеніемъ къ своей философской спекуляціи «научнаго индуктивнаго» метода» (стр. 281 и слѣд.). Изъ всего этого видно, что «философія, въ смыслѣ какой-нибудь исключительной системы, отождествленной съ метафизикой, находится въ упадкѣ и, по пространенному мнѣнію, вся безъ остатка сдается въ архивъ прошедшаго, а на дѣлѣ, которое отъ мнѣнія и воли людей зависитъ мало, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ и особенно въ Германіи выражается настойчивая потребность въ философіи» (стр. 280).

«Проявленіе новой научно-философской мысли—говоритъ да-дѣе г. Милославскій:—еще слишкомъ новы, неопредѣленны и подвижны, такъ что едвали можно поставить ихъ въ общую связь. Каждый, особенно крупный, ученый философствуетъ такъ, что въ одномъ пунктѣ онъ сходится съ однимъ, въ другомъ съ другимъ, въ третьемъ разсуждаетъ по своему. Однако, нельзя не замѣтить, что всѣ частныя теченія современной научно-философ-

Прямые результаты поворота к Канту не дали однако научной философии, а все же таки одну только метафизику. «Белоросшее и расклинавшееся во все стороны из критики Канта, оказалось бесплодным, засыхает и подрубается современной наукой и обществеными мнѣніемъ. Вместо національной гѣмецкой философии на почвѣ челоѣчества, начинается философия мысли. Рядомъ со старой является, по выраженію...

... другая, посторонняя сила развитие естественно научныя философіи въ другомъ мѣстѣ — остами. Это и понятно, потому что такое произведение и достояніе отвергаетъ законы природы. Какой-нибудь абсолютной философіи придуманъ или найдеться философскія системы сначала до ума и становился центромъ, гнѣбнаго философскаго учения. Философія выработывается и не замечается въ шлоу. Самая монополия гѣмецкихъ сказано, отходить отъ естественныхъ общечеловѣческихъ въ Германіи развитие побольше благоприятныхъ условий. При многочисленномъ распространѣніи университетской философской литературы, подъ традиціей недалекаго прошлаго философскихъ элементовъ и собою характеръ. Узкій теоретическій позитивный философскихъ стремленій мы не знаемъ, или плохо знаемъ, и во всякомъ случаѣ большого значенія. Ни на развѣ въ Германіи французско-гѣмецкаго и опредѣленнаго вліянія. Германіи Дюрингъ строитъ науки и очень близко склоняется къ Канту совершенно Спенсеру даже преисichte der Philosophie. S. наукъ и философіи онъ. У гѣмцевъ свой позн-

своей мысли направляются въ общее русло. Это русло можетъ быть названо механическимъ монизмомъ» (стр. 285).

Ознакомясь съ очеркомъ г. Милославскаго, мы не можемъ не признать его вѣрнымъ и прекрасно изложеннымъ, но намъ придется не умолчать тоже и о весьма важномъ недостаткѣ его — неполнотѣ. Въ числѣ философскихъ направлений, разсматриваемыхъ авторомъ, мы напрасно будемъ искать ново-критическаго направленія или *научной философи* въ тѣсномъ смыслѣ. Философское направленіе это не сливается съ механическимъ монизмомъ и потому и не поддается обобщенію г. Милославскаго, а между тѣмъ, оно лучше, чѣмъ всякое другое, можетъ дать понятіе о связи научной философи съ критицизмомъ Канта и предстать рѣшеніе многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, на неудовлетворительность разработки которыхъ не разъ указываетъ г. Милославскій.

Труды представителей ново-критической или собственно научной философи (*Wissenschaftliche Philosophie*) образуютъ въ настоящее время пока еще не обширную, но весьма самостоятельную и почтенную литературу. Основной характеръ ея — критическій, но, надо замѣтить — критичность эта нисколько не входитъ въ область историческаго критицизма или кантианства, а принимается въ общемъ научномъ значеніи этого термина. Философию Канта, какъ извѣстно, придавъ быль основателемъ ея критическій характеръ въ силу того, что на мѣсто старой, разрушенной имъ догматической метафизики онъ поставилъ новую, трансцендентальную съ ея формально-априорными понятіями. Новый критицизмъ, не слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ Канта, отвергаетъ априорныя понятія, какъ основу новой метафизики, возникшей изъ пепла старой, и стремится разрѣшить задачу философской критики въ твердомъ установленіи различія сознательнаго, научнаго мышленія, методическаго доработывающагося до знанія, отъ мышленія безсознательнаго, наивнаго, некритическаго, большею частью не достигающаго этой цѣли или достигающаго ея случайно, отрывисто и разрозненно. Такой критицизмъ — по словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ его развитія — есть разрушеніе сверхъ-опытнаго (трансцендентнаго) и основа положительной философи. Хотя самъ по себѣ онъ и лишень творчества, но онъ освобождаетъ творческія силы, пробуждаетъ разумъ отъ метафизическихъ грезъ для дѣятельности при свѣтѣ дня, въ средѣ живой дѣйствительности. Онъ указываетъ философию путь прогрессирующей науки. Слѣдуя по этому пути, онъ довершаетъ свое дѣло освобожденіемъ мысли и отъ всего трансцендентальнаго и въ результатѣ даетъ теорію *чистой опыта*, т. е. такого опыта, который является *чистымъ* нисколько отъ антропоморфизма, обусловленнаго чувствами, но и отъ антропоморфизма, обусловленнаго мышленіемъ, т. е. отъ антропоморфизма формъ кантовскаго критицизма, словомъ — отъ всякаго содержанія кажимости.

Если краеугольнымъ основаніемъ

слѣдуетъ считать, съ одной стороны, ученіе Дарвина и его послѣдователей о происхожденіи развитія растительныхъ и животныхъ видовъ, а съ другой распространеніе закона сохраненія вещества и его энергіи на физиологію и психофизиологическія изслѣдованія (г. Милославской стр. 285), то изъ приведенной мною сбѣлой характеристики основоначаль критицизма новой научной философіи видно, что философія эта выставляетъ дѣльный рядъ вопросовъ, необходимо предшествующихъ первому прикосновенію къ теоріи развитія, тезису единства силъ или иному такому положенію. Изъ этого видно, до какой степени важно было бы для г. Милославскаго пополнить его очеркъ типовъ современной философской мысли въ Германіи этимъ *ново-критическимъ научно-философскимъ типомъ* и подвергнуть его критической оцѣнкѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что пополненіе пробѣла этого не осталось бы безъ воздѣйствія на самый трудъ г. Милославскаго, и тогда, быть можетъ, и не явилось бы повода къ тѣмъ вопросамъ, которые возникаютъ теперь при чтеніи его книги.

Видѣвъ изъ сочиненія г. Милославскаго все то, что посвящено описанію фактовъ, характеризующихъ современное состояніе философіи въ Германіи и не останавливаясь надъ критикою современныхъ метафизическихъ системъ, неизбежно падающихъ выстѣ съ паденіемъ метафизики вообще, мы подходимъ къ той части труда почтеннаго автора, въ которой онъ даетъ намъ «объясненіе» фактовъ, представленныхъ въ его очеркѣ. Отъ объясненія этого мы, само собою разумѣется, ждемъ отвѣта на вопросы: почему погибла метафизика? въ чемъ ея коренная ошибка? почему восторжествовала вступившая въ союзъ съ наукой философія? въ чемъ ея достоинство? И такъ какъ «объясненіе» отвѣчаетъ «основному замыслу» книги г. Милославскаго, то мы и должны отнестись къ нему съ особеннымъ вниманіемъ.

Начнемъ съ постановки вопроса.

«Если мы сравнимъ успѣхи ученыхъ и *философовъ* на пути познанія, говорить г. Милославскій:—мы увидимъ поразительно странную разницу: *философы*, считая сущности вещей познаваемыми и энергически стремясь познать ихъ, до сихъ поръ не пришли ни къ какому положительному результату; а ученые, какъ будто не имѣя въ виду сущностей, изучая одни явленія и даже считая сущности непознаваемыми, проникли въ сущность вещей успѣшнѣе и дальше, чѣмъ философы. Еслибы мы нашли объясненіе этой странной разницы, мы тѣмъ самымъ очевидно объяснили бы, какимъ образомъ *философія* потеряла силу, оказалась бесполезной, и за что ученые отнимаютъ у нея званіе науки и право на существованіе и развитіе» (стр. 250).

Постановка вопроса, какъ ее сформулировалъ г. Милославскій, не можетъ не служить поводомъ къ нѣкоторому недоумѣнію. Я не говорю пока о «сущности вещей», появленіе которой, конечно, представляетъ для читателя большую неожиданность—о сущности вещей рѣчь будетъ впереди—теперь мы остановимся только

на появленіи «философій» какъ разъ тамъ, гдѣ мы могли ожидать «метафизики», зная отъ самого г. Милославскаго, что не философія, а метафизика находится теперь въ Германіи въ пренебреженіи и упадкѣ, что не философія, а именно метафизика потеряла силу и оказалась безполевною, что не философія, а опять-таки метафизика утратила въ глазахъ ученыхъ значеніе науки и право на существованіе и развитіе; философія же, развиваемая такими учеными, какъ Гельмгольцъ, Вирховъ, Гэмбелъ, Дюбуа-Реймонъ, Дюрингъ, Ланге, живетъ и пользуется почетомъ лучшей части общества...

Такая постановка придана вопросу г. Милославскимъ потому, что съ его точки зрѣнія философія и метафизика принципиально тождественны (стр. 21). Едва ли, однако, соображеніе это давало г. Милославскому право на безразличное употребленіе терминовъ, которые во всѣхъ частяхъ сочиненія, относящихся къ изложенію фактовъ, выставлены соответствующими различными и даже противоположными понятіямъ. При томъ же самъ г. Милославскій утверждаетъ даже и по отношенію къ терминамъ въ тѣсномъ смыслѣ, что для философій названія «метафизики», «философій» имѣютъ такое же значеніе, какъ въ исторіи специальныхъ наукъ, напримѣръ, названія «алхиміи», «химіи», или «астрологіи», «астрономіи» (стр. 242). Нельзя не пожалѣть поэтому, что не только въ формулированіи вопроса, но и въ самомъ его изслѣдованіи, термины перемѣшаны весьма произвольно. Изложеніе потеряло чрезъ это значительную часть своей опредѣленности, а мѣстами производитъ какое-то странное впечатлѣніе, напр. на стр. 20, 21 и другихъ.

Неопредѣленность изложенія не ограничивается, впрочемъ, у г. Милославскаго произвольностью употребленія терминовъ, но идетъ и нѣсколько далѣе. Мы только-что упомянули объ отождествленіи имъ понятій метафизики и философій, но нельзя пройти молчаніемъ того, что отождествленіе это не всегда выдержано и не доведено до конца. Въ самомъ дѣлѣ, схоластическая метафизика, несмотря на тождество своихъ цѣлей съ цѣлями всякой метафизики, оказывается, однакожь, выдѣленною, въ силу ложнаго ея метода, допускающаго смѣшеніе понятій съ вещами, а новая метафизика, гармонирующая съ «истинною метафизикою» г. Милославскаго, методико по отношенію къ цѣлямъ, но и методу, опять-таки не понадеетъ въ идеальное тождество, потому что не слѣдуетъ закону относительности. Остается неизвѣстнымъ, въ концѣ-концовъ, опредѣляется ли метафизика характеромъ ея вопросовъ, методомъ, или только постановкою вопросовъ. Вслѣдствіе этой неясности, паденіе и торжество метафизики являются недостаточно разграниченными. При самомъ внимательномъ чтеніи даже является впечатлѣніе, какъ будто то, что только-что торжествовало, вдругъ представляется низвергающимся и получается какая-то смутность конечнаго результата.

Посмотримъ теперь, какъ все это излагается самимъ г. Милославскимъ.

«Представители современной мысли, говоритъ онъ:—выражая явное и ожесточенное презрѣніе къ метафизикѣ въ смыслѣ схоластической науки, совершенно ошибочно переносятъ это презрѣніе и на философское (?) умозрѣніе вообще. Между тѣмъ, какъ сами же и въ то же самое время, положительно или отрицательно, но въ большинствѣ случаевъ, путемъ умозрѣнія, рѣшаютъ тѣ же самые вопросы, которые обыкновенно и съ незапамятныхъ временъ характеризуютъ схоластическую метафизику и даже прямо въ томъ же самомъ видѣ входятъ въ ея содержаніе. Вѣроятно, всякому изъ научно-образованныхъ людей извѣстно, что умозрѣніе въ самомъ дѣлѣ составляетъ духъ и идеаль всякой эмпирической науки и что «въ наукѣ бываютъ абстракціи, ничѣмъ неуступающія любой метафизической химерѣ» (Льюисъ). Трудно понять, отчего на этотъ простой фактъ большинство ученыхъ и умныхъ людей закрываютъ глаза и отчего, философовъ сами, они безусловно возстаютъ противъ философіи другихъ (?); не замѣчаютъ, что все ожесточеніе, какое поклонники естествознанія и позитивизма наперерывъ показываютъ противъ философіи (?), и упреки, какими они осыпаютъ метафизику¹, въ существѣ дѣла падаютъ уже на историческое прошлое, на тѣни предковъ, а для настоящаго времени весь смыслъ борьбы позитивной философіи съ метафизикой, всё усиліе сжить ее съ лица земли ограничиваются одними словами...» «Теперь метафизика Аристотеля и тѣмъ болѣе Вольфа почти забыта, но вся философія безразлично обобщается, отрицается и осмѣивается подъ ея именемъ» (стр. 20—21). «Основаніе для обобщенія метафизики и философіи, говоритъ далѣе г. Милославскій:—конечно есть, потому что какъ бы новыя философскія системы ни отличались отъ старой метафизики и другъ отъ друга, не только по своему содержанію и результатамъ, а даже и по методамъ, всё онѣ преслѣдуютъ однѣ и тѣ же задачи, ставятъ одни и тѣ же вопросы, какъ и Аристотель, и схоластики, и всѣ философы до нихъ и послѣ нихъ, т. е. относительно первыхъ началъ знанія и бытія, сущностей всѣхъ вещей, конечныхъ причинъ и цѣлей, или, говоря примѣнительно къ старому порядку, рѣшаютъ проблемы онтологіи, космологіи, пневматологіи и теологіи. Однако, къ рѣшенію этихъ же проблемъ, прямо или косвенно, стремится и такъ называемая положительная философія и все естествознаніе, только съ тою разницею отъ прежней метафизики, что теперь мыслители уже не смѣшиваютъ, хотя и не всегда, понятій съ дѣйствительными вещами, потому что не дѣлаютъ отвлеченій, независимыхъ отъ вещей, отъ опыта и наблюденія, короче сказать, практикуютъ мета-

¹ Сопоставленіе въ настоящемъ случаѣ метафизики и философіи крайне затрудняетъ уясненіе значенія, которое терминъ эти имѣютъ для г. Милославскаго.

физику въ духѣ самого Аристотеля. Въ добавокъ, не употребляются старыя философскіе терминны, изгнанъ туманный языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда современные ученые въ своихъ теоріяхъ и гипотезахъ посягаютъ открыть, послѣ физическихъ изслѣдованій, простѣйшіе и наиболѣе общіе законы природы, или, говоря по старому, начало всего сущаго, они воспроизводятъ не что иное, какъ метафизическую онтологію; попытки геологовъ и біологовъ объяснить начала міра и жизни очевиднѣйшимъ образомъ воскрешаютъ метафизическую космологію; гипотезы, касающіяся первыхъ зародышей и элементовъ умственной жизни и развитія человѣчества, явнымъ образомъ ставуются на мѣсто метафизической психологіи. Послѣдняя часть старой метафизики—умозрительная теологія уже не находитъ прямаго соотвѣтствія въ современныхъ умозрѣніяхъ, хотя постоянно и очевидно сказывается безуспѣшное стремленіе замѣнить ее догматами то матеріализма, то деизма, то пантеизма, то панпсихизма (Тиндаль, Дарвинъ, Геккель, Цѣльнеръ).

«Какъ всегда, такъ и теперь, повторяетъ еще разъ г. Милославскій:—всѣ философы стараются отыскать корни бытія, основныя законы природы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить происхожденіе міра и человѣка и взаимную связь вещей и явленій» (стр. 24). Задачу эту рѣшали философы безуспѣшно, теперь за нее взялись ученые съ гораздо болѣе большимъ успѣхомъ, но не надо забывать при этомъ, что тѣ и другіе, рѣшая задачу эту, ставуются метафизиками. «Метафизической философій въ ея истинномъ смыслѣ, замѣчаетъ при этомъ г. Милославскій:—наравнѣ съ научными изслѣдованіями и обобщеніями, требуетъ самый складъ и порядокъ изучаемой природы и изучающаго человѣка» (стр. 25).

«Въ историческихъ условіяхъ человѣческаго развитія, помнятезъ затѣмъ авторъ:—наука и философія сначала, въ древнѣйшія времена, составляли одно знаніе, и потомъ люди стали воображать, будто истиннаго познанія можно достигнуть *только* путемъ чистой мысли, или *только* путемъ опыта и наблюденія. Первый путь, путь чистой мысли сдѣлался далѣе господствующимъ въ философій, второй — въ наукѣ. Наука и философія развились по различнымъ путямъ; и въ исторіи развитія вообще и каждой науки въ частности стало обнаруживаться «великое» различіе между «метафизическимъ» и положительнымъ методомъ и состояніемъ знанія. Коренная ошибка метафизиковъ, очевидно, не въ томъ, что они даютъ просторъ умозрѣнію, что ихъ методъ существенно различенъ отъ научнаго и даже противоположенъ ему. Никакого существеннаго различія, а тѣмъ болѣе радикальной противоположности нѣтъ. Ученые, столько же, сколько и философы, не могутъ обходиться безъ самыхъ высокихъ отвлеченій, не только далекихъ отъ опытныхъ данныхъ, а даже вымышленныхъ, фиктивныхъ. Въ научномъ методѣ индуктивное опытное изслѣдованіе неразрывно, органически соединяется съ из-

слѣдованіемъ дедуктивнымъ, умозрительнымъ, теоретическимъ, а затѣмъ результаты индуктивно-дедуктивнаго изслѣдованія неизбѣжно органически развиваются въ научныя гипотезы, нерѣдко недоступныя для опытной повѣрки. И едва ли кто, разсудивъ какъ слѣдуетъ, рѣшится заператься въ томъ, что научныя теорія и гипотезы, несмотря на все различіе между научнымъ и «метафизическимъ» методомъ, имѣютъ чисто метафизическій характеръ, значеніе, а нерѣдко и участь. Какъ извѣстно и какъ истинно философски показываетъ Кантъ, «метафизическій фазисъ» развитія обнимаетъ не одну философію; въ томъ же фазисѣ были прежде, отчасти остаются и теперь, и положительныя науки. Неправильнымъ, не научнымъ, «метафизическимъ» методомъ дружно пользовались въ былыя времена и философы, и ученые, и еще не такъ легко рѣшится, по одному влеченію сердца, кто кого вводилъ въ заблужденіе, «метафизики» ученыхъ, или ученые «метафизиковъ». Вѣрнѣе рѣшится, что вина была общая» (стр. 224).

«Положительная философія, говоритъ еще г. Милославскій:— весьма ошибается, отрицая возможность изслѣдованія причинъ и сущностей». Въ этомъ изслѣдованіи почтенный авторъ и видитъ именно самую сжатую формулу конечной цѣли познанія. Этой конечной цѣли, слѣдовательно, добывается не одна только метафизика-философія, но и наука, «требую развитія теорій и построенія гипотезъ, прямо касающихся причинъ и сущностей» (стр. 26). «Стремленіе къ наибольшему и наивысшему познанію или, говоря прамѣе, къ познанію сущностей вещей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:— обуславливало и обуславливаетъ движеніе и развитіе не одной философіи, а и каждой науки. Это и естественно, и понятно, если мы вспомнимъ, что прогрессъ каждой науки состоитъ въ переходѣ отъ эмпирическихъ законовъ и обобщеній къ законамъ и обобщеніямъ абстрактнымъ. Въ той мысли, что наука такъ же, какъ и философія, стремится къ познанію сущностей, и что спеціальныя научныя задачи выражаютъ это стремленіе, нѣтъ ничего ни парадоксальнаго, ни предосудительнаго, ни непонятнаго. По крайней мѣрѣ, никто не считаетъ парадоксальными, предосудительными или непонятными научныя успѣхи въ удовлетвореніи этого стремленія. Каждое новое обобщеніе въ наукѣ, а особенно каждая научная теорія, гипотеза есть естественный и желательный шагъ отъ вещей и явленій къ ихъ сущности. Развѣ не сущности вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣнн и его законахъ? Только знаніе сущности планетныхъ отношеній дало Леверье возможность заочно, только путемъ математическаго вычисленія, открыть существованіе до тѣхъ поръ неизвѣстной и невиданной планеты (Нептунъ). Конечно, мы не знаемъ, что такое, въ свою очередь, составляетъ сущность тяжести и тяготѣнія, тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ понятіямъ, міръ становится понятнѣе даже для полубразованнаго человѣка, который знакомится съ научными сущностями изъ популярныхъ книжекъ. Раз-

ложивши калы на его элементы, Дэви несомненно открылъ сущность не только этого соединенія, но и всѣхъ щелочей и т. д.» (стр. 247—248). «Существованіе высшихъ единобразій, законовъ, первичныхъ элементовъ міроустройства и міропорядка, «сущностей», служило и служить общимъ корнемъ, общимъ центромъ науки и философіи, всего человѣческаго развитія» (стр. 254).

Въ заключеніе, намъ предстоитъ ознакомиться съ тѣми соображеніями г. Милославскаго, въ силу которыхъ онъ все же таки устанавливаетъ различіе между метафизикою, какою она является у современныхъ философовъ, и научною философіею будущаго или также научно-метафизическою философіею.

«Метафизика и наука, говоритъ онъ:—не переставали до сихъ поръ отождествлять понятіе о сущности вещей съ самою сущностью; вслѣдствіе этого, понятіе о сущности теряетъ свою относительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая сущность вещей становится для познанія началомъ безотносительнымъ, безусловнымъ» (ст. 273). «Стремилась ли философія открыть сущность вещей, сущность ли познанія, они принимали сущность эту безотносительною, безусловною, абсолютною. Философское исканіе такой сущности въ исторіи человѣческаго развитія можно поставить въ *pendant* съ исканіемъ философскаго камня, жизненнаго элексира у алхимиковъ, или *perpetuum mobile* у механиковъ. Какъ прежде, подъ видомъ теоріи бытія или онтологіи, такъ въ новое время подъ видомъ теоріи познанія или гносеологіи, метафизики усиливались постыгнуть, схватить ту суть вещей, которая и по Канту, и по наукѣ существуетъ, но не можетъ существовать безотносительно, какъ абсолютное начало всѣхъ началъ. Каждый изъ великихъ и малыхъ философовъ игнорировалъ тотъ простой фактъ, что онъ, отъ минуты рожденія до гробовой доски, поставленъ среди живыхъ отношеній между собою и вѣннимъ міромъ, что весь человѣкъ, со всѣмъ своимъ познаніемъ и всѣми своими дѣйствіями, есть явленіе, а не сущность. Вещь саму въ себѣ онъ искалъ или только въ самомъ себѣ, или только внѣ себя, и каждый разъ *esse ex se* такъ и остается *secula ex secula*, а философъ *secula ex secula* и безотносительнаго познанія о ней не выводитъ. Мы видимъ, что, несмотря ни на какіе философскіе всеобъединяющіе абсолюты, у философовъ и до сихъ поръ между мыслью и міромъ, между субъектомъ и объектомъ зиждетъ непроходимая бездна: при безотносительной вещи въ себѣ выходитъ, что все существующее или только духъ, или одна матерія. Смѣная одна другою, идеалистическія и реалистическія системы, наконецъ, потеряли всякую подвижность впередъ, вращаются вокругъ однихъ и тѣхъ же понятій, то мѣшались другъ съ другомъ, то стоятъ другъ противъ друга съ враждебною критикою». Въ этомъ хаосѣ, говоритъ далѣе г. Милославскій:—лучшіе умы въ Германіи сочли необходимымъ обратиться къ Канту; движеніе это — ново-кантіанство—оказалось, однако же, бесплоднымъ и поиски филосо-

фовъ за философскимъ кладомъ—вещью въ себѣ оказываются и до сихъ поръ тщетными. Но между тѣмъ, пока они искали и ищутъ, стало обнаруживаться, что кладъ этотъ уже дается ученымъ (стр. 273 — 275). Правильная постановка вопросовъ, заключающаяся главнымъ образомъ въ согласованіи ихъ съ требованіями закона относительности — вотъ путь, по которому, по мнѣнію г. Милославскаго, ученые пришли къ открытію великаго философскаго клада. Какъ скоро опредѣлены элементы явленій познанія, ихъ взаимныя отношенія и законы ихъ связи, тогда, утверждаетъ авторъ: — при надлежащемъ употребленіи научнаго метода, можно получить достаточныя средства къ познанию такихъ предметовъ, которые могутъ быть отъ насъ дальше, чѣмъ химическіе элементы солнца и планеты отъ рабочаго стола ученаго, производящаго спектральный анализъ. Къ такимъ предметамъ, входящимъ, по мнѣнію г. Милославскаго, въ содержаніе философскихъ проблемъ, онъ причисляетъ: вопросы о происхожденіи и развитіи міра, о времени и пространствѣ въ связи съ идеями бесконечно великаго и бесконечно малаго, объ атомахъ, о жизни, о духѣ, о свободѣ, о добрѣ и злѣ, о первой причинѣ всего существующаго и т. д. Онъ полагаетъ, что мы о всѣхъ этихъ и подобныхъ предметахъ безотносительнаго познанія имѣть не можемъ; но, продолжая работу изученія явленій познанія, изучая историческія и современныя идеи о такихъ предметахъ и все то, съ чѣмъ эти идеи соотносительны, чѣмъ онѣ вызываются, въ какую силу сохраняются и видоизмѣняются, мы можемъ достигать относительнаго *научнаго* познанія о тѣхъ же самыхъ предметахъ. Почтенный авторъ полагаетъ, что наши идеи во всѣхъ этихъ случаяхъ могутъ быть научными, а не «метафизическими». «Пусть это будутъ идеи о «сущностяхъ», говоритъ онъ:—онѣ остаются высокими и самыми дѣльными явленіями человѣческаго познанія, наиболѣе сообразными съ его законами» (стр. 324). Онъ убѣжденъ даже, что при такихъ условіяхъ, съ достаточными умственными силами и чистотою сердца въ придачу—философъ имѣетъ предъ собою открытый путь къ познанію и такихъ сущностей, понятіе о которыхъ было образовано не самимъ философомъ и которое онъ принимаетъ готовыми отъ людей, не только чуждыхъ научному методу, но—если я не ошибаюсь—и враждебныхъ ему. Какъ именно совершатся овладѣніе этимъ возжеланнымъ послѣднимъ пунктомъ открывающагося передъ философомъ пути остается неизвѣстнымъ, но въ немъ очевидно нельзя не видѣть убѣнчанія аданія той *научной философіи*, представителемъ которой является почтенный авторъ разсматриваемой теперь книги.

Единство цѣлей метафизики, философіи и науки, единство ихъ метода и различіе въ постановкѣ вопросовъ—вотъ тѣ три пункта, къ которымъ сводится разсужденіе г. Милославскаго; на нихъ намъ и приходится теперь сосредоточить все наше вниманіе.

Г. Милославский—какъ мы только что видѣли—находить возможнымъ сперва опредѣлить, въ чемъ заключается цѣль всякаго познанія, и затѣмъ уже изслѣдовать вопросъ о методѣ. Опредѣляя такимъ образомъ цѣль познанія совершенно независимо отъ вопроса о путяхъ къ этой цѣли, онъ не затрудняется однако же обозначить предполагаемый конечный пунктъ этого пути—познаніе *сущности вещей*. *Предвосхищенный результатъ* становится у него вслѣдствіе этого *основаніемъ, ведущимъ рѣшенія, задательное* получаетъ *руководящее* значеніе, вся аргументація строится на почвѣ болѣе чѣмъ выской. Въ этомъ извращеніи истиннаго порядка и связи основоположеній мы и видимъ коренную ошибку, губящую все его разсужденіе. Только благодаря ей, возможно было свести къ единству розысканіе сущности вещей съ научнымъ установленіемъ законовъ, т. е. смѣшать поиски за какими-то загадочными объектами съ установленіемъ понятій, вводящихъ въ нестройный міръ представленій порядокъ и стройность. Допущеніе такой ошибки обнаруживаетъ слѣпоту къ одному изъ такихъ рѣзкихъ контрастовъ, который не можетъ не броситься въ глаза даже и людямъ, гораздо менѣе проникательнымъ, чѣмъ г. Милославский.

Чтобы разобратъ въ замѣшательствѣ, произведенномъ г. Милославскимъ, мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о цѣляхъ метафизики, философіи, науки, всякаго познанія вообще, и обратимъ вниманіе на тотъ моментъ его, когда *принудительность* непосредственнаго воспріятія океанчивается, *представленія*—насколько было возможно, или насколько было нужно—накоплены, и начинается *посредственная* работа отвлеченія или образованія *понятій*. Этотъ моментъ есть въ одно и тоже время и *исходный моментъ* отвлеченнаго мышленія вообще, и тотъ, въ который появляется на сцену *методъ*. Каковъ онъ будетъ, этотъ методъ—таково будетъ и мышленіе: если *понятія* будутъ различаться отъ *представленій* и, слѣдовательно, каждое изъ нихъ будетъ непосредственно относимо къ объекту (будетъ объективироваться)—методъ будетъ метафизической, если же различіе это не будетъ упущено и будетъ установлена законосообразная связь понятій и представленій, а понятія будутъ строго и точно относимы къ объектамъ не иначе, какъ чрезъ посредство представленій, методъ будетъ научный и мышленіе также научное. При этомъ цѣли и задачи того и другого выяснятся сами собою: метафизическое мышленіе будетъ преслѣдовать мнимые объекты понятій—сущность, субстанціи, абсолютъ и т. п. научное—всего прежде остановится съ достодолжнымъ вниманіемъ на опытѣ и наблюденіи, какъ на источникѣ, изъ котораго черпаются представленія, затѣмъ изъ представленій этихъ оно выработаетъ понятія, постепенно возводя ихъ все къ болѣе и болѣе отвлеченности. Понятія эти охватятъ или группы предметовъ, или группы событій и въ этомъ смыслѣ будутъ или *родовыми понятіями*, или *естественными законами*. Въ той и другой изъ

этихъ областей возможно, наконецъ, образованіе таякихъ понятій, которыя или по недостаточности собранныхъ для нихъ представленій, по крайней сложности этихъ послѣднихъ, или по инымъ мотивамъ, могутъ имѣть только значеніе вѣроятности, это *импоземы*, имѣющія въ наукѣ лишь вспомогательное значеніе. Слѣдующее образованіе гипотезъ съ поисками за сущностью вещей значитъ слѣдующее задачи совершенно разнородныя и совсѣмъ несомнѣвимыя.

Возьмемъ для примѣра какое-нибудь явленіе, положимъ, горѣніе, и посмотримъ, какъ относится къ нему метафизика и какъ наука? Первая добываетъ представленія не методически, считаетъ однимъ изъ нихъ—безсознательно образовавшееся понятіе и устремляется за открытіемъ объекта этого понятія, въ данномъ случаѣ—флогистона; и, считая его сущностью горѣнія, можетъ по аналогіи заняться раскрытіемъ сущности и самаго флогистона. Наука, методически собравъ свои представленія, доведя ихъ посредствомъ различныхъ способовъ и пріемовъ до возможной полноты и разнообразія, вырабатываетъ изъ нихъ, во-первыхъ, *закономъ* соединенія тѣлъ съ кислородомъ и во-вторыхъ, *появленіе* разныхъ *родовъ* этого соединенія (окисъ, кислота, перекись и проч., углерода, сѣры, марганца и проч.), несколько не задаваясь при этомъ отысканіемъ еще и какой-то сущности, вопросъ о которой исключается самымъ ходомъ научнаго мышленія и не можетъ имѣть съ научной точки зрѣнія никакого смысла.

Поставивъ рядомъ съ розысканіемъ *сущностей* и розысканіе *причинъ*, г. Милославскій обнаружилъ и на эти послѣднія такой взглядъ, который новая научная философія не считаетъ научнымъ и который въ настоящее время сдѣлалъ уже въ архивы исторіи философіи. Видѣть въ розысканіи причинъ нѣчто однородное розысканію сущностей значитъ продолжать еще видѣть въ «причинности» какую-то составную часть объекта, рассматриваемаго какъ причина, какую-то его «сущность», которая считается способностью производить дѣйствіе. Этотъ антропоморфическій взглядъ на причинность слишкомъ старъ, чтобы на немъ долго останавливаться, а знакомство публики нашей съ воззрѣніями Ст. Милля, прекрасно разработавшаго его въ своемъ «Курсѣ логики», предполагаетъ правильнѣйшій взглядъ на него общезвѣстнымъ. Отсутствие его у г. Милославскаго, предпочтеннаго ему иной—прямо противоположный, обусловлено имѣющимся у него разсужденіемъ о «сущности вещей», неизбежно влекущей за собою и другія метафизическія «переживанія», понадобившіяся автору ради конечной цѣли всего его труда.

Самъ г. Милославскій не могъ не замѣтить, что поиски сущностей составляютъ нѣчто отличное отъ научнаго знанія и представляютъ собою цѣль мыслей, оборвать которую можно развѣ только произвольно, гдѣ вздумается. Такъ, если сущность эта есть флогистонъ, то сущность флогистона можетъ быть ка-

кой-нибудь *x*, сущностью нека—*y*, а затѣмъ можно искать и сущность игрека. Точно тоже можетъ повториться и съ причинами, если ихъ разсматриваютъ какъ сущности. Такого рода розысканіе можетъ получить значеніе и смыслъ только тогда, когда понятіе причины будетъ очищено отъ затемняющей ее метафизичности и принимаемо только какъ понятіе соотносительное съ другимъ, разсматриваемымъ какъ понятіе дѣйствія, могущимъ въ силу той же соотносительности перейти въ понятіе причины. При такомъ взглядѣ розыскиваніе причины оканчивается тамъ, гдѣ прекращается возможность образованія представленій, гдѣ лежитъ граница возможнаго опыта и начинается трансцендентное, т. е. вольная воля фантазіи. Возьмемъ, наприимѣръ, психическія явленія, и, разсматривая ихъ какъ дѣйствіе, начнемъ искать ихъ причину; найдя ее въ явленіяхъ физиологическихъ, станемъ въ свою очередь разсматривать ихъ какъ дѣйствіе, и причину перенесемъ въ явленія физики и химіи, причину же этихъ послѣднихъ, наконецъ, въ область механики. Здѣсь отнесеніе явленія къ его причинамъ должно для насъ прекратиться, такъ какъ явленія механики не могутъ быть отнесены ни къ какой реальной причинѣ, т. е. не могутъ быть *поняты*, а только *познаны*. Это различеніе *пониманія* отъ *познанія*, играющее столь важную роль въ научной философіи и проливающее такой яркій свѣтъ на главнѣйшіе вопросы теоріи познаванія, не ускользнуло и отъ г. Милославскаго; но онъ не остановился на немъ съ достаточнымъ вниманіемъ, не выиелъ въ его истинное значеніе и не вывелъ изъ него всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя въ немъ содержатся, и которыя могли бы спасти его отъ многихъ ошибокъ. Такъ, говоря о тяготѣиин, онъ замѣчаетъ, что хотя оно и составляетъ сущность вещей, но его собственная сущность намъ остается неизвѣстною; «тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ: — благодаря этому понятію, міръ становится *мыслимымъ* даже для *полуобразованнаго* человѣка, который знакомится съ научными сущностями изъ популярныхъ книжекъ» (стр. 248). Это признаніе значенія вопроса о сущностяхъ именно для *пониманія*, да еще и *полуобразованнаго*, человѣка въ высшей степени характерно. А что же для знанія? спросимъ мы. Неужели г. Милославскій не замѣтилъ, что такое же значеніе для *пониманія* міра имѣла для древняго египтянина борьба Осириса и Сета, для аріяца — вражда Индры и Вритры, для иранца — вѣчное соперничество Аурамазды и Анроманіуса и т. д. Неужели онъ полагаетъ, что наприимѣръ, фикціи Донъ-Кихота о непримиримой злобѣ къ нему злыхъ колдуновъ и волшебниковъ могутъ получить значеніе только потому, что для героя Ла-Манчи міръ благодаря имъ, становился понятнѣе? Очевидно, что ни чистосердечное отношеніе къ этимъ фикціямъ, ни упорная послѣдовательность ихъ признанія, ни на волосъ не дѣлали ихъ реальнѣе. То же можно сказать и о современныхъ спиритахъ, по своему отводящихъ думу посредствомъ своего міропониманія. Полуобразованные или со-

всѣмъ необразованные — однимъ пониманіемъ они не завоевываютъ себѣ въ области знанія ни пади.

Еслибы г. Милославскій обратилъ вниманіе на психологическую сторону этого вопроса, онъ не могъ бы не замѣтить, конечно, что *познаніе* есть такое же удовлетвореніе *хотѣнія знать*, (любовознательности) какъ *питаніе*—*хотѣнія есть* (голода), *разсматриваніе*—*хотѣнія видѣть* (любопытство) и т. п. Оцѣнивъ элементъ хотѣнія, воли въ актѣ познанія, онъ легко убѣдился бы, что, играя роль стимула, элементъ этотъ силосъ и рядомъ увлекаетъ къ истинному знанію, которое и является всего чаще въ видѣ оторваннаго отъ знанія пониманія. Поэтому для полубразованнаго т. е. для бѣднаго знаніями человѣка и пріятно такъ *мыслить* то, что его занимаетъ: въ этомъ пониманіи заключается *удовлетвореніе хотѣнія*, которое всегда пріятно; но существуетъ ли для полубразованнаго человѣка разница при пониманіи посредствомъ отнесенія явленій къ *тлѣннѣнью* или къ Ра, Пта, Оширису, Аурамаздъ—объ этомъ, конечно, не стоитъ и говорить. Только въ соединеніи съ знаніемъ получаетъ и пониманіе свое значеніе: но знаніе, какъ извѣстно, пріобрѣтается не иначе, какъ методически т. е. съ трудомъ, удовлетворяетъ *любовознательности* нашу медленно, капля за каплей и иногда вполне, поэтому для натуры *непосредственныхъ* или, по выраженію г. Милославскаго, *чистосердечныхъ*, ничто не можетъ быть такъ *пріятно*, какъ *пониманіе*, которое всегда и предпочитается ими *знанію*.

Возвращаясь къ тому, что было сказано мною о *методѣ*, замѣтимъ теперь, что характеромъ его опредѣляется и выдѣленная г. Милославскимъ *постановка* вопросовъ. Такъ по отношенію къ приведенному выше примѣру, паденіе метафизическаго метода въ химіи влечетъ за собою и паденіе вопроса о флогистонѣ или, иначе говоря, измѣненіе *постановки* вопроса о горѣніи. Предметъ изслѣдованія остается, но методъ изслѣдованія измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и вопросъ. Такой періодъ пережили всѣ науки, которыя совмѣщали фиктивный объектъ, соотвѣтствовавшій ихъ метафизическимъ отвлеченіямъ, съ дѣйствительнымъ предметомъ изслѣдованія. По этой причинѣ исчезновеніе флогистона, началъ кислотности и металличности изъ химіи, жизненной силы изъ биологій, пластической силы и образовательнаго напряженія (*nisus formativus*) изъ палеонтологій не унесло за собою самихъ наукъ, но ничто не могло спасти магіи, каббалы, хиромантіи, представленія которыхъ были сняты съ объектовъ, изслѣдуемыхъ другими науками, такъ что по развитіи ихъ основныхъ понятій не осталось ничего. Изъ этого видно, что существованіе метафизическаго періода въ наукахъ свидѣтельствуется не *за* положеніе г. Милославскаго, а *противъ* него, такъ какъ оно ясно указываетъ на рѣшающую роль метода. Если предметъ философіи есть міръ какъ цѣлое, то изслѣдованіе его метафизическимъ методомъ и постановки вопроса о сущности вещей и т. п. могутъ и кануть въ вѣчность, но такъ какъ пред-

метъ остается и можетъ подвергнуться научному изслѣдованію, то остается и философія, хотя метафизика исчезаетъ.

Если г. Милославскій и вполнѣ правъ, утверждая, что борьба позитивистовъ противъ метафизики ограничивается одними словами, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы метафизика имѣла хоть какіе-нибудь шансы къ спасенію. Прошло уже то время, когда противъ метафизики стояли позитивисты одни одишешеньки, и метафизика по отношенію къ нимъ разыгрывала роль своего рода Плевны. Конечно, позитивисты могутъ воображать, что осаду ведутъ именно они, и со стороны—какъ напригѣръ и г. Милославскому—можетъ иногда показаться, что неудача ихъ—торжество метафизики. Но не слѣдуетъ забывать, что позитивное отрицаніе метафизики имѣло *догматическій* характеръ. О. Контъ не подвергалъ критикѣ понятіе вещи въ себѣ, а просто декретировалъ невозможность этого познанія¹. Отчего-же невозможно? спрашивали метафизики. Если «вещь въ себѣ» реальна, то быть можетъ и удастся достигнуть ея познанія, не станемъ падать духомъ, будемъ пытаться овладѣть ею такъ или иначе. Позитивисты могли отвѣчать на это однимъ только «*non possumus*» и, слѣдовательно, принципиально торжествовали метафизики: изслѣдованія «вещи въ себѣ» имѣли основаніе быть продолжаемы. Совсѣмъ иначе ставится вопросъ, когда понятіе это оказывается лишеннымъ содержанія и когда поиски за «кладомъ» метафизики теряютъ смыслъ.

Смѣшавъ методы и дѣли метафизики, науки и философіи, г. Милославскій могъ утверждать, конечно, что ученые, принимаясь за философскіе вопросы, неизбежно становятся метафизиками, но теперь намъ стало уже ясно—какъ мы надѣемся—что метафизическій періодъ въ философіи, какъ и во всякой наукѣ, есть періодъ переходящій, временно извращающій дѣли и задачи науки и всегда рано или поздно уступающій мѣсто періоду научному. Итакъ метафизика не въ будущемъ науки, а въ прошедшемъ, не впереди, а сзади. Она не придетъ, подобно нѣкоему мессіи, спасти человѣческое знаніе, а, напротивъ, какъ дѣтство этого знанія, пережита безповоротно, мечты и грезы ея сланы въ архивъ и могутъ служить изученіемъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Ставъ методъ метафизическій и методъ научный въ ошибочное соотношеніе, г. Милославскій неизбежно приходитъ къ невѣрному опредѣленію роли *наблюденія* и *опыта* съ одной стороны и *умозрѣнія*—съ другой. Указывая на то, что наблюденіе и опытъ необходимо приводятъ къ умозрѣнію, а умозрѣніе необходимо предполагаетъ наблюденіе и опытъ, г. Милославскій видитъ въ нихъ общую почву науки и метафизики, а потому и отрицаетъ существованіе противоположности между ними. Г. Милославскій введенъ былъ здѣсь въ заблужденіе неопредѣленностью

¹ A. Comte. Cours de philos. positive. T. I. p. 17.

термина «умозрѣніе». Еслибы онъ занялся выясненіемъ его, то раскрылось бы, конечно, что умозрѣніе есть не что иное, какъ *образованіе понятій или отвлеченное мышленіе*, о которомъ мы говорили выше, и что, слѣдовательно, умозрѣнія также различны между собою, какъ различны методы: одно умозрѣніе держится своими корнями — *представленіями въ мірѣ дѣйствительномъ* и имѣетъ дѣло только съ такими *отвлеченіями или понятіями*, переходъ отъ которыхъ къ *конкретнымъ представленіямъ* всегда возможенъ; другое — исходитъ изъ понятій, принимаемыхъ въ смыслѣ представлений, т. е. какъ бы непосредственно соответствующихъ реальнымъ объектамъ и затѣмъ подѣ эти понятія *подняетъ* явленія дѣйствительности. И если справедлива мысль, прекрасно развитая Зибекомъ въ статьѣ объ отношеніи метафизическихъ системъ къ опыту ¹, что основная идея всякой метафизической системы не чужда опыту, то это доказываетъ только невозможность абсолютнаго творчества мысли, но не противорѣчитъ тому принципиальному положенію, что въ метафизикѣ *сознательно и преднамѣренно* отвлеченная идея полагается въ основаніе умозрѣнія и что затѣмъ подѣ нее подводятся всѣ дѣйствительныя явленія, не исключая и тѣхъ, представленія которыхъ *бессознательно* участвовали въ ея образованіи. Всякій послѣдовательный метафизикъ не только никогда и не поумаетъ маскировать это основное положеніе метафизики, но всегда потщится выставить его во всей его опредѣленности. Вотъ хоть бы тотъ самый Гармъ, на котораго какъ-то ссылается г. Милославскій, прямо говорить, что поскольку умозрительная философія или метафизика поступаетъ методически, полагаетъ она въ основаніе мышленія метафизическое начало, т. е. *чисто-общее* положеніе, принимаемое притомъ-же не какъ формальное, но какъ реальное ². Исторія философіи насчитываетъ великое множество реализированныхъ отвлеченій, начиная съ идей Платона и оканчивая бессознательнымъ Гартмана, а философская критика указываетъ тотъ путь, которымъ до нихъ приходила и приходитъ мысль — путь отвлеченія, или что тоже, отрицанія конкретно-индивидуальныхъ признаковъ. Неизмѣняемость, вѣчность, абсолютъ, субстанція, сущность и т. п. понятія лежатъ крайними пунктами этого пути, и всякому, знакомому съ ихъ генезисомъ, ясно, что они не имѣютъ и не могутъ имѣть ровно никакого значенія при изученіи тѣхъ явленій, которыя лежатъ внѣ области теоріи познаванія; да и въ этой послѣдней они играютъ роль не объясняющихъ принциповъ, а только подлежащихъ объясненію фактовъ познанія.

Все сказанное приводитъ насъ къ тому заключенію, что при-

¹ H. Siebeck. Die metaphysische Systeme in ihrem gemeinsamen Verhältnisse zur Erfahrung. (Vierteljahrsschrift, für wissenschaftliche Philosophie, 1878, I und II Heft).

² Harms. Die Philosophie in ihre Geschichte. I. S. 80.

натіе исходною точкою мышленія безсознательно образованныхъ, объективированныхъ понятій и придаетъ мышленію *метафизическій* характеръ, возможный только по отношенію къ философіи, но также и всякой другой науки. Мы можемъ сказать поэтому, что метафизики, *какъ таковая*, существовать не можетъ, а подъ ея именемъ слѣдуетъ только разумѣть известный фазисъ развитія знанія вообще. Не принимающіе во вниманіе этого основного взгляда на метафизику тщетно ищутъ ея опредѣленія и смѣшиваютъ то съ философіей, то съ теоріей познания, и представляютъ цѣлый хаосъ противорѣчій, въ которомъ нѣтъ никакой возможности разобраться. Только тогда, когда мы поставимъ опредѣленіе метафизики въ прямую зависимость отъ известнаго рода метода, получимъ мы возможность перестать смѣшивать ее съ философіей и наукой, которыя только переживаютъ метафизическій періодъ, но ни въ какомъ случаѣ сами не могутъ превращаться въ метафизику.

Остается затѣмъ взглянуть на соотношеніе, существующее между ними самими.

Мы уже сказали, что методъ выступаетъ на сцену тогда, когда заканчивается накопленіе представленій и начинается образованіе понятій. Такой методъ, при руководствѣ которымъ образовываемыя понятія имѣютъ исходною точкою своею представленія, не разрываютъ съ ними связь и, благодаря этому, при всей отвлеченности своей, не лишаются реальной содержательности и обладаютъ достовѣрностью и точностью, есть методъ *научный*. Не измѣняя ему, можно подыматься до весьма высокихъ отвлеченій, не опасаясь оторваться отъ почвы дѣйствительности и унести въ область умозрительнаго творчества. Пока возможно сохранить связь съ реальною основою и поддерживать неразрывность восходящихъ отвлеченій, до тѣхъ поръ возможно и подниматься вверхъ къ понятіямъ все высшаго и высшаго порядка. Предѣлъ восхожденія, какъ то и видно, не можетъ быть при этомъ произвольнымъ, онъ обозначается двояко: во-первыхъ, исчерпаніемъ представленій даннаго объекта и, во-вторыхъ, невозможностью идти далѣе, не погрѣшая противу основначалъ научнаго метода. Принимая міръ, какъ цѣлое, за такой объектъ, представленіями частей котораго исчерпываются всѣ возможныя для насъ представленія вообще, мы въ понятіяхъ о частяхъ этого цѣлаго получимъ понятія низшихъ степеней отвлеченія, а въ понятіяхъ о цѣломъ — самое отвлеченное и высшее понятіе. Принято частныя понятія считать содержаніемъ *наукъ*, а общее — *философіи*. Различіе между наукою и философіей — какъ видно изъ этого — можетъ быть лишь относительнымъ: и наука, и философія составляютъ одно цѣлое, методически выработанное знаніе, различняемое сообразно съ различными степенями его общности и отвлеченности. Философія съ этой точки зрѣнія можетъ быть наукою въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ другія науки — но болѣе и не иначе.

Въ этомъ смыслѣ и разрабатываетъ философію ново-критическая школа, и еслибы г. Милославскій обратилъ на нее достодолжное вниманіе, то нѣтъ сомнѣній, что онъ, такъ проницательно открывающій объективированіе понятій у цѣлага ряда разсматриваемыхъ имъ философовъ и не остававшихся даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объективированіе это прикрито хитросплетеніями и тонкостями, не положилъ бы въ основаніе своей аргументаціи тезиса, въ которомъ такого рода погрѣшность является безъ всякихъ тонкостей. Считаясь съ критической философіей, ему пришлось бы пройти сквозь цѣлый строй возраженій, которыя необходимо было бы ему или отринуть и, слѣдовательно, оставить свое положеніе болѣе полноувѣнными аргументами, чѣмъ теперь, или принять аподѣ, либо отчасти—и, въ такомъ случаѣ, переработать свой тезисъ. Въ виду того, что было высказано о методѣ Карломъ Гёрингомъ и Авонаріусомъ¹, ему невозможно бы было оставить свое изложеніе о безразличіи метода научнаго и метафизическаго такимъ, каковы мы теперь находимъ въ его книгѣ; статья Виндельбанда² оставила бы его вниманіе на разнообразіи значенія Кантовой «вещи въ себѣ» въ разные эпохи развитія системы этого мыслителя и показало бы, что новѣйшіи критиками изъ всѣхъ четырехъ различныхъ значеній «Ding-an-sich» отдаетъ преимущество не тому, при которомъ признается въ одно и тоже время знаніе о существованіи вещи въ себѣ и ея непознаваемость, не тому, при которомъ вещь въ себѣ разсматривается какъ предѣльное понятіе или пограничная область возможнаго опыта, а тому именно, въ которомъ она считается не-вещью (Unding) и различіе между ею и «явленіемъ» выставляется несостоятельнымъ. Далѣе, небольшой очеркъ Фр. Паульсена о понятіи субстанціи³ показалъ бы ему, что критическая школа научной философіи обладаетъ цѣлымъ арсеналомъ доводовъ противъ того понятія о «сущности», которое въ сочиненіи г. Милославскаго является основнымъ. Изслѣдованіе Файнтинера⁴, наконецъ, поставило бы на видъ необходимость точнаго опредѣленія термина «абсолютный» (абсолютный — отрѣщенный; спрашивается: отрѣщенный отъ чего?), могущаго имѣть и дѣйствительно имѣющаго у разныхъ мысли-

¹ C. Göring. System der kritischen Philosophie. R. Avonarius. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses.

² W. Windelband. Ueber die verschiedenen Phasen der kantischen Lehre vom Ding-an-sich. (Vierteljahrsschrift 1877. II Heft),

³ Fr. Paulsen. Ueber den Begriff der Substantialität (ed. 1877. IV Heft).

⁴ H. Vaihinger. Der Begriff des Absoluten. (ed. 1878, II Heft). Эти же статьи—загнѣтъ, мимоходомъ—показали бы г. Милославскому, что «непознаваемое» Спенсера и другихъ сходныхъ съ нимъ мыслителей предполагаетъ такую точку зрѣнія, которую критическій реализмъ волею уже преодохлѣ. Интересно было бы видѣть поэтому у г. Милославскаго, рядомъ съ заглѣчанными ма «безотносительное непознаваемое», критическую оцѣнку аргументовъ Файнтинера.

телей различными значениями, а потому и производнаго у некоторых — разный пример: Огеносеръ — не жалко бутанку.

Въ заключеніе, можемъ сказать вообще, что знакомство съ критическою школою новой философіи неслучайно бы г. Милославскому, что обогатившая землю его «научной метафизикой» — относительное познание существей — до такой степени пострадало уже отъ геологическихъ началъ, что стремимыя въ нее надо показать всякую надежду найти въ ней истину его сердцу книжкамъ¹. Иллриемъ эта дѣла отлетѣла въ область порожнаго, и всаки, это, недобно ч. Милославскому, думать вернуться ее въ школу вдоль чарамъ отомщения ея съ замѣнами науки, дождемъ помнить, что въ нихъ еще разъ мы встрѣчаемъ съ обобщеніемъ, какъ фактомъ міра мысли, и на вѣки вѣчне разсталися съ обобщеніемъ объективными, уже не въ первый разъ заводящими людей въ темные дебри неаритической мысли.

Г. Милославскій смотритъ на дѣло обстоитъ не такъ: онъ — по сдѣ метафизики, а главное — дѣлать ее — относительную познаю существей пожертвовать цѣльностью своего прекратнаго труда и искать имъ того истинно-просвѣднанаго почтеніа, которое мы сами вправѣ ждать отъ него, съ такимъ талантомъ изображеннаго намъ современное состояніе нѣмецкой философіи и обнаруженнаго столько знаній при содруженіи собой — умъ метафизическою, т. е. заранѣ отгѣтой философскою теоріи.

¹ Самъ г. Милославскій не могъ же почувствовать этого, конечно, когда при-
нужденъ былъ на стр. 248 заговорить о сущности существей и такъимъ обра-
зомъ укажи передъ собою открытую перспективу бесодержательныхъ отне-
ченій, оторванныхъ отъ почвы дѣятельности и уносящихся въ темную
даль безконечности.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Сенатскія пренія о возвращеніи палаты въ Парижъ.—Описаніе лѣваго центра подъ вліяніемъ красныхъ.—Комюни и мнѣнья.—Рѣчи Талле и Визюра Гюго.—Докладъ Лабула.—Засѣданіе 1-го апрѣля и отсрочка рѣшенія вопроса.—Комитетъ Шенелона и клерикальныя петиціи.—Протесты епископовъ.—Министръ исповѣданій и гренобльскій епископъ.—Рѣчь министра народнаго просвѣщенія въ Сорбоннѣ.—Парламентскія ваканціи.—Осужденія радикальныхъ газетъ.—Анкетисты и амьенскія раскопки.—Численныя выборы 6—20-го апрѣля.—Визьянъ, Тодманъ и Ньеръ.

Вопросъ о перенесеніи парламента въ Парижъ, такъ горячо поддержанный палатою депутатовъ въ засѣданіи 22-го марта, встрѣтилъ нежданное противодѣйствіе со стороны сенаторовъ лѣваго центра, на которыхъ успѣли повлечь реакціонеры, пользующіеся великимъ предубѣжденіемъ, чтобы поправить свои неудачи. Рѣшеніе палаты было немедленно передано Гамбеттою въ сенатъ и сообщеніе о немъ было сдѣлано президентомъ сената Мартелемъ, въ засѣданіи 24-го марта; но только на слѣдующій день члену республиканскаго союза, Пейра, удалось добиться отъ сенаторовъ рѣшенія о невозможности преній по этому вопросу. Для разсмотрѣнія заключенія палаты депутатовъ, 27-го была избрана отъ сенатскихъ бюро комиссія изъ 11 членовъ, изъ числа которыхъ только двое высказались за возвращеніе, а остальные (2 правыхъ, 7 членовъ лѣваго центра) протѣяли него. Лѣвый центръ, въ предварительномъ собраніи по этому вопросу, уже рѣшилъ большинствомъ 38 голосовъ изъ 43 присутствовавшихъ—оказать сопротивленіе рѣшенію 315 республиканцевъ палаты, поддержанному министромъ Леперомъ. Дѣйствиельно при этомъ лѣвый центръ подъ вліяніемъ де-Врольи, д'Одиффре-Пакье и другихъ законодателей побужденныхъ партій, быстро соображившихъ, что для нихъ всего удобнѣе временно слушаться, какъ бы не вмешиваясь въ борьбу, предоставлять ея веденіе лѣвому центру, что, по ихъ мнѣнію, всего скорѣе могло привести къ возникновенію несогласій и раздоровъ въ средѣ республиканцевъ. Такимъ образомъ, большинство членовъ комиссіи

явилось въ нее съ предвзатою мыслью противодействовать перенесенію палаты въ Парижъ, хотя нѣкоторые изъ этихъ лицъ сами стояли за подобное перенесеніе, когда при Тьерѣ возникъ объ этомъ вопросъ. Для оправданія своей непослѣдовательности, одни изъ членовъ комиссіи указывали на затруднительность отмѣны, путемъ конгресса, 9 статьи конституціи безъ того, чтобы не возникъ вопросъ о пересмотрѣ и другихъ ея статей, что произвело бы замѣшательства, другіе не скрывали своей зависти къ тому, что Гамбеттѣ удалось поселиться въ Бурбонскомъ дворцѣ и приурочить его залу для будущихъ собраній палаты, между тѣмъ, какъ президентъ сената не знаетъ еще, гдѣ-бы онъ могъ устроить въ Парижѣ свои оффиціальныя приемы, и гдѣ прискаты помѣщеніе для засѣданій сената, такъ какъ бывшій Люксембургскій дворецъ обращенъ въ Hôtel de Ville—и въ немъ помѣщается префектура и происходятъ засѣданія, какъ генеральнаго Сенскаго, такъ и Парижскаго муниципальнаго совѣтовъ. Нѣкоторые обратили вопросъ въ принципиальный. Такъ, напримѣръ, Фердинандъ де-Ластери вставалъ на томъ, что перенесеніе не можетъ быть допущено по тому, что «Парижъ представляетъ собою очагъ революціи». Особенно сильно за оставленіе палаты въ Версалѣ высказался извѣстный авторъ «Парижа въ Америкѣ» Лабулэ, уже не въ первый противодействующій самымъ скромнымъ желаніямъ республиканцевъ. Возражалъ ему Леонъ Сэ, доказывавшій, что такъ какъ всѣ административныя учрежденія расположены въ Парижѣ, то и исполнительная власть должна находиться тамъ-же. Пребываніе же исполнительной власти въ Парижѣ, а законодательной въ Версалѣ приводитъ только къ напрасной потерѣ времени, какъ членами парламента, такъ и администраціей. Опасенія новыхъ революцій въ Парижѣ, по словамъ министра, представляютъ предразсудокъ, который можно вполне разсѣять хорошею организаціей полиціи. Подобно Сэ, и министръ юстиціи, еще при выборѣ члена комиссіи въ одномъ изъ бюро сената, высказывалъ ивѣнія Дюфора о всѣхъ неудобствахъ, связанныхъ съ пребываніемъ парламента въ Версалѣ, и доказывалъ, что безопасности палаты въ Парижѣ ровно ничего не угрожаетъ, утверждалъ, что созваніе конгресса для отмѣны 9 статьи конституціи будетъ произведено съ такими гарантіями, что конгрессъ этотъ не поучать права касаться до остальныхъ ея статей. Нечего и говорить, что сенатскіе парижане, напримѣръ, Толмъзъ, открыто смѣялись надъ страхами и ужасами, которые вселяетъ въ робкія души орлеанистовъ самое имя Парижа, и находили, что если Мартель не могъ до сихъ поръ найти въ немъ удобнаго помѣщенія для сената, то виною этого никакъ не городъ, а то, что Мартель не обладаетъ въ одинаковой степени съ Гамбеттою подвижностью. Викторъ Гюго также при избраніи членовъ въ комиссію не упустилъ случая сказать нѣсколько словъ въ пользу Парижа, этого «города по преимуществу», какъ онъ его называетъ, этого

«царя, бывшего некогда Афинянином, потомъ ставшаго Римомъ, а во время осады проявившаго себя Спартой». Но особенно въ-скимъ аргументомъ, который могъ бы повліять на нерѣшительныхъ, было всѣми повторавшееся мнѣніе, что еслибы палаты не удалось перевести въ Парижъ, то правительство вынуждено будетъ сдѣлать изъ Версаля настоящую столицу Франціи, т. е. превратить его въ резиденцію, какъ законодательной, такъ и исполнительной власти и переведеть туда всѣ центральныя, правительственныя и административныя учрежденія, на что потребуются экстренный кредитъ, но крайней мѣрѣ, въ цоль миллиарда франковъ.

При такихъ условіяхъ учредилась коммиссія. Предсѣдателемъ ея избранъ былъ Ластейри, докладчикомъ Лабулэ, а секретаремъ по старшинству г-нъ Лабиньш, одинъ изъ двухъ сторонниковъ предложенія Пейра. Засѣданіе ея происходило въ Парижѣ, въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ 22 марта. Первыми были выслушаны три министра. Лероие высказалъ коммиссіи, что хотя вопросъ о перенесеніи палатъ въ Парижъ возбужденъ и не министерствомъ, но оно твердо рѣшилось поддерживать его, такъ какъ перенесеніе необходимо и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ смыслѣ. Въ нравственномъ смыслѣ, возвращеніемъ парламента въ дѣйствительную столицу Франціи, республиканское правительство проявитъ свою силу и уничтожитъ послѣдній слѣдъ переходнаго состоянія, которое столько г-нъ утомляло страну; въ матеріальномъ — это избавитъ какъ правительственныя дѣятелей, такъ и членовъ парламента отъ непроизводительныхъ затратъ времени и напрасныхъ проволочекъ во всѣхъ дѣлахъ. Министръ Леперъ указывалъ преимущественно на отличное и спокойное настроеніе парижанъ, не позволяющихъ себѣ никакой агитаціи въ дѣлѣ возвращенія парламента въ Парижъ, въ виду того, что такая агитація могла бы послужить аргументомъ противъ возвращенія. Онъ опровергалъ опасенія тѣхъ лицъ, которыя ждуть всякихъ бѣдствій отъ слишкомъ радикальной окраски собранія парижскаго муниципальнаго совѣта. Онъ съ большимъ достоинствомъ заявилъ о вопросѣ преобразованія полиціи, который будетъ предложенъ палатамъ, какъ предметъ существенной важности, но рѣшительно отказывался придать ему какую-нибудь связь съ вопросомъ о возвращеніи въ Парижъ парламента. Президентъ совѣта Ваддингтонъ, въ свою очередь, выразился: «Правительство прямо и просто желаетъ возвращенія палатъ въ Парижъ, но такъ какъ главнѣйшая забота настоящей минуты заключается въ стремленіи избѣжать всякой тѣни какаго либо столкновенія и конфликта между палатами, то онъ проситъ коммиссію избѣгать въ докладѣ всякихъ мотивовъ, которые могли бы подать поводъ къ возбужденію таковаго скорбнаго столкновенія».

Хотя засѣданіе коммиссіи окончилось не рано, но Лабулэ съ своимъ докладомъ не замедлилъ, и на слѣдующій же день, 29-го

марта, внести его въ сенатъ, гдѣ онъ и былъ прочитанъ съ трибуны. Докладъ этотъ оказался, однако, весьма блѣднымъ и несостоятельнымъ. Если въ политическомъ отношеніи отъ Лабуръ, какъ отъ честолюбца, готовога, ради своей пользы или служебной карьеры своихъ сыновей, измѣнять, по обстоятельству, убѣжденія, нельзя было ожидать многого, то отъ Лабуръ, какъ отъ автора «Парижъ въ Америкѣ» и «Принцъ-собачка», слѣдовало надѣяться доклада, который былъ бы, по крайней мѣрѣ, литературно и талантливо составленъ. Но Лабуръ и такому скромному желанію не удовлетворилъ. Закрывая противъ возвращенія парламента въ Парижъ, онъ могъ бы привести въ пользу такой мѣры весьма вѣсныя доводы, наприимѣръ съ точки зрѣнія децентрализаціи и федерализма, но, жадая откровенно гонимъ гдѣ-нибудь дѣловому центру, онъ, очевидно, не обратилъ даже о томъ, чтобы его докладъ отличался домыслительностью и убѣдительною. Между тѣмъ, даже и, тутъ онъ могъ бы, еслибы поусерднѣе обдумалъ положеніе дѣлъ, сослаться на чужое производствіе Гамбетты, умѣренную парламентскую группу либеральныхъ консерваторовъ-децентралистовъ, и для этого ему стоило только внести предложеніе, чтобы резолюція законодательнаго большинства была сформулирована согласно конституціи 1879 года, т. е. чтобы 9-я статья конституціи была зачислена предоставленіемъ парламенту права самому выбирать свои резиденціи и переносить ее, куда онъ сочтетъ необходимымъ въ видахъ общаго интереса и національной безопасности. На такое рѣшеніе вопроса, конечно, комитетъ Дарбо, а одинъ изъ двухъ сторонниковъ предложенія Пайра, Лабуръ, даже и сформулировалъ его въ видѣ такой поправки къ этому предложенію: «Предложить конгрессу замѣну 9-й статьи конституціи принятіемъ общаго положенія, что мѣстопробываніе правительства и нѣтъ можетъ устанавливаться законодательными нормами? — вмѣсто того, чтобы мѣстопробываніе въ Версалѣ или Парижѣ было конституціонно, обязательно. Лабуръ отклонилъ такую поправку, подя тѣмъ предложенію, что сенатъ не имѣетъ права опредѣлять заранее рѣшеніе конгресса, долженствующаго явиться результатомъ преній. Онъ престо сопротивляется самому плану конгресса и отнимаетъ всякую мысль о возвращеніи назадъ въ столицу Франціи. Напряморъ, всякой цѣли, онъ считается наприимѣру, Северо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ, крокъ федеральной столицы, существуютъ столицы и для каждаго отдѣльнаго штата, и въ тоже время признаетъ совершенно правильнымъ порядкомъ, установившійся съ 1872 года, т. е. одновременное существованіе въ странѣ двухъ центральныхъ резиденцій — одной въ Парижѣ для правительства и другой въ Версалѣ для парламента. На потерю времени членами парламента и администраторами, на напрасныя ихъ переезды съ мѣста на мѣсто и сопряженную съ этимъ усталость онъ не обращаетъ особеннаго вниманія, утверждая, что такіа второстепенныя неудобства не-

гуть быть устранены как лучшим устройством железнодорожнаго движенія, такъ и назначеніемъ небогѣе двухъ или трехъ парламентскихъ засѣданій въ недѣлю и ограниченіемъ срока годовой парламентской сессіи четырьмя мѣсяцами. «Освобождаясь отъ непосредственныхъ влчній Парижа, говоритъ онъ, парламентъ, представляющій всю Францію, только въ Версаль можетъ быть свободенъ, въ своихъ дѣйствіяхъ и быть какъ бы у себя дома». Потомъ, упомянувъ о томъ, что Франція, въ послѣдніа 8 лѣтъ, пережила не мало политическихъ кризисовъ и въ томъ числѣ два правительственныя, сопровождавшіеся сѣвною главн. государства, бѣдъ, волжнхъ улицнхъ волненій, онъ утверждаетъ, что только удаленіе зала въ Парижѣ обусловило собою усвоеніе революціоннаго духа, а между тѣмъ близость Версаля отъ Парижа доставляла парламенту то удобство, что онъ всегда могъ, знавъ настроеніе умовъ обитателей послѣдняго». Этотъ доводъ мнѣ, бы провазвсти впечатлѣнію на республиканцевъ, еслибы онъ былъ приведенъ не въ концѣ доклада, а въ началѣ его, и еслибы Лабула, на выводѣхъ изъ него необходимости вѣчнаго пребыванія зала въ Версаль, а указавъ бы на то, что для зала весьма полезно имѣть такое убѣжище, куда можно бы было временно переносить засѣданія въ случаѣ кризисовъ или для обсужденія такихъ вопросовъ, которые способны вынуждать слѣшкомъ слѣдств. броженіе среди всего восстающагося массъ парижскаго населенія.

Для того, чтобы добиться неотложнаго чтенія доклада Лабула, крикнулъ, прибѣгнуть къ двойному голосованію этого вопроса вслѣдствіемъ и слѣдствіемъ, крикнулъ за чтеніе означеннаго всѣмъ правца и $\frac{1}{2}$ лѣваго центра, но, противъ желанія правыхъ, прелія, по докладу все-таки были отсрочены до вторника 1-го апрѣля, что и показало, что надежда на соглашеніе еще не потеряна.

Засѣданіе 1-го апрѣля открылось съ особенною торжественностію. Всѣ трибуны, предоставленныя для публичн. были полны, за исключеніемъ трибуны журналистовъ, которые знали заранее о томъ, что произошло на собраніи членовъ лѣваго центра у Кальмона, а равно знали и то, что республиканцы рѣшили озвѣжить чтенія до болѣе благоприятнаго времени. И дѣйствительно, едва началось чтеніе, какъ Маргелъ, задвигъ о началѣ преній по предложенію Сейра, потребовалъ, чтобы севану было дано время предварительно обсудить вопросъ объ отсрочкѣ преній, до возобновленія сессіи послѣ пасхальныхъ каникулъ. Францы и въ особенномъ дѣ. Доржериль протестуютъ, но министръ Леонъ Сѣ, въ свою очередь, заявляетъ, что такая отсрочка необходима, какъ для правительства, которое, для усвоенія умовъ слѣдств. бодливыхъ людей, считаетъ своимъ долгомъ внести проектъ реорганизации полиціи, такъ и для самого севана, которому предстоитъ рѣшить предварительно, найдетъ ли онъ себѣ въ Парижѣ вполнѣ удобное помѣщеніе, на случай, если

вопросъ будетъ рѣшенъ въ пользу перенесенія палаты въ столицу Франціи. Дюгена, единственный роялистъ, попавшій въ комиссію, протестуетъ и противъ этого, но не отъ имени всей комиссіи, а лично отъ себя. Тогда правые требуютъ, чтобы было объявлено мнѣніе объ этомъ комиссіи. Ищутъ докладчика Лабурэ. Его въ засѣданіи нѣтъ—онъ получилъ гриппъ и остался дома, ищутъ предсѣдателя комиссіи Ластейра, но его тоже нѣтъ и привезли его наканунѣ разбитаго параличемъ. Тогда обращаются къ члену комиссіи, Беранже, который заявляетъ, что министръ любезно заявилъ комиссіи до начала засѣданія, что онъ потребуетъ отсрочки, и что комиссіа будетъ совершенно согласна сдѣлать, что рѣшить самъ сенатъ». «Вы видите, господа, произносить послѣ этихъ словъ Мартель:—что комиссіа благоразумно предоставляетъ рѣшеніе мудрости самого сената». Слова эти возбуждаютъ гнѣвъ въ сенаторѣ де-Ларейнти, который ѣдко замѣчаетъ, что «правительству прежде, чѣмъ позволить себѣ напоминать сенату о мудрости, слѣдовало бы съ подобнымъ напоминаніемъ обратиться къ палатѣ депутатовъ». Послѣ этого приступаютъ къ голосованію, результатомъ котораго за немедленныя пренія получается 126 голосовъ, а за отсрочку ихъ на неопредѣленное время 157. Гг. Вирфа, де-Брольи, Одифрѣ-Паксе и т. д., выходятъ изъ себя отъ негодованія—все надежды ихъ на произведеніе конфликта между сенатомъ и палатою лопнули!

Между тѣмъ, чтобы нанести республиканцамъ положительный вредъ, конфликтъ долженъ быть произведенъ именно теперь, когда клерикалы открыто пошли войною на правительство по поводу законопроектовъ Жюль Ферри. Подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго легитимиста-паписта и гуртоваго продавца свиней, Шенелона, ими открытъ уже главный комитетъ для составленія петицій въ парламентъ и собранія подписей возможности по всей Франціи, съ цѣлью сохраненія права высшаго, средняго и низшаго образованія за клерикалами и предоставленія іезуитамъ не только права пребыванія во Франціи, но и всѣхъ другихъ правъ. Разумѣется, что принципъ свободы, лежащій во главѣ республиканскаго образа правленія, не позволитъ правительству принимать какія либо репрессивныя мѣры противъ этой агитаціи, но ограничить ее предѣлами законности, конечно, требуетъ само благоразуміе. Поэтому и нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ мѣрѣ, какую относительно этихъ петицій принялъ, напримѣръ, турецкій мѣръ, депутатъ Белль. Онъ рекомендовалъ своимъ помощникамъ принятіе для передачи въ парламентъ только такихъ петицій, подписанныхъ подъ которыми окажутся легальными, то есть принадлежащими лицамъ полноправнымъ, а не несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ или женщинамъ, зависящимъ отъ мужей. Подобною мѣрою очевидно отнимается отъ конгрегацій и братствъ возможность явного обмана палаты количествомъ подписей подъ петиціями, такъ какъ, заставляя подписываться набожныхъ женщинъ и дѣтей,

воспитанниковъ іезуитскихъ и другихъ духовныхъ школъ, они могли бы собрать ихъ цѣлыя массы. Теперь же, если во всѣхъ мѣріяхъ послѣдуютъ примѣру Белля, клерикаламъ едва ли удастся добиться для своихъ петицій полутора милліона подписей—цифры, которой достигли петиціонеры республиканцы, заявлявшіе о своемъ желаніи дароваго свѣтскаго и обязательнаго обученія, при господствѣ правительства «нравственнаго порядка, несмотря на всѣ препятствія, какія это неудобовабываемое правительство противопоставляло собранію подписей. Ожидать же, чтобы движеніе въ пользу іезуитовъ приняло у насъ размѣры народнаго движенія, очевидно, было бы нелѣпностью.

За то всѣ епископы подвигались поголовно отстаивать свои интересы. Президенту республики гнѣтъ отбоя отъ ихъ писемъ и въ палату безпрестанно поступаютъ ихъ просьбы и заявленія въ защиту католическихъ университетовъ и разрѣшенныхъ конгрегацій. Въ подрѣшеніи справедливости своихъ требованій, они ссылаются на законы 1850 и 1875 годовъ, которые клерикализму удалось вырвать, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, у свободномыслящей Франціи, и всѣ согласно заявляютъ, что стоять только за принципъ свободы образованія, нарушить который республика, гарантирующая всякія свободы, не имѣетъ яко-бы права, не имѣняя самой себя. Само собой разумѣется, что несостоятельность подобнаго довода очевидна для всѣхъ и всѣ либеральныя газеты, не исключая самыхъ умѣренныхъ, какъ напримѣръ, «Temps» и даже «Débats», конечно, не мало посмѣиваются надъ ультрамонтанскимъ либерализмомъ. Всѣ знаютъ, до какаго печальнаго состоянія довелъ первоначальное, среднее и высшее образованіе клерикализмъ, торжествовавшій въ этомъ смыслѣ, съ 1850 до 1875 г., цѣлый рядъ побѣдъ, и всѣ очень хорошо понимаютъ, что отстраненіе воспитательнаго вліянія клерикаловъ послужить только къ утвержденію настоящей свободы образованія въ нравственномъ, общественномъ, и научномъ отношеніяхъ. При одновременномъ существованіи государственнаго университета и папистскихъ школъ во Франціи не могло водвориться истинное образованіе. До 1850 года, образованіе было какъ бы монополіей государства, а съ этого времени стало какъ бы привилегіей, услуженной государствомъ церкви; такимъ образомъ, въ странѣ образовались одновременно двѣ воспитательныя системы, враждебныя одна другой, и учащееся юношество воспитывалось въ двухъ направленіяхъ диаметрально противоположныхъ. Этой-то весьма опасной анархіи въ воспитаніи и задумалъ положить конецъ своими законопроектами Жюль Ферри и притомъ самыми умѣренными способами, т. е. отнявъ у клерикаловъ лишь тѣ захваты, которые ими произведены и возвративъ государству тѣ права, какія оно умѣло удерживать за собою даже при Вурбонахъ. Въ законопроектахъ этихъ говорится только о фактахъ и никакіе принципы ими не затрогиваются. По принципу, впрочемъ, нельзя допустить, чтобы между государствомъ и католическою церковью

могла происходить борьба изъ за права общественнаго образованія, особливо, въ такое время, когда для Франціи настала пора отмигнуть всѣхъ монополій и привилегій и когда всякій гражданинъ и каждая свободная ассоціація должна получить одинаковое право обучать и воспитывать. Между тѣмъ, немедленное введеніе такой свободы было бы невозможно, такъ какъ, при настоящемъ положеніи вещей, столь широкую свободу не могли бы воспользоваться по разнымъ причинамъ цѣлыя массы гражданъ, а злоупотребили бы ею все тѣ же католическія конгрегаціи, подчиненныя заграничнымъ ультрамонтанамъ и учрежденныя послѣдними съ цѣлью поселить въ французскомъ юношествѣ ретроградныя идеи и приготовить изъ молодыхъ французовъ преданныхъ и послушныхъ пособниковъ, необходимыхъ для достиженія различныхъ реакціонныхъ цѣлей и честолюбивыхъ замысловъ. Неужели кому-нибудь еще не очевидно, что духовенство требуетъ въ этомъ случаѣ для себя свободы только для того, чтобы убить всякую свободу? Республиканское же правительство вовсе не думаетъ уничтожать духовнаго образованія, оно только твердо намѣрено подчинить его своему контролю. Борьба, такъ снѣло затѣянная министромъ Ферри, и которая послѣ изскальничихъ ваккацій, конечно, встрѣтитъ самую энергическую поддержку со стороны палаты депутатовъ, должна быть къ употребленію и нравственному смислу рѣшительною, и результаты ея должны обусловить собою окончательную побѣду во Франціи или идей первой революціи, или духа ультрамонтанства и іезуитизма.

Правительство Гриви можетъ относиться къ такой борьбѣ сравнительно спокойно, чѣмъ, напримѣръ, правительство Луи Филиппа, Карла X или даже Людовика XV. Поэтому оно и предоставляетъ епископамъ полную свободу составлять столько ветивцій, сколько имъ вздумается, и печатать столько протестовъ, сколько заблагорассудится. Только въ нѣкоторыхъ и уже совершенно незаконныхъ случаяхъ имъ дѣлаютъ легкія внушенія. Такъ, напримѣръ, когда одинъ изъ епископовъ, при самомъ началѣ кампаніи, позволилъ себѣ обратиться съ послѣднимъ не къ общественнымъ властямъ, а къ прихожанамъ своей епархіи, то министръ исповѣданій, который не только могъ, но даже долженъ былъ задѣять объ этомъ злоупотребленіи государственному совѣту съ требованіемъ отдачи виновнаго подъ судъ, ограничился только тѣмъ, что опровергъ открытымъ письмомъ всю ложь и неправду, заключавшіяся въ этомъ образѣ духовнаго краснорѣчія. Въ своемъ произведеніи, гренобльскій епископъ проводилъ, между прочимъ, такую мысль, что, нападая на недовольствующихъ конгрегаціи, «зотъ авангардъ католической арміи», республиканцы нападаютъ на самую религію. «Они, говорятъ они:—очевидно, хотятъ свѣать раздоръ, чтобы властвовать. Начавъ съ удаленія іезуитовъ, они накинута попомъ на монашескіе ордена, а потомъ и на все свѣтское духовенство». Министръ Леперъ, опро-

вергая эту тираду, напоминает, ее автору, что бюджет не ограничил несколько получений прелатовъ, евре и другихъ членовъ свѣтскаго духовенства, которое правительство вообще никогда не смѣшивало съ корпораціями непризнаваемыхъ конгреганцистовъ, подчиненныхъ своей особенной іерархіи за-границей. Въ другомъ мѣстѣ, гренобльскій епископъ, доходя до недѣльнаго утвержденія, что для церкви не обязательны никакіе законы, кромѣ буквального текста конкордата, говоритъ: «Законы, издаваемые однимъ правительствомъ, не могутъ быть обязательными для католической церкви, которая ихъ не обсуждала, на нихъ не соглашалась и ихъ не подписывала». На это министръ ясно и твердо отвѣчаетъ такими словами: «Конкордатъ 1801 года гарантируетъ въ Франціи свободное владѣніе католической религіи и публичнаго исполненія ея обрядовъ, но ни коимъ образомъ не подчиняетъ призыву церкви принадлежащаго правительству права по вопросамъ общественнаго порядка, организаціи общественнаго просвѣщенія и религіозныхъ конгрегацій». Разумѣется, министръ не всегда будетъ ограничиваться одной платонической перепиской съ епископами, но, въ настоящемъ случаѣ, онъ не могъ иначе поступить, такъ какъ составъ государственнаго совѣта, завѣщанный республикѣй версальскимъ собраниемъ и потому, министерствами 24-го мая 1873 и 16-го мая 1877 годовъ, и состоящій почти сплошь изъ клерикаловъ, совершенно не таковъ, чтобы быть безпристрастнымъ судьей въ дѣлѣ злоупотребленій духовенства, а его реорганизація въ республиканскомъ смыслѣ не могла еще осуществиться, такъ какъ планъ ея, внесенный министромъ юстиціи въ палаты, еще не былъ подвергнутъ преніямъ. Между тѣмъ, и низшее духовенство успѣло уже выказывать, въ значительной мѣрѣ, свое раздраженіе. Такъ, въ концѣ поста и въ недѣлю Масхи, многіе священники обратили церковныя кадены въ трибуны самой яркой противреспубликанской пропаганды до того, что въ самыхъ незначительныхъ городкахъ, какъ, наприкладъ, Туль, и даже въ селахъ приходжане уже нѣсколько разъ, въ патристическомъ негодолжаніи, осмѣливали своихъ проповѣдниковъ. Такіе случаи побудили правительство предложить прокуратурѣ отдалу сулу исправительной полиціи священниковъ, возбуждающихъ гражданъ къ взаимной ненависти и недовольству республикой. Министръ Жюль Ферри, воспользовавшись собраніемъ департаментскихъ ученыхъ обществъ и обществъ изящныхъ искусствъ въ Сорбоннѣ, произнесъ весьма краснорѣчивую рѣчь, въ заключеніе которой высказалъ основныя мотивы, заставившіе его вступить въ открытую борьбу съ явобнъ клерикальною свободомъ, существомъ которой составляетъ стремленіе поработить Францію. «Цѣль этихъ господъ, сказалъ онъ:—разрушить нравственное единство Франціи и создать въ ней двѣ противоположныя Франціи. Благодаря имъ, французское мношество, общее по своему происхожденію и принадлежащее къ одному племени, усвоивъ себѣ совершенно про-

тивоположны идеи как о прошедшем, так и о будущем Франціи, грозить обратиться въ два враждебных лагера». Заключительныя его слова были приняты съ громкими рукоплесканіями, имѣвшими въ этомъ случаѣ особенное значеніе, такъ какъ они происходили въ средѣ представителей всего выдающагося въ наукѣ и искусствѣ цѣлой Франціи, безъ различія политическихъ убѣжденій. Привожу эти слова: «Вотъ почему, господа, несмотря на весь гвалтъ, вызванный моими проектами, несмотря на всѣ оскорбленія, какимъ мнѣ пришлось и придется еще подвергаться, несмотря на всѣ софизмы и на петиціи, которыми осаждается правительство, мы требуемъ и будемъ требовать до конца утвержденія въ дѣлѣ образованія за государствомъ тѣхъ правъ, которыя должны необходимо ему принадлежать. Мы добиваемся не монополіи, но контроля; мы стремимся не къ рабскому подчиненію Франціи, какъ шипять клеветники, но къ гарантірованію ея свободы. И мы совершенно увѣрены въ успѣхѣ, такъ какъ во Франціи всегда достигается успѣхъ въ такихъ предпріятіяхъ, которыя, опираясь съ одной стороны на заветнѣйшія національныя традиціи, служатъ въ тоже время вѣрнѣйшимъ выраженіемъ надеждъ и стремленій духа времени».

До прекращенія засѣданій по случаю пасхальныхъ вакацій, палаты успѣли заняться цѣлымъ рядомъ дѣлъ, неизмѣющихъ политическаго значенія, но, тѣмъ не менѣе, весьма важныхъ для страны. Такъ, наприимѣръ, былъ изданъ законъ, увеличивающій правительственную субсидію второстепеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, законъ, которымъ опредѣляется постройка около 18,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ для окончанія полной ихъ сѣти, также какъ прорытіе новыхъ каналовъ, углубленіе морскихъ портовъ и т. д. Работы эти громадны, на нихъ уже теперь тратится ежегодно отъ 150 до 300 милліоновъ, а съ 1881 года, по плану Фрейсина, потребуются ежегодныя затраты по 500 и 600 милліоновъ. Кроме того, устроена общая пенсіонная касса для гражданскихъ чиновниковъ и служителей всѣхъ вѣдомствъ, учрежденіе которой улучшить участь отставныхъ и престарѣлыхъ, не отягощая при этомъ плательщиковъ податей. Затѣмъ, въ палатѣ разсматривался проектъ закона, отнимающаго отъ клерикаловъ завѣдываніе учрежденіями общественной благотворительности, предоставленнаго имъ версальскимъ собраніемъ. Законъ этотъ долженъ еще пройти черезъ сенатъ, а пока въ палатѣ дважды обсуждался, какія изъ учреждений этого рода, не исключая больницъ и госпиталей, перейдутъ подъ управленіе общинъ и какія предоставлятся вѣденію администраціи. Пятаго апрѣля, вечеромъ, обѣ палаты объявили свой очередной порядокъ исчерпанный. При обмѣнѣ сообщеній между президентомъ республики произошло нѣкоторое недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго палата депутатовъ назначила срокомъ окончанія своихъ вакацій 12-е мая, а сенатъ—5-го. Реакціонеры затѣяли придать этой случайности особенную важность и значеніе, но безуспѣшно, такъ какъ для

палаты, на основаніи конституціи, обязательно только открывать одновременно сессіи; а вовсе не производить одновременныя засѣданія. Въ маѣ же не будетъ происходить открытіе новой сессіи, а только слова начнутся засѣданія сессіи январьской. Чтобы сессія считалась конституціонно-новой, необходимо, чтобы старая была закрыта особымъ ad hoc декретомъ президента республики.

Пасха нынче наступила ранѣе обыкновеннаго и, благодаря этому, довольно продолжительная парламентская вакація можетъ быть окончена тотчасъ вслѣдъ за весеннимъ собраніемъ департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ, членами которыхъ состоятъ очень многие сенаторы и депутаты. Такимъ образомъ, до самаго этого собранія, работы различныхъ парламентскихъ комиссій, какъ, напримѣръ, бюджетной, таможенной и комиссій по народному образованію, могутъ продолжаться въ Парижѣ безпрепятственно. Министрамъ же, слишкомъ заваленнымъ во время сессіи разнообразнымъ трудомъ, вакація предоставляетъ возможность нѣкотораго отдыха, которымъ они могутъ воспользоваться для окончанія начатаго очищенія персонала своихъ вѣдомствъ и для подготовленія тѣхъ законопроектвъ, внести которые они не успѣли сначала сессіи и которыхъ требуетъ положеніе вещей, созданное 30-мъ январемъ.

Измѣненіе персонала полицейской префектуры, вызванное обличеніями «Фонаря», не помѣшало, однако, тому, что апелляція этой газеты на приговоръ суда исправительной полиціи не была уважена и приговоръ былъ утвержденъ. Весьма комично было то обстоятельство, что новый генеральный прокуроръ, Дофанъ, не признавъ трехъ пунктовъ обвиненія, почему-то настаивалъ на важности четвертаго, одинаково съ другими несостоятельнаго, на основаніи чего предлагалъ смягченіе приговора какъ въ срокъ тюремнаго заключенія, такъ и въ количествѣ штрафа, но члены суда остались глухи и къ такому скромному требованію прокурора и просто утвердили первоначальный приговоръ. Защитникъ «Фонаря», адвокатъ и муниципальный совѣтникъ Делаттръ, разумѣется этимъ не удовлетворился и подалъ кассационную жалобу; такимъ образомъ, дѣло это, въ отношеніи котораго и правительство и общественное мнѣніе шли въ разрѣзъ съ судебнымъ образомъ дѣйствій, протянется еще два или три мѣсяца, а въ этотъ срокъ успѣтъ провозйти или отмѣна закона, карающаго разоблаченіе административныхъ злоупотребленій или измѣненіе самаго судебного персонала сообразно законопроекту Вуассе, требующаго, чтобы несмѣняемые члены суда, для продолженія пользованія своими правами при республикѣ, были утверждены ею въ этомъ званіи или замѣнены другими.

Послѣ новаго осужденія «Марсельезы» за то, что она снова открыто заявила о содружествѣ Рошфора, одинаковой съ нею участи подверглась газета «Révolution française», редакторъ которой приговоренъ къ восьми мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и шести тысячамъ франковъ штрафу за неосторожный отзывъ

о католицизмъ. Судьи, въ послѣднемъ случаѣ, съ особеннымъ усердіемъ принимали къ гласнѣ строгій законъ, недоброжелательнѣйшаго отношенія къ покровительствуемымъ реакціямъ, дѣлая этия какъ бы изысканную любезность своимъ друзьямъ иезуитамъ. Заключительно, что въ области печати выдала противъ конституціи и правительственныхъ лицъ со стороны реакціонеровъ, совершаемыя чуть не ежедневно, сдѣлать нѣтъ съ рубль прѣблагоблужно. Объясненіемъ этому явленію, по словамъ одного лица изъ министерства юстиціи, съ которымъ мнѣ случилось объ этомъ говорить, служить то, что правительствомъ, съ одной стороны, презираетъ диффамационнапаркетовъ и рѣдистовъ, а съ другой то, что задумай оно при настоящемъ составѣ судовъ прѣсѣдывать реакціонеровъ, то судьи стали бы нѣтъ или просто оправдывать, или подъяскивать смягчающія обстоятельство и постановлять сильне слабыя приговоры, что способствовало бы только упадку авторитета и правительства и юстиціи. Такимъ образомъ, сама логика вещей требуетъ просто отъ насъ всякихъ существенныхъ заботъ противъ печати, что бройтѣ и будетъ въ ближайшемъ будущемъ проявлено накатами.

Результаты закона амнистіиныхъ помилованій начинаютъ обнаруживаться; если осужденные не имѣли еще времени возвратиться въ Парижъ изъ Нумон, то цѣлые сотни лицъ, приговоренныхъ къ изгнанію, уже появились. Общее число послѣднихъ къ 20 му апрѣля было 1318. Изъ возвратившихся назову, на примѣръ, хоть Ратка, заочно приговореннаго къ смертной казни, а нѣтъ принявшагося снова за свои прѣжнія занятія при редакціи «République française». Знаменитому географу, Елизе Реклю, тоже даровано право возвращенія въ Парижъ безъ всякаго съ его стороны ходатайства. Вообще въ министерствѣ юстиціи принимаютъ самымъ любезнымъ образомъ ходатайство въ пользу того или другого изъ осужденныхъ, не затрудняя при этомъ самихъ осужденныхъ въ исполненіи какихъ либо формальностей. Такимъ образомъ, эти друзья, ходатайство которыхъ ужь жаетса безусловно, и тѣ изъ изгнанныхъ, которые уже вернулись въ Парижъ, болѣе всей публики были удивлены, огорчены и недовольны протестомъ, присланнымъ изъ Женевы и помѣщеннымъ на страницахъ «Révolution française». Этотъ сердитый протѣстъ, подписанный 70 изгнанными, дѣлаетъ вопросомъ чести непринятіе помилованія отъ республиканскаго правительства. «Именемъ солидарности, говорятся въ немъ: — должествующей всѣкъ насъ соединить, мы противъ нѣтъ изгнанныхъ отвергнуть съ негодованіемъ искусственные помысли товарищенія». Далѣе объясняется, что требованіемъ отъ изгнанныхъ просить нѣтъ о помилованіи правительство захотѣло нѣтъ «унизить». Отвѣтомъ на это послужила выписка «календаря Галласа», въ которой объясняется, что ни законъ не имѣетъ въ виду ничего подобнаго, ни министерство юстиціи и иностранныхъ

дѣла не давали своимъ агентамъ никакихъ разъясненій, ради которыхъ ему можно было бы придавать смыслъ хотя сколько-нибудь подходящій къ тому, какой придалъ ему протестантаин. Такимъ образомъ, если въ которомъ-нибудь изъ посольствъ или консульствъ, местные агенты и задалли какия-нибудь претензии къ магланникамъ, то это было чуждымъшимъ произволомъ местныхъ властей, предшккъ въ разрѣзъ съ министерскими инструкціями. Испанники сами это помали, такъ что подъ скороспѣлымъ протестомъ подписи не только не стали увеличиваться въ числѣ, но многія изъ подписавшихъ его даже заявили потомъ, что берутъ свои подписи назадъ.

Какъ бы то ни было, но женевскій протестъ подаль повохъ «*Marseillaise*» и «*Republique Française*» началъ новый полемическій походъ противъ оппортунизма. Полемика эта, конечно, въ ущербъ самой себѣ, ведется съ такой злобой и жестокостію, какъ будто бы дѣло шло не о томъ только, чтобы республиканское правительство проявило нѣсколько бодрѣею энергію, а о томъ, чтобы какъ въ 1869 и 1870 годахъ испробовать узурпатора Наполеона. Семидесятилѣтній Вланка, въ то самое время, когда на страницахъ «*Republique française*» появилась горячая статья Райна, требовавшая дарованія свободы больному и чуть не умирающему старику, проведенному въ тюрьмахъ болѣе сорока лѣтъ своей жизни, былъ выставленъ разомъ въ двухъ избирательныхъ округахъ, гдѣ предстоялъ выборъ депутата. Онъ не былъ выбранъ въ Руанскомъ округѣ, но выставленный 8-го апреля вторымъ изъ четырехъ республиканскихъ кандидатовъ въ первомъ округѣ Вердѣ, вышелъ 20-го апреля при перебаллотировкѣ побѣдителемъ съ весьма тѣсными голосами; побѣжденный имъ угрѣенный республиканецъ Лавертюжонъ получилъ въ то же время 3896. Этого можно было ожидать и передъ тѣмъ еще въ «*Republique française*», относящейся неизменно къ Лавертюжону, бывшему товарищѣмъ Жюль-Симона во время парижской національной зашиты въ февралѣ 1876 года, появилась другая замѣчательная статья Райна, гдѣ онъ совѣтовалъ министерству благоразумно амнистировать Вланка прежде, чѣмъ онъ будетъ избранъ, хотя выборъ его, какъ лица, находящагося въ заключеніи, и представляетъ собой дѣло не законное. Благомыслимому этому совѣту правительство, къ сожалѣнію, не послушавши и стѣсняясь бонапартистовъ съ роялистами обусловилъ выборъ Вланка, въ явное нарушеніе избирательнаго закона. Въ настоящее время дѣло это весьма трудно поправимо; время того, что изъ-за него, при повѣрѣ палатой полномочій, возникнутъ весьма ошѣнные и вѣстосточенныя пренія, оно открываетъ путь, которыхъ весьма удобно могутъ воспользоваться непримиримые сторонники полной амнистии для приведенія правительства въ затруднительное положеніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ весьма для него опасно и несвоевременно.

Вообще, частные выборы, происходившіе 6-го и 20-го апреля

въ семнадцать провинціальныхъ округахъ изъ двадцати, были благодарны для парламентской республики въ томъ видѣ, какъ она установилась. Побѣда рабочаго радикализма въ Бордо уравнивается поражениемъ въ Реймскомъ Округѣ кандидата Курлю, служившаго также его представителемъ. Демократія понесла одно только поражение въ округѣ Верхней Гаронны, гдѣ, на вакансію Поля де-Ремюза, сдѣлавшагося сенаторомъ, переизбранъ бонапартистъ Пюель, инвалидированный палатой 14-го октября. Въ самомъ Парижѣ, въ восьмомъ избирательномъ округѣ, въ которому принадлежатъ Елисейскія Поля, произошелъ тоже скандальный выборъ, единственный въ Севскомъ Департаментѣ, импералиста Годелля, который получилъ пятьюстами голосами болѣе республиканца Кламажерана, двоюроднаго брата префекта Герольда. При объявленіи результата этого выбора, въ мѣрѣ произошелъ нѣкоторый скандалъ, такъ какъ нѣсколько сторонниковъ избраннаго депутата ватѣли крикъ: «да здравствуетъ императоръ!» Изъ этого слѣдуетъ, что реакція въ настоящее время представляется избирателямъ въ единственно возможной для нея теперь формѣ: партіи сторонниковъ Наполеона IV, отправившагося за лаврами въ страну зулусовъ. И, дѣйствительно, и орлеанисты, и клерикалы охотно въ настоящее время поддерживаютъ бонапартистовъ, видя въ этомъ единственное для себя спасеніе.

Для настоящей минуты, въ этомъ не представляется никакой важности, но для правительства это явленіе все-таки должно служить предостереженіемъ. Въ сущности, серьезное обвиненіе въ робости и бездѣятельности большинства министровъ идетъ только со стороны непримиримыхъ. Впрочемъ, и многіе изъ друзей министерства, оппортунистовъ, начинаютъ заявлять недовольство на медленность дѣйствій правительственныхъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на необъяснимую его слабость. Вырожденіями такого недовольства, разумѣется, не въ такой рѣзкой формѣ, въ какой протестуютъ «Марсельеза» и «Révolution française», являются «France» и «Pape». Всѣ такого рода предостереженія, какъ это недовольство и выборы Бланки и Годелля, разумѣется, не представляютъ собой признаковъ близости какого-либо важнаго общаго кризиса, но могутъ быть и опасны, если правительство не обратитъ на нихъ должнаго вниманія. Всѣ республиканцы внимательно прислушиваются къ этимъ предостереженіямъ и тѣмъ хуже для персонала настоящаго министерства, если онъ не пойметъ и не оцѣнитъ ихъ значенія. Кабинету Ваддингтона, не безъ труда удержавшемуся до перерыва сессій передъ пасхальными ваканціями, предстоитъ выдержать весьма серьезное нападеніе, едва откроется снова парламентскія пренія, если только министры не поступятъ какими-нибудь рѣшительными и энергическими мѣрами поддержать свою популярность, сильно въ настоящую минуту поколебленную.

II.

Вступление Ренана въ академію.—Его эмпиристическая вступительная рѣчь и его тирада противъ Германіи.—Возобновленіе «Рѣчи Бласса», Виктора Гюго, на сценѣ театра французской комедіи; натурализмъ и романтизмъ.—«Маркизъ Кенанкъ» Ломоно въ Одеонѣ.—Графиня Монсоро на сценѣ театра Сен-Мартевскихъ Воротаъ и два слова о реализмѣ въ исторической драмѣ.—Новые фарсы: «Les Tarareurs» Гондизъ на сценѣ театра Водевилья.—«La petite Mademoiselle», Лекюка, на сценѣ театра «Renaissance».—Концерты.—Некрологи Кутюра и Вильмессана.—«Реальное обозрѣніе» и Золъ-политикъ.

3-го апрѣля происходила церемонія торжественнаго вступленія Ренана въ среду сорока бессмертныхъ. Вступилъ въ академію Ренанъ, по предстательству Жюль Симона и Викторъ Гюго, для замѣщенія вакантнаго кресла, оставшагося пустымъ за смертью Клода Бернара. На принятіе автора «Жизни Іисуса Христа» въ академическую среду нельзя смотрѣть иначе, какъ на событіе, если вспомнить весь тотъ шумъ и гвалтъ, какой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ возбужденъ вступленіемъ въ нее же цезаряниста Литтре. Еслибы блаженной памяти эпископъ Дюпанлу уже не отправился, въ прошломъ году, въ горнія селенія, то ему представился бы весьма удобный случай умереть съ отчаянія. На торжество академіи собрался «весь Парижъ», т. е. вся та избранная часть парижскаго населенія, которая посѣщаетъ обыкновенно первыя представленія театровъ и всякія другія экстраординарныя торжества и зрѣлища. Такъ какъ нублика эта представляетъ собою характеръ аристократическо-монархическій, то можно было бы ожидать, что Ренанъ своей вступительной рѣчью произведетъ не малый скандалъ; но ожидавшіе этого мало знакомы съ глубиной и изворотливостью этого философа и мыслителя самоновѣйшаго образца. Ренанъ произнесъ весьма изящную и цвѣтистую рѣчь, въ которой, коснувшись всего, не исключая и религіи, сумѣлъ самымъ многословнымъ образомъ не высказать ровно ничего, кромѣ своего одобренія и похвалъ самымъ равнообразнымъ мнѣніемъ и диаметрально противоположнымъ идеямъ, направленіямъ и доктринамъ, механической аппературъ которыхъ, въ сущности, и представ-

ляетъ собою академія, изобрѣтенная кардиналомъ Ришелье, поощренная національнымъ конвентомъ и удостоившаяся особаго благоволенія Наполеона. Ренанъ, въ своей рѣчи, съ такою, повидимому, непритворною искренностью всѣмъ восхищался, что этимъ восхищеніемъ заразилась отъ него вся публика, пришедшая въ такое елейно-гармоническое настроеніе духа, что была минута, когда можно было думать, что въ залѣ произойдутъ общія лобзанія и Литтре облобызаетъ де-Фаллу, де-Брольи Жюль-Фавра, а герцогъ Омальскій—Виктора Гюго. Это было именно послѣ той тирады оратора, въ которой онъ сумѣлъ связать въ одно и благоговѣнное удивленіе передъ людьми искренней вѣры, обладающими великимъ искусствомъ извлекать изъ нея тѣ сокровища, благодаря которымъ вся жизнь ихъ представляется достойнымъ подвигомъ, и передъ людьми непреклоннаго отрицанія, которое, по его мнѣнію, придаетъ ихъ характеру такое же величіе, какъ и вѣра. При этомъ онъ встаетъ отозвался съ похвалой о послѣдователяхъ политики стараго режима также, какъ и о политикѣ новаго режима, говоря, что академія должна относиться къ обѣимъ съ одинаковымъ благодушіемъ, такъ какъ она «увѣличиваетъ не тѣ или другія мнѣнія, но искренность и талантъ» и въ тоже время преподаетъ человѣчеству «примѣръ того, въ чемъ оно всего болѣе нуждается: согласованіе противорѣчій». «О, воскликнулъ при этомъ ловкій проповѣдникъ: — еслибы весь міръ въ этомъ смыслѣ могъ послѣдовать за академіей! Долго ли жалеть человѣкъ—всего нѣсколько дней—и неужели не безумство проводить ихъ въ ненависти, когда мы ясно сознаемъ, что будущее будетъ судить насъ такъ же, какъ мы судимъ прошедшее, и что черезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ, потомки наши увидятъ въ нашихъ ожесточенныхъ битвахъ, на которыя мы тратимъ половину нашего существованія, только жалкое ребячество».

Нечего и говорить, что обязательную похвалу своему прешественику детерминисту Клоду Бернару Ренанъ проигралъ какъ бы на волшебной флейтѣ, очаровавъ слухъ всей аудиторіи. Прослушавъ ее, спиритуалисты увѣрились въ сродствѣ своего духа съ духомъ знаменитаго покойника, а матеріалисты — что ораторъ выше всего ставитъ въ дѣятельности Клода Бернара то, что онъ съ своимъ опытнымъ методомъ далъ неизбѣжныя основы для самыхъ бесспорныхъ утвержденій. «Клодъ Бернаръ, пропѣлъ Ренанъ:—воплотилъ созавалъ, что проблемы, которыя онъ подымалъ, соприкасаются съ важнѣйшими и величайшими во-

просами философскаго поядка. Но онъ этого не страшился. Онъ не считалъ, чтобы ученому было позволительно заботиться о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ прийти въ качествѣ результата его научныхъ изысканій».

Я полагаю, что приведенныхъ мною стривковъ вполне достаточно, чтобы читатели оцѣнили по достоинству эту оригинальную, если не замѣчательную рѣчь новаго академика. Такъ писать, по моему, должно быть несколько не легче, чѣмъ балансировать на туго натянутомъ канатѣ, но чтобы показать читателямъ, для чего Ренану понадобилась вся эта литературная эквилибристика, я познакомлю ихъ съ окончательнымъ ея выводомъ.

Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Ренана, рѣшительно все равно, во что бы ни вѣрилъ человекъ, что бы ни отрицалъ, къ чему бы ни стремился, чего бы ни отыскивалъ, что бы ни разрушалъ и на что бы ни смотрѣлъ, какъ на вѣчное и неизменное; все это само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, а получаетъ таковое только отъ степени изящества въ формѣ литературнаго изложенія. При существованіи такой формы, разумѣется, должны существовать и избранные люди, способные для ея оцѣнки. Такимъ избраннымъ существомъ Ренанъ доставилъ случай считать себя каждому изъ слушателей его приемной рѣчи.

Впрочемъ, въ рѣчи Ренана есть одно мѣсто, дѣйствительно, замѣчательное и на которое обратила вниманіе не одна только Франція, а вся Европа. Я говорю объ его отзывѣ о Германіи, который и позволю себѣ здѣсь привести:

«Я сильно опасался, чтобы расы, безспорно серьезныя, такъ какъ онѣ не однажды упрекали насъ за наше французское легкомысліе, не испытали нѣкоторыхъ разочарованій въ своей надеждѣ достигнуть мирового сочувствія иными средствами, чѣмъ оно до сихъ поръ достигалось. Я думаю, что нація, педантическая въ своей недоступности, что литература безъ веселости, что угрюмая политика, высшее общество безъ блеску, дворянство безъ тонкой образованности, великіе полководцы безъ увлекающаго краснорѣчія, не такъ скоро развѣнчаютъ въ сознаніи людей воспоминаніе о старомъ французскомъ обществѣ, исполненномъ таковаго блеска и вѣжливости, такъ ревниво оберегавшемъ свое право правиться. Мы будемъ посылать деньги только тогда, когда кака-либо нація, гордящаяся своею серьезностью и прилежаніемъ, сумѣетъ производить то, что создавали мы, при всей напег

легковѣрности. То есть: писателей такого высокого порядка, как Паскаль и Вольтеръ, также дѣйствительныхъ ученыхъ, какъ д'Аламберъ и Лавуазье, дворянство, лучше воспитанное, чѣмъ наше въ XVII и XVIII столѣтiachъ, женщинъ, болѣе прелестныхъ, нежели тѣ, которыя вдохновляли нашихъ философовъ, увлеченіе болѣе высокое, чѣмъ то, которое было обнаружено нами во время первой революціи, большую отыччивость въ усвоеніи всякихъ благородныхъ утопій, большую храбрость, чѣмъ какую намъ приходилось проявлять, высшую степень умѣнья жить, большую отвагу и равнодушіе въ виду смерти, однимъ словомъ, когда эти націи создадутъ общество болѣе обаятельное и утонченное, чѣмъ то, какимъ было общество нашихъ предковъ. Тогда мы президеиъ себя побѣжденными, но пока мы еще не побѣждены».

Чтеніе этого мѣста произвело взрывъ рукоплесканій въ академическомъ собраніи и не мало шуму въ нашей и нѣмецкой журналистикѣ. Ренаиъ еще усилилъ этотъ шумъ, помѣстивъ въ «Journal des Débats» длинное и враскорѣчивое письмо къ своему пріятелю нѣмцу, въ которомъ онъ подробно развиваетъ, какъ бесплодна была для Германіи, въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія, ея побѣда надъ Франціей, которую она даже не умѣла плодотворно воспользоваться. Въ самой академіи, академикъ Мезьеръ, отвѣчавшій на рѣчь Ренаи, сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы усилить ея впечатлѣніе какъ на французовъ, такъ и на Германію. «Позвольте, сказалъ онъ:—поблагодарить васъ за то, что вы сейчасъ съ такимъ благословеніемъ напоинили насъ о томъ, чѣмъ человѣческое развитіе обязано нашему отечеству. Будеиъ съ гордостью вспоминать объ этомъ не для того, чтобы этимъ воспоминаіемъ прикрывать наши недостатки, но для того, чтобы устранять ихъ, какъ умѣли исправляться отъ своихъ недостатковъ наши предки. Побѣды мысли суть единственныя, которыя ничего не теряютъ отъ хода времени, и которыя не предстоитъ опасности быть превзойденными при переиѣнѣ обстоятельствъ и счастья».

6-го апрѣля происходило въ Парижѣ другое торжество: а говорю о возобновленіи «Риш Блаза» Виктора Гюго, шедшаго въ первый разъ на сценѣ театра «Французской комедіи». Драма эта, какъ извѣстно, написана въ 1838 году и была поставлена на сцену театра «Ренайансэ»; потомъ она возобновлялась въ театрѣ Сен-Мартеновскихъ Веретъ, а въ послѣдствіи и въ «Gaité». когда въ 1850-мъ и 1851-мъ годахъ знаменитый Фредерикъ

Леметръ задумалъ послѣдовательно перентрять передъ публикой всё главныя роли своего репертуара. Послѣ декабрьскаго переворота, одновременно съ изгнаніемъ Виктора Гюго изъ Франціи, эта драма была тоже изгнана съ французскихъ сценъ. Семь лѣтъ тому назадъ, Одеонъ возобновилъ это молодое произведеніе Виктора Гюго, что и сопровождалось такимъ же торжественнымъ успѣхомъ, какъ и теперь. Мнѣ кажется, что претворити подобный успѣхъ могло бы только возобновленіе другого еще болѣе молодого произведенія Гюго «Le roi s'amuse», шедшаго только одинъ разъ на сценѣ театра Французской комедіи въ ноябрѣ 1832 года и немедленно вслѣдъ за этимъ единственнымъ представленіемъ запрещеннаго. Впрочемъ, возобновленіе и этой драмы теперь, особенно послѣ колоссальнаго успѣха Рюи-Блаза, составляетъ только вопросъ времени и навѣрное совершится на нашихъ глазахъ. Пока будемъ довольствоваться тѣмъ, что Рюи-Блазъ занялъ рядомъ съ Марионъ де-Лоризъ и Эрнани подобающее ему мѣсто въ ряду классическихъ шедевровъ нашей національной драматической литературы. Романтическія чудовищности, которыми, по мнѣнію лицъ, составлявшихъ партетръ французскихъ театровъ, пренеполнена эта пьеса, и изъ за которыхъ на Гюго ожесточенно нападали его завистники и враги, оказались просто... не существующими. Страшный образъ червя, дергнувшаго влюбиться въ звѣзду

...ver de terre amoureux d'une étoile,

повергавшій въ такой ужасъ нашихъ предковъ, что они не могли упоминать объ немъ безъ взрыва негодованія, оказался... весьма поэтичнымъ, также какъ и другой невозможный съ ихъ точки зрѣнія стихъ объ орлѣ, который

Cuit, pauvre oiseau plumé, dans leur marmite infâme.

Всѣ слушатели находились подъ неотразимымъ обаяніемъ чарующей гармоніи звучныхъ стиховъ драмы и тѣхъ смѣлыхъ сопоставленій, которыя нѣтъ, нѣтъ да и скатятся, подобно снѣжной лавинѣ, среди горячаго героическаго діалога кого либо изъ дѣйствующихъ лицъ. Францискъ Сарсе, глава такъ называемыхъ у насъ критиковъ-нормалистовъ, въ началѣ своей литературной карьеры бывшій отчаяннымъ противникомъ романтизма и Гюго, прослушавъ Рюи-Блаза, вынужденъ былъ сознаться (чтобы меня не заподозрили въ преувеличенія, я привожу его собственныя слова), что: «правильность языка произведенія, соединенная съ необычайнымъ богатствомъ выраженій, оборотовъ и метафоръ, превосходить все, чего можно только въ этомъ смыслѣ желать и равнаго чему вы рѣшительно не найдете ничего ни у Корнеля, ни у Мольера, ни даже у Расина». Съ другой стороны, непримиримый реалистъ Зола, такъ усердно надрывавшійся и въ вашей, и въ нашей журналистикѣ, чтобы доказать, что первый французскій поэтъ — чуть не послѣдняя бездарность, да еще, въ добавокъ, въ наши дни страдаетъ старческимъ безуміемъ, вышелъ съ представленія Рюи-Блаза въ состояніи какого-то

экстаза, о чемъ можно заключить хотя бы по слѣдующимъ строкамъ изъ его отзыва, появившагося въ газетѣ «Вольтеръ»: «Строки Виктора Гюго имѣютъ какой-то свой особенный свѣжій и славный запахъ; звучатъ ихъ чуть не кристаллической чистоты и они какъ бы блещутъ золотомъ и отливаютъ пурпуромъ. Никогда еще человѣческое слово не достигало такой оживленной и страстной риторичности». Правда, что, разбирая содержаніе пьесы, онъ нехотѣлъ, что еслибы это поэтическое произведеніе было написано прозой, а испанецъ, слуга дона Саллустія, былъ слугою обыкновеннаго французскаго или англійскаго типа и служилъ у какаго-нибудь современнаго герцога, то въ драмѣ не оказалось бы ни малѣйшаго здраваго смысла. Это можетъ быть совершенно справедливо, но такъ какъ при представленіи, напримѣръ, самого «Ассомоиъ» публикѣ «Ambigu» приходится принимать на вѣру, что извѣстное «наказаніе въ прачешной» предъ ней происходитъ, тогда какъ въ дѣйствительности оно все-таки не совершается, то почему-же на другихъ сценахъ авторъ не имѣетъ права предложить публикѣ обратить вниманіе на политическую сторону эпической фантазіи дона Цезаря де-Базана, или же сосредоточить ея помыслы на трагическомъ элементѣ страсти Рюи-Блаза? Всякій имѣетъ право быть позитивистомъ въ философіи и реализмомъ въ искусствѣ, но ни одинъ человѣкъ, не лишенный сердца и пониманія, не отдѣляется отъ обаянія впечатлѣнія, производимаго, напримѣръ, хоть страстно мелодическимъ шонотомъ Сарры Бернаръ, подавляющими сарказмами Коллена или вдохновеннымъ увлеченіемъ Муннэ-Сюлли. Какъ ни рассуждай, что все, о чемъ говорятъ эти лица, рѣшительно не могло бы произойти въ дѣйствительности, вы не избавитесь отъ омадѣвшаго вами впечатлѣнія и волей-неволей должны принять художественную, если хотите, ложь за настоящую правду. Такъ какъ нельзя отрицать, что иногда самая невѣроятная концепція пьесы даетъ возможность автору ставить дѣйствующихъ лицъ въ такіа сценическія положенія, которыя возбуждаютъ въ зрителяхъ самыя чистыя, честныя и гуманныя, а слѣдовательно вполне естественныя и натуральныя мысли. Я хотѣлъ бы прибавить къ этому, что едва ли кто-либо изъ пишущихъ имѣлъ случай такимъ горькимъ путемъ, какъ Зола, на опытѣ убѣдиться въ истинѣ того, что драматическая, литературная и художественная правда нѣсколько отличается отъ правды реальной дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, но громадный успѣхъ Рюи-Блаза чрезвычайно повредилъ успѣху другого произведенія, появившагося на сценѣ театра Одеона тремя днями позже. Я говорю о драмѣ молодого автора «Жана Дасье», Ломона: «Маркинь де Кенелль». Позволю себѣ напомнить читателямъ, что я отнесся въ свое время съ особенной симпатіей къ этому тогда въ первые выступившему драматургу. Въ самомъ дѣлѣ, если другой молодой и даровитый авторъ «Дочери Роланда», де-Борнье, реалистъ и

классикъ, достойно замыкалъ собой прошедшее нашего драматическаго искусства, то романтикъ-республиканецъ Ломонъ являлся какъ бы предтечею его широкаго будущаго. Я прослушалъ съ особеннымъ вниманіемъ новое его произведеніе и считалъ бы себя весьма счастливымъ, еслибы могъ, присоединивъ свои аплодисменты къ общимъ рукоплесканіямъ, помочь этимъ по мѣрѣ силъ новому его триумфу. Но злая судьба устроила такъ, что лучшія и притомъ дѣйствительно хорошія мѣста пьесы очень дурно были переданы актерами, а главное дѣйствующее лицо, долженствовавшее произнести патетическій монологъ о томъ, какъ въ минуту слабости оно измѣнило отечеству — оказалось рѣшительно безъ голоса. Вотъ въ кратцѣ содержаніе пьесы, которое, не будучи дурно само по себѣ, выиграло бы значительно, еслибы авторъ придалъ его развитію больше драматическаго движенія и обладалъ бы бѣльшимъ знаніемъ сцены. Старый командиръ фрегата «Церера», состоявшій на службѣ Людовика XVI, теряетъ свое мѣсто послѣ того, какъ король, 10 августа 1792 года, былъ свергнутъ съ престола. Увлеченный доводами жениха своей дочери, онъ готовъ снова принять начальство надъ судномъ, которымъ хотятъ воспользоваться эмигранты, т. е., другими словами, предать это судно такъ-же, какъ и брестскій портъ, въ руки англичанъ, но ему мѣшаетъ въ этомъ сынъ одного изъ старыхъ матросовъ «Цереры», Ивонъ, сдѣлавшійся во время революціи лейтенантомъ, и которому поручено командованіе «Церерой». Ивонъ тѣмъ съ бѣльшей поспѣшностью желаетъ спасти фрегатъ и самого де-Бенелиса, что онъ влюбленъ въ дочь маркиза, а ея женихъ, о которомъ я уже упоминалъ, скваченный какъ заговорщикъ, уже разстрѣлянъ. Де-Бенелисъ тоже приговоренъ къ смертной казни революціоннымъ трибуналомъ, и даже былъ посаженъ въ брестскую тюрьму, откуда его освободили матросы «Цереры», горячо привязанные къ своему бывшему командиру, котораго они и скрываютъ въ трюмѣ Цереры. Ивонъ, пріѣзжающій изъ Парижа для окончательнаго принятія командованія фрегатомъ, встрѣчаетъ поэтому чуть не вооруженное сопротивленіе экипажа, и дѣло разрѣшается благополучно только тогда, когда оказывается, что онъ привезъ съ собой распоряженіе трибунала о замѣнѣ смертной казни маркиза изгнаніемъ, почему и беретъ открыто на свое судно изгнанника и его дочь. Но, по выходѣ въ море и распечатывая новый пакетъ съ приказаціями революціоннаго правительства, который онъ долженъ исполнить уже во время плаванія, онъ видитъ новый приказъ трибунала разстрѣлать де-Бенелиса. Какъ ему ни горько, но онъ долженъ это исполнить, въ чемъ поддерживаетъ его и самъ осужденный, ставящій дисциплину выше всего на свѣтѣ. Казнь должна немедленно произойти, но ея совершенію мѣшаетъ появленіе передъ «Церерой» двухъ англійскихъ кораблей. Прежде всего надобно защититься, и вотъ де-Бенелисъ заступаетъ временно мѣсто матроса, наганувъ умершаго. Съ огромнымъ искусствомъ, состав-

жившимъ его прежнюю славу, онъ наводитъ одну изъ пушекъ фрегата на грот-мачту главнаго изъ непріятельскихъ кораблей. Грот-мачта падаетъ и рѣшаетъ судьбу сраженія. Трехцѣтное знамя побѣждаетъ и старый роллистъ, смертельно раненный, умираетъ прикрывая имъ, признавая новую Францію и соглашаясь на демократическій бракъ своей дочери съ Ивономъ. Весьма эффектенъ пятый актъ, гдѣ передъ зрителями носится побѣдительница «Церера»; побѣда досталась ей дорогою цѣною и фрегатъ представляетъ собой одну развалину. Диалогъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ актѣ вполне патетиченъ, но публика слушаетъ разсѣянно, такъ какъ утомлена длинными тирадами предшествовавшихъ дѣйствій, актеры дурно и слащаво ихъ произносятъ, не возвышаясь до паэса, а въ стихахъ Ломона недостаетъ смѣлости и блеска. Форма стиховъ почти безукоризненна, въ нихъ теплится порохъ огонекъ, но онъ ни разу не разгорается яркимъ пламенемъ, такъ что мнѣ приходится, употребивъ приемъ Золя, сказать, что будь пьеса написана прозою, она въ чтеніи произвела бы сильное впечатлѣніе, какъ краснорѣчивое развитіе патриотическаго тезиса, но въ стихахъ и со сцены она производитъ совершенно прозаическое впечатлѣніе. Такимъ образомъ, тѣже зрители, которыхъ привело въ энтузіазмъ представленіе «Рюи-Блаза», оставались совершенно холодными на представленіи «Маркиза де-Кенелиса». Кромѣ того, впечатлѣніе стиховъ Гюго, оставшееся въ ихъ памяти, мѣшало внимательно слушать стихи Ломона. Изъ всего, мною сказаннаго, не слѣдуетъ, однакоже, чтобы авторъ «Жана Дасье» пошелъ назадъ, тѣмъ болѣе, что «Маркизъ де-Кенелисъ», какъ носятъ слухи, написанъ имъ прежде «Жана Дасье». Критика, констатируя неуспѣхъ пьесы, признаетъ единодушно за авторомъ обладаніе всѣми условіями, необходимыми для произведенія чего либо замѣчательнаго въ драматическомъ смыслѣ, отдаетъ полную справедливость его таланту и советуетъ ему только быть смѣлѣе относительно формы и остановиться, относительно сюжета, на чемъ либо болѣе оригинальномъ.

Театральный хроникеръ газеты «République française», Жакъ Вергранъ, сдѣлался недавно директоромъ бывшаго лирическо-историческаго театра, который окрестилъ названіемъ «театра націй». Участвуя нѣкоторое время въ устройствѣ интересныхъ международныхъ утреннихъ представленій г-жи Мари Дюма, онъ возникъ мысль открыть въ Парижѣ театръ для исключительнаго исполненія лучшихъ произведеній иностранныхъ литературъ въ переводахъ на французскій языкъ и въ передѣлкахъ на французскіе нравы. До тѣхъ же поръ, пока онъ занесетъ такого рода произведенія, онъ открылъ свою сцену за историческихъ національно-республиканскихъ драмъ. Одна изъ нихъ, «Марсо», имъ возобновленная, была очень благосклонно принята публикою, подобно тому какъ и новая драма того же рода «Гонъ» на сценѣ театра Шагодо, уже около трехъ мѣсяцевъ привлекала

щая значительную публику. Вторую пьесю онъ поставилъ «Камилла Демулена», и хотя подъ подобнымъ же названіемъ существуетъ уже порядочная пьеса, написанная въ 1831 году для театра французской комедіи, возобновленная въ 1848 году для театра «Сен-Мартенскихъ Воротъ», а съ прошлаго мѣсяца, вновь появившаяся на сценѣ Бельвильскаго театра — онъ почему-то захотѣлъ имѣть новую пьесу на тотъ же сюжетъ, чѣмъ и исполнилъ для него Эмиль Морд. Съ точки зрѣнія исторической истины, пьеса недурно составлена, но, какъ драма, она не можетъ познакомить съ исторіей тѣхъ, кто ея не знаетъ, ни удовлетворить тѣхъ, кто ее знаетъ хорошо. Всѣ историческія лица, группирующіяся вокругъ Люсилы и Камиллы, вышли блѣдными, и, сверхъ того, оказались не подъ силу посредственнымъ актерамъ театра. Историческія ихъ слова, вѣрно сохранныя въ пьесѣ, какъ, напримѣръ, отвѣты передъ революціоннымъ трибуналомъ или мысли, высказанныя на поворной колесницѣ, не произвели на публику никакого впечатлѣнія. Я думаю, вообще, что нашихъ дѣателей 1789 года и 1793 годовъ не слѣдуетъ выводить передъ публикою иначе, какъ въ произведеніяхъ, написанныхъ стихами, да еще такими сильными, какъ стихи Виктора Гюго, потому что образы ихъ оставили слишкомъ яркую память и воображеніе зрителя, видящаго ихъ передъ собою, такъ сказать, за просто, невольно должно оставаться неудовлетвореннымъ. Съ точки же зрѣнія чисто драматической концепціи, я нахожу весьма справедливою мысль, высказанную за разъ нѣсколькими нашими критиками, что для вѣрнаго изображенія какой-либо исторической эпохи и притомъ такого, которое могло бы дать публикѣ полное о ней понятіе, несравненно удобнѣе группировать событія вокругъ героя вымышленнаго, чѣмъ дѣйствительно существовавшаго. Весьма подходящимъ для этого примѣромъ можетъ служить шевалье де-Мезонъ Ружъ Александра Дюма. Несмотря на всю несообразность героя этой пьесы и наивную глупость его пріключеній, драма эта такъ полно знакомитъ зрителя съ французской революціей и производитъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что подобнаго результата не достигнешь диалогированными хрониками историческихъ событій, хотя бы въ нихъ были вполне сохранены самыя подлинныя разговоры участниковъ этихъ событій. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, чтобы я раздѣлялъ извѣстный грубый парадоксъ Дюма, что исторію надобно насловать, чтобы получить отъ нея ребенка. Примѣромъ, каковъ, при такихъ чудовищныхъ условіяхъ, получается иногда ребенокъ можетъ служить хотя бы драма того же Дюма «Графиня Монсору», идущая въ настоящее время на сценѣ театра «Сен-Мартенскихъ Воротъ». Если она и имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, благодаря впечатлѣнію, какое въ роли Шико производитъ Лафонтенъ на публику, не выдавшюю въ ней Меленга, и Тальадъ своимъ типическимъ изображеніемъ Генриха III, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы сколько-нибудь развитой человѣкъ

не вынесъ изъ ея представленія самаго гнетущаго чувства недовольства, въ виду безнабашнаго извращенія исторiи и надѣвательства надъ исторической истиной. Я говорилъ все это для того только, чтобы подтвердить извѣстную мысль о различiи художественной и реальной правды. Мало того, самый родъ произведенiй видоизмѣняетъ художественную правду и, такъ сказать, подчиняетъ ее своимъ условiямъ. Правда романа, который каждый можетъ читать спокойно, сколько угодно времени, соображая и обдумывая каждую его подробность, должна выражаться однимъ способомъ, драматическая правда — другимъ. Въ театрѣ собираются случайныя массы публики, не имѣющей возможности ни наводить справки, ни перечислять страницъ, а, между тѣмъ, то, что говорится и совершается передъ нею на сценѣ, должно произвести на нее извѣстное впечатлѣнiе. Поэтому-то, изображать художественную правду на сценѣ необходимо такимъ образомъ, чтобы зритель могъ сразу и при томъ во всей полнотѣ скватывать и понимать все передъ нимъ происходящее, чтобы вниманiе его было приковано къ пьесѣ отъ начала до развязки, чтобы дѣйствующiя лица пьесы вызывали въ немъ сочувствiе или негодованiе, а дѣйствiе пьесы занимало и увлекало его. Романистъ имѣетъ возможность разъяснить за и противъ каждое событiе и каждое дѣйствiе, историческiй же драматургъ лишентъ возможности для такихъ объясненiй: онъ только утверждаетъ и, такъ сказать, оживотворяетъ. Чтобы художественная правда была или казалась правдой, драматургу необходимо возвести реальныя лица въ типы, вокругъ которыхъ должны группироваться всевозможныя фiкцiи, необходимыя для того, чтобы такой типъ выразился во всей особенноти присущей ему реальной правды. Повторю еще разъ, что ничто не покажется для зрителя болѣе живымъ, какъ точный пересказъ со сцены дѣйствительныхъ событiй, и дѣйствительно историческою драмою можетъ быть названа только или такая, въ которой реальное лицо послѣдовательнымъ рядомъ дѣйствiй выражаетъ всѣ особенноти своей личности, или такая, въ которой дѣйствiе развивается въ средѣ, изображенной съ исторической вѣрностью.

Прохожу молчанiемъ нѣсколько новыхъ пьесъ, такъ какъ это или пьесы, не имѣвшiя никакого успѣха, или фарсы. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, какъ о вещацахъ чрезвычайно забавныхъ — о двухъ: «Шерстаномъ чулкѣ» въ Пале-Роялѣ соч. Дюрю, Бюснаха и пикантнаго Гатино, и объ уморительной буффонадѣ «Который?», написанной для сцены большого театра «Комическiй Атеней». Содержанiе послѣдней основано на невозможной ошибкѣ въ мэрiи, гдѣ, вмѣсто жениха, мэръ вноситъ въ брачную книгу имя одного изъ свидѣтелей. Недоумѣнiе новобрачной, кто же изъ двухъ, женихъ ея или свидѣтель, ея мужъ, даетъ поводъ къ цѣлому ряду уморительныхъ сценъ и выходовъ.

На сценѣ театра «Водевилля», послѣ успѣшнаго возобновленiя,

пьесы Ожье, появилась новая комедийка Гондина: *Les Tarageurs* или люди, дѣйствующіе ради произведенія возможно бѣльшаго о себѣ шума. Подъ такимъ изысканнымъ названіемъ авторъ, съ обычнымъ своимъ искусствомъ, выводитъ цѣлый рядъ тщеславныхъ личностей самыхъ различныхъ общественныхъ профессій и положеній, дѣзущихъ, такъ сказать, изъ кожи для того, чтобы объ нихъ говорили. Такъ какъ для характеристики этихъ лицъ Гондина взялъ черты и краски изъ живой парижской дѣйствительности, то часть публики, посвященная въ тайны ходячей общественной хроникѣ, смотритъ съ удовольствіемъ на эту галлерей чудаконъ, уловляя ихъ сходство съ своими знакомыми. Публика же, въ эти тайны не посвященная и требующая отъ комедіи прежде всего содержанія, не можетъ быть ею довольна, такъ какъ интрига ея самая ординарная и вся пьеса завязывается и развязывается въ одномъ только третьемъ дѣйствіи.

Лекокъ, по своему обыкновенію, и нынѣшній годъ съ наступленіемъ весны написалъ новую оперетку для театра «*Renaissance*». Оперетка эта ничего не убавляетъ у прежнихъ заслугъ Лекока, но ничего къ нимъ и не прибавляетъ. Либреттистами его на этотъ разъ явились Мельякъ и Галеви, которые, впрочемъ, слегка только измѣнили его же «*La petite mariée*» въ «*La petite Mademoiselle*» для того, разумѣется, чтобы доставить г-жѣ Гранье возможность пожинать новые лавры въ роли того же жанра который ей такъ удается. Подобно тому, какъ въ «*Дочери Анго*» введены конспираторы, въ новой пьесѣ фигурируютъ дѣтели Фронды. Лекоку совершенно не удался третій актъ, но за то въ опереткѣ есть прелестныя куплеты для Гранье, которые уже поетъ на всѣхъ тонахъ весь Парижъ. Чего же еще надо?

На сценѣ театра «*Комической Оперы*», благодаря возвращенію въ его труппу г-жи Милянъ Карвалдъ, сдѣлалась возможной постановка «*Волшебной флейты*». Этотъ шедевръ Моцарта отлично исполняется, благодаря, конечно, главнѣйше г-жѣ Карвалдъ; роль Тамины была всегда лучшею ея ролью. Остальные исполнители весьма солидно ее поддерживаютъ, а хоръ жрецовъ Инды произвелъ значительный эффектъ. На сценѣ «*Большой Оперы*», дальнѣйшая участь которой до сихъ поръ ничѣмъ не рѣшена, появился снова «*Лагорскій король*», вслѣдствіе тѣхъ успѣховъ, какіе онъ стяжалъ въ Австріи, Италіи и на фестивалѣ инпродрома. Я уже имѣлъ случай подробно говорить о достоинствахъ этого произведенія Массенъ, такъ что теперь мнѣ остается только радоваться, что оно добилось, наконецъ, успѣха, вполне имъ заслуженнаго.

На страстной и святой недѣляхъ, согласно старинному обычаю, произошло нѣсколько духовныхъ концертовъ въ главныхъ церквахъ и въ консерваторіи; въ послѣдней, между прочимъ, были превосходно исполнены отрывки изъ перваго реквиема Керубини и колоссальная героическая симфонія Бетховена. Во втор-

никъ на святой, Гуно устроилъ въ залѣ дворца Трокадеро большой фестиваль, на которомъ исполнялись исключительно его произведенія. Паделу, для закрытія своихъ народныхъ концертовъ сезона 1878—1879 года, предоставилъ публикѣ возможность слышать исполненіе почти цѣликомъ перваго акта «Лоэнгринъ». На этомъ концертѣ парижская публика въ первый разъ послѣ франко-прусской войны, безъ свистовъ и заявленій неудовольствія, выслушала музыку Вагнера. Это даетъ поводъ предполагать, что патріотическое негодованіе французской публики, вызванное непристойными и до-нельзя пошлыми выходками Вагнера противъ насъ, начинается успоковаться и мы будемъ имѣть случай слышать и другія замѣчательныя его произведенія, что, разумется, нисколько не обязываетъ насъ на какія-нибудь особенныя симпатіи къ ихъ творцу.

Смерть изъ среды художественнаго и литературнаго міра похитила двѣ жертвы: живописца Кутюра, далеко пережившаго въ угрюмомъ одиночествѣ ту славу, которую въ молодости доставили ему его дѣйствительно отличныя произведенія: «Римские времена упадка», «Соколыничій» и проч. Другой жертвой явился Картьель де-Вильмессанъ, знаменитый изобрѣтатель литературно-жонглерской газеты «Фигаро». Смерть застигла этого долгаго предпринимателя и безстыднаго публициста въ окрестностяхъ Монаво, этого послѣдняго прибѣжища рулетки. Похороны его въ Парижѣ сопровождались необычайною торжественностью и Боже мой, кого только не было въ средѣ публики, сопровождавшей его въ послѣднее жилище! Писатели и дѣльцы, спекуляторы и сводники, великосвѣтскія дамы и кокетки, балерины и закладчицы!

Гг. Вастъ и Ренуаръ, авторы недавняго романа «г-жа Бекаръ», о которомъ я вамъ уже писалъ, основали съ нѣкоторою торжественностью новый журналъ, подъ названіемъ «Реальное обозрѣніе», на знамени котораго принять девизъ борьбы съ идеализмомъ. Во вступительной статьѣ они объявляютъ, что наступило время, когда реализмъ долженъ окончателно восторжествовать надъ идеализмомъ, какъ нѣкогда романтизмъ восторжествовалъ надъ классицизмомъ и какъ въ философіи рационалисты побѣдили метафизиковъ, а позитивисты психологовъ. «Слишкомъ уже долго, по мнѣнію новаго журнала, «Тартюфы печати» прикрывали житейскую грязь и сальности пристойными формами выраженія, наступила пора проповѣди настоящей нравственности, называющей предметы ихъ настоящими именами и если грязное слово имѣетъ чистый синонимъ въ литературѣ, то тѣмъ хуже для нея... мы пойдемъ своею дорогой и при встрѣчѣ съ порокомъ обнажимъ его (decullotterons) при солнечномъ свѣтѣ». Несмотря на такую рѣшимость, новый журналъ, въ первой же книжкѣ, начиная печатаніе романа изъ быта публичныхъ женщинъ, исполненнаго самыхъ реальныхъ подробностей, измѣняетъ только что высказанному ими принципу борьбы съ приличіемъ, са-

мымъ названіемъ романа, который называется *Le Monsieur de Lolotte*, хотя подъ этимъ *monsieur* и подразумѣвается завѣстная профессія, ивѣщая свое собственное опредѣленное хотя и не особенно благопристойное названіе.

Такъ какъ Золя, правда, нѣсколько сдержанно похвалилъ первый романъ гг. Васта и Ренуара, то публика, вообще, думала, что «Реальное обозрѣніе» будетъ какъ бы официальнымъ органомъ «*Assommoir*», основаннымъ въ пику академическимъ литературнымъ приэмамъ. Но она тотчасъ же въ этомъ разубѣдилась, такъ какъ новые публицисты, со втораго же выпуска своего издавія, стали критически относиться не только къ учителю, но и къ основнымъ его идеямъ: «Въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, говорится въ немъ:—появился новый талантъ, на столько же могущественный, на сколько и узкій по своимъ взглядамъ, напоминающій собою тѣ высоко подымающіеся фонтаны, какіе пробиваются изъ вулканической почвы. Это прекрасно. Мы преклоняемся предъ его силой, но не довѣряемъ его плодотворности. Онъ создалъ новое слово—натурализмъ, опредѣленіе, по нашему мнѣнію, слишкомъ бѣдное и не полное старой идеи, издавна носившей названіе реализма. Натурализмъ только система, тогда какъ реализмъ цѣлый опредѣленный методъ». Затѣмъ, слѣдуютъ ожесточенныя нападенія противъ послѣдователей Золя, которые, во имя узкой наблюдательности, безъ участія воображенія, готовы ивгнать драму и которыхъ новый журналъ называетъ то насмѣшливо «*аксолитами великаго 'первосвященника'*», то прямо названіемъ, приличнымъ развѣ только въ смыслѣ медицинскаго термина: «*constipés de lettres*».

Въ то самое время, когда натурализмъ подвергся такимъ нападеніямъ, Золя пришла мысль выдать въ видѣ брошюры статью «Республика и литература». Для за два до появленія ея въ продажѣ, «*Фигаро*» наполнилъ извлеченіями изъ нея чуть не весь свой субботній прибавочный номеръ, думая этимъ насолить республиканцамъ, но ошибся въ расчетѣ. Послѣдніе отнеслись совершенно равнодушно къ этой весьма поверхностной статьѣ Золя, исполненной всякихъ застарѣлыхъ банальностей. Мало того, парижане не могли себѣ отказать въ удовольствіи посмѣяться на счетъ Золя, по поводу помѣщенной въ статьѣ фразы, составляющей какъ бы пародію историческихъ словъ Тьера: «Республика или будетъ натуралистическою, или ея не будетъ». Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, надо сказать, что среди чисто личныхъ выходовъ противъ бѣлыхъ гастрюковъ республиканцевъ «*Temps*» и «*Débats*» и красныхъ фуфаякъ радикаловъ «*Rapell*», въ брошюру Золя заключается чрезвычайно вѣрная апологія оппортунизма Гамбетты, который онъ опредѣляетъ какъ нельзя болѣе вѣрно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Республиканецъ-натуралистъ не возводитъ никакихъ построекъ прежде, тѣмъ не изучить и не изслѣдуетъ почвы; онъ знаетъ, что каж-

дній камень, который онъ владеть, будетъ лежать прочно, что онъ окажется должное сопротивление и положенъ именно тамъ, гдѣ, по почвеннымъ условиямъ и требованіямъ постройки здания, необходимо, чтобы онъ лежалъ. Онъ человекъ фактовъ, потому и создаетъ республику не въ формѣ протестантскаго храма, готическаго собора или тюрьмы, съ видомъ, отрывающимся на лобное мѣсто, но въ видѣ простого и красиваго дома, удобнаго для жилья въ немъ всѣмъ классамъ населенія, полнаго воздуха и солнечнаго свѣта и такъ припророченнаго къ потребностямъ и вкусамъ жильцовъ, что разъ они въ немъ поселятся, то уже нигуда не выйдутъ». Забудьте только слово натурализмъ, пожалуй, хоть словомъ позитивистъ, и вы получаете въ этихъ словахъ полную и гѣрную апологию, набросанную притомъ рукою мастера, того, чѣмъ хотѣла бы быть французская республика, создававшаяся, мало-по-малу, среди возможныхъ интригъ всякихъ партій и завоевавшая при этомъ съ бою каждый камень для своей постройки, и которая съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ свѣтлой и жилой постройки.

Оканчивая мою хроникку, не могу удержаться отъ сообщенія вамъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, о появленіи новаго и весьма замѣчательнаго романа Виктора Тиссо и Константа Амра: «Прохождение Гаспера Вандергуна», который явился въ видѣ двухъ отдѣльныхъ эпизодовъ, носящихъ отдѣльные названія: «Графиня де-Монтрету» и «Берлинскія тайны». Романъ этотъ нисколько не натуралистическій по своей формѣ, но вполне реальный по своей сущности. Въ Пруссіи очень недовольны, что эти весьма интересные рассказы на расхватъ читаются французами и, въ видѣ неизбѣжнаго сосѣдства, наше управленіе дѣлами печати запретило ихъ разносную продажу. Конечно, вслѣдствіе такой мѣры, ихъ стали читать еще болѣе.

Людвигъ.

Парижъ, 24-го апрѣля 1879 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Бертольд Ауэрбахъ. Ландламмъ изъ Рейтерсгефа. Повѣсть. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1879.

Наша публицистика и наша беллетристика въ послѣднее время все внимательнѣе и внимательнѣе начинаютъ приглядываться къ любопытному процессу постепеннаго формировапія у насъ того общественнаго класса, который на Западѣ называется буржуазіей, а въ нашемъ языкѣ обозначается чаще всего тривиальнымъ терминомъ «кулачества». Это вниманіе нашей печати къ возрастающей силѣ «кулака» имѣеть свои резонныя основанія. Будущее, конечно, неизвѣстно, и удастся ли нашему «третьему сословію» en herbe приобрести такое же значеніе, какое имѣють его западные коллеги—это сказать трудно; но что касается настоящаго, совершенно несомнѣненъ тотъ фактъ, что наша молодая плутократія понемигоу крикнеть, организуется и развивается, возбуждая надежды въ однихъ и самыя живыя опасенія въ другихъ. «Простому» человѣку, обыкновенному русскому читателю, трудно разобраться въ хаосѣ противоположныхъ другъ другу мнѣній касательно одного и того же факта. Онъ не знаетъ что думать и какъ быть, выслушивая съ одной стороны, напримѣръ, увѣренія о настоятельной необходимости для Россіи «развитія фермерства» или сѣтованія о недостаточной «покровительственности» нашего тарифа, или проклятія нашей земельной общинѣ, или, наконецъ, завѣренія, что только путемъ личной и коллективной конкуренціи можетъ быть достигнуто всестороннее развитіе личности и т. д., а съ другой стороны, встрѣчаясь съ мнѣніями діаметрально противоположными. Для того, чтобы приобрести право «сказать свое сужденіе имѣть» по каждому изъ тѣхъ частныхъ экономическихъ вопросовъ, на которые естественно распадается общій вопросъ объ отношеніяхъ капитала къ труду и обратно, надо обладать знаніями и довольно широкими, и довольно спеціальными, а такое оружіе не у каждаго найдется. Для средняго читателя гораздо легче судить о причинахъ по ихъ конечнымъ результатамъ, и въ данномъ случаѣ такимъ результатомъ можетъ служить, въ известной степени, общій нравственный уровень тѣхъ людей, которые сознательно или, что у насъ гораздо чаще встрѣчается, бессознательно усвоили основныя правила совре-

менной житейской мудрости — правила въ родѣ знаменитой одинадцатой заповѣди или не менѣе знаменитаго афоризма на счетъ дремлющаго караса и не дремлющей щуки. Показать намъ интимный впутранный міръ этихъ «благополучныхъ россіянъ», этихъ побѣдоносныхъ «борцовъ за существованіе» значить характеризовать и тѣ условія, тѣ идеи, которыя создали такихъ людей, ту яблоню, съ которой упали эти яблоки. Задача эта, какъ видитъ читатель, чисто психологическаго свойства и, слѣдовательно, подлежитъ почти исключительно вѣдѣнію беллетристики и, что касается собственно русской беллетристики, нельзя не признать, что она разрабатываетъ эту задачу и усердно, и добросовѣстно, и достаточно живо. Даже самый безкитростный «не учившійся въ семинаріи» русскій читатель, ровно ничего не понимающій въ экономическихъ доктринахъ, почувствуетъ, что есть что-то неладное въ тѣхъ условіяхъ, которыя формируютъ не людей, а именно «щукъ», каковыя — чтобы не далеко ходить за примѣромъ — является съ головы до ногъ хотя бы герой очерка г. Салова — «Арендаторъ» («Отч. Зап.», апрѣль). Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, беллетристика поставлена въ гораздо болѣе выгодныя условія, нежели публицистика: не всѣ привыкли къ отвлеченному мышленію, не у всякаго хватитъ терпѣнія и умѣнія углубиться въ цифры и выкладки, но всѣ обладаютъ нравственнымъ чутьемъ и омерзительное и гнетущее впечатлѣніе, производимое щучьей личностью какаго-нибудь Уховертова, говоритъ вразумительнѣе самыхъ точныхъ теоретическихъ доказательствъ. Тутъ именно мѣсто сказать, что — «умъ молчитъ, а сердце ясно».

Съ этой точки зрѣнія переводъ (очень удовлетворительный, замѣтимъ мимоходомъ) новой повѣсти Ауэрбаха появляется у насъ какъ нельзя болѣе кстати. Герой этой повѣсти Ландолинъ — богатый нѣмецкій крестьянинъ — служитъ типическимъ представителемъ нѣмецкаго деревенскаго кулачества, которое, помимо нѣкоторыхъ второстепенныхъ специальныхъ особенностей, отличается признаками, общими всѣмъ кулакамъ важнаго шара, безъ различія національностей. Ауэрбахъ остался въ своей повѣсти чистымъ художникомъ въ старомъ значеніи этого слова, онъ анализируетъ *sine ira et studio* человеческую личность своего героя, не выговаривая никакой тенденціи, не представляя никакой морали. Онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, напримѣръ, о тѣхъ «трудахъ праведныхъ», которыми Ландолинъ нажилъ свои «палаты каменные», предоставляя воображенію самого читателя возсоздать обычную картину всякаго рода эксплуатаціи, этого почти неизбежнаго фундамента для всякаго рода «палатъ». Въ личности Ландолина сосредоточенъ весь интересъ повѣсти. «Это видный, плотный мужчина съ коротко остриженными, торчавшими волосами на могучей, напоминающей нѣсколько бычачью, головѣ. Подбородокъ его гладко выбритъ и все лицо носить отпечатокъ высокообрѣнія, пренебреженія къ другимъ и сознанія соб-

ственнаго достоинства» (11). «Онъ вообще склоненъ былъ считать добродушіе особымъ родомъ плутовства. Онъ считалъ за высшую похвалу, когда его называли непреклоннымъ. Это внушаетъ людямъ страхъ и уваженіе» (39). Ландолинъ былъ въ своемъ мірѣ и въ своемъ родѣ человѣкомъ недожизненнымъ: «всѣ другіе крупныя крестьяне не отличались честолюбіемъ; ихъ старанія и помыслы направлялись только къ приспособленію. Ландолинъ же, хотя и преслѣдовалъ прежде всего ту же цѣль, но кромѣ того, искалъ еще особаго почета» (29). Этими немногими общими замѣчаніями Ауэрбахъ и ограничиваетъ субъективную характеристику своего героя. Для характеристики, они болѣе, чѣмъ недостаточны, но они все-таки, не оставляя никакого сомнѣнія въ читателѣ, указываютъ на симпатіи и антипатіи автора. Но не въ нихъ, не въ этихъ общихъ замѣчаніяхъ, а въ фактахъ, и картинахъ повѣсти заключается суть дѣла. Ландолинъ, раздвоенный однимъ изъ своихъ работниковъ, явившимся требовать отъ него расчета—убиваетъ его. Въ этомъ узелъ повѣсти-драмы. Ни тѣмъ раскаяніемъ въ совершенномъ преступленіи, ни признаемъ, остраданіемъ къ убитому, никакого человѣческаго чувства не обнаруживаетъ нашъ герой: всѣ его помыслы устремлены на то, чтобы формально обвинить себя — сначала передъ судомъ, потомъ передъ своими односельцами. На судѣ, въ своемъ «последнемъ словѣ», онъ говоритъ: «Да, я виновенъ и заслуживаю наказанія — но не за то, въ чемъ меня обвиняютъ здѣсь. Меня слѣдуетъ карать за то, что я былъ слишкомъ магомъ, слишкомъ сострадателенъ, не жаловался въ судъ на этого несчастнаго, не заявилъ о его доказанномъ воровствѣ». «Итъ-за чего, продолжаетъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ:—люди, подобныя вамъ, должны просидѣть здѣсь цѣлый день, какъ разъ въ житейную пору, итъ-за кого? *Итъ-за жеманно работница, вся жизнь котораю не стогниъ двенадцати часовъ изъ жизни двенадцати четвртинъ и именитыхъ людей*» (146). Когда, оправданный судьей и возвращаясь съ семействомъ домой, онъ встрѣчаетъ старуху-мать убитаго итъ, которая, разумѣется, «вскакиваетъ его промлатижи, Ландолинъ кричитъ вучеру: «стегни ее внутромъ, дай мнѣ внуть, я выгану ее» (186). Обойдя судей, Ландолинъ не успѣлъ обойти своихъ односельцевъ, среди которыхъ онъ утратилъ, вслѣдствіе преступленія, прежній свой авторитетъ и вотъ—«душа Ландолина наполнилась злобой къ Тому, которому его учили поклоняться съ дѣтства, какъ милосердному Богу. Все это не правда. А еслибы была и правда? Что толку въ томъ, что Богъ милосердъ, если Онъ не вставляетъ людей быть также милосердными?» (207). Безполезна было бы продолжать далѣе выписки.

Мы сказали выше, что Ауэрбахъ не морализуетъ, не выговариваетъ никакой тенденціи. Но уже изъ тѣхъ немногихъ фактовъ, которые мы привели изъ повѣсти, опустивши всѣ тонкіе психологическіе оттѣнки, значительно усиливающіе общее впечатлѣніе, безъ труда можно вывести и мораль и тенденцію. Чита-

тель понимает—что и какъ должны мы думать объ этихъ, такъ называемыхъ, столякахъ, все приносящихъ въ жертву ради нажины и «почета»—того особеннаго почета, который не имѣетъ ничего общаго съ добровольнымъ и сердечнымъ уваженіемъ и хорошо характеризуетъ русскую поговоркой — «люби не люби да почаще взглядывай». Этимъ идоломъ все приносится въ жертву и самъ Богъ является въ представленіи этихъ людей чѣмъ-то въ родѣ ихъ главнаго приващива, обязаннаго неумыслимо почтѣсь объ ихъ, только объ ихъ интересахъ. Не имѣя никакой возможности исчерпать несложное по фабулѣ, но серьезное и глубокое содержаніе повѣсти Ауэрбаха, мы отсылаемъ къ ней читателя, настоятельно рекомендуя ее его вниманію. Мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю то печальное обстоятельство, что Ауэрбахъ не свободенъ отъ ватлинъ, но все еще вліятельныхъ традицій, въ силу которыхъ для повѣствователя считается обязательнымъ такъ или эдакъ умпротворить, условить, въ концѣ концовъ, возмущенное нравственное чувство читателя. Подчиняясь традиціонной рутинѣ, онъ представляетъ какъ противобѣсъ мрачнымъ картинамъ реальной жизни, нѣкоторымъ, такъ называемымъ, «свѣтлымъ явленіемъ». Въ его повѣсти это амалга исполняетъ нѣкая добродѣтельная «совѣтница» — совѣтница и по чину, и по профессіи, такъ какъ ее жизненная миссія только въ томъ и состоитъ, чтобы всѣмъ подавать совѣты, почерпнутые изъ афористической морали азбуки и прописей. Этому прѣсному олицетворенію грошевой добродѣтели, во волѣ автора, удается повліять на Ландоллина, тронуть его и онъ умираетъ примиренный и успокоенный. Читатель не затрудняется оцѣнить всю фальшь и натапугость такого антихудожественнаго приема.

Библиотека западной половины Россіи. Томъ первый. Спб. 1879.

Въ провинціальной публикѣ, а главнымъ образомъ въ провинціальныхъ литераторахъ укоренилось почему-то убѣжденіе, что столичная журналистика, въ большинствѣ своихъ представителей, сильно предубѣждена противъ провинціальной печати. Столичная журналистика будто бы не только смотритъ свысока на провинціальную печать, не только отрицаетъ способности въ ее творческихъ дѣятеляхъ, но и отрицаетъ, что, разумѣется, гораздо важнѣе, сама ее права на самостоятельное существованіе, видя въ ней только второстепенное пособіе для себя. Это живіе существуетъ и что касается до его второй половины, до мнимаго принципиальнаго отрицанія столичной печати печати провинціальной, мы, безъ всякихъ колебаній, называемъ его предубѣжденіемъ, ни на чемъ не основаннымъ. Слѣдуетъ намъ помнить, никто (за исключеніемъ, кажется, г. Мордовцева, который, во всякомъ случаѣ, только г. Мордовцевъ, а не «столичная печать») за послѣдніе годы не высказывалъ мнѣнія о бесполезности или невозможности развитія провинціальной печати. Да и мудро было бы высказывать подобныя мнѣнія. На чемъ ихъ основать, чѣмъ

мотивировать? Развѣ это не аксіома, что чѣмъ болѣе дѣятелей мысли, тѣмъ лучше, тѣмъ интересы правды обезпеченнѣе? Развѣ не другая аксіома то положеніе, что каждый уголокъ провинціи имѣетъ свой самобытный характеръ, свои спеціальныя интересы, разрабатывать которые необходимо на мѣстѣ, въ непосредственной близости и знакомствѣ съ ними? А разѣ эти безспорныя положенія приняты, нѣтъ никакой возможности, не расходясь съ легкостью, возставать противъ самаго широкаго развитія провинціальной печати.

Иначе стоитъ дѣло относительно первой половины указаннаго мнѣнія, относительно того, что столичная печать часто рѣзко и свысока относится къ литературнымъ трудамъ провинціи. Въ фактическомъ отношеніи это совершенно справедливо: дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями, столичная критика относилась до сихъ поръ не особенно благосклонно къ произведеніямъ провинціальной печати. Но объяснять этотъ фактъ (а это, не къ чести провинціи сказать, случалось) какими нибудь мелкими, второстепенными, чуть ли не личными и даже карманными соображеніями—это несправедливость слишкомъ явная. Неужели провинціальные литераторы, какъ новыя Нарцисы, до такой степени влюблены въ себя, что не могутъ допустить въ критикѣ искренности и честности, разѣ она высказала о нихъ рѣзкій или суровый приговоръ? Странные люди! Составивши себѣ понятіе о столичныхъ литераторахъ по ихъ взаимнымъ характеристикамъ и обличеніямъ, которыми тѣ пользуются просто какъ полемиическимъ орудіемъ, они, на основаніи этихъ почти всегда пристрастныхъ характеристикъ, дѣлаютъ свои умозаключенія о достоинствахъ мотивовъ, руководящихъ петербургскими «критиканами». Нависые люди! Они не шутя предполагаютъ, что могутъ въ дальнѣйшемъ развитіи своей печати явиться опасными конкурентами для столичной журналистики, какъ будто цѣли, задачи и кругъ дѣйствія той и другой не различаются между собою самымъ существеннымъ образомъ.

Вотъ и теперь мы находимся въ затруднительномъ положеніи: не похвалить, значить навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи къ централизаціи литературы, къ умственной гегемоніи столицъ и пр., а похвалить—совѣсть не позволяетъ. Передъ нами лежитъ провинціальный сборникъ: «Библіотека западной полосы Россіи». Правда, онъ издавъ въ Петербургѣ, печатался на Измайловскомъ проспектѣ, но это чисто внѣшняя и второстепенная подробность: его задачи и цѣли совершенно мѣстныя, провинціальныя. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ и желаетъ редація сборника, какъ это видно изъ ея объясненія своей программы: «Стремленіемъ изданія, какъ мы сообщали это подписчикамъ нашимъ въ объявленіяхъ, есть болѣе близкое ознакомленіе съ исторіей, литературой и современнымъ бытомъ обитателей западной полосы нашей имперіи. Мы знаемъ, что и публицистика и публика наша сознаютъ недостаточность знакомства нашего съ внутреннею

жизнью не только малых племенъ, какъ-то латышей, финновъ, но даже евреевъ, поляковъ и самой Малороссіи, а потому, полагаемъ, признается и польза отъ нашего изданія». Самый придирчивый столичный возль не могъ бы ничего сказать противъ современности и серьёзности этихъ дѣлъ, хотя, быть можетъ, и сдѣлалъ бы нѣсколько замѣчаній относительно страннаго языка почтенной редакціи: «стремленіемъ изданія есть болѣе близкое ознакомленіе» и пр.—это сказано болѣе, чѣмъ неуклюже. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что редакція «на первомъ шагѣ сознаеть уже, что мало удовлетворяетъ предначертанной дѣлѣ» и «спросить у читателей снисхожденія». Пожалуй, и это ничто: въ самомъ дѣлѣ, «нельзя же вдругъ», какъ говорилъ Обломовъ, и отчего же и не «снизойти» къ редакціи, не успѣвшей обезпечить себя надлежащими литературными силами. Но вотъ что плохо—и мы должны съ сожалѣніемъ замѣтить, что это черта довольно общая въ нашей провинціальной литературѣ—не успѣвши еще какъ слѣдуетъ опереться и сознавался въ своихъ бессиліи, редакція «Библиотеки» тѣмъ не менѣе считаетъ себя въ правѣ бросить нѣкоторый камушекъ въ огорождѣ столичной печати. «Мы, общааетъ она между прочимъ:—будемъ переводить сочиненія Мицкевича, Шевченки, Булинина и другихъ писателей. Хотя кое-что изъ ихъ произведеній переведено уже на русскій языкъ, но переводы очень часто весьма неудовлетворительны». Неудовлетворительны—допустить, что такъ. Переводы почтенной редакціи, вѣроятно, гораздо удовлетворительнѣе. «Я былъ очень любопытенъ узнать исторію Войта», «графиня осмѣлила меня—эти перлы литовско-руско-еврейскаго жаргона мы нашли въ переводѣ повѣсти Крашевскаго (7, 29.). А вотъ образчикъ стихотворныхъ переводовъ изъ польскихъ поэтовъ: «куда ты—такъ заставаляетъ русскій переводчикъ вопрошать несчастнаго польскаго поэта — «куда ты, казакъ мой, такъ мчишься стрѣломъ?»

Иль, можетъ, ты къ милой, что ждешь мать средь мѣм,

И грустно загла—мчешь *истертымъ*?

Ты шапку надвинулъ, возки опадаютъ (?)

А пальныя тучи (?) степью пролетаютъ.

(Изъ поэмы «Мари»).)

Если это стихи, то всякій волостной писарь можетъ быть поэтомъ. И при такомъ-то неумѣнн владѣть русскимъ языкомъ редакція говорить о неудовлетворительности русскихъ переводовъ, хотя между этими «неудовлетворительными» переводами есть такіа добросовѣстныя и талантливыя изданія, какъ, напримѣръ, недавнее москвовское изданіе стихотворенія Кондратовича! Глядя на эти претензіи, невольно вспомнишь грубо остроумную русскую поговорку, гласящую о людяхъ, у которыхъ на рубль амебиди и на грошъ аммуниціи.

Въ сборникѣ не одинъ только переводы: есть и оригинальныя вещи. Если читатель «любопытенъ узнать» ихъ содержаніе, то мы «осмѣлимъ себя» уклониться отъ его передачи и переключен-

довать ему донскиваться этого содержания самому. Дѣло въ томъ, что въ этой массѣ «словъ, словъ» трудно найти какое-нибудь опредѣленное, по крайней мѣрѣ, серьезное содержаніе. Въ капитальной статьѣ самого (если не ошибаемся) издателя г. Шигарина—комедіи «На берегу Днѣпра»—всѣ дѣйствующіе «образы безъ лицъ» пристегнуты авторомъ собственно къ одной тенденціи, очень благонамѣренной и настолько утѣшительной, и можно сказать, розовой, что читателю остается только устами г. Шигарина медь пить. Тенденція эта рельефнѣе всего выражается въ заключительной картинѣ пьесы:

«Мартина: посреди Кырьяковъ (русскій купецъ) подаетъ одну руку Заборовскому (польскому немѣцкику) и другую Леону (молодому еврей), Григорій (сынъ Кырьякова) и Мальвина (дочь Заборовскаго) стоятъ рука объ руку, Марія Кырьякова (жена купца) благословляетъ ихъ, а Пидилъ (мужикъ) сына; Израель (еврей-«отацъ») уныло склоняетъ голову и Сегаровъ (еврей жд) утѣшаетъ его».

Именно—«мартина»! Полагая, русскій и еврей дружески протягиваютъ другъ другу руки, а крестьянникъ Пидилъ благословляетъ сына на образованіе, доставляемое ему щедротами гдаданаго «пана»—что за идиллія, что за Аркадія! «Рыцарь Геснера не читывалъ, но имѣлъ еще сердце кѣмъ-то». У г. Шигарина, очевидно, кѣмъ-то сердце. Только этотъ чрезвычайной сердечной нѣжностью и, кромѣ того, провинціальною дѣвственностью ума и можно объяснить это кисло-сладкое возвращеніе на глубокой и серьезный историко-общественный вопросъ, въ составъ котораго входятъ и племенные, и религіозные, и культурные, и экономическіе, и политическіе, и сословные элементы. «Братія, давайте плакать», сказалъ одинъ проповѣдникъ и слушатели его дѣйствительно заплакали, потому что это имъ ровно ничего не стоило. «Братія, подадимъ другъ другу руки», ибо «образованіе всѣхъ равняетъ» (какъ говорить въ концѣ комедіи нѣмецъ Броднеръ, что, вѣроятно, тоже не лишено кѣмъ-то невинной тенденціозности), предлагаетъ г. Шигаринъ своей комедіей, но наврядъ ли его успѣхъ въ «западной полосѣ Россіи» будетъ таковъ же, какъ успѣхъ того проповѣдника. Маниловщина играетъ въ исторіи весьма не важную роль и «именинъ сердца» г. Шигарину не дождаться.

Пойдемъ дальнѣе. Анекдотъ, рассказанный г. Богровымъ («Нѣжный братецъ»), очень забавенъ, но такъ какъ онъ легко могъ произойти и въ восточной, и въ сѣверной, и во всѣхъ другихъ «полосахъ» Россіи, то собственно для характеристики «западной полосы» онъ никакого значенія не имѣетъ. «Бреша христіанскаго мальчика», г. Дмитріева, замѣчательна, главнымъ образомъ, романтическими ужасами, напоминающими похищенія Рокамболя, да еще пламенной ненавистью автора къ Румыніи: «О, восславляетъ онъ:—исполать тебѣ, прелестивѣйшая, свободная, неподкупная земля цыганъ и потомковъ римскихъ ка-

торжниковъ!» (48). Прекрасное восклицаніе, наводящее, какъ говорится, на размышленіе. Почему быть цыганомъ позорно, г. Дмитріевъ? Что же касается до предковъ, то гордость (такъ же, какъ и стыдъ) за нихъ давно надо предоставить гуслямъ, и тѣ люди, а также и тѣ народы, которые любятъ говорить преимущественно о славномъ прошломъ своего рода или своего племени, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о бѣдности и ничтожествѣ своего настоящаго — это ясно. Наконецъ, съ полнымъ правомъ можно усумниться въ дѣйствительности факта, подавшаго г. Дмитріеву поводъ къ его восклицанію: румынскій «префектъ полиціи» отпускаетъ на свободу, въ городѣ, за хорошую ватку, шайку разбойниковъ и даже позволяетъ ихъ атаману «покровительственно потрепать» себя по плечу. Не вѣрю, ибо нелѣзно, можемъ сказать мы, пародировавъ извѣстное изреченіе.

И таковы всѣ статьи «Библіотеки», и даже статья г. Снасовича о «вышѣшнихъ шляхетскихъ помѣстныхъ судахъ» не составляетъ исключенія, потому что, касаясь предмета слишкомъ частнаго и спеціальнаго, она, въ литературномъ отношеніи, прямо сказать, плоха. Критика «Библіотеки», какъ ни трудно это представить, стоитъ еще гораздо ниже ея новизн, беллетристики и публицистики.

Такого безхитростнаго, обнаженно-наивнаго, ученическаго упражненія, какое, подъ видомъ критической статьи, представилъ г. Либровичъ, намъ до сихъ поръ рѣшительно не приходилось читать въ печати. А редакція «Библіотеки» — и это характеризуетъ ея литературный вкусъ — въѣсто того, чтобы вывиниться передъ читателями, что вотъ, молъ, положеніе наше, провинціаловъ, какое горькое, принуждены всаать сотрудничества несовершеннѣйшихъ гимназистовъ; редакція дѣлаетъ къ «сочиненію» г. Либровича такое примѣчаніе: «помѣщая настоящую статью и признавая, что въ польской литературѣ есть весьма талантливые писатели, редакція не можетъ не замѣтить, что авторъ владетъ слишкомъ яркія краски». Яркія краски! А статья пропитана водой, какъ греческая губка и единственной оригинальной мыслью, лучше которой дѣйствительно не придумаешь, «хоть проглоти перо», является ея основной тезисъ, гласящій, что «сравненіе современнаго состоянія польской литературы съ солнечной системой основано на безусловно вѣрныхъ данныхъ». Затѣмъ слѣдуетъ раздача похвальныхъ листовъ литераторамъ-планетамъ, при чемъ не обижень и не обойдены рѣшительно никто — столь польская литература богата талантами.

Мы терпѣливо остановились на всѣхъ сколько-нибудь характерныхъ статьяхъ «Библіотеки» и, какъ видитъ читатель, пришли къ очень неутѣшительнымъ выводамъ. Слѣдуетъ думать, что не столичное недоброжелательство въ провинціи, не *jealousie de métier* тому причиною, а внутреннія качества самаго сборника. Мы хорошо знаемъ и понимаемъ всю тяжесть условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать нашему провинціальному литера-

турному работнику. И эта тяжесть, безъ сомнѣнія, является достаточно «облегчающимъ обстоятельствомъ». Есть, однако же, минимумъ литературныхъ требованій, ниже котораго ни при какихъ условіяхъ спускаться непозволительно, подѣ страхомъ получить дружескіе совѣты заняться лучше шитьемъ сапоговъ или печеніемъ пироговъ, нежели затрачивать непропорционально умственный трудъ. А «Библиотека», по крайней мѣрѣ, этотъ первый томъ ея, стойте если не ниже, то и ни на волосъ не выше этого едва-едва возможнаго и терпимаго minimum'a.

Смута. Драматическая хроника въ пяти дѣйствіяхъ. Гр. Голенищевъ-Кутузовъ. Спб. 1879.

Историческая драмѣ не посчастливилось въ нашей литературѣ. Въ то время, какъ всѣ другіе роды и виды художественнаго творчества — въ особенности романъ и комедія — культивировались у насъ и усердно и умѣло, историческая драма была какъ будто забыта, занимала, правда, почетное, но довольно изолированное и какъ будто даже запятанное мѣсто. Причинъ этому много и одна изъ нихъ, едва ли не важнѣйшая, заключается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ нашей исторіи, изъ которой поэтъ-драматургъ принужденъ черпать и типы, и сюжеты, и картины. Наша исторія богата драматическими моментами и положеніями, но относительно довольно бѣдна выдающимися характерами, съ богатымъ и разнообразнымъ психологическимъ содержаниемъ. Величайшія эпохи нашей исторіи — тѣ эпохи, въ которыхъ событія создавались не отдѣльными личностями, а коллективной силою массъ, при всемъ своемъ грандіозномъ драматизмѣ, наименѣе удобны для художественнаго воспроизведенія въ драмѣ. Въ такія эпохи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является вся страна, народъ, олицетворить который въ одномъ или нѣсколькихъ типахъ невозможно, какъ нельзя вычерпать моря ковшемъ. Очень яркимъ доказательствомъ всей громадной трудности подобной задачи представляется извѣстная драма г. Островскаго — «Кузъма Захарычъ Мининъ-Суворовъ», которая, по рѣзкому, но не преувеличенному сравненію одного изъ критиковъ, напоминаетъ картину съ огромнымъ генераломъ-командиромъ на первомъ планѣ, и съ рядами крошечныхъ солдатиковъ на второмъ — въ такихъ отношеніяхъ, въ такихъ пропорціяхъ изображенъ въ драмѣ г. Островскаго, вопреки дѣйствительности, народъ и одинъ изъ его представителей. Но г. Островскій въ извѣстной степени все-таки имѣлъ право поставить своего героя въ центрѣ движенія и драму изъ народной жизни назвать его именемъ: Мининъ все-таки подходитъ къ этой роли. Г. Голенищевъ-Кутузовъ линилъ себя въ этомъ отношеніи всѣхъ ресурсовъ. Герой его «драматической хроники» именно «Смута» — та политическая и нравственная смута, которую отмѣчено въ нашей исторіи тяжелое время самозванщины. Но такъ какъ безъ нѣкотораго центрального пункта драматургу обойтись нельзя и такъ какъ въ эпохѣ, избранной г. Голенищевымъ, такой центральной

личности рѣшительно не имѣлось, то онъ совершенно произвольно поставилъ въ центрѣ дѣйствія князя Василія Шуйскаго. Трудно было придумать болѣе неудачный приемъ и выборъ. Шуйскій — старый правовѣрный бояринъ, легко однако-же мирившійся со всякими «новшествами», большой честолюбецъ и очень жалкій человекъ, менѣе всего удобенъ для олицетворенія въ его личности всего русскаго народа, съ которымъ онъ ни по своему положенію, ни по своему личному характеру не имѣлъ ничего общаго. Покладистый «царедворецъ», вся политика котораго состояла въ томъ, чтобы и овцы были цѣлы и волки были сыты и чтобы, главное, можно было внижкомалу обдирать и тѣхъ и другихъ, и народъ, озорбленный въ своемъ лучшемъ чувствѣ — какое поразительное несоотвѣтствіе и какая громадная художественная ошибка приурочить колоссальную народную «смуту» къ крошечной фигуркѣ закулиснаго интригана. Очень естественно, что, равъ ставши въ фальшивое положеніе, г. Голеннищевъ долженъ былъ прибѣгать къ натяжкамъ, насложать и исторію и психологію. У него Шуйскій является то (какъ, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи) интригомъ и угловатымъ старикомъ, предпочитающимъ явной борьбѣ — тайный подвохъ, открытому протесту — интригу, то каменитъ-то безстрашнымъ и гордымъ служителемъ великой идеи, какъ напримѣръ, въ заключительной сценѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ Сигизмунду:

Мое служеніе

Отчина колено. На божіи судъ

Явился я . . . . .

Но тѣхъ людей еще не родилось,

Тѣхъ королей, владыкъ земныхъ не знаю,

Предъ кони-бъ Василій, царь московскій,

Пемзавану голову склонилъ

И ницъ увалъ (104).

То, наконецъ, Шуйскій является у г. Голеннищева и тѣмъ и другимъ, какъ напримѣръ, во второмъ дѣйствіи, гдѣ Шуйскій въ одно и тоже время покоитъ и на застарѣлаго преддворнаго, не понимающаго другой жизни, кромѣ придворной, и радующагося смятѣнъ съ него неважестной онаги, то олитъ таки служителемъ одной излюбленной идеи, внезапно увидавшимъ возможность ея осуществленія. Нѣтъ надобности прибавлять къ этому, что народъ, въ средѣ котораго именно и происходила вся «смута», вся драма, фигурируетъ въ драматической хроникѣ г. Голеннищева, по обыкновенію, какъ-то бокомъ, въ видѣ необходимой мебели, хотя на эту самозавѣщанную сторону дѣла г. Голеннищевъ, видимо, обратилъ вниманіе: «народъ», т. е. какъ водится одинъ купецъ или «торговый гость», два-три старика, двѣ три бабы довольно часто появляются на сценѣ; но менѣе часто раздаются «голоса изъ толпы», долженствующіе кратко, но ясно формулировать настроеніе массъ. Но эта обычная рутинная нашихъ драматурговъ, разумѣется, не спасаетъ дѣла, и читатель

отдается съ прежнимъ, по истинѣ, смутнымъ впечатлѣніемъ отъ носительно пружинъ, двигавшихъ народною силою и народною волею.

Вообще говоря, г. Голенищевъ внимательно и добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ. Все, что можетъ сдѣлать небольшой талантъ съ очень большою тѣмой—онъ сдѣлалъ. Тамъ, гдѣ исторія доставляла ему обильный и доступный для легкой разработки матеріалъ, онъ явился даже очень недолжнымъ мастеромъ: несложный, но, если такъ можно выразиться, *животинный* характеръ Марвины Миннекъ представляетъ имъ въ очень выпуклыхъ чертахъ. Но, конечно, двѣ три хорошія подробности не сглаживаютъ и не выкупаютъ огромныхъ недостатковъ дѣлаго.

Иностранная Россія. Томъ I. Выпуски 1 и 2.

Этими двумя выпусками начинается обширное предпріятіе книгопродавца-издателя Вольфа, имѣющее цѣлью изобразить «отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи». Повидимому, они составляютъ вѣтвь въ родѣ «пробы пера», потому что продаются отдѣльно, независимо отъ подписки. Все изданіе окончится въ четырехлѣтній срокъ и будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, которые составятъ въ общей сложности до 800 печатныхъ листовъ большаго формата. Въ первыхъ двухъ выпускахъ всего 13 листовъ.

Предпріятіе г. Вольфа настолько обширно, настолько, по замыслу, хорошо, наконецъ, настолько зарекомендовываетъ себя именемъ редактора, г. Семенова, что крайне несприто читать напечатанныя на оберткѣ напыщенныя рекламныя г. издателя. «Русское общество, провозглашаетъ г. Вольфъ:—на всякое дѣло, жонившееся къ возвышенію нашей родины, было всегда отъзывчиво; не разъ представлялись ему случаи доказывать, насколько дорого ему его отечество, насколько слава Россіи связана съ его жизнью. Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью представить Россію на всемъ ея пространствѣ, со всѣми богатствами и красотами ея природы, со всѣми задатками ея силы и могущества. Показать Русь въ этомъ видѣ есть дѣло патриотизма. Инициативу этого патриотическаго дѣла мы приняли на себя, но чувствуемъ, что если на нашъ зовъ не откликнется все русское общество, всѣ истинно русскія сердца въ палатахъ и катахъ, въ городахъ и деревняхъ, всѣ, кому дорога слава нашей родины» и проч. Въ концѣ-концовъ, г. Вольфъ требуетъ отъ «русскихъ сердецъ въ палатахъ и катахъ» «какъ пополненія имѣющагося у него матеріала, такъ и возможно усиленной подписки на изданіе». Русскія сердца въ катахъ, конечно, не дадутъ ни того, ни другого, и краснорѣчивому г. Вольфу это извѣстно лучше, чѣмъ намъ. Что же касается русскихъ сердецъ въ палатахъ, то они отлично понимаютъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующее: г. Вольфу и прежде случалось издавать хорошія книги, какъ случалось издавать и дрянныя, но г. Вольфъ, фигурирующий въ роли «иниціатора патриотическаго дѣла», можетъ только людей насмѣшить

и даже это самое дѣло скомпрометировать. Еслибы предпріятіе, въ самомъ дѣлѣ, было предоставлено «слабосилію одного человека», какъ говорится въ той же рекламѣ, и именно слабосилію г. Вольфа, то, конечно, оно не имѣло бы никакой будущности. Г. Вольфъ толкуетъ о славіи, могуществѣ, богатствѣ Россіи и полагаетъ, что «показать Русь въ этомъ видѣ есть дѣло патриотизма». Люди вольфовскаго зачала, конечно, и не могутъ понимать патриотизмъ иначе. Къ счастью, г. Вольфъ больше для красоты слога размышляетъ о слабосиліи одного человека и о славіи нашей родины; лежащая передъ нами книга содержаніемъ своимъ рѣзко противорѣчитъ рекламѣ издателя: рѣчь въ ней идетъ совсѣмъ не о славіи, могуществѣ и богатствѣ Россіи, а, напротивъ, о нищетѣ и вслѣдствіи мразѣ нашего крайняго сѣвера.

Впрочемъ, въ качествѣ «пробы пера», первые два выпуска «Живописной Россіи» не особенно удачны: содержаніе ихъ слишкомъ не характерно, чтобы по нимъ можно было судить объ общей фнзіономіи изданія—можетъ быть, «Живописная Россія» и въ самомъ дѣлѣ будетъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу, а, можетъ быть, ей суждено просто украшать салоны въ видѣ красиваго кипсека. Въ этихъ выпускахъ, составляющихъ лишь небольшую часть первой главы перваго тома, напечатаны статьи «Первобытный лѣсъ» и «Лѣсные жители» обстоятельнаго, но нѣсколько приторнаго и вычурнаго С. В. Максимова и статья «Мезенская тундра» бойкаго, но нѣсколько легкомысленнаго В. И. Немировича-Данченки.

Въ книгѣ много очень хорошихъ рисунковъ отчасти иностраннаго происхожденія, отчасти исполненныхъ русскими художниками, главнымъ образомъ, г. Карзиннинымъ. Это ловкій и эффектный рисовальщикъ, но насколько его произведенія близки къ дѣйствительности, судить не беремся. Впрочемъ, онъ беретъ на себя больше драматическіе сюжеты («Зырянинъ и волки», «Шкуна, затертая льдами и покинутаая экипажемъ» и т. п.), въ которыхъ есть на чемъ разгуляться фантазіи. Отношеніе между рисунками и текстомъ довольно странное. Такъ, на страницѣ 53 есть маленькій рисунокъ «Ловъ стерляди самоловами въ Двинѣ», но самъ по себѣ этотъ рисунокъ ровно ничего не говоритъ, а объясненія ему въ текстѣ нѣтъ. На страницахъ 76 и 77 изображены «Самоловскія горы въ Канинской тундрѣ» и «Хабей-Хунгаръ», но текстъ умышленно не упоминаетъ и о Самоловскихъ горахъ, и о Хабей-Хунгарѣ. Къ страницѣ 88 приложена картинка французскаго художника Балра «Охота на медвѣдя», но текстъ ея не объясняетъ.

Обращаясь къ самому тексту, мы находимъ, напримѣръ, у г. Максимова нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о судьбѣ общиннаго землевладѣнія и раскола на сѣверѣ. Само собою разумѣется, что «Живописная Россія», если она претендуетъ на сколько-нибудь серьезное значеніе, не можетъ этимъ удовольствоваться. Но спрашивается ли она въ слѣдующихъ выпускахъ пополнить скудное

сообщеніе г. Максимова, неизвѣстно. Такимъ образомъ, для правильного сужденія о «Живописной Россіи» надо еще подождать дальнѣйшихъ выпусковъ. Правда, на оберткѣ напечатана приближительная программа или «предполагаемое общее содержаніе сочиненія», но на основаніи этой программы трудно сдѣлать каки-нибудь заключенія. Вотъ для примѣра предполагаемое содержаніе главы X («Московская промышленная или верхне-волжская область»): «Слѣды, памятники и остатки древнихъ финскихъ аборигеновъ области.—Историческо-географическій обзоръ Суздальско-Владимірской Руси до татарскаго погрома (*И. Е. Забѣлина*).—Историческо-географическій обзоръ прежняго московскаго княжества и государства (*И. Е. Забѣлина*).—Москва съ воцаренія дома Романовыхъ до Петра Великаго (*И. Е. Забѣлина*).—Москва со временъ дѣтства Петра Великаго до пожара 1812 года.—Современная Москва въ промышленномъ, торговомъ и культурномъ отношеніи.—Окрестности Москвы (*И. Е. Забѣлина*).—Святини московской области вѣдъ Москвы (*И. Е. Забѣлина*).—Характеръ поверхности и почвы въ пространствѣ между Волгою и Окою и сельское хозяйство ея жителей.—Великорусское племя московской области.—Жизнь и бытъ наиболее образованныхъ сословій московской области (*В. П. Кюшниковъ*).—Прогулка по верхней Волгѣ отъ Ржева до Ярославля (*Е. П. Карновича*).—Прогулка по Волгѣ отъ Ярославля до Васильурска (*А. С. Гацискаго*).—Нижній-Новгородъ и его ярмарка и достопримѣчательности (*А. С. Гацискаго*).—Фабричная и мануфактурная промышленность всей московской области со включеніемъ Москвы.—Лѣсное Заволжье Костромской и Нижегородской губерній (*П. И. Мельникова*).—Заволжье Тверской и Ярославской губерній (*Е. П. Карновича*).—Общій географическо-статистическій обзоръ губерній: Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской и Тверской».

Изъ этого перечня видно, что едва ли не наиболее живныя рубрики—промышленность и торговля Москвы, фабричная и мануфактурная промышленность всей московской области, сельское хозяйство верхнихъ волжскихъ губерній, общій статистическій обзоръ прилегающихъ къ Москвѣ губерній—только намѣчены и не привлекли еще ни одного русскаго сердца изъ хаты или палаты. Мы, съ своей стороны, отъ души готовы присоединиться къ ходатайству г. Вольфа и просить знающихъ людей, чтобы они не оставили въ одиночествѣ слабосилія этого патріота своего отечества.

Этюдъ о Мольерѣ, Тартюффѣ. Исторія типа и пьесы. Монографія *Алекся Веселовскаго*. М. 1879.

Всякаго рода изслѣдованія можно свести къ двумъ типическимъ формамъ. Первая имѣетъ въ виду каку-нибудь одну сторону одного или многихъ предметовъ. Вторая занимается по возможности всѣми сторонами одного предмета. Это и есть монографія. Къ первому роду изслѣдованій относятся всё такъ на-

знаемныя абстрактныя науки, изучающія, напримѣръ, математическія или физическія свойства всѣхъ доступныхъ явленій и какъ бы игнорирующія остальные ихъ стороны. Монографія, напротивъ, выдѣляя какой-нибудь предметъ изъ цѣлыя явленій, оглядываетъ его со всѣхъ сторонъ, во всей его жизненной цѣльности. Мѣрять эти два типа исследования, признавать одинъ изъ нихъ выше или ниже другого нѣтъ никакого резона. Если правда, что въ дѣлѣ наложенія всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, то еще гораздо болѣе правда, что въ дѣлѣ исследования, изученія всѣ роды хороши, кромѣ неумѣстнаго. А неумѣстными критеріи исследования оказываются тогда, когда переступаютъ свои естественные предѣлы. Надо однако замѣтить, что эта опасность несравненно болѣе грозитъ абстрактному исследованію, чѣмъ монографическому. Работа абстрактнаго исследователя имѣетъ часто условный характеръ. въ томъ смыслѣ условный, что, будучи построена на одной только группѣ свойствъ явленій, она отнюдь не можетъ вполне соответствовать дѣйствительности, а требуетъ извѣстныхъ поправокъ и дополненій. Мысль, приученная постояннымъ упражненіемъ раздроблять явленія, отягочить ту или другую, но всегда одну и ту же группу ихъ свойствъ и на ней сосредоточиваться, легко можетъ придать этой группѣ свойства несоответственное значеніе, забыть о тѣхъ поправкахъ, необходимости которыхъ вытекаетъ изъ самой сути абстрактнаго исследования. Мы это и видимъ очень часто въ дѣйствительности. Съ другой стороны, монографическая работа, какъ мы ее понимаемъ, хотя и гарантирована охватъ-таки самою своею сущью отъ подобныхъ заблужденій, но за то требуетъ отъ исследователя такой разносторонности, какаю не часто встрѣчаемъ. Можетъ быть, поэтому самому, а можетъ быть еще и потому, что критеріи и результаты монографическаго исследования стоятъ ближе къ жизни, полнѣе, всестороннѣе отражаютъ дѣйствительность, они обыкновенно привлекаютъ къ себѣ болѣе, хотя часто поверхностное вниманіе большинства такъ называемой публики, но очень туго пробиваются въ сферы официальной науки и снѣгающія себя родственными имъ.

Мы не будемъ приводить подтверждающіе прикѣпкъ въ исторіи собственно науки и напомнимъ только наши недавніе споры и препирательства о цѣляхъ искусства и художественной критикѣ: одни искали для этой области исключительно эстетическаго критерія, другіе находили такой специальный критерій недостаточнымъ. При этомъ приверженцы эстетической критикѣ находили весьма мало сочувствія въ болѣе многочислѣй читательской публикѣ, а приверженцы критикѣ, скажемъ, публицистической пользовались не хорошей репутаціей въ сферахъ, полуофициально или официально бранящихъ подъ своею защитою искусство. Тутъ много было, конечно, недоразумѣній. Собственно говоря, критикъ, сознательно отдавая сторону эстетическую сторону художественнаго произведенія и на ней одной сосредоточивающій все

вниманіе, совершенно правъ, пока онъ помнитъ, что его изслѣдованіе, въ качествѣ абстрактнаго, не обниметъ всѣхъ сторонъ предмета и требуетъ извѣстныхъ дополненій. Нельзя требовать, чтобы именно онъ самъ далъ эти дополненія—всякій воленъ выбирать себѣ задачу по плечу и по сердцу—но можно настоятельно требовать, чтобы онъ терпиме, даже съ уваженіемъ относился къ тѣмъ, кто выбираетъ себѣ иныя задачи, кто беретъ на себя трудъ рассмотреть произведеніе не только съ эстетической стороны, а и со стороны нравственной или политической.

Теперь всѣ эти споры улеглись, недоразумѣнія, кажется, устраняются, и только чуждый русской литературѣ Эмиль Золя, продолжая открывать свою маленькую Америку, время отъ времени поднимаетъ въ паррикурномъ видѣ вопросы, давно нами пережитые и сданные въ архивъ.

Что споры дѣйствительно улеглись, это можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что изъ не вынымаютъ «монографія» г. Веселовскаго. Явись это изслѣдованіе лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, сколько разговоровъ поднялось бы, какъ бы, напримеръ, по поводу слѣдующихъ словъ, которыми начинается предисловіе: «Въ исторіи мольеровскаго творчества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первоначальныхъ судьбахъ національной французской комедіи, безспорно самымъ знаменательнымъ и плодотворнымъ является тотъ періодъ, когда создается, одно за другимъ, словно части одной сатирической трилогіи, совершеннѣйшія изъ мольеровскихъ произведеній: «Тартюффъ», «Дон-Жуанъ», «Мизантропъ». Послѣ долгихъ исканій, сатирикъ находитъ наконецъ свой настоящій путь, веселая насмѣшка уступаетъ мѣсто сдѣланому обличенію, и комедія, казалось, такъ недавно еще всерьезъ чуждымъ итальянскимъ театромъ, едва высвобождавшаяся изъ-подъ его авторитета и отъакивавшая говорить «своимъ словомъ», сразу вырастаетъ въ стройное, художественное, самостоятельное цѣлое, отвоевываетъ себѣ глубоко социальное значеніе».

Можетъ ли искусство претендовать на «соціальное значеніе»? Законны ли его вылазки изъ области красоты и «звучанъ складки» въ бурную область «житейскаго волненья» и «бития»? Достойна ли сатира, какъ бы и въ формѣ комедіи, наименованія художественнаго произведенія? Унизилъ ли недаль Мольеръ искусство, устремивъ его прямо къ откровенно орудіемъ политической борьбы? Убиле или оживило его талантъ присутствіе яро намѣченной «тенденціи»? Вотъ вопросы, которые иныи всякій (Эмиль Золя не въ счетъ) постыдится даже поставить. Г. Веселовскій и не ставитъ ихъ. Несмотря на многое множество всякаго рода писаній о Тартюффѣ, говоритъ онъ: «мы не встрѣчали еще ни одной монографіи, которая, обставивъ «Тартюффа» современной общественной средой, вмѣстѣ съ тѣмъ свела бы всѣ добытыя по сю пору данныя о его происхожденіи, коснулась разнорѣчія теорій, попыталась опредѣлить источники, заимствованія и роль самостоятельнаго творчества».

Сообразно этой задаче, исследование г. Веселовского распадается на четыре главы. В первой автор рисует картину французского общества половины XVII вѣка, обращая преимущественное вниманіе на нравы и вообще роль духовенства. Во второй рѣчь идетъ объ исторіи лицемерья, какъ художественнаго типа, начиная съ обработки этой темы Овидіемъ и Проперціемъ. Третья глава занята разборомъ мнѣній о живомъ прототипѣ Тартюффа и о тѣхъ заимствованіяхъ, которыя Мольеръ дѣлалъ у своихъ предшественниковъ. Наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ рассказываетъ исторію самой пьесы, исторію мистарствъ, которыя должны были пройти Тартюффъ и самъ Мольеръ въ борьбѣ съ раздраженными гусьями.

Въ «Тартюффѣ» браанный кличъ играетъ такую преобладающую роль, что критикъ поневолѣ долженъ уделить сравнительно весьма малое мѣсто разбору его эстетической стороны. Такъ дѣлаетъ и г. Веселовскій. Онъ главнѣйшее занятъ анализомъ общественной почвы, на которой выросъ Тартюффъ, и общественного его значенія. Не мало также отдано вниманія разъясненію литературныхъ источниковъ Тартюффа. Все это исполнено весьма тщательно, а кое гдѣ, быть можетъ, даже слишкомъ тщательно. Такъ, напримѣръ, авторъ очень хорошо понимаетъ, что съ страстью къ мнимо документальной точности скрывается въ дѣлѣ весьма невыгодное и поверхностное представленіе о сущности поэтического творчества; стремясь приписать къ мѣлкому вымышленному поэтомъ характеру армянчезъ, свидѣтельствующій съ чьего ботаническаго обстоятельствомъ о его родѣ и видѣ, биографъ или критикъ въ сущности руководится мыслью, что вся работа художника состоитъ лишь въ свисываніи кортезовъ, что не отвлеченіе и художественная переработка характеристикъ чертъ изъ дѣйствительности, а валомъ ее передача въ литературной формѣ составляетъ основу всего творческаго процесса» (стр. 188). Понимая это, г. Веселовскій, однако, не прочь перервать чуть не всѣ попытки прислать оригиналь Тартюффа.

Какъ бы то ни было, монографія г. Веселовского очень полезна, и мы увѣрены, что, явись нѣчто подобное во Франціи, особенно теперь, когда тамъ опять обостряется борьба съ клерикализмомъ. Книга надѣлала бы шуму. У насъ она шуму не надѣлаетъ, ни ее прочтешь не безъ интереса, но все-таки холодно, безучастно и въ этомъ отчасти виноватъ самъ авторъ. Намъ кажется, что г. Веселовскій могъ бы, не выходя изъ предѣловъ монографіи Тартюффа, придать ей большую свѣжесть и интересъ, еслибы онъ нѣсколько расширилъ понятіе этого омерзительнаго типа. Что это было возможно, мы находимъ тому косвенныя доказательства у самого г. Веселовского.

Во-первыхъ, спускаясь по генеалогическому древу мольеровскаго Тартюффа внизъ, къ его корнямъ, нашъ авторъ доходитъ до Проперція и Овидія, у которыхъ первообразъ Тартюффа — жег-

щина и не имѣть, разумѣется, специально клерикальнаго за-
паха. Запахъ этотъ появляется у литературныхъ предковъ Тар-
тюффа много позже.

Во-вторыхъ, на стр. 197 г. Веселовскій бросаетъ мимоходомъ
очень интересное замѣчаніе. «Изучая библиографію подражаній
«Тартюффу», говоритъ онъ:—мы видимъ, что наиболее тревожа-
тельныя эпохи въ народной жизни приводили всегда на память
его образъ. Въ рукописномъ *Dictionnaire des ouvrages drama-
tiques*, par Henri Duval, находимъ за время 1-й революціи пьесы:
«Le Tartuffe révolutionnaire ou la suite de l'Imposteur», par Nèron.
Lemercier, an III, «Le Tart. révolutionn. ou le terroriste», par
Balardelle, an IV, «L'Hyrocrite en révolution», представлена на
théâtre de la Cité, 2 термидора 2-го года. Затѣмъ есть пьесы:
«Le Tart. littéraire», Bruxelles 1828, «Le Tart. anglais» p. Gazil,
1808; въ новое время «Lady Tartuffe p. mad. de Girardin etc.».

Въ-третьихъ, наконецъ, по поводу одного изъ мнѣній о жи-
вомъ прототипѣ Тартюффа, г. Веселовскій говоритъ: «Если за
Розеттомъ мы можемъ признавать значеніе наиболее близкаго по-
будителя къ сатирѣ, то способность его съ легкостью флюгера
переходить отъ одной партіи къ другой подводитъ насъ къ на-
стоящей точкѣ зрѣнія. Такое глубоко безличное существо, какъ
Розеттъ, не принадлежитъ собственно ни въ одной партіи; онъ
прежде всего ипокритъ, корыстный и алчный, безъ убѣжденій,
основавшихъ свои дѣйствія на ханжествѣ, какъ на уловкѣ, пред-
ставляющей наиболее вѣроятій успѣха. Такой характеръ вѣченъ
и въ основѣ неизмѣненъ, хотя внѣшнія его особенности могутъ
по временамъ мѣняться; въ этомъ же заключается общечеловѣ-
ческое значеніе созданія поэта» (стр. 177).

Вотъ въ этомъ общечеловѣческомъ значеніи Тартюффа и дѣло.
Мы не говоримъ, чтобы авторъ долженъ былъ слѣдить за всѣми
мелкостями, а можетъ быть и просто длинными подражаніями Тар-
тюффу съ тѣмъ вниманіемъ, какое онъ удѣляетъ его предст-
вляющимъ. Но несомнѣнно, что Тартюффъ—дерзковникъ и ханжа
реализованный есть случайность, одно изъ проявленій типа гораздо
болѣе широкаго. Тартюффъ прежде всего человѣкъ sans foi ni
loi, («съ легкостью флюгера переходящій отъ одной партіи къ
другой»). Въ известной странѣ и въ известную эпоху онъ бу-
детъ говорить текстами св. писанія, благочестиво поднимать очи
къ небу, и, неслеса поглядывая на полуобнаженную женскую
грудь, лицемѣрно возмущаться этимъ зрѣлищемъ. При другихъ
условіяхъ, онъ будетъ расхваливать патристическими возгласами
и. бля себя въ грудь, толковать о своей любви къ народу и т. п.
Отъ такого распространительнаго толкованія типа Тартюффа
монографія г. Веселовскаго могла бы только выиграть, особенно
у насъ, гдѣ собственно клерикальное лицемѣріе никогда не
играло значительной общественной роли.

Южное славянство, Турція и северничество европейских правительств на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. Спб. 1879 г.

Недавнія событія на Балканскомъ полуостровѣ вызвали у насъ много «наварнискаго дыму съ пламенемъ» въ газетахъ и очень мале соединенныхъ книгъ. Оно понятно, потому что и вообще думать и пламенѣть гораздо легче, чѣмъ серьезно изучать предметъ и работать; въ особенности трудно было серьезно работать по славянскому вопросу у насъ въ только что законченную марціальную пору.

Тѣмъ болѣе чести г. Доброву. Его книга есть композиція, не композиція добросовѣстная, обстоятельная, продуманная, глѣзное, продуманная. Авторъ, безусловно сочувствующій освобожденію южныхъ славянъ и скорбящій о печальномъ прошломъ этихъ несчастныхъ племенъ, далекъ однако отъ того критичнаго пафоса ироническаго тона, который носится безъ кормила и весла по исторіи и, стремясь всадъ отыскивать величіе и памятники народной гордости, онемевшею ногадѣ пальцемъ въ небо. Жаръ сердца—прекрасная вещь, но надо, чтобы онъ руководился опредѣленною идеею. Историки и политическіе писатели, вооруженные однимъ шаромъ сердца, силою и рядомъ похвалъ такимъ историческимъ моментамъ и личностямъ, которымъ составляютъ похвалу націи или, въ лучшемъ случаѣ, ничтожнѣйшія привѣсы въ ея исторіи. Недоразумѣнія и всаческія глупости естественно должны въ подобномъ простоять изъ такого отношенія къ дѣлу. Г. Добровъ не упускаетъ случая распознать подобныя глупости, воздвигнутыя славянскими патріотами и русскими славянофилами.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ его точну зрѣнія.

Говора о столкновеніи южныхъ славянъ съ Византіею, г. Добровъ замѣчаетъ: «Въ рядкахъ византійской арміи эти сныи Славянъ храбро сражаются противъ братьевъ своихъ славянъ, окупившіе византійскимъ патріотизмомъ; знаменнѣйшіе колющоды, такъ усердно побивающіе славянъ, напригѣръ, Хленибукъ, Велизарій и др.—славянскаго происхожденія. Императоръ византійскій Василій II, этотъ прославленный истребитель славянъ, также славянинъ чистѣйшей крови... Слависти, говора о расширеніи славянства на Балканскомъ полуостровѣ, съ видомъ извотораго тщеславія, въ особенности болгарскіе патріоты, приводятъ эти примѣры византійскихъ полководцевъ, правителей и императоровъ, вышедшихъ изъ среды славянъ; многие идутъ дальше и, путемъ ряда предположеній, истихъ греновъ производить отъ славянъ. Я думаю, что тщеславиться тутъ вѣтъна, а напротивъ, на такіе примѣры слѣдуетъ смотрѣть съ грустью, какъ на доказательства происходившаго въ то время смирненія славянства на Балканскомъ полуостровѣ» (стр. 17).

По поводу великобѣія первого болгарскаго цара Тербела, г. Добровъ пишетъ: «Нѣкоторые болгарскіе патріоты-историкы съ непонятною гордостью указывали на это чествованіе одного изъ

перших дарей ивъ народа и личному виѣнательству Торбеа въ интриги авантюристкаго двора придати значеніе весьма важнаго историческаго событія въ смыслѣ, конечно, жестокое для народа. Ми думаетъ, что это виѣнательство представляеть очень мало мотивовъ для гордости болгарскаго патриота». Слѣдуетъ обстоятельный разборъ «мотивовъ» (стр. 58).

«Гильфердингъ и другіе слависты видятъ въ этихъ набѣгахъ на столицу имперіи народную мудрость, народный гонимъ, которые подкидали болгарскому народу всемірно-историческое значеніе этого кнута трехъ отрявъ свѣта. Руководители болгарскаго народа, не имѣли этихъ господъ, иѣли въ виду не одну прекодающую кѣль — залата добычи, а иѣли боже серьезное: икъ нашли Воасфоръ и Эгейское море. На нашъ взглядъ это одна изъ тѣхъ сентиментальныхъ славянофильскихъ иллюзий, которыя стараются окружить даже отдаленное прошлое южннхъ славянъ необычными средоточіемъ какого-то таинственнаго величія». Слѣдуетъ подробный разборъ «иллюзий» (стр. 71).

Минувъ многія любопытныя замѣчанія этого реда о царствованіи Душана сербскаго, о завоеваніи турками Балканскаго полуострова и другіхъ важныхъ моментахъ исторіи славянъ, мы остановились только на слѣдующихъ соображеніяхъ автора по новѣйшей исторіи:

«Южные славяне Австріи, желая много о своей національной свободѣ, сжигаютъ подъ знаменемъ Габсбурговъ для подавленія этой свободы у мадьяръ; они «крабро сражаются» въ рядахъ австрійскихъ арій или въ собственныхъ ополченіяхъ, т. е. тепчуть ту самую идею, которой должны поклоняться, какъ народности подневольныя. Конечно, многими принято объяснять эту странную роль австрійскихъ славянъ въ борьбѣ мадьяръ за независимость тѣмъ утѣшеніемъ, которыя славяне терпѣли отъ мадьяръ, даже чуть ли не законной враждою между славянами и мадьярами... При весьма желаніи тѣхъ славистовъ, которые съ неохотннхъ усердіемъ воуду желаютъ оторывать вражду въ славянахъ и общее къ нимъ недоброежелательство, эти люди не представляютъ одинаково вѣрныхъ соизвѣстныхъ доказательствъ такой вражды между сербами австрійскими и мадьярами за все время, предшествующее несчастному 1848 г., а между тѣмъ при существованіи такой вражды подобныя доказательства чрезвычайно было бы легко найти. Съ 1848 г. карактеръ отношеній... дѣйствительно мѣняется: начинается взаимная вражда, которая всю тяжесть обрушивается на славянъ послѣ того, когда Австрія, переставъ въ нихъ нуждаться, предоставила ихъ свободной, т. е. ненесильной для нихъ конкуренціи съ компактною, политически зрѣлою мадьярскою національностью. Можно сожалѣть о нерасположеніи мадьяръ къ австрійскимъ сербамъ и пожелать, чтобы народности эти сошлись на нейтральной почвѣ общихъ интересовъ и вновь сблизились другъ съ другомъ. Но по меньшей мѣрѣ странно обвинять въ этомъ нерасположеніи

только мадьяръ и тѣмъ болѣе приписывать вражду къ такнмъ туманнымъ причинамъ, какъ національному антагонизму. Странно требовать, чтобы человекъ съ приятной и предупредительной улыбкой привѣтствовалъ своего осморбителя, который навесъ ему тяжкую обиду. Не представляется ли поэтому профанаціей здраваго смысла рупоплесканіе храбрости южныхъ славянъ въ водведеніи ими національнаго движенія мадьяръ и рядомъ съ этимъ жалобныя завыванія по поводу враждебнаго отношенія мадьяръ къ южнымъ славянамъ? Неужели возможно было ожидать, чтобы мадьяры, послѣ отчаянной неровной борьбы за независимость, побѣжденные подавляющею силою, приняли въ свои объятья тѣхъ самыхъ южныхъ славянъ, которые съ такимъ, по истинѣ, жалкимъ, усердіемъ не только помогли австрійцамъ подавить національное движеніе мадьяръ, но даже тщеславились этимъ! (стр. 624, 626).

Да надо, по крайней мѣрѣ, знать, чѣмъ можно и чѣмъ нельзя тщеславиться. Книга г. Доброва даетъ не одинъ полезный урокъ въ этомъ отношеніи. Изъ приведенныхъ выписокъ читатель увидитъ, что, несмотря на комплиментный характеръ работы, г. Добровъ вполнѣ критически относится къ своимъ источникамъ, болѣею частью состоящимъ изъ сочиненій славянскихъ патриотовъ и русскихъ славянофиловъ. Фактическую же ихъ часть, тщательно просѣянную путемъ анализа, нашъ авторъ заннствуетъ съ большою полнотою. Нѣкоторые болгарскіе и сербскіе цары, занимавшіеся грабежемъ, взаимнымъ выкалываніемъ глазъ и т. п., могли бы даже безъ ущерба для дѣла быть устранены изъ книги.

Г. В. Алферьевъ. Въ царствѣ мертвыхъ. (Къ вопросу о сожиганіи труповъ). Спб. 1879.

Каждая новая идея, прежде чѣмъ получить право гражданства, проходить, какъ замѣтилъ Лайбелль по поводу дарвиновой теоріи, черезъ три фазиса развитія. Сначала о ней говорятъ, что она—абсурдъ, затѣмъ начинаютъ раздаваться обвиненія въ томъ, что она «противна религіи», подъ конецъ же всѣ начинаютъ утверждать, что эта новая идея—трусизмъ, всѣмъ давно извѣстный. Идея о сожиганіи труповъ находится, ввиду тому, во второмъ фазисѣ, когда всѣ аргументы противъ нея сводятся къ тому, что она, будто бы, «противна религіи». Спорить противъ этой идеи по существу было бы слишкомъ трудно и г. Алферьевъ правъ, называя возраженія этой категоріи «забавными по своей наивности» (56). Гораздо серьезнѣе—не въ теоретическомъ, а въ практическомъ смыслѣ—возраженія съ религіозной точки зрѣнія и, конечно, г. Алферьевъ не оставляетъ ихъ безъ разсмотрѣнія, хотя и довольно бѣгло. Суммируя свои доводы относительно этой стороны вопроса, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что неимѣется «ни малѣйшаго указанія, чтобы тотъ или другой способъ удаленія труповъ согласовался или противорѣчилъ ученію Христа» и чтобы, слѣдовательно, «сожиганіе труповъ явилось актомъ антихристіанскимъ» (54). Это заключеніе,

конечно, только отрицательное, но въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, въ такихъ отрицательныхъ положеніяхъ и заключается главная сила.

Г. Алферьевъ рассматриваетъ вопросъ о сожиганіи труповъ довольно всесторонне и настолько основательно, насколько это вообще возможно для бѣглыхъ фельетонныхъ замѣтокъ (брошюра составилась изъ нѣсколькихъ фельетонныхъ, печатавшихся въ «Русской Правдѣ»). Справедливость защищаемыхъ авторомъ положеній—и главнѣйшаго изъ нихъ—необходимости сожиганія труповъ, до того очевидна и проста, что убѣдительности брешурки не вредятъ даже ея нѣкоторые недостатки, впрочемъ, болѣею частію чисто литературнаго характера. Автору удалось даже, какъ онъ выражается (75), «возбудить энтузіазмъ» въ своей идѣ въ нѣкоторыхъ читателяхъ, что и доказывается тутъ же приложеннымъ письмомъ нѣкоего г. Углина, который «торжественно заявляетъ», что «еслибы только послѣдовало распоряженіе правительства о сожиганіи труповъ, ..онъ (г. Углинъ, то есть) всѣми силами предается пропагандированію этого способа удаленія мертвыхъ и послѣ смерти отдастъ свое тѣло для сожженія. Дѣлаетъ онъ это добровольно, о чемъ и свидѣтельствуесть своею подписью» (72). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такихъ энтузіастовъ найдется въ нашемъ обществѣ много — «лишь бы только послѣдовало распоряженіе правительства».

КАБАДА ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

(Экономическій очеркъ).

Отношенія между наемателями-землеуладѣльцами и наемными землеуладѣльцами, съ отношеніемъ къ собственности, естественною образомъ должны были создать новыя явленія въ нашей экономической жизни.

Въ послѣднее же время, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ долгосрочнаго земельного и разныхъ видовъ краткосрочнаго кредита, когда многіе землеуладѣльцы стали сами обращаться къ хозяйству, исследование этихъ отношеній съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ.

Куда бы вы ни появились, вездѣ разговоры о хозяйствѣ, и какова бы рода оно ни было, всегда сводится на вопросъ о рабочихъ. Землеуладѣлецъ жалуется, что у него бѣжали рабочіе, захватили большую сумму денегъ, лишили его возможности въ самую горячую пору присвать другихъ по сходной дѣлѣ, словомъ, разорили его; скромный чиновникъ, бѣдная помещица жалуется, что у нихъ прислуга, какъ приходитъ дѣло, кончается тѣмъ, что уходитъ изъ дому, оставляя ихъ безъ рукъ, безъ обѣда и т. и.

Содержатель столярнаго и мебельнаго заведенія кричитъ: что мнѣ дѣлать съ этими рабочими?

Промышленникъ-торговецъ тоже жалуется. «Ничего не подѣлаешь, говорить:—съ этими молодцами: зиму кормить, *изъ одессо змба осим*, а теперъ прибавки просить, а то, говорить, уйдутъ». Въ этомъ же родѣ lamentируется и богатый мужикъ, державшій работниково.

Намъ приходилось видѣть въ камерѣ мирового судьи и съѣзда одновременный вызовъ множества лицъ по 15-ти разбирательствамъ, назначеннымъ по искамъ одного уладѣльца, предъявленнымъ на своихъ рабочихъ. Сельско-хозяйственное общество и одно уладное земство еще недавно выставили на видъ ужасное

положеніе землевладѣльцевъ и хозяевъ, въ которое поставили ихъ рабочіе, и выходя изъ этого положенія увидѣли въ заработномъ домѣ.

Всѣ приведенныя лица и общественныя учрежденія выражали только ропотъ и негодованіе на рабочихъ, но никто изъ нихъ не позадумался надъ открытіемъ причинъ вреда, нанесеннаго рабочими разнаго рода, хотя всѣ, вѣроятно, знали, что во всякомъ дѣлѣ *истинное знаніе есть знаніе причинъ*.

Для болѣе правильнаго обсужденія интересующаго всѣхъ предмета, чтобъ имѣть въ основаніи не одни только голословныя свидѣнія одной лишь стороны, нанIMATEЛЯ, мы сочли нужнымъ произвести, по возможности, тщательное изслѣдованіе въ пунктахъ трехъ родовъ, а именно: а) на мѣстахъ рабочихъ рынковъ, б) въ имѣніяхъ на мѣстахъ производства работъ и в) на мѣстахъ жительства рабочихъ и ихъ найма.

Первыми послужили три площади въ городѣ Саратовѣ: театральная, сѣнная (такъ называемая у Маминной церкви) и близъ новыхъ гостининыхъ лавокъ.

Вторыми—нѣкоторыя имѣнія Петровскаго Уѣзда.

И третьими—нѣсколько волостей Кузнецкаго Уѣзда.

Сѣнная площадь въ Саратовѣ весной и лѣтомъ представляетъ ежедневный рынокъ преимущественно сельскихъ рабочихъ, приходящихъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Саратовской Губерніи и прилегающихъ къ нимъ другихъ губерній; это рабочіе, нанимающиеся на разныя полевые работы. Театральная площадь служитъ ежедневнымъ рынкомъ для рабочихъ, нанимающихся на садовыя и другія черныя работы. Здѣсь же вы найдете такъ называемыхъ галавцовцевъ въ лохмотьяхъ, безсемейныхъ, бездомниковъ, снимающихъ пропитаніе черной работой въ городѣ Саратовѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Площадь у новыхъ городскихъ лавокъ, подъ названіемъ «уголъ», представляетъ еженедѣльный рынокъ ремесленныхъ рабочихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ нашему изслѣдованію, мы должны замѣтить, что рабочіе, независимо отъ дѣленія ихъ по рынкамъ, главнымъ образомъ, дѣлятся на четыре категоріи, съ своими техническими именами: а) на лѣтнихъ, б) отрядныхъ, в) зимнихъ и г) поденныхъ.

Подъ лѣтними разумѣются тѣ, которые нанимаются исключительно для всякаго рода полевыхъ работъ, какія потребуетъ отъ нихъ контора имѣнія; они обыкновенно работаютъ хозяйскими инструментами, на хозяйскихъ харчахъ (содержаніи); они должны явиться въ имѣніе и поступить на работы съ праздника Пасхи и остаются до михайловскаго заговѣнья (14-го ноября).

Подъ отрядными рабочими нужно разумѣть тѣхъ, которые цѣлыми семьями или артелями снимаютъ на отрядъ подесагннко впередъ опредѣленныя работы по обработкѣ полей и уборкѣ хлѣбовъ, косябу и уборку сѣна въ стога. Отрядные живутъ обыкновенно на своихъ харчахъ.

Зимніе рабочіе, это тѣ, которые нанимаются съ 15-го ноября до Пасхи. Они обыкновенно являются сами съ предложеніемъ своего труда, для разныхъ зимнихъ работъ, а именно, рубки и возки дровъ, вывозки удобренья, ухода за скотиной, молотбы хлѣба и т. п. Они живутъ на хозяйскомъ иждивеніи.

Подъ поденными разумѣются тѣ, которые нанимаются на работы, отличающіяся особою слѣшностію или для дополненія недостающихъ лѣтнихъ рабочихъ; они обыкновенно нанимаются въ ближайшихъ, прилегающихъ къ илѣвнѣямъ селеніяхъ или городскихъ рынкахъ, смотря по положенію илѣвнѣя.

Исслѣдованіе на мѣстахъ производства работъ намъ обнаружило:

Управленіе илѣвнѣемъ, располагая свободнымъ оборотнымъ капиталомъ, законтрактовывало необходимое число рабочихъ предварительно за нѣсколько мѣсяцевъ; оно обезпечивало такимъ образомъ успѣшность работъ по заблаговременно составленной сметѣ на цѣлый годъ.

Когда наставало время полевыхъ работъ, то оказывалось, что рабочіе, по принятымъ на себя обязательствамъ, допустили рядъ нарушеній, отразившихся существеннымъ вредомъ для интересовъ нанIMATEЛЯ:

а) Одни не пришли въ срокъ, другіе совсѣмъ не явились.

б) Невышедшихъ въ срокъ лѣтнихъ рабочихъ было 4, совсѣмъ не явилось тоже 4. Изъ отрядныхъ рабочихъ совершенно не явились на 29-ть десятинъ.

в) Независимо отъ этого, многіе прибывшіе къ мѣсту работъ время отъ времени оставляли работы, ухода изъ илѣвнѣя.

Таковыхъ ушедшихъ лѣтнихъ въ одномъ илѣвнѣи было 12-ть человекъ, а отрядныхъ 53 человекъ, нанятыхъ на 153 десятины— почти 30% общаго числа рабочихъ.

Намъ пришлось быть свидѣтелями, какъ толпа татаръ—отрядныхъ рабочихъ, въ воскресный день утромъ рано, подступила къ дому управляющаго съ угрозами уйти съ работъ, если только онъ не прогонитъ полевого старосту, который будто-бы словами оскорбилъ одного изъ артели. Ясно было, что рабочіе искали предлога, чтобы уйти съ работъ.

Нужно ли говорить о томъ, что, при услевіи несвоевременной явки, при совершенномъ непрібытіи на работы и тайномъ уходѣ съ работъ, представляющихъ обыкновенное явленіе, хозяинъ ставился въ тяжелое положеніе: чтобы спасти капиталъ, затраченный на обработку и уборку полей, онъ поневолѣ принужденъ былъ прибѣгнуть къ новому найму рабочихъ въ самую горячую пору, послать за ними за нѣсколько десятковъ верстъ и давать болѣе дорогую цѣну противу той, за которую рабочіе нанимались своевременно?

Все это только доказывало, что хозяинъ по поводу обработки и уборки одной и той же десятины долженъ былъ нести убытки одинъ разъ по первоначальной затратѣ денегъ на наемъ, а дру-

гой по вторичному найму, не говоря уже о тѣхъ матеріальныхъ потеряхъ, которыя неизбежно должны были послѣдовать отъ несвоевременности обработки причудливой земли, при еще болѣе причудливыхъ атмосферическихъ вліяніяхъ.

Несвоевременность эта имѣетъ особенное значеніе въ Саратовской Губерніи, гдѣ весна не всегда изобилуетъ влагой, гдѣ жерѣдо одинъ своевременно выпавшій дождь рѣшаетъ задачу урожая, гдѣ необходимость посѣва овса немедленно по стаянтіи снѣга, считается практически доказанною. «Сѣи овесъ въ грязь, говорить саратовскій крестьянинъ:—будешь князь». Выслушаемъ теперь другую сторону.

Оказывается, что на этихъ же мѣстахъ производства работъ, съ другой стороны, по отношенію собственно къ рабочимъ, намъ представлялись и другія небезынтересныя, идущія прямо къ дѣлу обстоятельства: а) десятина, которая въ обыкновенный, такъ называемый средній годъ, должна была бы дать восемь телегъ, т. е. 800 сноповъ, около восьмидесяти пудовъ зерна, въ тотъ благопріятный годъ дала двѣнадцать телегъ, т. е. 1,200 сноповъ — 120 пудовъ зерна, но не слѣдуетъ забывать при этомъ, что въ изслѣдуемой нами губерніи бывають случаи, когда десятины даютъ по 18—20 телегъ. Такая неожиданность, пріятно поражающая владѣльца, производитъ противоположное впечатлѣніе на рабочаго. Трудъ его чрезъ это значительно увеличиваетъ: вмѣсто шести дней, ему нужно было употребить десять дней, чтобы сжать десятину.

Не говоря о трудѣ, одинъ прокормъ артели, вмѣсто шести дней, дѣлится десять дней, составитъ большой разсчетъ. Къ этому нельзя не прибавить еще и тѣхъ случаевъ, когда рабочіе по причинѣ ненастья должны понапрасну тратить время и проѣдаться, въ ожиданіи той минуты, когда установится благопріятная погода.

Такъ мы попали на случай, какъ крестьяне три раза пріѣзжали за 50 верстъ домолотить хлѣбъ и всѣ три раза возвращались; наконецъ, выбились изъ силъ и въ четвертый разъ не въ состояніи были прѣхать.

Переходя затѣмъ къ процессу найма лѣтниковъ и отрядныхъ рабочихъ, главныхъ въ дѣлѣ обработки полей и уборки хлѣба, мы видимъ, что они нанимаются или въ концѣ осени, или въ началѣ весны.

Всякому сколько-нибудь знакомому съ сельскою жизнью извѣстно, что это то самое время, когда, какъ выражаются крестьяне, начинаютъ гнать подушники, когда выбивають подати, когда сельскіе начальники отъ олошпа не отходятъ. Это время имѣетъ существенное жизненное значеніе для всего населенія, его всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ: и заводчики, и землевладѣльцы, промышленники и торговцы. Въ это время совершается усиленный процессъ движенія къ базарамъ, дѣльны тысячи людей везуть свои продукты, а десятки лишь ждутъ ихъ съ своими амбарами, всегда го-

товыми поглотить все, что только привезется на базарную площадь. Первые, подъ навзваниемъ народа или просто мужиков — суть представители предложениа, вторые, подъ навзваниемъ скупщиковъ, прасоловъ, кулаковъ, таркаловъ и т. и., суть представители спроса.

Продавецъ хлѣба, кто бы онъ ни былъ, интересуется этикъ временемъ, потому что цѣны этикъ базаровъ руководятъ цѣнами всей мѣстности; многіе совершаютъ условія о закупкѣхъ продуктовъ на среднія цѣны этикъ базаровъ, обозначая или одинъ или четырекъ мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, или четыре базара избраннаго мѣсяца. Скупщикъ заключившеся въ умѣнии угадать тотъ мѣсяць, въ который особенно поговяту подулнина. Покупщики хлѣба, винокуренине заводчики и меланики не менѣе другихъ интересуются этикъ временемъ: 100,000 будоу хлѣба могутъ сдѣлать разницу, если позволить по 4 коп. на пудъ (на 4,000 р.)—не бездѣлица.

Въ это самое время продантса и другіе продукты, какъ-то: конопяное сѣмя, масло и т. д. Торговани интересуются этикъ временемъ, потому что въ эти базары, при бѣльшемъ сточаніи народа, получивнаго отъ проданнаго сырыхъ продуктовъ денги, можно рассчитывать на самую лучшую торговлю фабричныхъ и другими надѣлками. Словомъ, иная подулнина значить означать всѣхъ.

Нерѣдко приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ знатуся заводчикъ:

— Хлѣба дорокъ, не знаю, какъ его погуюать.

— Погодице, вотъ скоро подулнина попомать, сойтуся обыкновенно опытный пріятель.

Значительное и невольное предложение поговяту значительно понижаетъ цѣны, отчего въ вингринѣ только прасали, скупщики и кулаки; одно спасеніе только тогда, когда являетея на базаръ такъ навзваемый *подбѣтъ*. На язвиѣ навзвикъ сельскихъ рынковъ подъ надбѣгомъ разугаютъ крестьянкъ, прибывшихъ на базаръ за покупкою хлѣба разнаго рода, обыкновенно съ пороженни возами изъ дальней мѣстности, за 70 и 100 верствъ, пострадавшей отъ неурожая. Впрочемъ, надбѣтъ бываеъ въ случаѣхъ исключительныхъ. Это—то, что въ экономическомъ языкѣ навзывается конкурренціей. Но не всѣ обладаютъ великомъ продуктоу; большинство многихъ общинъ состоитъ изъ маломощныхъ, одинокихъ домокозавъ, которые не могутъ имѣть большого посѣва или обрабатъ на добычу податей одного изъ членовъ семьи. Не говоря о неурожаяхъ, на ихъ доли достается столько земли, сколько они въ силахъ обработать и ухититъ новинностей: имъ достаются какіе-нибудь два семенишка изъ полъ (20 сажень) ¹.

Когда начинаютъ гнать подулнина, эти крестьяне являетея съ

¹ 160 квадратныхъ сажень, т. е. 20 въ ширину и 80 въ длину.

предложеніемъ своего продукта — личного труда и, вмѣсто прасоловъ и скупщиковъ, встрѣчаютъ подобныхъ имъ подрядчиковъ, которые нанимаютъ ихъ на разные работы: полевныя, дѣсныя и заводскія.

Вынужденное повсемѣстно значительное предложеніе личного труда значительно уменьшаетъ на него цѣну, отъ чего въ выигрѣніи бываютъ ограниченныя въ числѣ подрядчики, единственные представители спроса и поставщики личного труда. Поставка эта дѣлается по условію, заключаемому нанимателемъ съ подрядчикомъ за известную цѣну. Естественно, что подрядчикъ, живя среди населенія и близко зная всѣ нужды крестьянъ, ловитъ самый удобный моментъ и принимаетъ всѣ усилія и уловки къ найму за дешевую цѣну, такъ какъ вся разница между дѣйствительной уплатой за трудъ и цѣной, выговоренной у нанимателя, составляетъ чистую прибыль всякаго подрядчика. Вотъ лучшіе образчики этой операціи, доставшіеся намъ путемъ мѣстныхъ изслѣдованій: «1878 года апрѣля 14-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Пыльковской Волости, деревни Суздальевъ, заключили сіе условіе съ г. Ф. въ томъ, что мы, крестьяне, нанялись ему, г-ну Ф., въ имѣніи его, при селѣ Маломъ Вырыпаевѣ въ семъ 1878 году сжать ржи шесть десятинъ сороковой мѣры, выбрать гороху, обмолотить чисто, зерно убрать въ амбаръ, а солому сложить въ овинъ 10 десятинъ также сороковой мѣры, цѣною за жнитво ржи по 3 р. 75 к., за горохъ съ уборкою по 4 р. 50 к. за каждую десятину, а за всю оную работу 67 руб. 50 к. и всѣ оныя деньги за всю вышеозначенную работу мы, нижеподписавшіеся крестьяне, получили сполна. Работы оныя производить по первому требованію и въ самомъ лучшемъ видѣ; рожь должны жать низко, не болѣе отъ земли оставлять живы какъ 4 вершка, и въ волны складывать хорошо, какъ прикажетъ контора господина Ф., въ противномъ случаѣ, дурную работу обязаны мы, крестьяне, переработывать или контора г-на Ф. можетъ согнать съ работи и нанять въ счетъ, по каковой би то цѣнѣ ни было обязаны уплатить г-ну Ф. немедленно по его требованію, если мы на работу по первому требованію не явимся, то платить неустойки за каждую десятину по 7 р. съ каждой десятины, а условіе это оставить въ той силѣ. Работу оную производить и платить неустойки ручаемся всѣ другъ за друга круговою порукою. Вислать насъ на работы обязаны крестьянныя нашей же деревни Аншумса Мухаметдиновъ *Каззаевъ*¹. Въ случаѣ плохого урожая, контора г-на Ф. не пожелаетъ сжать рожь, то мы обязаны свосить и свозить вмѣсто 6-ти десятинъ 9 десятинъ».

Вотъ и другой образчикъ такого же рода: «1877 года ноября 15-го дня, мы, нижеподписавшіеся, контора купеческихъ сыновей братья и Козловской Волости деревни стараго Варшута изъ татаръ крестьяне, на семъ же условіи въ рѣзтрѣхъ поименованныя, за-

¹ Это подрядчикъ.

включили сіе условіе въ томъ, что мы, крестьяне, по добровольному согласію, обязались предъ конторою въ лѣтъ *будущаго* 1878 года выжать посѣяннаго при селѣ Елшанкѣ ржаного хлѣба сорокъ девять десятинъ сороковой мѣры и, по сжатіи и саяжкѣ въ снопы, ссыпать оныя свѣрдами, въ каждый свѣрдъ по триста сноповъ, жниву отставлять не выше четырехъ вершковъ, означенное жнитво начать въ то самое время, когда назначено будетъ конторою и окончить въ теченіи шести дней, въ ненастное и сырое время ни жнитва, ни вязки сноповъ, ни складки въ свѣрды отнюдь не производить, договорились мы съ Лысковцевыми платы получить за каждую десятину по три рубля тридцати копеекъ, и за овесъ сорокъ девять десятинъ сто шестьдесятъ одинъ рубль семьдесятъ копеекъ. По совершеніи сего условія и доставленіи его въ контору все впередъ. Если же, начавшія, по волѣ Божіей, въ лѣтъ 1878 года послѣдуетъ означеннаго хлѣба неурожай вовсе или скудный, предоставляемъ право, если онъ пожелаетъ, уборку скуднаго хлѣба замѣнить насъ другими рабочими, а мы обязуемся, по силѣ сего же самаго условія, выполнить оказанный въ семъ условіи трудъ въ послѣдующемъ лѣтъ 1879 года или возвратитъ полученные нами 161 руб. 70 коп. сумму послѣ уборки хлѣба и не даѣе къ 1-му числу октября 1878 года; за травлю хлѣба экономическаго или похищеніе онаго подвергаемся предъ нимъ за каждый снопъ по одному рублю штрафу, въ точномъ исполненіи сего условія мы, крестьяне, ручаемся другъ за друга круговою порукою и не имѣемъ никакихъ предлогами уклоняться отъ исполненія труда, принятаго нами, мы не должны и не имѣемъ права».

У насъ подъ руками нѣсколько условій; всѣ они представляютъ небольшое видоизмѣненіе только-что приведенныхъ двухъ условій. Всѣ пункты этихъ условій говорятъ только за нанятели и ни слова въ пользу нанимаемаго, такъ что несправедливо, условія ли это, долженствующія, по характеру всякаго договора, обезпечивать обѣ стороны, или только обязательства одной стороны; повидимому, это актъ, имѣющій значеніе лишь обязательства для рабочихъ, ибо они только подписались, а другая сторона какъ будто бы и не присутствовала при совершеніи акта.

Исслѣдованіе же, между прочимъ, намъ обнаружило довольно печальныя послѣдствія подобной односторонности обязательства.

Рабочіе, нанятые за 10 руб. на всю обработку и окончательную отдѣлку зерна одной десятины, три раза ѣздили въ нѣмѣе, какъ мы уже упомянули выше, за 50 верстъ на молотьбу хлѣба и всѣ три раза возвращались домой за ненастьемъ, а какъ только рабочіе не явились въ четвертый разъ, то за ихъ счетъ наняты другіе, а съ нихъ выскивали по 4 руб. за каждую недоделанную десятину.

Независимо отъ подобнаго вида вынужденнаго дешеваго найма, многіе крестьяне сдавались въ работы, въ виду накопившихся на нихъ недоимокъ, по распоряженію волостныхъ правленій. Об-

щество имѣетъ право отдавать въ посторонніе заработки нерачительныхъ недомщиговъ, но намъ извѣстенъ случай отдачи цѣлаго сельскаго общества въ заработки. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ случайно. Когда крестьяне не выполнили работу, то владѣлецъ предъявилъ мировому судѣ искъ о взысканіи убытковъ. Мировой судья присудилъ взыскать таковыя, сдѣлавъ расчетъ по стоимости сѣна, предполагающаго къ скосу въ томъ году, по примѣру ближайшихъ мѣстностей. Недовольные этимъ, крестьяне подали жалобу въ мировой съѣздъ, который, утверждая правильность иска, измѣнилъ лишь цифру убытковъ, опредѣливъ ее по расчету арендной платы за луга. Съѣздъ упустилъ изъ виду, что къ этому привлечено все общество, а потому дѣло не могло разбираться безъ участія прокурорскаго надзора. Такъ какъ крестьяне въ жалобѣ своей согласились на это нарушение, то сенатъ кассировалъ рѣшеніе и передалъ его къ разбирательству въ другой съѣздъ. Послѣдній обратилъ вниманіе на существенное нарушение въ семь дѣлъ—это отдачу цѣлаго общества въ заработки вопреки закону.

Исслѣдованіе намъ обнаружило также, что крестьяне поступаютъ въ число недомщиговъ не всегда по невозможности платить лежащія на нихъ повинности; недомки накапливаются черѣдко потому, что сроки вниманія ихъ не совпадаютъ со сроками полученія денегъ отъ заработковъ и промышленности; одни селенія сбываютъ продукты кустарнаго промысла на базарахъ и ярмаркахъ весной по просухъ и въ это время имѣютъ деньги, другіе, живущіе заработкомъ, приносятъ домой деньги въ началѣ осени, третьи занимаются извозомъ, зарабатываютъ въ теченіи цѣлой зимы по установленіи зимняго пути, четвертые, наконецъ, въ теченіи всего года понемногу.

Оказывается, что въ сельскихъ обществахъ, по непониманію волостными правленіями закона, требующаго собственно не взысканія, а пополненія текущихъ платежей къ двумъ срокамъ, за неустановленіемъ болѣе облегченнаго способа взысканія повинностей, производить повсемѣстно и самый сборъ ихъ въ два срока и волостныя правленія дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ рѣшительными мѣрами: наказаніемъ розгами посредствомъ волостнаго суда и продажей скота, упуская черѣдко изъ виду тѣ предварительныя мѣры, какія указаны въ законѣ, или, вѣрнѣе, лишенные практической возможности приводить эти мѣры въ дѣйствіе. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, при наступленіи лѣтнихъ работъ, самый выходъ съ мѣста жительства на заработки сопровождается большими затрудненіями: волостныя правленія обыкновенно не выдаютъ билетовъ лицамъ, желающимъ идти на заработки, до тѣхъ поръ, покуда эти лица не представятъ удостовереній письменныхъ отъ сельскаго начальства, что за ними не числится недоимокъ, тогда какъ они для уплаты собственно недоимокъ и принуждены идти на заработки за десяти версты.

Исслѣдованіе на мѣстахъ рабочихъ рынковъ намъ обнаружило:

сельскіе рабочіе, съ открытіемъ весны, начинаютъ понемногу таяться по дорогамъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заработковъ не предидется, гдѣ излишки въ населеніи и гдѣ чувствуется недостатокъ въ землѣ; тянутся они къ рынкамъ въ базарныхъ селеніяхъ, расположенныхъ на пути слѣдованія. Такіе рынки для направляющихся изъ Кузнецкаго Уѣзда Саратовской Губерніи, изъ Пензенской и Тамбовской Губерній, на пути это: Сокуръ, г. Саратовъ, Покровская Слобода, Дьявова, Сининскіе, Балаково-Новоузенскъ и Боронскъ.

Цифра передвигающагося населенія на заработки, начиная съ весны, не всегда бываетъ одинакова. Свѣдѣнія, обыкновенно получаемыя крестьянами въ селеніяхъ, черезъ посредство лицъ, занимающихся извозомъ, о хорошемъ урожѣ, увеличиваютъ число рабочихъ въ виду значительной заработной платы. Свѣдѣнія эти, хотя бы даже и правильныя, не всегда, однако, предсказываютъ успѣхъ для рабочихъ, потому что нерѣдко большія надежды на урожай хлѣбовъ, по весеннему ихъ виду, развиваются июльской и июньскою засухою. Наплывъ рабочихъ и засуха настолько понижаютъ цѣны, что лучше бы и не двигаться съ мѣста. Ежегодно отправляющіеся на заработки крестьяне принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ двумъ разрядамъ населенія—это маломощные-одинокіе и отъ семей. Маломощный-одинокій, какъ мы имѣли случай говорить, отправляется на заработки потому, что у него нѣсколько небольшихъ загонокъ земли, которые онъ кое-какъ вспашетъ, посеетъ, а убирать оставляетъ ихъ бабу, или же продаетъ всю свою душу кому-либо изъ своихъ односельцевъ. Подъ этой продажной душой разумѣются всѣ загоночки земли, пай въ лугахъ и даже право на дѣлянку въ лѣсѣ, на покупателя души переходить платежъ всѣхъ лежащихъ на купленной душѣ повинностей.

Къ другому разряду людей, идущихъ на заработки, принадлежатъ излишніи по полеводству силы семей. Тутъ отправляется или одинъ изъ сыновей при отцѣ домохозяинѣ, или одинъ изъ братьевъ при домохозяинѣ-братѣ. Обыкновенно, на этомъ членѣ семьи лежитъ какъ бы обязанность уплаты податей за семью. Когда подобная семья находитъ мѣсто съ постоянною работою, которая можетъ оплатить ихъ подати, то обыкновенно она держится этого мѣста. Если вы встрѣтите рабочаго, нашедшагося отъ семьи, то увидите, что заработки его равняются суммѣ повинностей, лежащихъ на всей семьѣ. Такъ, въ изслѣдованномъ нами хозяйствѣ, состоящемъ изъ трехъ работниковъ и при четырехъ лошадахъ, двое работниковъ остались дома, силки у владельца земли столько, сколько съ ихъ надѣломъ могло бы составить 20 десятинъ, а третій младшій 19-ти лѣтній помѣстился въ работу за 60 руб. сѣр. въ годъ. Эта сумма равнялась всѣмъ повинностямъ платимымъ цѣлою семьей.

Подобно краснорядцамъ, передвигающимся съ своими товарищами съ базара на базаръ, такъ и рабочіе передвигаются

съ предложениемъ своихъ услугъ по тѣмъ спеціальнымъ рабочимъ рынкамъ, о которыхъ мы уже упоминали выше. Каждый такой рынокъ служитъ центромъ для мѣстности, имѣющей въ окрестности около 50 верстъ. На это расстояние во всѣ стороны расходятся или развозятся рабочіе отъ центральныхъ пунктовъ; впрочемъ, изъ Новоузенска, по отсутствію близки другихъ значительныхъ центровъ населенія, рабочіе развозятся и на расстояние 100 верстъ. На этихъ рынкахъ встрѣчаются козлева, вонеры нанимаютъ отъ 100 до 600 человекъ въ 'одинъ разъ'¹ и отправляютъ ихъ въ фурахъ по 12-ти человекъ на каждую фуру.

Многіе рабочіе придерживаются какой-нибудь системы въ своемъ передвиженіи: такъ, одни переходятъ въ рынка на рынокъ, другіе держатся вблизи ближайшихъ рынковъ, третьи только отдаленныхъ, а четвертые и рады бы передвинуться, да не могутъ; бываютъ и такіе, у которыхъ паспорта заложены на постояльцъ дворахъ и расплачиваясь жетвѣмъ, такіе рабочіе пожелавъ должны держаться того рынка, гдѣ заложены ихъ паспорта.

Что же касается цѣнъ на рабочій трудъ, то онѣ устанавливаются на чистыхъ экономическихъ началахъ. Всякій вѣкъ скажетъ, что если мале недоцно рабочихъ или они поразоились, явился наемороль, то цѣна подымается, ибо полевыя работы не торяютъ, нужно наемать; тутъ для обѣихъ сторонъ товаръ весь на лицо, цѣны строятъ не трудно; хотя и говоритъ народная пословица *и мѣмъ Бага строитъ*, не намъ неоднократно приходилось слышать прадъугадыванія даже такого рода: *минимий зодъ музыкъ будеть ни почемъ*. Продавецъ и, жонуватель ли рабочаго труда, всякій, являющійся на рынокъ, первымъ долготъ спрашивается о цѣнахъ; если онѣ возвышаются, то ему отвѣчаютъ: *чѣмъ спрашеть, а если понижаются то мѣмъ сконбузилемъ, и мѣмъ мѣлешемъ*.

Подобно тому, какъ въ одной той же молочной лавкѣ убаднанаго города можно встрѣтить перчатки, чай и табакъ, такъ и на одномъ небольшомъ сельскомъ рынкѣ, какъ Сокурскій и другіе, вы встрѣтите разноокажннхъ рабочихъ.

Что же касается такого обширнаго центра населенія, какъ Саратовъ, то на большомъ пространствѣ, при массѣ населенія, мы найддемъ продукты спеціализирующимися: такъ и отдѣльные чайники, и отдѣльныя табачныя лавки и т. п. То же самое происходило въ г. Саратовѣ и съ человѣческимъ дѣльнымъ трудомъ, онъ такъ же спеціализируется на разныхъ центральныхъ пунктахъ города: на площади у Мажиной церкви концентрируются исключительно колемы рабочіе безъ всякихъ инструментовъ; они не берутъ ихъ съ собой, ибо не знаютъ, на какія работы придется поступить, и рассчитываютъ на инструменты хозяевъ; гдѣсь ра-

¹ Нѣкто Ухинъ наемаетъ на два участка 600 человекъ по 800 на каждый; на десятку становится двартельно—по пяти человекъ.

бочіе дѣлается на отрядныхъ и помѣстныхъ; первые подрываются подесятидневне, а вторые на что поставятъ. На спеціальномъ рынкѣ говорить съ однимъ—тоже, что говорить со всѣми; здѣсь одинъ и тотъ же техническій языкъ, обмѣнъ инслей по одному и тому же предмету, близкому интересамъ обѣихъ сторонъ—нанимателя и нанимаемаго. Къ 7 часамъ утра всѣ дѣла уже заканчиваются на этомъ рынкѣ.

Въ день нашего изслѣдованія, не всѣ рабочіе, прибывшіе на рынокъ, нашли помѣщеніе своему труду, около 80 человѣкъ остались до слѣдующаго дня. Нѣкоторые хозяева, хотя и напичкали ихъ масломъ, но цѣны давали низкія—по 6 р. въ мѣсяцъ, работа на нихъ очень тяжелая, требующая труда 6 часовъ днемъ и 6 часовъ ночью; все это за 6 р. очень незаманчиво, придется въ день по 20 коп., а въ часъ безъ малаго 1½ копейки. Рабочаго народа привалило много, вотъ и упали цѣны; обыкновенно же за такую работу платили 8 руб. Рабочіе довольствуются 26 коп. въ день или съ небольшимъ 2 коп. въ часъ или 3 коп., считая при этомъ и плату за харчи хозяйскіе.

Рабочіе выражали неудовольствіе на то, что «цѣны имъ значительно портятъ и въ городѣ отбиваютъ арестанты, которые имѣютъ казенную квартиру, казенное содержаніе, отчего имъ и можно наниматься дешево; вообще, чѣмъ арестанту сидѣть въ заключеніи, всегда удобнѣе работать, на относительной свободѣ, хотя бы за безцѣнокъ. Прежде разгрузка бѣлилъ съ дровами и т. п. принадлежала вольно-наемнымъ, а теперь берутъ все арестанты».

«За немнѣишемъ работы, нѣкоторые изъ вольно-наемныхъ волотятся, поколотятся, задолжаютъ, да и отправятся что-нибудь сдѣлать такое, чтобы попасть въ острогъ, для того, чтобы имѣть казенную квартиру, содержаніе, заработокъ, да къ тому же отдѣлаться отъ долговъ».

На замѣчаніе наше, что арестанты—тѣ же люди, что заключеніе ихъ въ тюрьму не всегда означаетъ ихъ преступность, что, наконецъ, заключеннымъ на сроки заработками дается возможность послѣ выхода имѣть на первое время чѣмъ жить. «Все это такъ, отвѣчали рабочіе:—да вѣдь намъ отъ этого не легче; мы, чтобы въ волостяхъ не получить порцію и не сидѣть въ холодной, пошли въ дальнюю сторону, чтобы заработать по дати, а здѣсь острожники мѣшаютъ намъ; они могли бы идти на казенныя работы». Словомъ, рабочіе силились выразить, что человѣколюбивыя заботы о содержащихся въ избыткѣ заключенія не должны были бы противодѣйствовать общему началу—правильному теченію экономической жизни всякаго свободного гражданина; они видятъ въ положеніи арестанта-рабочаго, обезпеченнаго казеннымъ содержаніемъ, уклоненіе отъ основныхъ началъ предложенія и спроса, которыя должны были бы проявляться для всѣхъ одинаково безпрятственно.

Они говорили то, что сказалъ Адамъ Смитъ въ своемъ трактатѣ

татѣ о заработной платѣ: «*Денежная цѣна на трудъ неизменно определяется двумя обстоятельствами: спросомъ на трудъ и цѣною необходимости и удобства для жизни предметовъ*». Все это арестанты имѣли уже отъ казны, а вольные рабочіе должны были еще заработать. Рабочій, расположенный на углу Московскои и Александровскои улицъ, у новыхъ лавокъ, соединяетъ подрядчиковъ разныхъ ремесленныхъ производствъ по постройкѣ отдѣльныхъ зданій въ городѣ и другіе мѣстахъ; сюда собираются по воскресеньямъ, какъ на биржу, всѣ подрядчики и всѣ желающіе поступить къ кому-либо изъ нихъ въ работу; здѣсь же организуется артели и товарищества. Сдѣлки на этомъ рынкѣ составляются на чисто экономическомъ началѣ. Цѣна на ремесленный трудъ устанавливается цѣмноствію хлѣба, вообще содержания, цѣмноствію продукта, употребляемаго въ производствѣ, личными качествами нанимающагося, знаніемъ имъ своего дѣла, ибо на этомъ рынкѣ старые подрядчики имѣли случай узнать достоинство работы нанимающихся. Подрядчикъ, взявшій постройку значительнаго зданія, на этомъ же рынкѣ ищетъ подрядчиковъ по специальностямъ: подрядчика-малара, подрядчика-печника и т. п. Здѣсь вы увидите почти всѣхъ въ длинныхъ новыхъ суртукахъ и необыкновенное оживленіе. Это—собраніе лицъ между собою болѣе или менѣе знаемыхъ и чуть ли не каждое воскресенье появляющихся для новыхъ сдѣлокъ, для поддержанія отношеній. Здѣсь каждому важно знать о предстоящихъ новыхъ дѣлахъ, которые могутъ обнѣжать и подрядчикамъ, и работникамъ ихъ новую жизнь. Цѣны на рабочаго на этомъ рынкѣ колеблются между 50 коп.—1 руб.

Рабочій рынокъ у театра ежедневно занятъ поденными рабочими обоюго пола. Развитие садоводства въ округности на 20 верстъ отъ Саратова даетъ значительный заработокъ для мѣщанъ города Саратова и прилегающихъ селеній. Обираніе черы съ плодовыхъ деревьевъ, мотыженье, снятіе плодовъ имѣютъ свойства кратковременности или, вѣрнѣе, урывочности, а потому рабочіе обоюго пола занимаются поденно; впрочемъ, и для нанимателя, и для нанимаемыхъ это представляетъ нѣкоторый расчетъ въ цѣнѣ, ибо, какъ извѣстно, цѣна на рабочихъ мѣняется нерѣдко ежедневно, смотря по напылу и случайностямъ, встрѣчаемымъ при развитіи плодосныхъ деревъ и кустарниковъ. Благоприятныя атмосферическія условія, удачный вѣтъ, удачная связь плода увеличиваютъ спросъ на работы, обнѣжая обильный сборъ плодовъ; съ увеличеніемъ спроса на рабочихъ ежедневно увеличивается и самая цѣна на нихъ, въ особенности, если нѣтъ наплывовъ со стороны и если рабочіе не отлезаютъ спросомъ на полеводство, которое, въ свою очередь, обнѣжаетъ обильную жатву; не всегда годъ, счастливый для садовода и бахчевника, бываетъ счастливымъ годомъ хлѣбопашца. Эти разнообразныя сочетанія рождаютъ разнообразіе въ цѣнахъ, которыя, обыкновенно колеблются между 25—75 коп.

На этих же рабочих рынках встречаются и те, которые, не имея никакого своего домашнего хозяйства, принуждены жить осенью и зимой личным трудом в форме домашней прислуги. Цена за труд этого последнего вида рабочих колеблется между 2—4 руб. в месяц, т. е. от 7-ми до 13-ти коп. в день.

При наступлении осенних и зимних работ колесники и садовники, а также товарного движения по Волге, эти прислуга представляют свои места, под разными предлогами увольняются от прислуги на себя обязательство.

Уход прислуги от нанIMATEЛЕЙ вопреки условиям объясняется при исследовании все тем же борьбою духа начала в наименьшем чуждым: гражданского и чисто экономического. Женщина, получающая 2—3 руб. в месяц, узнает на базарь, который она ежедневно посещает, что по существующим ценам представляется случай заработать в день от 50 коп. до 1 руб., а в три месяца—это такая сумма, которой не заработает в долгие два года в должностной прислуге. Для женщины, получавшей 3 руб. в месяц, сумма в 50 руб. представляется довольно капиталом, на который она может начать маленькую торговлю, особенно в таком городе, как Саратов, где при движении на пристанях вы вернете торговать с товаром на десять рублей, прокармливающих семью семь.

Чинорник или другое лицо, получающее 300 руб. в год, если ему предложить место в другом ведомстве с прибавкой $\frac{1}{4}$ получаемого содержания, т. е. 400 руб., оставит прежнее место и уйдет на новое, несмотря ни на какие увещания и выражения сожаления его начальства.

Сиротница или наемница, получающая в месяц 2—3 руб. содержания, не могла усвоить себя, надвигавшееся с оглашением перемены на положение, дающее им 16—20 руб. сер.? Из мифической всегда можно было сделать вывод, который уже сделал великий экономист—что самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на свой собственный труд, потому что из него вытекают все прочие права собственности. Все имущество б'ядного состоит из его сил и личности его руб.; м'бналь ему употребить эту силу, эту личность так, как он заблагорассудит, если он никому не причиняет этим вреда, есть явное насилие над его первоначальной собственностью».

На замечания наши о вреде, причиняемом прислугою бездомными пер'ядко положением, в которое она ставит нанIMATEЛЕА, всегда получали отв'ты: «прибавили бы на это время, или охотно остались бы дома».

Слуги, получающая по 10 руб. в месяц, сколько известно, не оставляют своих нанIMATEЛЕЙ и на зиму не б'бгают.

Тоже самое происходит ветолю в городах, но и в селениях по разным отраслям в хозяйствах. С приближением

житва, все живущее на два, на три рубля подымается на заработокъ, въ надеждѣ принести домой до 30, 40—50 руб.; всѣ эти служащіе очень довольны своими хозяевами и, по возвращеніи съ работъ, поступаютъ къ нимъ и нерѣдко расказываются, что ушли, ибо пришлось не только не заработать, а проѣсть свои деньги. Надежды на урожай были большія, нашло множество рабочаго народу, цѣны сбились или же хлѣбъ вышелъ соломою только, а зерномъ пустой — цѣны тоже не стали давать большихъ. Были случаи, что хозяева прибавляли въ рабочее время своей прислугѣ по одному, рублю въ мѣсяцъ, и этой прибавки было достаточно, чтобы прислуга оставалась на своемъ мѣстѣ.

Ознакомленіе по возможности съ разнаго рода рабочимъ людомъ какъ въ мѣстахъ найма, такъ и на мѣстахъ производства полевыхъ работъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Неправильность отношеній нанимателя къ нанимаемымъ очевидна; бесспорно, что отношенія эти имѣютъ причинную связь съ явленіями, скрывающимися передъ всякимъ поверхностнымъ наблюдателемъ. Несомнѣнно эти отношенія, подобно всякому явленію общественной и экономической жизни, должны обуславливаться и быть въ прямой и непосредственной зависимости отъ многихъ явленій. Причины уамериканизма ненормальности отношеній рабочихъ къ нанимателямъ заключаются, повидимому, не въ тѣхъ общеизвѣстныхъ причинахъ, коренящихся въ экономическомъ неустройствѣ, которыя уже высказывались и обсуждались въ разныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, а именно: стремленія хозяевъ удерживать большіе посѣвы хлѣбовъ при существующемъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, низкой степени народнаго образованія, отсутствіи хозяйственныхъ орудій и т. п. Ничто не станетъ отвергать въ извѣстной степени этихъ причинъ; устраненіе ихъ можетъ зависѣть какъ отъ постепенныхъ разныхъ правительственныхъ мѣръ, такъ и развитія сельско-хозяйственныхъ знаній.

Независимо отъ этого, нѣкоторое ознакомленіе съ вышеприведенными условіями найма рабочихъ, открываетъ но менѣе существенныя причины, изъ которыхъ непосредственно вытекаютъ многіе виды ненормальныхъ отношеній разнообразныхъ рабочихъ къ разнообразнымъ нанимателямъ.

Припоминая процессъ найма полевыхъ рабочихъ на мѣстахъ ихъ жительства въ селеніяхъ, мы видимъ, что этотъ процессъ совершился далеко не на общепризнанныхъ общечеловѣческихъ началахъ *взаимнаго добровольнаго соглашенія* между нанимателемъ и нанимаемымъ; равнымъ образомъ, мы не видѣли, чтобы этотъ процессъ совершился правильно, свободно, на обще-экономическихъ началахъ *предложенія и спроса*.

Наниматель являлся въ лицѣ подрядчика, всегда хитраго, ловкаго, промышляющаго чужимъ трудомъ. Подрядчики, о которыхъ мы здѣсь упоминаемъ, это — не тѣ лица, которыя подражаются

подъ известныя работы, подвергаются риску и затрачивают капиталъ; ихъ участіе въ дѣлѣ найма не имѣетъ также и того характера посредничества, которое именуется комиссіонерствомъ, маглерствомъ, которое облегчало бы сдѣлку нанIMATEЛЯ съ нанIMATEМЪ; это—также не повѣренны нанIMATEЛЯ, дѣйствующіе лишь въ его интересахъ, а равно не радчики, которые дѣйствуютъ въ интересахъ артели, въ которой они сами участвуютъ на одинаковыхъ правахъ съ другими товарищами, являясь лишь ея представителями для переговоровъ о дѣлѣ и условіяхъ. То, что мы здѣсь разумѣемъ подъ именами *подрядчиковъ*, это—тѣ лица, которыя одинаково эксплуатируютъ и нанIMATEЛЯ, и нанIMATEМЪ. Главная дѣль ихъ и ловкость состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно большую цѣну взять съ нанIMATEЛЯ и какъ можно меньшую дать нанIMATEМОУ. Цѣна обыкновенно всегда составляетъ секретъ подрядчика, по отношенію къ нанIMATEМЪ или рабочимъ. Отношенія по найму образовались между ними и рабочими въ то время, когда положеніе рабочихъ было ненормально, когда они были подъ сильнымъ давленіемъ взысканія податей, въ значительномъ въ одинъ срокъ количества.

Изъ предыдущихъ нашихъ изслѣдованій о податной душѣ и податной десятинѣ читатель могъ ясно видѣть, что крестьянинъ въ одинъ и тотъ же срокъ вносилъ нераздѣльно всѣ подати *исударственныя*, всѣ повинности *земскія* и всѣ сборы *мирскіе*, такъ что платящій за двѣ души долженъ въ одинъ разъ внести около 12—14 руб. с., составляющихъ только половину его годового обложенія. Не имѣя возможности въ одинъ разъ удовлетворить всѣхъ сборщиковъ, крестьянинъ становится въ положеніе принудительное и въ этомъ положеніи идетъ на сельскій рынокъ съ предложеніемъ единственной своей свободной собственности—личнаго труда; а такъ какъ поставленныхъ въ такое положеніе цѣны тысячи, то рынокъ переполняется предложеніями, что неминуемо влечетъ, при несоотвѣтственномъ спросѣ, пониженіе цѣны на трудъ.

Такое принудительное положеніе личнаго труда именуется *кабаломъ*, а самый рабочий трудъ—*кабалнымъ*. Эта особенность личнаго труда могла бы составить особый отдѣлъ русской политической экономіи.

Когда намъ приходилось спрашивать крестьянъ при изслѣдованіи въ некоторыхъ общинахъ о томъ, не кабалится ли кто въ ихъ обществѣ? «Нѣтъ, насъ Богъ миловалъ», съ гордостью отвѣчали крестьяне.

Это кабальное положеніе, въ которое поставлена значительная часть населенія, заставляетъ многихъ размышлять о переселеніи на болѣе льготное положеніе: такъ, въ одной мѣстности Петровскаго уѣзда, Пылковской волости, около 15 семей переселилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Закавказскій Край.

Они обыкновенно кабалются на роднѣ своей подъ рубку

дровъ въ сажени или у лѣсопромышленниковъ, или у владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ. Семьи эти были одинокія или малоимущія, пораспродали свои души, скотъ и на вырученныя деньги задумали на новомъ мѣстѣ устроиться лучше.

Интересуясь ихъ новымъ положеніемъ и года два спустя послѣ ихъ переселенія, мы какъ-то имѣли случай спросить пылковцевъ о томъ, какія вѣсти получаютъ они отъ переселенцевъ? «Имъ такъ не пришлось лучше жить, все также подѣ дрова кабалятся», отвѣтили они съ видомъ состраданія къ ихъ бывшимъ односельчанъ.

Сдача крестьянъ волостными правленіями въ заработан, не говоря уже о случаѣ сдачи ихъ цѣлыми общинами — само по себѣ выдающееся печальное явленіе. По отношенію къ кабальному началу, здѣсь оно проявляется въ болѣе высокой степени, чѣмъ при наймѣ подрядчиковъ; здѣсь не видится и того оттѣнка доброй воли, которая замѣчалась въ наймѣ чрезъ подрядчиковъ при принудительномъ переполненіи рынка предложеніемъ рабочаго труда. Въ первомъ случаѣ кабала является какъ бы пассивною, а въ послѣднемъ активной. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что плата за трудъ, выговоренная подрядчиковъ, какъ равно плата, выговоренная у нанимателя волостнымъ правленіемъ, вся цѣлкомъ удерживается при заключеніи условія въ уплату подажей государственныхъ, повинностей земскихъ и сборовъ мирскихъ. Мы знали прекраснаго хозяина, къ которому не шли рабочіе по добровольному найму; онъ обыкновенно обѣзжалъ ирровыхъ посредниковъ и справлялся о недомогавшихъ выгнанныхъ мѣстехъ, всегда готовый нанять на извѣстномъ основаніи.

Такимъ образомъ, процессъ найма рабочихъ на мѣстѣ ихъ жительства раскрываетъ передъ нами, что ненормальности отношеній между нанимателями и нанимаемыми во всѣхъ развитыя своихъ берутъ начало изъ одного и того же источника — подѣ народнымъ названіемъ *кабала*, который, въ свою очередь, вытекаетъ, получаетъ жизнь и питается непосредственно отъ вниманія обременительной общей суммы разнаго рода денежныхъ повинностей, отъ порядка нисколько несобразнаго съ положеніемъ народнаго хозяйства.

Представленные акты ясно свидѣтельствуютъ, что обязательства налагались только на одну сторону, ради того, что другая платила впередъ цѣну за неточно опредѣленный трудъ. Акты ограждали интересы одной стороны, нисколько не касаясь другой; такое непонятное, совершенное забвеніе интересовъ одной стороны ставило рабочихъ въ безвыходное или раззорительное положеніе; крестьяне убѣждены, что попавшійся разъ въ кабалу изъ нея никогда не выходитъ.

Все то, что встрѣчается закабалившимися рабочими на пути ихъ слѣдованія, а также и обстоятельства, встрѣчаемыя ими на мѣстахъ производствъ работъ, содѣйствуютъ значительно нару-

шению принятыхъ ими на себя обязательствъ. На пути слѣдованія они сходятся съ веренищемъ идущихъ на вольный заработокъ, здѣсь они слышатъ, что цѣны играютъ, пошли уже до 10 р. за десятину, урожай подаетъ большія надежды; по приходѣ же на мѣсто работъ, они находятъ тамъ рядомъ у другого хозяина уже нанятыхъ за цѣну въ трие болѣе той, за которую они подрядились и которую зачло въ подати волостное правленіе.

Намъ известна даже такого рода странная случайность: что на двадцатипяти-верстномъ разстояніи у одного брата-землеладельца, купца Л., кабальные работали по 3 руб. 50 к. отрядъ за десятину, а у другого нанаты по вольному найму по 10 руб.

При такомъ положеніи дѣлъ, у рабочаго естественнымъ образомъ происходитъ борьба между двумя началами: гражданскимъ, по которому онъ подрядился за условленную цѣну, и экономическимъ, которое обязываетъ обезпечить его существованіе. Начало гражданское всегда ваяло бы верхъ у него, еслибы оно было чисто, безъ примѣси элемента кабалности, которое такъ живо выплываетъ у него передъ глазами, въ лицѣ вольнонаемныхъ его товарищей. Помимо всего этого, мы видѣли, что рабочій на мѣстѣ производства находитъ совсѣмъ не ту работу, на которую онъ соображалъ свои силы и на которую онъ готовился; на одной десятинѣ, на которой среднимъ числомъ бываетъ около 8 телегъ, ему представилось двойное количество, потребованное двойныхъ силъ и двойнаго времени, чего условіе, составленное нанимателемъ, не предусматрѣло.

Подъ тройственнымъ сильнымъ давленіемъ кабалы, живаго примѣра дорогой оплаты за трудъ своихъ товарищей и неоплаченной двойной работы — кабалный подается. То противодѣйствіе, которое должно было представить гражданское начало, оказывается слабымъ, и онъ устремляется по тому теченію, которое ему указываетъ одно начало экономическое.

Наниматель самъ игнорировалъ или не имѣлъ въ виду, что заблаговременный наемъ чрезъ подрядчика или чрезъ волостное правленіе совершается на началахъ кабалныхъ; за житво одной десятины вольнонаемные получаютъ среднимъ числомъ 8 р.¹, слѣдовательно, всякая цѣна, которая обыкновенно бываетъ ниже — не 8, а 4 рубля, есть цѣна кабалная, за эту цѣну дѣйствительно жнуть слабую рожь и только тогда, когда нѣтъ урожая.

Повсемѣстныя жалобы и изслѣдованія положительно свидѣтельствуютъ, что наемъ на кабалномъ основаніи бываетъ иногда разорителенъ для самихъ хозяевъ; дешевая цѣна находить на болѣе, чѣмъ дорогую. Кабалный рабочій старается какъ можно

¹ При этой цѣнѣ, хозяинъ кормитъ шеничными хлѣбомъ, горячимъ супомъ съ голубцами, кашей съ свинымъ саломъ; если и цѣлая недѣля ненастная, всѣ лежатъ на боку и кормятся на ховайскій счетъ.

спорѣ кончить работу, а потому у него она выходитъ хуже, и рабочій всегда старается закабалиться въ ту экономію, гдѣ меньше надзора.

Намъ извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, многія хозяйства устроились съ годовыми рабочими, съ экономическими орудіями обработки и уборки. Этотъ способъ оказался убыточнымъ и перемѣненъ на сдачу поотрядно въ виду дешевыхъ цѣнъ, напримѣръ, по 3 и 3 руб. 75 коп. за жнитво десятины. Намъ извѣстенъ расчетъ хозяина, который не вводилъ жатвенной машины, потому что расходъ на рабочихъ по 4 руб. за десятину выгоднѣе, чѣмъ уборка посредствомъ жатвенной машины. Хозяинъ этотъ не имѣлъ въ виду, что 3 р. 50 к.—4 р. цѣна кабальная, которая повлекла за собой множество убытковъ, въ чемъ мы были свидѣтелями при самомъ изслѣдованіи.

Мы упоминали въ началѣ этой статьи, что многіе приписываютъ ненормальность отношеній между нанимателями и нанимаемымъ тому, что не введена еще машинная уборка хлѣба. Изъ нашего же изслѣдованія оказывается, что ненормальныя отношенія являются никакъ ужъ не потому, что не введены еще усовершенствованный машинный способъ уборки посредствомъ орудій, но что орудія не вводятся по случаю ненормальности, извѣстной подъ именемъ кабальнаго труда.

Какія бы мѣры строгости ни принимались по исполненію рабочими своихъ вынужденныхъ обязательствъ, онѣ никакъ не могутъ привести къ желаемому успѣху, не говоря уже о томъ роютъ рабочихъ и ослобленій, которые всегда бывають слѣдствіемъ всякаго насилія или принудительности.

Судебное преслѣдованіе, возможное при особой настойчивости нанимателя, лишь по возвращеніи осенью рабочихъ домой, остается безъ всякаго практическаго значенія: во-первыхъ, за изыманіемъ лишняго имущества у рабочихъ, на которое можно было бы обратить взыскаііе, и, во-вторыхъ, за естественнымъ стремленіемъ волостнаго правленія обратить первую выручку отъ заработковъ на пополненіе недоимокъ и текущихъ платежей государственныхъ и сборовъ общественныхъ. Однѣ только законодательныя мѣры по измѣненію сроковъ платежа или взиманія повинностей на практикѣ окажутся лишними большого значенія. Послѣ этихъ соображеній слѣдовало бы перейти къ указанію мѣръ противу ненормальныхъ отношеній нанимателей къ нанимаемымъ.

До сихъ поръ, сколько извѣстно, въ числѣ мѣръ указывалось на введеніе книжекъ для каждаго рабочаго и заключеніе не исполнившихъ своихъ обязательствъ—въ заработные дома, спеціально для этой цѣли проектируемые досужими дѣателями. Мы не беремся говорить здѣсь о цѣлесообразности мѣръ, предлагающихъ выдавать книжки сотнямъ лицъ, нанимаемымъ на сельскихъ рынкахъ въ теченіе одного дня и перѣдво однимъ

лицомъ, и заключенію такихъ же сотенъ жнецовъ, разбросанныхъ по всей губерніи—въ заработные дома.

Намъ представляется, что прежде, чѣмъ говорить о кѣрахъ по такъ называемому рабочему вопросу, слѣдовало бы обсудить положеніе сельскихъ рабочихъ при кабальномъ началѣ, распадаясь на три вопроса, подлежащіе разрѣшенію въ трехъ различныхъ областяхъ знанія, а именно:

1) Какъ вопросъ о вредѣ сельскому хозяйству, причиняемомъ ненормальностью отношеній нанIMATEЛЯ къ рабочему—это область сельского хозяйства.

2) Какъ вопросъ о вредѣ, причиняемомъ общественному строю и народному хозяйству—это область политической экономіи; и

3) Какъ предметъ договора нанIMATEЛЯ съ нанIMATEМЪ, съ примѣсью начала, именуемаго самимъ народомъ кабальнымъ (принудительнымъ), подрывающимъ начало свободного, добровольнаго соглашенія—это область юридическая, область права.

Только такое тройственное обсужденіе можетъ дать полное освѣщеніе предмету.

Въ заключеніе же, мы позволимъ себѣ лишь прибавить, что *въ хозяйствахъ, въ которыхъ изъ земли извлекаются меркантильно, безвозвратно, всѣ производительные элементы, необходимы для развитія нужныхъ намъ растений, Лѣсныхъ называемыхъ земледельческими.* Намъ остается ожидать указаній о томъ, какъ должны мы называть тѣ хозяйства, которыя ведутся *на началѣ кабальномъ, хронически разрушающемъ экономическія силы дѣльных семей, а нѣрѣдко и дѣльныхъ земельныхъ общинъ изучаемаго нами края.*

В. Григорьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Извѣстія «Петербургскихъ Вѣдомостей» о предстоящей *новой* реформѣ духовныхъ училищъ. — Стремленіе сократить количество обучающихся въ университетѣхъ ради *качественнаго* возвышенія послѣднихъ. — Существо предположенной новой реформы духовныхъ училищъ. — Первоначальныя уставы духовныхъ училищъ. — Послѣдующія въ нихъ прибавки. — Несостоятельность большинства нашего духовенства оплачивать воспитаніе своихъ дѣтей и потому невозможность поднять духовныя училища, если цѣль ихъ останется прежняя — воспитаніе *смысла* дѣтей духовенства. — Не лучше ли было бы всѣмъ духовнымъ семинаріямъ преобразовать въ существующія нинѣ земскія семинаріи для образованія народныхъ учителей и черезъ эти семинаріи привлекать въ духовное зааніе преимущественно дѣтей крестьянъ?

Въ концѣ прошедшаго мѣсяца, «Петербургскія Вѣдомости» (№ 115) сообщили во всеобщее свѣденіе, что «въ официальныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о новой реформѣ духовныхъ училищъ и семинарій». Вопросъ этотъ, впрочемъ, какъ можно судить по статьѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей», не только возбужденъ, но и находится въ полномъ ходу. Повидимому, составленъ уже и планъ реформы; по крайней мѣрѣ, «Петербургскія Вѣдомости» дѣлаютъ краткій абрисъ реформы и указываютъ ея направленіе. Вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и семинарій настолько важенъ не только для всего нашего духовенства, но и вообще въ дѣлѣ образованія цѣлой Россіи, что, я надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, что я посвящу этому вопросу нинѣшнее мое обозрѣніе.

Прежде, впрочемъ, чѣмъ я начну говорить объ ожидающемъ духовныя училища и семинаріи преобразованіи, я долженъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ принципахъ, которые нинѣ лежатъ въ основаніи всѣхъ преобразованій учебныхъ заведеній какъ по министерству народнаго просвѣщенія, такъ и по духовно-учебному вѣдомству. Ибо какъ неоднократно было заявлено официально о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, бывшей назадъ тому десять лѣтъ, что она вызвана преобразованіями, послѣдовавшими въ учебныхъ заведеніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія, такъ тоже самое заявляется въ помянутой нами статьѣ

«Петербургских Вѣдомостей» и относительно реформы, нѣльзящей послѣдовать съ духовно-учебными заведениями.

Намъ нѣтъ нужды напоминать нашимъ читателямъ о тѣхъ нескончаемыхъ разговорахъ и спорахъ, которые много лѣтъ велись въ нашемъ обществѣ и литературѣ о классическомъ и реальномъ образованіи. Почти все общество и большинство литературы стояло на томъ, что для Россіи необходимо реальное образованіе. Министерство народнаго просвѣщенія напротивъ, утверждало, что если уровень образованія въ Россіи очень низокъ, то если оно очень поверхностно, то это единственно оттого, что наши среднія учебныя заведения устроены не по образцу европейской классической школы, испытанной вѣками, которая одна способна дать прочную и солидную обработку умственнымъ способностямъ юношей, а по собственному россійскому измышленію, а потому программы нашихъ заведеній набиты такими предметами, которые служатъ не къ серьезному упражненію и постоянному усиленію ума юношей, а къ его разстройству и черезъ это отъ нихъ не получается никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ разномыслія людей легкомысленныхъ. Само собою разумѣется, что нѣкое министерство одержало верхъ; всѣ гимназіи были преобразованы и переименованы въ классическія, бывшіимъ реальнымъ гимназіямъ запрещено было даже носить имя гимназій, и вмѣстѣ съ этимъ у нихъ отнято право служить приготовительными заведениями для университета. Въ стѣны этой alma mater предоставлено было поступать только тѣмъ, которые благополучно пройдутъ дебри греческаго и латинскаго языка въ классическихъ гимназіяхъ и за такой подвигъ свой получаютъ аттестатъ зрѣлости.

Но аттестатъ зрѣлости добыть было не легко. Ревнуя о томъ, чтобы поставить наши учебныя заведения на одинъ уровень съ нѣмецкими, министерство народнаго просвѣщенія обусловило получение его, а слѣдовательно, и права поступленія въ университетъ такими непосильными требованиями, что только немногіе изъ юношей, при самомъ напряженномъ трудѣ, могли удовлетворять имъ. Вслѣдствіе этого число учащихся въ университетахъ начало быстро уменьшаться. Въ 1872 году, число студентовъ всѣхъ университетовъ доходило до 6,734 г., въ 1873 г. оно вдругъ пало до 6,062 ч., въ 1874 до 5,835 ч., въ 1875 году 5,368 ч. и т. д., и только въ прошедшемъ году поднялось снова до 6,520 ч., все-таки однако не достигнувъ цифры 1872 года.

Само по себѣ это послѣдствіе весьма естественное и его необходимо было ждать впередъ. Ибо очень понятно, что аттестатъ зрѣлости, введенный иенно для усовершенствованія качества образованія, долженъ былъ на нѣкоторое время отозваться болѣе или менѣе неблагоприятно на его количественномъ распространеніи. Въ другой странѣ, гдѣ цивилизація и культура существуютъ уже въ теченіи многихъ столѣтій, гдѣ образованіе прочно утвердилось и сдѣлалось насущною по-

требностию общества, гдѣ, наконецъ, не чувствуется недостатка не только въ людяхъ высшаго общаго образованія, но и въ спеціалистахъ по всевозможнымъ отраслямъ знанія, въ такой, говорю, странѣ подобное временное уменьшеніе числа учащихся въ университетахъ, въ видахъ качественного усовершенствованія послѣднихъ, не обратило бы ничего вниманія или, пожалуй, встрѣчено было бы съ радостію, еслибы, само собою разумѣется, общество признало, что эта мѣра вызвана не мечтательными какими-нибудь соображеніями, а дѣйствительною потребностію. У насъ не то. У насъ уменьшеніе числа студентовъ университетовъ, слѣдовавшее въ видахъ качественного усовершенствованія ихъ, не только не вызвало ни въ комъ радости, а было встрѣчено и въ литературѣ, и въ обществѣ съ безпокойствомъ. Вездѣ заговорили объ этомъ, какъ о явленіи весьма прискорбномъ. Почему?—Это будетъ понятно всякому, кто обратитъ вниманіе на постоянныя колебанія, которымъ то и дѣло подвергается наше высшее образованіе. Не будемъ говорить о временахъ прошедшихъ; вспомнимъ только наше время—съ крестьянской реформы. Въ 1860 году, учащихся въ университетахъ состояло 5,453 человѣкъ, въ 1865 г. — 5,627 ч., въ 1866 г., оно вдругъ упало на 4,112 чел. и, хотя въ слѣдующіе годы нѣсколько и повысилось, но до самаго 1870 г. не доходило даже до 5,000 ч. Въ 1871 г. оно вдругъ возвысилось до 6,201 ч., въ слѣдующій годъ до 6,651, наконецъ, въ 1872 г. дошло до своего зенита 6,734, и потомъ, какъ мы уже видѣли, стало постоянно падать, остановившись съ прошедшаго года на цифрѣ 6,520 ч. Если вы примете во вниманіе, что уже въ 1865 г. число учащихся въ университетахъ доходило до 5,627 ч., то не представляется ли вамъ нѣсколько страннымъ что, не говоря уже про промежуточные, ничтожныя въ сравненіи съ 1865 годомъ, цифры учащихся въ университетѣ, даже въ 1878 году цифра эта представляется только 6,520 человѣкъ. Вѣдь это цѣлѣхъ почти 15 лѣтъ! И въ теченіи этого времени, когда основанъ былъ крѣпкомъ новый Одесскій университетъ, прибыло учащихся во всѣхъ университетахъ—всего менѣе тысячи!! Какъ хотите, а съ какою бы точки зрѣнія вы ни взглянули на это явленіе, оно не можетъ представляться вамъ иначе, какъ весьма печальнымъ. Что крайняя, настоятельная общественная потребность высшаго образованія остается неудовлетворенною, это, помимо всякихъ доказательствъ, очевидно изъ простаго сопоставленія цифръ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ цифрами учащихся въ университетахъ. Тогда какъ число первыхъ годъ отъ году все болѣе и болѣе возрастаетъ, число послѣднихъ или то и дѣло уменьшается, или даже въ лучшіе годы, въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій, стоятъ немногимъ выше той цифры, на которой оно стояло назадъ тому 20 лѣтъ, при министрѣ народнаго просвѣщенія Ковалевскомъ. Въ 1860 году число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго про-

свѣщенія было 24,511; число студентовъ университетовъ въ этомъ же году простиралось до 5,452 ч. Съ того времени число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства возросло къ 1877 г., до 61,589 ч., т. е. въ два съ половиною раза противъ 1860 года. Соотвѣственно этому надобно было ожидать, что и число учащихся въ университетахъ возрастетъ, по крайней мѣрѣ, въ два съ половиною раза, т. е. будетъ состоятъ больше, чѣмъ изъ 13,000. Я говорю, *по крайней мѣрѣ*. Потому что съ самого начала устройства нынѣшней системы народнаго просвѣщенія, т. е. съ 1809 г., общее число студентовъ университетовъ составляло обыкновенно нѣсколько больше или нѣсколько меньше одной четвертой, и только въ рѣдкихъ случаяхъ одну пятую часть общаго числа учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Хотя въ университеты съ самаго начала принимались, какъ то было и теперь до недавняго времени, воспитанники не изъ однихъ только этихъ гимназій, но и изъ семинарій и другихъ заведеній, тѣмъ не менѣе, это отношеніе числа учащихся въ университетахъ къ общему числу учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія оставалось всегда правильнымъ, исключая немногихъ частныхъ случаевъ, когда въ силу стороннихъ обстоятельствъ это равновѣсіе нѣсколько колебалось. Но и при такихъ колебаніяхъ цифра учащихся въ университетахъ нивогда не падала ниже шестой, самое большее седьмой части общаго числа всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и то только на какой-нибудь на годъ, на два. Такимъ образомъ, у насъ даже и въ дореформенное время стремленіе къ высшему образованію было настолько сильно, что въ университеты поступала четверть общаго числа всѣхъ обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но всѣмъ извѣстно, что наше дореформенное время никакъ нельзя назвать особенно благоприятнымъ для распространенія просвѣщенія, да и нужды не могло въ немъ тогда чувствоваться такой, какая чувствуется теперь, когда съ уничтоженіемъ крѣпостного права, каждый самъ долженъ заботиться о приобрѣтеніи себѣ хлѣба своимъ собственнымъ трудомъ. А если при этомъ принять во вниманіе, что и государство, съ введеніемъ многихъ реформъ въ разныхъ отрасляхъ своей дѣятельности, должно было почувствовать гораздо большую потребность въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, чѣмъ какая чувствовалась въ прежнее время, то естественно было ожидать, что число обучающихся въ университетахъ никакъ не можетъ остаться въ прежнемъ дореформенномъ отношеніи къ числу обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что оно, напротивъ, должно возрасти значительно противъ прежняго времени, такъ что если въ прежнее дореформенное время, число обучающихся въ университетахъ составляло всего четверть обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ наше время оно должно бы было достигъ, по крайней

иѣры, трети. Между тѣмъ мы видимъ, что въ дѣйствительности оно не сохранилось даже и на той ступени, на которой стояло въ дореформенное время. Никогда, ни разу, въ это дореформенное время не бывало, чтобы число обучающихся въ университетахъ представляло только десятую часть общаго числа обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а теперь это число становится уже идеаломъ. Такъ въ 1877 году, число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 61,589 ч., а въ университетахъ за тотъ же годъ состоялось всего 5,629 ч., т. е. только на 177 человекъ болѣе, чѣмъ въ 1860 году, когда обучающихся въ университетахъ было 5,453 ч., а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всего 24,511 ч. (а не 60,000 слишкомъ, какъ теперь).

До какой степени ничтожна эта цифра обучающихся въ нашихъ университетахъ, можно видѣть изъ сравненія ея съ цифрами обучающихся въ университетахъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Приводимъ здѣсь дословно весьма интересную въ этомъ отношеніи таблицку, помѣщенную въ календарѣ Суворина за 1877 годъ (на числовыхъ данныхъ этого календаря основаны нами и вышеприведенные выводы).

«Число учащихся въ разныхъ европейскихъ университетахъ слѣдующее:

Въ университетахъ.		Учащихся.	1 учащийся на столько жителей.
Австро-Венгрія.....	72	10,417	3,500
Бельгія.....	70	1,898	2,600
Германія.....	73	17,858	2,300
Въ томъ числѣ:			
Пруссія.....	69	9,610	2,400
Баварія.....	—	2,614	2,000
Голландія.....	69	1,500	2,400
Греція.....	70	1,205	1,200
Данія.....	70	1,300	1,300
Испанія.....	72	12,269	1,350
Италія.....	72—3	7,253	3,700
Норвегія.....	72	700	2,500
Швейцарія.....	—	900	2,900
Швеція.....	72—3	2,174	1,900
Россія.....	73—4	6,145	14,000

Изъ этой сравнительной таблицки бласклонный читатель легко усмотритъ, какъ ничтожно число получающихъ у насъ высшее образованіе по отношенію къ народонаселенію. Съ европейскими странами нѣтъ намъ ни сравненія, ни подобія, ни коего же въ этомъ отношеніи. Даже какъ-то обидно, что въ какой-нибудь Даніи, Греціи людей съ высшимъ образованіемъ въ

десять разъ болѣе, чѣмъ у насъ! А между тѣмъ въ сущности нѣтъ ни одной страны, которая болѣе бы нуждалась въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, чѣмъ мы. Мы поднѣе всѣхъ вступили на путь европейской цивилизаціи и культуры; въ нашихъ массахъ образованіе почти что еще не начиналось; въ нашихъ привилегированныхъ классахъ оно еще очень слабо. Все что ни дѣлается хорошаго, идетъ и можетъ идти ною сверху, т. е. отъ верховъ правительства или отъ верховъ образованнаго общества. И это продолжится, по всей вѣроятности, еще очень долго. Понятно послѣ этого, какъ всѣ мы должны заботиться всѣми возможными мѣрами о распространеніи у насъ высшаго образованія, чтобы имѣть достаточное число и людей инициативы и людей, способныхъ понять и принять къ сердцу правительственныя реформы и хорошія начинанія образованнаго общества и разумно провести ихъ въ народъ и прочно привить тамъ.

Но это не все. Нигдѣ количество не стоитъ въ такомъ прямомъ, самомъ тѣсномъ отношеніи съ качествомъ, какъ именно въ поднятій уровня образованія въ странѣ. На какой бы незначительной степени образованіе ни стояло въ той или другой странѣ, все-таки поднять его на слѣдующую высшую ступень нѣтъ никакого другого средства, какъ стараться о возможно широкомъ распространеніи его и слѣдовательно не закрывать, а возможно широко раскрывать двери университетовъ для всѣхъ, кто съ усиліемъ прошелъ какое бы то ни было среднее учебное заведеніе, и можетъ выдержать пробѣрное испытаніе по предметамъ, нужнымъ для того факультета, въ который онъ хочетъ поступить. Только тогда, когда существующимъ высшимъ образованіемъ, какъ бы оно незначительно ни было, будутъ достаточно напоены разнообразныя общественныя слои — и натурально, чѣмъ больше, тѣмъ лучше — тогда только общество войдетъ во вкусъ высшаго образованія, обратитъ его въ свою насущную потребность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ отчетливо и ясно отличать достоинства и недостатки существующаго образованія. Тогда между обществомъ и школой образуется тѣсная связь и неизбежное взаимодѣйствіе другъ на друга. Съ одной стороны, каждое новое поволеніе, исходя со школьной скамьи, будетъ стараться и умѣть выработать изъ своихъ дѣтей вполне годный матеріалъ для высшей школы, съ другой, выдѣляющіеся изъ каждаго такого поколѣнія даровитые дѣтели науки будутъ поднимать ея уровень, и въ школѣ своими преподаваніемъ и въ обществѣ своими трудами. Тогда съ каждымъ новымъ поволеніемъ уровень и школьнаго и общественнаго образованія сталъ бы дѣйствительно подниматься. Существенная ошибка наша, по моему мнѣнію, въ томъ и состоитъ, что, въ видахъ поднятій уровня нашего школьнаго образованія, у насъ избранъ путь какъ разъ противоположный. Вмѣсто того, чтобы дать возможность какъ можно большому числу людей усвоить себѣ существующее у насъ въ наличности высшее университетское обра-

зованіе, напротивъ, доступъ къ нему стѣсняется до самыхъ крайнихъ предѣловъ, причеиъ аттестатъ зрѣлости, получаемый, главнымъ образомъ, за отличные успѣхи въ древнихъ языкахъ, и одинъ только онъ, открывающій двери университета, признается какъ надежнѣйшее и наилучшее средство для поднятія уровня нашего образованія. Еслибы это было и дѣйствительно такъ, то и въ такомъ случаѣ успѣха отъ этого средства можно было бы ожидать только тогда, когда бы предварительно гѣтъ на двадцать широко раскрыты были, двери университета для всѣхъ желающихъ изучать греческій и латинскій языки, и ихъ литературу, такъ чтобы въ обществѣ образовался вкусъ къ нимъ и утвердилась живая потребность въ подобномъ знаніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ, стоить только наилучшаго изъ воспитанниковъ, вступившихъ въ университетъ съ аттестатомъ зрѣлости, черезъ шесть, много черезъ восемь гѣтъ поѣзжаменовать въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, навѣрное, онъ не выдержитъ испытанія для поступленія даже и въ высшіе классы гимназій. Невѣжественная въ латинскомъ и греческомъ языкахъ общественная среда, среди которой придется ему вращаться, а другой у насъ нѣтъ въ Россіи, въ самое короткое время уничтожитъ въ немъ то тла греческую и латинскую премудрость, или, говоря другими словами, не онъ подниметъ уровень существующаго образованія въ средѣ, а эта среда понизитъ его образованіе до своего уровня. И такъ, даже въ лучшемъ случаѣ, т. е., предполагая, что знаніемъ латинскаго и греческаго языка можно поднять уровень образованія, все-таки остается несомнѣннымъ, что это средство могло бы быть дѣйствительнымъ только при открытіи настежь дверей университета для всѣхъ желающихъ изучать латинскую и греческую премудрость, а никакъ не чрезъ сокращеніе числа учащихся.

Все это я говорю къ тому, что недавнее распоряженіе объ устраненіи воспитанниковъ духовныхъ семинарій отъ поступленія въ университетъ на томъ только основаніи, что они не на столько сильны въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, насколько это требуется аттестатомъ зрѣлости, возбудило всеобщее сожалѣніе въ литературѣ и въ обществѣ. Потому что многолѣтній опытъ показалъ, что знаніе, какимъ обладали семинаристы въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, было всегда настолько удовлетворительно, что они съ успѣхомъ, зачастую даже въ числѣ лучшихъ, оканчивали курсъ во всѣхъ факультетахъ университета, въ томъ числѣ и специально-историко-филологическомъ, гдѣ требуется наибольшее знаніе древнихъ языковъ. Да и теперь съ открытіемъ имъ доступа въ университетъ, филологической институтъ, гдѣ требуется гораздо основательнѣйшее знаніе греческаго и латинскаго языка, чѣмъ даже въ историко-филологическомъ факультетѣ университета, остается открытымъ для нихъ. Слѣдовательно, министерство народнаго просвѣщенія признаетъ, что хотя семинаристы и не имѣютъ аттестатовъ зрѣлости, но

словесность и новыя языки непремѣнно плохо. Тамъ, напротивъ, сколько мы помнимъ, требуется, чтобы преподаваніе всѣхъ предметовъ, входящихъ въ семинарскій курсъ, стояло въ уровень съ современными требованіями. Слѣдовательно, если означенные предметы преподаются въ семинаріяхъ плохо, то вина въ этомъ лежитъ на наблюдающемъ за семинаріями начальствѣ: или оно даетъ плохихъ учителей, или не требуетъ точнаго исполненія семинарскаго устава относительно преподаванія.

Далѣе авторъ говоритъ, что «гимназическій курсъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ перемѣнянъ теперь съ предметами богословскаго образованія, преподаваемого одновременно съ этимъ курсомъ», что предполагаемая реформа выдѣлитъ эти богословскіе предметы, отвесивъ ихъ къ послѣднимъ двумъ годамъ специально богословскаго семинарскаго курса, гдѣ преподаются чисто-богословскіе предметы, четыре же первые года семинаріи поставитъ точъ въ точъ, какъ гимназіи, и, вслѣдствіе такой постановки дѣла, говоритъ авторъ, «духовное вѣдомство будетъ свободно отъ того нареканія, что нынѣ это вѣдомство привлекаетъ юношество къ духовному званію путемъ искусственнымъ, а именно посредствомъ обученія дѣтей въ своихъ училищахъ и семинаріяхъ, гдѣ, начиная съ самыхъ низшихъ классовъ, общее образованіе какъ бы съ преднамѣреніемъ дѣлать перемѣшанное съ специально богословскимъ образованіемъ».

Я нисколько не сомнѣваюсь, что авторъ все это пишетъ вполне добросовѣстно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вижу полное его невѣденіе относительно дѣйствительнаго устава духовныхъ училищъ и семинарій, нѣкоторыхъ прибавокъ, сдѣланныхъ въ немъ въ теченіе времени, и только потому могу не удивляться, что онъ очищеніе устава отъ этихъ прибавокъ считаетъ реформой, а вину этихъ прибавокъ приписываетъ тенденціямъ духовнаго вѣдомства, которое въ этомъ случаѣ неоправданно ни въ чемъ ни на одну югу!

Какъ проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, составленный въ 1807 году, такъ и разработанные на основаніи этого устава духовныхъ академій, семинарій и училищъ были задуманы и исполнены людьми очень умными.

При преобразованіи среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній имѣлась въ виду двойная цѣль: *во-первыхъ*, приготовить ученыхъ священниковъ, *во-вторыхъ*, создать въ среднихъ и высшихъ духовныхъ училищахъ приготовительныя заведенія какъ для духовныхъ академій, такъ и для высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ учащійся персоналъ состоялъ преимущественно изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ виду этой двойной цѣли, духовныя училища и семинаріи были устроены такимъ образомъ:

Приходскія училища, съ однолѣтнимъ или двухлѣтнимъ курсомъ, смотря по подготовкѣ, въ которыя поступали дѣти 8-ми лѣтъ и обучались чтенію и письму по-русски, первымъ четыремъ

правиламъ арифметики, первымъ началамъ русской грамматики, краткому катихизису и нотному пѣнію.

Уѣздная училища, существовавшія и до сихъ поръ существующія отдѣльно отъ семинарій, какъ прежде и отъ гимназій уѣздныя училища существовали отдѣльно, только для гимназій съ трехлѣтнимъ курсомъ, а для семинарій съ четырехлѣтнимъ. Авторъ напрасно говоритъ, что въ этихъ училищахъ преподавались будто бы какіе-то богословскіе предметы. Изъ богословскихъ предметовъ были здѣсь, какъ и во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ, только катихизисъ и краткая священная исторія, затѣмъ здѣсь преподавалась грамматика—русская, латинская, греческая, славянская. Можетъ быть, авторъ къ богословскимъ предметамъ относитъ и нотное пѣніе?—Въ классахъ дѣйствительно пѣли ирмосы и т. п. равныя духовныя пѣсни; но моты тоже, что числа, годятся на всеобщее употребленіе и, благодаря тому, что въ духовныхъ училищахъ въ дѣтствѣ учили пѣнію по нотамъ, здѣсь всегда имѣлось достаточно людей, умѣющихъ порядочно пѣть и играть на разныхъ инструментахъ и въ обиходѣ домашней жизни.

Семинаріи съ шестилѣтнимъ курсомъ, изъ которыхъ послѣдніе два года обнимали одни только богословскіе предметы, а первые четыре года были посвящены *исключительно* только свѣтскимъ предметамъ, тѣмъ же самымъ, которые преподавались въ гимназій по уставу 1828 года, курсъ которой былъ также четырехлѣтній. Только въ гимназіяхъ не всегда преподавался греческій языкъ, а въ семинаріяхъ онъ преподавался всегда. Кромѣ того, въ семинаріи преподавалась философія и даже исторія системъ философскихъ, а въ гимназіяхъ нѣкогда не преподавалась, и даже едва ли могла преподаваться въ прежнее время. Потому что, при семилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ, включая въ то число и курсъ уѣзднаго училища, мальчикъ, поступающій учиться 8-ми лѣтъ, 15-ти лѣтъ оканчивалъ уже гимназическій курсъ, тогда какъ 15-ти—16-ти лѣтъ самыя способности изъ семинаристовъ успѣвали поступать только въ философскій классъ. Въ эти именно годы, когда въ человѣкѣ начинается пробуждаться самостоятельная и критическая мысль, философія, въ связи съ исторією философскихъ системъ, весьма много содѣйствовала развитію юношей и была равно полезна какъ для тѣхъ, которые поступали въ спеціальнѣйшій богословскій классъ для приготовленія въ священники—ибо религія выясняетъ тѣже основы существующаго міра физическаго и нравственнаго и положеніе въ немъ человѣка, которыя стремится постигнуть и каждая философская система, потому истинное пониманіе и оцѣнка той или другой религіи требуетъ непремѣнно большаго или меньшаго знакомства съ философскою мыслию и ея историческимъ развитіемъ—такъ и для тѣхъ, которые поступали въ высшія учебныя заведенія, не только духовныя академіи, но и свѣтскіе университеты. Знакомство съ философіей и исторією философскихъ системъ облегчало работу въ историко-филологическомъ факульт.

тетъ, но было не безполезно и вообще, и въ классныхъ занятіяхъ, для другихъ факультетовъ. Оно все-таки помогало до известной степени обобщать разрозненные обрывки разныхъ знаній и вырабатывать какое-нибудь міросозерцаніе. Положимъ, философія стояла въ семинаріяхъ не Богъ знаетъ какъ, или, проще сказать, вообще плохо; но надобно припомнить то темное время, о которомъ мы говоримъ, когда не было ни тѣхъ хорошихъ книжекъ, которыя ищутся теперь, хотя и теперь въ не особенно большомъ количествѣ, и не было вообще никакого просвѣту. Тогда и Винклеръ и Ваумейстеръ, съ имѣвшимися повсюду академическими записками по исторіи философскихъ системъ, могли способствовать къ возбужденію мысли въ способныхъ молодыхъ людяхъ. Въ настоящее время, когда достаточно свѣту приливается съ разныхъ сторонъ, Ваумейстеръ и Винклеръ, и пренная исторія философскихъ системъ отслужили свою службу. А все-таки и теперь нужно имѣть въ виду, что въ 17—18 лѣтъ въ каждомъ учащемся юношѣ сами собой возбуждаются тѣ вопросы, на которые отвѣчала прежде философія. А такъ какъ юноши въ 17—18 лѣтъ обучаются иныи не въ семинаріяхъ только, но и въ классическихъ гимназіяхъ, то въ составъ тѣхъ и другихъ заведеній должна быть введена наука, которая должна давать отвѣты на эти вопросы. Будетъ ли она названа философіей или какимъ-нибудь другимъ именемъ, но суть ея должна состоять въ томъ, чтобы она содержала то обобщеніе всѣхъ современныхъ знаній, которое можетъ болѣе или менѣе удовлетворить означенные вопросы. Безъ этого пылливость юношей не успокоится и будетъ сама искать на нихъ отвѣта въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, и найдетъ на нихъ отвѣты, которые могутъ быть, вовсе не желательныя. Авторъ напрасно, говоря о предстоящемъ преобразованіи духовныхъ училищъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи съ нескрываемымъ восторгомъ заявляетъ, что преобразованныя духовныя училища и семинаріи представляютъ собой «точные копии съ нашихъ гимназій и прогимназій». Существующія гимназіи и прогимназіи не представляютъ собой такихъ замѣчательныхъ картинъ, съ которыхъ стоило бы снимать копии. Пока курсъ гимназій, съ включеніемъ въ него предместовъ и уѣздного училища, былъ только семилѣтній, пока изъ гимназій выходили не юноши, а мальчики въ 15 лѣтъ, то тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли возможности по тѣмъ или другимъ причинамъ поступать въ университетъ, еще простительно было разыгрывать роль военныхъ писарьковъ или уличныхъ франтиковъ съ тросточкой и гордиться тѣмъ, что они знаютъ, что Александръ Македонскій былъ герой, что Киръ былъ царь персидскій, и что двѣ параллельныя никогда встрѣтятся не могутъ, но теперь, когда изъ гимназій выходятъ юноши солидные, многіе съ значительными брадами, имъ уже нельзя довольствоваться какими-то безцѣльными, ни къ чему не сведенными обрывками знаній, хотя бы въ

массѣ этихъ обрывковъ сохранилась даже такая премудрость, что *что* значить: *бю*, а *а* *то* *люблю*.

Однакожъ я примѣчаю, что я уклонился далеко въ сторону отъ моего предмета. Я хотѣлъ только показать автору статьи «Петербургскихъ Вѣдомостей», что въ подготовительномъ семинарскомъ курсѣ никакихъ богословскихъ предметовъ преподаваемо не было, въ чемъ, надѣясь, онъ и убѣдился изъ вышесказаннаго. Къ этому могу присовокупить, что философскій курсъ считался окончательнымъ для подготовительнаго образованія, такъ что по окончаніи его, многіе, не слушая богословскаго курса, отправлялись прямо не только въ высшія учебныя свѣтскія заведенія, какъ-то: въ университетъ, медико-хирургическую академію, но иногда даже въ духовныя академіи. Изъ этого очевидно, что то, что онъ называетъ реформой, т. е. отдѣленіе послѣдняго двухлѣтняго богословскаго курса отъ другихъ классовъ семинарскаго курса, вовсе никакой новости не составляетъ, а это такъ было, такъ и должно быть по дѣйствительному семинарскому уставу.

Теперь я постараюсь объяснить тѣ случайныя интерполяции или прибавки которыя попали въ курсъ семинарскихъ предметовъ помимо устава, и о которыхъ авторъ думаетъ, что они существуютъ согласно уставу, мало того, что они нацѣленно удерживаются духовнымъ вѣдомствомъ.

Главное управленіе всѣми духовно-учебными заведеніями, по ихъ преобразованіи въ 1808 году, ввѣрено было комиссіи духовныхъ училищъ, составленной изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя участвовали въ ихъ преобразованіи и сами разработывали уставы духовныхъ училищъ. Комиссія духовныхъ училищъ была поставлена такъ самостоятельно, что разныя общія мѣры, предпринимавшіяся впоследствии относительно измѣненій во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, не касались заведеній, подчиненныхъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ высочайшихъ повелѣніяхъ относительно этихъ мѣръ обыкновенно включалось, что онѣ не простираются на училища военныя и духовныя. Даже когда министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ билль, вмѣстѣ съ тѣмъ, и министромъ духовныхъ дѣлъ, онъ присутствовалъ въ комиссіи духовныхъ училищъ только въ качествѣ члена. Такихъ образомъ, какъ учебный, такъ и другіе порядки въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ оставались неприкосновенными въ томъ самомъ мѣрѣ, какъ они учреждены были при преобразованіи, какъ во все время царствованія Александра, такъ и въ началѣ царствованія Николая, до того самаго времени, когда комиссія духовныхъ училищъ была упразднена и духовныя учебныя заведенія были подчинены образованному при свѣтѣйшемъ синодѣ духовному учебному управленію подъ непосредственнымъ надзоромъ обер-прокурора свѣтѣйшаго синода. Бывшій во время царствованія покойнаго государя обер-прокуроромъ свѣтѣйшаго синода графъ Пратасовъ сдѣлалъ весьма много для внутренняго упорядоченія духовно-учебныхъ заведеній, водворивъ здѣсь, вмѣсто

вселествовавшихъ патриархальныхъ отношеній, отношенія законныя. Надобно сказать, что нигдѣ не было, да, вѣроятно, и теперь нѣтъ болѣе разнороднаго персонала начальствующихъ и учащихъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ духовныхъ. Главное начальство послѣднихъ, обыкновенно, слалось изъ лицъ монашествующихъ: мѣстнаго архіерея, ректора и инспектора семинаріи— обыкновенно архимандритовъ, затѣмъ слѣдовалъ персоналъ учащихъ, составленный изъ лицъ или вышедшихъ уже изъ духовнаго званія и получающихъ гражданскіе чины, или лицъ полусвѣтскихъ, т. е. такихъ, которыя могли, смотря по ихъ желанію, или облечься въ духовный санъ, когда захотятъ, или переименоваться въ соответствующій гражданскій чинъ, такъ какъ ихъ служба и до перехода ихъ въ свѣтское вѣдомство, зачиталась въ чинъ съ надлежащимъ старшинствомъ, точно такъ же, какъ бы они состояли и на гражданской службѣ. При такомъ разнородномъ составѣ даже въ учащемъ персоналѣ по разнообразію стремленій, и слѣдовательно возрѣвій, полная солидарность существовала не всегда, а потому весь этотъ персоналъ безъ исключенія стоялъ иногда почти внѣ всякой солидарности съ персоналомъ начальствующихъ. Ипрѣдъ попадалась, правда, въ числѣ начальствующихъ лица, которыя, несмотря на свое исключительное, совершенно отчужденное отъ міра званіе, имѣли широкій взглядъ на науку и вполнѣ гуманный на человѣчскія отношенія, и тогда солидарность съ учащимъ персоналомъ устанавливалась. Чаще, при начальствующемъ персоналѣ благородномъ и практическомъ устроивался компромисъ: начальство утверждалось въ той мысли, что не могутъ же люди свѣтскіе и полусвѣтскіе смотрѣть на науку и на житейскія отношенія, какъ смотрятъ они въ ихъ исключительномъ званіи, и потому если что-нибудь читается въ той и другой наукѣ несогласно съ ихъ личными возрѣвіями, или если жизнь учащихъ несовсѣмъ согласуется съ ихъ правилами, то надобно относиться къ этому благодушно и не давать этому никакого значенія, тѣмъ болѣе, что въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлается и далеко хуже этого. Но случалось и такъ, что начальство образовывалось изъ людей недалекихъ и въ наукѣ, притомъ съ аскетическими возрѣвіями на житейскія отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею нетерпимостію— тогда персоналу учащихъ дѣлалось совсѣмъ плохо: въ каждомъ свободномъ словѣ подозрѣвалось вольномысліе, въ самыхъ обыкновенныхъ поступкахъ, развлеченіяхъ и т. п. вѣчестіе и преступленіе, и на основаніи всего этого безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, дѣлалась служебная оцѣнка и аттестація совершенно по патриархальному способу, въ родѣ того: «страдаетъ вольномысліемъ», «въ поведеніи сомнителенъ» и т. п. Графъ Пратазовъ потребовалъ, чтобы въ служебныхъ аттестаціяхъ не употребляли никакихъ подобныхъ произвольныхъ выраженій, а писали тѣ самыя выраженія, которыя указаны закономъ и которыя употребляются въ формуларахъ всѣхъ вѣдомствъ. За-

тѣмъ, если кто изъ учащихся оказывается ненадежнымъ въ преподаваніи и неодобрительнымъ въ поведеніи, то о каждомъ случаѣ, который подаетъ поводъ къ такому заключенію, надобно доносить подробно ему. Понятно, что этимъ сразу была обеспечена значительная самостоятельность за персоналомъ учащихся. Потому съ этой стороны персоналъ учащихся во все время управленія графа Пратасова вообще былъ доволенъ, что комиссія духовныхъ училищъ была закрыта и что послѣднія были переданы въ непосредственное вѣдѣніе оберъ-прокурора св. синода.

Но была другая сторона дѣла - это учебная, распоряженія по которой вызывали повременамъ не то что недовольство, а такъ... легкія остроты. Графъ Пратасовъ, какъ человѣкъ военный, въ наукахъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, конечно, особенно далеко не былъ, а тѣмъ болѣе въ распорядкѣ наукъ и ихъ преподаванія для извѣстной цѣли. А въ духовныхъ заведеніяхъ въ этомъ отношеніи ему было еще труднѣе ориентироваться, чѣмъ во всякихъ другихъ. Тутъ была смѣсь наукъ — и свѣтскихъ и духовныхъ: почему внесены въ курсъ тѣ науки, а не другія, почему расположены въ такомъ порядкѣ, а не въ другомъ — все это для него было, конечно, не особенно ясно. Впрочемъ, онъ, какъ видно изъ исторіи всего его управленія, и не претендовалъ на роль преобразователя. Но, само собою разумѣется, что, какъ человѣкъ, которому государь вѣрилъ въ непосредственное вѣдѣніе духовно-учебныя заведенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ, какъ желалъ бы этого и вслѣдъ за его мѣстѣ, чтобы эти заведенія не упали во время его управленія, а наоборотъ, стали выше, чѣмъ они были. Потому натурально около него, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, явились совѣтчики. Одни изъ этихъ совѣтниковъ изыскивали, какими бы способами усилить духъ благочестія въ воспитанникахъ семинарій и успѣли въ приготовительный свѣтскій курсъ семинарій втереть двѣ богословскія науки — одну въ родѣ катехизиса въ нисшее отдѣленіе семинарій, другую въ среднее; затѣмъ пытались было въ богословскомъ отдѣленіи ввести такую герменевтику, которая учила бы толковать священное писаніе исключительно по богослужебнымъ славянскимъ книгамъ, отвергая всѣ другіе способы, какъ выдуманые лютеранами, а потому еретическіе. Но эта попытка не удалась, потому что всѣ подобныя проэкты обыкновенно отсылались на разсмотрѣніе покойнаго московскаго митрополита Филарета, который самъ былъ членомъ комиссіи духовныхъ училищъ, участвовалъ въ разработкѣ устава духовныхъ училищъ, потому не могъ благосклонно смотрѣть на предпринимавшя въ немъ измѣненія. Онъ еще могъ, конечно, отнестись индифферентно къ тому, что единство свѣтскаго приготовительнаго курса семинарій было нѣсколько нарушено введеніемъ двухъ богословскихъ предметовъ, но какъ человѣкъ очень умный и глубокаго богословскаго образованія, никакъ не могъ допустить такой нецѣлостности, какъ толкованіе св. писанія единственно по бого-

служебнымъ книгамъ.— Можно еще упомянуть объ учебникѣ русской церковной исторіи извѣстнаго путешественника по русскимъ святымъ мѣстамъ Андрея Муравьева, учебникѣ, который плохъ до безвѣроятности, ниже всякой критики, и, несмотря на это, принятъ былъ руководствомъ въ богословскомъ классѣ семинаріи. Конечно, это зависѣло отчасти отъ графа Пратасова, такъ какъ Муравьевъ служилъ въ духовно-учебномъ управленіи, но главнымъ образомъ, вѣроятно, отъ митрополита Филарета, который былъ вообще очень благосклоненъ къ Муравьеву. Другіе совѣтчики присоуждали графу Пратасову ввести въ семинаріи преподаваніе сельскаго хозяйства, въ тѣхъ именно видахъ, чтобы воспитанники семинаріи, потомъ сдѣлавшись священниками, распространяли устно и опытнымъ примѣромъ полезныя свѣденія о сельскомъ хозяйствѣ въ народѣ. Мѣра немедленно была приведена въ исполненіе: по одному или, кажется, по два воспитанника изъ каждой семинаріи были отправлены въ Горигорѣдскій земледѣльческій институтъ, чтобы потомъ, по окончаніи въ немъ курса, занять мѣста наставниковъ семинаріи. вмѣстѣ съ тѣмъ были разосланы наставленія о томъ: какъ устроить при семинаріяхъ образцовыя фермы и т. п. Посланные въ горигорѣдскій институтъ кончили курсъ, заняли мѣста наставниковъ сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ, но, въ концѣ концовъ, все это, конечно, оказалось пустой затѣей; потому что денегъ не было на покупку земель, ни на школы, ни на фермы, и все это конечно было брошено.

Изъ сказаннаго мною очевидно, что духовенство нисколько не повинно въ томъ, что въ приготовительный свѣтской курсъ семинаріи вводились богословскіе предметы, что предметомъ этихъ было немного и что они составляя случайныя, внутренне несвязанныя съ этимъ курсомъ прибавки, не могли особенно вредить самому курсу, что доказывается поступленіемъ во множествѣ семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія до настоящаго времени. Впрочемъ, если иныѣшнее министерство и не провозводитъ никакой реформы, очищая помннутый курсъ отъ подобныхъ случайныхъ прибавокъ, то во всякомъ случаѣ за нимъ остается заслуга, что оно усмотрѣло эти прибавки и рѣшило покончить съ ними.

Есть однакожъ въ проектѣ, сообщенномъ авторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», относительно преобразованія духовныхъ училищъ, сторона, которую можно назвать, пожалуй, дѣйствительною реформою и притомъ въ будущемъ настолько важною, что она можетъ повести къ распущенію духовнаго сословія, какъ особенной касты, что, конечно, было бы очень хорошо и желательно, но что она вмѣстѣ съ тѣмъ лишитъ современное духовенство всякихъ средствъ къ образованію своихъ дѣтей.

Духовныя училища въ матеріальномъ отношеніи у насъ всегда находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ концѣ царствованія императора Павла, на содержаніе четырехъ духовныхъ академій, 86 епархіальныхъ семинарій, 115 малыхъ училищъ от-

пускалось всего 180,000 р. Императоръ Александръ въ 1807 году увеличилъ эту сумму до 338,863 р. При преобразованіи духовныхъ училищъ, въ слѣдующемъ 1808 году, предполагено отпустить на содержаніе ихъ, 1,669,450 р. На эти деньги предполагалось содержать четыре академіи, 36 епархіальныхъ семинарій, 360 епархіальныхъ уѣздныхъ училищъ и, наконецъ, 1,080 тамоныхъ же приходскихъ. Деньги эти изъ государственнаго казначейства стали поступать съ 1808 г., съ этого же времени стали поступать свѣчной доходъ, опредѣленный на содержаніе же духовныхъ училищъ и простиравшійся, кажется, до миліона. А такъ какъ предполагаемыя училища открывались только постепенно, то въ комиссіи ежегодно оставался изъ поступающихъ суммъ значительный капиталъ. Комиссія старалась скопить его до такой цифры, чтобы на проценты съ него, совокупно съ ежегодно поступающимъ свѣчнымъ доходомъ, можно было содержать всѣ духовныя заведенія, не обременяя государственнаго казначейства. И въ 1818 году успѣла достигнуть этой цѣли. Въ 1817 году скопленный комиссіей капиталъ давалъ процентовъ около милліона рублей, да столько же поступало ежегодно свѣчнаго дохода, такъ что на содержаніе духовныхъ училищъ составлялась сумма около двухъ милліоновъ. Потому съ 1818 года отпускъ суммъ на этотъ предметъ изъ казны былъ прекращенъ. Такимъ образомъ, своею бережливостію комиссія духовныхъ училищъ освободила казну отъ расходовъ на духовныя заведенія и въ то время оказала этимъ большую услугу русскимъ финансамъ, сильно разстроеннымъ послѣ французской войны. Но для будущаго духовныхъ училищъ этимъ былъ нанесенъ большой вредъ. Съ того времени образовался такой взглядъ, что духовныя училища могутъ обходиться своими собственными средствами, безъ помощи государственнаго казначейства. Между тѣмъ уже и въ то время, когда комиссія отказалась отъ пособія казны, двухъ милліоновъ было достаточно для содержанія духовныхъ училищъ только повидимому. Большая часть училищъ, проектированныхъ въ 1808 году, существовала только на бумагѣ (такъ они остались и навсегда), содержаніе ихъ было рассчитано по цѣнамъ 1807 года, между тѣмъ, послѣ французской войны курсъ русскихъ денегъ такъ нивко палъ, что еслибы всѣ предполагаемыя въ 1807 г. училища существовали въ дѣйствительности, то на содержаніе ихъ далеко не хватало бы имѣвшихся въ рукахъ комиссіи ежегодныхъ двухъ милліоновъ. Въ будущемъ предстояли расходы громадные по устройству проектированныхъ училищъ, на увеличеніе средствъ на ихъ содержаніе съ возрастающей дороговизной и съ настоятельною потребностію въ образованномъ духовенствѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія обучающихся въ духовныхъ училищахъ было всего около 30,000 ч., а въ 1831, т. е. черезъ 30 лѣтъ, число ихъ возросло до 45,770 чело-вѣкъ, а между тѣмъ, въ 1831 году не было еще и половины священниковъ съ семинарскимъ образованіемъ. При этомъ на-

добио имѣть въ виду, что наше духовенство, вообще бѣдное по своимъ матеріальнымъ средствамъ, должно вступать въ бракъ въ очень молодыхъ лѣтахъ и имѣть обыкновенно множество дѣтей. Можетъ быть, только половина священниковъ и дьяконовъ, даже когда они состоятъ на службѣ, имѣютъ возможность воспитывать дѣтей на свой счетъ; остальные просятъ принять ихъ дѣтей на полное или на половинное казенное содержаніе. Что касается до сиротъ, то въ прежнее время, сиротъ, достигшихъ училищнаго возраста, привозили прямо въ духовныя училища и, несмотря ни на какія возраженія и усовершенванія начальниковъ училищъ, оставляли ихъ или у самого начальника, или около его квартиры, или просто на училищномъ дворѣ; «что, дескать, хочешь съ ними, то и дѣлай; корми и учи, какъ знаешь; а намъ до нихъ дѣла нѣтъ». Понятно, какъ при такой громадной потребности въ образованномъ духовенствѣ, при неменѣе громадномъ приращеніи учащихся въ духовныхъ училищахъ, наконецъ, при несостоятельности большей части духовенства оплачивать воспитаніе своихъ дѣтей, коммиссія духовныхъ училищъ должна была жалеть въ своихъ расходахъ до послѣдней возможности и не могла думать о томъ, чтобы сдѣлать сколько-нибудь приличную внѣшнюю постановку училищъ при своихъ скудныхъ средствахъ. И дѣйствительно, въ матеріальномъ отношеніи духовныя училища были такъ плохи, что хуже было невозможно быть. Порядочно поставлены были только однѣ академіи; въ семинаріяхъ, за рѣдкими исключеніями, было все плохо, и коммиссіоніе, и питаніе, и платье; объ училищахъ и говорить нечего; здѣсь ребятишки сидѣли постоянно впроголодь и на кусокъ престога чернаго хлѣба, если онъ случайно откуда-нибудь доставался, обыкновенно бросались какъ волчята; ходили большей частью оборванцами, въ платьѣ, какое Богъ пошлетъ; порядочная, т. е. не дырявая обувь была рѣдкостью; зачастую ходили и совсѣмъ безъ сапоговъ; въ комнатахъ помѣщалось учениковъ сколько влѣзетъ; сироты, поступавшіе въ серединѣ года, оставались безъ кроватей и тюфяковъ по цѣлымъ полугодіямъ. Бѣдность отражалась и на учебной части. Число учебниковъ въ училищахъ было ничтожно; въ семинаріяхъ не было порядочныхъ книгъ ни для чтенія вообще, ни такихъ, которыя могли бы служить пособіемъ при изучаемыхъ предметахъ, въ кабинетахъ физическихъ, кромѣ плохихъ электрическихъ машинъ и увеселительныхъ волшебныхъ фонарей не водилось ничего. Наконецъ, таже бѣдность не давала возможности ни приготовить порядочно учителей въ семинаріи, оставляя ихъ на время при академіяхъ для спеціальнаго приготовленія къ тому предмету, на который они назначались, ни имѣть настолько достаточное число учителей въ семинаріяхъ, чтобы каждый учитель имѣлъ болѣе или менѣе свободнаго времени, чтобы восполнить пробѣлы въ своемъ знаніи по преподаваемому предмету; напротивъ, на каждого учителя немедленно по поступленіи наваливалось по нѣскольку разнородныхъ предметовъ. При этомъ и жалованье учителей было такъ ничтожно, что

въ богатыхъ приходахъ губернскихъ городовъ, иногда дьячки получали болѣе учителей, хотя послѣдніе за частую имѣли степень магистра, титуловались профессорами семинаріи и нерѣдко носили чины чуть не генеральскіе, ибо въ старое время, не только статскіе, а даже и коллежскіе совѣтники шли за генерала.

Въ царствованіе императора Николая этотъ контрастъ въ матеріальномъ отношеніи между заведеніями свѣтскими вообще—гимназіями, военными училищами и т. п. и духовными еще болѣе увеличился. Въ это время на внѣшнюю чистоту заведеній было обращено самое строгое вниманіе. Всякій визирующий заведеніе прежде всего зорко смотрѣлъ: лоснится ли паркетъ половъ, блестятъ ли мѣдныя ручки замковъ у дверей, нѣтъ ли гдѣ-нибудь въ углу какого-нибудь случайно заваливашагося и не убраннаго клочка бумаги. Если по этой части все оказывалось добпорядочнымъ и производило хорошее впечатлѣніе на визиатора, то объ остальномъ и разговора не могло быть. Заведеніе аттестовалось какъ отличное... Но, Боже сохрани, если бы на блестящей ручкѣ замка оказалась какая-нибудь ничтожная ласа, случайно проведенная какимъ-нибудь служителемъ или ученикомъ! Въ виду такихъ требованій времени, семинаріи, гдѣ грязь и нечистота были, какъ говорится, по колѣна, должны были представляться заведеніями ужасными. Императоръ Николай во все время своего царствованія посѣтилъ, сколько помнится, только одну семинарію—Петербургскую, да и то тогда уже, когда стараниями графа Пратасова она была обставлена по образцу свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Помнятъ, что, получивъ въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ духовно-учебныя заведенія, графъ Пратасовъ сильно жалалъ дать имъ, согласно съ требованіями времени, такую же блестящую внѣшнюю обстановку, какую имѣли свѣтскія учебныя заведенія, и дѣйствительно, болѣе или менѣе прилично обставилъ двѣ семинаріи—петербургскую и московскую.

Но на этомъ и долженъ былъ покончить: передъ нимъ встали тѣже непреоборимыя препятствія къ улучшенію духовныхъ училищъ, которыя были и прежде—это огромная масса учащихся, недостатокъ средствъ, крайняя бѣдность духовенства и его неспособность оплачивать воспитаніе своихъ дѣтей!

Нынѣ духовенство находится, пожалуй, еще въ худшемъ матеріальномъ положеніи и во всякомъ случаѣ уже никакъ не въ лучшемъ. Вотъ что, напримѣръ, не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ сообщалъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» о современномъ состояніи духовенства:

«Смотритель рославльскаго духовнаго училища сдѣлалъ съѣзду окружнаго духовенства слѣдующее заявленіе: «Ученики училища нерѣдко пропускаютъ классные уроки по неимѣнію обуви и многіе изъ нихъ въ зимнее, осеннее и весеннее время ходятъ въ классъ часто въ такихъ вѣтхихъ и изорванныхъ сапогахъ и верхней одеждѣ, что на это безъ ужаса нельзя смотреть. Съ своей стороны, училищное начальство старалось, на сколько возможно, предупредить подобныя случаи хожденія или нехожденія учениковъ въ классъ на уроки

через выдачу таковых и выдаются въ экономіи нѣсколькихъ линіяхъ паръ сапогъ и пальто, до починки ихъ собственной обуви и одежды, и чрезъ напоминаніе въ билетахъ учениковъ родителямъ ихъ, чтобы они, при отправленіи дѣтей своихъ въ училище, снабжали ихъ обувью и одеждою въ достаточномъ количествѣ и прочимъ видѣ. Но таковыя дѣйствія училищнаго начальства не уничтожили окончательно вышеозначенныя явленія. Этому имѣла, съ одной стороны, недостаточность средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи начальства, а съ другой — родители учениковъ мало обращали вниманія на дѣла свои имѣ ввуженія относительно лучшей экипировки или своихъ дѣтей, при отправленіи ихъ въ училище, по бѣдности ли своей, или по другимъ какимъ-либо причинамъ. Довода объ этомъ до свѣдѣнія собраннаго по училищнымъ дѣламъ съѣзда духовенства, смотритель просилъ его принять какія-либо мѣры къ прекращенію нехожденія учениковъ въ классы на уроки по неимѣнію обуви, или хожденія, но въ обуви и одеждѣ крайне вѣткой и шорранной. Вслушавъ это заявленіе, съѣздъ постановилъ: просить училищное начальство въ непредвидѣнныхъ случаяхъ имѣть въ запасѣ на общеучилищныя средства нѣсколько паръ сапогъ и таковыя выдавать обносившимся ученикамъ, а также и запасныя пальто; съ родителей же взыскивать надлежащую сумму чрезъ со. благотворительныхъ, чѣмъ устранится неисправность учениковъ и невнимательность родителей.

«Но дѣйствительно ли устранится «невнимательность» этимъ мѣромъ? Не думаемъ», замѣчаетъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ». «Тутъ орудуешь отнюдь не отсутствіе вниманія, а доклинаетъ бѣдность, достигавшая послѣднихъ предѣловъ; ужасъ духовенство въ столько чуждо порядочности, до такой степени невнимательно въ своимъ дѣламъ, что не стыдится водить ихъ въ ищесковомъ образѣ, имѣя средства доставить имъ приличную экипировку? Но въ томъ-то и вопросъ—есть ли у него эти средства»...

Такимъ образомъ и предположенная нынѣ реформа должна встрѣтить тѣ же самыя препятствія, о которыхъ разбивались и прежнія попытки къ усовершенствованію духовныхъ училищъ. Тѣмъ не менѣе, препятствія, повидимому, будутъ устранены. Вотъ что говорить по этому предмету авторъ статьи «Петербургскіхъ Вѣдомостей»:

Предположенное нынѣ преобразование духовно-учебныхъ заведеній требуетъ, конечно, увеличенія средствъ на ихъ содержаніе. Съ этой стороны, духовное вѣдомство совершенно обезпечено, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма богатый источникъ денежныхъ средствъ—суммы, принадлежація церковной имперіи. Ежегодные денежные доходи церкви простираются до 10.000.000 рублей. Часть этихъ доходовъ уже со времени Сперанскаго отчисляется въ распоряженіе свѣтѣйшаго синода на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Въ послѣднее время изъ церковныхъ доходовъ отчислены для этой цѣли 21 процентъ, нынѣ же, въ виду новой реформы духовно-учебныхъ заведеній, предположено взымать 25 процентовъ. Вообще средства духовно-учебнаго вѣдомства, весьма достаточны. Если же, при всемъ томъ, учебныя заведенія этого вѣдомства въ дѣйствительности обставлены довольно бѣдно, то потому, что духовное вѣдомство тратитъ весьма большія средства на содержаніе воспитанниковъ-пенсіонеровъ, ежегодное число которыхъ простирается свыше 18.000. Всѣ духовно-учебныя заведенія имѣютъ при себѣ интернаты, въ которыхъ до половины воспитанниковъ содержится на казенный счетъ, т. е. на счетъ суммъ духовнаго вѣдомства. Конечно, такое благотворительное отоманіе духовнаго начальства къ массѣ бѣдныхъ воспитанниковъ вполне похвально, но оно никакъ не должно стѣснять начальство въ средствахъ на обстановку самихъ

учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, духовныя училища и семинаріи именно страдаютъ недостаткомъ прямыхъ ихъ средствъ: вѣщная обстановка, содержаніе служащихъ, недостатокъ учебныхъ пособій и принадлежностей—составляютъ слабыя стороны этихъ заведеній.

Изъ этого видно, что средства для содержанія духовно-учебныхъ заведеній предполагается усилить тремя способами: 1) увеличить процентъ взимаемаго съ церкви налога въ видѣ свѣчнаго дохода; 2) уничтожить или сократить до возможнаго минимума, который будетъ обуславливаться потребностію на обстановку и постановку заведеній, помощь сиротамъ и дѣтямъ тѣхъ бѣдныхъ родителей, которые не въ состояніи воспитывать дѣтей на свой счетъ, а такихъ бѣдняковъ найдется, вѣроятно, болѣе половины всего духовенства; 3) такъ какъ семинаріи, по словамъ автора статьи «Петербургскихъ Вѣдомостей», будутъ точными *копіями* съ гимназій, то въ нихъ введется и плата за ученіе, какая взимается и въ гимназіяхъ.

Такимъ порядкомъ несомнѣнно соберется на содержаніе духовныхъ училищъ сумма настолько значительная, что духовныя училища можно будетъ поставить точно также, какъ поставлены и гимназіи. Но несомнѣнно также и то, что большая часть духовенства, можетъ быть двѣ трети, если не болѣе, будетъ не въ состояніи воспитывать здѣсь своихъ дѣтей. И преобразованныя семинаріи будутъ представлять собою тоже, что представляли собой теперь всѣскія классическія гимназіи и прогимназіи. Въ нихъ будутъ торчать на показъ 5 или 6 воспитанниковъ духовнаго званія, а остальное все будетъ ванато или дѣтими дворянъ, или дѣтими вообще богатыхъ людей изъ другихъ сословій! Вѣда отъ этого, конечно, была бы еще не особенно больная. При каждой реформѣ кто-нибудь непременно изъ людей стараго порядка страдаетъ, и духовенство какъ-нибудь перемоглось бы и пережило бы это трудное переходное время, или опредѣливъ дѣтей своихъ безъ всякаго образованія въ податныя сословія, или пристроивъ въ разныя нисшія и среднія училища гражданскаго вѣдомства, смотря потому, какъ пришлось.

Но изъ реформированныхъ по связанному способу духовныхъ училищъ въ очень непродолжительномъ времени можетъ возникнуть вопросъ очень важный для государства, очень сложный и для разрѣшенія очень трудный.

Но всей вѣроятности изъ реформированныхъ семинарій не будетъ никогда поступать въ духовное званіе болѣе 10% изъ окончивающихъ семинарскій курсъ. Я думаю даже и этого не будетъ. Положеніе нашего духовенства ни въ какомъ отношеніи, ни для кого не можетъ представлять ничего привлекательнаго. Въ него могутъ вступать люди только по внутреннему призванію, а такихъ едва ли наберется и сотый процентъ между людьми, ищущими образованія. Да и для послѣднихъ всегда будетъ служить великимъ препятствіемъ для вступленія въ духовное званіе необходимость немедленной женитьбы и се-

мейной жизни, совершенно несовѣстимою съ высшими идеалами каждаго внутренняго христіанскаго призванія. Сдѣлать вступленіе въ духовное званіе обязательнымъ для всѣхъ, которые будутъ проходить курсъ семинарій, совершенно невозможно фактически: всѣ попытки, предпринимавшіяся для этого духовноучилищнымъ начальствомъ прежняго времени обращались на дѣлѣ въ ничто; да и что за находка для христіанства священникъ, поступившій и удерживаемый въ своемъ званіи силою?

Такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени, послѣ введенія новой реформы духовныхъ училищъ, можетъ оказаться и—утвердительно можно сказать—непремѣнно окажется большой недочетъ въ кандидатахъ священства и многое множество незначительныхъ священническихъ мѣстъ. Тогда что дѣлать? Ставить въ священники совсѣмъ «неграматныхъ мужиковъ», какъ выражался новгородскій архіепископъ Геннадій при Иванѣ Грозномъ, или такихъ, которые еле грамоту знаютъ?!

Мнѣ кажется, что развѣ мысль объ уничтоженіи духовнаго сословія, какъ особой касты въ государствѣ, вполнѣ созрѣла, а ей уже давно пора созрѣть — всего лучше съ духовными училищами поступить такимъ образомъ:

1. Всѣ низшія духовныя училища закрыть.
2. Духовныя семинаріи преобразовать въ земскія семинаріи для приготовленія учителей для сельскихъ школъ, предоставивъ поступать въ эти семинаріи желающимъ изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ училищъ, однимъ словомъ—всѣмъ, кто сдастъ вступительный экзаменъ, требуемый уставомъ этихъ семинарій.
3. Для тѣхъ, которые по окончаніи курса въ семинаріяхъ, позволяютъ поступить въ священники, образовать при семинаріяхъ двухъ-классный богословскій курсъ.

Содержаніе такихъ семинарій будетъ стоить гораздо меньше нынѣшнихъ, между тѣмъ онѣ дадутъ и огромное число хорошихъ учителей, въ которыхъ такъ теперь нуждаются сельскія школы, и будутъ поставлять большинство духовенства изъ дѣтей народа, которое лучше будетъ знать народныя нужды и будетъ стоять къ народу ближе.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ, которые нынѣ поступили въ низшія духовныя училища или семинаріи, должны быть доведены до конца курса въ тѣхъ и другихъ на прежнихъ правахъ.

Изъ семинарій, такимъ образомъ устроенныхъ, будетъ выходить духовенство сельское. Духовенство городское будетъ набираться изъ тѣхъ лицъ, которые, окончивъ курсъ ученія въ классическій гимназіямъ, поступаютъ въ духовныя академіи и кончатъ тамъ курсъ. При такихъ порядкахъ, впрочемъ, весьма удобно будетъ, для сокращенія расходовъ, академіи преобразовать въ богословскіе факультеты при университетахъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СУДЬБА РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ЗА УРАЛЬ.

I.

Какъ только появятся первые признаки весны и обнаружится такъ называемый мужиками «чернотропъ», ежегодно по дорогамъ въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ начинаютъ двигаться вереницы обозовъ и телегъ по направленію къ востоку. Явленіе это хорошо знакомо жителямъ Саратовской, Оренбургской, Пермской губерній и главной сибирской дороги. Переселенцы не спрашиваютъ куда идти и какъ идти. Въ своихъ парусинныхъ и берестяныхъ повозкахъ они тянутся медленно, но настойчиво къ какой-то предназначенной себѣ цѣли, останавливаются на поляхъ близъ деревень, на площадахъ городовъ, располагаясь безцеремонно таборами, поѣдать, накормить лошадей, отдохнуть и идти дальше. На разпросы отвѣчаютъ мало и неохотно, осматриваясь и опасаясь, какъ бы ихъ не задержали.

Такіе странники двигаются по всѣмъ побочнымъ и прямымъ трактамъ въ Сибири съ ранней весны, кончая поздней осенью. Все глѣто по сибирскимъ дорогамъ пылаютъ ихъ костры, освѣщая живописныя группы. Когда застигнетъ распутица, нѣкоторые зимуютъ по деревнямъ и, ранней весной, какъ только солнышко начнетъ припекать, въ апрѣлѣ уже двигаются далѣе. Движеніе переселенческихъ обозовъ совершается какъ съ запада на востокъ, такъ иногда и обратно.

Что управляетъ этими передвиженіями, куда они направляются, объ этомъ мало кому знать доводилось, да и сами переселенцы не всегда удовлетворяютъ любопытству. Почему нѣкоторые идутъ назадъ хмурые, измученные—также неизвѣстно.

Такъ совершается великое переселеніе русскаго крестьянства на востокъ; мы говоримъ великое, потому что число этихъ обо-

зовъ, слѣдующихъ изъ года въ годъ по сибирскому тракту, весьма не малое.

Явленіе это все болѣе начинаетъ занимать однако печать в общство, выражаясь въ потребности изучить это явленіе. Масса корреспонденцій свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьянство снимается и уходитъ въ восточныя губерніи и затѣмъ пропадаетъ гдѣ-то въ степяхъ и лѣсахъ Сибири.

Случай намъ далъ возможность почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ переселеніяхъ въ Сибирь и дополнить ихъ личными наблюденіями надъ судьбою переселенца. Съ этою цѣлью въ 1878 года нами совершена поѣздка по Западной Сибири до крайнихъ южныхъ предѣловъ Томской Губерніи, составляющихъ горный Алтайскій Округъ, куда преимущественно направляется крестьянство изъ Европейской Россіи. Изучая общее направление колонизаціоннаго движенія, мы видимъ, что переселенцы, проникая чрезъ Пермскую и Оренбургскую губерніи, двигаются по Сибири по различнымъ трактамъ отъ запада къ востоку, исходя изъ Оренбурга и Пермской Губерніи, направляясь на Курганъ, Ялуторовскъ и Тюмень, затѣмъ слѣдуя по линіи на Устькаменогорскъ или Барабинской Степи на томскій трактъ, соединяются въ общій колонизаціонный потокъ въ Томской Губерніи; только часть этого потока направляется къ югу въ степи, въ Семирѣченскую Область и южныя округа Семирѣченской Области. Опредѣлить по дорогѣ количество и размѣры этого движенія представляется почти не возможнымъ, потому что переселенцы тянутся съ ранней весны до поздней осени цѣлыми караванами по различнымъ побочнымъ трактамъ и проселкамъ, избирая себѣ кратчайшую дорогу, а иногда попадая на дальнѣйшую. Известно, что многіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ пароходному передвиженію по Оби. Тѣмъ не менѣе, намъ удалось узнать кое-что о характерѣ этого движенія, бытъ переселенцевъ и собрать нѣкоторыя данныя о количествѣ ежегодныхъ перечисленій крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, являющихся послѣдствіемъ этихъ переселеній. Свѣдѣніями этими мы намѣрены по дѣлиться.

Переселенія русскихъ крестьянъ въ Сибирь, существующія издавна, получили особенное значеніе и размѣры съ 1852 г., когда начался вызовъ переселенцевъ изъ Россіи въ Сибирь и давались различныя льготы и вспомоствованія (Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ т. XII). Въ это время переселенцы наполнили Тобольскую и Томскую губерніи. Число прибывшихъ переселенцевъ въ эти губерніи и поселенныхъ на новыхъ мѣстахъ насчитывалось до 60,000. (По межовымъ свѣдѣніямъ 55,311 душъ). Въ 1858 и 1859 г. потянулись переселенія на Амуръ, причѣмъ множество переселенцевъ не достигло цѣли и разбрелось по Сибири. Число выселившихся крестьянъ въ Томскую Губернію съ 1852 по 1863 г. опредѣлено по точнымъ свѣдѣніямъ въ 18,340 душъ. Самые большіе размѣры переселеніе

имѣло до крымской компаніи, затѣмъ съ 1855 г. оно значительно ослабѣло, въ 1857 году, по окончаніи войны, усилилось, передъ освобожденіемъ крестьянъ число переселенцевъ снова начало уменьшаться. Изъ губерній Европейской Россіи принимали участіе въ переселеніяхъ за этотъ періодъ 10 губерній, восемь принадлежали изъ нихъ внутренней Россіи и 2 восточной. На первомъ планѣ стояли Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губерніи ¹. Переселенцы размѣшались въ среднихъ округахъ Тобольской и Томской губерній. До 1865 года, большинство Томской Губерніи съ Горнымъ Округомъ, составляющимъ частную собственность Кабинета Его Величества, не было доступно переселенцамъ ². Съ освобожденія крестьянъ наступилъ новый періодъ колонизаціи. Въ 1865 году послѣдовало разрѣшеніе по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, допустить съ согласія горнаго правленія переселенцевъ въ заповѣдный Алтайскій Округъ, но безъ льготъ и вспомоствованій, а съ платою оброка за землю. Переселенія съ этого времени начали опять усиливаться и направились преимущественно не въ прежніе сѣверные округа, но въ южныя Барнаульскій и Бійскій. Перечисленіе официальнымъ порядкомъ служить мѣриломъ размѣровъ этого движенія (хотя и далеко не выражаетъ его). Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, собранныхъ нами, обнаруживается, что стремленіе свободныхъ переселенцевъ въ Томскую Губернію и горный Алтай годъ отъ году увеличивается. Значительный толчекъ оно получило послѣ девятилѣтнихъ временно-обязанныхъ отношеній къ помѣщикамъ и введенія владѣльческихъ грамотъ для государственныхъ крестьянъ. Въ 1870 и 1871 года, въ одну Томскую Губернію перечислялось по 1,400 душъ, въ 1872 году перечисленіе возрасло до 2,210. Съ 1870 г. по 1878 годъ до второй его половины перечислено въ Томскую Губернію 12,800 человекъ. Въ общемъ:

Съ 1853 по 1865 годъ	перечислено	18,340	душъ
» 1865 » 1870 »	»	3,848	»
» 1870 » 1878 »	»	12,800	»

Итого въ 25-ть лѣтъ въ одну сибирскую губернію перемѣстилось 34,988 душъ русскихъ крестьянъ. Изъ этого общаго числа въ Горный Алтайскій Округъ съ 1866 по 1878 годъ, судя по свѣдѣніямъ горнаго правленія, перечислено было около 8,124 че-

¹ Понятно, что въ это время, т. е. до 1863 года переселенцами въ Сибирь являлись только государственные крестьяне.

² Только двѣ волости, одна въ Бійскомъ, другая въ Кузнецкомъ округѣ, считаясь государственными, были доступны для переселеній, онѣ были единственными окнами, чрезъ которыя проникали переселенцы въ Алтай. Благодаря этому, Смоленская волость Бійскаго округа обладает нынѣ 18,213 душъ обоого поля и представляетъ одну изъ цвѣтущихъ земледѣльческихъ волостей округа.

ловѣе¹. Число это, однако, далеко не даетъ понятія о всей суммѣ переселеній. Множество переселенцевъ являются по паспортамъ и живутъ, выжидая случая для перечисленій, между тѣмъ, обитаютъ хозяйствами и вполне натурализуются. Наконецъ, являются такіе переселенцы, которые въ поискахъ за мѣстами остаются въ той или другой мѣстности въ переходномъ положеніи, намѣреваясь только перечисляться. Они извѣстны въ Алтай подъ именемъ «самовольныхъ переселенцевъ». Такими переселенцами весьма долго жили переселенцы на Амурѣ, истративъ по дорогѣ всѣ свои достатки и, наконецъ, пріютившіеся на югѣ Томской Губерніи. До 1876 года они хлопотали о своемъ перечисленіи, которое разрѣшено нынѣ положеніемъ главнаго комитета, снисходя въ тому, чтобы не допустить ихъ до окончательнаго раззоренія, такъ какъ многие уже создали себѣ хозяйства и молиди объ одномъ—чтобы имъ дозволили уплатить всѣ подати и повинности, причитающіяся на нихъ на мѣстѣ. Такихъ лицъ обнаружилось 1,345 семей. По другимъ счетамъ, самовольныхъ переселенцевъ оказалось 2,177 душъ. Способъ переселеній и потокъ колонизаціоннаго движенія такимъ образомъ является во многомъ неуслѣдимымъ. Предупредить его, какъ всякое народное стихійное движеніе, происходящее изъ настоятельныхъ потребностей народно-исторической жизни, становится невозможнымъ (на это не хватаетъ никакой регламентаціи и никакого административнаго надзора), а оказывать препятствія ему—едвали желательно и разумно.

Однимъ изъ главныхъ двигателей въ переселеніи изъ Европейской Россіи въ Сибирь является «малоземелье», «утѣсненіе съ мѣстами», какъ зовутъ этотъ факторъ переселенцы. Колонизація совершается изъ различныхъ губерній, представителей которыхъ можно видѣть въ общемъ контингентѣ переселенцевъ. Наибольше видную роль при переселеніяхъ въ Томскую Губернію играютъ переселенцы-крестьяне изъ губерній Тамбовской, Воронежской, Пермской, Тобольской, Вятской, Самарской, Оренбургской, Курской.

Губерніи эти слѣдуютъ въ такой постепенности по числу переселенцевъ въ 7-мь лѣтъ.

Изъ Вятской	Губерніи	3,257
» Тамбовской	»	1,802
» Тобольской	»	1,616
» Воронежской	»	1,539
» Пермской	»	1,192
» Самарской	»	988

¹ Переселенцы располагались по округамъ: въ Бійскій Округъ 4,584, въ Барнаульскій 2,962, въ Кузнецкій 428, въ Томскій 150. По свидѣніямъ томской казенной палаты съ 1875 года по июль 1876 года, изъ 4,616 человекъ перечисленныхъ въ Томскую Губернію на Горный Алтайскій Округъ вышло 8,198 душъ.

Изъ Оренбургской Губ.	478
» Владимирской »	366
» Пензенской »	339
» Курской »	320
» Вологодской »	319
» Тульской »	313
» Рязанской »	273
» Симбирской »	197
» Нижегородской »	98
» Уфимской »	92
» Орловской »	90
» Казанской »	72

Затѣмъ слѣдуютъ другія губерніи, дающія меньшее число. Въ 1877 и 1878 гг. слѣдовало болѣе переселенцевъ изъ Вятской, Тобольской, Тамбовской, Воронежской и Пермской губерній.

Горный Округъ въ числѣ переселенцевъ имѣеть представителей *тридцати семи* губерній. Изъ перечня губерній видно, что между ними играютъ роль губерніи, гдѣ надѣлы крайне ограничены и чувствуется малоземелье. Недостатокъ земель, отражающійся на крестьянскомъ хозяйствѣ, во многихъ губерніяхъ выяснялся въ послѣднее время многими изслѣдованіями (Васильчиковъ, Янсонъ и друг.). Цѣны на землю во многихъ мѣстахъ, дохода при покупкѣ до 75 и 100 р. за десятину, а при арендѣ до 15-ти р. за дес., являются недоступными для крестьянства. Во многихъ губерніяхъ крестьяне получили $\frac{1}{4}$ дароваго надѣла и крайне нуждаются въ земляхъ, такихъ лицъ насчитывается до 600,000 въ Россіи; наконецъ, князь Васильчиковъ насчитываетъ въ 12-ти уѣздахъ Тамбовской Губерніи 77,500 безземельныхъ крестьянъ, въ Костромской Губерніи 21,626. Такимъ образомъ сельскій пролетаріатъ, говоритъ авторъ:—зарождается въ Россіи и растетъ быстро («Малкій земельный кредитъ» Васильчикова и Яковлева, изд. 1876 г., ст. 15). Причины эти естественно вызываютъ усиленное переселеніе.

Изъ перечня губерній видно, что, кромѣ мѣстностей малоземельныхъ среднихъ губерній черноземной полосы, гдѣ, по словамъ переселенцевъ, приходится иногда по *одной десятинѣ* и менѣе на душу, нельзя не обратить вниманія на то, что въ номенклатурѣ губерній, дающихъ значительное число переселенцевъ, начинаютъ играть роль и губерніи восточныя. Это можетъ быть объяснено, во-первыхъ, тѣми же исключительными условіями землепользованія, порожденными разбѣромъ надѣловъ, о чемъ мы слышали отъ оренбургскихъ и пермскихъ крестьянъ, во-вторыхъ, крайнею чувствительностью населенія, пользовавшагося большими угодьями, къ каковымъ бы то ни было ограниченіямъ. Кромѣ того, въ восточныя губерніи приливаетъ также колонизація изъ внутреннихъ губерній, такъ что одна волна вытѣсняетъ другую. Этимъ же объясняется передвиженіе крестьянъ изъ сибирскихъ губерній. Это, такъ сказать — фактъ

внутренняго *разселенія*, который играет весьма важную роль въ исторіи территориальнаго распространенія русскаго населенія на востокѣ.

Тотъ же фактъ проявлялся въ заселеніи Сибири въ XVI и XVII вѣкѣ, когда сѣверо-востокъ Россіи, по свидѣтельству путешественниковъ, опустѣлъ, а Сибирь наполнилась пришельцами изъ Архангельской и Вологодской губерній, которые составили завяску сибирскаго населенія, сохраняющаго наслѣдственныя черты до сихъ поръ. Въ самой Сибири мы замѣтили фактъ того же внутренняго разселенія, совершающагося отъ запада къ юго-востоку, изъ Тобольской Губерніи въ Томскую.

Переселенія, совершающіяся въ Сибири, подтверждаются значительною цифрою перечисленій крестьянъ изъ Тобольской Губерніи въ Томскую, хотя переселяющіеся не всѣ должны быть признаны тобольскими крестьянами-старожилами, но значительная часть изъ нихъ—переселенцы, записанные ранѣе въ Тобольскую Губернію. Переселеніе въ Сибири движется также съ запада на востокъ изъ мѣстностей степныхъ Барабы, гдѣ проследить высыханіе оверъ, въ Барнаульскій Округъ. Не мало мы встрѣчали переселенцевъ въ Алтаѣ изъ округовъ Тобольской Губерніи, гдѣ чувствуется малоземелье, какъ, напримѣръ, въ Курганскомъ Округѣ, гдѣ произведена была въ 1861 г. продажа земель въ частную собственность ¹. Перемѣщеніе населенія обуславливается далеко не равномернымъ пользованіемъ землею въ различныхъ волостяхъ, округахъ и общинахъ. Сибирское многоземелье, какъ вятское, пермское и другихъ, повидямому, обширныхъ губерній съ рѣдкимъ населеніемъ, нельзя принимать абсолютно: нахатныя уголья и луга создаютъ совсѣмъ иное территориальное распредѣленіе населенія. Фактъ внутренняго крестьянскаго передвиженія и жалобы на малоземелье выяснились намъ особенно рельефно при слѣдующей встрѣчѣ. Въ Барнаульскомъ Округѣ, въ мѣстности, составляющей *ria desideria* переселенцевъ, мы ѣхали посѣтить одну деревню переселенцевъ съ старикомъ старожиломъ, исправлявшимъ обязанность ямщика.—*Экія у васъ мѣста привольныя, залюбовались мы:—земли вдоволь!*—*«Много ли у насъ земли, отвѣчалъ ямщикъ:—вотъ, въ Чумынской Волости, посмотри, тамъ много!»* Не прошло часа, какъ, возвращаясь съ тѣмъ же старикомъ изъ нашей поѣздки, мы наткнулись на караванъ переселенцевъ.—*«Откуда?»* спросили мы.—*«Изъ Чумынской Волости переселенцы».*—*«Что же заставляетъ васъ переселяться?»*—*«Земля вытала, глѣсу глѣть, деревни отъ деревни на 5 верстѣ!»* отвѣчали переселенцы.—*«Ахъ, старикъ, старикъ, что же ты намъ хвалишь Чумынскую Волость!»* сказали мы съ ироническимъ упрекомъ.—*«Мѣста на мѣста, сударь, не прико-*

¹ Въ 1861 и 1862 г., въ Курганскомъ Округѣ было продано изъ оборотныхъ статей въ частную собственность до 40,000 дес. земли; округъ этотъ поэтому страдаетъ нинѣ малоземельемъ.

дать, у насъ и на 12-ти верстахъ разниа большая!» отвѣтили наставительно старикъ. И дѣйствительно, землепользование въ томъ же *ria desideria* переселенцевъ, Горномъ Округѣ, убѣдили насъ въ разности земельныхъ надѣловъ и пользованій между различными общинами—разницы, доходящей отъ 2-хъ десятинъ до 1,000 дес. на душу. Поводы къ переселеніямъ изъ однихъ округовъ въ другіе существуютъ даже въ мѣстахъ весьма рѣдко населенныхъ. Такимъ образомъ съиздавна совершается распространіе русскаго населенія, и въ этомъ внутреннемъ расселеніи заключается весьма важный актъ хозяйственно-экономической народной жизни.

Расселеніе въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ производилось силами горнаго крестьянства, которыя проявили себя самыми способными колонизаторами, но съ 1863 года переселеніе бывшихъ подзаводскихъ крестьянъ приостановлено до устройства поземельныхъ отношеній, которыя не окончены съ 19-го февраля 1862 года до сихъ поръ. На смѣну бывшихъ горныхъ крестьянъ авились занимать новыя мѣста переселенцы изъ Россіи. Причины, которыя гонять въ Алтай населеніе, весьма разнообразны. Кромѣ главнаго фактора, недостатка земель, играютъ роль и многія другія причины.

Отдѣльные разспросы, при соприкосновеніи съ колонизаціоннымъ элементомъ, наводятъ на мысль, что здѣсь играютъ роль многія условия русскаго крестьянскаго быта, не всегда угадываемыя и не всѣмъ открытыя. Переселенца гонять нужда въ многообразныхъ формахъ: промышленные кризисы, тягость податей, потребность оградить *отру* (старообрядцы). Мы встрѣтили переселенцевъ изъ Тобольской Губерніи, которые ушли въ Алтай потому, что имъ «*смыслие жить не дають*», «обижаютъ». Это было для насъ новый фактъ въ смыслѣ послѣдствій штрафной колонизаціи: старожилы уже бѣгутъ отъ нея. Въ экономической сферѣ переселенецъ тяготится не однимъ малоземельемъ, но онъ побуждается къ выселенію *безъземель* и *маловодьемъ* (какъ, напримѣръ, переселяются съ сибирской Барабы). Часто переселенецъ, прежде чѣмъ поселится въ одномъ мѣстѣ, долго ищетъ и переиѣняетъ мѣста, то приписываясь къ одной, то къ другой губерніи. Согнанный съ одного мѣста, онъ долго кружится, пока не найдетъ, не облюбитъ мѣста (на то и выраженіе «*облюбовать мѣста*»), удовлетворяющаго всѣмъ его требованіямъ, и тогда онъ жѣлко свернется на немъ. «Переселенецъ, какъ рыба, говорятъ сибирскіе крестьяне:—идетъ изъ озера въ озеро, ищетъ новыхъ мѣстъ». Дѣйствительно, переселенецъ самъ умѣетъ выбрать мѣсто, онъ побываетъ и въ той, и въ другой губерніи. Нужно очень много условий, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ крестьянскаго хозяйства, изъ которыхъ о многихъ мы не имѣемъ понятія. Поэтому въ системѣ колонизаціи приходится только угадывать народныя стремленія, слѣдуя мудрому правилу, высказанному императоромъ Александромъ I своему садовнику: «гдѣ уви-

длинъ протопанную тропинку, тамъ смѣло прокладывая дорожку— это указаніе, что есть потребность въ ней». Несмотря на самыя разнообразныя страствія и блужданія переселенцевъ, нельзя не замѣтить направленія нашихъ переселеній въ одну сторону. Потокъ колонизаціи постепенно соединяется съ струями внутренняго расселенія, настойчиво направляется къ востоку, доходить до юга Томской Губерніи, почти до границъ Китая и адсье, дробясь въ предгоріяхъ Алтая, широкимъ потокомъ разливается въ его привольныхъ долинахъ.;

II.

Русскій переселенецъ съ замѣчательнымъ чутьемъ выбралъ Алтайскій Округъ, какъ самый лучший и благословенный край во всей Западной Сибири. Округъ этотъ занимаетъ Барнаульскій, Бійскій, Кузнецкій и часть Томскаго Уѣзда и содержитъ 233,800 кв. верстъ или 3.500,000 дес. превосходной земли. Величайшая судоходная рѣка Обь орошаетъ округа Бійскій и Барнаульскій, около нея плодороднѣйшія мѣста и житница Сибири, производящая миллионы пудовъ хлѣба¹, повсюду обиліе лѣсовъ и «боровъ», рядомъ съ ними чередующіяся степи и луга, не уступающіе новороссійскимъ, гористыя мѣста, избороденныя сотнями рѣкъ и горныхъ потоковъ, составляютъ богатую природную ирригацію, наконецъ, важный климатъ способствуетъ изобильной растительности. Переваживая хребты и спускаясь изъ долинъ въ долины, окруженныя горами, откуда виднѣются вѣвныя лиственницы, смотря на альпійскія террасы и плато съ гигантской растительностью, мы невольно задумывались, каку массу населенія могутъ пропитать эти долины и сколько деревень, селъ и городовъ можетъ быть здѣсь совмѣщено! Алтай, въ тѣсномъ смыслѣ, соединяетъ нѣсколько Швейцарій, похожихъ на послѣднюю по характеру горъ, съ тою разницею, что рядомъ лежатъ цѣлыя саванны и вѣввые лѣса. Здѣсь есть прорывы огромныхъ рѣкъ, какъ Иртыша въ Устькаменогорску, альпійскія озера, какъ Телецкое, водопады, ледники и свой Mont-Blancъ Катунскіе Бѣлки, въ 11,000 ф. высоты.

Не живописные виды и горныя богатства, однако, влекутъ сюда русскаго переселенца, но то, что Времь опредѣляетъ здѣсь «дороже золота это—богатый черноземъ вѣвной полосы». Пытовщикъ-переселенецъ останавливается и долго смотритъ на эту почву, какъ бы приговоренный, вливаясь въ нея глазами, и буквально влюбляется. Въ одномъ мѣстѣ, въ Алтай мы встрѣтились съ новоселами-пытовщиками, искателями новыхъ мѣстъ. Когда

¹ Съ Берской и другихъ пристаней по Оби сплавляется до 1.060,000 пуд. хлѣба и всѣхъ грузовъ до 1.500,000 пудовъ.

мы разговорились съ ними, они развязали какія-то тряпочки и показали намъ щепотки земли, которыя несли показать своимъ.

— Матушка-землица-то какая! приговаривали они, и лица ихъ сіяли восторгомъ.

Очень немудрено, что эти талисманы разносятся по Россіи и влекутъ со всѣхъ концовъ народъ сюда. Замѣчено, что земледѣльца охватываетъ на новыхъ мѣстахъ какая-то жадность. Они засѣвають по 30 и 50 десятинъ сразу, не имѣя ни достаточно силъ, ни времени снѣть хлѣбъ, и онъ часто идетъ подъ снѣгъ. Они, какъ говорятъ, *«занаживаются»*. Это—жадность пахаря послѣ голода-малоземеля.

Алтайскій Округъ по своему приволью стиздавна намѣченъ крестьянствомъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія на немъ быстро начали распространяться подзаводскіе крестьяне, горный Алтай былъ пріютомъ также бѣглецовъ. Несмотря на запрещенія крестьянамъ переходить за бѣгскую линію, они прорвали ее и нынѣ отъ прежней линіи проникли на 1,000 верстъ далѣе къ границамъ Китая и начали наполнять своими волостями калмыцкія земли инородцевъ.

Въ Горномъ Округѣ до 400,000 жителей. Въ 40 лѣтъ образовалось за линіей новыхъ 5 волостей съ 52,000 душъ населенія. Русское населеніе ввѣдрилось въ Алтай и, несмотря на видимыя препятствія, совершенно самостоятельно заселяетъ его. По всѣмъ рѣкамъ, какъ Катуня, Ануя, Песчаной, Чарышу и Бухтармѣ, размищаются поселенія и охватывая огромную горную территорию кольцомъ, начинаютъ замыкать китайскую границу, лѣпясь по недоступнымъ мѣстностямъ верховьевъ Бухтармы. Русскій народъ идетъ даже впереди географической науки. Теплые Рахмановскіе Ключи въ истокахъ Катуня у подножія Катунскихъ Альпъ посѣщены въ первый разъ крестьяниномъ Рахмановымъ въ 1763 году. Во многихъ мѣстахъ, не посѣщенныхъ ни одной экспедиціей, ютятся крестьянскія заимки. Съ тѣхъ поръ, какъ дозволенъ доступъ въ округъ русскимъ переселенцамъ, они составили новый контингентъ колонизаторовъ. Стремленіе къ заселенію нынѣ является неудержимымъ. Пробираясь въ горахъ, намъ встрѣчались крестьяне-пытовщики, идущіе все далѣе въ глубь калмыцкихъ земель, куда поселеніе еще не разрѣшено. Въ долинахъ мы наткнулись на множество починковъ, пасекъ, ютащихся и обстраивающихся на привольныхъ мѣстахъ ¹.

Стремленіе русскаго крестьянства за русскую границу существуетъ съ прошлаго столѣтія, когда въ Сибири пограничныя мѣста были обнесены линіями, крѣпостями и редутами, за которыя въ 18 столѣтіи былъ запрещенъ переходъ подъ опасеніемъ быть наказаннымъ кнутомъ. Несмотря на то, линія размыкалась и крестьянство далеко проникло впередъ. Такъ на Бухтармѣ при

¹ До 50 новыхъ поселеній занесено нами на карту только въ одной части Алтай;

Екатеринѣ открыто было нѣсколько деревень бѣглыхъ подзаводскихъ крестьянъ, которые были записаны впоследствии въ асачные, вмѣстѣ съ инородцами. Деревни эти стоятъ въ глухихъ и недоступныхъ горахъ. Деревни эти, подъ именемъ «каменьщиковъ», долго жили независимо и до сихъ поръ сохраняютъ независимый, смѣлый характеръ, отвагу и пионерскія способности. Когда населеніе это начало посѣщаться начальствомъ, то часть крестьянъ удалилась далѣе и перекинула колонію внутрь Алтая черезъ хребты, на рѣку Кокъ-су въ Уймонъ. Такимъ образомъ, произошла деревня Верхне-Уймонская. Наконецъ, нинѣ крестьянство гнѣнится по самымъ недоступнымъ мѣстамъ Нарыма и Бухтармы, оно забирается въ горы верхами и ставитъ тамъ деревни. Мы видѣли деревню Черновую изъ пермскихъ переселенцевъ у подножія Нарымскаго хребта, увѣчаннаго снѣгами, но выселки идутъ далѣе, до Берели и Чиндагатуа. Когда сталъ посѣщаться Алтай, населеніе начало искать какою-то мнѣстескую страну «Бѣловодья», которая предполагалась за китайской границей. Мнѣ о Бѣловодѣ заставлялъ не разъ эмигрировать алтайскихъ крестьянъ, и ихъ возвращали уже изъ Китая. Въ 1861 г. весной бѣжала за русскую границу, подъ предводительствомъ крестьянина Боброва, партія изъ 55 крестьянъ каменьщиковъ. Они искали Бѣловодье, то есть «мѣсто, гдѣ люди пользуются полною свободой и не знаютъ ни податей, ни гоненій за вѣру». (Риттеръ, Землевѣдѣніе, дополнен. къ III и IV т. с. 81).

Русскіе переселенцы въ поискахъ за этимъ Бѣловодьемъ заходили до Лобъ-Нора и прожили здѣсь нѣсколько времени, изучая жителей Небесной Имперіи своей настойчивостью и странными обычаями. Также они удалились въ вершины Енисея. Относительно того, какъ далеко заходитъ русскій переселенецъ въ поискахъ за мѣстами, намъ передавали слѣдующій фактъ. Когда русскіе военные отряды приближались къ Кульджѣ, окваченной мятежемъ дунганъ, гдѣ повсюду бродили шайки, а русскіе войска шли съ большей военной предосторожностью, вдругъ близъ самой Кульджи на встрѣчу имъ попадается русскій мужикъ, идущій безпечно съ паренкомъ на телегѣ. — Вы откуда! спрашиваютъ изумленные казаки. — Мѣстовъ отыскивали! отвѣчалъ простоудшно мужичекъ. Въ это время въ Кульджѣ носили на плечѣ головы убитыхъ русскихъ. Съ такимъ безстрашиемъ и настойчивостью двигается русское населеніе. Слухи о новыхъ мѣстахъ волнуютъ постоянно русское крестьянство, и оно прешлоливое стремленіемъ отыскать какою-то мнѣстескую бѣлую рѣку, гдѣ хорошо живетъ. Объясненіе этой бѣлой рѣки можно найти разнѣ въ Алтай, хотя наши переселенцы ищутъ ее даже въ Уфимской Губерніи. Въ Алтай есть дѣйствительно, «бѣлыя» рѣки, напримѣръ, бѣлая Берель, впадающая въ Бухтарму, это горная рѣка, съ пѣной несущаяся изъ ледниковъ чередъ камня и пороги, воды ея дѣйствительно бѣлы. Но такихъ бѣлыхъ молочныхъ рѣкъ съ водопадами не мало. Трудно сказать, какою изъ

нихъ отыскиваетъ русскій народъ. Съ искомою страной онъ отождествляетъ страну приволья, куда никто не заѣзжаетъ.—«Прежде къ намъ и засѣдатель не заѣзжалъ, говорили намъ уныло старики алтайцы:—а теперь архирей и губернаторъ сталъ ѣздить».—Подъ вліяніемъ этого, переселенецъ забивается все глуше и глуше. Найдеть ли когда-нибудь русскій переселенецъ въ своихъ поискахъ желаемую страну приволья, счастья—свое бѣловодье—Богъ знаетъ. Несомнѣнно только, что она управляетъ его колонизаціоннымъ стремленіемъ.

Колонизація крестьянъ совершается у насъ совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. У насъ многія мѣста не нанесены на планы, и населенію предоставлено самому отыскивать и испрашивать ихъ для поселеній.

Привыкнуши къ явленіямъ регламентаціи, руководительства и опеки народной, мы иногда задавались вопросомъ: на какихъ юридическихъ основаніяхъ происходятъ наши переселенія? Но отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ съ перваго раза рѣшительно не могли, какъ не могли намъ дать удовлетворительный отвѣтъ и переселенціи. Намъ представлялась только широкая картина народнаго движенія, совершающагося по нуждѣ или другимъ жизненнымъ мотивамъ, но немнѣющая никакихъ формальныхъ рамокъ. Предъ нашими взорами лежали безконечныя сибирскія пространства пезантой земли, угодыя широкія, какъ море, гостепріимныя, манящія пахари своею тучною почвою и тянущійся и ползущій къ нимъ отовсюду народъ. «Русскій мужикъ ползеть, какъ тараканъ» сказалъ намъ одинъ старожилъ, посмотрѣвши на это движеніе, и это было меткое опредѣленіе. Кто спроситъ мужика: куда и зачѣмъ онъ ползетъ? Ползетъ да и basta! Какъ говорятъ про таракановъ: «это куда-то тараканы переселяются», такъ говорятъ и про мужика. Дойдя до цѣли, переселенецъ самъ находитъ уголь, самъ и устроивается. Какъ онъ разорвалъ прежнія отношенія, какъ устанавливаетъ новыя—не легко опредѣлить, для этого нужно очень близко всмотрѣться въ его жизнь. Сколько мы ни добивались узнать отъ переселенцевъ, какъ крестьяне разстались съ прежнимъ обществомъ и какъ ихъ отпустили, мы всегдѣ могли уразумѣть происшедшій договоръ. Ясно, что общество не оставалось безъ выгоды, приобрѣтая землю и сбывая души съ разными начетами.—Мы продали свои надѣлы! иногда говорили переселенцы, то есть получили еще отъ общества плату за землю. Соглашеніе съ прежнимъ обществомъ существуетъ уже потому, что переселенца иначе не выпустятъ бы. Хотя переселенецъ направляется въ путь по годовому паспорту, но ни для кого не тайна, что онъ пошелъ искать новыхъ мѣстъ и, можетъ быть, не возвратится. Выходъ иногда дѣлается торжественно и съ нѣкоторой манифестаціей:

такъ отбывающій иногда перебиваетъ горшки и ненужную посуду, какъ бы сжигаемая корабль.

Какъ переселенецъ идетъ потому, что ему нужно идти, такъ онъ самостоятелно и селится, потому что ему нужно гдѣ-нибудь сѣсть. Онъ занимаетъ первую свободную землю, которая приглянулась, и ему нѣтъ нужды знать чья это земля, благо она «морская» «пустая». Отношеніе переселенца на новыхъ мѣстахъ также интересно. Въ Алтаѣ онъ попадаетъ на кабинетскія земли, находящіяся на положеніи частной собственности, за которыя будетъ подлежать платежу оброка; но, повидимому, ему нѣтъ дѣла до этого, и онъ не подозреваетъ оснований, на коихъ онъ будетъ владѣть землей.

Если онъ приселяется къ деревнѣ старожиловъ, то онъ забитъ объ одномъ, чтобы мѣстные крестьяне его не выгнали. Сибирскіе крестьяне въ Алтаѣ не мѣшаютъ переселенцамъ проживать въ деревняхъ и даже пользоваться землею тамъ, гдѣ ея много, но при перечисленіи является договоръ, извѣстная плата и т. д. Въ большинствѣ, переселенецъ-новосель живетъ безъ всякихъ формальностей по паспорту, пока оправится и выдумаетъ перечисляться. Основаніе новыхъ деревень совершается часто также до выясненія юридическихъ правъ. Иногда встрѣча съ подобными «самовольными» новоселами, сѣвшими высално на мѣста, и уже обстроивающимися, бываетъ очень неожиданна.

Ѣдетъ засѣдатель (мѣстный становой) и видитъ гдѣ-нибудь въ ложбинѣ раскинутый таборъ пришельцевъ, въ шляпахъ горшечкомъ, располагающійся совершенно козьяствомъ, и даже начинающіяся постройки. Засѣдатель вспоминаетъ, что здѣсь деревнѣ быть не положено и переписки объ этомъ не возникало.

— Вы что за люди и какъ вы смѣете стронуться тутъ, такіе сякіе! предъявляетъ онъ требованіе закона:—это чья земля, ваша что ли?

Но шляпа горшечкомъ только ослабляется и даже съ нѣкоторой ироніей отвѣчаетъ:

— А тебѣ что! жаль что ли ея? Извѣстно—земля Божья, возъ ея сколько, бери и себѣ! Съ этого пункта новосела трудно сбить. Онъ рѣшилъ, что земли много, что она не занята—стало быть, его только ждать. Эти два міросозерцанія, формальное и примитивное, естественно никогда не сойдутся и не поймутъ другъ друга. Только впослѣдствіи выяснятся эти формальныя и юридическія отношенія. Новосель обязанъ будетъ платить 6-ти рублевый оброкъ, онъ долженъ будетъ испросить разрѣшеніе у горнаго алтайскаго правленія, у казенной палаты, войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ обществомъ, заплатить за приговоръ и въ заключеніе стать во временно-обязанныя отношенія, такъ какъ надѣлъ освобожденнымъ подзаводскимъ крестьянамъ еще не произведенъ и уставныхъ грамотъ не введено.

Въ Алтаѣ мы видѣли самыя смѣшанныя права землепользованія. Помимо свободныхъ земель кабинетскихъ, земли въ Алтаѣ

находятся въ пользованіи временно обязанныхъ крестьянъ до окончательнаго надѣла, нныя находятся въ пользованіи казачьихъ станицъ, занимавшихъ прежде линіи, земли отданныя въ пользованіи городскихъ обществъ, на которыя, однако, права собственности города до введенія новаго городского положенія не имѣли и самыя дома считались «движимою собственностью», земли, принадлежавшія калмыкамъ, отданныя въ пользованіе миссіи, и, наконецъ, земли собственно калмыцкія. Новосель-переселенецъ случайно занимаетъ эти земли, онъ одинаково присоединяется къ бывшимъ подзаводскимъ деревнямъ, къ казачьимъ станицамъ, записывается въ мѣщане въ города, стремленіе куда нигдѣ весьма сильно, приселяется къ инородческимъ управамъ и, несмотря на энергическое противодѣйствіе, все-таки протѣснулся въ станы новокрещенныхъ инородцевъ, гдѣ въ 58 селеніяхъ на 1841 г. осѣдлыхъ инородцевъ живеть уже 2341 душа крестьянскаго русскаго населенія.

Какими бы условіями ни былъ обставленъ переселенецъ-новосель въ Алтай въ послѣдствіи, но пока его жажда занять удобныя и богатыя земли, лежація впустѣ, слишкомъ велика. Онъ повидному готовъ примириться и съ 6 рублевымъ оброкомъ сверхъ податей и повинностей, съ будущей выкупной операціей, готовъ платить по 40 к. за десятину аренды, приселяясь при мѣщанскихъ обществахъ и въ казачьихъ станицахъ, но все это должно быть, по его расчетамъ, выгоднѣе тѣхъ условій, въ которыя онъ былъ прежде поставленъ, и эти аренды—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя придется платить во внутреннихъ малоземельныхъ губерніяхъ. Изъ-за земли и права на нее русскій крестьянинъ, мало того, готовъ пожертвовать долею своей личной свободы, потому что, приписываясь къ обществамъ временно-обязанныхъ горныхъ крестьянъ, онъ становится въ исключительное переходное положеніе и не можетъ ни переселиться болѣе, ни перейти въ другія сословія до выкупа земли и окончательнаго надѣла.

Въ этомъ случаѣ современные переселенцы, ищущіе земель и свободы, напоминаютъ какъ бы тѣхъ вольныхъ и охочихъ людей, юльницу и гулящихъ людей, которые, въ поискѣ за привольемъ на Востокъ, скоплялись цѣлыми тысячами на Уралѣ, составивъ въ послѣдствіи контингентъ подзаводскихъ крестьянъ.

Каковы бы ни были юридическія отношенія переселенцевъ, но заселеніе совершаетъ свое дѣло.

Во всей Сибири проявляются результаты и послѣдствія этого прселенія, вносящія новыя черты въ бытъ мѣстнаго населенія (знаменующія новый періодъ, переживаемый краемъ.

По всюду, начиная отъ восточной части Барабы, кончая Варзавльскимъ и Бійскимъ Округомъ, по трактамъ мелькаютъ маленькія избы и починки переселенцевъ. Эти маленькіе домики въ заготовленномъ свѣжимъ лѣсомъ, окруженные скирдами желѣющей соломы, съ огородами, засѣянными льномъ и подсолнеч-

никами, составляют характеристическій признакъ и изобличаютъ присутствіе прищельцевъ. На поляхъ ихъ идетъ кипучая работа.

Мы не можемъ не припомнить одной совидающейся новосельской деревни, изъ первыхъ встрѣченныхъ нами. Теченіе рѣки Карасука, вьющейся длинной полосой по Барабѣ, съ выбѣгающими березовыми рощами, прудами, плодородной почвой, привели на академика Миддендорфа, путешествовавшего здѣсь, самое пріятное впечатлѣніе. Встрѣтивъ деревню Кочки съ привольными угодьями на 25 в. въ окружности, онъ назвалъ ее «счастливейшимъ уголкомъ на свѣтѣ». Мы не могли не посѣтить этого уголка. Въ 1870 г. Миддендорфъ здѣсь нашелъ 20 домовъ сибиряковъ-старожиловъ. Нынѣ мы встрѣтили 106 домовъ и 374 души новоселовъ, да къ нимъ приселяются еще новыя. Деревня застраивается множествомъ дворовъ, вездѣ появились овины, крытые соломой, растутъ скирды хлѣба. Улицы нестрѣбуютъ отъ разнотипныхъ костюмовъ; здѣсь видны воронешки, табовцы, орловцы, пермаки, слышится различный говоръ. Цѣлыя караваны переселенцевъ подходятъ вновь къ деревенькѣ, и старожилы исчезаютъ въ массѣ переселенцевъ, которые избрали своего старосту. Деревня начинается на тучныхъ и привольныхъ земляхъ пользоваться извѣстнымъ благосостояніемъ. Въ ней 456 лошадей, 657 штукъ рогатаго скота, 774 русскія овцы; нѣкоторые новоселы засѣваютъ даже отъ 20 до 50 десятинъ хлѣба, получая пшеницы до 150 пудовъ съ десятины при 8 пуд. посѣвѣ, до 300 пуд. овса, но говорятъ, урожай прежде были еще значительнѣе¹. Новоселы возводятъ русскія мельницы новаго образца, перемалывающія муки болѣе, чѣмъ у сибиряковъ, основали маслобійни, раскинули огороды и уважаютъ землю подъ лѣнъ, который родится лучше, чѣмъ у сибиряковъ. Пашни ихъ далеко орошаютъ деревню. По зарождающейся жизни селеніе это представляетъ самое утѣшительное явленіе и доказательство какъ трудолюбія, такъ и культуры переселенцевъ. Русское крестьянство съ свойственнымъ ему чутьемъ отлично угадало драгоцѣнныя экономическія свойства этой мѣстности. Не вдругъ, конечно, обстраиваются и привыкаютъ на новыхъ мѣстахъ переселенцы. Часто много придется перенести лишений, много похоронить привязанностей и не разъ бросить тоскливыя взоры назадъ. Мѣстами можно встрѣтить пригорюнившіеся новоселы съ затуманеннымъ взоромъ, грустное задумчивое лицо крестьянина предъ дѣброй гѣской, которую надо очистить. Новоселы любятъ церкви, они всѣ богомольны. Въ деревнѣ Качкакъ они строятъ придѣлы на свой счетъ. Здѣсь у обѣдни мы видѣли молящійся народъ, собравшійся издали. Слышатся подавленные вздохи и слезы, и горячая усердная молитва. Можетъ быть, въ это время вспоминаются другія церкви, оставленныя на бе-

¹ Пшеница, какъ убрала насъ, давала по 10 овинновъ или 250 пудовъ.

регахъ Оки и Волги. Здѣсь, въ горячихъ слезахъ и вздохахъ, тушатся эти старыя воспоминанія. Вѣдь не легко было расставаться съ родиной. Но среди этого народа также бездна бодрости и энергіи.

Здѣсь рисуется твердый, стойкій и спокойный характеръ крестьянина, и въ тоже время обнаруживается богатый характеръ русской женщины, безмятежный, ободряющій, примиряющій съ горемъ и новой обстановкой. Въ этихъ селеніяхъ звучитъ ея голосъ веселый и ласковый, слышится смѣхъ почти дѣтски безпечный, слагающійся скрыть нечаянно выкатившуюся слезу старыхъ привязанностей.

Въ этихъ лицахъ и положеніяхъ новосела видѣнъ сильный народный характеръ и глубокое привязчивое русское сердце. Культурное значеніе переселенцевъ для Сибири громадно. Они вносятъ новыя улучшенныя приемы хозяйства и орудія, вводятъ плуги, пользуются навозомъ для огородовъ и бакчей, разводятъ арбузы, строятъ лучшія мельницы, распространяютъ молотилки и круподранки. Они привезли лучшіе сорта льна, сѣютъ арбузы и подсолнечники, изъ которыхъ добываютъ масло; наконецъ, развели въ Алтай лучшія породы скота, крупныхъ лошадей и тонкорунныхъ овецъ. Нѣкоторые ввели птицъ и даже голубей. Они же въ деревняхъ и городахъ насаждаютъ кустарные промыслы пимокатовъ, шубниковъ, кожевниковъ, красильщиковъ, столоаровъ, экипажниковъ. Нечего говорить, какое значеніе имѣетъ это населеніе для края глухаго и отдаленнаго, нуждающагося въ рукахъ, живыхъ силахъ и знаніи. Черезъ десятокъ лѣтъ, при благоприятныхъ условіяхъ, изъ бѣдныхъ первоначальныхъ балагановъ и землянокъ создаются богатые села, какими мы видѣли, напримеръ, дер. Ярки близъ Бійска, состоящую изъ переселенцевъ воронежцевъ, имѣющую до 4000 ульевъ пчелъ, распаивающую до 4000 десятинъ и производящую на продажу до 15,000 просовыхъ и гречневыхъ крупъ, которыя славяются въ Томскѣ. Крестьяне зажиточны, мы встрѣтили ихъ въ праздничный день въ яркахъ костюмахъ и кушакахъ, женщины были въ кружевныхъ воротничкахъ, шелковыхъ платкахъ и башмакахъ. Трудно было узнать въ этой разодѣтой толпѣ, между парнями въ алыхъ рубахахъ; въ этомъ здоровомъ и сильномъ населеніи, жалкихъ отощавшихъ новоселовъ-переселенцевъ, танущихся въ лаптяхъ, въ дерюгѣ, съ караваемъ чернаго хлѣба за пазухой, или христовымъ именемъ. Въ горахъ Алтай вы встрѣчаетесь съ потомками переселенцевъ, хотя и не совсемъ добровольныхъ, раскольниковъ; эмигрантовъ, выселенныхъ въ 1754 г. при Елизаветѣ изъ Подолія на устькаменигорскую линію. Это была могучая и сильная раса, они заселили Алтай подъ именемъ «полявовъ». Раскольники сохранили свою вѣру и нравы такъ же, какъ оригинальный костюмъ: у женщинъ шелковыя шитыя позументомъ кички, у мужчинъ шапки съ краснымъ верхомъ. Превосходно знающіе свои горы, постоянные наѣзники и охотники, они рас-

кидываютъ вездѣ пашни и пасѣки. Женщины, даже старухи и дѣвушки, у нихъ ѣздятъ верхомъ, какъ мужчины, нерѣдко по утесамъ и скаламъ, матери путешествуютъ съ грудными дѣтьми на пасѣки, дѣвчцы отличаются замѣчательною силою, какъ и парни, что замѣтно во время работъ и деревенскихъ игръ; во время работъ женщины носятъ полумужской костюмъ. Это оригинальное населеніе съ царствомъ амазонокъ уже воспиталось въ привольяхъ Алтая. Таковы же каменщики, долго отстававшіе свою независимость и выродившіеся въ самое крѣпкое и энергичное горское населеніе.

На крайнихъ границахъ Китая, въ горахъ Бухтармы, у подножія увѣччанаго снѣгомъ альпійскаго хребта, мы встрѣчаемъ русскіе хороводы, пеструю и аркую толпу старухъ колонистовъ, смѣшивающуюся съ прибывшими пришельцами изъ Пермской и Вятской губерній, въ сосѣдствѣ калмыковъ, киргизовъ и китайцевъ, съ которыми русскій крестьянинъ научился вести сношенія. Здѣсь русское крестьянство создаетъ осѣдлость и земледѣліе на высотѣ 6,000 футовъ и, вливая китайскаго озера Марка-Куль и Чернаго Иртыша, замыкаетъ русскую государственную границу рядомъ поселковъ и деревень.

Тавъ производится строительство и колонизація русской земли на окраинахъ. Незамѣтно, скромно, рядомъ неизвѣстныхъ никому подвиговъ и неустаннаго народнаго труженичества совершается великая крестьянская работа. Несмотря на запрещенія селиться, бѣдствія, лишенія, слабость средствъ, русскій народъ проникъ въ глубину горъ и степей и, можно сказать, вполне самостоятельно, съ замѣчательною энергіей и послѣдовательностью, несмотря на всѣ препятствія, совершаетъ свою историческую работу.

III.

При всей важности экономическаго значенія колонизаціи въ народномъ хозяйствѣ, при всѣхъ тѣхъ услугахъ и послѣдствіяхъ, какія она приноситъ новоселенному краю и государству вообще, тѣмъ внимательнѣе пришлось отнестись къ условіямъ передвиженія русскаго переселенца и средствамъ, какими онъ обладаетъ при передвиженіи. Къ сожалѣнію, здѣсь обнаруживается довольно безотрадная картина нашихъ переселеній.

Переселенцы идутъ въ Сибирь безъ всякой поддержки съ чьей бы то ни было стороны и помощи, такъ какъ существовавшая льготы и вспомоствованія для добровольныхъ переселенцевъ съ 1863 года отиѣнены, и они слѣдуютъ на свой счетъ. Повозки этихъ переселенцевъ тянутся тысячи верстъ изъ Россіи въ Сибирь, наполненны семьями съ маленькими дѣтьми; онѣ идутъ цѣлыя мѣсяца и иногда по году и по два. Это—цѣлыя кочующія

таборы, караваны которых встрѣчали мы на пути своемъ; здѣсь находятся старики и малолѣтніе дѣти, иногда новорожденные. Первою волюбелю этихъ малютокъ часто бываетъ сибирская трава. Во время этого пути, съ ничтожнымъ запасомъ средствъ, приходится пережить множество лишеній. Чтобы пройти съ семьей изъ какой-нибудь Тамбовской, Харьковской Губерніи до границы Томской Губерніи 4,000 и 5,000 верстъ, нуженъ порядочный денежный запасъ. Переселеніе при всей экономіи стоитъ 50 руб. на лошадь, а иногда и 100 ¹. Средства у многихъ однако истощаются, другіе берегутъ оставшуюся конейку на обзаведеніе, и вотъ, вступая въ Сибирь, большинство переселенцевъ идетъ «христовымъ именемъ», испрашивая въ каждой деревнѣ подаваніе.

— Каково живетса? спрашивали мы въ сибирскихъ деревняхъ.

— Ничего, да новоселы (переселенцы) одолѣли, всякой день по деревнѣ ходить, просить, и откуда это только ихъ беретса!

— Что же вы подаете?

— Какъ не подавать, подаемъ, дорожные люди—*нищая Ра-сея* идетъ.

— Ну, а какъ хлѣба не хватаетъ?

— Выбываетъ и не хватаетъ, тогда маленькимъ подаемъ, а въ женщинамъ, а большому откажешь, или переднимъ подашь, а заднему «Богъ подастъ»

Города, лежащіе по трактамъ, точно также наполняютъ нищіе переселенцы. Просить подаваніе по улицамъ переселенцы обыкновенно посылаютъ дѣтей, и эти маленькіе нищіе-новоселы кормятъ отцовъ милостыней.

— Хлѣбушка! хлѣбушка подай! вотъ припѣвъ переселенца, который слышится на всѣхъ дорогахъ. Эти просьбы становятся все настоятельнѣе по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія и истощенія средствъ; онѣ сливаются подъ конецъ въ какой-то вопль этихъ странниковъ.

Голодъ заставляетъ требовать хлѣба. Намъ передавали случаи, когда новоселы лѣзли подъ ворота съ тѣмъ же воплемъ, «хлѣбушка Христа ради!» когда отъ нихъ запирались. Двѣ чиновницы, нечаянно атакованныя переселенцами, отбились тѣмъ, что одна притворилась нѣмой, другая «нѣмой,» начавъ лепетать всякую тарабарщину. Почти у дѣли желанныхъ страстей, въ Війскомъ Округѣ, переселенцы, доведенные до крайности, истребили около озера тростникъ, употребляя его въ пищу. — «Они жрутъ все» говорили наши сибиряки про переселенцевъ, уюдобя ихъ саранчѣ.

Но бѣдствія или лишенія въ пути—еще не все: приходится долго искать по Сибири удобныхъ мѣстъ, обществъ, которыя бы приняли переселенца, и начинать обзаводиться снова хозяйствомъ. Часто приходится приниматься за это, когда средства

¹ Харьковскіе переселенцы-кохлы считали свои расходы 300 руб. на пару воловъ.

переселенца совершенно истощены. И вотъ мы встрѣчаемъ среди сибирскихъ деревень этихъ колонистовъ-нищихъ, въ рубищахъ, съ голодными дѣтьми, начинающихъ свое обзаведеніе съ милостыни и побиранья. Дряблыя холщевыя повозки, истомленные лошади, ищущіе люди долго бродятъ, какъ очумѣлые, прежде чѣмъ приняться за работу, а сколько изъ нихъ заболѣваетъ и пропадетъ безвѣстно. Трагическую судьбу переселенцевъ намъ передавалъ одинъ докторъ въ такомъ видѣ. Около одного города въ Горномъ Округѣ начали появляться въ деревнѣ болыне тифомъ. Когда медицинское начальство наѣхало на розыски, то близъ одной деревни (дѣло было зимою), въ лѣсу оно нашло множество шалашей невѣстно откуда пришедшихъ людей, у которыхъ свирѣпствовалъ моръ: это были переселенцы. Многие были жертвами болѣзней, другіе пробілись зиму. Началась весна; часть изъ новоселовъ пошла въ работники, другая хотѣла приняться за работу самостоятельно, но хлѣбъ былъ весь съѣденъ, оставались у нихъ въ запасѣ одни арбузные сѣмена, привезенныя съ родины. Замѣтя обиліе около сибирскихъ деревень навозу, переселенцы давай садить арбузы. Урожай явился богатый. Цѣна въ городѣ стояла выгодная. Продали арбузы, купили сѣмянъ, на слѣдующій годъ появились пашни, а года черезъ два и три начала строятся деревня. Но не всѣ быстро поднимаются изъ пришельцевъ. Иногда долго новоселамъ приходится поработать въ батракахъ у сибирскихъ крестьянъ, чтобы начать творить свое хозяйство. Медленно, колоду за колодой, зерно за зерномъ приходится стаскивать въ свою хижину.

Причисленіе крестьянъ-переселенцевъ къ обществамъ также нелегко; оно сопряжено съ расходами и множествомъ формальностей. Расходы по перечисленію—предположивъ даже, что переселенцы уплатили все прежнему обществу, внесли за три года подати—бываютъ значительны. Переселенецъ долженъ заплатить обществу за приемный приговоръ или выставить ему вина, заплатить волостному писарю, сельскому писарю, дать за написаніе прошенія, уплатить гербовый сборъ и т. д.; такихъ расходовъ накопляется меньшее 50 руб. Крестьянинъ, понесъ расходы на мѣстѣ, чтобы его отпустили, проводить годъ и два въ дорогѣ; переселяясь на свой счетъ, занятый въ первое время обзаведеніемъ, онъ не можетъ спонить ничего. Изъ года въ годъ на него накопляется недомыка, да еще предстоятъ новыя расходы по перечисленію; все это ставитъ новосела-колониста въ безвыходное положеніе. Таково было положеніе переселенцевъ на Амурѣ, оставшихся въ Томской Губерніи, на которыхъ накопилося за 4 года недомыка. Новосель-переселенецъ оттягиваетъ по возможности время перечисленія, но въ концѣ ему предъявляется такой счетъ за прошлое, съ которымъ онъ уже не можетъ справиться.

Проѣзжаете вы по привольнымъ мѣстамъ, встрѣчаете близъ ручейки пріютившіяся мазанки.

— Это рася, говоритъ ямщикъ-сибирякъ иронически:— ишь всю траву выѣла!

— А вы не ѣдите?

— Мы не ѣдимъ.

— Что же, вотъ и они пожить—поправятся! говорите вы.

— Нѣтъ, не поправятся! отвѣчаетъ увѣренно ямщикъ.

— Отчего же не поправятся?

— Долгу на нихъ много, прежніе счета!

— Ну, а если урожаи хороши?

— И въ урожаи не поправятся.

— Ну, если три, четыре года урожай?

— И тогда не поправятся, фаталистически прибавляетъ старорожиль:— а впрочемъ, Богъ знаетъ... въ видѣ уступки дѣлаетъ онъ намъ. И это слово «не поправятся» звучитъ холоднымъ, тяжелымъ приговоромъ нашей колонизаціи.

Переселенцы, неимѣя средствъ перечислиться, живутъ по-долгу по паспортамъ, уже обзаведясь хозяйствомъ; у насъ есть списки, по которымъ видно, что переселенцы живутъ, подновляя ежегодно паспорта съ 1865 и 1867 года, то-есть по 10 и 14 лѣтъ. Но есть и такіе, которые, пренебрегая формальностями, живя постоянно откупаясь или ожидая перечисленія, которое долго затянулось, подвергаютъ опасности быть постоянно выселенными. Положеніе этихъ «самовольныхъ» переселенцевъ, какъ ихъ называютъ, было еще печальнѣе. Облюбовавъ мѣста и обзаведясь домами, они должны были раззораться и отправляться назадъ. Нынѣ эти выселенія «самовольныхъ переселенцевъ» рѣже, и переселенцевъ до 1876 г., по особому представленію, положено оставить. Что замѣчательнѣе, это то, что борьба противъ самовольныхъ переселеній, отражавшихъ напряженность переселеній, сплошь и рядомъ была безуспѣшна.

— Ехидные эти переселенцы, гдѣ за ними усмотришь! говоритъ намъ одинъ отставной земскій засѣдатель (становой).

— Чѣмъ ехидны?

— Такъ ни чѣмъ ихъ не выселишь, коли они забрались.

— А какъ вы ихъ выселяете?

— Разно. Приказываемъ, если нейдутъ, крыши снимать, печи разворачивать, да ничего не подѣлаешь!

— Какъ такъ?

— Крикъ, вой поднять, особенно бабы, чистый бунтъ. Мужики озятыя. Помню, одинъ притащилъ ребенка.— Коли, говоритъ, насъ выселятъ, Ваше Высокоблагородіе, такъ возьмите нашихъ дѣтей, мы не понесемъ назадъ! да такъ ребенка-то и хлобысулъ объ землю. Остервился шельма?

— И что же выселили?

— Конечно, выселятъ, приказалъ при себѣ наложиться на телеги и маршъ. При мѣѣ и уѣхали. Поѣхалъ дальше, да черезъ два дня староста меня нагоняетъ: выселенные то новоселы опять на прежнее мѣсто съѣли. Что тутъ подѣлаешь!

*

Выселать этапнымъ порядкомъ двигающихся и напирających переселенцевъ представляется невозможнымъ: это породило бы безконечную работу. Но переселенцы подъ влияніемъ тяжелыхъ условій нашей колонизаціи возвращаются сами. Это обратное движеніе переселенцевъ въ Россію — также фактъ. Не устроивъ, не найдя пріюта въ привольныхъ мѣстахъ, они вдругъ снимаются и такъ же незамѣтно и невѣдомо ни для кого, какъ снялись въ Россіи, таятся обратно. Тѣ же скрипучія повозки, тѣ же семьи, та же длинная дорога и тѣ же лишенія, направленные въ другую сторону. Такихъ переселенцевъ по сибирскимъ дорогамъ видѣть также не рѣдкость.

— Куда? спросите вы.

— Не знаемъ, гдѣ лучше будетъ; говорятъ въ Пермской Губерніи есть мѣста, а то Оренбургскую хвалить, въ Самарскую тоже совѣтуютъ...

И вотъ кружить такимъ образомъ долго еще новоселъ, не зная гдѣ сидеть, гдѣ найдетъ себѣ желаемыя угоды, а между тѣмъ обратное переселеніе окончательно подорветъ его, а время насчитаетъ такой долгъ, съ которымъ онъ никогда не состыкается. Такимъ образомъ, наши переселенія вмѣсто того, чтобы создать народу лучшія условія и выходъ, нерѣдко кончатся раззореніемъ. Эти факты бѣдованья, побиранія по міру въ самыя благословенныя мѣстахъ, предназначенныхъ для колонизаціи, эта встрѣчающаяся нищета составляютъ рѣзкій контрастъ среди богатой роскошной природы, гдѣ тысячи десятинъ приходится на душу. Что за горькая судьба населенія, думалось при этомъ невольно, что за странная участь народа, идущаго тысячу верстъ, совершающаго неимоверные подвиги труженничества, чтобы найти себѣ обѣтованную землю, и встрѣчающаго порой одинъ смертельно безпощадный приговоръ «не поправится!»

Безпомощное и жалкое положеніе русскаго переселенца-новосела; совершающаго историческое призваніе заселенія русской земли, заставляетъ задуматься. Создается же въ другихъ странахъ помощь переселеніямъ, устроивается обезпеченіе ихъ во время пути; для этого за границей существуютъ цѣлыя учрежденія и колонизаціонныя общества, открываются государственныя кредиты. Тамъ на переселенца смотрятъ, какъ на государственную силу, какъ на драгоцѣнное пріобрѣтеніе и культурное средство. Почему же русскій переселенецъ не имѣетъ никакой помощи и поддержки для облегченія своего подвига?..

Мы предоставляемъ обсудить эти факты русскому обществу и русскому земству.

Н. Ядринцевъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Позитивизмъ и Литтре.—Исслѣдованіа о будущемъ распредѣленіи національностей.—Четыре главныя будущія группы человѣчества: Англо-Саксы, Китайцы, Русскіе и Испанцы. — Португальская, Итальянская и Французская группы. — Ограниченіе Германской расы. — Роль Алжиріи въ будущемъ развитіи Франціи.—Водвореніе въ ней гражданскаго управленія. — Будущее Сахары.—Важность въ память освобожденія отъ рабства негровъ.—Рѣчь Виктора Гюго.

Предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіе Литтре и Вырубова «Позитивная философія» начинается въ наши дни пользоваться все болѣе и болѣе успѣхомъ, и едва ли не сдѣлалось уже важнѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ у насъ такъ называемыхъ «обозрѣній». Успѣхомъ этимъ оно обязано множеству безспорно хорошихъ научныхъ статей, появляющихся въ немъ, равно и тому, что позитивно-соціологическій методъ пришелся намъ къ двору, какъ для объясненія нашей существующей политической дѣйствительности, такъ и для опредѣленія вѣроятныхъ судебъ нашихъ въ будущемъ. Лучшія статьи обозрѣнія принадлежатъ самому Литтре, обладающему даромъ въ самой сжатой формѣ высказывать идеи и выводы, поражающіе своею глубиною. Несмотря на свою старость и болѣзненное состояніе, почтенный этотъ академикъ отличается такою плодотворностью и разносторонностью знаній, что во всей плеядѣ французскихъ писателей прежняго и настоящаго времени, онъ не имѣетъ другихъ соперниковъ, кромѣ Вольтера, а въ наши дни по праву можетъ считаться первымъ умомъ въ цѣлой Франціи.

Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ «Позитивной философіи» помѣщены четыре его статьи, и на двухъ изъ нихъ я хочу остановить ваше вниманіе. Первая — «Сравненіе палатъ 1871 и 1879 г.», — посвящена разсмотрѣнію настоящаго политическаго положенія Франціи, а вторая — «Будущее распредѣленіе языковъ и національностей по земной поверхности» — представляетъ собой картину вѣроятныхъ судебъ человѣчества.

Исходная точка послѣдней статьи слѣдующая: въ настоящее время вся обитаемая часть земнаго шара уже извѣстна, и та-

кимъ образомъ географическія рамки, въ какихъ могутъ впредь развиваться различныя группы человѣчества уже опредѣлены; главнѣйшія изъ этихъ группъ уже не будутъ вытѣснены изъ занимаемыхъ ими нынѣ территорій, такъ что теперь уже можно въ числѣть тѣ пространства, какія онѣ будутъ занимать въ послѣдствіи на землѣ, а также и то развитіе, какое для нихъ можетъ предстоить.

Затѣмъ слѣдуетъ оцѣнка возможностей нормальнаго развитія каждой изъ группъ. Такъ Англо-Саксонская раса, которой предстоитъ заселеніе извѣстнаго числа мѣстностей въ Европѣ, Америкѣ, Азій, Африкѣ и Океаніи, въ опредѣленное время необходимо должна достигнуть численности 300 и 400 милліоновъ. Такой численности давно достигла уже китайская раса, пользующаяся немалымъ удобствомъ въ томъ отношеніи, что она заселяетъ сплошную территорію. Авторъ не придаетъ особеннаго значенія тѣмъ эмиграціямъ китайскихъ рабочихъ, которыя заставляють въ наши дни такъ сильно задумываться калифорнійцевъ и въ особенности австралійцевъ, при видѣ того, какъ рабочіе желтаго племени являютя массами конкурировать съ туземцами и, почти ничего не потребляя, могутъ производить за такую ничтожную, рабочую плату, при какой бѣлымъ рабочимъ предстояла бы чуть не голодная смерть. Литтре доказываетъ, что Китай, застывшій въ мертвыхъ формахъ своей цивилизаціи, не имѣетъ возможности увеличивать своего господства, почему и не будетъ въ состояніи играть какую-либо дѣятельную роль въ будущемъ. Россія—предполагая, что ея народонаселеніе удваивается каждые 25 лѣтъ—должна, по его мнѣнію, въ весьма недалекомъ время достигнуть численнаго развитія, одинаковаго съ Англо-Саксами и Китайцами, т. е. представлять собой группу въ 400 милліоновъ людей, расселиться которымъ будетъ не трудно какъ на настоящей ея малозаселенной территоріи, такъ и на цвѣтущей почвѣ юго-восточной Европы и въ особенности въ Центральной Азій. Затѣмъ нашъ географъ-этнологъ причисляетъ къ первостепеннымъ группамъ будущаго Испанскую расу, пришедшую, правда, въ упадокъ въ Европѣ, но за то возрождающуюся въ Америкѣ. Численность этой расы должна достигнуть тоже 400 милліоновъ. Португальцевъ въ свою очередь будетъ около 100 милліоновъ, что стало для нихъ возможнымъ, благодаря колонизаціи Бразиліи.

Этими четырьмя группами Литтре ограничиваетъ великія національности будущаго. Швеція, Норвегія и Данія точно такъ же, какъ Швейцарія и Бельгія, по его мнѣнію, не могутъ ожидать никакого внѣшняго территориальнаго увеличенія. Греція, еслибы ей удалось даже собрать все населеніе, говорящее по гречески, въ Европѣ и Малой Азій, всегда будетъ незначительною націей. Голландія, несмотря на громадность ея старыхъ и недавнихъ колоній, точно также никогда не усилится, какъ нація, такъ какъ она только эксплуатируетъ, а не колонизируетъ подчиняемыя своему управленію мѣстности.

Относительно Германіи Литтре полагаетъ, что она не долго продержится на высотѣ великихъ національностей, чѣмъ она нынѣ такъ тщеславится. Все увеличеніе, какое для нея возможно, состоитъ въ присоединеніи къ ней нѣмецкаго элемента Австріи и Швейцаріи. Хотя быстрое увеличеніе ея населенія и обуславливаетъ собою значительную эмиграцію нѣмцевъ во всѣ Европейскія страны, но нѣмецкіе эмигранты въ противоположность Русскимъ, Англичанамъ и Испанцамъ не доставятъ никакого выигрыша для Германіи, въ національномъ смыслѣ, такъ какъ эти эмигранты безслѣдно исчезаютъ въ массахъ Англо-Саксонцевъ.

Объ Австріи, этомъ «географическомъ терминѣ», нечего, конечно, и говорить. Румыніи, если ей даже удастся сохраниться, представить собою въ самомъ счастливомъ случаѣ не болѣе, какъ сторожевой постъ латинства, точно такъ же какъ и Венгрія будетъ играть въ будущемъ роль не болѣе, какъ ничтожнаго островка передъ Славянскимъ океаномъ и большимъ Германскимъ озеромъ.

Что касается до Италіи, то Литтре готовъ былъ бы взглянуть на нее съ той-же точки зрѣнія, какъ и на Германію, такъ какъ ея эмигранты, гонимые нищетой изъ отечества, исчезаютъ безслѣдно среди населеній испанскихъ колоній, еслибы въ самое недавнее время дальновиднѣйшимъ изъ итальянскихъ патриотовъ не пришла счастливая мысль снаряженія экспедиціи въ Новую Гвинею, единственную вѣдь—европейскую территорию, Европейцами еще не занятую. Если итальянцамъ удастся захватить Новую Гвинею, то чередъ Италіей открывается будущее, одинаковое съ будущимъ Португаліи.

Не дѣлая пророчествъ, но производя только, такъ сказать, вѣроятныя измѣренія будущихъ человѣческихъ группъ на основаніи точныхъ вычисленій, доставляемыхъ современною демографіею, Литтре говоритъ о будущности и другихъ существующихъ націй. Такъ, по его словамъ, Японія, гдѣ начала такъ быстро слагаться цивилизація по Европейскому образцу, должна сдѣлаться въ будущемъ весьма важнымъ центромъ дѣятельности крайней Азіи. Малайцамъ предстоитъ навсегда ограничиться предѣлами своего Архипелага. Съ эмансипаціей Индіи закончатся всѣ Азіатскія неустройства и переустройства. Персія задохнется между Англіей и Россіей. Турціи не остается ничего другого, какъ въ самомъ скоромъ времени умереть. Все, что останется послѣ этой смерти исповѣдующаго исламизмъ, приметъ въ свое лоно арабская раса, уже проявлявшаяся разъ съ такимъ блескомъ въ мірѣ, когда ею была усвоена вся древняя цивилизація. Талантливость этой расы гарантируетъ, что для нея возможно возрожденіе подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ обновленія духомъ современной науки.

Какъ французъ, Литтре, очевидно, сильно озабочиваетъ будущность Франціи, находящейся въ одинаковыхъ условіяхъ съ Германіей и даже еще худшихъ, такъ какъ народонаселеніе Фран-

ція уменьшается или по-крайней-мѣрѣ задерживается въ нормальномъ своемъ увеличеніи. Злосчастная неудача съ заселеніемъ Гвіаны, гдѣ въ теченіи ста лѣтъ едва удалась колонизація всего на все 30 тыс. поселенцевъ, заставляетъ его страшиться за самую колонизаторскую способность Франціи, столь для нея необходимою. Онъ не вѣритъ ни въ Бокинхину, ни въ Новую Каледонію, также какъ въ голландскія колоніи. Единственнымъ открытымъ путемъ, для возможности развитія французской національности, онъ считаетъ Алжирію и, если удастся переходъ черезъ Сахару, центральную Африку.

Въ своихъ описаніяхъ за судьбы Франціи, Литтре заходитъ нѣсколько далеко; такъ онъ думаетъ, что французы, нѣсколько вѣковъ сряду незаботившіеся о приобрѣтеніи колоній и легкой территоріи тѣ, какія имъ случилось приобрѣтать, будутъ и всегда также легкомысленно относиться къ этому весьма существенному вопросу будущности. Въ этомъ онъ совершенно ошибается, такъ какъ теперь именно вопросъ о дѣятельномъ заселеніи Алжиріи весьма сильно занимаетъ правительственные сферы и общественное мнѣніе. Замѣчательный и серьезный трудъ Литтре оказался поэтому какъ нельзя болѣе кстати. Статья его всѣми замѣчена и оцѣнена, и самый его пессимизмъ послужилъ къ сильному возбужденію общественнаго мнѣнія относительно этого вопроса.

Какъ разъ въ это же время, 28-го апрѣля, братъ президента республики, Альбертъ Гриви, отправился въ Алжирію для введенія въ ней гражданскаго управленія. Въ Парижѣ онъ очень долго передъ этимъ изучалъ всѣ особенности этой страны и тѣ условія, какія необходимы для правильной ея администраціи. Всѣ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей онъ выбралъ и назначилъ еще въ Парижѣ. Своею прокламаціей къ населенію Алжиріи, произнесенной имъ тотчасъ по прибытіи туда, онъ озабочился о точномъ опредѣленіи той «высокой миссіи», твердое и безузорищенное исполненіе которой онъ на себя принялъ: «настало время, сказалъ онъ:—дать законное удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ Алжиріи. Героическія времена, обезсмертившія славу нашего оружія на африканской почвѣ, принадлежатъ уже исторіи; мы пережили уже эпоху завоеванія, и тотъ образъ дѣйствій, который соответствовалъ трудностямъ этой эпохи, могъ бы послужить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія края... Республика въ моемъ лицѣ присылаетъ вамъ человека всецѣло преданнаго свободѣ. Главное управленіе края будетъ *вполнѣ гражданскимъ*. Этой власти подчиняется всѣ отрасли управленія безразлично... Одновременно со введеніемъ политической перемѣны, сообразной съ вашими желаніями, республиканское правительство озаботится тѣми значительными матеріальными и нравственными интересами, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ величіе и благоденствіе страны. Народное просвѣщеніе, высшее образованіе, процвѣтаніе изящныхъ искусствъ и устройство значительной сѣти желѣзныхъ дорогъ, линій водо-

рой избороздят Алжирию отъ Туниса до Марокко и отъ морскаго берега до степи Сахары, все это будетъ даровано вамъ въ возможно скоромъ времени, благодаря заботливости объ васъ парламента.»

Замѣчу встать по поводу этихъ словъ новаго генераль-губернатора, что въ самое недавнее время образовалось частное общество для проведенія желѣзной дороги внутрь Африки черезъ Сахару (Trans-Saharien français). Инициатива этого предпріятія принадлежитъ нѣсколькимъ сибѣлымъ изслѣдователямъ, которые уже успѣли заручиться соучастіемъ просвѣщенныхъ капиталистовъ. Осенью нѣсколько географовъ и инженеровъ отправятся въ Тумбукту, для произведенія предварительныхъ изысканій, а по возвращеніи ихъ съ одной стороны опредѣлится мѣстности, удобныя для проведенія линій, съ другой будетъ рѣшено, что удобнѣе для таковой дороги—паръ или сжатый воздухъ. Когда осуществится этотъ путь къ плодотворнымъ и еще нетронутымъ европейцами мѣстностямъ центральной Африки и прорвется внутреннее море, планъ котораго былъ на выставкѣ 1878 г., то Алжирія, оплодотворенная и значительно увеличенная, представитъ великолѣпную территорию для распространенія французской національности.

Въ воскресенье 19-го мая, представителями колоній былъ устроенъ въ Парижѣ банкетъ въ память окончательнаго освобожденія черныхъ—республикою 1848 года. Предсѣдательство на этомъ банкетѣ принадлежало почтенному Виктору Шельхеру, бывшему въ то время помощникомъ государственнаго секретаря, а нынѣ пожизненному сенатору, поднявшему вопросъ объ этомъ освобожденіи и подписавшему объ немъ декретъ. Банкетъ и начался подъ его предсѣдательствомъ, но когда въ залѣ собранія появился Викторъ Гюго, то Шельхеръ упросилъ его занять почетное мѣсто предсѣдателя, и маститый поэтъ, занявъ его, сказалъ блистательную рѣчь по поводу значенія Африки для Франціи, возбуждившую всеобщій энтузіазмъ.

«Настоящая минута, сказалъ Гюго:—зачтется въ числѣ величайшихъ историческихъ моментовъ текущаго столѣтія. Это вѣстѣ и кульминаціонная точка, и точка отпавленія... На сѣверѣ—деспотизмъ, на югѣ—свобода; на сѣверѣ—бура, на югѣ—штиль... Судьбы человѣчества рѣшаются на югѣ...

«Два народа-колонизатора, два великіе и свободные народа—Франція и Англія начинаютъ завладѣвать Африкой. Франція овладѣваетъ ею съ сѣвера и запада, Англія съ востока и юга. Затѣмъ поднимается Италія, чтобы внести свою часть труда въ это колоссальное предпріятіе. Америка также присоединитъ свои усилія къ нашимъ, такъ какъ настало время проявленія единства народовъ во всемъ... Ходъ человѣчества не можетъ быть останавливаемъ долѣе тѣмъ, что пятая часть земнаго шара какъ бы парализована. Отважные пионеры осмѣлились проникнуть въ эти неизвѣстныя страны, и съ пер-

ныхъ ихъ шаговъ почва, представлявшаяся до сихъ поръ только мечтою, обратилась въ реальную. Мѣстности, представлявшіяся въ какихъ-то лунныхъ очертаніяхъ, приняли очертанія земныя. Франція готова внести туда, какъ подарокъ—море. Отъ грозной Африки отнята дальнѣйшая возможность прятаться... Мѣста, которыя привнавались за необитаемыми, оказались удобными для жизни по своему климату; повсюду оказываются рѣки, доступныя для судоходства; оказались и лѣса, и озера... Такимъ образомъ природою въ ожиданіи человѣка уже заготовлены гигантскіе гидравлическіе аппараты. Можно уже намѣтить пункты, на которыхъ возникнутъ новые города и отгадывать на вырисовывающихся горныхъ хребтахъ мѣста, гдѣ проложатся новые пути. Являются повсюду удобные проходы и проливы. Эта новая вселенная, такъ устрашавшая воображеніе римлянъ, привлекаетъ французовъ...

«Никогда еще социальный вопросъ не представлялся человѣчеству въ такой трагической обстановкѣ, какъ теперь—но бѣшенствомъ его не разрѣшить. Будемъ же надѣяться, что могучее вѣяніе духа XIX вѣка проникнетъ и въ эти отдаленныя страны, благодаря которымъ конвульсивныя терзанія человѣчества замѣнятся мирнымъ разрѣшеніемъ.

«Такимъ образомъ, если сѣверъ возбуждаетъ опасенія, то югъ принести усповоеніе. На югѣ зарождается и крѣпнетъ тѣсный союзъ между Франціей, Италіей и Испаніей. Въ сущности это одинъ и тотъ же народъ, къ которому должна примкнуть и Греція, такъ какъ латинское происхожденіе не враждебно греческому. Эти націи владѣютъ Средиземнымъ Моремъ, а Англія слишкомъ нуждается въ Средиземномъ Морѣ, чтобы не отдаляться отъ четырехъ народовъ, имъ владѣющихъ. Такимъ образомъ уже вырисовываются эскизы Южныхъ Соединенныхъ Штатовъ, очевидные предвѣстники Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Это—великое и спокойное шествіе человѣчества къ единенію, братству и миру... Въ XIX вѣкѣ бѣлый человѣкъ превратилъ въ человѣка своего чернаго брата; въ XX столѣтіи Европа создастъ міръ изъ Африки».

Уже по этому отрывку изъ длинной рѣчи Гюго можно видѣть, какими великодѣльными образами и глубокими реальными концепціями будущаго она исполнена. Поэтому понятно, какое впечатлѣніе она произвела на слушателей, а потомъ по напечатаніи и на всю граматную Францію. Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одна еще рѣчь Гюго не имѣла такого успѣха, какъ настоящая, и, что всего важнѣе, привела немедленно къ неожиданнымъ практическимъ результатамъ. Если пессимизмъ Ляттре способствовалъ общественному мнѣнію сосредоточиться на вопросѣ о колонизаціи, то оптимизмъ Гюго придалъ ему характеръ страстно патріотическій. Вся Франція, можно сказать, пришла въ восторгъ отъ открытія, что если германской расѣ, столь могущественной въ настоящую минуту, положенъ естественными условіями пре-

дѣль въ дальнѣйшемъ ея развитіи, то для французовъ или лучше для латинской расы вообще, такой предѣлъ, благодаря Африкѣ, отдаленъ надолго. Союзъ народовъ латинской расы, о которомъ давно мечтаютъ мои соотечественники, долженъ, повидимому, скоро осуществиться въ формѣ оборонительно-колонизаторскаго, латино-греческаго союза, для котораго не будетъ никакихъ подводовъ противодѣйствовать возникающей молодой славянской цивилизаціи: напротивъ, онъ можетъ дружески идти впередъ съ союзомъ славянскихъ народностей. Тогда люди сѣвера перестанутъ намъ говорить свою излюбленную фразу: «господа, вы уже умерли для политическаго будущаго», а мы, южане, перестанемъ отвѣчать имъ на это: «а вы еще не родились для политической жизни». И сѣверяне, и южане со сѣвѣрными силами начнутъ уже не противодѣйствовать другъ другу, какъ это было до сихъ поръ, а совмѣстно трудиться для безвѣчнаго прогресса человѣчества.

II.

«Парламентъ 1877 года и собраніе 1871 года». Статьи Литтре. — Непостоянство всеобщаго голосованія. — Позитивистское порицаніе непримиримыхъ. — Необходимость сохраненія за республикой консервативнаго характера. — Министерство поколебленное и поддержанное. — Путешествіе Гамбетты. — Программа Клемансо. — Докладъ Анатоля де-ла-Форжа о свободѣ печати. — Разногласіе по поводу 7-й статьи законопроекта Ферри. — Мирное возвращеніе палаты. — Невнянныя интриги Шейлова и Гаварди. — Программа Луи Бланъ. — Оужденіе экскаго архіепископа. — Антиклерикальное заявленіе министра исповѣданій и новый законопроектъ Ферри. — Вопросъ о преслѣдованіи Пола де Касаньяка.

Въ то время, какъ вторая изъ двухъ статей Литтре, на которую я указалъ въ началѣ настоящей хроники, переноситъ насъ въ отдаленное будущее, первая — «Парламентъ 1877 и Национальное собраніе 1871 годовъ» вводитъ насъ прямо въ водоворотъ текущей политической дѣятельности.

Полнѣйшее различіе между этими двумя учрежденіями Литтре вполне точно характеризуетъ слѣдующими словами: «національное собраніе стремилось возвратитъ Франціи прежнюю систему управленія съ монархомъ во главѣ; парламентъ 1877 г. стремился открыть окончательно новую эру республики, что не удалось уже дважды въ 1792 и въ 1848 годахъ». Въ качествѣ историка-реалиста, нашъ авторъ констатируетъ, почему и какъ могло случиться, что въ такой сравнительно короткій промежутокъ времени система всеобщаго голосованія дала два представительства, совершенно отрицающія одно другое. Какъ наблюдатель-политикъ, изслѣдующій сущность событій, а не принимающій въ нихъ непосредственнаго, страстнаго участія, и выводящій изъ фактовъ дѣятельности социологическія обобщенія,

Литтре серьезно останавливается на извѣтливости характера системы всеобщаго голосованія. Въ 1848 году, тотчасъ же взглявъ за своимъ водвореніемъ, всеобщее голосованіе даетъ массу голосовъ за республику, но въ слѣдующемъ же 1849 высказывается за реакцію, подчиняется государственному перевороту, соглашается въ 1852 году на имперію и терпитъ всякія ограниченія и вслаженія своихъ правъ — такъ что становится возможнымъ плебесцитъ 1870 года. Потомъ, изъ желанія мира, оно одновременно отрицаетъ, какъ цезаризмъ, затѣввшій самую нелѣпую изъ когда либо существовавшихъ войнъ, такъ и республиканскую демократію, за то что послѣдняя не желаетъ признавать національнаго пораженія. Потомъ, убѣдившись въ бессиліи монархистовъ и утомленная ихъ интригами, страна въ 1877 году при посредствѣ того же всеобщаго голосованія высказывается съ блескомъ за республику, и, несмотря на 16-е мая, стоитъ за нее съ непоколебимымъ упорствомъ. Можно ли изъ этого, однако, вывести, что политическое образованіе націи уже закончилось и что система всеобщаго голосованія при дальнѣйшемъ ходѣ событій не выскажетъ новыхъ противорѣчій?

Позитивизмъ не допускаетъ абсолюта въ дѣлѣ народнаго голосованія, какъ и во всемъ. По его ученію, всеобщее голосованіе должно и могло быть противорѣчивымъ, «такъ какъ и обстоятельства, вызывавшія его, были противоположны». До тѣхъ поръ, пока наука не сдѣлается такимъ же всеобщимъ достояніемъ, какъ и право подачи голоса, система эта всегда будетъ склонна «бросаться изъ одной крайности въ другую и безъ особыхъ усилій склоняться отъ монархіи къ республикѣ, отъ республики къ монархіи». «Я не устану утверждать, наставляетъ Литтре:— что все зависитъ отъ обстоятельствъ», и обращая затѣмъ къ своимъ товарищамъ и друзьямъ лѣвой стороны, прибавляетъ: «будемъ же со вниманіемъ относиться къ обстоятельствамъ, имѣющимъ такое значительное вліяніе на рѣшенія всеобщаго голосованія».

И вотъ Литтре—одинъ изъ самыхъ передовыхъ умовъ Франціи въ дѣлѣ рѣшенія общихъ вопросовъ—высказываетъ весьма сильное описаніе за республику по поводу бордосскаго избранія Бланки и съ тономъ раздраженнаго полемиста набрасывается на радикаловъ, непримиримыхъ, революціонеровъ и социалистовъ, которые, выражая собою только страстныя стремленія нѣкоторыхъ городовъ и извѣстныхъ классовъ населенія, тѣмъ не менѣе выдають себя за выразителей желаній всего народа. «Народомъ же—по Литтре—слѣдуетъ признавать большинство всей массы населенія, заключающей въ себѣ, какъ рабочихъ и крестьянъ, такъ буржуа и дворянъ, какъ сельчанъ, такъ и горожанъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, какъ католиковъ и протестантовъ, такъ и свободныхъ мыслителей». Главной заботой Литтре, чтобы эта масса, эти всесоздающіе и всеразрушающіе просвѣтились бы какъ можно болѣе, признали изъ опыта необходимость дисциплиниро-

ваться и привыкли наконец «быть последовательными». Затѣмъ онъ прямо заявляетъ, что «радикальное и социалистское міросозерцаніе, взятая въ отдѣльности или комбинированныя между собою—стоятъ въ значительномъ разногласіи съ позитивной философіей и ея доктринами» и прибавляетъ къ этому, что «психологіей уже точно опредѣлена извѣстная форма мозговой опраченности, при которой идеи въ мышленіи господствуютъ надъ фактами и опредѣляютъ дѣйствія человѣка, при которыхъ онъ не замѣчаетъ никакихъ реальностей. Умъ, при такомъ настроеніи, все равно, какою бы доктрины человекъ ни придерживался, признается какъ бы абсолютнымъ. Такимъ абсолютнымъ представляется и умъ радикаловъ — почему необходимымъ его условіемъ является непримиримость съ обстоятельствами и ослабленіе относительно существующихъ реальностей».

Такой взглядъ, однако же, не препятствуетъ Литтре прямо называть «лживыми и жалкими» тѣ компромиссы, на какіе идутъ представители лѣваго центра и умѣренной лѣвой изъ опасенія передъ возможностью какой либо реставраціи. Но признавая, что учрежденія, вызываемыя подобными компромиссами, должны совершенно преобразоваться при помощи легальныхъ и последовательныхъ реформъ—онъ рѣшительно противъ насильственнаго и революціоннаго ихъ разрушенія. «День», говоритъ онъ:—«въ который консервативная республика во Франціи будетъ низвергнута, если только такой день настанетъ—будетъ для страны роковымъ днемъ, который подвергнетъ ее всевозможнымъ невгодамъ». Затѣмъ противникъ «абсолютной и метафизической политики» перечисляетъ нѣкоторые изъ невгодъ внѣшнихъ и внутреннихъ, какія могутъ быть ею вызваны, но тотчасъ же оговаривается, что на основаніи своей социологической опытности онъ имѣетъ право заключить, что «вліяніе спонтанитетнаго радикализма никогда не бываетъ продолжительнымъ», а появленіе во Франціи «демократіи, способной къ совершенствованію» позволяетъ ему придти къ научному выводу, что «обстоятельства стоятъ за прочность консервативной республики во Франціи» и что главною заботою республиканцевъ должно быть «сохраненіе этихъ благоприятныхъ обстоятельствъ», а никакъ не измѣненіе ихъ.

Конецъ статьи Литтре я позволю себѣ привести буквально, такъ какъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ самой средѣ радикаловъ.

«Обстоятельства благоприятны консервативной республикѣ потому, что она ставитъ въ числѣ важнѣйшихъ своихъ обязанностей защиту и поддержку существующаго порядка, сознавая, что ничто такъ не вредитъ драгоцѣннѣйшимъ, нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ, какъ политическія пертурбаціи. Обстоятельства за нее потому, что она либеральна, а безъ свободы, безъ гласнаго обсужденія, безъ своевременныхъ уступокъ — никакой порядокъ не огражденъ отъ возникновенія по-

стояннѣхъ опасностей. Обстоятельства за нее, потому что она заботливо падать сознание людей, самыхъ различныхъ между собою по воспитанію и по традиціямъ, и гарантируетъ духовные интересы всѣхъ, не становясь на сторону предрассудковъ. Не выражая нетерпимости и противодѣйствуя духу господства, весьма часто связанному съ этими интересами, спасая одновременно и элементъ справедливости въ цивилизаціи, и свѣтскій характеръ современнаго государства. Она за нее потому, что она старается внести въ образованіе какъ можно больше свѣта науки, для того чтобы социальная эволюція не столкнулась въ послѣдствіи съ какими либо преградами. Наконецъ она за нее потому, что она старается во всѣмъ народнымъ нуждамъ рѣшительно примѣнять известное выраженіе одного изъ дѣятельнѣйшихъ римскихъ императоровъ: «*Laboremus*» (будемъ трудиться)!

По моему мнѣнію, въ этихъ глубокихъ словахъ заключается полное объясненіе того, почему французская демократія, выказавшая уже столько благоразумія, продолжаетъ сохранять это благоразуміе и конечно сохранить надолго. Она понимаетъ, что въ ея рукахъ находится важнѣйшее орудіе нормальнаго прогресса, учится дѣйствовать этимъ орудіемъ и опасается всякой неосторожности, чтобы не испортить и не сломать его.

Кто слѣдилъ за французскими газетами въ продолженіи парламентскихъ ваканцій, тотъ, конечно, долженъ былъ заключить о необходимости паденія министерства. Какъ монархисты-клерикалы, такъ и непримиримые, усердно дѣйствовали въ видахъ такого паденія — первые, обвиняя кабинетъ въ нетерпимости въ духовенству, а вторые — въ робости, нерѣшительности и перешедшей черезъ край умѣренности. Доходило даже до того, что утверждалось завышенное, что Гриви готовъ распустить палату (какъ это похоже на Гриви!). Особенно ревнисто въ этомъ дѣлѣ отличался Эмиль де-Жирарденъ, который, кромѣ того, что самъ въ двухъ газетахъ «*France*» и «*Petit Journal*» громилъ ежедневно министерство, завелъ себѣ еще какого-то таинственнаго сотрудника, подписывавшагося «*Ampicis*», и оба они требовали, чтобы Гамбетта немедленно оставилъ президентство палаты и всталъ во главѣ новаго кабинета.

Гамбетта на всѣ такіе толки не обращалъ особеннаго вниманія. Подъ предлогомъ какихъ-то передѣлокъ въ «*Palais-Bourbon*», онъ уѣхалъ изъ Парижа, не оставивъ никому своего адреса. Одни думали, что онъ поселился для отдыха въ Виллѣ д'Авре, на дорогѣ между Парижемъ и Версалемъ, другіе полагали, что онъ въ Пиринеяхъ, третьи утверждали, что видѣли его лично на лионской желѣзной дорогѣ, и что онъ уѣхалъ въ Италію, или въ Швейцарію. «*République Française*» не говорила ни слова объ этой поѣздкѣ, и только наканунѣ открытія палаты помѣстила извѣстіе о возвращеніи Гамбетты въ Парижъ вмѣстѣ съ заявленіемъ, что въ средѣ министерства, гдѣ во время его

отсутствія происходилъ разладъ, все пришло къ полному соглашенію.

Между тѣмъ Клемансо, молодой депутатъ монтмартскаго округа, получившій такое значеніе въ средѣ крайнихъ лѣвыхъ, послѣ того, какъ его рѣчь произвела паденіе де-Марсера, въ одно изъ воскресеній, предшествовавшихъ открытію палаты, отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ своимъ радикальнымъ избирателямъ, на многочисленномъ изродномъ собраніи, почетнымъ председателемъ котораго былъ выбранъ заглавно Бланки, и заслужилъ выраженія самаго полнаго къ себѣ довѣрія. Рѣчь его, ясная и опредѣленная, цѣлую недѣлю занимала собою прессу и была ею принята за противоминистерскую программу крайнихъ лѣвыхъ.

Въ рѣчи своей Клемансо требуетъ прежде всего полнѣйшей свободы печати, сходокъ и ассоціацій. Омъ справедливо осуждаетъ образъ дѣйствій министерствъ, которые запрещаютъ рабочіе конгрессы и допускаютъ открытое существованіе центральнаго католическаго комитета и болѣе сотни католическихъ ассоціацій, могущихъ служить центрами конспирацій противъ республики, а въ дѣлѣ печати, подвергаютъ преслѣдованію однѣ революціонныя газеты. Впрочемъ, нельзя обвинять одно правительство, въ томъ, что либеральныя законопроекты о печати и ассоціаціяхъ еще не появляются въ палатѣ, такъ какъ виною этому также и медленность комиссіи. На дняхъ, впрочемъ, управляющій печатью публиковалъ въ «Оффиціальномъ Журналѣ» обширный докладъ, раздѣленный на четыре части, о способахъ управленія печатью во Франціи съ отдаленнѣйшаго времени до нашихъ дней. Докладъ этотъ ведетъ къ тому заключенію, что для республиканскаго правительства не должно существовать никакихъ отдѣльныхъ «преступленій печати», и что дѣйствія писателей и издателей, виновныхъ въ этихъ преступленіяхъ должны быть разсматриваемы впродъ, какъ нарушеніе общаго уголовнаго права. Мысль Анатоля де-ла-Форжа не нова, такъ какъ еще въ 1789 году учредительное собраніе, на основаніи этихъ же соображеній, отказалось отъ подчиненія печати какому-либо особенному закону. Величайшіе изъ нашихъ писателей давно уже рѣшили, что печать есть орудіе болѣе полезное и плодотворное, чѣмъ, напримѣръ, плугъ, но что она можетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и въ нѣкоторыхъ рукахъ приносить вредъ: при пособіи газетной статьи, можно произвести преступленіе точно такъ же, какъ съ преступною цѣлью можно употребить и сошникъ. Но кто будетъ въ этомъ случаѣ виновенъ, преступникъ или орудіе преступленія, и кого слѣдуетъ наказывать? Правительство въ этомъ дѣлѣ слѣдовательно встало только на почву здраваго смысла, будучи «либерально», какъ это совершенно вѣрно опредѣлилъ Литтре, и вся Франція не можетъ не сознавать этого. Оно, конечно, готово стать и еще либеральнѣе, если палаты развяжутъ ему руки отъ всѣхъ существующихъ стѣснительныхъ законовъ,

и съ другой стороны, пересмотрѣвъ законъ о несмѣняемости магистратуры, дадутъ ему возможность замѣнить новыми судьями тѣхъ, какіе унаслѣдованы отъ прежнихъ правительствъ и которые, выказывая крайнюю неисходимость къ реакціонерамъ, становятся жесткими, едва имъ придѣлится имѣть дѣло съ республиканцами. Такимъ образомъ, нападки Клемансо, заставляя министровъ, производить весьма благоприятное дѣйствіе, побуждая палатскія комиссіи къ ускоренію ихъ дѣятельности.

Совершенно справедливо недовольство Клемансо противъ бюджетной комиссіи, ассигновавшей на народное образованіе изъ трехмиллиарднаго бюджета только 56 милліоновъ. Секуляризація учебныхъ программъ, отиѣна епископскихъ позволеній (*lettres d'obédience*), благодаря которымъ невѣжественнѣйшій изъ коллегриганистовъ можетъ являться въ роли воспитателя, приданіе свѣтскаго характера общественнымъ школамъ, прекращеніе пособій (*bourses*) семинаристамъ и подчиненіе всѣхъ французовъ, безъ исключенія клерикаловъ, всеобщей воинской повинности—все это, по выраженію Клемансо, вопросы вполнѣ «созрѣвшіе» и рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ доброй воли палаты. Боже опасна для министерства нападки Клемансо на седьмую статью законопроекта Ферри, запрещающую преподаваніе лицамъ только неразрѣшенныхъ конгрегацій, чѣмъ какъ будто подтверждается право преподаванія лицъ изъ конгрегацій разрѣшенныхъ и дается іезуитамъ возможность, вступивъ въ дозволенные конгрегаціи, снова фигурировать въ роли преподавателей, между тѣмъ какъ правительство могло бы подобной опасности избѣжать, ввести въ силу тѣ старыя монархическія законы, которыми іезуиты изгонялись изъ Франціи. По этому поводу Клемансо, однако, не раздѣляетъ абсолютно либерально-фантастическихъ утопій, во главѣ которыхъ стоитъ Эмиль де-Жирандесъ, но только подготовляетъ общественное мнѣніе къ благоприятному принятію поправки, которую собирается внести къ законопроекту Ферри Мадье де-Монжо, требующій полнаго запрещенія общественнаго преподаванія лицамъ, заявляющимъ себя открыто врагами демократіи и науки. Между тѣмъ, седьмая статья законопроекта, даже въ своемъ настоящемъ видѣ, сильно беспокоитъ католиковъ, такъ какъ, если правительство съумѣетъ ею воспользоваться, то можетъ приложить къ католикамъ такія мѣры, къ какимъ еще оно не прибѣгало и возобновить такіе законы противъ нихъ, какіе до сихъ поръ на практикѣ не прилагались. Нельзя ручаться, что статья эта навѣрно пройдетъ въ сенатъ, и еще менѣе вѣроятно, чтобы сенатъ принялъ поправку Мадье; можно навѣрно надѣяться только на то, что государство приобрететъ, наконецъ, окончательно отнимаемое отъ него клерикалами право выдачи ученыхъ степеней. Клемансо это неудовлетворяетъ, и весьма вѣроятно, что при обсужденіи законопроекта Ферри въ палатѣ, къ нему примкнетъ вся крайняя дѣва, какъ и въ вопросѣ объ амнистіи.

Относительно амнистии и въ особенности по вопросу о Бланки, трибунъ 18-го парижскаго округа высказался съ особенною страстностью, такъ что слушатели его вышли изъ аудиторіи съ полной увѣренностью, что въ день открытія засѣданій палаты неизбежно возникнетъ цѣлая буря. Наперекоръ такимъ ожиданіямъ, палата депутатовъ открылась 15-го мая самымъ мирнымъ образомъ; крайніе лѣвые не заявляли къ кабинету никакихъ претензій, и депутаты самымъ спокойнымъ образомъ приступили къ обсужденію стоявшаго на очередномъ порядкѣ законопроекта о главномъ штабѣ, возвращенномъ изъ сената въ палату.

Зато засѣданіе сената открылось шумно, благодаря пресловутому и неунимающемуся Шенлону, предсѣдателю главнаго католическаго комитета петицій, внесшему запросъ о томъ: почему государственный совѣтъ не торопится возвращеніемъ мѣсть преподавателямъ-хонгрегационистамъ, смѣщеннымъ префектами и замѣненными свѣтскими учителями? Интерпелляція Шенлона отличалась многорѣчиемъ и заявлялась имъ съ особенною торжественностью, но министръ Ферри, бывшій въ этотъ день въ удачѣ, въ двухъ-трехъ остроумныхъ словахъ совершенно сблизъ позиции своего противника. Не посчастливилось и Люсену Брену, задумавшему возражать министру. Автору запроса пришлось его взять назадъ изъ опасенія, чтобы, при его голосованіи, подъ знамя Ферри не сгруппировалось громаднаго сенатскаго большинства. Де-Гаварди, еще 8-го мая испросившій себѣ право интерпелляціи, почувавъ неблагоприятный вѣтеръ, хотѣлъ отъ него отказаться, но сенатъ заставилъ его говорить. Говорилъ онъ по поводу прокуратуры и судебныхъ перемѣнъ, но съ самаго начала своей рѣчи такъ запутался въ разныхъ грубостяхъ и нецѣлостяхъ, что вынужденъ былъ дважды просить, чтобы ему позволено было отложить окончаніе запроса до слѣдующаго дня. Когда сенатъ отказалъ ему въ этомъ и просилъ продолжать, не стѣняясь, то онъ еще болѣе смутился и высказалъ невозможный каламбуръ о «каменьщикахъ» и «франмассонахъ», чѣмъ заслужилъ общее посмѣяніе. Тогда онъ поторопился взять свой запросъ назадъ, не дожидаясь даже заявленія министра юстиціи, что онъ и впредь не намѣренъ стѣняться въ произведеніи самыхъ значительныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ персонала мировой юстиціи и прокуратуры. Эта двойная побѣда Ферри и де-Ройэ была побѣдою для всего министерства и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы предостереженіемъ клерикаламъ, чтобы они были сдержаннѣе въ представленіи своихъ необдуманныхъ запросовъ. Полная сосредоточенность въ вопросѣ о клерикализмѣ, нерѣзительность и индифферентизмъ во всемъ остальномъ — такъ можетъ быть характеризовано начало сессіи въ первые десять дней по ея открытіи, которое, по газетнымъ предсказаніямъ, должно было сопровождаться чуть не ураганомъ и неизбежнымъ министерскимъ кризисомъ.

Трибуны крайней лѣвой выказали, сверхъ ожиданія, столько

самообладанія, что, напримѣръ, Луи-Бланъ, приглашенный 18-го мая въ Труа (Troyes) на публичное собраніе, чтобы говорить въ пользу амнистіи, въ рѣчи своей скорѣе смягчилъ, нежели усилилъ идеи Клемансо. Точно также, высказывая недовольство противъ седьмой статьи законопроекта Ферри, Луи-Бланъ въ то же самое время заявилъ, что этотъ министръ заслуживаетъ благодарности за тотъ шагъ, какой онъ сдѣлалъ своимъ законопроектомъ, чтобы выйти изъ сферы «слабой и непослѣдовательной политики», за которую общественное мнѣніе обвиняетъ кабинетъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ тона его рѣчи: «Что касается до меня лично, то я считаю, что власть въ настоящее время находится въ рукахъ честныхъ и искреннихъ республиканцевъ; обвиняю же я ихъ только за то, въ чемъ я вижу причину всѣхъ ихъ ошибокъ, т. е. за слабость ихъ республиканской вѣры, за недостатокъ въ нихъ довѣрія къ непоколебимой прочности принципа, защита котораго составляетъ ихъ долгъ». На банкетѣ Обскихъ республиканцевъ онъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: «за здоровье имѣющихъ вѣру въ республику. Чтобы республика была упречена, первымъ условіемъ должна быть вѣра въ нее». Припомнивъ всѣ опасности и трудности, угрожавшія республикѣ чуть не ежеминутно уничтоженіемъ, онъ видитъ залогъ несокрушимости ея во Франціи въ томъ, что она пережила эти опасности. Онъ заявилъ твердую увѣренность, что республика, «возвращенная къ свободѣ», въ состояніи дать народу всю степень свободы, къ какой онъ только способенъ, что она станетъ работать и дастъ возможность всѣмъ работать въ видахъ великой цѣли «поднятія интеллектуальнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня, для просвѣщенія, счастья и усовершенствованія всѣхъ и каждого».

На слѣдующій же день по открытіи палаты, 16-го, государственный совѣтъ, несмотря на то, что составъ его еще весьма сомнителенъ, высказался за порицаніе папскаго посланія эвкскаго архіепископа, согласно конкордату и органическому закону X-го года. Обвиняя архіепископа въ «злоупотребленіи властью», совѣтъ въ приговорѣ своемъ усиливаетъ его значеніе еще тѣмъ замѣчаніемъ, что прелатъ, не только вмѣшавшійся въ распоряженіе правительства, но позволившій себѣ даже порицаніе его дѣйствій, заслуживалъ бы такимъ поступкомъ преданія его гражданскому суду, наказывающему подобныя дѣйствія изгнаніемъ по меньшей мѣрѣ на пять лѣтъ.

Депутатъ Устье въ Роны, гдѣ находится эвксское архіепископство, Локруа, по настоянію своихъ избирателей, долженъ былъ сдѣлать министерству запросъ о томъ, какъ оно думаетъ поступить съ матежнимъ прелатомъ, во-первыхъ, за его папское посланіе, во-вторыхъ, за то, что онъ называлъ «обезьянами» членовъ республиканскаго правительства и угрожалъ, что ихъ поразитъ «мстительная стрѣла», подобно тому, какъ она поразила Юліана Отступника, когда этотъ стойкій-императоръ считалъ себя побѣдителемъ христіанства, въ-третьихъ, за манифестацію, вызванную

по почину епископа въ средѣ подчиненнаго ему духовенства, поднесшаго ему адресъ, въ которомъ говорится, что «еслибы ему было выражено государственнымъ совѣтомъ порицаніе, то это послужило бы только къ вѣщей его славы и дало бы поводъ еще къ большему его почитанію со стороны его подчиненныхъ и паствы»; наконецъ, за діатрибу, лично произнесенную монсенъёромъ въ Шаторенарѣ при открытіи конгрегационистскаго училища, въ которой онъ забылся до того, что возгласилъ съ кафедры: «республиканскіе министры уже три мѣсяца жадно нажираются, но такъ какъ они неспособны ничего переварить, то и издохнуть отъ несваренія желудка, какъ *боросы*».

Докруа дождался сначала появленія и обнародованія приговора государственнаго совѣта, и только 19-го обратился къ министру съ своимъ вопросомъ, конечно, предварительно дружески, частнымъ образомъ переговоривъ съ нимъ объ этомъ. Такимъ образомъ, его остроумная рѣчь дала Лепэру возможность съ достоюлжною энергіей высказать тотъ твердый образъ дѣйствій, какому онъ намѣренъ слѣдовать противъ агитаціи клерикаловъ. Министръ сказалъ, что скоро должно наступить время для обсужденія великихъ вопросовъ о полной свободѣ ассоціаціи и отдѣленіи церкви отъ государства, но пока, при господствѣ конкордата, права государства и обязанности церкви должны быть обсуждаемы съ точки зрѣнія этого конкордата. Министерство твердо намѣрено заставитьъ духовенство уважать первыя и подчиняться послѣднимъ, хотя предшествовавшія правительства этого и не дѣлали. Республика не допускаетъ желательнаго для ультрамонтановъ различія между конкордатомъ и органическими законами; въ ея глазахъ они одинаково обязательны для французовъ. Если до сихъ поръ противъ духовенства употреблялись только дисциплинарныя мѣры, то этимъ правительство хотѣло безъ рѣзкости предупредить духовенство, что обстоятельства окончательно для него измѣнились. Въ видѣ перваго дружескаго предостереженія, министръ обратился съ официальнымъ письмомъ къ гренобльскому епископу, что онъ могъ бы подвергнуться осужденію въ злоупотребленіи властью; и такой мѣры было весьма достаточно, чтобы многіе въ епископовъ ограничились въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ законнымъ правомъ представленія петицій противъ законопроекта Ферри. Такъ, на примѣръ, реинскій епископъ, разсылая къ своимъ священникамъ текстъ петиціи для собиранія подписей, запретилъ имъ при этомъ читать этотъ текстъ въ проповѣди, напомнивъ имъ объ «абсолютной необходимости никогда не выходить, при исполненіи ихъ духовно-служебныхъ обязанностей, изъ тѣхъ границъ, въ какихъ обязываетъ ихъ пребывать правительство, благопаствы и важность существующихъ обстоятельствъ». Приговоръ совѣта противъ эвскаго архіепископа былъ необходимъ, такъ какъ епископъ позволилъ себѣ съ проповѣднической кафедрой и печатными объявленіями «приглашать къ возмущенію». Къ нему можно было бы тотчасъ же приложить 204-ю статью уголовного

кодекса, которая за подобный проступок полагает изгнание, «но, сказалъ министр:—я принялъ себѣ за правило и рѣшился идти по своему пути твердо, но съ тѣмъ благоразуміемъ, какого требуютъ подобные щекотливые предметы, и, кромѣ того, я не хотѣлъ встать въ рѣзкое противорѣчіе съ предшествовавшими мнѣ министрами исповѣданій. Я рѣшился двигаться шагомъ, такъ и иду, но, въ случаѣ надобности, съумѣю дойти до конца. Послѣ предостереженія явилось порицаніе за злоупотребленіе властью. Говорятъ, что такое наказаніе слишкомъ платоническое... Я этого не думаю; вы знаете, какъ отозвались на него клерикальные журналы. Я полагаю, что подобною мѣрою съ достаточно торжественностью водворилось дѣйствіе національныхъ законовъ Франціи, такъ долго остававшихся относительно клерикализма мертвою буквою. Это было напоминаніемъ, что они еще существуютъ и будутъ жить такъ же, какъ декларация 1682 года, конкордаты и органическія статьи, его сопровождающія. Что касается до случая въ Шаторенарѣ, произошедшаго въ то время, когда пастырское посланіе обсуждалось совѣтомъ, то, по словамъ министра, онъ не потерялъ ни минуты, чтобы собрать о немъ точныя свѣдѣнія, и тотчасъ же понялъ, что послѣ предостереженія и порицательнаго приговора, онъ долженъ былъ третій проступокъ предать судебному преслѣдованію. Слѣдствіе по этому дѣлу уже начато экской генеральной прокуратурой. «Если, сказалъ министр:—монсеньеръ дѣйствительно позволилъ себѣ такую прискорбную несдержанность языка, то онъ дастъ отчетъ въ этомъ передъ судомъ, на основаніи 204-й статьи уголовного кодекса. Адресы священниковъ экской, арльской и тарасконской епархій также будутъ подвергнуты преслѣдованію. Повѣрьте мнѣ, сказалъ министр:— что въ дѣлѣ мятежа духовенства этихъ епархій мы добьемся истины, и когда обнаружатся виновные, то они подвернутся законному возмездію».

Затѣмъ Лепэръ указываетъ на нелѣпный пріемъ, къ какому прибѣгаютъ клерикалы, выдавая себя за мучениковъ и гонимыхъ всякій разъ, когда имъ предлагаютъ только подчиниться закону. «Эго, однакоже, не заставитъ меня сойти съ пути, на который я всталъ. Девизъ мой на этомъ пути—благоразуміе и умѣренность, но въ тоже время и твердость; разумѣется, никакихъ провокацій, но за то, въ случаѣ надобности, и твердость безъ всякихъ послабленій».

Такимъ краснорѣчивымъ заявленіемъ Лепэръ возстановилъ въ парламентѣ свое положеніе, нѣсколько поколебленное, и далъ возможность твердо встать всему министерству на той почвѣ, на которой должна все болѣе и болѣе концентрироваться дѣятельность республиканскаго большинства въ обѣихъ палатахъ. Вы знаете, что вопросъ объ отношеніи церкви къ государству имѣетъ во Франціи капитальное значеніе, и если бы онъ былъ благополучно разрѣшенъ, то вслѣдъ за нимъ могло бы получить правильное и естественное разрѣшеніе въ смыслѣ свободы мно-

жество другихъ гражданскихъ и общественныхъ вопросовъ, чему до сихъ поръ препятствовали вѣчныя козны ультрамонтановъ. Но «черный призракъ», какъ и всякіе другіе, страшень только, пока его боишься; стѣдуетъ прямо пойти на него, и онъ разсѣется.

Поблагодаривъ Лепара и все министерство за твердость ихъ анти-клерикализма, Локруа, среди общихъ рукоплесканій лѣвыхъ, произнесъ: «въ нашей странѣ слышать изъ устъ министра съ трибуны заявленіе, что клерикалы не выше закона—явленіе совершенно новое. Будемъ надѣяться, что такое заявленіе не окажется платоническимъ. Будемъ надѣяться, что у насъ, наконецъ, появилось правительство, которое, не будучи палачемъ и не создавая мучениковъ, сумѣетъ поддержать законы, одни законы, но въ полномъ ихъ объемѣ».

Нѣсколько времени спустя, министръ народнаго просвѣщенія внесъ новый законопроектъ объ уничтоженіи такъ называемыхъ «lettres d'obédience», т. е. частныхъ позволеній духовнымъ производить первоначальное преподаваніе, на основаніи котораго всякіе дипломы и свидѣтельства на право преподаванія будутъ выдаваться всѣмъ безразлично послѣ опредѣленныхъ экзаменовъ. Докладъ Спюллера объ этомъ законопроектѣ уже составленъ и печатается; клерикальныя петиціи все въ большемъ и большемъ числѣ продолжаютъ поступать въ бюро обѣихъ палатъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ мы будемъ свидѣтелями рѣшительной битвы въ парламентѣ между церковью и государствомъ. Пока клерикалы дѣлаютъ все, чтобы обострить положеніе, и эксій архіепископъ уже успѣлъ сдѣлать двѣ новыя рѣзкія выходки противъ правительства.

Въ то время, когда общественное мнѣніе озабочено отѣной всякихъ наказаній для печати, Ле Ройэ, какъ нѣкогда Дюфору, пришла несвоевременная мысль выказать свое безпристрастіе въ дѣлѣ судебного преслѣдованія газетъ. Жалобы органовъ непримиримыхъ, что они одни подвергаются наказаніямъ, раздражили его и, находя необходимымъ снова предать суду одного изъ журналистовъ этой партіи, Лео Таксиля, за оскорбленіе господствующей религіи, онъ счелъ необходимымъ одновременно предать суду и Поля-де-Касаньяка за цѣлый рядъ статей его въ «Pays», исполненныхъ ненавистью и презрѣніемъ къ правительству. Предложеніе о разрѣшеніи отдачи подлѣ судъ жерскаго депутата было внесено въ палату въ засѣданіи 24-го мая. Касаньякъ въ этомъ засѣданіи, при пособіи вандейскаго представителя, Бодри д'Ассона, произвелъ цѣлую бурю. Предсѣдательствовалъ Гамбетта, которому пришлось прибѣгнуть противъ Бодри къ парламентской цензурѣ. Гамбетта выказалъ въ этомъ случаѣ столько же твердости и хладнокровія, сколько ихъ выказывалъ обыкновенно Греви, но, къ сожалѣнію, въ залѣ засѣданія былъ таея шумъ, что Гамбеттѣ не удалось разслушать дерзостей, какихъ успѣлъ наговорить Касаньякъ товарищу государственнаго секретаря Гобля, а слѣдовательно, не могъ и предотвра-

тять между ними столкновѣніа, окончившагося вызовомъ на дуэль.

Будемъ надѣяться, что эти два преслѣдованія по дѣламъ печати будутъ послѣдними и что палата и сенатъ согласится съ заключеніями доклада Анатоля де-ла-Форжа, т. е. преслѣдуетъ полная отиѣна всякихъ законовъ о печати.

III.

Открытие художественной выставки 1879 г.—Скульптурный отдѣлъ: Сара Бернаръ, Поль-де-Винь, Мерсье, Крауссъ, Антокольскій и т. д.—Импрессионисты и независимые.—Портреты Бастьена Лепаже, Кароляса Дюрана и Бонна.—Картинны Семпрадсаго, Хельмонсаго и другихъ.—Леху.—Театральныя новости и «Искра» Пайльерона.—Скандалъ по поводу вступленія Анри Мартена въ академію.

«Теплый, или, какъ его въ старыя годы прозвали поэты, душистый и «благоуханный» май—для Парижа какой-то мнѣ. Я, по-крайней-мѣрѣ, за цѣлые 20-ть лѣтъ не запомню сколько-нибудь сноснаго мая. Но никогда въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая не было въ Парижѣ такъ сыро и холодно, не шло столько дожда, не выглядывало такъ рѣдко солнце, какъ въ настоящемъ году. Послѣднее обстоятельство обусловило собой даже то, что обычная наша ежегодная художественная выставка, постоянно открывавшаяся 1-го мая, запоздала своимъ открытіемъ до 12-го, такъ какъ пришлось для правильнаго размѣщенія картинъ ждать сколько-нибудь свѣтлыхъ дней.

Никогда еще количество выставленныхъ предметовъ на этой выставкѣ не было такъ велико, какъ въ этотъ годъ. Въ каталогѣ ихъ насчитывается 5,995 нумеровъ, хотя множество плановъ и проектовъ общественныхъ зданій въ него не внесено. Каталогъ этотъ, заключающій въ себѣ неопозволительно краткія объясненія художественныхъ произведеній, ограничивающіяся чуть не однимъ названіемъ, да именовъ художника, представляетъ собою объемистый томъ въ 535 страницъ мелкаго шрифта. Эта выставка уже не представляетъ собою «салона», какъ мы обыкновенно эти выставки называемъ, а скорѣе является какой-то артистической армаркой.

Республиканское вѣдомство изящныхъ искусствъ отдало подъ помѣщеніе выставки большее количество залъ дворца промышленности Елисейскихъ Полей, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Но многочисленность выставленныхъ предметовъ вредитъ самой выставкѣ, вниманіе посѣтителей слишкомъ разбрасывается въ этой массѣ произведеній, большею частью ниже посредственности—и въ результатѣ чувство недовольства. Выставка на-

стоящего года вообще бѣдна хорошими произведеніями; я опасаюсь, что нашему національному искусству она не дастъ ничего.

Даже скульптурный отдѣлъ—весьма плохъ, между тѣмъ, какъ въ этой отрасли искусства мы постоянно прогрессируемъ въ послѣдніе годы. Очень можетъ быть, что слѣдшія работы для недавней всемірной выставки повліяли въ этомъ смыслѣ дурно, отнявъ у нашихъ скульпторовъ много времени на лѣпку различныхъ украшеній и изваяній, украшавшихъ выставочные дворцы и сады. Большинство скульптурныхъ работъ настоящей выставки составляютъ бюсты и медалионы современныхъ дѣятелей — и почти всѣ одинаково банальны. Два бюста, между прочимъ, принадлежатъ рѣзцу извѣстной артистки Сары Бернаръ, но такъ какъ ей доступны разныя области искусства, то друзьямъ слѣдовало бы ей посоветовать совершенно оставить скульптуру.

Посреди парка дворца промышленности, гдѣ обыкновенно размѣщаются скульптурныя произведенія, возвышается громадный бронзовый памятникъ садоводу Луи ван-Гутту, работы бельгійскаго скульптора Поля де-Виня. Статуя большого размѣра, изображающая собою славу или природу, вынимаетъ изъ широкихъ складокъ своей тунники лавровый вѣнокъ для увѣнчанія чела изобрѣтателя разновидностей тюльпана. Къ сожалѣнію, вмѣсто цѣлой фигуры ван-Гутта, на высокомъ пьедесталѣ помѣщается одна его голова, значительно увеличеннаго размѣровъ, лицо же садовода отличается пошлѣйшимъ выраженіемъ мелочнаго лавочника, что придаетъ памятнику до-нельзя непріятный и комическій характеръ.

Знаменитый Мерсье выставилъ весьма удачную фигуру Франсуа Араго, говорящаго рѣчь, статую, назначенную для украшенія одной изъ площадей города Перпиньяна. Другая его работа—памятникъ Мишле, или, правильнѣе сказать, скульптурная часть памятника, такъ какъ, по проекту памятника, надъ могилой Мишле будутъ насажены цвѣты и деревья и устроенъ фонтанъ. Скульптурная композиція памятника состоитъ изъ двухъ фигуръ: самого историка, сидящаго за послѣднимъ своимъ манускриптомъ, и изъ рукъ его выпадаетъ перо, и изъ фигуры Исторія, пишущей надъ гробницей слѣдующія слова: «исторія есть воскресеніе мертвыхъ». Голова Мишле отличается поразительнымъ сходствомъ, а фигура Исторіи чрезвычайно граціозна. Въ общемъ—памятникъ будетъ вполне достоинъ автора «Птиць» и «Среднихъ вѣковъ», но для автора «Народа» и «Французской революціи», едва ли онъ не грѣшитъ своею изысканностью.

Одинъ изъ учениковъ Прадье, Крокъ, выставилъ колоссальный фонтанъ изъ двухъ тритоновъ, поддерживающихъ четырьмя руками огромную чашу-раковину. Произведеніе это чрезвычайно эффектно, хотя и заставляетъ сожалѣть, что такъ много труда и таланта потрачено на такой собственно пустой предметъ, какъ фонтанъ. Извѣстный ученикъ Жоффруа, Рене де-Сен-Марсо, выставилъ «Генія смерти», фигура котораго восхищаетъ знато-

ковъ всей анатомической правильностью и тою жизненностью, каковой она исполнена: она чуть не дышетъ.

Ученикъ знаменитаго Рюда, Шатрусъ, очень удачно изобразилъ промышленность въ видѣ сильной и мощной работницы съ сильными и грубыми чертами лица. Вы видите передъ собою женщину, созданную производить; у такой матери дѣтей должно быть безъ счета... Само собой разумѣется, это—промышленность производящая, а не наживающаяся.

Въ качествѣ промышленности наживающейся, можетъ фигурировать бюстъ знаменитаго депутата Сены-в-Марны, экономиста, пропагандиста налога на капиталъ и получившаго всемирную извѣстность въ качествѣ шоколаднаго фабриканта, Менье. Бюстъ высѣченъ изъ превосходнаго бѣлаго мрамора и поставленъ на доколѣ изъ цвѣтнаго, по сторонамъ котораго находятся изображенія науки и промышленности. Говорятъ, что это—подарокъ рабочихъ своему патрону. Бюстъ сдѣланъ скульпторомъ Каррье-Беллѣзомъ. Другая работа этого самого скульптора представляетъ громадный надгробный памятникъ дону Хозе Саб-Мартина, положившаго начало независимости Перуанской и Чилийской республикъ. Это громадный памятникъ, украшенный гигантскими фигурами свободы, торговли, мореплаванія и земледѣлія. Памятникъ этотъ чрезвычайно эффектенъ издали, но вблизи представляетъ много погрѣшностей.

Казалось бы, что послѣ Гудона скульпторамъ не слѣдовало бы браться за изображение Вольтера. За такую попытку, однако, взялся Кайлле и вышелъ побѣдителемъ. Его колоссальный Вольтеръ ему вполне удался и даже улыбка мыслителя мало чѣмъ уступаетъ улыбкѣ гудоновскаго Вольтера. За то скульптору Фальгьеру совершенно не удалась колоссальная статуя святаго Винченца де-Поля. Она высѣчена изъ сѣрватаго мрамора, и святой изображенъ держащимъ на рукахъ двухъ нагихъ мальчонъ, но выраженіе его лица нетолько не носитъ никакого отпечатка святости, но исполнено самаго отвѣсденнаго плутовства. Въ pendant къ этой статуѣ можетъ служить помѣщающаяся вблизи громадная фигура аббата Рея, основателя исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ. Онъ изображенъ схватившимъ за руку молодого преступника, но глядитъ на него съ выраженіемъ лица полнѣйшаго и окончательнаго идиота. Вообще религиозныя скульптурныя работы, замѣнившія въ наше время мѣтеологическія статуи и рѣдко кому удающіяся, на настоящей выставкѣ особенно плохи, за исключеніемъ крошечной фигурки изъ золота и бронзы Фремье: св. Михаилъ, поражающій дракона, замѣчательнъ по тонкости работы и изяществу выполненія. За то вашъ соотечественникъ Антокольскій, выставившій голову Іоанна Крестителя на блюдѣ, вмѣстѣ съ ножомъ, которымъ она была отсѣчена и бѣльемъ, въ которомъ ее принесли, не выказалъ особой художественной чуткости. Впечатлѣніе, производимое этою головою, трудно передать словами, до того оно

тяжело, неприятно и возмутительно. Не удалась нашимъ скульпторамъ на настоящей выставкѣ и барельефныя работы: такъ напр. барельефы въ бронзированной платины Богино, высѣченные для пьедестала памятника Марс-ла-Тура и изображающіе два эпизода сраженій.

Такимъ образомъ, при преобладаніи въ скульптурномъ отдѣлѣ плохихъ произведеній надъ хорошими, приходится отдыхать душой, если встрѣтишь что-нибудь мало-мальски сносное, и я совершенно понимаю, почему публика съ такимъ удовольвіемъ толпится передъ мраморнымъ изображеніемъ Шарля Корды красивой свѣтской жевщины, лежащей въ прихотливой позѣ на канapé. Фигура очень красива, а выполненіе до нельзя изящно.

Переходя къ картинамъ, я остановлю ваше вниманіе прежде всего на трехъ картинахъ священнаго содержанія кисти Дюэза, бывшаго импрессиониста, изображающихъ житіе св. Кютберта. Что могло заставить Дюэза взяться за такой сюжетъ, трудно понять, но нельзя не сознаться, что художникъ-реалистъ сумѣлъ съ изумительной простотой, напоминающей наявность старинныхъ мастеровъ, выполнить извѣстную легенду о католическомъ святомъ VII вѣка и при томъ выказать чрезвычайное мастерство, какъ пейзажистъ. Кромѣ пейзажа, на одной изъ трехъ картинъ весьма замѣчательно изображеніе прелата въ полномъ облаченіи прежняго времени. Эта фигура сама по себѣ могла бы быть весьма цѣнной картиной архаическаго характера.

Другой импрессионистъ и послѣдователь Курбэ, или вѣрнѣе дурныхъ сторонъ манеры этого художника, Манэ, надѣлавшій нѣкогда столько шуму однимъ изъ своихъ портретовъ (Von Bock), доставилъ на выставку двѣ картины: «Въ лодкѣ» и «Въ оранжереѣ». Въ первой изъ нихъ чудовищный колоритъ и нѣтъ рѣшительно перспективы, такъ что недоумѣваешь, гдѣ кончается вода и начинается небо, на второй написанъ господинъ, обловотившійся на садовую скамейку, на которой сидитъ дама. Деревья на этой картинѣ самыхъ невѣроятныхъ цвѣтовъ, точно такъ же, какъ и платье обѣихъ фигуръ. Очевидно, цвѣта эти рассчитаны на эффектъ, но такъ же неудачно, какъ въ первой картинѣ Манэ неудачны тоны воды и неба.

Такими же неудачными тонами воды и неба отличается и картина марсельскаго художника Александра Брюна: «Ловля рыбы», и мнѣ случилось видѣть нѣсколько дней назадъ въ другомъ мѣстѣ, т. е. на четвертой художественной выставкѣ независимыхъ (Indépendants), несравненно болѣе удачную попытку въ томъ же родѣ, т. е. въ смыслѣ передачи воды и неба въ освѣщеніи: это именно картина Кайллебота, на которой изображены лодочники, плывущіе вверхъ по Сейнѣ, въ полдень яркаго знойнаго дня. Когда вы глядите на эту картину, то вамъ становится жутко отъ ея горячаго тоновъ, и вы понимаете, почему лица лодочниковъ представляются такими страдальческими. Кстати сказать, на этой какъ бы неофициальной выставкѣ я видѣлъ около десятка

весьма недурныхъ произведеній гг. Лебура, Кольса, Руара, Пизарро, Бракамона, Клода Монэ и Дегаса, которыя были бы замѣтны и на выставкѣ Елисейскихъ Полей. Но дѣло въ томъ, что поименованные художники опасались отказа въ принятіи ихъ со стороны официальныхъ жюри, не очень то благоосклонно относящихся къ той школѣ, которая, ради оригинальности и вѣрной передачи природы съ новыхъ сторонъ, не стѣсняется никакими принятыми въ искусствѣ условіями и не гонится за тѣмъ, чтобы нравиться присяжнымъ знатокамъ и дѣятелямъ.

Арманъ Готье, тоже реалистъ, достигшій извѣстности чуть ли не раньше Курбэ, но весьма рѣдко дающій свои произведенія на выставки, на этотъ разъ доставилъ ихъ два: портретъ оперной танцовщицы, весьма удачный, и «Республику», изображенную въ томъ видѣ, въ какомъ характеризовалъ ее Барбье въ своихъ ямбахъ, т. е. въ видѣ «гнѣвной дѣвственницы, дочери Бастиліи». Разумѣется, эта республика нисколько не напоминаетъ нашу существующую всепримиряющую республику, обращающую враговъ въ своихъ чиновниковъ, но это нисколько не мѣшаетъ мастерски написанной фигурѣ Готье производить сильное впечатлѣніе. Бастьенъ Лепажъ, тоже извѣстный реалистъ, выставилъ двѣ картины: «Осенняя пора» и «Портретъ Сарры Бернаръ». «Осенняя пора» изображаетъ двухъ крестьянокъ, снятыхъ выкапываніемъ картофеля среди великолѣпнаго осенняго пейзажа. Портретъ Сарры Бернаръ безподобенъ какъ по сходству, такъ и по правдѣ выполненія. Оба эти полотна свидѣтельствуютъ, что Бастьенъ Лепажъ, не смотря на то, что еще довольно молодъ, долженъ быть поставленъ въ средѣ первѣйшихъ современныхъ художниковъ.

Карольсъ Дюранъ своимъ портретомъ графини В., одѣтой въ бѣлое атласное платье и мѣховую шубку, поддержалъ свою, весьма извѣстную, репутацію одного изъ лучшихъ великосвѣтскихъ портретистовъ, не имѣющаго себѣ соперниковъ въ мастерской рисовки мѣховъ и тканей. Лучшимъ же изъ всѣхъ портретовъ выставки слѣдуетъ признать производящій рѣшительный фуроръ портретъ Виктора Гюго — Бонна. Поэтъ изображенъ въ креслѣ, облокотившись на Илліаду Гомера и со взоромъ, устремленнымъ на зрителей. Нѣкоторые находятъ, что лицу поэта придана слишкомъ сильная окраска, но Викторъ Гюго бываетъ именно такимъ при вечернемъ освѣщеніи въ своемъ салонѣ, гдѣ онъ принимаетъ друзей. Живописецъ-классикъ непремѣнно изобразилъ бы автора «Грознаго года» болѣе блѣднымъ, но Бонна написалъ его такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, и портретъ отъ этого только выигралъ въ своемъ сходствѣ, выразительности и жизни. Можно положительно предсказать, что всѣ лучшія будущія изданія сочиненій величайшаго французскаго поэта XIX столѣтія будутъ украшаться снимками именно съ этого портрета.

Переходя отъ портретовъ къ исторической живописи, упомяну

прежде всего о двух картинах средней величины варшавскаго художника Осипа Хельмонскаго: «Сцена на украинскомъ рынкѣ» и «Запряжка». Колоритъ обѣихъ нѣсколько мраченъ, но въ картинахъ много движенія и написаны онѣ очень сильно. Людскіе типы для насъ нѣсколько непривычны, но лошади поразительно хороши, а бѣгущая вскачь борзая — просто живая. Другой варшавскій художникъ, уже хорошо извѣстный Парижу, Семирадскій, выставилъ на этотъ разъ сельскую сцену изъ старой итальянской жизни на виллѣ, расположенной на цвѣтущемъ берегу Средиземнаго Моря. Произведеніе это исполнено необычайной граціи, письмо ея превосходно; а вырисовкѣ деталей могъ бы позавидовать самъ Жеромъ. Лучшей ея похвалой можетъ быть то, что она, изображая давно минувшее, тѣмъ не менѣе остается вполне реальной, чего ужъ никакъ нельзя сказать о картинѣ Бугеро: «Рожденіе Венеры», около которой собираются съ восхищеніемъ всѣ, увы, уже не многочисленныя, почитатели академическихъ традицій и рутинны. Признаюсь, во мнѣ она не возбуждала не только восхищенія, но я просто боялся расколоться, чтобы не оскорбить этимъ моихъ сосѣдей. Нагая Венера изображена весьма хорошенькой женщиной, стоящей въ раковинѣ и такъ тщательно разчесывающей свои бѣлокурые волосы, какъ будто бы она стояла передъ зеркаломъ. Снизу, изъ слегка колеблющихся волнъ, съ одной стороны любитъ на нее тритонъ, а съ другой — смотреть цѣлая группа наядъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ дамы извѣстнаго сорта смотрятъ изъ лежи на дебиутантку танцовщицу. Еще ниже, морской дельфинъ пускаетъ очевидно въ ея честь тождественный фонтанъ. Такииъ устарѣлымъ и нелѣпымъ сюжетами, по моему, давно слѣдовало бы окончательно перейти съ полотна на фарфоръ десертныхъ тарелокъ, гдѣ они были бы гораздо болѣе уместны.

Тоже самое можно сказать и о «Захваченной Діанѣ» Жюля Лефебра. Становится жаль употребленнаго имъ труда и таланта на попытку изображенія миеологическихъ купальщицъ, снятыхъ съ сенскихъ прачекъ. Что же касается большой картины Роля «Праздникъ Силена», то она недостойна даже чести красоваться на фарфоровыхъ тарелкахъ, а уместна была бы развѣ только на обыденныхъ фаянсовыхъ. Просто не вѣришь своимъ глазамъ, что тотъ же самый художникъ, два или три года назадъ, умѣлъ изобразить съ такимъ драматизмомъ «Сцены наводненія», доставившія ему общую извѣстность. Столь опасны миеологическіе сюжеты и изображенія голыхъ женщинъ, даже и талантливымъ художникамъ. Во всей картинѣ только и отдыхаешь, что на красномъ носѣ Силена, да на добродушной фигурѣ осла, на которомъ онъ сидитъ.

Молодой художникъ, получившій на одной изъ предшествовавшихъ выставокъ главную премію по четыре тысячи франковъ на три года для артистическаго путешествія, Леху, доставилъ на выставку Іоанна Крестителя — картину, представляющую

собой странную смѣсь натурализма и мистіцизма. На первомъ планѣ вы видите рѣку съ купающимися въ ней обыкновенными здоровыми деревенскими парнями, но за то изъ глубины по извилистой тропинкѣ идетъ совершенно особенный купальщикъ, сразу останавливающий на себѣ ваше вниманіе, такъ какъ на немъ, вмѣсто шляпы, надѣтъ мѣдный кружокъ; меня пытались увѣрить, что это сіяніе...

Какъ на всякой періодической выставкѣ должна находиться какая-нибудь большая символическая картина, которую правительство обыкновенно въ память выставки покупаетъ для котораго нибудь провинціального музея, и на настоящей находится такая. Принадлежитъ она кисти г. Эрмана; но хотя она громадна по величинѣ, однако до того негѣла и ничтожна по замыслу и исполненію, что я считаю лучшимъ о ней ничего не говорить.

Изъ краткаго моего перечня вы видите, что на настоящей выставкѣ весьма мало чего-либо, сколько-нибудь замѣчательнаго; я впрочемъ, осмотрѣлъ ее еще не всю, но вернусь къ ея описанію въ такомъ только случаѣ, если встрѣчу что нибудь такое, что будетъ этого стоить.

О театрахъ, сезонъ которыхъ въ маѣ обыкновенно оканчивается, я не имѣю сообщить вамъ ничего особеннаго. Говорятъ, что сезонъ былъ благопріятенъ для директоровъ театровъ въ смыслѣ сборовъ, но, какъ я говорилъ уже не однажды, онъ не много обогатилъ сцену или вообще драматическое искусство. Въ самое недавнее время, въ Большой Оперѣ, въ «Дон-Жуанѣ», дебитировалъ баритонъ Буги. Въ нѣжно-мелодическихъ мѣстахъ своей партіи онъ выше Лассалля, но далеко ниже Фора. За то въ мѣстахъ, требующихъ драматизма, онъ довольно слабъ и г-жа Краусъ, въ сценахъ, гдѣ они вмѣстѣ, его совершенно подавляла. Паделу хотя и окончилъ свои народные концерты, но, по требованію публики, долженъ былъ исполнять въ зимнемъ циркѣ три раза сразу весь первый актъ «Лоэнгина» Вагнера. Сегединская катастрофа подала поводъ къ цѣлому ряду концертовъ въ австрійскомъ посольствѣ, въ Трокадерскомъ Дворцѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ кружкахъ, на которыхъ, кромѣ многихъ знаменитостей, переучаствовало множество дилетантовъ-исполнителей всевозможныхъ національностей и, что самое главное, собраны весьма значительныя суммы въ помощь пострадавшимъ. Съ той же благотворительной цѣлью готовится въ весьма широкихъ размѣрахъ фестиваль въ Большой Оперѣ.

На театрѣ Шатоде, послѣ успѣха «Гоша», появилась новая патріотическая мелодрама «Жанъ Бюдайлъ», успѣха не имѣвшая. Театръ Шатло послѣдовалъ его примѣру, возобновивъ военную драму Мишеля Массона «Старшіе сыны республики», тоже безъ особенной удачи. Болѣе удачно было возобновленіе на театрѣ Кювни патріотической драмы Делабулэ «Четыре ла-Рошельскіе сержанта», запрещенную къ представленію съ 1831 года. Драма эта весьма наивна, но массѣ народа нравится. Новый

«Театръ Націй», о которомъ я вамъ писалъ въ прошлый разъ, началъ представленія иностранныхъ переводныхъ произведеній съ «Розамунды», Альфьери и «Крѣвническихъ богачей», Коцебу, но ни та, ни другая пьеса публикѣ не понравились, и, до присканія новыхъ переводныхъ пьесъ, на сценѣ этого театра репетируютъ драму Поля Фуше «Соборъ Парижской Богоматери», съ развязкой, передѣланной Полемъ Мѣрисомъ, согласно съ развязкой романа Гюго.

Артисты театра Французской Комедіи, который будетъ къ первому іюня закрытъ для нѣкоторыхъ передѣлокъ, собираются всѣмъ своимъ составомъ въ Лондонъ для лѣтнихъ представленій.

Чтобы проститься съ Парижемъ, какъ слѣдуетъ, они поставили новинку, имѣвшую огромный успѣхъ, и которая надолго останется въ репертуарѣ. Новинка эта — небольшая одноактная пьеска въ прозѣ, Эдуарда Пайльерона «Искра», но она такъ художественно написана, что за нее безъ сожалѣнія можно отдать цѣлый десятокъ новыхъ драмъ и комедій нынѣшняго сезона. Въ ней всего навсе три лица и, по сюжету, она не нова послѣ известной пословицы Альфреда де-Мюссе «Съ любовью не шутятъ»; но, впродолженіи часа, который она продолжается, интерес публики не ослабѣваетъ ни на минуту, языкъ же пьесы живъ, блестящъ, остроуменъ и въ то же время, какъ нельзя болѣе, естественъ. Разыгрывается она Делонэ и г-жами Круазетъ и Жанной Самари — превосходно. Содержаніе ее весьма просто: молодой капитанъ главнаго штаба Рауль де-Лансэ, желающій жениться на воспитанницѣ своего дяди, генерала де-Ринальда, является въ домъ къ ея крестной матери и, вмѣсто того, чтобы заронить искру любви въ душѣ молодой дѣвушки, производитъ эту исторію съ ея матерью, самъ, въ свою очередь, воспламеняется и... женится, вмѣсто крестной дочери, на матери.

Если намъ не удалось въ концѣ сезона увидать на какой-либо изъ парижскихъ сценъ такъ-называемой высокой комедіи, то намъ пришлось быть свидѣтелями, подъ конецъ мая, житейской комедіи или, лучше сказать, видѣть двѣ ея репетиціи, такъ какъ постановка ея на сценѣ яко бы серьезнѣйшаго французскаго учрежденія, а именно «Академіи», не удалась.

Я говорю о громадномъ скандалѣ, долженствовавшемъ произойти при торжественномъ приѣмѣ нашего извѣстнаго историка Анри Мартена. По издавна заведенному и торжественному обычаю, каждый вступающій академикъ обязанъ на публичномъ собраніи произнести рѣчь въ честь памяти того «безсмертнаго», мѣсто котораго онъ заступаетъ. На такую рѣчь ему отвѣчаетъ кто-либо изъ академиковъ, по очереди. Анри Мартенъ — республиканскій сенаторъ и національный историкъ и вступаетъ на ваканцію, образовавшуюся послѣ смерти Тьера. Случай закотѣлъ, чтобы очереднымъ академикомъ, долженствовавшимъ ему отвѣчать, сталъ Оливье, хорошо извѣстный публикѣ своимъ своеобразнымъ ли-

берализмомъ, обусловившимъ плебисцитъ 1870 года, и «легкимъ сердцемъ», съ какимъ онъ привѣтствовалъ начало страшной трагедіи — франко-прусской войны. Оливье, сверхъ того — личный врагъ Тьера, похвала котораго въ отвѣтной рѣчи для него обязательна. Конечно, Оливье можно было, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, отстранить отъ предстоявшей ему обязанности, но слѣпое, со стороны нѣкоторыхъ академикомъ, а можетъ быть и злостное уваженіе къ регламенту со стороны другихъ, привело дѣло къ тому, что и Анри Мартенъ, и Оливье, оба, самымъ серьезнымъ образомъ написали свои рѣчи и, мало того, онѣ были прочитаны въ академической комиссіи. Первое это чтеніе привело къ тому, что академики посоветовали авторамъ сдѣлать измѣненія рѣзкихъ мѣстъ въ ихъ рѣчахъ, на что оба они и согласились. Наконецъ, 22-го мая назначено было полное собраніе академической комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Жюля Симона, для провѣрки, въ присутствіи авторовъ, произведенныхъ ими, по указанію комиссіи, измѣненій. И только тогда комиссія увидала, что Оливье нельзя рѣшительно допустить говорить публично отъ имени академіи, такъ какъ въ его рѣчи попадаются мѣста въ родѣ слѣдующаго, гдѣ онъ такъ говоритъ о дѣятельности Тьера въ 1870 году: «вмѣсто того, чтобы стремиться къ уничтоженію правительства Наполеона III, въ подражаніе дѣйствіямъ Лафайета въ 1815 году, г. Тьеру слѣдовало бы лучше стать подражателемъ Карно, какъ поступилъ старый Шангарнье!» При чтеніи этого мѣста, ближайшій другъ Тьера, Манье, вышелъ изъ себя, какъ юноша, точно такъ же, какъ и Дюфоръ. Жюль Симонъ воскликнулъ въ недоумѣніи: «и такъ вы не желаете измѣнить этой фразы?» На что Оливье, вытанувшись во весь ростъ, отвѣчалъ: «не говорите, что я не желаю, а скажите, что я не могу этого сдѣлать. Я дошелъ до послѣднихъ границъ возможныхъ уступокъ, я обязанъ исполнить долгъ моего сознанія и, несмотря на мое живѣйшее желаніе вызвать одобреніе моихъ сотоварищей, я не измѣню больше ни одной строки въ моей рѣчи». Послѣ такого отвѣта, комиссія разсудила, что ей ничего не остается, кромѣ созванія академиковъ въ полное засѣданіе, для разрѣшенія этого дѣла между нею и Оливье. Дѣло это еще не кончилось въ ту минуту, когда я пишу эти строки, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что рѣшеніе будетъ противъ Оливье и что торжественное собраніе академіи для приѣма Анри Мартена, назначенное на 29-е мая, будетъ отложено. Во всякомъ случаѣ, придется просматривать и измѣнять весь академическій регламентъ для того, чтобы стало возможнымъ почтить публичною похвалою память замѣчательнаго чловѣка, окончившаго свою дѣятельность основаніемъ третьей французской республики, и чтобы она не была оскорблена и загрознена безстыдными обвиненіями версальскаго бонапартиста!

Людоевъ.

Парижъ, 28-го мая 1879 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 году. *Евг. Утина*. Спб. 1879.

Война за освобожденіе все болѣе и болѣе отодвигается въ прошлое, въ исторію, но интересъ къ ней до сихъ поръ живъ и свѣжъ въ нашемъ обществѣ. Причина понятна. Если вообще война является для государствъ и народовъ «судомъ Божиимъ», на которомъ каждому воздается по дѣламъ его; если въ фазисахъ и результатахъ всякой войны съ особенною рельефностью обнаруживаются всѣ тѣ сильныя и слабыя стороны государственнаго строя и народнаго характера, которыя въ обыкновенное время ускользаютъ отъ вниманія наблюдателя, то война 1877 года отличается этими обличительными свойствами по преимуществу. Эта война, какъ-ни-какъ, была войною за идею, а ничто не способно такъ расшевелить общественную критику и общественное самосознаніе, какъ стремленіе къ одной общей цѣли, отличающейся къ тому же свойствами не матерьяльнаго характера. Съ другой стороны, уроки войны, уроки исторіи, доставившіе общественной мысли такую обильную пищу, въ непосредственно практическомъ смыслѣ не привели, кажется, ни къ какому положительному результату. Что было, то и есть, чѣмъ было, тѣмъ и осталось. Внѣшняя цѣль войны, вполнѣ или отчасти, достигнута; мы внесли въ жизнь единоплеменнаго съ нами народа новыя и, надо надѣяться, благотворныя начала, но успокоиться на этомъ общество, конечно, не можетъ, по весьма понятному и весьма здоровому чувству или инстинкту. Какъ ни привыкли мы жить въ своей *хатѣ съ краю* и не выносить изъ нея сору, но разъ этотъ соръ выметенъ на свѣтъ Божій вихремъ историческихъ событій, помимо нашей воли и, быть можетъ, помимо даже желанія, необходимо разобратъ въ немъ и дѣло это—дѣло неотложное. Тутъ нельзя даже сказать—«послѣ насъ хоть потопъ», потому что не нашимъ потомкамъ, а намъ, именно намъ, приходится жить этому, такъ сказать, засоренною жизнью.

Общество наше, повторяемъ, повидимому хорошо сознаетъ это, и потребность выяснитъ—насколько серьезны и дѣйствительны обнаруженныя войною разныя прорухи въ нашемъ быту, случайны и временны онѣ, или, напротивъ, постоянны и, такъ сказать, органичны—эта потребность чувствуется очень живо и

сильно. Ничто не может быть законнѣе этой потребности, и литература наша, по силѣ возможности, разумѣтся, спѣшитъ удовлетворить ей. Одинъ уже фактъ организаціи (спѣшной и поэтому неудовлетворительной — дѣло не въ томъ) корреспондентскаго дѣла доказываетъ это какъ нельзя лучше. По разнымъ причинамъ, однакоже, внѣшнимъ и внутреннимъ, общимъ и личнымъ, огромное большинство нашихъ корреспондентовъ и вообще людей, писавшихъ и пишущихъ о недавней войнѣ нашей, обращало свое вниманіе почти исключительно на фактическую сторону событий. Напрасно было бы искать у нихъ той требовательной, разумной и, если такъ можно выразиться, *безоцѣлочной* критики дѣлъ и дѣятелей, которую мы находимъ въ описаніяхъ и разсказахъ иностранцевъ. Изъ этого печальнаго общаго правила г. Утинъ и его «Письма» составляютъ, по *своему характеру*, довольно замѣтное исключеніе. Г. Утинъ — не столько повѣствователь и еще того менѣе воспѣватель и бардъ, какими являлись другіе наши военные корреспонденты, сколько критикъ и публицистъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Насколько глубока эта критика — это другой вопросъ. Но дѣло въ томъ, что она стоитъ на совершенно опредѣленныхъ основаніяхъ. Авторъ «Писемъ» знаетъ, чего онъ хочетъ; у него есть извѣстный критерій, съ которымъ онъ и обращается къ фактамъ для ихъ оцѣнки, и есть способность соотносить факты къ одному общему началу, возвышаясь, такимъ образомъ, надъ всѣмъ случайнымъ, единичнымъ и личнымъ. Авторъ отправился на театръ войны, если не съ готовыми взглядами (хотя онъ иногда и не свободенъ отъ предвзятости), то съ вполне опредѣленными *ожиданіями*, которыя, какъ онъ доказываетъ, и оправдались на дѣлѣ. Потому онъ не глядѣлъ простодушно, а выбиралъ явленія, сортировалъ и анализировалъ ихъ. Другое обстоятельство, выгодно отличающее г. Утина отъ его сотоварищей, заключается въ той относительной независимости, съ какою онъ подходилъ къ явленіямъ, не въ умственной только, но и въ нравственной независимости и смѣлости. Если онъ не называетъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда называетъ вещи ихъ собственными именами — это не его вина; но что въ немъ, безъ всякаго сравненія, меньше, нежели въ остальной братіи, всякаго рода «страха іудейска» — это его заслуга. Вся книга г. Утина производитъ очень цѣльное впечатлѣніе — впечатлѣніе живой, сознательной и убѣжденной рѣчи.

Но этимъ и исчерпываются достоинства и значеніе книги г. Утина. Достоинства эти немаловажны, но все-таки относительны, и значеніе книги г. Утина — значеніе Θомы на безлюдь. Взятая сама по себѣ, безъ сопоставленій съ разными «Годами войны» и т. п., книга г. Утина легко можетъ не удовлетворить читателя. Дѣло въ томъ, что критерій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеалъ г. Утина формулируются однимъ словомъ: «Европа». Европейскіе нравы, европейскія учрежденія, европейскіе порядки и при-

вычки—вотъ альфа и омега всѣхъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній автора. Его задача, такимъ образомъ, въ теоретическомъ смыслѣ, была проста и удобна; вооружившись обычнымъ европейскимъ трафаретомъ, авторъ свелъ свою критику на простую, почти механическую подгонку подъ этотъ трафаретъ всѣхъ встрѣчавшихся ему явленій. Въ силу этого, когда анализируемъ авторомъ явленія имѣли по своему содержанию обще-европейскій характеръ, его механически-сравнительный методъ былъ умѣстенъ и приводилъ, вообще говоря, къ результатамъ, противъ которыхъ было бы трудно спорить. За то въ другихъ случаяхъ, когда оригинальная и самобытная сущность явленій естественно требовала для себя анализа болѣе глубокаго, опирающагося на самостоятельныя данныя — г. Утинъ оказывался вполне несостоятеленъ. Г. Утинъ могъ быть вполне убѣдительно и доказателенъ, когда, рассматривая, напримѣръ, различныя стороны нашей военной организаціи — военно-медицинское управленіе, интендантство, штабъ и т. д.—онъ довольствовался различными параллелями и указаниями на западно-европейскіе образцы. Но говоря, напримѣръ, о нашемъ солдатѣ, за которымъ авторъ, вслѣдъ за другими, признаетъ всѣ права на уваженіе, г. Утинъ ограничивается характеристикой, сдѣланной относительно солдата какимъ-то русскимъ генераломъ: «сѣрое, бѣдное, беззавѣтно-преданное русское существо» (44). Просвѣщенный европеецъ г. Утинъ ничего, конечно, кромѣ бѣдности, сѣрости и преданности, въ русскомъ солдатѣ найти и не могъ, и европейскій трафаретъ помочь ему въ этомъ случаѣ былъ не въ состояніи.

«Европеизмъ» автора сказывается на каждой страницѣ его книги. Въ первой главѣ («Передъ войною») авторъ, въ формѣ разговора между «оптимистомъ» и «пессимистомъ», формулируетъ свои ожиданія, съ которыми онъ отправился на театръ дѣйствія, и тѣ причины, по которымъ эти ожиданія были вообще очень невеселаго характера. «Войну за освобожденіе, говоритъ авторъ устами своего «пессимиста»:—можно начинать съ увѣренностью, что она принесетъ благіе политическіе плоды только тогда, когда освобождающій народъ достигъ уже самъ такого внутренняго развитія, приобрѣлъ такое значеніе въ общественномъ строѣ, что никто не имѣлъ бы права ему сказать: «врачу! исцѣлся самъ!» (7). Первые впечатлѣнія автора въ дорогѣ были таковы, что могли только поддержать его теоретическій или, какъ онъ выражается, «абстрактный» пессимизмъ. Приѣзжаетъ онъ въ Кишиневъ и неприятно поражается всеобщей апатіей тамошнихъ жителей. «Удивляться нечего, отражаетъ автору одинъ изъ этихъ жителей.—Апатія эта вполне естественна. Когда человѣкъ живетъ чужимъ мозгомъ, такъ жаль смотрѣть на него, а ужъ когда народъ цѣлый живетъ такъ, ужъ лучше тогда и не говорить» (43). Приѣзжаетъ затѣмъ авторъ въ Яссы и—«Европа! невольно вырвалось у всѣхъ. Въ чемъ же это вы-
Т. ССXLIV. — Отд. II. 13

ражается, этотъ европеизмъ? спросите вы. Да какъ вамъ сказать? во всемъ, что проходитъ передъ вашими глазами. Люди какъ-то иначе ведутъ себя, иначе говорятъ; хотите прислушиваться, о чемъ они разсуждаютъ — сколько угодно. У нихъ нѣтъ ни малѣйшей боязни, чтобы кто нибудь ихъ услышалъ, о всемъ они говорятъ громко, свободно высказываютъ свое мнѣніе. Политическія событія, вопросы государственные—это ихъ личныя дѣла: они всѣмъ этимъ интересуются, во всемъ принимаютъ участіе. Они знаютъ, что отъ нихъ зависитъ дать иное направленіе ихъ политикѣ, они сознаютъ свое право требовать отчета во всемъ, что касается внутренняго управленія. Вотъ почему они читаютъ газеты и не только потому, что «любопытно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ»,—нѣтъ, они слѣдятъ за своимъ собственнымъ дѣломъ» (49).

Въ этихъ выпискахъ — весь авторъ и вся его книга. Всѣ «Письма» г. Утина представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе этихъ основныхъ тенденцій, и всѣ факты выбираются и группируются имъ, такимъ образомъ, чтобы какъ можно отчетливѣе «поставить точку надъ і». Читатель понимаетъ, что «одинъ житель», «одинъ попутчикъ», «одинъ офицеръ» и тому подобныя лица, выражающія будто бы только свое собственное мнѣніе, не что иное, какъ авторскій *façon de parler*. Г. Утинъ не столько корреспондируетъ въ нашемъ или европейскомъ значеніи этого слова—сколько полемизируетъ, полемизируетъ не противъ личностей и частныхъ, а противъ того, что онъ называетъ общимъ именемъ «система». Картины войны, нашихъ военныхъ порядковъ и беспорядковъ интересны и важны въ глазахъ автора не сами по себѣ, а только, какъ поводъ поговорить о нашихъ общихъ неурядицахъ, только какъ частное выраженіе недостатковъ всей нашей «системы». О чемъ бы г. Утинъ ни говорилъ, о сестрахъ милосердія или о нашемъ гражданскомъ управленіи въ Болгаріи, о товариществѣ Грегера или о военныхъ госпиталяхъ, въ его изложеніи всегда сквозитъ полемическая *aggrège-pensée* о неудовлетворительности нашей «системы». Именно это обстоятельство и придаетъ книгѣ единство и цѣльность, и въ то же время—необходимая обратная сторона медали—заставляетъ автора безпрестанно повторяться, даже до утомительности. Эти повторенія для г. Утина были неизбежны, потому что его, излюбленная имъ, основная идея, при всемъ своемъ благообразіи, въ сущности, очень узка. Точка зрѣнія г. Утина не качественная, а исключительно количественная. Еслибы мы обнаружили поменьше недосмотровъ, поменьше необдуманности и легкомыслія, побольше честности, знаній и талантливости, то... то г. Утинъ былъ бы совершенно удовлетворенъ, по крайней мѣрѣ, его программа была бы совершенно выполнена. Мы имѣемъ основаніе такъ думать, потому что положительная сторона воззрѣній г. Утина выражается почти исключительно въ однихъ только безпрестанныхъ киваніяхъ автора

на западъ: тамъ молочныя рѣки и кисельные берега, тамъ разумъ и справедливость. Относительно г. Утинъ, конечно, правъ. Но печально и худо то, что въ книгѣ нѣтъ данныхъ, по которымъ бы можно было заключить, что авторъ понимаетъ всю относительность и недостаточность своей «правды», своего общественнаго идеала. Напротивъ: не видя, какъ выражаются нѣмцы, изъ-за дѣса деревьевъ, г. Утинъ тѣмъ не менѣе такъ и сіяетъ самодовольствіемъ и невозмутимымъ апломбомъ.

Такова публицистическая сторона «Писемъ» г. Утина, таковы, въ общихъ чертахъ, его тенденціи. Относительно же спеціально-корреспондентскаго, т. е. собственно повѣствовательнаго, элемента можно сказать только то, что онъ, во-первыхъ, почти вполнѣ заслоняется и поглощается теоретическими разсужденіями автора, во-вторыхъ, что онъ самъ по себѣ совершенно зауряденъ. Авторъ столько же удовлетворительно разсуждаетъ—декламируетъ, сколько безцвѣтно разсказываетъ. Фактическое изложеніе безпрестанно прерывается для различныхъ отступленій, иногда очень краснорѣчивыхъ и даже лирическихъ, но собственно къ дѣлу очень мало идущихъ. Такъ, напримѣръ, разсказывая о пораженіи русскихъ подъ Эски-Загрѣй, авторъ, совершенно неожиданно, начинаетъ говорить о томъ, что «впереди еще та свѣтлая пора, когда людское горе, людскія страданія будутъ чувствоваться нами такъ сильно, что они лишатъ насъ возможности наслаждаться личнымъ, эгонистическимъ счастіемъ. Этотъ золотой вѣкъ человечества скрывается еще гдѣ-то за дальними, очень дальними облаками и его заставляютъ предчувствовать только немногие, всегда и вездѣ одиноко стоящіе люди, самоотверженно отгадывающіеся отъ всякаго эгонистическаго счастья. Но такихъ людей мы, по свойственной намъ нравственной слѣпотѣ, именуемъ фантазерами и утопистами» (181). Не достаётъ только подходящихъ стиховъ, чтобы читатель прослезился. Дальше тирада принимаетъ негодующій характеръ, такъ какъ—*Dieu sait pourquoi*—авторъ стремится поразить какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ, «въ хвастливой гордости и напыщенномъ самоиѣвнѣи кричавшихъ о своей готовности нести крестъ, но которые не жертвуютъ мизинцемъ своимъ ради общихъ интересовъ» (182). Вполнѣ соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ, что такіе люди—большіе моветоны, читатель все-таки недоумѣваетъ какое соотношеніе имѣетъ чье-то «напыщенное самоиѣвнѣе» и чей-то «мизинецъ» къ сраженію при Эски-Загрѣй. Пылкая фантазія и непоиѣрная наклонность автора къ слезливо негодующему лиризму часто вообще отвлекаютъ его въ сторону, и его книга много бы выиграла, еслибы изъ нея исключить всѣ такіа стилистическія упражненія. Мы высказываемъ это желаніе, вполнѣ, однакоже, сознавая его бесполезность: противъ природы не пойдешь, и если судьба поставила ваши глаза на мокромъ мѣстѣ, такъ ужъ тутъ дѣлать нечего и пенять на васъ было бы несправедливо.

*

Н. А. Лейкинъ. Шуты гороховые. Картинки съ натурь. Спб. 1879.

Н. А. Лейкинъ. Неунымающіе Россіане. Разказы и картинки съ натурь. Спб. 1879.

Н. А. Лейкинъ. Наши забавники. Юмористическіе разказы. Спб. 1879.

Г. Лейкинъ, безъ всякаго сомнѣнія, хорошій—бойкій и остроумный—карикатуристъ. Но онъ — *только* карикатуристъ, и это необходимо подчеркнуть прежде всего. Къ второстепеннымъ и третьестепеннымъ дѣателямъ искусствъ, не выказывающимъ никакихъ особенныхъ претензій, было бы и бесполезно, и несправедливо обращаться съ такими требованіями, какія мы привыкли предъявлять серьезнымъ художникамъ. На нѣтъ и суда нѣтъ, и если дѣль г. Лейкина состоитъ исключительно въ томъ, чтобы, во что бы то ни стало, посмѣшить читателя, то его произведенія нужно разсматривать лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые обусловливаются такою цѣлью. Какъ ни узки эти предѣлы, критическій анализъ все-таки возможенъ. И во-первыхъ, «смѣхъ», какъ художественное средство, какъ пріемъ, не только не исключаетъ собою идеи, наоборотъ, даже предполагаетъ ее. Къ сожалѣнію, такой руководящей идеи было бы напрасно искать у г. Лейкина, и оттого-то именно его произведенія дѣльникомъ лежатъ за тою чертою, которая отдѣляетъ голую карикатуру отъ сатиры. Смѣхъ г. Лейкина существуетъ для самого себя, безъ всякихъ идейныхъ основаній и тенденціозныхъ цѣлей; его юмористическіе очерки — радъ забавныхъ фарсовъ, юморъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ разныхъ словечкахъ и смѣшныхъ прибауткахъ, запасъ которыхъ у автора дѣйствительно неисчислима. «Скоропалительная любовь моихъ чувствъ можетъ обратить меня даже въ лезгинскаго черкеса. Для васъ я хотъ въ морскую кавалерію пойду при воздушной пѣхотѣ» («Наши забавники» 156)—это любезничать молодой «купеческій сынъ изъ лабаза». «На всѣ твои разговорныя междометія я буду сегодня показывать короткое безчувствіе чувствъ, дабы сподобиться незлобности и быть, хотя на сей день подъ кадрель младенцамъ» (Н. 3. 245)—такъ выражаетъ другой купецъ своей женѣ желаніе, ради чистаго понедѣльника, «сохранить равновѣсіе, пребыть въ мирномъ житіи». Третій купецъ разказываетъ — что такое карантинъ: «Онъ безъ бою. Просто лектрическая машина, а изъ нея фонталь ассенизаціи брызжетъ при всей своей купоросной дезинфекціи» (258). Два купца собираются выпить: «Позвольте васъ анжировать на померанцевую польку транбланъ?»

— Мерси съ почтеніемъ. Я завсегда очищенный трепакъ потреблю.

— Что-жъ, я съ вашей диссертаціей согласенъ. Давайте, очищенный трепакъ ковырнемъ» (273).

Что можетъ сказать читатель, читая такіе удивительные разговоры? «Эко мелево, эко мелево» скажетъ онъ на языкѣ пер-

сонажей г. Лейкина, но скажете, разумеется, через невольный и веселый смѣхъ, потому что надъ «фонталомъ ассенизациі» невозможно не смѣяться. И таковъ-то почти всегда и почти вездѣ «юморъ» г. Лейкина: наборъ смѣхотворныхъ словечекъ, невозможная путаница перевернутыхъ и исковерканныхъ мудреныхъ терминовъ—вотъ вся сущность и содержаніе этого «юмора». Это ужъ черевчуръ легко и черевчуръ «просто»: для каррикатуры, для шаржа все-таки есть свои условія и свои требованія, и механически придѣлать къ человѣческому лицу аршинный носъ еще не значить, конечно, нарисовать остроумную каррикутуру. А развѣ «фонталь ассенизациі» г. Лейкина не есть этотъ самый, грубо намалеванный аршинный носъ?

Всѣ герои г. Лейкина—именно «забавники» и «шуты гороховые», которые только тѣмъ и занимаются, что пьютъ, дерутся, играютъ въ карты, съвернословятъ, пересыпая все это различными доморощенными «видами». Благодаря этимъ «видамъ», общее впечатлѣніе неизмѣнно и всегда получается только смѣхотворное, хотя персонажи г. Лейкина нерѣдко занимаютъ далеко не столь невинными дѣлами, какъ стужолка или потрепленіе «очищеннаго трепака», а совершаютъ прямо таки возмутительныя гнусности. Тамъ злостный банкротъ обрабатываетъ своихъ кредиторовъ, валется у нихъ въ ноги, нагло лжетъ имъ въ глаза и, въ концѣ концовъ, возбуждаетъ въ читателѣ только благодушную улыбку, потому что, обдѣлавши дѣло, съ облегченіемъ говоритъ: «слава Богу! Очистилъ свою совѣсть!». Здѣсь купеческій «саврасъ», исполняя волю только что умершаго «тятеньки», ломается «среди нищей братіи» подъ преклономъ благотѣльствованія ей, но ломается такъ отвратно-глухо и притомъ съ такими забористыми прибаутками, что читатель опять-таки только хохочетъ, вмѣсто того, чтобы плюнуть отъ негодованія или отвращенія. Въ третьемъ мѣстѣ, мужики, спокойно глядѣвшіе, какъ тонула въ Фонтанкѣ собака, немедленно спасаютъ ее, послѣ того какъ ихъ ругательски изругалъ за нихъ равнодушіе какой-то баринъ, и потомъ толкуютъ, на очевидную потѣху читателя, промежь себя: «а ловко насъ пробралъ баринъ... хорошій такой... ласковый... Не обругай, ни за чтобы собаку не спасли...» говорятъ мужики («Шуты гороховые» 24). Вотъ дубьето! восклицаетъ читатель, захлебываясь отъ хохота. Юмористъ-авторъ, конечно, доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ. Но, господа—«чего смѣтесъ? надъ собой смѣтесъ!» Допустимъ, что тутъ нѣтъ утрировки, что ругань и «ласка» для мужика синонимы и что онъ неспособенъ безъ такого предварительнаго посторонняго «обласканія» ни на одинъ хорошій поступокъ, ни на какое человѣческое чувство: неужели такой фактъ не можетъ возбуждать въ насъ ничего, кромѣ хохота; болѣе того, неужели подобный фактъ даже какую-нибудь веселость можетъ въ насъ возбуждать—фактъ, печальное и грозное значеніе котораго такъ очевидно, такъ рѣзко бросается въ глаза, развѣ признана его

реальность и типичность? Но вѣдь этотъ фактъ и не реаленъ, и не типиченъ—и въ этомъ извиненіе для автора. Онъ сознаетъ, что въ его разсказѣ нѣтъ никакой серьезной *общей* подкладки, а только одинъ потѣшный анекдотъ, который онъ, не задумываясь, какъ истый «неунывающийъ россиянинъ», и разсказываетъ для увеселенія читателя. Дѣло очень простое и волноваться тутъ не изъ чего. Авторъ—не злорадный фальсификаторъ и тѣмъ болѣе не обличитель «любящей ненависти»: онъ просто—уличный зубоскалъ, «надсмѣшникъ» и взять съ него нечего. Но такъ какъ онъ—все-таки литераторъ, писатель, то и критика будетъ съ своей стороны права, если скажетъ автору въ заключеніе его же собственной фразой: «ну, и выходитъ одна глупая словесность съ вашей стороны и больше ничего».

Литературная дѣятельность г. Лейкина не исчерпывается, однакоже, только одною этою «глупою словесностью». У него есть нѣкоторые чисто-бытовые и довольно удачные очерки и есть, кромѣ того, крупныя беллетристическія вещи, съ опредѣленною и довольно благообразною тенденціею. Его повѣсть «Двѣ неволи» (въ «Неунывающихъ россиянахъ») обнаруживаетъ даже, кромѣ добрыхъ намѣреній, положительный повѣствовательный талантъ, хотя и скромныхъ, разумѣется, размѣровъ. Впрочемъ, тенденція повѣсти—протестъ противъ крѣпостной «неволи» и противъ «неволи» несчастнаго, вынужденнаго, случайнаго, но нерасторжимаго брака—въ одной своей половинѣ отстала отъ дѣйствительности почти на 20 лѣтъ, въ другой не представляетъ собою ничего оригинальнаго. Какъ бы то ни было эти раннія (если не ошибаюсь) работы г. Лейкина доказываютъ, что онъ не всегда былъ тѣмъ «неунывающимъ» разсказчикомъ-смѣхотворомъ, какимъ является теперь, что и ему случалось серьезно вдумываться въ разныя «бѣдности и несовершенства» жизни. Теперь—дѣло другое. Теперь онъ смѣется и выѣзжаетъ на словечкахъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшается взять серьезный, даже драматическій, даже обще-мировой сюжетъ, какова, напримѣръ, тема его маленькаго очерка «Пресыщенные и голодные» («Шуты гороховые»). Если «пресыщенные и голодные» г. Лейкина, съ ихъ вѣчными, тайными или открытыми антагонизмомъ, по авторскому хотѣнью попали подъ общую рубрику «шуты гороховыхъ», то на это есть свои основательныя причины: подъ перомъ г. Лейкина какъ «пресыщенные», такъ и «голодные», дѣйствительно являются не болѣе, какъ «шутами», что и требовалось доказать.

Вся бѣда г. Лейкина въ томъ, что огромный запасъ фактовъ, которые онъ накопилъ, благодаря своей живой наблюдательности, рѣшительно не освѣщены какою нибудь разумною идеею. Онъ фотографируетъ всевозможныя уличные сценки, расширяетъ ихъ затѣмъ у себя въ кабинетѣ сурникомъ, вохрою и карминомъ и пускаетъ въ обращеніе, счастливо и удачно, такимъ образомъ, конкурируя съ мастерами лубочныхъ картинъ. Условія газетной

и тѣмъ болѣе мелко-газетной работы, очевидно, играютъ здѣсь едва ли не важнѣйшую роль: какая ужъ тутъ «идея», когда нужно работать каждый день, памятуя при этомъ, что буфетчикъ за стойкой, сидѣлецъ за прилавкомъ, дворникъ у воротъ, лакей въ передней и прочій «подписчикъ» хочеть только помѣяться и не жалуетъ какихъ-то тамъ идей и вообще «глупостей».

Путевыя письма, повѣсти, рассказы и наброски. *А. Н. Молчанова*. Спб., 1879 г.

Г. Молчановъ, авторъ «Путевыхъ писемъ» — тотъ самый г. Молчановъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ издалъ собраніе своихъ корреспонденцій подъ общимъ заглавіемъ «Между миромъ и конгрессомъ». Но если первая книга г. Молчанова могла имѣть кое-какое значеніе и кое-какой интересъ, то какъ жека, лежащая теперь передъ нами, имѣеть значеніе только курьеза, а интересъ ея — психологическій или даже психіатрическій. Мы говоримъ совершенно серьезно. Замѣтимъ прежде всего, что въ книгѣ никакихъ такихъ «путевыхъ писемъ», въ собственномъ смыслѣ слова, нѣтъ, а есть рядъ то пикантныхъ, то «страшныхъ» анекдотовъ, почерпнутыхъ изъ русской и иностранной жизни. Останавливаться на анализѣ этихъ анекдотовъ было бы бесполезно, за нихъ всесовершеннѣйшемъ безсодержательностью. Это — рядъ аляповатыхъ картинокъ, столько же претенциозныхъ по замыслу, сколько ничтожныхъ по исполненію и, стало быть, толковать о нихъ нечего. Но мы остановимся на одной... не умѣемъ какъ назвать произведеніе г. Молчанова: самъ онъ озаглавилъ его «Путь героевъ» и назвалъ «фантазіей» но, въ сущности, это — не фантазія, а какая-то галлюцинація. Замѣчательная въ субъективномъ смыслѣ, «фантазія» г. Молчанова еще болѣе замѣчательна въ объективномъ: ея тема самого «патріотическаго» свойства, какъ читатель можетъ нѣсколько догадываться уже изъ самого заглавія «фантазіи»: «Путь героевъ». Г. Молчановъ, сколько намъ помнится, не былъ свидѣтелемъ перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы, тѣмъ не менѣе онъ «фантазируетъ» именно объ этомъ переходѣ, призвавши на помощь ясновидѣніе, да извѣстнаго пошиба патріотизмъ. «Патріотизмъ» г. Молчанова выражается преимущественно въ томъ, что вмѣсто «солдаты» онъ вездѣ говоритъ «герои» и даже «геройская грудь», «геройскія губы», а не просто губы, не просто грудь. Вотъ какъ описываетъ солдатъ г. Молчановъ: «Развѣ они люди? Что въ нихъ есть человѣческаго? Они бросили свои семьи, женъ и дѣтей и тѣмъ отказались отъ прошлаго. Гдѣ же у нихъ будущее? Кто же они? Сказочные герои, превратившіеся изъ смертныхъ людей въ бессмертный долгъ (?), взлелѣанный русской душой» (!) (189). А вотъ описаніе самого «пути героевъ»: «Это путь бессмертныхъ, дорога славныхъ... Тутъ остатки первоначальнаго хаоса. Сама природа не успѣла справиться съ нимъ — въ теченіи сколькихъ тысячъ столѣтій? — а герои идутъ. Вотъ

лежит поперекъ не камень, а цѣлая гора, цѣлый холмъ, если не гора («гора хоть не гора, а, право, будетъ съ домъ»), какъ говорить крыловскій «лжець»). Передъ нимъ остановились и герои, но лишь на одну минуту. Смотрите: передовой вскочилъ и гора-камень зашатался. Еще мгновение и гора исчезла съ своимъ героемъ: только мягкое постукиванье внизу говоритъ, какъ мчатся и гора, и герой во дну бездонной пропасти... Этотъ камень-гора только и ждалъ этого героя, чтобы потерять то равновѣсїе, которое онъ удерживалъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сотни лѣтъ тому назадъ онъ оторвался отъ своей родной вершины. Онъ былъ великъ, онъ былъ неизмѣримо тяжелъ, необъятенъ и непроходимъ (это камень-то?), но геройскій духъ одного только героя превозмогъ покой столѣтій и силу матеріальной величины и вѣса» (191).

Господи, какъ хорошо! Герой на горѣ, гора подъ героемъ.

«Турка курить трубку, а курва клячетъ крупку».

«Геройскій духъ превозмогъ покой столѣтій» — вотъ какъ пишутъ настоящие патриоты-литераторы! Нѣтъ, вѣдь есть же, въ самомъ дѣлѣ, у людей мушинная способность засиживать и загаживать самыя чистыя вещи, опошлять самыя высокія дѣла и, въ пыломъ усердіи не по разуму, дѣлать смѣшными тѣхъ, кого они хотѣли препрославить и возвеличить! И это называется патриотизмомъ!

Первые три года жизни ребенка. Этюдъ опытной психологинъ Бернара Пэре. Переводъ съ французскаго *М. Цибриковой*. Съ приложениемъ статьи Бэна: «Воспитаніе, какъ наука». Спб. 1879 г.

О психологинъ, какъ наукѣ, можно еще до сихъ поръ сказать что она — «вся въ будущемъ». Говорить о недостаточности добытыхъ ею результатовъ въ сравненіи съ колоссальными усиліями, потраченными на это дѣло — значитъ высказывать общія мѣста, давно всѣмъ извѣстныя. Но вѣдь многочисленность и періодичность тѣхъ или другихъ сѣтованій доказываетъ только ихъ основательность. Въ самомъ дѣлѣ, для психологинъ, строго говоря, не установленъ даже еще методъ, посредствомъ котораго она должна производить свои изслѣдованія. Правда, время апріорныхъ построеній для психологинъ миновало окончательно; необходимость для нея индукціи признана безповоротно. Но понятіе индукціи — очень широкое понятіе. Въ него, какъ необходимыя ингредиенты, входятъ и опытъ, и наблюденіе, и — что касается собственно психологинъ — самонаблюденіе. Отвести каждому изъ нихъ надлежащую роль, опредѣлить ихъ относительное значеніе — вотъ та методологическая проблема, касательно которой рѣшенія далеко не тождественны между собою. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, достаточно указать здѣсь на О. Конта, который, какъ извѣстно, и вообще-то для психологинъ отводилъ въ своей іерархіи наукъ очень невысокое мѣсто, а въ частности, за самонаблюденіемъ не признавалъ никакой научной цѣнности.

Безъ сомнѣнія, это была ошибка; но это была ошибка гениальнаго человѣка. Нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, представить, въ какія непроходимыя дебри зашла бы психологія, еслибы установилось убѣжденіе въ непреложности и достовѣрности результатовъ самонаблюденія. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ *субъективныя* психическія явленія, обусловленные, быть можетъ, совершенно индивидуальными особенностями, принять за нѣчто общее, типичное и, такимъ образомъ, возвести въ норму то, что на самомъ дѣлѣ представляетъ собою только безобразную аномалію. Такія печальныя недоразумѣнія до недавняго времени, дѣйствительно, загромаждали собою психологію, какъ загромаждаютъ они и до сего дня и еще долго будутъ загромаждать сферу практической жизни, въ которой нѣтъ ничего легче, какъ встрѣтить даже образованныхъ людей, «судящихъ о другихъ по себѣ», какъ говорится. Вся суть въ томъ, что самонаблюденіе имѣетъ дѣло не съ первообразомъ, такъ сказать, человѣка, а съ психическими функциями, въ значительной степени усложненными и видоизмѣненными вліяніемъ внѣшнихъ и постороннихъ факторовъ и, главнымъ образомъ, факторовъ, вытекающихъ изъ условій совмѣстной жизни. Психологи новаго времени и, главнымъ образомъ, адепты нѣмецкой, такъ называемой, ново-критической философской школы поняли все значеніе этого огромнаго подводнаго камня. Не доходя до крайностей Конта, не отрицая вспомогательнаго, такъ сказать, повѣрочнаго значенія самонаблюденія, они главныя надежды свои основываютъ именно на наблюденіи и въ меньшей степени—на опытѣ, практикованіе котораго въ сферахъ психологическихъ естественнымъ образомъ служено. Но если для психологіи оказывается важнѣйшею задачею усвоеніе *основнаго* психологическаго матерьяла, тѣхъ первичныхъ психическихъ явленій, способъ происхожденія которыхъ (какъ выражался г. Сѣченовъ) могъ бы быть «сведенъ на фізіологическія основы», то, очевидно, что для этой цѣли наилучшее средство—наблюденіе надъ наиболѣе *непосредственными* субъектами. Такимъ образомъ, новая психологія апіорнымъ путемъ приходитъ къ сознанію необходимости и важности наблюденія надъ психіей новорожденныхъ младенцевъ.

Въ сущности, это сознаніе не ново: признаки его можно найти и у Гербарта, и у Венеке. Но прочное основаніе дѣлу наблюденія надъ новорожденными положено только брошюрой Кусмауля, появившейся ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. Эта брошюра затрогиваетъ вопросъ принципиально, тогда какъ прежнія попытки этого рода, какъ попытка Тидемана, были дѣломъ научнаго любопытства, почти диллетантзма. Послѣ брошюры Кусмауля появились по тому же предмету только двѣ работы: Тэна и Дарвина, и, такимъ образомъ, не говоря уже о качественной сторонѣ этихъ изслѣдованій, которая, по новизнѣ дѣла, не можетъ быть вполне удовлетворительна, уже изъ однихъ количественныхъ данныхъ можно видѣть, какъ много еще остается

сдѣлать въ этой сферѣ. Три изслѣдованія по основному научному вопросу! Наблюдения надъ первобытнымъ человѣкомъ, надъ дикарями, въ известной части своей, очевидно, совпадающія по цѣли съ наблюдениями надъ новорожденными и дополняющія ихъ, еще ждутъ своей очереди; антропология не дала еще психологій всего, что можетъ и должна дать. При такомъ положеніи дѣла, «три» брошюры являются даже тѣмъ-то комичнымъ, и всякая новая работа въ этой области будетъ въ высшей степени встати.

Книга Пэре, такимъ образомъ, по самой своей темѣ, имѣетъ живой научный интересъ. Пэре производилъ наблюдения надъ дѣтми моложе трехлѣтняго возраста, и сводъ этихъ наблюдений и составляетъ содержаніе его книги. Значеніе этихъ наблюдений, однакоже, весьма относительно и, не смотря на всю ихъ новизну, новыхъ результатовъ они въ науку не вносятъ. Пэре высказываетъ надежду, что онъ «показалъ, какъ можно и какъ должно создавать психологію маленькаго ребенка», но это—надежда напрасная. Дѣло въ томъ, что, приступая къ своимъ наблюдениямъ, Пэре, повидимому, не имѣлъ никакой руководящей идеи, никакого опредѣленнаго взгляда или теорій; точность, полнота, разнообразіе и безпристрастность наблюдений отъ этого, безъ сомнѣнія, только выиграли, но книга оказалась лишенною какою бы то ни было системы. «Психологія ребенка» Пэре не даетъ, а даетъ только болѣе или менѣе дѣнные матеріалы для нея. Правда, мы находимъ въ книгѣ всѣ обычные рубрики: Пэре строго различаетъ явленія собственно психическія, какъ ощущеніе, представленіе, хотѣніе и проч. отъ явленій органическихъ, какъ интаніе, ростъ, и т. п. Онъ начинаетъ свой анализъ съ простѣйшихъ, элементарнѣйшихъ актовъ, постепенно переходя къ болѣе сложнымъ. Но такое, чисто формальное группированіе фактовъ очень мало помогаетъ ясности дѣла, и читатель съ трудомъ можетъ ориентироваться въ этой массѣ наблюдений, не связанныхъ никакою общою логическою нитью, ничего положительнаго не доказывающихъ и ничего положительнаго не опровергающихъ. Пэре по временамъ, разбираясь въ той или другой частной группѣ фактовъ, даетъ кое-какія заключенія общаго характера, но отъ широкихъ обобщеній воздерживается и совершенно, впрочемъ, резонно: для такихъ обобщеній собранна имъ наблюденья представляютъ очень узкій и шаткій фундаментъ. Эта осторожность, конечно, дѣлаетъ много чести добросовѣстности автора, но читателю отъ того не легче: ему нуженъ выводъ, заключеніе, если ужъ нельзя и думать о законѣ.

Но если, для психологій вообще и для психологій ребенка въ частности, книга Пэре имѣетъ значеніе только доброкачественнаго матеріала, за то для практической педагогій въ ней имѣется не мало драгоцѣнныхъ указаній: Пэре, показывая намъ въ ребенкѣ «цѣлое человѣческое существо», наглядно доказываетъ всю ошибочность того взгляда, по которому душа ребенка

представляет собою чистую бѣлую доску, на которой воспитатель пишетъ какія ему угодно слова и узоры. Затѣмъ, нѣкоторые частные вопросы, вполне примыкающіе къ области воспитанія, какъ, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи и развитіи въ ребенкѣ чувства симпатіи (глава II), разсмотрѣны авторомъ все-сторонне, съ большою проицательностью и, главное, съ такими результатами, которые имѣютъ непосредственно-практическое и твердое *примитивальное* значеніе. Къ сожалѣнію, переводъ, въ особенности въ своей первой половинѣ, исполненъ до такой степени небрежно, что читателю приходится нерѣдко только догадываться о настоящемъ смыслѣ той или другой фразы. Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ два-три: «оставя въ сторонѣ склонность къ симпатіи, происходящую отъ организма и наслѣдственности, человекъ болѣе всего для человека и въ особенности человекъ для ребенка есть то «волнующееся и многообразное существо», предметъ любопытства всегда новаго, всегда привлекательнаго, всегда удовлетвореннаго» (42). А вотъ опредѣленіе «чиханья»: «это одно изъ первыхъ рефлективныхъ дѣйствій, которыя мы замѣчаемъ у ребенка, и которое, кажется, съ перваго взгляда вовсе нельзя отличить отъ инстинкта, т. е. по словамъ Дарвина, то чиханье, которое сопровождается первымъ актомъ дыханія» (48). Есть, наконецъ, фразы окончательно невозможныя, какъ напримѣръ: «Тѣмъ говорить то же о звукахъ, издаваемыхъ, около трехъ мѣсяцевъ съ половиною, дѣвочкою, которую онъ наблюдалъ» (53). Такихъ фразъ въ переводѣ не мало, а безпрестанныя и грубыя опечатки еще больше затрудняютъ чтеніе.

Статья Бэна—«Воспитаніе, какъ наука»—приложена къ переводу книги Пэре очень кстати. Многія положенія этой статьи представляютъ собою какъ бы выводъ изъ наблюдений Пэре и, въ свою очередь, оправдываются и поддѣрживаются ими.

Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь? Разсужденіе Д. А. Хвольсона. Сиб. 1879 г.

Людоѣды ли евреи, или нѣтъ, убиваютъ ли они дѣтей иноплемениковъ, дѣтей иновѣрцевъ для того, чтобы насыщать свою жажду теплою, свѣжею дѣтскою кровью, для того, чтобы примѣшивать эту иноплеменную кровь къ мучной пищѣ, употребляемой ими ежегодно въ праздникъ Паску? Вотъ вопросъ, который поставленъ на очередь производившимся недавно въ Кутансѣ процессомъ объ убійствѣ шести-лѣтней дѣвочки—процессомъ, рѣшеннымъ, мимоходомъ сказать, въ пользу евреевъ. Надо сказать, что вопросъ о людоѣдскихъ наклонностяхъ евреевъ, объ ихъ кровожадности, если онъ только можетъ быть поставленъ, вопросъ очень важный, вопросъ первостепенной важности. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, среди русскаго общества, въ русскихъ селахъ и городахъ, на Волнни и въ Литвѣ, на Кавказѣ и въ Польшѣ, мало того въ Киевѣ, Москвѣ и въ самомъ Петербургѣ живутъ дикари-каннибалы? Неужели среди цивилизованнаго обще-

ства разгуливает стадо волковъ, которое ежегодно вырываетъ изъ среды его человѣческія существа, души и рѣжетъ ихъ? Неужели такое дикое скопище звѣрей можетъ и должно быть терпимо въ какомъ бы то ни было культурномъ обществѣ, можетъ пользоваться покровительствомъ и снисходительностью закона? Въ такомъ именно смыслѣ ставить вопросъ профессору Хвольсонъ. Онъ требуетъ учрежденія обширнаго изслѣдованія, enquête, для того чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли существуетъ такой гнусный обычай среди евреевъ? (стр. 35). Г. Хвольсонъ заранѣе убѣжденъ, что такое изслѣдованіе самымъ убѣдительнымъ образомъ докажетъ, что рассказы объ употребленіи евреями крови суть гнусныя сказки и дикій вымыселъ, что это изслѣдованіе избавитъ такимъ образомъ 3 милліона русскихъ евреевъ «отъ Дамоклова меча, который постоянно виситъ надъ ихъ головами» (стр. 35). Совершенно напрасно поэтому г. Костомаровъ глумится въ своей рецензіи (Новое Время № 1172) надъ г. Хвольсономъ за то, что онъ будто бы «проситъ у власти содѣйствія своимъ ученымъ доводамъ». Г. Хвольсонъ проситъ не полицейскаго воздѣйствія, а оффиціальнаго розысканія. Онъ считаетъ, что подобный вопросъ не можетъ быть предметомъ препирательства, предметомъ праздно болтовни легкомысленныхъ людей, а долженъ быть рѣшенъ разъ навсегда авторитетною властью. Людоѣдство—не шутка, и имѣть такое или иное мнѣніе по этому вопросу недостаточно: здѣсь необходимо полное и твердое убѣжденіе. Безразличное индифферентное отношеніе къ вопросу подобнаго рода неумѣстно, по мнѣнію профессора Хвольсона, и мы не можемъ не признать справедливости такого мнѣнія.

Впрочемъ, если ознакомиться поближе съ данными, приводимыми въ пользу обвиненія, то предложеніе учредить изслѣдованіе можетъ показаться чуть ли не излишнимъ. Такъ, между прочимъ, во всѣхъ сочиненіяхъ, старыхъ и новыхъ, въ которыхъ поддерживается обвиненіе въ употребленіи евреями крови, то и дѣло фигурируютъ сочиненія съ еврейскими заглавіями, въ которыхъ будто бы заключается дозволеніе, освященіе и описаніе гнуснаго обряда. Оказывается, однако, что такихъ сочиненій не только не существовало никогда, но и «не могло существовать», что самыя заглавія этихъ мнимыхъ книгъ могутъ быть раздѣлы «заглавіями китайскихъ или японскихъ книгъ, но уже никакъ не еврейскихъ, потому что слова эти не звучатъ даже по-еврейски!» (21). Доводы такого свойства—мнимыя цитаты изъ мнимыхъ сочиненій—служили и продолжаютъ служить наиболее сильными опорами обвиненія, и въ самоновѣйшемъ сочиненіи по этому вопросу, въ сочиненіи г. Литостанскаго, количество такихъ небывалыхъ сочиненій и немыслимыхъ цитатъ значительно увеличилось (13—14). Обладая обильнымъ количествомъ данныхъ въ пользу существованія этого обычая у всѣхъ евреевъ, новѣйшіе сочинители и, между прочимъ, упомянутый Литостанскій

тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ при этомъ изумительную скромность. Они предполагаютъ, что такой обычай, несмотря на религиозное освященіе, существуетъ только у нѣкоторыхъ евреевъ, у одной изъ сектъ еврейскихъ (24). Они даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробную характеристику лицъ, входящихъ въ составъ помѣнутой секты. Христіанскую кровь, говорятъ они, употребляютъ только «раввины, хахамы и фарисеи, кои называются у евреевъ хасидимами» (31). Профессоръ Хвольсонъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ смыслъ приведенной фразы. Эта фраза, говоритъ онъ, совершенно похожа на слѣдующую: «епископы, архимандриты и православные христіане, кои называются духоборцами», дѣлаютъ то-то (Loc. cit.).

Признаемся, что если таковы доводы, поддерживающіе обвиненіе, то никакихъ изслѣдованій не нужно, конечно; но въ такомъ случаѣ окажется излишнимъ и возбужденіе судебныхъ процессовъ по дѣламъ такого рода, а тѣмъ болѣе предварительное тюремное заключеніе лицъ, обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ такого свойства.

Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Историческая диссертация Н. Карьева. М. 1879.

Несмотря на громадную литературу, посвященную эпохѣ французской революціи, далеко не всѣ стороны этого великаго движенія могутъ считаться вполне выясненными. Извѣстная фраза Тэна, что исторію революціи нужно начинать писать съизнова, заключаетъ въ себѣ много справедливаго. Огромная масса матеріаловъ, не тронутыхъ прежними изслѣдователями, только еще начинаетъ издаваться или и до сихъ поръ лежитъ въ архивахъ. Но еще болѣе значенія, нежели измѣненіе объема матеріаловъ, представляетъ въ данномъ случаѣ измѣненіе въ самой точкѣ зрѣнія на задачи изслѣдованія, въ тѣхъ приѣмахъ, съ которыми долженъ приступать къ такому изслѣдованію историкъ, стоящій на уровнѣ современныхъ требованій. Если справедливо, что изученіе прошлаго помогаетъ намъ понимать настоящее, то точно также справедливо и обратное положеніе, въ особенности по отношенію къ эпохамъ болѣе или менѣе близкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока въ настоящемъ строѣ европейскаго общества не вскрылись и не обозначились явственно внутреннія противорѣчія интересовъ и стремленій различныхъ общественныхъ классовъ, историкамъ трудно было различить слѣды того же антагонизма и въ прошломъ. Еще очень недавно, напримѣръ, побѣдоносное третье сословіе революціи понималось какъ нѣчто дѣльное и однородное по своимъ интересамъ, и только тогда, когда изъ его среды выдѣлилось четвертое, наши представленія о прошедшемъ вѣкъ утратили свой слишкомъ уже сплошной и слитный колоритъ. Вообще, чѣмъ болѣе обозначается и выступаетъ наружу сложность далеко не во всѣхъ частяхъ своихъ гармоничнаго общественнаго строя, тѣмъ сложнѣе и раздѣльнѣе становится и самое понятіе объ историческомъ развитіи. Въ на-

стоящее время историкъ не можетъ довольствоваться изслѣдованіемъ одной большой, торной дороги историческаго прогресса; напротивъ того, тѣмъ чаще будетъ онъ уклоняться на проселочные пути и заглядывать въ разные забытые углы, тѣмъ плодотворнѣе явится его изученіе.

Книга г. Карѣва посвящена разсмотрѣнію, если и не совсѣмъ забытой, то, по крайней мѣрѣ, еще мало изслѣдованной стороны французской исторіи конца XVIII вѣка. Авторъ задался цѣлью изобразить состояніе крестьянъ во Франціи въ послѣдней четверти прошлаго вѣка, наканунѣ реформаторскаго періода царствованія Людовика XVI и великой революціи, и прослѣдить затѣмъ судьбы *крестьянскаго вопроса* во Франціи, начавшагося и окончившагося въ теченіи времени, обнимаемаго изслѣдованіемъ г. Карѣва (1774—1793 г.). И въ той, и въ другой части своего труда г. Карѣвъ ставитъ очень широко рамки своей задачи. «Историки, которые изображали состояніе французскихъ крестьянъ передъ паденіемъ *старою порядка*, говорятъ онъ:—обыкновенно обращали свое вниманіе на два явленія: крестьянинъ въ XVIII вѣкѣ уже не сервъ, а свободный человекъ—это свѣтлая сторона картины; крестьянинъ задавленъ тяжестью государственныхъ и иныхъ податей—это мрачная сторона. Но рядомъ съ этими отношеніями существуютъ другія, заслуживающія не меньшаго вниманія. Во-первыхъ, если крестьяне въ массѣ были свободны отъ юридической власти сеньеровъ, то между ними продолжали существовать разнообразныя отношенія экономическія *по землѣ*, которою владѣли или пользовались крестьяне. Во-вторыхъ, кромя государства, долго смотрѣвшаго на народъ, какъ на податную массу, крестьянамъ приходилось имѣть дѣло еще съ разными *общественными классами*, на которые дѣлилась тогдашняя Франція» (479—480). Главною задачею своею г. Карѣвъ и поставилъ разсмотрѣніе этихъ *аграрныхъ и социальныхъ* отношеній, опредѣляющихъ положеніе крестьянъ, какъ *земледѣльческаго сословія*. Съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и исторію *крестьянскаго вопроса*. «Вся суть этого вопроса, говоритъ г. Карѣвъ:—въ отношеніяхъ аграрно-соціальныхъ; и какъ постановка его, такъ и способъ рѣшенія обуславливались съ одной стороны принципами, лежавшими въ основѣ тогдашняго *поземельнаго устройства*, а съ другой—потребностями, интересами и стремленіями отдѣльныхъ *общественныхъ классовъ*».

Чтобы выяснить характеристическія черты аграрнаго строя Франціи передъ большою революціей, г. Карѣвъ разсматриваетъ, на основаніи историческихъ документовъ того времени (феодалныхъ трактатовъ, сочиненій юристовъ, крестьянскихъ *sahiers* 1789 г., брошюрной литературы и т. п.), отношенія крестьянъ по землѣ къ сеньерамъ, къ буржуазіи и, наконецъ, внутреннія отношенія разныхъ слоевъ самаго крестьянскаго сословія. Въ результатѣ этого изслѣдованія онъ приходитъ къ выводу, что «въ основѣ поземельнаго устройства Франціи въ XVIII вѣкѣ лежали

два принципа, изъ коихъ одинъ былъ старый, отживавшій свой вѣкъ, другой новый, народившійся сравнительно недавно. Старый принципъ—несвобода земли, выраженная въ юридическомъ правилѣ: *nulle terre sans seigneur*; новый—неравномѣрность ея распредѣленія между трудящейся массой, возведенная въ экономическій догматъ. По первому принципу, землевладелецъ долженъ былъ нести за свою землю такія повинности, которыя были для него настоящимъ раззореніемъ и даже могли заставить его отказаться отъ своего владѣнія. Вслѣдствіе втораго принципа, вся земледѣльческая масса дѣлилась на два, хотя и не рѣзко разграниченные между собою, класса: на самостоятельныхъ хозяевъ, которые могли быть собственниками или арендаторами своихъ земельныхъ участковъ, и на батраковъ, которые жили поденнымъ трудомъ или наймомъ на болѣе продолжительное время. Представителями перваго принципа были: корона, церковь, дворянство и та часть буржуазіи, которая становилась на ихъ мѣсто покупкою или арендою ихъ земель и правъ. Это были защитники консервативныхъ началъ аграрнаго устройства, стоящіе за сохраненіе *statu quo*: мы не только не видимъ передъ 1789 г. ослабленія феодальныхъ правъ, которымъ подчинена была земля, но замѣчаемъ даже тенденцію, если не приумножить ихъ, то, крайней мѣрѣ, сохранить навсегда. Представительницею втораго принципа является нарождающаяся сельская буржуазія: подобно тому, какъ крупная буржуазія стремится занять мѣсто сенъеровъ, посредствомъ покупки ихъ земли, и стать между ними и крестьянами, снимая огуломъ земли первыхъ, чтобы переуступать ихъ по частямъ послѣднимъ, мелкая буржуазія, выработывающаяся изъ крестьянъ хозяевъ или приходящая извнѣ, стремится поставить на мѣсто мелкаго хозяйства крестьянъ, собственниковъ или половниковъ, болѣе крупную фермерскую обработку земли посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Какъ защита старыхъ феодальныхъ отношеній совершается во имя *права*, такъ проповѣдь новой хозяйственной системы становится подъ охрану высшихъ *интересовъ*: юристы доказывали справедливость правила *nulle terre sans seigneur*, экономисты—необходимость замѣны мелкаго хозяйства крупнымъ. Тѣ же два класса, феодальный и буржуазный, идутъ рука объ руку въ дѣлѣ устраненія тѣхъ рессурсовъ, которые доставляли массѣ общинныя земли и общинныя сервитуты, дозволявшіе бѣдняку имѣть скоть: во имя своего *права*, сенъеры могутъ взять у крестьянъ часть общинной земли или лишить ихъ права пользованія нѣкоторыми сенъерьяльными угодьями; во имя *интересовъ* сельскаго хозяйства, деревенская буржуазія хлопочетъ объ уничтоженіи общинныхъ сервитутовъ, которые мѣшаютъ агрономическимъ улучшениямъ, и о раздѣлѣ общинныхъ земель, коими крестьяне пользуются какъ выгономъ для скота, вслѣдствіе чего могутъ кое-какъ перебиваться иногда и безъ найма въ работу» (480—482). Подъ давленіемъ обоихъ упомянутыхъ факторовъ, къ которымъ

присоединялся еще и фискальный гнетъ, общинное крестьянское землевладѣніе пришло къ концу вѣка въ замѣтный упадокъ.

Соціальныя отношенія, обусловленныя отчасти приведенными чертами аграрнаго строя, отличались рознью, а иногда и враждебностью между собою отдѣльных классовъ общества. «Не довольствуясь наложеніемъ новыхъ повинностей на земли и личиніемъ крестьянъ общинной собственности, не довольствуясь сохраненіемъ разныхъ выгодныхъ для себя правъ, не вытекающихъ изъ аграрныхъ отношеній, феодальная аристократія и духовенство сваливаютъ на третье сословіе всю тяжесть государственныхъ налоговъ». Буржуазія слѣдуетъ ихъ примѣру. «Еще въ средніе вѣка, городъ пріобрѣлъ особыя привилегіи передъ деревней: долгое время только горожане выбирали депутатовъ въ генеральные штаты; но и впоследствии, когда право національнаго представительства было распространено на всѣхъ, провинціальныя чины продолжаютъ держаться прежней системы представительства третьяго сословія одними городами — и вотъ, благодаря этому, и горожане сваливаютъ съ себя на деревню часть государственныхъ повинностей». Понятно, что сельское населеніе съ своей стороны не могло относиться дружелюбно къ горожанамъ. Съ сеньорами же оно состояло въ постоянной враждѣ: суды завалены были процессами между крестьянами и феодалами. Среди этой общественной розни, государственная власть далеко не благопріятствовала крестьянамъ. По мнѣнію г. Карѣва, отношенія къ крестьянамъ французскаго правительства XVIII вѣка, во-первыхъ, опредѣлялись союзомъ королевской власти съ привилегированными, въ силу котораго охранялись посредствомъ закона старыя общественныя отношенія, во-вторыхъ, вытекали изъ возростающихъ потребностей государства, которое наложило на крестьянъ тяжелый фискальный гнетъ, наконецъ, въ третьихъ, обуславливались экономической политикой, поощравшей промышленность часто въ ущербъ земледѣлію и крупную производительность въ ущербъ мелкой.

Результаты указанныхъ аграрнаго строя, соціальныхъ отношеній и фискальнаго гнета были крайне неблагопріятны не только для благосостоянія крестьянъ, но и для земледѣлія, которое приходило въ упадокъ. Положеніе тогдашней земледѣльческой Франціи характеризуютъ, по словамъ г. Карѣва, три явленія: недостатокъ въ хлѣбѣ при множествѣ годныхъ для обработки пустыщихъ земель, недостатокъ рабочихъ рукъ при стремленіи развити бродяжничества и нищенства и необходимость, въ которую поставлены были хлѣбопашцы кормиться не своимъ, а занятымъ или купленнымъ хлѣбомъ.

Рядъ этихъ ненормальныхъ явленій и общее разстройство государства къ концу XVIII вѣка вызвали къ жизни крестьянскій вопросъ. Г. Карѣвъ слѣдитъ за судьбами этого вопроса отъ теоретической постановки его въ публицистической и экономической литературѣ, до послѣдняго фазиса въ его развитіи въ эпоху

конвента, послѣ чего крестьянскій вопросъ не поднимался болѣе во Франціи. Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Карбень, заключается въ томъ, что крестьянскій вопросъ былъ не только *разрѣшенъ* односторонне, но никогда и не ставился въ полномъ своемъ объемѣ и значеніи. Прочное земельное обезпеченіе всей массы крестьянства никогда не было цѣлью проектированныхъ или осуществленныхъ преобразованій; идею объ этомъ обезпеченіи не задавались и теоретики, писавшіе о предметѣ. Въ литературѣ періода, непосредственно предшествовавшего революціи, крестьянскій вопросъ и поставленъ былъ, и разрѣшался по частямъ въ видѣ самостоятельныхъ вопросовъ объ искорененіи нищенства, объ улучшеніи сельскаго хозяйства, о реформѣ въ системѣ налоговъ и т. д., публицисты, бравшіеся за составленіе реформъ, смотрѣли на дѣло каждый съ своей спеціальной—политической, агрономической, финансовой и т. п. точки зрѣнія, а политическіе теоретики занимались вопросами слишкомъ общаго свойства и съ слишкомъ отвлеченными цѣлями, чтобы имѣть въ виду изученіе совокупности данныхъ въ дѣйствительности общественныхъ явленій. Благодаря такой постановкѣ вопроса, реформа феодальнаго порядка совсѣмъ не была разработана теоретически. Общій характеръ постановки крестьянскаго вопроса въ XVIII вѣка отражается вполне и на летучей прессѣ 1789 г., изслѣдованію которой посвященъ любопытный отдѣлъ въ книгѣ г. Карбева. Точно также отрывочность замѣчается и въ реформахъ Людовика XVI, не говоря уже о томъ, что французское правительство вообще не особенно охотно затрогивало привилегіи.

Такъ шло дѣло до революціи. Но и тогда, когда начался переворотъ, крестьянскій вопросъ не былъ поставленъ на достаточно широкомъ основаніи. Революція, правда, нанесла рѣшительный ударъ феодальнымъ правамъ аристократіи, но тѣ неблагоприятныя для крестьянства факты, которые поддерживались интересами буржуазіи, остались нетронутыми. Напротивъ того, учредительное собраніе дало санкцію раздѣленію крестьянъ на хозяевъ и батраковъ, назвавъ однихъ активными, другихъ—пассивными гражданами, и въ планы его не входило вовсе устроеніе аграрнаго быта на принципахъ развитія мелкой собственности: распропада національныхъ имуществъ была для учредительнаго собранія мѣрою исключительно финансовою. Самое уничтоженіе феодальныхъ правъ, во время революціи, было вызвано главнымъ образомъ политическими обстоятельствами и совершалась подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ соображеній. Этимъ соображеніями обуславливались знаменитыя рѣшенія 4-го августа; они же заставили законодательное собраніе смягчить поставленные учредительнымъ собраніемъ законы о выкупѣ и, наконецъ, самая отмінна выкупа конвентомъ являлась мѣрою чисто-политическою. Заботы о прямыхъ интересахъ крестьянскаго сословія стояли все время на второмъ планѣ. Съ отмінной феодализма въ 1793 г. наступаетъ конецъ и крестьянскаго вопроса во Франціи.

Таковы въ общихъ чертахъ содержаніе и главные выводы труда г. Карѣва. Уже изъ приведеннаго бѣлаго очерка читателя, надѣмся, могутъ судить, насколько серьезны и интересны вопросы, въ немъ трактуемые. Но книга г. Карѣва заслуживаетъ вниманія, не только благодаря правильной и широкой постановкѣ плана изслѣдованія, но и по самому его выполненію. Въ этомъ отношеніи, особенно слѣдуетъ указать на тѣ главы книги, въ которыхъ разсматривается ходъ крестьянскаго вопроса во Франціи. Главы эти написаны въ значительной части на основаніи матеріала, или не напечатаннаго еще, или хотя и напечатаннаго, но не бывшаго въ виду у историковъ, касавшихся этого предмета ранѣе. Отъ этого многіе факты являются только въ первый разъ въ изслѣдованіи г. Карѣва, другіе же—въ осуществленіи нѣсколько иномъ, чѣмъ доселѣ. Въ цѣломъ, трудъ г. Карѣва составляетъ самое полное и лучшее изъ сочиненій, посвященныхъ настоящему вопросу. Нѣтъ надобности прибавлять, что для нашей—бѣдной и относительно, и абсолютно—исторической литературы трудъ этотъ составляетъ приобрѣтеніе въ высшей степени цѣнное.

ДВА ЗЕМСКІЯ СТАТИСТИЧЕСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ: Херсонское бюро и черниговское отдѣленіе при губернскихъ управахъ.

Для исторіи общественнаго самосознанія представляютъ значительный интересъ попытки земскихъ учреждений двухъ губерній—Херсонской и Черниговской—*познать себя* при помощи особенныхъ статистическихъ учреждений.

Обѣ попытки *по идее* одинаково почтены и заслуживаютъ полнаго сочувствія, но по исполненію онѣ диаметрально противоположны. Черезъ дѣятельности этихъ учреждений во всякомъ случаѣ представляетъ много интереснаго и поучительнаго не только для земскихъ дѣятелей, но и для всякаго интересующагося типичными проявленіями общественной жизни. По извѣстіямъ газетныхъ корреспондентовъ, во многихъ губерніяхъ земскія собранія высказывались за необходимость организовать особые статистическія учреждения съ цѣлью описанія хозяйственныхъ условий и платежныхъ средствъ губерній.

Было бы желательно, чтобы опытъ двухъ губерній послужилъ на пользу другимъ губерніямъ, уяснивши имъ существенныя условія такой организации статистическихъ земскихъ органовъ, при которой затраты земскихъ суммъ не были бы напрасны, какъ это случилось въ губерніи Херсонской. Авторъ этой статьи—не специалистъ, а практической земскій дѣятель, пережившій стыдъ и муку земской неудачи въ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему онъ не беретъ на себя высказывать окончательный приговоръ по специальнымъ вопросамъ статистики. Онъ ставитъ себя задачей—изложить по возможности объективно и параллельно очеркъ организации и дѣятельности двухъ земскихъ статистическихъ органовъ: херсонскаго статистическаго бюро и черниговскаго статистическаго отдѣленія. Почти вся фактическая сторона дѣла заимствована изъ печатныхъ отчетовъ херсонскаго бюро и трудовъ статистическаго отдѣленія.

I.

Въ 1873 году, по мысли статистическаго съѣзда и согласно заключенію губернской управы, херсонское губернское собраніе учредило при губернской управѣ статистическое бюро съ цѣлью 1) собирать свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли по программамъ и инструкціямъ созываемыхъ ежегодно статистическихъ съѣздовъ; 2) получать,

по повѣркѣ и группировкѣ, выводы по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства цѣлой губерніи, и такимъ образомъ 3) съ цѣлью опредѣленія возможно точной цѣнности и доходности имуществъ, а слѣдовательно, и платежныхъ средствъ Херсонской Губерніи¹.

Съ апрѣля 1874 года бюро открыто въ составѣ сначала двухъ, а потомъ трехъ агентовъ. На содержаніе бюро ассигновано шесть тысячъ рублей въ годъ. Статистическій сѣздъ полагалъ необходимымъ шесть агентовъ съ расходомъ въ 12 тысячъ рублей, но собраніе сократило вдвое число агентовъ и сумму на содержаніе бюро. IV статистическій сѣздъ обратилъ вниманіе на то, что, при сокращеніи личнаго состава и денежныхъ средствъ, бюро не въ состояніи одновременно и стройно вести всѣ работы, возложенныя на него, а потому IV сѣздъ установилъ послѣдовательный порядокъ работъ, распредѣливъ ихъ на ближайшія и дальнѣйшія, но въ тоже время придалъ дѣятельности бюро сложный характеръ кадастроваго учрежденія, чѣмъ еще болѣе усилилъ тяжесть непосильныхъ задачъ бюро. Такъ изображаютъ агенты бюро свое, невыгодное для успѣха ихъ работъ, положеніе въ самомъ началѣ дѣла. Если, впрочемъ, принять во вниманіе, что статистическій сѣздъ выяснилъ для нихъ, что главная ихъ задача — работы по переоцѣнкѣ земель, то, при надлежащемъ выполненіи этой задачи, они могли избѣжать укора за упущенія по приведенію въ извѣстность менѣе важныхъ и болѣе непостоянныхъ данныхъ (количество скота, лошадей, свиней, овецъ). Но для исполненія этой задачи надо было составить планъ работъ, исключивъ все излишнее, загромождающее безъ пользы для дѣла; надо было отчетливо уяснить, какія данныя могутъ быть собраны и послужить солиднымъ основаніемъ для правильной оцѣнки земель, и собрать эти данныя на мѣстахъ.

Агенты и сами догадывались, что прежде, чѣмъ дѣйствовать, надо обдумать во всѣхъ подробностяхъ планъ работъ. «Приступивъ къ исполненію своей трудной задачи, бюро прежде всего должно было уяснить и себѣ, и другимъ характеръ и направленіе своей дѣятельности», говорится въ отчетѣ бюро (стр. 432, Зем. сб. 1876, № 3). «Бюро имѣло предъ собою готовую, выработанную въ маѣ 1873 года земскимъ статистическимъ сѣздомъ, подробную программу по собиранію свѣдѣній о всѣхъ отрасляхъ земледѣльческой и торгово-промышленной статистики. Но при всей обширности такой задачи бюро не встрѣтило ни одного указанія, съ чего и какъ именно начать дѣло собиранія поименованныхъ свѣдѣній. Не имѣя въ виду собственнаго опыта, агенты бюро не могли придумать ничего болѣе, какъ изготовить соответствующіе даннымъ программамъ бланки и формы статистическихъ вѣдомостей, упростивъ ихъ насколько было возможно, и представить ихъ на обсужденіе IV статистическаго сѣзда. Для уясненія же населенію задачъ земскаго статистическаго

¹ «Сборникъ херс. земства» за окт. 1876 г., стр. 7.

бюро, оно полагало разослать особый *циркуляръ*... Чтобы не разбрасываться, бюро порѣшило собрать прежде всего свѣдѣнія о землевладѣніи и о посѣвахъ, сдѣланныхъ какъ крестьянскими обществами, такъ и частными лицами.

Разославши при циркулярѣ бланки съ вопросами частнымъ лицамъ и обществамъ, бюро надѣялось чрезъ три-четыре мѣсяца получить большую часть ихъ съ отвѣтами, но надежда эта не осуществилась. Бланки оказались очень сложными, и IV статистическій съѣздъ призналъ нужнымъ ихъ упростить; способъ разсылки бланковъ (съ требованіемъ росписки въ вѣтанціонной книгѣ) оказался неудовлетворительнымъ; въ одномъ станѣ бланки пролежали безъ движенія шесть мѣсяцевъ; нѣкоторые бланки совсѣмъ не дошли по назначенію; многіе изъ землевладѣльцевъ не предполагали даже, что отвѣты для нихъ обязательны, и просто-напросто затеряли свои бланки, другіе, по упущенію полиціи, ихъ вовсе не получали. Въ станovýchъ квартирахъ агенты (предпринявшіе поѣздки съ цѣлью ускоренія присылки бланковъ) нанли сотни бланковъ *безъ движенія*, несмотря на двукратное напоминаніе о скорѣйшей ихъ разсылкѣ. Признавши погломъ, что ставить собраніе бланковъ цѣлю поѣздокъ членовъ бюро не практично, бюро рѣшило заняться на мѣстахъ собраніемъ тѣхъ промышленно-экономическихъ свѣдѣній, которыя нужны какъ для оцѣнки земли, такъ и для представленія земству экономическаго положенія губерніи (ib. 438 стр.). Впослѣдствіи планъ этотъ измѣнился за наплывомъ въ бюро цѣлой массы работъ. Однако, агенты начали было дѣлать поѣздки съ цѣлью изслѣдованія земледѣльческо-промышленныхъ, торговыхъ и экономическихъ условий губерніи, но въ сентябрѣ должны были оставить это дѣло и приступить къ совершенно новой работѣ (440)—къ изслѣдованію урожая. Свѣдѣнія собирались и доставлялись управками, а агенты между прочимъ изготовили «*отроптыя среднія цифры*» урожая нынѣшняго года съ десятными и сборъ каждаго рода хлѣбовъ въ пудахъ, на основаніи «*отроптыхъ среднихъ цифръ*» урожая (подлинныя выраженія отчета, стр. 441), и на основаніи этихъ изслѣдованій опредѣлить общую потребность всего населенія въ продовольствіи. Заканчивая обзоръ этой непоследовательной, суетливой, нецѣлесообразной дѣятельности, бюро называетъ ее почему-то организаторскою. «Въ самомъ дѣлѣ, гласить отчетъ:—большая часть времени истрачена на обсужденіе массы рубрикъ, бланковъ, заголовковъ, инструкцій, циркулярровъ, что можно видѣть изъ 35 протоколовъ засѣданій бюро; но въ началѣ бюро не могло и дѣйствовать иначе; не имѣя собственнаго опыта, бюро не встрѣчало ни въ постановленіяхъ, ни даже въ преніяхъ собранія и самаго съѣзда ровно никакихъ указаній съ чѣмъ и какъ начать собирать свѣдѣнія. Вообще, увѣрять отчетъ, трудно было не потеряться въ массѣ задачъ и выбрать изъ нихъ тѣ, которыя казались по силамъ и имѣли въ глазахъ бюро наибольшее значеніе для земства, именно статк-

стику поземельной собственности и земледѣльческую, долженствующія служить базисомъ будущей кадастраціи земель» (443). «Изъ обзора дѣятельности бюро видно, заканчивается отчетъ, что оно успѣло уже намѣтить тѣ главныя задачи, которыя земская статистика должна преслѣдовать въ будущемъ». Это несомнѣно вѣрно: въ другомъ мѣстѣ отчета само бюро сознается, что эти задачи намѣчены не имъ, а IV статистическимъ съѣздомъ. Въ своемъ первомъ отчетѣ бюро ставитъ, такъ сказать, на счетъ и труды не приведенію въ порядокъ составленной для агентовъ библиотеки изъ 260 книгъ счетомъ. «Масса книгъ, говорится въ отчетѣ¹:—почти разомъ возникшей библиотеки потребовала не мало труда со стороны составителя каталога»; затѣмъ идетъ отчетъ по канцеляріи бюро, съ указаніемъ числа номеровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ. Уже изъ этого видно, какой характеръ, несвойственный земскимъ учрежденіямъ, приняла дѣятельность бюро съ самаго начала. Назвавшись грибомъ, полѣзая въ кузовъ, говорить народная пословица. Какъ будто, подчиняясь своему роковому названію, бюро не можетъ здраво и трезво относиться къ своимъ задачамъ, и массою канцелярскихъ затѣй и приемовъ съ первыхъ же шаговъ становится *бюрократическимъ*, не земскимъ учрежденіемъ. «Не говоря уже о перепискѣ бюро съ мѣстами и лицами, гласитъ отчетъ (стр. 22 ib.):—о составленіи каталога и выпискѣ книгъ для библиотеки и объ устройствѣ послѣдней, бюро считаетъ мелочнымъ указать на свое содѣйствіе губернской управѣ въ ея спѣшныхъ работахъ къ губернскому собранію». Содѣйствіе это заключалось въ составленіи докладовъ губернскому собранію (по медицинѣ, о вредныхъ насѣкомыхъ, о выставкѣ и облѣсеніи) и отчета о девятилѣтней дѣятельности земства». Всѣ эти факты, приводимые въ отчетѣ бюро, говорятъ совсѣмъ не въ пользу самого учрежденія. Можно мириться съ необходимостію для агентовъ обращаться къ содѣйствію особой канцеляріи и къ справкамъ въ особой библиотекѣ, но выставлять въ отчетѣ устройство канцеляріи, число исходящихъ бумагъ, выписку книгъ и составленіе каталога библиотеки изъ 260 книгъ, какъ характеристическія черты дѣятельности бюро—значитъ совершенно не понимать задачъ этого учрежденія. Могли агенты оказывать свое содѣйствіе губернской управѣ въ составленіи докладовъ, но такъ какъ это содѣйствіе не входило въ примы ихъ обязанности, то указаніе на такую дѣятельность въ отчетѣ давало очень невыгодное понятіе и о губернской управѣ, и о статистическомъ бюро.

На выслушаніи этого отчета въ земскомъ собраніи, сессіи 1875 года, возникли пренія о совершенномъ упраздненіи бюро. Гласный отъ крестьянъ, Шаловаленко, заявилъ, что управѣ-де, ни сообщаемъ свѣдѣнія возможно точныя и своевременныя, а *бюро насъ болно отягощаетъ*. Волостной писарь, наугавани хованинъ

¹ «Обзорникъ херс. земства» 1875, июль, стр. 4.

отвѣтственностію, беретъ два-три рубля и пишетъ, что знаетъ, въ бланкахъ, по своему разумѣнію; поэтому, предлагаетъ *отъ бюро вовсе откупиться*. Одинъ гласный открыто заявилъ, что, по его мнѣнію, бюро *толчетъ воду*; и, надо признаться, что этимъ выраженіемъ довольно вѣрно характеризовалъ полуторагодовичную дѣятельность бюро. Другой—онъ же и членъ управы—защищая бюро, увѣрялъ, что оно *работаетъ не для даннаго момента, а для будущаго*¹. Гласный Прилуцкій проводитъ параллель между свѣдѣніями, собранными управою на *мѣстѣ преступленія*, и тѣми, которыя собрало бюро чрезъ волостныхъ старшинъ, и находитъ, что *бюро тогда только принесетъ пользу, когда агенты будутъ собирать данная на мѣстѣ*. Но замѣчательнѣе всёхъ было высказано мнѣніе гласнымъ А. Фатуровскимъ.—*«Мнѣ кажется странною та цѣль, которую задаютъ здѣсь статистическому бюро: уловить факты на мѣстѣ преступленія. Я думаю, что цѣль бюро совсѣмъ не та; цѣль его заключается въ томъ, чтобы разработать факты, пойманные другими и представить общую картину состоянія разныхъ отраслей хозяйства губерніи. Вѣрны эти факты или нѣтъ—это для статистики не имѣетъ даже особеннаго значенія. Коль скоро эти факты собраны по правильнымъ формамъ, то они въ общемъ результатѣ непременно будутъ вѣрны, потому что въ одномъ мѣстѣ погрѣшность будетъ въ максимумѣ, въ другомъ въ минимумѣ, и все-таки общій выводъ въ результатѣ будетъ вѣренъ»* (456).

Другой, П. Фатуровскій, объяснилъ, что всё статистическія бюро руководствуются *теоріею вѣроятностей* и, имѣя подъ рукою много данныхъ, выводятъ *извѣстные законы*. *Статистика только и можетъ преслѣдовать такія задачи* (459). Эти мнѣнія, высказанныя такими видными представителями земской интеллигенціи, какъ гг. Фатуровскіе, были ошибочны, какъ это выясняетъ объяснительная записка къ программамъ статистическаго отдѣленія при черниговской губернской управѣ. Далѣе, при изложеніи дѣятельности этого отдѣленія, мы приведемъ совершенно основательное мнѣніе этой записки по спорному вопросу о методѣ и цѣли земской статистики. Замѣчательно, что П. Фатуровскій, упрекая г. Прилуцкаго въ томъ, что онъ забылъ университетскія тетрадки о статистикѣ, самъ обнаруживаетъ въ своемъ возраженіи другую погрѣшность, наводящую на разсужденіе, что если не хорошо забывать университетскія тетрадки, то и останавливаться на нихъ всю жизнь, не слѣдить за движеніемъ науки тоже не совсѣмъ хорошо. Эти пренія имѣли ту печальную сторону, что утвердили агентовъ въ ихъ ошибочномъ и бесплодномъ направленіи къ примѣненію не подходящихъ для земскаго дѣла метода изслѣдованія Кетле и способа собранія данныхъ посредствомъ бланковъ. Большинство 18-ти противъ

¹ Сборникъ херсонскаго земства, 1876, № 3, стр. 447 и слѣд.

16-ти голосовъ предложеніе объ упраздненіи бюро было отклонено.

Вывшій, въ апрѣлѣ 1875 года, IV-й земскій статистическій съѣздъ избралъ изъ среды членовъ съѣзда комиссію для опредѣленія способовъ собранія данныхъ по оцѣнкѣ земель. Комиссія эта состояла изъ членовъ управы гг. Зеленаго и Павловскаго, члена губернскаго статистическаго комитета г. Раевского и трехъ агентовъ бюро. Этою комиссіею была выработана программа работы для оцѣнки земель. На основаніи указаній этой программы, *длительность бюро должна заключаться, главнымъ образомъ, съ торгово-промышленнаго и земледѣльческаго, изслѣдованія губерніи, производимаго на мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ только пунктахъ губерніи. Къ такимъ пунктамъ должны быть приурочены окрестныя мѣстности, приблизительно одинаковымъ образомъ обусловленныя. Это единственный способъ оцѣнки земель, по мнѣнію съѣзда и комиссіи; что же касается до кадастра всѣхъ помѣстій, предложеннаго нѣкоторыми членами съѣзда, то большинство членовъ признало его, при настоящихъ средствахъ земства, немыслимымъ*¹. Комиссія съѣзда по оцѣнкѣ земли полагала, что для этой оцѣнки необходимо собрать свѣдѣнія: 1) о продажныхъ цѣнахъ на землю; 2) о наемныхъ цѣнахъ; 3) о главныхъ пунктахъ сбыта; 4) о томъ, какія мѣстности сбываютъ свои произведенія въ тѣ или другіе пункты; 5) о среднихъ цѣнахъ на земледѣльческія произведенія въ этихъ пунктахъ; 6) о цѣнности перевозки; 7) о разстояніи каждой мѣстности отъ главнаго пункта сбыта; 8) о числѣ дней, необходимыхъ для производства земледѣльческихъ работъ; 9) о цѣнности ѣзняка и упряжнаго дня; 10) о родахъ посѣвовъ; 11) о сѣвооборотахъ; 12) о средней урожайности хлѣбовъ; 13) о средней величинѣ и добротѣ укосовъ травъ и 14) о всѣхъ другихъ обстоятельствахъ, влияющихъ на повышеніе и пониженіе доходности. Кроме того, комиссія полагала собирать свѣдѣнія о новосельныхъ угодьяхъ, и въ виду дѣлать оцѣнку земли по этимъ угодьямъ. Собирать свѣдѣнія комиссія рекомендовала: во-1-хъ, посредствомъ бланзовъ, по правиламъ, указаннымъ съѣздомъ; во-2-хъ, личными изслѣдованіями, перекрестными разпросами населенія и осмотромъ дачъ какъ лично самими агентами, такъ и ихъ сотрудниками².

Къ сожалѣнію, бюро не слѣдовало этимъ указаніямъ и, при составленіи бланзовъ, исключило изъ нихъ свѣдѣнія о цѣнахъ на рабочія руки въ виду того, что въ уѣздныхъ управахъ есть эти свѣдѣнія, которыми бюро можетъ воспользоваться *въ случаѣ необходимости* (id. стр. 21). Также оно поступило и съ свѣдѣніями о цѣнахъ на земледѣльческіе продукты, такъ какъ не могло имѣть убѣренности, что собранныя имъ свѣдѣнія будутъ

¹ Сборникъ херсонскаго земства за 1876 г., № 3, стр. 435.

² Сборникъ херсонскаго земства за 1876 г., окт., стр. 20.

політѣ, своевремениѣ и точнѣ справочныхъ цѣнъ на провіантъ, фуражъ и на перевозку, собираемыхъ управами ежемѣсячно (id. 22 стр.). Отсюда видно, что бюро сомнѣвается даже въ необходимости имѣть свѣдѣнія о цѣнахъ на рабочія руки: «въ случаѣ необходимости, гласить отчетъ бюро, какъ будто можно вывести доходность земли, неотдаваемой въ аренду, безъ этихъ свѣдѣній. Агентамъ бюро слѣдовало свои сомнѣнія заявлять на статистическомъ съѣздѣ, котораго членами они состояли; но, согласившись на съѣздѣ, что необходимо собирать извѣстныя свѣдѣнія, признавать ихъ потомъ излишними, а затѣмъ жаловаться на отсутствіе указаній, съ чего начать и какія именно свѣдѣнія собирать — не значить ли прикрывать словами бѣдность результатовъ своей дѣятельности и неспособность справиться съ дѣломъ? Потому оказывается, что само бюро не вѣрять въ полноту и точность собираемыхъ имъ свѣдѣній, полагаясь болѣе на свѣдѣнія, собираемыя управами, и упуская изъ виду, что *справочныя свѣдѣнія* о цѣнахъ на *фуражъ* и *провіантъ* — совсѣмъ не одно и то же, что среднія за нѣсколько лѣтъ цѣны на земледѣльческіе продукты: — во-1-хъ, эти свѣдѣнія не заключаютъ данныхъ о цѣнахъ на продукты въ томъ видѣ, въ какомъ они сбываются, а представляютъ какія-то фиктивные цифры въ томъ видѣ, въ какомъ требуются для военнаго вѣдомства (зрпны, мука въ пудахъ, но они не составляютъ обычной формы сбыта, а пшеница, рожь, овесъ въ четвертяхъ, а продажа ихъ давно уже производится на пуды); во-2-хъ, свѣдѣнія эти собираются помѣсячно для двухъ-трехъ мѣстностей въ уѣздѣ и представляютъ *сложныя справочныя* цѣны, совсѣмъ неподходящія подъ среднія за нѣсколько лѣтъ цѣны для каждой мѣстности (селенія, волости). Исключивъ такія необходимыя для оцѣнки земель свѣдѣнія, бюро составило бланки для частныхъ лицъ по животноводству и вотъ какъ описываетъ содержаніе этихъ бланковъ¹: «въ заголовкѣ ихъ или разныя вопросы, касающіеся состоянія заводовъ лошадей, скота, овецъ; потомъ табличка для показаній о лошадахъ, съ распределеніемъ на породы съ одной стороны, на рабочихъ и гужевыхъ съ другой и на жеребцовъ, вобылъ и подроставшихъ лошадей съ третьей. Затѣмъ или подобныя же таблицы для рогатаго скота, овецъ, свиней, потомъ *показанія о пчелахъ* и, *накомѣнъ*, на 4-й сторонѣ бланка *показанія объ арендныхъ и наемныхъ цѣнахъ* на землю, по категоріямъ, и о числѣ десятинъ земли, отданной въ наемъ, тоже по категоріямъ».

Сравнивая тѣ ближайшія задачи, какія бюро поставило себѣ, по указанію статистическаго съѣзда, съ этими бланками по *животноводству*, трудно понять, почему главные вопросы, необходимые для оцѣнки земель, поставлены послѣ свиней и пчелъ, и притомъ только нѣкоторые: изъ 14-ти категорій свѣдѣній, признанныхъ необходимыми для оцѣнки земли, въ бланкахъ попали

¹ Сборникъ херсонскаго земства, 1876 г., окт., 19 стр.

только вопросы объ арендныхъ и наемныхъ цѣнахъ. Такая непослѣдовательность, не цѣлесообразность бланковъ подрывала, въ средѣ запрашиваемыхъ лицъ, всякое довѣріе къ серьезности дѣла, и этимъ отчасти можно объяснить малый процентъ (11% со ста) полученныхъ отвѣтовъ. Существеннымъ условіемъ при составленіи запросныхъ бланковъ для цѣлей статистики представляется такое знакомство составителей съ предметомъ изслѣдованія, при которомъ связь и вліяніе всякихъ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, факторовъ извѣстнаго явленія предполагаются и отвѣтами желаютъ уяснить только выраженное цифрами или словами дѣйствительное большее или меньшее участіе этихъ факторовъ въ извѣстномъ явленіи. Приступая, напримѣръ, къ собиранію данныхъ по оцѣнкѣ земли, необходимо привести въ извѣстность всѣ тѣ конкретные факты, которые служатъ факторами въ дѣлѣ эксплуатаціи земли; необходимо отличать различныя угодья, имѣющія различное значеніе по приносимому ими доходу; всякіе сложные и отвлеченные вопросы должны быть разложены на простѣйшіе, осязательные факты¹ и ставить вопросы слѣдуетъ только о фактахъ, необходимыхъ для главной цѣли изслѣдованія, не переполняя бланковъ излишними подробностями, затрудняющими опрашиваемыхъ лицъ. Въ такомъ смыслѣ и сдѣланы были указанія комиссіею статистическаго сѣзда. Но агенты бюро, вмѣсто вопросовъ объ элементахъ цѣнности и доходности земли, наполняютъ бланки вопросами по животноводству.

Въ послѣднемъ отчетѣ, бюро, желая оправдать свою непослѣдовательность, такъ характеризуетъ свою дѣятельность: «если взвѣснить тѣ ошибки, недоразумѣнія, разъясненія и поправки, какія послѣдовали въ практическомъ примѣненіи дѣйствій бюро, то, при сравненіи ихъ съ обширностію совершенно новаго дѣла, нельзя не согласиться, что многое (?) было предусмотрено, взвѣшено и устранено изъ всѣхъ тѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствій, какія сопровождаютъ всегда осуществленіе новой идеи». (Оборникъ херс. земства, окт. 1876 г., 2 стр.).

И далѣе, на страницѣ 5-й: «съ цѣлью дать земству практическія доказательства необходимости существованія спеціальнаго статистическаго учрежденія, бюро имѣло характеръ спокойнаго и всесторонняго разрѣшенія лежащихъ на немъ задачъ; оно замало выборомъ тѣхъ работъ, которыя представляли наиболѣе основаній къ тому, чтобы на дѣлѣ показать пользу настоящей организаціи бюро и несостоятельность статистики при уязвимыхъ управленіяхъ. Такими работами является: а) основаніе переоцѣнки зе-

¹ Нельзя, напримѣръ, спрашивать волостными правленіями о «стоимости» земли. Стоимость—выраженіе неопредѣленное, отвѣченное; а надо спрашивать или о продажной цѣнѣ, или о *рыночной* (по которой земля приобретена отъ казенъ и помѣщиковъ); еще лучше спрашивать не о цѣнѣ, а о случаяхъ и условіяхъ продажи земли, а выводы о цѣнѣ можно дѣлать уже самъ изслѣдователь.

мель Херсонской Губерніи; б) изслѣдованіе объ урожаѣ 1875 г.; в) разработка свѣдѣній о посѣвахъ крестьянъ въ 1875 году; г) разработка данныхъ по экономическому состоянію крестьянскихъ обществъ и д) *девятимѣсячній отчетъ по народному образованію* (тамъ же, стр. 5).

И такъ, вмѣсто собранія данныхъ по оцѣнкѣ земли, бюро собираетъ данные по животноводству; вмѣсто разработки сельско-хозяйственной и промышленной статистики, членъ его пишетъ отчетъ о народномъ образованіи, и дѣлается это для того, чтобы доказать необходимость бюро!

Успѣхъ собранія свѣдѣній былъ весьма неудовлетворительный. Еще первый годъ свѣдѣнія доставлены почти отъ всѣхъ волостей, но отъ частныхъ лицъ бланки возвращены только въ количествѣ 32% ожидавшихся; на второй же годъ и волости доставили изъ 234 только 159, а частныя лица только 11% ожидавшихся (тамъ же стр. 22).

Лѣтомъ 1876 года начало сведеніе данныхъ о продажныхъ, выкупныхъ, арендныхъ и наемныхъ цѣнахъ на земли; матеріаломъ для этого послужили свѣдѣнія о землевладѣніи по бланкамъ 1874 года; *стодѣтній по животноводству* и по расходамъ на хозяйство бюро не сводило: первыхъ въ виду *изъ крайней отрывочности*, а послѣднихъ, потому что не имѣло намѣренія вводить ихъ въ работу по оцѣнкѣ земли (стр. 25).

Изъ пяти представленныхъ собранію работъ особый интересъ для земскаго собранія могла представлять разработка данныхъ по оцѣнкѣ земель.

Но оказалось, что въ основаніе этой оцѣнки вошли такія данныя, которыя и не могли привести къ точнымъ и близкимъ къ дѣйствительности выводамъ. Такъ, сюда вошли данныя о *стоимости* земли по показаніямъ обществъ и частныхъ лицъ, о наемныхъ годовыхъ цѣнахъ¹, о долгосрочной арендѣ; свѣдѣнія эти относятся къ 1874 и 1875 годамъ; въ тѣ же бланки включены свѣдѣнія, извлеченныя управою изъ нотаріальнаго архива о продажныхъ цѣнахъ на землю въ 1869 и 1870 годахъ и собранныя управою свѣдѣнія о наемныхъ цѣнахъ на землю въ 1869 году. *«Всѣ эти свѣдѣнія вошли въ составъ тѣхъ среднихъ цифръ, которыя бюро положило въ основаніе оцѣнки земли по уѣздамъ и районамъ уѣздовъ»* (31 стр. отчета бюро, Сборн. херс. зем. 1876 г., октябрь).

Если принять во вниманіе, что оцѣнка земли требовалась для равномерной раскладки земскаго сбора, что въ предѣлахъ уѣзда доходность земли встрѣчается отъ 1-го до 5 ти рублей, смотря по мѣстности, что, слѣдовательно, средняя цифра доходности по уѣзду не годится для налога, такъ какъ худшія земли будутъ

¹ Свѣдѣнія о наемныхъ цѣнахъ на землю, по признанію самого бюро, имѣютъ самую низкую степень достоверности. (См. Сб. херс. зем. за 1876 г., авг. и сент. Прилжж. стр. 28).

въ такомъ случаѣ обложены по преувеличенному расчету ихъ доходности, а лучшія—по уменьшенному, то будетъ понятно, что такіа основанія оцѣнки и раскладовъ не лучше, а хуже прежнихъ, по которымъ не *средняя*, а худшая земля принималась за основаніе для обложения земель.

Кромѣ того, данныя, вошедшія въ составъ выводовъ, не могли служить для вѣрной оцѣнки: во 1-ыхъ, потому что продажныя цѣны на землю никогда не выражаютъ дѣйствительной стоимости ея: по свѣдѣніямъ нотаріальнаго архива, онѣ ниже дѣйствительной стоимости, по свѣдѣніямъ частныхъ лицъ и обществъ онѣ не полны, потому что нераспредѣлены по угодыамъ, не выяснены указаціями, въ какой мѣрѣ на цѣну жвѣнія вліяли цѣны постройки, заводы и другія индивидуальныя и реальныя особенности продажной сдѣлки; во 2-хъ, потому что данныя эти относятся къ разнымъ годамъ—1869, 74, 75; т. е. *неоднородны*. Въ 1869 году проведена желѣзная дорога изъ Елисаветграда на Бременчугъ, а ватѣмъ Фастовская и Николаевская. Это обстоятельство самымъ кореннымъ образомъ измѣнило цѣнность и доходность многихъ ближайшихъ къ дорогѣ земель; а бюро не приняло этого въ расчетъ и свело данныя различныхъ годовъ въ одну таблицу; въ 4-хъ, потому что отъ частныхъ лицъ свѣдѣнія получены за 1874 г. 32%, а за 1875 г. 11%; а эти свѣдѣнія представляютъ самый важный изъ всѣхъ разрядовъ данныхъ, вошедшихъ въ составъ выводовъ по оцѣнкѣ земли; но такъ какъ приходилось дѣлать заключенія отъ 32-хъ и отъ 11-ти извѣстныхъ ко сту неизвѣстнымъ, то и эти данныя могли дать только ошибочные выводы; въ 5-хъ, потому что главнымъ матеріаломъ послужили свѣдѣнія отъ сельскихъ обществъ, изъ которыхъ многія не понимали значенія слова «стоимость» земли.

И дѣйствительно, при чтеніи въ собраніи доклада объ оцѣнкѣ земли, многіе гласные заявили, что оцѣнки эти преувеличены. Были впрочемъ и горячіе защитники этой работы; большинство же собранія признало оцѣнку бюро непригодною для земскихъ раскладовъ. Не оцѣнку земли должно было сдѣлать бюро. Оно обязано было доставить только правильно разработанные матеріалы для оцѣнки, а самую оцѣнку земли могла произвести только оцѣночная коммиссія, составленная изъ гласныхъ. Такъ понимало свою задачу статистическое отдѣленіе при Черниговской Губернской Управѣ: да иначе и быть не должно, только гласные могутъ дѣлать расклады земскаго сбора и необходимы для такихъ раскладовъ оцѣнки имуществъ; имъ же притомъ лучше, чѣмъ агентамъ, извѣстны мѣстныя условія. Но статистическое бюро не могло представить годныхъ для оцѣнки матеріаловъ; чтобы пополнить этотъ пробѣлъ по главной его задачѣ, оно взялось не за свое дѣло—оцѣнку земель и, конечно, исполнило его дурно.

Такимъ образомъ, главный, по ея значенію для земскихъ интересовъ, работа бюро не оцѣнкѣ земель—его, такъ сказать, *cheval de bataille* не вывела его изъ той кучи безпорядочно на-

браннаго матеріала, который бюро признало годнымъ для такой серьезной, имѣвшей такое важное значеніе, работы. — По постановленію собранія работа эта должна была быть передана въ уѣздныя управы; но это не исполнено и по настоящее время; она даже не напечатана въ «Земскомъ Сборникѣ», потому что оказалась переполненной ошибками. Другая работа по оцѣнкѣ экономическаго благосостоянія крестьянскихъ обществъ, хотя и представляетъ нѣкоторый интересъ, но вслѣдствіе непригоднаго метода изслѣдованія и случайно, а не по соображенію о связи и вліяніи извѣстныхъ факторовъ, набранныхъ данныхъ, не имѣетъ никакого значенія для земскаго хозяйства. Земству нужны не среднія цифры, не выводы о среднемъ для губерніи и уѣзда человекѣ, хозяйнѣ, имѣніи, доходѣ, а точныя данныя, выведенныя изъ конкретныхъ фактовъ для самыхъ мелкихъ единицъ изслѣдованія. Бюро приняло за величины изслѣдованія благосостоянія крестьянскихъ обществъ *волость, группу и дворъ*; свѣдѣнія собирались *по-дворно*, но затѣмъ они сведены въ кучу *по районамъ*, которыхъ въ Александрійскомъ Уѣздѣ вышло пять (почему не десять?), и обзоръ экономическаго благосостоянія сельскихъ обывателей сдѣланъ сначала въ общемъ выводѣ по уѣзду, потомъ по частямъ уѣзда и наконецъ по отдѣльнымъ волостямъ (Прилож. къ 8 и 9 кн. Сборника херс. зем. за 1876 г.). При изслѣдованіи приняты за основаніе для сужденія о благосостояніи обществъ: *размѣръ надѣловъ, количество скота, посѣвовъ, число рабочихъ душъ*. Эти условія представляютъ такъ мало разнообразія въ предѣлахъ уѣзда, а количество скота и посѣвовъ является таинимъ невѣрнымъ колеблющимся факторомъ, что безъ введенія въ изслѣдованіе такихъ факторовъ, какъ урожайность, близость торговыхъ пунктовъ, цѣна на рабочій трудъ и на землю, изслѣдованіе не рѣшаетъ никакихъ имѣющихъ практическое значеніе вопросовъ. Какъ ни мелочны и ничтожны выводы, какъ ни мелки различія, подмѣченныя изслѣдованіемъ, но и по нимъ можно составить понятіе о совершенной непригодности и недостаточности матеріала и пріемовъ его обработки для сужденія о степени благосостоянія крестьянскихъ обществъ въ различныхъ частяхъ уѣзда.

Другихъ работъ мы не разбираемъ: изслѣдованіе о посѣвахъ — собственно не есть самостоятельная работа, а выдѣленная изъ работы по благосостоянію обществъ часть матеріаловъ съ непонятными и курьезными средними цифрами. Изслѣдованіе объ урожаѣ можно оцѣнить по нѣсколькимъ указаніямъ о характерѣ этой работы, приведеннымъ нами въ другомъ мѣстѣ. Отчетъ же о народномъ образованіи за девять лѣтъ мы и не признаемъ спеціальною работою по статистикѣ.

Въ октябрѣ 1876 года послѣ доклада смѣтной комиссіи, предлагавшей исключить изъ смѣты сумму, вносившуюся на содержаніе бюро, на защиту бюро поднялись главнымъ образомъ члены губернской управы. Предсѣдатель управы П. Н. Фатуровскій заявилъ, что работа бюро по оцѣнкѣ земли *настолько*

являла, что земскому собранію слѣдуетъ обратить на нее особенное вниманіе и принять за основаніе раскладокъ. Мнѣніе это опровергнуто теперь заявленіемъ бывшаго агента бюро г. Калагсорги, напечатанномъ въ сборникѣ херс. земства 1878 года за октябрь. Изъ этого заявленія видно, что работа эта была переполнена ошибками и только теперь г. Калагсорги исправилъ ее по двумъ уѣздамъ. Членъ управы г. Луговской указывалъ на *прекрасные труды членовъ-агентовъ бюро*. «Я вполне сознательно называю ихъ *прекрасными*, такъ какъ они прошли черезъ мои руки, будучи редактированы и печатаны мною же», заявилъ онъ.

Одинъ гласный, незнакомый, какъ онъ самъ признается, съ дѣятельностію бюро, находилъ однако, что статистическія цифры, *выработываемыя имъ, освѣщаютъ тѣ пути*, по которымъ собраніе должно слѣдовать къ правильному разрѣшенію вопроса (?). *Отказываться отъ этихъ цифръ* — значить обречь себя на тѣму и на рѣшеніе вопросовъ очертя голову (Сборн. хер. зем. 1877 г. июль, стр. 349).

Гласный Дубецкій заявилъ, что изъ вѣдомостей, которыя разсылались отъ бюро, онъ пришелъ къ заключенію, что само бюро не стоитъ на твердой почвѣ; при полученіи этихъ вѣдомостей онъ недоумѣвалъ при видѣ неопредѣленности требований этихъ таблицъ. Докладчикъ смѣтной комиссіи гласный Значко-Яворскій заявилъ, что никто не оспариваетъ въ принципѣ пользу статистики; и если бы мы видѣли, что бюро дѣйствительно работаетъ, что члены его, какъ мы о томъ и просили, *ездятъ по уѣздамъ, сами наблюдаютъ и проставляютъ тѣ единицы*, на основаніи которыхъ дѣлаютъ свои вычисленія, тогда никто бы не былъ не былъ противъ бюро.

Одинъ гласный увѣрялъ, что если не нравится собранію дѣятельность бюро, то можно начертать другую программу со *дѣятельной* (стр. 362 тамъ же).

Но гласные хорошо понимали, что начертаніемъ программы не улучшатъ дѣятельности агентовъ, которые уже показали, какъ они неспособны слѣдовать указаніямъ статистическаго съѣзда. Гласный отъ крестьянъ Шаповаленко, наставляя еще въ 1875 году на упраздненіи бюро, указывалъ на то, что *расходъ на бюро дѣлается только для картины*, а не для чего иного (Сб. херс. зем. 1876 г., № 3, стр. 457).

Конечно, гласнымъ невозможно было во время засѣданія собранія ознакомиться основательно съ работами бюро, которыя были отпечатаны во время и послѣ засѣданій собранія. Но изъ отчетовъ самаго бюро, въ которыхъ разсѣяны его невольныя признанія, изъ результатовъ оцѣночныхъ работъ для нихъ вполне выяснилось: во-первыхъ, что агенты бюро, вопреки желанію собранія и указаніямъ статистическаго съѣзда, отказывались измѣнить способъ собиранія данныхъ; вмѣсто собиранія свѣдѣній экспедиціоннымъ способомъ, они наводняли губернію своими бланками съ непродуманными, сложными и путанными запро-

сами; и это дѣлалось послѣ испытанныхъ за два года неудачныхъ попытокъ собрать данныя по этому способу; во-вторыхъ, что разработка данныхъ ведется бессознательно, безъ соображенія о цѣли и о потребностяхъ земскихъ учреждений, по рецепту Кетле для вывода среднихъ цифръ съ претензіею на уясненіе законовъ жизни. Многіе гласные сознавали, что земству нужна статистика, да не такая; но никто не могъ уяснить разницы между задачами статистики, какъ науки, и задачами земской статистики, для которой нужны не среднія цифры и процентныя отношенія, сглаживающія все разнообразіе отдѣльныхъ явленій, а непосредственные, конкретные факты во всемъ ихъ многообразіи, сгруппированные въ стройные ряды категорій явленій, дающіе матеріалъ для сужденія объ известномъ общественномъ явленіи, какъ оно себя проявило въ каждой данной мѣстности въ известное время. Никто не могъ уяснить, что это различіе задачъ обуславливаетъ и различіе методовъ изслѣдованія.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы дѣло мѣстной статистики было *дѣло совершенно новое*, какъ утверждаютъ это агенты въ своихъ отчетахъ. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, намъ попадалась книжка печатныхъ трудовъ херсонскаго статистическаго комитета, а въ 1863 г. отпечатаны два обширные тома матеріаловъ для географіи и статистики Херсонской Губерніи г. Шмидта. Это послѣднее сочиненіе хорошо знакомо всѣмъ земскимъ людямъ Херсонской Губерніи. Въ предисловіи къ своему труду г. Шмидтъ высказываетъ такія мысли о способахъ собранія данныхъ и о разработкѣ ихъ, которыя обнаруживаютъ гораздо болѣе пониманія цѣлей, задачъ и способовъ статистическаго описанія отдѣльной мѣстности, нежели всѣ разсужденія и работы агентовъ херсонскаго бюро. «Способъ составленія у насъ официальныхъ свѣдѣній», говоритъ г. Шмидтъ: — «известный всѣмъ, ручается за невозможность положиться на нихъ для вывода какихъ нибудь вѣрныхъ заключеній. *Нужна большая осторожность въ пользованіи ими и близкое знакомство съ предметами, къ которымъ они относятся, посредствомъ изученія ихъ на мѣстѣ.* Для этого послужили предпріятыя мною поѣздки въ различныя мѣстности губерніи. Когда, вслѣдствіе этого, установился взглядъ на предметы, подлежащіе описанію, когда было изслѣдовано положеніе ихъ въ разныхъ концахъ губерніи и открыта тѣсная послѣдовательная связь различныхъ сторонъ края, тогда только было приступлено мною къ составленію его описанія (стр. IV). Въ другомъ мѣстѣ г. Шмидтъ такъ характеризуетъ задачи статистическаго описанія какой либо страны или области: «Статистическое описаніе какой либо страны или области можетъ имѣть научный и практическій смыслъ только тогда, когда будетъ описана жизнь края во всей подробности ея, будутъ указаны условія быта мѣстнаго населенія, причины его преуспѣянія или вастоя, его богатство и бѣдность, тѣсная связь всѣхъ элементовъ, и когда все это будетъ оживлено цифрами, которыя

могутъ всегда быть выражены съ приближительною точностію и которыя имѣютъ прямое значеніе для жизни края, однимъ словомъ, когда будетъ собрано какъ можно болѣе *не итоги по губерніи, а цифры, изъ которыхъ должны слагаться эти итоги*» (Матеріалы для географіи и статистики Херсонской Губерніи, т. I, стр. V предисловія).

Г. предсѣдатель собранія, не отвергая совершенно нольми статистики въ принципѣ, заявилъ, что, при томъ несерьезномъ взглядѣ, какой имѣетъ на бюро даже сама губернская управа, оно для насъ совершенно ненужно. Этимъ закончились пренія 27-го октября 1876 года и затѣмъ собраніе постановило: «по статьѣ 88, смѣты предложенныя къ ассигнованію на содержаніе, при херсонской губернской управѣ, статистическаго бюро 6,000 рублей *исключить*, и статистическое бюро, а также съѣзды *упразднить*». (Сборникъ херсонскаго земства за іюнь 1877 года, стр. 355).

II.

Статистическое отдѣленіе при черниговской губернской управѣ.

Съ февраля 1876 года при черниговской губернской управѣ было устроено статистическое отдѣленіе, которому съ самаго начала была поставлена двойная цѣль: одна чисто практическая—собрать матеріалы для улучшенія земскихъ раскладокъ, другая, болѣе широкая—изучить экономическое состояніе и средства губерніи. Первый годъ дѣятельности отдѣленія имѣлъ подготовительный характеръ. Въ теченіи этого года были составлены весьма подробныя программы, которыя, послѣ провѣрки ихъ путемъ пробныхъ описаній, были измѣнены согласно указаніямъ практики и затѣмъ напечатаны въ видѣ отдѣльной книги. Такъ какъ въ теченіи этого года выяснился объемъ предстоящихъ работъ, то управа предлагала собранію увеличить составъ отдѣленія до 3-хъ агентовъ и 3-хъ помощниковъ; при такомъ составѣ, по ея расчету, весь трудъ описанія губерніи могъ быть оконченъ въ 4 или 5 лѣтъ. Собраніе утвердило программы и согласилось на увеличеніе состава отдѣленія; увеличена и сумма на содержаніе отдѣленія: вмѣсто 4,200 рублей назначено 8,000 рублей. Въ теченіи 1877 года статистическое отдѣленіе окончило описаніе двухъ уѣздовъ—черниговскаго и борзенскаго, и описало половину третьяго—новозыбковскаго. Сообразно двойственному характеру изслѣдованій, печатные труды отдѣленія должны были составить два самостоятельные ряда изданій: 1) собственно оцѣночныя матеріалы и 2) отдѣльныя статистико-экономическія монографіи по вопросамъ, не имѣющимъ прямаго отношенія къ земскимъ

раскладкам¹. Агенты черниговскаго статистическаго отдѣленія не имѣли никакихъ указаній статистическаго съѣзда (который хотя и былъ задуманъ, по примѣру Херсонской Губерніи, но ни разу не собирався); поэтому они сами уяснили себѣ свою задачу, избрали наиболѣе цѣлесообразный способъ собранія данныхъ, уяснили необходимость примѣнить методъ изслѣдованія, наиболѣе соотвѣтственный задачамъ земской статистики, и составили планъ работы, рассчитанный на усѣбное выполненіе главнѣйшихъ болѣе неотложныхъ задачъ земскаго хозяйства.

«Имѣя дѣло съ фактами, подлежащими измѣненію въ пространствѣ и времени», такъ начинается объяснительная записка къ программѣ отдѣленія:—«статистика и хроникогнозіа, какъ науки о «среднемъ» человѣкѣ, о среднемъ его хозяйствѣ и т. д., мало пригодны для тѣхъ практическихъ цѣлей, какія имѣло въ виду земское собраніе, учреждая статистическое отдѣленіе при черниговской губернской управѣ. Среднія цифры, цѣнные для абстрактной науки, не представляютъ почти никакого интереса для людей, желающихъ знать состояніе данной отдѣльной мѣстности и въ данное время въ томъ или другомъ отношеніи. Съ ограниченіемъ пространства, которое избираетъ для себя статистическое изслѣдованіе, тѣсно связано и измѣненіе метода его. Лучшій примѣръ тому, что измѣненіе метода въ данномъ случаѣ необходимо, представляетъ опытъ земской статистической дѣятельности въ Херсонской Губерніи. Дебаты въ земскомъ собраніи этой губерніи интересны, потому что показываютъ, какъ разнорѣчны могутъ быть мнѣнія по вопросу о земской статистикѣ и какъ мнѣнія эти могли бы быть соглашены при вниманіи къ успѣхамъ теоретической статистики за послѣднее время.

«Гласный А. Фатуровскій, защищавшій необходимость статистическаго бюро, выходилъ изъ той точки зрѣнія, что статистическая наука, не имѣя возможности рассчитывать на совершенно точныя цифры, должна по необходимости довольствоваться средними цифрами, которыя, вслѣдствіе взаимнаго уничтоженія ошибокъ, въ минимумѣ и максимумѣ будутъ даже ближе къ истинѣ, чѣмъ собранныя несовершенными способами реальныя цифры объ отдѣльныхъ фактахъ. Рядомъ съ предпочтеніемъ среднихъ цифръ, у него необходимо является и расширеніе района статистическаго изученія, при которомъ единицею является губернія. Возражавшіе г. Фатуровскому упускали изъ вида именно эту тѣсную связь метода съ райономъ...

«Директоръ баварскаго статистическаго бюро, г. Майръ, доводя свое положеніе объ этой связи до конца и говоря о будущности статистики, высказалъ на восьмомъ международномъ съѣздѣ статистическаго конгресса совершенно вѣрную мысль о томъ, что,

¹ Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ статьи: «Какъ развивали земскую статистику въ Черниговской Губерніи», помѣщенной въ 10-мъ номерѣ «Цѣдѣли» за 1878 годъ.

въ интересахъ статистики, даже какъ абстрактной науки, ипнѣйшій *телескопическій*, какъ онъ выразился, исходный пунктъ зрѣнія ея на массы, имѣющій въ виду лишь «среднюю величину», долженъ необходимо измѣниться въ другой, болѣе сообразный съ сущностью вещей, болѣе *микроскопическій* методъ изслѣдованія. Онъ не отрицаетъ того, что среднія цифры есть начало и конецъ статистики, но онъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ имѣетъ значеніе развѣ лишь для ориентированія при началѣ статистическихъ работъ».

Выяснивъ значеніе «географическаго» или «описательнаго» метода, имѣющаго въ виду не полученіе и выводъ мировыхъ законовъ о человѣкѣ и его жизни на всемъ земномъ шарѣ изъ свѣдѣній, собранныхъ въ теченіи столѣтій, а изученіе лишь извѣстныхъ опредѣленныхъ единицъ пространства и времени, авторъ объяснительной записки признаетъ, что примѣненіе обояхъ методовъ неизбежно, вслѣдствіе неминуемаго чередованія во всякомъ теченіи мысли методовъ синтетическаго и аналитическаго. По *географическій* методъ, приурочивающій свои данныя къ возможно меньшему району, важнѣе для жизни метода *математическаго* или научнаго.

Относительно *единицы пространства* авторъ объяснительной записки полагаетъ, что она должна быть избрана не очень мелкая и не очень крупная, соображаясь и со средствами, какими можно располагать, и съ требованіями, какія поставлены для изслѣдованія.

Планъ программъ установленъ отдѣленіемъ на основаніи соображеній о задачахъ экономической статистики вообще. Экономическая статистика приводитъ въ извѣстность факты, показывающіе отношеніе количества производства къ количеству потребленія. Поэтому программа для описанія на первый разъ Черниговскаго Уѣзда должна распадаться на слѣдующіе три главные отдѣла: 1) о промышленности добывающей или, въ нашемъ случаѣ, о земледѣліи и условіяхъ его существованія; 2) о промышленности перерабатывающей какъ въ простыхъ, такъ и въ болѣе усовершенствованныхъ ея формахъ; 3) о торговлѣ внутренней и виѣшней, формахъ и условіяхъ ея существованія. Въ оправданіе таковаго плана (въ виду нападокъ гласныхъ на преслѣдованія отдѣленіемъ цѣлей научныхъ, а не практическихъ) объяснительная записка приводитъ соображеніе, что общія основанія, на которыхъ можетъ быть построено правильное опредѣленіе кадастра и точное знаніе факторовъ, производящихъ цѣнности, должны быть непременно изучены по однимъ научнымъ программамъ, прилагаемымъ, по строгой однообразной системѣ, ко всѣмъ мѣстностямъ Черниговской Губерніи; научный планъ программъ имѣетъ въ виду собраніе точныхъ фактовъ, необходимыхъ для справокъ о нуждахъ и положеніи губерніи; оттого онъ такъ простъ и элементаренъ, что представляетъ собою единственный всегдашній приемъ при предпріятіяхъ подобнаго рода

(XIV стр.). Для опредѣленія *способовъ собранія свѣдѣній*, объяснительная записка перечисляетъ всѣ извѣстныя, практиковавшіяся у насъ способы, разсматриваетъ удобства и неудобства каждаго изъ нихъ и сообразность ихъ съ спеціальными цѣлями земской статистики и, послѣ выясненія всѣхъ сторонъ дѣла, останавливаетъ выборъ на *экспедиционномъ способѣ*. Далѣе въ объяснительной запискѣ указана конечная цѣль программъ или *способы разработки добытыхъ при помощи ихъ свѣдѣній*. Отдѣленіе не призвано для того, чтобы предлагать какіе-либо проекты для опредѣленія цѣнности и доходности имущества, облагаемыхъ сборомъ; оно и не считаетъ себя вправѣ составлять какія бы то ни было основанія для оцѣнки. При составленіи программъ оно руководилось тѣми указаніями, которыя были выработаны въ земской литературѣ по вопросу о земскомъ обложеніи; отсюда оно узнало и тѣ основанія, при какихъ на практикѣ разъяснялся уже законъ о цѣнности и доходности, и тѣ способы, къ которымъ черниговскія оцѣночныя комиссіи должны будутъ прибѣгнуть, когдѣ скоро работы отдѣленія дадутъ возможность приступитъ къ дѣлу оцѣнки (XXXI стр.). Указавъ на научные приемы разработки данныхъ по способу *географическому-описательному* или *хрониконостическому-историческому* (имѣющимъ въ виду или *состояніе* данной мѣстности въ моментъ собранія фактовъ, или *измѣненіе* даннаго статистическаго фактора во времени); упомянувъ, что для земства одинаковую важность представляютъ какъ статистическія, такъ и хрониконостическія свѣдѣнія, авторъ записки говорить, что отдѣленіе, въ виду экондміи силъ, и безъ того недостаточныхъ, и въ виду того, что вопросъ о постоянномъ собраніи данныхъ еще не выясненъ, нашло нужнымъ подраздѣлить факты, которые будутъ собираться, на двѣ группы, по методу ихъ разработки. Къ первой группѣ отнесены факты съ болѣе постояннымъ неизмѣннымъ характеромъ, ко 2-й — факты, измѣняющіеся изъ года въ годъ. Свѣдѣнія 1-го рода, служащія главнымъ основаніемъ для кадастра, приняты за неизмѣняющіяся въ теченіи времени производствѣ описанія. По нимъ будетъ составлено описаніе каждаго уѣзда, которое должно пополняться изъ года въ годъ фактами 2-го рода, объясняющими причины измѣненія цѣнности и доходности имущества. За объяснительною запискою слѣдуютъ объясненія къ сельско-хозяйственнымъ программамъ, составленнымъ членомъ статистическаго отдѣленія г. П. Червинскимъ. Авторъ прежде всего останавливается на значеніи словъ «цѣнность и доходность», употребленныхъ въ ст. 10-й временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій. По его мнѣнію, терминъ «доходность» не употребляется въ экономической наукѣ, а потому и не имѣетъ точно опредѣленнаго значенія, всѣми признаваемого; терминъ же «цѣнность» хотя и получилъ строго научное значеніе, но совсѣмъ не то, въ которомъ обыкновенно употребляется въ земскихъ раскладкахъ. Выясняя затѣмъ значеніе *дѣйствительнаго* и *средняго* дохода съ

даннаго участка земли, авторъ изъ сравненія ихъ выводитъ заключеніе, что *обложение по среднему, а не действительному доходу* не только единственно исполнимое на практикѣ, но, *имѣясь съ тѣмъ, оно и болѣе сообразно съ справедливостію* (стр. 4). Средній доходъ находится въ постоянномъ процентномъ отношеніи къ цѣнѣ земли, разумѣется, средней, а не продажной. По этому подѣ *доходностію* ст. 10-й временныхъ правилъ слѣдуетъ подразумѣвать *средній* доходъ, а подѣ цѣнностию среднюю цѣну. Находясь въ постоянномъ процентномъ отношеніи, эти двѣ величины даютъ одну норму для обложенія, имѣющую только два равныхъ выраженія: цѣнность и доходность (стр. 5).

Цѣнность можетъ быть получена двумя способами: изъ продажныхъ цѣнъ на землю и капитализаціей чистаго дохода. Для опредѣленія доходности есть тоже два способа: арендная плата въ деньгахъ и долѣ продукта и непосредственное исчисленіе всѣхъ затратъ и выручекъ по эксплуатаціи земли. Затѣмъ, авторъ дѣлаетъ оцѣнку достовѣрности каждаго изъ этихъ способовъ и указываетъ, какія свѣдѣнія необходимо собрать, чтобы привести въ извѣстность необходимыя для выводовъ цифры. Уяснивъ характеръ вопросовъ, введенныхъ въ программы, авторъ обращается къ ихъ распредѣленію по программамъ. Такихъ программъ составлено пять: 1) общая, 2) для отдѣльнаго общества крестьянъ и казаковъ, 3) для имѣній, 4) для коноплянниковъ, табачныхъ плантацій и свекловичниковъ, и 5) для отдѣльнаго хозяйства (стр. 18).

Въ *общей* программѣ, въ первой ея части, заключаются вопросы преимущественно *географическаго* характера, во второй — главными образомъ оцѣночныя и тѣ изъ сельско-хозяйственныхъ описательныхъ, которые безъ неудобства могли быть приурочены къ цѣлому поселенію. Редакція вопросовъ сообразована съ двоякимъ характеромъ собираемыхъ свѣдѣній: чисто статистическіе вопросы, требующіе отвѣта изъ одной цифры или двухъ, трехъ словъ, выражены въ категорической формѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда требовалось описаніе, вопросы составлены въ общихъ выраженіяхъ, но съ указаніемъ тѣхъ сторонъ дѣла, на которыхъ слѣдовало обратить особое вниманіе.

За этими разъясненіями слѣдуютъ самыя программы; а именно: пять программъ, составленныхъ г. Червинскимъ; программы для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ промыслахъ и ремеслахъ, составленныя членомъ отдѣленія г. Варзеромъ; даѣе имъ же составленная программа для свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ; и наконецъ, программы о торговлѣ, составленныя председателемъ отдѣленія Н. А. Константиновичемъ.

Мы наложили вратѣи содержаніе книжки, изданной членами черниговскаго отдѣленія подѣ скромнымъ названіемъ программъ.

Изъ этого очерка видно, какъ члены черниговскаго статистическаго отдѣленія понимали свои задачи и какъ они предвѣла-

гали ихъ разбѣшить. Теперь мы перейдемъ къ обзорѣннѣмъ трудовъ отдѣленія по собранію и разработкѣ данныхъ для оцѣнки земельныхъ угодій. Есть два тома матеріаловъ по оцѣнкѣ: томъ 1-й заключаетъ матеріалы для оцѣнки земель Черниговскаго Уѣзда, томъ 2-й — такіе же матеріалы для Борзенскаго Уѣзда. Мы пользовались только 2-мъ томомъ, такъ какъ 1-й томъ не находится въ продажѣ.

Къ лѣту 1876 года статистическое отдѣленіе описало три волости Черниговскаго Уѣзда по составленнымъ имъ программамъ. Этотъ опытъ привелъ къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ программахъ, вообще говоря, незначительнымъ, некасавшимся самой системы и общихъ основаній, а только частныхъ и формулировки вопросовъ. Вмѣсто прежнихъ трехъ, составлена одна общая программа, чѣмъ значительно сокращенъ трудъ собранія свѣдѣній.

Исправленныя программы были рассмотрѣны сначала губернской управою, а затѣмъ, коммисією для улучшенія основаній земскихъ раскладокъ. Такъ какъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ январѣ 1877—года, заявлены были мнѣнія какъ противъ способа собранія свѣдѣній, принятаго отдѣленіемъ, такъ и противъ программъ, то собраніе еще разъ избрало особую коммисію, въ которую и передало обсужденіе программъ. Пересмотрѣвъ ихъ вопросъ за вопросомъ и выслушавъ разъясненія членовъ статистическаго отдѣленія, коммиссія, въ которую вошли и гласные, нападавшіе на программы, безусловно одобрила какъ самыя программы, такъ и принятый способъ собранія свѣдѣній (путемъ личныхъ разъѣздовъ членовъ отдѣленія). Были предложены нѣкоторыя незначительныя редакціонныя измѣненія, послѣ чего программы были утверждены собраніемъ.

Въ теченіе втораго—1877—года, статистическое отдѣленіе собрало свѣдѣнія и напечатало матеріалы по оцѣнкѣ земель двухъ уѣздовъ—Черниговскаго и Борзенскаго. Собранныя матеріалы раздѣлены на четыре отдѣла: въ 1-мъ отдѣлѣ помѣщены свѣдѣнія о *количественномъ* множествѣ оцѣнки—территоріи, во 2-мъ—о *качественномъ*—доходности разныхъ угодій, въ 3-мъ—свѣдѣнія, могущія служить провѣркой и дополненіемъ для выводовъ по даннымъ 1-го и 2-го отдѣловъ (арендные, наемныя и продажныя цѣны на земли) и въ 4-мъ отдѣлѣ—заключеніи—указаны способы и приемы оцѣнки.

Очеркъ содержанія 2-го тома матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Борзенскаго Уѣзда.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены свѣдѣнія о территоріи и населеніи, характеристика почвенныхъ условій различныхъ частей уѣзда, распредѣленіе рѣкъ и болотъ. Несмотря на большія затрудненія, встрѣченныя агентами при приведеніи въ извѣстность количества земли въ посемельныхъ дачахъ, имъ удалось составить списокъ 66 дачъ уѣзда, съ обозначеніемъ, сколько въ каждомъ отрубныхъ, общесмѣнныхъ участковъ и общаго количества десятинъ. Въ то время по Борзенскому Уѣзду было сочинено и

сдано въ архивъ только 21 планъ по 21 дачѣ; поэтому не было возможности имѣть данныя о землѣ съ распредѣленіемъ ее по угодьямъ. Недостаточно точны также данныя о населеніи, заимствованныя изъ рапорта исправника статистическому комитету. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ были довольно точныя данныя о числѣ дворовъ, принадлежащихъ тому или другому сословію, въ другихъ—только общія цифры о числѣ дворовъ; были волости, гдѣ совершенно не было свѣдѣній о числѣ дворовъ въ селеніяхъ. Вообще этотъ 1-й отдѣлъ представляетъ самую слабую сторону трудовъ статистическаго отдѣленія. Но обстоятельство это нельзя ставить въ вину отдѣленію: въ составѣ этого отдѣленія не было межевой комиссіи, какія бывають въ составѣ кадастровыхъ комиссій; поэтому оно и не могло привести въ извѣстность данныхъ о количествѣ десятинъ земли по угодьямъ въ неразмежеванныхъ дачахъ. Неполнота и неточность свѣдѣній о населеніи объясняется во-первыхъ, тѣмъ, что свѣдѣнія эти имѣли второстепенное значеніе, и отдѣленіе, при начертаніи плана работъ, весьма основательно рѣшило не отвлекать на это дѣло и безъ того ограниченныя силы отдѣленія; во-вторыхъ, при недостаткѣ въ волостяхъ и селахъ точныхъ данныхъ о населеніи, сдѣлать подворную опись всѣхъ селеній уѣзда было бы задачей, несоответственной наличнымъ силамъ отдѣленія. Но опыты такой подворной описи по нѣкоторымъ волостямъ были сдѣланы, результаты этихъ опытовъ напечатаны въ особой книжкѣ трудовъ статистическаго отдѣленія.

Второй отдѣлъ матеріаловъ озаглавленъ:—Пашня: полеводство и урожайность. Здѣсь разсматриваются: сравнительная распространенность крупнаго и мелкаго хозяйства, сѣвооборотъ, пропорція яровыхъ и озимыхъ посѣвовъ; потомъ распредѣленіе дачъ на группы по взаимному отношенію двухъ преобладающихъ посѣвовъ—овса и гречихи, съ указаніемъ приѣмовъ обработки въ каждой группѣ. Самая капитальная часть этого отдѣла—установленіе приѣмовъ по приведенію въ извѣстность *урожайности*.

Классификація земель по урожайности основана на урожаѣ одной ржи, причѣмъ противъ cadaго селенія выставлены урожаи и соответственной ярины. Разряды земли установлены для всей губерніи и притомъ очень мелкіе, различающіеся всего на 10 пудовъ, во избѣжаніе скачковъ, что могло бы случиться при болѣе крупныхъ дѣленіяхъ.

Разрядовъ установлено десять, начиная счетъ съ худшихъ земель. Въ Борзенскомъ уѣздѣ, худшій III-й разрядъ съ среднимъ урожаемъ отъ 23 пудовъ ржи до 30 п. (средняя для III-го разряда 26 пуд. ржи); IV разрядъ—отъ 31 до 40 пуд. ржи; а X-й разрядъ—отъ 91 до 100 пудовъ. Въ таблицѣ урожайности перечислены всѣ селенія уѣзда съ показаніемъ урожайности ржи, овса и гречихи, а въ примѣчаніяхъ помѣщены противъ cadaго селенія характеристики почвы. Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ урожайности служили распросы мѣстныхъ жителей, гуртовне

и единичные. Въ начальномъ пунктѣ изслѣдованія собирались предварительныя справки о сосѣднихъ имѣніяхъ; справки постоянно исправлялись, повѣрялись и дополнялись свѣдѣніями изъ другихъ мѣстъ, такъ что въ послѣдствіи, еще до пріѣзда въ какое-нибудь село, уже имѣлось опредѣленное представление о его хозяйственныхъ особенностяхъ, сравнительной урожайности и о лицахъ, къ которымъ слѣдовало обратиться; что давало возможность сразу отличить грубо невѣрные показанія, если не избѣжать ихъ вовсе.

Послѣ таблицы урожайности помѣщена характеристика встречающихся почвъ по ихъ урожайности: солонцы, сѣроземь, сѣропесчаная земля и черноземъ, горы и низы; затѣмъ, рассмотрѣно вліяніе климатическихъ условій на урожайность различныхъ почвъ и данныя для оцѣнки и стоимости обработки и уборки одной десятины посѣва.

Вторая часть этого отдѣла включаетъ свѣдѣнія объ арендной (съемочной) платѣ, которая раздѣлена на два разряда: а) натуральная плата—*скопщина*, б) денежная арендная плата. Изъ 122 имѣній (болѣе ста десятинъ каждое), о которыхъ собраны свѣдѣнія, только 11 запахиваютъ землю наемными рабочими, 44 раздаютъ пахоть, но имѣютъ и свои болѣе или менѣе значительныя запашки, а въ 67—отдаютъ всю землю подъ *скопщину* или запахиваютъ незначительное количество ея отработками *скопщниковъ*. При такой распространенности *скопщиковъ*, она была опредѣлена для 50 дачъ уѣзда; въ семи дачахъ свѣдѣній объ исполныхъ цѣнахъ не получено. Затѣмъ излагаются обычныя условія *скопщины*: доплаты, басаринки и проч., и помѣщена таблица размѣровъ исполныхъ платъ за пахоть (стр. 55) въ каждой дачѣ въ озимомъ и яровомъ полѣ. Всѣ эти дачи сгруппированы въ XII разрядовъ по величинѣ доли владѣльца. Потомъ выяснены условія денежной арендной платы за землю, указаны мѣстности, гдѣ она распространена, размѣръ платы въ 19 дачахъ для озимыхъ и яровыхъ десятинъ, объяснены нѣкоторые противорѣчія показаній таблицы, разница между арендою денежною, дающею полный просторъ для регулированія платы согласно особенностямъ сѣлки, и натуральной, саморегулирующей платою въ доли урожая. Несмотря на очень обстоятельныя данныя, объясняющія причины разнообразія арендной платы для 19 дачъ въ предѣлахъ каждой дачи, такъ какъ арендная денежная плата практикуется въ небольшой сравнительно части уѣзда, то данныя эти и не принимаются за основанія для оцѣнокъ, а служатъ только для проверки другихъ данныхъ.

Условія эксплуатаціи *сычкосныхъ* полей выяснены съ тою же обстоятельностью, какъ и условія эксплуатаціи пахатныхъ полей: рассмотрѣны четыре рода *сычкосовъ*, съ указаніемъ ихъ достоинствъ; въ особой таблицѣ указана (приблизительно) урожайность *сычкосовъ* въ каждой дачѣ въ пудахъ сѣна по тремъ разрядамъ *сычкосовъ* съ примѣчаніями, объясняющими подробности, ха-

рактизирующія дачу съ этой стороны; затѣмъ, выведены результаты этой урожайности, различные для разныхъ родовъ сѣнокоса, указана плата за сѣнокосы—натуральная, съ доли урожая и денежная.

Въ слѣдующей третьей главѣ этого отдѣла помѣщены данныя для оцѣнки лѣсовъ по тремъ разрядамъ: строевого, дровяного и кустарниковъ. Данныя эти не вполне точныя и не приурочены къ отдѣльнымъ дачамъ и мѣстностямъ; не приведено также въ извѣстность количество лѣса въ разныхъ дачахъ. Неполнота и недостаточность этихъ данныхъ объясняется тѣмъ, что всѣ дачи, заключающія въ себѣ лѣса, не размежеваны. Лѣсовъ въ уѣздѣ мало; несмотря на то, въ частныхъ лѣсныхъ хозяйствахъ, хотя лѣсъ и сберегается, но, за исключеніемъ одной дачи (Ички), во всѣхъ другихъ не введено правильнаго лѣсосѣчнаго хозяйства, а господствуетъ выборочная, беспорядочная система рубки. Этимъ объясняется невозможность собрать точныя данныя для непосредственной оцѣнки дохода отъ лѣсовъ; но данныя для косвенной оцѣнки, на основаніи продажныхъ цѣнъ на лѣсъ, собраны и весьма удовлетворительно выяснены подробности продажныхъ сдѣлокъ. Изъ дѣлъ управленія государственныхъ имуществъ извлечены свѣдѣнія, на основаніи которыхъ составлена таблица о случаяхъ продажи казеннаго лѣса за шесть лѣтъ (съ 1871 по 1877 годъ) по 14 дачамъ, съ обозначеніемъ рода, пространства, оцѣнки по таксѣ и продажной, а также средней цѣны десятины лѣса.

Въ четвертой главѣ этого отдѣла, озаглавленной «прочія угоды», выясняются условія эксплуатаціи пастбищъ, подъ которыми обращены выгоны, кустарники, заросли (гаи, чагарники). Данныя эти очень обстоятельны и даютъ возможность сдѣлать оцѣнку десятины земли, находящейся подъ пастбищемъ въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, по цѣнамъ за выпасъ отъ штуки скота и по наемнымъ цѣнамъ отъ десятины выпаса.

Въ III отдѣлѣ матеріаловъ помѣщены данныя объ арендахъ смѣшанныхъ угодій (крупныхъ участковъ и цѣлыхъ имѣній), а также свѣдѣнія о положеніи хозяйства въ имѣніяхъ; безъ этихъ свѣдѣній цифры арендныхъ цѣнъ вышли бы слишкомъ оголенными и малопонятными (стр. 91). Владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 100 десятинъ земли, оказалось 130, а выводы помѣщены по 122 имѣніямъ. Обрисовавши въ общихъ чертахъ хозяйственныя условія въ имѣніяхъ Борзенскаго Уѣзда и давши такимъ образомъ понятіе о средствахъ и приемахъ извлеченія дохода съ имѣній, въ этомъ отдѣлѣ представляется затѣмъ таблица 43 имѣній, съ обозначеніемъ срока аренды, количества земли по угодымъ и арендной платы: общей, поддесятинной въ общемъ числѣ и поддесятинной эксплуатируемой земли. Таблица эта, дополненная примѣчаніями, объясняющими причины уклоненія отъ нормальной средней платы, представляетъ картину арендныхъ сдѣлокъ въ наибольшей части уѣзда. Изъ этой таблицы сдѣланы выво-

ды общіе и оцѣночныя: о срокахъ, о зависимости отъ нихъ арендной платы, о вліяніи на размѣръ платы индивидуальныхъ особенностей сдѣлки, постоянныхъ и случайныхъ, и размѣра арендуемаго участка. Убѣдившись, что ни средняя цифра арендной платы для цѣлаго уѣзда (4 р.), ни средняя цифра этой платы для каждой отдѣльной дачи (по малому числу случаевъ) непригодны, какъ непосредственное основаніе для оцѣночныхъ выводовъ, отдѣленіе составляетъ таблицу средней арендной платы по группамъ урожайности.

Во второй части этого отдѣла помѣщены данныя о продажныхъ и залоговыхъ цѣнахъ на землю. Хотя случаевъ продажъ изъ дѣлъ уѣздной управы извлечено 324, но этотъ матеріалъ оказался такъ же мало пригоднымъ, какъ и данныя нотаріальнаго архива (стр. 104).

При развѣздахъ и справкахъ у продавцовъ и покупателейъ оказалось, что земля въ большинствѣ случаевъ переходила не путемъ действительныхъ продажъ, а по инымъ сдѣлкамъ, причемъ выставлялись и цѣны фиктивные; много было случаевъ, въ которыхъ и при действительной продажѣ цѣна выставлялась вымышленная, ниже существующей. Послѣ дополненія и поправки этихъ свѣдѣній данными, собранными на мѣстѣ, изъ 324 осталось 150 случаевъ сколько-нибудь достовѣрныхъ, а распросами въ разныхъ селахъ добыто еще около 200 новыхъ указаній; за исключеніемъ сомнительныхъ случаевъ, осталось для обработки 294 записи, относящіяся большею частью къ послѣднему десятилѣтію. На основаніи этихъ данныхъ составлена таблица продажъ по селамъ и волостямъ, съ обозначеніемъ числа случаевъ продажъ, количества десятинъ, общей и средней цѣны для слѣдующихъ восьми разрядовъ: усадьбы съ постройками, безъ построекъ, пахатной, сѣнокосной, лѣсной, кустарнику, выгону, смѣшанныхъ угодій съ постройками и безъ построекъ. Изъ этой таблицы сдѣланъ сводъ числа случаевъ, общаго количества десятинъ и общей, и средней цѣны по каждому изъ восьми разрядовъ. Затѣмъ, всѣ дачи уѣзда сгруппированы въ XI разрядовъ по среднимъ продажнымъ цѣнамъ смѣшанныхъ угодій, причемъ оказалось, что въ первомъ разрядѣ средняя цѣна десятины до 10 рублей, во второмъ до 20 рублей и такъ далѣе, прибавляя по 10 рублей для слѣдующаго разряда, такъ что въ XI разрядѣ средняя цѣна десятины отъ 101 до 110 рублей. Затѣмъ на XI разрядовъ распределены земли по средней продажной цѣнѣ пахатныхъ и другихъ угодій. Въ концѣ приведены залоговыя цѣны по даннымъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Послѣдній IV отдѣлъ—*Заключеніе*—такъ характеризуется самимъ отдѣленіемъ: «Здѣсь не приводится никакихъ проектовъ оцѣнки или раскладки; это не дѣло статистическаго отдѣленія; въ немъ излагаются только способы и приемы оцѣнки. Здѣсь мы говоримъ: близко зная качество матеріаловъ, взвѣсивъ, въ какихъ частяхъ они наиболѣе полны и достовѣрны, въ какихъ—

отрывочны и случайны, мы находимъ болѣе правильными такіе-то и такіе-то способы оцѣнки, потому что именно при помощи ихъ могутъ быть выведены цифры, наиболѣе близкія къ дѣйствительности. Если ниже помѣщается таблица съ готовыми цифрами доходности пашни, то она имѣетъ цѣлью только придать наглядность и осязательность общимъ разсужденіямъ о способахъ и приемахъ. Эта таблица не проектъ оцѣнки, котораго мы не касаемся, а образчикъ, конкретный примѣръ, приведенный только для одного уголья» (стр. 114).

Правильная оцѣнка земли не можетъ быть произведена иначе, какъ по угольямъ. Сообразно своему хозяйственному назначенію, всѣ земли раздѣляются на слѣдующія пять главныхъ угодій: 1) усадьба и огородъ, 2) пашня, 3) сѣнокосъ, 4) лѣсъ и 5) выгоны, заросли, кустарники и др., употребляемые для пастбы скота. Далѣе указывается, какого рода данныя сообщаетъ собранный матеріалъ относительно каждаго изъ угодій; весьма обстоятельно разобрано значеніе *продажъ земли*, ихъ отлічіе отъ другихъ торговыхъ сдѣлокъ, ихъ индивидуальность и неспособность подойти подъ одну мѣрку; почти всякій случай земельной продажи индивидуаленъ; перемѣните личность продавца и покупателя—и та же земля пойдетъ за совершенно иную цѣну. Для уничтоженія этой индивидуальности есть одно средство—дѣлать выводы изъ возможно большаго числа продажъ. Средня величина для продажной цѣны какогонибудь уголья, выведенная менѣе, чѣмъ изъ пяти случаевъ, не имѣетъ ровно никакого значенія. Разобравши всѣ собранныя данныя по элементамъ ихъ достовѣрности, оказывается, что 294 записи не даютъ возможности установить цѣны на пять разныхъ угодій для каждаго изъ 57 селеній уѣзда; на основаніи ихъ можно установить цѣну одной пашни и то только для четырехъ дачъ. Единственный выводъ, какой можно сдѣлать съ нѣкоторою основательностью изъ этихъ 294 случаевъ—это выводъ средней продажной цѣны десятины вообще для всего уѣзда; но подобная цифра не имѣетъ ровно никакого значенія для нашей цѣли (стр. 117).

О залоговыхъ цѣнахъ и говорить нечего: такъ они отрывочны и неполны (118). Такимъ образомъ, опредѣленіе доходности по продажнымъ цѣнамъ оказывается невозможнымъ. Арендныя денежныя цѣны установились только въ пяти селеніяхъ, въ шести ближайшихъ селеніяхъ онѣ имѣютъ неустановившійся характеръ, а въ остальномъ уѣздѣ встрѣчаются въ видѣ исключенія. Ясно, что доходность пашни не можетъ быть опредѣлена изъ денежныхъ арендныхъ цѣнъ. Обращаясь къ другимъ способамъ, отдѣленіе находитъ, что, по свойству собранныхъ матеріаловъ, такихъ способовъ можетъ быть два: 1) опредѣленіе выручекъ и затратъ, и 2) сочетаніе урожайности съ исполыми цѣнами. Сравнивая эти два способа, отдѣленіе признаетъ теоретическія преимущества за первымъ, а практическія за вторымъ способомъ. Способъ выручекъ и затратъ основанъ на одной урожайности; онъ выво-

дять доходность въ зависимости отъ природныхъ качествъ почвы, не принимая въ расчетъ общественныхъ явленій, выражающихся въ спросѣ на землю и соотвѣтственномъ повышеніи арендныхъ платъ; поэтому онъ правомѣренъ въ приложеніи къ землямъ, которыя не отдаются въ аренду, а обрабатываются самими владельцами. Способъ сочетанія урожайности съ исполными долями вносить уже общественный элементъ—вліяніе спроса; оттого онъ можетъ быть приложенъ вполне правильно къ землямъ, отдаваемымъ въ аренду какъ за деньги, такъ и исполно.

Далѣ весьма обстоятельно выясняются приемы оцѣнки и другихъ угодій: лѣса, сѣнокоса, пастбища.

Въ концѣ повторены главныя положенія для оцѣнокъ; ихъ пять:

1) Оцѣнка должна быть основана на доходности отдѣльныхъ угодій, изъ которой уже простою капитализаціе изъ одного и того же процента можетъ быть получена цѣнность.

2) Доходность пашни и сѣнокоса выводится сочетаніемъ рядовъ урожайности съ разрядами скопщины.

3) Доходность лѣса опредѣляется по формулѣ: продажная цѣна десятины на срубъ, дѣленная на «оборотъ рубки».

4) Доходность прочихъ угодій вычисляется по аренднымъ платамъ за нихъ, какъ за пастбища.

5) Усадьба по доходности приравнивается къ полевой землѣ. Кроме книжки программъ и двухъ томовъ матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій, черниговское статистическое отдѣленіе отпечатало 1-й выпускъ «Трудовъ» своихъ, представляющихъ значительный бытовѣй интересъ. Содержаніе этой книжки въ 285 печатныхъ страницъ видно изъ слѣдующаго перечня статей, въ ней помѣщенныхъ: 1) землевладѣніе въ Салтыково-Дѣвицкой Волости Черниговскаго Уѣзда, члена отдѣленія П. П. Червинскаго; 2) Редьковская Волость Черниговскаго Уѣзда. Состояніе земледѣлія. Дальніе и ближніе отхожіе промыслы, члена отдѣленія В. Е. Варзера; 3) Кашовка. Опытъ подворнаго описанія деревни Кашовки члена отдѣленія А. А. Русова; 4) примѣры описанія крестьянскаго хозяйства, А. А. Русова и 5) описаніе Довжицкой Волости, Черниговскаго Уѣзда: топографія, территориальная и аграрная статистика. Земледѣліе. Женскія работы. Мѣстные и отхожіе промыслы. Ремесла. Мелкія промышленныя заведенія, члена отдѣленія А. А. Русова.

III.

Сравненіе дѣятельности херсонскаго бюро и черниговскаго отдѣленія.

Извѣстно, что у насъ, въ Россіи, успѣхъ всякаго почти общественнаго дѣла зависитъ отъ способностей и энергіи исполнителей. Попадутся исполнители дѣльные и энергичные—и дѣло у

насъ идетъ на диво всѣмъ, даже невѣрующимъ въ нашу способность вести свои дѣла, и кажется тогда, что мы *созрѣли*. Попадутся исполнители съ туманными представленіями о задачахъ своей дѣятельности, нервѣшительные, неумѣлые — и пойдете въ-образимая путаница, и дорого намъ обходится эта путаница; и, глядя на непріглядное веденіе общественныхъ дѣлъ, мы утрачиваемъ вѣру въ свои силы и начинаемъ мы искать *устоевъ* между представителями тѣхъ классовъ общества, которые еще не выступили въ качествѣ постоянныхъ общественныхъ дѣятелей¹. Нѣтъ у насъ традицій, нѣтъ натертой дороги для общественной дѣятельности, нѣтъ руководящихъ пособій для практическаго дѣятеля; каждый долженъ быть «молодецъ на свой образецъ». На западѣ самый рядовой по способностямъ человекъ можетъ съ пользою для дѣла исполнять общественныя должности: все тамъ нормировано, разъяснено и облегчено давнимъ опытомъ и традиціями. Всѣ эти соображенія представляются сами собою при сравненіи дѣятельности двухъ земскихъ статистическихъ органовъ: херсонскаго бюро и черниговскаго статистическаго отдѣленія.

Во-первыхъ, что касается опредѣленія задачъ земской статистики.

Оба учрежденія основаны съ цѣлію привести въ извѣстность владѣтельныя средства губерніи и ея сельско-хозяйственное и промышленное положеніе. Но херсонское бюро не только въ началѣ не выяснило себѣ вполне отчетливо предстоящихъ ему задачъ, но даже послѣ трехлѣтней дѣятельности имѣеть смутныя представленія объ этихъ задачахъ и о средствахъ ихъ выполненія. «Сначала», гласить отчетъ бюро за 1874 г. (Сб. херс. земства за 1875 г., июнь, стр. 26 докладовъ статистическаго бюро), «пришлось обсудить всѣ выработанныя первымъ съѣздомъ программы, придумать удобныя статистическія бланки для осуществленія этихъ программъ, выработать программу своихъ первоначальныхъ лѣйствій въ такомъ дѣлѣ, гдѣ приходилось все создавать вновь, начиная съ выясненія настоящаго значенія новаго учрежденія. Потомъ, послѣ третьяго съѣзда, надлежало привести выработанную программу въ исполненіе, нужно было *войти въ сношенія съ учеными обществами, правительственными учрежденіями, уѣздными, земскими и городскими управами и волостными правленіями*».

Далѣе перечисленія своихъ вѣдѣнныхъ обязанностей бюро не идетъ въ дѣлѣ выясненія своихъ задачъ.

Поэтому, хватаясь за самыя неподходящія занятія, постоянно:

¹ Frappés de la stérilité relative des classes dirigeantes en Russie, ces fils débauchés de la civilisation occidentale lui tournent les dos, reviennent au moujik et mettent tout leur espoir en lui... (Revue d. d. mondes 1876. Août, статья Leroy-Beaulieu). Фактъ интересный и подмѣченный даже иностранцами.

измѣняя планъ работъ, бюро въ теченіи трехлѣтняго своего существованія не имѣло опредѣленной руководящей идеи о своихъ прямыхъ задачахъ, а старалось восполнить этотъ недостатокъ, копируя какія то грандіозныя учрежденія, имѣвшія въ виду изученіе не одной губерніи, а одного или многихъ государствъ. Само оно жалуется на разбросанность своихъ занятій, но отстоять небольшой кругъ ясно-опредѣленныхъ задачъ оно не въ состояніи уже и потому, что у него нѣтъ отчетливаго представленія о огромной роли земскаго статистическаго учрежденія. Совсѣмъ иначе заявило себя въ этомъ отношеніи черниговское статистическое отдѣленіе. При составленіи программъ, статистическое отдѣленіе имѣло въ виду выбрать и намѣтить въ каждой часте главнѣйшія и необходимѣйшія свѣдѣнія, которыя были бы притомъ во взаимной связи между собой. Нѣтъ ничего хуже, замѣчаетъ авторъ программъ:—при статистическомъ изслѣдованіи, какъ излишнее накопленіе данныхъ, хотя бы и точныхъ, не мало объясняющихъ другъ друга. Опредѣливъ пользоваться лишь тѣми цифрами о населеніи и его движеніи, которыя добываетъ статистическій комитетъ, отдѣленіе въ своихъ программахъ тѣмъ большее мѣсто удѣлило вопросамъ о землевладѣніи и земледѣліи, какъ главнѣйшемъ родѣ труда наибольшей массы населенія (стр. XVI объяснительной записки къ программамъ). Для статистическаго отдѣленія остается одна постоянная задача, которая не можетъ измѣняться и которая состоитъ въ сводѣ данныхъ, на основаніи которыхъ можно будетъ расклассифицировать облагаемыя имущества на разряды. Обладая ограниченнымъ количествомъ рабочихъ силъ, отдѣленіе можетъ въ этомъ случаѣ только строго опредѣлять кругъ свѣдѣній, подлежащихъ его изученію. Какъ ни интересны многія данныя о числѣ и движеніи населенія, объ эпидеміяхъ, просвѣщеніи, отдѣленіе еще долго не можетъ приступить къ ихъ изученію, такъ какъ *устать всякаго дѣла зависитъ отъ немнѣтельности развѣ принятаго плана дѣятельности* (тамъ же, стр. XXXIII).

Въ Херсонской Губерніи председателемъ бюро считался председатель губернской управы—г. П. Фатуровскій. По мнѣнію его, высказанному имъ въ собраніи, задача всякой статистики заключается въ примѣненіи теорій вѣроятностей къ массѣ данныхъ для вывода извѣстныхъ законовъ¹. Статистика, утверждаетъ г. Фатуровскій, только и можетъ преслѣдовать такую цѣль и такія задачи. Можетъ быть, исходя изъ такого воззрѣнія на задачу земскаго статистическаго бюро и не придавая ему поэтому серьезнаго значенія, председатель управы поручаетъ агентамъ составлять доклады губернскому собранію по медицинѣ, о вредныхъ насѣкомыхъ и т. п. А агенты, не имѣя опредѣленнаго понятія о задачахъ земской статистики, охотно исполняютъ эти порученія и стараются даже увѣрить, что эти замѣтки тоже относятся

¹ Об. херс. зем. 1876 г., № 8, стр. 459.

къ статистикѣ (стр. 22 отчета за 1874 г. въ Сб. херс. земства за июнь 1875 г.). Конечно, всякое общественное явленіе можетъ быть предметомъ статистики, и весь вопросъ о задачахъ земской статистики сводится къ опредѣленію порядка, въ какомъ, по сравнительной важности для земства этихъ явленій, слѣдуетъ приступать къ ихъ изученію. Но если даже смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія г. предсѣдателя херсонскаго бюро, то все же остается невыясненнымъ вопросъ, *какіе законы выведены агентами при помощи теоріи строгости* въ ихъ докладахъ о вредныхъ наслѣдочныхъ, о медицинѣ, объ облѣсеніи губерніи и т. п.

Во-вторыхъ, относительно способа собираемыхъ данныхъ.

Херсонское статистическое бюро избрало способъ собранія данныхъ посредствомъ разсылки бланковъ и, несмотря на то, что уже на первыхъ порахъ выяснилась неудовлетворительность этого способа, несмотря на то, что IV статистическій съѣздъ рекомендовалъ агентамъ собирать данныя для оцѣнки земли на мѣстахъ, т. е. экспедиціоннымъ способомъ, херсонское бюро до конца своей дѣятельности остается защитникомъ способа собранія свѣдѣній посредствомъ разсылки бланковъ. Изъ его отчетовъ видно, что способъ этотъ неудовлетворителенъ: во-1-хъ потому, что весьма затруднительно своевременно разсылать бланки по принадлежности; были случаи, что бланки по полгода лежали въ становой квартирѣ безъ всякаго движенія; во 2-хъ потому, что ничѣмъ не обеспечивается расчетъ на обратное полученіе бланковъ съ отвѣтами запрашиваемыхъ лицъ; еще отъ волостныхъ правленій въ первый годъ бланки возвращены съ отвѣтами почти безнедоумочно, но ужъ на второй годъ и волостныя правленія сообщили только свѣдѣнія отъ 159 изъ 234 волостей. Отъ частныхъ же лицъ въ 1875 году бланки возвращены съ отвѣтами только въ количествѣ 32% ожидавшихся, а въ 1876 г. отъ нихъ получено только 11% ожидавшихся бланковъ. И напрасно думали нѣкоторые гласные, что угроза привлечь недостававшихъ свѣдѣній къ отвѣтственности, по 27 ст. уст. о нак., можетъ заставить всѣхъ опрашиваемыхъ лицъ исправно доставлять отвѣты на запросы бланковъ. Едва ли по закону можно требовать исполненія такой сложной процедуры, какъ письменные отвѣты на неопредѣленные, сложные и запутанные запросы бланковъ по такимъ предметамъ, которые часто неполнѣйшій извѣстенъ и спрашиваемымъ лицамъ. Притомъ, въ 3-хъ, никакіе циркуляры статистическаго бюро не могутъ заставить писать дѣльные, основательные отвѣты. Въ своемъ отчетѣ бюро приводитъ образецъ отвѣтовъ одного священника, который явно глумится надъ попытками бюро вывѣдать у него различныя свѣдѣнія. Большаю часть отвѣтовъ священника состоитъ изъ словъ: «*ничего*», «*не знаю*», «*не могу дѣло знать*»; на вопросъ о дорогахъ онъ отвѣчаетъ: «*есть, но не какаѣ*»; на вопросъ о доходѣ: «*смысла нѣтъ и убытокъ*». На цѣлый рядъ вопросовъ о расходахъ по иждивенію, о стоимости его и другихъ, черезъ всѣ графы кратко и вырази-

тельно изображено: «Все это дѣло наше, немоущее подлежать контролю, а собственно нашему благоразумію и усмотрѣнію». На вопросъ о посѣвахъ батюшка, уже очевидно увлекаясь природнымъ юморомъ, отвѣчалъ: «постыдно сколько было стѣны, а получено ничею»; и дагѣе снисходительно поясняетъ: «каждый стѣлъ сколько мотъ и хотѣлъ, а получилъ, что пришлося получить ему; счета не ведется»¹. Несмотря на такіа серьезныя неудобства этого способа, агенты херсонскаго бюро упорно защищаютъ этотъ способъ въ особомъ докладѣ, представленномъ собранію наканунѣ упраздненія бюро. Восхваляя вѣрность свѣдѣній, доставляемыхъ волостными писарями, бюро отказывается отъ многихъ работъ по причинѣ неполноты, недостаточности и недостоверности полученныхъ имъ свѣдѣній, или прибѣгаетъ къ поправкамъ на основаніи вычисленій г. Бунаковского о процентныхъ отношеніяхъ для различныхъ явленій общественной жизни. «Относительно выбора данныхъ», говорится въ отчетѣ бюро за 1874—75 годъ (Сб. херс. зем. 1876 г. № 8 и 9), «бюро старалось свести и разработать все то, что оно собрало за два года своей дѣятельности и что допускало цѣлостную разработку. Это послѣднее условіе исключало разомъ изъ его разсмотрѣнія цѣлую категорію данныхъ о землевладѣніи частныхъ лицъ и хозяйствъ городовъ, такъ какъ эти факты, собранные путемъ спроса мѣстъ и лицъ и личными изслѣдованіями агентовъ, не представляютъ той полноты и точности, какая требуется для каждаго статистическаго труда (стр. 2)».

Гораздо искреннѣе отнеслось къ этому вопросу черниговское статистическое отдѣленіе. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, при обсужденіи программъ, оно оцѣнило по достоинству значеніе опыта, произведеннаго херсонскимъ бюро. «Опытъ херсонскаго бюро», говорится въ объяснительныхъ запискахъ къ программамъ (XXVI стр.), «показалъ, что, при нежеланіи самаго населенія давать свѣдѣнія, оба лучшіе по своей дешевизнѣ способа—французскій и саксонскій, къ которымъ прибѣгали агенты бюро—не даютъ никакихъ почти результатовъ». «Для управы и земскаго собранія», говорится въ той же запискѣ (стр. XXIII), «нужны выводы и соображенія изъ таковаго рода свѣдѣній, которыя необходимо собирать на мѣстѣ, а не брать готовыми для разсмотрѣнія и вычисленія. Развѣдны членовъ отдѣленія по такому или по другому району и собраніе ими самими свѣдѣній являются поэтому неизбѣжнымъ средствомъ изученія губерніи».

Изъ обзорнія работъ статистическаго отдѣленія мы видѣли, что имъ не удалось собрать только такихъ свѣдѣній, которыхъ не было: о поземельныхъ угодьяхъ по неразмѣженнымъ имѣніямъ, о количествѣ разнаго рода лѣсовъ по дачамъ частныхъ владѣльцевъ, тоже неразмѣженнымъ. Затѣмъ, по всѣмъ другимъ

¹ Земск. сб. за 1875, июнь, стр. 48—45.

частямъ программы, всё свѣдѣніа собраны самыя точныя, осмысленныя и провѣренныя перекрестными распросами.

Въ третьихъ относительно метода изслѣдованія.

Херсонское бюро и не обсуждало предварительно вопроса о методѣ изслѣдованія; повидимому, оно и не подозрѣвало о существованіи иного метода, кромѣ метода Кетле, идущаго отъ общаго къ частному для выведенія законовъ жизни и явленій изъ среднихъ цифръ¹.

Въ своемъ докладѣ² бюро объясняетъ, что разработка собранныхъ имъ данныхъ заключалась въ четырехъ операціяхъ: во-первыхъ, въ подсчитываніи итоговъ по селеніямъ, причемъ въ немногихъ случаяхъ данныя сельскихъ правленій *подсчитались измѣнчially*; во-вторыхъ, въ расположеніи селеній по избраннымъ группамъ и въ подсчитываніи итоговъ по этимъ группамъ; въ третьихъ, въ вычисленіи среднихъ чиселъ и процентныхъ и иныхъ отношеній по избраннымъ троякаго рода группамъ, и въ четвертыхъ, въ анализѣ сопоставленныхъ данныхъ посредствомъ сравненія чиселъ и среднихъ отношеній съ ихъ отклоненіями. Такимъ образомъ, *пріемъ предпринятая изслѣдованія есть тотъ самый, который употреблялъ Кетле* и его послѣдователи для фактовъ нравственной статистики и который далъ имъ возможность опредѣлить такъ называемыя законы человѣческой жизни. Какъ въ статистикѣ нравственной, статистикѣ народонаселенія, такъ и въ статистикѣ хозяйственно промышленной, *средній человекъ есть та въ сущности фиктивная единица, которая служитъ орудіемъ раскрытія вліянія на жизнь и хозяйство тѣхъ или другихъ факторовъ, т. е. раскрытія законовъ жизни (ib).*

Ясно, что сознательнаго выбора метода агенты херсонскаго бюро не дѣлали, а были попытки группировать цифры по приему Кетле и разочароваться съ ними безъ церемоній, подгоняя ихъ подъ извѣстныя уже по прежнимъ вычисленіямъ процентныя отношенія и дѣлая смѣлые выводы отъ 11% извѣстныхъ ко сту неизвѣстныхъ.

«Въ случаѣ необходимости», хвалится агенты херсонскаго бюро³, «конечно, бюро должно будетъ сдѣлать заключеніе отъ 11% ко сту, помня, что въ былое время пріемъ этотъ былъ въ большинствѣ ходу, и самъ великій Вобанъ, на основаніи земледѣльческой производительности одного извученнаго въ его время департамента Франціи, долженъ былъ дѣлать заключенія о производительности 86 департаментовъ». Вотъ болѣе характеристическія черты пріемовъ и метода изслѣдованія, усвоенныхъ агентами херсонскаго бюро; насколько они отвѣчаютъ дѣламъ земской статистики—будетъ ясно при сравненіи ихъ съ методами,

¹ Сб. херс. зем. 1876 г. № 8 и 9, стр. 87.

² Сб. херс. зем. 1876 г. № 8 и 9, стр. 87.

³ Сб. херс. зем. за октябрь 1876 г., стр. 29.

принятымъ для своихъ изслѣдованій черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ. «Среднія цифры», говорится въ объяснительной запискѣ къ программамъ этого отдѣленія, «введенныя изъ наибольшаго числа фактовъ, цѣнныя для абстрактной науки, не представляютъ почти никакого интереса для людей, желающихъ знать состояніе данной отдѣльной мѣстности и въ данное время въ томъ или другомъ отношеніи... Съ ограниченіемъ пространства, которое избираетъ для себя статистическое изслѣдованіе, тѣсно связано и измѣненіе самаго метода его. По мнѣнію г. Майра, извѣстный «телескопическій» исходный пунктъ зрѣнія на массы, имѣющій въ виду лишь среднюю величину, въ проявленіяхъ животной и моральной жизни человека долженъ, даже для абстрактной науки, необходимо измѣниться на другой, болѣе сообразный съ сущностію вещей—болѣе «микроскопическій» методъ изслѣдованія. Такой методъ «описательный» или «географическій», прилагаемый къ изученію извѣстнаго географическаго района, имѣющаго свой особый типъ, главное свое вниманіе обращаетъ на всѣ мелкія пространственныя отличія, причѣмъ собственно «среднія цифры», относящіяся къ болѣе пространственной или административной единицѣ, принимаются во вниманіе собственно для удобства пользованія... Если для человѣка науки нужны только широкія обобщенія о цѣлыхъ родахъ явленій, имѣющія для него цѣну въ качествѣ общаго закона науки, то для практика обязательны факты изъ жизни видовъ, подвидовъ, даже, если можно, индивидуумовъ, которые онъ не имѣетъ права подтагивать подъ научныя «среднія цифры», а должны оставаться ихъ во всей ихъ неприкосновенности, каковы бы ни были диссонансъ, порождаемый ими въ общей гармоніи «среднихъ цифръ науки».

Такая отчетливая, сознательная постановка вопроса о методѣ заранѣе освѣтила предстоящую статистическому отдѣленію задачу. На основаніи этихъ соображеній выясняется планъ работъ по приведенію въ извѣстность и обработкѣ данныхъ, необходимыхъ для оцѣнки земли и для выясненія хозяйственнаго и промышленнаго положенія губерніи. — За величину изслѣдованія принята поземельная дача, самая мелкая величина, и разработку данныхъ принято вести отъ частнаго къ общему, т. е. въ порядкѣ обратномъ тому, какой принятъ херсонскимъ бюро.

Въ четвертихъ, относительно результатовъ дѣятельности.

Даже не имѣя передъ глазами работъ херсонскаго бюро, уже по тѣмъ приемамъ собиранія и обработки данныхъ, какіе оно практиковало, можно судить о достоинствѣ и цѣлесообразности этихъ работъ, о пригодности ихъ для цѣлей земскаго хозяйства. Для оцѣнки земель весьма важно имѣть данныя непосредственныя, факты реальныя, а не фиктивныя среднія величины, и изъ этихъ фактовъ уже составлять группы однородныхъ, подходящихъ подъ извѣстные разряды, обобщенныхъ и упрощенныхъ цифръ. Выводы же изъ данныхъ, измѣненныхъ поправками, непротѣрен-

ных на мѣстѣ, безъ освѣщенія разнообразія явленій порождающими ихъ причинами, не имѣютъ не только никакого практическаго значенія, но непригодны и для *выводовъ законовоу жизни*. Неточность, неполнота, недостаточность данныхъ, собранныхъ въ одной губерніи, относящихся къ различнымъ годамъ, различными способами, не можетъ быть исправлена ни взаимнымъ уничтоженіемъ ошибокъ въ максимумѣ и минимумѣ, ни поправками на основаніи вычисленій Буяковскаго. При оцѣнкѣ земель, свѣдѣнія отъ частныхъ землевладѣльцевъ представляли существеннѣйшій матеріалъ, такъ какъ доходность земли, подъ которой разумѣется рента, только изъ свѣдѣній о земляхъ частныхъ владѣльцевъ и можетъ быть выдѣлена и опредѣлена съ точностію; на земляхъ-же сельскихъ обществъ поземельная рента такъ тѣсно ссылана съ индивидуальными особенностями владѣльцевъ, что выдѣлять ее изъ суммы другихъ факторовъ—труда, умѣлости и т. п., весьма затруднительно. Между тѣмъ, въ распоряженіи бюро были свѣдѣнія отъ землевладѣльцевъ въ самомъ незначительномъ количествѣ: на 1875 годъ 32%, а за 1876 годъ 11%. Если же принять во вниманіе, что въ основаніе работъ по оцѣнкѣ земель приняты продажныя цѣны на земли за 1½ года съ 1869 по 1871 годъ; что эти цѣны не выражаютъ дѣйствительныхъ цѣнъ на землю, такъ какъ они заимствованы изъ нотаріальнаго архива, а всѣмъ извѣстно, что цѣны въ купчихъ крѣпостяхъ никогда почти не сходятся съ дѣйствительною цѣною земли; что арендныя цѣны взяты за 1869, 1870, 1874 и 1875 гг., залоговыя цѣны—за разные, неизвѣстно за какіе именно, года; что выкупныя оцѣнки относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ; что съ 1869 года проведена Елисаветградско-Кременчугская, а затѣмъ Николаевская и Фастовская желѣзныя дороги, изменившія кореннымъ образомъ хозяйственное значеніе многихъ мѣстностей; если взять все это во вниманіе, то достоинство изслѣдованія бюро по оцѣнкѣ земель будетъ очевидно для каждаго.

Результаты трудовъ статистическаго отдѣленія при Черниговской Губернской Управѣ были совершенно иные. Несмотря на то, что въ Черниговской Губерніи земли еще не размежеваны окончательно, что собраніе данныхъ для оцѣнки земель представляло много затрудненій по разнообразію хозяйственныхъ условій, матеріалы, собранные отдѣленіемъ, представляютъ стройную картину хозяйственныхъ условій разныхъ мѣстностей уѣзда, освѣщенную обстоятельными, все выясняющими таблицами и примѣчаніями. При помощи этихъ матеріаловъ—земская оцѣночная коммиссія можетъ не только распредѣлить земли всего уѣзда на разряды, сообразно цѣнности и доходности, но и составить поземельную книгу, съ обозначеніемъ, противъ каждой, поземельной даже средней доходности десятины земли, вычисленной на основаніи болѣе достовѣрныхъ, взаимно провѣренныхъ, данныхъ.

Въ пятихъ, относительно предмета изслѣдованія.—Можетъ быть, мѣстныя условія двухъ губерній такъ несходны, что вызвали и

различныя способы собиранія свѣдѣній, а это обстоятельство уже повліяло и на выборъ иныхъ приѣмовъ обработки данныхъ. Можетъ быть, собрать точныя данныя для земской статистики Херсонской Губерніи труднѣе, потому что пространства въ ней больше, а населенія и сочувствія къ дѣлу меньше, нежели въ губерніи Черниговской. Дѣйствительно, на первый взглядъ, это соображеніе имѣетъ нѣкоторое значеніе: борзенскій уѣздъ заключаетъ только 248,000 десятинъ земли, а александрійскій—848,762 десятины; елисаветградскій—болѣе милліона десятинъ. Но для губерніи эта разница уже менѣе значительна: въ Херсонской Губерніи—6.301,913, въ Черниговской 4.803,000 десятинъ, то-есть въ Черниговской Губерніи больше уѣздовъ, но они по пространству, меньше уѣздовъ Херсонской Губерніи. Населеніе въ Херсонской Губерніи 1.596,809, въ Черниговской 1.659,600 жителей; въ первой, на квадратный километръ приходится 22, во второй—32 жителя; разница не особенно значительная. — Но если принять во вниманіе, что въ Херсонской Губерніи земель частныхъ владѣльцевъ 3.390,594 десятинъ; что преимущественно объ этихъ земляхъ придется собирать свѣдѣнія на мѣстахъ для оцѣнки земель, что въ Херсонской Губерніи есть имѣнія въ десять и тридцать тысячъ десятинъ земли, тогда какъ въ Борзенскомъ уѣздѣ только три имѣнія въ 3,000-десятинъ земли, а остальные гораздо меньшихъ размѣровъ; а это обстоятельство значительно упрощаетъ задачу собиранія свѣдѣній; что всѣ почти земли Херсонской Губерніи разведены къ однимъ мѣстамъ и на нихъ составлены межевыя планы, тогда какъ въ Черниговской Губерніи—масса мелкихъ владѣній, перепутанныхъ и неснабженныхъ межевными планами; если сообразить всѣ эти условія, то можно съ увѣренностью сказать, что при описаніи Херсонской Губерніи, съ цѣлю распредѣленія имущества по разрядамъ, сообразно цѣнности и доходности, безъ особенныхъ затрудненій можно примѣнить тотъ же экспедиціонный способъ собиранія данныхъ и тотъ же географическій методъ изслѣдованія, какіе были примѣнены при описаніи Черниговской Губерніи, и что избраніе другого способа собиранія данныхъ и другого метода изслѣдованія не вызывалось какими-либо особенностями Херсонской Губерніи.

У насъ такъ легко набрасываются съ обвиненіями на земскія учрежденія за нѣкоторыя распоряженія, вызываемыя необходимою. Не пощадили и херсонскаго губернскаго собранія, когда оно вынуждено было закрыть статистическое бюро, какъ неоправдавшее справедливыхъ надеждъ, на него возлагавшихся. Въ «Недѣлѣ» назвали эту мѣру *во всякомъ случаѣ понятнымъ шагомъ назадъ*.

Отсюда дѣлаются нѣсколько поспѣшныя выводы о незрѣлости общества, о вліяніи какихъ-то реакціонныхъ и вредныхъ элементовъ и т. п., неподходящія объясненія, валація съ большой

головы на здоровую. Бывают случаи, когда въ распоряженіи земскаго собранія нѣтъ другого средства упразднить синекуру, какъ закрыть то учрежденіе, гдѣ она нашла себѣ убѣжище. Несостоятельность херсонскаго бюро, бесплодность его дѣятельности была для большинства гласныхъ очевидна; была выяснена также невозможность направить иначе дѣятельность бюро, нежелающаго исполнять указаній гласныхъ и статистическаго съѣзда о необходимости собирать свѣдѣнія на мѣстахъ. При такихъ условіяхъ, закрытіе бюро представлялось естественнымъ и, можетъ быть, единственнымъ выходомъ изъ нелѣпаго положенія, въ какомъ находилось это дѣло по винѣ самого бюро.

Совсѣмъ иначе было организовано и дѣйствовало статистическое отдѣленіе при черниговской губернской управѣ, хотя, къ сожалѣнію, и оно было закрыто въ январѣ 1878 года, послѣ двухлѣтней, весьма полезной дѣятельности. Агенты черниговскаго отдѣленія своими добросовѣстными трудами оказали услугу не одному черниговскому земству; ихъ труды стали достояніемъ всей читающей публики, и ими будутъ пользоваться всякій разъ, когда пожелають серьёзно поставить дѣло изученія экономическаго положенія губерніи и ея платежныхъ средствъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ отдѣленія продолжаютъ и теперь описаніе уѣздовъ въ томъ же направленіи, по приглашенію уѣздныхъ земскихъ собраній Черниговской Губерніи. Дѣло это устроено такъ: земское собраніе ассигнуетъ опредѣленную сумму (по 1 к. съ десятины въ нѣжинскомъ уѣздѣ); управа приглашаетъ агента, который, получая ассигнованную сумму въ свое распоряженіе, самъ ведетъ уже расходы на жалованіе помощникамъ, на печатаніе бланковъ и другіе расходы по собранію матеріаловъ для оцѣнки земель. Кромѣ того собраніе выбираетъ особую комиссію, которая собирается раза три или четыре въ теченіи года. Выстъ съ агентомъ, комиссія обсуждаетъ программы и планъ работъ и утверждаетъ ихъ; затѣмъ она разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія и затрудненія, направляетъ работы, выслушиваетъ отчеты агента, собираетъ по сообщанію съ агентомъ наиболѣе подходящій для уѣзда способъ оцѣнки земель, сообразуясь съ характеромъ и достоинствомъ собранныхъ данныхъ. Отъ комиссіи (члены которой—гласные и мѣстные жители) агентъ можетъ узнать о всѣхъ особенностяхъ мѣстности, которыя необходимо имѣть въ виду при направленіи работъ по собранію данныхъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напримеръ, въ большей части борзенскаго уѣзда, *испольныя дома* оказались наиболѣе подходящимъ основаніемъ для оцѣнки доходности земли; въ другихъ, по преобладающему характеру найма земли за деньги, такимъ основаніемъ будетъ служить арендная плата. Относительно собранія данныхъ, единственный вѣрный способъ признается все-таки экспедиционный. «Другого способа я не признаю», пишетъ одинъ изъ агентовъ Черниговской Губерніи. Самое опасное въ этомъ дѣлѣ—доверіе волостнымъ правленіямъ и частнымъ владѣльцамъ при

разсылѣ имъ бланковъ. У первыхъ, на мѣстѣ, вы узнаете тоже самое, что бы они написали вамъ, но сверхъ того, узнаете и многое другое, что увидите своими глазами. Вторымъ можно послать бланки, но заѣхать все-таки необходимо и къ нимъ, такъ какъ по опыту извѣстно, что изъ ста душъ только семь напишутъ сами нужныя цифры».

Предлагаемый очеркъ дѣятельности двухъ земскихъ статистическихъ учрежденій, помимо интереса, такъ сказать, историческаго, имѣетъ и практической интересъ. Въ немъ можно найти указанія и о томъ, чего надо избѣгать при устройствѣ земской статистики, и о томъ, какія слѣдуетъ ставить задачи этой статистикѣ, какіе требовать способы собиранія данныхъ и методы изслѣдованія. Зная опасности, угрожающія успѣху дѣла и происходящія и отъ слишкомъ широкой постановки вопроса, и отъ неудачнаго выбора исполнителей, и отъ неправильнаго пониманія цѣлей и способовъ земской статистики, ихъ можно устранить при устройствѣ особыхъ органовъ земской статистики въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ къ этому еще не приступали. Почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ чувствуется потребность приведенія въ извѣстность на первое время предметовъ, подлежащихъ обложенію земскимъ сборомъ, а затѣмъ и тѣхъ явленій экономической жизни губерніи, которыя такъ или иначе вліяютъ на благосостояніе мѣстнаго населенія. Но примѣръ херсонскаго статистическаго бюро—надо признаться, весьма печальный примѣръ—служитъ готовымъ возраженіемъ противъ устройства особенныхъ органовъ земской статистики. Возвысившіеся въ послѣднее время земскіе сборы, упадающіе неравномѣрно на имущества, оцененныя съ нѣкоторымъ злоупотребленіемъ выраженія «приблизительно», отзываются слишкомъ тяжелымъ бременемъ на худшихъ земляхъ, несущихъ такой же налогъ, какъ и земли въ три и четыре раза лучшія по ихъ доходности. Это обстоятельство выводитъ вопросъ о равномѣрной раскладкѣ земскаго сбора изъ разряда вопросовъ *идеальныхъ* и ставить его на первую очередь, какъ самый неотложный, жгучій, практической вопросъ. Слово «*кадастръ*» перестаетъ уже быть страшнымъ, какъ ичѣто навозливое и дорого стоящее, непримѣнимое для насъ, потому что земля наша велика и обильна. Несмотря на остроты, вызываемыя непониманіемъ значенія этого слова многими гласными урядныхъ собраній, слово это все чаще и чаще повторяется въ земскихъ собраніяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ, оставляя на время вопросъ о земской статистикѣ въ сторонѣ, весьма полезно было бы выслать возможность примѣненія для земскихъ раскладокъ *земскаго кадастра*, менѣе дорогаго, болѣе скорого, не требующаго ни специальныхъ комиссій для измѣренія отдѣльныхъ угодій каждой поземельной дачи, ни научной классификаціи почвы по химическому ея составу, ни дробныхъ умолотовъ для опредѣленія уро-

жайности. Всѣ эти дорого стоящіе приемы требуютъ и много времени, и нѣкоторой власти для борьбы съ нежеланіемъ владѣльцевъ подчиняться требованіямъ разныхъ комиссій, то есть такихъ условій, которыми не располагають земскія учрежденія; а между тѣмъ, и этотъ дорого стоящій кадастръ, испытанный въ Австріи, Баденѣ и во Франціи, тянувшійся по 40 и болѣе лѣтъ, не далъ совершенно удовлетворительныхъ результатовъ: приходилось и при немъ прибѣгать къ поправкамъ и приближеннымъ вычисленіямъ.

Труды черниговскаго статистическаго отдѣленія наводятъ на мысль, что для земскихъ раскладокъ можно примѣнить кадастръ, основанный не на *измѣрени и взѣшиваніи*, а на *перекрестныхъ распросахъ* мѣстнаго населенія. Если этотъ способъ съ успѣхомъ примѣняется въ судахъ, и на добытыхъ при его помощи фактахъ рѣшается судьба не только объ имуществѣ, но и о жизни человека, то почему его не примѣнить для собиранія фактовъ, служащихъ матеріаломъ для оцѣнки земли?

Иванъ Горюновичъ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢЛА.

«Если бы не вѣрилъ, что у Бога правду същешь, такъ лучше бы въ гробъ лечь».

От. Зап. 78 г. № 12 ст. «Условъ Златовратскаго, стр. 462.

Если, съ одной стороны, наша община испытываетъ тяжелыя невзгоды вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій и напрягаетъ силы, отстаивая свои вѣковые обычаи, то, съ другой — и весь строй народныхъ понятій, сложившійся подъ вліяніемъ общинныхъ порядковъ, подвергается меньшимъ испытаніямъ при столкновеніяхъ съ чуждыми народу воззрѣніями культурныхъ людей или людей города, какъ ихъ теперь называютъ. «Обычное право, говоритъ г-жа Ефименко: — типическія отличается отъ права культурныхъ классовъ и именно представляетъ тотъ типъ, какой можетъ выработаться исключительно лишь въ средѣ трудящейся, собственнымъ трудомъ удовлетво-

рящей своимъ потребностямъ»¹. И какъ мелкіе факты обыденной жизни, такъ и болѣе крупныя явленія народной жизни показываютъ намъ не только эту разницу между обычнымъ правомъ и правомъ культурныхъ классовъ, которая вытекаетъ изъ принципиальныхъ различій въ понятіяхъ той и другой среды объ отношеніи личности къ обществу, но и то, что причина такъ называемыхъ «прискорбныхъ недоразумѣній» очень часто кроется въ этомъ же различіи и несоотвѣтствіи между обычнымъ правомъ, которое регулируетъ поведеніе крестьянина, и правомъ научнымъ, выработаннымъ европейскою жизнію и положеннымъ въ основаніе нашего законодательства. Наши провинціальныя суды даютъ любопытный матеріалъ столкновеній этихъ двухъ разнородныхъ юридическихъ понятій, такъ какъ здѣсь нерѣдко обнаруживаются плоды этого несоотвѣтствія, которые также наглядно показываютъ и вліяніе послѣдняго на народную жизнь. Вотъ нѣсколько такихъ фактовъ. Въ началѣ прошедшаго года, 21-го января, въ г. Яранскѣ, во временномъ отдѣленіи Вятскаго окружнаго суда, разбиралось дѣло крестьянки Авдотьи Максимовой Рѣпиной, 18 лѣтъ, и крестьянина Петра Григорьева Хохолкова, 17 лѣтъ, обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ. Обвиненіе, какъ видитъ читатель, внушительное, послѣдствія котораго могли сулить подсудимымъ арестантскія роты или отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста Сибири. Сущность дѣла заключалось въ слѣдующемъ. Подсудимая Авдотья Рѣпина съ 12 лѣтъ жила у одной крестьянки-вдовы въ качествѣ пріемной дочери и, въ продолженіи 6 лѣтъ, была ей усердной работницей. «Съ 14 лѣтъ на мнѣ лежали всѣ женскія работы по хозяйству, а она жила, какъ барыня», говорила подсудимая на судѣ, указывая на свою мать. Это заявленіе было подтверждено всѣми свидѣтелями. Но Авдотья, несмотря на ея усердный трудъ, отъ богоданной матери постоянно приходилось переносить различныя притѣсненія, которыя, наконецъ, сдѣлали жизнь ея невыносимой, почему она порѣшила уйти изъ дому. Выждавъ отсутствіе матери и сломавъ замокъ у сундука, гдѣ хранились ея и матери вещи, Авдотья взяла свои и уѣхала къ роднымъ, ни мало не думая, что она сдѣлала уголовное преступленіе, такъ какъ взяла только тѣ вещи, которыя приобрѣла своимъ трудомъ. Въ этомъ уходѣ, Авдотья помогала той же деревни парень Петръ Хохолковъ, въ чемъ онъ на предварительномъ слѣдствіи и сознался, не считая это также за преступленіе. Мать, узнавъ о бѣгствѣ дѣвушки, отправилась слѣдомъ за ней къ роднымъ, гдѣ ей удалось уговорить Авдотью снова вернуться въ ея домъ, вмѣстѣ съ вещами, обѣщая при этомъ ее болѣе не притѣснять. Получивъ такимъ образомъ вещи отъ Авдотьи, мать сама уже выгнала ее черезъ три дня, что называется, въ одной рубашкѣ. Обобравъ такимъ образомъ под-

¹ «Слово» за 1878 г., ст. Ефименко «Трудовое начало въ народ. общ. правѣ».

судимую, оскорбленная мать этимъ не удовлетворилась, а потребовала отъ правосудія возмездія за нанесенную ей обиду, причѣмъ достойно вниманія то обстоятельство, что мать обратилась не къ волостному суду, который бы, чего добраго, заставилъ ее отдать вени Авдотѣ, а къ становому приставу и судебному слѣдователю. Возникаетъ дѣло. Сначала Авдотья показывается безъ утайки, какъ было дѣло; но впоследствии, смѣкнувъ, что грозитъ ей уголовщина, начинаетъ закрываться, сваливать на товарища или на то, что «смогъ люди меня научили такъ слѣловать». Петръ же Хохоловъ на судѣ заперся, говоря, что «ничего знать не знаетъ». Изъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ выяснилось, что, по крестьянскимъ обычаямъ, каждый членъ крестьянской семьи имѣетъ право на часть имущества, равную продукту его труда, что основаніемъ тѣхъ или другихъ правъ членовъ служитъ не родственная связь, а ихъ рабочая сила. Что же касается дѣвущей, то семья обязывается выдѣлать принадлежащую имъ часть въ видѣ приданого. Въ случаѣ же прерваній при дѣлѣжѣ, общество беретъ на себя роль посредника, оцѣниваетъ долю каждаго соответственно продолжительности и качеству его труда и распределяетъ имущество. Изъ тѣхъ же свидѣтельскихъ показаній было видно, что Авдотья, будучи членомъ семьи и работницей и способной хозяйкой, имѣла полное право за свои шестилѣтній трудъ на вѣчныя ей вещи, въ чемъ они и не видятъ вражи. Авдотья нарушила крестьянскіе обычаи только со стороны, такъ сказать, формальной, потому что, обратясь она къ міру и волостному суду, мать заставила бы отдать эти вещи; это знала послѣдняя, потому и воспользовалась, надо полагать, вѣдомомъ замка, желая предупредить такой оборотъ дѣла. Немало было удивленіе публики на судѣ, когда послѣ судебного слѣдствія стало для каждаго очевидно, что вражи въ данномъ случаѣ, нѣтъ со вѣдомомъ, но и простой не существовало. Несмотря, на такой оборотъ дѣла, прокуроръ, однако, продолжалъ поддерживать обвиненіе противъ подсудимой, отказавшись, по недостатку уликъ, обвинять ее товарища. Спрашивается: чѣмъ руководствовались обвинительная власть, привлекая къ суду виновныхъ въ вводимомъ на нихъ тяжкомъ преступленіи? Можетъ быть, на предварительномъ слѣдствіи были упущены нѣкоторые важныя обстоятельства, которыя, обнаружившись на судѣ, придали дѣлу иной характеръ? Ничего подобнаго не случилось: на судебномъ слѣдствіи не явилось ни одного новаго факта, какъ въ главномъ, такъ и въ частныхъ, всѣ обстоятельства дѣла остались тѣже; къ тому же и самое дѣло очень не сложно, требовалось только для правильной оцѣнки пониманію народныхъ взглядовъ и обычаевъ. Между тѣмъ юристы, производившія дознаніе и писавшія обвинительный актъ, обнаружили въ данномъ случаѣ полную неспособность вникнуть въ формы народной жизни и разглядѣть, что подъ этими формами скрывается содержаніе, немало несоотвѣтствующее ихъ предвзятымъ теоріямъ. И не

будь большая часть присяжныхъ изъ крестьянъ, которые подсудимую оправдали, неизвѣстно, куда угодила бы Авдотья Рѣчина за своеобразно понимаемыя ею права на собственность и «за добрый совѣтъ людей покончить по-просту съ матерью, такъ какъ куда ей, дѣвкѣ, шляться въ волость и судиться съ ней объ одежѣ». Не трудно понять, что подобнаго рода факты должны вносить въ крестьянскую среду деморализующій элементъ. Кромѣ того, такое, можно сказать, странное непониманіе народныхъ обычаевъ судебной властію порождаетъ среди крестьянства глубокое недоувѣріе къ закону. Какое впечатлѣніе на крестьянъ могъ произвести нижеслѣдующій судебный процессъ, пусть судитъ самъ читатель; намъ же онъ еще разъ подтвердилъ справедливость вышеприведеннаго мнѣнія. Въ то же число, годомъ раньше (21-го января 1877 г.), разбиралось дѣло о бывшихъ волостныхъ судьяхъ: Михаилѣ Кузанинѣ, Васильѣ Касьяновѣ, Гавриилѣ Морозовѣ и Омѣ Петрушевѣ, обвинявшихся въ превышеніи власти. Подсудимые, въ качествѣ волостныхъ судей, разобрали одно тяжбное дѣло, уже рѣшенное мировымъ судьей, и постановили рѣшеніе, несогласное съ постановленіемъ мирового судьи, причѣмъ, по показанію одного изъ свидѣтелей (волостнаго писаря), подсудимые выразили неуваженіе къ власти тѣмъ, что, на заавлекіе свидѣтеля о противозаконности ихъ поступка, одинъ изъ обвиняемыхъ стукнулъ кулакомъ по столу, на которомъ лежалъ исполнительный листъ мирового судьи, говора: «намъ дѣла нѣтъ ни до какихъ судей, мы знаемъ ихъ не хотимъ, мы сами—судьи! И если къ намъ обращаются съ просьбой разобрать дѣло, то мы обязаны разсудить его». Дѣло, которое волостные судья перерѣшили, въ ихъ глазахъ, было вопіющей несправедливостію: сынъ отнялъ у родной матери мельницу, которою та въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ смерти мужа, владѣла, предоставляя завѣдывать мельницей тому изъ двухъ сыновей, имѣющихъ свои отдѣльныя хозяйства, у котораго жила въ домѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ у младшаго сына, который потому въ это время владѣлъ и мельницей, по просьбѣ старшаго сына перешла съ мельницей къ нему на житье, но, проживъ у него нѣкоторое время, не поладила съ его сѣмьей и съ сыномъ, почему снова пожелала перейти къ меньшому, передавъ, конечно, съ этимъ и завѣдываніе мельницей меньшому сыну. Старшій не согласился отдать мельницу и устроилъ дѣло какинь-то образомъ такъ, что мировой судья приговорилъ владѣть мельницею ему, не предоставивъ старухѣ-матери никакой даже части на доходъ мельницы. Мать обращается съ просьбой разобрать тяжбу ея съ сыномъ къ волостному суду, который, несмотря на состоявшійся уже приговоръ мирового судьи, восстанавливаетъ права матери на владѣніе мельницей, считая несправедливымъ дѣломъ обижать старуху-мать, которой ея старикомъ мельница была оставлена въ пожизненное владѣніе, чтобы на старости лѣтъ не пришлось ей выпрашивать изъ милости кусокъ хлѣба у

дѣтей. На всѣ разпросы подсудимые на судѣ давали одинъ отвѣтъ: дѣло дѣйствительно разбирали и разобрали по своему, но виновными себя не признаемъ, потому что нельзя было не разсудить такого дѣла: сынъ отнялъ у матери мельницу, обобралъ и обидѣлъ старуху; видимъ, что дѣло неладно, несправедливо, ну, мы, какъ слѣдуетъ, разобрали—рѣшили по совѣсти. Законно или нѣтъ мы поступили—не знаемъ, потому мы народъ темный, неграматный и законовъ не знаемъ.

Присяжные ихъ оправдали.

Я остановлю вниманіе читателя еще на особаго рода крестьянскихъ дѣлахъ, гдѣ о мотивахъ преступленія уже не бывають рѣчи, а разсматривается и доказывается только самое преступленіе, т. е. чтó сдѣлано подсудимымъ. Эти дѣла болышею частію возникаютъ при приведеніи въ исполненіе какаго нибудь апелляціоннаго или кассационнаго рѣшенія, которое противорѣчитъ понятію крестьянъ о справедливости и которому крестьяне не желаютъ подчиниться добровольно. Такія дѣла у насъ нерѣдко слывятся подъ именемъ «крестьянскихъ бунтовъ», съ названіемъ которыхъ, какъ увидимъ сейчасъ, являются и на судѣ. Таково было извѣстное у насъ въ Вяткѣ «Калининское дѣло», разбиравшееся три года тому назадъ (5-го декабря 1875 г.) въ Вятскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подробный отчетъ о которомъ помѣщенъ въ «Вятской Незабудкѣ». Подсудимыхъ было 13 крестьянъ, которые обвинялись въ сопротавленіи и неповиновеніи властямъ и завладѣніи чужимъ имуществомъ». «Чужимъ имуществомъ» здѣсь являлась земля, во владѣніе которой заявили права двѣ стороны: вятскій мѣщанинъ Калининъ и крестьяне деревни «Алешины» Вятскаго Уѣзда, въ которой 54 двора и болѣе 140 ревизскихъ душъ. Калининъ считалъ землю своею (на которой жили крестьяне)¹ потому, что, по его даннымъ, крестьяне на настоящее мѣсто были допущены въ оное время «половниками»; крестьяне же, основываясь на давности поселенія на этихъ мѣстахъ, считали землю, если не собственною, то, по крайней мѣрѣ, казенною, которою они вправѣ пользоваться, какъ и всѣ другіе крестьяне смежныхъ деревень. Къ болышей увѣренности крестьянъ въ этомъ правѣ послужило рѣшеніе правительствующаго сената въ 1858 году, когда, по указу изъ сената, права Калинина на спорную землю были отвергнуты, земля оставлена во владѣніи крестьянъ по чинка Алешинскаго, о чемъ было объявлено и выдана съ указа засвидѣтельствованная копія; пріѣзжалъ даже становой и предлагалъ крестьянамъ ввести ихъ во владѣніе землею за извѣстную сумму, которую крестьяне на этотъ разъ сочли не особенно нужною дать, такъ какъ, молъ, придетъ время, и самъ даромъ введетъ, какъ говорили на судѣ свидѣтели. Крестьяне начали пользоваться землею, засѣвали и собрали съ бывшей спорной земли яровой хлѣбъ, за-

¹ Другой земан у крестьянъ нѣтъ.

тѣмъ засѣяли и озимымъ. Но, по возбужденному вновь иску Калининнымъ, крестьяне должны были остановиться въ обработкѣ и пользованіи этой землею. Въ 1869 году, 1-го апрѣля, состоялось новое рѣшеніе въ общемъ собраніи сената по этому дѣлу. Вслѣдствіе представленныхъ Калининнымъ новыхъ доказательствъ на бесспорность принадлежности ему земли, крестьяне должны были, по этому рѣшенію сената, выселиться съ занятыхъ ими земель— для крестьянъ предстояло полное раззореніе. Указъ 1-го апрѣля 1869 г. былъ объявленъ крестьянамъ съ подпиской, причемъ съ нихъ взысканы были деньги за гербовую бумагу и проч. По силу этого указа крестьяне отказались признавать, считая его просто распоряженіемъ губернскаго начальства; по ихъ мнѣнію, изъ одного и того же сената не могло быть двухъ указовъ, совершенно разныхъ по содержанію. Сопротивленія начались собственно со 2-го мая 1874 года. 1-го мая Калининъ выслалъ на 5-ти лошадахъ пахать землю. День этотъ прошелъ спокойно; но, на слѣдующій день, въ рабочимъ вышли всѣ крестьяне деревни, болѣе ста человекъ, и стали всячески препятствовать работѣ. Калининъ вызвалъ изъ волостнаго правленія старшину, котораго крестьяне, конечно, не послушались; затѣмъ дѣло перешло къ мировому судѣ, который рѣшилъ дѣло въ пользу Калинина и выдалъ исполнительный листъ о возстановленіи нарушенныхъ его правъ на владѣніе землей; но крестьяне остались при своемъ убѣжденіи и по выслушаніи этого исполнительнаго листа отъ становаго пристава. Ничего не подѣлала и особая губернская коммиссія, составленная изъ шести человекъ: члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, жандармскаго полковника, исправника, мирового посредника и производителя работъ по межеванію. Послѣдній хотѣлъ начать размежеваніе, но выборные крестьяне явились къ мѣсту, гдѣ была поставлена мензула, и объявили, что они не дадутъ межевать, причемъ одинъ крестьянинъ держалъ на груди копію съ указа сената 1858 года и предлагалъ чиновникамъ «перехерить» этотъ указъ, если они считаютъ его недѣйствительнымъ. Коммиссія пробыла въ деревнѣ два дня и два раза крестьяне собирались, но ничего изъ этого не вышло. 3-го іюня 1874 года вступилъ въ деревню отрядъ солдатъ въ 150 человекъ и пріѣхалъ судебный слѣдователь, который потребовалъ изъ которыхъ крестьянъ, но тѣ не явились; крестьяне всѣ было собрались въ одномъ мѣстѣ, но были окружены солдатами, а въ концѣ-концовъ мужики были перевязаны и размѣщены по амбарамъ. Всѣ крестьяне, за все это тяжелое для нихъ время, дѣйствовали сообща, но, по указанію Калинина и волостнаго начальства, были взяты только 18 человекъ, которые были отправлены въ Вятку, гдѣ и просидѣли въ тюрьмѣ полтора года до суда. Солдаты оставались въ деревнѣ, пока не былъ убранны хлѣбъ съ полей Калинина; на содержаніе ихъ у крестьянъ было взято до 17-ти лучшихъ коровъ и до 200 пудовъ хлѣба. На судѣ мнѣ удалось быть лично; всѣ до одного крестьяне, на вопросъ о виновности, от-

вѣчали: «не виновенъ» и что они остаются при старомъ мѣстѣ, т. е. считаютъ дѣствительнымъ только первое рѣшеніе сената 1858 года. Товарищъ прокурора уличалъ «алешинцевъ», въ числѣ которыхъ были и подсудимые, въ неповиновеніи; защитникъ просилъ присяжныхъ обратить вниманіе на темноту подсудимыхъ и на то обычное недоувѣріе крестьянъ къ мѣстной власти, выработанное минувшимъ порядкомъ вещей, въ которомъ не малую роль играли деньги и кумовство, а равно и на то обстоятельство, что если и виноваты въ сопротивленіи власти подсудимые, но не одни они только, а всѣ «алешинцы». Убѣжденіе же крестьянъ въ томъ, что земля должна принадлежать тѣмъ, кто надъ ней постоянно трудился и трудится, и кто ее поднималъ и обработалъ («еще наши дѣды надъ ней трудились и десять разъ уже за нее нашимъ трудомъ было заплачено»), говорилъ мнѣ одинъ изъ подсудимыхъ), а равно и особый взглядъ на справедливость, по которому уже никакъ не можетъ быть двухъ противоположныхъ рѣшеній у однихъ и тѣхъ же судей, были, само собой, обойдены на судѣ и отнесены къ особой темнотѣ и невѣжеству крестьянскому. Очень можетъ быть, что первое убѣжденіе «алешинцевъ» только опиралось на второе, было, такъ сказать, легализировано съ вѣхъ, конечно, точки зрѣнія; но будь у нихъ этой почвы, въ видѣ указа 1858 года, едва ли можно предположить, что они поступили бы иначе, какъ было въ данномъ случаѣ. Судъ приговорилъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію отъ 6-ти до 9 ти мѣсяцевъ. «Алешинцамъ» въ настоящее время остается одинъ только исходъ—выселиться съ земли Калинина куда-либо на казенную землю. Наде ли говорить, что такимъ исходомъ могло воспользоваться до сихъ поръ самое незначительное меньшинство, такъ какъ для нашего нившаго крестьянина, при полномъ почти отсутствіи необходимаго у него капитала для обработки земли и на мѣстѣ, нѣчего и думать о переселеніи, еслибы даже была предоставлена земля казною для поселенія; и о ропотѣ «алешинцевъ» на виновниковъ своего несчастія и по сіе время передаютъ бывшіе въ этихъ мѣстахъ. Нѣкоторымъ, впрочемъ, помимо своей воли, пришлось расстаться со своей родной хатой. О Калининѣ говорятъ, что онъ чувствуетъ себя въ своемъ помѣстьѣ въ осадномъ положеніи, когда гостить въ немъ (онъ членъ вятской уѣздной земской управы), чѣмъ и объясняютъ то обстоятельство, что онъ не распорядился еще съ крестьянами такъ, какъ въ западныхъ губерніяхъ распорядились помѣщики съ чиншевниками—пожалуй, народъ глупый, и не одобровать ¹.

¹ Этого выселенія можно бы избѣгнуть, еслибы Калининъ получилъ отъ казенную другую землю взаменъ этой, относительно чего министерство государственныхъ имуществъ не прочъ было войти въ соглашеніе съ нимъ; но Калининъ обусловливаетъ эту сдѣлку тѣмъ, чтобы ему былъ отрѣзанъ въ собственность участокъ около 200 десятинъ земли, на что крестьяне никакъ не хотѣли согласиться по малости земли, и безъ того плохого качества, и по несправедливости имѣть такого сосѣда.

Въ томъ же отдѣленіи вятскаго окружнаго суда, 20-го августа 1877 года, разбиралось дѣло, съ участіемъ присяжныхъ заседателей, «крестьянина Степана Еремѣева съ другими 30-ю крестьянами, обвинявшихся въ сопротивленіи власти». На мѣстѣ обвиняемыхъ явилась дѣлал, деревни Вятскаго Уѣзда, Пальничной волости, Большіе Маклаки въ лицѣ 28-ми своихъ домохозяевъ, такъ какъ двое домохозяевъ не дожили до суда, въ томъ числѣ и Степанъ Еремѣевъ; ждать суда пришлось дѣлымъ четыре года. Обычныхъ двухъ свамеекъ для подсудимыхъ на этотъ разъ не достало и понадобилось добавить еще дѣлымъ три скамьи. Всѣ крестьяне судились за то, что два раза сопротивлялись власти въ лицѣ станового или, вѣрнѣе сказать, не соглашались отдать свое движимое имущество въ уплату взыскапія 150 р., въ которому ихъ приговорилъ мировой судья за увезенные 30 возовъ сѣна съ луга, каковой они считали отведеннымъ въ ихъ пользу отъ сосѣдней деревни «Малые Маклаки» вмѣстѣ съ лѣсной дачей. О мотивахъ этого поступка подсудимымъ говорить на судѣ, конечно, не позволялось, потому что, какъ говорилъ председатель суда г. Ренвенкампфъ, это было бы обсужденіемъ справедливости приговора мирового судьи, который былъ признанъ и мировымъ съѣздомъ, и кассационнымъ департаментомъ сената, хотя многіе изъ подсудимыхъ не разъ пытались заговорить объ этомъ, считая, очевидно, эти приговоры несправедливыми. 15-го декабря 1873 года въ деревню «Большіе Маклаки» пріѣхалъ становой приставъ, Огородниковъ, исполнить приговоръ мирового судьи; но крестьяне ему сказали, что сейчасъ платить не будутъ, а переговаривать между собой и подумаютъ, такъ какъ приговоръ этотъ имъ кажется неправильнымъ; г. Огородниковъ, переспросивъ каждого отдѣльно и получивъ отвѣтъ: «если кто заплатитъ, то и онъ не прочь», поѣхалъ въ волостное правленіе и составилъ актъ «о сопротивленіи 23-хъ крестьянъ власти безъ явнаго возстанія». Второе сопротивленіе случилось во второй пріѣздъ г. Огородникова, 5-го марта 1874 г., который на этотъ разъ уже пріѣхалъ вмѣстѣ съ повѣренными отъ крестьянъ деревни «Малые Маклаки», крестьяниномъ Анисимомъ Зяковимъ, а также съ десятскими, сотскими и понатыми, чтобы отобрать у крестьянъ деревни «Большіе Маклаки» движимое имущество, которое за это время уже было оцѣнено въ 180 руб. и продавалось съ публичнаго торга, но не было продано, потому что не нашлось покупателей, хотя, напримѣръ, коровы цѣнились не дороже 5-ти руб. На этотъ разъ становой приставъ нашелъ всѣ дворы запертыми, а хозяевъ всѣхъ — собравшимися на улицѣ въ одномъ концѣ деревни, которые его просили «повременить» и не уводить у нихъ послѣдній скотъ, который вдобавокъ былъ оцѣненъ очень дешево, но что они не въ разѣ заплатятъ. Г. Огородниковъ же пошелъ съ десятскими, сотскими и понатыми къ крайнему двору, на другой конецъ деревни, и принявъ, какъ онъ говорилъ на судѣ, «полицейскія мѣры», т. е. велѣлъ снять ворота,

которые, будучи очень ветхи, не составляли никакого препятствия, и вошелъ во дворъ крестьянина Степана Еремѣева, отдавъ приказаніе поймать корову. До этого времени въ домѣ сидѣли старики-хозяйева и отпалчивались на стужу; но затѣмъ, увидавъ, что скотинѣ ихъ угрожаетъ бѣда, вышли ее защищать. Свидѣтели говорили, что Степанъ выбѣжалъ «съ младенцемъ на рукахъ», а его жена, Анна Емельянова, уже глухая старуха, выбѣжавъ, вооружилась лопатой и не давала брать корову, бѣгавшую отъ ловившихъ ее по двору, и будто бы (это подтвердили не всѣ свидѣтели) ударила лопатой повѣреннаго Анисима Зыкова. Къ этому времени подошли всѣ домохозяева, оставшіеся сначала, до ломанія воротъ, на другомъ концѣ деревни, въ томъ числѣ и сынъ Степана Еремѣева, Макарь, имѣющій уже болѣе 30 лѣтъ отъ роду, который, увидя свое несчастье и своихъ родителей, обороняющихся своею послѣднюю скотинку, выгналъ со двора всѣхъ понятыхъ, десятскихъ и сотскихъ, въ чемъ ему помогли семь человѣкъ изъ толпы, изъ которыхъ, впрочемъ, свидѣтели указали только на трехъ человѣкъ; становой же приставъ, выбѣжавъ изъ двора, стоялъ въ сторонѣ съ револьверомъ въ рукахъ и ему не было нанесено никакихъ обидъ. Объ этой-то защитѣ коровы и былъ составленъ г. Огородниковымъ второй актъ «о сопротивленіи крестьянъ власти и о причиненіи насильственныхъ дѣйствій понятымъ, сотскимъ и десятскимъ, вошедшимъ въ ограду крестьянина Степана Еремѣева по распоряженію становаго пристава», въ каковыхъ дѣйствіяхъ обвинялись девять человѣкъ, въ томъ числѣ и 60-ти лѣтняя старуха Анна Емельянова Еремѣева. Товарищъ-прокурора, г. Клячинъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, просилъ присяжныхъ (которые, надо замѣтить, всѣ на этотъ разъ были горожане: 9 чиновниковъ, 2 купца и 1 мѣщанинъ) обратить вниманіе на столь вредныя для государственнаго сопротивленія власти, потрясающія его основныя начала, будучи при этомъ увѣренъ, что они вынесутъ обвинительный приговоръ, ибо онъ изъ своей долгой практики судебного слѣдователя вынесъ убѣжденіе, что подобныя дѣла неизбѣжно повторяются. Защитникъ же, г. Ермолинскій, принявшій на себя защиту въ тотъ же день по предложенію предсѣдателя суда и не успѣвшій, конечно, просмотрѣть дѣла, просилъ у присяжныхъ снисхожденія обвиняемымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, кромѣ нихъ, будутъ страдать и семьи, лишившіеся своихъ кормильцевъ. Подсудимые, на вопросъ предсѣдателя суда, всѣ отвѣчали, что они не признаютъ себя виновными и остаются при прежнемъ убѣжденіи, т. е., что рѣшеніе судовъ по ихъ дѣлу о лугѣ было неправильно. Присяжные, признавъ виновными крестьянъ въ первомъ сопротивленіи, но заслуживающими снисхожденія, оправдали 9 человѣкъ обвиняемыхъ за второе, т. е. въ нанесеніи насильственныхъ дѣйствій. Судъ приговорилъ первыхъ на одинъ мѣсяць къ аресту при полиціи. Теперь мнѣ, въ заключеніе, остается привести одно знакомое крестьянское дѣло, рѣшеніе котораго, благодаря особому какому-

то случаю, было предоставлено самимъ крестьянамъ. Изъ нижеприводимыхъ фактовъ читатель увидитъ, что всѣ были данни, чтобы изъ этого дѣла сложился цѣлый процессъ, въ которомъ на скамьѣ подсудимыхъ могла бы опять явиться почти цѣлая деревня, «за неповиновеніе, сопротивленіе и самоуправство», съ повтореніемъ всѣхъ фазисовъ «Калининскаго или Махлаковского дѣла», но на этотъ разъ, повторяю, благодаря случаю, покончилось самостоятельно. Рассказываемое мною дѣло было въ деревнѣ Маракулинской или, попросту, въ «Маракуливицнѣ» Шишкинской волости, Орловскаго Уѣзда. За версту отъ нашей деревни, передавалъ мнѣ мой знакомый, наблюдавшій это дѣло лично, есть небольшая, худенькая мельница, мелющая на два станка. До нынѣшней весны эта мельница находилась въ рукахъ пяти кузнецовъ, нашихъ же деревенцовъ, которые ежегодно за нее вносили оброкъ въ волостное правленіе по 25 р. Кузнецы арендовали мельницу въ 1866 году на 12 лѣтъ у волостнаго схода, который, до послѣдняго времени, у насъ завѣдывалъ оброчными статьями по волости, обѣщавъ нашимъ деревенцамъ за подполье луговъ кой-какія льготы по помолу; но вышло, конечно, скоро такъ, что это осталось однимъ только обѣщаніемъ, и наши деревенцы платили за помолъ столько же, сколько и помольцы другихъ деревень. Срокъ аренды долженъ былъ кончиться въ августѣ прошедшаго года (1878 г.), но въ октябрѣ 1877 г. наши деревенцы узнаютъ, что отъ министра вышелъ указъ «о распредѣленіи мірскихъ оброчныхъ статей по селеніямъ, въ дачахъ которыхъ статьи сіи находятся, а также о распредѣленіи селеніямъ мірскихъ капиталовъ, составившихся отъ доходовъ оброчныхъ статей». Изъ добытой крестьянами въ волостномъ правленіи копій съ отношенія уѣзднаго орловскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія волостнымъ правленіямъ 1-го и 2-го становъ Орловскаго Уѣзда отъ 8-го марта 1877 года за № 482 видно, что «Ватское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе отъ 24-го февраля за № 896 сообщило уѣздному присутствію, что по Ватской Губерніи съ 1870 года остается неисполненнымъ предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ о распредѣленіи мірскихъ оброчныхъ статей. Въ виду этого, 10-го февраля губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и опредѣлило: разъяснить всѣмъ уѣзднымъ присутствіямъ, что завѣдываніе мірскими мельницами и оброчными статьями не относится до предметовъ вѣдомства волостныхъ и участковыхъ сходовъ, указанныхъ въ 78 ст. общин. положен. объ оброкахъ, и потому волостныя правленія обязаны немедленно сдать оброчныя статьи въ распоряженіе селеній, въ земельныхъ надѣлахъ которыхъ онѣ состоятъ, и чтобы этимъ же селеніямъ были предоставлены всѣ доходы съ мельницы, а не забирались бы послѣдніе въ волостное правленіе для надобностей волости безъ согласія хозяевъ оброчныхъ статей. Всѣ же приговоры волостныхъ и участковыхъ сходовъ, постановленные вопреки циркуляру губернскаго присутствія отъ 25-го іюля 1870 г., за № 4,598,

должны быть считаемы уничтоженными». Наши деревенцы, говорил мой знакомый:—узнали объ этомъ циркулярѣ или указѣ, какъ они его зовуть, только случайно; между ними ходитъ слухъ, что въ наше правленіе указъ этотъ пришелъ года три тому назадъ (онъ правленію долженъ быть извѣстенъ съ 1870 года, какъ видѣли выше сейчасъ), но все лежалъ въ правленіи необъявленными потому, что у самого писаря и волостнаго старшины—по мельницѣ, и что имъ не было охоты скоро разстаться со своими заведеніями. Деревенцы, заполучивъ копію, порѣшили требовать съ кузнецовъ, въ силу этого указа, оброкъ за 1877 г. и первую половину 1878 года. Кузнецы на это требованіе отвѣтили: «мы не заплатимъ вамъ оброкъ: его мы внесли въ правленіе и отъ правленія на то есть квитанція», но деревенцы толкомъ не могли узнать отъ правленцевъ, что заплаченъ ли оброкъ и куда его дѣвали. Старшина и писарь говорятъ, что заплаченъ, а сельскій староста говоритъ, что нѣтъ. Наши мужики толкуютъ, что волостное начальство задарено кузнецами. Собственно мельница—плохая, старая, но кузнецы потому за нее такъ крѣпко держатся, что у нихъ къ мельничному колесу придѣлана шестерня и устроена точильня, на которой кузнецы вытачиваютъ весною тысячъ по восьми своихъ косъ, да еще точатъ косы кузнецовъ другихъ деревень и берутъ съ косы по 3 коп. Кузнецамъ дорогъ главнымъ образомъ эта точильня, которая, если мельница отошла бы въ распоряженіе деревенцевъ, была бы нарушена, какъ то на самомъ дѣлѣ и вышло, потому что прудъ мельницы затопляетъ большое пространство деревенскихъ луговъ, съ которыхъ ранѣе получали деревенцы до 200 возовъ хорошаго сѣна. Считая по по 3 р., за возъ, мы получимъ 600 руб., а на ревизскую душу около 5 р.: между тѣмъ какъ, еслибы деревенцамъ согласиться на то, чтобы кузнецы имъ оброкъ вносили и пользовались мельницею по прежнему, имъ отъ оброка 25 р. пришлось бы на душу по 20 к. Ну, конечно, деревенцамъ держать мельницу не расчесть; кузнецамъ же, потерявъ подъ бокомъ мельницу, придется ѣхать на чужую точильню и платить за точеніе своихъ косъ не менѣе 250 р., не говоря уже о потерѣ дохода отъ помола, точенія топоровъ, ножей и чужихъ косъ. Интересы обѣихъ сторонъ такъ противоположны, что миромъ кончить споръ, очевидно, нельзя, да и кузнецы не думали даже идти на какія-либо уступки, а съ пренебреженіемъ, какъ люди вполне зажиточные, относились къ своимъ бѣднякамъ-деревенцамъ, давая это понятъ имъ при каждомъ столкновеніи; правленцы, какъ я уже говорилъ, были вполне на ихъ сторонѣ и поддерживали ихъ.

Въ среднихъ числахъ марта прошедшаго года, деревенцы собрались на мельницу и потребовали на объясненіе кузнецовъ, но тѣ не пошли, а послали своихъ молоденькихъ сыновей. Міру стало обидно, что сами кузнецы не хотятъ съ ними объясниться, зашумѣли и закричали; кузнецовъ же ребята, чтобы запугать сельчанъ, записали шестерыхъ, которые больше всѣхъ, по ихъ

миѣннiю, протестовали, «начальству моль передадимъ!» Тогда деревенцы пошли къ мельницѣ и заперли своимъ замкомъ тотъ сундукъ, въ которомъ хранились деньги, получаемыя за помоль; такъ какъ это было безъ присутствiя волостнаго начальства, то деревенцы, для огражденiя себя отъ нареканiй за самовольный поступокъ, пригласили свидѣтелей изъ сосѣдней деревни, а затѣмъ, деревенцы посуточно стали караулить на мельницѣ. Для успокоенiя же другъ друга деревенцы вели такіе разговоры: «насъ за это самовольство судить не будутъ, потому что сами кузнецы самовольствуютъ; они съ нами должны объясниться, сдѣлать соглашенiе, заключить контрактъ и платить намъ оброкъ, потому что мельница стоитъ на землѣ, принадлежащей имъ и намъ, а они насъ знать не хотятъ, не глядятъ на насъ, зорятъ насъ, ругаютъ, смѣются надъ нами, «вшивниками» обзываютъ и порядкомъ слова съ нами не хотятъ сказать»... Послѣ этого были еще двѣ сходы и деревенцы опять приступали къ кузнецамъ, но тѣ не сдались, вышла одна только ругань; 21-го апрѣля 1878 года кузнецы пошли на мельницу столбы ставить и укрѣплять вѣшники; вслѣдъ за ними на мельницу пришли и всѣ деревенцы, опять началась ссора и перебранка. «Да чего вы лѣзете?» кричитъ одинъ изъ кузнецовъ: — «это земля царская, а не ваша!» «Ты царскiй и мы царскiе, отвѣчаютъ ему: — пользоваться землею должны всѣ: всѣ мы платимъ подати». Кузнеца, который ставилъ столбы, окружили, на одного изъ деревенцевъ кузнецъ замахнулся длинной, толстой палкой и сталъ ею разгонять народъ. Эту палку деревенцы подобрали и ушли домой, а на другой день ее отнесли въ правленiе вмѣстѣ съ жалобой. 23-го апрѣля деревенцы снова собрались, въ числѣ 31 человекъ, на мельницу и выдергали столбы, поставленные кузнецами для задержанiя воды. Кузнецы въ это время были на работѣ, но одинъ изъ нихъ замѣтилъ, какъ всѣ деревенцы толпою ушли на мельницу, прибѣжалъ къ другимъ кузнецамъ и закричалъ: «что вы здѣсь сидите? вѣдь на нашу мельницу турки напали!» и кузнецы побѣжали скорѣе ловить поплывшіе столбы, но не посмѣли бѣжать по снѣгу, гдѣ стояли деревенцы, а обѣжали ихъ кругомъ далеко. Затѣмъ вскорѣ кузнецы позвали старшину и писаря на деревенскiй сходъ; деревенцы, конечно, не уступали, но кузнецы хотѣли воспользоваться присутствiемъ начальства и поставить на мельницѣ столбы. Деревенцы всѣ собрались опять на мельницу и, молча, смотрѣли на работу кузнецовъ; никто изъ нихъ какъ бы не осмѣливался начать. Но вотъ одна, уже пожилая, баба беретъ шесть, упирается имъ въ одинъ столбъ, всѣ молча къ ней подходятъ на помощь, и работа кузнецовъ моментально уничтожается. Кузнецы должны были уступить силѣ, и мельница въ концѣ-концовъ осталась незапруженной; правленцы, не смотря на все желанiе помочь кузнецамъ, не осмѣливались, надо полагать, доносить уѣздному начальству, чувствуя, что и «ихъ рыльце въ пуху» по этой части, или, можетъ быть, и до-

несли, но уѣздное начальство нашло лучшимъ не поднимать исторіи о дѣлѣ, которое должно быть кончено законнымъ порядкомъ восемь лѣтъ тому назадъ. Съ громаднымъ интересомъ слѣдили сосѣдніе крестьяне за ходомъ этого дѣла, счастливое окончаніе котораго не осталось безъ слѣда на арендаторахъ другихъ сосѣднихъ мельницъ, которые волей-неволей должны были заключать новыя условія со своими деревенцами, чтобы удержать за собой мельницы. Да не подумаетъ читатель, чтобы была здѣсь какая-либо помощь со стороны какого-либо интеллигентнаго человѣка: сами крестьяне задумали, сами и dokonчили. Дразъ, которые мы, культурные люди, считаемъ неизбежными въ самостоятельныхъ рѣшеніяхъ крестьянскихъ споровъ, на этотъ разъ не было ни одной, хотя поводовъ къ этому было вдоволь (припомните, напримѣръ, случай маханія палкой кузнеца на деревенцовъ); безъ ругани, конечно, не обошлось и много горькихъ упрековъ пришлось выслушать кузнецамъ отъ своихъ деревенцовъ. «Вы не по закону и не по совѣсти пользуетесь одни мельницей и развораете свое селеніе! Вы задарили правленцевъ: вонъ писарь въ это воскресенье у всѣхъ васъ переоготилъ, чай пилъ; а мы приддемъ къ начальникамъ — пустымъ языкомъ побренчимъ, ну, конечно, въ нашихъ рѣчахъ силы и нѣтъ... Все это васъ мельница поддерживаетъ, а то бы и вы немногимъ лучше насъ жили; нечего, значить, рыло-то задирать, коли на нашъ счетъ богатѣете»... таковы были не мудрыя рѣчи деревенцовъ¹. Такихъ крестьянскихъ дѣлъ, читатель, конечно, масса и наблюдать ихъ вы можете въ любомъ отдѣленіи окружнаго суда или даже въ намѣрѣ мировыхъ судей, которые также, само собой, не ближе къ пониманію обычнаго народнаго права, которымъ въ жизни руководятся дѣйне семьдесятъ милліоновъ населенія, чѣмъ гг. прокуроры и адвокаты, говорящіе на судѣ только о примѣненіи той или другой статьи въ данномъ случаѣ, или отыскивающіе къ нимъ примѣчанія и рѣшенія кассационнаго департамента сената. Въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ характера, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, дѣлая группа крестьянскихъ дѣлъ «о самовольныхъ порубкахъ лѣса», которыя крестьяне и до сихъ поръ, не смотря на энергичныя внушенія и постоянныя преслѣдованія, не считаютъ за преступленія. Въ литературѣ не разъ высказывалась мысль, что похищеніе лѣса не считается крестьянами за воровство, да и сами культурные люди, по мнѣнію г. Е. Якушкина, «не смотрятъ на самовольныя порубки, какъ на преступленіе. Я зналъ одного помѣщика, говоритъ г. Якушкинъ: —человѣка безукорыненной честности, которому крестьяне заявили однажды, что они собираются ѣхать за лѣсомъ въ казенную заповѣдную дачу, и просили дать имъ по два бревна на

¹ Недавно мнѣ передавали, что кузнецы подали искъ мировому судѣ на деревенцовъ на значительную сумму, которую они истязаютъ своимъ убыткомъ на варушеніе мельницы до срока конца аренды.

дворъ, чтобы можно было, въ случаѣ обыска, сослаться на отпускъ изъ помѣщичьяго лѣса. Просьба эта была удовлетворена немедленно. Извѣстно, что и лица духовнаго сословія принимаютъ участіе въ самовольныхъ порубкахъ и, наравнѣ со всѣми другими, не считаютъ предосудительнымъ покупать бревна и дрова, похищенные крестьянами изъ казенныхъ или помѣщичьихъ дачъ». («Обычное право» 32—33 стр.). А между тѣмъ, нельзя, кажется, встрѣтить ни одного съѣзда мировыхъ судей, на разсмотрѣніе котораго не было бы предложено значительнаго числа дѣлъ о самовольной порубкѣ лѣса, которыя составляютъ иногда 25% всѣхъ дѣлъ, хотя нерѣдко причиной преданія суду бываетъ порубка лѣса крестьянами на собственные нужды, какъ, напримѣръ, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, на дрова. Уничтожаютъ лѣса, какъ извѣстно, лѣсопромышленники, а не крестьяне; о повальной порубкѣ крестьянами мнѣ приходилось слышать, напримѣръ, только въ такихъ случаяхъ, когда вдругъ между крестьянами появился слухъ объ общинной лѣсной дачѣ, что она скоро перейдетъ отъ нихъ въ казну: тогда, съ общаго согласія, бываетъ дѣйствительно повальная порубка. Ограничиваясь въ данномъ случаѣ почти только голой передачей фактовъ, я въ заключеніе позволю себѣ сказать, что литература, освѣщающая массу такихъ крестьянскихъ дѣлъ изъ практики провинціальнаго судовъ и съ большою энергіей разрабатывая «обычное право», могла бы оказать не малую услугу народу его «устоямъ», которымъ сейчасъ приходится выдерживать столь трудную борьбу за свою цѣлость. Sapienti sat!..

Михаилъ Чепцовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ходатайство донскихъ казаковъ объ освобожденіи ихъ отъ самоуправленія.— Составъ петербургскаго самоуправленія.— Историческое его развитіе.— Нынѣ дѣйствующее Городовое Положеніе.— Количество лицъ, пользующихся правомъ избирательства въ Петербургѣ.— Чисто почти сословный характеръ петербургскаго населенія.— Вредъ, претерпѣваемый городомъ отъ подобнаго представительства.— Нѣсколько фактовъ бездѣйствія и безпечности думъ о снабженіи жителей хорошею водою.— Увеличеніе тарифа на конно-железныя дороги.— Засѣданіе по этому вопросу петербургской городской управы и недостойное отношеніе ея къ такому важному вопросу.

Недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было извѣстіе, что въ Области Войска Донскаго отъ Округовъ Усть-Медвѣдицкаго и Хоперскаго, а также и отъ другихъ казачьихъ станицъ посту-

пили въ областное правленіе ходатайства объ *упраздненіи земскихъ учреждений*. Вѣроятно, ходатайство это было вполне резонно, ибо областное правленіе не только сочло нужнымъ войти въ его разсмотрѣніе, но и само, послѣ нѣсколькихъ засѣданій соединенныхъ присутствій, порѣшило ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о закрытіи земскихъ учреждений, мотивируя это свое рѣшеніе тѣмъ, что эти учреждения и вообще только обременяютъ казаковъ налогами, пользы же имъ никакой не приносятъ; теперь же подорванное войною казачество особенно таготится уплатою земскихъ налоговъ. Къ этому сообщающій это извѣстіе корреспондентъ добавляетъ, что въ настоящее время масса станицъ, какъ, напримѣръ, станицы Усть-Медвѣдицкаго и Хоперскаго Округовъ, Новочеркасскія станицы, Каменская Станица Донецкаго Округа и другія отказываются отъ выбора земскихъ гласныхъ.

Это сообщеніе такъ важно, что мы не можемъ не рекомендовать его самому серьезному вниманію всѣхъ нашихъ самоуправленій. Фактъ ходатайства объ освобожденіи отъ самоуправленія, возбуждаемаго тѣми именно, которые должны бы прежде всѣхъ почувствовать всѣ блага самоуправленія, прежде всѣхъ понять всю разницу между гнетомъ чиновничьимъ и полною свободою поражаться всѣми своими дѣлами по собственному усмотрѣнію и желанію, къ наибольшей собственной пользѣ, этотъ фактъ, говорю, ясно свидѣтельствуеетъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, самоуправленіе стоитъ не только гораздо ниже своей задачи, но и въ прямомъ противорѣчій съ нею, что оно сдѣлалось тѣмъ-то въ родѣ крѣпостнаго права, стало не въ терпѣжъ для самоуправляющихся, и что они жаждутъ, какъ величайшаго для себя счастья, освободиться поскорѣе отъ самоуправления, перейти снова подъ гнетъ чиновничій. Можно ли придумать для нашихъ самоуправленій какую-нибудь аттестацію хуже этой?

Напрасно бы мы стали стараться измѣнить смыслъ сказаннаго факта или, по крайней мѣрѣ, ослабить его значеніе какими-нибудь возвышенными соображеніями въ родѣ того, что, дескать, казакъ, какъ и мужикъ, не развитъ, невѣжественъ, что онъ зачастую не понимаетъ своихъ собственныхъ выгодъ и дѣйствуетъ во вредъ себѣ, своему будущему. Во-первыхъ, чтобы судить о томъ: способствуетъ ли извѣстное дѣйствующее уже учрежденіе опустошенію или пополненію моего кармана, для этого никакого ни просвѣщенія, ни развитія не нужно, такъ точно, какъ не нужно никакого ни просвѣщенія, ни развитія для того, чтобы отличить свободу отъ неволи, пирогъ отъ чернаго хлѣба и т. п. Если казакъ, въ теченіи десятилѣтняго существованія земскаго самоуправления, видѣлъ постоянно только одно, что, благодаря земству, деньги изъ его кармана все болѣе и болѣе уходятъ, а никакихъ благодѣтельныхъ результатовъ для его хозяйства отъ этого нѣтъ, то мудрено ли ему понять, что это учрежденіе

прямо вредно для его экономическаго благосостоянія? А если бы и засимъ у насъ могло оставаться сомнѣніе, не ошибаются ли казаки, не видя ничего, кромѣ вреда для себя, отъ дѣйствующаго у нихъ самоуправленія, то вѣдь изъ вышеприведеннаго сообщенія мы видимъ, что мнѣніе казаковъ вполне раздѣляютъ и люди благородные, именно члены областнаго правленія. Они постановили ходатайствовать передъ правительствомъ объ уничтоженіи земскихъ учреждений въ Области Войска Донскаго. Кромѣ того, кому изъ насъ неизвѣстно изъ безчисленныхъ корреспонденцій о земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ, изъ многочисленныхъ сборниковъ, издаваемыхъ самими этими учреждениями, что самоуправленіе у насъ, за очень немногими исключеніями, до сихъ поръ принимается повсюду очень плохо. Хроника дѣятельности какъ городскихъ, такъ и земскихъ самоуправленій представляетъ почти сплошное печальное повѣствованіе о небрежномъ отношеніи къ дѣлу, о кумовствѣ, о безконтрольномъ транжиреніи денегъ на большія жалованья другъ другу, на предметы не нужные или прямо чуждые самоуправленію и т. п., и наконецъ, прямо о расхищеніи общественныхъ сундуковъ.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что казаки просятъ освободить ихъ отъ самоуправленія не по чему другому, а именно потому, что стало имъ не въ терпѣжъ. Если подобныхъ ходатайствъ не поступало до сихъ поръ отъ стратотерпцевъ другихъ самоуправленій, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, что они, по крайней мѣрѣ, настолько довольны своимъ самоуправленіемъ, что считаютъ свое положеніе еще сноснымъ. Ихъ молчаніе происходитъ просто отъ недостатка смѣлости, а потому и инициативы. Казаки, какъ народъ болѣе храбрый, сдѣлали этотъ первый тяжелый шагъ; теперь надобно ожидать, что и изъ районовъ другихъ самоуправленій появятся ходатайства объ уничтоженіи самоуправленія.

Я увѣренъ, что не далеко то время, когда и жители Петербурга будутъ ходатайствовать или о закрытіи городского самоуправленія, или объ учрежденіи его на такихъ началахъ, чтобы оно было дѣйствительнымъ самоуправленіемъ, представляющимъ собой интересы всего петербургскаго населенія, а не нѣкоторыхъ только классовъ изъ него, не имѣющихъ болѣею частію никакихъ общахъ интересовъ съ этимъ народонаселеніемъ. Ибо изъ существующаго печальнаго положенія дѣлъ никакого другаго выхода не предвидится и быть не можетъ, кромѣ ходатайства самихъ жителей объ измѣненіи тѣхъ началъ, на которыхъ петербургское самоуправленіе покоится теперь. Представительство мѣстныхъ самоуправленій, въ предоставленной ему области вѣдѣнія, имѣетъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо болѣею самостоятельность, чѣмъ представительства политическія. Послѣднія стоятъ рядомъ всегда, по крайней мѣрѣ, еще съ однимъ факторомъ законодательства, имѣютъ одинаковыя съ нимъ права на инициативу въ законо-

дательствъ и свои мѣры воздѣйствія другъ на друга, въ случаѣ возникающихъ несогласій. Представительства мѣстныхъ самоуправлений поставлены полновластно въ области своего вѣдѣнія не только по управленію, но и въ законодательной инициативѣ. Въ обыкновенномъ порядкѣ, всякая мысль о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ, улучшеніяхъ въ устройствѣ самоуправленія можетъ дойти до правительства не иначе, какъ только по рассмотрѣніи и одобреніи ея представительствомъ мѣстнаго самоуправления, т. е. можетъ быть пушена въ ходъ только самимъ же этимъ представительствомъ. Слѣдовательно, дѣло процѣпанія и развитія мѣстнаго самоуправления поставлено въ тѣсную неразрывную связь съ составомъ тѣхъ или другихъ элементовъ, изъ которыхъ, по закону, должно слагаться и слагается самоуправленіе данной страны. Возможно сдѣлать подборъ такихъ элементовъ для состава представительства, при которомъ самоуправленіе сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ болота, гдѣ будетъ безслѣдно засасываться грязью и тонуть всякая благотворная мысль, всякое честное стремленіе на пользу общую.

Разсматривая наше законоположеніе о самоуправленіи, никакъ нельзя сказать, чтобы въ немъ особенно удачно были указаны элементы, годные для представительства. Будемъ говорить пока только о городскомъ самоуправленіи и притомъ, главнымъ образомъ, въ примѣненіи его къ столицѣ.

Изъ кого слагается представительство петербургскаго самоуправления? Изъ домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, купцовъ и вообще разнаго рода крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ. Могутъ ли всѣ эти лица, за исключеніемъ немногихъ, людей вполне развитыхъ и гуманныхъ, которыхъ въ петербургскомъ представительствѣ очень немного, принимать близко къ сердцу интересы остальнаго петербургскаго населенія и заботиться о нихъ съ непритворнымъ усердіемъ, когда ихъ личные интересы не имѣютъ ничего общаго съ интересами населенія, ими представляемаго? Ни для кого, напримѣръ, изъ нихъ придумываемые ими налоги не составляютъ личной тяготы. Домовладѣлецъ сейчасъ же перелагаетъ новый налогъ на своихъ жильцовъ, фабрикантъ, заводчикъ и т. д. — на покупателей ихъ продуктовъ, купецъ, торговецъ и т. д. — на покупателей ихъ товаровъ. Слѣдовательно, каждый городской налогъ падаетъ собственно на жильцовъ, на покупателей разныхъ продуктовъ и товаровъ, вообще на потребителей. А между тѣмъ, интересы этихъ оплачивающихъ всѣ городскіе налоги потребителей никакъ не представлены въ представительствѣ петербургскаго самоуправления. Положеніе, очевидно, ненормальное, которое никакъ нельзя уже назвать самоуправленіемъ. Скорѣе можно сказать, что законоположеніемъ о самоуправленіи все петербургское народонаселеніе раздѣлено на двѣ далеко не равныя части: одна — незначительнѣйшая часть населенія призвана къ постоянному управленію, другая, превосходящая ее въ нѣсколько разъ, поставлена въ постоянное ей подчиненіе. Ненормальность этого

положенія станетъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ, что большая часть тѣхъ, которымъ предоставлена закономъ привилегія состоять въ числѣ управляющихъ, не имѣютъ на это никакого права не только по своему умственному и вообще моральному цѣнзу, но даже и просто по имущественному цѣнзу. Какой-нибудь мелкій торговецъ или промышленникъ, у котораго всего собственнаго состоянія на два двугривенныхъ, заплативъ 1 р. или 2 р. за свое промысловое свидѣтельство, получаетъ уже черезъ то право засѣсть въ думу и управлять населеніемъ Петербурга—Петербургъ, средній классъ населенія котораго, лишенный права участвовать въ городскомъ представительствѣ, заключаетъ въ себѣ цѣвъ россійской интеллигенціи, находящейся или на службѣ въ разныхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, или занимающей разные свободными профессіями, интеллигенціи и имущественно, притомъ настолько состоятельной въ многихъ своихъ представителяхъ, что какіе нибудь мелкіе промышленники или торговцы могли бы быть у нихъ только развѣ въ лакеяхъ. Что касается до высоты умственнаго и вообще моральнаго уровня этихъ господъ, которымъ вѣдряется попеченіе не только о матеріальномъ, но отчасти моральномъ благосостояніи Петербурга—ибо думѣ предоставлены и заботы объ устройствѣ петербургскихъ начальныхъ школъ, и выборы мировыхъ судей—то низкаго такого уровня, я думаю, и найти еще гдѣ-нибудь трудно. Крестьяне стоятъ безконечно выше ихъ, потому что они хотя также безграмотны или малограмотны, но за то они не проходятъ той школы торговыхъ плутней и обмановъ, которую мелкіе торговцы и промышленники проходятъ съ самаго юнаго возраста. Школа эта такъ прочно развращаетъ человѣка, уничтожая въ немъ всякіе хорошіе инстинкты, что потомъ не возстановишь въ себѣ человѣческаго образа никакими многомилліонными капиталами. Степанъ Тарасевичъ Овсянниковъ остался бы, навѣрное, точно такимъ же, какимъ онъ образовался за прилавкомъ, если бы прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ и приобрѣлъ еще вдвое болѣе милліоновъ, чѣмъ имѣлъ. Крестьянскій мальчишъ, въ 9 или 11 лѣтъ поступающій за прилавокъ, черезъ десять лѣтъ пребыванія превращается уже не просто въ мужичка, а въ «христовъ мужичка», у котораго и все разумѣніе направлено и самый тѣлесный организмъ приспособленъ къ тому, какъ бы лучше *объелорить* покупателя. Понятно, какое вредное вліяніе, можетъ имѣть и имѣеть скопленіе подобныхъ элементовъ въ городскомъ представительствѣ. Прежде однакожъ, чѣмъ говорить объ этомъ, мы постараемся объяснить, какимъ образомъ такая фундаментальная ошибка могла быть допущена при проектированіи элементовъ представительства для петербургскаго городского самоуправленія.

Извѣстно, что дореформенная Россія раздѣлялась на двѣ неравныя части: податную, платящую всѣ подати, налоги, сборы, и привилегированную, освобожденную отъ всякихъ податей, налоговъ, сборовъ, которой предоставлено было распредѣлять ихъ

какъ въ пользованіе себѣ, такъ и на нужды государственныхъ и общественныхъ. Въ сельскомъ населеніи этотъ принципъ былъ проведенъ со всею строгостію. Тамъ крестьянинъ только платилъ, въ распоряженіи же этими деньгами не имѣлъ никакого участія. Въ городахъ этотъ принципъ нѣсколько смягчался, хотя платили здѣсь лица также податныя: мѣщанинъ, промышленникъ, купецъ. Но въ уваженіе того, что торговля и промышленность для своего развитія требуютъ нѣкоторой свободы, кромѣ того болѣе скорости въ теченіи дѣлъ по управленію и суду, наконецъ, въ лицахъ управляющихъ—близкаго знакомства съ дѣломъ торговымъ и промышленнымъ—городскимъ податнымъ плательщикамъ дано было имѣть собственное управленіе и судъ для своихъ дѣлъ. Такъ какъ купеческимъ и мѣщанскимъ городскимъ управленіямъ, существовавшимъ въ городахъ подъ именемъ ратушь и думъ, вмѣнено было въ обязанность заботиться объ удовлетвореніи вообще городскихъ общественныхъ потребностей—содержаніи города, общественныхъ учреждений, о чистотѣ города, освѣщеніи и т. п., то въ ихъ вѣдѣніе предоставлено было вообще все хозяйство города—собираніе поступающихъ въ пользу города всѣхъ доходовъ, расходваніе ихъ, а также изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ. Такимъ образомъ, вышеозначенный принципъ здѣсь настолько уже измѣнился, что привилегированное сословіе становилось нѣкоторымъ образомъ въ подчиненное положеніе податному. Въ городахъ, не только незначительныхъ, но и губернскихъ, въ дореформенное время это подчиненіе не могло чувствоваться привилегированными сословіями, потому что ратуши и думы были въ полномъ порабощеніи губернскихъ управленій и губернаторовъ, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда въ головы попадалъ какой-нибудь энергичный человѣкъ и начиналъ борьбу за свои права — но прочной пользы подобная борьба, конечно, приносить не могла. Всесильное губернскае начальство обыкновенно сживало безпокойнаго человѣка — и опять все возвращалось въ старую колею. Но въ столицахъ даже и тогда не могла не ощущаться власть думы. Столицы нельзя было не содержать въ образцовомъ порядкѣ, и, слѣдовательно, изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ, увеличеніе по возможности старыхъ, было первою заботою думы и каждое ея удачное изысканіе въ этомъ направленіи встрѣчалось вѣлжающимъ начальствомъ, конечно, съ большимъ удовольствіемъ и немедленно получало законную санкцію. Но эти вновь изысканные источники могли очень чувствительно бить по карману привилегированнаго сословія, которыхъ нѣсть числа въ Петербургѣ, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что они даже для огражденія только своихъ личныхъ интересовъ должны были стремиться принять участіе въ городскомъ управленіи. Еще въ 1832 году петербургское уѣздное дворянство на своемъ собраніи постановило выбирать своихъ представителей и ходатайствовало о допущеніи ихъ въ думу съ тою дѣлюю, чтобы «не входя въ распоря-

женія, касающіяся до купечества, они дѣйствовали бы вмѣстѣ съ городскимъ головою и другими уполномоченными отъ купечества въ наблюдениіи за оброчными статьями, вообще за всеми расходами и доходами».

Надобно сказать, что это ходатайство петербургскаго дворянства совершенно совпадало и съ видами правительства. Правительство давно уже чувствовало всю несостоятельность и ненормальность петербургскаго городского управленія, и съ самаго возникновенія въ двадцатыхъ годахъ мысли о необходимости составленія новаго городского положенія, стремилось къ тому, чтобы въ составъ городского управленія ввести и другіе элементы столицы кромѣ торгово-промышленнаго класса. Въ 1828 году и былъ составленъ комитетомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ петербургскаго городского положенія именно въ этомъ направленіи, на слѣдующихъ основаніяхъ. Проектъ этотъ въ понятіи *городскаго общества* вводилъ всѣ безъ исключенія сословія, потому, конечно, и дворянъ. Потому предполагалось высшую дирекцію (то, что нынѣ дума) для управленія дѣлами города устроить такимъ образомъ: пусть въ каждой части Петербурга всѣ обыватели, владѣющіе недвижимою собственностью не ниже 8,000 рублей или записанные въ одну изъ купеческихъ гильдій, выберутъ изъ среды себя по пяти человекъ изъ какаго угодно сословія съ тѣмъ только, чтобы избранные владѣли недвижимою собственностью не менѣе 20,000 руб. серебромъ. Собраніе этихъ депутатовъ отъ всѣхъ петербургскихъ частей и составитъ «высшую дирекцію городского управленія». Завѣдываніе же «постоянное и непрерывное городскими дѣлами» подѣ наблюденіемъ высшей дирекціи, проектъ вручаетъ «градской думѣ», члены которой изъ всѣхъ сословій избираются этой высшей дирекціей такимъ образомъ: «для замѣщенія должности предсѣдателя думы собраніе депутатовъ выбираетъ изъ дворянъ или «первостатейныхъ» купцовъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ предсѣдатель назначается уже Императоромъ; остальные члены думы въ количествѣ 10 человекъ избираются: двое изъ дворянъ или разночинцевъ «безсрочно», т. е. пожизненно; *восемь* на срокъ—на три или на одинъ годъ: изъ нихъ двое изъ дворянъ, *трое*—изъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, *трое* изъ мѣщанъ и цѣховъ; при этомъ одинъ изъ трехъ членовъ отъ купечества носитъ особое названіе «главы купечества» и занимаетъ въ думѣ первое по предсѣдательнѣ мѣсто».

Проектъ этотъ встрѣтилъ сильное возраженіе въ купечествѣ какъ московскомъ, такъ и петербургскомъ. Въ протестахъ своихъ противъ этого проекта и московскій и петербургскій головы говорятъ, что введеніе дворянскаго элемента въ городское управленіе есть посягательство на права, присвоенныя издавна «гражданамъ», т. е. купечеству, противное законамъ, ни для чего ненужное, даже вредное и т. п. Петербургскій же голова съ нѣсколькими представителями изъ купческаго сословія въ своемъ

протестъ, сверхъ того, присовокупляетъ, что во вновь проектированномъ составѣ думы, они видятъ «небывалое совокупленіе разнородныхъ и противоположныхъ сословій... букввальное кони-рование съ палаты депутатовъ во Франціи, совокупленіе, въ высшей мѣрѣ вредное у насъ, какъ по степени образованности исп-шихъ классовъ людей, такъ и потому, что дворяне возьмутъ въ этомъ случаѣ перевѣсъ и получатся «дворянское общество» или... *амаргія* (?) «несвойственная нашему народному духу». Вообще заключаетъ протестъ, «слѣпое подражаніе Франціи и Англіи указываетъ, что весь проектъ основанъ на одной теоріи».

Противъ проекта были сдѣланы возраженія и военными генералъ-губернаторами обѣихъ столицъ, которые увидѣли въ немъ только «нарушеніе законовъ».

Очень можетъ быть, что всѣ эти возраженія имѣли известную долю вліянія какъ на то, что проектъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ, такъ и на то, что ходатайство петербургскаго уѣзднаго дворянства о предоставленіи ему участія въ городскомъ управленіи, послѣдовавшее вскорѣ послѣ іюльской революціи во Франціи, не было уважено.

Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости введенія въ составъ петербургскаго городского управленія другихъ элементовъ, кромѣ торгово-промышленнаго, не умерла. Помимо всякихъ другихъ соображеній, самое теченіе дѣлъ въ городскихъ управленіяхъ постоянно давало чувствовать, что сюда необходимо ввести интеллигентный элементъ. Правительство думало было помочь дѣлу тѣмъ, что образовало во всѣхъ городахъ особыя комиссіи, въ составъ которыхъ входило и дворянство, для рассмотрѣнія городскихъ росписей и сметъ передъ поступленіемъ ихъ на рассмотрѣніе губернскихъ правленій. Но все это, конечно, не могло принести и не принесло никакой пользы дѣлу. Потому въ Городовомъ Положеніи Петербурга, составленномъ въ 1846 г., дворянство введено было прямо въ составъ городского управленія. Именно по этому Положенію дума слагалась изъ пяти сословныхъ отдѣленій: 1) потомственныхъ дворянъ; 2) личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ; 3) купцовъ; 4) мѣщанъ и 5) ремесленниковъ. Каждое изъ этихъ сословій выбирало изъ среды себя 150 человекъ (по проекту предполагалось maximum—150 человекъ, minimum—100 человекъ) въ гласные, изъ которыхъ и составлялась общая дума, заключавшая въ себѣ 750 членовъ. Подъ вѣдѣніемъ этой думы находится дума распорядительная, замѣняющая прежнюю шестигласную; она состоитъ, кромѣ городского головы, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предсѣдатель распорядительной думы, изъ 18 членовъ: одинъ изъ членовъ отъ короны, назначаемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, остальные 12 выборные, выбираемые въ эту должность вышеозначенными сословными отдѣленіями общей думы, но каждымъ порознь, и притомъ такъ, что первыя три изъ этихъ отдѣленій выбираютъ каждое по три

члена, сословія же мѣщанское и ремесленное—оба вмѣстѣ представляются только тремя гласными.

Едва было опубликовано «Городовое Положеніе Петербурга» 1846 года, какъ отъ купечества посыпались къ министру внутреннихъ дѣлъ протесты противъ него въ формѣ записокъ и прошеній. Наконецъ, нажатая петербургскимъ купечествомъ нарочитая депутація подала министру внутреннихъ дѣлъ прошеніе прямо о ходатайствѣ передъ Императоромъ возстановитъ «прежній порядокъ». Основаніе было то же, что и прежде. Купечество во введеніи въ городское управленіе дворянскаго элемента видѣло посягательство на свои права. Министръ пригласилъ депутатовъ къ себѣ для личныхъ объясненій. Послѣдствіемъ этого была новая записка, въ которой купечество въ сотый разъ повторяло прежнюю свою пѣсню, что «дворяне не входятъ въ составъ общества городскаго, что названіе гражданъ относится только къ торгово-промышленному населенію города», и т. д., и т. д. Министерство рѣшило эти заявленія купечества «имѣть въ виду при составленіи штатовъ и инструкцій». Но съ подобающею твердостью привело «Городовое Положеніе» 1846 года въ дѣйствіе.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, (см. «Книгу о самоуправленіи въ Россіи», Дитятива, Ярославль. 1877 г.), бывшимъ петербургскимъ генераль-губернаторомъ Игнатьевымъ возбуждено было сомнѣніе относительно этого положенія съ политической стороны. Въ своей запискѣ генераль-губернаторъ Игнатьевъ писалъ, что «ни одно государство не допускаетъ столь широкаго представительства (отъ 500 до 750 ч.) даже при конституціонныхъ правленіяхъ», что у насъ «самый быстрый и рѣзкій переходъ отъ административной централизаціи къ представительному самоуправленію, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ допускаемому, при минималъ направленіи умовъ, можетъ быть существенно вреденъ и несовмѣстимъ съ коренными началами самодержавнаго правленія. Съ повсемѣстнымъ предоставленіемъ городамъ имперіи представительнаго самоуправленія не будетъ никакого основанія отказать въ томъ же преимуществѣ всѣмъ другимъ сословіямъ и обществамъ, не принадлежащимъ къ составу городскихъ обывателей. Но неужели должно симъ *не власнымъ способомъ* водвориться въ государство представительное самоуправленіе?» Записка генераль-губернатора Игнатьева была передана на разсмотрѣніе комитета министровъ, который, разсмотрѣвъ изложенныя въ ней сомнѣнія относительно Городоваго Положенія 1846 года, «не нашель, однако, уважительныхъ причинъ къ пересмотру или измѣненію въ чемъ-либо главныхъ основаній Положенія 1846 года. Покойный государь, утвердивъ это положеніе комитета министровъ, дополнилъ его слѣдующей собственноручной резолюціей: «*не могу не согласиться съ мнѣніемъ генерала-адъютанта Игнатьева о неудобствѣ столь значительнаго числа гласныхъ*». Въротно, вслѣдствіе этого замѣчанія императора, генераль-губернаторъ Игнать-

евъ въ 1861 году возбуждѣлъ снова вопросъ о числѣ гласныхъ, заявляя, что «екатерининская общая дума, въ составъ которой гласные входили въ числѣ несравненно мѣньше, нежели сіе опредѣлено Положеніемъ 1846 года, только потому и была безвредна, что остается лишь мертвою буквою, а будь она живымъ учрежденіемъ, она принесла бы огромный вредъ, такъ какъ она, какъ и все городское положеніе 1785 года, была результатомъ «современныхъ увлеченій западными теоріями и нисколько не была согласна ни съ нашими народными нравами, ни съ нашими государственными установленіями». Хотя министръ внутреннихъ дѣлъ въ устраненіе опасенія, высказаннаго генераломъ Игнатьевымъ, и находилъ возможнымъ уменьшить число гласныхъ въ думѣ до 250 человекъ, но государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступило это дѣло въ 1861 году, въ виду нѣкоторыхъ вновь отрывшихся обстоятельствъ, «не бывшихъ въ виду при первоначальномъ представленіи дѣла Государю Императору», нашелъ возможнымъ представить ему о необходимости удержать установленный Городовымъ Положеніемъ minimum и maximum числа гласныхъ. Именно обнаружилось, что «въ теченіи 12 лѣтъ число гласныхъ въ общей думѣ достигло maximum'a въ 595 ч. (второе трехлѣтіе); 2) являлись они въ засѣданіе думы въ этотъ періодъ времени maximum въ количествѣ 285 ч.; 3) собиралась дума въ теченіи четырнадцати лѣтъ всего 17 разъ». Ясно, что большое число гласныхъ въ думѣ не представляло никакой опасности. Потому государственный совѣтъ заключилъ свое мнѣніе тѣмъ, что «генералъ-губернаторъ въ случаѣ «дознанной потребности» уменьшить число гласныхъ, всегда можетъ войти съ представленіемъ о томъ въ установленномъ порядкѣ». Несмотря на такое свое рѣшеніе, государственный совѣтъ въ слѣдующемъ году согласился, согласно представленію новаго министра внутреннихъ дѣлъ, уменьшить составъ гласныхъ въ общей думѣ до 250 ч., т. е. по пятидесяти отъ каждаго изъ пяти сословій городского населенія. Были сдѣланы и нѣкоторыя другія неважныя исправленія въ Положеніи 1846 г., но въ общемъ оно осталось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было издано первоначально, до самого изданія Новаго Городового Положенія 1870 года на началѣ самоуправленія.

Такимъ образомъ, составители нынѣ дѣйствующаго новаго Положенія имѣли передъ собою уже два прежнихъ образца Городового Положенія, изъ которыхъ одинъ не былъ въ дѣйстви, другой дѣйствовалъ въ продолженіи 24 лѣтъ. Оба прежнія Городовыя Положенія преслѣдовали одну и ту же цѣль: именно, старались ввести въ городское управленіе возможно большее число разнообразныхъ элементовъ, такъ чтобы это управленіе было по возможности представительствомъ всего населенія столицы; но дѣйствовали очень осторожно и даже робко для достиженія этой цѣли и потому далеко ея не достигали. Положеніе 1828 года, кромѣ торгово-промышленнаго сословія, объявляло открытымъ доступъ

въ городское управленіе столицы всѣмъ ея обывателямъ, безъ различія сословій, назначивъ мѣста для самыхъ выборовъ въ гласныя думы по частямъ города. Но при этомъ присовокупило, что въ число этихъ всѣхъ обывателей столицы могутъ попадать только тѣ, которые записаны въ одну изъ купеческихъ гильдій или владѣютъ недвижимою собственностію въ столицѣ цѣною для *активнаго* выбора не менѣе 8,000 руб. сер., а для *пассивнаго* не менѣе 20,000. Этимъ присовокупленіемъ въ дѣйствительности доступъ въ городское управленіе, открывался только самой незначительной части петербургскихъ домовладѣльцевъ. Положеніе 1846 года допустило, кромѣ торгово-промышленнаго сословія, въ городское управленіе потомственныхъ и личныхъ дворянъ и почетныхъ, хотя и подъ условіемъ, если они владѣютъ недвижимою собственностію въ столицѣ. Для активнаго права выбора положенъ ценъ въ 100 р. ежегоднаго дохода.

Новое Городовое Положеніе, дѣйствующее теперь, образовалось на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и прежнія. Право избранія въ немъ основывается, какъ и въ этихъ послѣднихъ, или на принадлежности къ торгово-промышленному сословію, или на владѣніи въ столицѣ недвижимою собственностію. Разница только та, что оно всѣхъ, принадлежащихъ къ торгово-промышленному сословію, разъ они имѣютъ какое бы то ни было свидѣтельство на торговлю и промыселъ, допускаетъ къ выборамъ, точно такъ же, какъ допускаетъ къ выборамъ и всѣхъ владѣльцевъ недвижимою собственностію, какъ бы она незначительна ни была, и къ какому бы они сословію ни принадлежали. Этимъ, конечно, значительно расширено право выборовъ для петербургскихъ домовладѣльцевъ и занимающихся торговлею и промыслами, но только исключительно для нихъ. Черезъ такое расширеніе избирательнаго права для торгово-промышленнаго сословія новое Городовое Положеніе сдѣлало большой шагъ назадъ противъ бывшаго Положенія 1846 года. Ибо какъ Положеніе 1846, такъ и Положеніе 1828 года стремились къ тому, чтобы въ составѣ городского управленія по возможности уравнивать элементъ торгово-промышленнаго сословія съ элементами другихъ сословій, такъ чтобы городское управленіе было дѣйствительно представительствомъ всего населенія столицы. Новое Городовое Положеніе, предоставивъ право выборовъ всѣмъ безъ исключенія лицамъ торгово-промышленнаго сословія, даже и тѣмъ, которые платятъ за свои промыслы свидѣтельства менѣе рубля въ годъ, изъ другихъ же сословій столицы допуская до выборовъ только тѣхъ, которые владѣютъ недвижимою собственностію—вмѣсто предполагавшагося петербургскаго самоуправленія, образовало почти что прежнее замкнутое торгово-промышленное сословіе, управляющееся избираемыми имъ самимъ изъ среды себя членами.

Что это дѣйствительно такъ, читатель можетъ убѣдиться наглядно изъ нижеслѣдующихъ, представляемыхъ мною свѣдѣній

о происходивших выборах въ гласные петербургской думы на 1877—1880 гг.

Всѣхъ избирателей было 20,522 человекъ. По Городовому Положенію, въ списокъ избирателей избиратели вносятся въ строгомъ порядкѣ размѣра платимыхъ ими въ доходъ города суммъ, дающихъ имъ право голоса на выборахъ, начиная съ избирателя, платящаго сумму значительнѣйшую всѣхъ другихъ. Потомъ лица, внесенныя въ этотъ списокъ, раздѣляются на три разряда: въ каждый разрядъ записывается по порядку списка, начиная съ его начала, такое количество лицъ, какое потребуется для того, чтобы сумма сборовъ, платимыхъ каждымъ изъ разрядовъ въ доходъ города, равнялась одной трети общей суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями. Такъ какъ эта общая сумма сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями, при выборахъ 1877—1880 гг. составила 1.878,670 р., то изъ избирателей оказалось пательщиковъ

по первому разряду....	240 чел.,	внесшихъ	626,293 р.
» второму » . . .	987 »	»	626,234 »
» третьему »	19,345 »	»	626,143 »
Итого по тремъ разрядамъ			
избирателей.....	20,522 »	»	1.878,870 »

Лица, внесенныя въ 1-й и 2-й разряды въ числѣ 1,177 чел., состоятъ владѣльцами недвижимыхъ имуществъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ числятся и въ купечествѣ.

Изъ 19,345 избирателей 3-го разряда, 6,614 избирателей владѣютъ недвижимыми имуществами или въ цѣломъ составѣ, или частями. Остальные 12,731 чел. не имѣютъ недвижимыхъ имуществъ, а уплачиваютъ въ доходъ города сборы единственно съ торговыхъ документовъ.

Въ числѣ избирателей 3-го разряда, которые платятъ сборовъ въ пользу города съ торговыхъ и промысловыхъ документовъ а также въ качествѣ совладѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, не болѣе 10 р. до рубля и даже менѣе рубля, считается:

По 10 р.	103 ч.
» 9 »	110 »
» 8 »	115 »
» 7 »	106 »
» 6 »	174 »
» 5 »	84 »
» 4 »	145 »
» 3 »	119 »
» 2 »	7,030 »
» 1 »	2,435 »
Менѣе рубля..	159 »

Итого... 10,580 »

Представьте себѣ, что всѣ 20,522 петербургскихъ избирателя собраны въ одно собраніе и имъ предоставлено по собственному усмотрѣнію выбрать все городское управленіе. На сторонѣ торгово-промышленнаго сословія, притомъ именно того, которое платитъ сборы въ пользу города отъ 10 р. до 1 р., и даже менѣе, окажется самое большое большинство и вся сила, такъ что оно по своей волѣ можетъ перевернуть Петербургъ какъ ему угодно, составивъ представительство городского управленія исключительно изъ своей среды, изъ тѣхъ христовыхъ мужичковъ, о которыхъ мы говорили выше; ибо по новому городскому положенію не полагается никакого различія между правомъ выбора активнымъ и пассивнымъ, и избиратель, получающій право на выборахъ только потому, что платить рубль и менѣе рубля за свое промысловое свидѣтельство, ео ірво можетъ быть и членомъ думы, и занимать всѣ должности по управленію. Понятно, что при подобномъ составѣ думы поставлены были бы въ опасность не только нравственные интересы — интересы просвѣщенія, правосудія и т. п., но даже и интересы матеріальнаго благосостоянія. Если подобная опасность отстранена отъ петербургскаго населенія, то чисто искусственно, именно тѣмъ только, что каждый изъ трехъ разрядовъ избирателей имѣетъ право избирать изъ своей среды только треть общаго числа гласныхъ, представляющихъ общій составъ думы. Два первые разряда избирателей, въ которыхъ сосредоточиваются болѣе интеллигентные элементы, хотя и служатъ представителями интересовъ только недвижимой собственности въ Петербургѣ, не имѣя ничего общаго съ остальнымъ его народонаселеніемъ, оказываютъ, однакожъ, и послѣднему немалую услугу тѣмъ, что спасаютъ его отъ полнаго развитія петербургскаго самоуправленія на новыхъ началахъ. Таково это самоуправленіе по качественному достоинству лицъ, въ него входящихъ.

По своему количественному составу оно заключаетъ въ себѣ только два класса петербургскаго населенія — петербургскихъ домовладѣльцевъ и торгово-промышленное сословіе — и даетъ представительство изъ этихъ только лицъ. А такъ какъ Петербургъ состоитъ изъ 670,000 жителей, то, исключивъ изъ этого числа 70,000 на иностранныхъ подданныхъ, на лицъ иногородныхъ, проживающихъ въ Петербургѣ временно, также находящихся подъ слѣдствіемъ, судомъ, немѣющихъ по городскому положенію права избирательства, затѣмъ положивъ 520,000 на дѣтей и вообще лицъ не достигшихъ 25 лѣтнаго возраста, и на женщины семейныхъ или живущихъ отдѣльно отъ мужей, но не могущихъ платить ничего въ доходъ города, мы все такъ найдемъ 80,000 ч., имѣющихъ право на участіе въ городскомъ самоуправленіи, изъ которыхъ этимъ правомъ пользуются только, какъ мы уже видѣли, 20,522 ч., остальные 60,000 человекъ лишены этого права, не имѣютъ за себя никакого представительства въ городскомъ управленіи. Развѣ можетъ быть названо самоуправленіемъ

такое управление, гдѣ три четверти гражданъ лишены права голоса въ выборѣ управленія? Такое управление слѣдуетъ называть скорѣе, выражаясь словами генерала Игнатѣева, самоуправніемъ одной четверти городского населенія надъ остальнымъ всѣмъ населеніемъ Петербурга!

Но Городовое Положеніе, при изложеніи мотивовъ, по которымъ оно нашло справедливымъ три четверти петербургскаго населенія лишить права самоуправленія, объясняется такимъ образомъ: «исходя изъ того правильнаго основанія, что городское благоустройство, составляющее главнѣйшій предметъ дѣятельности общественнаго управленія въ городѣ, можетъ поддерживаться и развиваться лишь съ помощью матеріальныхъ средствъ; средства же сіи образуются, независимо отъ доходовъ съ оброчныхъ статей и другихъ принадлежащихъ городу имуществъ, преимущественно посредствомъ уплачиваемыхъ жителями повинностей съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, съ торговъ и промысловъ, Городовое Положеніе» и допускаетъ, дескать, къ участію въ городскомъ управленіи—только владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, торговцевъ и промышленниковъ, которые, по купеческимъ свидѣтельствамъ, содержатъ въ городѣ торговныя или промышленныя заведенія, и наконецъ всѣхъ тѣхъ, которые берутъ приказчицы свидѣтельства и разнообразныя промыслы, хотя бы цѣнность этихъ свидѣтельствъ была даже ниже рубля.

Я не буду входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, насколько вѣрно представленіе, что тѣ матеріальныя средства, которыми поддерживается и развивается городское благоустройство, доставляются разношниками и тѣми мелкими промышленниками, которые уплачиваютъ за свое промысловое свидѣтельство по 1 р., по 2 р., а не тѣмъ классомъ жителей, который покупаетъ товары этихъ промышленниковъ. Это повело бы меня очень далеко. Замѣчу только мимоходомъ, что тотъ, кто платитъ за квартиру въ Петербургѣ среднюю цѣну—900 р. или 1,000 р., проживаетъ, конечно, не менѣе 5,400 р. или 6,000 р. и своими расходами окупаетъ полное годовое содержаніе, навѣрное, трехъ, а то пожалуй, и четырехъ мелкихъ промышленниковъ. Спрашивается: кто изъ этихъ лицъ доставляетъ матеріальныя средства для поддержанія и развитія благоустройства города, занимающій ли квартиру въ 900 р., 1,000 р. или живущіе его расходами мелкие промышленники? По моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первый. Городовое же Положеніе приписываетъ эту заслугу мелкимъ промышленникамъ и ихъ удостоиваетъ участія въ самоуправленіи, а того лишаетъ этого права. Все дѣло, значитъ, состоитъ въ томъ, кто лично вручаетъ думѣ рубль или два на ея расходы, а затѣмъ она не считаетъ нужнымъ обращать вниманіе на источники: откуда и какимъ образомъ онъ можетъ доставить ихъ въ Петербургъ. Но оставимъ препирательство и согласимся признать даже вѣрность этого взгляда. Спрашивается: кто къ шалъ составителямъ Городоваго Положенія всѣхъ жителей

Петербургу, не принадлежащихъ къ торгово-промышленному сословію въ Петербургѣ, не владѣющихъ здѣсь недвижимою собственностію, обложить однопроцентнымъ сборомъ съ суммъ, платимыхъ ими за квартиры, для того именно, чтобъ предоставить имъ право на участіе въ городскомъ самоуправленіи? Составителямъ Городоваго Положенія это необходимо было сдѣлать даже для того, чтобы была возможность составить, какъ было предположено, городское управленіе на началахъ самоуправления. — Развѣ возможно образовать самоуправленіе тамъ, гдѣ три четверти жителей исключаются изъ участія въ выборахъ? Затѣмъ они должны были сдѣлать это и во имя справедливости на основаніи тѣхъ же самыхъ мотивовъ, по которымъ они отстраняютъ необходимость допустить къ участію въ городскомъ самоуправленіи владѣльцевъ недвижимой собственности. Устранить домовладѣльцевъ, говорятъ они, отъ участія въ общественномъ устройствѣ «было бы во-1-хъ несправедливо, ибо они, не участвуя въ ходѣ общественныхъ дѣлъ и въ избраніи уполномоченныхъ представителей для распоряженія средствами города, несутъ большую часть тягостей на предметы городского благоустройства, поставленнаго нынѣ такимъ образомъ въ зависимость отъ лицъ, менѣ платящихъ и даже ничего не платящихъ въ пользу города; во-2-хъ вреднымъ для самихъ городскихъ обществъ, которыя, не имѣя въ своей средѣ достаточнаго числа образованныхъ людей, по неучастію въ общественномъ представительствѣ наиболее развитой части населенія, дѣйствуютъ безъ опредѣленной цѣли, системы и порядка, подъ различными вліяніями отдѣльныхъ лицъ». Тоже самое составители Городоваго Положенія усмотрѣли бы, если бы болѣе внимательно присмотрѣлись къ тѣмъ тремъ четвертямъ петербургскаго населенія, которыхъ они лишили права участія въ самоуправленіи. Они увидѣли бы, что большая часть членовъ этого населенія несетъ, хотя и involute, большую часть тягостей на городское благоустройство, и между тѣмъ поставлена въ зависимость отъ лицъ, которыя живутъ на его же деньги; и что большая часть этого населенія есть самая интеллигентная и развитая, и устраненіе ея отъ участія въ самоуправленіи приноситъ несомнѣнный вредъ городскому обществу. Наконецъ, однопроцентный налогъ съ квартиръ, занимаемыхъ, какъ мы предположили, 60,000 ч., лишенныхъ нынѣ права избирательства, значительно увеличилъ бы доходъ города, и уплачивался бы съ большимъ удовольствіемъ. Ибо гораздо выгоднѣе человѣку, занимающему квартиру въ 500, въ 1,000 р., уплатить налогъ въ пользу города въ 5 р., въ 10 р. и получить право отстаивать свои права лично или черезъ своихъ уполномоченныхъ въ городскомъ управленіи, чѣмъ оставаться беззащитнымъ и подвергаться разнымъ случайностямъ со стороны этого управленія, происходящимъ отъ недосмотра, бездѣйствія, злоупотребленій и т. д.

Теперь... вслѣдствіе такого важнаго недосмотра, допущеннаго

составителями Городоваго Положенія, дѣло поставлено такъ ясно, что если правительство не приметъ на себя само инициативы исправленія этого положенія, оно и исправлено быть не можетъ по тѣмъ полномочіямъ, которыя даны этимъ же самымъ положеніемъ думѣ. Я уже сказалъ выше, что всякая мысль о какихъ-нибудь переи́мкахъ или улучшеніяхъ въ существующемъ положеніи можетъ найдти доступъ къ правительству не иначе, какъ по одобренію ея и учрежденіи думой, иначе сказать — черезъ саму же думу. Но засѣвшіе адѣсь христовы мужички давно уже очень хорошо поняли выгоду своего положенія. Они уже не разъ являли кой-кому изъ мировыхъ судей, по повелю поставленія послѣдними неприя́тныхъ имъ приговоровъ, относительно ихъ односторонниковъ: «ты, дескать, такъ-то не суди, а то, возмужай, при слѣдующихъ выборахъ, изъ своей мировой лавочки выдѣнь вершокъ на палочкѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что они никогда не дадутъ пройти въ думѣ предложенію о томъ, что бы къ участію въ выборахъ были допущены и другіе элементы городского населенія, кромѣ нынѣ участвующихъ въ немъ владѣльцевъ недвижимаго собственности и торгово-промышленнаго сословія. Они очень хорошо знаютъ, что, съ вступленіемъ въ городское самоуправленіе этихъ элементовъ, ихъ значеніе и сила будутъ поставлены въ надлежащія размѣры, и они не будутъ имѣть никакой возможности дѣлать многое изъ того, что они jetzt могутъ дѣлать теперь.

Теперь они — сила въ думѣ и на дѣла городского управленія имѣютъ несомнѣнно гораздо большее вліяніе, чѣмъ прежде два разряда въ составѣ думы. Зависитъ это оттого, что послѣдніе два разряда тѣсно не связаны между собою, дѣйствуютъ въ одиночку, въ раздробъ, между тѣмъ какъ христовы мужички, удившіеся въ третью разрядъ, идутъ, какъ говорятъ о *мужикахъ на чужбинѣ, властохъ*; одинаковость ихъ интересовъ по промыслу, торговлѣ, иногда еще и при корпорационномъ устройствѣ, тѣсно сплавиваетъ ихъ для неослабнаго дружнаго дѣйствія въ достиженіи своихъ эгоистически-сословныхъ цѣлей, хотя бы это соединялось и со вредомъ для общаго интереса; при такомъ единудшіи, они умѣютъ прискивать себѣ способныхъ союзниковъ и въ лодкахъ интеллигентныхъ первыхъ двухъ разрядовъ, поддерживая ихъ на выборахъ въ разныя видныя должности, или въ гласные, не предоставленному Городовымъ Положеніемъ каждому изъ трехъ разрядовъ праву избирать для себя гласныхъ и изъ другихъ отдѣловъ.

Вотъ гдѣ корень зла петербургскаго городского управленія! Пока двумъ третямъ петербургскаго народонаселенія, лишаннымъ права участія въ городскихъ дѣлахъ, не будетъ предоставлено это право, до тѣхъ поръ петербургское городское управленіе будетъ оставаться всегда узко-сословнымъ съ неизбежными интригами, кумовствомъ, взяточничествомъ и скандалами!

Да, и со скандалами! Развѣ это не скандалъ, что дума въ одинъ

день рѣшаетъ взять водопроводы въ свое управленіе, а въ другой день, тѣ же ораторы, которые отстаивали эту мысль, приходятъ и говорятъ, что, сообразивъ то-то и то-то, что вчера имъ не пришло въ голову, они считаютъ за лучшее и т. д. совершенно противное? А отдача постройки конно-железныхъ дорогъ Губонину и Башмакову—развѣ это не цѣлая скандальная эпопея, которую способно было сочинить только именно то представительство, которое засѣдаетъ въ думѣ теперь, на началахъ новаго положенія, представительство изъ христовыхъ мужичковъ?

Можетъ ли подобное представительство быть внимательно къ общественнымъ интересамъ и охранять ихъ? Никогда. Бѣдному обывателю столицы, да, впрочемъ, и не бѣдному только, а и вообще обывателю, остается только терпѣть отъ разныхъ недосмотровъ, бездѣйствій, ослабленій и даже злоупотребленій городского управленія, не имѣя даже мѣста, куда бы онъ могъ принести на него жалобу, ибо единственное мѣсто, куда бы могла быть принесена жалоба, это — дума. Но корень всякаго зла, какъ я уже сказалъ, и есть именно въ думѣ, а далѣе и идти некуда, ибо относительно мѣстнаго городского управленія дума надѣлена все-сильными правами, яко бы представительница всего петербургскаго населенія.

Представлю нѣкоторые факты въ доказательство того, что весь корень зла въ думѣ.

7-го декабря 1877 года, въ засѣданіи думы, гласный Шауманъ заявилъ, что «общество петербургскихъ водопроводовъ снабжаетъ городъ въ послѣднее время недоброкачественною водою, въ которой попадаетъ даже тухлая рыба, что чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на здоровье жителей. Заявленіе это подтверждено и другими гласными, которые объяснили, что вода изъ водопроводовъ въ послѣднее время была мутная съ огромнымъ количествомъ осадковъ и до того дурная, что даже вода изъ Мойки оказалась лучше, а потому полагали, если городъ имѣетъ право, то подвергнуть за это общество водопроводовъ штрафу. Выслушавъ эти заявленія, дума постановила: сообщить о вышеизложенномъ городской управѣ для надлежащаго распоряженія».

Черезъ три съ половиной мѣсяца послѣ этого, именно въ засѣданіи думы 31-го марта 1878 года, гласный Биковъ, какъ депутатъ отъ города при обществѣ водопроводовъ въ 9-хъ незарѣчныхъ частяхъ, заявилъ, что «въ послѣднее время были жалобы, что вода, получаемая изъ этихъ водопроводовъ, не хороша до того, что ее пить невозможно». Причемъ онъ представилъ образцы воды, взятой имъ въ р. Невѣ у водопріемника водопроводовъ, въ базѣ водоподъемнаго зданія, въ р. Невѣ у Васильевскаго Острова, наконецъ, изъ водопровода въ зданіи думы — и только послѣдняя оказалась мутною, а первые образцы представляли одинаково чистую воду. — «Въ виду этого, гласный Шауманъ заявилъ, что такъ какъ по представленнымъ образцамъ видно, что мутная вода получается именно изъ трубъ общества водо-

проводовъ, такъ какъ въ Невѣ вода чистая, то еслибы городская управа, въ то время, когда вода оказалась мутною, согласно контракту, по истеченіи 24-хъ часовъ, оштрафовала бы общество, то ему было бы выгодноѣ, чѣмъ подвергнуться новому штрафу, принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы водопроводныя трубы были въ исправности, а потому предложилъ подвергнуть общество водопроводовъ штрафу за тѣ двѣ недѣли, въ которыя оно снабжало жителей столицы грязною водою. На это товарищъ городского головы заявилъ, что городская управа безотлагательно рассмотреть это дѣло, потому гласный Шауманъ просилъ, чтобы о результатѣ, къ которому придетъ управа, было доложено думѣ въ слѣдующемъ засѣданіи».

Но ни въ слѣдующемъ засѣданіи думы, ни въ послѣ слѣдующемъ, ни во всѣхъ до сихъ поръ слѣдующихъ засѣданіяхъ ничего думѣ управою докладываемо не было о томъ, какое сдѣлано управою распоряженіе по означенной небрежности общества водопроводовъ. Очевидно, что ничего не было сдѣлано. Петербургскіе обыватели въ оба раза попали въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ скверной, грязной, нездоровой и даже приправленной тухлой рыбой воды, тѣмъ дѣло и кончилось. Ни управа, ни дума не сочли нужнымъ произвести дознанія даже о томъ: какое количество обывателей, и въ теченіи какого времени пило вышеозначенную скверную воду? Очевидно, что ни думу, ни управу такіе пустые вопросы не занимаютъ. Кто въ этомъ виновать? Говорятъ: управа и въ данномъ случаѣ, товарищъ городского головы, Левъ Яковлевичъ Яковлевъ, который прямо общалъ безотлагательно рассмотреть это дѣло въ управѣ, и ничего не сдѣлалъ. Можетъ быть, отчасти и такъ. Но когда рѣчь идетъ объ обществѣ водопроводовъ, я не могу не относиться снисходительно къ Льву Яковлевичу. Онъ былъ управляющимъ правленія общества водопроводовъ, очевидно, приобрѣлъ любовь къ водопроводному дѣлу, влюбленъ въ него до-сихъ-поръ; потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ принимаетъ въ немъ родственное участіе. Но дума—это другое дѣло. Ей предоставлено верховное наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы законныя потребности петербургскаго населенія были удовлетворены. Она не должна спать, пока не узнаетъ, что жители той или другой мѣстности Петербурга, по чьей нибудь небрежности или злоупотребленію пившіе грязную и нездоровую воду, получили уже хорошую воду, и что тѣ, которые по небрежности или злоупотребленію были причиною того, что жителямъ доставлялась дурная и нездоровая вода—уже понесли законное наказаніе. Но въ томъ-то и дѣло, что у нынѣшней петербургской думы, вслѣдствіе ея узко-сословнаго состава, нѣтъ сердца, горячо бьющагося за общіе интересы всего петербургскаго населенія. Если бы въ думѣ имѣли представительство тѣ три четверти петербургскаго населенія, которые теперь лишены права избирательства, то навѣрное, ничего подобнаго быть не могло бы. Они настоятельно потребовали бы немедленнаго строгаго изслѣдованія дѣла, не-

медленнаго исправленія его и строгаго оштрафованія виновныхъ. Безъ этого, безъ присутствія представительства въ думѣ отъ тѣхъ, интересы которыхъ затрогиваются вслѣдствіе небрежности и злоупотребленія разныхъ лицъ управленія, всякія заботы думы объ искорененіи зла будутъ только формальныя и потому совершенно напрасныя. Зло будетъ оставаться по прежнему. Вотъ, напримѣръ, дума учредила трехъ особыхъ депутатовъ изъ среды своихъ гласныхъ для наблюденія за исправностію общества водопроводовъ, поставивъ одного изъ нихъ въ зарѣчныхъ частяхъ и двухъ въ девяти незаарѣчныхъ частяхъ, плата жалованья первому по 600 р. въ годъ, а двумъ послѣднимъ по 750 руб. въ годъ. Смѣемъ увѣрить думу, что эти траты ея совершенно напрасны. Все равно жители Петербурга будутъ пить мутную и грязную воду, приправленную даже тухлой рыбой, и дума этого будетъ или вовсе не знать, или будетъ и знать, но изъ этого знанія не будетъ выходить также никакихъ неприятныхъ результатовъ для общества водопроводовъ, какъ и теперь, до тѣхъ поръ, пока право участія въ управленіи не будетъ предоставлено всему петербургскому населенію.

Перехожу теперь къ самому важному факту *самоуправія* нынѣшняго петербургскаго управленія, изъ котораго я вижу, что въ этомъ управленіи нѣтъ ни стремленія, ни способности честно и разумно вести дѣло управленія—факту, ради котораго я и началъ писать нынѣшнее обозрѣніе—это увеличеніе тарифа на проѣздъ по петербургскимъ конно-желѣзнымъ дорогамъ втораго общества, т. е. губонинскаго, при взятіи которыхъ концессіи на это дѣло, произошло такъ много скандаловъ въ петербургской думѣ.

Спрашивается: что такое случилось? Почему оказалось нужнымъ увеличить для бѣднаго населенія Петербурга проѣздъ на конкахъ на 33% противъ существующаго, брать вмѣсто трехъ четыре копѣйки?—Почему? Потому что Губонинъ подалъ въ городскую управу прошеніе, что онъ несетъ убытки по содержанію конно-желѣзныхъ дорогъ, что если ему не надбавятъ по копѣйкѣ на каждую душу на имперіалѣ вагоновъ, и таковой же внутри вагоновъ, то онъ поставленъ будетъ въ необходимость отказаться отъ содержанія конно-желѣзныхъ дорогъ, ликвидировать свои дѣла, однимъ словомъ, объявить себя несостоятельнымъ. Какое ужасное въ самомъ дѣлѣ несчастіе! Губонинъ обанкротится, насъ будетъ возить по конно-желѣзнымъ дорогамъ не онъ уже, а какой-нибудь Петровъ, Ивановъ, Сидоровъ, а можетъ быть, и сама петербургская думская управа. Вѣдь это ужасно! Какая разнища! Одно дѣло—везетъ васъ Губонинъ, получившій дворянство за свои желѣзнодорожныя способности, другое дѣло—повезетъ васъ какой-нибудь Петровъ, Ивановъ, Сидоровъ, а то даже петербургская управа и дума, это уже совсѣмъ не то! Нѣтъ, какъ хотите, а надобно помочь Губонину во что бы то ни стало. Но какъ же помочь, какъ? вотъ вопросъ. Очень просто, помочь такъ, какъ онъ желаетъ и изъясняетъ въ своей

просьбѣ—наложить на каждаго проезжающаго по конно-желѣз-ной дорогѣ пассажира, гдѣ бы ни проезжалъ, на верку или внутри вагона одну копейку. Что такое копейка для самаго бѣднаго обывателя столицы? На нее онъ не прочтается, не одѣнется, не обуется, а между тѣмъ взятая съ обывателя ничтожная копейка и переданная Губонину произведетъ чудеса. Въ 1877 году проѣхало по конно-желѣзнымъ дорогамъ Губонина 26.189,276 человекъ, и онъ по старому тарифу, безъ прибавочной обывательской копейки, получилъ валового дохода 1.090,292 руб., съ прибавочною же обывательскою копейкою онъ имѣлъ бы 1.492,515 руб. Въ прошедшемъ году по конкамъ Губонина проѣхало уже не 26.000,000, а 30.000,000—съ прибавочною копейкою онъ получилъ бы уже 1,700,000 руб. Представьте себѣ, что дѣло такъ и впередъ пойдетъ, т. е. ежегодно число пассажировъ будетъ увеличиваться, положимъ, хоть на 3.000,000, а петербургскій пассажиръ-обыватель будетъ все приплачивать Губонину копейку до конца концессіи—а будетъ ли ей когда нибудь конецъ, Господь вѣдаетъ—какихъ чудесъ не натворитъ эта копейка. Вѣдь золотыхъ росыпей не нужно! И все это къ лучшему въ сѣмъ наилучшемъ изъ міровъ, все къ общему всѣхъ благосостоянію. Губонинъ, который жалуетъ теперь, что онъ раззоренъ, утѣшится; Петербургъ будетъ имѣть, какъ увѣряютъ дума и управа, наилучшія по комфорту и исправности въ мірѣ дороги, а обыватель петербургскій будетъ просто въ восторгѣ.

«А обывателю то—спросите вы—чѣмъ же восторгаться, переплативъ столько лишнихъ милліоновъ противу того расчета, на основаніи котораго только и была отдана постройка и эксплуатация конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ Губонину, а не оставлена въ рукахъ самого города?»

А то вы какъ думаете, читатель, ради кого же, ради чьихъ интересовъ сдѣлана надбавка въ пользу Губонина, если не ради обывателей? Да и гдѣ дума или управа малѣйшее сомнѣніе, что обывателю будетъ непріятна эта надбавка копейки, онъ и на жизнь не согласился бы на просьбу Губонина. Но онъ знаетъ, что обыватель петербургскій нетерпѣливъ, что онъ избалованъ вами, приученъ къ комфорту и удобствамъ—и вдругъ при ликвидаціи дѣлъ, въ случаѣ отказа Губонину, движеніе по конно-желѣзной дорогѣ остановится, тогда что онъ скажетъ, какъ будетъ недоволенъ городскимъ управленіемъ! Вотъ почему ни дума, ни управа не сочли нужнымъ даже спросить обывателя: согласенъ ли онъ на прибавку копейки, а взяли просто прибавили, въ полной увѣренности, что ему это будетъ пріятно, и даже срока для плати этой прибавки не нашли нужнымъ устанавливать, и опредѣлили ее навсегда, чтобы и на процѣтаніе дѣтей и внуковъ владѣльца дороги эта прибавочная обывательская копейка пошла. И все это онъ дѣлалъ единственно въ виду интересовъ обывателя.

А впрочемъ, чтобы не говорить голословно, пойдемъ-те лучше въ городскую управу и посмотримъ сами, какими мотивами вы-

нуждается управа подарить губонинскому обществу обывательскую копейку.

Въ первомъ засѣданіи управы по этому вопросу (5-го февраля 1878 г.) предсѣдатель ея, онъ же и городской голова, баронъ Павелъ Леопольдовичъ Корфъ, такъ непріязненно принимаетъ ходатайство губонинскаго общества объ увеличеніи тарифа, что ставить вопросъ: допускать-ли его даже до разсмотрѣнія управы? Только *единогласно утвердительный* отвѣтъ остальныхъ членовъ управы, также депутатовъ думы при конно-желѣзныхъ дорогахъ, присоветула Хартулари и наконецъ гласнаго думы Никитина, предварительно подробно разсматривавшаго это ходатайство, даютъ ходъ дѣлу. Затѣмъ, когда поставленъ былъ вопросъ о степени уважительности ходатайства, то предсѣдатель опять отвѣтилъ, что онъ не считаетъ его заслуживающимъ уваженія, потому что увеличеніе тарифа есть во всякомъ случаѣ налогъ, который ляжетъ тяжелымъ бременемъ на бѣднѣйшихъ жителей столицы и принатіе котораго управою вызоветъ страстное противодѣйствіе въ членахъ думы (*вотъ не отадалъ-то!*); а кромѣ того, говоритъ предсѣдатель, если и допустить, что общество дѣйствительно затратило капиталъ въ 5.000,000 рублей, то оно получило и получаетъ уже чистаго дохода 200,000 рублей — это составляетъ 4 процента на капиталъ. Чего-жь ему надо? Больше нельзя и требовать для новаго дѣла, пройдетъ нѣсколько времени, доходность его будетъ все болѣе увеличиваться... Но остальные всѣ, т. е. члены управы, депутаты и Хартулари съ Никитинимъ заявили, что «дѣло это надобно рѣшить объективно, не соображаясь съ личными взглядами, направленною ораторовъ въ думѣ, а соображаясь лишь съ интересами дѣла и обывателей, для которыхъ врядъ ли будетъ отяготительнѣе увеличеніе тарифа на 1 копейку, если нынѣшній тарифъ заведомо не возможенъ, тѣмъ непрерывные беспорядки и остановки движенія, неизбѣжны какъ при нынѣшнемъ финансовомъ положеніи дѣла, такъ и при ликвидацин дѣлъ общества», что, «публика на столько свылглась съ конно-желѣзными путями, что при обсужденіи настоящаго дѣла, нельзя руководствоваться исключительно принципіальными отвлеченными соображеніями объ уважительности или неуважительности ходатайства общества конно-желѣзныхъ дорогъ, а необходимо предусмотрѣть тѣ практическія послѣдствія, которыя произойдутъ отъ пріостановки движенія въ промежутокъ времени болѣе или менѣе продолжительный, который понадобится для урегулированія дѣла на новыхъ началахъ», — и когда поставленъ былъ вопросъ: заслуживаетъ ли уваженія ходатайство губонинскаго общества и слѣдуетъ ли поддерживать его дарованіемъ какихъ-нибудь льготъ, — отвѣтъ послѣдовалъ опять *единогласно утвердительный*. Въ засѣданіи 16-го февраля шелъ вопросъ объ увеличеніи тарифа, и когда предсѣдатель предложилъ ограничиться дробленіемъ длинныхъ линий дорогъ на участки со взиманіемъ платы по существующему тари-

фу, то остальными присутствующими въ засѣданіи было высказано, что такой льготы будетъ не достаточно обществу не только на уплату по облигаціямъ, но и на ремонтъ вагоновъ, путей, что «въ случаѣ неудовлетворенія ходатайства движеніе по необходимости будетъ прекращено, что обыватели, какъ слѣдуетъ ожидать, сочтутъ для себя лучшимъ приплачивать за проѣздъ копейку, чѣмъ лишиться уже привычнаго для нихъ дешеваго и удобнаго передвиженія». И потому, во имя обывателя, опять рѣшено—тарифъ увеличить. Въ засѣданіи 23-го февраля идетъ вопросъ о томъ, увеличить ли тарифъ на всѣ линіи или на нѣкоторые, и предсѣдатель предлагаетъ увеличить даже до 30 к., но лишь по длиннымъ дачнымъ линіямъ, по которымъ проѣзжаютъ лица болѣе или менѣе состоятельныя, на другихъ же оставить прежній тарифъ. Ему говорятъ, что такое увеличеніе дастъ не болѣе 100,000 р. Предсѣдатель отвѣчаетъ: ну, что же, этого и довольно пока для удовлетворенія кредиторовъ, а потомъ общество само оправится. А еслибы оно и ликвидировало свои дѣла, отъ этого потери большой не будетъ. Послѣ ликвидаціи дѣло будетъ восстановлено, но уже на болѣе твердой почвѣ. На это опять остальные члены отвѣчаютъ, «что безъ увеличенія вообще тарифа по всѣмъ линіямъ, общество непременно ликвидируетъ свои дѣла, что тогда городъ останется безъ дорогъ на годъ или на два, что ликвидація, кромѣ ропота и нареваній публики, принесетъ громадныя убытки обывателямъ, лишивъ ихъ единственнаго дешеваго сообщенія». Затѣмъ десятью голосами противъ трехъ принимается не частное увеличеніе тарифа только по дачнымъ линіямъ, а общее по всѣмъ линіямъ. И такъ видите: вездѣ обыватель, все для обывателя, самъ онъ виноватъ въ томъ, что на него навалили такой громадной налогъ!!

Да извинить насъ почтенная петербургская управа, а подобное разсмотрѣніе такого серьезнаго дѣла, какъ ежегодный налогъ въ 400,000 руб. на петербургское населеніе, я не могу назвать иначе, какъ недостойнымъ, положительно компрометирующимъ ее, шутловствомъ.

Конно-железная дорога губонинскаго, т. е. втораго общества, не бездоходная какая-нибудь и не безнадѣжная къ увеличенію дохода на будущее время. Съ перваго раза, по нѣсколькимъ годамъ, видно, что это, какъ я сказалъ выше, золотая россыпь. Въ самомъ дѣлѣ, за 1877 годъ она дала валоваго дохода 1.090,292 р. Раздѣливъ эту сумму на количество верстъ (84), мы получимъ 13,006 р. на версту. Верста даетъ 13,006 руб. валоваго дохода! Посчитайте, много ли у насъ железныхъ дорогъ, которыя даютъ по столько валоваго дохода. Дорога считается уже очень хорошею, если валовый доходъ съ версты получается въ 8—10 тысячъ рублей! Но это не все: дорога эта имѣеть, очевидно, блестящую будущность. Въ 1877 году, когда она дала болѣе миліона дохода, число пассажировъ простиралось только до 26-ти с лишнимъ милліоновъ. Въ прошедшемъ году число пассажировъ

возрасло уже до 30-ти милліоновъ. Развѣ такія дороги могутъ нуждаться въ сторонней помощи?

Разъ общество губонинской конки вошло съ ходатайствомъ объ увеличеніи тарифа, угрожая въ противномъ случаѣ ликвидировать свои дѣла, управѣ слѣдовало немедленно составить особую комиссію, преимущественно изъ знающихъ дѣло инженеровъ и экспертовъ по разнымъ частямъ конно-железнодорожнаго хозяйства, для оцѣнки затратъ, сдѣланныхъ обществомъ на постройку дорогъ, на подвижной составъ, на эксплуатацію, потомъ ей же поручить сдѣлать примѣрную смету: во что можетъ обойтись эксплуатация версты дороги? Еслибы оказалось, что на одну только эксплуатацію версты дороги требуется дѣйствительно 18,000 р., т. е. весь доходъ, получаемый на версту, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало всѣ сдѣланныя комиссіей исчисленія расходовъ на постройку дороги и проч., а также смету по эксплуатаціи, напечатать въ газетахъ, пригласить: не пожелаетъ ли кто-нибудь взять въ свое управленіе дорогу на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ вкладѣетъ ея общество. Очень возможно, что въ виду будущихъ благъ, весьма возможныхъ, если число пассажировъ будетъ возрастать такъ же, какъ оно возрастаетъ теперь, и нашлись бы желающіе взять дорогу. Еслибы охотниковъ не нашлось, а сама управа нашла бы неудобнымъ взять дорогу въ свое управленіе, тогда можно бы было подумать уже и о пособіи обществу; но надобно было бы при этомъ подумать еще болѣе о томъ: какъ лучше оказать это пособіе, черезъ налогъ ли на обывателя-пассажира или замкообразно помогая обществу изъ городскихъ доходовъ въ погашеніи его долга, а могли бы, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи и изученіи дѣла, представиться и какія-нибудь другія комбинаціи, при помощи которыхъ можно было бы уладить дѣло къ общему удовольствію. Вообще къ увеличенію тарифа позволительно было бы прибѣгнуть только тогда, когда не оказалось бы никакихъ болѣе способовъ поддержать дѣло — но и то надобно было ограничить его извѣстнымъ числомъ лѣтъ, а потомъ предварительно изучить — на какихъ линіяхъ скоплено болѣе рабочаго и бѣднаго люда, и эти линіи отъ увеличенія тарифа во всякомъ случаѣ взять, хотя бы для этого привелось на другихъ линіяхъ увеличить тарифъ болѣе, чѣмъ на одну копейку.

Не изучивъ же серіозно дѣла во всѣхъ его подробностяхъ чрезъ людей знающихъ, не сдѣлавъ затѣмъ никакихъ попытокъ къ улаженію его другимъ способомъ, безъ отягощенія населенія, прибѣгать прямо къ такому громадному налогу, падающему главнымъ образомъ на самое бѣдное населеніе столицы, и все это только на томъ основаніи: что «публика привыкла къ желѣзнымъ дорогамъ, что будетъ роптать и жаловаться, если движеніе обновится, что она съ удовольствіемъ приплатитъ учреждаемый нами налогъ», (а почему вы все это знаете? вѣдь съ публикой не разговаривали!) это значить не заниматься дѣломъ, а забавляться имъ, играть въ либерализмъ.

Забавнѣ всего то, что управа, обязанная отстаивать интересы города по конно-железнодорожной дороге, говорит и дѣлаетъ такъ, что точно она находится въ услуженіи у общества конно-железныхъ дорогъ—само собою разумѣется, это дѣлается ненамѣренно, но получается такое впечатлѣніе. Во-первыхъ, все, что предлагается на пользу общества, принимается въ управѣ всѣми, какъ уже замѣтилъ вѣроятно и читатель, единогласно; во-2-хъ, обществу, объявляющему себя *несостоятельнымъ*, управа предлагаетъ выстроить и еще 20 верстъ конно-железныхъ дорогъ въ Петербургѣ, съ правомъ выпустить *опять* облигаціи; въ-3-хъ тому же обществу, объявляющему, что, для эксплуатаціи версты дороги, ему требуется доходъ около 15,000 р., управа предлагаетъ проводить вторые рельсы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ валовой сборъ съ версты дойдетъ до 15,000 р.; вѣроятно, управѣ хочется еще увеличить въ послѣдствіи налогъ въ пользу общества! въ-4-хъ, общество въ благодарность за налогъ, за дозволеніе въ зимнее время закрывать гдѣ оно призываетъ для себя нужнымъ, движеніе по конно-железнодорожнѣ, а вмѣсто этого употребляетъ сани, наконецъ, за закрытіе четырехъ мало доходныхъ линій — за всё, говорю, эти, по истинѣ, великія милости, соглашается увеличить платимый имъ доходъ въ пользу города. Управа отказывается. «Помилуйте, говоритъ, мы благородные люди и лишние дарамы не торгуемъ». Удивительные члены! Я сначала подумалъ, что не набраны ли въ управу члены изъ тѣхъ, которые участвуютъ въ петербургскомъ самоуправленіи по платежу за промышленныя свидѣтельства, въ два, три рубля и которые въ разумнѣйшій дѣлъ не особенно далеки. Заглянулъ въ списокъ гласныхъ. Куда! Оказалось, кромѣ, кажется, двухъ 2-й гильдіи купцовъ (и то изъ депутатовъ при конно-железныхъ дорогахъ) все чиншники—дѣйствительные статскіе, просто статскіе совѣтники и такъ далѣе; ниже капитанскаго чина нѣтъ.

Теперь я долженъ былъ бы васъ повести въ думу и показать, какъ тамъ дебатировался вопросъ объ увеличеніи тарифа на проѣздъ по конкѣ; ибо и цѣль-то моя была собственно дума, которую я считалъ корнемъ всякаго зла по петербургскому управленію. Но по неизмѣннѣ времени и мѣста, я по необходимости долженъ оставить васъ на распутии, не доведя до конца, и отложить бесѣду о думѣ до другого раза.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1879 Г.

(По общей нумерации тома ССXLIV).

СТРАИ.

Май № 5.

ЧЕРНАЯ РАБОТА. Г. Иванова.	5
ИЗЪ ЛАВКИ. Дубова.	61
ЗАЛОМЪ. (Народное повѣріе). (Стихотвореніе). А. Яхонтова.	89
ТРЕХСОТЛѢТНІЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССИЕЮ И АНГЛІЕЮ. Статья вторая. (1553—1853). Е. Карновича.	91
МАКАРЪ. (Очеркъ таѣжной жизни). Л. Пантелѣва.	151
МИРАВО-ОТЕЦЪ. (Очерки французскаго общества XVIII вѣка). (Окончаніе). А. П.	179
СТАРЧЕСКОЕ ГОРЕ ИЛИ НЕПРЕДВИДѢННЫЯ ПОСЛѢД- СТВІЯ ЗАБЛУЖДЕНІЙ УМА. Разсказь. Н. Щедрина.	213
ВЪ ТЮРЪМѢ. Романъ Марка Голпа. Часть первая. (Прило- женіе въ концѣ книги. (Стр. 113—176).	

Іюнь № 6.

НЕСОБРАВШЕСЯ ДРОЖЖИ. (Разсказь). И. Салова.	257
НА ВЫСОТЪ И НА ДОЛЪ. (Изъ сказаній XVII столѣтія).	355
✱ КОРЕННАЯ НУЖДА НА СѢВЕРѢ И ПРИНЦИПЪ ГОСУ- ДАРСТВЕННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ	427
ПАНФИЛЪ ПАНФИЛОВЪ. Очеркъ. П. Волохова.	483

- ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ. (Нѣсколько отвѣтовъ на запросы ученыхъ и неученыхъ людей, изъ дневника наблюдателя). 506
- ВЪ ТЮРЬМѢ. Романъ Мариа Гонна. Часть вторая. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 177—224).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

- ЮРИСТЫ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. П. Дрошина 1
- МЕТАФИЗИКА, ПОЗИТИВИЗМЪ И НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ. 26
- ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Сенатскія пренія о возвращеніи палаты въ Парижъ.—Оппозиція лѣваго центра подъ вліяніемъ правыхъ.—Комиссія и министры.—Рѣчи Толена и Виктора Гюго.—Докладъ Лабурэ.—Засѣданіе 1-го апрѣля и отсрочка рѣшенія вопроса.—Комитетъ Шенлона и клерикальныя петиціи.—Протесты епископовъ.—Министръ исповѣданій и гренобльскій епископъ.—Рѣчь министра народнаго просвѣщенія въ Сорбоннѣ.—Парламентскія вакаціи.—Осужденія радикальныхъ газетъ.—Амнистія и амнистированные.—Частныя выборы 6—20-го апрѣля.—Бланки, Годдель Нель.—II. Вступленіе Ренана въ академію.—Его эквилибристическая вступительная рѣчь и его тирада противъ Германіи.—Возобновленіе «Рюи Блаза» Виктора Гюго, на сценѣ театра французской комедіи; натурализмъ и романтизмъ.—«Маркизь Бенелись» Ломона въ Одеонѣ.—Графиня Монсоро на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ Воротъ и два слова о реализмѣ въ исторической драмѣ.—Новыя фарсы: «Les Taradeux» Гондине на сценѣ театра Водевилья.—«La petite Mademoiselle», Леккока, на сценѣ театра «Renaissance».—Концерты.—Некрологи Кутюра и Вильмесана.—«Реальное обозрѣніе» и Золѣ-политикъ. Людовика. 51
- НОВЫЯ КНИГИ. Вертольдъ Ауэрбахъ. Ландолинъ изъ Рейтерсгофа.—Библиотека западной полосы Россіи.—Смута. Гр. Голеннищева-Кутузова.—Живописная Россія.—Этюды о Мольерѣ. Тартюфъ. Алексѣя Веселовскаго.—Южное славянство Турціи и соперничество европейскыхъ

- правительство на Балканскомъ полуостровѣ. Л. Добрава.—I. В. Алферьевъ. Въ царствѣ мертвыхъ. 79
- КАБАЛА ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.** (Экономическій опытъ). В. Трирегова. 100
- ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Извѣстіе «Петербургскихъ Вѣдомостей» о предстоящей *снова* реформѣ духовныхъ училищъ. — Стремленіе сократить *количество* обучающихся въ университетахъ ради *качественнаго* возвышенія послѣднихъ.—Существо предположенной новой реформы духовныхъ училищъ.—Первоначальные уставы духовныхъ училищъ.—Послѣдующія въ нихъ прибавки.—Несостоятельность большинства нашего духовенства оплачивать воспитаніе своихъ дѣтей и потому невозможность поднять духовныя училища, если цѣль ихъ останется прежняя—воспитаніе *снова* дѣтей духовенства.—Не лучше ли было бы всѣ духовныя семинаріи преобразовать въ существующія иныя земскія семинаріи для образованія народныхъ учителей и черезъ эти семинаріи привлекать въ духовное званіе преимущественно дѣтей крестьянъ? 119

Іюнь № 6.

- СУДЬБА РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ЗА УРАЛЬ.** И. Ядринцева 141
- ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.** I. Позитивизмъ и Литтре.—Исслѣдованія о будущемъ распредѣленіи національностей.—Четыре главныя будущія группы человечества: Англо-Саксы, Китайцы, Русскіе и Испанцы.—Португальская, Итальянская и Французская группы.—Ограниченіе Германской расы.—Роль Алжиринъ въ будущемъ развитіи Франціи.—Водвореніе въ ней гражданскаго управленія.—Будущее Сахары.—Банкетъ въ память освобожденія отъ рабства негровъ.—Рѣчь Виктора Гюго.—II. Парламентъ 1877 года и собраніе 1871 г.—Статья Литтре.—Непостоянство всеобщаго голосованія.—Позитивистское порицаніе непримиримыхъ.—Необходимость сохраненія за республикой консервативнаго характера.—Министерство поколебленное и поддержанное.—Путешествіе Гамбетты.—Программа Клемансо.—Докладъ Анатоля де-ла-Форжа о свободѣ печати.—Разногласіе по поводу 7-й статьи законопроекта Ферри.—Мирное возвращеніе палатъ.—Невинныя

интерпелляціи Шенлона и Гаварди. — Программа Луи Блана. — Осужденіе эскаго архіепископа. — Антигерикальское заявленіе министра исповѣданій и новый законопроектъ Ферри. — Вопросъ о преслѣдованіи Поли де-Касаньяка. — III. Открытіе художественной выставки 1879 г. — Скульптурный отдѣлъ: Сара Бернаръ, Польде-Винь, Мерсье, Крауссъ, Антокольскій и т. д. — Импрессионисты и независимые. — Портреты Вастьена Лепана, Каролюса Дюрана и Бонна. — Картины Семирадскаго, Хальмонскаго и другихъ. — Леху. — Театральныя новости и «Искра» Пайльерона. — Скандалъ по поводу вступленія Анри Мартена въ академію. Людовика. 161

НОВЫЯ КНИГИ. Письма изъ Болгаріи. Евг. Утина. — Н. А. Лейкинъ. Шуты гороховые. — Н. А. Лейкинъ. Неупывающіе Россіяне. — Н. А. Лейкинъ. Наши забавники. — Путевыя письма, повѣсти, рассказы и наброски. А. Н. Молчанова. — Первые три года жизни ребенка. М. Пेत्रиковой. — Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь? Д. А. Хвольсона. — Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Н. Карѣва. 187

ДВА ЗЕМСКІЯ СТАТИСТИЧЕСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ: херсонское бюро и черниговское отдѣленіе при губернскихъ управахъ. Ивана Геромовича. 207

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢЛА. Михаила Чепцова. 242

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ходатайство донскихъ казаковъ объ освобожденіи ихъ отъ самоуправленія. — Составъ петербургскаго самоуправленія. — Историческое его развитіе. — Нынѣ дѣйствующее городовое положеніе. — Количество лицъ, пользующихся правомъ избирательства въ Петербургѣ. — Чисто почти сословный характеръ петербургскаго самоуправленія. — Устраненіе отъ участія въ немъ трехъ четвертей петербургскаго населенія. — Вредъ, претерпѣваемый городомъ отъ подобнаго представительства. — Нѣсколько фактовъ бездѣйствія и безопасности думы о снабженіи жителей хорошею водою. — Увеличеніе тарифа на конно-железныя дороги. — Засѣданіе по этому вопросу петербургской городской управы и легкое отношеніе ея къ такому важному вопросу. 255

